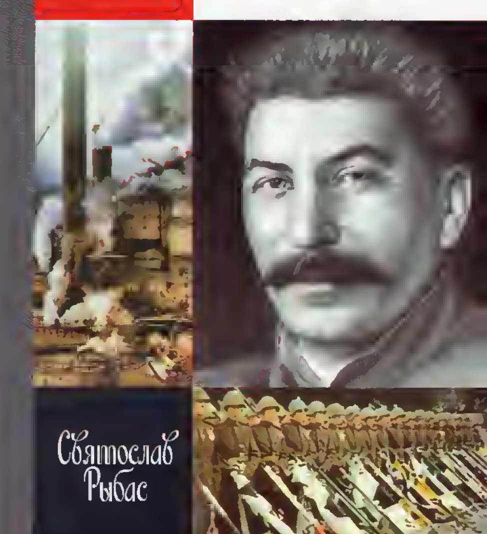
СТАЛИН

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

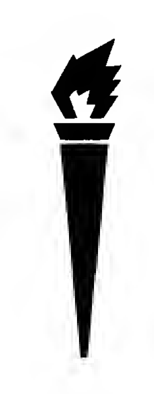

Жизнь замечательных людей®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1390

(1190)

Святослав Рыбас

СТАЛИН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2009

УДК 94(47+57)(092)"19"
ББК 63.3(2)6-8Сталин
Р 93

*Автор благодарит Ларису Владимировну Тараканову,
Екатерину Святославовну Рыбас, Валентина Федоровича Юркина,
Филиппа Денисовича Бобкова, Юрия Николаевича Киклевича (1934—2009),
Артема Федоровича (1922—2008) и Рубена Артемовича Сергеевых,
Лео Антоновича Бокерия, Александра Леонидовича Рыбаса,
Виктора Антоновича Садовничега, Александра Александровича Алтунина,
Федора Филипповича Трушина, Игоря Юрьевича Юргенса,
Владимира Геаргиевича Лунева, Виктора Васильевича Федорова,
Василия Ивановича Волковского*

ISBN 978-5-235-03281-1

*Автор посвящает книгу
поколению, которое прошло
войны, славу и страдания,
и в частности —
Юрию Михайловичу Рыбасу,
Елене Филипповне Таракановой,
Ларисе Витальевне Рыбас,
Тарасу Михайловичу Рыбасу,
Надежде Михайловне Киклевич,
Николаю Антоновичу Киклевичу,
Виталию Ивановичу Григорьеву,
Александре Павловне Рыбас,
Михаилу Ипполитовичу Рыбасу,
Надежде Ивановне Григорьевой,
Ивану Лукьяновичу Зинченко,
а также внукам Ульяне
и Тимофею*

ИОСИФ СТАЛИН КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП РОССИЙСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Почему Россия именно такая, какая она есть? Почему именно Сталин возглавлял ее?

Главное обстоятельство, веками определявшее ход тысячелетнего государственного строительства, — это климатические и почвенные особенности территории. Тяжелые природные условия и, как следствие, — низкая производительность сельского хозяйства обусловили бедность русского населения и ограниченные материальные ресурсы власти. Западная Европа имела гораздо больше возможностей для накопления капитала, что в первую очередь повлияло на ее жизнеустройство.

Если в России сельскохозяйственный цикл ограничивался пятью месяцами (125—130 рабочих дней), то в Европе он почти в два раза больше и урожайность гораздо выше. Русское население изначально находилось, образно говоря, в сыром и темном подвале, а на светлых этажах здания жили западноевропейцы.

И то, что русские создали единое сильное государство, — это труднообъяснимый феномен. «Природа... предназначила России быть раздробленной страной, составленной из множества независимых самоуправляющихся общностей»[1]. Например, к концу XIX века «хорошая германская ферма» получала более одной тонны зерновых с акра земли, в России же урожай был в четыре раза меньше.

Важнейший ресурс Руси и России — трагическое, сверхмерное напряжение многих поколений людей, которое должно было перекрыть пропасть между потребностью государства в выживании и возможностями, которые дала природа. Поэтому Россия практически всегда была военной структурой, ее режим был мобилизационным, на демократическое согласование интересов элиты лишних средств не имелось. На протяжении сотни лет главной задачей власти была мобилизация народа на достижение целей, добиться которых в нормальной практике просто невозможно.

Непрерывно защищаясь от угроз с Запада и Юга, русские вынужденно выбрали соответствующую политическую традицию. Если на Западе фундаментом общества являлись договорные отношения внутри элиты, регулировавшие права на собственность и защиту королевских подданных законом, то в России сложился порядок, при котором скудные ресурсы не могли быть разделены между собственниками и отдавались исключительно в распоряжение высшего руководителя. Не случайно в российской государственной идеологии главным была идея жертвенного служения Отечеству, а в православии, в отличие от католицизма, где подразумеваются договорные отношения с Богом, доминирующим понятием является любовь и милость Господа. Поэтому Россия всегда была отчасти мистическим государством с особым культурным кодом.

Провалы политики Николая II, Горбачева и Ельцина, пытавшихся резко сменить механизм власти, произошли потому, что они не понимали этого кода и ожидали, что быстрая демократизация отношений власти и элит сделает Россию подобной Америке или Великобритании. Но как только элиты получали власть, страна начинала расползаться.

Можно ли назвать случайностью и проявлением злой воли великих князей, царей и императоров их многовековую борьбу с собственной политической элитой за укрепление единства государства? В истории бывают разного рода случайности, но длящейся тысячу лет случайности быть не может.

Россия никогда не была единой. В ней существовало по меньшей мере три России: одна воевала с внешними врагами и администрировала, вторая кормила государство, третья постоянно уходила из-под нестерпимого давления власти и бунтовала.

В культурном и даже религиозном плане это тоже были разные общности. К началу XX века европеизированное петербургское ядро имело мало общего с наследниками простонародной Руси, которая в свою очередь разделялась на приверженцев канонического православия и магического православия, веривших одновременно в Христа, русалок и леших, а также на «красные» и «черные сотни». Эти группы, однако, были объединены фигурой царя, «помазанника Божьего», высшего государственного и духовного руководителя государства.

В начале XX века впервые в истории России власть предприняла попытку изменить режим развития с мобилизационного на демократический, что привело страну к катастрофе. И тогда культурные и мировоззренческие противоречия различных групп русского населения стали топливом Гражданской войны и смуты. Монарх вместе с семьей был убит, поли-

тические элиты разгромлены, петербургское ядро, носитель имперской культуры, рассеяно.

Дальше произошло невероятное: точно так же, как и после Смуты 1612 года, российское государство под флагом Советского Союза было восстановлено. Руководителем этого процесса стал И. В. Сталин. Он воссоздал прежний, эллинистический тип государства (политическая власть и собственность неразрывно связаны и управляются автократически). Россия при нем в мобилизационном режиме провела поразительную по результативности модернизацию и стала второй державой мира. Его жестокость, подозрительность и другие мрачные черты вторичны по отношению к историческим обстоятельствам. Он повторил то, что до него сделали Иван III, Иван Грозный, Петр Великий, десницы которых были тяжелы для народа.

Однако после смерти Сталина из-за присущих такому типу власти внутренних напряжений и отсутствия механизма согласования интересов элит (и соответственно — демократизации) СССР распался.

В чем же урок этой судьбы?

Сталин с его достижениями и ошибками был адекватен тысячелетней истории страны, и его судьбу надо рассматривать без гнева и пристрастия, потому что иначе из нее трудно извлечь хоть какой-то урок для будущего. До тех пор, пока мы видим в отечественной истории только разрозненные периоды, связанные чаще всего с нашей негативной оценкой тогдашних руководителей, мы не в состоянии понять самих себя.

В конце концов, дело не в Сталине или Петре Великом. Дело в осмыслении исторического пути.

Глава первая

Почему он не стал священником. Первые шаги героя. Индустриализация против монархии. Арест, ссылка. Война как катализатор общественного протеста

Март 1917 года. Сталин возвращается в Петроград из долгой страшной ссылки. Вместе с ним в поезде его товарищи, которые через десять дней станут во главе самой радикальной революционной партии. Во время частых остановок они страстно выступают на митингах, и на их фоне он совсем незаметен. К тому же у него негромкий голос и сильный грузинский акцент. Нет, этот среднего роста, широкогрудый человек не похож на революционного вождя. Кажется, ему уже навсегда определено — быть рядом с яркими и талантливыми лидерами на вторых ролях.

Он смотрит в окно на заснеженные ели. Знакомые виды! Он уже не раз едет этим путем, у него за плечами не одна ссылка и не один побег. Одинокий, вдовый, бездомный, без профессии, 38 лет от роду — таков наш герой накануне великих потрясений. Можно ли понять, почему же именно он станет во главе огромной страны? Почему русская история избрала его? Зачем?

А затем, что Российская империя уничтожила сама себя и должна была развалиться, но среди многих жаждущих власти он оказался наиболее сильным, рациональным и жестоким, чтобы возродить ее в новом виде.

Но это слишком общий ответ.

В предыстории нашего героя есть одно важное обстоятельство, с которого и надо начать. Его прадед, по имени Заза (вариация имени Иосиф), был крестьянином (пастухом), его детям Вано и Георгию удалось подняться на одну ступеньку социальной лестницы — Вано выращивал виноград и торговал им, Георгий был владельцем придорожной харчевни. Но первый рано умер, а второго убили грабители, и, едва приблизившись к нижнему уровню среднего класса, родичи Сталина были сброшены с той высоты, на которую с таким трудом взобрались. Не легче пришлось и отцу нашего героя, Виссариону

Джугашвили. Он перебрался из родного села Диди Лило в Тифлис, где стал работать на обувной фабрике, потом переехал в городок Гори и открыл собственное дело. Он был грамотен, знал русский, армянский, азербайджанский языки, мог на память рассказывать целые главы из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», главная идея которой — борьба за единое государство против самоуправства феодалов. Сначала дела Виссариона пошли успешно, в его мастерской, чтобы справиться со всеми заказами, работали два помощника. Он женился на восемнадцатилетней сироте Екатерине Геладзе, дочери садовника. Она была красива, привычна к труду и даже умела читать и писать.

У них родились три сына. Первые двое умерли в младенческом возрасте, третий, нареченный Иосифом (по-домашнему — Сосо), родился 6/18 декабря 1878 года и был крещен 17/29 декабря, о чем была сделана запись в метрической книге Свято-Успенского собора*. Единственный сын, он рос под неусыпным надзором матери. Здоровье у него было слабое, он переболел оспой и тифом, и лицо его было отмечено оспинами.

Судьба нашего героя сложилась бы иначе, если бы его отец успешно продолжал свое дело. Но маленький Гори в начале 1880-х годов испытал последствия глубокого экономического кризиса, накрывшего всю империю. Промышленный спад, расстройство денежного обращения, неурожай и огромный государственный долг, выросший со времен Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, — все это придавило тысячи предпринимателей. Кроме того, в Европе происходили большие экономические перемены, вызванные появлением там дешевого американского зерна. Заокеанские фермеры благодаря использованию машинной обработки почвы, элеваторов, конвейеров, мощных сухогрузов для перевозки зерна вызвали потрясения на международном рынке продовольствия и поставили Россию, где зерно являлось основным экспортным товаром, в очень трудное положение.

Семья Джугашвили тоже пострадала. Заказчиков стало мало, Виссарион пил, часто менял жилье. Семейная жизнь разладилась, и Виссарион оставил жену. Он, правда, пытался забрать сына, однако Екатерина не отдала.

То, что мальчик потом овладел русским языком, с отличием окончил духовное училище в Гори, поступил в Тифлисскую

---

* Иосиф впоследствии станет Сталиным, взяв основой своего псевдонима фамилию переводчика на русский язык поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Сталинского. Изменится и дата его рождения — на 21 декабря 1879 года; произойдет это из-за случайной описки делопроизводителей.

духовную семинарию, — все это благодаря матери. Ее заработок прачки был ничтожен, но она выучилась кройке и шитью, освоила новую профессию модистки (портнихи), стала больше зарабатывать. Ее несгибаемый характер передался и сыну.

А что Иосиф? Он в раннем детстве получил тяжелую травму руки и ноги — на него налетел фаэтон — левая рука стала плохо сгибаться в локте. И вот этот покалеченный мальчишка в кругу ровесников был лидером, верховодил в драках «стенка на стенку».

В семинарии он вначале учился хорошо. Кроме истории, литературы, латыни, древнегреческого, алгебры, физики, логики, психологии, философии, там преподавали Священное Писание, библейскую историю, историю Церкви, богословие, практическое пастырское руководство, литургику, гомилетику (искусство составлять проповеди), церковное пение. После семинарии он должен был стать священником, как хотела его мать.

Но не стал. Почему? Причин много. Одна из них — положение провинциального православного духовенства в конце XIX — начале XX века. Проводя либеральные реформы 1860—1870-х годов, центральная власть мало внимания обращала на положение прозябающих в бедности сельских батюшек, которые являлись ее единственными идеологическими союзниками. В глазах либеральной интеллигенции, священники символизировали «темные силы», а государство не пыталось воздействовать на общественное мнение. Оно подвигало подданных к индивидуализму, развитию предприимчивости, правовой грамотности и другим основам рационального жизнеустройства, а Церковь оставалась в прошлом. Власть не подготовила идеологов будущей России.

Этот разрыв не мог не ощущать и Сосо. Глухие подземные гулы уже доносились и до кавказской окраины. Некоторые знакомые Сосо или родственники знакомых участвовали в работе оппозиционных кружков, высказывали «прогрессивные» мысли, мечтали о каких-то переменах.

В пореформенное время учащаяся молодежь первой ощутила разрыв между либеральными перспективами и традиционной действительностью и с юношеской дерзостью стала искать выход. За год до прихода Иосифа в семинарию из нее были отчислены 83 семинариста за массовое неподчинение ректору. В 1886 году девятнадцатилетний семинарист Лагиев заколол кинжалом ректора. Далеко не случайно, что многие революционеры были в прошлом семинаристами.

Как вспоминал Сталин, он с пятнадцати лет был связан «с подпольными группами русских марксистов, проживающих

тогда на Кавказе». Эти группы представляли собой просветительские кружки, в которых изучали марксистскую литературу и дискутировали о будущем страны. Иосиф вел пропагандистский кружок молодых рабочих в главных мастерских Закавказской железной дороги. О том, что происходило в душе юного семинариста, дают представления его стихотворения. Уезжая на летние каникулы, Сосо принес их в редакцию газеты «Иверия» (напечатаны в газете 17 июня, 22 сентября, 11 и 25 октября). Еще одно стихотворение появилось 28 июля 1896 года в газете «Квали».

Когда герой, гонимый тьмою,
Вновь навестит свой скромный край
И в час ненастный над собою
Увидит солнце невзначай,
Когда гнетущий сумрак бездны
Развеется в родном краю,
И сердцу голосом небесным
Подаст надежда весть свою.
Я знаю, что надежда эта
В моей душе навек чиста.
Стремится ввысь душа поэта —
И в сердце зреет красота.

(Пер. Льва Котюкова)

В этих строках передано для нас самое важное: то, что чувствовал будущий грозный правитель. Как видим, он был романтиком.

В 1898 году Иосиф Джугашвили становится членом Тифлисской организации Российской социал-демократической рабочей партии. Он уже знает, что не будет священником. Доходит до того, что он нападает на монаха, который взял из его «гардеробного ящика» запрещенные книги. Вместе с еще одним семинаристом он выбил из рук монаха стопку книг, схватил их и убежал.

В апреле 1899 года он исключен из пятого класса. В выданном свидетельстве говорится, что он окончил четыре класса и может служить учителем начальных народных училищ.

В декабре он устраивается на работу наблюдателем в физическую обсерваторию и живет на казенной квартире, в маленькой комнатке в деревянном флигеле. У него никогда не будет собственного дома, он в конце концов и умрет на государственной даче, не нажив никаких богатств.

Наступал XX век. Перефразируя Карла Маркса, скажем: завершалась «предыстория человечества».

То, что пришло в империю вместе с капитализмом, производило невиданные перемены в людях. Эти перемены отпеча-

тывались не только в программах просветительских рабочих кружков, в сводках полицейских, но и наглядно проявлялись в студенческих собраниях, оппозиционной деятельности земской интеллигенции, недовольстве помещиков (вытесняемых рыночными новациями из поместий), разложением крестьянской общины.

Зарождалось новое общество, внутри которого шла постоянная борьба. Марксисты именовали ее «классовой». Сам же Маркс иногда называл ее «внутренней гражданской войной». Это новое общество выталкивало вверх, в рост, промышленность, торговлю, капиталы и одновременно с этим — людей, которые развивались, раскрывали в себе иные возможности и вдруг осознавали, кто их противник.

Марксизм давал ключ к пониманию будущего, убеждал в неизбежной победе справедливости. Поэтому юный Иосиф, входя в XX век, был заряжен динамитом марксизма и тоже начинал вырастать.

Первого января 1900 года в Тифлисе случилось небывалое — остановилась конка. Хотя конка — это не метро в современном городе, но тогда ее остановка была для центральной части города и горожан шокирующим событием. Тут же явилась полиция. Начались уговоры, которые переросли в попытку силой убедить забастовщиков. Те ответили силой, что еще недавно было немыслимо. Властям оказали сопротивление.

Последовали аресты нескольких самых активных участников забастовки. В конце концов конка пошла, но по Тифлису пронеслась весть о небывалом происшествии.

В январе был арестован и Иосиф.

Весной 1900 года Джугашвили вместе с товарищем организуют маевку в окрестностях Тифлиса. Первого августа в Главных железнодорожных мастерских началась забастовка, к ней присоединились рабочие нескольких других фабрик. В город ввели дополнительные воинские части. 500 забастовщиков арестовали. Одним из активистов-железнодорожников был сосланный в Тифлис Михаил Калинин, член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», которым руководил В. И. Ленин.

Двадцать второго марта 1901 года в комнате Джугашвили в обсерватории состоялся обыск. Иосифа задержать не удалось. Он перешел на нелегальное положение, которое продолжалось до 1917 года и прерывалось «легализацией», то есть тюремными заключениями и ссылками.

Весной 1901 года Сосо продолжает вести занятия в рабочих кружках, активно участвует в подготовке первомайской демонстрации.

Весной и летом 1901 года арестовывают многих активных партийцев, их ряды редеют, перегруппировываются. И в ноябре созывается общегородская партийная конференция. Ею руководят четыре человека. Один из них — Иосиф Джугашвили.

Есть ли грань, когда можно определенно сказать: вот тот миг, когда совершается судьба?

Вглядимся в то время. Вот перед нами почтовая открытка, на ней изображены два человека — император Николай II, министр финансов Сергей Витте, а с ними аллегорическая фигура Промышленности в виде молодой женщины. Витте говорит: «Это — индустриализация», а Николай возражает: «Это — социализм!» То есть — революция.

И оба правы.

Революция началась в деревне, где перенаселение и нехватка пахотных земель множили огромную скрытую безработицу, незаметную под кровом общины. Революция созревала в купеческих семьях, среди промышленников и финансистов, которые уже главенствовали в экономике страны, жаждали получить политическое влияние, но Петербург не замечал их.

Революция проникала в родовые помещичьи гнезда, в массе своей уже заложенные в Дворянском банке. Внедрялась и в аристократическую среду, где даже дети генералов и губернаторов были заражены идеей самопожертвования во имя «освобождения народа».

Промышленный подъем 1890-х годов вызывал к жизни невиданные перемены. В три раза увеличилась мощность паровых двигателей. Лавинообразно росла тяжелая промышленность, особенно на юге России. В «Новой Америке», так стали называть южные области империи, строились металлургические заводы, шахты, металлообрабатывающие предприятия. Россия стала мировым лидером по добыче нефти. По протяженности железных дорог она уступала только Североамериканским Соединенным Штатам. По объемам добычи железной руды, выплавке чугуна и стали, продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка, производству сахара страна занимала четвертое-пятое место в ряду самых развитых стран мира.

Бурно росло предпринимательство. Учреждались все новые и новые акционерные общества. Этот рост сопровождался мощным развитием частных банков. Промышленные и коммерческие капиталы объединялись, возникали монополии, переплетались и согласовывались интересы отечественных и иностранных финансово-промышленных групп.

В России, где свыше 85 процентов населения были кресть-

яне, объединенные в поземельные общины и занятые не товарным производством, а самообеспечением, источники накопления были очень ограничены. Бедность оборотных капиталов являлась бичом отечественной экономики.

А индустриализация требовала все больше образованных работников, росло число инженеров, юристов, врачей, учителей, литераторов. Русская интеллигенция, дитя петровских кадровых реформ, становилась заметной силой общества.

Трудно переоценить ее роль в разрушении империи. Один из ярких отечественных философов С. Л. Франк заметил по этому поводу: «По своему этическому существу русский интеллигент приблизительно с 70-х годов и до наших дней остается упорным и закоренелым народником: его Бог есть народ, его единственная цель есть счастье большинства, его мораль состоит в служении этой цели, соединенной с аскетическим самоотречением и ненавистью или пренебрежением к самоценным духовным запросам...»[2]

В начале XX века русские педагоги с помощью анкетного опроса попытались понять мироощущение учащейся молодежи. Опросы охватили более пяти тысяч учащихся в возрасте от 7 до 16 лет. Из них три тысячи — гимназисты, одна тысяча — ученики городских коммерческих училищ и одна тысяча — сельских школ.

Материальный успех гимназисты и ученики городских училищ поставили только на восемнадцатое место (последнее), а сельские — на второе[3].

Как ни удивительно, деньги и материальный расчет занимали в идеалах молодежи далеко не главное место. Для страны, активно строившей капиталистическую экономику, такая антибуржуазность представляла угрозу.

Иосиф активно трудится в Батуме, куда он переехал в конце 1901 года. Здесь он включается в работу местной партийной организации, ему удается завершить процесс ее формирования. Он — представитель Тифлисского комитета, то есть за ним авторитет вышестоящего органа.

Он инициирует отмену работ по воскресеньям, каковые с 1897 года запрещались законом. Затем организует печатание листовок. Арестован. 19 апреля 1902 года переведен в Кутаисскую тюрьму. Но и там проявляет свой неукротимый характер. («Коба» — что означает «неукротимый» — вскоре стало партийной кличкой Сталина.)

В тюрьме с заключенными обращались грубо, они спали на полу, редко мылись. Их ходатаем перед тюремной администра-

цией выступил Джугашвили. Арестанты требовали: установить нары, предоставлять баню через каждые две недели, пресечь грубость и издевательства стражников. Последовал отказ. Тогда заключенные стали колотить в железные тюремные ворота, будоража весь Кутаис. Прокурор был вынужден признать их требования справедливыми.

Через месяц Иосифа Джугашвили снова перевели в Батум, а оттуда этапом в ссылку в Сибирь, «в распоряжение иркутского губернатора», через Новороссийск, Ростов, Челябинск. Товарищи передали ему десять рублей и провизию.

Сквозь окно тюремного вагона Иосиф впервые увидел коренную Россию. 27 ноября, в сильный мороз, Джугашвили прибыл в село Новоудинское Балаганского уезда. До уездного центра было 70 верст, до железнодорожной станции Тыреть — 120.

Молодой грузин в легком демисезонном пальто понял, что его ждет тяжелое беспросветное существование, а может, и смерть.

Прожив в Новоудинском больше месяца, он решился на побег...

По возвращении в Тифлис Иосиф Джугашвили познакомился со Львом Борисовичем Розенфельдом, который вошел в историю русской революции под фамилией Каменева*.

Сосо прибыл на Кавказ в трудное время: весь январь здесь проводились массовые аресты, было схвачено около 150 человек. Многие связи оборвались. Для беглеца город был почти пуст, он встретил лишь нескольких знакомых.

Оставаться в Тифлисе было опасно, поэтому Иосиф поехал в Батум, надеясь на поддержку местных товарищей.

Неожиданно он натолкнулся на враждебное отношение секретаря местного комитета РСДРП И. Рамишвили: тот заподозрил его в сотрудничестве с полицией. Помыкавшись в Батуме около месяца, Сосо ни с чем вернулся обратно.

Это был первый удар. Подозрение в предательстве было не просто мучительно, оно было смертельно опасно. Теперь Джугашвили мог убить любой, кто посчитал бы подозрение неоспоримой уликой. Любая вспышка темперамента, неудачная шутка — все могло привести к взрыву. И самое страшное — у него не было бесспорных доказательств своей невиновности.

Только спустя почти сто лет исследователи доказали, что все подозрения и обвинения Сталина в сотрудничестве с полицией были либо необоснованными, либо умышленно сфальсифицированными. Документы Департамента полиции, содержащие

---

* *Л. Б. Розенфельд* — сын инженера, закончил Тифлисскую гимназию в 1904 году и поступил в Московский университет. Впоследствии женился на сестре Троцкого Ольге.

сведения о секретной агентуре, «позволили выявить почти полностью весь списочный состав агентурных сотрудников»[4].

Иосиф пишет письмо старейшему по возрасту и революционному стажу члену руководства Кавказского союза РСДРП М. Г. Цхакая, кстати, выпускнику Тифлисской духовной семинарии. Цхакая согласился с ним встретиться и решил проверить Кобу, прежде чем включать его в работу. На одном из следующих свиданий Цхакая ознакомил Джугашвили с принятой на II съезде РСДРП программой и попросил его написать «свое *credo*». Этим «кредо» была статья «Как понимает социал-демократия национальный вопрос», напечатанная спустя год в газете «Борьба пролетариата» («Пролетариас брдзола»).

Это одна из первых серьезных работ Сталина, и уже в ней видна незаурядность молодого человека: «Когда молодая грузинская буржуазия почувствовала, насколько трудна для нее свободная конкуренция с "иностранными" капиталистами, она устами грузинских национал-демократов начала лепетать о независимой Грузии. Грузинская буржуазия хотела оградить грузинский рынок таможенным кордоном, силой изгнать с этого рынка "иностранную" буржуазию, искусственно поднять цены на товары и такими "патриотическими" проделками добиться успеха на арене обогащения.

Такой была и остается цель национализма грузинской буржуазии»[5].

Статья 24-летнего автора произвела на Цхакая хорошее впечатление. Он направил Сосо в Кутаисский район, в Имеретино-Мингрельский комитет как представителя Кавказского союзного комитета. Таким образом, Иосиф смог не только восстановить свою репутацию, но и подняться на одну ступеньку в партийной иерархии.

Благодаря энергии Кобы (он уже взял эту кличку) в районе активизировалась партийная работа, заработала типография.

Когда члены партийного комитета были арестованы, Цхакая, вернувшись из командировки в Россию, был вынужден кооптировать в его состав, как он пишет, «моих близких соратников, которым я доверял». В числе выдвиженцев были Джугашвили и Розенфельд. Теперь в зоне постоянного внимания Иосифа находился весь Кавказ.

Несоответствие между экономически активной и образованной частью населения и «старосветски-помещичьим» характером государства создавало буквально каждый день все новые напряжения.

Террор «Народной воли», настигший царя-освободителя

Александра II, был продолжен жестокими последователями народовольцев — эсерами, бесстрашно идущими на самопожертвование. Вслед за императором погибли тысячи людей — министры, губернаторы, генералы, офицеры, священники, купцы, крестьяне, простые обыватели, женщины, дети.

Были убиты министр народного просвещения А. П. Боголепов и министр внутренних дел Д. С. Сипягин, а 15 июля 1904 года — министр внутренних дел В. К. Плеве. Эти покушения были проведены Боевой организацией эсеров, которой руководили Г. Гершуни, Б. Савинков, Е. Азеф.

Безусловно, для террора требовались соответствующего склада люди, но главная его база была не в них, а в глубинных настроениях российского общества.

«Удовлетворение от убийства русских министров испытывали даже люди, вся жизнь и деятельность которых, казалось, кричала о недопустимости пролития человеческой крови. В. Короленко рассказывает об отношении к убийству министров и погрому дворянских имений Л. Толстого: "Чехов и Елпатьевский рассказывали мне, что когда ему передали о последнем покушении на Лауница, то он сделал нетерпеливое движение и сказал с досадой:

— И наверно, опять промахнулись...

Я привез ему много свежих известий. Я был в Петербурге во время убийства Сипягина... Толстой лежал в постели с закрытыми глазами. Тут его глаза раскрылись, и он сказал:

— Да, это правда. Я вот... понимаю, что как будто и есть за что осуждать террор... Ну, вы мои взгляды знаете, и все-таки...

Потом глаза опять раскрылись, взгляд сверкнул острым огоньком из-под нависших бровей, и он сказал:

— И все-таки не могу не сказать: это целесообразно.

Я удивился этому полуодобрению террористических убийств, казалось бы, чуждых Толстому. Когда я перешел к рассказам о 'грабежке', то Толстой сказал уже с видимым полным одобрением:

— Молодцы.

Я спросил:

— С какой точки зрения вы считаете это правильным, Лев Николаевич?

— Мужик берется прямо за то, что для него важнее всего. А вы разве думаете иначе?"»[6].

Власть и общество были враждебны друг другу.

Шестого — девятого ноября 1804 года в Петербурге состоялся большой Земский съезд, на котором выборные представители российских земств проголосовали за введение в стра-

не представительного законодательного собрания. Либеральная образованная часть российского общества, прошедшая большую школу самостоятельной созидательной работы в земствах на местах, осторожно высказалась против самодержавия.

Особое звучание этого решения определил тот факт, что съезд прошел по разрешению Николая II. Таким образом, либералы решили, что власть готова услышать их мнение.

Делегаты съезда и высказались: предоставить всем российским подданным неотъемлемые гражданские права, включая равенство перед законом, создать выборный представительный орган (парламент), полномочный издавать законы, контролировать бюджет и назначать правительство.

Впрочем, несмотря на все террористические акты, забастовки, конференции, съезды, петиции оппозиции, империя была занята более важной задачей — вела трудную войну с Японией.

Россия стремилась закрепиться на Тихом океане, что естественно вытекало из ее евразийской сущности, однако «большая азиатская программа» Николая II, созданная после прокладки Транссибирской железнодорожной магистрали, встретила сопротивление Японии. И здесь в выборе стратегии обозначилось роковое непонимание императором состояния его государства. Среди возможных политических средств у него на первом месте всегда оказывались силовые, прямолинейные, бескомпромиссные. Вместо мирного раздела Северной Маньчжурии на зоны экономического влияния окружение царя предпочло путь жесткого противостояния с Японией.

В задачу автора не входит описание военных действий, подчеркнем только, что их неуспешность, как и «бездарность командования», сильно преувеличена. Россия действительно была не готова к «маленькой победоносной войне», но в длительной кампании, даже несмотря на потерю большей части флота, сохранила все шансы на успех.

Однако на стороне японцев оказался сильный союзник — российская «внутренняя смута». Сегодня уже не делается секрета из того факта, что революция 1905 года во многом финансировалась Японией. Японский военный атташе в России полковник Мотодзиро Акаси вел активную разведывательную работу в 1902—1904 годах, а с началом войны, когда посольство перебазировалось в Стокгольм, его деятельность стала подрывной. Акаси предложил военному руководству в Токио поддержать террор российских революционеров. План Акаси был принят, за время войны революционным и оппозиционным организациям в России было передано не менее одного мил-

лиона иен*. Финансирование было особенно активным на заключительном этапе войны, когда Япония стремилась ускорить подписание мирного договора.

Деньги получили партия эсеров, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Польская социалистическая партия, Финляндская партия активного сопротивления.

Российской разведке удалось отследить движение большей части закупленного на японские деньги оружия. Через финского националиста Конни Целиакуса Акаси организовал на пароходе «Джон Графтон», для конспирации переименованном в «Луну», транспортировку винтовок системы «Ветерли» и револьверов «Веблей», а также патронов, динамита, детонаторов, бикфордова шнура. Во время декабрьских боев на Красной Пресне в Москве у дружинников были на вооружении именно винтовки «Ветерли», которых не имела российская армия.

Полковник Акаси и Целиакус поставляли оружие Черным морем и на Кавказ[7].

Впрочем, ни Япония, ни террор эсеров, ни пропаганда марксистов не могли опрокинуть империю. Она была мистическим царством во главе с царем, представителем (помазанником) самого Господа, опирающимся на крестьян и дворян. Но 9 января 1905 года мистическая связь царя и народа была оборвана. Событие получило разящее название Кровавое воскресенье, а император стал Николаем Кровавым. Организованная либеральным Союзом освобождения демонстрация рабочих пошла к царской резиденции с требованием, чтобы Николай II поклялся перед иконами и выполнил требование организовать выборы в Учредительное собрание.

Революционную же сущность происходящего объяснила марксистская газета «Искра»: «Тысячными толпами решили рабочие собраться к Зимнему дворцу и требовать, чтобы Царь самолично вышел на балкон принять петицию и присягнуть, что требования народа будут выполнены. Так обращались к своему “доброму королю” герои Бастилии и похода на Версаль! И тогда раздалось “ура” в честь показавшегося толпе по ее требованию монарха, но в этом “ура” прозвучал смертельный приговор монархии»[8].

Под прикрытием икон и хоругвей 9 января должна была произойти мирная фаза революции, после которой монархия неизбежно стала бы саморазрушаться.

---

* По современному курсу это составляет около 5 миллиардов иен или 35 миллионов долларов.

Царя в Зимнем дворце не было. Вместо того чтобы начать переговоры и перевести дело в длительное обсуждение, военные решили продемонстрировать силу.

Винтовочные залпы 9 января перевели противостояние в революционную фазу.

Были убиты 130 и ранены несколько сот человек. Эти цифры, сильно преувеличенные пропагандой и слухами, взывали к мести. Теперь не имели никакого значения усилия власти по облегчению положения рабочих, ее совещания с представителями земств и либеральной интеллигенции о политических реформах.

А что же наш герой? Виден ли он за спинами больших людей?

После Кровавого воскресенья, 16 января, тбилисский губернатор, предвидя массовые беспорядки, решил принять превентивные меры. В ночь на 17 января были арестованы многие члены Тбилисской организации РСДРП. Тем не менее 23 января в городе прошла первая массовая демонстрация с красными флагами. Казакам и полицейским не удалось быстро ее разогнать.

Все эти события накалили обстановку среди социал-демократов до предела. Пользуясь своим численным перевесом, возникшим после арестов, меньшевики (которые выступали за легальные методы борьбы) взяли в свои руки руководство комитетом РСДРП. Революционно настроенные большевики решили им не подчиняться и отказались отдать партийную кассу, библиотеку и типографию. Раскол стал свершившимся фактом.

В эту пору Сталин занят партийными делами, а также прекращением в Баку армяно-татарских столкновений, пишет листовки, организует боевую дружину, посещает Батум, Новороссийск, Кутаис, Гори, Чиатуру. Он кажется вездесущим. Полиция фиксирует активность Кобы. Называет его «главарем рабочих», но не может его арестовать.

Троцкий характеризовал Сталина этого периода так: «Цель своей жизни он видел в низвержении сильных мира сего. Ненависть к ним была неизменно активнее в его душе, чем симпатия к угнетенным, тюрьма, ссылка, жертвы, лишения не страшили его. Он умел смотреть опасности в глаза. В то же время он остро ощущал такие свои черты, как медленность интеллекта, отсутствие таланта, общая серость физического и нравственного облика. Его напряженное честолюбие было окрашено завистью и недоброжелательством. Его настойчивость шла об руку с мстительностью. Желтоватый отлив его

глаз заставлял чутких людей настораживаться... Не увлекаясь среди увлекающихся, не воспламеняясь среди воспламеняющихся, но и быстро остывающих, он рано понял выгоды холодной выдержки, осторожности и особенно хитрости, которая у него незаметно переходила в коварство. Нужны были только особые исторические обстоятельства, чтобы эти по существу второстепенные качества получили второстепенное значение»[9].

Двадцать седьмого апреля 1905 года закончился III съезд РСДРП. Он фактически учредил новую партию во главе с Лениным и взял курс на вооруженное восстание.

Главные решения съезда: восстание, поддержка крестьянских выступлений вплоть до насильственной конфискации помещичьих земель, передача власти революционному правительству, которое выступит организатором гражданской войны. Лидер большевиков В. И. Ленин считал необходимым создавать вооруженные группы.

Но почему гражданская война? Характерно, что на съезде подавляющее число делегатов являлись интеллигентами, рабочих было очень мало.

Троцкий объяснял это уже начавшимся доминированием формировавшегося партаппарата (комитетчиков). Кроме того, вопреки рекомендации Ленина большинство решило подчинить заграничную редакцию газеты «Искра» контролю Центрального комитета, то есть комитетчики хотели контролировать и интеллигентов-эмигрантов.

Уже обнаружилось внутреннее противоречие между эмигрантским политическим ядром, создателем и идеологом всей большевистской организации, и пребывающими «на земле» партийными активистами. Впоследствии именно это противоречие приведет после смерти Ленина к решающему возвышению Сталина.

После окончания съезда кавказские комитетчики призвали членов партии готовиться к всеобщей политической стачке и вооруженному восстанию. Иосиф начал формировать в Чиатуре боевые группы. Он по-прежнему много ездит по городам Восточной Грузии.

В это же время в Баку снова начались армяно-татарские столкновения, и 22 августа дело дошло до пожаров на нефтепромыслах.

Объем разрушений был огромным. Татары (азербайджанцы) громили нефтепромыслы, убивали армян, грабили и поджигали дома, где армяне укрывались. Свидетели этого ужаса сравнивали события с «последним днем Помпей». От черного

дыма пылающих резервуаров с нефтью в небе не было видно солнца.

Все это похоже на диверсию в военное время. Социал-демократы не имели к этому отношения, а наоборот, стремились прекратить беспорядки.

Не успели отгореть бакинские вышки, как новое событие потрясло Кавказ. 29 августа в здании Тифлисской городской управы во время обсуждения представителями общественности утвержденного Николаем II Положения о законосовещательной Думе, на которое социал-демократы привели рабочих, началось столкновение этих рабочих с полицией и казаками, пытавшимися их выдворить. Снова пролилась кровь. Погибло около ста человек. Фактически это был расстрел властями своих противников.

Коба пишет листовку и призывает к борьбе.

Собственно, восстание уже началось. Иосиф Джугашвили предпринимает попытку прорыть подземный ход в армейский цейхгауз за винтовками.

Казалось бы, борьба, жертвы, напряжение сил... и любовь. Все-таки ему всего-навсего неполных 26 лет. Его избранницей стала семнадцатилетняя набожная Екатерина (Като) Сванидзе. В ночь на 16 июля 1906 года их тайно обвенчал в тифлисской церкви Святого Давида однокашник Кобы по семинарии священник Христисий Хинвалели. В свадебном застолье тамадой был Михаил Цхакая.

Невеста уже ждала ребенка.

Лето 1905 года во всей России было страшным. Безусловно, на настроении общества сказались война и особенно разгром русской эскадры 14—15 мая в Цусимском проливе. Неудачная война стала катализатором общественного протеста.

В польской Лодзи после столкновения рабочих с воинскими частями (убиты 12 человек) вспыхнуло восстание, на баррикадах в течение трех дней сражались сотни человек. Были убиты 150, ранены около 200.

В Одессе прошли волнения рабочих. На новом броненосце «Князь Потемкин Таврический» матросы восстали и, подняв красный флаг, направили корабль к Одессе.

В июле был убит московский градоначальник граф П. П. Шувалов.

В июле в Нижнем Новгороде на революционно настроенных демонстрантов налетела толпа портовых рабочих и разогнала демонстрацию. В результате столкновения один человек был убит и около сорока ранены.

Легальная оппозиция буквально рвет из рук царской администрации огромную часть властных функций и для этого требует скорейшего мира (на любых условиях) с Японией.

Революционеры же начинают вооруженные выступления для полного опрокидывания государственного режима с его императором, военными, либералами.

Левая печать, заграничная и легальная российская, требует заключения мира любой ценой, вплоть до уступок всего Сахалина (к тому времени еще не занятого японцами) и даже Владивостока.

Словом, летом 1905 года в Петербурге все смешалось, и никто не знал, чем это кончится.

Николай II санкционировал совещание о проекте Государственной думы. «Булыгинская дума» (по имени министра внутренних дел) была бесспорным прорывом к парламентаризму, свершаемому людьми эпохи Александра III, который видел в парламентаризме страшную угрозу.

Проект «Булыгинской думы» устанавливал народное представительство, имеющее право обсуждать законопроекты и государственный бюджет, а также выражать свое мнение по поводу действий властей путем прямого доклада председателя Думы царю.

Да, это был прорыв. Власть соглашалась на демократическое представительство. Но общество восприняло указ 6 августа с кривой усмешкой. Что с того, что крестьяне, дворяне и богатые буржуи выберут удобных для власть имущих депутатов?

Этого мало!

Социал-демократы, либералы, правые вдруг объединились в неприятии совещательной Думы. Еще не начавшись, движение Николая в сторону конституционной монархии не успокоило общество, а подлило масла в огонь.

На фронте уже пять месяцев длилось затишье. Обе стороны выжидали.

С 27 июля шли в Портсмуте мирные переговоры. Японцы выставили жесткие условия: признание Россией японского преобладания в Корее, возвращение Маньчжурии Китаю и вывод из нее русских войск, уступка Японии Порт-Артура и Ляодунского полуострова, уступка южной ветки Китайско-Восточной железной дороги (Харбин — Порт-Артур), уступка Сахалина и прилегающих островов, выплата контрибуции в размере 1 миллиарда 200 миллионов иен, передача российских судов, укрывающихся в нейтральных портах, ограничение

права России иметь флот на Дальнем Востоке, предоставление японским рыбакам права ловли у российского побережья Тихого океана, уничтожение военных укреплений Владивостока. Словом, не дышать, сидеть тихо!

Переговоры вел министр финансов Витте. Он считал, что надо пойти на широкие уступки ради мира.

Царь не собирался признавать поражение, хотя исключительно внутренние проблемы подталкивали к этому. Ему было известно о финансовых трудностях Японии, и он считал, что японцы не пойдут на заключение договора, если не получат денежную контрибуцию. А Япония запросила США о содействии в скорейшем заключении мира и неожиданно согласилась на российские условия. Россия уступила южную часть Сахалина, Курильские острова, которые только тридцать лет назад стали российскими и в общественном сознании являлись сильно удаленными, оплачивала содержание русских пленных.

Токио фактически признал, что не имеет сил продолжать военные действия, тогда как Россия все больше укреплялась. Витте прислал Николаю телеграмму: «Япония приняла Ваши требования относительно мирных условий, и таким образом мир будет восстановлен, благодаря мудрым и твердым решениям Вашим и в точности согласно предначертаниям Вашего Величества. Россия остается на Дальнем Востоке великой державой, каковой она была доднесь и останется вовеки».

Реакция Николая II была очевидной. Он записал 17 августа в дневнике: «Ночью пришла телеграмма от Витте, что переговоры о мире приведены к окончанию. Весь день ходил, как в дурмане».

Нам не известно, думал ли он об ошибочности своего выбора на конфронтацию с Японией. Но после провала российской экономической экспансии на Восток пришлось поворачивать руль государственного корабля снова в сторону Европы, в которой тогда уже созревали напряжения, взорвавшие континент в 1914 году. Никто не догадывался, что Японская война подтащила Россию к войне мировой.

Что ж, долгожданный мир наступил. Но внутреннего успокоения он не принес и не мог принести. Начались митинги в университетах, получивших автономию. Начались забастовки. Пользуясь правом на свободу студенческих сходок, социал-демократы приводили в университеты рабочих и проводили многотысячные митинги.

Власть была в некотором оцепенении, ожидая перемен в связи с предстоящим открытием Думы.

Очень быстро общая неопределенность в верхах вылилась в идею бойкота совещательной Думы. За бойкот выступали социал-демократы, эсеры, либералы, они применили новое оружие, позаимствованное из программ западных социалистических партий, — всеобщую политическую забастовку. Это было проявлением массового сопротивления режиму.

Седьмого сентября остановилась Московско-Казанская железная дорога. 8 октября был парализован весь центральный железнодорожный узел, транспортное сердце страны — Ярославская, Курская, Нижегородская, Рязано-Уральская дороги. Железнодорожники перекрывали пути телеграфными столбами, чтобы заблокировать дорогу в местах, где обнаруживались штрейкбрехеры.

Десятого октября остановилась Николаевская дорога, в Москве была объявлена всеобщая забастовка. В провинции тоже прекращалось движение по железным дорогам, усугубляя общенациональный паралич экономики.

Тринадцатого октября Николай поручил Витте возглавить Комитет министров. Одновременно с этим войска Петербургского военного округа подчинялись генерал-губернатору столицы Д. Ф. Трепову.

Четырнадцатого и 15 октября на московских улицах начались столкновения простонародной толпы с забастовщиками. Стали избивать студентов. Те укрылись в здании университета на Моховой. Ночью в университетском саду рубили и жгли деревья, чтобы согреться на холоде.

Шестнадцатого октября сказала свое слово Церковь. Во всех храмах было прочитано обращение митрополита Владимира, призвавшего народ бороться со смутой.

В тот же день делегация Петербургского Совета рабочих депутатов потребовала от городской думы ассигнований на продолжение стачки и на приобретение оружия и организацию пролетарской милиции.

Семнадцатого октября с утра заработал водопровод, бойни стали принимать скот, покатились по рельсам вагоны конки. Сразу на трех железных дорогах — Казанской, Ярославской, Нижегородской — служащие решили приступить к работе.

В Твери вечером того же дня толпа осадила губернскую управу, где собрались земские служащие для обсуждения вопроса о забастовке, подожгли здание и били выбегающих из него людей, не различая сторонников и противников забастовки.

Семнадцатого же октября вышел первый номер газеты «Известия Совета рабочих депутатов».

В этих событиях виден процесс самоорганизации обеих сторон — революционной и простонародной.

И наконец тогда же Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», назвав свой шаг «страшным решением, которое тем не менее он принял совершенно сознательно». Объявлялись выборы в законодательную Государственную думу, свобода союзов и собраний, свобода печати. Начиналась короткая пора парламентской России.

Теперь снова обратимся к Кавказу, к нашему революционному герою. Поскольку на III съезде был взят курс на восстание, то он должен быть в гуще пролетарской войны. Вот какие вопросы выдвинул Сталин в 1905 году.

«Чтобы руководить восстанием, должны ли мы — передовой отряд того класса, который является не только авангардом, но и главной движущей силой революции, — создать специальные аппараты, или для этого уже достаточно существующего партийного»[10].

И он отвечает на этот вопрос: задача — обеспечить техническое руководство и организационную подготовку всероссийского восстания. В этом слышится суровый голос практического работника.

Еще невозможно угадать в Сталине времен первой русской революции будущего великого советского руководителя. Единственное, что вполне различимо — это потенциал 26-летнего Кобы. На общероссийский уровень он выходит с момента избрания его на IV (Объединенный) съезд РСДРП. Он стал делегатом от Кавказского союза РСДРП, конференция которого прошла 26—30 ноября 1905 года и приняла решение о необходимости прекращения борьбы внутри партии между большевиками и меньшевиками.

Но к тому времени, от опубликования царского Манифеста 17 октября и до конференции в Тифлисе, в стране прошла волна пугачевщины.

В письмах саратовского губернатора П. А. Столыпина (будущего премьер-министра) своей жене Ольге Борисовне это отразилось очень ярко.

Двенадцатого июля он определяет ситуацию так: «У помещиков паника, но крестьяне, в общем, еще царелюбивы»[11].

Обратим внимание на определение «царелюбивы». Это барометр состояния империи.

Двадцать восьмого октября ситуация резко ухудшается: «Дела идут плохо. Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми помещиками. На такое громадное пространство губернии войск мало, и они прибывают медленно. Пу-

гачевщина!.. До чего мы дошли. Убытки — десятки миллионов. Сгорели Зубриловка, Хованщина и масса исторических усадеб».

Историческая Россия на грани катастрофы. Это ощущение подчеркивается небывалым преступлением: «Вчера в селе Малиновке осквернен был храм, в котором зарезали корову и испражнялись на Николая Чудотворца. Другие деревни возмутились и вырезали 40 человек. Малочисленные казаки зарубывают крестьян, но это не отрезвляет». Хотя святотатство тут же наказано, это не меняет общей картины. Одна часть населения воюет с другой.

«Организовываться и вооружаться!» — призывает в своих статьях и листовках Сталин.

Глава вторая

Избрание Сталина на IV съезд РСДРП. Петр Дурново — усмиритель революции. Сталин знакомится с Лениным. IV съезд РСДРП. Петр Столыпин и Государственная дума. Эсеровский террор

На IV съезд от Кавказа были избраны трое делегатов, в том числе и Сталин. С этого момента он поднимается на имперский уровень. Это кажется неожиданным, не правда ли?

С 1898 года, когда бурсак Джугашвили сделал свой первый шаг в революцию, прошло всего семь лет, а он уже входит в среду избранных. Тут есть какая-то тайна, и она требует разгадки.

За семь лет практической работы Сталин был испытан во всех качествах. Он был пропагандистом, устраивал забастовки, создавал типографии, формировал боевые дружины, доставал деньги на партийные нужды, вел разведывательную и контрразведывательную деятельность, участвовал в ликвидациях провокаторов, организовывал экспроприации, вел переговоры с предпринимателями, распределял денежные средства между партийными комитетами, формировал партийные комитеты, координировал деятельность партийных комитетов, был партийным журналистом, добывал оружие.

Поэтому понятно, что человек, обладавший таким опытом, должен был в условиях революционного подъема быть востребован. Он не выскочил «ниоткуда».

Краткое перечисление дел, в которых он участвовал в годы первой русской революции, свидетельствует о его авторитете. Это создание типографии в Чиатуре (1904—1905), участие в декабрьской стачке 1904 года в Баку, сбор денег (1905—1906), вооружение рабочих в Баку во время армяно-татарской резни

(февраль 1905 года), организация «красных сотен» в Чиатуре (лето 1905 года), попытка захвата Кутаисского цейхгауза (сентябрь 1905 года), участие в издании большевистских газет (1905—1907), формирование боевых отрядов в Тифлисе (осень 1905 года), причастность к подготовке покушения на генерала Ф. Ф. Грязнова, разработка плана несостоявшегося восстания в Тифлисе (конец 1905-го — начало 1906 года), отправка добровольцев в Персию (1906—1907), кратковременное пребывание там, причастность к тифлисской экспроприации (лето 1907 года), создание отрядов самообороны в Баку (осень 1907 года), нападение на Бакинский арсенал (1907—1908).

«Кавказский Ленин» — так, ни больше ни меньше, охарактеризовал Сталина в 1906 году один из первых грузинских социалистов Р. Каладзе. Наверное, в этой среде более высокой оценки не существовало.

Суммируя тогдашний партийный и житейский опыт Сталина, можно сказать, что к 1905 году характер этого человека определялся так: большая энергия и работоспособность, жажда властвовать, огромные организаторские способности, твердость, выдержка, настойчивость, хитрость, мстительность, высокая обучаемость.

Итак, Сталин в декабре 1905 года отправляется с двумя товарищами, Петром Монтиным и Георгием Телия, из Тифлиса в Санкт-Петербург на съезд партии.

Однако в политической ситуации произошел крутой перелом.

Случилось непредвиденное для либералов и социал-демократов: власть смогла проявить волю. После общей расслабленности, почти паралича, которая сковала правительство и которая была усилена хитроумным замыслом нового премьер-министра Витте, мечтавшего о роли первого руководителя парламентской России, вдруг был арестован Петербургский Совет рабочих депутатов, откуда исходило фактическое руководство забастовками и вооруженными акциями. Именно отсюда был отправлен приказ распространить забастовку железнодорожников на всю страну. Сюда слали запросы из городов империи и ждали указаний. Здесь происходило формирование рабочих дружин. Причем в ряде случаев, как, например, в среде почтово-телеграфных работников, авторитет Совета был настолько велик, что правительство было вынуждено обращаться к нему с просьбой передавать свои распоряжения на места.

Словом, власть Петербургского Совета была вполне реальной и существовала параллельно официальной.

Откуда он вообще взялся, этот Петербургский Совет рабочих депутатов? Идея Совета, как и идея объединения всех рос-

сийских либеральных союзов в один союз союзов, как и идея банкетных обращений, принадлежит Союзу освобождения, которым руководил Петр Струве. После образования по приказу правительства комиссии Шидловского для разбора нужд и требований рабочих (после Кровавого воскресенья) «освобожденцы» использовали ее для своей пропаганды. Один из попавших туда рабочих, Хрусталев, передал свой мандат помощнику присяжного поверенного, либералу Носарю. Комиссия была вскоре распущена по причине ее сомнительной лояльности, Носаря выслали из столицы. Впрочем, «освобожденцы» его укрыли от полиции в каком-то пустом вагоне, а к весне 1905 года часть депутатов этой комиссии и образовала Совет, пополнив его до 50—60 членов.

Ленин, когда приехал в Петроград и побывал в помещении Вольного экономического общества, где заседал Совет, сказал, что и «здесь — говорильня, рабочий парламент», а нужен большевистский орган партийного руководства вооруженным восстанием. И тогда Совету был дан боевой импульс.

Собственно, вся политика либералов в 1905 году ярко выразилась на примере Совета. Или, говоря образами древних римлян: «Если не смогу склонить высших богов, двину Ахеронт» (реку Ада). Это выражение латинского поэта было весьма распространено в ту пору и прямо указывало, что либералы в борьбе за власть обратятся к оружию эсеров — террору.

Витте терпел Совет и даже боялся его. Но у власти оказался в эту пору волевой и умный защитник. Им был министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново, консерватор и монархист по политическим взглядам. Он был назначен министром 30 октября. Дурново представлял в чистом виде человека петровской империи.

Ко времени назначения Дурново министром обстановка выглядела так: всеобщая политическая стачка в Москве, Харькове и Ревеле, Смоленске, Козлове, Екатеринославле, Лодзи, Курске, Белгороде, Самаре, Саратове, Полтаве, Петербурге, Орше, Минске, Кременчуге, Симферополе, Гомеле, Калише, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Иркутске, Вильно, Одессе, Батуме, Оренбурге, Юрьеве, Витебске, Томске. Митинги, баррикады, ненависть, толпы громят оружейные магазины, стрельба по казакам...

Власти растерялись. Огромное впечатление произвело на Дурново собранное им совещание представителей воинских частей, составляющих гарнизон столицы. Командиры пехотных гвардейских частей, за исключением генерала Г. А. Мина,

командовавшего лейб-гвардии Семеновским полком, единогласно заявили, что за свои части, в случае их привлечения к подавлению народных волнений, ручаться не могут.

Семнадцатого ноября революция наносит по власти сильнейший удар, долженствовавший парализовать всю систему управления: начинается забастовка работников почты и телеграфа. Столица лишается связи с губерниями. Похоже, катастрофа.

Однако Дурново два-три дня при помощи военных налаживает работу телеграфа, а разборка писем и разноска ее по домам идет при помощи добровольцев, в основном женщин.

В Москве на съезде почтово-телеграфных служащих выносится требование немедленной отставки Дурново. В ответ министр 21 ноября отдает приказ: все служащие, которые не выйдут на работу 22 ноября, будут уволены. Тут же арестовывает руководство московского съезда и принимает меры защиты вернувшихся на работу служащих от насилия со стороны организаторов забастовки.

Надо подчеркнуть, что угрозы, давление и насилие применялись революционерами повсеместно, и обыватели боялись их больше, чем правительства.

Двадцать седьмого ноября арестовывают председателя Петербургского Совета рабочих депутатов, помощника присяжного поверенного Хрусталева-Носаря.

Вместо Носаря председателем становится Троцкий. Совет решает нанести удар по финансовой системе государства.

Что значит нарушить денежную систему страны? Это полный крах.

И вот Совет, а вместе с ним главный комитет Всероссийского крестьянского союза, ЦК и Оргкомитет РСДРП, ЦК партии эсеров, ЦК Польской социалистической партии выпускают свой «Финансовый манифест»: «Мы решаем: отказаться от взноса выкупных и всех других платежей; требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей полновесной звонкой монетой; брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из Государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом... Мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну с народом»[12].

Манифест напечатан не только в партийных газетах, но и в буржуазных: «Русь», «Свободная Россия», «Русская газета». Велик был страх перед Советом!

Российские финансы зашатались, паника охватила вкладчиков ссудо-сберегательных касс и банков. Они с ночи зани-

мали очередь, чтобы забрать вклады. Предприниматели стали вывозить деньги за границу. Министерство финансов встало перед необходимостью прекратить золотое обеспечение рубля. До объявления дефолта было рукой подать.

И тут Дурново наносит последний удар: 3 декабря арестован весь Петербургский Совет. Краха не произошло.

Тем не менее эти события нанесли тяжелый удар по финансам империи, вынудили правительство добиваться огромного кредита (свыше двух миллиардов франков) у консорциума европейских банков (в основном французских), что способствовало втягиванию России в военный союз с Францией, которая была крайне заинтересована в создании противовеса Германии, а затем — и в мировую войну. Финансовая зависимость от Франции стала еще одной причиной, вслед за «маленькой» Русско-японской войной, соскальзывания империи в европейские конфликты.

Такова была обстановка накануне приезда Сталина в Санкт-Петербург. Было очевидно, что в развитии революции произошел перелом. Если бы Сталин прибыл чуть раньше, то он был бы задержан. Но не прибыл раньше... Поэтому и состоялась встреча двух лидеров революционной России, имперского — Ленина с региональным — Сталиным.

В связи с арестами съезд проводили в финском Таммерфорсе. Впрочем, из-за низкой явки делегатов это уже был не съезд, а конференция, и большевиков на ней было больше, чем меньшевиков.

Сталину была предоставлена трибуна для сообщения о положении на Кавказе. Он выступал под псевдонимом Иванович. Его речь произвела впечатление на Ленина, по предложению которого была принята резолюция «По поводу событий на Кавказе» с высокой оценкой работы Кавказского союза РСДРП. То есть Сталин сразу был отмечен как один из лучших партийных функционеров.

Знакомство с Лениным было для кавказского партийца очень важным этапом. При том кадровом дефиците и расколе, которые являлись для партии большой проблемой, появление твердого, авторитетного в своем регионе сторонника было неожиданным подарком.

Ленин был почти на десять лет старше Сталина, происходил из культурной русской среды, был нацелен на борьбу беспощадную, без перемирий. За участие в студенческой стачке на несколько лет сосланный в сельскую глушь, он, как и Сталин, имел к власти личный счет. Его старший брат

Александр был повешен за участие в покушении на царя Александра III.

Ленину по его способностям и политическому темпераменту было тесно в империи. В этом Сталин походил на него.

Таммерфорсская конференция закончилась под аккомпанемент Московского восстания, которое фактически стало арьергардным боем разгромленной Дурново революции. Правда, восстание оказалось грозным. Срочная переброска в Москву Семеновского полка под командованием генерала Г. А. Мина решила дело. Семеновцы действовали как на войне: на забастовавшей снова линии Московско-Рязанской дороги они захватили руководителей забастовки и тут же расстреляли, в самой Москве артиллерийским огнем разбивали баррикады на Пресне. Швейцарские винтовки и револьверы восставших, тайно доставленные сюда из Финляндии, оказались слабым аргументом против гвардейских пушек. Восстание было обречено, но революция угасла не сразу, а еще долго сотрясала российскую жизнь от Сибири до Кавказа и Польши.

Сталин вернулся из Петербурга в Тифлис 24 декабря. В это время в городе шли баррикадные бои. Их результат был очевиден.

Восставшие и здесь были разгромлены войсками под командованием начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Ф. Ф. Грязнова*.

Но после разгрома тифлисского восстания Сталин продолжает борьбу — готовит боевые рабочие дружины, работает с уволенными со службы военными, ищет наиболее уязвимые места в Тифлисе. Он пишет много статей и листовок. Не забывает посещать и Баку.

В марте Сталин стал сотрудничать с тифлисскими газетами «Гантиади» («Рассвет») и «Элва» («Молния»), их выпускала объединенная организация РСДРП.

Восьмого марта он печатает в «Гантиади» статью «Государственная дума и тактика социал-демократии», в которой объясняет необходимость бойкота выборов в Думу.

---

* Шестнадцатого января 1906 года генерал Грязнов погиб в результате покушения, в организации которого принимал участие и Сталин. Командир Семеновского полка генерал Мин тоже был застрелен ровесницей Сталина, учительницей Зинаидой Коноплянниковой. Перед повешением она читала пушкинские строки: «Товарищ, верь: взойдет она, / Звезда пленительного счастья, / Россия вспрянет ото сна, / И на обломках самовластья / Напишут наши имена!»

Ему еще кажется, что новая волна революции вот-вот поднимется, а поэтому «Дума — это ублюдочный парламент». Такое отношение к Думе было свойственно всем большевикам: поставив на развитие революции, они знают, что уступают либералам в легальных методах и боятся раствориться в их массе.

В Баку 15 апреля 1906 года происходит крайне неприятное для него событие.

На следующий день в газете «Кавказ» была помещена следующая заметка: «Тайная типография. В субботу, 15 апреля, на Авлабаре, шагах в 150—200 от городской острозаразной больницы, в отдельно стоящем доме без жильцов Д. М. Ростомашвили, во дворе обнаружен колодец до 10 саженей глубиной, в который можно было спуститься по блоку. По галерее внизу колодца на глубине около 7 саженей можно было сообщаться с другим колодцем, в котором была поставлена приставная лестница высотой около 5 саженей. По лестнице можно было попасть во второй подвал, расположенный ниже первого подвала этого дома. В этом подвале обнаружены вполне оборудованная типография с 20 типографскими кассами со шрифтами русским, грузинским и армянским, печатная ручная машина, стоящая 1500—2000 рублей, различные кислоты, гремучий студень и другие принадлежности для снаряжения бомб, всевозможная нелегальная литература, печати различных частей войск и учреждений, а также разрывной снаряд, в котором находилось 15 фунтов динамита. Типография эта освещалась ацетиленовыми лампами, и в ней устроена была электрическая сигнализация. Во дворе дома, в сарайчике, найдены еще 3 "снаряженных бомбы", втулки к ним и проч. Как причастные к этому делу арестованы 24 лица, устроившие заседание в редакции газеты "Элва". При обыске помещения этой редакции найдена масса нелегальной литературы и прокламаций, а также около 20 чистых паспортных бланков. Помещение редакции опечатано. Так как из этой тайной типографии идут в разные направления какие-то провода, то ныне производятся раскопки в надежде найти другое подземное помещение. Инвентарь, найденный в этой типографии, перевезен на 5 подводах. Вечером того же дня арестованы еще трое соучастников. Когда арестованных вели в тюрьму, они все время пели "Марсельезу"»[13].

Поразительно, но после проигранной битвы дух этих людей был по-прежнему высок.

Да, наверное, его несла та самая «река Ада». Не случайно великий грешник русской революции Сергей Нечаев (кстати,

учитель по профессии), убив своего товарища за то, что тот не захотел подчиниться жестокому закону революционного террора, стал для революционеров, в том числе и для Сталина, символом самоотверженности и святости.

Поэтому Сталин, участвуя в убийстве генерала Грязнова, был таким же грешником, и «духи русской революции» освещали его путь.

Шестого апреля 1906 года Сталин выехал из Тифлиса в Стокгольм на IV объединенный съезд партии. Там он встретился со своими знакомцами по Таммерфорсу — В. И. Лениным, Л. Б. Красиным, Н. К. Крупской, Е. М. Ярославским и др. На съезде он увидел ветеранов социал-демократии Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, познакомился с людьми, которые впоследствии станут его соратниками: К. Е. Ворошиловым, Ф. Э. Дзержинским, Ф. А. Сергеевым (Артемом), М. В. Фрунзе. С Климом Ворошиловым он жил в одном гостиничном номере.

На съезде Сталин запомнился тем, что по аграрному вопросу вступил в полемику с Лениным. Как известно, Иванович (под этим псевдонимом он участвовал в съезде) выступал за прямую передачу земли в собственность крестьянам.

Ленин стоял на другой позиции: землю надо национализировать при условии перехода власти к народу.

Надо заметить, съезд проходил под настроение, выраженное крылатой фразой Плеханова: «Не надо было браться за оружие», однако курс большевиков был противоположен — на восстание.

Земельный вопрос стал главным вопросом съезда. Все выступавшие соглашались, что будущая демократическая республика, которая возникнет в случае победы революции, будет буржуазно-демократической, а не социалистической. А что дальше?

Ленин и Плеханов сходились в том, что реставрация тем не менее будет неизбежной, что крестьянин как мелкий собственник, получив землю, повернется против революции. То есть у социализма нет сильной базы в России, крестьяне не захотят поддерживать рабочих.

Выходит — тупик.

Ленин говорил, что невозможно удержать будущие демократические завоевания в России без социалистической революции на Западе, что возможен только кратковременный захват власти. Поэтому крестьянам как будущим противникам (а пока — временным союзникам) земли не давать, только изъять ее у помещиков в государственную собственность.

Сталин был более категоричен: так как союз с крестьянами временный, надо поддержать их требования, которые не проти-

воречат тенденциям экономического развития и ходу революции. (А потом, как говорилось в его статье «Аграрный вопрос», самостоятельные фермеры в значительной массе разорятся и, естественно, перейдут на сторону пролетариата.)

Споря о крестьянском (земельном) вопросе, участники съезда пытались заглянуть в ближайшее будущее и были в его оценке весьма реалистичны.

Действительно, политический раскол России шел по линии расходящихся интересов главных экономических сил — крупных землевладельцев и близкого к ним чиновничества, промышленной буржуазии и мелких земельных собственников.

Если за либералами стояла большая сила в лице промышленной буржуазии и части чиновников, то за большевиками — только малочисленный пролетариат. От того, к кому повернется крестьянство, зависело практически все.

Ленин примкнул к группе, в которую входил Иванович. Впрочем, примкнул не по согласию с ней, а по нежеланию солидаризироваться с меньшевиками, программа которых (муниципализация земли) подразумевала соглашательство с либералами.

Революция отступала. Меньшевики имели на съезде численное превосходство. Что было впереди — неведомо.

В марте состоялись выборы в I Государственную думу, но большевики объявили им бойкот (правда, в апреле снятый), так что будущее рисовалось достаточно туманно.

В конце апреля из-за этого бойкота в предвыборном списке партия кадетов оказалась самой левой и получила 34 процента мандатов, 153 депутата (затем это число выросло до 179, то есть 37,4 процента). Иногда кадетов называли «профессорской партией». «В нее вошли, несомненно, наиболее сознательные политические элементы русской интеллигенции» (П. Н. Милюков). Эти люди прошли испытания бескорыстной общественной работой в земских больницах, агропунктах, ветеринарных лечебницах, школах и были настроены на повседневную эволюционную деятельность, не умея и не желая вести деятельность чисто революционную.

Говоря языком социологии, кадеты («Народной свободы партия» — еще одно их название) представляли собой часть политического класса, не допускаемого к политическим и распределительным функциям. Это была в чистом виде контрэлита, которая планировала, оттеснив правящую группу, возглавить государство и провести необходимые реформы. Каде-

ты взывали к «реке Ада», чтобы чужими руками, не пятная своих, взять власть за горло.

Постепенно слева от фракции кадетов в Думе образовалась из беспартийных депутатов «трудовая группа» (107 мандатов).

А замысел правительства опереться на депутатов-крестьян и составить из них собственную партию не оправдался. Вообще выборы сильно его разочаровали. Кадеты и трудовики составили неустойчивое, вечно колеблющееся большинство, но позиция властей укрепилась после усмирения Декабрьского восстания и приведения в должный порядок воинских частей, покидающих Маньчжурию. Кроме того, Николай II пересмотрел свой взгляд на Витте.

«Витте, после московских событий, резко изменился, — писал царь матери. — Теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона... Благодаря этому свойству своего характера, почти никто ему больше не верит, он окончательно потопил себя в глазах всех»[14].

Двадцать третьего апреля была объявлена отставка кабинета Витте. Дурново тоже был уволен. Таким образом, Николай показывал, что начинает новый отсчет времени.

Двадцать шестого апреля Стокгольмский съезд закончился. Сталин вернулся в Тифлис 20 июня: он еще побывал в Германии, привез оттуда деньги на издание легальной газеты «Ахале цховреба» («Новая жизнь»). Он опубликовал там ряд статей: «Что делать», «Пресса», «Реорганизация в Тифлисе», «Социалистический пролетариат и революционное правительство» и др. Всего 13 статей, брошюра «Текущий момент и Объединительный съезд рабочей партии» и начало серии статей «Анархизм или социализм?» — это написано менее чем за месяц.

Тем временем в России происходят необыкновенные события. После Витте премьером становится умный и осторожный консерватор Иван Логгинович Горемыкин, на пост министра внутренних дел назначается саратовский губернатор Петр Аркадьевич Столыпин. Фактически Николай II перевернул правящую петербургскую группировку, отдав самое важное министерство представителю губернской, а не столичной элиты.

То, что император поставил вместо политически непредсказуемого Витте надежного бюрократа Горемыкина, было вполне очевидным шагом. 66-летний премьер занимался в составе сенаторской комиссии исследованием экономического быта и юридического положения крестьян в Самарской и

Саратовской губерниях, был министром внутренних дел, членом Государственного совета, с марта 1905 года — председателем Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения.

Горемыкин любил комфорт, избегал конфликтов и был верен монарху.

Столыпин же представлял собой новый тип российского бюрократа. Во-первых, он не хотел принимать третий по значимости пост. Конечно, имея двух убитых предшественников (Булыгина и Плеве) и двух уволенных от должности (Святополк-Мирский и Дурново), Столыпин мог не спешить класть голову на плаху. Но после того, как Николай сказал: «Я вам приказываю», поцеловал ему руку и согласился. Эта сцена выглядит несколько картинно, однако надо признать, что Столыпин при всей силе его натуры был склонен к эффектным речам и поступкам.

В отличие от Горемыкина он был человеком героического склада. Именно такого и требовала обстановка.

Столыпин происходил из дворянского рода XVI века, родился 2 апреля 1862 года, отец — генерал от артиллерии, мать — племянница канцлера А. Горчакова; окончил Виленскую гимназию и естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, служил в Департаменте земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ, предводителем дворянства Ковенского уезда, гродненским губернатором, затем саратовским. Причем в Саратове на его долю выпали большие потрясения, с которыми он не потеряв головы успешно справился.

Сталин смотрел на Думу презрительно, как и следовало большевику, стороннику восстания.

В статье «Современный момент и Объединительный съезд рабочей партии» он страстно выражает свои взгляды: «И чем дальше, тем резче страна делится на два враждебных лагеря, лагерь революции и лагерь контрреволюции, тем более грозно противопоставляются друг другу два главаря двух лагерей — пролетариат и царское правительство, и тем более становится ясным, что между ними сожжены все мосты. Одно из двух: либо победа революции и самодержавие народа, либо победа контрреволюции и царское самодержавие. Кто садится меж двух стульев, тот предает революцию. Кто не с нами, тот против нас! Жалкая Дума с ее жалкими кадетами застряла именно между этих двух стульев. Она хочет революцию примирить с контрреволюцией, чтобы волки и овцы вместе пас-

лись, — и таким образом «одним ударом» усмирить революцию. Поэтому-то Дума до сих пор занимается только толчением воды в ступе, потому-то она никакого народа не сумела собрать вокруг себя и, не имея под собой почвы, болтается в воздухе»[15].

Сталин с горечью пишет, что съезд отверг большевистскую идею гегемонии пролетариата и одобрил позицию меньшевиков, считающих, что руководство революцией будет принадлежать буржуазным демократам. То есть съезд не понял сути происходящего, и за этим последуют новые ошибки.

Свидетельница первых шагов Думы, думский корреспондент и член ЦК кадетов Ариадна Тыркова отметила в своих мемуарах это обстоятельство: «Они не понимали, какое драгоценное орудие для переустройства русской жизни вложила история в их неопытные руки. Оппозиция, как и правительство, не знала, как обращаться с Государственной думой, какую пользу можно и должно из нее извлечь. Народные представители, увлеченные борьбой, оглушенные забастовками, восстаниями, террористическими актами, казнями, опьяненные политическими возгласами, обличениями, требованиями, не сумели сразу приняться за то, ради чего Дума была созвана, чего они сами добивались с такой бурной энергией, — за законодательство. Слишком еще кипели в них страсти, слишком обуревала их неудержимая потребность на всю страну выкрикнуть то, о чем раньше говорилось только шепотом. Хотя с появлением народного представительства часть этих криков и лозунгов теряла свое значение»[16].

Вообще, действия политического класса, к которому по положению и воспитанию принадлежало кадетское большинство Думы, вызывает недоуменный вопрос.

Почему эти люди, дворяне, князья, графы, дети министров, профессора и адвокаты, оказались настолько недальновидны, что содействовали разрушению своей родины вместо того, чтобы терпеливо созидать обновление?

Как говорил Столыпин о кадетах — «мозг страны», и этот мозг отравлял Россию ядом нетерпимости, торопливости и какого-то сумасшедшего азарта. Впрочем, тот же Столыпин, понимавший оборотную сторону кадетства, стремился «вырвать кадетское жало».

Председателем Думы был избран кадет, профессор римского права С. А. Муромцев. Заняв свое кресло, он на первом же заседании вне очереди предоставил слово коллеге по партии И. И. Петрункевичу. Петрункевич нанес сильнейший удар по

правительству: потребовал объявления политической амнистии.

Призыв Думы амнистировать террористов сочетался с нежеланием морально осудить терроризм. Поправка М. А. Стаховича осудить политические убийства не прошла! Более того, некоторые лидеры кадетов говорили, что невозможно осуждать террор, так как партия утратит моральный авторитет.

Дальнейшие события показали, что смута еще далеко не закончилась.

Первого мая 1906 года убит начальник петербургского порта вице-адмирал К. Кузьмич.

Четырнадцатого мая совершено покушение на коменданта Севастопольской крепости генерала Неплюева, бомбой разорваны на куски семь человек, в том числе двое детей; Неплюев остался жив.

В конце июня в Севастополе был убит командующий Черноморским флотом адмирал Чухнин.

Всего в мае погибли от террора 122 человека, в июне — 127.

В июле начались восстания на военно-морской базе Балтийского флота Кронштадте и в крепости Свеаборг.

Девятнадцатого июля взбунтовалась команда крейсера «Память Азова».

Второго августа польские социалисты провели в Царстве Польском несколько террористических нападений на солдат и полицейских. Убиты 33 солдата и полицейских.

Откликаясь на события в Варшаве, Ленин писал: «Мы советуем всем боевым группам нашей партии прекратить свою бездеятельность и предпринять ряд партизанских действий»[17].

Четырнадцатого августа в Варшаве убит генерал-губернатор Н. Вонлярский.

В Москве боевики разъезжали на автомобиле «форд» и расстреливали стоявших на постах городовых.

Между тем Дума подготовила «адрес на высочайшее имя». В адрес фактически вошла вся программа кадетов: упразднить Государственный совет, установить ответственность министров перед Думой, отменить сословные привилегии, перераспределить помещичьи, казенные и монастырские земли и, наконец, — политическая амнистия.

Дума подбросила новое топливо в пылающий костер: несколько аграрных законопроектов, основанных на принципе принудительного изъятия земель у крупных собственников.

Разумеется, кадеты знали, что крупные помещичьи хозяйства являются очагами культуры в безбрежном крестьянском

море и дают основной объем товарного зерна. Но ради своих политических интересов они предпочли забыть об этом.

В тот час кадеты были ближе к социал-демократам, к Сталину, чем к экономическим интересам страны.

От правительства по аграрному вопросу в Думе выступили министр земледелия А. С. Стишинский и заместитель министра внутренних дел Гурко.

Владимир Иосифович Гурко, сын фельдмаршала, героя Русско-турецкой войны, отличался глубоким умом, волей и темпераментом. Это именно он разработал реформу, впоследствии названную Столыпинской.

Гурко сказал, что даже при отчуждении всех помещичьих земель крестьяне получили бы незначительную прибавку (около десятины на человека), тогда же была бы для них утрачена возможность сторонних заработков, очень важных в крестьянской экономике. Но главное заключалось в словах: «Не упразднением частного землевладения, не нарушением прав собственности на землю, а предоставлением крестьянам состоящих в их пользовании земель в полную собственность заслужит Государственная дума — собрание государственно мыслящих людей — великое спасибо русского народа»[18].

Возражал Гурко кадет М. Л. Герценштейн. Не найдя убедительных доводов, он произнес роковые слова, которые многие восприняли как оскорбление:

— Или вам мало майской иллюминации, которая унесла в Саратовской губернии 150 усадеб?

Герценштейн был евреем, а учитывая остроту еврейского вопроса и то, что среди террористов было много евреев, его слова приобрели дополнительную угрожающую окраску. Через несколько недель он был застрелен. Молва приписала это убийство Союзу русского народа, хотя сами правые всячески отрицали это, а их газета «Русское знамя» писала, что убийца должен быть казнен.

То, что произошло потом, можно назвать символом приближающегося крушения государства и, если хотите, объяснением, почему Сталин в конце концов занял место российского императора.

Перед коронной властью встал вопрос налаживания диалога с либеральной оппозицией. Столыпин встретился с Милюковым, обсуждал проект создания «думского кабинета» на следующих условиях: за царем — назначение министров двора, военного, морского, иностранных и внутренних дел, остальные посты предоставляются кадетской партии.

Милюков, однако, не согласился, потребовал поста министра внутренних дел.

Столыпин попробовал переубедить его: «Вы не справитесь с террором и не удержите государственного порядка».

Милюков возразил: «Этого не боимся. Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства»[19].

На этом переговоры закончились.

Тем временем в Думе произошло событие, полностью зачеркнувшее возможность коалиционного кабинета. На ее заседании выступал главный военный прокурор Павлов, давая объяснения по думскому законопроекту об отмене смертной казни.

Увидев Павлова, депутаты буквально взорвались:

— Вон! Палач! Убийца! Вон! Кровь на руках! Вон!

Ему не дали говорить. Они топали ногами, стучали пюпитрами, вскакивали с мест. Павлов пытался что-то сказать, потом махнул рукой и сошел с трибуны.

Двадцать седьмого декабря он был убит прямо в здании военного суда на Мойке.

Нет, ни по одному из обсуждаемых вопросов Дума не находила общего языка с властью. Становилось ясно, что Думу надо распустить.

Повод предоставила сама Дума. 4 июля она постановила обратиться к населению с «разъяснением» по аграрному вопросу, что «от принудительного отчуждения частнособственнических земель не отступит, отклоняя все предложения, с этим не согласованные». Фактически это был призыв к продолжению аграрных беспорядков и угроза правительству.

Девятого июля 1906 года Дума была распущена. Премьер-министром стал Столыпин, сохранив за собой пост министра внутренних дел.

Но вернемся к нашему герою. У него по-прежнему нет своего угла, где бы можно было приклонить голову. Он подобен волку, которого обложили охотники. Даже к своей милой Като он вынужден приходить тайком, а саму Като в один прекрасный день арестовывают и держат в полицейском участке, правда недолго.

Он по-прежнему проповедует среди рабочих и бедной интеллигенции, собирает средства, пишет прокламации и газетные статьи, клеймит правительство и меньшевиков, уходит от филеров.

Разве в этом предназначение человека? Но он отрекся от традиционного образа человека. Он — падший ангел, апостол гражданской войны. Это и есть образ Сталина той поры.

«Нет сомнения, что классовая борьба будет все сильнее разгораться, — пишет он в декабре 1906 года в газете «Ахали дроеба» («Новое время»). — Задача пролетариата — внести в свою борьбу систему и дух организованности»[20].

Через несколько дней в другой статье он замечает: «Пролетариат... еще раз докажет миру, что рубить голову черту надо его же мечом»[21].

Именно в это время, в конце 1906 года, он пишет свою известную работу «Анархизм или социализм?». Возможно, прозвучит удивительно, однако в этой большой работе молодой еще человек показал, что мыслит философично, самостоятельно и опирается на собственные наблюдения, которые представляла ему кавказская действительность. Он говорит об эволюционной и революционной стадиях политического движения и полон сильного, проповеднического оптимизма.

Подчеркнем, что в эту же пору 9 ноября в жизни страны произошло событие, которое вскоре консервативный журналист М. О. Меньшиков назовет «тихой революцией». Николай II подписал подготовленный Столыпиным указ, разрешающий крестьянам свободно выходить из общины и получать в собственность свой участок земли.

Правительство перешло к решительным действиям на территории революции, началась аграрная реформа.

Сталин никак не реагирует на это событие: еще слишком рано.

Глава третья

Столыпинская реформа. Тифлисская экспроприация. Конфликты Ленина в руководстве РСДРП. Ссылка Сталина в Вычегду и побег. Избрание в состав Русского бюро партии

С появлением на политической сцене Столыпина русская революция со всеми ее героями: Лениным, Сталиным, Троцким должна была кануть в Лету. Столыпин давал империи шанс изменить порядок управления страной, примириться с культурным обществом и увеличить оборотные капиталы экономики.

Для этого в портфеле премьера оказался не один проект земельной реформы, а целая программа: свобода вероисповеданий, неприкосновенность личности и гражданское равнопра-

вие, улучшение крестьянского землевладения, улучшение быта рабочих, государственное страхование, реформа земского самоуправления, введение земства в Прибалтийском и Западном краях, земское и городское самоуправление в Царстве Польском, реформа местного суда, реформа средней и высшей школы, введение подоходного налога, объединение полиции и жандармерии и издание нового закона об исключительном положении. Кроме того, намечалась отмена ограничений для евреев.

Двенадцатого августа 1906 года, в субботу, когда Столыпин вел прием посетителей на государственной даче на Аптекарском острове, а его дочь Наташа и сын Аркадий вместе с няней, молодой воспитанницей Красностокского женского монастыря Людмилой Останькович, играли на балконе, к дому подъехало наемное ландо с тремя молодыми мужчинами. Двое в форме жандармских офицеров, один — в цивильной одежде. Это были террористы-эсеры, приехавшие убить Столыпина.

Но их задержал швейцар. Они попытались прорваться мимо него, были остановлены двумя охранниками и взорвали две бомбы, спрятанные в портфеле.

Погибли 24 человека, умерли от ран и были ранены еще 25 человек. Фасад дома обрушился.

Столыпин не пострадал. Двое его детей чудом остались живы, но у девочки были раздроблены ноги, а у малыша сломана нога и ранена голова. Их няня погибла.

Через несколько дней, во время заседания Совета министров Столыпин получил с посыльным записку Николая II. Начиналась она так: «Я желаю, чтобы немедленно были учреждены военно-полевые суды для суждения по законам военного времени». Далее шло разъяснение, о каких преступлениях идет речь: террористические акты, вооруженные выступления против государственного порядка и т. п.

Сам Столыпин был против военно-полевых судов, считая, что смуту может успокоить мирное обновление общества. Он не терял надежды установить доверительный диалог с той частью образованного общества, которой была дорога историческая Россия.

Его поддержали партия Союз 17 октября во главе с А. И. Гучковым и часть кадетов, которые в его программе услышали созвучие своим либеральным идеям.

К главной цели реформ Столыпин подошел очень быстро. 9 ноября 1906 года вышел указ о выходе из общины («второе освобождение крестьян»).

На Крестьянский банк возлагались обязанность скупки помещичьих имений и продажа земельных участков в кредит под минимальный процент и по льготной цене. Кроме того, Столыпин добился, что большинство удельных и степных земель, а также земель, принадлежащих царской фамилии, передавались в Крестьянский банк. Земли Алтайского округа обращались для размещения переселенцев.

Чтобы выйти из общины и получить из нее свою землю, достаточно было через старосту подать заявление.

Был издан указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий». Крестьянам разрешалось без согласия общины свободно получать паспорта, отменялись ограничения в приемах на работу, разрешалось свободное избрание профессии и места жительства; земские начальники потеряли право штрафовать и арестовывать крестьян без постановления суда.

Крестьяне получали все гражданские права. Реформа выбивала почву из-под ног леворадикальных политиков.

Крестьянский поземельный банк был финансовым инструментом реформы. Он скупал миллионы десятин и затем, выдавая кредиты, продавал землю крестьянам. Банковская ссуда на покупку земли доходила до 90—95 процентов стоимости приобретаемого участка. При этом земля не продавалась ни помещикам, ни даже крестьянским обществам. Только в личную собственность крестьянам! Большинство покупателей были середняки и бедняки.

Яркую оценку реформы можно найти в статьях В. Ленина того периода: «Что, если столыпинская политика продержится действительно долго... Тогда добросовестные марксисты прямо и открыто выкинут вовсе всякую “аграрную программу”, ибо после “решения” аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может. Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революции в России»[22].

Сталин смотрел на столыпинские преобразования точно так же, как и Ленин: Столыпин — враг революции.

Была ли реформа спасительной для России? Задаваясь этим вопросом, надо иметь в виду в том числе перенаселенность русской деревни (около 30 миллионов человек), которая сдерживалась общиной, кормившей «лишние рты». По всей России бродили 10 миллионов человек из так называемого «сердитого нищенства», отличавшегося высокой агрессивностью.

Общинный мир с его уравнительными законами и традициями не только ограничивал власть сильных хозяев над слабыми, но прежде всего управлял всей жизнью в деревне: помощью больным, сиротам, погорельцам, устанавливал общие правила земле- и лесопользования, следил за моралью и т. д. Это был общинный коммунизм с его плюсами и минусами, его прошлое уходило во времена Святой Руси. Особенное значение имела социальная функция общины, так как со времен великих реформ Александра II крестьянское население выросло почти вдвое, и вопрос перенаселения (безработицы) решался только за счет именно взаимопомощи, самоограничения, даже торможения эффективности ради сострадания к ближнему.

Конечно, в XX веке община уже заметно разрушалась под воздействием капиталистических законов. Рынок втягивал в экономические отношения огромный пласт российской жизни, пребывающей в дорыночном состоянии. Распахивая двери в деревню для экономических перемен, правительство понимало, что значительная часть крестьянства не захочет взять на себя риск предпринимательства.

И действительно, общинно-коммунистическая часть деревни не принимала стремления другой ее части к обогащению за счет более слабых. Она видела в откалывающихся от общины хозяевах своих противников, предающих тысячелетнюю традицию. Поэтому успех Столыпина был еще далеко не гарантирован, и слова Ленина «если столыпинская политика продержится действительно долго» имели под собой реальные основы для продолжения борьбы. А если не продержится?

В феврале 1907 года И. В. Сталин вместе с П. А. Джапаридзе, С. Г. Шаумяном и С. С. Спандаряном начинает выпуск газеты «Бакинский пролетарий».

Восемнадцатого марта у Сталина родился сын Яков.

В марте же в Тифлисе, где преобладали меньшевики, проходят выборы делегатов на V съезд РСДРП. Делегатами избраны одни только меньшевики. Тогда 28 марта Бюро большевиков публикует в газете «Дро» обращение к рабочим объединиться и направить на съезд своего делегата.

К 8 апреля удается собрать 572 голоса, делегатом избран Сталин. Конечно, Сталин! Это уже никого не удивляло.

Но как его семья? Жена с сыном не могут оторвать его от революционной деятельности. Его семью содержит тесть. Коба и рад бы был помочь, но денег у него нет.

Съезд открылся в Лондоне 30 апреля и продолжался до 19 мая.

Силы большевиков и меньшевиков были представлены почти равно — 90 и 85, то есть большевики после выборов I Думы стали брать верх.

Выступая 12 мая, Ленин признал, что революция переживает трудные времена, нужна вся сила воли, вся выдержка и стойкость сплоченной пролетарской партии, чтобы уметь противостоять настроениям неверия, упадка сил, равнодушия, отказа от борьбы.

Сталин на съезде не выступал и держался незаметно.

В Тбилиси он появился в начале июня, затем выехал в Баку, где согласно решениям съезда надо было «укрепить партийную организацию».

Двенадцатого июня он снова в Тифлисе.

Начинается подготовка к нападению на казначейскую карету, перевозящую деньги.

Хотя экспроприации и запрещены решением последнего съезда, большевики не признали это чисто меньшевистское решение. Поэтому у Сталина развязаны руки. Кроме того, он «практик», а не теоретик, живущий в эмиграции, где, как он считает, партийцы отрываются от реальной борьбы.

Тринадцатого июня на Эриванской площади в Тифлисе группа социал-демократов, руководимая другом детства Сталина С. А. Тер-Петросяном (Камо), совершила вооруженный налет на карету с 250 тысячами рублей.

Операция была продуманная и дерзкая. В 10 часов 45 минут в определенной последовательности было брошено несколько мощных бомб. Трое конвойных были убиты, около пятидесяти человек ранены. Никто из боевиков не был задержан.

Не найдено никаких подтверждений участия Сталина в этом событии, хотя существует мнение, что он знал о нем и даже участвовал в подготовке. Для понимания тогдашнего Сталина не имеет большого значения, бросал ли он бомбу в тот день или не бросал. Важнее то, что Тифлисский (Закавказский) комитет РСДРП, в котором преобладали меньшевики, потребовал исключить участников экспроприации из партии и провел свое расследование. В процессе расследования была установлена причастность Сталина.

Налет на казначейскую карету и похищение четверти миллиона рублей (из них меньшевикам не было дано ни копейки) трактовался Тифлисским комитетом как вызов V съезду РСДРП, который принял резолюцию о прекращении партизанских действий и роспуске боевых дружин. Сталин был назван организатором «экса» и вместе с его участниками был исключен из партии.

Это постановление направили в ЦК РСДРП за рубеж, однако в большевистском ЦК решение тифлисских меньшевиков положили под сукно (хотя цекистам-большевикам пришлось выдержать сильное давление и со стороны европейских социал-демократов: европейцы не принимали практики вооруженных ограблений).

Принципиальная позиция Тифлисского комитета привела к крайне тяжелым последствиям для Сталина: он как профессиональный партийный работник находился на содержании партии. Теперь он оказывался на грани краха и нищеты.

По сути дела, Сталина вытолкнули из Грузии. Вместе с семьей он переехал в Баку, поселился на квартире рабочего-нефтяника и включился в активную работу. С учетом тифлисской ситуации ему надо было укрепить свои позиции в Баку, где влияние меньшевиков было слабее. Он сосредоточился на работе среди рабочих Биби-Эйбатского нефтяного месторождения.

Начиная с лета 1907 года в пролетарском Баку собирается значительная группа кавказских большевиков из Тифлиса, Батума, Чиатуры, Кутаиса — М. Давиташвили, П. Джапаридзе, К. Орджоникидзе, С. Спандарян, С. Шаумян. Сюда же прибывают известные деятели РСДРП С. Вайнштейн, Б. Кнунянц, К. Ворошилов, Р. Землячка, Ю. Ларин (Лурье), М. Ольминский, Е. Стасова, М. Фрумкин. Тогда же в городе стали выходить две рабочие газеты «Бакинский пролетарий» и «Гудок». Словом, Баку стал одним из самых сильных большевистских центров. 20 июня вышел первый номер «Бакинского пролетария», а в нем сразу две статьи Сталина «Разгон Думы и задачи пролетариата» и первая часть большой статьи «Лондонский съезд РСДРП (записки делегата)».

Десятого июля вышел второй номер с продолжением «записок», но целиком вся статья осталась неопубликованной, так как в ночь на 25 июля полиция совершила налет на типографию и арестовала почти готовый к печати набор третьего номера.

Двенадцатого августа стал выходить «Гудок», в котором Сталин напечатал много статей.

Он становится одним из инициаторов кампании за перевыборы в Бакинском комитете РСДРП, что потом на уровне ЦК меньшевиками было поставлено ему в вину («раскол»).

Двадцать четвертого августа на собрании представителей пяти районных организаций и мусульманской социал-демократической группы «Гуммет» Сталин становится одним из членов организационной комиссии по созыву городской конференции.

Двадцать шестого октября он праздновал победу: конференция избрала большевистский состав Бакинского комитета, а его — членом комитета.

После тифлисского изгнания это было триумфом: благодаря его усилиям большевикам удалось оттеснить меньшевиков от руководства городским комитетом.

Но его ждет удар: Като заболела тифом. Через две недели она умерла у него на руках.

Милая, кроткая Като, связавшая свою судьбу с этим железным человеком, — прощай... Похоронив жену, Коба оставил сына в семье тестя и снова стал бесприютным одиноким бойцом. Он признался тогда: его сердце окаменело.

В начале 1908 года Сталин выехал для консультаций с Лениным в Швейцарию. Реконструкция событий позволяет утверждать, что после тифлисского скандала Сталину потребовалось согласие лидера партии на добычу денег вооруженным путем. А то, что финансы партии уменьшились, вытекало из общего спада революционных настроений и сокращения помощи от сочувствующих.

Троцкий пишет: «На опыте кавказских экспроприаций он (Ленин), видимо, оценил Кобу как человека, способного идти или вести других до конца... В годы реакции он (Сталин) принадлежал не к тем десяткам тысяч, которые покидали партию, а к тем немногим сотням, которые, несмотря ни на что, сохраняли верность ей»[23].

Вернувшись в Баку, Сталин занялся подготовкой к новому «эксу»: из Астрахани в Баку везли пароходом четыре миллиона рублей, предназначенные для администрации Туркестанского края.

В Баку стал собираться боевой актив: С. Кавтарадзе, Тома Чубидзе, Степко (Вано) Ицкирвели, которому было поручено заведовать складом военно-боевой организации РСДРП. Покупалось оружие. Кроме того, был совершен налет на военно-морской арсенал. Для руководства боевой дружиной был организован штаб самообороны. Однако полиции удалось установить, кто напал на арсенал. Были арестованы четверо боевиков. Должен был быть арестован и Сталин. Ему удалось скрыться. Правда, 15 марта он уже присутствовал на городской партийной конференции и снова едва не попался жандармам.

Но 25 марта он все-таки был задержан с паспортом на имя Нижерадзе. Практически сразу выяснилось его подлинное имя.

Во время ареста Коба содержался в Баиловской тюрьме, где в первый день Пасхи охрана устроила заключенным своеобразный путь на Голгофу: их прогнали сквозь строй, и солдаты били их прикладами.

Сталина тоже били, он шел с поднятой головой, держа в руках том «Капитала» Маркса. Если учесть, в какой великий праздник произошла экзекуция, то сцена приобретает религиозный смысл: Сталин нес евангелие своей веры.

Четвертого августа 1908 года начальник Бакинского губернского жандармского управления подписал постановление: «Полагал бы Иосифа Виссарионова Джугашвили водворить под надзор полиции в Восточную Сибирь сроком на три года». 26 сентября Особым совещанием при МВД некоторым арестованным сократили срок ссылки с трех до двух лет, в том числе и Джугашвили. Причем Восточная Сибирь была заменена менее отдаленной Вологодской губернией.

Двадцать девятого сентября постановление Особого совещания утвердил министр внутренних дел Столыпин. Здесь прямо пересеклись их судьбы. Один был защитником режима и усмирителем революции, а второй — разрушителем государственного порядка и врагом монархии. Если бы Столыпину дано было знать, что за промелькнувшей в подписанном им документе фамилией грузинского бродяги — социал-демократа стоит его фактический преемник по модернизации России, он был бы потрясен. «Неужели, — мог бы спросить тогда премьер-министр, — империя обречена?»

Жизнеописание Сталина было бы не полным без рассказа об уроке управления партией, который преподал ему Ленин.

Российской социал-демократической рабочей партией руководили несколько выдающихся людей. У них были различные взгляды не только на методы и цели борьбы (большевики — меньшевики), но и на характер отношений внутри самой партии. И разная воля, и разный дар предвидения.

Ленин шел к поставленным целям с небывалым упорством. Здесь Сталин оказался его первым учеником.

В деятельности Ленина было много случаев, когда он в достижении своих целей без колебания преступал общепринятые нормы, так как постоянно находился в кризисной ситуации, требующей принятия новых решений.

В тифлисской экспроприации и ее последствиях это высветилось ярчайшим образом. И последствия для большевиков были весьма болезненны.

Ограбления с политическими целями нарушали права частной собственности, приводили к жертвам среди обывателей и к тому же развращали самих боевиков. Далеко не все они были столь невосприимчивы к деньгам, как Сталин и Камо.

Вообще, финансовый вопрос стоял крайне остро. Без денег

ни о каком управлении не могло быть и речи. Тот, кто управлял финансами партии, был фактически ее генеральным директором.

В 1906—1909 годах, когда еще РСДРП оставалась единой, ее большевистской фракцией руководил Большевистский центр (БЦ), директоратом БЦ была тройка в составе В. И. Ленина, А. А. Богданова и Л. Б. Красина. На них лежала обязанность доставать деньги и определять порядок их расходования.

Красин был гением организации. Он создал целую сеть лабораторий, мастерских, типографий, которые отчисляли средства не только соратникам по партии, но и другим революционерам. Так, взрыв 12 августа на даче у премьер-министра Столыпина был произведен зарядами, изготовленными в лаборатории БЦ.

Но Ленин являлся более крупным политиком, чем его товарищи по директорату, и понимал, что для превращения партии в «боевой отряд» он должен занять место бесспорного лидера.

Его конкуренты тоже были неслабыми деятелями. Александр Александрович Богданов (Малиновский) родился в 1873 году в семье народного учителя, врач. На III съезде был докладчиком по вопросу вооруженного восстания, а также по организационному вопросу. Член ЦК. Арестовывался, был в ссылке. Автор «Курса политической экономии» в четырех томах. Редактировал нелегальную рабочую газету «Вперед». Это он сказал: «На баррикадах взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова».

Леонид Борисович Красин родился в Кургане в 1870 году, инженер. Один из организаторов Бакинской забастовки 1903 года. Член ЦК. Заведовал в Петербурге осветительной кабельной сетью. Работал в Германии инженером. Арестовывался, отбывал ссылки.

Почему же произошел конфликт?

На 1904 год приходится самый критический период в политической жизни Ленина: он порвал с «Искрой» и руководящей группой искровских практиков, членов ЦК в России (с Красиным, Кржижановским, Носковым и др.), и оказался один.

«Без помощи — политической, литературной и материальной — Богданова и его друзей — Ленин тогда не смог бы вообще построить свою фракцию. Богданов, встав на его сторону, политически буквально спас Ленина.

Именно Богданов в 1905 году вернул на сторону Ленина Красина, вместе с которым стал главной силой большевизма в России 1905—1906 годов»[24].

Впрочем, вопрос личной конкуренции — слишком банален. У Ленина было идейное обоснование конкуренции. Здесь

все переплелось: потребность в средствах, проблемы с меньшевиками, проблемы с товарищами-большевиками, еще находившимися в революционном азарте.

Что касается «тройки», то Ленин делал все, чтобы стать единоличным руководителем БЦ. К этому его вынуждала изменившаяся обстановка.

Для обострения конфликта Ленин неожиданно очень остро раскритиковал философские работы Богданова, даже написал «Материализм и эмпириокритицизм», что в принципе имело отдаленное отношение к проблемам партии и революции.

Не все поняли, в чем дело. Сталин тоже не понял, чего добивается Ленин, и назвал дискуссию «бурей в стакане воды», имея в виду невысокую практическую ценность философского спора.

С Красиным было еще сложнее. Он являлся стержнем финансовой, военной, конспиративной, полиграфической деятельности БЦ. Именно через него проходили большие деньги. Именно ему принадлежала идея печатать фальшивые купюры. Он крепко держал в руках партийный бюджет, контролировал все расходы и решал, что надо оплачивать, а что — нет.

Для ослабления позиций Красина Ленин использовал тифлисскую экспроприацию, за которой стоял Сталин.

Сам факт разбойного ограбления, как уже говорилось, вызвал в ЦК (среди меньшевиков) бурное возмущение.

Одновременно с тифлисскими событиями в Англии, Швейцарии, США какими-то русскими были сделаны налеты, что вызвало антиэмигрантские настроения на Западе. Вообще, западные социалисты никогда не поддерживали «партизанскую войну» российских коллег, предпочитая парламентские методы борьбы за власть.

В итоге к тифлисскому инциденту было приковано всеобщее внимание. Оно усилилось после неудачной попытки Красина одномоментно в банках Стокгольма, Берлина, Женевы, Парижа, Мюнхена разменять захваченные Камо крупные купюры (всего пятисотрублевок было сто тысяч, это по нынешнему курсу примерно десять миллионов долларов США). Но из-за внедренного в окружение Ленина полицейского агента операция провалилась.

В Берлине был арестован Камо. Ему грозили экстрадиция в Россию и казнь.

Ленин и большевики оказались в очень трудном положении. Фактически, хотя это было известно немногим, нити от Сталина и Камо вели в финскую Куоккалу, где обосновалась «тройка».

Словом, ограбление на Эриванской площади загнало большевиков в тупик.

Ленин сначала был солидарен с Красиным и Богдановым по тифлисскому делу, но вскоре резко переменил точку зрения и стал выступать против «эксизма» как такового. Было очевидно, что он взял курс на размежевание со «старыми большевиками».

Этот маневр позволил ему расколоть «тройку». Понимая, что требует невозможного от Красина, связанного словом, данным Камо, держать все в тайне, он выдвинул обвинения в том, что он (Красин) «самовольно удержал 140 тысяч рублей фракционных денег, полученных от тифлисской экспроприации».

При этом стороны конфликта понимали, что любая огласка дела может трагически сказаться на положении Камо. Красин и Богданов были шокированы. К тому же они считали себя обязанными сохранить средства для спасения жизни Камо.

«Именно поэтому и Богданов, и Красин не считали возможным давать какие бы то ни были объяснения по существу выдвинутого против них обвинения в "присвоении партийного имущества" и особенно возмущались поведением Ленина, который в качестве третьего члена "коллегии трех" в свое время принимал участие в заключении соглашения с "кавказской группой", а теперь не только допускал, что его ближайшие сотрудники (Зиновьев, Каменев и Таратута) предъявляют Богданову и Красину требование дать им отчет в расходовании этих сумм, но и явно их поддерживал, вернее, даже подстрекал их к усилению агрессии в этом направлении. Ибо ни у кого, конечно, не было и тени сомнения в том, что достаточно было Ленину сказать одно слово, чтобы указанная тройка его верных адъютантов от нападения на Красина и Богданова отказалась»[25].

Впоследствии было специальное решение ЦК по этому конфликту, в котором говорилось, что ни одна из сторон не имела злого умысла, «причем каждая из сторон субъективно руководствовалась мотивами идейными и партийными», и предлагалось «ликвидировать все частного характера столкновения путем частных объяснений».

Ленин был единственным, кто голосовал против этой резолюции, так как в ней между строк прочитывалось, что его претензии к Красину носят личный характер. Однако Владимир Ильич оказался в стратегическом выигрыше, он первым понял, что в условиях спада революции надо изменить состав руководства фракции. Можно сказать, что управляемая им машина должна была совершить крутой поворот, и он сам сел за руль.

В итоге старая большевистская фракция была все-таки расколота. Партийная касса оказалась полностью под контролем Ленина, чем он вскоре не преминул воспользоваться, ограничивая выплаты своим политическим оппонентам.

На этом фоне становится еще более выразительной деятельность Сталина в Баку, связанная с захватом позиций в городском комитете.

Меньшевики обвинили его в расколе. Наивные люди. Они не понимали, что для него их обвинения — похвала. Ленинский урок он будет помнить всегда.

Девятого ноября 1908 года Сталина направили по этапу в Вологодскую ссылку. Его распределили в Сольвычегодск, куда он прибыл 27 февраля 1909 года. Ссыльные называли его «профессионалом, большим работником».

Двадцать четвертого июня он бежал, — сначала на лодке по Вычегде и Северной Двине, потом пассажирским поездом добрался из Котласа до Петербурга.

Семнадцатого июля секретный сотрудник полиции «Михаил» сообщал: «В Баку прибыл “Коба”, известный на Кавказе деятель социал-демократической партии. Приехал он из Сибири, откуда, вероятно, бежал, так как был выслан в 1909 году. Он был в областном комитете представителем от Бакинской организации и несколько раз ездил на съезды. Здесь он займет центральное положение и сейчас же приступит к работе»[26].

Итак, Сталин снова оказался в привычной стихии. К этому времени можно отнести качественные изменения в его мироощущении, что потом он назовет переходом «из подмастерьев» в «мастера».

Первого августа в первом номере газеты «Бакинский пролетарий» появляется его статья «Партийный кризис и наши задачи». «Партия больна», говорилось в ней, она «пользуется широким идейным влиянием на массы», но оно «разбивается об узость организационного закрепления, — вот где источник оторванности наших организаций от широких масс».

Сталин отмечает, что заграничные партийные органы — «Пролетариат», «Голос», «Социал-демократ» — не способны объединить российские парторганизации.

В противовес «непостоянным интеллигентским элементам» он предлагает организовать партийные комитеты на заводах и фабриках — для отстаивания повседневных интересов рабочих. Эти комитеты — «основные бастионы партии». Эти комитеты должны объединяться по территориальному признаку. В итоге получится производственно-территориальный принцип построения партии, что и было в годы советской власти особенностью государственности СССР.

Далее Сталин подчеркивал необходимость издания в России (а не за границей!) общероссийской легальной руководящей газеты, это — прямая задача ЦК.

«Мало того, мы утверждаем, что только таким путем можем превратить ЦК из фиктивного центра в действительный, общепартийный центр, на деле связывающий партию и на деле задающий тон ее работе»[27].

Между строк статьи явственно проступает критика Ленина и «фиктивного ЦК». Это голос практика, осмеливающегося говорить без обиняков.

Возможно, в этой статье кто-то мог снова увидеть признаки раскола, но положение было действительно кризисным. Партии требовались новые идеи.

Сталин продемонстрировал, что вырос до уровня заграничных теоретиков, а в чем-то и определил их.

Ленин не случайно назвал Бакинскую организацию, как и Киевскую, в ряду «образцовых и передовых для России 1910 и 1911 годов». Но Ленин еще не видел, что внутри большевистской фракции появилась контрэлита, состоящая из «практиков», и Сталин становится выразителем ее взглядов.

Впрочем, Ленин эту тенденцию интуитивно улавливал, не придавал ей конфронтационного значения и даже опирался на нее в борьбе внутри ЦК, ведь он был, как мы знаем, не всесилен.

К мнению Ленина, что успех революции в России возможен только при наличии революции на Западе, Сталин добавлял и даже ставил на первое место партийную работу в России.

Это не противоречило общим настроениям в ЦК. На пленуме ЦК РСДРП в Париже (2—23 января 1910 года) было решено пополнить состав ЦК и организовать Русское бюро ЦК. Сталин был предложен в состав бюро. Это важнейший этап в его судьбе. Он становился партийным руководителем общероссийского уровня.

Однако в его планы вмешались другие силы. 23 марта Сталина арестовали.

После дознания 20 сентября 1910 года его направили по этапу завершать ссылку в Сольвычегодск. Партийная деятельность была прервана.

Конечно, обстановка полусонного городка, некогда прославившегося как вотчина купцов Строгановых, отправляющих отсюда дружину Ермака на завоевание Сибири, не способствовала активной политической деятельности. Тем не менее люди, оказавшиеся здесь не по своей воле, вели политические споры, выписывали социал-демократическую газету, переписывались с товарищами, ходили в местный театр, даже влюблялись. Сталин поселился в доме вдовы Марии Кузаковой, у которой уже после его отъезда родился сын; молва приписывала отцовство ссыльному.

Двадцать седьмого июня срок ссылки окончился, 6 июля Сталин был отправлен в Вологду, для временного проживания.

Ему надо было заново входить в партийную жизнь, откуда он был выбит. И вот он пишет письмо в ЦК. Оно датировано 31 декабря 1910 года. То есть написано накануне Нового года, когда все люди умиротворяются и готовятся к празднику. «Главное — организация работы в России... Вопросы разногласий разрешаются не в прениях, а главным образом в ходе работы, в ходе применения принципов. Поэтому задача дня — организация русской работы...

А мы всё "готовимся", пребываем в стадии репетиций. По-моему, для нас очередной задачей, не терпящей отлагательства, является организация центральной (русской) группы, объединяющей нелегальную, полулегальную и легальную работу на первых порах в главных центрах (Питер, Москва, Урал, Юг). Назовите ее как хотите — "русской частью Цека" или вспомогательной группой при Цека — это безразлично. Но такая группа нужна как воздух, как хлеб. Теперь на местах среди работников царит неизвестность, одиночество, оторванность, у всех руки опускаются. Группа же эта могла бы оживить работу, внести ясность. А это расчистило бы путь к действительному использованию легальных возможностей. С этого, по-моему, и пойдет дело возрождения партийности...

Теперь о себе. Мне остается шесть месяцев. По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно...»[28]

Другими словами, он готов к новому побегу.

Примерно в это время в Париже на совещании членов ЦК РСДРП обсуждался вопрос о созыве пленума ЦК и о подготовке общепартийной конференции. Меньшевики были против созыва пленума, боясь утратить свои позиции. Тогда на совещании решили объявить недоверие Заграничному бюро ЦК и начать подготовку конференции. Чтобы создать Российскую организационную комиссию (РОК), в Россию были направлены несколько человек, в том числе Орджоникидзе, Рыков, Шварцман.

Летом 1911 года к этой работе было решено подключить Сталина, возложив на него обязанности разъездного агента ЦК.

Его чуть было не арестовали. Вологодское жандармское управление предлагало Московскому охранному отделению сделать у Сталина обыск и арестовать его, но согласия на акцию не получило. Московским жандармам были нужны связи Сталина среди российских социал-демократов.

В начале августа, несмотря на наружное наблюдение, Сталин смог съездить в столицу, где встретился с Орджоникидзе.

Тот сообщил, что Ленин приглашает Сталина приехать за границу для обсуждения ситуации в партии. Здесь же Сталин узнал, что введен в состав Заграничной организационной комиссии по созыву партконференции.

Пробыв в Вологде два месяца, Сталин покидает город. На вологодском вокзале его отъезд фиксирует агент наружного наблюдения. В столице за ним тоже устанавливается слежка. Он поселился в гостинице «Россия», утром посетил квартиру С. Я. Аллилуева. Ночевал на квартире рабочего Забелина.

Девятого сентября он был задержан полицией и помещен в Петербургский дом предварительного заключения.

Пятого декабря решением Особого совещания при МВД была определена мера наказания: «Подчинить Джугашвили гласному надзору полиции в избранном им месте жительства, кроме столиц и столичных губерний, на три года, считая с 5 декабря 1911 г.».

Сталин выбрал Вологду, где к тому времени проживали 54 ссыльных. Он прибыл в город 24 декабря 1911 года.

Сталину не повезло: 5 января в Праге открылась партийная конференция, о которой он мечтал. На ней присутствовало 14 человек от российских партийных организаций и всего четверо — от заграничной. Было решено издавать легальный партийный орган — газету «Правда», участвовать в предвыборной думской кампании.

Был избран новый ЦК (В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Г. К. Орджоникидзе, Ф. И. Голощекин, С. С. Спандарян, Д. М. Шварцман). На первом заседании ЦК в его состав были кооптированы И. В. Сталин и И. С. Белостоцкий, намечены кандидаты на случай провала — А. С. Бубнов, М. И. Калинин, А. П. Смирнов, Е. Д. Стасова, С. Г. Шаумян. Еще было избрано Русское бюро ЦК, куда вошел и Сталин. Членам Русского бюро было назначено жалованье по 50 рублей в месяц.

Фактически все предложения Сталина, выдвинутые им в газете «Бакинский пролетарий», оказались реализованными. Это было признание масштаба его личности.

На Пражской конференции Ленин произвел раскол с меньшевиками и стал единоличным руководителем партии, вождем.

После окончания конференции Орджоникидзе приехал в Вологду, сообщил Сталину о его членстве в руководстве РСДРП, передал явки и деньги для побега, который санкционировал лично Ленин.

Двадцать восьмого февраля Сталин покинул Вологду. 7 апреля он встретился в Москве с Орджоникидзе. Отсюда они

направили в Германию на имя Клары Цеткин письмо, в котором извещали германских социал-демократов о том, что восстановлен ЦК РСДРП, и предлагали вернуть находившиеся у нее на хранении деньги РСДРП. Орджоникидзе и Сталин организовали финансовую комиссию при ЦК.

Запомним это обстоятельство. Из него следует, что они имели на это доверенность или поручение ЦК, что особо выделяет роль Сталина.

В Москве они пробыли недолго и выехали в Петербург. Здесь Сталин поселился у Н. Г. Полетаева, члена Государственной думы, чья квартира была защищена депутатским иммунитетом, и стал сотрудничать в газете «Звезда». Напечатано несколько его статей. Он пишет просто, отлично владеет языком (русским) и материалом.

И еще одно событие случилось в это его пребывание в столице — выпуск первого номера «Правды». Сталин буквально стал повивальной бабкой газеты, которая впоследствии была главной в Советской стране. Он был одним из редакторов, организаторов и авторов этого номера, вышедшего в воскресенье 22 апреля.

Тогда же Сталин познакомился с В. М. Скрябиным, студентом Петербургского политехнического института. Впоследствии этот студент станет министром иностранных дел СССР Молотовым.

Подчеркнем, что Сталин в данный момент находится не на Кавказе, где все ему знакомо с рождения, не в узком пространстве тюрьмы, где нужна не эрудиция, а твердость натуры, не в малолюдной коммуне ссыльных, где люди ограничены в своих контактах. Он — в Петербурге, в столице империи, на квартире депутата.

И он — лидер, один из главных участников партийного строительства.

Глава четвертая

Вторая Дума. Столыпин укрощает революцию. «Вехи» — покаяние интеллигенции

Вторая Государственная дума просуществовала очень недолго, с 20 февраля по 3 июня 1907 года. Правые составляли ее пятую часть, кадеты и примыкающие к ним мусульмане — чуть больше одной пятой, социалисты — более двух пятых.

Роль решающего фактора при таком раскладе сил принадлежала польским депутатам («польское коло»). Примыкая к

социалистам, они могли оставлять правых и кадетов в меньшинстве.

Третьего июня II Дума была распущена и введен новый избирательный закон, по которому менялся удельный вес отдельных групп электората. Преимущество давалось образованным и обеспеченным кругам, сокращалось представительство национальных окраин.

После неудачного сотрудничества с I и II Думами власть решила несколько «подморозить» политическую обстановку, но не отказываться от парламентского пути.

Третье июня 1907 года стало концом революции. Началась пора политической стабильности, промышленного подъема и «столыпинской реакции».

Выборы в III Думу проходили в сентябре и октябре. Из 442 депутатов около 300 были октябристы и правые, то есть люди, настроенные сотрудничать с правительством.

Премьер смог заняться реформами, чувствуя поддержку законодательной и верховной власти. «С аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значению в экономическом развитии России могут быть сопоставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог», — писал П. Б. Струве в газете «Русская мысль»[29].

Тысячи землеустроителей в сотнях уездных землеустроительных комиссиях каждый день, образно говоря, сбивали засовы с общинных ворот и выпускали земледельцев на свободу.

Более всего население поддержало перемены в следующих губерниях: Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Харьковской, Полтавской, Санкт-Петербургской, Смоленской, Псковской, Западном крае, Саратовской, Самарской.

Северные губернии, где общинная взаимовыручка была важнее свободного распоряжения землей, к реформе отнеслись равнодушно. Центральные русские губернии тоже проявили мало заинтересованности*.

Тем не менее за первые четырнадцать месяцев действия реформы Крестьянский банк скупил 7617 помещичьих имений площадью 8 миллионов 700 тысяч десятин (больше, чем за предшествующую четверть века) и продавал либо сдавал по льготной цене в аренду крестьянам.

Экономическое лицо страны быстро менялось.

---

* Как совпадает эта картина с картой Гражданской войны, когда «общинники» выступали за красных, а «хуторяне» за белых. В социальном расслоении столыпинской перестройки содержался значительный риск, который могла свести на нет только сильная власть.

Дворянская империя, начав модернизацию, подрывала свои устои. Так долго не могло продолжаться. Неизбежно было либо торможение реформ, либо дальнейшая либерализация всей политической и экономической жизни. В России начался бурный экономический рост, который стремительно подгонял правящую элиту к решающему выбору. Лозунг Столыпина «Вперед на малом тормозе!» не устраивал ни одно из главных действующих лиц этой драмы. Столыпин говорил: «Дайте двадцать лет покоя, внешнего и внутреннего, и вы не узнаете России», и эти слова повисли в воздухе.

Правящий политический класс (дворяне-консерваторы во главе с императором и дворяне-либералы плюс интеллигенция) был разделен на две непримиримые части. Крайне левые, исповедующие марксистское понимание борьбы как насильственное свержение режима, были еще более непримиримы.

Безбрежное море крестьянского народа, возбужденное столыпинской свободой, начало волноваться. Каких двадцать лет покоя, Петр Аркадьевич? Кто их вам даст? Но проблема наполнения экономики оборотными средствами требовала именно двадцати лет!

Земельная реформа тем не менее продолжалась и велась ненасильственными методами, добровольно.

Если учесть, что в аграрных беспорядках 1905—1907 годов именно крестьянская община выступала зачинщиком, то стимулирование правительством выхода крестьян из общины было мирным успокоением революции. К тому же община уже сильно утратила свою гармонизирующую функцию хранителя справедливости и традиций. Капитализм разъедал ее. К началу реформы 39 процентов крестьян-общинников не доверяли общине или разочаровались в ней, в ходе реформы в 1907—1916 годах вышли из общины и стали индивидуальными хозяевами почти треть крестьян (28 процентов). Это огромное число, если учесть, что не было насильственного «разобщинивания» сверху, а наоборот, в 73 процентах всех случаев выход сопровождался противодействием остающихся в общине людей. На традиционном общинном праве оставались жить две трети русских крестьян, огромная сила, которая сыграла колоссальную роль в революции 1917 года.

Такой была картина столыпинского («третьедумского») периода.

Рост урожайности, промышленного производства, численности населения создавал оптимистическую перспективу, хотя конфликты в правящем классе и крестьянстве продолжали тлеть в глубине общества.

Столыпин, проводя преобразования, все больше ограничивал политические возможности дворянского слоя. К промышленной буржуазии он тоже относился довольно равнодушно в политическом плане, что не осталось незамеченным самими промышленниками. В целом он не был ангажирован никакой группой, что делало его свободным и одиноким.

Чтобы ускорить реформу, Столыпин потребовал, чтобы Крестьянский банк выпустил облигационный заем на 500 миллионов рублей, однако министр финансов В. Н. Коковцов («бухгалтер») выступил против, и Столыпин не получил поддержки Николая II.

Дело в том, что большие средства требовались еще и на строительство железной дороги, и на перевооружение армии, а также на выпуск других ценных бумаг для привлечения частного капитала в промышленность.

Здесь столкнулись важнейшие государственные интересы. Для привлечения денег в «крестьянские облигации» эти облигации требовалось сделать более привлекательными, чем государственные ценные бумаги или железнодорожные займы, то есть отнять у одних и передать другим.

Проблема уперлась в ограниченность средств бюджета. Лучше уж было пойти на рост инфляции ради разогрева экономики, но Коковцов этого не хотел.

Поэтому позиция Столыпина, учитывая реакцию дворян, промышленников, политического окружения императора и ограниченность финансов, была не такая прочная, как могло показаться на первый взгляд. Да, он умирил революцию, держа «в одной руке пулемет, а в другой — плуг» (выражение В. Шульгина), но чем дальше смута уходила в прошлое, тем менее востребованным казался премьер-министр. «Мавр сделал свое дело» — стало все чаще слышаться в окружении царя.

Кроме земельных преобразований правительство Столыпина активно занималось реорганизацией и перевооружением армии и развитием народного образования. Уже осенью 1908 года была разработана программа постепенного введения всеобщего начального образования, рассчитанная на 20 лет (1909—1928).

Обстановка в стране менялась. Не случайно РСДРП теряла тысячи своих членов — наступала спокойная жизнь.

Даже левая интеллигенция пересматривала свои взгляды. В 1909 году вышел сборник статей «Вехи», который был воспринят общественностью как обвинительное заключение в адрес революционной интеллигенции. Среди авторов — П. Б. Струве,

М. О. Гершензон, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Б. А. Кистяковский, И. С. Изгоев.

Струве вывел формулу о «безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции». Гершензон осмелился обличать оторванность интеллигенции от народа, который «не чувствует в ней человеческой души».

Иными словами, часть левых интеллигентов выступила защитниками думской России.

Один из оппонентов «веховцев», либеральный экономист М. И. Туган-Барановский, в статье «Интеллигенция и социализм» выдвинул тезис, который напрямую касается и Сталина: «Русская историческая культура выразилась по преимуществу в создании огромного деспотического государства, и вражда к этой культуре и к этому государству — одна из характернейших черт интеллигента, ведущего с ним борьбу».

Кажется, сказано и о Сталине.

Во всяком случае, он, как и все руководство РСДРП, относился к «веховским излияниям» крайне отрицательно. К историческим традициям империи — тоже. Но дело не в «Вехах». Просто этот сборник был зеркалом, нет, не русской революции, а русской эволюции, и был рассчитан на «двадцать лет покоя, внешнего и внутреннего». Переход на сторону правительства части левой интеллигенции свидетельствовал об успехах политики Столыпина.

Глава пятая

Победа Сталина на выборах в Государственную думу. Поездка к Ленину в Краков. Ссылка в Туруханский край

Резкий перелом в настроении общества произошел весной 1912 года, когда на Ленских золотых приисках, принадлежавших российским и английским акционерам, рабочие забастовали, потребовав повышения зарплаты, отмены штрафов и введения восьмичасового рабочего дня. Местная полиция (35 человек) была бессильна против пяти тысяч рабочих, которые фактически захватили поселок. Вызванные из Иркутска солдаты столкнулись с огромной возмущенной толпой. Был открыт огонь, погибли около 150 и ранены свыше 200 человек.

Сталин, находившийся в Петербурге, откликнулся в газете «Звезда»: «Ленские выстрелы разбили лед молчания, и тронулась река народного движения. Тронулась... Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия, — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене».

Восемнадцатого июля 1912 года Сталин отбыл на пароходе из сибирского Томска на север. Прожив в селе Колпашеве в ожидании рейса на Нарым целую неделю, он наконец прибыл в Нарым. В этом забытом Богом городке, на берегу Оби среди лесов и болот, насчитывавшем всего 150 домов, Сталин пробыл 38 дней и снова бежал.

На пароходе он добрался до Томска, оттуда его переправили по железнодорожной ветке к станции Тайга на Транссибирской магистрали, а там подсадили к машинисту проходящего паровоза. 12 сентября Сталин был в Петербурге.

В это время уже началась кампания по выборам в IV Государственную думу, в которой принимали участие и социал-демократы. Тактика бойкота выборов осталась позади. Поэтому прибытие в столицу Сталина, члена ЦК и опытного пропагандиста, было как нельзя кстати. Он появился на улицах обросший черной бородой, в поношенном пиджаке поверх черной рубахи, в мятых брюках, в мятой кепке, в стоптанных ботинках. У него был вид пролетария, который, если вспомнить стихотворение Николая Гумилева, отольет пулю, «которая меня убьет».

Устроившись на квартире, Сталин посетил дом Е. Д. Стасовой, секретаря Русского бюро (она была арестована), и получил оставленные ею у брата документы и, самое главное, кассу ЦК РСДРП. То есть он воспользовался только ему данным как члену ЦК правом. Должно быть, эти деньги весьма пригодились в предвыборной борьбе.

Власти Петербурга, предвидя активность РСДРП, провели в ночь на 14 сентября массовые аресты, был почти полностью арестован столичный комитет партии. Однако ранее созданная им избирательная комиссия действовала. В нее входили образованные люди, присяжные поверенные, банковские служащие. Но не они, а Сталин стал руководителем предвыборной борьбы. Именно он пишет «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату».

«Наказ...» понравился Ленину, он рекомендует «напечатать его в “Правде” на видном месте, крупным шрифтом». Губернский съезд уполномоченных принимает «Наказ...» подавляющим большинством.

Вообще активность Сталина в этой кампании очень высока. Он проводит совещания, выступает перед рабочими, пишет статьи и листовки. Именно он стоит во главе всей кампании, грузин в черной рубахе и стоптанных ботинках.

Выборы по рабочей курии Петербурга прошли с большим успехом.

Главные лозунги кампании были выдвинуты из Кракова

Лениным: это — парламентская республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель.

В самом Петербурге роль первого помощника Ленина играл Сталин. Это признает даже Троцкий: «На исход выборов на низшей стадии, где приходилось иметь дело непосредственно с рабочими избирателями, Сталин не мог оказать большого влияния, не только в силу слабости его ораторских ресурсов, но и потому, что в его распоряжении не было и четырех дней. Зато он должен был сыграть крупную роль на дальнейших этапах многоэтажной системы, где нужно было сплачивать уполномоченных и руководить ими из-за кулис, опираясь на нелегальный аппарат. В этой сфере Сталин оказался, несомненно, более на месте, чем кто-либо другой»[30].

Итоги выборов в столице и промышленных районах были благоприятны. Большевистские кандидаты победили в шести важнейших индустриальных районах России, где проживало и трудилось около 80 процентов всего российского рабочего класса. Еще семь меньшевиков («ликвидаторов») были избраны голосами мелкой буржуазии.

Казалось бы, с точки зрения законов парламентской борьбы социал-демократической фракции следовало выработать общие принципы работы и объединиться. Сталин понимал это именно так.

Однако у Ленина был иной взгляд. Он не собирался объединяться с какими-то «ликвидаторами»-меньшевиками и делить с ними власть в партии.

Для соответствующего инструктажа Ленин вызвал к себе депутатов-большевиков, а Сталин должен был организовать их поездку.

Однако в Краков прибыли только два депутата, Р. В. Малиновский и М. К. Муранов. На совещании, кроме них, присутствовали Ленин, Зиновьев и Сталин.

При обсуждении вопроса о внутрипартийном единстве Сталин выступил за объединение с меньшевиками.

Важно подчеркнуть еще одно обстоятельство: власти пытались отменить результаты выборов на крупнейших заводах Петербурга, но по инициативе Сталина прошла забастовка протеста, и результаты были признаны.

Троцкий отмечает, что разыгравшаяся вскоре борьба «между Краковом и Петербургом» была вызвана самостоятельностью Сталина в вопросе объединения в думской фракции большевиков и меньшевиков. В резолюции в «Правде» все члены фракции признали «единство социал-демократии настоятельно необходимым», высказались за объединение большевистской «Правды» с меньшевистской газетой «Луч» и рекомендо-

вали их сотрудникам работать в общей редакции. «Примиренчество снова одержало победу, которая означала, по существу, ниспровержение духа и буквы Пражской конференции»[31].

Напомним, что на этой конференции Ленин порвал с меньшевиками и выдвинул Сталина членом ЦК.

Так что же, куратор думской фракции социал-демократов и газеты «Правда» не оправдал надежды вождя?

Троцкий считает, что позиция Ленина была оправданной. «Он настаивал на расколе по той линии, которая должна была, в конце концов, стать линией гражданской войны. Для Ленина вся политика сводилась к революционному воспитанию масс. Борьба во время избирательной кампании не имела для него никакого смысла, если после окончания выборов думская фракция оставалась единой. Нужно было дать возможность рабочим на каждом шагу, на каждом действии, на каждом событии убеждаться, что большевики во всех основных вопросах резко отличаются от других политических группировок»[32].

В письме Л. Б. Каменеву в декабре 1912 года Сталин объясняет свою тактику и одновременно спорит с Лениным: «Ильич рекомендует “твердую политику” шестерки внутри фракции, политику угроз большинству фракции, политику апелляции к низам, против большинства фракции, но Ильич уступит, ибо ясно само собой, что для такой твердой политики шестерка еще не созрела, не подготовлена, что нужно сначала укрепить шестерку, а потом бить ею большинство фракции, как Илья Муромец бил татар татарином. Кроме того, очень может быть, что месяца через два-три уже будет большинство во фракции (есть надежда перетащить одного-двух, и тогда у нас появится возможность быть фракцией ликвидаторов, что гораздо выгоднее). Посему нужно работать и подождать с твердой политикой»[33].

В этих объяснениях видно, что Сталин никакой гражданской войны не видит. Откуда такая война? Где для нее условия? Зато он хочет искусно обыграть меньшевиков.

Конфликт вождя и нового члена ЦК имел принципиальное значение, но на обострение Ленин идти не мог. Это ослабило бы его позиции в России.

Сталин проявлял характер, но оставался важнейшим сотрудником партии.

И все же Ленин был сильно раздражен. Его раздражение прорывается в письмах и тонких маневрах. Например, он организует письмо-протест бакинских (!) рабочих против «объединительства» депутатов («Откуда у них теперь взялась охота объединяться с мертвецами?»). Ленин энергично спорит, атакует фракцию и редакцию и, кажется, все же близок к разрыву

со Сталиным. Однако еще не состоялась их встреча, на которой можно попытаться договориться.

И Ленин вызывает Сталина к себе на совещание.

Н. Крупская прямо говорит в одном письме: «Васильева как можно скорее гоните вон, иначе не спасем, а он нужен и самое главное уже сделал». Васильев — это Сталин.

В другом письме, уже адресованном ему, она пишет: «Безусловно, безусловно категорически настаиваем на вашем приезде».

Сталин не мог не поехать.

Перед отъездом он принял участие в восстановлении Петербургского комитета партии. Действительно, самое главное он сделал.

В Кракове на совещании, которое вел Ленин, были избраны Русское и Заграничное бюро РСДРП. Сталин снова был избран в Русское бюро вместе с Я. М. Свердловым, депутатами Петровским и Малиновским.

Ленин «простил». Более того, в условиях сильной нехватки денег ЦК смог выделить только одну денежную ставку для своего представителя в России. Эта ставка (60 рублей в месяц) была отдана Сталину, несмотря на его отказ.

Впрочем, домой он вернулся нескоро. Ленин убедил остаться и поработать над статьей о национальном вопросе.

Вдобавок Ленин в письме Горькому выразил свое отношение к Кобе неожиданно тепло: «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав все австрийские и прочие материалы».

То есть Сталин был на время отодвинут от работы в России.

Здесь надо пояснить, что обращение к теме национализма было для Ленина не просто поводом задержать «чудесного грузина», но и насущной потребностью. На глазах Ленина австрийская социал-демократическая партия преобразовалась из единой в федеративный союз социал-демократических национальных групп — немецкой, чешской, польской, итальянской, румынской, южнославянской. Естественно, Ленин опасался, что подобный процесс может произойти и в РСДРП, тем более что Бунд уже высказывался в пользу «культурно-национальной автономии». Поручая Сталину эту работу, Ленин не мог знать, что спустя много лет он столкнется с позицией Сталина по национальному вопросу, когда начнут образовывать СССР. Ленин выступит за федерацию национальных республик, а Сталин — за автономию в составе России. Другими словами, Ленин в вопросе государственного устройства Советского Союза будет выступать сторонником той идеи, противником которой он был в 1913 году.

«Волна национализма все сильнее надвигалась, грозя захватить рабочие массы. Усиление сионизма среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма — все это факты общеизвестные»[34].

Сталин указывает на опасность замены социалистического принципа классовой борьбы буржуазным «принципом национальности», из-за чего «разбивается единое классовое движение на отдельные национальные ручейки».

Если отбросить идеологию, то станет видно то, что потом назовут «сталинской великодержавностью».

Ленин высоко оценил это исследование, хвалил его в глаза и заглазно, поддержал предложение напечатать «Марксизм и национальный вопрос» в легальном журнале «Просвещение». «Статья очень хороша, — писал он Каменеву. — Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи»[35].

В середине февраля 1913 года Сталин вернулся в Петербург.

За время его отсутствия «Правдой» стал руководить Свердлов, присланный Лениным. Редакция была реорганизована. Но 10 января Свердлов был арестован, его место занял Каменев.

Появление в столице (вслед за Свердловым) еще одного члена ЦК обеспокоило полицию, которая фактически контролировала через своего агента, депутата Малиновского, все происходящее в партийных кругах города.

Именно полиция стремилась не допустить объединения социал-демократической фракции: она использует для этого Малиновского и поддерживает курс Ленина на раскол. Выходило, что действия Ленина через Малиновского контролировались полицией.

Арест Свердлова делал Малиновского главным представителем партии в столице. Появление же Сталина лишало его первенствующего положения. Поэтому дни пребывания Кобы на свободе были сочтены.

Не подозревая об этом, он был весел и бодр. Сестра его будущей жены Анна Аллилуева увидела его в те дни очень симпатичным человеком: «В этот приезд свой в Питер он уже не в первый раз заходит к нам. Мы теперь знаем Сосо ближе. Знаем, что он умеет быть простым и веселым, и что обычно молчаливый и сдержанный, он часто по-молодому смеется и шутит, рассказывая забавные истории. Он любит подмечать смешные черточки у людей и передает их так, что, слушая, люди хохочут».

И вот гость приглашает всех кататься на санях. Всем весело, все радостны, санки летят, визжат полозья по снегу. Среди катающихся и гимназистка Надя Аллилуева.

Ей двенадцать лет. На Сталина она смотрит как на доброго и загадочного человека. Если бы ей кто-нибудь предсказал, что она станет его женой и матерью его детей, она бы рассмеялась.

Двадцать третьего февраля Сталин был арестован по доносу Малиновского и после трехмесячного заключения в тюрьме сослан на четыре года в далекий Туруханский край.

Двадцатого июля Ленин в Поронине близ Кракова проводит совещание ЦК РСДРП: решено организовать Сталину и Свердлову побег. Вернувшись из Польши, Малиновский сразу информирует об этом полицию. 25 августа Енисейскому жандармскому управлению сообщается о подготовке этого побега.

Сталина тем временем поместили в село Костино. Неподалеку в селе Селиванихе находился Свердлов.

Первого октября на новом совещании ЦК было подтверждено решение об организации побега Сталина и Свердлова. Но на сей раз это было сделать трудно.

Двадцать девятого января 1914 года директор Департамента полиции С. П. Белецкий телеграммой в Красноярск сообщил, что 28 января Джугашвили и Свердлову в дополнение к ранее посланным 100 рублям отправлено еще 50 рублей, и требовал предотвратить побег.

Двадцать четвертого февраля секретный сотрудник Енисейского розыскного пункта Кирсанов передал информацию: «Гласноподнадзорные Джугашвили и Свердлов предполагают с места высылки бежать. Если не удастся на юг, то на первом же из ожидающихся летом к устью Енисея пароходе».

Таким образом, побег предупрежден. На донесении Кирсанова появилась резолюция: «Джугашвили и Свердлова выселить на станок севернее Монастырского, где нет других ссыльных и специально для наблюдения за ними приставить двух надзирателей».

Одиннадцатого марта 1914 года ссыльные были отправлены на станок Курейка, который располагался в 80 километрах севернее полярного круга. В Курейке всего девять домов. Почта сюда приходила восемь-девять раз в год. Здесь на узком пространстве вдоль реки, среди крайне суровой природы с девятимесячной зимой, нелегко прожить и не сойти с ума.

Первоначально оба ссыльных (единственные политические в Курейке) жили вместе в одной избе, но вскоре столь близкое соседство надоело обоим, и они разошлись по разным домам.

Сталин жил в избе сирот Перепрыгиных. Пять мальчиков и две девочки вели домашнее хозяйство, в котором имелась корова. Вход в избу был через теплый хлев, Сталин же обитал в боковой комнатушке-пристройке. Он много рыбачил и охотился в тайге. Как свидетельствуют очевидцы-ссыльные, приезжавшие в Курейку из соседних сел, у Сталина зимой была «личная прорубь» в Енисее, в которой он ловил крупную рыбу.

Прекрасное по своей безыскусности описание жизни Сталина в Курейке оставил полицейский стражник Михаил Александрович Мерзляков: «...Домик Перепрыгиных был маленький, старый, грязный. Спал И. В. на деревянной койке. Освещение состояло из керосиновой пятилинейной лампочки.

Летом И. В. любил рыбачить и кататься на лодке, ловил рыбу переметами, рыболовные принадлежности доставал у приезжавших торгашей, покупал на месте, сам заготавливал лесу, любил ездить в местечко Половинка, что ниже по течению километров на 18, туда я его отпускал одного, временем я не ограничивал, иногда он на рыбалке пробывал дней до 15.

...И. В. очень любили местные жители, очень часто ходили к нему, ходил он к ним, часто просиживали у И. В. целые ночи. Он любил слушать примитивную музыку и порой веселое времяпрепровождение жителей. И. В. сам готовил себе пищу, рубил дрова, чай кипятил в чайнике на железной печке. Избушка была плоха, а поэтому грязноватая, всегда был в ней дым, стекла в окошках побиты, закрывались дыры дощечками, газетами, корочками от книг самим И. В. Жил он скромно, скудно, кормовых денег ему не хватало, местное население ему помогало. И. В. каждый раз за продукты платил жителям деньгами, помогал им деньгам и всегда и в нужде, особенно батракам Перепрыгиным.

...Почта... приходила раз в месяц, ему всегда что-нибудь присылали. Присылали посылки с медикаментами, которыми И. В. делился с местным населением, были случаи, когда И. В. сам лично помогал лекарством людям, заливал раны йодом, давал порошки. В Туруханском крае на каждых 15 ссыльных прикрепляли одного стражника, а к товарищам Сталину и Свердлову по одному. К товарищу Сталину приезжали инородцы (тунгусы), например Мандаков Гавриил и др. Привозили рыбу и оленье мясо, за что И. В. щедро расплачивался с ними. И. В. любил рыбу, называемую пеляткой, которая водилась в приенисейских озерах.

С инородцами И. В. часто беседовал и подолгу, о чем они беседовали, мне не известно. Знаю только, что им советовал мыться, бриться, стричь волосы, так как последние были очень грязные. Помню, одного он побрил и снабдил мылом. Ино-

родцы его уважали, хорошо отзывались о нем... По моим наблюдениям И. В. бежать из Курейки не собирался, так как это было безнадежно.

...Товарищ Сталин, будучи в Курейке, много читал и писал, что писал и читал — мне не известно. Книгами он запасался в Монастырском, там же закупал канцелярские принадлежности и, кроме того, книги и журналы получал по почте... И. В. очень любил детей, дети часто собирались у него, с ними он играл, ласкал их, бывало, расставит руки в сторону и бегает с ними по избе.

В обращении с местным населением И. В. был очень вежлив, не называл как мы: "Гришка", "Мишка" и т. п., а называл: Григорий, Михаил, а взрослых и пожилых людей называл по имени и отчеству. Во время читки газет иногда говорил И. В.: "Румыния снова хорохорится". Курил всегда из трубочки с изогнутым мундштуком, курил простую махорку и иногда другие табаки. Носил черную шляпу, френч и брюки, черные диагоналевые, сапоги английского фасона — широкий носок. Мылся в курной (по-черному) бане у соседа, так как у Перепрыгиных своей бани не было. Зимой ходил в сапогах, а для выездов местное население давало ему унты и сокуй. Последние были сделаны из оленьих шкур. И. В. брил бороду, носил усы, на голове носил большие зачесанные назад волосы, волосы были красивые. В Курейке местных жителей заедали комары и мошка, и И. В. спасался от них в тюлевой черной сетке, от мошки не было спасения и в доме, поэтому И. В. спал под пологом.

Точно не помню, но, кажется, И. В. получал кормовых по 15 рублей в месяц, я же получал 50 рублей в месяц, этих денег мне никогда не хватало, а И. В. тем более, — поэтому находился в постоянной нужде. В присутствии детей И. В. рассказывал о своем детстве, говорил, что он был капризный, иногда плакал, жилось плохо. В Курейке И. В. частенько ходил на прогулку, но далеко в тайгу не уходил, так как заедали комары. На лодке катался один, в этом отношении был бесстрашный, даже местные жители удивлялись, как он в большие волны сам справлялся, его сильно бросали волны. Ширина Енисея у Курейки — 5 километров. И. В. переезжал один на другую сторону в лавчонку за продуктами и особенно за табаком, которого у нас часто не хватало. Пищу готовил И. В. Сталин исключительно сам. Приезжавшими купцами, начальством не интересовался, разговоров у него с ними не было.

Однажды я слыхал анекдот, рассказанный товарищем Сталиным, такого порядка: о том, что у одного барина заболели зубы, и он своего слугу посылал за врачом, но забыл его фамилию, сквозь боль говорил, что фамилия врача Конев или

Жеребцов, а в итоге она оказалась Овсянников, но ведь лошадь ест овес, есть, значит, что-то общее между этими фамилиями. Мы очень крепко смеялись, так как товарищ Сталин рассказал очень интересно, говорил он другие анекдоты, но их я не помню.

Зимой И. В. участвовал в устройстве "катушки", сам катался на ней и любил это времяпровождение. Перчаток у него не было, а чтобы не отморозить руки, он завязывал рукава, кроме того, И. В. любил кататься на лыжах.

Мне 62 года, в 1929 году я вступил в колхоз»[36].

Молотов вспоминал: «В Сталине от Сибири что-то осталось».

Так близко, как в туруханской ссылке, он больше никогда не общался с простым народом. Он стал здесь своим. Он не боялся пройти по горло в ледяной воде к лодке, отрезанной половодьем, любил петь песни, танцевать, угощал детей конфетами — вот каким был будущий тоталитарный правитель, властитель полумира. Тем не менее мы не беремся угадать, что творилось у него в душе, когда пройдя через хлев и угнездившись в своей холодной конурке, он при свете керосинки читал какую-нибудь марксистскую книжку или статью. Ведь еще совсем недавно он по-настоящему вершил судьбы партии и страны, поднимая рабочих на выборы, контролировал финансы партии и ее главную газету — и вот теперь заброшен в безнадежную тьму, где ему суждено либо погибнуть, либо дожить до окончания срока и выйти на свободу невероятно отставшим от убежавшего вперед времени.

Огромная река, северное сияние, непроходимая тайга — кто скажет, что это не навсегда?

Эти события, происходившие в крошечной точке географического пространства, были страшно далеки от мировых столиц, где политические элиты все острее чувствовали приближение общемирового кризиса. Из этого кризиса произойдет мировая война, рухнут империи, родятся новые государства и выйдут на арену истории народные массы.

Глава шестая

Формирование союзов в Европе. Пророчество П. Н. Дурново. Европа накануне войны

После объединения Германии, которое произошло благодаря полной поддержке России, эта страна бурно развивалась, демонстрируя невиданные темпы роста промышленности, науки, сельского хозяйства и культуры. Одержав в XIX веке побе-

ды над всеми своими континентальными соперниками, страна стала мировой державой. Канцлер Бисмарк, служивший в молодости прусским послом в Петербурге, в конце жизненного пути сформировал кайзеру Вильгельму II свою главную внешнеполитическую задачу — предотвращение союза России и Англии.

Наследники Бисмарка перестали видеть выгоды сотрудничества с Россией, отказались от предложений Англии о мирном разрешении противоречий и повернули политику в балканском и турецком направлении, где вступили в противоречие с русскими и английскими интересами.

В Лондоне, чья политика на протяжении всего XIX века противостояла продвижению России в Азии, Персии и на Балканах, приняли решение переориентироваться на союз с Россией для создания на континенте противовеса Германии. Английская дипломатия предпочла временно забыть о «нависающей как ледник» над Британской Индией угрозе, исходящей от Северной империи, о постоянном стремлении России контролировать Босфор и Дарданеллы и даже пообещала положительно рассмотреть вопрос о проливах.

Переговоры начались в 1906 году и касались Тибета, Афганистана и Персии.

Героическое продвижение русских и англичан в этих районах не раз ставило эти государства на грань войны. Все русские планы похода на Индию опирались на обязательное условие занятия Афганистана. Русское продвижение, строительство железных дорог и виттевский план постройки нефтепровода к Персидскому заливу наталкивались на британские интересы в этом районе.

Но на сей раз надо было чем-то жертвовать. 18 (31) августа 1907 года англо-русская декларация была подписана. К лету 1908 года образовался новый союз: Россия — Франция — Англия, в который Россия вошла весьма неохотно, так как стремилась занимать в Европе положение «над схваткой». Но напомним об огромном французском займе.

И еще одно изменение было связано с новым союзом: общественное мнение России восприняло сближение с парламентской Англией и отдаление от «консервативного Берлина» как провозвестник близких политических уступок царской администрации.

Впрочем, идти на обострение с Берлином у России не было желания. Именно Германия, ее технологии и кадры занимали в российской экономике ведущее место.

Витте и Столыпин придерживались стратегии на мирное развитие, выступали против участия России в коалиционных

противостояниях, считая, что привязывание к одному из блоков отдает страну в политическую зависимость от неподвластных ей сил.

Концентрированное выражение этой позиции было представлено П. Н. Дурново в записке, поданной им в феврале 1914 года Николаю II. Предсказания Дурново оказались удивительно точными: «Вся тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам... Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи — будем надеяться частичные, — неизбежными окажутся те или иные недочеты в нашем снабжении... При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение... Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него... В стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»[37].

Добавим к анализу Дурново еще один фактор, который сохраняет свою важность и в XXI веке. Летом 1911 года Уинстон Черчилль возглавил английское адмиралтейство и принял решение, имевшее далеко идущие последствия. Он воспринял вызов Германии всерьез и пообещал употребить все возможности для подготовки к неотвратимой войне. Одной из проблем этой подготовки был перевод английского флота на нефтяное топливо взамен угля.

Но уголь был рядом, в Уэльсе, а нефть — на Ближнем Востоке, в Персии. За выбор более технологичного решения пришлось платить стратегическим риском, так как угроза утратить контроль за нефтяными месторождениями становилась вполне реальной: Германия наращивала морскую мощь.

Тем не менее англичане не побоялись. Перевод корабельных котлов на мазут давал увеличение скорости линкоров на целых четыре узла, что во время боя становилось решающим фактором. Наступала новая технологическая цивилизация, эпоха углеводородов и борьбы за энергетическую безопасность и мировые ресурсы.

Объясняя свое решение, Черчилль сказал: «Господство — вот цена этого предприятия»[38].

После решения Черчилля война делается неизбежной. С каждым шагом Германии в Средиземноморье, на Балканах и Ближнем Востоке в Лондоне напрягались все больше.

Германское решение строить железную дорогу в Персию, в сердце английской военной энергетики, подводило противостояние Великобритании и Германии к роковому рубежу, а выход немцев в Средиземное море (через Сербию) вскоре поставил вопрос о контроле над морскими подступами к Ближнему Востоку.

Это противостояние, впрочем, меньше задевало интересы России.

Добавим, что интересы французских Ротшильдов в России лоббировала кадетская партия.

Но существовали и иные интересы: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но маловероятно, чтобы Франц Иосиф и Николаша доставили нам сие удовольствие». Это написал Ленин в письме Горькому (начало 1913 года), предвидя в надвигающейся войне разрушительный революционный стимул. Однако точка зрения военных и ряда промышленников, преимущественно петербуржцев, связанных с военными заказами и французскими банками, показалась Николаю II более аргументированной. Напомним, что после финансовых потрясений 1905 года (Финансовый манифест Петербургского Совета) российскому правительству удалось получить огромный кредит почти в два с половиной миллиарда франков, который оплатил консорциум европейских, на 90 процентов французских, банков. Благодаря этому правительство Франции получило сильное влияние в Петербурге и способствовало втягиванию России в союз против Германии. К тому же французский капитал отстаивал свои интересы и в российском черноморском регионе (Ротшильды — в добыче и продаже нефти, Дрейфусы — в торговле зерном) и воспринимал продвижение Германии к Средиземному морю как огромную опасность.

Глава седьмая

Начало мировой войны. Циммервальд — РСДРП за поражение империи. Германское руководство решает взорвать Россию изнутри

Двадцать восьмого июня (н. ст.) в столице Боснии Сараеве сербским студентом Гаврилой Принципом был убит наследник австрийского престола, эрцгерцог Франц Фердинанд.

Австро-Венгрия выдвинула Сербии ультиматум, который был нацелен либо на подчинение Белграда Вене, либо в случае отказа Сербии — на войну.

Официальный Петербург и лично Николай II считали себя морально обязанными защищать Сербию, чего бы это ни стоило. Это привело к войне против Австро-Венгрии и Германии, которая в геополитическом плане была нужна России так же, как и прошедшая война с Японией.

Российское общество восприняло начало войны с воодушевлением. Огромные толпы вышли на улицы Петербурга. На площади перед Зимним дворцом народ опустился на колени, когда на балкон вышел Николай II. Все запели гимн. На чрезвычайной сессии Дума единогласно проголосовала за военные кредиты. В зале заседаний Думы в Таврическом дворце после выступления Николая II практически все депутаты встали и воззвали: «Веди нас, государь!» Всегда невозмутимый император был потрясен.

Но затем исполнилось предсказание Дурново.

Мало кто услышал голос Ленина из Кракова: «С точки зрения рабочего класса и трудовых масс России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск».

С 1909 по 1913 год Россия активно перевооружалась в рамках «Великой программы» военного строительства, которая должна была завершиться к 1917 году, и потратила на военные нужды четыре миллиарда рублей. Против 96 германских дивизий стояли 114 русских. Но, сравнивая военные потенциалы, не надо сбрасывать со счетов прочность государственного строя и качества политического класса обеих стран. А этого никто не учитывал.

Конечно, абсолютно все воюющие стороны были застигнуты врасплох новой индустриальной эпохой, они рассчитывали на двухнедельную кампанию, подобную кавалерийской атаке, а никак не на четырехлетние мучения.

В России патриотический порыв быстро угас, требовалось длительное напряжение сил всей нации.

Четвертого ноября в Озерках полицией были задержаны пять депутатов Государственной думы (большевиков), редактор газеты «Правда» Л. Б. Розенфельд (Каменев) и еще несколько человек. Они участвовали в конференции, на которой было принято воззвание к студентам: «Великие идеи панславизма и освобождения народов из-под власти Германии и Австрии и

покорения их под власть русской нагайки явно мерзостны и гнусны... Организуйте массы, подготовляйте их к революции. Время не терпит. Близок день. Вспомните, что было после русско-японской войны».

Десятого февраля 1915 года все задержанные были приговорены к ссылке в Туруханский край, где вскоре составили компанию Сталину, Свердлову, Спандаряну. На суде арестованные пытались дезавуировать свое пораженчество, опасаясь обвинения в государственной измене.

В мае, когда русские оставили завоеванную в марте австрийскую крепость Перемышль, в Москве вспыхнули большие беспорядки. Патриотическое чувство было оскорблено. 27 мая группы простого народа стали появляться на заводах, фабриках, в магазинах, проверяя, нет ли там германских или австрийских подданных. Начались немецкие погромы и грабежи. Среди пострадавших были немцы, французы, англичане и даже русские. Убытки от погромов составили около 40 миллионов рублей.

Народная ярость была стихийным предупреждением власти. Вслед за этим последовало более серьезное и организованное предупреждение. На торгово-промышленном съезде промышленники потребовали перемен в правительстве, организовали Военно-промышленный комитет (ВПК), который должен был заниматься вопросами добровольной мобилизации промышленности для нужд войны. Председателем комитета избрали лидера октябристов А. И. Гучкова, который открыто выступал за политические перемены.

Шестого июня состоялась конференция конституционных демократов. На ней тоже царило оскорбленное патриотическое чувство. Кадеты потребовали скорейшего созыва Государственной думы и создания правительства общественного доверия, то есть назначаемого не царем, а Думой.

Девятнадцатого июня в Москве на съезде Земского союза и Союза городов князь Г. Е. Львов дал правящему режиму убийственную оценку: «Задача, стоящая перед Россией, во много раз превосходит способности нашей бюрократии. После десяти месяцев войны мы еще не мобилизированы». В политической элите зрело убеждение, что именно в военное время можно добиться реформ, которые были невозможны до войны.

Николай II отправил в отставку нескольких министров, в том числе и военного — генерала В. А. Сухомлинова, который был скомпрометирован катастрофическими провалами в снабжении армии боеприпасами.

На открывшейся 19 июля сессии Думы критический настрой обозначился еще резче и почти беспрепятственно отразился в газетах.

Вот тут-то официальный Петроград должен был задуматься: нужна ли эта война?

Для того чтобы удержать Россию в Антанте, 20 марта 1915 года британское правительство подписало секретное соглашение с российским правительством. Англичане обещали передать после победы во владение России Константинополь, Босфор и Дарданеллы и половину турецких владений в Европе. При этом в Петрограде не задавались вопросом, способна ли страна «переварить» и освоить новые территории, заселенные мусульманами, и хватит ли у нее на это ресурсов. Блеск куполов Святой Софии, казалось, ослеплял Николая II и его министров. Несоответствие между внутренними задачами страны и внешнеполитическими устремлениями государства становилось критическим.

Всего в 1915 году военные поражения обошлись России потерей польских территорий и даже территорий восточнее Польши, десяти процентов железнодорожной сети, 30 процентов промышленности; число беженцев равнялось десяти миллионам человек. Эти несчастные заполнили дороги и города, неся с собой панику и озлобление. Перекликаясь с общим трагизмом российской обстановки, 23 августа (ст. ст.) в Швейцарии в деревне Циммервальд на международной конференции социал-демократических партий, представляющей партии десяти стран, была принята резолюция, осуждавшая «империалистическую войну» и объявлявшая целью пролетариата немедленный мир. Ленин предложил еще одну резолюцию, поддержанную, правда, не всеми партиями: превратить империалистическую войну в гражданскую, воспользоваться тем, что миллионы рабочих находятся под ружьем, и захватить власть.

«Циммервальд», как стали называть резолюцию о немедленном мире, разошелся по всей Европе, в том числе и в России, и дал новую идею рабочей и либеральной среде.

Положение правящей элиты делалось все более трудным, что породило мучительную проблему для финансовых и промышленных кругов. Выступать против власти, как большевики, они не могли, а спокойно взирать на приближающую катастрофу им не позволяло предчувствие «великих потрясений».

В части правящего класса стала созревать идея дворцового переворота. Ведь от осознания угрозы до выработки методов защиты от нее не такой уж далекий путь.

В это время на окраине империи несколько руководителей социал-демократической партии, исключенные из активной политической деятельности, жили своей жизнью. Четыре чле-

на ЦК Сталин, Каменев, Спандарян, Свердлов, депутаты Государственной думы, региональные руководители (Ф. Голощекин — будущий участник убийства Николая II и его семьи) — какой огромный кадровый потенциал приближающейся революции мирно существовал на берегах величественной северной реки. Здесь шли бурные споры о недавнем судебном процессе, где депутатская фракция и особенно Каменев дезавуировали свое «пораженчество». Находившийся в Швейцарии Ленин резко осудил этот шаг как отступничество, а поведение Каменева объявил в печати «недостойным революционного социал-демократа».

Ссыльные большевики, однако, после прений вынесли резолюцию, в общем одобряющую поведение фракции на суде. Сталин тоже не осудил своих товарищей.

Троцкий по этому поводу замечает: «Тактика Каменева на суде оценивалась им (Сталиным) скорее со стороны военной хитрости, чем со стороны политической агитации».

Сдержанное отношение Сталина к «пораженчеству» не имело никаких последствий для его дальнейшей карьеры, да и о какой карьере туруханский ссыльный мог тогда мечтать?

Скорее его уделом было погибнуть от туберкулеза (как вскоре погиб Сурен Спандарян), утонуть в реке или в лучшем случае, вернувшись из ссылки, скитаться по чужим углам, не имея никаких шансов подняться в партийной иерархии до уровня приближенных к Ленину коллег. В скорую революцию все они, даже Ленин, не верили, и поэтому представляли собой нищих рыцарей идеи.

Но война вытащила на первый план не только этих рыцарей с их маргинальным «пораженчеством», но и более реалистичных людей, которые поняли, что позиция большевиков может при соответствующей поддержке оказаться тайным оружием против всей Российской империи.

То есть большевики могли оказаться полезными Германии.

России снова не повезло. На сей раз Германский генеральный штаб принял решение использовать российские оппозиционные партии для подрыва ее внутреннего порядка, как когда-то это делали японцы.

Германия находилась в труднейшем положении. Не уничтожив в 1915 году, как планировалось, а только вынудив русскую армию к отступлению, немцы, окруженные гигантским блокадным кольцом, с каждым днем войны приближались к исчерпанию своих ресурсов. Они понимали, что в позиционной войне у них нет шансов.

В этот момент на исторической арене появляется Александр Гельфанд, социал-демократ, выходец из небогатой еврейской семьи. Он изучал экономику в Швейцарии, был в 1905 году членом Петербургского Совета рабочих депутатов, заместителем Троцкого. Он известен как доктор Парвус, который предложил немцам план дестабилизации России.

В 1905 году Гельфанд приезжает в Россию и становится членом Петербургского Совета, и, как нам представляется, именно ему должна была принадлежать идея обратиться к западным кредиторам России с предупреждением, что они сильно рискуют своими деньгами, финансируя власти Российской империи.

После разгрома революции он уезжает в Константинополь, благо становится агентом Германского генерального штаба и совершает несколько посреднических сделок по поставкам зерна из России в Турцию. Кроме того, он контрабандно поставлял в Балканские страны немецкое оружие устаревших образцов.

К началу Первой мировой войны Парвус уже был крепко связан с германскими военными и бизнесменами, отсюда оставался только один шаг до идеи использовать внутренние проблемы России на пользу своих партнеров. Парвус придумал, как сделать из революции бизнес.

Еще никогда у немцев не было возможности заполучить в союзники российскую политическую организацию с разветвленной сетью функционеров, мощной идейной базой и даже с депутатской фракцией в парламенте. Немцы отнеслись к этому предложению очень серьезно. 9 марта Гельфанд представил в германский МИД свой меморандум. В основных положениях замысел выглядел так: объединить усилия сепаратистских российских партий (Финляндия, Литва, Польша, еврейский Бунд, Кавказ, Украина).

Кроме восстаний в крупнейших промышленных центрах главный упор делался на откалывание от империи национальных окраин, прежде всего Украины.

Далее Парвус предложил провести политические забастовки на важнейших производствах и на всех железных дорогах; осуществить диверсии на железнодорожных мостах; организовать поджоги нефтяных скважин в Баку; организовать публикацию пропагандистской литературы и газет; провести антироссийскую агитацию в Северной Америке среди эмигрантов, евреев и русских.

Гельфанд предупреждал, что в отличие от украинских или финских социал-демократов «русская социал-демократическая партия никогда не встанет на позицию, враждебную русской империи». Другими словами, Гельфанд предупреждал о патриотизме русских и советовал направить усилия сначала на

свержение правительства и заключение мира, а уж затем на разрушение империи.

Гельфанд просил 20 миллионов марок, для начала ему выделили один миллион, потом финансирование продолжилось. В конце 1915 года было выделено еще 40 миллионов марок. Говоря о германских деньгах в русской революции, следует упомянуть, что Берлин потратил на так называемую «мирную пропаганду» около 382 миллионов марок, причем в Италии и Румынии средств было израсходовано больше, чем в России.

К тому же все усилия Гельфанда привлечь на свою сторону Ленина не увенчались успехом.

В конце мая 1915 года Гельфанд разыскал Владимира Ильича в одном ресторане Берна, где часто бывали российские эмигранты. Гельфанд изложил свои взгляды на возможность революции в России в результате победы Германии.

Ленин достаточно грубо оборвал беседу, заявив, что считает собеседника агентом немецких социалистов, ставших шовинистами, и не хочет с ним разговаривать.

Однако Гельфанд не опустил рук. Он организовал в Копенгагене «Институт причин и последствий войны» и привлек к сотрудничеству ряд социал-демократов и через него вел нелегальную торговлю с Россией, получив из германского государственного казначейства пять миллионов марок и специальные лицензии на проведение экспортно-импортных операций.

Гельфанд поставил дело с размахом, охватив торговлей Голландию, Турцию, Англию, Северную Америку, Румынию, Болгарию. Основные операции совершались в России: туда поставлялись станки, химикалии, лекарства, хирургические инструменты. Из России в Германию поставлялись зерно, медь, олово.

Эта торговля велась в условиях полной торговой блокады Германии и полублокады России (традиционные торговые пути через Черное море и западную границу были прерваны).

Глава восьмая

Генералы предлагают Николаю II диктатуру. Заговор англичан. Убийство Распутина. Февральская революция

Империи оставалось два года жизни. Но в 1915 году ее гибель не была предопределена, до роковой развилки еще не дошли.

В августе 1915 года по инициативе умеренных кругов Думы и Государственного совета возник так называемый Прогрессивный парламентский блок. Его программа не была открыто

антиправительственной, а предлагала улучшение государственного управления, что означало качественно новое оппонирование власти.

Монархия явно не справлялась с управлением — такой вывод можно сделать из предложений блока. Шесть думских фракций, около 300 из 420 депутатов, вошли в него, и три группы членов Госсовета (левые, центр, беспартийные).

В ответ Николай II провел в Ставке совещание Совета министров, на котором заявил, что отдаст все свои силы достижению победы, но не допустит в военное время политической борьбы. Были уволены в отставку министры, которые «стояли за уступки блоку», в том числе ближайший соратник Столыпина А. В. Кривошеин.

Впрочем, Николай II не был последователен. Вместо того чтобы распустить Думу, ставшую центром оппозиционности, он сохранил ее. Для примера, в Австро-Венгрии рейхстаг в 1914—1917 годах не работал, а в Англии были запрещены все забастовки.

С каждым месяцем войны оппозиционные настроения от Думы через огромную сеть структур Военно-промышленного комитета и Общеземского союза с его восемью тысячами организаций с сотнями тысяч работающих проникали в общество все глубже. Они охватывали и офицерский состав армии.

Впрочем, оппозиция, опиравшаяся на активность буржуазных слоев, была разнородна и не консолидирована. Главная линия раскола проходила между петербургской финансово-промышленной группой, чьи интересы переплелись с интересами правящей бюрократии и иностранным капиталом, и московской промышленной группой, представлявшей национальных производителей[39]. Москвичи не получили должного доступа к военным заказам, а петербуржцы, многие из которых были связаны с французским банковским капиталом, наоборот, за счет этих заказов значительно укрепили свой экономический и политический потенциал. Надо ли говорить, что «лучшие люди» Первопрестольной и вместе с ними провинциальная буржуазия относились к правительству очень критически?

К 1914 году 55 процентов российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу, внешний долг превышал 5 миллиардов рублей, при этом национальный доход страны (1913) составлял 16—18 миллиардов рублей. Правительство не могло не прислушиваться к мнению зарубежных инвесторов, несмотря на то, что их интересы часто выражали деятели оппозиции. Так, члены совета Азово-Донского банка А. И. Каминка и С. Г. Поляк являлись членами ЦК кадетской партии, а руководство партии лоббировало интересы банковской группы

французских Ротшильдов и, в частности, бакинского нефтяного концерна Ротшильдов.

Но правительство все же смогло перестроить экономику страны.

Если принять экономическое производство 1913 года за 100 процентов, то дальнейшее экономическое развитие страны будет выглядеть следующим образом: 1914 — 101,2 процента, 1915 — 113,7 процента, 1916 — 121,5 процента, 1917 — 77,3 процента[40].

По количеству производимых пушек Россия превзошла Францию и Англию. На фронт стали поступать в массовом количестве (в том числе и от союзников) грузовики, самолеты (222 аэроплана в месяц), телефоны. Как отмечают историки, «в 1916 году начала возникать новая Россия». Оставалось доказать ее жизнеспособность и умение санкт-петербургского ядра согласовывать интересы с провинциальной буржуазией и бездонной простонародной Русью.

Тем временем на фронте удалось стабилизировать положение, провести крупные наступательные операции (Брусиловский прорыв) и занятие всей Турецкой Армении.

Империя выстояла в самый трудный период.

Но раскол внутри политического класса, совпавший со все растущей усталостью населения от войны, тащил государство к пропасти.

Пятнадцатого июня 1916 года начальник штаба русской армии генерал-адъютант М. В. Алексеев представил Николаю II доклад, который содержал предложение военной диктатуры.

Во избежание надвигающегося кризиса предлагалось во всех внутренних областях империи объединить «всю власть в руках одного полномочного лица», верховного министра государственной обороны.

Мнение фактического военного руководителя армии, каковым был генерал Алексеев, должно было прозвучать для Николая последним сигналом всеобщей тревоги. Генералы позволили себе вмешаться в управление государством! Из строк алексеевского текста уже проступают образы сталинской России.

В докладе начальника штаба Николай II должен был увидеть радикальное предложение сохранить свое хозяйство от распада, пока не пришли более решительные претенденты на власть. Николай II не принял никаких мер. Он считал, что народ должен вернуть доверие царя, словно пребывал в стране времен Екатерины II или даже Ивана III.

На самом же деле монархия доживала последние дни. Убийство Григория Распутина, которого сегодня назвали бы экстрасенсом за его способность помогать неизлечимо больному гемофилией наследнику Алексею и вокруг которого группиро-

вался ряд политиков и дельцов, сторонников сепаратного мира с Германией, можно считать началом открытого протеста против системы государственного управления.

Как показывают события, социал-демократы никакого участия в начавшемся перевороте не принимали. Действия носили характер перераспределения полномочий внутри правящей элиты.

В ночь на 17 декабря 1916 года в доме князя **Ф. Ф.** Юсупова, женатого на племяннице Николая II, был убит Григорий Распутин. В 2004 году стало известно, что Юсупов был в дружеских отношениях с резидентом британской разведки в России Сэмюэлем Хором, а в убийстве непосредственное участие принимал английский разведчик Освальд Рейнер, о чем был снят фильм на английском телевидении (Би-би-си, 2004).

Согласно донесениям британского посла в России Д. Бьюкенена от 18 октября 1916 года, «германское влияние сделало огромные успехи»[41]. Посол ничего не сообщает о заговоре против Распутина, который организовал Хор, а говорит: «Положение Распутина казалось неприступным. Освобождение пришло с неожиданной стороны, и утром 30 декабря (н. ст.) Петроград был взволнован известием о его убийстве»[42].

Современный исследователь утверждает: «Убийца старца был профессионалом, сотрудником спецслужб (имеется в виду английских. — *С. Р.*), его знали все участники покушения, но никто не рискнул бы назвать его имя»[43].

В мемуарах посла есть свидетельство о его разговоре с Николаем II на новогоднем приеме: «Так как я слышал, что его величество подозревает молодого англичанина, школьного товарища князя Феликса Юсупова, в соучастии в убийстве Распутина, я воспользовался случаем, чтобы заверить его, что подозрение это совершенно неосновательно»[44].

Сэмюэль Хор был тем англичанином, который учился в Оксфорде вместе с Юсуповым.

Бьюкенен не знал, что Николай II был информирован лучше, чем он думал. Цифровым комитетом российского МИДа был раскрыт шифр английской дипломатической почты.

Таким образом, император мог с уверенностью полагать, что союзники контролируют его действия.

Более того, он наверняка знал, что в его окружении зреют планы отодвинуть его, императора, от управления страной. Поэтому после убийства Распутина Николай II для сохранения своей власти мог сделать только одно: арестовать десятки высщих генералов, распустить Думу и, может быть, даже казнить некоторых заговорщиков. После убийства Распутина он начал предпринимать некоторые действия, чтобы ограничить

возможности своих противников. В числе планируемых мер были перевод в столицу 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, роспуск Думы и т. д.

Согласно многим данным, военные готовили переворот. Об этом было предупреждено английское посольство.

Однако вместо переворота начались стихийные демонстрации, вызванные перебоями в снабжении хлебом. Эти выступления еще не были опасны для власти, но к ним подключился комитет РСДРП Выборгской стороны, призвав к всеобщей забастовке. На улицах зазвучали лозунги: «Долой самодержавие!», «Долой войну!» Появились первые убитые. Неожиданно одна из рот запасного батальона Павловского полка открыла стрельбу по войскам, разгонявшим толпу. На следующее утро восстал запасный батальон Волынского полка. Это были части, не желавшие идти на фронт и представлявшие собой скопище плохо управляемых молодых людей. Вслед за волынцами восстали успокоенные было павловцы и затем — литовцы.

Столицу захватила стихия, в которой были только два организованных островка — сразу возникший Совет рабочих и солдатских депутатов и Дума.

Совет стал самоорганизовываться после освобождения из тюрьмы солдатами «рабочей группы» Военно-промышленного комитета, арестованной вслед за убийством Распутина.

Совет и Дума представляли две силы — социалистов, социал-демократов, с одной стороны, и либералов — с другой.

Могла ли коронная власть предвосхитить смуту?

Как пишет один из участников Прогрессивного блока В. И. Гурко, «солдатские бунты возникали почти во всех государствах, принимающих участие в войне. Правительства западных государств это предвидели и приняли соответствующие меры». Так, было разгромлено восстание германских матросов в Киле в 1915 году. В Милане в начале 1917 года вспыхнула настоящая революция, образовавшая действовавшее шесть дней революционное правительство, и она тоже была жестоко подавлена армией, было убито несколько тысяч человек.

Почему же российское правительство не смогло действовать так решительно?

Ответ, по-видимому, только один: во власти не нашлось надежных исполнителей. Даже перевод гвардейской кавалерии в столицу был сорван.

Высшей точкой этого тайного и явного неподчинения явилось единодушное голосование всех командующих фронтами, проведенное генералом Алексеевым, за отречение Николая II. Руководители вооруженных сил воюющего государства не захотели поддержать своего главнокомандующего.

«Кругом измена и трусость и обман», — записал Николай II в своем дневнике 2 марта 1917 года.

В итоге, «держа победу в руках» (У. Черчилль), империя пала, «пожираемая червями». Она была расколота в своей основе. Ее разрушили не немцы и не англичане, не кадеты и не социал-демократы, не Милюков, не Ленин, не Сталин. Она выдержала бы их удары.

Поэтому, говоря о Сталине, мы должны рассматривать трагическую судьбу российского императора как зеркало для грядущего героя. Предали свои, великие князья и генералы, предали благородная интеллигенция, депутаты, промышленники и банкиры, предали союзники... И в конце концов сам император, в своем мироощущении остававшийся в доиндустриальных временах, не понял своей миссии. Когда кредиторы Российской империи поставили под сомнение адекватность Николая II, — его судьба решилась.

Глава девятая

Сталин в Петрограде — временный руководитель партии. Конфликты во Временном правительстве. Петр Пальчинский и Александр Керенский. Развал государства: петровская Россия против простонародной Руси

Сталина известие о революции застало в Ачинске (180 километров от Красноярска), куда он ранее был доставлен вместе с другими ссыльными для призыва в армию. Но по причине старой травмы левого локтевого сустава его признали негодным к службе, и он остался здесь дотягивать свой заканчивающийся срок.

По пути в Петроград поезд, в котором ехали Сталин, Матвей Муранов и Лев Каменев, делал много остановок. Ссыльных встречали митингами, «Марсельезой», речами. Сталин речей не произносил. «Люди гораздо меньшего веса снова начали оттирать его», — замечает Троцкий.

Двенадцатого марта (ст. ст.) их поезд прибыл в столицу. Ленина там еще не было. Вообще из авторитетных партийных руководителей — никого. Русское бюро ЦК состояло из молодых людей: Александра Шляпникова, Петра Залуцкого и Вячеслава Скрябина (Молотова).

Появление более опытных товарищей было воспринято ими недоброжелательно. По вопросу включения Сталина в Бюро принимается унижающая его резолюция: «Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 году и

поэтому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду его некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом».

В этом решении его ранг сознательно понижен: в 1912 году он был членом ЦК, а не агентом ЦК. Это как назвать генерал-лейтенанта простым лейтенантом.

Четвертого марта вышел первый номер возобновленной «Правды» под редакторством Молотова, второй был напечатан и разошелся в количестве 100 тысяч экземпляров.

Газета встала в оппозицию к Временному правительству, избранному почти из одних членов Прогрессивного блока, и призвала к избранию по-настоящему революционного правительства.

При этом Петроградский комитет партии считал, что Временному правительству не надо оказывать сопротивления «до тех пор, пока его действия соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа».

Тринадцатого марта в судьбе Сталина происходит значительное событие, которое стало первой ступенью в его новой карьере. Бюро изменяет первоначальное решение, Сталин становится членом ЦК и членом редколлегии «Правды». Молотов же, ссылаясь на молодость и малый опыт, выходит из редколлегии.

Скорее всего, кандидатуру Сталина как товарища по ссылке поддержал Муранов, который должен был (как и Каменев) помнить дружественное отнощение Кобы во время разбора поведения Муранова, Каменева и других депутатов на партийном суде в Монастырском.

Кроме того, Сталин становится и членом президиума Бюро. 15 марта «Правда» поместила извещение, что Муранов, Сталин и Каменев назначены представителями ЦК в Исполнительном комитете Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

За три дня Сталин вышел на главные позиции в партийной организации Петрограда. Более того, до прибытия из Швейцарии Ленина в течение трех недель он фактически руководил партией. Его деятельность отражалась в те дни на страницах «Правды».

Главный вопрос повестки — что произошло в стране, как относиться к Временному правительству и как готовить (и готовить ли) социалистическую революцию?

«Правда» в те дни печатала и статьи Каменева в поддержку войны против реакционной Германии (что противоречило позиции Ленина), и статьи Сталина об ограниченном сотрудни-

честве с Временным правительством. Позицию Сталина нельзя назвать левой и непримиримой по отношению к Временному правительству. Он реалист и центрист. Он считает, что Петроградский Совет ведет революционные преобразования и контролирует правительство, а оно вынуждено революционные преобразования закреплять.

Троцкий называет эту позицию Сталина «соглашательской», хотя на самом деле она реалистична.

Троцкий добавляет: «Мы имеем здесь перед собою в готовом виде схему будущей сталинской политики в Китае (1924—1927), в Испании (1934—1939), как и всех вообще злополучных "народных фронтов"»[45].

Безусловно, Троцкий по-своему прав. Сталин точно не левый, не революционер. Различие в их позициях принципиально для понимания политической судьбы каждого.

В сталинском докладе привлекает внимание еще одна вещь: знание обстановки. Есть учесть, что семнадцать дней назад автор только появился в революционном городе, это впечатляет. 19 марта Александра Коллонтай принесла в редакцию «Правды» ленинскую статью «Письма издалека». Ленин выступает резко против Временного правительства, отказывая ему в любом сотрудничестве и поддержке. Он называет правительство «помещичье-капиталистическим», продолжающим «империалистическую бойню», не способное дать «ни мира, ни хлеба, ни свободы».

Конечно, Ленин преувеличивал. Хлеб в стране еще имелся, свобода тоже наблюдалась. С миром было сложнее. Но как можно выйти из войны без потерь для страны? Заключить сепаратный мир? Капитулировать? Похоже, Ленин тоже не знал ответа.

Главными союзниками пролетариата он считал «массу полупролетарского и частью мелкокрестьянского населения в России», а также «пролетариат всех воюющих и вообще всех стран».

Опираясь на этих союзников, Ленин полагал, что российский пролетариат «может пойти и пойдет... к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьян над помещиками... а затем к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу».

Можно представить, как Сталин и Каменев были огорошены, получив эту статью. Они поняли, что оторванный от России партийный руководитель мыслит, мягко говоря, чересчур глобально. В действительности же у большевиков еще не было ни должной разветвленной организации, ни реальных союзников, ни вооруженной силы. Единственное, что имелось в наличии, — участие в Совете, большинство в котором принадлежало эсерам и меньшевикам.

В конце концов они рискнули принять ответственное решение: статью печатать в отредактированном виде, сократив наиболее неадекватные пассажи и выводы. Сокращения текста были равны примерно 20 процентам от всего объема, то есть весьма значительны.

Показательно, что тогда же в Германии философ Макс Вебер в газетной статье высказал те же мысли, что и Ленин: большинство русского народа требует «экспроприации всей некрестьянской земельной собственности и списания всех иностранных долгов России», чтобы не платить огромных процентов по этим долгам[46]. Замысел Ленина был поистине глобальным: революционным ударом обрушить все феодальные препоны для свободного развития экономики.

Вернувшись в Россию 3 апреля, на следующий день Ленин выступил на Всероссийском совещании партийных работников и, в частности, сказал: «Россия сейчас — самая свободная страна в мире из воюющих стран. Пролетариат недостаточно сознателен и организован. Буржуазия оказалась сознательной и подготовленной. Обещать людям, что мы можем кончить войну по одному доброму желанию отдельных лиц — это политическое шарлатанство»[47].

Таким образом, в оценке текущего момента Ленин мало разошелся со Сталиным, а лозунг «Никакой поддержки Временному правительству» в условиях реального двоевластия был лишь иной формой контроля. А о контроле говорил и Сталин.

И все же 8 апреля «Правда» возразила Ленину по принципиальному вопросу: «Схема т. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение революции в социалистическую».

Впоследствии, в 1924 году, когда велась борьба за политическую власть в стране, Сталин признал ошибочность своей тогдашней позиции: партия «приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов».

Он признал, что разделял тогда «эту ошибочную позицию» и отказался от нее, когда Ленин выступил с «Апрельскими тезисами». Признавшись в мнимой ошибке, Сталин легко снял раздуваемые Троцким обвинения.

Временное правительство представляло собой собрание торжествующих интеллигентов, вознесенных на вершину власти. Как предсказывал Николай II, у них не было административного опыта, чтобы управлять страной.

И что еще хуже, среди них не было единства. За Временным правительством стояла какая-никакая парламентская и земская либеральная традиция, за Петроградским Советом — заводские рабочие и революционные войска. Само правительство было компромиссом этих двух сил и ареной борьбы.

Министр иностранных дел Милюков выступал за верность союзникам и продолжение войны, министр юстиции Керенский был за пересмотр целей войны («без аннексий и контрибуций»).

Но за Керенским стоял Петроградский Совет. Это для союзников оказалось достаточным аргументом, чтобы поддержать Керенского против Милюкова.

Французский посол Палеолог тщетно пытался убедить свое правительство: «С Керенским — это верное торжество Совета, то есть разнуздание народных страстей, разрушение армии, разрыв национальных уз, конец русского государства»[48]. Но Палеолога отправили в отставку.

Подчеркнем как важнейшее обстоятельство: действия Парижа велись в том же направлении, что и политика Ленина. Считая, что поддерживают «русскую демократию», союзники нанесли по правительству сильный удар. Центр тяжести стал сильно смещаться влево.

В то время в Берлине тоже не сидели сложа руки. Германский посол в Дании граф Брокдорф-Ранцау, который курировал подрывные действия против России, в послании в МИД рекомендовал содействию «широчайшего возможного хаоса в России».

Из Копенгагена в Берлин направился Гельфанд-Парвус, предложивший максимально содействовать переезду русских эмигрантов-социалистов из Швейцарии в Россию. Гельфанд утверждал, что Ленин, благодаря более сильной натуре, «отодвинет в сторону» социалистов из Временного правительства (Керенского и Чхеидзе) «и будет готов к немедленному подписанию мира».

Ленин согласился вернуться на родину через Германию, но поставил условие: вместе с ним едут и социалисты-оборонцы (меньшевики). Таким образом, он сразу показывал, что не собирается играть роль немецкого агента.

Более того, в Стокгольме на просьбу Гельфанда о встрече Ленин ответил категорическим отказом. 3 апреля, выступая на торжественной церемонии на Финляндском вокзале по случаю своего прибытия в Россию, Ленин произнес фразу, от которой немцы должны были содрогнуться. Он сказал о перерастании русской революции в мировую. Образно говоря, Ленин воспользовался немецким бензином для своей машины, чтобы довезти немцев до пропасти.

Поэтому в мемуарах германского главнокомандующего Э. Людендорфа это обстоятельство отражено с некоторым изумлением: «Отправляя Ленина в Россию, наше правительство приняло на себя и особую ответственность. В военном отношении поездка была оправданной, Россия должна была пасть. Но наше правительство должно было следить, чтобы не пали и мы»[49].

У Ленина не было никакого сожаления ни по поводу погибшей Российской империи, ни по поводу обреченной Германской.

Вы хотите «максимально возможный хаос»? Так получите его!

Объективно говоря, Ленин был неподкупен, о чем свидетельствовал даже такой его противник, как французский посол Палеолог. Немцы просчитались.

Примерно то же, что и Германия, проделали союзники: они доставили на броненосце в Россию социалиста-оборонца Г. В. Плеханова и еще сорок его сторонников. Американцы же организовали отправку в Россию Троцкого, который вскоре станет первым наркомом иностранных дел и опубликует дипломатические документы Российской империи, что позволит Штатам уже не считаться с союзниками в российских и европейских вопросах.

Очевидны финансирование и всяческая поддержка революционных перемен в России с обеих сторон. Никого не интересовало, что будет с Россией и кому она достанется. Единственное, чего от нее хотели: либо выход из военных действий, либо, наоборот, продолжение их.

Причины революции заключались не только в нежелании образованного класса жить под единоличным правлением, не только в нежелании народа воевать, но и коренились в отсутствии у большинства населения чувства собственности. Русские крестьяне в большинстве своем оставались «галерными рабами» разрушающейся, но еще живой общины. Столыпинская политика наделения их собственностью, не имея запаса необходимого исторического времени, не достигла своей главной цели: народ остался антибуржуазным, антигосударственным и анархичным, уповал на православного царя-заступника. Громадный институт Церкви, не имевший такого опыта, как европейская Реформация, не мог дать народу метода соучастия в новых (капиталистических) реалиях и был бессилен перед лицом вздыбившейся почвы, руководимой «Пугачевыми с университетским образованием».

По мысли П. Струве, «буржуазная мораль и буржуазная дисциплина» не успели обрести в России крепкую основу, на

корнях которых «вырос самый социализм как культурное явление»[50].

Поэтому крестьянская революция имела мало общего с социал-демократическими тенденциями руководителей Февральской революции. Она была в своей основе антикапиталистическим бунтом. Думается, здесь надо искать истоки «пораженчества» Ленина, оседлавшего этот бунт, а также бунт всей российской армии.

Но вот что поразительно. В апреле 1917 года Сталин опубликовал статью, в которой выступал как «оборонец» и государственник! Это означало, что в отличие от вождя партии он не был столь безжалостен в отношении российской государственности. Потом Троцкий не преминул обвинить его в этом грехе.

С появлением Ленина Сталин уступает ему лидерство, не видя в этом ничего противоестественного.

Начались будни. Резкость Ленина в оценке текущего момента противоречила не только сталинской, но и положению самого Маркса о возможности пролетарской революции только после созревания объективных условий.

На заседании Петроградского комитета РСДРП из шестнадцати участников лишь двое поддержали взгляды Ленина.

Поэтому Сталин не почувствовал себя виноватым в ошибке. (На заседании Русского бюро 6 апреля он критиковал «Апрельские тезисы».) Ленин тоже не стал заострять внимания на позиции «Правды» и персонифицировать ее. Недавнее противостояние как бы развеялось само собой. «Ленин, который мог употребить самые сильные и оскорбительные выражения, когда речь шла о тех, кого он считал врагами или соперниками, мог с удивительным терпением и пониманием относиться к партийным деятелям, которых он рассматривал как возможных кандидатов на лидирующую роль в партии»[51].

Ленин вернулся в Россию после долгих лет эмиграции и понимал, что здесь выросли и заняли прочные позиции те, кто уцелел в российских условиях. Сталин уже был руководителем первого уровня.

Во время организации антивоенных демонстраций на улицах столицы Сталин активно проявил себя. Восстановив свои связи, наработанные во время кампании по выборам депутатов в IV Государственную думу, он нырнул в привычную ему подпольную среду, где умел быстро найти общий язык и с рабочими, и с солдатами, и с люмпенами. Никаких протоколов и письменных материалов подобная практика не оставляет, поэтому мы пользуемся косвенными свидетельствами. Так, например,

документально подтверждено, что Сталин активно занимался вопросами организации муниципальных выборов в Петрограде. Это самый нижний уровень политических выборов, и для участия в кампании требуется вести большую будничную работу и контролировать повседневные контакты на местах.

Двадцать четвертого апреля в Петрограде состоялась Всероссийская партийная конференция. Сталина избирают членом ЦК, который состоит из девяти человек. На конференции большевистской Военной организации Сталин делает доклад (после Ленина и Зиновьева), а на I Всероссийском съезде Советов — руководит съездом.

Таким образом, Сталин (после «Апрельских тезисов» Ленина и с учетом изменяющейся обстановки) становится лояльным соратником вождя. Он удерживает и даже укрепляет свои позиции. Ленин, который не дрогнул перед подавляющим большинством петроградских большевиков и оказался прав, должен был вызвать не только у Сталина чувство уважения. А ведь действительно Временное правительство было не такое уж прочное!

Сталин почувствовал мощь ленинского характера. Должно быть, он получил еще один впечатляющий урок. Организационному таланту Сталина был дан ключ к пониманию исторического процесса. Он понял, что упрощенно понимал политическую борьбу (мы — они), что она может быть гораздо многослойнее, включать одновременно несколько векторов, предлагать несколько союзов и вынуждать менять эти союзы в зависимости от обстановки.

В дальнейшем Сталин будет умело заключать союзы, побеждать и в изменившихся обстоятельствах объединяться с новыми союзниками.

Весьма существенно, как охарактеризовал Сталина Ленин, когда обосновывал выдвижение его в состав ЦК. В протоколе Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) сказано:

«Тов. Сталин (нелегально — Коба).

Ленин (за). Тов. Коба мы знаем очень много лет. Видали его в Кракове, где было наше бюро. Важна его деятельность на Кавказе. Хороший работник во всех ответственных работах.

Против нет»[52].

На первом же пленуме ЦК Сталин был избран в состав «узкого бюро» (Ленин, Зиновьев, Сталин, Каменев), которое впоследствии стало именоваться Политбюро.

Здесь обращают на себя внимание два факта. Во-первых, Ленин фактически признал выдающуюся роль двух вчерашних туруханских ссыльных на новой стадии революции.

Во-вторых, если из этой четверки «узкого бюро» убрать имя Ленина, то получим тот триумвират, который после смерти вождя и возглавил партию в противовес всем другим претендентам на лидерство, включая Троцкого.

Все же в быстром выдвижении Сталина для многих скрыта некая загадка.

Вот одно из возможных объяснений. «Своим снисходительным отношением к грубым промахам Сталина — и одновременно пренебрежением к той корректной линии, которой придерживались Молотов, Шляпников и Залуцкий, — Ленин продемонстрировал, как высоко он ценил способности к политическому лидерству. Сталин доказал, что обладает такими способностями, а его грубые политические просчеты можно было легко простить, тем более что он изъявлял готовность под попечительством Ленина навсегда о них забыть. Доверив Сталину знак посвящения в признанные лидеры, Ленин тем самым показал, что умение держать власть в руках является главным качеством, которое он больше всего ценит в своих ближайших соратниках. Что же касается политики, то он вполне способен справиться с этим сам»[53].

Лояльный, волевой, самостоятельно мыслящий, достаточно образованный — это Сталин. Много ли было у Ленина подобных соратников?

Один из вариантов развития событий был переход власти от Временного правительства не к Советам, за что выступали большевики, а к промышленникам, то есть к организованной буржуазии.

Эту линию представлял Александр Иванович Гучков (1862—1936). Он был ярким представителем московской русской семьи купцов и промышленников, поднявщейся из глубин крестьянской жизни, подобно Морозовым, Рябушинским, Третьяковым, Прохоровым, Коноваловым. Именно эта группа активно формировала городское самоуправление, создавала новые производства, выступала за продвижение отечественного капитала на иностранные рынки. Большинство московских промышленников были старообрядцами, то есть в церковном и даже государственном отношении — оппозиционерами*. Образно говоря, решающий вклад в свержение православной империи внесли диссиденты-старообрядцы. Кроме того, мос-

* По переписи 1897 года из общей численности населения в России в 116 миллионов человек старообрядцев и сектантов было 13 миллионов, то есть почти восьмая часть.

ковские промышленники, получившие по сравнению с петербургскими меньший доступ к военным заказам, были настроены к правительству более критически.

Отечественный капитал в начале века был энергичен и добивался от коронной власти «простора, устранения излишнего формализма, снятия разных рогаток с путей жизни». Это слова П. П. Рябушинского, сказанные премьер-министру В. П. Коковцову в апреле 1912 года.

Российские государственники, генералы и часть промышленников, связанных с оборонным комплексом, предлагали свои решения для укрепления порядка. Так, во время апрельского кризиса Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев после совещания с командующими всеми фронтами выдвинул на пост военного министра две кандидатуры: министра юстиции Керенского (как дань демократам) и заместителя (товарища) министра торговли и промышленности Петра Иоакимовича Пальчинского.

Пальчинский был выдающимся инженером и организатором российской промышленности. Родился в 1875 году в Вятской губернии. Окончил Петербургский горный институт. Работал в Комиссии по обследованию Донбасса под руководством выдающегося геолога Л. И. Лутугина, познакомился с Милюковым. Разработал тарифный устав железных дорог. Был инициатором разработки учебного курса экономики для инженеров. Автор книги «Введение в горную экономику». Создал описание портов Европы в четырех томах и справочник «Экспорт за границу продуктов горной и горнозаводской промышленности Юга России» также в четырех томах. Создал проекты Мариупольского товарного порта и еще восьми портов на Черном море. С началом мировой войны Пальчинский занимался всем, что содействовало развитию военной экономики, — заменой импортных товаров отечественными, подготовкой специалистов. Вошел в состав Центрального ВПК, где стал заместителем председателя механического отдела и куратором местных организаций ВПК. Всего на предприятиях ВПК до декабря 1917 года было выполнено 70 процентов заказов по артиллерийскому ведомству. Пальчинский входил в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (ОСОГ), где проводил свою линию на поддержку отечественного производства.

Важно отметить еще одно обстоятельство: во время войны Пальчинский вступил в одну из масонских лож, в которых состояли многие депутаты Думы, а также члены Прогрессивного блока, партийные деятели, в том числе и будущий председатель Петроградского Совета депутатов Н. С. Чхеидзе.

Хотя Пальчинский числился в ложе недолго, политически активная часть масонов, которая после Февраля сильно влияла на все кадровые назначения, хорошо его знала. Заметим, что ряд влиятельных деятелей того периода, М. В. Родзянко, Г. Е. Львов, П. Н. Милюков, Н. И. Астров, М. В. Челноков, были настроены враждебно к масонскому ордену[54].

Война требовала мобилизации и постоянного контроля за частным бизнесом, который в силу своей природы стремился прежде всего к увеличению собственной прибыли даже в ущерб задачам общей борьбы. В этот период авторитет Пальчинского поднялся на недосягаемый уровень. Казалось, он знает все, что происходит в военной экономике, и от него не ускользнет никакая попытка нажиться на казенных подрядах.

В России укреплялся государственный капитализм, ставший потом основой советской экономики. В известном смысле Пальчинский был зачинателем российской плановой экономики. Он был автором идеи создания плана экономического возрождения страны.

Интересы правительства и владельцев монополий вошли в настоящий конфликт. 1 января 1916 года был принят закон о секвестре. Министерство торговли и промышленности получило право надзора за торговлей металлами.

В этой связи некоторые историки и экономисты, анализируя состояние российской экономики в начале XX века, отмечают, что ее концентрация и государственное регулирование как будто специально готовили «условия развития той социальной и экономической формы устройства общества, которая была реализована в русской модели социализма». Во всяком случае бесспорна связь между модернизацией Витте — Столыпина, «особыми совещаниями» Пальчинского, индустриализацией Сталина.

Как ни странно это звучит сегодня, укрепление госкапитализма формировало в обществе еще один фронт оппозиции коронной власти, индустриализация потребовала более организованного государственного управления. И не случайно, что в конце 1916 года Пальчинский получает предложение от военных войти в число участников военного переворота.

До сих пор никто не задавался вопросом, как действует механизм революций и как организация управляет народной стихией. Вожди — это все-таки не менеджеры революционных событий, а Пальчинского можно назвать менеджером Февральской революции.

Двадцать седьмого февраля, когда восстали запасные роты, в Таврическом дворце по соседству с Думой обосновался Временный исполком Совета рабочих и солдатских депутатов.

Рядом же в Таврическом заседала Военная комиссия Временного комитета Государственной думы — А. И. Гучков, П. И. Пальчинский, генерал Н. М. Потапов и генерал П. А. Половцев, командующий войсками Петроградского военного округа.

Пальчинский — заместитель председателя. Он организует все. Собирает 60 автомобилей с водителями. (В числе водителей — рядовой Владимир Маяковский, поэт, «горлан революции».) Поставил караулы вокруг электростанций и военных предприятий. Разослал депутатов Думы на заводы для разъяснения ситуации и предотвращения погромов. Организовал питание революционных солдат, что привязало их к Таврическому дворцу. Контролировал вход людей в Таврический дворец, выписывал пропуска, выдавал разрешения офицерам на ношение оружия.

В ночь на 27 февраля направил вооруженные отряды занять телефонную станцию, телеграф, почту, вокзалы, Государственный банк, экспедиции, Генеральный штаб.

Первого марта установил в Таврическом дворце радиостанцию. Отдал распоряжение задержать царский поезд. Только 2 марта Временное правительство отдало официальный приказ занять все эти объекты, подтвердив правильность решений Пальчинского.

С первого часа формирования Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Пальчинский в его составе. 22 марта он назначается товарищем министра торговли и промышленности, товарищем председателя ОСОГ с предоставлением ему прав председателя этого совещания в отношении вопросов, касающихся металлов и топлива.

Пальчинский писал: «После Февральской революции вся работа на оборону оказалась сосредоточенной в моих руках»[55].

Он успел создать Государственное экономическое совещание, прообраз будущего советского Госплана, и вытеснил (или почти вытеснил) посредников-спекулянтов из топливного, металлического рынков. Показательно, что многие промышленники выступали против государственного регулирования.

Кроме того, позиция Пальчинского по продовольственному вопросу тоже устраивала далеко не всех. Он выступал за отмену ограничений на крестьянскую торговлю хлебом, а правительство, наоборот, видело в зарегулированности хлебной торговли выход из кризиса. На деле же получалось, что функционировал «черный рынок», вздувавший цены.

Но главное — стать военным министром и возглавить правительство ему не дали. Он был неудобен для крупного капитала. Он проиграл вместе со всей промышленно-финансовой элитой, затеявшей Февральскую революцию и оказавшейся неспособной к государственному строительству из-за непони-

мания природы российского общества. Но не эмигрировал, остался в России, принимал активное участие в организации Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), создании плана электрификации страны (ГОЭЛРО), проектировании Днепрогэса, организации топливной промышленности. Был расстрелян 22 мая 1929 года по приговору коллегии ОГПУ как контрреволюционер.

Экономическая обстановка в России к лету 1917 года созрела для появления на сцене «сильной руки». Эту роль взялся сыграть Керенский, по иронии судьбы, сын директора симбирской гимназии, которую окончил Ленин. В 1909 году защищал на судебном процессе большевиков, участников экспроприации на Урале, выступал в защиту Бейлиса на процессе по обвинению последнего в ритуальном убийстве. Он был известным адвокатом, депутатом Думы, председателем фракции трудовиков-социалистов, заместителем председателя Исполкома Петроградского Совета. С 1915 года он являлся руководителем (вместе с Н. В. Некрасовым) ассоциации масонских лож «Великий Восток народов России»; именно принадлежностью к масонству можно объяснить категорическое его возражение против передачи царской власти брату Николая II великому князю Михаилу, что привело к разрушению традиции имперской государственности и образованию слабой республики.

Он был двойствен как политик, опираясь сразу на обе главные силы, на умеренных социалистов и на крупную буржуазию, и в конце концов был разорван ими, упустив возможность стабилизировать ситуацию.

В 1917 году, словно отражая российскую революционную ситуацию, во Франции тоже едва не вспыхнула революция: взбунтовалась армия, и 30 тысяч солдат двинулись на Париж. Премьер-министр Клемансо отреагировал быстро и жестоко. Были проведены аресты в столице, солдат остановили пулеметами и расстреляли организаторов по скорым приговорам полевых судов.

Отголоски этих событий дошли и до Петрограда, но имели иной финал.

В России политическая элита уже утратила главный мотив военных действий, отказавшись от идеи овладеть черноморскими проливами и Константинополем. Но главных политических требований масс (мир, перераспределение земли, отказ

от огромных зарубежных долгов) она не собиралась выполнять. В это время раздался призыв Керенского «Отечество в опасности!», но вопреки ожиданиям, что население откликнется на этот клич Великой французской революции, публика осталась равнодушной. 16 июня началось наступление Юго-Западного фронта. В первые дни было взято 18 тысяч пленных, заняты города Галич и Калиш. 8-я армия генерала Л. Г. Корнилова рвалась к румынским нефтепромыслам, взятие которых усилило бы экономическую блокаду Германии.

Германия была вынуждена направить австро-венграм подкрепления, ситуация выровнялась. Затем немцы перешли в наступление. Русские оставили города Тарнополь и Станислав.

Это было военное поражение Временного правительства. Хотя союзники, подталкивая его к малоподготовленному наступлению, добились отвлечения немцев с Западного фронта, они тем самым уменьшили шансы на сохранение единой России. Попытки наступления русской армии на других фронтах также закончились неудачей.

Армия содрогнулась.

Генерал Л. Г. Корнилов, назначенный командующим Юго-Западным фронтом, послал правительству телеграмму: «Я заявляю, что отечество гибнет, а потому, хотя и не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах для сохранения и спасения армии и для ее реорганизации на началах строгой дисциплины, дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право видеть лучшие дни»[56].

Он потребовал введения смертной казни за воинские преступления.

На фронте была введена смертная казнь, стали действовать военно-революционные суды. Корнилов приказал расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя их трупы напоказ на дорогах с соответствующими надписями. Он сформировал ударные батальоны из юнкеров и добровольцев для борьбы с дезертирами и грабителями, запретил митинги. Он действовал по собственной инициативе, без разрешения правительства. Это было начало сопротивления развалу страны, которое вскоре обрело форму Добровольческой белой армии.

Испытав страх, «солдатская демократия» несколько присмирела.

Корнилов заявил претензии на роль диктатора, и Керенский должен был определиться.

Авторитет Лавра Георгиевича был огромен. Отец — русский казачий офицер, мать — крещеная казашка. Службу проходил в Средней Азии, отличился дерзкими разведывательными вылазками на территорию Афганистана и Персии. Служил

в Китае военным агентом (атташе), был в командировке в Индии. Автор книг о Китае и Средней Азии. Участник Русско-японской войны. Командовал дивизией в Первую мировую войну, попал в плен, бежал. Он был одним из организаторов Добровольческой армии и погиб в начале Гражданской войны.

Все эти люди (Корнилов, Пальчинский, Деникин) и подобные им, имевшие скромное происхождение, составили основу антибольшевистского сопротивления. Но если бы их спросили, почему в феврале, марте, апреле 1917 года, когда в революционной горячке надо было взять власть в свои руки, они оказались бессильны, они бы не знали, что ответить. Вышедшие из петровской служилой интеллигенции, они, как и их более искушенные в политике ровесники Милюков и Гучков, оказались слабее простонародной антигосударственной стихии.

Культурные расхождения и противоречия во всей массе русского народа отметил выдающийся культуролог Владимир Вейдле, оказавшийся после революции в эмиграции: «Ленин был едва ли не одареннейшим из всех революционеров, когда-либо делавших революцию.

Свой изумительный талант революционера доказал всем своим руководством революцией, лишь по видимости основанном на учении о классовой борьбе, на самом деле проистекавшим из понимания исконной, хоть и дремотной, вражды русского народа не столько к кулаку и толстосуму, сколько к барину, то есть человеку, быть может, и небогатому, но носящему пиджак и воротничок, читающему книжки, живущему непонятной и ненужной народу жизнью.

При встрече с народом новая Россия разбилась о наследие Древней Руси, не преобразованное Петром и его преемниками на троне или у трона.

Лучшей гарантией успеха было для революции истребление правящего и культурного слоя, и эту гарантию Ленин от народа получил.

После Октября полуинтеллигенты пришли к власти, а интеллигенция более высокого культурного уровня оказалась выгнанной или уничтоженной»[57].

Война между петровской и допетровской Русью сопровождалась расколом и в самой петербургской группе. Взрыв внутри политического класса вызвал никем не предвиденное потрясение катастрофической мощи. То, что вначале выглядело как переход власти от элиты к контрэлите, вдруг стало неуправляемым процессом. У контрэлиты не хватило сил удержать положение. После столыпинской попытки модернизовать до-

государственные общинные основы жизни народа петербургская элита не смогла предложить ничего конструктивного. «Россия была необъятным мужицким царством, с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царем, сдерживавшим это царство и не допускавшим растерзания народом этого культурного слоя» (Николай Бердяев).

В революционных событиях в Петрограде со всей очевидностью присутствовал русский бунт в его классическом выражении пугачевщины.

«Русские бунты, — отмечал исследователь, — весьма сложное и противоречивое явление. С одной стороны, они несли на своих знаменах освобождение от гнета, деспотизма, произвола и тем самым привлекали массу обездоленных людей; с другой — там, где устанавливалась повстанческая власть, были налицо все признаки поворота к еще более страшным и жестоким формам общественного устройства»[58].

С учетом внутреннего разлома в русском народе крах Временного правительства был предопределен.

Глава десятая

Последний аргумент: призыв к «улице». Полувосстание. Попытка арестовать Ленина. Промышленники ищут союза с генералами. Генерал Корнилов

Гражданская война не сразу выплеснулась со всей стихийной силой, она накатывалась волнами. Первая большая волна после февраля случилась в начале июля, когда неожиданно вспыхнуло большевистское восстание. Троцкий назвал его полувосстанием.

Казалось бы, власть у просоциалистического Временного правительства, и у большевиков нет никаких шансов.

Первый Всероссийский съезд Советов, где большевики значительно уступали меньшевикам и эсерам (102 против 533), не поддержал требование большевиков о передаче власти Советам и поставил этим последних в межеумочное положение. Но была еще «улица».

Состоявшаяся 18 июня демонстрация собрала до полумиллиона человек. «Все заводы и все полки вышли с большевистскими лозунгами. Авторитету Съезда был нанесен непоправимый удар!»[59]

Демонстрация подняла авторитет Сталина, ставшего организатором «улицы».

Но еще более грозные события разыгрались 4 июля.

Восстания, как такового, в начале не было, но состоялась проведенная Военной организацией большевиков массовая антивоенная и антиправительственная демонстрация. Главные лозунги — отказ от начала нового наступления на фронте и передача власти Советам. Настроения демонстрантов прежде всего определяло нежелание петроградского гарнизона отправляться на фронт.

Это было спонтанное «полувосстание». Демонстранты захватили Петропавловскую крепость, группа солдат едва не арестовала Керенского. Рабочая секция Совета вышла из подчинения руководству Совета, выступила за передачу всей власти Советам и за организацию специальной комиссии по обеспечению мирного перехода власти.

В этой обстановке нарастающего хаоса руководство Совета обратилось за помощью к армейским комитетам Северного фронта, контролируемым меньшевиками и эсерами, чтобы те прислали войска для установления порядка. Войска расстреливали демонстрантов.

Кроме того, правительство объявило о деятельности Ленина как немецкого шпиона.

В итоге «полувосстание» закончилось тяжелым поражением большевиков. В Петрограде настроения резко переменились.

Пятого июля ЦК призвал прекратить уличные выступления, но было поздно: основные политические силы поняли, что надо защищаться от большевистской угрозы.

В этот же день была разгромлена редакция газеты «Правда», Ленин едва успел покинуть ее, несколько сотрудников редакции были арестованы.

Седьмого июля ушел в отставку министр-председатель Временного правительства Г. Е. Львов. Керенскому было поручено формирование нового кабинета.

Были приняты жестокие меры, разрешавшие заключать в тюрьму на срок до трех лет за выступления против государственной власти, на фронте командиры получили право стрелять по отступающим без приказа войскам, восстанавливалась смертная казнь. Большевистские газеты были закрыты. Был издан приказ об аресте Ленина, Зиновьева, Каменева.

Каменев был арестован, Ленин и Зиновьев скрылись.

Известие об ордере на арест Ленин получил у Сергея Аллилуева, на квартире которого обитал Сталин. Позиция Сталина с самого начала была решительной: Ленину ни в коем случае нельзя сдаваться властям.

Большинство соратников (Троцкий, Луначарский и др.) достаточно легкомысленно советовали сдаться и на открытом

суде разоблачить правительство, сделав из процесса Ленина «дело Дрейфуса». Ленин колебался. 7 июля он заявил, что готов сдаться, если приказ об аресте утвердит ЦИК. С этим заявлением в Совет отправились Орджоникидзе и Ногин, чтобы получить гарантии безопасности для Ленина и подтверждение незамедлительного и честного суда. Гарантий они не получили, а услышали уклончивые рассуждения, что будет сделано все возможное для обеспечения прав Ленина. Ленин решил не сдаваться.

Июльское поражение снова вывело Сталина к самой вершине партийного руководства. Ленин и Зиновьев скрылись в Разливе, где жили в шалаше, Каменев сидел в тюрьме, Троцкий добровольно сдался властям и тоже сидел. На свободе оставался единственный член «узкого бюро» — Сталин.

Активная и решительная его позиция по защите Ленина, а затем обеспечение связи вождя с ЦК по-человечески их сблизили. Одно дело теоретические и организационные труды, и совсем другое — вопрос жизни и смерти. Даже изменение Лениным своей внешности прошло при участии Сталина, который лично сбрил ленинскую бородку. Уходя в подполье, Ленин должен был ощутить признательность этому не всеми понимаемому, грубоватому грузину, в котором не было интеллигентских манер, как у Каменева или Зиновьева.

На плечи Сталина легло все дальнейшее руководство партией.

Передав правительству «неограниченную власть», ЦИК положил, таким образом, конец и своей власти. Большевистский лозунг «Вся власть Советам!» больше ничего не значил.

Теперь у большевиков не осталось никаких легальных средств борьбы за власть.

Впрочем, «неограниченные полномочия» правительства должны были реализоваться не интеллигентской говорильней, а решительными действиями по наведению порядка. Другими словами, выбор был простой: либо Ленин, либо Корнилов.

После трудных споров пять политических партий (социалисты, эсеры, социал-демократы, кадеты, «народная свобода») решили создать коалиционное правительство.

Показательно, что управляющим военным министерством был назначен эсер, в прошлом руководитель Боевой организации эсеров, комиссар Юго-Западного фронта Борис Савинков, за которым стояла фигура генерала Корнилова. Савинков был убежденным сторонником продолжения войны «до победного конца».

Появление в правительстве Савинкова свидетельствовало о том, что премьер и его ближайшие партнеры Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко, связанные с французским масонством, склонялись к союзу с армейским руководством.

Надо полагать, для Савинкова не были секретом настроения большинства генералов, которые, не являясь сторонниками отрекшегося императора, все же выступали за наведение порядка в армии и в тылу. Однако в генеральской картине будущего не было видно ни левых социалистов, ни даже умеренных. Их политическим лидером был Александр Гучков. Он еще в марте стал консультироваться с армейской верхушкой, понимая, что рано или поздно революционная стихия должна быть укрощена, и никакой иной силы, кроме военной, у российских государственников нет. Гучков предполагал, что можно вернуться к ситуации, которая могла бы сложиться, если бы ему удалось совершить в конце 1916 года военный переворот и не дать революции выплеснуться на улицы столицы.

Заодно с Гучковым был промышленник и председатель правления Русско-Азиатского банка А. И. Путилов, близкий к французским банковским кругам, создатель «Общества экономического возрождения России», куда вошли представители крупной буржуазии.

В качестве претендентов на роль руководителя военного переворота рассматривались генерал Л. Г. Корнилов и командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак. Однако Колчак по приглашению американской миссии выехал в США. Таким образом выбор пал на Корнилова.

Он был назначен Верховным главнокомандующим и сразу потребовал выполнения четырех «кондиций», главная из которых его «ответственность перед собственной совестью и всем народом», то есть главнокомандующий сразу попытался поставить себя над правительством. Керенский и Савинков предпочли замять дело, хотя за предъявленные «кондиции» Корнилова надо было сразу уволить.

Прибыв в Ставку, главнокомандующий заявил, что необходимо военизировать тыл и железные дороги и ввести смертную казнь не только применительно к «мятежникам» и «неповинующимся», но и к «агитаторам». Чтобы усмирить неповинующиеся части, предлагалось создавать «концентрационные лагеря с самым суровым режимом и уменьшенным пайком». Митинги, демонстрации и забастовки запрещались.

Генерал, по мнению правительства, играл роль, для которой был призван.

Корнилов дважды приезжал в Петроград и обсуждал в правительстве свои предложения. Вначале Керенский склонялся

их принять, но потом отложил окончательное решение на неопределенное время. И Корнилов, и офицеры, и стоявшие за ними финансово-промышленные группы, государственный аппарат, техническая интеллигенция оказались лишенными политических средств для изменения ситуации.

После окончательно определившейся ситуации на фронте и введения смертной казни в Петрограде стали появляться недовольные представители солдатских комитетов. Троцкий отмечает, что «вельможам из ЦИКа» им нечего было сказать, а большевики Сталин и Свердлов привлекли фронтовиков (представителей 29 полков) к совещанию с рабочими 90 петроградских заводов, солдатами Петроградского гарнизона и кронштадтскими матросами. То есть большевики делали свое дело.

Поразительно, но уже к началу VI (Объединительного) съезда почти во всех районных советах Петрограда доминировали большевики. Если в апреле в их рядах было 80 тысяч, то к концу июля уже 240 тысяч человек.

Съезд открылся 26 июля на Выборгской стороне. Отчетный доклад ЦК сделал Сталин. 30 июля он выступил еще с одним докладом «О политическом положении».

На съезде Коба снова вошел и в ЦК, и в «узкий» состав ЦК и стал главным редактором «Правды», набрав при голосовании на этот пост наибольшее число голосов.

В целом июньский и июльский кризисы укрепили позицию Сталина.

Выступление генерала Корнилова не было мятежом, как его окрестила правительственная пропаганда. Более того, в полном согласии с Керенским Ставка готовила введение в столице военного положения и беспощадное подавление революционных сил.

Прошедшие в середине августа в Петрограде выборы в городскую думу показали уверенный рост влияния большевиков. (Они получили 67 мандатов, уступив только эсерам — 75.) По сравнению с майскими выборами в районные думы большевики набрали голосов на 14 процентов больше. Кадеты сейчас получили 42 городских мандата, меньшевики — 8.

Таким образом, в августе стала нарастать концентрация сил обеих сторон.

Двадцать первого августа стало известно, что немцы захватили Ригу, важнейший порт на Балтике. К тому же пять крупней-

ших военных заводов неожиданно были разрушены пожарами. Мало кто сомневался, что пожары были вызваны диверсиями.

На этом фоне 22 августа Корнилов направляет Керенскому телеграмму, требуя немедленно подчинить ему Петроградский военный округ.

И Керенский согласился. В Петроград был направлен кавалерийский корпус генерала А. М. Крымова.

Однако министр-председатель в последнюю минуту догадался, что генерал наведет порядок, но в любом случае не оставит его во главе правительства. Тогда-то и появилась версия заговора, и Корнилов был отстранен от должности Верховного главнокомандующего, объявлен контрреволюционером.

Но теперь в руках большевиков оказался сильный козырь: они легально получали возможность защищать революцию от Корнилова. В ночь с 27 на 28 августа на совместном заседании ВЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов и исполкома Советов крестьянских депутатов было принято решение о создании Комитета народной борьбы с контрреволюцией, позднее трансформировавшегося в Военно-революционный комитет, где получили преобладание большевики и левые эсеры.

Среди войск Крымова работали агитаторы, уговаривавшие казаков не подчиняться «контрреволюционным» приказам.

Двадцать девятого августа 1917 года исполком Юго-Западного фронта арестовал своего главнокомандующего А. И. Деникина, одновременно армейские комитеты всех армий этого фронта арестовали своих командармов.

Двадцать восьмого августа, в «самый тревожный день Корниловского мятежа» (по определению Керенского), послы Англии, Франции и Италии нанесли визит министру иностранных дел Терещенко и от имени своих правительств вручили ему ноту. В ней «во имя гуманизма и стремления избежать невосполнимых потерь» указывалось, что они считают своей важнейшей задачей «сохранить единство всех сил в России во имя победоносной войны».

Керенский называет эту ноту циничной. Союзники предлагали ему рассматривать мятежного генерала как «равноправного партнера». Это значило, что Временному правительству больше не доверяют.

За Корниловым стояли огромные силы. Даже в аппарате главнокомандующего на скромной должности ординарца находился В. С. Завойко, племянник жены А. И. Путилова, доверенное лицо крупных российских предпринимателей. Завойко, кроме того, был тесно связан с крупным нефтепромышленником Лианозовым, состоявшим в деловом партнерстве с французскими Ротшильдами. Именно Завойко был идеологом и ав-

тором всех корниловских заявлений и политических предложений.

Не будет преувеличением сказать, что Запад приговорил к политической гибели Керенского и весь социалистический эксперимент умеренного толка как непродуктивный в условиях войны. Союзники не побоялись усиления леворадикалов во главе с Лениным. Если Ленин и захватит власть, считали они, то не продержится больше трех-четырех недель, и тогда бразды правления Россией перейдут к правым.

А Керенский так и не понял, почему же демократический Запад от него отвернулся.

Глава одиннадцатая

Большевики получают оружие. Сталин: за захват власти. Октябрьская революция

Внутренний конфликт, вырвавшись наружу, взорвал власть. Армия была окончательно деморализована, правительство потеряло свою главную опору. На сцене появилась новая вооруженная сила: 20 тысяч петроградских рабочих, получивших винтовки для отражения Корниловского мятежа.

Петроградская большевистская организация обладала необходимыми структурой и аппаратом, чтобы поднять на отпор контрреволюции всю имеющуюся в городе рабоче-солдатскую массу. С 27 по 30 августа во многих городах России было создано более 240 военно-революционных комитетов. Петроградский ВРК распределял оружие, контролировал запасы продовольствия, направлял агитаторов в воинские части, взаимодействовал с профсоюзами почтово-телеграфных и железнодорожных служащих.

Всероссийский исполнительный комитет железнодорожных служащих (Викжель) заблокировал движение корниловских войск. Во многом эта политическая акция была стихийной и объединила все политические силы левее кадетов.

Заводской комитет Сестрорецкого оружейного завода передал вновь созданной рабочей Красной гвардии тысячи винтовок и патроны. Выдавали оружие и из арсенала Петропавловской крепости.

По требованию большевиков были выпущены из тюрем их однопартийцы, обвиняемые в третьеиюльском восстании.

Рабочие крупнейших петроградских заводов (Путиловского, Металлического, Новоадмиралтейского судостроительного) потребовали: «Государственная власть не должна ни одной ми-

нуты оставаться в руках контрреволюционной буржуазии. Она должна перейти в руки рабочих, солдат и беднейших крестьян и быть ответственной перед Советами рабочих, солдатских депутатов».

Подобные декларации были выдвинуты всеми воинскими частями петроградского гарнизона. Девятнадцать судовых комитетов Балтфлота постановили поднять на своих кораблях красные флаги. Центробалт поддержал это решение.

При этом настроение Петроградского Совета тоже сильно сдвинулось влево. Так, 1 сентября в пять часов утра (!) после многочасовых дебатов депутаты приняли предложенную Каменевым декларацию. В ней содержалось требование отстранения от власти всех представителей буржуазии и создания правительства «из революционного пролетариата и крестьянства», основные задачи которого: провозглашение демократической республики, конфискация без выкупа всех помещичьих земель и передача их крестьянским комитетам впредь до решения Учредительского собрания; введение рабочего контроля на производстве, национализация важнейших отраслей промышленности, предложение народам воюющих стран всеобщего демократического мира.

С каждым днем ситуация становилась все хуже и хуже. Политический кризис усугублялся экономическим. Всего за 1917 год объем промышленного производства упал на 36,4 процента. Особенно сильно кризис ударил по железнодорожному транспорту.

«Нужно же, наконец, понять, — писал Сталин в те дни, — что лишенное доверия страны и осажденное ненавистью масс правительство не может быть не чем иным, как правительством провоцирования "гражданской войны"»[60].

Еще слова «гражданская война» взяты в кавычки как политический термин, а не повседневный факт.

Логикой событий вырисовывался мирный переход власти от Временного правительства к Советам. Ленин сразу после разгрома Корнилова предлагал «соглашателям», то есть эсерам и меньшевикам в ЦИКе, компромисс и формирование коалиционного правительства, те предпочли не заметить предложения.

Четырнадцатого сентября начальник Петроградской городской милиции приказал арестовать Ленина, который по-прежнему скрывался и поддерживал связь с ЦК письмами через связных. Именно в эти дни он направил в ЦК письма «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание».

Крупская передала письма Сталину, а тот ознакомил с ними ЦК. Он понял, что правительство начинает оправляться от

корниловского потрясения и, если будет упущен момент, соберет-таки силы и подавит революционные очаги.

Однако ответ ЦК Ленину был явно отрицательный.

Двадцать третьего сентября был обнародован новый состав коалиционного правительства, куда вошли два представителя от профсоюзов и промышленников. В составе кабинета министров — четыре кадета — А. И. Коновалов, Н. М. Кишкин, С. А. Смирнов, А. В. Карташев, большинство портфелей у социалистов, министром иностранных дел остался Терещенко, премьером и Верховным главнокомандующим — Керенский.

Состоявшиеся в губерниях выборы гласных городского самоуправления (2 сентября) показали, что 65 процентов мандатов в губернских центрах получили социалисты всех толков. То есть подавляющее большинство населения было настроено просоциалистически. Правительство не отвечало этим настроениям и было обречено. Неспособность правительства контролировать обстановку показывает картина разложения армии: «С 1 по 9 октября военный министр насчитал среди тыловых частей армии, размещенных внутри страны, 16 погромов, 8 пьяных погромов, 24 самоличных выступления, 16 случаев применения вооруженной силы для подавления анархических вспышек»[61].

Как писал Ленин: «Кризис назрел».

Оказав сильное давление на ЦК, он добивается обсуждения вопроса о восстании, чтобы не дать Керенскому закончить, как он пишет, «корниловские приготовления».

Накануне Октябрьской революции разрыв между основной массой народа и правительством уже был непреодолим. В августе, почти одновременно с нарастанием корниловского движения, начались крестьянские бунты. В деревнях требовали национализации земли. Дело в том, что еще с марта помещики стали продавать свои земли, а крестьяне потребовали принять закон, запрещающий подобные сделки, увидев в них угрозу своим интересам.

Но правительство не могло решить этой проблемы, как не могло и пойти на национализацию. Как пишет С. Г. Кара-Мурза, «уже в 1916 году половина всех землевладений была заложена, и национализация земли разорила бы банки (которые к тому же почти все были иностранными)».

В это время уже шел захват власти большевиками. Меньшевики уповали на быструю реакцию Керенского, который еще мог обнародовать решение правительства о земле и мире.

Подготовка восстания началась 10 октября, когда вернувшийся в столицу Ленин на заседании ЦК обосновал необходимость захвата власти. Именно здесь впервые прозвучала мысль

о неприятии Учредительного собрания, то есть об отказе от демократического хода событий.

Из 12 участников заседания десять, включая Сталина, поддержали курс на захват власти. Зиновьев и Каменев были против.

Здесь же было избрано Политбюро: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов.

Шестнадцатого октября состоялось еще одно заседание ЦК с участием представителей Петроградского комитета и Военной организации партии.

Разгорелся горячий спор о сроках восстания. Ленин предложил увязать захват власти с началом открытия II съезда Советов, намеченного на 25 октября, чтобы с его помощью загнать Временное правительство в угол и объявить съезд Советов верховным органом власти.

Резолюцию в поддержку вооруженного восстания одобрили 19 человек, четверо воздержались, двое (Зиновьев и Каменев) снова были против.

Восемнадцатого октября Зиновьев и Каменев опубликовали в небольшевистской газете Максима Горького «Новая жизнь» статью, в которой аргументировали свою позицию против восстания. Они считали, что захват власти несвоевременен, так как партия не сможет построить подлинный социализм, и это приведет к дискредитации социалистической идеи. Они предлагали путь легального вхождения во власть через выборы в Учредительное собрание, где, как они считали, большевики могут получить треть голосов. В итоге партия сможет либо активно влиять на правительство из оппозиции, либо вместе с другими левыми партиями образовать правящий блок.

Ленин воспринял их оппонирование как предательство («штрейкбрехерство»). Весь политический Петроград был наполнен слухами о готовящемся большевиками вооруженном выступлении, и поэтому статья «штрейкбрехеров» подтверждала эти слухи и давала правительству основание арестовать руководство партии.

Ленин потребовал исключить оппонентов из партии. В ответ Зиновьев обратился с письмом в газету «Рабочий путь» (одно из названий «Правды»), которую редактировал Сталин. Он предлагал отложить полемику и «сомкнуть ряды». Сталин опубликовал письмо и сопроводил его послесловием: «От редакции. Мы в свою очередь выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева (а также заявлением т. Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи т. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками»[62].

Что подвигло Сталина выразить несогласие с Лениным и взять под защиту людей, с чьей позицией по вопросу восстания он не согласен?

Согласие с исключением Зиновьева и Каменева, которые к тому же покаялись, не имело большого смысла. А если учесть, что Троцкий стал председателем Петроградского Совета и набирал силу, то и просто нерасчетливо, так как усиливал позиции Троцкого.

Тогда же Сталин в ответ на критику в ЦК по поводу его заступничества за «штрейкбрехеров» подал в отставку с поста главного редактора, но отставка не была принята.

Думается, и требование Ленина об исключении «штрейкбрехеров», и заявление об отставке «чудесного грузина» надо воспринимать как вспышки эмоций, вполне понятные в то критическое время. Иначе трудно объяснить, почему Ленин с его стальной волей не стал впоследствии добиваться исключения Зиновьева и Каменева. Значит, этот вопрос не был принципиально важен. Лидер партии предпочел о нем забыть.

«Антиленинская» позиция Сталина тоже оказалась не антиленинской.

Да и о каком конфликте между Сталиным и Лениным можно говорить, если на том же заседании ЦК, где обсуждался вопрос о статье Зиновьева и Каменева, Сталин был избран в состав Военно-революционного центра вместе со Свердловым, Бубновым, Урицким, Дзержинским.

Если бы конфликт действительно имел место, то вряд ли Сталина избрали бы в руководящий орган восстания.

После заседания ЦК 20 октября события развивались только в одном направлении.

Двадцать первого октября состоялось еще одно заседание ЦК. Сталина на нем выдвинули в исполком Петроградского Совета, он выступил с предложением сделать доклады на II съезде Советов: о войне, о власти, о контроле, о национальном вопросе, о земле. Доклад о национальном вопросе был поручен ему. Руководителями большевистской фракции на II съезде были выдвинуты Сталин и Свердлов.

Первоначально II съезд Советов был назначен ЦИКом на 20 октября, к этому сроку планировалось и восстание, хотя времени на подготовку было крайне мало. (Из-за этого и возник спор в ЦК о времени восстания.) Однако «соглашательский» ЦИК перенес открытие съезда на 25-е, и большевики получили несколько дней.

Девятнадцатого октября в военном отделе Петроградского Совета состоялось закрытое собрание полковых и ротных комитетов. Представители войск заявили, что готовы по первому

зову Совета выступить против правительства. Даже самые надежные казачьи части заявили о нейтралитете, только несколько сотен и ударных батальонов сочувствовали Временному правительству.

Этому предшествовала попытка правительства отправить на фронт революционные войска из Петрограда, и все столичные полки окончательно отвернулись от него. Обстановка в столице накалялась и выглядела, согласно газете «Русские ведомости» от 20 октября, так: «На окраинах, на петроградских заводах Невском, Обуховском и Путиловском большевистская агитация за выступление идет вовсю. Настроение рабочих масс таково, что они готовы двинуться в любой момент. За последние дни в Петрограде наблюдается небывалый наплыв дезертиров. Весь вокзал переполнен ими. На Варшавском вокзале не пройти от солдат подозрительного вида, с горящими глазами и возбужденными лицами. Все окраины производят в этом отношении ужасающее впечатление. По набережной Обводного канала бесцельно движутся толпы пьяных матросов... Имеются сведения о прибытии в Петроград целых воровских шаек, чувствующих наживу. Организуются темные силы, которыми переполнены чайные и притоны... Комиссар Нарвского подрайона сообщил управлению милиции о появлении на Балтийском заводе значительных групп матросов... В связи с ожидаемым выступлением большевиков в частных кредитных учреждениях отмечается усиленное требование клиентами банков принадлежащих им ценностей. Это объясняется "убеждением широких масс населения, что выступающие большевики прежде всего обратятся к разгрому частных коммерческих банков"»[63].

Тут наконец-то правительство встревожилось, решили вызвать войска с Северного фронта. Войска идти отказались.

Двадцать четвертого октября в газетах появилось обращение Петроградского Совета: штаб округа назывался «прямым органом контрреволюционных сил»; объявлялось, что никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, недействительны; что в особо важные пункты столицы и воинские части назначены комиссары.

Сам ход событий еще не обнаруживал очевидного военного противостояния. Большевики наступали, правительство пятилось и становилось все более эфемерным.

Во второй половине дня 24 октября Сталин появляется в Смольном. Его отсутствие на утреннем заседании ЦК послужило впоследствии поводом для различных толков, начиная с того, что он «самоустранился», и кончая тем, что он возглавлял резервный центр управления. Недавно выдвинуто еще одно

предположение: в те дни Сталин переживал влюбленность в Надю Аллилуеву (он жил на квартире Аллилуевых), и его отсутствие на некоторых важнейших заседаниях объясняется именно сердечными причинами. Но как бы там ни было, вечером 24 октября, вернувшись домой, Сталин был в радостном настроении, о чем свидетельствует Анна Аллилуева, и сказал: «Да, все готово! Завтра выступаем. Все части в наших руках. Власть мы возьмем...»

В книге Р. Слассера приводится основанная на мемуарных источниках версия историка Е. А. Луцкого, что 25 октября в 3 часа утра в Смольном состоялось еще одно заседание ЦК с участием Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого и Сталина. Главной целью было обсуждение задач будущего правительства и, с учетом важности земельного вопроса, — проекта Декрета о земле.

Есть свидетельства, что в те дни Сталин вел работу с агентами партийной разведки, и поэтому никаких протокольных поручений за ним не могло быть записано. Впоследствии с первого дня организации Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (7 декабря 1917 года) именно Сталин курировал ее работу по линии Политбюро. Добавим, что Сталин обеспечивал в июле перевод Ленина на нелегальное положение.

В 21 час 40 минут крейсер «Аврора» сделал холостой выстрел из носового орудия.

Около 23 часов было сделано несколько боевых выстрелов. Все снаряды, кроме двух, разорвались над Невой, один разбил карниз Зимнего дворца, а второй — угловое окно на третьем этаже над залом.

Если бы в эти минуты Петр восстал из гроба, он не поверил бы своим глазам. В его городе императорский крейсер расстреливал резиденцию русских царей!

Юнкера отвечали ружейной и пулеметной стрельбой.

Положение правительства все ухудшалось. Силы таяли, часть восточного крыла Зимнего осталась без защитников, и оттуда во дворец стали проникать восставшие. Среди выстрелов, подавляя шум боя, раздался грохот от разрыва выпущенного из Петропавловской крепости снаряда. Он взорвался на верхнем этаже.

Проникшие во дворец матросы-анархисты бросили с балкона в зал две гранаты.

Только одна находившаяся рядом с министерским залом группа юнкеров была готова погибнуть, но не сдаться. Эти сем-

надцати-девятнадцатилетние юноши оказались последними защитниками, пусть видоизмененной, но все же во многом традиционной России. Им не пришлось погибать. Юнкерам сообщили, что правительство готово сдаться.

В зал ворвалась толпа, во главе ее был член ВРК Антонов-Овсеенко, маленький человек в очках. Министры были арестованы и, чудом избежав самосуда, отправлены в Петропавловскую крепость.

Была ночь 26 октября 1917 года. Традиционная Россия тихо отдалялась от революционного Петрограда. Крестивший Русь Владимир Святой, объединивший страну Иван III, создавший империю Петр I, победивший Наполеона Александр I, а также тысячи и тысячи подвижников и героев оказались в ту ночь на незримом корабле отплывающей России.

Над новым государством вставало новое светило, ослепительное в своем младенчестве, — МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

На заседании II съезда Советов было избрано правительство Советской России — Совет народных комиссаров. Ленин стал председателем, Троцкий — комиссаром по иностранным делам, Рыков — комиссаром по внутренним делам, по делам военным и морским — комитет в составе В. А. Антонова-Овсеенко, Н. В. Крыленко, П. Е. Дыбенко; Сталин — комиссаром по делам национальностей.

Вдобавок к Совнаркому для оперативного управления была образована так называемая «четверка» в составе Ленина, Сталина, Свердлова, Троцкого. И именно сквозь призму «четверки» отчетливее всего видно высокое положение Сталина. Внутри ее наиболее близкие и доверительные отношения сложились у Ленина со Сталиным. Когда Ленин уходил в отпуск в декабре 1917 года, он оставил «на хозяйстве» именно Кобу. Здесь и началось противостояние между Сталиным и Троцким, под знаком которого прошла жизнь советской элиты вплоть до Великой Отечественной войны.

Все новые руководители России не обладали должным опытом. Но они имели опыт завоевания власти. Вот как Троцкий оценил этот опыт применительно к Сталину:

«Временное правительство с участием меньшевиков и народников, вчерашних товарищей по подполью, тюрьме и ссылке, позволило ему ближе заглянуть в ту таинственную лабораторию, где, как известно, не боги обжигают горшки. Та неизмеримая дистанция, которая отделяла в эпоху царизма подпольного революционера от правительства, сразу исчезла. Власть стала близким, фамильярным понятием. Коба освобо-

дился в значительной мере от своего провинциализма, если не в привычках и нравах, то в масштабах политического мышления. Он остро и с обидой почувствовал то, чего ему не хватает лично, но в то же время проверил силу тесно спаянного коллектива одаренных и опытных революционеров, готовых идти до конца. Он стал признанным членом штаба партии, которую массы несли к власти. Он перестал быть Кобой, став окончательно Сталиным»[64].

Эти же слова можно отнести и к Ленину, Троцкому и многим выскочившим невесть откуда маргиналам имперского культурно-политического ядра.

Глава двенадцатая

Первые конфликты в Смольном. Англия и Франция делят Россию на зоны влияния. Разгон Учредительного собрания. Гражданская война началась

Если попытаться проникнуть в их сознание, то скорее всего главным в нем будет раскол, раздвоение. Это были в основном русские образованные люди, впитавшие культурную двойственность, идущую еще со времен патриарха Никона, когда в связи с церковной реформой в простонародном сознании «проснулось подозрение, что православное царство, Третий Рим, повредилось, и произошло повреждение истинной веры» (Н. Бердяев). Согласно Бердяеву, есть близкое сходство в методах Петра Великого и Ленина, с той разницей, что большевики «путем страшных насилий» подтолкнули низы к исторической активности.

Как только вслед за эсерами, меньшевиками и меньшевиками-интернационалистами несколько народных комиссаров и членов ЦК поняли, что оказались один на один со вздыбленной страной, они сделали попытку найти опору в родственных социалистических партиях. По предложению Каменева, Зиновьева, Рыкова, Луначарского, Ногина, Милютина, Шляпникова и других видных большевиков начались переговоры с меньшевиками и эсерами о коалиционном социалистическом правительстве. Те соглашались войти в Совнарком на условиях предоставления им большинства портфелей и невхождения в кабинет Ленина и Троцкого.

Положение большевиков было крайне неустойчиво. Они, рассчитывая укрепить свою социальную базу, предложили разделить посты в правительстве пропорционально соотношению сил в Советах, где у них было бесспорное преимущество. Но эсеры хотели большего.

Каменев был готов идти на уступки. Точку в переговорах поставили Сталин и Свердлов, решительно указав меньшевикам и эсерам на их ограниченные возможности. Впоследствии китайский коммунист Мао Цзэдун скажет: «Винтовка рождает власть». Нечто подобное могли сказать и Ленин со Сталиным.

То, что за создание коалиционного социалистического правительства выступил сильный профсоюз железнодорожников (Викжель), придало конфликту боевое содержание: еще не было забыто решающее участие железнодорожников в остановке движения корниловских дивизий на Петроград.

К этому надо прибавить начавшееся наступление проправительственных войск генерала П. Н. Краснова после прибытия Керенского из столицы в штаб Северного фронта. В течение нескольких дней была организована оборона столицы и благодаря этому, а также отрицательному отношению большинства генералов к Керенскому контрреволюционный марш на Петроград провалился.

В итоге инициаторы коалиции заявили о своем выходе из ЦК и правительства. Каменев оставил пост председателя ВЦИКа, который занял Свердлов.

Конфликт внутри ЦК разрешился силовым путем. Большинство ЦК (Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Иоффе, Бубнов, Сокольников, Муралов) выдвинуло соглашателям ультиматум — подчиниться партийной дисциплине.

Впрочем, в случае образования коалиции мог ли быть найден механизм согласования споров? Такого механизма уже просто не существовало. Едва он появился в практике Временного правительства, как был уничтожен объединенными усилиями всех партий.

Можно сказать, что после переворота большинство партий хотело затормозить разрушение государства, а меньшинство (ленинцы), опираясь на устремления масс, продолжало разрушительную работу революции по добиванию старого режима.

Если земельный вопрос после опубликования декрета решался на местах сам собой, то армия еще была неподвластна большевикам и могла повернуть в любую сторону.

И главное — отсутствовал аппарат государственной власти.

Оценивая ситуацию, Сталин описывает ее очень эмоционально: «Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина, прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий)

и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 14-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шел на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. "Пойдем на радиостанцию, — сказал Ленин, — она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки". Это был "скачок в неизвестность". Но Ленин не боялся этого "скачка", наоборот, он шёл ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира и она завоюет мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах...»[65]

Сталинская оценка жуткой ситуации весьма красноречива, особенно если учесть его обычную сдержанность. Наступление Краснова, сопротивление правительственных чиновников, партий, прессы, а также попытка юнкеров военных училищ совершить контрпереворот, вооруженное сопротивление в Москве — вот картина первых дней и недель постреволюционной действительности.

Когда задаются вопросом, почему Ленин и его партия смогли взять власть, то среди главных причин иногда называют и демократичность, гибкое управление партии, позволявшее дискуссии, проявление инициативы, то есть партия была жизнестойкой организацией. Большевики имели и парламентский опыт и вообще являлись частью общероссийского демократического движения.

Надо подчеркнуть: демократические партии не были друг другу врагами. Но после 25 октября положение стало быстро меняться. С каждой «жуткой минутой» становилось ясно, что старые методы государственного управления не годятся и что для удержания власти требуются иные.

Не случайно в переговорах со Ставкой участвовал Сталин. Не случайно свою подпись он поставил и на послании об

увольнении начальника штаба Ставки Духонина, и на декрете СНК о запрете оппозиционных газет.

Если проанализировать тогдашние его обязанности, то можно сделать важный вывод: Сталин создавал то, что можно назвать «материей государственности». Итак, он занимал следующие посты — член ВЦИКа, член «четверки», народный комиссар, председатель редколлегии «Правды» и Комитета по контролю за печатью, руководитель группы по связям с Украиной, куратор и член коллегии ВЧК, затем с января 1918 года — член комиссии по программе партии, с апреля — член комиссии по Конституции, с сентября — член Реввоенсовета Южного фронта.

Вскоре его деятельность в Совнаркоме приобретет чрезвычайный характер — его будут посылать на самые трудные задания, где он покажет умение пользоваться властью. Для того чтобы потом стать во главе могучей державы, ему надо было сейчас продемонстрировать волю, ум, организационный талант.

Троцкий верно заметил, что в должности наркома национальностей Сталин не был постоянно занят и поэтому часто выполнял важные поручения Ленина. И, добавим мы, был способен их выполнять. Сталин занял неформальное место заместителя председателя правительства по чрезвычайным вопросам.

Состояние России на тот период красочно описано Черчиллем: «Явление, видом отличное от любых, когда-либо обитавших на земле, стояло на месте, где находился прежде союзник. Мы видели государство без нации, армию без страны, религию без бога». Он не добавил еще одного: без опытных руководителей.

Полуразложившаяся армия после Декрета о земле была нацелена не на оборону от немцев, а на помещичьи усадьбы, от которых каждый солдатик спешил оторвать кусок побольше.

Поэтому что оставалось Совнаркому, как не поспешить начать мирные переговоры с немцами?

Исторический феномен, получивший название Брестского мира, был многослоен, но цементирующим слоем явилась необходимость подавить разгоравшийся разрушительный бунт простонародья, грозивший смести не только культурные помещичьи гнезда, но и всю страну.

Здесь, в вопросе войны и мира, от которого зависело будущее Советской России, на первое место выдвинулся нарком по иностранным делам Троцкий.

А что Сталин? Он занимается почти тем же: пытается из обломков старой государственности построить новое здание.

Судьба социалистической революции в России зависела от сочетания многих факторов, из которых военный стоял на первом месте. За Россию продолжали бороться союзники, включая Америку и Японию, а также Германия. У каждого из этих государств было достаточно сил, чтобы оккупировать лишенную армии Россию, но они воевали друг с другом, и поэтому столкновение их интересов создавало пусть кратковременную, но реальную защиту несчастной страны. К тому же мировая революция, на которую молились большевики, действительно вырывалась из глубин смертельной усталости и в Германии, и во Франции, и в Италии.

Наиболее близким и опасным врагом для большевиков была Германия. Она продолжала свою политику на дезинтеграцию России и захват Кавказа, Украины, Крыма, чтобы получить ресурсы, делавшие ее непобедимой. Немцы планировали расширить свою экспансию вплоть до Месопотамии и Индии, но для успешного продвижения в эти районы им необходима была победа в России.

В этом стремлении Берлин рассматривал власть большевиков как меньшее из зол, так как любое другое правительство опиралось бы на союзников и вернуло бы российскую армию на германский фронт.

Большевикам же нужен был мир с Германией, чтобы заняться внутренним переустройством. Они не хотели распада страны и оккупации немцами ряда губерний, но приближающаяся мировая революция должна была закрыть эту проблему, превратив Германию в братское социалистическое государство.

В противостоянии обеих сторон каждая рассчитывала опередить соперника.

Но Восточный фронт продолжавшейся мировой войны не играл такой роли, как Западный, где германский дуумвират в лице маршала Гинденбурга и генерала Людендорфа намеревался в марте—апреле 1918 года завершить дело разгромом союзных армий и занять Париж. Восточный фронт пока оттягивал миллион немецких солдат, давая французам и англичанам возможность успешно обороняться.

Выход России из войны ставил союзников в трудное положение. Может быть, в безнадежное.

Поэтому Париж и Лондон никак не могли спокойно наблюдать за событиями в России. У них был выбор: либо найти общий язык с Совнаркомом, либо поддержать контрреволюционные силы, собиравшиеся на Дону вокруг донского атамана генерала А. М. Каледина и прибывших в Новочеркасск генералов Корнилова и Алексеева.

Для полноты картины надо указать на устремления США и Японии. Оба государства были противниками Германии, но это не главное. А главное то, что экономика Соединенных Штатов Америки, страны, бывшей до сей поры заокеанской региональной державой, к 1918 году составляла почти 40 процентов мировой экономики. Таким образом, Штаты стали претендовать на мировое лидерство, тесня старого лидера — Великобританию. Япония же стала бесспорным фаворитом в Азии и претендовала на Сибирь.

Таким образом, оккупируя российские территории, Германия стимулировала участие в российских делах Англии и Франции; Англия, Франция, Япония, вводя войска в Россию, вызывали конкурентное противодействие со стороны США.

Сталин, на котором лежала ответственность за положение дел на национальных окраинах, автоматически становился участником надвигающихся военных действий.

В декабре 1917 года правительства Англии и Франции заключили соглашения о поддержке антибольшевистских сил в России и разделе ее на зоны влияния. Украина, Крым, Бессарабия вошли во французскую зону. Дон, Кубань, Кавказ, Армения, Грузия, Курдистан — в английскую.

На российской карте уже выстраивались готовые к Гражданской войне силы.

Без срочного заключения мира с Германией большевики были обречены погибнуть еще до начала весны.

К международным угрозам прибавились внутренние: саботаж правительственных чиновников и банковских служащих, бандитизм, нехватка продовольствия, концентрация на юге контрреволюционных сил, блокирование украинской Центральной радой советских войск, идущих на Дон против казаков генерала Каледина.

В это время Сталин занимается вопросами взаимоотношений с Финляндией и Белоруссией, вносит в Совнарком проект обращения «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», делает доклад по проблеме выборов в Учредительное собрание, подписывает вместе с другими членами «четверки» декрет о создании Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Он очень активен.

Тогда же складывается система управления государством, которая просуществовала весь советский период. Партийная структура выглядела так: Политбюро, Оргбюро, Секретариат, партийные комитеты на местах, партийные организации на производстве, в армии.

Параллельно действовала государственная структура: ВЦИК, Советы на местах.

Управление экономикой осуществлялось через ВСНХ, национализированные производственные синдикаты («Продамет», «Кровля» и т. д.), машиностроительные объединения, главные управления, особые совещания, комитеты, тресты. Национализация промышленности фактически опиралась на развитие государственно-монополистических объединений в предвоенные годы и велась через фабрично-заводские комитеты и рабочий контроль. «Положение о рабочем контроле» было принято ЦИКом 14 ноября 1917 года, оно конституировало права фабрично-заводских комитетов, превратив их в низовое звено государственной системы управления производством, и дало Совнаркому и ВСНХ возможность осуществлять свои функции.

Высшим звеном власти были партия и Политбюро, но исполнительная и экономическая власть осуществлялась другими органами, и именно в этом сочетании был заложен конфликт, который впоследствии не раз приводил к потрясениям. Политическое руководство не могло позволить передать буржуазным (военным, хозяйственным, научным и т. д.) специалистам полноту действий.

Оставшись в одиночестве после октябрьского переворота, коммунистическая партия взяла на себя огромную ответственность и, будучи не в силах ни с кем разделять ее, выдвигала на первые роли руководителей чрезвычайного типа.

К тому же опыт Сталина в сравнении с опытом Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева был более практическим. Сталин прошел университеты выживаемости и управления людьми из разных социальных слоев.

Поэтому, когда почти все образованное общество оказалось вне или против коммунистической программы, стали востребованы люди, которые не боялись риска и умели подавлять противников. Окончательный разрыв со своими возможными партнерами большевики совершили, распустив демократически избранное Учредительное собрание (6 января 1918 года; его состав: большевики — 24 процента, эсеры, меньшевики и т. д. — 59, кадеты — 17). Реальная власть уже была в руках большевиков, возвращаться в «апрель 1917 года» они не собирались.

В полдень 5 января к Таврическому дворцу стали подходить многочисленные демонстранты с лозунгами «Вся власть Учредительному собранию!». Сильно мело. Погода была ужасная.

Охранявшие дворец красные латышские стрелки, которые стали ленинскими преторианцами, приказали шедшим с Литейного проспекта демонстрантам остановиться. Те не подчинились. Тогда с расстояния в несколько метров последовал винтовочный залп. Восемь или десять человек были убиты,

около двадцати сильно ранены. Толпа разбежалась. Брошенные плакаты латыши сожгли. Через час они расстреляли еще одну колонну и снова сожгли плакаты. Всего погибло до 30 человек, 200 было ранено.

Парламент начал работу в безнадежной обстановке. В Таврическом дворце в вестибюлях, коридорах и на галерке было полно вооруженных солдат и матросов-анархистов.

Председатель ЦИКа Свердлов могучим басом зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», автором которой был Ленин. Россия объявлялась Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; вся власть передавалась Советам; частная собственность отменялась и становилась государственной; создавалась социалистическая Красная армия; вводилась трудовая повинность.

Согласно Декларации, Учредительное собрание должно было поддержать советскую власть и декреты Совнаркома; на этом его задача была исчерпана.

Однако большинство депутатов не согласились. Тогда после тринадцати часов дебатов охрана закрыла заседание. Последней резолюцией Учредительного собрания было упразднение в России монархии и введение республиканской формы правления. Династия Романовых окончательно утратила свои права.

Двадцать седьмого ноября 1917 года Людендорф дал согласие на мирные переговоры с большевиками. Канцлер Гартлинг выбрал основу для переговоров (и дезинтеграции России) — право наций на самоопределение.

В это время Япония предложила Западу восстановить Восточный фронт, послать свои войска в Сибирь, а взамен получить признание преобладания своих интересов в Китае и исключительные права на эксплуатацию природных богатств Восточной Сибири. Париж и Лондон согласились. Но тут Америка неожиданно сказала «нет». Опубликованные Троцким секретные договоры показали Вашингтону, что союзники не намерены с уважением относиться к стратегическим интересам Соединенных Штатов. (Публикуя секретные документы российского Министерства иностранных дел, нарком иностранных дел Троцкий, связанный с социалистическими организациями и банками Америки, где он находился в эмиграции, оказывал Вашингтону огромную услугу.) Теперь всему миру было ясно, что англичане и французы пытались за спиной честных американцев разделить мир методами тайной дипломатии. Отныне США брали на себя роль ничем не запятнанного мирового лидера, начиная с простого военного факта, что отныне только прибытие в Евро-

пу американских дивизий могло удержать фронт союзников, и кончая созданием ею новой мировой идеологии.

Заметим, что нарком по делам национальностей, занимаясь Украиной, Доном и Кавказом, был ближе к вопросам международной политики, чем это кажется на первый взгляд. Начавшийся дележ полуживой страны был настолько бесцеремонным, что не мог не отложиться в сталинской картине мира стремлением к военному могуществу как к единственному средству выживания.

Если Ленин, Троцкий, Каменев и другие их товарищи питали большие (и несбывшиеся) надежды на солидарность немецких и французских социал-демократов, то Сталин оказался гораздо большим реалистом.

Двадцать девятого октября, спустя четыре дня после октябрьского переворота, британскому кабинету министров стало известно, что в Области войска Донского, на юге России, генерал Каледин создает военное сопротивление большевикам. Англичане стали устанавливать с ним связи, — правда, не напрямую, а через Румынию, чтобы не «бросить Ленина в лапы немцев». Союзники еще не теряли надежды убедить новое российское правительство в необходимости ради его же спасения не заключать сепаратного мира, а продолжать борьбу. Но у России для этого не было ни боеспособной армии, ни мотивации. 26 ноября главнокомандующий Крыленко обратился к германскому командованию с предложением перемирия.

Второго декабря переговоры начались.

Российскую делегацию в Бресте возглавлял старый большевик Адольф Иоффе. Он предложил полугодовое перемирие, немцы — не более 28 дней.

Кроме того, Иоффе предложил заключить всеобщий мир без аннексий и контрибуций, а также выдвинул идею свободного распространения революционной литературы.

Немцы предъявили следующие претензии: они отторгали от России восемнадцать губерний.

Подписав перемирие, советская делегация вернулась в Петроград на двенадцатидневный перерыв.

Двадцать четвертого декабря в Киеве Центральная рада объявила независимость Украины, через два дня Германия пригласила делегатов Рады в Брест.

При возобновлении переговоров Троцкий сменил Иоффе.

В январе, предвещая грядущие потрясения, по Германии прокатилась волна забастовок, в которых участвовали миллионы рабочих на самых крупных заводах. Они тоже требовали мира без аннексий и контрибуций.

Свои речи за столом переговоров Троцкий дополнял обращениями по радио ко всему миру, в которых социальная справедливость и обвинения в кровавых преступлениях империалистов звучали не менее грозно, чем залпы орудий.

В ответ германский министр Кюльман подписал сепаратный мирный договор с Украиной, что еще больше углубило раскол России. Отныне Германия контролировала огромную территорию до Черного моря и Дона и получила все шансы победить в мировой войне.

Но в Харькове было провозглашено установление советской власти на Украине, и ситуация быстро изменилась. Украинские советские войска продвигались к Киеву. 13 декабря в киевских левых газетах появилась статья Сталина «К украинцам тыла и фронта», в которой нарком писал, что нет и не может быть конфликта между русским и украинским народами, но конфликт действительно возник между Советом народных комиссаров и Генеральным секретариатом Рады.

Дело в том, что военный секретарь — министр Симон Петлюра хотел объединить украинские войска с казаками Каледина, чтобы контролировать промышленный Донбасс. Киев, проводя прогерманскую политику создания «свободной федерации народов» бывшей империи, поддерживал сепаратизм Дона и Кубани.

Пятого января 1918 года Центральная рада объявила о независимости, что следовало из германского сценария.

Советские войска стремительно продвигались к Киеву, не встречая серьезного сопротивления. В Центральной раде стало известно о тайной телеграмме Сталина, где речь шла о подготовке к перевороту.

Пятнадцатого января на крупнейшем военном заводе «Арсенал» начались восстания рабочих против «буржуазных националистов». 16 января восстание распространилось на район Подола и центр города. 21 января после артиллерийского обстрела гайдамаки под командованием Петлюры штурмом взяли «Арсенал».

Двадцать третьего января начался штурм Киева советскими войсками, он продолжался еще два дня, и во время жестоких уличных боев петлюровцы оказали сильное сопротивление. 26 января Киев был взят советскими войсками.

Центральная рада призвала Германию ввести на Украину войска.

Вернемся в Смольный, куда 18 января прибыл из Бреста Троцкий. Его позиция — не подписывать мирного договора, но прекратить войну — вызвала раскол в ЦК.

Главный аргумент Троцкого: приближение революции в Германии.

Сталин смотрел на вещи более рационально: революционного движения на Западе нет.

Ленин стоял за максимальное оттягивание мира до тех пор, пока немцы не начнут угрожать возобновлением военных действий, а потом — подписывать.

Бухарин, Дзержинский, Урицкий, Ломов выступали за «революционную войну», не останавливаясь даже перед потерей большевиками власти, пожертвовать всем во имя мировой революции.

Но в то же время, соглашаясь на немецкую оккупацию огромных российских территорий, правительство наверняка вызвало бы возмущение большинства населения. В итоге на возобновившихся переговорах в Бресте Троцкий, превысив свои полномочия, но не нарушая общей логики ленинского замысла, заявил об отказе советского правительства подписать аннексионистский мир о выходе России из состояния войны с Германией, о роспуске российской армии.

Немцы были поражены отказом советской делегации подписывать мирный договор. Советская делегация покинула Брест.

Прошло три дня. И тут германское командование сообразило, что Троцкий дал ему небывалый шанс. Оно заявило, что в связи с отказом советской стороны подписать мирный договор возобновляются военные действия.

Началось быстрое продвижение немецких войск. В последнюю неделю февраля они заняли Житомир, Гомель, Дерпт, Ревель, Могилев, бомбили Петроград.

Ленин потребовал под угрозой своей отставки немедленно заключить мир на любых условиях ради сохранения базы мировой революции — Советской России.

Троцкий по-прежнему был против мира, надеясь на выступление немецкого пролетариата.

Результат голосования: Ленина поддержали семеро, шестеро были против. На заседании ЦИКа соотношение было: за — 116, против — 85, воздержалось — 26, отказались голосовать — 7.

Было решено эвакуировать столицу из Петрограда в Москву и защищаться изо всех сил.

Третьего марта в Бресте был подписан договор. Территория России по сравнению с 1914 годом сократилась на 2 миллиона квадратных километров. Надо было вывести войска с Украины, отказаться от претензий на Украину, Финляндию, Прибалтику, отдать Турции Батум, Карс, Ардаган, выплатить репарацию в 6 миллиардов марок, демобилизовать Черноморский флот.

Глава тринадцатая

Большевики становятся «оборонцами». Неизбежность террора. Сталин — заместитель Ленина в СТО. Война на истребление. Диктатор в Царицыне. Женитьба на Аллилуевой. Конфликт с Троцким. Генерал Снесарев

ЦК принял воззвание «Социалистическое отечество в опасности!». Большевики становились «оборонцами», ни о каком пораженчестве не могло быть и речи. Более того, в воззвании говорилось о физическом уничтожении всякого, кто будет оказывать помощь врагам.

«Это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора. Всюду проявления прекраснодушия, маниловщины, халатности — а всего этого было хоть отбавляй — возмущали его не столько сами по себе, сколько как признак того, что даже верхи рабочего класса не отдают еще себе достаточного отчета в чудовищной трудности задач, которые могут быть разрешены лишь мерами чудовищной же энергии. “Им, — говорил он про врагов, — грозит опасность лишиться всего. И в то же время у них есть сотни тысяч людей, прошедших школу войны, сытых, отважных, готовых на все офицеров, юнкеров, буржуазных и помещичьих сынков, полицейских, кулаков. А вот эти, извините за выражение, ‘революционеры’ воображают, что мы сможем совершить революцию по-доброму да по-хорошему. Да где они учились? Да что они понимают под диктатурой? Да какая у него выйдет диктатура, если он сам тютя?”»[66]

Но как бы ни было, после Бреста Запад к России как государству терял всякий интерес. Англичанам и французам она ничем не могла помочь в их решающей битве с германской армией.

Однако в случае поражения немцев Брестский договор сразу превращался в прах.

В своем сопротивлении Германии большевики отнеслись одобрительно к высадке в Мурманске двух тысяч английских солдат, переброшенных из Гонконга с целью сорвать ожидаемое немецкое наступление на Петроград. Троцкий запрашивал американского посла Френсиса о возможной военной поддержке (напомним о его связи с американцами) и даже обсуждал вопрос американского контроля Транссибирской магистрали.

Ленин был настроен максимально прагматически, опираясь на «межимпериалистические противоречия».

Сначала ему сопутствовал успех: на Дальнем Востоке вслед за высадкой 70-тысячного японского корпуса свои военные

части в целях воспрепятствования оккупации Сибири высадили и американцы.

Французы и англичане решили поддержать японское вторжение, что вызвало протест Вашингтона.

Геополитические весы мира раскачивались все сильнее. Бывшие союзники переставали видеть в России субъект международного права, что ставило ее в положение «ничейной территории».

Но Москва не думала сдаваться и искала малейшие возможности продолжать сопротивление. При этом происходил кадровый отбор советской элиты. На VII съезде партия была переименована в Коммунистическую, в чем выразился явный вызов всему социал-демократическому миру.

Заместитель Сталина по Наркомату национальностей С. Пестковский в своих мемуарах описывает положение своего начальника, характеризуя его как «заместителя Ленина по руководству военными операциями на Дону, на Украине и в других местах России».

Подчеркнем, что ситуация на юге страны была самая опасная, так как немцы и казаки отрезали центр от продовольственной и топливной (нефть, уголь) базы.

Пестковский рисует колоритную картину: «Ленин не мог обходиться без Сталина ни одного дня. Вероятно, с этой целью наш кабинет в Смольном находился "под боком" у Ленина. В течение дня он вызывал Сталина по телефону бесконечное число раз или же являлся в наш кабинет и уводил его с собой. Большую часть дня Сталин просиживал у Ленина. Что они всегда там делали, мне неизвестно, но один раз, войдя в кабинет Ильича, я застал интересную картину. На стене висела большая карта России, перед нею стояло два стула, а на них стояли Ильич и Сталин и водили пальцем по северной части, кажется, по Финляндии.

Ночью, когда суета в Смольном немножко уменьшалась, Сталин ходил на прямой провод и пропадал там часами. Он вел длиннейшие переговоры то с нашими полководцами (Антоновым, Павлуновским, Муравьевым и др.), то с нашими врагами (с военным министром Украинской рады Поршем). Иногда, когда у него было какое-нибудь неотложное дело, а его вызывали, он посылал к проводу меня»[67].

Троцкий подтверждает, что «факты переданы более или менее верно», но как всегда, когда речь идет о положительной стороне деятельности его врага, добавляет: «А истолкование одностороннее». Объясняет это так: Зиновьев и Каменев боролись против Ленина, Свердлов был занят организационными делами партии, Троцкий «проводил время либо на собраниях,

либо в Брест-Литовске», а Сталин не «имел определенных занятий» и поэтому «играл при Ленине роль начальника штаба или чиновника по ответственным поручениям».

Это уточнение показывает Сталина де-факто как человека № 2 в советском руководстве, которому Ленин во всем доверял.

В сравнении с Троцким Сталин был системнее, властолюбивее и беспощаднее. При этом надо сказать, что первый тоже не был мягкотелым «тютей». Именно он ввел расстрелы командиров и децимации (казнь каждого десятого) целых полков.

Четвертого марта был создан Высший военный совет в составе: Троцкий (председатель), Бонч-Бруевич (военный руководитель), Подвойский, Склянский, Мехоношин.

Были организованы восемь военных округов в составе 46 губернских и 344 уездных военных комиссариатов. 2 сентября образован Революционный военный совет (РВС) под председательством Троцкого. Вацетис назначен главнокомандующим.

В конце ноября был создан Совет труда и обороны (СТО) под председательством Ленина, Сталин — первый заместитель.

Как видим, в координации хозяйственных и военных вопросов Ленин опирался на ставшего незаменимым «начальника штаба».

Чтобы понять, почему Сталин продолжал восхождение, надо ответить на довольно простой вопрос: насколько успешно он решал поставленные перед ним задачи? В сталинской историографии огромное место занимает его командировка на Северный Кавказ и в Царицын как «руководителя продовольственным делом на юге России». Здесь начал формироваться в чем-то мифологизированный образ мужественного и беспощадного к врагам спасителя Советской Родины.

Но что представлял собою тогдашний Юг?

Прежде всего это Дон, Кубань и Украина. Именно здесь переплелись интересы белогвардейских военных образований генерала Деникина (к тому времени генерал Корнилов погиб, а генерал Алексеев тяжело болел), Центральной рады, германского командования и войск советского украинского правительства.

О характере начавшихся военных действий видно из речи генерала Корнилова, произнесенной в начале января перед Первым добровольческим офицерским батальоном: «Вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не сможем брать пленных, и я даю вам приказ очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом я беру на себя!»[68]

Нараставшему ожесточению сопутствовал глубокий продовольственный кризис, охвативший Центральную Россию. Система снабжения, подорванная еще Временным правительством, окончательно рухнула. Крестьяне получили от большевиков долгожданный Декрет о земле и не проявляли никакой заинтересованности в поддержке новой власти. А наладить нормальный товарообмен деревни с городом Совнарком не мог и не умел.

На фоне кризиса росло недовольство и городского населения. Во многих городах начались стихийные протесты, забастовки и антикоммунистические демонстрации. Стремительно росла партия левых эсеров, а число членов РКП(б) резко сокращалось. На выборах в местные советы, несмотря на препятствия властей, в 18 из 30 городов победили эсеры и социал-демократы (меньшевики). К тому же на заводах Москвы, Петрограда, Тулы, Харькова, Самары создавались собрания уполномоченных и требовали созыва Учредительного собрания, восстановления политических свобод, формирования «однородного социалистического правительства» (с доминирующим участием эсеров и социал-демократов), прекращения Гражданской войны. В апреле было восстание в Ижевске, в мае — в Самаре, в июне — в Тамбове. В июне состоялось вооруженное выступление на Обуховском заводе в Петрограде и в Минной дивизии. Все эти выступления и восстания были подавлены решительно и беспощадно.

Социальная база коммунистов быстро сужалась. Опираться можно было только на партийные структуры, армию и ВЧК. Надо было наводить дисциплину, централизовывать управление, перейти от «демократии для трудящихся» к открытой диктатуре.

С 13 мая началось введение продовольственной диктатуры, так называлось насильственное изъятие зерна у крестьян.

Фактически в руках новой власти оставался единственный ресурс управления — насилие, «революционный террор».

Двадцать шестого мая Ленин в «Тезисах по текущему моменту» намечает программу действий:

«1. Военный комиссариат превратить в военно-продовольственный комиссариат, т. е. сосредоточить $^{9}/_{10}$ работы на передачу армии для войны за хлеб и на ведение такой войны на 3 месяца — июнь — август. 2. Объявить военное положение во всей стране на то же время. 3. Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части, и призвать 19-летних для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива. 4. Ввести расстрел за недисциплину»[69].

Что в этой обстановке мог сделать посланец Москвы? Отправляясь на юг, Сталин был готов встретить там хаос и анархию.

Еще 29 апреля в течение нескольких дней он вел в Курске

переговоры с представителями Центральной рады о заключении мирного договора. Украинцы ссылались на имеющиеся у них заявления донских и северокавказских областных «правительств» о их отделении от России и о покровительстве этим «правительствам», оказывасмом Центральной радой.

Что касается Центральной рады, то после оккупации Украины нсмцами она потребовала от России пcредачи всего Черноморского флота, Черноморской, Ставропольской губерний, Кубани, Крыма, Таганрогского округа, четырех уездов Воронежской и одного уезда Курской губерний[70].

Немцы стремились «отрезать Украину от Центра» и нс допустить создания таможенного союза между Украиной и Совстской Россией. 30 апреля они распустили Центральную раду за ее попытки сохранить видимость самостоятсльности, и гетманом Украинской державы стал бывший генерал-лейтенант русской армии, потомок гетмана Украины Ивана Скоропадского кавалергард П. П. Скоропадский.

Поскольку режим Скоропадского содействовал продовольственным реквизициям немцев, сопровождаемым экзекуциями, и к тому же пытался восстановить помещичье землевладение, с мая 1918 года на Украине началась стихийная крестьянская война. За шесть первых месяцев оккупации было убито около 22 тысяч немецких солдат и офицеров и более 30 тысяч гетманских стражников. По данным немецкого фельдмаршала Эйнхорна, в партизанских действиях участвовали два миллиона крестьян. Отсюда произросла народная армия Нестора Махно, «защитника обездоленных».

Углубляясь в российскую (и украинскую) территорию, немцы были вынуждены использовать здесь сорок пехотных и три кавалерийские дивизии (около миллиона человек), которых в итоге им не хватило для победы на Западном фронте. Кроме того, реквизируя продовольствие у украинских крсстьян, они свели на нет пропаганду украинских националистов о плодотворности тесной связи с Европой.

В Донбассе еще сохранялась совстская власть, там сопротивлялись немецкому наступлению части 3-й и 5-й украинских советских армий под командованием К. Е. Ворошилова.

Четвертого июня Сталин выехал в Царицын с мандатом, в котором говорилось о его «чрезвычайных правах».

Прибыв на место, он использовал полномочия с максимальным напором. Это видно из его телеграммы Ленину: «Шестого

прибыл в Царицын. Несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно навести порядок.

В Царицыне, Астрахани, Саратове хлебная монополия и твердые цены отменены Советами, идет вакханалия и спекуляция. Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицыне. Того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти клапаны спекуляции утечет весь хлеб. Пусть ЦИК и Совнарком, в свою очередь, требуют от этих Советов отказа от спекуляции.

Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов. Я принужден поставить специальных комиссаров, которые уже вводят порядок, несмотря на протесты коллегий. Комиссары открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают. Исследование показало, что в день можно пустить по линии Царицын — Поворино — Балашов — Козлов — Рязань — Москва восемь и более маршрутных поездов. Сейчас занят накоплением поездов в Царицыне.

Через неделю объявим "хлебную неделю" и отправим в Москву сразу около миллиона пудов со специальными сопровождающими из железнодорожников, о чем предварительно сообщу.

В водном транспорте заминка из-за невыпуска пароходов Нижним Новгородом в связи, должно быть, с чехословаками. Дайте распоряжение о немедленном выпуске пароходов к Царицыну.

На Кубани, в Ставрополе имеются, по сведениям, вполне надежные агенты-закупщики, которые занялись выкачкой хлеба на юге. Линия от Кизляра к морю уже проводится, линия Хасавюрт — Петровск еще не восстановлена. Дайте Шляпникова, инженеров-строителей, толковых мастеровых, а также паровозные бригады. Послал нарочного в Баку, на днях выезжаю на юг. Уполномоченный по товарообмену Зайцев сегодня будет арестован за мешочничество и спекуляцию казенным товаром. Передайте Шмидту не присылать больше жуликов. Пусть Кобозев распорядится, чтобы коллегия пяти в Воронеже в своих же собственных интересах не чинила препятствий моим уполномоченным.

По полученным сведениям Батайск взят немцами.

Нарком Сталин. Царицын. 7 июня 1918 г.»[71].

Продовольственный кризис в стране действительно принял катастрофические размеры. На заседании Совнаркома, где было решено направить на юг Сталина и наркома труда Шляпникова, Ленин распорядился применять для решения проблемы воинские части.

(Сталина в Царицын сопровождал отряд из 400 красноармейцев, включая 100 латышских стрелков.)

Действия Сталина в Царицыне, судя по его первой телеграмме Ленину, были совершенно в духе «продовольственной диктатуры». Со всех сторон его окружали оппоненты, противники, враги в лице местных партийцев, старых специалистов и офицеров, перешедших на сторону красных, а также крестьян, белогвардейцев, казаков. Интересы каждой группы он сильно задевал.

Его одиночество скрашивала семнадцатилетняя жена Надежда, с ней он сошелся в гражданском браке в марте, как раз накануне переезда Совнаркома в Москву. (Они зарегистрируют брак только через год.)

Надежда имела твердый характер, Сталину с ней было не так просто, как может показаться на первый взгляд. Ее с мужем соединяли не только детские и девичьи впечатления о романтическом герое, который часто появлялся в квартире родителей, но и почти мистическая связь: он спас ей жизнь, когда она, будучи маленьким ребенком, упала с набережной в Баку и едва не утонула: Коба бросился в море и вытащил. Ее спасенная жизнь теперь отчасти принадлежала ему.

В Царицыне Надежда работала в секретариате Сталина и видела до мельчайших деталей его повседневную жестокую работу. В отношении к делу их взгляды полностью совпадали.

Положение было трудное, если не безнадежное. Силы Северокавказского военного округа состояли из нескольких маленьких «армий» по 300—400 человек. Они квартировали в поездах, где хранились и награбленные ими «трофеи». Всего в распоряжении командующего округом бывшего генерал-лейтенанта А. Е. Снесарева находилось около 100 тысяч человек. Части были раздроблены и недисциплинированны. Процветали пьянство, разгулы, мародерство.

В начале июля в район Царицына с боями вышли отряды 3-й и 5-й украинских советских армий под командованием К. Е. Ворошилова, который давно был знаком со Сталиным. «Продовольственный диктатор» получил поддержку более качественных в военном отношении сил, состоявших из донецких шахтеров и металлистов.

В Царицыне Сталин вошел в тяжелый конфликт с генералом Снесаревым и Троцким. Для генерала главным делом было остановить немцев и казаков Краснова, сохранить коммуникации до Баку. На Сталина и Ворошилова он смотрел как на случайных людей, присутствие которых надо перетерпеть. Поэтому он обращался к своему непосредственному начальнику Троцкому, надеясь, что тот его поймет.

Троцкий, создавая Красную армию, был вынужден опираться на единственно доступные кадры — старый офицерский корпус, людей типа Снесарева. Для войны внешней это были отличные специалисты, но для Гражданской они мало подходили.

Поэтому разгоревшийся конфликт Сталина со Снесаревым на поверку являлся столкновением Сталина с Троцким.

Развитие событий отражено в письмах и телеграммах Сталина Ленину: «Товарищу Ленину. Спешу на фронт. Пишу только по делу. 1) Линия южнее Царицына еще не восстановлена. Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные "специалисты" (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им.

2) Южнее Царицына скопилось много хлеба на колесах. Как только прочистится путь, мы двинем к вам хлеб маршрутными поездами.

3) Ваше сообщение принято. Все будет сделано для предупреждения возможных неожиданностей. Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука... 4) В Баку отправил нарочного с письмом. 5) Дела с Туркестаном плохи, Англия орудует через Афганистан. Дайте кому-либо (или мне) специальные полномочия (военного характера) в районе южной России для принятия срочных мер, пока не поздно.

Ввиду плохих связей окраин с центром необходимо иметь человека с большими полномочиями на месте для своевременного принятия срочных мер. Если назначите в этих видах кого-либо (кого бы то ни было), дайте знать по прямому проводу, и мандат передайте также по прямому, иначе рискуете получить новый Мурманск.

Шлю ленту о Туркестане. Пока все. Ваш Сталин. Царицын, 7 июля 1918 г.»[72].

В этом письме есть две особенности. Первая — 6 июля в Москве вспыхнул мятеж недовольных Брестским миром левых эсеров с целью начать революционную войну против Германии, убит германский посол Мирбах; мятеж был подавлен.

Вторая — английские войска захватывали нефтяные промыслы Баку.

Новое письмо было отправлено через три дня: «Товарищу Ленину. Несколько слов.

...Хлеба на юге много, но чтобы его взять, нужно иметь налаженный аппарат, не встречающий препятствий со стороны эшелонов, командармов и пр. Более того, необходимо, чтобы военные помогали продовольственникам. Вопрос продовольственный естественно переплетается с вопросом военным.

Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит. И. Сталин. Царицын, 10 июля 1918 г.»[73].

Ситуация в стране изменялась поразительно быстро. После введения «продовольственной диктатуры» Совнарком принял еще более жестокое решение: организовывать в деревнях комитеты бедноты и возложить на них функцию изъятия у зажиточных крестьян продовольственных излишков, передавая беднякам в виде поощрения часть изъятого. Таким образом, в успокоившуюся после земельного перераспределения деревню искусственно внедрялась гражданская война. На помощь комбедам выделялись рабочие продотряды. Это породило массовое сопротивление крестьян, тем более что действия продотрядов сопровождались насилием.

«Даже по неполным данным сводок ВЧК, за 1918 г. (главным образом за вторую его половину), в 32 губерниях Советской России произошло 258 восстаний! (...) Крестьянская война против властей стала отныне важнейшим фактором Гражданской войны»[74].

Двадцать пятого мая восстал чехословацкий корпус (бывшие пленные), растянувшийся по Транссибирской магистрали от Волги до Тихого океана. Его перемещение с целью дальнейшего использования в Европе финансировалось французским правительством. Восстание поддержали эсеровские и белогвардейские отряды. На этой территории образовались многочисленные, в основном просоциалистические правительства, выступающие под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!».

Командующий Восточным фронтом левый эсер М. А. Муравьев решил поддержать мятеж в Москве и был убит.

Белые взяли Казань. На юге англичане вторглись в Закаспийскую область (Туркестан), Закавказье.

Добровольческая армия Деникина заняла столицу Кубани Екатеринодар. Теперь советское правительство контролировало только центр России, где проживал 61 миллион человек, менее 40 процентов населения страны.

В июле 1918 года ЦК РКП(б) принял решение начать подготовку к переходу на нелегальное положение в случае падения советской власти.

Пятого июля V Всероссийский съезд Советов потребовал массового террора против буржуазии.

В ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге был расстрелян Николай II с женой, детьми и сопровождавшими лицами.

Было введено заложничество и заключение контрреволюционеров в концентрационные лагеря.

В этой обстановке противостояние Сталина и Снесарева достигло апогея.

Девятнадцатого июля по указанию Сталина все работники штаба округа были арестованы и помещены в плавучую тюрьму, так называемую «царицынскую баржу». Спустя три дня арестовали Снесарева. Обеспокоенный Троцкий телеграфировал Сталину, чтобы тот освободил заключенных и дал возможность работать штабу. Сталин на этой телеграмме написал: «Не принимать во внимание».

Из Москвы прибыла присланная Троцким комиссия Высшего военного совета, она освободила генерала и двух его сотрудников. Остальным офицерам было суждено погибнуть. Их расстреляли по подозрению в заговоре, а баржу с трупами потопили.

Глава четырнадцатая

Зарождение «внутренней войны» в советской верхушке. Сталин проигрывает Троцкому. Революция в Германии. Командировка Сталина и Дзержинского для устранения «пермской катастрофы»

В 1918 году в Красной армии 76 процентов командиров были царскими офицерами, а «революционных командиров» из рабочих, солдат, бывших унтер-офицеров было всего 12,9 процента.

Впрочем, не надо считать офицеров представителями дворянской и буржуазной России, таковых, согласно их послужным спискам, были единицы, а подавляющее большинство не имело ни собственности, ни других источников дохода, кроме службы.

Безусловно, подавляющее большинство не являлось сторонниками Ленина и Троцкого, недаром Ленин советовал к каждому офицеру приставлять по два «рукастых» комиссара с заряженными револьверами. Но других командиров в надлежащем количестве советская власть не имела.

Поэтому Троцкий защищал их, не позволял коммунистам, подобным Сталину, дискредитировать военных специалистов. Но за Сталиным стоял Ленин, который не собирался задвигать «чудесного грузина».

Некрестьянского происхождения, Сталин и Троцкий были, можно сказать, родственными душами, братьями-близнецами. Они прочно стояли вне основной массы, правда, на разном культурном фундаменте.

Поэтому крайне интересен эпизод из воспоминаний английского разведчика и дипломата Роберта Локкарта, который

в 1918 году возглавлял британскую специальную миссию при советском правительстве. Он цитирует К. Радека (тот был заместителем наркома по иностранным делам во время подписания Брестского мира): «Когда мир был ратифицирован, он чуть ли не со слезами восклицал:

— Боже! Если бы в этой борьбе за нами стояла другая нация, а не русские, мы бы перевернули мир»[75].

Что здесь главное? Восприятие «нас», то есть победивших большевиков, отдельно от «нации». Локкарт уловил эту особенность.

Сталин не высказывал таких мыслей и даже стоял гораздо ближе к «национальному» слою большевиков, но тем не менее в 1918 году он, как и все руководство партии, был комиссаром «мировой коммуны».

Летом и осенью 1918 года на Царицынском фронте Сталин методом проб и ошибок, не боясь острого конфликта с Троцким, приобрел новый опыт и новый статус.

О его личной победе над Троцким не могло быть и речи. Скорее, он проиграл, так как в конце концов по настоянию Троцкого Ленин был вынужден прислать для разборки конфликта Свердлова, и тот увез Сталина в Москву. Прислав второго по рангу человека, каковым являлся председатель ВЦИКа, Ленин показывал свою оценку председателя реввоенсовета Южного фронта. Ленин простил Сталину даже отказ принять направленного командующим фронтом военспеца П. П. Сытина, что было беспрецедентным неподчинением Реввоенсовету Республики. Если бы такое сделал любой другой член Совнаркома, его карьере пришел бы конец.

В состав учрежденного 30 ноября 1918 года Совета рабоче-крестьянской обороны в главе с Лениным Сталин вошел как представитель ВЦИКа, а в октябре стал членом Реввоенсовета Республики. Если вспомнить, что он уже был членом ЦК, Оргбюро и Политбюро, а также членом Совнаркома, то после Царицына его политический вес удвоился.

Ленин далеко не случайно рекомендовал Троцкому «приложить все усилия для совместной работы со Сталиным».

Осень 1918 года прошла под знаком некоторой стабилизации военного положения. Поволжские города удалось отстоять. Кроме того, политическая неопределенность в Кремле, вызванная покушением на Ленина 30 августа, закончилась. Ильич остался жив и быстро выздоравливал.

Сталин, отстраненный из-за конфликта с Троцким, 19 октября окончательно покидает Царицын. До конца года он принимает участие в нескольких крупных мероприятиях. Так, он входит в совет Украинского фронта, на II съезде Коммунисти-

чсской партии Украины делает доклад и его избирают членом ЦК КП(б)У; на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Совстов — членом ВЦИКа и членом Президиума ВЦИКа; он назначается членом Совста рабочс-крестьянской обороны. Кроме того, он проводит зассданис комиссии Совета обороны об упорядочснии работы железнодорожного транспорта, выступает с докладами на зассдании Совета обороны по вопросам железнодорожного транспорта, политической агитации, расквартирования воинских частей, продовольственного снабжения.

По рсшению ЦК от 25 октября вошел в комиссию ЦК по политической ревизии ВЧК в составе: Камснев, Сталин, Курский.

Незаметно проходит день его сорокалетия.

С 1 декабря 1918 года Советская Россия была объявлена военным лагерем, со 2 декабря все железные дороги были переведены на военное положсние. Какие уж тут личные праздники!

Самое главное событие оссни 1918 года — крушение Германии. Она надорвалась в борьбе, которую можно назвать как героической, так и безумной. Немцы проиграли войну за мировые ресурсы, в том числе и за российские, обладание которыми могло сделать их непобедимыми.

Шестого октября немецкие социал-демократы на съезде в Готе проголосовали за советскую власть в Германии. Начались волнения. В Киле восстали военные моряки. 4 ноября к трем тысячам моряков присоединились 20 тысяч солдат кильского гарнизона и новые экипажи военных судов. 6 ноября восстание распространилось на Гамбург, Бремен, Любек, Вильгельмсхафен.

В Москве затаили дыхание. Мировая революция началась!

Большинство социалистов, депутатов рейхстага, потребовали отречения Вильгельма II. Но в целом рейхстаг не поддержал их. Тогда они призвали трудящихся к всеобщей стачке. 9 ноября стачка началась. Император Вильгельм II отрекся от престола.

В Баварии провозгласили советскую республику.

В Берлине социалистический лидер Фридрих Эберт был объявлен канцлером, социалист Шейдеман провозгласил социалистическую республику. Карл Либкнехт пошел еще дальше: объявил Германскую империю советской республикой.

Воюющая Германия с уставшими армией и населением должна была выбирать между продолжснием войны, которая приобрсла бы революционный характер, и подписанисм мира, то есть признанием поражения.

Германские социалисты вместе с гснералами предпочли капитулировать, не желая гражданской войны и повторения «российского варианта». Образно говоря, победили немецкий «гене-

рал Корнилов» и немецкие «меньшевики». Уже 10 ноября Германия приняла условия противника. 11 ноября было подписано соглашение о перемирии, в котором был пункт, что союзники при заключении мирного договора не будут использовать угрозу применения оружия и продовольственной блокады. (При заключении Версальского мира этот пункт союзники «забыли».) По Версальскому мирному договору Германия потеряла седьмую часть территории, где проживали 10 процентов ее населения. Немецкие войска тогда занимали огромное пространство от Франции до Кавказа. Германия не была ни оккупирована, ни разгромлена, ее мощная промышленность осталась целой.

Тринадцатого ноября ВЦИК аннулировал Брестский договор с Германией.

Сбросив немецкую угрозу, Запад теперь был свободен в отношении России и, не понимая, чем закончится русская революция, озаботился своими интересами.

Франция, опасаясь рейнского соседа, стала укреплять Великую Польшу (вплоть до Днепра) и свои позиции в Северном Причерноморье, сделав Одессу своей главной базой. Впрочем, французские средства были весьма ограничены, промышленное производство упало на 40 процентов по сравнению с довоенным уровнем.

Лондон тоже занимал определенную и безжалостную позицию. Сохранив свою экономику (инфляция составила всего 20 процентов, во Франции — 450) и государственный порядок, Великобритания рассматривала устранение России с международной арены в качестве еще одного трофея. Теперь не надо было ломать голову, как защитить от угрозы Индию и Персию, что делать с проблемой проливов и наследием распадающейся Турецкой империи. Великая колониальная держава наконец-то избавилась от соперников.

В Лондоне сделали выбор. План оккупации России был отвергнут как трудноисполнимый из-за суровости климата, огромных расстояний и больших расходов. Было решено поддержать белогвардейские армии.

Шестнадцатого ноября 1918 года английские военные корабли вошли в Черное море и заняли порт Новороссийск.

Восемнадцатого ноября в Омске адмирал А. В. Колчак, занимавший пост военного министра в эсеровском правительстве Сибири, совершил военный переворот и объявил себя «верховным правителем».

Четырнадцатого ноября 1918 года английское правительство приняло решение помогать Добровольческой армии Де-

никина оружием и снаряжением, отправить в Сибирь дополнительные кадры офицеров и обмундирование, признать Омское правительство Колчака и помочь ему оружием и амуницией.

Третьего декабря 1918 года министр иностранных дел Бальфур признал необходимым изменение границ России «в Финляндии, Балтийских странах, Закавказье и Туркестане».

Если учесть, что за годы войны в Мурманске и Владивостоке союзниками были созданы огромные военные запасы, то материальная база для антибольшевистской борьбы уже имелась.

На этом фоне началось наступление Красной армии вслед уходящим германским частям. Были освобождены Нарва, Псков, Минск, Рига, Митава, Харьков.

Именно в Харькове и проходил съезд Компартии Украины под руководством Сталина. Последнему в конце 1918 года было дано еще одно задание, которое сблизило его с председателем ВЧК Дзержинским. Это командировка в Пермь по поводу так называемой «пермской катастрофы».

Катастрофа случилась после наступления североуральской группы колчаковских войск: 2-я чешская дивизия двинулась в сторону Перми, а с северо-востока ударил корпус генерала Пепеляева. 3-я советская армия начала отступать. Ее взаимодействие со 2-й советской армией было разорвано. В результате грубых ошибок армейского командования и недооценки возникшей ситуации со стороны РВСР Пермь была сдана 25 декабря. 3-я армия понесла большие потери: около 18 тысяч бойцов, 37 орудий, около 250 пулеметов. Картина действительно была безотрадная. Так, 29-я дивизия пять дней отбивалась, «буквально без куска хлеба», при 35-градусном морозе; было много случаев измены военспецов, перехода на сторону противника целых полков.

План белых заключался в соединении по линии Пермь — Вятка — Котлас с продвигающимися им навстречу из района Архангельска англичанами и совместного движения на Москву и Петроград. В случае успеха советская власть была бы разгромлена.

В отчете о причинах катастрофы указывалось:

«...усталость и измотанность армии к моменту наступления противника, отсутствие у нас резервов к этому моменту, оторванность штаба от армии, бесхозяйственность командарма, недопустимо преступный способ управления фронтом со стороны Реввоенсовета Республики, парализовавшего фронт своими противоречивыми директивами и отнявшего у фронта всякую возможность прийти на скорую помощь III армии, не-

надежность присланных из тыла подкреплений, объясняемая старыми способами комплектования, абсолютная непрочность тыла, объясняемая полной беспомощностью и неспособностью советских и партийных организаций»[76].

В этом перечне обратим внимание на вопросы о резервах, бесхозяйственности, способе комплектования. Сталин как будто продолжает полемику с Троцким и обращает внимание на фундамент военной организации.

В отчете Совету обороны было указано и на чисто военные и политические решения Сталина и Дзержинского: передислокацию частей и направление резервов, создание революционных комитетов, упорядочение работы вятского железнодорожного узла и т. д.

Думается, именно пермская командировка Сталина восстановила и укрепила его позиции, пошатнувшиеся после столкновения с Троцким в Царицыне. К этому надо добавить упрочившиеся связи с председателем ВЧК.

Долгий путь по железной дороге (в Вятку), многочасовые разговоры, неизбежные воспоминания и обсуждения раскрывают собеседника. Кто такой был Дзержинский?

41-летний поляк, сын гимназического учителя. Его отец, кстати, преподавал в Таганрогской гимназии, где учился Антон Чехов. Если учесть любовь Сталина к этому писателю, то «чеховский сюжет» наверняка вызвал в нем дополнительную теплоту к попутчику. Но, кроме литературной классики, у Сталина были и идейные основания уважать Дзержинского.

Оба, не будучи этнически русскими, были сторонниками сохранения целостности России на основе автономии национальных образований, но не отделения их «по праву наций на самоопределение». Вернувшись в Москву, Сталин имел надежного союзника.

Показательно, что недоброжелательный биограф Сталина Троцкий о пермской командировке не говорит ни слова, будто этого эпизода вообще не знает.

Глава пятнадцатая

Смерть Свердлова. Сталин на Петроградском и Южном фронтах. Генерал А. И. Деникин

На VII съезде партии (18—29 марта 1919 года) одобрены выдвинутые Сталиным предложения о создании государственного контрольного механизма. 30 мая он был утвержден народным комиссаром государственного контроля.

Таким образом, его полномочия расширились. Главный государственный контролер, нарком по делам национальностей, член ЦК, Оргбюро, Политбюро, заместитель председателя Совета обороны, куратор ВЧК — это все он.

Надо особо отметить, что 16 марта умер председатель ВЦИКа Я. М. Свердлов, занимавший второе место в советской иерархии. По официальной версии смерть наступила от тяжелого гриппа, по неофициальной — он был сильно избит рабочими на митинге в Орле.

В «узком бюро» остались трое: Ленин, Троцкий и Сталин.

В конце марта в состав Политбюро были введены Каменев и Крестинский, а Зиновьев, Бухарин и Калинин стали кандидатами. Это не ослабило Сталина, так как с Каменевым его связывали туруханское прошлое и взаимоподдержка в сложнейший период между Февралем и Октябрем. Сталин остался и членом Оргбюро.

В марте он участвовал в работе I конгресса Коминтерна, который совпал с революцией и провозглашением советской республики в Венгрии, ее возглавил посланный туда Лениным Бела Кун. (Спустя две недели была провозглашена советская власть и в Баварии, а затем в Словакии.)

Восемнадцатого марта 1919 года Ленин телеграфировал Сталину: «Только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой и спартаковцы завладели частью города. Кто победит, неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтобы иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на запад на помощь коммунистам»[77].

В соответствии с этой задачей красные войска получили директиву прорваться в Венгрию и Бессарабию.

Однако первая попытка создать европейскую советскую республику была пресечена ударом польских войск. Поляки, претендующие на восстановление своего государства в границах 1772 года, вошли в Восточную Галицию, разгромили 20-тысячную армию просоветской Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) и преградили путь 1-й Украинской советской армии.

Не получив поддержки, Венгерская, Баварская и Словацкая советские республики были повержены. В апреле 1919 года поляки заняли Белоруссию и часть Украины.

Показательно, что польское руководство, требуя от союзников поддержки Великой Польши в границах от моря (Балтийского) до моря (Черного), претендовало на территорию Литвы и Украины. Польский министр иностранных дел Роман Дмовский утверждал: «Украинское государство представляет

собой лишь организованную анархию... Ни Литву, ни Украину нельзя считать нацией»[78].

В свою очередь Советская Россия в январе 1919 года поставила перед армией цель — Висла, с направлением удара на Варшаву, далее — Берлин.

В январе, после взятия Киева, была образована Украинская Советская Социалистическая Республика, в феврале — Литовско-Белорусская Советская Республика. В их организации активно участвовал нарком по делам национальностей Сталин.

В это время все руководители Запада находились в Париже на мирной конференции, где Россия, как страна, предавшая союзников в Бресте, не была представлена. Было бы наивно считать, что Запад мог отнестись к Москве как-то иначе. Более того, ближайший помощник и доверенное лицо президента Вильсона полковник Хауз считал, что наилучшим решением был бы распад России на несколько фрагментов — для сохранения мирового баланса сил.

Если бы не возрастающая сила Красной армии и очаги мировой революции в Европе плюс восстания среди оккупационных войск в Одессе (французы), Архангельске (англичане), союзники сумели бы преодолеть противоречия и к концу 1919 года карта мира была бы еще более экзотической.

Сталин недолго находился в Москве. Военная обстановка обострилась. Наш герой 17 мая получил новое кризисное задание.

«Весною 1919 г. белогвардейская армия генерала Юденича, исполняя поставленную Колчаком задачу “овладеть Петроградом” и оттянуть на себя революционные войска от Восточного фронта, при помощи белоэстонцев, белофиннов и английского флота перешла в неожиданное наступление и создала реальную угрозу Петрограду. Серьезность положения усугублялась еще и тем, что в самом Петрограде готовились контрреволюционные заговоры. Параллельно с наступлением Юденича на Петроград Булак-Балахович добился ряда успехов на псковском направлении. На фронте начались измены. Несколько наших полков перешло на сторону противника; весь гарнизон фортов “Красная горка” и “Серая лошадь” открыто выступил против советской власти. Растерянность овладела всей 7-й армией, фронт дрогнул, враг подходил к Петрограду. Надо было немедленно спасать положение. Центральный комитет для этой цели вновь избирает товарища Сталина. В течение трех недель товарищу Сталину удается создать перелом. Расхлябанность и растерянность частей быстро ликвидируются, штабы подтягиваются, производятся одна за другой мобилизации питерских рабочих и коммунистов, беспощадно уничтожаются

враги и изменники. Товарищ Сталин вмешивается в оперативную работу военного командования. Вот что он телеграфирует товарищу Ленину:

"Вслед за 'Красной горкой' ликвидирована 'Серая лошадь', орудия на них в полном порядке, идет быстрая... (неразборчиво)... всех фортов и крепостей. Морские специалисты уверяют, что взятие 'Красной горки' с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие 'Горки' объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой. Сталин".

Через шесть дней товарищ Сталин доносит Ленину:

"Перелом в наших частях начался. За неделю не было у нас ни одного случая частичных или групповых перебежек. Дезертиры возвращаются тысячами. Перебежки из лагеря противника в наш лагерь участились. За неделю к нам перебежало человек 400, большинство с оружием. Вчера днем началось наше наступление. Хотя обещанное подкрепление еще не получено, стоять дальше на той же линии, на которой мы остановились, нельзя было — слишком близко до Питера. Пока что наступление идет успешно, белые бегут, нами сегодня занята линия Керново — Воронино — Слепино — Касково. Взяты нами пленные, два или больше оруд., которая теперь вполне наша. Срочно вышлите 2 млн. патронов в мое распоряжение для 6-й дивизии..."

Эти две телеграммы дают полное представление о той громадной творческой работе, которую проделал товарищ Сталин, ликвидируя опаснейшее положение, создавшееся под красным Питером»[79].

Ворошилов смягчает жестокие действия своего патрона: в Петрограде, где готовилось восстание, по указанию Сталина прошли повальные обыски, даже в зданиях посольств. Было изъято более четырех тысяч винтовок, а в румынском посольстве обнаружено артиллерийское орудие. Расстреливались заложники. Кроме того, была проведена мобилизация среди трудящихся (13 тысяч человек встали под ружье). Обращают на себя внимание тон и содержание сталинских распоряжений. Так, в подписанном им и Зиновьевым приказе говорилось: «Семьи всех перешедших на сторону белых будут арестованы, а сами перебежчики и всякие паникеры будут расстреливаться на месте»[80].

Двадцать четвертого ноября 1918 года Троцкий в приказе № 65 принял особые меры к укреплению дисциплины. Рас-

стрелу подлежали те, кто подговаривал к отступлению, дезертирству и невыполнению боевого приказа, кто самовольно оставлял боевой пост, бросал винтовку или продавал часть обмундирования, кто оказывал сопротивление заградительным отрядам и укрывал дезертиров. В прифронтовой полосе размещались заградительные отряды для ловли дезертиров, а на местные Советы и комитеты бедноты возлагалась обязанность дважды в сутки проводить облавы и обыски. Те дома, где находили дезертиров, сжигались.

Троцкий потребовал арестовывать семьи офицеров-перебежчиков.

Еще более решительно предлагало действовать Оргбюро ЦК РКП(б) (Я. М. Свердлов, Н. Н. Крестинский, М. Ф. Владимирский). На своем заседании 24 января 1919 года они приняли циркулярное письмо ЦК об отношении к казакам. Объявлялся массовый террор.

В жестокости советской власти было внутреннее самооправдание: не дать превратить «Россию в бессильную, безвольную, истощенную, ограбленную колонию». (Это слова Троцкого, но под ними мог подписаться любой большевик.)

В мае колчаковские части на подходе к Самаре были разбиты.

Третьего июля Сталина отзывают, он участвует в работе пленума ЦК. 5 июля его назначают членом военного совета Западного фронта.

Поляки еще в апреле 1919 года заняли Вильно и старались максимально отодвинуть свою границу на восток. 8 августа польские войска перешли в наступление и заняли Минск.

Вообще лето 1919 года явилось переломным пунктом войны.

Двадцать шестого августа Сталин сообщает Ленину о взятии красными частями Пскова. 2 сентября началось контрнаступление Красной армии под Двинском. 26 сентября Сталин участвует в пленуме ЦК и получает направление на Южный фронт против Деникина.

Добровольческая армия генерал-лейтенанта А. И. Деникина (Вооруженные силы Юга России — ВСЮР) представляла собой поддерживаемое англичанами сильное военное образование, состоявшее в основе своей из офицерских и казачьих частей. По оценке советского командования, оно насчитывало около 105 тысяч штыков и 51 тысячу сабель. Добровольцы отличались боевым опытом, идейностью и бесстрашием.

Белогвардейские армии с их неимущими офицерами и такими же службистами-генералами представляли собой сколок Санкт-Петербургской России. Не их вина, что у них не было никакого социального проекта, кроме возвращения «Единой и

неделимой». Половина из них была за монархию, половина за демократическую республику.

Союзников они воспринимали так, как будто не было ни Февраля, ни Октября. Деникин надеялся, что лучшей политикой будет выбранный им путь «непредрешения», то есть воюем, а после победы разберемся, какую власть строить. В мае 1919 года деникинские войска стали наступать в направлениях: на Астрахань, Царицын, Дон и Крым. В нескольких боях была разбита 14-я украинская армия под командованием Ворошилова, которого Деникин характеризовал так: «человек без военного образования, но жестокий и решительный».

Обстановка на юге складывалась для красных критическая.

Войска белых прошли за месяц 300 с лишним верст. «К концу июня армии Юга России, преследуя разбитого противника, вышли на фронт Царицын — Балашов — Белгород — Екатеринослав — Херсон (исключительно), упираясь прочно своими флангами в Волгу и Днепр»[81].

Двадцатого июня в Царицыне Деникин подписал так называемую «московскую директиву», приказывавшую наступать на Москву. Альтернативой этому могло быть движение навстречу Колчаку, но к этому времени войска адмирала уже отступали.

В лагере красных после весенних неудач был смещен советский главнокомандующий И. И. Вацетис и назначен С. С. Каменев, ранее командовавший Восточным фронтом. Прошли новые мобилизации. На Южный фронт было переброшено шесть с половиной дивизий с Восточного и три дивизии с Западного фронтов. К середине июля на Южном фронте было 180 тысяч штыков.

Первого августа советская 10-я армия начала наступление на Царицын, но после жестоких боев с использованием всех резервов белые отбросили красных.

Советское командование почувствовало приближение катастрофы.

Троцкий, подававший 1 июля в отставку, 5 августа представил в Совет обороны проект дальнейшего развития мировой революции: «Ареной близких восстаний может стать Азия... Международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии». Троцкий предлагал создать кавалерийский корпус в 30—40 тысяч всадников для похода на Индию, создать «где-нибудь на Урале или Туркестане» штаб азиатской революции, собрать необходимые кадры лингвистов, переводчиков, местных «туземных революционеров»[82].

Двадцать пятого августа генерал Кутепов взял Курск. 13 октября был занят Орел. Добровольцы продвигались к Туле.

Двадцать седьмого сентября Сталина назначили членом реввоенсовета Южного фронта.

«Хоть цепочкой, хоть цепочкой, но дотянуться бы до Москвы!» — воскликнул на совещании начальник штаба ВСЮР генерал И. П. Романовский, как будто предвидел скорую истощенность добровольческих сил. Санкт-Петербургская Россия надеялась, что героизм ее офицерских частей будет поддержан населением. Но реальность оказалась иной.

В это время Сталин направил Ленину письмо с предложениями, которые перечеркивали утвержденный Ставкой план наступления на Деникина из района Царицына через донские степи на Новороссийск.

«Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде враждебной нам, в условиях абсолютного бездорожья — грозит нам полным крахом. Нетрудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т. е. может лишь усилить Деникина.

Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара из района Воронежа через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов. Во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот — симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение. Во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию Воронеж — Ростов (без этой линии казачье войско лишается на зиму снабжения, ибо река Дон, по которой снабжается донская армия, замерзнет, а Восточно-Донецкая дорога Лихая—Царицын будет отрезана). В-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих: добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл. В-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет, если, конечно, к тому времени поставим перед казаками вопрос о мире, о переговорах насчет мира и пр. В-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля»[83].

Сталин не просто советует, он требует. Его тон категоричен: «Без этого моя работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южном фронте. Ваш Сталин»[84].

Глава шестнадцатая

Почему победили красные. Сталин решает угольную проблему. На Польском фронте. Поворот к патриотизму. Генерал П. Н. Врангель

В вопросе выбора пути наступления Сталин солидаризировался с Троцким, который тоже отстаивал движение через Донбасс. Наступление через Дон отстаивал новый главком Каменев.

Однако Троцкий не смог доказать своей правоты, даже подавал в отставку.

Именно поэтому роль Сталина в выборе стратегии оказалась решающей. Именно его голос перевесил чашу весов в Политбюро, где даже Ленин вначале поддерживал план Каменева. То есть Сталин оспаривал мнение вождя.

Впоследствии Сталину была полностью отдана слава победителя на Южном фронте.

Впрочем, когда 27 декабря ВЦИК по предложению Ленина наградил Сталина (и Троцкого) орденами Красного Знамени за Петроград и Южный фронт, мало кто усомнился в объективности такого решения (разве что Троцкий). В этом награждении проявилась кадровая стратегия Ленина: уравновесить Троцкого Сталиным.

Двадцатого октября красные части отбили Орел. В связи с угрозой, сложившейся для тыловых коммуникаций белых из-за наступления конного корпуса Буденного в районе Воронежа, добровольцы были вынуждены отступить.

К тому же польские войска, заключив с советскими войсками перемирие, позволили им снять с польского направления 12-ю армию, которая ударила со стороны Житомира на Киев и заняла его. Фактически поляки содействовали разгрому Деникина.

Между тем корпус Буденного, усиленный пехотной дивизией, продолжал наступление. После упорных боев, за время которых Красная армия, проявляя поразительное упорство, прошла без снабжения и вообще без организации тыловых соединений 700 километров, общее поражение деникинских войск можно объяснить не столько военными, сколько моральными и политическими обстоятельствами.

И не надо забывать идейной борьбы. Простонародная Русь побила Санкт-Петербургскую Россию во имя предложенного большевиками проекта Правды и Справедливости. Декрет о земле был привлекательнее, чем деникинское «непредрешение».

Как признал Деникин, «условия материального порядка для обеих сторон были более или менее одинаковы. Победа довлела духу»[85].

1919 год завершался триумфом красных. Кроме того, успех конной группы Буденного, преобразованной в 1-ю Конную армию, и тесная связь Сталина с ее руководством (Буденный, Ворошилов, Щаденко, Тимошенко и др.) укрепили позиции Сталина в военной среде.

В начале 1920 года ему поручают заняться восстановлением экономики Украины, назначают председателем Украинского совета трудовой армии. В зоне его внимания — Донбасс, добыча угля.

Седьмого февраля он становится членом комиссии при Президиуме ВЦИКа по разработке федеративного устройства РСФСР*.

Семнадцатого — двадцать третьего марта Сталин принимает участие в работе IV конференции КП(б) Украины, где выступает четырежды, в том числе с докладом об экономической политике.

На первый взгляд это кажется не вполне оправданным: какой из него экономист?

Однако, судя по текстам его выступлений, он располагает необходимой информацией о состоянии дел в топливной и металлургической промышленности, на железных дорогах, в сельском хозяйстве. Более того, он предлагает назначить председателя донецкого губкома партии начальником политотдела угольной промышленности. Это фактически означает перевод всех шахт под управление партийных комиссаров. На предприятиях по решению ЦК создавались партийные ячейки, что можно соотнести с мыслями Сталина о строительстве партии с опорой на производственные парторганизации. Принимается решение о милитаризации угольной промышленности.

Милитаризировать промышленность и железные дороги была идея Троцкого, поддержанная Лениным.

Конечно, это не экономика, это нечто другое.

Но напомним, что деникинская гражданская администрация не смогла решить угольную проблему.

Четвертого апреля 1920 года на IX съезде РКП(б) Сталина избирают членом ЦК, а на следующий день — в Оргбюро и Политбюро.

Шестнадцатого апреля на заседании Совета труда и обороны он делает доклад о состоянии угольной промышленности Донбасса.

---

* Именно в этом вопросе он не сойдется во мнениях с Лениным, начав пересмотр идей неизбежности мировой революции.

В марте деникинский фронт был закрыт. Белые в беспорядке эвакуировались из Новороссийска на кораблях английской военной эскадры, что вошло в эмигрантскую историографию как «новороссийская катастрофа».

Значительная часть деникинцев, включая Добровольческую армию и донских казаков, перебазировалась в Крым.

Армия Колчака была разгромлена, 7 февраля адмирал был расстрелян на берегу Ангары.

Гражданская война близилась к завершению. Поэтому IX съезд партии, опираясь еще на декабрьское (1919) решение Политбюро о создании низовых парторганизаций на местах для усиления партийного влияния и контроля по всем направлениям, озаботился поиском подходящих кадров. Съезд рекомендовал партийным организациям находить пригодных для этой цели людей и составлять картотеки, которые передавались бы в Секретариат партии.

Таким образом, был сделан первый шаг к созданию партийной номенклатуры, подобной новой петровской бюрократии.

Именно здесь были посеяны зерна последующего раскола в коммунистической элите, который в известной степени воспроизвел дореволюционное противостояние по линии «эмигранты-теоретики» — «практики». К марту 1920 года в партии состояло 750 тысяч человек, из них всего 12 тысяч представляли «старую гвардию».

Вслед за партийными конфликтами стали назревать конфликты в среде инженеров и военных.

Руководители Советской России не могли не задумываться над вопросом, как и с кем строить государственную систему управления.

То, что Сталин оказался в самом начале этого процесса строительства, еще не износив, образно говоря, военной шинели, должно было прибавить ему управленческой мощи.

И что видел наш орденоносный герой на просторах Советской республики, на фронтах которой он успешно сражался?

В соответствии с коммунистической идеологией активно велась национализация промышленных предприятий. К 1 октября 1919 года их было национализировано 2500. В ноябре 1920 года национализация распространилась на все даже мелкие предприятия, использующие «механический двигатель». Таковых оказалось около 37 тысяч. Показательно, что из них 30 тысяч не значились в реестрах ВСНХ, то есть не представляли никакого серьезного значения.

В сельском хозяйстве действовала жестокая система продразверстки: каждая крестьянская община облагалась натуральным налогом, что можно сравнить с крепостническим об-

роком. За сданные продукты выдавались квитанции для получения промышленных товаров первой необходимости. Потребность в промтоварах удовлетворялась на 15—20 процентов, таким образом, у крестьян практически отсутствовал стимул к товарному хозяйству, посевные площади резко сократились.

В общем, надо признать, идея продразверстки провалилась. В 1919 году планировалось получить по ней 260 миллионов пудов зерна, а было получено с превеликими трудами всего 100 миллионов.

Да, большевики не принесли крестьянам счастья, но вот что поразительно — и Колчак, и Деникин отменяли Декрет о земле и поэтому вызывали у большинства деревни еще большее неприятие. Большевики были «свои», белые — «чужие».

К апрелю 1920 года положение в стране все-таки стабилизировалось.

Двадцать третьего апреля Сталин опубликовал в «Правде» статью «Ленин как организатор и вождь РКП», посвященную пятидесятилетнему юбилею руководителя партии. В ней он отдает должное юбиляру, в конце текста высказывает пророческие слова: «С наступлением революционной эпохи, когда от вождей требуются революционно-практические лозунги, теоретики сходят со сцены, уступая место новым людям»[86].

Он адресует эти слова Плеханову и Каутскому. Но кто они, «новые люди»?

В тот же день на юбилейном заседании в Московском комитете партии Сталин неожиданно произносит речь, посвященную способности Ленина признавать собственные ошибки, и вспоминает историю Предпарламента в сентябре 1917 года. И снова он говорит: «нам, практикам», казалось, что не надо разгонять Предпарламент, где от трети до половины делегатов были фронтовики. Ленин же предлагал «разогнать и арестовать».

В итоге Ленина не послушались и «довели дело до съезда Советов 25 октября». Ленин же искренне признал правоту «практиков».

По крайней мере, странно, что один из виднейших партийных руководителей на общем фоне славословий произносит такую речь. Сталин посылал своим коллегам какой-то сигнал. Нет, он не умалял роль Ленина, это было бы просто невозможно. Зная нелюбовь вождя к юбилейщине, он избрал оригинальный путь, чтобы сообщить «теоретикам» следующее: «Вы не вполне понимаете характер происходящих перемен. Я воевал на всех фронтах Гражданской войны и видел то, что вы не видели. Историческая победа будет за мной».

Конечно, вряд ли Сталин мыслил в тот момент именно этими словами. Но он уже предчувствовал борьбу за лидерство.

Между тем приближалась новая война с Польшей, которая претендовала на контроль за ослабленной Россией.

Будучи на Западном фронте, Сталин познакомился с польской агрессией и испытал горечь поражения. Кроме того, как бывший семинарист он помнил, как во время Смуты поляки уморили голодом в Кремле патриарха Гермогена, который в том далеком XVII веке был идейным вдохновителем сопротивления.

Теперь судьбе было угодно, чтобы именно Сталин принял участие в новой войне.

Напомним, что польские войска начали продвижение на восток с февраля 1919 года, стремясь к максимальным территориальным приобретениям. На Украине, в Белоруссии и Литве происходили эксцессы, отсылающие к эпохе казачьих войн Богдана Хмельницкого с Польшей, когда паны разрезали людям животы и зашивали в них живых кошек[87].

Задачи, которые поставила Варшава, были изложены в информации от 1 марта 1920 года для командного состава Волынского фронта, подготовленного по указанию главнокомандующего и начальника Польского государства Ю. Пилсудского. В ней говорилось: «...глава государства и польское правительство стоят на позиции безусловного ослабления России... В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину. Ведущей идеей создания самостоятельной Украины является создание барьера между Польшей и Россией и переход Украины под польское влияние и обеспечение таким путем экспансии Польши как экономической — для создания себе рынка сбыта, так и политической»[88].

Пятого марта польские войска генерала В. Сикорского начали наступление, 6 марта заняли Мозырь и Калинковичи.

Десятого марта Главное командование Красной армии приняло план операции против поляков: главный удар планировался на Западном фронте в направлении Минска, а Юго-Западный следовало усилить 1-й Конной армией, которая в данный момент находилась на Северном Кавказе, где завершился разгром Деникина.

К 20 апреля соотношение сил, особенно на Юго-Западном фронте, было в пользу Варшавы.

К этому надо добавить, что Пилсудский подписал договор с Петлюрой, согласно которому Польше уступалась Волынь и гарантировалась граница 1772 года, также под командование

поляков переходили две украинские дивизии, а польские войска на Украине получали право снабжаться за счет союзника (реквизировать продовольствие и лошадей).

Двадцать пятого апреля советские войска были атакованы по фронту от Припяти до Днестра. 26 апреля оставлены Житомир, Коростень и Радомысль. 6 мая — Киев.

Однако войска Юго-Западного фронта в стратегическом плане действовали успешно, сохранили живую силу и сковали противника.

В этой войне советское правительство впервые было вынуждено, несмотря на свой интернационализм, повернуться лицом к русскому патриотизму. 1 мая генерал Брусилов обратился к Совнаркому с предложением поддержать Красную армию, его примеру последовали сотни бывших офицеров. При РВСР было создано Особое совещание по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции. Его возглавил Брусилов. Впервые перед российской старой элитой всерьез встал вопрос о возможности служить новой власти. Этот вопрос не имел рационального решения и прожигал душу каждого, кто не желал дальнейшего ослабления России.

Сталин не мог не участвовать в этой войне. Более того, он был главной политической фигурой в руководстве Юго-Западного фронта, который должен был нанести удар по агрессору через Украину в направлении Львова. Второй удар наносил Западный фронт под командованием М. Н. Тухачевского; он ранее командовал 5-й армией Восточного фронта и был близок Троцкому.

По утвержденному ЦК плану Юго-Западному фронту придавалась 1-я Конная армия. Ее перебросили с Северного Кавказа.

Первым стал наступать Западный фронт. Накануне наступления Тухачевский приказал использовать в операции все части, не оставляя резервов. Надо было торопиться и помочь Юго-Западному фронту.

Рано утром 14 мая войска Тухачевского перешли в наступление. Оно развивалось с большими трудностями. Бои шли с переменным успехом. Сначала красные продвинулись на 110—130 километров, затем поляки, подведя резервы, попытались их окружить и отбросили на 60—100 километров.

В итоге майское наступление Западного фронта дало половинчатые результаты, но главное — поляки были остановлены и использовали резервы, взяв их с украинской территории.

Двадцать пятого мая 1-я Конная была сосредоточена в районе Умани. Она представляла собой грозную силу: четыре кавалерийские дивизии и полк особого назначения.

Двадцать шестого мая Сталин был назначен членом реввоенсовета Юго-Западного фронта (командующий А. И. Егоров). Для очищения тыла от многочисленных бандформирований председатель ВЧК Дзержинский назначается начальником тыла фронта, с ним прибыло 1400 чекистов и бойцов войск внутренней охраны. Повторялось сотрудничество Сталина и Дзержинского, как на Восточном фронте в начале 1919 года.

Двадцать третьего мая командование Юго-Западного фронта подписало директиву: нанести главный удар по Киевской группировке поляков и разгромить польскую армию на Украине.

Красные уступали в численности пехоты более чем в три раза, зато имели решающее превосходство в кавалерии.

Двадцать шестого мая 1-я Конная стала выдвигаться на исходные позиции.

Наступление разворачивалось стремительно. 7 июня были взяты Житомир и Бердичев, освобождены семь тысяч пленных красноармейцев, разбита польская конная группа под командованием генерала Савицкого.

Глубина прорыва составляла 120—140 километров. Польский фронт на Украине был рассечен надвое. 12 июня был освобожден Киев.

В середине июля советские части вошли в Западную Украину, и создалась выгодная обстановка для наступления Западного фронта в Белоруссии.

Четвертого—седьмого июля там началось наступление, советские части форсировали Березину. 11 июля был освобожден Минск, разгромлены основные силы 1-й польской армии. Поляки отступали по всему фронту.

К середине июля была прорвана польская оборона по старой мощной линии немецких окопов. 14 июля был занят Вильно, 17 июля — Лида, 19 июля — Гродно и Барановичи.

В это время в Москве проходила подготовка и работа 2-го конгресса Коминтерна (19 июля — 17 августа 1920 года). Открыв первое заседание, Зиновьев внес коррективы: «Пожалуй, мы увлеклись, что не год, а два или три года потребуется, чтобы вся Европа стала советской»[89].

В манифесте конгресса говорилось: «Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию советских республик всего мира»[90].

При РВС Западного фронта была сформирована из немцев и австрийцев отдельная стрелковая бригада особого назначения («Спартаковская»). Также была сформирована 1-я польская красная армия. Коминтерн сосредоточил в западных областях России более 18 тысяч поляков-коммунистов.

Красная армия воевала «за интересы всего трудящегося человечества». В приказе Тухачевского прозвучало: «Вперед на Запад! На Варшаву! На Берлин! На штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир!»

Двойственность поставленных задач сыграла с Красной армией зловещую роль: национально-государственные задачи требовали рациональных решений, а коминтерновские — толкали войска вперед с романтической безоглядностью.

Вся история Советского Союза прошла под светом этой двойной звезды.

Конечно, в Москве не забывали ни на минуту, кто стоит за Пилсудским, но не боялись Запада.

И вот этот мистический революционный подход наталкивается на вполне будничные проблемы. Лобовой атаке на Варшаву и Берлин препятствовали генерал Врангель, военная угроза со стороны Румынии, переброшенный из Франции в Польшу 70-тысячный польский корпус под командованием генерала Ю. Галлера.

Если проанализировать действия всех основных политических и военных руководителей, принимавших решения на советском фронте, то Сталин был самым трезвомыслящим. 24 июня, в период больших успехов Юго-Западного фронта, он опубликовал в харьковской газете «Коммунист» интервью «О положении на Юго-Западном фронте», в которой словно ясновидящий назвал факторы, которые вскоре оказались решающими: «Нет сомнения, что впереди еще будут бои, и бои жестокие.

Поэтому я считаю неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о “марше на Варшаву”, другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на “красной советской Варшаве”.

Я не буду доказывать, что это бахвальство и это самодовольство совершенно не соответствуют ни политике Советского правительства, ни состоянию сил противника на фронте.

В самой категорической форме я должен заявить, что без напряжения всех сил в тылу и на фронте мы не сможем выйти победителями. Без этого нам не одолеть врагов с Запада.

Это особенно подчеркивается наступлением войск Врангеля, явившимся, как “гром с ясного неба”, и принявшим угрожающие размеры»[91].

Одиннадцатого июля Сталин повторяет эти мысли в «Правде». Но его предупреждение не было воспринято главным командованием.

Предложение английского правительства Москве заключить перемирие с Польшей («нота Керзона») было отклонено и решено ускорить наступление.

Атмосфера приближающейся победы кружила головы. Главком был уверен, что Западный фронт в состоянии без поддержки соседнего фронта выполнить поставленную задачу и что для этого достаточно трех армий Западного фронта.

С учетом мнений главного командования и командующего Западным фронтом Тухачевского была изменена стратегия: осуществляемый ранее план концентрического удара обоих фронтов на Варшаву сменился планом расходящихся ударов на Варшаву и на Львов. В дальнейшем после захвата Львова 1-я Конная должна была ударить «в тыл Варшаве».

Таким образом, фронты решали разные самостоятельные задачи и действовали в значительном отрыве друг от друга.

Пятого августа на заседании пленума ЦК Троцкий сказал Ленину, что 16 августа Красная армия войдет в Варшаву. Пленум санкционировал дальнейшее движение на Запад и утвердил предложение Сталина о передаче части армий из Юго-Западного фронта Западному.

То, что произошло, не было чьей-то ошибкой или злым умыслом.

Пока шло согласование позиций, Западный фронт вышел к Варшаве, охватив ее с севера полукольцом, но при этом его левое крыло, где располагалась немногочисленная Мозырская группировка, оказалось в рискованном положении.

Предотвращая надвигающуюся угрозу, С. С. Каменев 11 августа приказал Егорову остановить наступление на Львов и направить возможно больше частей на запад. 12-ю армию требовалось передать 13 августа, 1-ю Конную — к 15 августа. Однако директива главнокомандующего была зашифрована с ошибками и до Егорова дошла в нечитаемом виде.

Правильная телеграмма была получена только 13 августа. Эта задержка оказалась роковой. Кроме того, ни в одном документе главком не распоряжался о прекращении Львовской операции.

Днем раньше, 12 августа, 12-я армия получила приказ захватить переправы на Висле и Сане, едва соприкасаясь с правым флангом Люблинского района, где сосредоточилась ударная польская группировка. 1-я Конная в это же время была выведена из резерва и направлена на форсирование Буга и захват Львова.

В результате Егоров, получив наконец директиву Каменева, не смог ее сразу выполнить.

Во второй половине дня 13 августа Каменев потребовал от Егорова передать указанные армии Западному фронту, тот подготовил необходимую директиву, но члены РВС фронта Сталин и Берзин отказались ее подписывать.

В дело вмешался председатель РВС Республики. Тогда Берзин подписал без Сталина.

Вот как в действительности разворачивались события. Сталина не в чем упрекнуть, так как вывести из боя такос крупное соединение, каким является армия, далеко не просто. Послсдовавшие обвинения Троцкого в том, что Сталин из-за амбиций хотел занять Львов и опередить захват Варшавы Тухачевским, не подтверждаются фактами.

Если искать виноватых, то скорее всего это будут Троцкий, Ленин, Тухачвский и вожди мировой революции.

Четырнадцатого августа польские войска атаковали в стык 3-й и 15-й армий Западного фронта и перешли в наступление. Победная война закончилась разгромом «победителей».

Первая Конная армия вышла из затяжных боев за Львов только 20 августа и не смогла успеть к Варшаве.

Война завершилась Рижским мирным договором (12 октября), согласно которому советско-польская граница устанавливалась значительно восточнее «линии Керзона» и Польше отходили западные области Украины и Белоруссии. По условиям Рижского договора Польша отказывалась поддерживать Врангеля и Петлюру. Согласно Рижскому договору Польша получала территории с населением примерно 14 миллионов человек, 30 миллионов рублей золотом, 300 паровозов, 435 пассажирских и 8100 товарных вагонов.

Что ж, благодаря операции войск генерала Врангеля в Северной Таврии, Польша смогла получить от России значительные уступки, так как надо было срочно ликвидировать разрастающуюся угрозу на юге.

Но дело не во Врангеле, а в том, что генерал не был самостоятелен в своих решениях. Он был вынужден прежде всего отстаивать интересы Франции, которая выстраивала свою стратегию на Востоке. Чтобы получить поддержку Франции, Врангель подписал договор, по которому обязался признать дореволюционные российские долги, предоставлял французам в управление железные дороги в Европейской России, взимание таможенных и портовых сборов во всех портах Черного и Азовского морей, получение всех излишков хлеба на Украине

и Кубани, три четверти нефти и бензина и четверть добычи донецкого угля[92].

Подписав колониальный по сути договор, Врангель фактически подвел итог нерасчетливой политике Российской империи, начавшейся с Русско-японской войны, вступления в Антанту, огромных долгов французским банкам. Это и была тогдашняя трагическая панорама — с одной стороны, мировые революционеры, с другой — западные наемники, а патриотам не оставалось места.

Несмотря на завершение военных действий на польском фронте, здесь никогда не было настоящего мира: «холодная война» перемежалась налетами украинских и российских формирований, которые базировались на польской территории.

К советским пленным поляки относились очень плохо, только в одном лагере Тухоль погибли 22 тысячи пленных красноармейцев; всего же умерло 60 тысяч. Немцев и австрийцев из Особой бригады поляки расстреливали на месте.

Двадцать первого февраля 1921 года Польша заключила с Францией военный союз против России и Германии. Польша стремилась выстроить от Балтики до Черного моря управляемый ею единый антисоветский рубеж и за счет этого стать равной Франции, Англии и Германии, то есть великой державой.

Впоследствии Польша заплатила за это огромную цену. Теперь она становилась для России и Германии тяжелой проблемой, которую надо было разрешить любыми средствами.

К тому же Польша претендовала на большие территории в Восточной Пруссии и Верхней Силезии, превосходящие установленные Версальским мирным договором.

Девятого сентября 1920 года польский генерал Желиговский, инсценировав мятеж, захватил Вильно и прилегающую область, каковые по Версальскому договору не принадлежали Польше, и фактически присоединил их к Варшаве.

Захват Вильно был одним из решающих факторов для начальника Германского генерального штаба генерала фон Секта. Он всерьез задумывается о союзе с Москвой, считая главной задачей германской внешней политики ревизию Версальского договора при помощи второго отверженного, России. И Россия, и Германия были париями новой мировой системы. Россия вообще даже не подписала Версальский договор.

«Польский вопрос стал крестной матерью союза рейхсвера и Красной Армии, который имел столь серьезные последствия для германских офицеров...»[93]

Уже в марте 1921 года начались переговоры о переводе в Россию запрещенных в Германии военных отраслей промышленности, в том числе танковой и авиастроительной.

Несколько забегая вперед скажем, что в 1923 году, когда Сталин уже был генеральным секретарем партии, Советский Союз гарантировал, что в случае нападения Польши на Верхнюю Силезию он окажет Германии военную поддержку, и в соотвстствии с этим сосредоточил на границе две армейские группировки (17 и 9 дивизий и три кавалерийских корпуса), что было воспринято в Варшаве как ледяной душ.

Глава семнадцатая

Троцкий обвиняет Сталина. Сталин задевает Ленина. Конец «Государства Крым»

Семнадцатого августа Сталин покидает Юго-Западный фронт и возвращается в Москву. Он решает создать комиссию по расследованию причин поражения, обращается с официальным заявлением в Политбюро, но его никто не поддерживает. Потому что виноваты все.

На 9-й партийной конференции в сентябре 1920 года Ленин признает, что случилось «огромное поражение», но не углубляется в конкретный анализ причин. («Одной из главных причин поражений явилось то, что мы не сумели добраться до промышленного пролетариата Польши».) Он не дал согласия и на образование комиссии.

На конференции выступили Сталин и Троцкий. Это было столкновение принципиальных противников.

«Президиуму IX партийной конференции

23 сентября (1920 г.). Заявление т. Сталина.

Некоторые места во вчерашних речах т. т. Троцкого и Ленина могли дать т. т. конферентам повод заподозрить меня в том, что я неверно передал факты. В интересах истины я должен заявить следующее:

1) Заявление т. Троцкого о том, что я в розовом свете изображал состояние наших фронтов, не соответствует действительности. Я был, кажется, единственный член ЦК, который высмеивал ходячий лозунг о “марше на Варшаву” и открыто в печати предостерегал товарищей от увлечения успехами, от недооценки польских сил. Достаточно прочесть мои статьи в “Правде”.

2) Заявление т. Троцкого о том, что мои расчеты о взятии Львова не оправдались, противоречит фактам. В середине ав-

густа наши войска подошли к Львову на расстояние 8 верст и они наверное взяли бы Львов, но они не взяли его потому, что высшее командование сознательно отказалось от взятия Львова и в момент, когда наши войска находились в 8 верстах от Львова, командование перебросило Буденного с района Львова на Запфронт для выручки последнего. При чем же тут расчеты Сталина?

3) Заявление т. Ленина о том, что я пристрастен к Западному фронту, что стратегия не подводила ЦК, — не соответствует действительности. Никто не опроверг, что ЦК имел телеграмму командования о взятии Варшавы 16-го августа. Дело не в том, что Варшава не была взята 16-го августа, — это дело маленькое, — а дело в том, что Запфронт стоял, оказывается, перед катастрофой ввиду усталости солдат, ввиду неподтянутости тылов, а командование этого не знало, не замечало. Если бы командование предупредило ЦК о действительном состоянии фронта, ЦК, несомненно, отказался бы временно от наступательной войны, как он делает это теперь. То, что Варшава не была взята 16-го августа, это, повторяю, дело маленькое, но то, что за этим последовала небывалая катастрофа, взявшая у нас 100 000 пленных и 200 орудий, уже большая оплошность командования, которую нельзя оставить без внимания. Вот почему я требовал в ЦК назначения комиссии, которая, выяснив причины катастрофы, застраховала бы нас от нового разгрома. Т. Ленин, видимо, щадит командование, но я думаю, что нужно щадить дело, а не командование. 23/9. И. Сталин»[94].

Почему он требовал расследования?

Потому, что он действительно еще в июне предупреждал о грозившей опасности, а Троцкий и Тухачевский ее проигнорировали.

Потому, что он был оскорблен желанием Ленина замять дело и неискренностью Троцкого, свалившего вину на других.

Впоследствии, когда он стал генеральным секретарем, а Троцкий был выслан из страны, сервильные историки преподали «огромную катастрофу» как вредительство Троцкого и троцкистов, что было ложью и сослужило Сталину дурную службу. Его принципиальную позицию опустили до уровня непотребной свары, в результате чего позднее в общественном мнении укрепилось предположение, что на самом деле все было совсем не так, как рисовали услужливые писаки. А изгнанный Троцкий, утверждавший, что главным виновником был амбициозный Сталин, оказывался прав.

Трудно сказать, почему Сталин, будучи на вершине власти, не смог реализовать свое предложение о создании комиссии. Наверное, не захотел заочно спорить с Лениным, который уже

превратился в культовую фигуру? Или не хотел отвлекать внимание страны на печальные эпизоды поражения? Или просто было не до того?

В разгроме войск Врангеля Сталин не участвовал.

Собрав крупные силы, в том числе 1-ю и 2-ю Конные армии, красные преодолели оборонительные сооружения на Перекопе и ворвались в Крым. Собственно, разгрома не произошло.

Шестнадцатого октября белые покинули Крым на 126 судах в полном порядке. Они оставили невзорванными склады военного имущества и продовольствия, полагая, что это добро пойдет на пользу народу России. Также были оставлены и тяжелораненые. Около 20 тысяч офицеров не пожелали эвакуироваться. Вскоре они были расстреляны по приказу Троцкого, который считал их опасными врагами.

Крымская эпопея (шире — добровольческая) породила много легенд и запечатлелась в русской литературе прекрасными произведениями, но ни одно из них не раскрыло безысходности героического белогвардейского сопротивления.

Глава восемнадцатая

Грузия стала советской. Крестьяне против советской власти. Кронштадтский мятеж. НЭП. Поражение Троцкого

Обратим внимание на событие, которое историки обычно обходят, — на длительную командировку Сталина на Кавказ с 16 октября по 20 ноября 1920 года.

Кавказ был геополитическим мостом к Средней Азии и Ближнему Востоку. После ликвидации Врангеля и занятия Крымского полуострова задача закрепления российских позиций на Кавказе выдвинулась на первый план.

Грузия — ключ к Кавказу со стороны Черного моря. Пользуясь ослабленным положением Турции, которая как союзник Германии была доведена согласно Севрскому мирному договору до роли мирового парии и для скорейшего захвата Кавказа поддержана Россией, Сталин имел все основания считать, что в черноморско-кавказском регионе нет реальной силы, способной помочь меньшевистскому правительству Грузии.

Вскоре в Грузии началось восстание, организовался ревком.

Утром 16 февраля части 11-й армии перешли в наступление и 25 февраля вступили в Тифлис.

Несколько ранее советская власть была установлена в Арме-

нии. Теперь границы РСФСР на Кавказе почти совпадали с границами Российской империи.

Сталин мог испытывать удовлетворение: те, кто когда-то изгоняли его из Тифлиса, исключали из партии, теперь сами были изгнаны.

В Грузии жили его мать и сын. Это была его родина, и он был связан с этой землей неразрывно. Возвращение Грузии в лоно единого государства, где он, бывший тифлисский семинарист, достиг могущественного положения, какого не добивался ни один грузин, возможно, вызывали у него в памяти образы прошлого. Бедный странник, как в притче о блудном сыне, возвращался домой.

Именно через Грузию и через Кавказ, в советизации которых была велика роль 11-й армии, Сталин испытывал к члену реввоенсовета этого соединения С. М. Кирову теплые чувства.

Как Царицын в истории союза Сталина с Ворошиловым и Буденным, Пермь — с Дзержинским, Кавказ дал ему новых союзников.

Гражданская война закончилась. Советская Россия победила. Сталин был в числе победившей тройки руководителей, которые особенно укрепили свое положение. Это Ленин, Троцкий и наш герой. Если Ленин и до войны был лидером, то двое других обрели новое качество благодаря участию в военных действиях. Как мы видим, взгляд на Сталина как на серого партийного бюрократа, получившего власть благодаря должности генерального секретаря, ошибочен.

Война дала ему огромный опыт и моральную силу, что являлось прочной базой для его политических амбиций.

Троцкий характеризует этот опыт так: «В военной работе было две стороны: подобрать нужных работников, расставить их, установить надзор, извлечь подозрительных, нажать, еще раз нажать, покарать — вся эта работа аппаратного характера была Сталину как нельзя более по плечу, и он справлялся с ней отлично, поскольку его работа не осложнялась какими-либо личными комбинациями... Его влияние на фронте было велико, но оно оставалось безличным, бюрократическим и полицейским»[95].

В ответ на военную характеристику нашего героя приведем оценку Г. А. Соломона, дружившего с Красиным и хорошо знакомого с Лениным и его семьей: «И если бы около Троцкого не было Сталина, человека, хотя и не хватавшего звезд с неба, но смелого и мужественного и к тому же бескорыстного, он давно задал бы тягу. Но Сталин держит его в руках и, в сущности, все дело защиты Советской России ведет он»[96].

К концу 1920 года состояние России было подобно здоровью инвалида. Объем промышленного производства составлял всего 12 процентов от уровня 1913 года, выпуск чугуна и стали — 2,5 процента. До пропасти оставался один шаг.

Национализированные предприятия работали бесконтрольно, каждое само по себе, и существовали за счет стихии черного рынка, где сбывали производственные крохи в обмен на продукты питания и сырье.

В 1920 году было произведено товаров на 150 миллионов рублей золотом. Насколько эта мизерная цифра, можно понять в сравнении с сельхозпродукцией, которой было тогда же получено на сумму в 20 раз большую (64 процента от довоенного уровня).

Объективно говоря, пролетарская революция разрушила свою базу, крупное промышленное производство, и страна выживала за счет вернувшегося к полуфеодальному крестьянскому хозяйству населения. «Военный коммунизм» изживал себя. Продразверстка наполняла госбюджет на 80 процентов, она превышала уровень налогов 1913 года в два раза и была невыносимо тяжела.

Поэтому, как только белые армии были повержены и исчезла угроза потери земли, крестьяне начали войну против власти. Маленьким восстаниям, охватывающим несколько деревень, не было счета. Крупные же полыхали в нескольких губерниях.

С лета 1918 года, со времени прихода в деревни продотрядов и организации комбедов, началось крестьянское сопротивление выемкам хлеба и реквизициям, а затем и мобилизациям в армию. Оно беспощадно подавлялось. Ожесточение с обеих сторон приводило к ритуализации убийств и пыток наподобие средневековых расправ с «нечистой силой».

Сама по себе аграрная программа эсеров, принятая и реализованная большевиками, имела в своей основе уравнительный принцип, а это разрушало крупные товарные хозяйства.

Опыт 1905 и 1917 годов, когда крестьянские общины поджигали и громили помещичьи усадьбы как центры иной культуры, получил мощное развитие. Произошло то, что год назад уничтожило армии Колчака. Тогда восставшие сибирские крестьяне образовывали крестьянские республики, действовавшие на основании общинного демократического права и не желавшие поддерживать ни белых, ни красных.

В 1918 году насчитывалось 245 крестьянских восстаний, в 1919-м уже целые районы и даже губернии оказались под контролем крестьянских формирований, доходивших по численности до десятков тысяч человек, в 1920 году крестьянские армии захватили Тамбовскую губернию, часть Воронежской,

Поволжье, Западную Сибирь, Украину, Северный Кавказ. Идеология этих выступлений отражена в программе «антоновского восстания», принятой в мае 1920 года крестьянским губернским съездом в Тамбове. Ее основные положения были следующие: свержение власти коммунистической партии, созыв на всеобщих выборах Учредительного собрания, организация Временного правительства из представителей всех партий, боровшихся с большевиками, передача земли тем, кто ее обрабатывает, прекращение продразверстки, отмена деления общества на классы и партии.

В непрерывных боях власти с народом власть была обречена на истощение, разложение и поражение. Но советское руководство проявило необыкновенную изобретательность.

С окончанием боевых действий против регулярных белогвардейских формирований в коммунистической партии стали возникать различные течения, реформаторские в своей основе. Многие понимали, что страна находится на краю; скатываться в бездну никому не хотелось.

Одно из течений — «рабочая оппозиция». Его возглавили известные партийные функционеры Шляпников, Коллонтай, Мясников, Лутовинов, Киселев. Они потребовали передать управление промышленностью профсоюзам, создав на их основе специальный выборный орган. Партийные комитеты на заводах должны были утратить свое значение и передать свою управляющую роль рабочим комитетам, которые подчинялись бы только вышестоящему профсоюзному комитету.

Троцкий инициировал «дискуссию о профсоюзах». Он предложил сделать профсоюзы частью государственного аппарата, увеличить прослойку рабочей аристократии в рамках милитаризованной промышленности и по армейскому образцу укрепить центральную партийную власть и дисциплину на производстве.

Но те, кто предлагал перемены, стояли на твердых позициях «военного коммунизма», уже утратившего свой смысл.

В партийном руководстве назрел кризис.

Положение Ленина и его сторонников было вовсе не доминирующим. К тому же Секретариат ЦК, который состоял из сторонников Троцкого, вел подготовку к X съезду партии и во многом влиял на продвижение Троцкого к вершине власти. Но этого не случилось.

Начался Кронштадтский мятеж. В феврале в Петрограде закрылись десятки заводов, хлебные пайки в очередной раз были сокращены. Не видя выхода, рабочие обратились к властям с

требованием свободно приобретать продовольствие в деревнях без опасения быть арестованными за «мешочничество». Власти отказали. В ответ прошли демонстрации, потом начались забастовки. (Подобное произошло и в Москве.) 24 февраля партийное руководство Петрограда (Зиновьев) распорядилось ввести в Северной столице чрезвычайное положение, были арестованы все находившиеся на свободе меньшевики и эсеры, подозреваемые в подстрекательстве рабочих выступлений.

Чтобы успокоить население, ЦК партии снял запрет на поездки за продовольствием. Однако уже было поздно. До моряков военно-морской базы Кронштадт дошли слухи о том, что в Петрограде расстреляли демонстрацию рабочих*. Матросы направили в город делегацию, участники которой, вернувшись, рассказали об услышанных требованиях на общем собрании команд линкоров «Севастополь» и «Петропавловск». Суть требований такова: ввести свободную торговлю, разрешить свободный проезд, сменить власть в Петрограде, освободить всех политических заключенных, снять заградительные отряды, провести перевыборы Советов тайным голосованием.

Моряки приняли сообщение к сведению. Однако Зиновьев телеграфировал в Москву, что команды линкоров «приняли эсеровски-черносотенные резолюции, предъявив ультиматум их выполнения в 24 часа».

Двадцать восьмого февраля состоялось заседание Политбюро, на нем присутствовали: Ленин, Троцкий, Сталин, Крестинский, Радек, Бухарин, Рыков, Артем. Было решено подготовить официальное сообщение для печати, арестовать меньшевиков и эсеров, усилить продовольственное снабжение Петрограда и его гарнизона, ассигновать 10 миллионов рублей золотом для закупки предметов первой необходимости для рабочих.

Первого марта в Кронштадте перед моряками выступил председатель ВЦИКа Калинин, но вместо конкретных ответов он забросал слушателей отвлеченными декларациями, чем вызвал большое раздражение. Вечером того же дня на «Петропавловске» был создан Военно-революционный комитет (ВРК). Председателем избрали старшего писаря «Петропавловска» С. М. Петриченко, служившего на флоте с 1914 года. Были созданы штаб обороны крепости под руководством бывшего полковника Е. Н. Соловьянова и Военный совет, в который вошли военные специалисты, в том числе командир бригады линкоров, бывший контр-адмирал С. Н. Дмитриев и бывший

---

* Надо добавить, что осенью 1920 года в Кронштадт пришло около десяти тысяч новобранцев из крестьянских семей.

генерал А. Н. Козловский. Программа кронштадтцев предусматривала: немедленное проведение перевыборов тайным голосованием при свободной предварительной агитации среди рабочих и крестьян; предоставление свободы слова и печати для рабочих, крестьян, анархистов и левых социалистических партий, а также свободы собраний, профессиональных союзов и крестьянских объединений; освобождение всех политзаключенных социалистических партий, всех рабочих, крестьян, красноармейцев и матросов, арестованных в связи с участием в рабочем и крестьянском движении; проведение не позднее 10 марта беспартийной конференции рабочих, красноармейцев и матросов Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии; упразднение политотделов и коммунистических боевых отрядов; немедленное снятие заградотрядов; предоставление крестьянам полного права действий над всею землею; уравнение пайка для всех трудящихся, за исключением вредных цензов. Моряки заявили, что «коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс и оказалась не в силах вывести ее из состояния общей разрухи».

Мятеж начался.

Пятого марта в Петроград прибыли Л. Д. Троцкий, главком С. С. Каменев, начальник Полевого штаба РВСР П. П. Лебедев и командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский. Они должны были организовать подавление мятежа до начала работы съезда. Вот слова Троцкого: «...Эту задачу я выполню, не останавливаясь ни перед какими жертвами».

Сталин же выступил против, «заявляя, что мятежники, если их оставить в покое, сами сдадутся через две-три недели»[97]. Непосредственным руководителем военной операции был назначен Тухачевский.

Кронштадт стал последней каплей. Надо было менять курс, чтобы удержать власть в стране и партии. Красная армия, состоявшая почти полностью из крестьян, не могла долго оставаться лояльной к коммунистам.

На съезде партии, открывшемся 8 марта, критиковалась работа Политбюро и Оргбюро, что было использовано Лениным и его сторонниками для обновления кадрового состава этих органов, выведения из них сторонников Троцкого.

Но самый главный результат съезда заключался в четырех решениях:

о замене разверстки натуральным налогом;

о единстве партии;

о синдикалистском и анархистском уклоне в партии;

об очередных задачах партии в национальном вопросе.

Ленин был обязан дать партии стратегическое решение. Он

его предложил: постараться удовлетворить требования крестьян, дать свободу рыночным отношениям в деревне.

Это означало отступление от коммунистической теории, но другого выхода не было видно. Новая экономическая политика (НЭП) была принята делегатами съезда почти без споров. Какие могли быть споры, когда непокоренный Кронштадт по-прежнему угрожал Петрограду?

Неразоруженный Кронштадт требовал еще одного решения, может быть, более трудного и опасного.

Партийные дискуссии, ведущие к фактическому расколу и вызывающие в обществе новую войну, надо было заканчивать. В резолюции «О единстве партии» съезд сделал выбор: фракции и группировки отныне запрещались. Теперь за фракционную борьбу ЦК мог применять любые меры наказания вплоть до исключения из партии. Эту резолюцию представил съезду Ленин.

Понимали ли он и старая большевистская гвардия, что эта резолюция отрезает партию от ее прошлого и создает основу для другой партии?

Ленин затронул эту тему, сказав, что данная мера только предупредительная и вряд ли когда-либо будет применяться.

Прежняя партия большевиков, которая была демократичной, гибкой, умела за счет внутренней свободы быстро восстанавливаться и заменять арестованных и сосланных активистов, теперь опасалась этих свойств.

Отныне у партии должен быть один лидер — Центральный Комитет.

По результатам голосования в ЦК не вошли влиятельные сторонники Троцкого: Крестинский, Преображенский, Серебряков. Троцкий больше не контролировал Секретариат и утратил большинство в Оргбюро. В новом составе Оргбюро остался только один ветеран — Сталин. Также он остался и членом Политбюро.

Восемнадцатого марта во втором часу ночи Кронштадт был взят в результате обстрелов из тяжелых орудий и второго штурма. (Первый штурм окончился неудачей.)

В одной из инструкций, подписанной командиром войсковой группы Казанским, говорилось: «Пленных быть не должно». Впрочем, пленных было много. Через ревтрибуналы и чрезвычайные тройки прошли 10 001 человек, приговорено к расстрелу — 2103, к разным срокам заключения — 6447, освобожден 1451 человек. Для заключенных из Кронштадта были созданы «дисциплинарные колонии» на Севере.

Но для Троцкого, как ни удивительно, победа уже не имела особого значения. Он проиграл важнейшую операцию своей карьеры.

Восемнадцатого марта Тухачевский, докладывая Каменеву об успешном завершении операции, сказал, что его «гастроль здесь окончилась», и просил разрешения убыть на Западный фронт.

Это легкомысленное, ребяческое выражение двадцатисемилетнего Тухачевского удивило Троцкого. То, что для бывшего гвардейского подпоручика казалось военной прогулкой, для председателя РВСР было началом заката.

Членами ЦК стали Ворошилов, Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, явные сторонники Сталина. В Оргбюро Крестинского, Преображенского и Серебрякова сменили В. М. Молотов, Е. М. Ярославский, В. М. Михайлов.

Глава девятнадцатая

НЭП — «второй Брест». План ГОЭЛРО. Тамбовское восстание. Рождение сына Василия

После съезда в стране стало многое меняться: появилась частная торговля, стали предоставляться концессии частным предпринимателям, разрешено создавать мелкие частные предприятия, денационализировать предприятия с числом работающих менее 21 человека. За год более десяти тысяч предприятий стали частными, новые владельцы должны были в течение двух—пяти лет передавать государству 10—15 процентов своей продукции. Появились предприятия с участием иностранного капитала.

Возврат от «военного коммунизма» к рыночной экономике был очень сложным, а иногда и трагическим делом. Так, в марте 1921 года топливную промышленность лишили государственного заказа и перевели на хозрасчет, шахтеров в Донбассе увольняли из-за отсутствия денег для зарплаты, прекратили государственные поставки продовольствия. В результате рынок установил баланс между добычей угля и его потреблением промышленностью. Часть шахт закрыли. Много шахтеров и их семей погибли от голода.

Подобная ситуация наблюдалась и в других отраслях. Заводы не имели оборотных средств и были вынуждены дешево распродавать продукцию, конкурируя друг с другом и сбивая цены. 1 января 1921 года аршин ситца стоил 4 фунта ржаной муки, а 1 мая — всего 1,68 фунта. В мае 1922 года хлопчатобумажная ткань продавалась ниже себестоимости в два с половиной раза. В сентябре 1921 года специальным декретом была отделена от предприятий социальная сфера. О зарплате говорилось: «Всякая мысль об уравнительности должна быть отброшена»[98].

Вслед за экономическими новациями шла быстрая демобилизация в вооруженных силах. С начала 1921 года по начало 1923-го армия уменьшилась с 5 миллионов 300 тысяч до 610 тысяч человек.

«Военный коммунизм» фактически закончился «вторым Брестом». Государственная машина дала задний ход, партия была потрясена переменами. Среди коммунистов началось подлинное смятение, выражавшееся в выходе из партии, самоубийствах, потере социального статуса.

В марте 1921 года Сталин едва не умер: у него был гнойный аппендицит, операция прошла очень тяжело. Сегодня трудно представить состояние тогдашней медицины, но одно обстоятельство — антибиотиков еще не существовало — дает представление о том, как ненадежно было состояние здоровья Сталина. Он чудом выжил.

Ему было всего сорок два года. Это возраст, когда человек еще не готов к смерти и мало понимает, что она такое. Правда, в годы войны, а особенно Гражданской, многие оценки изменяются.

Для Сталина переломным временем стал март 1921 года — победно окончилась Гражданская война, найдена новая экономическая политика, укреплены позиции в партийном руководстве, и он остался жить.

Бог истории сохранил его. В этом же году у него и Надежды Аллилуевой родился сын Василий.

Из событий года еще следует отметить развитие плана электрификации России (ГОЭЛРО) и подавление Тамбовского восстания.

Электрификацию Сталин горячо поддержал. Так, в письме Ленину в марте (после операции) он писал: «Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы».

И тут же пояснил, почему «единственная»:

«Помните прошлогодний “план” Троцкого (его тезисы) “хозяйственного возрождения” России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гоэлро! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным “спасти” Россию сагой старинной...»[99]

Отталкиваясь от предложений Троцкого, как от негативного примера, Сталин явно знал отношение к этому Ленина и отражал ведущийся в Политбюро спор о будущем экономики.

В этом споре подчеркнем безусловную преемственность ленинского плана с дореволюционными планами: строительство гидроэлектростанции на Днепре, а также на Волхове предполагалось еще до Первой мировой войны; также к тому времени относятся и работы В. И. Вернадского о ядерной энергии. В 1921 году для планирования всей экономики была создана Государственная плановая комиссия (Госплан), началось строительство механизма, который сыграл огромную роль в развитии СССР.

Касаясь философии происходящих событий, приведем мысль выдающегося английского экономиста Дж. Кейнса, который в 1920-х годах работал в России: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса»[100].

Двадцать первого марта 1921 года ВЦИК издал декрет «о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом», уровень налога был в два раза меньше: 240 миллионов пудов зерна вместо 423 миллионов. Планировалось получить в государственный фонд еще 160 миллионов пудов путем торговли с крестьянами.

Власти торопились успокоить деревню. Однако восстания невозможно было прекратить, для этого требовалось, чтобы идея НЭПа как идея развития заменила идею мщения.

К апрелю 1921 года в стране, согласно официальным данным, воевало 165 крупных крестьянских отрядов. Большинством из них руководили на местах Союзы трудового крестьянства, организованные партией эсеров, которые сделали ставку на свержение советской власти. Они возглавляли восстания в Сибири, Поволжье, Кубани, Северном Казахстане, Центральной России. Примерно в 140 отрядах было более 118 тысяч сторонников эсеров.

Подавлением Тамбовского восстания командовал Тухачевский. Села, сопротивлявшиеся войскам, подлежали немедленному сожжению. При повторных вспышках восстания аресту и заключению в концентрационные лагеря подлежало все мужское население от 17 до 50 лет. Репрессии были распространены на семьи повстанцев и их укрывателей. На села накладывалась огромная контрибуция, за невыполнение которой отбирались земля и все имущество. Для подавления восстания применялись отравляющие газы.

Как говорил Троцкий, «революция потому и революция, что все противоречия развития она сводит к альтернативе: жизнь или смерть».

Но все же между властью и большинством населения, жившего по законам мелкотоварного производства, был заключен мир, точнее — перемирие.

Чтобы сопоставить исторические рубежи, вспомним об одной жертве Тамбовского восстания: священник Петр Космодемьянский был убит во время карательной операции. Его внучка и внук, Зоя и Александр Космодемьянские, Герои Советского Союза, погибли, защищая Отечество, во время Великой Отечественной войны.

Глава двадцатая

Голод. Изъятие церковных ценностей. «Цербер Ильича». Избрание генеральным секретарем партии. Первый инсульт Ленина

Особое внимание необходимо уделить борьбе радикальных коммунистов с Русской Православной Церковью, в которой было 145 тысяч священнослужителей и 40 тысяч храмов. Эта борьба началась сразу после Октября и во многом опиралась на равнодушие, а то и просто враждебное отношение крестьян к священникам, в которых они видели защитников свергнутого режима.

После окончания Гражданской войны и в связи со страшным голодом 1921 года, охватившим по причине засухи половину хлебных губерний с населением в 33,5 миллиона человек, встал вопрос о том, где взять дополнительные средства. Масштабы бедствия были катастрофические. 21 июля правительство поддержало инициативу ряда общественных деятелей о создании Всероссийского комитета помощи голодающим (Максим Горький, Вера Фигнер, графиня Софья Панина, экономист С. Н. Прокопович, его жена Екатерина Кускова, многие известные врачи, писатели, агрономы). По распоряжению Ленина в комитет были включены 12 советских руководителей во главе с Каменевым и Рыковым.

Министр торговли США Герберт Гувер отозвался на просьбу Горького. Основанная им организация, созданная для обеспечения продовольствием и медикаментами послевоенной Европы (Американская администрация помощи, *American Relief Administration*, или *ARA*), стала работать в России.

Советское правительство выделило на эти цели 11,3 миллиона долларов, полученные от продажи золота.

Всего *ARA* потратила в России 61,6 миллиона долларов (или 123,2 миллиона золотых рублей).

Стремясь помочь, патриарх Тихон предложил отдать на нужды голодающим «неосвященную» церковную утварь, но «освященная» должна была оставаться в распоряжении храмов. Ленин на инициативу Церкви не откликнулся, но вскоре, по предложению Троцкого, была начата операция по дискредитации Церкви и изъятию у нее всех ценностей. 26 февраля был опубликован декрет за подписью председателя ВЦИКа Калинина, предписывающий местным Советам изымать из церквей все предметы из золота, серебра и драгоценных камней и передавать их в пользу голодающих. Руководить кампанией было поручено комиссии Политбюро под началом председателя Союза безбожников Троцкого.

Власть бросила вызов Церкви, чтобы окончательно расправиться с ней. В ответ патриарх Тихон заявил, что выдача мирской власти священных культовых предметов есть святотатство, и предупредил мирян, что за исполнение декрета их будут отлучать от Церкви, а священнослужителей лишать сана.

Тихона взяли под домашний арест и объявили «врагом народа».

Многие верующие пытались воспрепятствовать конфискациям, проливалась кровь.

Один из эпизодов сопротивления произошел в городе Шуя Владимирской губернии, где верующие защитили свой храм от вторжения. Три дня спустя, 15 марта в церковь нагрянули уполномоченные с отрядом красноармейцев, по толпе верующих был открыт огонь, убито четверо или пятеро человек.

Шестнадцатого марта Политбюро в отсутствие Ленина и Троцкого проголосовало за прекращение дальнейших изъятий и разослало местным парторганизациям инструкцию о приостановлении этих акций.

Однако Ленин посчитал иначе. 19 марта он направил секретную записку членам Политбюро, в которой писал: «Именно теперь, и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления.

Именно теперь, и только теперь, громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам это не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализирование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

...Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в коем случае не должен выступать в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

...Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...»[101]

После письма Ленина Политбюро стало действовать более решительно. 23 марта были утверждены предложения Троцкого о пропагандистском обеспечении акции, формальная ответственность, чтобы прикрыть Троцкого, была возложена на главу советской власти Калинина.

Двадцать пятого апреля 1922 года выездная сессия Верховного трибунала по указанию Ленина приговорила в Иваново-Вознесенске к расстрелу двух священников, Павла Светозарова и Ивана Рождественского, и мирянина Петра Языкова. Однако приговор не был приведен в исполнение, так как ВЦИК по-

лучил ряд ходатайств о помиловании, и Калинин обратился в Политбюро с просьбой отменить приговор. 2 мая Сталин направил записку членам Политбюро: «Т. т. Томскому, Рыкову, Молотову.

Препровождается на опрос Членов Политбюро.

Сессией Ревтрибунала в Иваново-Вознесенске приговорены к расстрелу два попа; тов. Калинин предлагает отменить решение Ревтрибунала;

Тт. Сталин, Троцкий и Ленин наоборот предлагают не отменять решение Ревтрибунала.

Секретарь Цека И. Сталин»[102].

В тот же день определились результаты голосования: Ленин, Троцкий, Сталин, Молотов — за утверждение приговора, Рыков, Томский, Каменев — за его отмену.

Как видим, голос Сталина оказался решающим.

Десятого мая осужденные были расстреляны.

Спустя много лет, в 1943 году, в разгар войны с Германией, Сталин обратится к помощи Церкви и заключит с ней вынужденный союз. В этом не было ничего странного для Сталина: к тому времени выросло целое советское поколение, произошли колоссальные изменения в обществе, и Церковь уже не казалась непримиримым противником. Но в 1922 году вопрос стоял иначе.

Кстати, в борьбе с Церковью пострадали не только православные, но и католические священники. Всего же во время антицерковной кампании погибло около восьми тысяч священников, многие — мученической смертью. Стоимость изъятого церковного имущества оценивается в сумму от 4 до 8 миллионов долларов. Никаких «миллиардов» у Церкви не было. По утверждению *ARA*, не было и необходимости в дополнительном сборе средств, так как «ARA располагает во всех портах и на всех дорогах, ведущих в Россию, большим объемом продовольствия, чем может советский транспорт»[103].

Вообще трагические события 1921 года, переломившие «военных коммунистов» и вызвавшие их ожесточенную реакцию (преследование Церкви, высылка за границу сотен интеллектуалов, аресты и высылки сотрудников Комитета помощи голодающим), привели к глубинному расколу в правящей верхушке.

Этот раскол прошел и через Сталина. Ведь невозможно представить, что человек, воспитанный верующей матерью и всегда во всех трудностях поддержанный священнослужителями, не сохранил в душе никаких следов этого.

1921 год в жизни Сталина еще был отмечен рядом поручений и назначений.

По указанию Ленина он стал получать из Госплана все экономические материалы, «в особенности по золотопромышленности и Бакинской нефтяной промышленности».

Ему поручается общее руководство работой отдела пропаганды и агитации ЦК. Это явно усиливает его позиции в Политбюро, дав контроль над «вторым силовым ресурсом» — печатью. Он утвержден одним из редакторов журнала ЦК РКП(б) «Вестник агитации и пропаганды», избран членом ВЦИКа на IX Всероссийском съезде Советов, переутвержден наркомом по делам национальностей и наркомом рабоче-крестьянской инспекции.

Год завершается. Главный итог: Сталин прошел без потерь переломное время от войны и «военного коммунизма» к мирному строительству, а его сторонники сменили на некоторых важных постах сторонников Троцкого.

На XI съезде партии в марте 1922 года в адрес Ленина по-прежнему раздавалось немало критики. Это было вызвано несколькими обстоятельствами: НЭП принимали далеко не все коммунисты; страшный голод в Поволжье в 1921 году унес несколько миллионов человек; партийные оппозиционеры еще не были устранены с политической арены.

Так, в августе 1921 года Ленин, раздраженный упорством лидера «рабочей оппозиции» Шляпникова, предлагал исключить его из партии, но ЦК не поддержал такого решения. Зато в феврале 1922 года из партии был исключен Мясников, который вошел в историю своим требованием свободы слова.

В целом, говоря о деятельности ЦК по утихомириванию оппозиции, надо было признать, что партийный аппарат под руководством секретаря ЦК В. М. Молотова не имел больших успехов. На XI съезде оппозиция выводила Ленина из себя, он в ярости даже предлагал расстреливать несогласных, на что тот же Шляпников во время выступления повернулся к президиуму и бросил Ленину: «Вот пулеметчики!» Он утверждал, что НЭП проводится за счет рабочих. Этот скандальный случай сам по себе мало что значил, но показывал, что единства в партии нет. Надо было по-новому выстроить партийную машину.

Третьего апреля 1922 года Сталин на пленуме ЦК был избран генеральным секретарем ЦК РКП(б). Это возвышение еще нельзя было назвать решающим, оно было реакцией Ленина и ленинцев на попытку Троцкого перед X съездом партии занять главные позиции в Секретариате и Оргбюро.

Сталин начал действовать очень решительно. Он принял за принцип неустанный контроль и исполнение решений выше-

стоящих органов нижестоящими, создав партийную власть сверху донизу. За считаные месяцы он добился от аппарата подчинения.

Кроме того, в политические обстоятельства с конца 1921 года вмешался новый фактор: ухудшение здоровья Ленина. Он переехал в подмосковную деревню Горки, где стал жить постоянно. В марте 1922 года он почувствовал себя хуже, усилились головные боли. Этот фактор, безусловно, заставил Ильича определиться.

В существующем конфликте Троцкого и Сталина он должен был, не доводя дело до крайностей разрыва, укрепить, прежде всего, собственные позиции лидера и стратега.

Выбирая, он должен был учесть следующее: «Нет никакого сомнения в том, что для текущих дел Ленину было во многих случаях удобнее опираться на Сталина, Зиновьева или Каменева, чем на меня. Озабоченный неизменно сбережением своего и чужого времени, Ленин старался к минимуму сводить расход сил на преодоление внутренних трений. У меня были свои взгляды, свои методы работы, свои приемы для осуществления уже принятых решений. Ленин достаточно знал это и умел уважать. Именно поэтому он слишком хорошо понимал, что я не гожусь для поручений. Там, где ему нужны были повседневные исполнители его заданий, он обращался к другим»[104].

Сказано достаточно ясно.

Поэтому Ленин не мог не понимать, что Троцкий гораздо больший конкурент лично ему, а Сталин на роль стратега не претендует.

Вот еще один взгляд, из родственного окружения Ленина (М. Ульянова): «Характерен в этом отношении случай с Троцким. На одном заседании ПБ Троцкий назвал Ильича "хулиганом". В. И. побледнел как мел, но сдержался. "Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают", что-то вроде этого сказал на эту грубость Троцкого, по словам товарищей, которые передавали мне об этом случае. Симпатий к Троцкому и помимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним. Но он был большим работником, способным человеком, и В. И., для которого, повторяю, дело было на первом плане, старался сохранить его для этого дела, сделать возможным дальнейшую совместную работу с ним. Чего ему это стоило — вопрос другой. Крайне трудно было поддерживать равновесие между Троцким и другими членами ПБ, особенно между Троцким и Сталиным. Оба они — люди крайне честолюбивые и нетерпимые.

Личный момент у них перевешивает над интересами дела. И каковы отношения были у них еще в первые годы советской власти, видно из сохранившихся телеграмм Троцкого и Сталина с фронта к В. И.

Авторитет В. И. сдерживал их, не давал этой неприязни достигнуть тех размеров, которых она достигла после смерти В. И. Думаю, что по ряду личных причин и к Зиновьеву отношение В. И. было не из хороших. Но и тут он опять-таки сдерживал себя ради интересов дела»[105].

Самое главное — Ленин был в союзе со Сталиным против Троцкого.

Поэтому когда Троцкий говорил, что назначение Сталина на пост генерального секретаря проходило под сильным давлением со стороны Зиновьева и при нежелании Ленина, он не понимал, что Ленин вел тонкую игру. Лидер не собирался полностью устранять Троцкого.

Дальнейшие события развивались стремительно. 25 мая Ленин перенес первый инсульт (тогда это называли ударом). У него нарушилась речь, была легко парализована правая сторона тела.

То, что Троцкий узнал об этом только на третий день, показывает, что обстановку контролировали другие люди.

«Цербер Ильича» оправдывал доверие. Это проявилось и в такой деликатной и грешной (с точки зрения христианской традиции) ситуации, как просьба Ленина к Сталину о содействии в самоубийстве. 30 мая 1922 года сразу после первого удара между Лениным и Сталиным состоялся в Горках разговор, о котором потом поведала в своих воспоминаниях сестра Ленина М. И. Ульянова.

У этого разговора была своя предыстория.

Ленин предвидел, что умрет именно от инсульта, так как от этой же болезни умер в возрасте 55 лет и его отец. Поэтому еще зимой 1920 года, почувствовав ее симптомы в виде сильных головных болей, он однажды обратился к Сталину с просьбой: в случае, если его разобьет паралич, чтобы не влачить жалкого существования, пусть Сталин даст ему цианистого калия, смерть от которого наступает быстро и безболезненно. И Сталин обещал.

Тридцатого мая Ленин потребовал, чтобы Сталин приехал. Разговор у них был короткий, без свидетелей. Он длился всего пять минут. Ленин напомнил Сталину о том обещании.

Трудно представить, в каких выражениях они разговаривали. Ленин мог напомнить, как Сталин в 1917 году брил ему бородку и отвозил на станцию Разлив возле Сестрорецка. Скорее всего, Ленин мог окрасить свои слова легкой иронией,

чтобы облегчить свою задачу. Ведь он ставил Сталина в трудное положение.

Вот как передает это М. И. Ульянова: «С той же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 г. после первого удара.

В. И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В. И. действительно минут 5, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В. И. просил его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В. И., и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И., и Сталин вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно, и время исполнить его просьбу не пришло. В. И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: “Лукавите?” — “Когда же Вы видели, чтобы я лукавил”, — ответил ему Сталин. Они расстались и не виделись до тех пор, пока В. И. не стал поправляться, и ему не были разрешены свидания с товарищами.

В это время Сталин бывал у него чаще других. Он приехал первым к В. И., Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр. В этот и дальнейшие приезды они говорили и о Троцком; говорили при мне, и видно было, что тут Ильич был со Сталиным против Троцкого. Как-то обсуждался вопрос о том, чтобы пригласить Троцкого к Ильичу. Это носило характер дипломатии. Такой же характер носило и предложение, сделанное Троцкому о том, чтобы ему быть заместителем Ленина по Совнаркому. В этот период к В. И. приезжал и Каменев, Бухарин, но Зиновьева не было ни разу (здесь М. И. Ульянова ошибается — Зиновьев посещал Ленина в Горках дважды. — *Н. К.*), и, насколько я знаю, В. И. ни разу не высказывал желания видеть его.

После свиданий с Лениным в Горках Сталин по просьбе редакции “Правды” опубликовал на ее страницах заметки о посещении Ленина и поделился своими впечатлениями. Эти заметки преследовали, как мне представляется, две цели: с одной стороны, успокоить партийную массу и население страны относительно состояния здоровья вождя; с другой стороны, Сталин своей публикацией как бы подчеркивал свою особую приближенность к Ленину»[106].

Если отбросить сантименты, с просьбой о яде Ленин мог обратиться только к очень близкому и преданному человеку.

Наступило шаткое время. Это не мятеж военных моряков, не происки Антанты, не атаки оппозиционеров. Если вождь действительно мог вскоре уйти навсегда, то кто готов был занять его пост?

Безусловно, Троцкий. Потеряв опору в партийном аппарате, он сохранял обаяние военного руководителя республики, победителя.

Кто еще из Политбюро? Сталин, Каменев, Зиновьев?

Здесь начинались вопросы и оговорки. Никто отдельно из этой тройки не обладал в 1922 году должным весом, чтобы претендовать на роль бесспорного преемника вождя.

Если Троцкий отличался независимостью и фактически был теневым вождем (его и называли «военный вождь»), то другие были просто соратниками. В этом была их сила, так как они понимали, что надо объединиться против более сильного конкурента.

Таково объяснение причин поражения Троцкого в борьбе за наследство Ленина.

Если бы Гражданская война продолжалась и если бы продолжалась политика «военного коммунизма», тогда, несмотря на противников в партаппарате, Троцкий имел бы все шансы стать руководителем Советской России. Его вынесла бы на вершину сама логика борьбы. При этом вряд ли имело бы большое значение то, что он был по национальной принадлежности евреем. Некоторые исследователи считают, что это не позволило бы ему стать во главе страны с подавляющим русским населением. Но это отвлеченный взгляд. Для коммунистической элиты национальная принадлежность не имела решающего значения. Но поскольку Гражданская война закончилась, мировая революция не разгорелась и наступила пора экономических преобразований, то исторический Рубикон для Троцкого так и оставался неперейденным. С каждым днем НЭПа с каждым демобилизованным красноармейцем происходили еще невидимые глазу перемены, которые вскоре выдвинут на главную роль человека, который более соответствовал новому времени.

Ленин отсутствовал в своем рабочем кабинете до октября 1922 года, и в эти четыре месяца Сталин часто его посещал, взяв по должности на себя ответственность за обеспечение ухода и лечения, хотя у больного не было никаких ограничений на контакты и получение информации. Он даже публикует в «Правде» заметки «Тов. Ленин на отдыхе» (24 сентября 1922 года), из которых видно его теплое отношение к Ленину и стремление поддержать выздоравливающего.

Глава двадцать первая

Ленин спорит со Сталиным о создании СССР. Конфликт Орджоникидзе с руководством Грузии. Второй инсульт Ленина

За эти четыре с лишним месяца происходит достаточно много событий. Одно из них — международные экономические конференции в Генуе (10 апреля — 19 мая 1922 года) и Гааге (15 июня —20 июля 1922 года), посвященные перспективам взаимоотношений Запада с Россией. От Москвы потребовали уплаты военных и довоенных долгов, возвращение иностранным владельцам национализированной у них собственности, представительства в Советах имущих классов и т. д. Россия не приняла эти условия, а наоборот, сумела заключить в Рапалло договор о сотрудничестве с германской делегацией.

В период подготовки к Генуэзской конференции национальные советские республики передали правительству РСФСР право представлять их. Далее этот процесс развивался по восходящей: 6 октября пленум ЦК РКП(б) создал комиссию для разработки законопроекта об объединении РСФСР, УССР, БССР и Закавказской федерации (Азербайджан, Армения, Грузия) в Союз Советских Социалистических Республик. Сталин возглавил комиссию по организации нового государства.

Вот здесь и началась борьба, в которую были втянуты все, включая Ленина.

Еще до образования «Союзной комиссии» Сталин провел в ЦК решение о вхождении национальных республик в РСФСР как автономных. Проект одобрили в Киеве, Минске, Баку, Ереване, а в Тифлисе — не приняли. ЦК компартии Грузии проголосовал против сталинского проекта, посчитав его преждевременным, несмотря на то, что специально приехавшие в столицу Грузии Орджоникидзе и Киров убеждали принять.

Двадцать второго сентября секретарь ЦК Молотов провел заседание комиссии о плане «автономизации» и затем направил материалы на ознакомление выздоравливающему Ленину. Из них было видно, что представитель Грузии П. Г. Мдивани воздержался.

Впрочем, в таком сложном политическом процессе, затрагивавшем интересы всех национальных элит, новый фактор (НЭП) вызвал массу проблем. Наибольшие осложнения возникли в Грузии и на Украине.

В середине 1922 года ЦК КП Грузии разрешил Оттоманскому банку открыть отделение в Тифлисе, но Госбанк РСФСР внес в ЦК РКП(б) возражение, и ЦК запретил открытие, так как содействие турецкому банку, за которым стояли западные

банкиры, неизбежно бы привело к укреплению в Закавказье турецкой лиры, которая и без того вытесняла советские и грузинские деньги, и к ослаблению советских позиций. В ответ в грузинском ЦК поднялась волна протестов.

Юридическая непроработанность государственных отношений между советскими республиками компенсировалась объединительными усилиями ЦК РКП(б), что, однако, не давало гарантий от дальнейших обострений.

На Украине и в Грузии было выдвинуто предложение о союзе республик без создания единого надгосударственного центра управления.

Для согласования возникших вопросов 11 августа Оргбюро создало комиссию в составе Сталина, Куйбышева (председатель), Раковского, Орджоникидзе, Сокольникова и представителей республик. Именно тогда Сталин написал «набросок тезисов по вопросу объединения республик», в котором говорилось о необходимости создания федерации. Предложения Сталина опирались на идею, что образование после Октября самостоятельных национальных республик было логическим продолжением революции, однако дальнейшее их разделение приведет к утрате ими «последних остатков ресурсов», к возможной интервенции и «колонизаторским попыткам».

Вывод Сталина: «Необходимо завершить процесс все усиливающегося сближения республик объединением их в одну федерацию, слив военное и хозяйственное дело и внешние сношения (иностранные дела, внешняя торговля) в одно целое, сохраняя за республиками автономию во внутренних делах. Август 1922 г.»[107].

Этот «набросок» был одобрен Лениным. Далее взгляды Сталина эволюционируют в сторону создания «автономизации» республик в составе РСФСР, что должно было создать более прочную конструкцию с более эффективным управлением.

Так, в письме Ленину с пояснениями по данному вопросу Сталин писал: «Одно из двух: либо действительная независимость и тогда — невмешательство центра, свой НКИД, свой Внешторг, свой Концессионный комитет, свои железные дороги, причем вопросы общие решаются в порядке переговоров равного с равным, по соглашению... Либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик, т. е. замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка и культуры, юстиции, внудел, земледелия и прочее»[108].

Неожиданно Ленин выступил против сталинского замысла. 26 сентября он пригласил Сталина в Горки, где у них произошел долгий разговор. Он в тот же день направил Каменеву письмо: «Завтра буду видеть Мдивани (груз. коммунист, подозреваемый в независимстве). По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже. Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо "вступления" в РСФСР "Формальное объединение вместе с РСФСР в Союз Сов. Республик Европы и Азии".

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправным и с Укр. ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, Союз Сов. Республик Европы и Азии...

Еще замечания в том же духе и в заключение: это мой предварительный проект. На основании бесед с Мдивани и другими товарищами буду добиваться и других изменений. Очень прошу и Вас сделать то же и ответить мне.

Ваш Ленин»[109].

Сталин в тот же день рассылает членам Политбюро записку: «По параграфу 2 поправку тов. Ленина о создании наряду с ВЦИКом РСФСР ВЦИКа федерального, по-моему, не следует принять: существование двух ЦИКов в Москве, из коих один будет представлять, видимо, "нижнюю палату", а другой — "верхнюю", — ничего кроме трений и конфликтов не даст...

По параграфу 4, по-моему, товарищ Ленин "поторопился", потребовав слияния наркоматов финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства в федеральные наркоматы. Едва ли можно сомневаться в том, что эта "торопливость" "даст пищу независимцам" в ущерб национальному либерализму т. Ленина.

По параграфу 5-му поправка т. Ленина, по-моему, излишняя. И. Сталин»[110].

Как видно из тональности обоих писем, настроение у председателя правительства и генерального секретаря боевое.

Почему это случилось?

Во-первых, Ленин был убежден в необходимости создания союзного государства как союза равных республик ради большей прочности конструкции. Сталин стремился к тому же, но за счет жесткости системы.

Во-вторых, Ленин был тяжело болен и чувствовал, как отдаляются от него рычаги власти, соратники и вообще повседневная жизненная материя, которую во всей полноте ощущают только уходящие люди.

В-третьих, он не мог не увидеть, что соотношение сил в правящей верхушке ведет не к равновесию, а к расколу, и что он, Ленин, всегда умевший управлять энергией и честолюбием соратников, не боявшийся расколов, если они укрепляли его позиции, теперь теряет возможность контролировать процесс власти.

А что творилось в душе Ленина?

Двадцать седьмого сентября заседает Политбюро. Каменев запиской сообщает Сталину: «Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок...»

Сталин пишет в ответ: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то спрашивается, при чем тут "независимость"?»

На следующий день заседание Политбюро продолжается. Каменев советует Сталину уступить: «Думаю, раз Вл. Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться». Сталин отвечает: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению». (То есть чувствуется, что Сталин не собирается уступать.)[111]

Восемнадцатого октября Ленин вышел на работу.

Двадцать второго октября Сталин пишет Орджоникидзе: «Мы намерены покончить со склокой в Грузии и основательно наказать Грузинский ЦК. Сообщи, кого мы должны еще перебросить из Грузии, кроме отозванных четырех. По моему мнению, надо взять решительную линию, изгнав из ЦК все и всяческие пережитки национализма. Получил ли телеграмму Ленина, он взбешен и крайне недоволен грузинскими националистами»[112].

Ленин не вполне понимает, что происходит, и поручает ЦК направить в Грузию комиссию. Сталин ставит во главе комиссии Дзержинского.

Тогда Ленин, зная о сходстве позиции Дзержинского в вопросе автономизации со сталинской, просит своего заместителя по Совнаркому А. И. Рыкова тоже поехать в Тифлис и составить свое мнение о ситуации.

В конце ноября в Тифлисе в присутствии Рыкова и Дзержинского в квартире Орджоникидзе один из местных коммунистов А. Кобахидзе обвинил Орджоникидзе в получении взятки — «белого коня». Поскольку никакой взятки не было, а этот конь числился на довольствии в военной конюшне, то Орджоникидзе вспылил и ответил Кобахидзе пощечиной. Так политический спор перерос в «избиение московским чиновником местного национального кадра».

Именно так это воспринял Ленин, которому о случившемся сообщил Дзержинский. Соответственно, Ленин возмутился.

Двенадцатого декабря Дзержинский представил ему объективный доклад о командировке. Председатель ГПУ (бывшего ВЧК) одобрил действия Орджоникидзе и вообще не упомянул о пощечине, посчитав этот факт не относящимся к делу.

Ленин не согласился с докладом и распорядился, чтобы Дзержинский снова ехал в Грузию и разобрался в том, что произошло между Орджоникидзе и Кобахидзе. В этом мелком эпизоде больной Ленин увидел опасность раскола еще не сложившегося союза республик: унижение представителем «имперской нации» представителя «угнетаемой нации».

Чаще всего этот эпизод рассматривают как проявление вызревающей неприязни Ленина к Сталину и его людям. Даже сегодня, после распада Советского Союза, многие обвиняют Ленина в том, что тот своими требованиями о равенстве республик и их праве на свободный выход подложил под единое государство мину замедленного действия. На самом деле в концепции Ленина была идея постепенности и равной ответственности, что избавляло бы местных товарищей от ощущения второстепенности.

Сталин же не считал право на выход укрепляющим фактором. По-видимому, в этом суть противостояния.

Можно представить, какие аргументы приводил Сталин. Во-первых, Грузия при меньшевиках занимала по отношению к России крайне враждебную позицию и даже пыталась захватить территорию Сочи. Во-вторых, она инициировала антисоветские восстания в Чечне и Дагестане. В-третьих, в Грузии был единственный нефтеналивной порт для вывоза за границу бакинской нефти.

При этом именно Ленин санкционировал ввод в Грузию в феврале 1921 года советских войск.

С этими аргументами нельзя было спорить. Да, Грузия была крайне важна. Но надо ли применять в советской Грузии грубое давление? Не лучше ли использовать более тонкую политику?

Ленин мог напомнить, что ради присоединения Азербайджана Россия договорилась с турками Кемаль-паши (Ататюрка), пообещав ему деньги и оружие, а грузинам обещали бакинскую нефть. Из восьми обещанных миллионов рублей золотом Москва выплатила туркам три.

Поэтому, убеждая Сталина, Ленин мог сказать, что не надо спешить, пусть плод созреет.

Поэтому столкновение принципов, обычное в партийной практике, не должно было нести отрицательного заряда. Однако такой заряд появился.

Болезнь сделала Ленина раздражительным и подозрительным. Без Совнаркома он терял свою огромную власть, сохра-

няя только моральный авторитет. Для человека, который относился к власти, как к необходимому инструменту для достижения своих гигантских целей, утрата была равносильна падению с высоты. Волевой, бескорыстный, беспощадный к своим врагам, Ленин вдруг оказался в унизительном положении.

Но почему он в январе не возражал против «автономизации» и сильного центра, а в сентябре переменил точку зрения?

Логика событий, включавшая кардинальный поворот НЭПа, потрясение в партии, открытое сопротивление «автономизации» в Киеве и Тифлисе, заставила Ленина отступить. Он понимал, что дело не столько в политической формуле, сколько в управленческой реальности. Военная сила и партийная власть были в руках Политбюро, и поэтому он не боялся изменить формулировку с «автономизации» на «равноправность», считая, что ничего не меняет по сути.

Об этом свидетельствует и вскоре последовавшее изменение состава ЦК КП Грузии, которое провели Орджоникидзе и Сталин и против которого Ленин не возразил.

Тридцатого ноября 1922 года Сталин поставил точку в споре о Союзе. На заседании Политбюро он сделал от имени комиссии ЦК доклад «О Союзе республик». Политбюро приняло Конституцию СССР и ввело в компетенцию СССР «утверждение единого бюджета СССР». В результате центральная союзная власть приобретала силу. (Здесь надо вспомнить, что распад СССР как единого государства начался, когда Верховный Совет РСФСР в 1991 году принял решение об организации чисто российской системы сбора налогов.)

Кажется, споры утихли.

Шестнадцатого декабря у Ленина случается второй удар. Обсудив состояние его здоровья, 18 декабря пленум ЦК принял решение: возложить на Сталина персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в личных сношениях с работниками, так и в переписке. Это решение было рекомендовано врачами, и в его выполнении генеральный секретарь в глазах членов Политбюро был фигурой технической, способной защитить здоровье Ильича.

У Ленина снова отнялись рука и нога, он не мог писать. Его хотели увезти в Горки, но он уперся и утверждал, что это невозможно: на санях слишком для него утомительно, а на автомобиле невозможно проехать из-за снежных заносов. Он не сдавался.

Двадцать первого декабря Ленин стал диктовать стенографистке письмо к съезду.

Двадцать четвертого декабря Сталин, Каменев и Бухарин посоветовались с врачами и разрешили ему диктовать по 5—10 минут в день, но не вести никакой переписки; запрещалось также принимать посетителей и вести всякие разговоры о политике.

Заметим, что среди шести секретарей Ленина была и Надежда Аллилуева, жена Сталина.

Как вспоминает его основной секретарь Л. А. Фотиева, 22 декабря он снова заговорил о яде и послал ее к Сталину. Сталин отказал, сославшись на благоприятный медицинский прогноз. Ленин был сильно раздражен ответом Сталина, поняв, что тот не хочет помочь ему.

Глава двадцать вторая

Два центра власти — Ленин и Сталин. Конфликт «семьи» и генерального секретаря. «Письма к съезду» против Сталина. Троцкий — кандидат на роль преемника

Во второй половине 1922 года в состоянии здоровья вождя наступил перелом, он даже не мог написать что-либо разборчивое, окончательно отнялись правая рука и нога.

Но умирать он не собирался. Именно в это время он начал диктовать заметки, получившие общее название «Завещание». «Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», «Странички из дневника», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин» — вот последние работы Ленина, которые он надиктовывал урывками в декабре 1922-го — январе 1923 года, преодолевая уныние, апатию и приступы сильной головной боли, от которых он корчился и стонал.

Принято считать, что критический заряд этих статей во многом нацелен в Сталина и даже разоблачает его. То есть, говоря другими словами, коммунистический бог перед смертью прозрел, разглядев в своем ближайшем соратнике истинного Люцифера. При этом не учитывается простой вопрос: кому выгодна подобная трактовка?

Посмотрим на возникшую после второго инсульта ситуацию не со стороны угасающего вождя или Троцкого, или Сталина, а со стороны неожиданно сложившегося нового информационно-административного центра. Этим центром стало ближайшее окружение Ленина: его жена Н. К. Крупская, сестра М. И. Ульянова, отчасти — секретари Фотиева, Гляссер, Володичева. Они определяли, какие документы надо докладывать больному, а какие — нет. Более того, Крупская вполне оправ-

данно считала, что она как жена никем не может быть ограничена в своем стремлении обеспечить мужу наиболее адекватные условия жизни и деятельности. И никакое Политбюро и никакой генеральный секретарь не могут указывать, что можно, а что нельзя. И кто может обвинить Крупскую в неподчинении партийному решению?

Тут быстро начал зарождаться конфликт «семейного» лидера и партийного, Крупской и Сталина. До нас дошло только одно свидетельство о кризисе в их отношениях. На самом деле повседневная жизнь всегда полна мелких подробностей, из которых она и состоит, — не зафиксированные очевидцами и участниками эти подробности тем не менее формируют настроения и, накапливаясь, создают новые качества исторического процесса.

Поэтому накопление проблемных фактов в отношении Сталина шло в течение всего 1922 года, включая «грузинское дело» и вопрос о монополии внешней торговли. В этом вопросе Ленин обратился за поддержкой к Троцкому, так как Сталин не видел большого резона передавать все полномочия Внешторгу из-за бесхозяйственности последнего.

Крупская лишь добавила эмоций. Вот ее письмо, которое раскрывает картину со стороны «семьи».

«Н. К. Крупская — Л. Б. Каменеву

23/XII

Лев Борисыч, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и, во всяком случае, лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (т. е. Зиновьеву. — *Н. К.*), как более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская»[113].

Непосредственной причиной конфликта явилось письмо Ленина Троцкому о монополии внешней торговли, надиктованное Крупской. То, что она нарушила запрет врачей и предписание ЦК, было очевидно.

Мог ли Сталин смолчать и признать, что бессилен исполнить возложенную на него ответственность оберегать покой больного? Тем более письмо было адресовано Троцкому.

Наверное, мог. Вернее, мог поговорить с Крупской как-то уважительнее, миролюбивее. Однако, по свидетельству М. И. Ульяновой, он вызвал ее к телефону и жестко указал, чтобы она, согласно указанию врачей, не разговаривала с Лениным о политике, в противном случае ее вызовут в Центральную контрольную комиссию.

Крупская была потрясена. Видимо, действительно ее нервы были напряжены до крайности: она разрыдалась, повалилась на пол и стала кататься, потеряв над собой контроль.

На следующий день Сталин снова позвонил ей и постарался загладить свою резкость. К тому времени Крупская уже успокоилась, и между ними был установлен внешний мир. Ленину она ничего не рассказала. (Расскажет в марте.) Но ее чувства наверняка дошли до больного.

Поэтому вполне объяснимо, что на следующий день Ленин продиктовал секретарю М. Володичевой текст, который и можно считать политическим завещанием. Письмо Крупской Каменеву и начало диктовки «Письма к съезду» датированы 23 декабря.

Двадцать четвертого декабря перед новой диктовкой Ленин предупредил Володичеву, что все им диктуемое является абсолютно секретным, но было уже поздно: о письме Ленина уже знали Сталин, Троцкий, Каменев, Бухарин и Орджоникидзе.

Перепуганная возможным скандалом Фотиева обратилась к Каменеву, чтобы предотвратить распространение секретной информации. Тот сразу же сообщил обо всем Сталину.

Впрочем, это уже не имело особого значения, так как главные лица, которым Ленин в своем письме дал отрицательные оценки, уже все знали. Они поняли, что Ленин начинает какую-то новую интригу, возможно, подобную той, когда он отстранил в 1906 году от реального руководства партией Красина и Богданова. Зная властолюбие, интеллект и волю Ильича, фигуранты «Письма...» должны были сильно задуматься.

Что же написал Ленин в адрес высшего партийного органа, предстоящего XII съезда партии? А вот что.

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе», — писал Ленин.

Для укрепления партии он рекомендовал увеличить состав ЦК на несколько десятков или даже на сотню новых членов и принять меры против раскола. Иначе говоря, Ленин предлагал уменьшить власть нынешней элиты.

Более того, он перешел к характеристике действующего руководства и особенно Сталина и Троцкого: «Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и ссли наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно»[114].

Отметив таким образом «выдающихся вождей», Ленин никого из них не предлагал в преемники.

По поводу выражения «сделавшись генсеком» возникает вопрос: а разве не сам Ленин выдвинул Сталина на этот пост? Приведем колоритные воспоминания Молотова о том, как это было.

«Неожиданно для себя в 1921 году я стал Секретарем ЦК. Из трех секретарей был секретариат: Молотов, Ярославский, Михайлов, как было опубликовано, Молотов — ответственный секретарь. Не было тогда еще первого, генерального, был ответственный. Приемные дни были опубликованы. Я встретился с Лениным. Мы с ним побеседовали по ряду вопросов, потом гуляли по Кремлю. Он говорит: “Только я вам советую: вы должны как Секретарь ЦК заниматься политической работой, всю техническую работу — на замов и помощников. Вот был у нас до сих пор Секретарем ЦК Крестинский, так он был управделами, а не Секретарь ЦК! Всякой ерундой занимался, а не политикой!”

Это — после X съезда партии. А на XI съезде появился так называемый “список десятки” — фамилии предполагаемых членов ЦК, сторонников Ленина. И против фамилии Сталина рукой Ленина было написано: “Генеральный секретарь”. Ленин организовал фракционное собрание “десятки”. Где-то возле Свердловского зала Кремля комнату нашел, уговорились:

фракционное собрание, троцкистов — нельзя, рабочую оппозицию — нельзя, демократический централизм тоже не приглашать, только одни крепкие сторонники "десятки", то есть ленинцы. Собрал, по-моему, человек двадцать от наиболее крупных организаций перед голосованием. Сталин даже упрекнул Ленина, дескать, у нас секретное или полусекретное совещание во время съезда, как-то фракционно получается, а Ленин говорит: "Товарищ Сталин, вы-то старый, опытный фракционер! Не сомневайтесь, нам сейчас нельзя иначе. Я хочу, чтобы все были хорошо подготовлены к голосованию, надо предупредить товарищей, чтобы твердо голосовали за этот список без поправок! Список 'десятки' надо провести целиком. Есть большая опасность, что станут голосовать по лицам, добавлять: вот этот хороший литератор, его надо, этот хороший оратор — и разжижат список, опять у нас не будет большинства. А как тогда руководить!"

А ведь на X съезде Ленин запретил фракции.

И голосовали с этим примечанием в скобках. Сталин стал Генеральным. Ленину это больших трудов стоило. Но он, конечно, вопрос достаточно глубоко продумал и дал понять, на кого равняться. Ленин, видимо, посчитал, что я недостаточный политик, но в секретарях и в Политбюро меня оставил, а Сталина сделал Генеральным. Он, конечно, готовился, чувствуя болезнь свою. Видел ли он в Сталине своего преемника? Думаю, что и это могло учитываться. А для чего нужен был Генеральный секретарь? Никогда не было. Но постепенно авторитет Сталина поднялся и вырос в гораздо большее, чем предполагал Ленин или чем он даже считал желательным. Но предвидеть все, конечно, было невозможно, а в условиях острой борьбы вокруг Сталина все более сколачивалась активная группа — Дзержинский, Куйбышев, Фрунзе и другие, очень разные люди»[115].

Как следует из слов Молотова, для Ленина последующее возвышение Сталина было неожиданным. Это многое объясняет в принципе.

Других претендентов на высший пост Ленин тоже резко осаживает.

«Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду

следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

Затем Пятаков — человек, несомненно, выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе»[116].

Что же получается?

Троцкий — способный, но негодящий; не большевик.

Зиновьев и Каменев ненадежны.

Бухарин — схоластик, не вполне понимает марксизм.

Почему в этом ряду появился Пятаков, малопонятно. Но и тот не подходит. Думается, Ленин первоначально намеревался дать характеристику всем видным членам ЦК и по какой-то причине отказался от этой мысли.

Если сравнить оценки всех шестерых, то позиция Сталина выглядит наиболее солидной. Что с того, что «сосредоточил в своих руках необъятную власть»? Для большевика и для руководителя в этом нет греха. По-видимому, Ленин увидел, что его кадровый анализ поднимает Сталина выше других, и поэтому посчитал необходимым дополнить свое «Письмо...».

«ДОБАВЛЕНИЕ К ПИСЬМУ ОТ 24 ДЕКАБРЯ 1922 г.

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Ленин.

Записано Л. Ф.

4 января 1923 г.»[117].

Теперь становилось ясно, что главная мишень Ленина — это Сталин.

Но серьезных политических обвинений у Ленина по-прежнему нет, а все личного свойства: груб, нетерпим, капризен, невнимателен к товарищам. Он и сам понимал, что аргументы мелковаты, и особо оговаривал, что «это не мелочь».

С учетом «Добавления к Письму...» члены Политбюро должны были понять, что Ленин теперь склонен поддержать Троцкого. То есть все запутывалось. Он отталкивал стратегического союзника и протягивал руку (с оговорками) тому, кому никогда полностью не доверял.

Вольно или невольно Ленин вынуждал объединиться Каменева, Зиновьева, Сталина против Троцкого. С учетом постов, которые занимала эта тройка, их совокупный потенциал был огромен.

Каменев — председатель Московского Совета, председательствующий в Политбюро и Совнаркоме. Зиновьев — председатель Петроградского Совета, председатель Исполкома Коминтерна. К этому надо добавить потенциал председателя ГПУ — ОГПУ Дзержинского. (Добавим, что именно Сталин ввел в практику ежемесячные отчеты ГПУ Секретариату ЦК о состоянии партийных дел сверху донизу и отныне знал все, что происходит в партийных структурах.) Учитывая контроль Политбюро над армейским аппаратом, вся полнота власти была в руках «тройки».

Но во главе государственной пирамиды пока еще стоял Ленин.

Что касается Троцкого, то он вдруг уклонился от предложения Ленина выступить вместе в поддержку грузин, сославшись на болезнь, и в итоге казавшаяся грозной связка из председателя правительства и наркома по военно-морским делам так и не сложилась.

Почему Троцкий, не будучи ни наивным, ни робким, не стал использовать эту возможность?

Без Ленина, обессиленного болезнью, Троцкий не был в состоянии взять власть. Он это понимал.

Троцкому была предложена должность третьего заместителя председателя правительства (по вопросам ВСНХ). Это было уже второе предложение. Первое делал Ленин еще в сентябре, и тогда Троцкий отказался, посчитав, что в случае принятия новой должности он будет «политически уничтожен», превратившись в одного из чиновников.

На второе предложение он тоже ответил отказом. (Что ему вскоре припомнили, как свидетельство его нежелания заниматься практической работой.)

Судьба же ленинской статьи по поводу «автономизации» весьма показательна.

Уже после третьего, мартовского, инсульта Ленина, когда он фактически был полностью парализован, Фотиева направила статью Сталину с каким-то смехотворным объяснением причин задержки: «Ранее сделать этого не могла, т. к. сначала не было еще вполне очевидно, что Владимир Ильич не сможет сам выявить свою волю в этом отношении до съезда, а последние 2 недели я была больна и сегодня первый день на работе».

Дата записки — 16 апреля 1923 года. То есть накануне XII съезда, который первоначально планировался на середину марта, но был по решению Политбюро перенесен на целый месяц. Причем, как считают большинство историков, перенос сроков был выгоден прежде всего Сталину, так как Ленин якобы до третьего инсульта был еще в силах сместить его с должности генерального секретаря.

Эти соображения вполне резонны. Но тогда почему Троцкий тоже согласился с переносом?

Говорят, он не хотел бороться. Возможно, не хотел или не мог.

Но надо учесть еще одно обстоятельство: всем было очевидно, что съезд будет особенным, на нем произойдет дележ власти. Все стороны были заинтересованы в том, чтобы хорошо подготовиться.

Сам Троцкий вспоминает, что Сталин предлагал именно ему сделать отчетный доклад ЦК, на что Троцкий ответил, что не хочет выставлять себя в роли наследника Ленина, и предложил доклад делать Сталину. У последнего хватило ума отказаться от такой чести.

Доклад сделал Зиновьев.

Вот что заметил по этому поводу Молотов: «Зиновьев претендовал на лидерство, на роль Ленина. И добился, что на XII съезде партии, в 1923 году, еще при живом Ленине, делал политический отчет»[118].

Обращают на себя внимание слова «при живом Ленине». Даже через десятилетия очень старому человеку, каким был Молотов, припомнилось это обстоятельство. И, наверное, не один Молотов был задет появлением на трибуне «наследника».

Что же ответил Сталин, получив письмо Ленина в сопровождении фотиевской записки?

Сталин отказался принять письмо, сказав, что «он в это не вмешивается».

Кажется, он сделал лучший ход из всех возможных. Наверняка зная содержание послания, Сталин предпочел отдать решение вопроса о том, что делать с горячими текстами, на усмотрение съезда.

Бронебойные письма умирающего вождя оказались в руках реальных политиков, которые отдали дань уважения умирающему и ознакомили узкий состав делегатов с его обращением к съезду.

Не более того.

Но, конечно, это был жест мемориального плана. Попытка Ленина перекроить созданную им же систему закончилась ничем. Никто не был заинтересован в ослаблении с великими трудами созданного государственного управления. Говоря «никто», мы имеем в виду не отдельных персонажей, мнение которых мало что значило, а сотни и тысячи управленцев разного ранга, вошедших в списки номенклатуры Секретариата ЦК и участвовавшие в процессе распределения прибавочного продукта. Что-либо радикально менять было уже поздно.

Глава двадцать третья

XII съезд партии: Сталин укрепил позиции. Зиновьев хочет защититься от «диктатуры Сталина». Красные генералы. Революция в Германии

XII съезд партии прошел 17—25 апреля уже после того, как Ленин был полностью выключен из политической жизни третьим ударом. Внешне этот форум оставил впечатление выжидательного. Зиновьев сделал политический доклад, Троцкий — по вопросам экономики, Сталин — по национальному вопросу и еще один — орготчет ЦК. Ленинские выпады по «грузинскому делу» Троцкий не стал обнародовать, так как было очевидно, что это противоречило бы стремлению партии сохранить единство.

Надо отметить, что делегатов на съезд избирали безальтернативно по указанию губкомов партии, которые с лета 1922 года, то есть со времени появления Сталина во главе партийного аппарата, избирались по рекомендации из Москвы.

В «Организационном отчете ЦК РКП(б)» Сталин назвал губкомы «основной опорой» и заметил, что «без их работы по руководству как советской, так и партийной работой партия осталась бы без почвы». Согласно его докладу, партия контролировала все политические сферы, включая армию и профсоюзы.

Если бы Ленин мог слышать эти выступления, он бы понял, что Сталин не только сохранил, но и укрепил свое положение.

То же самое, должно быть, ощутил и Троцкий. Но он на съезде получил свой триумф, его доклад о проблемах промышленности был блестяшим, он выдвинул задачу индустриализа-

ции как первоочередную, затем — развитие планирования. Троцкий видел перспективу только в качественном планировании, техническом переоснащении промышленности и росте производительности труда. И съезд принял его идеи в резолюции «О промышленности». Со стороны могло показаться, что преемник Ленина уже определен.

Двадцать пятого апреля 1923 года членами Политбюро были избраны Ленин, Каменев, Зиновьев, Сталин, Троцкий, Рыков, Томский, кандидатами — Бухарин, Молотов.

Стало очевидно, что Троцкий окружен противниками.

Негласно в «тройке» Зиновьев считается первым, Каменев вторым, Сталин только третьим.

Между тем Сталин стал проводить новые кадровые перестановки. Так, в июне 1923 года он с согласия Зиновьева и Каменева удаляет с должности технического секретаря Политбюро Марию Гляссер, секретаря Ленина, очень толковую и преданную вождю сотрудницу.

Назначив вместо нее двух своих помощников, Назаретяна и Товстуху, Сталин натолкнулся на оправданные возражения Троцкого, так как новые назначенцы работали хуже Гляссер, и был вынужден заменить их секретарем Оргбюро Борисом Бажановым*.

Последний, в частности, свидетельствует, что накануне заседаний Политбюро Зиновьев, Каменев и Сталин собирались (сначала на квартире Зиновьева, потом в кабинете Сталина) и обсуждали проекты решений. Фактически это был руководящий орган государства. Места тайных заседаний указывают, как изменилась роль Сталина в «тройке». Не вызывает сомнений, что хозяин кабинета имел психологическое преимущество перед гостями.

Еще одно преимущество имел Сталин, прослушивая телефонные разговоры всех абонентов кремлевской АТС[119].

Здесь надо заметить, что, кроме Бажанова, эти сведения никто не подтвердил. Допустим, что Сталин действительно прослушивал коллег. Тогда надо задаться вопросом: сколько времени он мог уделять этому? Очевидно, очень немного.

Кроме практической сложности прослушивания всех 80 абонентов «кремлевки», вызывает сомнение в реальности этого факта еще и то, что в разоблачительной антисталинской кампании Н. С. Хрущева, которую он вел, опираясь на данные советских спецслужб, не было даже намека на прослушку. Поэтому можно сделать вывод: технически и с учетом сложившихся отношений в руководстве Сталин мог прослушивать

---

* Бажанов впоследствии сбежал за границу, где издал воспоминания о тайнах сталинского аппарата.

коллег, но затем отказался от этого, поручив дело профессионалам.

Заглянем на минутку в сталинский кабинет на пятом этаже в здании на Старой площади, куда ЦК переехал летом 1923 года. Здесь вплоть до 1991 года размещалось руководство Коммунистической партии, а потом — администрация президента России.

Чтобы попасть в кабинет генерального секретаря, надо пройти через помещение, где размещены его секретари Мехлис и Каннер, а оттуда — в комнату курьера и только затем — в кабинет Сталина.

Из этого кабинета можно пройти в просторную комнату, смежную с кабинетом Молотова, здесь Сталин и Молотов по нескольку раз на день встречаются и обсуждают разные вопросы.

Кабинет Сталина, с дубовыми панелями, большим письменным столом, книжными шкафами и столом для заседаний, находится внутри своеобразной крепости. Сюда можно войти, только предварительно предупредив хозяина по телефону.

Заседания Политбюро проходили в Кремле в здании Совнаркома. Троцкий приходил на них точно к десяти часам, «тройка» обычно задерживалась минуты на три.

Входя, Зиновьев старался не смотреть на Троцкого, а тот тоже делал вид, что занят чтением бумаг. Зато Сталин подходил к Троцкому и размашисто, как старый друг, протягивал руку. Конечно, это была игра.

Вел заседания Каменев. Сталин часто вставал, прохаживался вдоль стола и дымил трубкой.

Троцкий, самый популярный в стране человек (после Ленина), здесь был одинок и порой демонстративно читал английский словарь, выражая свое высокомерие.

Впрочем, и Сталин должен был чувствовать себя в Политбюро одиноким. В его ближний круг входили совсем другие люди.

К этому периоду относится следующее воспоминание Л. М. Кагановича, который тогда заведовал Организационным отделом ЦК: «Это был железный, твердый, спокойный, я бы сказал, внутренне выдержанный, мобилизованный всегда человек. Он никогда не выпустит слова изо рта, не обдумав его. Вот Сталин для меня. Я всегда его видел думающим. Он разговаривает с тобой, но в это время думает. И целеустремленный. Целеустремленный. Это было у него всегда, все периоды. Разные периоды. Но в зависимости от условий, от обстоятельств у него были разные и настроения, и отношения, и действия. Для меня, например, самым приятным, ну, таким любовным периодом отношений был период моей работы с 1922 по 1925 год. В этот период я у него часто бывал, часто захаживал. Он занимался орга-

низаторской работой очень усиленно. Я был его рукой, так сказать, это описано у меня в воспоминаниях очень подробно.

Это был период, когда мы работали сначала на Воздвиженке, а потом переехали на Старую площадь, засиживались до двенадцати, до полпервого, до часу, потом идем пешком в Кремль, по Ильинке. Иду я, Молотов, Куйбышев, еще кто-то. Идем по улице, помню зимой, он в шапке-ушанке, уши трепались... Хохочем, смеемся, что-то он говорит, мы говорим, шутки бросаем друг другу, — так сказать вольница. Посмотрели бы со стороны, сказали: что это за компания? Охраны почти не было. Совсем мало было. Ну, один-два человека шли, все. Даже охраны мало было. Этот период такой был. Веселый период жизни. И Сталин был в хорошем настроении. Мы засиживались иногда в застолье...»[120]

Со временем «своих» людей в окружении Сталина становилось все больше, а число «чужих» сокращалось. Он широко пользовался правами генерального секретаря, утверждал кадровые назначения, не советуясь с товарищами по «тройке», чем вскоре вызвал возмущение Зиновьева, который обратился к Каменеву, чтобы организовать защиту от «диктатуры Сталина».

Вскоре группа членов ЦК (Зиновьев, Бухарин, Орджоникидзе, Ворошилов, Фрунзе, Лашевич, Евдокимов и др.), отдыхавших в Кисловодске, будучи на прогулке в одной из горных пещер, обсуждала, как упразднить Оргбюро и реорганизовать Секретариат, сократив полномочия Сталина.

И только один Ворошилов высказался категорически против. Остальные в разной степени были готовы принять идею реорганизации ради «примирения».

Сталин ответил на это предложение, переданное через Орджоникидзе, коротким и насмешливым письмом: «Бухарину и Зиновьеву. Письмо ваше получил. Беседовал с Серго. Не пойму, что именно я должен сделать, чтобы вы не ругались, и в чем, собственно, тут дело? Не думаю, чтобы интересы дела требовали маскировку. Было бы лучше, если бы прислали записочку, ясную, точную. А еще лучше, если переговорим при первой возможности. Все это, конечно, в том случае, если вы считаете в дальнейшем возможной дружную работу (ибо из беседы с Серго я стал понимать, что вы, видимо, не прочь подготовить разрыв, как нечто неизбежное). Если же не считаете ее возможной, — действуйте, как хотите, — должно быть, найдутся в России люди, которые оценят все это и осудят виновных.

Дней через 8—10 уезжаю в отпуск (устал, переутомился). Всего хорошего.

И. Сталин. 3/VIII-22

P. S. Счастливые вы, однако, люди: имеете возможность измышлять на досуге всякие небылицы, обсуждать их и пр., а я тяну здесь лямку, как цепная собака, изнывая, причем я же оказываюсь "виноватым". Этак можно извести хоть кого. С жиру беситесь вы, друзья мои»[12].

Видно, что Сталин уверен в своих силах и сильно удивлен позицией Зиновьева, ведь Троцкий еще очень силен, занимает ключевой пост наркома по военным и морским делам. Чуть позже он получил письмо от Зиновьева и ответил более спокойно. Возразив на упрек, что он единолично «решает вопросы», объяснил, что не держится за место секретаря.

Вторая важная тема, затронутая Сталиным в этом письме, — положение в Германии, где немецкие коммунисты готовили революцию. Он скептически оценивает их возможности.

В этом он, похоже, в принципе повторяет свои доводы по поводу шапкозакидательской позиции ЦК во время Польской войны 1920 года.

Дело в том, что в Германии росло напряжение. Началось с решения репарационной комиссии Антанты (9 января 1923 года), что Германия не выполняет своих обязательств. Уже 11 января французские и бельгийские войска начали оккупацию Рура, экономического сердца Германии. В ответ германское правительство призвало население к пассивному сопротивлению и саботажу. Фактически началась война «невоенными средствами». Оккупационные власти прибегли к репрессиям и выселили из Рура 130 тысяч человек, открыв целый пересыльный этап.

В июне 1923 года III пленум ИККИ заявил, что Коммунистическая партия Германии должна быть готовой «уже завтра победить буржуазию, совершив пролетарский переворот». В Москве отдавали себе отчет, что новая революция в Германии может втянуть СССР в войну, к которой он не готов. Но идея мировой революции еще господствовала в умах российских коммунистов, и они не боялись погибнуть во имя высокой цели.

О реальности подобного сценария свидетельствовал исход недавней Греко-турецкой войны. 9 сентября 1922 года греческая армия потерпела решающее поражение, 11 сентября греческие военные совершили переворот, и король Константин отрекся от престола в пользу сына. 15 ноября пятеро бывших министров во главе с премьер-министром Д. Гунарисом и главнокомандующий Хаджианестис были осуждены и расстреляны.

Поэтому, начиная поддерживать революционное движение в Германии, Политбюро и Коминтерн должны были учитывать все риски, в том числе риск военного переворота.

Судя по письму Сталина Зиновьеву, он это понимал.

И все же мы не получили ответа на вопрос: почему летом 1923 года Сталин сохранил пост, несмотря на то, что его соратники были в шаге от решения его сместить?

Ответ должен быть такой: они побоялись усиления Троцкого, которое неизбежно бы последовало вслед за этим (с учетом укрепления роли армии в связи с угрозой войны).

Сталин оказался психологически более стойким. Он не боялся наступать, рискуя потерять все, а они колебались. В итоге сопротивление, инициированное Зиновьевым, быстро «рассосалось», остался только «пещерный» конфуз, бесцеремонно обыгранный Сталиным в дальнейших спорах.

Значит, три фактора сыграли в летнем конфликте 1923 года решающую роль: угроза вмешательства армии, болезнь Троцкого, твердость Сталина.

Именно армейский фактор всегда учитывался Сталиным как главнейший. Отсюда его постоянное внимание и непреходящее недоверие к военному руководству, что потом получило продолжение в репрессиях против высшего комсостава.

Здесь снова появляется в центре сталинского внимания фигура командующего Западным фронтом Михаила Тухачевского, чей образ был окружен ореолом нацеленного на революционную войну «красного Бонапарта». К этому времени отношения Троцкого и Тухачевского носили далеко не дружественный характер. В донесениях ГПУ сообщалось об «антитроцкистской», «националистической» позиции командующего. Весьма существенно для понимания интересов Тухачевского то обстоятельство, что он объединял вокруг себя так называемых «красных командиров», конкурировавших с «военспецами» Троцкого.

Чтобы понять тогдашний вес Тухачевского, приведем опубликованную в июле 1923 года в еженедельнике «Военный вестник» информацию: «На имя командующего Западным фронтом получена следующая телеграмма. Руководителю пятой армии — освободителю Урала от белогвардейщины и Колчака — в день четвертой годовщины взятия Урала Красной армией, — Миасский горсовет им шлет пролетарский привет; в ознаменование дня, город Миасс переименовывается в город Тухачевск — вашего имени»[122].

У Троцкого тоже был «свой» город, бывшая Гатчина. У Зиновьева — бывший Елизаветград на Украине.

Внимание Сталина к Тухачевскому было приковано с 13 декабря 1922 года, когда сотрудниками Особого отдела ГПУ были арестованы первый помощник начальника штаба Западного фронта Н. Е. Варфоломеев и начальник мобилизационного отдела штаба фронта И. Т. Алексеев.

Варфоломеев был одним из ближайших сотрудников Тухачевского.

Пятнадцатого марта 1923 года Тухачевский от должности командующего фронтом был отстранен, правда ненадолго, вновь восстановлен 29 марта.

В штабе, в шифровальном отделении, секретариате командующего произошла «чистка».

Также произошла «чистка» в штабе командующего Украинским военным округом М. В. Фрунзе.

Чего же опасались военные контрразведчики? Опасались троцкистского заговора. Накануне XII съезда партии Сталин и Дзержинский предприняли профилактические меры. Заговор не обнаружили, но на всякий случай многих командиров, освободив из-под стражи, перевели на преподавательскую работу.

Здесь обратим внимание на одно письмо Ворошилова Сталину от 1 февраля 1923 года, в котором он предупреждает генерального секретаря об опасности назначения Буденного наркомом земледелия. Казалось бы, нонсенс: ведь они соратники по 1-й Конной! Тем не менее Ворошилов пишет, что в случае столкновения интересов пролетариата и крестьянства «Буденный оказался бы с последним»[123].

Второго июня 1923 года пленум ЦКК (Центральной контрольной комиссии) РКП(б) принял решение об обследовании военного ведомства. Председателем комиссии стал В. В. Куйбышев (человек Сталина), затем его сменил С. Гусев (тоже сторонник Сталина). Проверке подлежали Западный фронт, военные округа: Украинский, Московский, Северо-Кавказский.

Кроме того, «чистка» захватила и 5-ю Отдельную армию (на Дальнем Востоке), 1-ю Конную, ВВС РККА; были сменены все командиры корпусов МВО и частично УВО.

«Примечательно, что в сентябре 1923 г. помощником начальника штаба УВО (вместо отставленного Н. Махрова) назначался Р. Лонгва, до этого возглавлявший Разведотдел штаба округа и являвшийся членом коллегии ГПУ Украины. В конце 1923 г. Р. Лонгва назначается уже и. о. начальника штаба округа. Таким образом, в “сердцевину” управления округом был введен представитель ГПУ. Это очень знаменательно: штаб округа был фактически поставлен под контроль ГПУ»[124].

При этом Тухачевскому было предложено отправиться в Берлин для формирования «германской красной армии», но он отказался, что можно оценивать как вызов ЦК.

Однако в преддверии больших событий в Европе Тухачевского решили не трогать. Он должен был повести войска на Берлин.

Таким образом, расклад сил в Политбюро осенью 1923 года стал сильно зависеть от германских дел, точнее — от победы «германского Октября». В зависимости от этого решалась судьба Троцкого и «тройки».

Сталинские «Замечания к тезисам товарища Зиновьева» показывают отношение генерального секретаря к надвигавшимся событиям.

Главная проблема виделась в следующем: «Нужно сказать в тезисах прямо и отчетливо, что рабочая революция в Германии означает вероятную войну Франции и Польши (а может быть, и других государств) с Германией, или в самом лучшем случае — блокаду Германии (не дадут подвозить хлеб из Америки и проч.), против чего должны быть намечены меры теперь же. Этот вопрос затушеван в тезисах.

Нужно сказать в тезисах ясно и отчетливо, что революция в Германии и наша помощь немцам продовольствием, оружием, людьми и проч. означает войну России с Польшей и, может быть, с другими лимитрофами, ибо ясно, что без победоносной войны, по крайней мере с Польшей, нам не удастся не только подвозить продукты, но и сохранить связи с Германией (рассчитывать на то, что при рабочей революции в Германии Польша останется нейтральной и даст нам возможность транзита через польский коридор и Литву — значит рассчитывать на чудо; то же самое нужно сказать о Латвии, а еще больше об Англии, которая не даст подвозить с моря). Я уже не говорю о других основаниях военной поддержки революционной Германии с нашей стороны. Если мы хотим действительно помочь немцам — а мы этого хотим и должны помочь, — нужно нам готовиться к войне, серьезно и всесторонне, ибо дело будет идти, в конце концов, о существовании Советской Федерации и о судьбах мировой революции на ближайший период. В тезисах этот вопрос также затушеван»[125].

Нет, Сталин прямо не возражал против акции, но его «Замечания...» дышат скептицизмом. Кроме того, он указывал, что далеко не известно, сумеют ли германские коммунисты, взяв власть, удержать ее.

Двадцать третьего сентября специальный пленум ЦК одобрил тезисы Зиновьева «Грядущая германская революция и задачи РКП», была создана постоянная комиссия Политбюро по международному положению, куда вошли Зиновьев, Сталин, Троцкий, Каменев, Радек, Чичерин, Дзержинский, Пятаков, Сокольников. Была назначена дата восстания — 9 ноября, в пятилетие Ноябрьской революции в Германии. Через Профинтерн был выделен для поддержки бастующих германских рабочих 1 миллион золотых марок и объявлен сбор пожертвований.

Двадцать первого сентября в Москве председатель ЦК КПГ Г. Брандлер заявил, что германский пролетариат готов к восстанию, его отряды организованы и вооружены. Однако Э. Тельман и Г. Эберлейн не согласились с его оптимизмом.

По решению Политбюро началась широкомасштабная подготовка к операции. К польской границе были придвинуты крупные воинские соединения, в основном кавалерия. Готовился 20-тысячный отряд коммунистов для переброски в Германию. Были выделены огромные деньги, 60 миллионов пудов зерна, Наркомторг должен был за счет уменьшения импорта и увеличения экспорта создать дополнительный фонд в 200 миллионов золотых рублей. В Коминтерне была создана особая группа из членов будущего Совнаркома Германии, в которую, в частности, входили Тухачевский, Уншлихт, Пятаков, чекисты Ягода, Берзин, Петерс. Главным уполномоченным Коминтерна был назначен Радек. Обсуждалась и кандидатура Троцкого, но Зиновьев был против, да и столь заметная фигура могла бы помешать секретности операции.

Характерно, что финансовыми делами германской революции занимался назначенный Зиновьевым некий авантюрист Яков Самуэлович Рейх, клички Томас и Джеймс, через которого прошли (и пропали) миллионы марок. Этот факт Сталин использовал в 1924 году, когда начал борьбу с Зиновьевым[126].

Казалось, для успеха германской революции были все основания: сильное социальное и национальное возмущение внутри страны, коммунистическая организация, деньги и кадры Коминтерна, готовность вмешательства Красной армии.

Но даже сам Радек был настроен кисло. Он опасался немецких социал-демократов (меньшевиков, по российской классификации), которые «лишают нас возможности давать четкие и классово выдержанные линии развития революции». «Особенно же он боялся за будущих членов германского совнаркома, импортированных из Москвы. Он долго говорил о слабой культурности русского рабочего и о влиянии этого факта на российскую коммунистическую партию, вплоть до ее руководящих кругов»[127].

В конце октября Радек прибыл в Варшаву, а оттуда — в Германию. Его появление встревожило немцев, и их посол в России граф Брокдорф-Ранцау потребовал от наркома иностранных дел Чичерина его отзыва. Чичерин не знал что делать, ведь Радек был членом правительства и не мог заниматься антигосударственной деятельностью в чужой стране.

Обескураженный нарком, которому деятельность Коминтерна доставляла много неприятностей, обратился в Политбюро. Тогда Сталин придумал византийский ответ графу: в газе-

тах появилась информация, что Радек находится на Кавказе для лечения и что он будет делать доклад на сессии ЦИКа, которую созывали на сей раз в Тифлисе.

Однако сталинская уловка не сработала. Немецкие коммунисты оказались плохими конспираторами и навели полицию на дом, где проживал «тифлисский докладчик». Радеку пришлось уносить ноги.

Глава двадцать четвертая

Первое дело против Тухачевского. Мюнхенский путч Гитлера. Крах революции в Германии. Красная армия остается дома

У истории германской революции 1923 года есть еще один аспект, который объясняет странное единодушие кремлевского руководства в столь сложном вопросе.

В противостоянии с Францией, оккупировавшей Рур, немцы сами протягивали руку Москве, пытаясь наладить военно-экономическое сотрудничество. Эта рука была принята, так как Кремль тревожила перспектива новой интервенции Антанты, о чем сообщали сводки ГПУ. Введя войска в Германию, Франция приближалась к советским границам, и это значительно ухудшало военное положение СССР.

Поэтому сначала не «экспорт революции», а военное сотрудничество с Германией занимало советских руководителей. В случае германо-французской и германо-польской войн Красная армия и рейхсвер имели бы общих противников. Главнокомандующий рейхсвером генерал-полковник Г. фон Сект и поддерживаемый им канцлер В. Куно с надеждой смотрели на Советскую Россию как на единственного возможного союзника.

Москва же планировала военные действия обратить в революционную войну и содействовать КПГ в захвате власти.

Однако неожиданно ситуация круто переменилась. Не выдержав давления Франции и угрозы всеобщей забастовки, кабинет Куно ушел в отставку. Канцлером стал Г. Штреземан, который 13 августа сформировал коалиционное правительство с участием социал-демократов. Обычно, говоря о Сталине и его политике в отношении Германии, представляют роль генерального секретаря самодостаточной и зависящей только от его добрых или злых помыслов, каковые в мировой политике стоят не на первом и даже не на втором месте. (Как ответил Ллойд Джордж на упрек русских эмигрантов по поводу заключения Англией торгового соглашения с Советской Россией: «Мы торговали даже с людоедами».)

Поэтому «немецкий Октябрь» будет непонятен без обращения к позиции германского руководства, которое в ту пору могло принимать ответственные решения. Это прежде всего руководитель рейхсвера Ганс фон Сект. После введения в Рур французской армии, оснащенной танками и тяжелой артиллерией, немецкое сопротивление в основном держалось на военных. Был разработан план вооруженного ответа, который были намерены осуществить известный промышленник Фриц Тиссен и генерал фон Уолтер, опираясь на добровольческие отряды. Это означало ни более ни менее как войну с Францией, Польшей и Чехословакией. А к такой войне вермахт не был готов.

Впрочем, и капитулировать немцы не хотели. Зондируя политическую почву, Сект стал выяснять, на какие силы он может опереться. Он встречался с Людендорфом и даже с Гитлером. Людендорф был согласен в случае войны стать Верховным главнокомандующим. Одиннадцатого марта Сект имел разговор с Гитлером и вынес сильное впечатление от встречи, хотя претензия Гитлера на руководство националистическим движением вызвала у него настороженность. Но как бы там ни было, контакт руководителя армии и будущего фюрера в 1923 году, за десять лет до прихода нацистов к власти, свидетельствует о глубинных переменах в настроении германской военной элиты. Гитлер заверил Секта, что если начнется боевое столкновение с французами, поможет отрядами СА (военизированные формирования «Sturmabteilungen»).

В Германии атмосфера была насыщена предчувствием военного переворота. Однако появление в должности канцлера лидера Народной партии Густава Штреземана и его курс на урегулирование проблем с Францией мирным путем остановили сползание к заговору. В итоге ситуация изменилась. 8 ноября Гитлер в Мюнхене, столице Баварии, пронизанной сепаратистскими настроениями, заявил об установлении национал-социалистической диктатуры. Людендорф принял из его рук командование национальной армией, Мюнхенская офицерская пехотная школа взбунтовалась и заявила о переходе на сторону Гитлера.

Однако к ночи 8 ноября президент и канцлер передали всю полноту власти Секту. Тот отдал соответствующие команды, коммунистическая и национал-социалистическая партии были запрещены. Путч был подавлен.

Но вот что необходимо выделить особо. Сект признался своему адъютанту, что если бы молодые офицеры, участвовавшие в мятеже и уволенные им из армии, остались в стороне, «он бы потерял веру в будущее»[128]. Другими словами, генерал

осознавал необходимость национального сопротивления. Более того, военные продолжали выступать за союз Германии с Советской Россией, а демократы и социалисты — за союз с Западом. Внутригерманский раскол был очевиден.

Прежний «восточный» курс сменился поиском соглашения с Францией. Несмотря на то, что руководство рейхсвера возражало, правительство дало директиву посольству в Москве свернуть военно-политические переговоры и ограничиться только экономическими вопросами.

«Троянский конь войны» затрещал.

Но угроза антантовской интервенции не исчезла. Наоборот, ГПУ сообщало, что она усиливается.

Поэтому советский курс на поддержку германской революции, приобретя новое оборонное содержание, был продолжен. Планировалось, что союзником коммунистов станут патриотически настроенные мелкобуржуазные слои, интересы которых наиболее радикально выражали национал-социалисты Адольфа Гитлера. (Тогда невозможно было предвидеть эволюцию национал-социализма.) В 1923 году казалось, что диаметрально противоположные национализм и интернационализм смогут объединиться в общей борьбе с «мировым капиталом».

Немцы, однако, пошли по третьему, социал-демократическому пути и избежали потрясений. «Экспорт революции» закончился плачевно.

Произошло то, чего опасался Радек: германский пролетариат не поднял восстания. Только в Гамбурге рабочие сражались на баррикадах.

О военной атмосфере той поры можно найти характерные зарисовки в дневнике Михаила Булгакова.

«18 октября. Четверг. Ночь.

Теперь нет уже никаких сомнений в том, что мы стоим накануне грандиозных и, по всей вероятности, тяжких событий. В воздухе висит слово “война”. Второй день, как по Москве расклеен приказ о призыве молодых годов (последний 1898 г.). Речь идет о так называемом “территориальном сборе”. Дело временное, носит характер учебный, тем не менее вызывает вполне понятные слухи, опасения, тревогу...

События же вот в чем. Не только в Германии, но уже и в Польше происходят волнения. В Германии Бавария является центром фашизма, Саксония — коммунизма. О, конечно, не может быть и речи о том, чтобы это был коммунизм нашего типа, тем не менее в саксонском правительстве три министра-коммуниста — Геккерт, Брандлер и Бетхер. Заголовки в “Известиях” — “Кровавые столкновения” и т. д. Марка упала невероятно. Несколько дней назад доллар стоил уже несколько

миллиардов марок! Сегодня нет телеграммы о марке — вероятно, она стоит несколько выше.

В Польше, по сообщению "Известий", забастовка горнорабочих, вспыхнувшая в Домбровском районе и распространившаяся на всю (?) страну. Террор против рабочих организаций и т. д.

Возможно, что мир, действительно, накануне генеральной схватки между коммунизмом и фашизмом.

Если развернутся события, первое, что произойдет, это война большевиков с Польшей»[129].

Одновременно с попыткой начать революцию в Германии в Польше, в Кракове, вспыхнуло восстание рабочих. В уличном бою они разбили уланский полк и разоружили весь краковский гарнизон, захватив несколько десятков тысяч винтовок, пушки и пулеметы. Польша была на грани гражданской войны. Но всеобщему восстанию помешала забастовка железнодорожников. В результате Краков ограничился только экономическими требованиями, восстание стихло.

В сентябре 1923 года в Болгарии тоже произошло так называемое «Сентябрьское восстание». Оно тоже закончилось неудачей. Причем в его подавлении активно участвовали эмигрантские белогвардейские части.

В целом это было катастрофическое поражение Коминтерна. Оно подводило черту под эпохой мирового пожара и имело далеко идущие последствия. Европа устояла.

Показательно, что Троцкий, не веривший в военную силу немецких коммунистов, выступал за использование Красной армии в Германии и, когда этого не случилось, говорил, что «сдрейфили», не хватило смелости повести красную кавалерию на прорыв.

На самом же деле, несмотря на августовское решение Политбюро о военной поддержке германских коммунистов, было очевидно, что кто-то очень влиятельный воспрепятствовал этому. Но кто? Ни Зиновьев, ни Троцкий. По-видимому, именно Сталин был инициатором неприменения военной силы. Если бы он считал по-другому, то его веса оказалось бы достаточно, чтобы советские корпуса и бригады перешли границу Польши и вошли в Восточную Пруссию.

Что могло повлиять на него? Причина, кроме перемен в правительственной политике Германии, кроется в опасении неконтролируемых действий военных.

По информации ГПУ стало рассматриваться в ЦК дело Тухачевского, продолжились перемещения в командном составе Западного фронта, заместителем (помощником) Тухачевского

был назначен его соперник И. Уборевич, бывший командующий 5-й Отдельной армией. Хотя никаких репрессивных мер в отношении Тухачевского не было принято, а его «грехи» были незначительными (женщины, использование бывшего родительского имения в Смоленской области), внимание высшего руководства к его персоне говорило о многом.

Это означало, что ведущая «тройка» чувствует неуверенность и в преддверии решающей (после ожидаемой кончины Ленина) битвы за власть совершает малопонятные действия, не зная, как укрепить свою позицию в военной среде.

Двадцать восьмого августа Оргбюро ЦК решило ввести в состав Реввоенсовета СССР несколько членов ЦК, противников Троцкого. Троцкий оказывался в меньшинстве. Среди рекомендованных в РВС был и Сталин, так что у Троцкого не могло быть иллюзий. Правда, Троцкий отбил данное решение, но это был грозный звонок.

Показательно, что 1-я Конная армия расформировывалась. Опасались Буденного. Даже в белой эмиграции Буденного называли, как и Тухачевского, возможным руководителем заговора.

Все это говорит о том, что «тройка» готовилась к важным событиям и страховалась от неожиданностей. Впервые в Советской России армия выступала в несвойственной ей политической роли. Причем несущественно, была ли эта роль реальной или только приписывалась ей. Еще была жива память об армейском заговоре против Николая II и о запасных батальонах в Петрограде, которые были силовой базой Февраля.

Так и Политбюро имело все основания ожидать от Тухачевского (как лидера сторонников участия армии в мировой революции) объединения на этой основе с Троцким. К тому же еще не остыла кровь Кронштадтского восстания.

Нажав в последний миг на тормоза, Сталин и его союзники предпочли не рисковать.

Глава двадцать пятая

НЭП против промышленности. Троцкий защищает промышленность. Армия грозит вмешаться. Чистка в правительстве

НЭП был вынужденным поворотом романтического и жестокого «военного коммунизма» в сторону крестьянских интересов. Страна, начинавшаяся сразу за городской чертой Москвы, Петрограда, Екатеринбурга, Ростова, зажила богаче, стала поставлять продукты на рынки и в целом ощутила действие

экономических законов, не совпадающих с теорией коммунизма. Но чем дальше крестьяне уходили от краха, тем ближе промышленность подходила к катастрофе. Процесс, который еще во времена Витте назывался «внутренней колонизацией», то есть выкачиванием средств из деревни, почти прекратился.

А кроме как из деревни денег на развитие было взять негде. Поэтому НЭП, накормив города и ликвидировав одну проблему, породил новую.

В 1922 году урожай достиг трех четвертей от довоенного уровня. Через год — снова прекрасный урожай. Но вместе с тем недофинансирование заводов и фабрик поднимало цены на промышленную продукцию, а быстрый рост сельского хозяйства сильно опускал цены на продовольствие. Этот разрыв назвали с подачи Троцкого «ножницами цен».

Промышленных товаров не хватало, они были дороги, а крестьяне с их дешевым хлебом не могли создать платежеспособного спроса. Троцкий настаивал на «сверхиндустриализации», то есть на приоритетном развитии промышленности. «Тройка» же не считала возможным прекратить поддержку крестьян.

Однако естественный рост экономики, опирающейся на постепенный подъем аграрного производства, исключал всякие надежды на успешное соперничество с западными странами. При НЭПе в промышленности создавалось на 20 процентов прибыли меньше, чем до мировой войны, на железнодорожном транспорте — в четыре раза; действующее оборудование было старым.

Но начинать новую борьбу с крестьянской страной? Ведь только-только был принят земельный кодекс и началась стабилизация. Для шести лет новой власти, из которых четыре года ушло на войну, это было большим достижением и в значительной мере выполнением программы революции.

Советское руководство оказалось на распутье. Если даже у Столыпина в обстановке мира не оказалось исторического времени для победы его реформ над феодальной дворянской элитой, то у новой власти и подавно не было ни малейшего шанса на эволюционное развитие.

С августа по декабрь 1923 года в стране прошло 217 забастовок, из них в Москве — 51. Политические настроения рабочих стали внушать опасения. К тому же в деревнях снова встала проблема перенаселения, наблюдался рост скрытой безработицы, которая послужила взрывным материалом Октября и теперь давила на власть, требуя быстрого решения.

В воздухе витало ощущение недосказанности, недоделанности революции.

В этой ситуации Троцкий решил атаковать «тройку» и 8 октября 1923 года направил членам ЦК и ЦКК письмо, обвиняя в создавшемся кризисе партийную бюрократию, которая действует методами «военного коммунизма», в руководстве «создалась секретарская психология», кадры подбираются некомпетентные, «секретарскому бюрократизму» надо положить предел.

За обвинениями Троцкого легко прочитывалось прямое обращение к рабочим и партийным массам, именно они должны были понять, кто их защитник. Кроме того, он говорил о необходимости качественного планирования и фактически предлагал себя на роль организатора этой работы.

Не забыл Троцкий и предложение о включении в состав Реввоенсовета группы своих противников, объясняя это членам ЦК как пример «секретарской психологии».

Что могла ответить «тройка»?

Вдобавок вслед за этим последовало письмо Е. Преображенского с критикой проводимой политики. К 15 октября его подписали 46 видных членов партии, в числе которых были виднейшие участники Октября Бубнов, Антонов-Овсеенко, Пятаков, Муралов.

Это письмо демонстрировало партии, что в ее руководстве назрел принципиальный конфликт.

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений»[130].

Если учесть, что Троцкий сохранял в своих руках управление армией (пусть и не полностью), то обращение его сторонников к широким массам партийцев могло дать ему решающие козыри.

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1923 года подавляющим большинством (102 голоса против двух при 10 воздержавшихся) было осуждено поведение Троцкого и 46 подписантов.

В ответе ЦК Троцкому без обиняков говорилось: «Он ведет себя по формуле: “или все, или ничего”. Тов. Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что: или партия должна предоставить тов. Троцкому фактически диктатуру в области хозяйства и военного дела, или он фактически

отказывается от работы в области хозяйства, оставляя за собой лишь право систематической дезорганизации ЦК в его трудной повседневной работе»[131].

Троцкий требовал перемены партийного курса «в сторону рабочей демократии». Он не собирался уступать. Наоборот, были вынуждены лавировать его противники.

Дальнейшие события свидетельствовали о расширении конфликта.

Одиннадцатого декабря в «Правде» была опубликована статья Троцкого «Новый курс». Бухарин воспринял ее «как объявление войны».

В тот же день Е. М. Ярославский направляет в Политбюро и ЦКК крайне тревожное письмо, где приводится выступление одного молодого военного: «Мы военные, тоже точим зубы на ЦК и мы покажем, что сумеем у себя уничтожить казенщину и сумеем изгнать всякое назначенство»[132].

Четырнадцатого декабря «тройка» собрала представителей десяти парторганизаций Москвы в поддержку позиции большинства в Политбюро. Однако тон «Заявления восьми членов и кандидатов в члены Политбюро» (Бухарин, Зиновьев, Калинин, Каменев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский) как бы разделяется на увещевательный и обвинительный.

Авторы «Заявления...» говорят: Троцкий не понимает хозяйственных вопросов; может ввергнуть страну в военную авантюру; не знает внутренней жизни партии; недооценивает роль крестьянства; отталкивает от военной работы лучших «военных цекистов». И самое главное: «Если бы партия начала осуществлять внутрипартийную демократию согласно указаниям т. Троцкого, то партия разложилась бы и превратилась бы в некоторое подобие меньшевистских партий II Интернационала, состоящих из коалиций, групп и фракций»[133].

А далее следует пассаж о надежде на перемену тов. Троцким его позиции.

Заметная двойственность позиции Политбюро объясняется просто. К середине декабря ГПУ предупредило, что большинство парторганизаций в основной своей массе не поддерживает ЦК и что в армии заметны тревожные тенденции.

По свидетельству Бажанова, Сталин решает часть проблемы цинично и эффективно. На заседании Политбюро после высокопарных речей он заявляет: «...я считаю, что совершенно неважно, кто и как будет в партии голосовать; но вот что чрезвычайно важно, это — кто и как будет считать голоса».

На следующий день Сталин вызывает к себе в кабинет Назаретяна и долго с ним совещается. Назаретян выходит из кабинета довольно кислый. Но он человек послушный. В тот же

день постановлением Оргбюро он назначен заведующим партийным отделом «Правды» и приступает к работе.

В «Правду» поступают отчеты о собраниях партийных организаций и результаты голосований, в особенности по Москве. Работа Назаретяна очень проста. На собрании такой-то ячейки за ЦК голосовало, скажем, 300 человек, против — 600; Назаретян переправляет: за ЦК — 600, против — 300. Так это и печатается в «Правде». И так по всем организациям. Конечно, ячейка, прочтя в «Правде» ложный отчет о результатах ее голосования, протестует, звонит в «Правду», добивается отдела партийной жизни. Назаретян вежливо отвечает, обещает немедленно проверить. По проверке оказывается, «что вы совершенно правы, произошла досадная ошибка, перепутали в типографии; знаете, они очень перегружены; редакция "Правды" приносит Вам свои извинения; будет напечатано исправление. Каждая ячейка полагает, что единичная ошибка, происшедшая только с ней, и не догадывается, что это происходит по большинству ячеек. Между тем постепенно создается общая картина, что ЦК начинает выигрывать по всей линии. Провинция становится осторожнее и начинает идти за Москвой, то есть за ЦК»[134].

Здесь ярко проявится то свойство сталинской натуры, которое впоследствии будет названо «утилитаризмом», хотя в этом свойстве можно найти продолжение решительности и бесцеремонности Петра Великого, революционного миссионерства Нечаева и ленинского опыта быстро реагировать на смену ситуации.

Кроме «правдинской» операции, Сталин направил в Московский комитет партии заведующего Организационно-инструкторским отделом ЦК Л. Кагановича для борьбы со сторонниками Троцкого. По указанию Сталина Каганович взял на себя прямое руководство отделами МК, организационным и агитационным.

Одной из идей Сталина того периода было вовлечение производственных партийных ячеек в обсуждение дел на более высоком уровне, на предприятиях и в трестах. Таким образом, «критика снизу» направлялась не на ЦК, а на экономические проблемы, которые были гораздо ближе и понятнее рядовым коммунистам.

Сталин захватывал новое пространство и противопоставлял узкопартийному подходу противника обращение к массам. Эта тактика косвенно задевала старых партийцев, так как их роль апостолов революции начинала нивелироваться. Однако они были поглощены острой дискуссией и не почувствовали угрозы.

В итоге партийной дискуссии Троцкий нанес «тройке» сильнейший удар, но не смог совершить переворот в партии.

Он был всего в одном шаге от того, чтобы возглавить страну. 27 декабря 1923 года начальник Политического управления РККА В. Антонов-Овсеенко написал в Политбюро письмо с угрозой «обратиться к крестьянским массам, одетым в красноармейские шинели, и призвать к порядку зарвавшихся вождей» и признал, что «среди военных коммунистов уже ходят разговоры о том, что нужно поддержать, как один, т. Троцкого»[135].

Командующий Московским военным округом Н. Муралов был за Троцкого. Позицию Троцкого поддерживали партийные ячейки Главного управления Военно-воздушного флота СССР, Штаба РККА, Главного управления военных учебных заведений РККА, частей ЧОН. Но «дворцовому перевороту» помешал Тухачевский, который не захотел поддержать Троцкого.

Четырнадцатого — пятнадцатого января 1924 года пленум ЦК обсуждал итоги партийной дискуссии. «Тройка» торжествовала победу. Кроме того, пленум сформировал Военную комиссию ЦК для «обследования положения в Красной Армии». Комиссию возглавил Гусев (Драбкин), сторонник Сталина. В нее вошли Ворошилов, Фрунзе, Уншлихт, Андреев, Шверник.

Четырнадцатого января был смещен с должности командующий Приволжским военным округом С. Мрачковский, последовательный сторонник Троцкого.

Вслед за пленумом прошла XIII партийная конференция, на ней Сталин сделал доклад об очередных задачах партийного строительства. Антонов-Овсеенко был освобожден от должности начальника Политуправления армии.

Из сталинского доклада можно было сделать прогноз ближайшего будущего, очень непростого и даже драматического. Генеральный секретарь отметил сильное давление бюрократического правительственного аппарата, насчитывавшего миллион человек и состоявшего в основном из представителей чуждых партий, на партийный аппарат, гораздо меньший по численности (около 30 тысяч человек) и более низкий по культурному уровню. Вывод Сталина: в этих условиях демократия далеко не всегда возможна. Он позволил себе обнародовать секретное постановление X съезда партии о единстве партии, согласно которому можно исключать из партии за фракционную деятельность. И наконец, Сталин назвал формулу, которая определила будущее страны на долгие годы, следуя которой, однако, одновременно с мощным рывком возникала катастрофа национального масштаба.

«Троцкий утверждает, что группировки возникают благодаря бюрократическому режиму Центрального Комитета, что ес-

ли бы у нас не было бюрократического режима, не было бы и группировок. Это немарксистский подход, товарищи.

Группировки у нас возникают и будут возникать потому, что мы имеем в стране наличие самых разнообразных форм хозяйства — от зародышевых форм социализма до средневековья. Это во-первых. Затем мы имеем НЭП, т. е. допустили капитализм, возрождение частного капитала и возрождение соответствующих идей, которые проникают в партию. Это во-вторых. И в-третьих. Потому, что партия у нас трехсоставная: есть рабочие, есть крестьяне, есть интеллигенты в партии. Вот причины, если подойти к вопросу марксистски, причины, вытягивающие из партии известные элементы для создания группировок, которые мы должны иногда хирургическими мерами обрезать, а иногда в порядке дискуссии рассасывать идейным путем.

Не в режиме тут дело. Если бы у нас был максимально свободный режим, то группировок было бы гораздо больше. Так что не режим виноват, а виноваты условия, в рамках которых мы живем, условия, которые имеем в нашей стране, условия развития самой партии»[136].

Уместно здесь напомнить, что Сталин в докладе критически отозвался о генерале фон Секте, с которым «якшается» германская социал-демократия. Этот выпад против немецкого социального компромисса был не случаен.

Итак, из-за разнородности общества и наличия в нем разных немарксистских идей партийные группировки неизбежны, но тогда неизбежен и скальпель «хирурга».

Сталину аплодировали. Для партийцев, прошедших революцию и Гражданскую войну (а именно это поколение было руководящим), в его словах не было ничего неприемлемого. Они понимали, что Троцкий при всем его блеске является «вельможей» (так назвал его Сталин в докладе) и его призыв к демократии — это попытка их обмануть, передав актив партии на расправу учащейся молодежи.

Они были апологетами революционного насилия, но им не могло прийти в голову, что вскоре Великая Октябрьская революция повторит Великую французскую в кровавом противостоянии внутри стана победителей. Образ хирургического скальпеля не напомнил им гильотину. Они были участниками великой битвы культурных героев с силами тьмы.

Первым итогом социологического подхода Сталина к основным группам населения, влияющим на политику партии, была высылка из Москвы и крупнейших городов «социально вредных элементов» в северные лагеря и ссылку. С декабря 1923-го по 15 марта 1924 года в Москве было арестовано 2092 че-

ловека. Кроме того, проверялись сотрудники наркоматов вплоть до самих наркомов и членов коллегий.

Отстранение работников от должностей обсуждалось в трибуналах и партийных судах. В ОГПУ было создано Экономическое управление, на которое ЦК РКП(б) возложил особое задание по борьбе с «накипью НЭПа».

Глава двадцать шестая

Смерть Ленина. Переизбрание Сталина генеральным секретарем. Михаил Булгаков не любит большевиков

Сразу после XIII конференции 21 января умер Ленин. Буквально накануне, 19—20 января, Крупская прочитала ему резолюцию конференции «О партстроительстве», в которой осуждалась «бюрократизация партийных аппаратов», «Новый курс» Троцкого объявлялся «фракционным манифестом», а позиция оппозиционеров — «мелкобуржуазным уклоном».

Трудно сказать, можно ли связывать чтение резолюции и четвертый инсульт, но последовательность событий была именно такой. Смерть Ленина закрывала последнюю страницу в короткой истории ленинского периода Советского государства. Отныне начиналось что-то совсем другое, но что именно — еще никто не мог сказать.

На похоронах не было Троцкого. Первоначально погребение было назначено по православной традиции на третий день, но потом в связи с наплывом народа было отодвинуто. Не предполагая, что так получится, Сталин в телефонном разговоре с Троцким, находившимся на лечении в Сухуми, сказал, чтобы тот оставался на месте, ибо все равно не успеет.

Троцкий остался. Однако когда похороны перенесли, он посчитал, что Сталин его умышленно дезинформировал, чтобы не иметь на панихиде возле себя соперника.

Хотя Троцкий был в этой оценке не прав, его обвинение широко использовалось для демонстрации сталинского коварства.

Речь генерального секретаря на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов 26 января в Большом театре стала важной частью символической инициации нового вождя. Недаром Сосо Джугашвили изучал в семинарии гомилетику: речь была построена по всем законам классического красноречия и окрашена сильным чувством.

Эта речь, построенная на шести повторах («Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам...»), передает скорбь и мрачную силу момента. Сталин формулирует основные пункты этого

символического завещания: хранить в чистоте звание члена партии, хранить единство партии, укреплять диктатуру пролетариата, укреплять союз рабочих и крестьян, укреплять и расширять СССР, укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический интернационал.

В этой короткой речи была обозначена стратегия партии и государства, и Сталин, по сути, стал наследником умершего вождя. Этой речью Сталин фактически дезавуировал письмо Ленина «О генеральном секретаре», оставив его как факт прошлого.

С уходом Ленина уменьшились роль и возможности Троцкого и начиналась кадровая перегруппировка во всех государственных сферах. Председателем Совнаркома был назначен А. И. Рыков, бывший до этого председателем Высшего совета народного хозяйства. Одновременно реорганизуется Совет труда и обороны (СТО), под его контроль переходят все экономические наркоматы. СТО возглавил Каменев. Председателем ВСНХ назначается Дзержинский с сохранением поста в ОГПУ. (ГПУ преобразовано в Объединенное государственное политическое управление.)

Эти перестановки принизили положение руководителя правительства и одновременно усилили роль правоохранительных органов в экономике. Ровный по характеру, толковый технократ Рыков обладал одной слабостью: любил выпить.

Член «тройки» Каменев, получив в ведение экономический блок, не был конкурентом Сталину, так как не отличался властолюбием и не был склонен к интригам.

А пока вслед за переименованием Петрограда в Ленинград объявлялся массовый прием в партию «рабочих от станка», получивший название «ленинского призыва». К началу 1924 года в партии состояло около 300 тысяч человек. Новый набор увеличил ее на 240 тысяч, что привело к качественному изменению состава. Если Ленин видел в партии элитарный культурный отряд, то переход к массовой партии резко изменял ее характер.

Но будет неверным утверждать, что есть явный водораздел между ленинским и сталинским периодами партийного строительства. В то время в составе различных советских учреждений было 53 процента коммунистов, в Красной армии — 27 процентов. Партия была правящей и постоянно вбирала в себя все новых и новых членов, все больше погружаясь в массовый (невысокий) культурный слой.

Если Ленин на XI съезде партии отмечал, что экономической силы в руках пролетарского государства достаточно для обеспечения перехода к коммунизму, но не хватает культурности коммунистам-управленцам, то Сталина тогда эта проблема не сильно занимала.

Критики большевизма (и Сталина) вполне оправданно увидели в переходе к массовой партии черты новой философии.

Напомним, что идеология крестьянской общины замыкалась на узком круге интересов и воспринимала государство как враждебную силу. Опираясь на эту идеологию, большевики разрушили до основания старую государственность и с тем же человеческим материалом приступили к строительству социалистического государства. Но в государственном строительстве «военный коммунизм» потерпел поражение, а идея мировой революции едва не привела к военному краху.

Поэтому потребовались новые идеи, новые руководители, поиск которых и шел в партийных верхах. Смерть Ленина только зафиксировала грань перехода в другое время.

Согласно своей внутренней логике большевизм, вызвавший невиданную активность масс, должен был найти адекватного этим массам руководителя. С одной стороны, как выбрасывающая излишнее население русская деревня породила отважных землепроходцев-воинов типа Ермака или Ерофея Хабарова, так и поднятая незавершенной реформой Столыпина крестьянская масса выдвигала «красных вождей» и «красных Бонапартов». С другой стороны, остающаяся на своем месте производительная часть населения требовала порядка и укрепления государства.

В противостоянии этих двух тенденций и определилось, кому руководить страной. Коммунистический романтизм, опирающийся на русскую «всемирность» и еврейский мессианизм, наталкивался на внутреннее сопротивление. В конечном итоге оно оказалось связано с именем Сталина — и не потому, что он был талантливее или образованнее соперников. Просто он лучше соответствовал складывающемуся порядку вещей.

В конце мая 1924 года должен был открыться XIII съезд партии. 18 мая Крупская передала в Секретариат ЦК последние записи покойного, получившие название «Письма к съезду», настаивая, чтобы они были оглашены как ленинское завещание.

Как и во время осенней дискуссии, Крупская и теперь выступала защитницей Троцкого, то есть готовилась еще одна атака на Сталина. Если бы он был мистической натурой, то подумал бы, что умерший вождь не хочет отдавать ему власть. Но Ленин был уже в прошлом.

В тот же день комиссия ЦК по приему документов Ленина постановила довести представленные Крупской документы до сведения пленума ЦК и съезда партии. Постановление подписали Зиновьев, А. Смирнов, Калинин, Бухарин, Каменев. Никаких ограничений на ознакомление с документами Ленина делегатами съезда в постановлении не было.

Двадцать первого мая пленум состоялся, было решено огласить «Письмо...» «по делегациям», то есть не на пленарном заседании. Это было явное ограничение на широкое освещение документов. Они как бы получали гриф «только для внутрипартийного пользования».

Все делегаты были ознакомлены с «Завещанием» и решили, что его не надо обсуждать.

На пленуме после съезда Сталин был единогласно избран генеральным секретарем (а также вошел в состав Политбюро и Оргбюро). Он победил. Теперь можно было не оглядываться.

Троцкому пришлось признать: «Никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии». Правда, он заявил, что считает резолюцию январской партконференции «О партстроительстве», в которой он был осужден, «неправильной и несправедливой». Его избрали в состав ЦК далеко не единогласно, незначительным большинством голосов.

Членами Политбюро были избраны Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский, Бухарин, кандидатами Молотов, Калинин, Дзержинский, Фрунзе.

Почему же Троцкий снова вошел в состав руководства, несмотря на его явную враждебность большинству членов ЦК и партийному аппарату?

Ответ простой: еще действовала инерция ленинского периода и еще далеко не все сторонники Троцкого повержены. Зиновьев с Каменевым на съезде потребовали исключения Троцкого, но Сталин их не поддержал.

Такое расхождение объяснялось нежеланием Сталина лишаться противовеса амбициозному Зиновьеву. Кроме того, он показывал руководителям среднего и низшего звена, которые поддерживали тезис о засилье «тройки», кто на самом деле стремится узурпировать власть. Сталин как бы говорил: «Я против раскола, я за единство».

Его поведение на съезде создавало ясное представление, что этот человек не претендует на роль наследника Ленина. Наоборот, он даже подавал в отставку и не скрывал, что искренне переживает критику вождя. Трудно судить, насколько естественными были переживания, но высший пост в партии он сохранил, Зиновьев и Каменев не увидели в его фигуре угрозы, поглощенные застарелыми страхами.

Зиновьев и Каменев, люди образованные и бывшие долгое время в эмиграции рядом с Лениным, сравнивали свой авторитет, свой интеллектуальный уровень с авторитетом и уровнем Сталина и считали, что этот упорный грузин создан только для того, чтобы готовить их победу и оставаться трюмным машинистом, не имеющим никаких шансов подняться на капитанский мостик.

Вообще, жизнь в стране была трудная, пестрая. Бросалось в глаза огромное скопление бедно одетого народа на улицах и вокзалах Москвы. Это тысячи крестьян, выдавленные из деревень скрытой безработицей, искали счастье. Они были рады любой работе, чем беззастенчиво пользовались строительные подрядчики, платя им гроши. А за городом, в шалашах, жили артелями по семь-восемь человек крестьяне-рязанцы. Они вязали метлы и продавали в городе. При каждой артели была своя хозяйка, тоже обитавшая в шалаше и, как писала газета «Вечерняя Москва», «выполняющая все обязанности, какие на нее возложила природа и условия дикого существования»[137].

На улицах толкались воры, проститутки, «холодные сапожники», мелкие торговцы, старьевщики. Казалось, это новый Вавилон. Но вот подробность, которую особо отметил Булгаков: «По улицам пошли новые автобусы коричневого цвета с желтыми рамами окон (очень хороши)».

Впрочем, писатель не обольщается и вскоре припечатывает:

«Москва в грязи, все больше в огнях — и в ней странным образом уживаются два явления: налаживание жизни и полная ее гангрена. В центре Москвы, начиная с Лубянки, Водоканал сверлил почву для испытания метрополитена. Это жизнь. Но метрополитен не будет построен, потому что для него нет никаких денег. Это гангрена. Разрабатывают план уличного движения. Это жизнь. Но уличного движения нет, потому что не хватает трамваев, смехотворно — 8 автобусов на всю Москву. Квартиры, семьи, ученые, работа, комфорт и польза — все это в гангрене. Ничто не двигается с места. Все съела советская канцелярская, адова пасть. Каждый шаг, каждое движение советского гражданина — это пытка, отнимающая часы, дни, а иногда месяцы. Магазины открыты. Это жизнь, но они прогорают, и это гангрена. Во всем так. Литература ужасна»[138].

Достаточно скоро судьба Булгакова пересечется с судьбой Сталина, и это будет символический контакт.

Глава двадцать седьмая

Сталин снова подает в отставку. Троцкий смещен. Бухарин предлагает опыт Столыпина

А пока устоявший в партийном шторме генеральный секретарь позволил себе критиковать Каменева и Зиновьева, что вызвало скандал. На курсах секретарей уездных комитетов при ЦК Сталин сделал доклад «Об итогах XIII съезда РКП(б)» и привел в качестве примера искажения ленинских взглядов вы-

ражение Каменева о том, что очередным лозунгом партии является превращение «России нэпмановской» в Россию социалистическую. (Ленин говорил «Россия нэповская».) Получалось, по Каменеву, что страна сейчас находится во власти нэпманов, чего на самом деле не было.

Досталось и Зиновьеву. Не называя его фамилии, Сталин раскритиковал выдвинутый им на XII съезде тезис о «диктатуре партии» (а не пролетариата).

Этот доклад, не согласуя с Политбюро, Сталин опубликовал в двух номерах «Правды» (19, 20 июня 1924 года).

Зиновьев и Каменев были оскорблены и обратились в ЦК с жалобой на самоуправные действия соратника. В августе во время работы пленума ЦК произошло разбирательство, оно длилось два дня. У Сталина попросили объяснений. Он сказал, что, публикуя доклад, он хотел разбить легенду, что в ЦК «тройка» единолично руководит партией и правительством и что ставил перед собой цель «расширить ядро, ибо оно стало узким».

Трудно оценить, насколько демагогичными были его оправдания. Во всяком случае, Зиновьев и Каменев с этими доводами согласились. Но не сняли обвинения в самочинной публикации доклада. К тому же Зиновьев доказал, что тезис о диктатуре партии принадлежит Ленину. В итоге товарищи «признали неправильность позиции т. Сталина и принципиальную его ошибку по вопросу о диктатуре партии».

Авторитету Сталина был нанесен удар. Он подал в отставку, мотивируя это «невозможностью честной и искренней совместной политической работы» с Зиновьевым и Каменевым, и просил послать его «на какую-либо невидную работу» в Якутию, в Туруханский край или за границу. Отставка не была принята.

Совещание одобрило статью Зиновьева «К вопросу о диктатуре пролетариата и диктатуре партии». (Опубликована в «Правде» 23 августа.)

«Тройка» была расширена до «семерки»: все члены Политбюро и председатель ЦКК Куйбышев. Новое «ядро» должно было предотвращать противоречия внутри руководства, ее члены должны были подчиниться строгой корпоративной дисциплине.

С сентября 1924 года «семерка» стала по вторникам собираться в кабинете Сталина и сговаривалась о вопросах, обсуждаемых в четверг на заседании Политбюро, по сути предопределяя их решение в нужном ключе.

На данном этапе Сталину дали понять, что не следует зарываться.

Снова заявил о себе Троцкий, переполошив Зиновьева и Каменева. В июне 1924 года он выступил на V конгрессе

Коминтерна, назвав свою речь «Уроки Октября». Осенью он издал третий том своих сочинений «1917 год», где были помещены «Уроки Октября» в виде предисловия.

Главным действующим лицом Октябрьской революции он показывал себя. Основной удар наносился по Зиновьеву и Каменеву, им напоминалось, кто был «штрейкбрехерами революции» и кого Ленин требовал исключить из партии. Троцкий открыто заявлял, что им нельзя доверять и сейчас, «сдрейфив» в 1917 году, они «сдрейфят» и в 1924-м. Кроме того, Троцкий сопоставлял Октябрь и неудавшуюся революцию в Германии, из чего можно было сделать вывод, что из-за таких руководителей, как Зиновьев и Каменев, немецкие коммунисты и проиграли.

Сталину тоже досталось за его «оборонческую позицию» в марте 1917-го, правда, без упоминания его фамилии.

По-видимому, Троцкий надеялся, что другие члены Политбюро тоже захотят свергнуть Зиновьева и Каменева, но он ошибся. «Тройка» снова сплотилась. Против него выступили Рыков, Дзержинский, Калинин, Бухарин, Молотов, Сокольников. Были опубликованы относившиеся к 1913 году высказывания Троцкого, в которых он резко критиковал Ленина («профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении»). Вспомнили и ленинские выражения о «небольшевизме» Троцкого и «Иудушке-Троцком».

«Иудушка» был заклеймен. Оказалось, что он еще и враг Ленина.

И еще одно важное обстоятельство сопутствовало медленному подъему Сталина — это рост экономики. 1924 год отличался высоким урожаем, несмотря на засуху в некоторых областях, пришедшуюся на август. Политика поддержки сельскохозяйственного производителя давала зримые плоды.

Предполагалось, что на капитале деревни будет начато восстановление тяжелой промышленности. Это было запланировано пленумом в декабре 1923 года в резолюции о «ножницах цен».

Однако возникал вечный вопрос, стоявший еще при Витте: насколько велики экономические силы деревни, чтобы выдержать нагрузку индустриализации?

Правительство ожидало, что крестьяне продадут значительную часть урожая по установленным ценам. Его ждало разочарование. Государство получило мизерное количество зерна. Основные держатели хлеба — богатые крестьяне и середняки предпочли придержать зерно, пока цены не поднимутся. Кулаки даже скупали его у бедняков, чтобы потом с выгодой перепродать. В последние месяцы года цены действительно быстро полезли вверх, оставляя сторонников индустриализа-

ции с носом. При этом на хлебных рынках царила спекулятивная стихия.

Что в этом положении должно было делать руководство?

Задачи развития подталкивали его повторить опыт «военного коммунизма» и экспроприаций, но Кронштадтское восстание, «антоновщина» и риск оттолкнуть крестьян от товарного производства удерживали от изменения курса.

Сталин занимал центристскую позицию.

Он верно оценивал ситуацию: СССР находился между новым крестьянским бунтом, опирающимся на традиционный деревенский локализм, и новой редакцией продразверстки. Из этой оценки неизбежно должен был последовать вывод о грядущем участии государства в организации нового модернизационного цикла, то есть внутри НЭПа уже вызрели силы, препятствующие развитию.

По сути, Витте и Сталин смотрели на проблемы российской экономики одинаково. Государственный капитализм начала XX века с его госмонополизмом наталкивался на многоукладность и недоразвитость капитализма в селе, и социалистическая экономика переживала точно такие же трудности.

Историческая традиция подсказывала направление.

В январе 1925 года на пленуме ЦК решалась судьба Троцкого. Сам он отсутствовал по причине болезни. На пленуме статья «Уроки Октября» была осуждена и названа «фальсификацией коммунизма». Он был смещен с должностей председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам, но оставлен в Политбюро.

Показательно, что на его место в Реввоенсовете и Наркомвоенморе Каменев попытался предложить Сталина, но предложение не было принято. В случае нового назначения Сталин оставил бы пост генерального секретаря. По предложению Сталина 25 января председателем РВС был назначен М. В. Фрунзе, хотя последний и не был его явным сторонником.

В апреле было опубликовано сообщение о назначении Троцкого членом президиума ВСНХ, начальником электротехнического управления, председателем научно-технического отдела ВСНХ и председателем Главного концессионного комитета.

Десятого апреля 1925 года по указу ЦИКа СССР Царицын был переименован в Сталинград.

В апреле 1925 года, когда рыночные цены на зерно выросли в два раза, состоялась XIV партийная конференция. Главной ее темой снова стала политика в отношении деревни.

Выдвигались три предложения: уменьшить сельхозналог, разрешить использовать наемный труд и брать землю в аренду.

Выступление Бухарина в поддержку богатых сельхозпроизводителей было самым радикальным. «В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас должна быть беднота».

Конференция одобрила льготы крестьянству, а также трехлетний план развития металлургической промышленности с уровнем затрат в 350 миллионов рублей.

В политическом плане было принято важнейшее решение: поддержана идея Сталина о возможности построения социализма в одной стране.

Сталин, в частности, сказал, что можно быстро шагнуть от восстановления довоенной промышленности к индустриализации. Это означало ускоренное движение к третьему технологическому укладу, основанному на использовании электричества и металлургии. (В это время на Западе уже формировалась база четвертого: автомобилестроение, тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, неорганическая химия и т. д.)

«Нам нужно миллионов 15—20 индустриальных пролетариев, электрификация основных районов нашей страны, кооперированное сельское хозяйство и высоко развитая металлическая промышленность. И тогда мы победим в международном масштабе»[139].

Лето принесло прекрасный урожай, лучший с 1917 года.

И повторилась ситуация прошлого года: крестьяне не продавали зерно по фиксированным ценам. Они не видели смысла держать дома банкноты, несмотря на твердый курс рубля, так как на рынке было мало промышленных товаров.

Для правительства деревня создавала неразрешимую проблему. Крестьяне невольно подталкивали экономику в обратном направлении, во вторую половину прошлого века. НЭП изживал сам себя. Он был, можно сказать, попыткой вернуться к Столыпинской реформе с ее ставкой «на сильных», с ее идеей «богатый народ — богатое государство». А можно ли было в 1925 году вернуться в 1906 год?

Другими словами, экономическое положение диктовало новые столкновения в Кремле.

Они начались уже летом: сначала Зиновьев, а затем Крупская выступили против идеи Бухарина пойти на уступки кулакам.

За Бухариным стояли члены Политбюро Рыков и Томский.

Вообще, в Политбюро образовались две «тройки» — старая

(Сталин, Зиновьев, Каменев) и новая (Бухарин, Рыков, Томский), Троцкий стоял особняком.

Зиновьев доказывал, что Ленин считал НЭП временным отступлением; путь к социализму невозможен, когда поддержка крестьян основана не на социалистических методах, и что теория построения социализма в одной стране ошибочна с точки зрения ленинизма.

Вслед за выходом зиновьевской брошюры «Ленинизм» орган ленинградской партийной организации «Ленинградская правда» взял резко критический курс в отношении ЦК. Зиновьев утверждал, что только ленинградские рабочие, среди которых много потомственных и коммунистов — «творцы трех революций», «соль земли пролетарской», московский же пролетариат, наоборот, очень неустойчив, в нем много выходцев из деревни. Отсюда вытекало, что руководимая Зиновьевым ленинградская парторганизация является наиболее достойной наследницей Ленина, а остальные должны следовать за ней.

Ситуация вышла за рамки допустимого, когда ЦК отстранил от работы заместителя Зиновьева Залуцкого, а в ответ в Ленинграде были уволены все секретари, сторонники Москвы.

Пятого сентября Зиновьев, Каменев, Сокольников и Крупская подписали «платформу четырех», повторяющую основные идеи зиновьевского «Ленинизма».

Десятого декабря ленинградская партконференция, на которой выбирались делегаты на XIV съезд партии, направила письмо московской парторганизации, обвинив ее в «ликвидаторском неверии в победу социализма». Конфликт еще более обострился.

Чтобы не обнародовать его на съезде, большинство членов Политбюро во главе со Сталиным предложили ленинградцам компромисс: восстановить в должности уволенных ленинградских секретарей, но ввести в состав Секретариата ЦК представителя Ленинграда. Зиновьев категорически отказался.

Все участники конфликта цеплялись за ленинское наследие, хотя там не было и не могло быть никаких указаний на выход из создавшегося противоречия между потребностями промышленного развития и сельскохозяйственным производством.

Ни «левые» (Зиновьев), ни «правые» (Бухарин) не имели четких ориентиров. Единственный исторический ориентир — Столыпин с его эволюционной экономикой — не мог быть признан таковым из-за его контрреволюционности, жестокого подавления революции 1905 года, военно-полевых судов. Обращаться к диктаторскому опыту Петра Великого, когда еще не затянулись все раны Гражданской войны, было страшно.

Глава двадцать восьмая

Смерть Фрунзе. Агентурное наблюдение за Тухачевским. Распад «тройки». Самоубийство Есенина. Русское национальное движение. НЭП изжил себя

Тридцать первого октября 1925 года произошло событие, которое изменило расклад сил, — умер Фрунзе. Причиной смерти была неудачная операция во время лечения язвы желудка: он не выдержал наркоза.

В биографии Сталина эта смерть часто показывается как темная история, отраженная в повести Бориса Пильняка «Повесть непогашенной луны».

Троцкий пишет: «Фрунзе проявил слишком большую независимость, охраняя армию от опеки ГПУ... Оппозиция нового главы военного ведомства создавала для Сталина огромные опасности...»[140]

Бажанов, не приводя доказательств, выражается еще более определенно: Сталин организовал убийство Фрунзе.

Еще один участник событий, причем более информированный — Микоян, свидетельствует иначе.

«Я хорошо помню некоторые обстоятельства, связанные с операцией и смертью Фрунзе. В двадцатых числах октября 1925 г. я приехал по делам в Москву и, зайдя на квартиру Сталина, узнал от него, что Фрунзе предстоит операция. Сталин был явно обеспокоен, и это чувство передалось мне. “А может быть, лучше избежать этой операции?” — спросил я. На это Сталин ответил, что он тоже не уверен в необходимости операции, но на ней настаивает сам Фрунзе, а лечащий его виднейший хирург страны Розанов считает операцию “не из опасных”.

“Так давай переговорим с Розановым”, — предложил я Сталину. Он согласился. Вскоре появился Розанов, с которым я познакомился годом раньше в Мухалатке. О нем я знал также и от одного из его непосредственных помощников, моего школьного товарища доктора Гардишьяна, с восхищением отзывавшегося о Розанове как о великом хирурге и превосходном человеке.

Пригласив Розанова сесть, Сталин спросил его: “Верно ли, что операция, предстоявшая Фрунзе, не опасна?”

“Как и всякая операция, — ответил Розанов, — она, конечно, определенную долю опасности представляет. Но обычно такие операции у нас проходят без особых осложнений, хотя вы, наверное, знаете, что и обыкновенные порезы приводят иной раз к заражению крови и даже хуже. Но это очень редкие случаи”.

Все это было сказано Розановым так уверенно, что я не-

сколько успокоился. Однако Сталин все же задал еще один вопрос, показавшийся мне каверзным:

"Ну, а если бы вместо Фрунзе был, например, ваш брат, стали бы вы делать ему такую операцию или воздержались бы?" — "Воздержался бы", — последовал ответ. Ответ нас поразил. "Почему?" — "Видите ли, товарищ Сталин, — ответил Розанов, — язвенная болезнь такова, что, если больной будет выполнять предписанный режим, можно обойтись и без операции. Мой брат, например, строго придерживался бы назначенного ему режима, а ведь Михаила Васильевича, насколько я знаю, невозможно удержать в рамках такого режима. Он по-прежнему будет много разъезжать по стране, участвовать в военных маневрах и уж наверняка не будет соблюдать предписанной диеты. Поэтому в данном случае я за операцию".

На этом наш разговор закончился: решение об операции осталось в силе.

В день, когда Фрунзе прооперировали, я вновь был у Сталина. Здесь же находился и Киров, приехавший по делам из Ленинграда. Решили без предупреждения врачей посетить Фрунзе и втроем направились в Боткинскую больницу. Там нашему приходу удивились. Заходить к больному не рекомендовали. Кроме Розанова, там были Мартынов и Плетнев (последний спустя десяток лет проходил как подсудимый по одному из процессов и был осужден по обвинению в том, что по заданию Ягоды способствовал смерти М. Горького и других лиц).

Подчинившись совету врачей, мы написали Михаилу Васильевичу небольшую теплую, дружескую записку с пожеланиями скорейшего выздоровления. Писал ее Киров, а подписали все трое. Однако все сложилось трагично. 31 октября 1925 г. Фрунзе не стало»[141].

Правда, Микоян добавляет, что Сталин мог «разыграть» его, и вообще достаточно было «обработать» анестезиолога. Но общая картина, переданная Микояном, и поведение Сталина убедительно показывают, что версия о спланированном устранении Фрунзе сомнительна. Эта версия подобна позднейшему утверждению Троцкого, что Сталин отравил Ленина.

От фрунзенской легенды за версту веет «мадам Литературой», и не случайно повесть Пильняка часто используется как убедительное доказательство: иных доказательств умысла Сталина не существует. Если посмотреть на ситуацию глазами спецслужб, то станет очевидно, что для ликвидации неугодного человека можно применить более простые средства. В конце концов Политбюро могло просто сместить Фрунзе, если тот был опасен. Да и Зиновьев с Каменевым на заседании Политбюро проголосовали за хирургическую операцию Фрунзе.

Попытка некоторых историков перенести в 1925 год обстановку 1937 года психологически понятна, но исторически непродуктивна. В 1925 году все политическое руководство жило по другим законам. Это подтверждает хотя бы наблюдение Кагановича:

«Сталин никогда не заискивал ни перед кем. Ему это претило... Это оригинальный человек, между прочим. Причем его надо брать по временам, по периодам, разный он был. Послевоенный — другой Сталин. Довоенный — другой. Между тридцать вторым и сороковыми годами — совсем другой. Он менялся. Я видел не менее пяти-шести разных Сталиных»[142].

Серьезный историк Адам Улам об этой версии смерти Фрунзе пишет: «Это было клеветой, и, возможно, что Пильняку подсказали эту историю, чтобы нанести удар по Сталину».

Шестого ноября председателем РВС и наркомом был назначен Ворошилов, именно с этого времени снимается своеобразный мораторий «на агентурную разработку слухов о заговоре».

«Уже в декабре 1925 г. секретный агент ОГПУ Овсянников информировал руководство о том, что “в настоящее время среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось 2 течения: монархическое... и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М. Н. Тухачевского”. Вскоре тот же агент уже называл ряд командиров РККА из бывших офицеров, “которые якобы входили в кружок Тухачевского”, который стали называть “бонапартистским”.

С 1926 г. было выделено специальное наблюдательное “дело Тухачевского” для агентурного наблюдения “кружка бонапартистов”. В связи с его разработкой начали привлекаться к негласному сотрудничеству с ОГПУ некоторые сослуживцы М. Тухачевского в качестве секретных агентов»[143].

После назначения Ворошилова среди высшего комсостава начались перестановки, а должностные обязанности Тухачевского стали сокращаться. 13 ноября 1925 года из структуры Штаба РККА были выведены Инспекторат, Управление боевой подготовки, а также Четвертое управление (Разведуправление). Позднее, 18 февраля и 22 июля 1926 года из Штаба РККА были переданы в Главное управление руководящих кадров Красной армии вся мобилизационная работа и Военно-топографический отдел. Несколько близких Тухачевскому офицеров были понижены в должностях или уволены.

Но вернемся к конфликту внутри «тройки».

На пленуме перед XIV съездом эмоциональный Дзержинский заявил Крупской: «Вам, Надежда Константиновна, должно

быть очень стыдно как жене Ленина идти в такое время с современными кронштадтцами. Это — настоящий Кронштадт».

Назвав ленинградских оппозиционеров «Кронштадтом», Дзержинский точно определил характер предстоящей борьбы.

Отчетный доклад на съезде сделал Сталин в спокойном и деловом ключе. Он много места уделил экономике, обратил внимание на то, что из-за позиции крестьян экспортный и импортный планы пересмотрены. Это означало — уменьшены. Тем не менее докладчик не предложил форсированного наступления на деревню, он определил, что в партии есть два «уклона» — «правый», то есть уступки кулаку, и «левый», то есть борьба с кулаком. Хотя он сказал, что «оба уклона "хуже"», второй уклон был выделен особо, так как «ведет к разжиганию классовой борьбы в деревне, к возврату комбедовской политики раскулачивания, к провозглашению, стало быть, гражданской войны в нашей стране и, таким образом, к срыву всей нашей строительной работы, тем самым — к отрицанию кооперативного плана Ленина в смысле включения миллионов крестьянских хозяйств в систему социалистического строительства»[144].

Говоря о планах, Сталин обозначил в числе приоритетных задачи обеспечения экономики СССР, независимости в условиях капиталистического окружения и развертывания промышленности. Хотя фамилии не были названы, было понятно, что именно Зиновьев раздувает гражданскую войну и срывает ленинский план кооперации.

Однако в своем содокладе Зиновьев тоже не затронул тему личных отношений со Сталиным.

Зато Каменев не стал сдерживаться: «Мы против того, чтобы создавать теорию "вождя", мы против того, чтобы сделать "вождя"...»

Он был буквально разгромлен большинством делегатов. Все вскочили. Раздались выкрики: «Неверно!», «Чепуха!», «Раскрыли карты!», «Мы не дадим вам командных высот!», «Сталина! Сталина!», «Вот где объединилась партия. Большевистский штаб должен объединиться!», «Партия выше всего!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Ура!»

Реакция зала вскрыла соотношение сил. Ленинградцы оказались в изоляции. Начавший атаку Каменев совершил непоправимую ошибку, раскрыв, что идет борьба за власть.

В заключительном слове Сталин даже позволил себе намекнуть на «завещание Ленина»: «Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю», раскритиковал Крупскую, выбив у нее из рук право трактовать ленинское наследие, а самое главное — вскрыл причины разногласий. Попутно он напомнил о «штрейкбрехерстве» в 1917 году своих оп-

понентов, о «пещерном совещании» в 1923 году, о необходимости сохранения «железного ленинского единства партии» в противовес деятельности раскольников. Троцкий на съезде не выступал. Поведение Троцкого объясняется хитрым маневром Сталина. Перед съездом он передал через Серебрякова: «Я предлагаю вашей фракции помочь нам в деле разгрома зиновьевского блока» и просил передать это «старику», то есть Троцкому.

И действительно, Троцкий не выступил в защиту Зиновьева, надеясь, видно, на возможность союза со Сталиным. Союза, как известно, не случилось.

Показательно высказывание Крупской, что на VI Стокгольмском съезде Ленин тоже остался в меньшинстве, и ответ Сталина: «А чем, собственно, отличается тов. Крупская от всякого другого ответственного товарища? Не думаете ли вы, что интересы отдельных товарищей должны быть поставлены выше интересов партии и ее единства? Разве товарищам из оппозиции не известно, что для нас, для большевиков, формальный демократизм — пустышка, а реальные интересы партии — все?»[145]

Съезд одобрил официальную линию партии подавляющим большинством (559 голосов против 65). Несмотря на поддержку «правого» уклона, была задана директива: «...держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образования резервов для экономического маневрирования».

На съезде партия получила новое название — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), ВКП(б).

На состоявшемся после съезда пленуме ЦК в Политбюро произошли перемены: полноправными членами стали Калинин, Ворошилов, Молотов, кандидатами — Г. И. Петровский и секретарь МК Н. А. Угланов; Каменев был переведен в кандидаты, Сокольников — выбыл.

В январе 1926 года был упразднен СТО (слился с СНК). Его председатель Каменев получил пост наркома внешней и внутренней торговли. Это было понижением. Еще один оппозиционер Сокольников был переведен с должности наркома финансов заместителем председателя Госплана СССР.

То, что Зиновьев и Троцкий сохранили свои посты, а Каменев был наказан весьма мягко, говорило о том, что Сталин не жаждал их крови.

Многие, в том числе и Троцкий, ошибочно считали, что теперь Бухарин занял доминирующую позицию, что его поддерживали Рыков, Томский, Калинин, Ворошилов, Петровский, Угланов. Во всяком случае, внешне могло так казаться.

Но в подводной части кремлевского айсберга, где главным доводом был аппарат и влияние в ОГПУ и армии, формировалось будущее, в котором не было места Бухарину.

Показательно, что язвительный Троцкий увидел во внешней победе Бухарина на съезде признак «национально-деревенской ограниченности». Как это сочеталось: «съезд индустриализации» и деревенский локализм?

Сочеталось. Временно.

С разрушением правящей «тройки» совпала еще одна смерть: 27 декабря 1925 года в ленинградской гостинице «Интернационал» (бывшая «Англетер») повесился тридцатилетний поэт Сергей Есенин. В жизнеописании Есенина приводится весьма любопытный намек на причину смерти (убийства под видом самоубийства). Поэт признался одному из своих спутников, что располагает оригиналом приветственной телеграммы, посланной в марте 1917 года из Сибири Каменевым на имя великого князя Михаила Романова[146].

Но убийства поэта, несмотря на расследование Генеральной прокуратуры СССР в 80-е годы прошлого века, доказать не удалось, и мы акцентируем внимание лишь на факте отражения в литературной среде острейших политических процессов.

Тридцатого марта 1925 года в Бутырской тюрьме были расстреляны близкий знакомый Есенина поэт Алексий Ганин и еще шестеро молодых поэтов по обвинению в создании «Ордена русских фашистов». На самом деле они выражали духовное сопротивление режиму, что видно из тезисов Ганина «Мир и свободный труд — народу»: «Всякая общественная и индивидуальная инициатива раздавлена. Малейшее проявление ее рассматривается как антигосударственная крамола и жесточайшим образом карается, как преступление. Все сельское население, служащие, равно и рабочие массы раздавлены поборами, все они лишены своей религиозной совести и общественно-семейных устоев, все вынуждены влачить жалкое, полуживотное существование. Свобода мысли и совести окончательно задавлена и придушена. Всюду дикий, ничем не оправданный произвол и дикое издевательство над жизнью и трудом народа, над его духовно-историческими святынями. Вот он, коммунистический рай, недаром вся Россия во всех ее слоях, как бы просыпаясь от тяжкого сна, вспоминает минувшее время как золотой, безвозвратно ушедший век. Потому что всюду голод,

разруха и дикий разгул, издевательство над жизнью народа, над его духовно-историческими святынями...»[147]

Эти мысли можно назвать контрреволюционными, но не фашистскими. Тем не менее следствие под руководством Я. С. Агранова посчитало необходимым определить угрозу именно так.

Почему в нэповской Москве возникла угроза фашизма?

В научно-историческом понимании фашизм связан только с названием и программой партии Бенито Муссолини, созданной в 1919 году в Италии*. Фашистский проект вырос из европейской социалистической идеи, равно как и коммунизм. Различие в том, что фашизм базировался на национально-государственной, а коммунизм на интернационально-классовой идее.

Этих бедных расстрелянных поэтов, конечно, можно было назвать классовыми врагами, даже черносотенцами. Но никакими фашистами они не были.

Гораздо более опасными для Кремля были сотни тысяч бывших российских подданных, ставших эмигрантами. Всего их число определяется до двух миллионов человек. Большинство из них принадлежало к образованным слоям. Многие имели военный опыт.

О моральном и духовном уровне этих людей говорит необыкновенный факт, что среди зарубежных русских был и «родной брат Иисуса Христа»! Среди парагвайской сельвы до сих пор стоит памятник генералу Ивану Беляеву, который, оказавшись в Парагвае со многими эмигрантами, совершил одно незабываемое для местных индейцев дело: отстоял их земли от притязаний американской компании «Юнайтед Фрут». Индейцы почитают его память и считают братом Христа.

Имеет ли это отношение к «русскому фашизму»? Имеет.

Русская эмиграция искала идейную опору, как, впрочем, и весь мир. Не случайно, кроме Италии и Германии, фашистские группировки в 1920-х годах стали возникать в Венгрии, Румынии, Франции, Швеции, Англии, Чехословакии и других странах. В 1924 году в Сербии была сделана попытка организации Русской фашистской партии. В 1926 году создана «Рабоче-крестьянская казачья оппозиция русских», или «Русские фашисты». Всего же в 1920-х годах в русской эмиграции возник-

---

* В Германии в отличие от итальянских фашистов были нацисты — члены национал-социалистской рабочей партии А. Гитлера, гораздо более жестокие.

ло более 15 крупных политических организаций (свыше 40 тысяч человек), называвших себя фашистскими или национал-революционными.

В начале 20-х годов XX века, задолго до начала Второй мировой войны, фашизм многим казался достойной альтернативой коммунизму. Даже такие интеллектуалы, как И. А. Ильин, П. Б. Струве, С. С. Ольденбург, называли это идейное течение «крупным явлением»[148].

Говоря о платформе фашизма, нелишне вспомнить оценку германской коммунистки Клары Цеткин: «Носителем фашизма является не маленькая каста, а широкие социальные слои, широкие массы, вплоть до самого пролетариата...

Тысячные массы устремились в сторону фашизма. Он стал прибежищем для всех политических бесприютных, потерявших почву под ногами, не видящих завтрашнего дня и разочарованных. То, что тщетно ждали они от революционного класса — пролетариата и социалистов, — стало грезиться им, как дело доблестных, сильных, решительных и мужественных элементов, вербуемых из всех классов общества... Теперь уже до самоочевидности ясно, что по своему социальному составу фашизм охватывает и такие элементы, которые могут оказаться чрезвычайно неудобными, даже опасными буржуазному обществу»[149].

Вообще, в те годы «фашистами» называли многих, в том числе Ленина и Столыпина. Партийные пропагандисты применяли этот ярлык и в отношении правительств Франции и Англии.

Поэтому внимание ОГПУ к фашизму объяснимо не столько реальной угрозой, сколько огромным враждебным потенциалом русской эмиграции, имеющей многих сочувствующих внутри СССР. Те учителя, врачи, бухгалтеры, статистики, ветеринары, инженеры, техники, фельдшеры, которые образовывали основу российских либеральных партий и за которых отдали голоса большинство избирателей в Учредительное собрание, не уехали из страны и никуда не исчезли. Именно они в сочетании с белой диаспорой составили основную силу сопротивления.

То, что литературный мир влиял на политику, доказывает пример главного редактора журналов «Красная новь» и «Новый мир» Александра Воронского, который охотно печатал стихи Есенина и других так называемых «попутчиков». Именно Воронский в политических целях изложил версию смерти Фрунзе Пильняку, который «в мгновение ока разразился "Повестью непогашенной луны"». Правда, Воронский, поставив на противников Сталина, просчитался.

Но вернемся к Есенину. Его смерть ознаменовала заверше-

ние целого этапа российской истории: крестьянская страна прощалась с возможностью безболезненного вхождения в индустриальный мир.

Как написал Есенин в стихотворении «Сорокоуст», описывая бегущего рядом с несущимся поездом «красногривого жеребенка»:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну, куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Этот «мужицко-кулацкий поэт» (определение Бухарина) подтвердил приближение «железного времени». К 1925 году валовая продукция крупной промышленности составляла около трех четвертей от довоенной. Государственные предприятия давали в денежном выражении 92,4 процента продукции. Частные — производили 4,9 процента, кооперативы — 2,7 процента.

Так что не нэпман и не кустарь определяли направление государственной политики.

Но в деревне была совершенно особая ситуация: крестьяне не желали участвовать в выборах местных Советов, то есть фактически бойкотировали государственную систему. А на кого там можно было опереться властям? В 1925 году партийные ячейки были в среднем только в одном из 30 сел, треть коммунистов присылалась из городов и мало разбиралась в местной жизни.

Выходило, что без союза с «достаточными мужиками» никак не обойтись.

Говоря на XIV съезде о необходимости привлечения крестьян к работе в Советах Сталин имел в виду, что уже с 1925 года были введены местные бюджеты, распоряжаясь которыми, Советы получали в свои руки реальные рычаги власти.

В итоге на выборах весной 1925 года была отмечена высокая активность избирателей, число избранных в Советы бедняков и коммунистов резко сократилось, что свидетельствовало о повороте в настроении реальных сельхозпроизводителей. Но эта активность означала также, что власть в селе теперь принадлежит экономически независимым слоям, кулакам. «База политической системы превращалась в силу, враждебную центральной власти» (С. Г. Кара-Мурза).

Зачастую в ход избирательной кампании напрямую вмешивались чекисты, а крестьяне для зашиты своих интересов пытались самоорганизоваться в Союз трудового крестьянства. Спокойствия в деревне не предвиделось.

Понимали ли Сталин и Бухарин, что их линия «Лицом к деревне!» оборачивается ползучей контрреволюцией? Наверное,

еще не понимали. Наоборот, внедрялась идея превратить сельскую волость в самостоятельную финансово-административную единицу с исключением местных бюджетов из государственного бюджета, что должно было развить местное самоуправление.

Было решено передавать в волостные бюджеты части сельхозналога, вводить некоторые собственные налоги (не с населения), передавать волостям предприятия и имущество (мельницы, кузницы и т. д.).

Однако эта политика провалилась из-за крайне низкого уровня жизни деревни. С населения и кооперативов нечего было собрать. На уровне сельсовета была не денежная экономика, а полунатуральное хозяйство.

Руководство страны вплотную приблизилось к пониманию неразрешимости проблемы ускоренного экономического роста. Именно это обстоятельство накладывает на факт гибели поэта Есенина отсвет трагедии, приближение которой он предчувствовал.

Правда, внешне эта трагедия еще никак не выражалась. Такой объективный показатель, как общее число заключенных, свидетельствует, что никаких чрезвычайных событий не происходило. На 1 января 1925 года их было 144 тысячи человек, на 1 января 1926 года — 149 тысяч*. В СССР в середине 1920-х годов освобождались досрочно примерно 70 процентов «сидельцев». Что же касается политических, то их в это время было около 1500, из которых 500 находились в тюрьмах и лагерях, а 1000 были лишены права проживать в обеих столицах.

Обстановку в стране можно было назвать спокойной.

Глава двадцать девятая

Германия и Китай выходят на первый план в сталинской картине мира. Зиновьев теряет Ленинград. Троцкий, Каменев, Зиновьев стремятся отомстить. Сталин объявляет стратегию: индустриализация. Смерть Дзержинского

Победив на XIV съезде, Сталин оказался на распутье.

После съезда в ленинградской партийной организации были проведены изменения. Туда отправилась большая делегация из Москвы, куда входили Молотов, Калинин, Ворошилов, Рыков, Томский, Киров, а потом и Бухарин. Удивительно, но

* Для императорской России это были бы ничтожные цифры. В 1905 году в тюрьмах находилось 719 тысяч человек, в 1906 году — 980 тысяч.

раскол зашел так далеко, что когда Киров прибыл в Ленинград, ему не дали пристанища, а прибывшим из Москвы представителям ЦК — помещений для встреч с местными коммунистами. На первых порах Кирова приютил командующий Ленинградским военным округом Шапошников, он же обеспечил москвичей подходящими аудиториями. Прибывшие провели десятки массовых митингов, на которых одобрялись решения съезда и осуждались действия Зиновьева и его сторонников. (Правда, рабочие, особенно на Путиловском заводе, активно возражали против вмешательства посланцев из центра; для обеспечения порядка на этот завод вводились войска.) Затем была проведена областная партконференция, где основным докладчиком выступил Бухарин. (Именно Бухарин, главный противник Зиновьева!) Сергей Миронович Киров стал новым партийным руководителем Ленинграда. Прежний руководитель оставался членом Политбюро и председателем Коминтерна, но реальной власти, которую ему давало обладание огромными ресурсами ленинградской организации, у него уже не было. Зиновьев отходил в тень, как и Троцкий.

Но обернулась ли для Сталина эта победа полным триумфом?

Самое главное противоречие момента: победив, он не был уверен, что завтра не потеряет свою власть и даже жизнь.

Заговор? Покушение? Предательство соратников? Разумеется, он должен был об этом думать. Но еще в большей степени ненадежность его позиции определялась военной и геополитической ситуацией, в которой оказался Советский Союз.

Утвердив идею «социализма в одной стране», Сталин понимал, что против «одной страны» — весь мир. Теперь, когда мировая революция приспустила свои знамена, как он мог защищаться?

В Европе тем временем шла перегруппировка сил. Германия приняла американский «план Дауэса» и получала кредиты, по которым могла стабилизировать экономику и выплачивать репарации странам-победительницам. Время вражды заканчивалось.

В октябре 1925 года в Локарно были приняты так называемые Локарнские договоры и 1 декабря подписаны в Лондоне. Это было плохим сигналом для Кремля.

На XIV съезде Сталин сказал, что Локарно — это «продолжение Версаля». «Думать, что с этим положением помирится Германия, растущая и идущая вперед, значит рассчитывать на чудо». Он предсказал, что «Локарно чревато новой войной в Европе», и назвал болевые точки: потерю Германией Силезии, Данцига и Данцигского коридора, потерю Украиной Галиции

и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильнюса»[150].

Обращает на себя внимание глубокий интерес Сталина к международным делам, так как трудно было, не зная, что происходит за ее рубежами, распределить внутренние силы пропорционально возникающим угрозам.

До Второй мировой войны была еще целая вечность, и ее солдаты еще ходили пешком под стол, не зная про Локарнские договоры ровным счетом ничего.

По этим договорам Англия, Франция и Германия взаимно гарантировали незыблемость своих границ. Правда, гарантии не распространялись на восточные рубежи Германии.

Немцы возвращались в западный мир, а СССР оставался в изоляции, боясь потерять главного своего партнера, каковым была Германия и ее генералы.

Вот здесь сказалась позиция умеренных кругов Москвы во время «немецкого Октября». В результате сотрудничество обеих стран в военной сфере не прерывалось, и, благодаря этому, после Локарнских договоров и вступления Германии в Лигу Наций, при сильной поддержке главнокомандующего рейхсвером фон Секта был заключен договор о дружбе с СССР. Германия стремилась сохранить баланс сил.

Советско-германские программы в области вооружений были продолжены.

Правда, не надо думать, что исключительно Советский Союз перевооружил Германию. Так, при помощи Круппа были заключены контракты с Голландией и рядом южноамериканских стран на поставку различного типа артиллерийских орудий, в Испании строились подводные лодки и т. д.

В 1926 году был снят запрет на производство Германией гражданских самолетов, наложенный на нее Версальским договором. Но еще много лет самолеты германских авиастроительных фирм «Юнкерс», «Хейнкель», «Дорнье» строились в СССР, Швеции и Швейцарии. Под «крышей» гражданского авиаперевозчика «Люфтганза» была создана военная авиагруппа.

И еще одно важное обстоятельство связывало Германию и Советский Союз — это враждебная к ним Польша, где Пилсудский установил военную диктатуру и был расширен «польский коридор», отделяющий Германию от Восточной Пруссии. В 1926 году, как ни странно покажется сегодня, германские генералы больше всего опасались нападения со стороны Польши.

Германия предоставила СССР значительные кредиты и была самым крупным и надежным торговым партнером. Это создавало сильный противовес политике Лондона, пытающегося организовать антисоветскую коалицию.

Но, кроме Запада, традиционным партнером Москвы всегда был и Восток. Коминтерн поддерживал в Китае национальное правительство Сунь Ятсена, ведущее революционную борьбу с пекинским правительством, опирающимся на англичан. Еще осенью 1923 года один из помощников Сунь Ятсена, Чан Кайши, провел в Москве переговоры о поставках оружия, а в Кантон был направлен из Москвы Бородин-Грузенберг, который должен был повернуть национально-освободительное движение в русло социалистической революции.

После смерти Сунь Ятсена партию гоминьдан возглавил Чан Кайши. Он повел самостоятельную политику, не считаясь с коминтерновскими установками, чем поставил Сталина перед новой проблемой.

Сталин уделял Китаю много внимания, полагая, что наносит Западу сильный удар с Востока. Желая увеличить влияние Коминтерна, он соглашался с действиями Бородина, который хитростью и подкупами пытался восстановить против Чан Кайши некоторых его генералов. Правда, эти действия не только ослабляли последнего, но и подрывали советское влияние, так как Чан Кайши, несмотря на его некоммунизм, все-таки был настроен сотрудничать с Москвой.

О направлении мыслей Сталина дает представление следующий факт. Встретившись с советником советского посольства в Японии Г. З. Беседовским, он заговорил о Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Дорога, построенная русскими, находилась под управлением Совета (по пять человек с каждой стороны), но главный управляющий назначался Москвой; в полосе дороги работала и советская администрация. Подписанный в мае 1924 года договор об урегулировании советско-китайских отношений, с одной стороны, защищал советские интересы в Северном Китае, а с другой — создавал сложности в отношениях с гоминьданом, который боролся с центральным китайским правительством. Выходило, что Москва поддерживает это правительство и одновременно борется с ним.

Это противоречие, впрочем, сопутствовало советской внешней политике почти повсеместно.

Вот что ответил Сталин на предложение (из-за угрозы потерять дорогу) коммерциализировать КВЖД и создать там акционерное общество с участием китайцев:

«Если уж искать выхода из создавшегося положения, то лучше всего не создавать никаких акционерных обществ с нашим участием, а просто продать кому-нибудь дорогу. И продать ее так, чтобы сохранить лицо и заострить антагонизмы между отдельными капиталистическими державами на Даль-

нем Востоке. Не забывайте, что наше пребывание на КВЖД искривляет основные линии нашей восточной политики. Если мы уйдем, сохранив лицо, заработаем при этом достаточную сумму денег и, кстати, заострим японо-американские антагонизмы, то это будет наилучшим выходом из положения. Каковы доводы за продолжение нашего пребывания на КВЖД? Это — доход от КВЖД и сохранение там базы своего влияния в Северной Маньчжурии, благодаря советским служащим на КВЖД. Конечно, последнее обстоятельство представляет для нас еще большую ценность, ибо, в случае нового подъема революционной волны в Китае, мы сможем через советскую Северную Маньчжурию установить контакт с революционным Пекином. Но, продавая дорогу, мы получаем достаточную сумму, могущую заменить нашу ежегодную прибыль от КВЖД. А в случае появления революционного правительства в Пекине можно будет легко установить связь с ним через Северную Маньчжурию, даже и в случае отсутствия на КВЖД. Надо только решить, кому выгоднее всего можно продать КВЖД. Я думаю, что дорогу надо продать японцам. Впрочем, поговорите еще на эту тему с Чичериным»[151].

Посмотрите, что происходит. Советский Союз опасается нападения Японии, поэтому Сталин всячески добивается заключения с Японией договора, подобного советско-германскому, и получает в конце концов устное соглашение о ненападении. Не имея достаточной военной мощи, он стремится столкнуть лбами конкурентов. Он предвидит потерю КВЖД и хочет успеть получить компенсацию.

Это логика очень крупного политического игрока. Здесь все соединилось: геополитика, коммунистическая идеология, финансовый расчет.

Но еще более показательно, что идея продажи КВЖД была заволокичена наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным. У Чичерина, Литвинова, Карахана имелся другой взгляд на эту проблему, худший или лучший, неважно, а важно подчеркнуть в этом эпизоде далеко не полную власть генерального секретаря.

Хотя Беседовский относился к генеральному секретарю неприязненно и ругал его за «куцые мозги», дальнейший ход событий не подтвердил данной оценки. (КВЖД была продана Японии только в 1934 году. Спустя два года началась война Японии и Китая, потом Вторая мировая и революция в Китае. Так что СССР все равно не удержал бы КВЖД, продажа была оптимальным решением.)

Конечно, неудача всеобщей забастовки в Англии, военный переворот Пилсудского в Польше, тактические ошибки

Коминтерна в Китае в связи с переоценкой революционности Чан Кайши не укрепили Советский Союз. Но борьба продолжалась.

Даже в этих обстоятельствах Сталин и советское руководство не проиграли в 1926 году. Правда, совершенные в Китае ошибки обернулись в следующем году трагедией.

Тем не менее внутренние противоречия в Кремле обозначились с новой силой: прежние враги, Троцкий и Каменев с Зиновьевым, объединились, движимые желанием отомстить. Они не понимали, что за ними уже не стояло реальной силы. Они жили иллюзиями недавнего прошлого, представляя, что все еще можно изменить, надо только объединиться.

Реальных шансов у них уже не было, партийная печать и аппарат управлялись не ими. Теоретическое обоснование ущербности «новой оппозиции» Сталин представил в брошюре «К вопросам ленинизма».

Взяв тезис о построении социализма в одной стране, против которого выступал Зиновьев, Сталин обвинил его в капитулянтстве перед «капиталистическими элементами», в неверии в перспективы социалистического общества. К тому же Зиновьев был обвинен в «извращении ленинизма». Возможно, в мозгу бывшего семинариста возникал образ богоотступника, во всяком случае, сталинская работа пронизана пафосом борьбы с идейными предателями.

Тринадцатого апреля 1926 года Сталин сделал доклад ленинградской партийной организации «О хозяйственном положении и политике партии». В нем было прямо сказано, что страна вступила во второй период НЭПа, в период «прямой индустриализации».

«Не может страна диктатуры пролетариата, находящаяся в капиталистическом окружении, остаться хозяйственно самостоятельной, если она сама не производит у себя дома орудий и средств производства, если она застревает на той ступени развития, где ей приходится держать народное хозяйство на привязи у капиталистически развитых стран, производящих и вывозящих орудия и средства производства. Застрять на этой ступени — значит отдать себя на подчинение мировому капиталу[152].

Но где взять средства? Сталин называет три известных Западу способа индустриализации: грабеж колоний, военные контрибуции, иностранные концессии. Они не подходят. Четвертый путь, говорит он, — за счет собственных накоплений.

Отсюда всего шаг до коллективизации крестьянских хозяйств, однако пока что генеральный секретарь надеется на реализацию ленинской идеи кооперации.

А оппозиционный блок, по словам Сталина, «скатывается на почву авантюризма».

Особенность ситуации заключалась в том, что оппозиционеры были вынуждены действовать как подпольщики, стали создавать тайные организации, распространять свои воззвания и статьи, размножаемые на маломощных печатных устройствах. Фактически создавалась параллельная партийная структура. Зиновьев материалы оппозиции распространял через секретариат Коминтерна.

Шестого июня 1926 года произошло событие, которое можно рассматривать как подготовку заговора: в Подмосковье на тайное совещание в лесу собрался партактив Краснопресненского района для встречи с кандидатом в члены ЦК, заместителем наркома по военным делам М. М. Лашевичем, ставленником Зиновьева, комиссаром и командующим армиями в годы Гражданской войны.

Оппозиционеры официально заявляли об особо опасном положении в армии, где командный состав во многом сформирован «из старых офицеров и кулацких элементов крестьянства», а влияние пролетариата ослабевает.

Первого июня Сталин уехал в Тифлис, а затем в Сочи на отдых. Он находился в постоянной переписке с соратниками, много внимания уделяя отношениям с оппозиционерами: «До появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Троцкий, Рабочая оппозиция и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо.

С появлением группы Зиновьева оппозиционные течения стали наглеть, ломать рамки лояльности;

Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии;

Такая роль выпала на долю группы Зиновьева потому, что: а) она лучше знакома с нашими приемами, чем любая другая группа, б) она вообще сильнее других групп, ибо имеет в своих руках ИККИ (председатель ИККИ), представляющий серьезную силу, в) она ведет себя, ввиду этого, наглее всякой другой группы, давая образцы "смелости" и "решительности" другим течениям;

Поэтому группа Зиновьева является сейчас наиболее вредной, и удар должен быть нанесен на пленуме именно этой группе...

Лучше бить их по частям. Пусть Троцкий и Пятаков защищают Зиновьева, а мы послушаем. Во всяком случае так будет лучше на данной стадии. А потом видно будет»[153].

Подчеркнем фразу «Лучше бить их по частям». Это гроссмейстер политики, новый Макиавелли.

Еще одна мысль письма убеждает в верности такой оценки: «Не знаю, как вы, а я думаю, что делом Лашевича зиновьевцы зарезали себя...» Разве не чувствуется в этих словах удовлетворение ходом борьбы?

Четвертого июля Сталин выехал в Москву, где его ждало еще одно столкновение на объединенном пленуме ЦК и ЦКК (14—23 июля 1926 года). С первого же вопроса (о хлебозаготовках) началась острая полемика. Прямо в зале заседаний с Дзержинским случился сердечный приступ. Его вывели в комнату отдыха, где он отлежался. Придя домой, он умер.

Об остроте полемики свидетельствует беспримерный обмен репликами: Дзержинский неожиданно предложил расстрелять верхушку оппозиции, ему ответили: «Это вас нужно расстрелять!»

Вряд ли полемика на пленуме могла изменить расстановку сил в Кремле. Но оппозиция еще действовала в рамках партийной демократии и не догадывалась, что, выступая за ускоренную индустриализацию и усиление налогового пресса на кулаков, она увидит реализацию этих планов Сталиным и его окружением.

В чем жс, кроме борьбы за власть, была разница между ними?

В малом. Или строить социализм в СССР, или ждать мировой революции, то есть медленно капитулировать.

Остроумный Карл Радек, выступая в Коммунистической академии, говорил, что «один помпадур» из повести Салтыкова-Щедрина тоже хотел внедрить либерализм в одном уезде. Кого Радек назвал «помпадуром»? Будущего триумфатора.

Поэтому, не затрагивая вопроса о цене триумфа, скажем, что в столкновении Сталина и «новой оппозиции» Зиновьева — Каменева — Троцкого не существовало для страны эволюционного пути. Большинство ЦК повернуло в направлении, которое потом будет названо патриотическим.

Возможно, слово «патриотический» звучит неуместно в обстановке, когда слова «Родина», «Отечество» оценивались как признак контрреволюционности, но таков исторический факт. Сменовеховец Николай Устрялов назвал этот процесс «национализацией Октября». Именно Сталин провел операцию от «немецкого Октября» к «национализации Октября».

На похоронах Дзержинского он сказал о покойном соратнике как о герое: «Не зная отдыха, не чураясь никакой черной работы, отважно борясь с трудностями и преодолевая их, отдавая все свои силы, всю свою энергию делу, которое ему дове-

рила партия, — он сгорел на работе во имя интересов пролетариата, во имя победы коммунизма»[154].

Поэт Владимир Маяковский призовет молодых людей «делать жизнь с товарища Дзержинского». Образ героя был задан Сталиным.

Вскоре должен был появиться такой советский герой — Павел Корчагин Николая Островского, преодолевающий личные страдания ради общества. Построение индустриализированной экономики и социалистический патриотизм станут национальной идеей.

Глава тридцатая

Оппозиционеры выведены из Политбюро. «Крупская — раскольница». Сталин и «Белая гвардия» Михаила Булгакова. Украина в политике Сталчна

По результатам июльского пленума Зиновьев потерял место в Политбюро. Лашевич был отставлен из военного наркомата, из ЦК и направлен заместителем председателя правления КВЖД. Возможности оппозиции становились все меньше.

Троцкий сохранил членство в Политбюро, хотя сталинская группа вполне могла исключить и его, и Каменева.

Сталин ограничился минимальными переменами, что сдерживало наиболее горячих сторонников. Зато несколько его людей повысили статус: Орджоникидзе, Киров, Микоян, Каганович, Андреев.

Председателем ВСНХ был назначен В. В. Куйбышев, председателем ЦКК — Г. К. Орджоникидзе. Кроме того, Каменев подал в отставку с поста наркома внешней и внутренней торговли, наркомом назначили Микояна.

Передавая дела, Каменев заявил преемнику: «Мы идем к катастрофической развязке революции».

Через два года, возвращаясь в машине вместе со Сталиным, Орджоникидзе и Кировым с дачи Зубалово в Москву, Микоян отметил высказывание генсека по кадровому вопросу: «Вот вы сейчас высоко цените Рыкова, Томского, Бухарина, считаете их чуть ли не незаменимыми людьми. А вскоре вместо них поставим вас, и вы лучше будете работать»[155].

В июле 1926 года, выдвигая новые кадры, Сталин предвидел расширение их полномочий. Пока он движется к абсолютной власти без надрыва и агрессии, с неуклонностью Рока.

После пленума оппозиция попыталась привлечь на свою сторону Бухарина, Рыкова и Томского. Зиновьев и Троцкий в сво-

ем «обращении в ЦК» предупреждали, что «сталинская фракция» захватывает власть.

Попутно отметим, что из этого следует: полной власти у Сталина тогда не было.

С 1 октября началась активная пропаганда оппозиционеров в партийных ячейках Москвы и Ленинграда, где с 1 по 8 октября на собраниях приняло участие 87 388 человек. Из этих партийцев оппозиционеров поддержали всего 496, хотя, по данным одного чехословацкого дипломата, оппозицию негласно поддерживали 45 процентов коммунистов.

Выступление оппозиции было во многом спонтанным, спровоцированным действиями партийного аппарата. Так, Московская контрольная комиссия исключила из партии нескольких рабочих за их желание разобраться в идеях Зиновьева — Троцкого.

Кроме «борьбы» с бюрократизмом, эти идеи звучали увлекательно, но были абстрактны. Троцкий предлагал «на полмиллиарда сократить расходы за счет бюрократизма», еще столько забрать у кулаков и нэпманов, а полученный миллиард поделить «между зарплатой и промышленностью». Всерьез эту программу трудно было воспринимать, она предназначалась для митингов. На этих собраниях Троцкий впервые был освистан, и его ораторский дар не сработал.

Вот свидетельство Троцкого: «К осени оппозиция сделала открытую вылазку на собраниях партийных ячеек. Аппарат дал бешеный отпор. Идейная борьба заменилась административной механикой: телефонными вызовами партийной бюрократии на собрания рабочих ячеек, бешеным скоплением автомобилей, ревом гудков, хорошо организованным свистом и ревом при появлении оппозиционеров на трибуне. Правящая фракция давила механической концентрацией своих сил, угрозой репрессий. Прежде чем партийная масса успела что-нибудь услышать, понять и сказать, она испугалась раскола и катастрофы. Оппозиции пришлось отступить»[156].

Четвертого октября Троцкий и Зиновьев обратились в Политбюро с заявлением, что готовы прекратить публичную полемику. Сталин выдвинул оппозиции свои условия: безусловное подчинение решениям руководства, признания собственных действий ошибочными, разрыв со сторонниками оппозиции в Коминтерне. Со стороны большинства еще было предложено смягчить тон критики, признать за оппозицией права излагать свои взгляды в ячейках и на съездах партии в дискуссионном листке. Не слишком много.

Шестнадцатого октября Зиновьев, Троцкий, Каменев и другие оппозиционеры заявили, что прекращают полемику, и отчасти признали свои ошибки.

Большинство в ЦК не хотело раскола, потому что это означало кадровые потери в государственных структурах, ослабление партии и угрозу потери власти.

Сталин в тот период еще не был диктатором, хотя обладал большой властью.

Обе стороны конфликта боролись именно за власть, в этом был смысл их политики. Но опасение возрождения других политических партий и потери завоеваний революции в результате межфракционной борьбы еще удерживало от крайностей. Инцидент с призывом Дзержинского расстрелять несогласных был полемическим перехлестом.

Тем не менее, закрепив компромисс с оппозицией на общем согласии сохранить единство партии, Сталин использовал ее признание собственных ошибок.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК 23 и 26 октября рассмотрел вопрос «О внутрипартийном положении в связи с фракционной работой и нарушением партийной дисциплины ряда членов ЦК».

Сталин коварно нанес удар, нарушив дух компромиссной договоренности. Троцкого и Каменева выставили из Политбюро, правда, оставили в ЦК. Зиновьева освободили от председательства в Коминтерне. Его сменил Бухарин.

Соратники Ленина были сброшены с пьедестала, оставшись рядовыми членами многочисленного ЦК.

В письмах Сталина Молотову отражено и его отношение к ближайшим соратникам, лишенное каких-либо иллюзий. Так, Орджоникидзе он называет «мелочным» и говорит, что «перестал встречаться с ним»[157]. Видно, неуравновешенность и капризность Серго надоели Сталину. Вскоре он остывает и просит щадить самолюбие Орджоникидзе.

Вообще, порой Сталин испытывал очевидное интеллектуальное одиночество. Эти настроения выражены в его письмах жене, искренних, заботливых и дышащих любовью. Это отдельная тема, мы касаемся ее здесь, чтобы обратить внимание на явную его неудовлетворенность ближайшим окружением.

Читаем в письме Молотову: «Что касается святой тройки (Р. + Ор. +В.), то о сем пока умолчу, т. к. поводов для разговора о ней будет еще немало. Ор. “хороший парень”, но политик он липовый. Он всегда был “простоватым” политиком. В., должно быть, просто “не в духе”. Что же касается Р., то он “комбинирует”, полагая, что в этом именно и состоит “настоящая политика”»[158].

Кого скрывают инициалы? Вероятно, это Рыков, Орджоникидзе и Ворошилов.

«А Микоян — утенок в политике, способный утенок, но все же утенок. Подрастет — поправится»[159].

В оценках Сталина нет раздражения, скорее — констатация фактов.

Если оглянуться, то вокруг него нет настоящих борцов из старой гвардии. Они оказались либо в прошлом, либо не понимают его.

Кажется, Сталин именно тогда ощутил, что плата за его возвышение, за сильную власть может быть страшно тяжелой. Сравнивая его письма жене и коллегам, видим, что он подсознательно ищет сердечной защиты у жены. После ее самоубийства он станет несчастным и превратится совершенно в другого человека.

Касаясь внутреннего и семейного мира Сталина, надо сказать и о скромности его быта, которую можно сравнить с монашеским аскетизмом. Особенно чувствуешь это, когда в переписке с женой читаешь, что в ответ на ее просьбу выслать немного денег он, извиняясь, говорит, что высылает меньше, чем хотел, так как больше у него нет.

При этом Сталин знает, что далеко не все руководители так щепетильны.

Думается, в течение всей жизни его сильно задевала эта разница в этических нормах, и не однажды раздражение и гнев вырывались наружу. Один из таких случаев отметила дочь Светлана, описывая реакцию отца на то, что для детей руководителей во время эвакуации правительства в Куйбышев (осень 1941 года) была организована специальная школа.

«Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: “Как? Специальную школу? — Я видела, что он приходит постепенно в ярость. — Ах вы! — он искал слова поприличнее, — ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай! Власик — подлец, это его рук дело!..”. Он был уже в гневе, и только неотложные дела и присутствие других отвлекли его от этой темы»[160].

Глядя на советских руководителей, Сталин должен был чувствовать не только одиночество, но и разочарование. С годами этот груз становился все тяжелее.

После XV партконференции на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна Сталин нанес Каменеву завершающий удар, приведя в своем заключительном слове факт отправки в марте 1917 года из Ачинска приветственной телеграммы великому князю Михаилу Романову, подписанной Каменевым.

Несмотря на несколько отчаянных выкриков Каменева («Скажи, что ты лжешь! Скажи, что ты лжешь!») и реплики Троцкого, намекающей на формулировки ленинского «Письма к съезду» («Это грубость и нелояльность!»), Сталин добился своего.

Позже, 26 декабря, он написал Молотову: «Расширенный пленум ИККИ прошел недурно. Резолюцию XV конференции утвердили единогласно (воздержался один бордигианец из Италии). Наши оппозиционеры — дурачье. Черт толкнул их полезть сечься, — ну, и высекли. Ввиду хулиганского выступления Каменева мне пришлось напомнить ему в заключительном слове о телеграмме М. Романову. Каменев выступил с "опровержением", сказав, что "это ложь". Зиновьев, Каменев, Смилга и Федоров внесли в Политбюро "заявление" с "опровержением", потребовав его опубликования. Мы опубликовали это заявление в "Большевике" с ответом ЦК и с документами, убивающими Каменева политически. Считаем, что Каменев выведен из строя и ему не бывать больше в составе ЦК»[161].

От этих строк веет непреклонностью. Он не вспомнил о молодых годах, когда в Тифлисе познакомился с Каменевым, о совместной ссылке в Туруханском крае, о тесном союзе с ним в Петрограде в 1917 году.

Наверное, возле него еще были люди, которым он мог что-то сказать по этому поводу. Но посочувствовать или пожалеть бывшего товарища — едва ли. Потому что борьба уже перешла критический рубеж.

Вот его жестокая и принципиальная оценка «священного символа», вдовы Ленина:

«Крупская — раскольница (см. ее речь о «Стокгольме» на VI съезде). Ее и надо бить, как раскольницу, если хотим сохранить единство партии. Нельзя строить в одно и то же время две противоположные установки. И на борьбу с раскольниками, и на мир с ними. Это не диалектика, а бессмыслица и беспомощность»[162].

Одновременно с разгромом бывших соратников Сталин в реализации своей идеи построения социализма в одной стране стал неожиданно поворачиваться к старым ценностям.

В 1926 году произошло одно поразительное событие в литературном и театральном мире, которое еще недавно было бы безоговорочно признано контрреволюционным: в Московском Художественном театре была поставлена пьеса Булгакова «Дни Турбиных» («Белая гвардия»).

Если бы не эта постановка, Булгаков, в молодости служивший врачом в деникинской армии, вряд ли бы умер своей

смертью. 7 мая 1926 года у него на квартире был обыск, изъяты рукописи повести «Собачье сердце» и дневник. На допросе в ОГПУ он признался: «В своих произведениях я проявлял критическое и неприязненное отношение к Советской России... Мои симпатии были всецело на стороне белых, на отступление которых я смотрел с ужасом и недоумением...»[163]

Но 5 октября, в разгар борьбы с «новой оппозицией», по решению Политбюро «Белая гвардия» (все же переименованная в «Дни Турбиных») была поставлена! Перед этим ОГПУ пьесу запретило. 30 сентября Политбюро подтвердило разрешение Наркомата просвещения и отменило решение ОГПУ.

Напомним, что булгаковские герои — белые офицеры и их близкие, живущие мыслью о Великой России. Но в финале, проиграв, они остаются верными Родине, а один из персонажей утверждает, что большевики сделают Россию «великой державой».

Почему Сталин решился на такой шаг?

Произведение Булгакова случайно оказалось в центре столкновения тогдашних политических страстей и было генсеком использовано (с известной дерзостью).

Сталин продемонстрировал свою великодержавность в противовес антидержавным взглядам оппозиции. Это был эффектный и сенсационный ход.

Кроме того, Сталину пьеса нравилась, он смотрел ее 15 раз и даже брал с собой детей, Василия и Артема.

А. Ф. Сергеев в беседе с автором этих строк так вспоминал тот поход в театр. Сталин спросил мальчиков: «О чем, по-вашему, этот спектакль?» Они быстро ответили: «Там белые, враги». Сталина ответ не удовлетворил, он объяснил: «Там не все белые, не все враги. Вообще, люди разные, среди них мало совсем белых и совсем красных. Одни полностью белые, другие — на десятую часть или четверть. У красных тоже так. Все поведение людей зависит от их руководителей».

Генерал-майор Сергеев, который в детские годы воспитывался в семье Сталина, прошел всю Отечественную войну, попал в плен, откуда бежал, был ранен. Большой карьеры он не сделал, в 1945 году был майором, генерал-майором стал уже после смерти названного отца. Тот разговор после спектакля он запомнил на всю жизнь.

Действительно, детское сознание, по сути, запечатлело методологию сталинской оценки людей. Изменялись времена и люди — изменялась и оценка.

Соответственно оценив пьесу Булгакова, Сталин поддержал ее. Разрешение было очень ограниченным: только в Москве, только в Художественном театре. Но оно переворачивало

прежнюю идеологию, далеко расширяя круг «своих», захватывая в него прежних врагов*.

На пьесу сразу обрушились партийные критики из «Комсомольской правды» и «Рабочей Москвы», требуя ее запрета. Заведующий отделом агитации и пропаганды Московского комитета партии Н. Мандельштам заявил, что в МХАТе гнездится контрреволюция. Но пьесу поддержал нарком просвещения А. В. Луначарский, за которым стояли другие силы.

«Дни Турбиных» еще не однажды пытались закрыть, но пьеса шла с 1926 по 1941 год (987 спектаклей). В феврале 1929 года, отвечая на письмо литератора Билль-Белоцерковского, одного из многих ревнителей чистоты литературных рядов, Сталин коснулся и этой темы.

«Что касается собственно пьесы “Дни Турбинных”, то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: “если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь”. “Дни Турбинных” есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма.

Конечно, автор ни в какой мере “не повинен” в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?»[164]

Когда пьесу закрывали, Сталин считал возможным прямо указывать на недопустимость этого. Вместе с тем, прочитав другую пьесу Булгакова, «Бег», Сталин был против ее постановки. Его совет был передан автору: добавить сцены, где были бы изображены внутренние социальные пружины Гражданской войны в России, «чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему “честные” Серафимы и всякие приват-доценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому что они сидели на шее у народа (несмотря на свою “честность”), что большевики, изгоняя вон этих “честных” сторонников эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно»[165].

Кроме «Дней Турбиных» произошло еще одно необычайное событие. Были выпущены книги В. В. Шульгина «Дни» и «1920». Шульгин — депутат Государственной думы, вместе с

---

* Так вскоре будет оценен и другой выдающийся писатель, Михаил Шолохов, отразивший в романе «Тихий Дон» мучительное признание традиционной Россией победы большевиков.

Гучковым принимавший отречение Николая II. Затем он участвовал в Белом движении, был у Деникина и Врангеля, был близок генералу Кутепову. Как говорилось в предисловии к «1920», «крайне правый националист и монархист».

В «1920» описаны врангелевский Крым и кутеповский Галлиполи, то есть последняя надежда и окончательный крах Белого движения. Хотя в предисловии С. Пионтковского указывается, что Шульгин «все же не смог написать идеологического оправдания Белого движения», на самом деле в книге идея прекрасно прозвучала: восстановление Российского государства волевыми и духовно чистыми людьми. В сегодняшнем крахе белых он разглядел неумирающее зерно, которое прорастет в Советской России и принесет победу белой идее.

«На самом же деле, хотя и бессознательно, они льют кровь только для того, чтобы восстановить "Богохранимую Державу Российскую"... Они своими красными армиями (сделанными "по-белому") движутся во все стороны только до тех пор, пока не дойдут до твердых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов...

Это и будут естественные границы будущей России... Интернационал "смоется", а границы останутся...»[166]

Как отмечает исследователь национал-большевизма Михаил Агурский, литература такого рода раньше в СССР не печаталась никогда.

Очевидно, это свидетельствовало о глубоком идейном расколе в партийной верхушке, который можно сравнить даже с церковным расколом времен царя Алексея Михайловича, в результате чего идеи Иосифа Волоцкого о нравственном оправдании сильной монархии восторжествовали.

На протяжении всей своей политической жизни Сталин тяготел именно к этому «Грозному полюсу» русской традиции. Вскоре это выразилось в прямом санкционировании выпуска кинофильма «Иван Грозный». (А царь Иван IV, прозванный Грозным, как известно, «правды ради государственной решил установить в Московии диктатуру немногих избранных верных людей — "опричников"»[167].)

И еще одна книга Шульгина была тогда напечатана — «Три столицы», книга в определенном смысле уникальная, очерк о путешествии автора в тогдашнюю Россию из Белого зарубежья. Автор не знал, что его поездка подконтрольна ОГПУ и проходит в рамках контрразведывательной операции «Трест» (о ней — позже). Поэтому книга вполне «контрреволюционная», полная ядовитых выпадов, но в ней есть особые акценты. Во-первых, вывод автора: до поездки у него не было родины, а теперь родина есть. Надо понимать, это СССР. Во-вторых, высказы-

вание, что, несмотря на засилье евреев, наверх пробивается «сильная русская струя», которая вскоре станет главной.

Несмотря на легкий выпад против Сталина, цензура книгу все-таки пропустила. А выпад такой: «Правда, про Сталина говорят, что “легче найти розового осла, чем умного грузина”, но я все же не отчаиваюсь. Выучили же мы Ленина “новой экономической политике”...»[168]

В итоге получается сенсационная картина: Сталин предложил большинству населения заключить с ним союз на основе признания важнейших для этого большинства традиционных ценностей.

Пока существовала оппозиция, Сталин вынужден был маневрировать. Это в разных вариациях продолжалось до конца его жизни. Уже после его смерти Степан Микоян, сын Анастаса Микояна, заметил: «У Сталина было два пугала: украинский национализм и ленинградская оппозиция»[169].

Хотя Украина в сравнении с Москвой и Северной столицей была провинцией, но провинцией, без которой государство не могло бы существовать.

В 1926 году ЦК Компартии Украины, где генеральным секретарем был к тому времени Л. М. Каганович, проводил «политику украинизации». Она была вызвана по меньшей мере двумя причинами.

Во-первых, наличием украинского национализма, опирающегося на историческую память о первобытной демократии запорожского казачества, просветительство киевской университетской интеллигенции и опыт земства и кооперации. К этому надо прибавить неудачный, но все же хоть какой-то опыт национальной государственности и военной практики Петлюры и Махно. Соседство враждебной Польши постоянно грозило реанимировать эту практику.

Во-вторых, экономическое развитие Украины создало в ней два уровня национальной жизни. Промышленные регионы населяли в основном русские, сельские — украинцы. Во время Гражданской войны по границе этих регионов прошел раскол, оформившийся даже в создании быстро исчезнувшего пророссийского государства — Донецко-Криворожской республики.

К этому надо прибавить свежее воспоминание о планах Германского генштаба в минувшей войне о расчленении Российской империи, в которых Украина стояла на первом месте.

Так что в украинском вопросе Сталин столкнулся с проблемой, уходящей в глубины истории если не до Киевской Руси, то уж точно до войн Богдана Хмельницкого.

В украинских делах фактически не было разрыва между советской и досоветской государственной политикой, так как Сталин использовал опыт Алексея Михайловича, который после Переяславского договора с Хмельницким пошел на радикальный шаг — исправление богослужебных книг (замена московской их редакции киевской); из этого впоследствии проистекла и вся в целом реформа патриарха Никона. То есть московское правительство в политических и государственных целях встало на сторону украинского политического класса (Н. Трубецкой).

Однако «украинизация» в 1926 году, несмотря на внешнюю привлекательность, вызвала новые проблемы, обострив конкуренцию среди русских и украинских политиков. К тому же навязывание украинского языка в школах, вузах и государственном управлении вызывало у значительной части населения сильное раздражение.

К 1927 году 80 процентов школ перешли на украинский язык, было украинизировано две трети всего делопроизводства, полностью на украинском велось радиовещание и выпускались все кинофильмы. (Заметим, что на Украине проводилась огромная культурная работа, удалось преодолеть массовую неграмотность населения. В целом в экономику республики направлялось 50 процентов союзного бюджета.)

Оказалось, что искусственная поддержка украинского языка вызывает одобрение только у националистов, которые в целом настроены неконструктивно.

Дело зашло так далеко, что на прием к Сталину приехал из Киева нарком просвещения УССР Шумский, который нажаловался на Кагановича за волевые методы руководства и за недостаточную активность в проведении «украинизации», предложил назначить руководителями республики только украинцев. (Шумский забыл или не читал работ Сталина о лидерской роли русской культуры в национальных окраинах.) В итоге генеральный секретарь направил Кагановичу и другим членам ЦК КПУ письмо, в котором весьма осторожно раскритиковал спешку в политике «украинизации».

«Совершенно правильно подчеркивая положительный характер нового движения на Украине за украинскую культуру и общественность, Шумский не видит, однако, теневых сторон этого движения. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы про-

тив “Москвы” вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения — ленинизма. Я не буду доказывать, что такая опасность становится все более и более реальной на Украине...»[170]

Сталин раскритиковал лозунг писателя М. Хвилевого «Прочь от Москвы».

«Прочь от Москвы»? Это куда? В Турцию? Германию? Польшу? Или создавать свой «глобус Украины? «Прочь» — исторически и фактически означало только движение в сторону Польши и католической церкви. Это также означало придание этнического характера антисоветизму на Украине, что должно было трактоваться как подрыв центральной власти и государственная измена.

К тому же «украинизация» задевала и оскорбляла значительную часть украинцев, которые принадлежали к ядру российского общества, внесли огромный вклад в государственное и культурное строительство Российской империи и существовали вместе с русскими в одной православной традиции.

Поэтому, принимая Шумского (в номенклатурном плане эта фигура не могла рассчитывать на встречу с генеральным секретарем без особых на то обстоятельств), Сталин наверняка вспомнил и программу кадетской партии по национальному вопросу: разделение России по национальному принципу в конечном счете ведет к «свободному союзу суверенных государств».

В конце 1920-х годов в Российской Федерации царило буйство национально-территориальных образований; насчитывалось 2930 национальных сельских органов власти, 110 национальных волостей, 33 национальных района и два национальных округа. К числу национальных также относились и русские округа в национальных республиках.

В принципе в период «украинизации» Сталин ощутил, что он не может быстро решить проблемы сепаратизма, и включил тормоза. Вскоре в Харькове состоялся пленум ЦК КПУ, и Каганович сказал «об осторожном подходе к украинизации русских рабочих и о естественном насыщении промышленности рабочими-украинцами», а также «об уклонах в национальном вопросе».

В известном смысле слова С. Микояна о «пугале украинского национализма» верны, но дело было не только в Украине. Сталин одной из главных своих задач считал обеспечение единства страны. С годами он будет все строже следить за угрозами с этой стороны, пока не оформит это в указ о смертной казни за подобные преступления.

Глава тридцать первая

Кризис в Китае. Детердинг ведет экономическую войну против СССР и финансирует белогвардейский террор. Зиновьев обвиняет Сталина в ошибочной международной политике

Позицию Сталина по вопросу возвращения к идее российской государственности сильно осложнял его ближайший соратник Бухарин. Вот характеристика, из которой многое становится понятным:

«Бухарин испытывал подлинную ненависть к русскому прошлому и, пожалуй, из всех лидеров большевистской партии наибольшим образом олицетворял антинациональные идеи раннего большевизма. Недаром он был одним из лидеров левого коммунизма в начале революции. Это не было следствием его функционального положения. Это было нечто экзистенциальное, некая национальная самоненависть, национальный нигилизм»[171].

Двадцать шестого января 1927 года, выступая на Ленинградской партийной конференции, Бухарин с тревогой говорил о главной опасности в национальном вопросе: о русском национализме, а также о появившихся «перехлестах националистических мотивов в литературе».

Кому адресовалась эта озабоченность?

Во всяком случае, Сталину, который читал все, этот посыл был ясен.

Нападая на русскую историю, на традиционных поэтов (именно Бухарин «уничтожал» Есенина), влиятельнейший член Политбюро и председатель Исполкома Коминтерна обнаруживал полное непонимание позиции генерального секретаря. Он тоже забыл конфликт Ленина со Сталиным по вопросу «автономизации».

Впрочем, многое в наступившем 1927 году происходило не так, как хотелось бы Сталину. Порой могло показаться, что под ним качается земля.

Выпады Бухарина, конечно, были неприятны, но опасности не представляли. Гораздо страшнее стал разгром коммунистов в Китае, где, казалось, советская политика до сих пор была очень успешной. Китайская революция после стабилизации в Европе была главной надеждой Кремля на противостояние Западу в мировом масштабе.

Что же произошло? По настоянию Сталина СССР поддерживал революционное движение в Китае и настоял на том, чтобы малочисленная Коммунистическая партия Китая вошла в союз с гоминьданом, социал-демократической партией под

руководством Сунь Ятсена, и получила возможность для развития. После смерти Сунь Ятсена его шурин Чан Кайши (они были женаты на сестрах) изгнал усилившихся и претендующих на власть коммунистов.

И во внутриполитической борьбе в СССР китайский «провал» в 1926—1927 годах превратился в сильный козырь оппозиции. Сталина обвинили в «банкротстве».

Хотя из этого поражения Коминтерна впоследствии вырос современный Китай, а создатели этого социалистического гиганта Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Дэн Сяопин прошли «коминтерновское» крещение «под крышей» гоминьдана именно в те годы. Однако люди никогда не мыслят своей деятельности на семьдесят лет вперед. И тогдашнее впечатление от поражения можно было перенести вообще на всю деятельность Сталина и можно было снова вспомнить «завещание Ленина». Что и сделала оппозиция.

При этом Сталин должен был учитывать не только реакцию внутренних оппонентов, но прежде всего опасность новой войны с Западом, чьи интересы сильно задела его политика в Китае.

Двенадцатого мая в Лондоне полиция вторглась в помещение англо-советского акционерного общества «Аркос». 27 мая правительство Великобритании разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. Международная обстановка ухудшалась с каждым днем. 7 июня в Варшаве был застрелен юношей-белоэмигрантом Борисом Ковердой советский полпред П. Л. Войков, один из организаторов расстрела Николая II и его семьи. 15 июня в Женеве на неафишируемой встрече глав МИДов Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, Японии обсуждался план антисоветских мероприятий, которые предложил английский министр Чемберлен. И лишь одна Германия не стала ввязываться в эту кампанию.

Столкновение Англии и СССР на востоке не было случайностью, зависевшей от воли руководителей Коминтерна. На самом деле продвижение Российской империи в направлении Средней Азии, Памира, Афганистана, Китая началось еще тогда, когда ни Сталина, ни Чемберлена не было на свете. Наваливаясь с севера на «жемчужину империи» Индию, Россия на протяжении всего XIX века приносила Лондону большие неприятности. Появление в Китае новой российской силы (пусть и в облике Коминтерна) не могло не вызвать у англичан сильной озабоченности, тем более они не забыли попытки советизировать Персию. За Китаем могла последовать и Индия.

К тому же в британско-советском противостоянии присутствовал и нефтяной фактор. Владелец компании «Ройял Датч

Шелл» Генри Детердинг, женатый на русской эмигрантке Лидии Павловой и убежденный противник коммунистов, изо всех сил препятствовал другим западным компаниям сотрудничать с советской нефтяной отраслью.

Однако из этого ничего не вышло. Две компании, «Стандарт ойл оф Нью-Йорк» и «Вакуум», наследницы рокфеллеровской «Стандарт ойл», заключили контракты на закупку больших объемов бакинского керосина для Индии и других азиатских рынков.

Первая из них построила нефтеперегонный завод в Батуми и взяла его в аренду.

Детердинг ответил ценовой войной в Индии и «других уголках», чтобы снизить экономический эффект от продаж конкурентами более дешевых «коммунистических» нефтепродуктов. Он же финансировал акции против СССР, в том числе планы военной интервенции.

Параллельно с военной угрозой начался белогвардейский террор: вечером 7 июня 1927 года группа боевиков Русского общевоинского союза (РОВС), перешедшая финляндскую границу, бросила бомбу во время заседания партклуба в Ленинграде, было ранено 30 человек. Ранее, 7 марта, в Териоках, на явочной квартире финской разведки, состоялось совещание офицеров РОВСа, на котором руководитель этого союза генерал Кутепов заявил о необходимости «немедленно приступать к террору».

Этот террор был направлен и лично против Сталина.

После возвращения из Финляндии в Париж Кутепов, как указывалось в сообщении Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, «разработал сеть террористических актов в СССР и представил свой план на рассмотрение штаба»[172]. В этом плане пунктом первым значилось убийство Сталина, а кроме того, взрыв военных заводов, убийство руководителей ОГПУ, одновременное убийство всех командующих военными округами.

Если суммировать планируемые и наносимые удары, то картина была крайне тревожная. Советская разведка предполагала, что Англия начнет морскую блокаду СССР и подтолкнет Польшу к войне, к которой присоединятся Румыния и Финляндия.

В докладе начальника Штаба РККА Тухачевского правительству от 26 декабря 1926 года делался следующий вывод: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы». Армия требовала срочной модернизации промышленности.

В руководстве РККА прошли кадровые перестановки, на первое место снова выдвигались профессионалы, а не «красные командиры».

В конце июня части РККА заняли боевые позиции на западной границе, сооружались новые аэродромы, увеличилась интенсивность работы военных заводов. Тухачевский приказывает советскому военному атташе в Берлине подготовить к отвлекающему удару из Германии на Польшу отряды «красных вооруженных сил».

Вообще, Тухачевский выступал за «превентивный удар по Польше», но это не отвечало реальному соотношению сил. К тому же предчувствие войны, охватившее СССР, породило в политических и военных кругах ощущение приближающегося военного переворота. 1 мая 1927 года в газете «Правда» была напечатана статья бывшего генерала, преподавателя Военной академии А. Свечина «Военное искусство в будущей войне», в которой он оценивал варшавскую операцию Тухачевского как «злоупотребление революционными лозунгами». Это можно было объяснить так, что партийное руководство предупреждало военных от соблазна воспользоваться ситуацией.

Характерно, что издаваемый в Берлине «Социалистический вестник» (орган российских меньшевиков) писал о подъеме партийного и советского энтузиазма в Москве, который, сочетаясь с тревогой и паникой после убийства Войкова, побудил «сплотиться вокруг партии». Петр Струве в своей статье в «Возрождении» от 25 июня 1927 года обращает внимание на неожиданное проявление у советской молодежи сочетания «революционности и национализма с готовностью защищать строй и научить считаться с Россией».

С некоторым раздражением Струве отмечает: «Большевики раздувают и всячески используют этот советский национализм как некую силу, на них работающую, им союзную»[173].

Струве почувствовал, что перехватывание Москвой патриотических настроений может выбить идейную базу из-под ног белой эмиграции.

Девятого мая Зиновьев, выступая в Колонном зале Дома союзов по случаю 15-летия газеты «Правда», заявил об огромных ошибках во внешней политике СССР в Великобритании, где советские профсоюзы поддерживали всеобщую забастовку, а также осудил работу Коминтерна в Китае. Он обвинил руководителей партии и Коминтерна в том, что они допустили переворот Чан Кайши.

Выступление Зиновьева передавалось по радио, его слушала вся страна.

Вскоре открылся VIII пленум Исполкома Коминтерна (18—30 мая). Он обсудил задачи Коминтерна в борьбе против

надвигающейся войны, задачи коммунистов Англии, проблемы революции в Китае. 24 мая Сталин выступил с речью «Революция в Китае и задачи Коминтерна». Касаясь Троцкого и Зиновьева, он сказал: «Я должен сказать, товарищи, что Троцкий выбрал для своих нападений на партию и Коминтерн слишком неподходящий момент. Я только что получил известие, что английское консервативное правительство решило порвать отношения с СССР. Нечего и доказывать, что теперь пойдет повсеместный поход против коммунистов. Этот поход уже начался. Одни угрожают ВКП(б) войной и интервенцией. Другие — расколом. Создается нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого.

Возможно, что нас хотят этим запугать. Но едва ли нужно доказывать, что большевики не из пугливых ребят. История большевизма знает немало таких “фронтов”.

История большевизма показывает, что такие “фронты” неизменно разбивались революционной решимостью и беспримерной отвагой большевиков.

Можете не сомневаться, что мы сумеем разбить и этот новый “фронт”»[174].

На следующий день в ЦК было направлено заявление, подписанное 83 оппозиционерами, включая Зиновьева и Троцкого. Они предъявили руководству партии обвинения по двум пунктам: ошибочная политика в Китае и в отношении британских профсоюзов.

Согласно письму причины ошибок кроются в теории построения социализма в одной стране, что «ускоряет рост враждебных пролетарской диктатуре сил “кулака, нэпмана, бюрократа”». Авторы заявления требовали созыва пленума ЦК, в противном случае собирались развернуть широкую дискуссию. Начался сбор подписей под заявлением.

Глава тридцать вторая

Как развивалась экономика. Двойственность «спецов». Низовой партаппарат стремится к прибыли. Военная тревога. «Платформа большевиков-ленинцев». Броневики на улицах Москвы. «Съезд коллективизации»

Итак, всё снова завязывалось в узел. Плюс к этому — большие проблемы в деревне: крестьяне снова не желали продавать хлеб по заниженным государственным ценам. 28 июля, накануне открытия пленума ЦК и ЦКК, в «Правде» Сталин публикует «Заметки на современные темы». Он прямо говорит об уг-

розе новой войны. Его анализ международного положения принципиально важен, так как с этого момента вопрос соотношения сил и интересов крупнейших стран превратится для него в мучительную проблему. Он долго будет искать выход из замкнутого круга. В 1927 году выхода не было видно.

«...Передел мира и сфер влияния, произведенный в результате последней империалистической войны, успел уже "устареть". Выдвинулись вперед некоторые новые страны (Америка, Япония). Отходят назад некоторые старые страны (Англия). Оживает и растет, все более усиливаясь, похороненная было в Версале капиталистическая Германия. Лезет вверх буржуазная Италия, с завистью поглядывая на Францию.

Идет бешеная борьба за рынки сбыта, за рынки вывоза капитала, за морские и сухопутные дороги к этим рынкам, за новый передел мира. Растут противоречия между Америкой и Англией, между Японией и Америкой, между Англией и Францией, между Италией и Францией...»[175]

В письме Троцкого Орджоникидзе от 11 июля говорилось, что «политическая линия невежественных и бессовестных шпаргальщиков должна быть выметена, как мусор», а кто выметет этот мусор, тот не «пораженец», а революционный «оборонец».

Вспомним линию большевиков во время Первой мировой войны («пораженцы») и станет ясно, почему мысль Троцкого ассоциировалась с ожидаемой войной и угрозой использования этой войны для свержения существующей власти.

Подобное произошло впервые. Так, Сталину было послано недвусмысленное предупреждение о необходимости консолидировать партию, признать ошибки и отступить (или уйти).

Понятия «пятая колонна» тогда еще не было, но Сталин понял суть предупреждения: в случае войны ему будет нанесен удар в спину, со стороны самой партии.

Отныне начинается смертельное противостояние. Помня все обстоятельства падения Николая II, Сталин теперь заведет свой тайный счет, в котором он будет суммировать все действия, намерения, действительные и даже предполагаемые, враждебного мира.

Троцкий называл Сталина «Чингисхан с телефоном» (он перефразировал слова Герцена о Николае I «Чингисхан с телеграфом»), и в сравнении генерального секретаря с создателем монгольской империи была своя логика. Правда, не оскорбительная, как того желал Троцкий, а психологическая. Благодаря исключительной воле, мужеству, жестокости и следованию своим понятиям справедливости и чести Чингисхан победил внутренних и внешних врагов.

Психологический климат Кавказа тоже полон памяти о кровавой вражде и бесконечных угрозах в борьбе за скудные ресурсы.

Троцкистскую оппозицию на Западе уже называли «IV Интернационалом», подчеркивая этим, что она выходит на мировой уровень и становится системной.

Думается, все обстоятельства 1927 года стали спусковым механизмом формирования в мироощущении Сталина трагического представления о будущем.

Первого августа на пленуме ЦК и ЦКК Сталин в своей речи так определил задачи партии: «...Перед нами имеются две опасности: опасность войны, которая превратилась в угрозу войны, и опасность перерождения некоторых звеньев нашей партии. Идя на подготовку обороны, мы должны создать железную дисциплину в нашей партии.

Без этой дисциплины оборона невозможна. Мы должны укрепить партийную дисциплину, мы должны обуздать всех, кто дезорганизует нашу партию. Мы должны обуздать всех тех, кто раскалывает наши братские партии на Западе и на Востоке...»[176]

Но к войне СССР не был готов. Поэтому, говоря о том, что надо встретить ее во всеоружии, Сталин подчеркнул, что надо стараться «отсрочить войну, выиграть время, откупиться от капитализма».

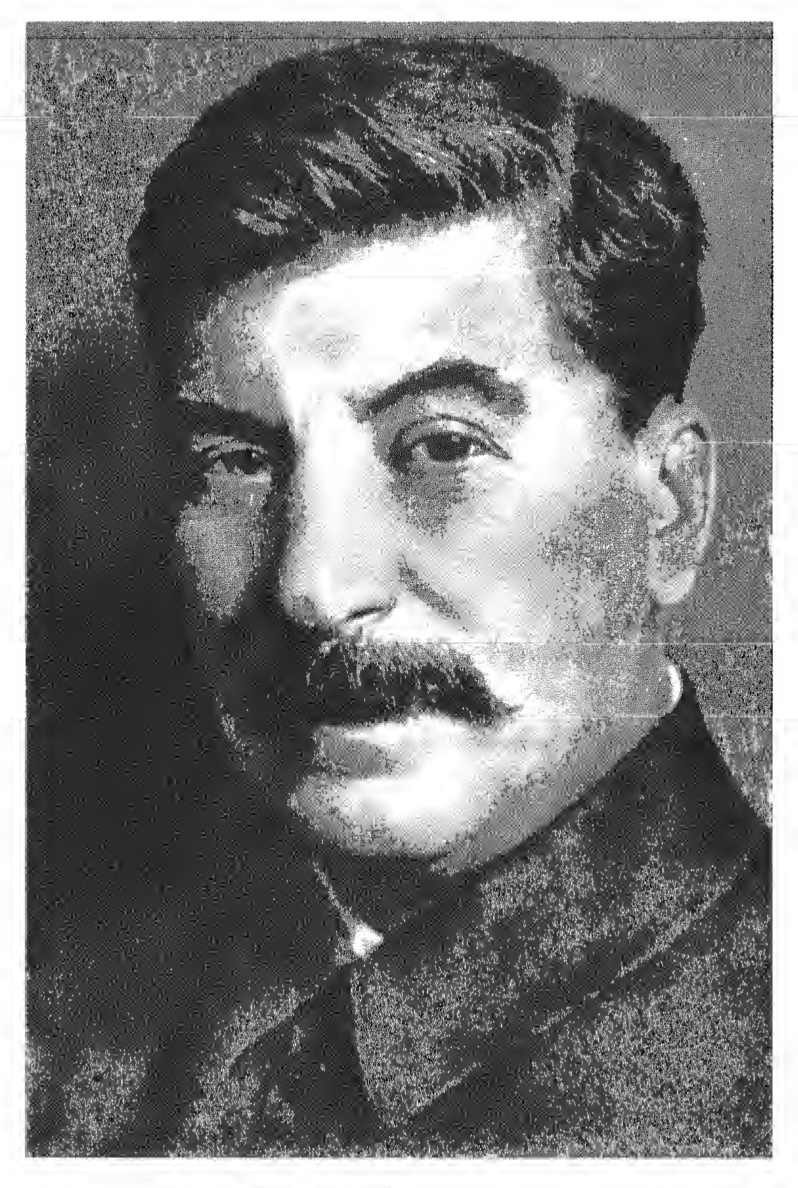
Что такое «откупиться»? Новый «Брест»? Или попытка договориться с внутренними оппонентами?

Выступая на пленуме 9 августа и отвечая на реплику из зала о неприемлемости перемирия с оппозицией, Сталин заметил: «...Нет, товарищи, нам перемирие нужно, вы тут ошибаетесь. Если уж брать примеры, лучше было бы взять пример у гоголевского Осипа, который говорил: “веревочка? — давайте сюда, и веревочка пригодится”.

Уж лучше поступить так, как поступал гоголевский Осип. Мы не так богаты ресурсами и не так сильны, чтобы могли пренебрегать веревочкой. Даже веревочкой мы не должны пренебрегать. Подумайте хорошенько и вы поймете, что в нашем арсенале должна быть и веревочка»[177].

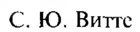
Это цитирование «Ревизора» Гоголя полно иронии, которая сама по себе свидетельствует об огромном самообладании.

На короткое время Сталин вдруг предстает перед публикой в облике простодушного кучера, везущего Хлестакова в коляске по российским просторам. Дорога бесконечна, она переварит и веревочку, и самого Хлестакова, но Осип, кажется, вечен. Кроме того, Осип — это просторечная форма имени Иосиф. Осип Сталин словно от имени этого вечного возницы говорил

И. Сталин

Заседание Государственной думы

С. Ю. Витте

П. А. Столыпин

Николай II на крейсере «Евстафий». *Севастополь, 1915 г.*

Александр Керенский перед войсками. *Петроград, 1917 г.*

Виссарион Иванович Джугашвили, отец И. В. Сталина

Екатерина Георгиевна Геладзе, мать И. В. Сталина

Гори. Родительский дом И. В. Сталина

Сосо Джугашвили. *1893 г.*

И. В. Джугашвили. *1908 г.*

Полицейское дело И. В. Сталина. *1911 г.*

И. Сталин и В. Ленин на VIII съезде РКП(б). *1918 г.*

Политические ссыльные в Туруханском крае.
Иосиф Сталин (третий слева во втором ряду), Лев Каменев (четвертый слева), Яков Свердлов (второй справа во втором ряду). Через год эти люди потрясут империю

Сталин
и Дзержинский.
1917 г.

Председатель
Реввоенсовета
Л. Д. Троцкий

Генерал М. В. Алексеев

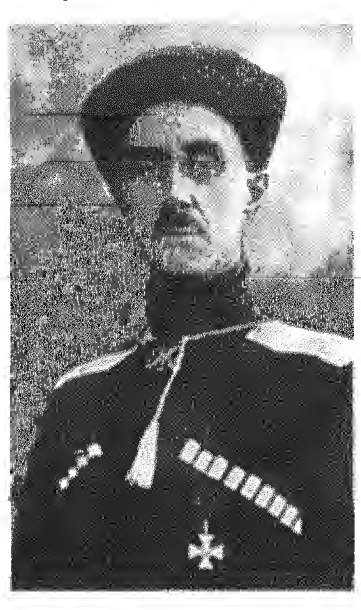

Генерал Л. Г. Корнилов

Генерал А. И. Деникин

Генерал П. Н. Врангель

Генерал А. Е. Снесарев. С 1918 года на службе в Красной армии

Маршал Польши Юзеф Пилсудский

«Антоновщина». Штаб 2-й Повстанческой армии. Село Кибяки Кирсановского уезда

И. В. Сталин

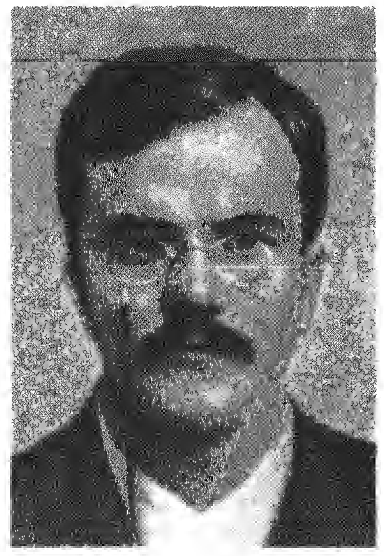
С. М. Киров

УЧАСТНИКИ XI СЪЕЗДА РКП(б). *Москва, апрель 1922 г.*

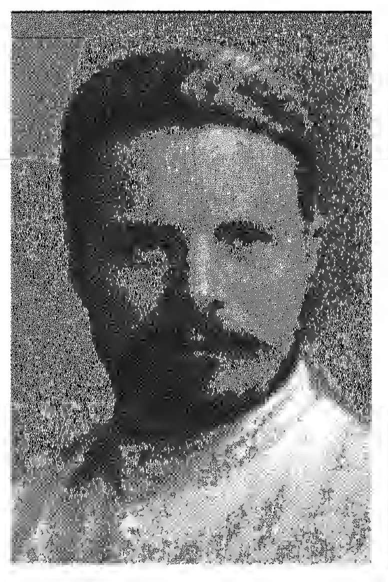

В. М. Молотов

Г. К. Орджоникидзе

М. В. Фрунзе

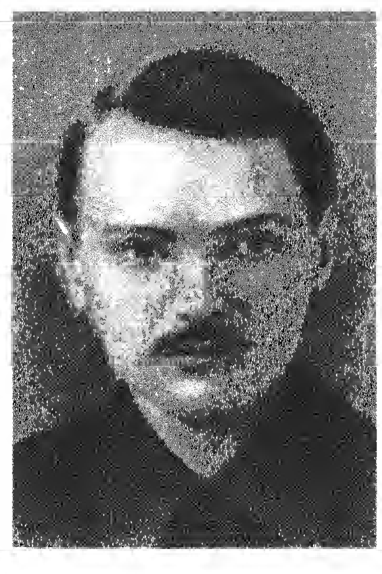
Л. М. Каганович

Ф. Э. Дзержинский

А. А. Жданов

И. В. Сталин несет гроб с телом В. И. Ленина. *Январь 1924 г.*

И. В. Сталин с женой Надеждой Аллилуевой

И. В. Сталин, Л. М. Каганович и Г. К. Орджоникидзе встречают на Щелковском аэродроме экипаж самолета АНТ-25, совершивший беспосадочный перелет Москва–Николаевск-на-Амуре. И. В. Сталин здоровается с В. П. Чкаловым. *10 августа 1936 г.*

И. В. Сталин на улице Москвы в сопровождении единственного охранника. *1927 г.*

Светлана Сталина, И. В. Сталин, Ольга Климович – племянница жены С. М. Буденного, С. М. Буденный, Василий Сталин, Артем Сергеев. *Сочи. Госдача № 9. Август 1934 г.*

Василий, Яков и Светлана у постели бабушки, матери И. В. Сталина

Полковник В. И. Сталин с женой Галиной Бурдонской и сыном Александром. *1942 г.*

Юрий Жданов и Светлана Сталина

И. В. Сталин
на отдыхе в Сочи.
1932 г.

оппозиционерам: «Этой веревочкой мы можем связать вам руки, а не образумитесь, то и затянем ее на ваших шеях».

Получился весьма культурный диалог: Троцкий — об опыте «пораженчества», Сталин — о литературной классике.

В итоге пленум завершился с такими результатами. Сталин потребовал от Троцкого и Зиновьева, угрожая вывести их из состава ЦК, прекратить «болтовню» о термидорианском перевороте в партии, отказаться от идей «пятой колонны» (назовем ее так), осудить своих сторонников в зарубежных компартиях и порвать с ними, «отказаться от фракционности и от всех тех путей, которые ведут к созданию новой партии в ВКП(б)».

Оппозиционеры (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Смилга, Раковский, Муралов и др.) направили в ЦК письмо, в котором признавали свои ошибки.

По вопросу «о новых нарушениях партийной дисциплины Зиновьевым и Троцким» пленум постановил: «Снять с обсуждения вопрос об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК партии и объявить им строгий выговор с предупреждением».

Кроме того, пленум утвердил экономические директивы на 1927—1928 годы.

К тому времени экономика СССР активно развивалась, хотя значительных объемов бюджетных средств было недостаточно для индустриализации. Финансирование происходило за счет эмиссии, перераспределения средств внутри статей бюджета и за счет так называемых «займов индустриализации», на которые власти принуждали подписываться в «добровольно-принудительном порядке». В 1925—1926 годах займы составляли 830 миллионов; в 1928—1929 годах — 2 миллиарда 73 миллиона и миллиард 616 миллионов.

В 1926—1927 годах был 18-процентный рост промышленной продукции. В 1927 году началось строительство Туркестано-Сибирской железной дороги. Тогда же производство продукции машиностроительных отраслей на одну треть превысило уровень 1913 года. Строились новые заводы и электростанции.

В апреле 1927 года IV Всесоюзный съезд Советов поручил правительству в кратчайший срок выработать пятилетний план развития народного хозяйства страны.

За десять лет после Октябрьской революции перемены были огромны: происходила смена повседневного языка, веры, истории, литературы, топонимики, театра, имен человеческих (появились Рэмы (революция, электрификация, мир), Октябрины и еще много подобных странных имен).

Но, конечно, основная масса народа оставалась крестьянской, со своим традиционным мироощущением и православием как основой жизни. Максим Горький отзывался о крестья-

нах резко отрицательно как о малограмотных, жестоких и тупых людях, формируя идейную базу для грядущей безжалостной трансформации деревни.

Естественные перемены происходили и в деревне: на 1 октября 1927 года потребительская кооперация объединяла 38 процентов крестьянских хозяйств; в сельскохозяйственной кредитной кооперации с 1925 по 1927 год число членов выросло в два раза, с 3 миллионов до 6 миллионов. Через систему сельскохозяйственного кредита крестьяне получили в виде ссуд 770 миллионов рублей, что сопоставимо по объему с займами индустриализации. Существенно и то, что 90 процентов крестьян входили в состав общин, которые руководствовались старыми испытанными традициями.

Можно было бы сказать, что к десятилетию Октября в экономике наступил «золотой период», если бы не одно «но». Дело в том, что остро встала проблема источников финансирования, так как из сельского хозяйства исчезли основные производители — крупные помещичьи и крестьянские хозяйства. Это структурное изменение привело к уменьшению почти в два раза производства товарного хлеба в 1923—1927 годах по сравнению с 1909—1913 годами. По данным статистика В. Немчинова, на которые опирался и Сталин в принятии решения о необходимости коллективизации, именно это обстоятельство являлось решающим в определении потенциала НЭПа. Потери надо было компенсировать.

В стране шли на равных два экономических процесса, опирающиеся на разные политические и культурные традиции. Об этом не раз говорил Сталин. Образно говоря, пролетарский молот и крестьянский серп, объединенные в гербе СССР, на самом деле существовали в разных пространствах.

Эти процессы порождали разные политические решения, что неизбежно должно было привести к кризису.

НЭП изживал себя. Он объединял малокультурное население, жаждущее заработать на чем угодно, осколки старой интеллигенции и буржуазии, а также советскую бюрократию. Что в итоге получалось, трудно описать.

Например, строительство Днепрогэса американский инженер Хью Купер сравнил с возведением пирамиды Хеопса — из-за плохой организации труда. В ближайшем будущем подмеченная им проблема, помноженная на энтузиазм желавших социального роста масс и бдительность партийных и чекистских органов, поставит вопрос о «вредительстве» старых спецов. Кто-то должен был ответить за ошибки.

Вредительство, как таковое, конечно, имело место, но на самом деле не оно являлось самой большой проблемой. Гораздо серьезнее была проблема разрыва в картине мира у носителей двух разных миропониманий. Разгромленная Санкт-Петербургская Россия продолжала жить в интеллигенции, без которой новая власть не могла обойтись.

Особенно сильно это противостояние обнаружилось при оформлении концессий. Ряд концессионных сделок находился под контролем Экономического управления ОГПУ, которое выявило непроизвольно складывающуюся систему взаимоотношений советских спецов с представителями зарубежных фирм: за вознаграждение специалисты помогали иностранцам заключать договоры на выгоднейших для тех условиях, передавали сведения, не подлежащие оглашению, знакомили с экономико-техническими данными производств, принимали участие в выработке условий договоров. ОГПУ расценивало это как новую форму подрыва экономической безопасности государства. Концессионеры, обладая полной информацией, значительно уменьшали планируемую Госпланом прибыль.

Так, 6 марта 1927 года был арестован начальник концессионного отдела Управления Военно-воздушных сил СССР Г. К. Линно за деятельность в пользу фирмы «Юнкерс». При содействии Линно ВВС закупали некачественную авиационную технику, переплачивая за нее от 30 до 50 процентов. При его непосредственном участии «Юнкерсу» удалось сдать 100 небоеспособных самолетов по завышенной цене, он способствовал принятию решения о поставке бомбардировщиков по завышенной в 2,5 раза цене. За свою работу Линно получил отступные в размер полпроцента от суммы сделки и еще дополнительную премию.

Девятого мая 1927 года решением коллегии ОГПУ Линно и его сообщники были приговорены к расстрелу[178].

Подобные ситуации возникали в горной, нефтедобывающей, золотодобывающей и других отраслях. Особенную тревогу у Москвы вызывала связь концессионеров с российскими эмигрантскими кругами банкиров и промышленников, которые получили реальную возможность влиять на взаимоотношения западных стран и СССР.

Можно утверждать, что у Сталина накапливалось понимание угрозы, исходящей от пока еще незаменимой группы населения, старой интеллигенции.

Как системно реагировать на эту угрозу, никто не знал, но из социального низа на руководство оказывали давление миллионы людей. Они ждали от Сталина и его соратников поддержки в борьбе со старой элитой, ждали новых должностей,

квартир, образования и новых смыслов. «Мы — новые, молодые, нам должен покоряться мир!» — такие слова были начертаны на их флаге.

Патриархальная идеология с ее диктатом старшего поколения, привязанностью к одному месту, предкам и преданиям, евангелическому временному циклу с Рождеством, крестными муками Иисуса Христа и Вознесением — все это переставало быть для молодых основой жизни. Их время распрямлялось, становилось линейным, как полет пули, которая никогда не вернется назад. Обвинять это новое грубое поколение — глупо и непродуктивно. Это только запутывает дело.

Но оно, как это ни грустно для ленинской гвардии, нуждалось в новых победных вождях.

Для понимания тогдашней обстановки надо обратиться к кадровому составу партии. Через десять лет после Октябрьской революции в ней состояло миллион 300 тысяч человек, а «старых большевиков» — всего 8 тысяч. Только треть партии составляли рабочие, 60 процентов коммунистов занимались неквалифицированным (однако не физическим) трудом на низших должностях в различных ячейках государственного и партийного аппарата. Подавляющая их часть (свыше 85 процентов) были молодые люди младше сорока лет (с низким образованием). У них был ничтожный политический опыт, их представления о борьбе в руководстве партии были максимально упрощенные: Сталин хочет построить социализм в СССР, а Троцкий — не хочет[179].

Соответственно, эта огромная партийная масса, к которой примыкал еще более многочисленный комсомол, все надежды связывала со Сталиным. К тому же в условиях ожидаемой войны он приобретал в их глазах еще одну ипостась — не только защитника партии от раскола, но и защитника Отечества. А Отечество — это понятие почти мистическое.

Так неожиданно в сознании партийцев произошел поворот от марксистской идеи, что у пролетариата нет Отечества, к обретению этого Отечества, но теперь социалистического.

О принципиальном характере кадровой проблемы свидетельствует доклад немецкого инженера Келлена, работавшего на строительстве электростанций в Балахне (Нижегородская область) и Штеровке (Донецкая область).

«26. 02. 1928 г. В 20 часов посетил меня инженер Стюнкель. Мы говорили о деталях доклада. Он меня ознакомил с положением здешних инженеров. Теперь я понял, наконец, почему здешние инженеры недовольны. До войны инженер-строитель зарабатывал в месяц около (от) 600 до 1200 руб., кроме того, он получал на месте работы квартиру, лошадей и все удоб-

ства. Они жили, таким образом, по-барски, как у нас инженеры никогда не живут. Поэтому они недовольны своим теперешним положением и в связи с этим они не хотят мне верить, что инженерам за границей живется не лучше. Вследствие этих причин новое поколение лучше, так как ему незнакома такая роскошная жизнь... Восстановление страны подвигается вперед исполинскими шагами. Если существует много обстоятельств, тормозящих работу, и тем не менее делаются громадные успехи, то, по моему мнению, причина этого исключительно в том, что революция имеет колоссальные силы, которые двигают вперед весь существующий строй, несмотря на его косность.

Полагаться в Советском Союзе теперь можно собственно лишь на тех инженеров, которые либо члены партии, либо стоят очень близко к партии...»[180]

Этот доклад был послан в секретариат председателя Совнаркома Рыкова, но вряд ли раскрыл что-то новое. Дотошный немецкий инженер указал не на политическую, а на вполне бытовую причину оппозиционных настроений. И чтобы бороться с этими настроениями, требовалось выбрать одно из двух: либо давать больше материальных благ, либо сильно напугать.

Поскольку о быстром увеличении материальных благ не приходилось мечтать, оставалось единственное надежное средство. До знаменитого Шахтинского дела, по которому были обвинены во вредительстве и шпионаже несколько десятков инженеров, оставалось меньше года.

В августе 1927 года в связи с нарастающей военной угрозой призвали в армию миллион резервистов. Это обстоятельство мгновенно отразилось на состоянии продовольственного рынка: цены на хлеб выросли, полки магазинов опустели. Хлебозаготовители разъезжали по селам, убеждая крестьян продавать зерно по государственным закупочным ценам, однако крестьяне, ожидая войны и повышения спроса, не спешили. В итоге программа индустриализации оказалась под угрозой финансовой катастрофы.

В деревне стала нарастать напряженность, и это сразу обернулось увеличением террористических актов.

В 1924 году их было 313, в 1925-м — 902, в 1926-м — 711, в 1927 году — 901. (С 1928 года, когда политика Кремля в деревне стала силовой, число терактов выросло за семь месяцев до 1049, в 1929-м — до 8278.)

Хлебная проблема, возможно, была бы не так угрожающа, если бы не имела фундаментом всю политику партии в деревне.

Партийные власти были нацелены на увеличение продуктивности крестьянских хозяйств, поддерживали хозяйственную инициативу, а сами председатели сельсоветов и секретари партячеек, такие же крестьяне, как и их подопечные, смыкались со своей паствой. Они тоже имели участки земли, скот и вели хозяйство. Все крестьянские кооперативы и общества сельхозкредита ориентировались прежде всего на получение прибыли.

Данный процесс приобрел массовый характер и сильно встревожил руководство страны. Стали складываться своеобразные кланы, включающие богатых крестьян, партийных и советских работников.

Еще одна особенность высветилась осенью 1927 года: хуторские крестьянские хозяйства («столыпинские») получали более высокие урожаи и более охотно по сравнению общинными хозяйствами объединялись в производственные кооперативы[181].

Как будто Петр Аркадьевич Столыпин поднялся из могилы в Киево-Печерской лавре и сказал всем оппонентам: «Смотрите, как могла развиваться Россия, как она выстраивала снизу свое могущество!»

Но его оппоненты, разгромленные еще в феврале 1917 года, были далеко — кто в могилах под Свердловском, кто в эмиграции.

Военная угроза порождала в партии военизированный взгляд на мир, подталкивала к сплочению, мобилизации ресурсов для организации обороны. Газеты были полны призывами к «бдительности, военной подготовке, борьбе», проводились «Недели обороны», работали молодежные военные кружки Осоавиахима, в летних лагерях проводилась военная подготовка юношей и девушек, шли демонстрации, совместные маневры, взаимные посещения военных частей и заводов.

Но, несмотря на размах кампании, население в основной массе оказалось равнодушным, зато определялись те, кто связывал свою жизнь с Советским государством, и те, кто был ему чужд, даже враждебен. Этим «чужим» не было места в советском обществе. Они должны были «перековаться» или исчезнуть.

Что могло стремящееся к спокойной жизни после бурь население подвигнуть на жертвы и подвиги?

Только великая идея.

Революция, исчерпавшая свои силы в гигантском крестьянском море, должна была получить новое направление или (через «корниловский переворот») вернуться к Февралю.

К сентябрю опасность войны достигла наивысшей точки. В Москве считали, что Англия стремится подтолкнуть Поль-

шу, Румынию и Финляндию к нападению на СССР, а ее флот обеспечит блокаду с моря.

Семнадцатого сентября командование Красной армии начало большие маневры в районе Одессы с участием соединений Украинского военного округа и Черноморского флота. Руководил маневрами начальник Штаба РККА Тухачевский, присутствовали Рыков, Ворошилов, Бубнов, Буденный, А. Егоров, Уборевич, Якир, Эйдеман, Дыбенко и др.

Присутствие главы правительства и руководителя военного ведомства указывало на особый характер события. В Ленинградском, Белорусском, Северо-Кавказском военных округах тоже начались маневры. В Осоавиахиме была проведена мобилизация и проверка боеготовности. СССР демонстрировал свои силы.

Среди военно-политических событий той поры надо отметить и назначение в мае 1927 года командующим Московским военным округом Б. М. Шапошникова, который во время конфликта с зиновьевцами год назад всецело поддержал Сталина.

На самом же деле армия не была готова к войне, и надо было во что бы то ни стало избежать войны. Эта несостоявшаяся война оказала большое влияние на судьбу армии. В частности, она подтолкнула Тухачевского направить Ворошилову докладную записку «О радикальном перевооружении РККА». Главная мысль доклада: вооружение должно отвечать «промышленным, транспортным и прочим экономическим возможностям государства».

Армия через начальника своего штаба требовала от руководства страны изменения экономической и оборонной политики. Это было главное в докладе, и, соответственно, косвенно признавалась неудовлетворительной предыдущая деятельность как Ворошилова, так и всего руководства страны.

Доклад Тухачевского укреплял позиции сторонников ускоренной индустриализации.

Таким образом, к концу 1927 года перед Сталиным и его соратниками жизнь выдвинула несколько трудноразрешимых проблем.

Внутрипартийная борьба за лидерство еще более усугубляла его положение, а повседневный террор белогвардейских боевиков мог в любой момент оборвать жизнь генерального секретаря.

Несмотря на угрозы, Сталин ходил по центру Москвы пешком в сопровождении единственного охранника. Один выстрел

мог поставить точку. Случись это, история СССР развивалась бы иначе.

Между тем оппозиция недолго соблюдала перемирие. 3 сентября 13 членов ЦК и ЦКК во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым направили в ЦК подготовленный к XV съезду проект «Платформы большевиков-ленинцев (оппозиции)» и потребовали, чтобы этот документ был напечатан и распространен. В этом им отказали.

Каково же содержание этой «Платформы...»? Во-первых, утверждалось, что «группа Сталина ведет партию вслепую», скрывает силы врагов, не дает объективно анализировать проблемы. Эти проблемы, по мнению оппозиции, были следующие: недостаточно быстрые темпы роста промышленного производства, еще более медленный рост зарплаты трудящихся, увеличение безработицы, усиление кулачества, которое экономически контролирует деревню и владеет большей частью товарного зерна.

В целом — это реальные проблемы, и нельзя сказать, что Сталин о них не знал. Дело было в том, что в рамках существующей экономической модели сельскохозяйственный сектор становился все более самостоятельной силой. Лозунг сталинской группы «создание беспартийного крестьянского актива через оживление Советов» еще более укреплял политическую роль кулаков. Но именно этот тонкий слой был основным источником товарного хлеба, от которого зависело наполнение государственного бюджета, поэтому Сталин поддерживал Бухарина, Рыкова, Томского, считавших помощь экономически сильным хозяйствам со стороны государства единственно возможным курсом.

Левая оппозиция требовала радикально изменить этот курс, опереться на бедняков, помочь им кредитами и освобождением от налогов, объединить их в коллективные хозяйства. Особая опасность виделась в успешном развитии «фермерства» (то есть «столыпинского» хуторского хозяйства) и объединения «фермеров» в собственные кооперативы.

Кроме того, левые предлагали вернуться к политике мировой революции и отказаться от внешнеэкономических уступок. В условиях реальной военной угрозы это предложение было сверхреволюционным.

Для мощного индустриального подъема предлагалось увеличить государственный сектор экономики, отобрать «сверхприбыль частных предпринимателей», изъять у кулаков (около десяти процентов крестьянских хозяйств) не менее 150 миллионов пудов зерна. Предлагалось ввести «сухой закон», повысить финансирование обороны, промышленности, электрификации, транспорта, жилищного строительства, коллективизации.

Проект «Платформы...» будоражил общественное сознанис возможностью альтернативного развития и смены руководства. Это была боевая программа политиков, нс боявшихся пожертвовать ради победы ни собственным благополучием, ни безопасностью государства.

Седьмого сентября Троцкий с соратниками потребовал созыва пленума ЦК 15—20 сентября. Он объяснял это сокращснием сроков предсъездовской дискуссии.

Двадцать седьмого сентября Троцкий, произнеся двухчасовую обличительную речь, был исключен из Исполкома Коминтерна.

Двадцать первого — двадцать третьего октября состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК. Сталин уже не говорил о компромиссе («И веревочка пригодится»). В своей речи он беспощадно громил оппозиционеров.

Попытка оппозиции вывести своих сторонников на улицу была подавлена.

Решением ЦК Троцкий и Зиновьев были исключены из партии, Каменева вывели из состава ЦК.

Десятого — двенадцатого ноября в Москве состоялся Всемирный конгресс друзей СССР, на котором присутствовали 947 делегатов из 43 стран. Было принято воззвание к трудящимся всего мира: «Боритесь, защищайте, охраняйте СССР, родину трудящихся, оплот мира, очаг освобождения, крепость социализма, всеми средствами, всеми способами!» В этой формуле чувствуется сталинский стиль.

На XV съезде партии (2—19 декабря) оппозиция перешла в «инобытие»: из состава ЦК были выведены еще 12 ее участников, из партии были исключены 75 активных членов «троцкистской оппозиции» и 15 других несогласных с официальным курсом. Политбюро приняло решение о перемещении Троцкого и около 30 его ближайших соратников на малозаметные посты в Сибири и Средней Азии. Большинство согласилось. Троцкий отказался и был выслан из Москвы в Алма-Ату по статье Уголовного кодекса о контрреволюционной деятельности. Зиновьева и Каменева как не представляющих опасности направили в Калугу, всего за 180 киломстров от столицы, где во времена Смуты был убит и похоронен Лжедмитрий II.

В отчетном докладе на съездс Сталин нарисовал картину будущего, которое ожидало СССР и мир. Он сказал, что угроза войны по-прежнему остается, и поэтому надо всячески сохранять мирные отношения с капиталистическими странами.

Сталин буквально пропел гимн о прсимуществах государственной экономики и поставил задачу закрепить достигнутые темпы и увеличить их, чтобы догнать и перегнать Запад.

Он назвал великие стройки того времени: Волховстрой, Днепрострой, Свирьстрой, Туркестанскую железную дорогу, Волго-Донской канал, ряд заводов-гигантов.

В отношении деревни Сталин поставил задачу: постепенное объединение индивидуальных хозяйств и их индустриализация.

В докладе было заложено несколько «сигналов»: необходимость повышения культурного уровня населения, уменьшение производства водки и компенсация бюджетных потерь производством кинофильмов, борьба с бюрократизмом, религией, антисемитизмом. «Сигнал» об антисемитизме потребовался Сталину, чтобы снять соответствующие упреки, ибо многие из «оппозиционеров» были евреями, но в руководстве партии и особенно ОГПУ евреев было гораздо больше, к тому же у ближайших соратников Сталина жены были еврейки.

В заключительном слове Сталин объявил о содержании нового периода революции. Период восстановления закончился, начиналось строительство социализма.

XV съезд вошел в историю как «съезд коллективизации». Его можно было назвать и «концом НЭПа», но тогда завершение периода еще не просматривалось.

Все они, центристы (Сталин, Молотов, Ворошилов) и правые (Бухарин, Рыков, Томский), еще были нацелены на борьбу с оппозицией (уже разгромленной) и не ожидали, что исторический перекресток находится от них на расстоянии вытянутой руки.

На послесъездовском пленуме при подготовке резолюции по отчету ЦК члены Политбюро Рыков, Бухарин, Томский и кандидат в члены Политбюро Угланов неожиданно выступили против идеи Сталина провозгласить коллективизацию основной задачей на предстоящий период. Сталин вынес этот конфликт на послесъездовский пленум, где у него было явное большинство. Он сделал заявление: «Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что больше не могу работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту».

Его отставка, как и ожидалось, была отвергнута. Он получил одобрение пленума, но настоящая борьба только начиналась.

Январь 1928 года принес страшный удар. Несмотря на высокий урожай, государство получило вместо 430 миллионов пудов (как в 1927 году) только 300 миллионов. Выходило, что партийное руководство недооценило угрозу, увлеченное борьбой с оппозицией и военной опасностью.

Стало ясно, что крестьяне не намерены поддерживать государственную политику.

С учетом низкого уровня вооружения Красной армии (устарелые модели самолетов, артиллерия на конной тяге, мизерное количество бронетехники) говорить об успешном построении социализма было преждевременно. Как сказал на съезде Ворошилов, его «оторопь брала» при виде этой техники.

Политбюро было ошеломлено. Да, поле битвы осталось за ними, но что делать дальше?

Глава тридцать третья

Личная жизнь Сталина. «Крестьянский бунт». Конец НЭПа. Попытка самоубийства Якова Джугашвили. Шахтинское дело. Бухарин против индустриализации

Мы подошли к решающему рубежу в судьбе Сталина, переступая который он должен был либо погибнуть, либо возвыситься. Этот рубеж — переворот тысячелетнего крестьянского мира, лишение большинства населения страны привычной экономической свободы во имя модернизации государства.

Но Сталин не знал, что, перейдя Рубикон, он потеряет в личной жизни все, что принято называть человеческим счастьем. Внешне семейная жизнь генерального секретаря проходила на виду у его соратников и была вполне счастливой. Двое детей, Василий (1921) и Светлана (1926), укрепляли ее. Жена, Надежда Сергеевна Аллилуева, после секретариата Ленина работала в редакции журнала «Революция и культура» при газете «Правда», в 1929 году поступила учиться в Промышленную академию на текстильный факультет и одновременно являлась соучредителем детского дома для детей кремлевского руководства.

Надежда Сергеевна отличалась тяжелым характером. Она была ревнива, вспыльчива, холодна к детям. Требуя постоянного внимания от работавшего по 16—18 часов мужа, она часто ссорилась с ним. Как пишет ее племянник В. Аллилуев: «Видимо, трудное детство не прошло даром, у Надежды развивалась тяжелая болезнь — окостенение черепных швов. Болезнь стала прогрессировать, сопровождаясь депрессиями и приступами головной боли. Все это заметно сказывалось на ее психическом состоянии. Она даже ездила в Германию на консультацию с ведущими немецкими невропатологами... Надежда не раз грозилась покончить с собой»[182].

И еще одна важная деталь, проливающая свет на характер взаимоотношений Сталина и Аллилуевой: «...Однажды после вечеринки в Промышленной академии, где училась Надежда,

она пришла домой совсем больная оттого, что пригубила немного вина, ей стало плохо. Сталин уложил ее, стал утешать, а Надежда сказала: "А ты все-таки немножко любишь меня". Эта ее фраза, видимо, является ключом к пониманию взаимоотношений между этими двумя близкими людьми. В нашей-то семье знали, что Надежда и Сталин любили друг друга»[183].

Это «все-таки любишь» дышит благодарностью, любовью и признанием, что она ошибалась, когда ревновала его.

Иногда Сталин при детях мог, словно шутя, обнять ее и поцеловать в щеку. Не нужно быть психологом, чтобы понять этот язык любви. В письмах к нему Надежды Сергеевны порой проскальзывает интимная нота: «Без тебя очень и очень скучно», «Целую тебя крепко, крепко, как ты целовал меня на прощание». Она обращается к нему: «Дорогой Иосиф», а он к ней — «Татька».

В семейном быту Сталин был обаятелен (он вообще обладал поразительным обаянием и умел обвораживать людей), гостеприимен, любил играть с детьми и шутить.

В минуты отдыха он, вероятно, освобождался от давящего груза проблем.

В Кремле, у Троицких ворот в доме 2 по Коммунистической улице семья Сталина занимала небольшую квартиру, где все комнаты были проходными. Любопытно, что в прихожей стояла кадка с солеными огурцами, их любил хозяин. Василий и Артем жили в одной комнате, старший сын Яков — в столовой. У Сталина там не было своего рабочего места. Мебель здесь была простая, еда — тоже. «Обед был неизменным. Сперва кухарка Аннушка Альбухина торжественно ставила в центре стола супницу, в которой изо дня в день были одни и те же харчи — щи с капустой и вареным мясом. Причем на первое — щи, а на второе — вареное мясо. На десерт — сладкие, сочные фрукты. Иосиф Виссарионович и Надежда Сергеевна за обедом пили кавказское вино: Сталин уважал этот напиток. Но настоящим праздником для детей были те редкие случаи, когда бабушка, мать Сталина, присылала из солнечной Грузии варенье из грецких орехов. Хозяин дома приходил домой, ставил посылку на обеденный стол, доставал литровые баночки с деликатесом: "Вот, это наша бабушка прислала". И улыбался в усы»[184].

Это варенье, надо полагать, немало значило для него. Как всякий человек, оторванный от родины, он должен был испытывать к матери, живущей так далеко от него, сильное сыновье чувство и делился им.

Хотя, надо отметить, щедрые дары чиновников из Грузии, вина, фрукты, сласти, он не принимал и с раздражением отсылал обратно. В одежде он был скромен, его гардероб состоял из

двух-трех брюк, старых кителей, сибирской дохи времен туруханской ссылки, шинели и сапог.

У Надежды Сергеевны тоже не было склонности к роскоши. Она предпочитала в одежде строгий английский стиль: темная юбка ниже колен, белая блузка, темно-синий жакет, туфли на среднем каблуке. Украшений и драгоценностей не любила и не имела. Она каждое утро составляла план на день и строго следовала ему.

На фоне скромной жизни руководителя партии остальные обитатели Кремля не стремились выделяться, хотя далеко не всем нравилась подобная аскетичность.

Среди них были сибариты и кутилы, такие, как Авель Енукидзе, секретарь ЦИК, который контролировал материальное обеспечение и в ведении которого была кремлевская охрана. Был грешен по части интимных увеселений с балеринами председатель ЦИК М. Калинин. Позволял себе развеяться за границей член Политбюро Я. Рудзутак. С. Киров тоже любил развлекаться с артистками.

Но Сталин вынужден был прощать эти грехи соратников.

Несмотря на занятость, он никогда не забывал о детях. Здесь его сдержанность уступала место заботливости и теплому юмору. Сталин постоянно интересовался их учебой, но не наказывал за «двойки» и вообще не поощрял, как говорил А. Ф. Сергеев, к «отличничеству»: главное, чтобы дети понимали суть предмета.

К их озорству тоже относился добродушно. Они его не боялись.

Однажды маленький Томик насыпал в супницу табака, Сталин, попробовав щи, понял, в чем дело, и спросил: «Кто это сделал?»

Артем признался. Тогда Сталин спросил: «А ты сам попробовал? Попробуй. Если понравится, пойди к Каролине Георгиевне (домохозяйка), чтобы она всегда добавляла в щи табак. А если тебе не понравится, больше никогда так не делай!»

От этого рассказа веет добродушием и патриархальностью. Так может вести себя уверенный в своих силах, счастливый человек.

Даже тогда, когда Василий явно хулиганил и его стоило строго одернуть, Сталин находил иное решение.

А. Ф. Сергеев: «Помню, однажды Василий прибегает домой, подходит к Иосифу Виссарионовичу и хвастает: “Папа, ребята, когда возвращались из школы, увидели, как старухи крестятся и молятся, так они бросили им под ноги пугачи — взрывчатку”. Сталин нахмурил брови: “Зачем? Я спрашиваю, зачем они это сделали?!” Василий опешил: “А зачем они молятся?!”

Отец ему в ответ: “А ты бабушку уважаешь? Любишь ее? А она тоже молится. Потому что знает чего-то такое, что ты не знаешь!”»

Приведенная сцена поразительна. Сталин не читает нотаций, а переводит разговор на какой-то мистический уровень. Что может знать верующая в Бога бабушка? И если она действительна знает, то, значит, Бог есть. И отец тоже знает, что Бог есть?

Во всяком случае, аргументация Сталина выходит за рамки обычных представлений о нем как о сверхрациональном человеке.

Есть сведения, что и Надежда Сергеевна была очень верующей, ходила в церковь. Об этом говорила Галина Кравченко, сноха Л. Б. Каменева[185]. Трудно сказать, насколько это верно. Но особое отношение Сталина к церкви не вызывает сомнений, и поэтому в неожиданном споре с сыном он вдруг апеллировал к Тайне.

В иных случаях он мыслил в рамках земных доводов. Например, на книге Даниэля Дефо «Робинзон Крузо», подаренной им Артему в день рождения в 1928 году, он написал: «Дружку моему, Томику, с пожеланием вырасти сознательным, стойким и бесстрашным большевиком». Эти слова мальчик, ставший офицером, воспринял так, как они и прозвучали, — как приказ.

В письмах Сталина дочери Светлане хорошо видно сочетание любящего сердца и рационального ума. Но любящего сердца — больше.

Письма он будет писать позднее, когда она подрастет. А пока, по словам Надежды Сергеевны, он «очень дружит» с дочерью.

Еще один семейный круг — родичи.

Его мать живет в Тифлисе, в Москву не переезжает. Письма ей пишет чаще всего Надежда Сергеевна — вежливые, уважительные и чуть-чуть отчужденные. В них она передает привет «от Иосифа», который сильно занят, сообщает о здоровье детей. Никакой политики в этих письмах нет.

Изредка Сталин тоже пишет матери, — совсем коротко. Видно, что, кроме сыновьего привета, ему нечего сообщить ей. Подписывается он своим детским именем — Сосо.

Другая родня — это Сванидзе, сестры и брат его первой жены: Александра (Сашико), Мария (Марико) и Александр, у которого есть жена Мария. Этот Александр (в семье его звали Алешей) участвовал в революционной деятельности в Грузии, был в эмиграции, в 1920—1921 годах работал помощником заведующего отделом Наркомата иностранных дел, в 1921—1922 годах — народный комиссар финансов Грузии и Закавказья, затем работал в наркоматах иностранных дел, финансов,

внешней торговли, в заграничных учреждениях СССР, в 1935—1937 годах — заместитель председателя правления Госбанка СССР по зарубежным операциям.

Еще одна родня — Аллилуевы. Сергей Яковлевич Аллилуев — тесть Сталина, электротехник и механик, был авторитетным в партии человеком, участвовал в работе первых марксистских кружков на Кавказе, сидел в тюрьмах. После Октября был избран комиссаром первой ГЭС Петрограда, потом работал по направлению ВСНХ на Украине, членом ревкома Крыма, на хозяйственных руководящих постах.

Зная Сталина еще совсем молодым человеком, он уважал его. Именно у С. Я. Аллилуева Ленин скрывался в 1917 году, а Сталин снимал комнату. Сергей Яковлевич был бессребреником.

Ольга Евгеньевна Аллилуева (в девичестве Федоренко) — теща Сталина. Она в шестнадцатилетнем возрасте вышла по любви замуж за 27-летнего Сергея Яковлевича вопреки воле родителей, сбежав из дома. Рано выйдя замуж, ее дочь Надежда следовала по ее стопам. (Впрочем, узнав, что Надя выходит за Сталина, она была против.) Вот портрет сталинской тещи: «...Бабушка была человеком гордым и не хотела ни от кого зависеть. Еще когда в 1928 году она по болезни ушла на пенсию, ей приходилось туго, она еле сводила концы с концами и попросила об увеличении пенсии, которая была совсем небольшой. Но ей отказали, сославшись на то, что она родственница Сталина. В ответ она написала: “Каждому партийцу должен быть известен скромный образ жизни т. Сталина и вообще невозможность для него материально кому-либо помогать. Рассматривать меня как родственницу Сталина для большевика недостойно. Родственность — представление чисто мещанское”»[186].

Дети Аллилуевых — Павел, Федор, Надежда, Анна.

Павел (род. 1894) был участником Гражданской войны, потом возглавлял Норильскую горно-изыскательскую экспедицию, в конце 1926 года по предложению Сталина, который его очень уважал, был направлен военным представителем в Германию в торговое представительство СССР, по возвращении весной 1932 года занимал должность военного комиссара Автобронетанкового управления РККА СССР.

«...Был он человеком искренним, с открытой, но строгой душой, если чувствовал несправедливость, всегда вступался. Но и принципами не поступался. Может быть, поэтому авторитет Павла был очень высоким»[187].

Федор Аллилуев (род. 1898) — участник Гражданской войны, был болен и никакого влияния на Сталина не имел.

Анна Аллилуева (род. 1896) окончила гимназию, работала в секретариате Совнаркома, в мандатных комиссиях съездов, в военном отделе ВСНХ, шифровальщицей в особом отделе 14-й армии на Украине. В 1920 году стала женой секретаря Дзержинского Станислава Реденса.

В 1920 году Реденс назначается председателем Одесской ЧК, затем Харьковской, в 1922 году — член коллегии ОГПУ, в 1922—1924 годах — председатель ГПУ Крыма и начальник особого отдела Черноморского флота. С 1924 по 1925 год он снова работает секретарем у Дзержинского в ВСНХ, после смерти Дзержинского — в ЦКК с Куйбышевым и Орджоникидзе, с 1929 года — полномочный представитель ОГПУ и председатель ГПУ Закавказья.

По своей натуре Реденс походил на Дзержинского, был таким же романтиком революции. Как родственник Сталина он играл особую роль в руководстве государственной безопасности и еще в конце 1920-х годов столкнулся с Л. П. Берией. У Реденса с Берией были враждебные отношения. Сын Реденса, Владимир Аллилуев, повествует о следующем факте дискредитации отца в Грузии. «Берия со своими людьми хорошенько напоили отца, раздели его и в таком виде пустили пешком домой...»[188]

Не умевший пить начальник чекистов Закавказья был опозорен. Его перевели на Украину.

Вся родня довольно часто собиралась на даче в Зубалове (неподалеку от Москвы по Рублево-Успенскому шоссе), где тогда царила добродушная и в чем-то патриархальная атмосфера русской усадьбы начала века с несколькими поколениями семьи, друзьями, прислугой, учителями детей.

Первым хозяином Зубалова был бакинский нефтепромышленник Зубалов, на промыслах которого в Баку Сталин обретал революционный опыт. В 1919 году Сталин занял пустующий краснокирпичный дом с готическими башенками, окруженный двухметровым кирпичным забором. Дача была двухэтажной, кабинет и спальня Сталина находились на втором этаже. На первом этаже были еще две спальни, столовая и большая веранда. Метрах в тридцати от дома стояла служебная постройка, где располагались кухня, гараж, помещение охраны. Оттуда в главное здание вела крытая галерея.

По соседству находились дачи Микояна, Ворошилова, Шапошникова.

У Сталина жили старшие Аллилуевы, их дети. Здесь собиралась и вся большая семья с родичами, их женами и детьми, соратники. Светлана, дочь Сталина, писала, что этот ближний семейный круг служил ее отцу «источником неподкупной не-

лицеприятной информации» и после смерти Надежды Сергеевны рассыпался.

Но кроме информации эта большая семья давала Сталину ощущение полноты жизни.

Оно дополнялось и усиливалось его хозяйственными увлечениями.

Вот яркое тому свидетельство его дочери: «Наша же усадьба без конца преобразовывалась. Отец немедленно расчистил лес вокруг дома, половину его вырубил, — образовались просеки; стало светлее, теплее и суше. Лес убирали, за ним следили, сгребали весной сухой лист. Перед домом была чудесная, прозрачная, вся сиявшая белизной молоденькая березовая роща, где мы, дети, собирали всегда грибы. Неподалеку устроили пасеку, и рядом с ней две полянки засевали каждое лето гречихой, для меда. Участки, оставленные вокруг соснового леса, — стройного, сухого — тоже тщательно чистились; там росла земляника, черника, и воздух был какой-то особенно свежий, душистый. Я только позже, когда стала взрослой, поняла этот своеобразный интерес отца к природе, интерес практический, в основе своей — глубоко крестьянский. Он не мог просто созерцать природу, ему надо было хозяйствовать в ней, что-то вечно преобразовывать. Большие участки были засажены фруктовыми деревьями, посадили в изобилии клубнику, малину, смородину. В отдалении от дома отгородили сетками небольшую полянку с кустарником и развели там фазанов, цесарок, индюшек; в небольшом бассейне плавали утки. Все это возникло не сразу, а постепенно расцветало и разрасталось, и мы, дети, росли, по существу, в условиях маленькой помещичьей усадьбы, с ее деревенским бытом, — косьбой сена, собиранием грибов и ягод, со свежим ежегодным “своим” медом, “своими” соленьями и маринадами, “своей птицей”.

Правда, все это хозяйство больше занимало отца, чем маму. Мама лишь позаботилась о том, чтобы возле дома цвели весной огромные кусты сирени и насадила целую аллею жасмина возле балкона. А у меня был маленький свой садик, где моя няня учила меня ковыряться в земле, сажать семена настурций и ноготков»[189].

По словам А. Ф. Сергеева, Сталин «то и дело копался в земле, работал мотыгой, расчищал снег». Глядя на отца, Василий тоже увлеченно работал на участке.

Сталин приезжал в Зубалово по воскресеньям (вечером в субботу очень редко, суббота была рабочим днем). На воскресный обед собирались родня и соседи. Из развлечений были бильярд, механическое пианино с большой коллекцией классической музыки. Порой пели и танцевали. Сталин любил и

умел петь, был хлебосольным хозяином. Вообще зубаловская жизнь выглядела легкой и веселой. В 1928 году Сталину 49 лет, Надежде Сергеевне — 28, Василию — 7, Светлане — 2 года. Счастливая семья.

Итак, после разгрома левой оппозиции на XV съезде партии сталинская группа оказалась лицом к лицу с неразрешимой проблемой. Дальнейшее следование курсом НЭПа должно было неизбежно привести к краху коммунистического правительства.

Оставалось последнее средство: силой заставить деревню подчиниться, что и предлагалось левыми и против чего только что возражали сталинцы и бухаринцы.

И это средство было использовано, правда, с существенным уточнением: не для продолжения мировой революции, а для создания социалистической державы.

Проще говоря, Сталин возвращался к проблеме, которую не смог решить политический класс Российской империи, не пожелавший довести до конца Столыпинскую реформу и разбившийся о «негосударственность» крестьян.

Что говорила на этот счет научная теория?

Сталин был знаком с работами директора Конъюнктурного института Николая Кондратьева, который еще в 1922 году издал основополагающую по зерновой проблеме книгу «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции».

В 1923 году Плановая комиссия Наркомата земледелия приступила к выработке первого в истории перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства РСФСР (1923—1928). Активное участие в его подготовке принял Кондратьев. В истории этот план известен как «сельскохозяйственная пятилетка Кондратьева». Он был одобрен Земпланом, а после бурных споров и Госпланом. Исходная идея профессора: только «здоровый рост сельского хозяйства предполагает мощное развитие индустрии».

Он не предполагал, что в статье в журнале «Большевик» (1927. № 13) Г. Зиновьев вскоре квалифицирует его идеи как «манифест кулацкой партии».

Действительно, Кондратьев предупреждал, что нельзя бороться («окулачивать») против тех крестьян, уровень жизни которых превышает прожиточный минимум, что расширительное толкование понятия кулачества «превращается в борьбу вообще с сильными слоями деревни», которые только и дают товарную продукцию, то есть возможность экономического роста.

Но на кону стоял вопрос жизни и смерти государства.

Положение в деревне Сталин был вынужден назвать «крестьянским бунтом». 15 января 1928 года он выехал в Сибирь, как свидетельствует официальная хроника, в связи «с неудовлетворительным ходом хлебозаготовок в крае».

Чтобы понять, что такое сибирские крестьяне, достаточно вспомнить, что здесь никогда не было крепостного права, а была, по выражению Столыпина, «крестьянская демократия», и сибиряки во время Гражданской войны образовывали не подчиняющиеся ни красным, ни белым свои таежные республики.

На одной встрече на требование сдавать зерно Сталин вдруг услышал насмешливое предложение одного пожилого крестьянина: «А ты, кавказец, попляши! Тогда, может быть, мы тебе хлеба и дадим!»[190]

Сталин провел несколько встреч с руководством края, партактивом и представителями заготовительных организаций в Новосибирске, Барнауле, Рубцовске и Омске. Его речи были решительны: хлебный дефицит надо преодолеть во что бы то ни стало. Для этого надо идти на чрезвычайные меры, привлекать кулаков по статье 107 Уголовного кодекса за спекуляцию, а хлеб конфисковывать. Задание на ближайшую перспективу: поставить хлебозаготовки на иную основу, создавать колхозы и совхозы.

Шестого февраля Сталин вернулся в Москву.

Андреев, Микоян, Шверник, Постышев, Косиор побывали в других зерновых районах — в Поволжье, на Урале, Северном Кавказе.

Маршрут Сталина был самым длинным, а регион поездки — самым обширным.

Заметим, что Рыков, Бухарин, Томский не принимали участия в авральной поездке. Но после возвращения ее участников на заседании Политбюро снова произошел спор по поводу чрезмерности жестких мер в отношении кулаков.

Тринадцатого февраля Сталин направил во все парторганизации письмо ЦК. Он подчеркивал, что партия не имеет возможности воздействовать на ситуацию экономическими методами, «выбросив, например, на рынок десятки миллионов пудов хлеба и взяв, таким образом, измором зажиточные слои деревни, не выпускавшие хлеб на рынок». Поэтому из-за отсутствия резервов надо идти на чрезвычайные меры.

Вводились силовые элементы «военного коммунизма», хотя Сталин всячески отрицал это. Похоже, он еще считал, что это всего лишь временная мера. Было мобилизовано 30 тысяч коммунистов на «фронт хлебозаготовок».

В результате государство быстро собрало недостающее зерно, и положение как будто выправилось. В марте Рыков заявил, что проблема кризиса ликвидирована.

На самом деле фактически был подписан смертный приговор НЭПу и всей традиционной крестьянской жизни.

Как грозное предвестие приближающейся бури, которая перевернет жизнь Сталина, прозвучал выстрел себе в сердце Якова Джугашвили, его старшего сына.

После смерти матери его воспитывала тетка Александра Сванидзе, потом он переехал в Москву, поступил в институт инженеров транспорта. Будучи студентом, он увлекся Зоей Гуниной, дочерью священника, и захотел на ней жениться. Сталин и родня были против, советовали сначала завершить образование. Сталин относился к сыну очень строго, можно сказать, чересчур рационально, как всякий отец, который не принимал участия в воспитании ребенка. Он всегда критиковал его.

Случившаяся в квартире Сталина драма так описана в семейной хронике: «...Еще во время учебы Яков решил жениться. Отец женитьбы этой не одобрял, но Яков поступил по-своему, что и вызвало ссору между ними»[191].

Яшин выстрел послужил толчком к написанию Сталина письма жене:

«Передай Яше от меня, что он поступил, как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего. Пусть живет, где хочет и с кем хочет.

И. Сталин. 1928 г. 9 апреля»[192].

Вместо жалости, на которую имел право раненый, Сталин выразил презрение. Он увидел в поступке сына попытку оказать на него давление. А никакого давления Сталин не терпел.

Но Яков все-таки женился на Зое. У них родилась дочь, но вскоре умерла от воспаления легких. В 1929 году брак распался.

Тем временем за стенами Кремля происходили события огромной важности: крестьяне тоже отозвались на государственное давление, они снизили посевы зерновых.

Конечно, было бы ужасным упрощением считать, что сталинская группа «ненавидела русских крестьян», а крестьяне отвечали соответственным образом.

Говоря о коллективизации в противовес ленинской кооперации, Сталин имел в виду создание крупнотоварного аграрного производства, снабженного техникой. Такова была общемировая тенденция развития сельского хозяйства.

Но мало кто из деревенских жителей был готов воспринять эту идею. Наоборот, в ней видели уловку враждебных сил, стремящихся отнять у деревни ее главное достояние. Ведь крестьяне, как предупреждал «певец кулачества» профессор Кондратьев, не представляли собой «высококультурной массы с сильно развитой государственностью». Они привыкли к тому, что на протяжении сотен лет они откупались от нелюбимого ими государства и всегда были свободными, даже во времена крепостного права.

Сталин подходил к крестьянской жизни как марксист-реформатор, уверенный, что добьется своего. Ему не нужен был свободный хозяин, ведущий свое маленькое хозяйство и общающийся с Богом, который делал его непобедимым.

Но боялся ли Сталин Бога? Как мы увидим позднее, с Богом он выстраивал свои отношения.

Да и вовсе не хлебозаготовки, как таковые, его главная цель. В письме Микояну от 26 сентября 1928 года он прямо говорит об этом: «Как бы хорошо ни пошли хлебозаготовки, они не снимут с очереди основы наших трудностей, — они могут залечить (они залечат, я думаю в этом году) раны, но они не вылечат болезни, пока не будут сдвинуты с мертвой точки техника земледелия, урожайность наших полей, организация сельского хозяйства на новой основе. Многие думали, что снятие чрезвычайных мер и поднятие цен на хлеб — есть основа устранения затруднений. Пустые надежды пустых либералов из большевиков!»[193]

Главная цель — достижение нового культурного уровня!

Но почему он говорит об этом в письме, ведь Микоян знает эту мысль, уже высказанную Сталиным ранее на пленуме и в письме парторганизациям? Наверное, потому, что даже близкий его соратник Микоян не вполне осознавал, чтó предстоит совершить.

Потом Сталин сравнит коллективизацию с революционным скачком из старого состояния общества в новое качественное состояние, «равнозначным по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»[194]. Перефразируя Гегеля, Сталин — это последний герой Модерна.

Этот третий этап революции (НЭП был вторым) получил своего вождя. Те, кто не соглашался, должны были устранить его либо сами сойти с исторической арены. Он завершил теоретические споры внутри партии о будущем.

В докладе на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 13 апреля 1928 года Сталин ответил своим оппонентам: «Нет в мире таких крепостей, которые не могли бы взять трудящиеся, большевики»[195].

Эти слова не были просто красивым общим местом выступления, у него вообще мало общих мест, он всегда конкретен. Сталин имел в виду подчинить кадры старых специалистов и начать их замену новыми советскими кадрами.

Буржуазная дореволюционная психология, равнодушие или враждебность к социализму, готовность в любой момент сотрудничать с западными агентами в облике прежних хозяев, незаменимость специалистов — вот проблема, которую Сталин взялся разрубить. Основания для силового разрешения вопроса у него были: с августа прошлого года велось следствие (в тресте «Донуголь», Ростовская область, Шахтинский и Белокалитвенский районы) по фактам вредительства.

На самом деле все упиралось не только в спецов, а имело многослойный характер.

Со времен Гражданской войны из-за недостаточных восстановительных работ, нехватки электроэнергии, слабого водоотлива подземных вод, изношенного оборудования угледобыча росла более медленно, чем зарплата.

Когда потребовалось обеспечить рост производительности труда за счет максимальной нагрузки на оборудование и интенсификации труда шахтеров, начались аварии, рост травматизма и даже брожение и недовольство рабочих.

Вот производственный фон Шахтинского дела.

Политический фон выражался в том, что из-за нехватки средств намечались к сдаче в концессию 72 шахты, которые раньше принадлежали зарубежным фирмам или российским владельцам. В связи с этим велась деловая переписка руководства шахт с заграницей.

В целом ситуация с концессиями была двусмысленной, нередки были случаи экономического шпионажа, взяточничества. Но эти случаи не обобщались до государственного уровня.

Здесь же ОГПУ обнаружило разветвленный заговор с выходом на деловые круги Парижа, Берлина, Лондона. Арестованные инженеры откровенно признались, что не принимают советскую власть и не верят в построение социализма, проявив критическое отношение к коммунистической пропаганде. Они не скрывали связей с бывшими шахтовладельцами. Все это было расценено как вредительство. Однако арестованные не признавались ни во вредительстве, ни в шпионаже.

Первые материалы дела поступили в Политбюро 28 февраля 1928 года и вызвали большую озабоченность. Была создана комиссия в составе Рыкова, Орджоникидзе, Сталина, Молотова, Куйбышева. Вскоре в нее был введен Ворошилов. По сути, это было все высшее руководство.

Пятого марта были арестованы работавшие или контактировавшие с «Донуглем» немецкие инженеры.

Восьмого марта по предложению Сталина, Бухарина и Молотова принимается обращение ЦК по всем организациям ВКП(б), всем коммунистам-хозяйственникам, всем ответственным работникам промышленности и профессорам, ответственным работникам РКИ и ОГПУ «Об экономической контрреволюции в южных районах углепромышленности». Уровень опасности был поднят до максимального, хотя старые инженеры в действительности не являлись реальными врагами. Конечно, они происходили из другого мира, где таких, как они, было множество. И их вина перед властью выражалась в том, что они не подходили для ускоренной модернизации и теоретически могли составить заговор.

Руководству страны надо было строго одернуть спецов, припугнуть карательными мерами и одновременно показать молодежи, что открываются перспективы для ее быстрого карьерного роста. Кроме того, надо было начинать борьбу с бесхозяйственностью.

В расследовании принимали участие руководители ОГПУ Менжинский и Ягода, заместитель наркома юстиции Н. В. Крыленко.

Шахтинское дело создало прецедент огромной важности: по его результатам органы госбезопасности ввели в практику контроль деятельности хозяйственных организаций.

Дело рассматривалось летом 1928 года Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР под председательством А. Я. Вышинского. На суде некоторые подсудимые полностью отвергли все обвинения, другие признали их частично, третьи полностью. Было оправдано четверо из 53 подсудимых, еще четверо были осуждены условно, 11 человек приговорили к высшей мере наказания (пятеро были расстреляны), остальным приговор смягчен, прочих же приговорили к различным срокам заключения. Немецкие инженеры были освобождены.

Из Шахтинского вскоре вышли и иные «дела» в других отраслях.

Говоря о Шахтинском деле, надо не упустить еще одну деталь: Сталин выступал против смертных приговоров подсудимым, а Бухарин настаивал на них.

В те же сроки, что и Шахтинское, партийные инспекторы расследовали «смоленское дело», имевшее огромное значение для крестьянской России. Его суть в том, что Западный край с центром в Смоленске являлся экономическим «бастионом

НЭПа» и его местные руководители, к которым хорошо подходит определение «крестьянский коммунист», поддерживали преуспевающих крестьян, зачастую объединяя с ними свои интересы.

Коротко говоря, в Смоленске стали сопротивляться новой тенденции давления на село ради разрешения продовольственного кризиса. Это произошло потому, что сельское хозяйство Западного края в основном было ориентировано на экспорт: вывозили лен. Поэтому смоленские руководители не были заинтересованы отказываться от НЭПа в пользу административных заготовительных мер. В какой-то степени они повторяли историю новгородских купцов Ганзейского союза, не желавших подчиняться военно-административной Москве в эпоху Ивана III.

Для расследования «смоленского дела» ЦК прислал двух инспекторов, Ляксуткина и Цейтлина. Ефим Цейтлин был личным секретарем Бухарина и считался восходящей интеллектуальной звездой. Но именно он поддержал предложение о чистке в смоленском руководстве.

Это свидетельствовало о поддержке «человеком Бухарина» и самим Бухариным линии Сталина и объяснялось очевидным падением норм коммунистической морали среди руководителей края.

Новый взгляд на союз Сталина и Бухарина в «смоленском деле» предложил американский историк: «...Политика НЭПа, поддерживая стимулы и опираясь на местную инициативу в то самое время, когда формировалась новая система партийного руководства, способствовала созданию политического режима в деревне, отвечавшего нуждам и интересам крестьянства. В этих условиях гоголевские семейные круги и коррупция не могли не процветать, но являлись симптомами особой субкультуры нэповской фракции. Эта субкультура выросла как из сельскохозяйственной политики и политического давления, так и из страсти к власти и личной выгоде. Одним словом, политика НЭПа вела в российской деревне к нэповской фракции.

Эта тенденция указывает на второе важное заключение. Сильная (хотя и не фатальная) нестабильность и слабость, имевшая место в губернской партийной организации как результат НЭПа, еще до конфликта между Сталиным и Бухариным разорвали партию на части. Фанатики ГПУ и революционные пуристы имели множество обид на нэповскую фракцию. Их враждебность питалась как ленинскими идеалами и партийной ответственностью, так и личными амбициями. Их враждебность в отношении кулачества и злоупотреблений властью создала серьезную напряженность среди губернских организа-

ций. Пример Смоленска говорит о том, что им можно было помешать в их устремлении очистить советский и партийный аппарат. Объединенные силы Бухарина и Сталина, поддерживаемые этими антинэповскими группами, покончили с относительной стабильностью деревенских коммунистических группировок и тем самым способствовали падению в руководстве правых, защищавших НЭП. Смоленская чистка явилась важным этапом в долгом процессе партийной мобилизации и уничтожения "150 процентов нэпманов". Она объединила Сталина и Бухарина для чистки "гнойника", представлявшего в глазах обоих угрозу коммунистическому политическому строю. Если я прав в своем исследовании нэповской фракции, то она представляла собой непредвиденный побочный эффект поисков Бухариным гуманного пути в социализм. Его глубочайшие убеждения сделали его противником той формы партийного руководства, за которую он в значительной мере был сам ответствен своей собственной политикой. Его идеализм был в этом смысле его гибелью»[196].

Тем временем на апрельском пленуме, где было сказано, что «нет таких крепостей», Сталина заставили отступить. В резолюции этого пленума был отвергнут проект нового сельскохозяйственного закона, в котором пожизненное пользование землей разрешалось только членам колхозов, подтверждалась важность рыночных отношений и осуждались перегибы в отношении зажиточных крестьян.

Тем не менее сразу после пленума, 25 апреля Секретариат ЦК выпустил директиву, направленную на увеличение хлебозаготовок. 16 мая было принято обращение ЦК «За социалистическое переустройство деревни», допуская раскулачивание, то есть разгром зажиточных хозяйств, раздачу их имущества беднякам, выселение кулаков.

Но Сталин пока не предвидел полного разрыва внутри правящей группы. Еще в марте, когда Рыков попросился в отставку, он ответил, что надо «собраться нам, выпить маленько» и в душевной беседе разрешить все «недоразумения».

В Политбюро у него было слабенькое преимущество: на его стороне — Куйбышев, Молотов, Рудзутак, Ворошилов. А Рыков, Томский, Бухарин — в оппозиции. Калинин колебался. Кроме того, секретарь Московского комитета Угланов и руководство ОГПУ тоже поддерживали оппозицию. К этому надо добавить доминирование бухаринских сторонников во всех органах партийной печати и профессорском составе, руководстве Промышленной академии, Коммунистической академии, Академии коммунистического образования; они занимали важные посты в Госпланах СССР и РСФСР, в ЦКК.

Бухарин, председатель Коминтерна, главный редактор «Правды», главный теоретик партии, обладал полномочием равноправного члена правящего дуумвирата Сталин — Бухарин. Также за Бухариным стояли региональные интересы московской экономической зоны: «текстильная Москва» ориентировалась в противовес промышленному Ленинграду на крестьянский рынок.

Правда, эта поддержка заметно уступала силе стоявших за Сталиным руководителей промышленных предприятий всего СССР, для которых курс на индустриализацию был близок и понятен.

Шестого мая, выступая на съезде комсомола, Бухарин завуалированно критиковал Сталина за чрезмерные темпы индустриализации.

На пленуме ЦК (4—12 июля) они снова столкнулись*.

Сталин прямо сказал о «добавочном налоге на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство». Он назвал этот налог «нечто вроде дани» и считал, что крестьянство может выдержать эту тяжесть.

И вот что интересно: Сталин противопоставил «смычку» с середняком на основе «текстиля» и «смычку» на основе «металла», то есть речь шла о расширении производственной базы сельского хозяйства, а не только об удовлетворении личных потребностей крестьян.

Бухаринской группе образ «текстиля» был очень понятен.

Далее Сталин сказал, что чрезвычайные меры по ликвидации хлебозаготовительного кризиса применялись правильно, но превращать чрезвычайные меры в постоянный курс — это игра с огнем. И тут же добавил, сославшись на Ленина, что «комбедовские методы», то есть насильственные, могут быть снова использованы в новых чрезвычайных ситуациях.

Однако при обсуждении резолюции пленума группа Бухарина добилась компромисса. Сам Бухарин, по его словам, «пришедший в ужас», считал, что идеи Сталина вызовут новую гражданскую войну.

Компромисс вскоре выразился в решениях госорганов: 16 июля заместитель наркома юстиции Крыленко запретил применение чрезвычайных мер (обходы дворов в поисках хлеба, незаконные обыски и аресты, закрытие базаров и т. д.). Прекращались все дела в отношении середняков и бедняков по ст. 107 УК. Впрочем, Крыленко предупредил, что применение 107-й статьи будет возобновлено при новой попытке срыва хлебозаготовок.

---

* Ярким фоном можно считать рост массовых выступлений крестьян: 36 — в апреле, 185 — в мае и 225 — в июне.

Девятнадцатого июля Совнарком запретил чрезвычайные меры. Закупочные цены на зерно были повышены на 20 процентов в надежде, что это привлечет крестьян на рынок.

Тогда Сталин не знал, что 11 июля Бухарин встречался с Каменевым и зондировал почву для союза против генерального секретаря*.

«*Каменев*: Серьезна ли эта борьба?

Бухарин: Именно об этом я хочу сказать. Мы считаем, что линия поведения Сталина ставит под опасность всю Революцию.

Мы можем погибнуть вместе с ней. Существующие расхождения между нами и им неизмеримо серьезнее всех тех, какие мы имели в прошлом с вами. Рыков, Томский и я единодушно формулируем положение так "Лучше иметь теперь в П/б (Политбюро) Зиновьева и Каменева, чем Сталина". Я откровенно говорил об этом с Рыковым и Томским. Вот уже несколько недель, как я не разговариваю со Сталиным. Это — беспринципный интриган, ни перед чем не останавливающийся, чтобы удержаться у власти.

Он меняет теорию в зависимости от того, кто должен быть удален в настоящий момент. В "септумвирате" (семерке. — *Сост.*) мы дошли до того, что кричали друг другу: "лжец", "блэфер" и т. п. Он сейчас уступил, но чтобы лучше нас задушить. Мы это понимаем; он маневрирует с целью изобразить нас виновниками раскола. Резолюция (принятая на пленуме. — *Сост.*) была принята единогласно, потому что он дезавуировал Молотова, заявив, — что принимает на $^{9}/_{10}$ декларацию, которую я прочел, не выпуская из рук в "септумвирате" (ему нельзя давать в руки ни одной бумажки). Теперь он хочет отнять у нас Москву и Ленинград, "Правду" и заменить Угланова, который полностью с нами, Кагановичем. Что касается его политической линии, то она такая (судя по тому, что говорил на пленуме):

1) капитализм рос либо за счет колоний, либо при помощи займов, либо в силу эксплуатации рабочего класса. Колоний у нас нет, займов нам не дают, стало быть, наша база: дань с крестьянства (это то же, ты понимаешь, что теория Преображенского);

2) чем больше развивается социализм, тем сильнее крепнет сопротивление (см. эту фразу в резолюции. Это — дурацкий анальфабетизм [безграмотность. — *Сост.*]).

---

* Сталин узнал об этом только зимой. Разговор был записан Каменевым, запись попала к Троцкому, а тот сделал на ее основании листовку, чтобы окончательно оторвать бухаринцев от Сталина.

3) если надо взять дань и сопротивление будет возрастать, нужна твердая власть... Он задушит нас.

Каменев: Каковы ваши силы?

Бухарин: Я, затем Рыков, затем Томский, потом Угланов (абсолютно). Ленинград вообще с нами, но там испугались, когда речь зашла о том, чтобы убрать Сталина... Сталин купил теперь украинцев тем, что убрал Кагановича с Украины. Наши возможности огромны... Томский в последней речи на пленуме дал понять, что Сталин ведет к расколу. Ягода и Трилиссер с нами... Ворошилов и Калинин предали нас в последний момент. Думаю, что Сталин держит их какими-то особыми цепями. Наша задача постепенно объяснить опасную роль Сталина и заставить средних членов ЦИКа (ЦК. — *Сост.*) убрать его с поста. Оргбюро в этом смысле с нами.

Каменев: А тем временем он вас уберет... Политика Сталина ведет к гражданской войне. Он вынужден будет топить восстания в крови»[197].

Тридцатого сентября Бухарин перенес разногласия на публичный уровень в надежде обеспечить себе поддержку на следующем партийном пленуме, он опубликовал в «Правде» «Заметки экономиста», в которых критиковал сталинскую линию. Он вскрывал ущербность планирования, ошибки в ценообразовании, неэффективность аграрной политики и, самое главное, наметившийся разрыв с крестьянством. Он считал, что достигнут максимум возможного напряжения сил, далее наращивать темпы нельзя и следует отказаться от «безумного напряжения», которое диктовали создаваемые тогда проекты пятилетнего плана. Он предлагал исправить ошибки за счет экономических уступок крестьянству, за возвращение к политике НЭПа.

Сталин все понял.

Он ответил кампанией против «правого уклона» в партии, конечная цель которого — реставрировать капитализм.

Это была принципиальная постановка вопроса, но в данном случае — скорее теоретическая, так как в ближайшем будущем никакой реставрации не предвиделось.

Глава тридцать четвертая

Сталин лавирует. Начало коллективизации. Военный инцидент на озере Ханка. Пятидесятилетний юбилей. Гражданская война в деревне

Доводы Кондратьева и Бухарина, которые в наше время, то есть в начале XXI века, воспринимаются наиболее гуманными, поддерживались и эмигрантскими интеллектуалами. Так, быв-

ший посол Временного правительства в США Бахметьев в письме бывшему послу во Франции Маклакову от 16 августа 1928 года писал, что у Сталина «хватило марксистской логики» осознать, что советская власть должна быть «господином положения» в сфере сельскохозяйственного производства и вместо кулака иметь «фабрики хлеба», чтобы обеспечить независимость власти «от капризов и настроений крестьянских масс». Бахметьев предполагал, что года через два эта политика провалится, так как крестьяне ответят на нее сокращением посевов (что, собственно, и произошло, но эту политику не отменило). Логика Бахметьева опиралась на европейский опыт[198].

Что еще, кроме крестьянских хозяйств, оставалось у Кремля для перевооружения промышленности и армии? Еще оставался опыт Витте, тоже проводившего политику индустриализации за счет небогатых ресурсов деревни. (Большевизм не изобрел новых источников доходов, а только ужесточил выкачивание средств.)

В среднесрочном целеполагании это казалось перспективным и создало материально-технический фундамент советской военной мощи.

Так или иначе, но все оппоненты Сталина исходили из того, что впереди у СССР неограниченное время для развития. А на самом деле этого времени не оставалось.

В начале сентября 1928 года Сталин осуществил несколько важных кадровых изменений: были отставлены сторонники Бухарина, работавшие в центральных СМИ: П. Петровский, редактор «Ленинградской правды», сотрудники «Правды» и «Большевика» Слепков, Астров, Марецкий, Зайцев, Цейтлин.

Против секретаря Московского комитета Угланова была развернута критическая кампания, что привело к потере им управления нижестоящими парторганизациями и вынудило отправить в отставку двух своих наиболее приближенных сторонников, — секретарей райкомов Рютина и Пенькова.

Девятнадцатого октября 1928 года Сталин выступил на пленуме Московского комитета с речью «О правой опасности в ВКП(б)».

Не называя сторонников «правого уклона», Сталин сказал, что они есть во всех уровнях, в том числе в ЦК. Правда, подчеркнул он, в самом Политбюро «у нас нет ни правых, ни левых, ни “примиренцев” с ними».

Он успокаивал Бухарина и его сторонников. Но его вывод был грозным: правая опасность коренится в социально-экономической обстановке внутри страны, эта опасность серьезна.

В это время Бухарин беспечно отдыхал в Кисловодске. Только узнав, что давление Сталина настолько усилилось, что Рыков был вынужден отступить в вопросе о плане индустриализации, он вернулся в Москву. С этой поры начинает вызревать лобовое столкновение Сталина и Бухарина, причем вначале Сталин пытается переубедить оппонента и перетянуть его на свою сторону, то есть не выносит конфликт на уровень бескомпромиссной борьбы за власть.

Бухарин, Рыков и Томский в ходе дискуссии в Политбюро о контрольных показателях развития промышленности решились на крайний шаг: подали в отставку. Группа Сталина была вынуждена долго убеждать их не обнародовать спор, чтобы не ослаблять единство партии. В конце концов «правые» согласились с контрольными цифрами, но выдвинули условие: прекратить борьбу с «правым уклоном» и предоставить возможность открыто пропагандировать их позицию.

На ноябрьском пленуме ЦК с главным докладом выступил Рыков. Назвав контрольные показатели, тут же выразил сомнение в их обоснованности. По его мнению, страна не выдержит «взятого темпа индустриализации».

Сталин в своем выступлении, не называя имен, продолжил спор. К прежним аргументам он добавил исторический опыт России, обратившись к модернизации Петра I, который пытался «выскочить из рамок отсталости». Если вспомнить жестокость Петровских реформ и одновременно с этим — величественность образа Петра в российской историографии, то обращение следует считать новым ориентиром Сталина.

При этом он снова воздержался от критики Бухарина, заменив ее безжалостной критикой заместителя наркома финансов Фрумкина, обратившегося в ЦК с письмами против ускоренной индустриализации. Впрочем, замена адресата ничего не меняла по сути, а только развязала руки генеральному секретарю. Он ясно показывал, что его позиция миролюбива, ответственна и направлена на сохранение единства.

Для демонстрации возможных угроз, которые неизбежно реализуются в случае неприятия плана индустриализации, он объединил две мысли Ленина: о том, что без электрификации (то есть индустриализации) неизбежен возврат к капитализму, и о том, что без правильных отношений с крестьянством неизбежны «20—40 лет мучений белогвардейского террора».

Другими словами, Сталин свободно оперировал цитатами, сводя дело к выбору между его планом и белогвардейским отмщением.

Скорее всего, участники пленума, у которых была свежа в памяти «военная тревога» 1927 года, восприняли его слова так,

как он и хотел, не обратив внимания на вольное обращение с идеями умершего вождя.

Пленум утвердил контрольные цифры, а Бухарин, Рыков и Томский, осудив вместе со всеми «правый уклон», усугубили свое идейное поражение.

Двадцать первого октября в Алма-Ате Троцкий призвал коммунистов всего мира бороться с планами Сталина.

В декабре на VIII съезде профсоюзов Томский выступил с критикой перспектив индустриализации, но не был поддержан большинством делегатов и подал в отставку с поста председателя.

И здесь Сталин проявил терпимость: отставку не приняли. Впрочем, кадровые перестановки продолжились: Угланова сместили с поста секретаря Московского комитета, а в президиум ВЦСПС были введены пятеро сторонников Сталина во главе с Кагановичем.

Однако Бухарин получил возможность выступить с докладом «Политическое завещание Ленина» на торжественном заседании по поводу пятой годовщины со дня смерти Ильича. Он доказывал, что индустриализация должна вестись на основе рыночных принципов, то есть явно противоречил партийному курсу. 21 января, в день смерти Ленина, Бухарин опубликовал в «Правде» этот доклад с главным выводом: «третьей революции» быть не должно.

И на этот раз Сталин не стал возражать, так как Москву уже взял под свой жесткий контроль переведенный с Украины Каганович, в профсоюзах Томский утратил влияние, а пьющий Рыков сам по себе не представлял особой силы.

Можно считать, что в дальнейшем вытеснение с руководящих постов «правых уклонистов» происходило бы более спокойно, если бы 22 января не разорвалась информационная бомба Троцкого: Сталин из изданной троцкистами брошюры узнал о тайной встрече Бухарина и Каменева. Он понял: это сговор политических противников для захвата власти. По-другому Сталин и не мог думать, потому что «левый» Троцкий и «правый» Бухарин отстояли друг от друга в идейном отношении еще дальше, чем центрист Сталин и Бухарин. Это было очевидно. Объединительным мотивом было желание устранить Сталина и его группу.

Тридцатого января на объединенном заседании ЦК и ЦКК разбиралась запись переговоров Бухарина и Каменева. Бухарин и его сторонники заявили, что проводимая политика «военно-феодальной эксплуатации крестьянства» обернется крахом, ведет к разложению Коминтерна, насаждению бюрократии. Бухарин отказался от своих постов в Коминтерне и «Правде».

Объединенное заседание обсуждало проблему вплоть до 9 февраля.

Седьмого февраля Сталин предложил Бухарину соглашение на следующих условиях:

1) признание им переговоров с Каменевым ошибкой;

2) признание им, что утверждения в заявлении от 30 января «сделаны сгоряча, в пылу полемики», и отказ от них;

3) признание необходимости дружной работы в Политбюро;

4) отказ от отставки с постов в «Правде» и Коминтерне;

5) отказ от заявления 30 января.

Бухарин не принял ничего.

Девятого февраля Сталин решился на крайний шаг. Он назвал действия Бухарина и Томского преступлениями, грубо нарушающими постановления ЦК и явным образом формирующими «оппортунистическую платформу против партии».

Собственное отношение к ним он охарактеризовал как «слишком либеральное» и задал риторический вопрос: «Не пришло ли время положить конец этому либерализму?»

Переговоры Бухарина с Каменевым были оценены как «фракционный шаг, рассчитанный на организацию блока с целью изменения партийного курса и смены руководящих органов партии». Если перевести эту формулировку на обычный язык, все парторганизации, которым было предложено оценить внутрипартийное положение и осудить «правый уклон», поняли: бухаринцы — заговорщики и предатели, они не хотят укрепления страны.

Шестнадцатого — двадцать третьего апреля 1929 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК Сталин подвел итог противостоянию. Само слово «фракционность» еще с ленинских времен звучало как страшное обвинение, сейчас же оно превращалось в страшнейшее.

СССР вступал в эпоху государственного монополизма на все, от крестьянского хозяйства до партийного руководства. Это делалось ради сбережения ресурсов, оперативности управления, концентрации сил. Страна входила в предвоенную мобилизацию. Историческое время стало разделяться на прошлое и на будущее.

Сталин в речи на пленуме разделил партийное руководство на просто «старых большевиков» и «вечно новых, не стареющих революционеров». Он открыто признал раскол в Политбюро. Стилистика его выступления — страстная, гневная, бескомпромиссная. Он верит в свою правоту и готов за нее идти до конца. Вспомнив его религиозное образование, можно сказать, что это проповедь миссионера.

Сталин говорит о Шахтинском деле и подобных делах в

других отраслях промышленности, о воспитании «красных специалистов», снижении себестоимости продукции, колхозном и совхозном движении, о борьбе с бюрократизмом, улучшении профсоюзной работы, чистке партии.

В своей суровой проповеди наш герой использует личный драматический опыт сибирской ссылки: «Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? Я их видал не раз. Бывает, что одна группа рыбаков перед лицом наступившей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведет лодку навстречу буре: "Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмет!"

Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: "Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег". Нужно ли еще доказывать, что установка и поведение группы Бухарина, как две капли воды, похожи на установку и поведение второй группы рыбаков, в панике отступающих перед трудностями?»[199]

Когда Сталин говорит, что из-за экономических противоречий будет усиливаться классовая борьба, слышится призыв готовиться к новым испытаниям.

Несколько разделов речи Сталин посвятил развенчанию Бухарина как партийного теоретика. Не были забыты Рыков и Томский.

В заключение Сталин предложил осудить фракционную деятельность оппонентов и лишить занимаемых постов Бухарина и Томского, оставив их в Политбюро.

Что же отныне представляли собой утратившие реальную власть Бухарин и Томский? Одну память о прошлом. В «светлом будущем» для этих партийных вождей уже не было места. Теперь их имена будут вспоминать только в связи с именем триумфатора.

«Схоластик» Бухарин, коллекционер бабочек и поклонник молодых девушек, проиграл в личной борьбе аскету с железной волей.

Что же касается внутрипартийной борьбы, то ее исход был решен выбором секретарей крупнейших организаций России и Украины. Если бы они пошли за Бухариным, карьера Сталина была бы завершена. Но они пошли за Сталиным.

После апрельского пленума генеральный секретарь стал «генеральным директором» страны. Всмотревшись в его личность, мы должны, прежде всего, отметить, что в 1929 году он еще не диктатор. Его жизнь аскетична (такой она будет до са-

мой смерти), семья неконфликтна, он любим женой и детьми. В интеллектуальном плане он на подъеме: у него огромная библиотека, сформированная им самим; ежедневно он прочитывает сотни страниц разных текстов, включая художественные; он следит за всеми процессами, начиная с технических новинок и кончая международной информацией. У него есть собственный технический аппарат: Особый сектор. В Политбюро и правительстве его поддерживают Молотов, Куйбышев, Киров, Каганович, Микоян, Орджоникидзе. В армии — Ворошилов. Его противники разгромлены. В январе 1929 года Троцкий выслан из СССР.

Можно ли предполагать, что вскоре все изменится и предсказанное им «усиление классовой борьбы» обернется и для него, и для страны невосполнимыми потерями на фоне огромных достижений? Ничего этого он, конечно, не мог знать в деталях.

Однако «третья революция» уже началась, и новое время уже начало пожирать прошлое*.

Начиналась новая эпоха крайне оптимистично.

Еще весной 1928 года Наркомзем и Колхозцентр РСФСР составили пятилетний план коллективизации крестьянских хозяйств. К 1933 году намечалось объединить 1,1 миллиона хозяйств (4 процента). Летом того же года Союз сельхозкооперации поднял цифру до трех миллионов хозяйств (12 процентов). В апреле 1929 года в пятилетнем плане уже было записано — 4—4,5 миллиона хозяйств (16—18 процентов). То есть за один год планы выросли в четыре раза.

Чем это вызвано?

Достаточно полно отвечает на этот вопрос обращение к пятилетнему плану, принятому на XVI партконференции и утвержденному съездом Советов в апреле 1929 года.

Планом предусматривалось выделить 19,5 миллиарда рублей на капитальное строительство промышленных предприятий (включая электрификацию), то есть в четыре раза больше, чем выделялось в прошлые пять лет.

Как видим, полное совпадение темпов коллективизации и индустриализации.

Вся промышленность должна была вырасти в 2,8 раза, а производство средств — в 3,3 раза (машиностроение — в 3,5 раза). Намечалось построить 42 электростанции. В мае 1929 года был утвержден план создания 102 машинно-тракторных станций, которые должны были обеспечить новый уровень развития сельского хозяйства.

---

* Этот образ мы взяли у композитора Георгия Свиридова. Объясняя свое произведение «Время, вперед!», он сказал: «Время пожирает все».

К 1933 году СССР должен был преобразиться, одним рывком преодолев технологическое отставание*.

Поэтому можно понять суровый энтузиазм партийного руководства всех уровней. «Время, вперед!» — всеми силами подстегивали они находившуюся на ином технологическом уровне деревню, веря в свою правоту.

Главным ресурсом должны были служить объединенные крестьянские хозяйства, заграничные займы и решимость сталинской группы провести индустриализацию. Третий фактор был самым убедительным, но тоже далеко не стопроцентным, так как социальная напряженность («классовая борьба») усиливалась, и сторонники радикальных перемен могли не выдержать и потребовать пересмотра политики. Под углом именно этой угрозы следует рассматривать все репрессии внутри правящей политической верхушки в начале 1930-х годов.

Началась коллективизация в 1929 году, и уже в ноябре Сталин в статье «Год великого перелома» говорил, что произошел перелом «на всех фронтах социалистического строительства». На первое место он ставил производительность труда, развитие творческой инициативы и «могучего трудового подъема миллионных масс рабочего класса на фоне социалистического строительства». Затем — «коренной перелом в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию».

Обычно эта статья трактуется как свидетельство непонимания происходящих процессов в деревне (именно в деревне!), и без внимания остается главный политэкономический принцип Сталина, без чего вообще трудно понять всю его экономическую политику.

«...В капиталистических странах не прививаются крупные зерновые фабрики-гиганты. Но наша страна есть социалистическая страна. Нельзя забывать этой “маленькой” разницы.

Там, у капиталистов, нельзя организовать крупную зерновую фабрику, не закупив целый ряд земельных участков или не платя абсолютной земельной ренты, что не может не обременять производство колоссальными расходами, ибо там существует частная собственность на землю. У нас, наоборот, не существует ни абсолютной земельной ренты, ни купли-продажи земельных участков, что не может не создавать благоприятных условий для развития крупного зернового хозяйства, ибо у нас нет частной собственности на землю.

---

* Здесь отразился урок старого мирового аграрного кризиса, вызванного появлением на рынке дешевого американского зерна.

Там, у капиталистов, крупные зерновые хозяйства имеют своей целью получение максимума прибыли или, во всяком случае, получение такой прибыли, которая соответствует так называемой средней норме прибыли, без чего, вообще говоря, капитал не имеет интереса ввязываться в дело организации зернового хозяйства. У нас, наоборот, крупные зерновые хозяйства, являющиеся вместе с тем государственными хозяйствами, не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней норме прибыли, а ограничиваются минимумом прибыли, а иногда обходятся и без всякой прибыли, что опять-таки создает благоприятные условия для развития крупного зернового хозяйства.

Наконец, при капитализме не существует для крупных зерновых хозяйств ни особых льготных кредитов, ни особых льготных налогов, тогда как при советских порядках, рассчитанных на поддержку социалистического сектора, такие льготы существуют и будут существовать»[200].

Но не все было так просто, как ему представлялось. Если нет прибыли, то нет и полнокровной экономической жизни, есть только нерыночное, «натуральное» хозяйство. Сталин, зажав все финансовые ресурсы в руках государства, добился его невиданной мощи, но одновременно лишил население оборотных средств и уничтожил саморазвивающуюся экономическую систему.

Нельзя сказать, что он открыл Америку. Вспомним экономическую политику президента США Франклина Рузвельта во время Великой депрессии. Зима 1932/33 года была для Соединенных Штатов страшной. Промышленность и сельское хозяйство находились в коллапсе, жизненный уровень упал на 300 процентов, капиталы вывозились из страны, в городах правили уголовники, из 150-миллионного населения 15 миллионов не имели работы. Бездомные и нищие шли в Вашингтон и разбивали там лагеря.

В ноябре 1932 года президента Герберта Гувера, того самого, что в 1920-х годах возглавлял *ARA*, сменил Рузвельт. Гувер предлагал три меры для спасения страны: достичь сбалансированного бюджета, любыми способами остановить инфляцию и сохранить золотое обеспечение доллара.

Рузвельт отверг эти «правильные» экономические средства и стал действовать нерыночными методами. Вот главная его мысль: «Если голодная смерть и жестокая нужда части наших граждан делают необходимыми дополнительные расходы, которые разбалансируют наш бюджет, я не поколеблюсь сказать

американскому народу всю правду и попросить его выделить дополнительные средства».

Его доверенный человек Гарри Гопкинс возглавил Администрацию гражданских работ, которая реализовала 30 тысяч проектов. За десять лет были построены десятая часть всех новых автомобильных дорог, 35 процентов всех новых больниц, 65 процентов городских административных зданий, 70 процентов новых школ и многое другое. Венцом этой деятельности явилась техническая готовность США создать в короткое время ядерное оружие и вообще мобилизационная готовность к мировой войне.

Конечно, Рузвельт, племянник президента Теодора Рузвельта, набросившего «узду» на монополистов США, и вообще человек из политической аристократии, не похож на Сталина. Сравнивать их можно только в некоторых моментах. Тем не менее их взгляды на кризисную экономику были схожими. Рузвельт использовал советские методы решения кризисных ситуаций.

Но тут мы должны вспомнить, что рационалист Сталин жестоко просчитался уже с первых шагов коллективизации. В «Великом переломе» он говорил, что «если и есть какое-либо серьезное недовольство у основных масс крестьянства», то из-за того, что трудно обеспечить все колхозы машинами и тракторами.

По этому поводу Бухарин на апрельском пленуме (1929) заметил: «Если все спасение в колхозах, то откуда деньги на их машинизацию?»

Сталин говорил только о самой верхушке проблемы. На самом деле коллективизация не была подготовлена. Шел штурм традиционной деревни, и его результаты были непредсказуемы.

Перспективы коллективизации символизировали «железные кони», но к осени 1929 года в стране было около 35 тысяч тракторов, в основном американские «фордзоны». Всего же в СССР в 1929 году было выпущено 3300 тракторов.

Для крестьянских хозяйств, где 40 процентов пашни обрабатывалось сохой, технический рывок был фантастическим. Однако, чтобы развиваться, требовалось прежде всего построить тяжелую промышленность, производящую эти тракторы, а средства на строительство взять у деревни. Поэтому социальным союзником Сталина был город, где происходило главное действие ускорявшегося времени. Начиная с хлынувшего в августе — сентябре 1929 года в деревню потока партийных и рабочих активистов (в основном механиков и металлистов), направленных на заготовку хлеба, и заканчивая организаторами

Колхозцентра, местными райкомовцами и чекистами, деревня была наводнена агентами социалистического города.

Неудивительно, что 7 июня Политбюро приняло постановление «Об использовании труда заключенных». Повсюду вводилась «непрерывка», привычная трудовая неделя отменялась, вводилась работа в три смены.

Впрочем, энтузиазм городских строителей новых заводов натолкнулся на пассивное сопротивление состоятельных деревенских хозяев, по-прежнему не желавших продавать по государственным ценам «излишки» зерна. В августе 1929 года в стране ввели карточную систему, максимально сокращая гарантированное снабжение городов продовольствием. Крестьян в директивном порядке обязали сдавать зерно государству. Сначала хлебозаготовки шли успешно, но в сентябре резко уменьшились. Крестьяне стали прятать зерно.

В письме Молотову от 21 августа Сталин пишет об опасности срыва хлебозаготовок, «если вы не будете налегать на исполнение решений ЦК со всей жестокостью и неумолимостью».

Нарастало неразрешимое противоречие между коллективными хозяйствами и состоятельными крестьянами, которые не шли в колхозы и являлись для крестьянских общин авторитетами. Что делать с этими независимыми производителями? Брать в колхоз? Но тогда они получат там решающий голос. Не брать? Тогда они будут конкурировать и продолжать свою линию. Изгонять из деревни?

Пока изгнание казалось неприемлемым, но вскоре это произойдет.

Кроме производственных проблем, лето и осень 1929 года сопровождались резкой критической кампанией в печати против Бухарина, Рыкова и Томского, а также обострением военного положения в Китае.

В связи с явно намечавшимися расхождениями между великими надеждами на быстрый индустриальный рывок и реальностью «правый уклон» должен был быть идейно разгромлен. Бухарин еще числился членом Политбюро, занимая второстепенный пост начальника Научно-технического управления ВСНХ. Работать на высшей партийной должности ему оставалось недолго.

События в Китае, где 10 июля 1929 года китайские власти начали захват КВЖД и арестовали около двух тысяч советских служащих, грозили обернуться военными действиями с непредсказуемым результатом. Была перерезана железнодорожная связь с Владивостоком, что грозило вообще потерей края.

К счастью, Япония, не желавшая усиления Китая, заняла выжидательную позицию, Англия и США — тоже.

Сталин принял решение дать отпор. В Сибири и на Дальнем Востоке была проведена частичная мобилизация, и советские войска во главе с Блюхером были направлены к железнодорожным станциям Пограничная и Маньчжурия.

В принципе сочетание внешних и внутренних угроз было уже привычным и, как всегда, приводило к ужесточению ранее намеченных планов.

Каждые десять дней газеты публиковали данные о росте коллективизации: на 1 октября 1929 года — 7,3 процента; на 1 декабря — 13,2; на 1 января 1930 года — 20,1; на 1 февраля — 34,7; на 20 февраля — 50; на 1 марта — 58,6 процента.

За этими фантастическими темпами можно увидеть волю одних и отступление других.

В Китае Сталин действовал более изощренно. Он выждал, когда главный китайский игрок Чан Кайши был ослаблен усиливающимся внутренним конфликтом с «милитаристом», генералом Фэн Юйсяном, и нанес удар. Советские войска при поддержке авиации разгромили в районе города Маньчжурия две усиленные бригады китайцев численностью около 20 тысяч человек, взяв в плен около 10 тысяч.

Семнадцатого ноября, когда в Москве заканчивался пленум ЦК, советские войска повели наступление западнее озера Ханка, и к исходу 18 ноября вся территория до реки Мурень была очищена от маньчжурских войск (кавалерийской дивизии и пехотного полка).

Двадцать второго декабря 1929 года, на следующий день после 50-летия Сталина, в Хабаровске был подписан протокол, по которому военные действия были признаны законченными, советские граждане освобождены и на КВЖД восстанавливалось положение Соглашения 1924 года. Это была маленькая, но очень важная победа.

После «китайского инцидента» тон Политбюро, а конкретно — Молотова, отвечавшего за работу в деревне, становится еще более уверенным: «Мы должны совершить решительный прорыв в области экономики и коллективизации. Ноябрьский пленум заявил, что “дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в исторически минимальные сроки”».

После ноябрьского пленума, на котором Бухарина вывели из состава Политбюро, были снова пересмотрены планы коллективизации, намечалось весной 1930 года иметь 300 районов

«сплошной коллективизации». План предусматривал полное обобществление пашни, инвентаря и рабочего скота в районах сплошной коллективизации на 80 процентов.

Пятого декабря 1929 года Сталин писал Молотову: «...1. Дела с хлебозаготовками идут. Сегодня решили увеличить неприкосновенный фонд продовольственный до 120 миллионов пудов.

Подымаем нормы снабжения в промышленных городах вроде Иваново-Вознесенска, Харькова и т. п.

2. Бурным потоком растет колхозное движение. Машин и тракторов, конечно, не хватает (куда там!); но уже простое объединение крестьянских орудий даст колоссальное увеличение посевных площадей (в некоторых районах до 50 процентов!). В Нижне-Волжском крае переведено (уже переведено!) на рельсы колхозов 60 процентов хозяйств. У наших правых от удивления глаза на лоб лезут...»[201]

О китайских событиях он сообщал с гордостью: «Америку и Англию с Францией из Китая с их попыткой вмешательства грубо отбили. Мы не могли иначе поступить. Пусть знают большевиков! Думаю, что китайские помещики не забудут предметных уроков, преподанных им дальневосточниками. Решили не выводить войска из Китая до обеспечения наших условий».

Одновременно 5 декабря на заседании Политбюро во время обсуждения предложения Нижневолжского крайкома об объявлении Республики немцев Поволжья опытно-показательным районом по коллективизации Сталин выдвинул предложение создать комиссию Политбюро во главе с наркомом земледелия А. Я. Яковлевым для подготовки постановления о темпах коллективизации во всей стране.

В это время за океаном творилось что-то невообразимое. В середине октября 1929 года рухнул курс акций на нью-йоркской бирже, а 24 октября, в день, названный «черным вторником», положение стало катастрофическим: было продано 12,9 миллиона акций. На следующий день было продано 16 миллионов. За месяц стоимость акций упала почти на 16 миллиардов долларов, к концу года — на 40 миллиардов долларов (480 миллиардов по нынешнему курсу) и Америка сразу обнищала. Особенно пострадали мелкие и средние держатели акций. Кризис нарастал, останавливались предприятия, миллионы людей остались без работы. Промышленное производство сократилось на 46 процентов. В годы кризиса умерло от голода и болезней 1,5 миллиона человек.

Вскоре последствия потрясений вынудили американскую элиту отказаться от концепции либерального рынка как систе-

мы, способной найти выход из любого кризиса. Взошла звезда выдающегося английского экономиста Дж. Кейнса, он предложил идею государственного регулирования рыночной экономики, которая на долгие годы стала главной в политике президента США Ф. Рузвельта: государство брало на себя ответственность за занятость и благосостояние населения.

Конечно, оставалась растущая Германия, но Сталин относился к немцам настороженно и понимал, что они попытаются использовать новую ситуацию в свою пользу. Сталин в письме Микояну от 28 августа предупреждал, что немцы «хотели бы видеть нас совершенно изолированными, чтобы тем легче принудить нас пойти на монополию немцев в наших сношениях с Западом (в том числе и с Америкой)». Он призывал «не сдаваться немцам».

И вот теперь экономический крах в Америке выбивал в международной политике Сталина важный противовес. Он оказывался в положении немыслимо трудного выбора: либо ускорить и без того идущую на грани крайнего риска коллективизацию и быстрее проскочить опасный период, либо притормозить и начать переговоры с «правыми уклонистами». В первом случае его ожидало сопротивление крестьян (владельцев 20 миллионов мелких хозяйств), во втором — сопротивление соратников и большинства руководителей местных парторганизаций.

Сопротивление крестьян можно было подавить, тем более они вскоре должны были увидеть улучшение, в чем Сталин не сомневался, а сопротивление в своей среде должно было завершиться его изгнанием и вообще крахом курса.

В 1929 году Сталин уже стал вождем. Его пятидесятилетие было отмечено как событие огромного значения. В «Правде» были напечатаны статьи Кагановича «Сталин и партия», Калинина «Рулевой большевизма», Микояна «Стальной солдат большевистской партии», Ворошилова «Сталин и Красная Армия» и еще статьи многих других высокопоставленных авторов. Проходят массовые собрания в заводских коллективах, вузах и армейских частях, в ЦК шлют поздравительные письма и телеграммы, настаивают на награждении Сталина орденом Красного Знамени (награждение состоялось 13 февраля 1930 года).

В конце 1929 года, спустя пять лет после смерти Ленина, Сталин становится единоличным управителем партии и государства. Характерно, что он понимал значение своего нового положения, дающего власти внерациональную легитимацию. Так, прочитав черновик статьи Ворошилова «Сталин и Красная Армия», в которой говорилось, что «у И. В. Сталина ошибок

было меньше, чем у других», он ответил автору: «Клим! Ошибок не было. Надо выбросить этот абзац».

С начала 1930-х годов в печати больше не называется его должность — генеральный секретарь. И это не случайно. У него одна должность — вождь. Получив этот огромный ресурс власти, он становился неснимаемым в порядке обычной партийной демократической процедуры. Его можно было устранить только в результате переворота. Отсюда следовало и многократное усиление опасности вплоть до заговора, подобного декабрьскому (1916) против императора Николая II. Тем более что «теневой кабинет» уже имелся в лице тех же «правых», которые, несмотря на то, что покаялись на ноябрьском пленуме, оставались сильны если не организационно, то идейно.

Восьмого января 1930 года А. М. Горький писал Сталину: «...Это — переворот почти геологический и это больше, неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия, строй, который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника. Таких людей — два десятка миллионов. Задача перевоспитать их в кратчайший срок — безумумнейшая задача. И однако, вот она практически решается.

Вполне естественно, что многие из миллионов впадают в неистовое безумие уже по-настоящему. Они даже и не понимают всей глубины происходящего переворота, но они инстинктивно, до костей чувствуют, что начинается разрушение самой глубочайшей основы их многовековой жизни. Разрушенную церковь можно построить вновь и снова посадить в нее любого бога, но когда из-под ног уходит земля, это непоправимо и навсегда. И вот люди, механически усвоившие революционную фразу, революционный лексикон, бешено ругаются, весьма часто скрывая под этой фразой мстительное чувство древнего человека, которому “приходит конец”»[202].

Горький всегда критически относился к «мерзостям» крестьянского быта и оказался среди сторонников Сталина, надеясь стать его идейным наставником. Действительно, он получил от Сталина титул «великого пролетарского писателя», стал при жизни классиком, однако своей цели не добился, наставником не стал.

Да и вряд ли кто-то из писателей и вообще интеллектуалов, обращавшихся к Сталину, получали от него то, чего хотели.

Так, 8 июня 1929 года Михаил Шолохов за полгода до письма Горького направил в Москву из станицы Вёшенской письмо, адресованное Евгении Григорьевне Левицкой.

«...Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения

о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб везет, — невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы Гражданской войны, белые газеты столь же радостно вещали о "победах" на всех фронтах, о тесном союзе с "освобожденным казачеством".

... Середняк уже раздавлен. Беднота голодает»[203].

Левицкая заведовала отделом в издательстве «Московский рабочий», была знакома со Сталиным по совместной работе в ЦК и передала ему письмо Шолохова в чуть сокращенном виде.

Прямого ответа не последовало, но в своей речи 27 декабря 1929 года на конференции аграрников-марксистов Сталин сказал: «Взять, например, колхозы в районе Хопра в бывшей Донской области. С виду эти колхозы как будто бы не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракторов). А между тем простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики. В чем выразился этот эффект? В том, что переход на рельсы колхозов дал расширение посевной площади на 30, 40 и 50 процентов. Чем объяснить этот "головокружительный" эффект? Тем, что крестьяне, будучи бессильны в условиях индивидуального труда, превратились в величайшую силу, сложив свои орудия и объединившись в колхозы»[204].

Это и есть ответ Шолохову. Более того, Сталин говорил о решительном наступлении на «капиталистические элементы деревни». Тут он добавил пословицу: «Снявши голову, по волосам не плачут». Головой он считал традиционную деревню.

Страна вступала в новую гражданскую войну. В 1929 году было 1307 крестьянских выступлений, в них участвовало около 300 тысяч человек, в январе—марте 1930 года — более 2700 массовых выступлений (это без Украины), в которых приняло участие свыше миллиона человек.

Тридцатого января 1930 года Политбюро приняло директиву «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств и сплошной коллективизации». Кулаки разделялись на три категории и направлялись в концлагеря и ссылку. Затем последовали массовые репрессии против зажиточных крестьян.

В национальных районах (Северном Кавказе, Средней Азии, Казахстане) в отряды восставших входило несколько сотен, даже тысяч человек. Против них направляли регулярные войска и части ОГПУ.

Ситуация приобрела неожиданный оборот. И 20 февраля 1930 года Политбюро приняло постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», в котором осуждались спешка и механи-

ческое перенесение методов коллективизации районов сплошной коллективизации на национальные территории. В русских районах торможения не было.

Вырос так называемый «кулацкий терроризм». За 1929 год было совершено 9137 терактов, из них — 978 убийств, 2745 избиений, 3021 поджог и т. д.

Четвертого февраля ЦИК СССР предоставил ОГПУ во время операций против кулачества право применять на местах внесудебное рассмотрение дел.

В середине февраля в сельские районы были направлены члены Политбюро Калинин, Орджоникидзе, Каганович и член ЦК Яковлев. По их возвращении состоялось заседание комиссии Политбюро по вопросам коллективизации под председательством С. И. Сырцова, в ее работе приняли участие и секретари крайкомов и обкомов. Комиссия вынесла решение, из которого следовало, что, за исключением отдельных перегибов, коллективизация идет нормально.

Принято считать, что опубликованная 2 марта в «Правде» статья Сталина «Головокружение от успехов» является коварным и беспринципным шагом вождя, отводящим от себя лично и от своих соратников обвинения в жестоком кризисе. На самом деле это не так. Сталин должен был одернуть свой аппарат.

Он не мог сказать о главном: в начале 1930 года на «Красном путиловце», где раньше тракторы выпускались мелкими партиями, резко замедлилось выполнение большого заказа, поэтому надо было затормозить коллективизацию, но сделать это так, чтобы не вызвать упреков и обвинений в адрес своей группы. Несмотря на жесткий контроль Кирова и Куйбышева, правительственный заказ не был выполнен и к концу года; было изготовлено 8935 машин. На 1932 год было запланировано выпустить уже 32 тысячи тракторов и 20 тысяч в виде запчастей[205].

В начале статьи говорится о серьезных успехах: перевыполнен пятилетний план коллективизации более чем вдвое; выполнен план хлебозаготовок и плюс к нему собрано 22 миллиона пудов семян. Но тут же автор говорит о зазнайстве, авантюризме, незакреплении успехов. И далее: «Нельзя насаждать колхозы силой». Надо вести борьбу и «против отстающих, и против забегающих вперед».

Казалось, это была великая утопия — одним махом преобразовать 20 миллионов мелких крестьянских хозяйств, где основная часть населения страны создавала маленький прибавочный продукт. Однако Сталин и Молотов не были беспочвенными фантазерами. Они обратили внимание на два процесса: в 1928 году в селе появился метод контрактации (государство закупало зерно крестьян на корню) и весной того же года в совхозе

им. Тараса Шевченко на Украине была создана первая в СССР машинно-тракторная станция из 10 тракторов, которые за умеренную оплату обрабатывали поля в 250 крестьянских хозяйствах. Таким образом, государство обеспечивало сельскохозяйственному производителю два важнейших фактора: гарантированный сбыт и энерговооруженность, не сравнимую с раннефеодальной деревянной сохой.

Поэтому Сталин ухватился за новый метод, который, в случае насыщения села тракторами и сельхозмашинами, сулил избавление сразу от всех слабостей сельского хозяйства. Осенью 1928 года практика контрактации стала широко внедряться, хозяйства объединялись в сбытовые товарищества (для удобства расчетов).

Пятого июня 1929 года Совет труда и обороны принял постановление организовывать МТС, для чего создавалось акционерное общество «Всесоюзный центр машинно-тракторных станций» («Трактороцентр»).

Двадцать девятого июля Сталин подписал решение ЦК о поручении заводу «Красный путиловец» произвести 10 тысяч тракторов. Теперь коллективизация зависела от динамики наполнения села техникой. Это были ключевые решения, они определили политическую судьбу Сталина.

План индустриализации сельского хозяйства опирался на такие расчеты: начать коллективизацию, чтобы уже осенью 1930 года направить в колхозы первые тракторы, а весной проводить пахоту и сев «железными конями». Вскоре должны были дать продукцию и новостройки сельхозмашиностроения: ожидалось к 1931 году 50—60 тысяч тракторов, 10—20 тысяч комбайнов и столько же грузовиков.

Кстати, Сталин посчитал необходимым одернуть и тех, кто создание колхозов начинал «со снятия с церквей колоколов»: «Снять колокола, — подумаешь, какая ррреволюционность!»

Он тотчас стал получать письма от местных партработников с обвинениями в перекладывании на них ответственности «за перегибы». Но цель статьи как раз и состояла в том, чтобы отвести критику от Москвы.

10 и 14 марта 1930 года постановлениями ЦК были осуждены перегибы и администрирование в коллективизации. Вслед за этим начался отток из колхозов, люди требовали вернуть им скот, инвентарь, семена. Однако им ничего не хотели возвращать.

Фактически прежний курс продолжался, так как в это время на «Красном путиловце» положение стало выправляться.

Создавшуюся драматическую обстановку можно увидеть из письма Орджоникидзе из Криворожского округа Сталину и С. В. Косиору (генеральному секретарю ЦК КПУ): «Перекручено здесь зверски. Охоты исправлять мало: у одних упрямство и злоба за провал, у других растерянность. Все хотят объяснить кулаком, не сознают, что перекрутили, переколлективизировали... Большое желание еще большим административным нажимом исправить положение, выражают пожелание расстрелять в округе человек 25—30 и этим сохранить свои проценты»[206].

Сталинская статья оказала только кратковременное воздействие, и весной 1930 года вновь начались крестьянские протесты.

Второго апреля 1930 года ЦК был вынужден принять закрытое письмо «О задачах колхозного движения в связи с искривлением партийной линии». В нем повторялась прежняя точка зрения об ответственности местных руководителей, но признавалось наличие восстаний и антиколхозных выступлений, перерастающих в антисоветское движение.

Восьмого апреля в «Правде» появилась еще одна статья Сталина «Ответ товарищам колхозникам». В ней он писал: «...Забыли, что насилие, необходимое и полезное в деле борьбы с нашими классовыми врагами, недопустимо и пагубно в отношении середняка, являющегося нашим союзником.

Забыли, что кавалерийские наскоки, необходимые и полезные для решения задач военного характера, непригодны и пагубны при решении задач колхозного строительства, организуемого к тому же в союзе с середняком»[207].

Однако в статье были и совсем новые предложения экономического характера: освобождался на два года от налогов весь скот как колхозный, так и частный, принадлежащий колхозникам, были отсрочены платежи по кредитам и прощены все штрафы и судебные взыскания, наложенные до 1 апреля, колхозам открывались новые кредиты.

«Разве не ясно, что крестьяне допускают ошибки, уходя из колхозов?». — задавал Сталин риторический вопрос. Поворота назад уже не было.

Положение Сталина усложнялось целым рядом других процессов, идущих в это же время.

Кроме индустриализации перед ним стояли следующие проблемы: необходимость сохранения существующего уровня экспортных поставок зерна, нефти, леса, льна и т. д. для получения средств на покупку оборудования; смена элит и чистка в армии, различные попытки заговоров в армейской и партийной среде; военные угрозы со стороны Франции и Польши;

по-прежнему существующее «теневое правительство» правых, усиливающее свой потенциал по мере роста сложностей для Кремля; увеличивающиеся сомнения среди представителей «второго ряда» сталинского руководства; недостаток профессионалов и еще многое другое, включая бедность страны, ее суровый климат и традиционный локализм в мироощущении большинства населения.

В воздухе висела тревога, будущее было туманно. Поэтому не случайны начавшиеся в 1930 году следственные дела против военных специалистов, объединенные в единое дело «Весна», по которому были осуждены около трех тысяч бывших офицеров императорской армии. В известном смысле «Весна» была продолжением Шахтинского дела и, беря еще шире, — следствием отказа от НЭПа и перехода к форсированной модернизации.

Именно в 1930 году Сталин опасался нападения Франции и Англии на СССР.

Что касается научных кругов, то с октября 1929 года начались аресты в академической среде, было арестовано более 100 человек, в том числе академики Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов, М. К. Любаевский, Н. П. Лихачев. В академии хранились важные исторические документы (например, акт об отречении Николая II), которые академики не спешили передавать в советские архивы по причине «непрочности соввласти». Интеллектуалы ожидали скорого падения режима и в преддверии этого обсуждали перспективы страны.

Бесспорно, эта пассивная оппозиционность авторитетных ученых в случае войны могла стать почвой для объединения политически более активных сил и могла выдвинуть приемлемых для большинства лидеров.

По приговору 8 августа 1931 года академики получили «мягкое» наказание — по пять лет ссылки, но их подельниковофицеров, участников обсуждений российских проблем, наказали жестоко: шестеро были расстреляны.

Глава тридцать пятая

Тухачевский — Ворошилов: конфликт вокруг плана модернизации армии. XVI съезд — развернутое наступление социализма. Экономический кризис на Западе душит индустриализацию. Сталинские кадры

Двадцать шестого января 1930 года в Париже сотрудниками и агентами ОГПУ, среди которых были французские коммунисты и белогвардейцы, был похищен председатель Русского общевоинского союза генерал Кутепов. Он считал, что «психо-

логическая обстановка в России гораздо лучше, чем в годы Гражданской войны», и видел в РОВСе ядро руководства «клокотавшими массами крестьянства».

Чекисты планировали переправить Кутепова в Москву и использовать для борьбы с внутренней оппозицией. Однако генерал оказал похитителям сильное сопротивление и был убит ударом ножа в автомобиле, после чего его тело было вывезено в пригород Парижа и растворено в ванне с кислотой (по другой версии, забетонировано в гараже). Возглавлял операцию резидент ОГПУ Яков Серебрянский.

Здесь снова появляется Тухачевский, которого чекисты в контрразведывательной операции «Трест» выставляли перед руководством РОВСа как готового на военный переворот «красного Наполеона». Но на сей раз Тухачевский становился, похоже, реальным противником.

Шестнадцатого декабря 1929 года он выступил на заседании военной секции при Коммунистической академии с докладом «О характере современных войн в свете решений 6-го конгресса Коминтерна». Его главная мысль: «грандиозные войны, пока большая часть света не станет социалистической, неизбежны», что надо вести подготовку к ним согласно политике индустриализации. К идее «революции извне» прибавилась идея «войны моторов».

Одиннадцатого января 1930 года Тухачевский направил на имя Ворошилова докладную записку, в которой изложил программу и план модернизации армии с учетом стратегических задач и геополитического положения страны. Основываясь на возможностях военной промышленности, «сдвигах, происшедших в деревне» и росте различных родов войск, он говорил о «новых формах оперативного искусства». Картина представлялась воистину грандиозной: в связи с увеличением танков и авиации генеральные сражения могут вестись одновременным ударом 150 дивизий на фронте в 450 километров и в глубину на 100—200 километров с применением танковых и авиационных десантов.

К концу пятилетки предлагалось иметь в составе Красной армии 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий резерва, тяжелую артиллерию и минометы, 40 тысяч самолетов и 50 тысяч танков, 225 пулеметных батальонов.

Тухачевский также предлагал перестроить всю промышленность, как бы мы сказали сейчас, на выпуск продукции «двойного назначения». «Способность страны, — писал он, — к быстрой мобилизации всех промышленных экономических

ресурсов является одним из крупнейших показателей ее военной мощи».

Предложения Тухачевского в итоге легли в основу промышленной политики СССР, однако тогда они натолкнулись на возражения начальника Штаба РККА Шапошникова, который относился к генерации «генштабистов», конкурирующей с «революционными генералами».

Шапошников представил доклад Тухачевского как радикальный. Ворошилов с ним согласился. В результате Сталин получил предложения Тухачевского с измененными цифрами. Его реакция была отрицательной:

«23 марта 1930 года

Сов. секретно.

Тов. Ворошилову.

Получил оба документа, и объяснительную записку т. Тухачевского, и "соображения" Штаба. Ты знаешь, что я очень уважаю т. Тухачевского, как необычайно способного товарища. Но я не ожидал, что марксист, который не должен отрываться от почвы, может отстаивать такой, оторванный от почвы фантастический "план". В его "плане" нет главного, т. е. нет учета реальных возможностей хозяйственного, финансового, культурного порядка. Этот "план" нарушает в корне всякую мыслимую и допустимую пропорцию между армией, как частью страны, и страной, как целым, с ее лимитами хозяйственного и культурного порядка. "План" сбивается на точку зрения "чисто военных" людей, нередко забывающих о том, что армия является производным от хозяйственного и культурного состояния страны.

Как мог возникнуть такой "план" в голове марксиста, прошедшего школу гражданской войны?

Я думаю, что "план" Тухачевского является результатом модного увлечения "левой" фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем "игрой в цифири", а марксистская перспектива роста Красной Армии — фантастикой.

"Осуществить" такой "план" — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции.

Отрадно, что Штаб РККА, при всей опасности искушения, ясно и определенно отмежевался от "плана" т. Тухачевского.

23 марта 1930 г. Твой И. Сталин»[208].

В этом письме слышна сильная обеспокоенность. Сталин одергивает зарвавшегося «фантазера».

Это письмо Сталина с замечаниями Ворошилова было оглашено на расширенном пленуме РВС СССР 13 апреля 1930 года.

Тухачевский был возмущен интерпретацией своих идей Штабом РККА. 19 июля 1930 года он написал лично Сталину: «Я не собираюсь подозревать т. Шапошникова в каких-либо личных интригах, но должен заявить, что Вы были введены в заблуждение, что мои расчеты от Вас были скрыты, а под ширмой моих предложений Вам были представлены ложные, нелепые, сумасшедшие цифры».

Опровергая «шапошниковскую» интерпретацию своей докладной записки, М. Тухачевский утверждал, что имел в виду отмобилизованную для ведения войны армию с учетом потерь и потенциальных резервов мобилизационных возможностей военной и гражданской промышленности. «По моим расчетам, для организации нового типа глубокого сражения необходимо по мобилизации развернуть 8—12 тысяч танков, о чем я заявлял на РВС, еще не зная Вашего письма...

Необходимо иметь в виду, что в танковом вопросе у нас до сего времени подходят очень консервативно к конструкции танка, требуя, чтобы все танки были специально военного образца... Танки, идущие обычно во 2-м и 3-м эшелонах, могут быть несколько меньшей быстроходности и большего габарита... А это значит, что такой танк может являться бронированным трактором...»[209]

Тухачевский подчеркивал, что стремится не к увеличению затрат на строительство новых военных заводов, а наоборот, к экономии и развитию гражданской промышленности.

В споре с Шапошниковым прав оказался Тухачевский, но это выяснилось позже. (Сталин даже прислал ему письмо, извинившись за резкость предыдущего своего послания.)

Двадцать седьмого июня 1930 года Сталин выступил на XVI съезде с политическим отчетом ЦК. Важность события лично для него была необычайно высокой, но ему и было что предъявить партии.

Он начал с выигрышного хода — сравнил положение в западных странах, где углублялся экономический кризис, с промышленным ростом в СССР.

Затем он сказал о международном положении и угрозе войны. Франция была названа «самой агрессивной и милитаристской страной», и было дано понять, что возможна агрессия с Запада. Он также затронул тему мирного сотрудничества.

Из его речи невозможно сделать вывод, что СССР сильно встревожен международной обстановкой.

Он был полон оптимизма. По его мнению, пятилетний план будет выполнен за 2,5—3 года. Правда, приводя конкрет-

ные данные производства электроэнергии, чугуна в западных странах и СССР, он указывал на колоссальную разницу и подчеркивал: «Мы дьявольски отстали».

Состояние коллективизации выглядело в докладе превосходным: в полтора раза перевыполнена программа колхозного строительства. О проблемах — ни слова.

Правда, косвенно они фигурировали: «Развитие шло и продолжает идти по формуле Ленина — "кто кого". Мы ли их, эксплуататоров, сомнем и подавим, или они нас, рабочих и крестьян СССР, сомнут и подавят, — так стоит вопрос, товарищи...

Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным...»[210]

Но суть доклада заключалась в пафосе социалистического строительства, в возможностях роста для рядовых людей, получении образования, превращении труда «в дело чести, славы, доблести и геройства». Уже началось (в мае 1930 года) сквозное движение на Туркестано-Сибирской железной дороге, на ленинградском заводе «Электросила» был открыт новый турбогенераторный корпус, в Мариуполе был досрочно введен в строй завод по выпуску цельнокатаных труб для нефтяной промышленности, продукция которого позволяла избавиться от импорта; 14 июня (на год раньше срока) закончилось строительство завода сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону; 17 июня (на 5,5 месяца раньше срока) был запущен Сталинградский тракторный завод им. Ф. Э. Дзержинского.

К лету 1930 года социалистическое соревнование распространилось на два миллиона человек, в ударных бригадах работало около миллиона. Комсомольские организации развернули движение за повышение производительности труда, создавали бригады ДИП (догнать и перегнать капиталистические страны), выдвигали встречные (повышенные) планы, проводили смотры ударных бригад. Одной из форм социалистического соревнования были коммуны, в которых заработную плату все получали поровну, независимо от квалификации.

«Советская власть, — говорил Сталин, — является теперь самой прочной властью из всех существующих властей в мире».

Он призвал выполнить пятилетку в четыре года и назвал главные задачи развития страны.

1. Создание на Востоке второй угольно-металлургической базы, в рамках которой должны быть возведены металлургические комбинаты на Урале и в Кузбассе. Уже освоен Кузбасс, построены тракторный завод в Челябинске, машиностроительный в Свердловске, автомобильный в Нижнем Новгороде, комбайновые в Новосибирске и Саратове и т. д. (Этим реше-

нием окончательно разрешен спор с ЦК КП Украины о развитии Донецко-Криворожского экономического района как единственной промышленной базы СССР, что имело решающее значение во время Великой Отечественной войны.)

2. Создание крупных сельскохозяйственных предприятий.

3. Решение кадровой проблемы.

4. Борьба с бюрократией.

5. Систематическое повышение производительности труда.

6. Проблема снабжения. («Снабжение хлебом можно считать уже обеспеченным. Труднее обстоит дело со снабжением мясом, молочными продуктами и овощами».)

7. Упорядочение всего кредитного дела. (Огосударствление финансов.)

8. Создание «солидных» резервов.

Сталин объявил генеральную линию партии: развернутое наступление социализма по всему фронту, ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация.

Затем он говорил о Троцком и «левом уклоне». В его словах промелькнула мысль, что теперь троцкисты превратились в «антипролетарскую и антисоветскую контрреволюционную группу, старательно осведомляющую буржуазию о делах нашей партии». Это означало завуалированные обвинения в шпионаже. Остатки троцкизма, сказал он, «еще не выведены из партии».

О «правых» Сталин высказался чуть мягче, подчеркнув, что они признают возможность построения социализма в России, то есть не являются «контрреволюционерами», но «отрицают пути и средства» построения социализма, «скатываются на точку зрения мелкобуржуазного либерализма».

Слушая это, Бухарин, Рыков и Томский, возможно, не испытывали особой тревоги, как если бы Сталин совсем приравнял их к троцкистам. Но в том-то и дело, что они, раскаявшись, не были разгромлены идейно, и это обстоятельство несло в себе постоянные угрозы как для них самих, так и для Сталина.

В конце доклада Сталин много говорил о национализме, великорусском и местном, говорил почти бесстрастно, скучновато. В этом мало было нового.

Правда, надо было учитывать почти поголовное сопротивление национальных окраин ударной кампании по коллективизации. Поэтому делегаты съезда и партийные пропагандисты должны были понять иносказание.

Читая этот важнейший доклад сегодня, когда поколение строителей социализма в России давно упокоилось в сырой земле, до сих пор ощущаешь страшный накал времени. Энту-

зиазм прорывающихся в элиту низов, слава и блага для ударников, страдания разгромленных и отвергнутых, хруст пожирающих шестерен Времени...

Впереди у Сталина еще три партийных съезда, но этот — самый ответственный.

Конечно, он далеко не все осветил даже в намеках и иносказаниях. Например, то, что советская власть никакая не самая прочная в мире, что он предчувствует приближающуюся войну, что начиная с 1929 года ведется подготовка военных кадров на специальных курсах при исполкоме Коминтерна для действий за рубежом. (За 1929—1935 годы был подготовлен в шести языковых группах 541 человек.)

Не мог всего сказать Сталин и о своих противниках, но это вполне объективно сделал посол Временного правительства Бахметьев. Он назвал их не противниками, а преемниками, что не изменяет сути дела. Это «кулак, нэпман и спец, которые придут к власти, когда сталинская группа будет свергнута»[211].

Кулаков стали ликвидировать, нэпманов зажали налогами и лишением избирательных прав (и «заборных», то есть продуктовых книжек), спецы же еще были востребованы (с многочисленными оговорками и опасением).

Добавим, что с 1929 года в стране работали и другие спецы, несколько тысяч американских и немецких инженеров, которые от Днепрогэса и Донбасса до Нижнего Новгорода и Кузбасса строили промышленные предприятия.

По итогам съезда Сталин был переизбран на все свои посты, а Томский выведен из состава Политбюро. Из «правых» еще только Рыков оставался в высшем руководстве, но чувствовалось, что ненадолго.

Выдвинув грандиозную программу, Сталин еще не представлял в полном объеме сложности своего положения. В его армиях не было нужных кадров, его солдаты были неграмотны и необучены, его планы не были согласованы с существующими ресурсами.

В основе планирования индустриализации лежал конфликт между «красными профессионалами» во главе с председателем ВСНХ Куйбышевым и партийными специалистами из Госплана.

В методике Госплана был заложен принцип комплексности, взаимосвязанности всех отраслей экономики, в методике ВСНХ — волевой рывок, чтобы разорвать неразрываемые цепи экономической реальности.

Поэтому нетрудно понять и объяснить терпимость Сталина в отношении «правых», которые по-прежнему оставались в

составе ЦК партии (а Бухарин оставался и соседом по квартире), и вообще сдержанно-щадящее отношение к старым специалистам, ведь все они в своей основе были правы.

Дальнейшая история Сталина после XVI съезда — это борьба с реальностью «правых» и созданием совершенно новой реальности, борьба, которая не завершилась стратегической победой, несмотря на ряд выделяющихся побед и свершений. С каждым построенным заводом, добытой тонной нефти, возведенным жилым домом, выучившимся на техника или инженера рабочего в советском обществе происходили незаметные, но постоянно накапливающиеся изменения: вырастал новый политический слой, образовывались группы и кланы, у которых идея жертвенного служения социализму не была на первом месте. Дальнейшая деятельность Сталина проходила в непрерывной борьбе с этим внутренним врагом, постоянно ускользающим от разгрома.

Впрочем, в самом духе времени торжествовала идея сильной государственной воли, противостоящей эгоизму людей. Этот дух выражался в этатизме и проявлялся повсюду в разных формах от Москвы, Рима и Берлина до Вашингтона.

Но началось осуществление первой пятилетки с провала. Вырванные из деревень крестьяне (кто по своей воле, кто бежав от коллективизации) стали главной силой на стройках, словно вышедшие из допетровской Руси бородачи окружили будущие социалистические предприятия. (Было запланировано строительство 1200 заводов.) Несоответствие между технологическими задачами и рабочим персоналом было ужасающе очевидным. Предстояло, как и Петру, создать свои кадры, свою интеллигенцию.

На XVI съезде Куйбышев заявил, что ежегодно нужно удваивать капиталовложения и увеличивать производство продукции на 30 процентов. Планирование стало дерзким соревнованием отраслей, заводов, бригад и ударников. Люди были искренними, героизм был неподдельным.

Но сотни строек к концу года замерли, потому что на всех не хватило ресурсов. «К концу 1930 г. 40 процентов капиталовложений в промышленность были заморожены в незавершенных проектах»[212].

Вслед за этим продолжилось в еще больших масштабах административное вмешательство в планирование, чтобы уменьшить конкуренцию отраслей и предприятий. Это, с одной стороны, породило группы влияния и кланы в экономической системе, а с другой — сделало директивное планирование и управление главной отличительной чертой советской экономики.

Мировой экономический кризис все сильнее влиял на планы социалистической модернизации. Еще в конце декабря 1929 года с большими трудностями удалось продать в Европе 25 миллионов тонн зерна. На вырученные деньги приобрели 8,5 тысячи тракторов у английской фирмы «Виккерс». Можно вычислить цену одной машины в килограммах зерна, но никто не знает, сколько пота и крови русских крестьян стоил один трактор. Но в наступающем 1930 году западные рынки вообще стали превращаться в узкие щели. А требовалось срочно выплатить американской фирме «Катерпиллер» 3,5 миллиона долларов за оборудование для Челябинского и Харьковского тракторных, для Ростовского и Саратовского комбайновых заводов. Всего же в течение пяти лет СССР должен был выплатить американским фирмам 1,75 миллиарда золотых рублей (350 миллионов долларов) плюс семь процентов годовых за кредит. За эту гигантскую сумму страна получала машины и оборудование, без которых ей уже невозможно было существовать: тракторы, комбайны, нефтеперегонный завод, бурильные установки и трубы, автомобильный завод и три металлургических комбината — Магнитогорский, Кузнецкий, Запорожский.

И это далеко не все, что СССР должен был получить от Запада. Еще предстояло приобрести оборудование для Березниковского металлургического комбината, подшипниковых заводов в Москве и на Урале, железнодорожные рельсы, каучук.

Разящий все и вся экономический кризис незаметно для большинства населения СССР, которое могло прочитать о нем в маленьких заметках в газетах, душил оптимистичный пятилетний план и ставил перед сталинской группой еще одну тяжелую проблему. К тому же было очевидно, что Совнарком работает неправильно, в систему финансирования заложена маниловщина: сперва ВСНХ заключает договоры с зарубежными фирмами, а потом Внешторг ищет, где взять валюту. Отсюда — распыление средств и вообше ощущение «безразмерного кредита».

На самом деле никакого безразмерного кредита не было, а виделась реальная перспектива провала. Чтобы его избежать, старались использовать все мыслимые и немыслимые возможности. ОГПУ дважды в 1930 году получало от Политбюро задания (30 марта и 10 мая) изъять у населения валюты на 2,5 и на 2 миллиона рублей. Сроки для исполнения давались кратчайшие — два и десять дней. (Сатирическое описание выполнения чекистами этого задания есть в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».) Это означало только одно: руководство страны находится в безнадежном положении.

Для спасения индустриализации на продажу выставлялись даже художественные сокровища лучших музеев Москвы, Ленинграда, Киева, накопленные русскими царями, вельможами и предпринимателями. Были проданы картины Боттичелли, Веласкеса, Рафаэля, Рембрандта, Рубенса, Тициана, Тьеполо, Перуджино, Пуссена, Ван Эйка, Ван Дейка, Боутса и других художников, всего 1450 картин, и еще ювелирные изделия, мебель, ковры, гобелены, бронза, сервизы, монеты, коллекции оружия... Учитывая низкую платежеспособность кризисного Запада, за эти ценности было выручено гораздо меньше, чем предполагалось, — 12,5 миллиона долларов.

Это изъятие сокровищ из культурного наследия внешне напоминало выемку церковных ценностей в 1922 году, но не имело никакой идеологической подоплеки. Просто к сумме общих жертв прибавилась еще одна, несколько, но ненамного, облегчив внутреннее положение страны.

Также помогло заключение удачного контракта с нефтепромышленником К. Гюльбекяном, страстным коллекционером, который стал «под крышей» своей компании «Теркиш ойл» продавать на международном рынке советскую нефть и нефтепродукты.

Напомним, что затеянная Детердингом война против бакинской нефти еще давала свои отголоски в мире, а самое главное, нефтяной рынок был перенасыщен.

Кроме того, забили новые нефтяные фонтаны на месторождениях Баба-Гур-Гур в Ираке и Восточного Техаса в США. В Америке, СССР и Румынии добыча постоянно росла. Началась новая ценовая война, нефть переставала быть «золотом», в этой ситуации содействие Гюльбекяна было спасительным для советского бюджета.

Словом, в 1930 году Сталин вынужден был сокращать амбициозные планы и переводить экономику на иной режим управления.

Поняв, что проваливается и с рабочими кадрами, он сделал резкий маневр и отдал распоряжение повысить трудовую дисциплину на предприятиях, отменить уравниловку коммун, снабжать в первоочередном порядке продуктами, мануфактурой, жильем только ударников, остальных — во вторую очередь, запретить выдвижение рабочих от станка «во все и всяческие аппараты». Об этом он написал Молотову 28 сентября 1930 года, а уже 20 октября того года ЦК принял постановление «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью».

Это «ручное» управление экономикой при помощи парткомов, чекистов, «выдвиженцев» позволило сгладить возникший

кризис, но еще глубже сделало разрыв между «старой» и «новой» Россией и постепенно привело к огосударствлению почти всех сторон общественной жизни.

Впрочем, в 1930 году выдвижение молодежи, рост рабфаков (с 1928 по 1932 год число мест в этих учебных организациях выросло с 50 тысяч до 285 тысяч), мобилизация рабочих-коммунистов в руководящий слой или на учебу (таких было 660 тысяч) обеспечивали кадровый резерв. Общее число рабочих-выдвиженцев за первую пятилетку достигло одного миллиона. Вместе со студенческой молодежью они стали новой интеллигенцией, «сталинской». Они шли на смену старым спецам и старым революционерам, которые логикой событий постепенно отодвигались на историческую окраину.

Начиная с 1930 года в стране происходило великое переселение народа. Социальные лифты неслись вверх. Крестьяне, еще вчера жившие в ощущении Вечности, должны были овладеть азами совсем другой жизни и подчиниться суровым законам индустриальной гонки на выживание. Они оставались «полуперсонами», как когда-то их назвал К. П. Победоносцев, индустриальной гонки и не могли так быстро, как требовалось, приспособиться к дисциплине, технологическим нормам, социальным требованиям.

Среди вчерашних пахарей росли хулиганство, анархия, производственный травматизм, выпуск бракованной продукции, прогулы, текучка кадров. Как следствие социального ускорения, производительность труда в 1928—1930 годах упала на 28 процентов.

Эти обстоятельства быстро заставили Сталина пересмотреть свои взгляды на возможность только идейного воздействия на новобранцев индустрии.

Глава тридцать шестая

Понадобилась русская история. Дело Тухачевского. Дело Сырцова. «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»

Проблема «плохого народа» предполагала несколько решений.

Сегодня нелегко представить генеральную линию государственной культурной политики того времени: уничтожение традиционной русской культуры — вот ее дух. Согласно «главному историку» академику М. П. Покровскому, даже термин «русская история» был шовинистическим и «контрреволюционным».

И действительно, по отношению к строительству социализма прошлое страны стояло в непримиримой оппозиции. Но в такой политике таился источник постоянной слабости нового строя, так как его крепости предстояло возводить «контрреволюционному» по своей сути народу.

Это противоречие вылезало из всех культурных щелей. Так, в 1929 году молодой поэт Джек Алтаузен (в 1942 году он погиб на войне) написал стихи, в которых были следующие строчки:

Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?
Довольно нам
Двух лавочников славить —
Их за прилавками
Октябрь застал.

Случайно им
Мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь,
Они спасли Рассею!
А может, лучше было б не спасать?

Можно сказать, тогда вся Россия представлялась «металлоломом», и основанная на такой точке зрения политика ставила сталинскую группу в трудное положение: она не имела духовной опоры в массах.

Это противоречие вырвалось наружу, когда Сталин в октябре 1930 года разгромил вышедший в «Правде» стихотворный фельетон Демьяна Бедного «Слезай с печки», косвенно ударив по Молотову и Луначарскому, которые эти стихи одобрили.

Д. Бедный был заслуженный большевистский поэт, сотрудник еще дореволюционной «Правды», стопроцентный представитель «пролетарской культуры». Критическое слово вождя в его адрес прозвучало как гром среди ясного неба. Фельетон был оценен Сталиным «как клевета на наш народ».

Шестого декабря вышло постановление ЦК, в котором говорилось: «Попытка огульно применить к нему (народу) эпитеты “лентяй”, “любитель сидеть на печке” не может не отдавать грубой фальшью».

Д. Бедный обратился за разъяснениями к Сталину и получил от него настоящую отповедь, в которой было сказано, что история рабочего класса России «вселяет (и не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса»[213].

С этого момента становилось понятно, что Сталин хочет опираться не только на коммунистическую идеологию. Ему понадобилась вся русская история. Еще раньше, в январе 1930 года Сталин отменил предложенный комиссией под руководством Луначарского перевод русского языка на латинский алфавит (кириллицу эта комиссия объявила «пережитком классовой графики XVIII—XIX веков»).

Продолжая эту тему, следует вспомнить, что в марте 1930 года к правительству СССР обратился писатель Булгаков с просьбой выпустить его за границу или предоставить ему работу, ибо «в данный момент — нищета, улица, гибель». В конце апреля по поводу обращения Булгакова вышло постановление Политбюро, в котором Молотову было поручено «дать указание» Ф. Я. Кону, заведующему сектором искусств Наркомата просвещения. Неожиданно Сталин сам позвонил писателю, не надеясь, видно, на аппарат. Он предложил Булгакову подать заявление о приеме на работу во МХАТ и сказал о желательности личной встречи. Вскоре писатель стал ассистентом режиссера Художественного театра, куда его раньше не брали. Что касается встречи, то она не состоялась. Возможно, Сталин адресовал слова о встрече вовсе не автору «Дней Турбиных», а своему аппарату, чтобы тот не дал Булгакова на съедение неистовым «пролетарским критикам».

В целом истории с обоими писателями показывали, что Сталин всегда держал в уме обращение к традиционной русской культуре, что по мере приближения к войне стало выражаться все отчетливее. Не будет преувеличением сказать, что в его арсенале могли мирно уживаться Петр Великий, Ленин, методы Коминтерна с идеей «мировой революции», приверженность к классической культуре. Когда требовалось, он брал то, что было нужно, и повергал оппонентов.

После XVI съезда Сталина занимали многие заботы, в числе которых выделялись хлебная проблема (получение государством зерна у колхозов и выгодный его экспорт), а также вопросы безопасности. Опасался ли он заговора военных? Не похоже. Если бы опасался, то не уехал бы после съезда на Кавказ, оставив на хозяйстве Молотова.

Восемнадцатого августа 1930 года был арестован соратник и близкий друг М. Н. Тухачевского Н. Е. Какурин, бывший начальник штаба Западного фронта во время советско-польской войны и командующий сводной кавалерийской группой при подавлении крестьянского восстания на Тамбовщине. Поначалу следствием было установлено, что любовница Какурина,

красавица цыганка Мелехова-Морозова имеет связи с западными спецслужбами, у нее часто проходили вечеринки, на которых присутствовали многие военные. На допросе Какурин признал, что его симпатии «теоретически склонялись к правому уклону».

Хотя подозрение по поводу контактов с зарубежными агентами в ходе следствия отпало, дальнейшие допросы Какурина раскрыли более тревожную картину. Он показал, что Тухачевский при обсуждении политической ситуации говорил о возможном военном перевороте и установлении военной диктатуры, а в отношении лидера страны высказывался так: «Возможна и такая перспектива, что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого товарища Сталина».

Получив это признание, следствие стало искать улики против Тухачевского, и Какурин сделал следующее заявление: «Сейчас, когда я имел время глубоко продумать все случившееся, я не исключу и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности»[214].

Десятого сентября председатель ОГПУ Менжинский сообщил Сталину: «Арестовывать участников группировки поодиночке — рискованно. Выходов может быть два: или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дождаться вашего приезда, принимая пока агентурные меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро, и последнее решение представляет известный риск»[215].

Сталин отреагировал не сразу, что подтверждает отсутствие у него признаков неуверенности и паники.

Двадцать четвертого сентября в письме председателю ЦКК Орджоникидзе он высказал свои мысли по этому поводу: «Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии. Как видишь, показания Орлова и Смирнова (об аресте ПБ) и показания Какурина и Троицкого (о планах и “концепциях” Троцкого) имеют своим источником одну и ту же питательную среду — лагерь правых. Эти господа хотели, очевидно, поставить военных людей кондратьевым-громанам-сухановым. Кондратьевско-сухановская-бухаринская партия — таков баланс. Ну и дела...

Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело. Лучше было бы отложить решение вопроса, поставленного в записке Менжинского, до середины октября, когда мы все будем в сборе»[216].

Сталин сделал вывод: «правые» в руководстве партии сблокировались с «правыми» экономистами (уже арестованными) и готовят военный заговор.

Обратим внимание на письмо Молотову от 1 сентября 1930 года. В нем Сталин писал о том, что «поляки наверняка создают» блок балтийских государств для войны с СССР, и предлагал увеличить армию на 40—50 дивизий, а также максимально увеличить производство водки для получения дополнительного финансирования.

Здесь главное, конечно, не водка, хотя в 1929—1932 годах денежная эмиссия выросла в четыре раза, выросли и налоги, и производство алкоголя. Главное — реальная угроза интервенции, которая в сочетании с внутренними противниками ставила Сталина перед трудноразрешимыми проблемами.

В других письмах Молотову он нажимает: обеспечивай хлебозаготовки, обеспечивай экспорт зерна, «иначе останемся без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябзавод и пр.) заводов».

Из писем периода августа—октября 1930 года видно, как тревожно его сознание и как масштабно его видение реальности. К нему стекается информация ОГПУ, ЦК, наркоматов. Он следит за всем.

Сталин понимает, что превосходит соратников работоспособностью, ответственностью, проникновением в детали (он даже указывает, каким способом, ударным или вращательным, бурить нефтяные скважины в Предуралье, где взять железнодорожные рельсы для уральских рудников).

Его единоличное управление страной далеко не всегда могло быть эффективным, и он чувствовал ограниченность своих возможностей.

Характерно, как реагировал Сталин на показания арестованных экономистов Кондратьева, Чаянова, Громана, Суханова. «...Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольникова и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бухарин, Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять»[217].

Он не сомневается, что существует заговор, и выносит приговор. Но вскоре стало известно, что связи нет, и «мерзавцы» не были расстреляны.

Глядя на документы того времени, ощущаешь всю необычайность происходящего. Всюду в мире идет обострение борьбы

за ресурсы. Такие изгои, как Германия, вдруг набирают мощь, другие, вчера грозные, как Англия, ее утрачивают, третьих, как США, трясет в кризисе. Япония, Китай, Польша, Италия — все они готовы к новым рискованным действиям. И среди них Россия, вчера едва живая, сегодня бешено растет под красным советским флагом, а то, что происходит внутри нее, похоже на жестокую битву железных когорт Рима с варварами.

Москва уже была Третьим Римом. Теперь она стала «красным Римом» на фоне мирового кризиса. Это воспринималось фантастически.

И вот получено сообщение председателя ОГПУ о Тухачевском. Это грозило катастрофой: три миллиона бунтующих крестьян в 1930 году могли получить вождя.

Восьмого октября 1930 года членом Реввоенсовета Ленинградского военного округа назначен секретарь Ленинградского обкома партии, член Политбюро С. М. Киров. Таким образом, у Тухачевского появился куратор. Одновременно с этим в военной печати появились крайне резкие статьи с критикой Тухачевского. К тому же Сталин предпринял предупредительные меры на случай неожиданностей со стороны военных: он передал в Москву, что вернется в конце октября, хотя планировал быть в столице в середине месяца.

Эта предусмотрительность оказалась ненужной. Сразу по возвращении, 14 октября, Сталин встретился с Менжинским и начальником Особого отдела ОГПУ К. Ольским, которые познакомили его с новыми показаниями об антигосударственных замыслах Тухачевского. Сталин хотел разобраться в ситуации, поэтому и был вызван Ольский. Конечно, это вовсе не означало, что он не доверяет Менжинскому, данный факт просто характеризует методы Сталина.

И Ольский не поддержал мнение Менжинского об аресте Тухачевского, он выразил сомнение в достоверности показаний арестованных.

В результате было решено провести очную ставку арестованных и подозреваемого во время назначенного на 22—26 октября пленума РВС СССР по итогам боевой подготовки за минувший год. На очной ставке присутствовали Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе.

Какурин и Троицкий подтвердили показания, Тухачевский их опроверг.

Чтобы окончательно принять решение, Сталин и Ворошилов обратились к хорошо знавшим Тухачевского военачальникам И. Дубовому, И. Якиру и Я. Гамарнику, и те развеяли сом-

нения Сталина. 23 октября вождь написал Молотову: «Что касается Тухачевского, то он оказался чист на все 100 процентов. Это очень хорошо».

Впрочем, аресты среди офицеров продолжались, 25 октября в Ленинграде были арестованы 22 бывших офицера лейб-гвардии Семеновского полка (в этом полку служил и Тухачевский).

Одновременно с «делом Тухачевского» на Сталина навалилось «дело Сырцова». 21 октября 1930 года сотрудник «Правды» Б. Резников сообщил Сталину, что председатель Совнаркома РСФСР, кандидат в члены Политбюро, 37-летний С. И. Сырцов, разочаровавшись в индустриализации, организовал оппозиционную группу, которая планировала возврат к НЭПу, создание крестьянской партии и смещение Сталина. На пост наркомвоенмора планировался Блюхер.

Пятого ноября — седьмого декабря прошел судебный процесс по делу «Промышленной партии», участники которого, инженеры и экономисты, обвинялись в связях с эмиграцией и подготовке с ее участием интервенции и реставрации капитализма. Следствие во многом было сфальсифицировано, однако отдельные факты и сама тенденция были реальными.

Тем не менее Тухачевский, несмотря на складывающуюся обстановку, продолжал отстаивать свои взгляды и 30 декабря направил Сталину дерзкое по тону письмо, в котором обвинил начальника Штаба РККА. Вот фрагмент письма: «...Формулировка Вашего письма, оглашенного тов. Ворошиловым на расширенном заседании РВС СССР, совершенно исключает для меня возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности, например, я исключен как руководитель по стратегии из Военной академии РККА, где вел этот предмет в течение шести лет. Между тем я столь же решительно, как и раньше, утверждаю, что Штаб РККА беспринципно исказил предложения моей записки...

И вообще положение мое в этих вопросах стало крайне ложным...»[218]

Настойчивость командующего ЛВО заставила Сталина снова обратиться к его предложениям, и вскоре, 9 января 1931 года, он принял Тухачевского и в целом поддержал его программу. Военачальник был включен в комиссию по танкостроению, созданную для реализации его предложений. Шапошников же покинул пост начальника Штаба РККА. (В июне 1931 года Тухачевского назначили заместителем наркома и начальником вооружений РККА.)

Кадровые перестановки в армии свидетельствовали об очень серьезном изменении сталинских взглядов. По-видимому, он понял, что войны не избежать.

Четвертого февраля 1931 года он выступил с речью на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности и, в частности, сказал: «...Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно...

В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил накануне Октября: “Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны”.

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[219].

Предвидел он или угадал, но до Великой Отечественной войны оставалось как раз десять лет.

В правительстве тоже произошли перестановки: Куйбышев сменил Орджоникидзе на посту председателя Госплана СССР и стал заместителем председателя Совнаркома. Орджоникидзе возглавил ВСНХ. Молотов стал председателем правительства вместо Рыкова. Рыков был назначен наркомом почт и телеграфов СССР и выведен из состава Политбюро.

Теперь Сталин достроил систему власти. И ЦК партии, и Политбюро, и Совнарком были подчинены одной идее, одной команде. Членами Политбюро были Сталин, Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, С. Косиор, Куйбышев, Молотов, Рудзутак, Орджоникидзе, председателем ЦКК — А. А. Андреев, председателем ВЦСПС — Н. М. Шверник.

Но главная его опора была в комитетах партии на местах, в обкомах и крайкомах партии, которые стали скелетом и нерв-

ной системой советской власти. Сталин до конца своих дней будет совершенствовать свое творение, желая придать ему максимальную устойчивость и долговечность и ликвидировать возникающие кланы.

Определился и состав руководящего ядра — это Сталин, Молотов и Каганович, ставший «вторым» секретарем ЦК. Остальных членов своей команды, в частности Орджоникидзе, Куйбышева, Микояна, Сталин часто критиковал за ведомственность и бюрократическое самомнение. Любопытно, что в одном из писем Кагановичу (14 августа 1931 года) он высказывается в адрес Микояна так: «Терпеть дальше обман нет никакой возможности».

Но и к преданному Молотову у него есть претензии. Они связаны с поведением его жены Полины Жемчужиной, которая высказывала Надежде Аллилуевой упреки за то, что она якобы недостаточно хорошо ухаживает за Сталиным.

В письме жене (24 сентября 1930 года) он писал: «Попрекнуть тебя в чем-либо насчет заботы обо мне могут лишь люди, не знающие дела, такими людьми и оказались, в данном случае, Молотовы».

Словом, не должно быть иллюзий в отношении спаянности правящей группы. Это были разные по культуре и воспитанию люди. Их объединяла воля Сталина, а еще больше — ситуация, когда отступать невозможно. Когда изменилась ситуация, стали изменяться и взаимоотношения в команде.

По всей вероятности, именно в эти годы у Сталина появились мысли о расширении базы советской власти. Многое объясняет одна его фраза: «Лгут и хитрят почти все...», сказанная в письме Кагановичу (26 августа 1931 года) в связи с положением на Кавказе.

Сталин понимал, что с кадрами у него далеко не все благополучно.

То, что он задумал, было грандиозно. Ему надо было переформировать партию, вырастить социалистическую интеллигенцию, выдвинуть новых советских генералов и воспитать новую молодежь. Он должен был начать смену всего народа и начать ее прямо сейчас!

Конечно, это было невозможно сделать быстро, но он начал.

Все, что происходило с 1931 по 1940 год, все огромные свершения и репрессии во всех слоях населения, было неразрывно связано с выполнением плана переустройства общества. Нигде в архивах мы не найдем упоминаний о существовании такого плана, но реконструкция основных событий позволяет считать, что в голове вождя бесспорно существовала стратегия обновления.

В целом задача была невыполнима, так как касалась не только смены хозяйственной и политической верхушки, как это было при Петре Великом, но и самих традиционных основ человеческой жизни.

Соответственно, по мере увеличения трудностей должны были проявляться и противоречия в сталинской группе. Одно такое серьезное противоречие обозначилось при расследовании дела Сырцова, подельник которого, секретарь Закавказского бюро ЦК Виссарион Ломинадзе, был близок к Орджоникидзе. Ломинадзе был отражением своего старшего друга, такой же, как и тот, вспыльчивый, прямодушный, грубый и легковерный. Его и Сырцова можно отнести ко второму эшелону партийной элиты, настороженно воспринимавшей обострение социальной обстановки в стране.

На следствии Ломинадзе признал во время очной ставки с Сырцовым, что у Сталина есть «некоторый эмпиризм, недостаточное умение предвидеть», «не нравилось и не нравится то, что иногда (особенно в дни пятидесятилетнего юбилея) тов. Сталина в печати и отдельных выступлениях ставят чуть ли не на одну доску с Лениным».

Орджоникидзе был шокирован и потребовал крайней меры партийного наказания — исключения из партии. Сталин принял более мягкое решение: Сырцов и Ломинадзе были выведены из ЦК и направлены на хозяйственную работу. Такое решение объясняется тем, что в сталинской группе противоречия не достигли нетерпимой остроты. Показательно, что даже Зиновьев и Каменев были прощены и восстановлены в партии.

Каменев с 1929 года работал председателем Главного концессионного комитета при СНК СССР, Зиновьев — ректором Казанского университета, затем членом редколлегии журнала «Большевик», членом коллегии Наркомата просвещения РСФСР.

Но история с Ломинадзе, фигуры гораздо менее значимой, показала Сталину, что даже в окружении его ближайших соратников много ненадежных людей. Дальнейшее заступничество Орджоникидзе за Ломинадзе должно было укрепить подозрения вождя.

Любопытно, что в сталинских письмах того периода проскальзывает упоминание Л. Берии, причем он характеризуется в высшей степени: он не лжет*.

---

* 32-летний Лаврентий Берия в марте 1931 года был назначен председателем Закавказского ГПУ и полномочным представителем ОГПУ СССР в Закавказье. В октябре стал первым секретарем ЦК КП Грузии и одновременно вторым секретарем, а с октября 1932 года — первым секретарем Закавказского крайкома партии.

Хотя Берию традиционно изображают врагом советской власти и заговорщиком, он просто был крайне рациональный и волевой человек, нацеленный на успешную карьеру. (Эта характеристика высказана Ф. Д. Бобковым, первым заместителем председателя КГБ СССР.)

Нет ничего удивительного в том, что ощущавший себя равным Сталину Орджоникидзе начал разочаровывать вождя. Так, 17 августа 1931 года в письме Кагановичу генсек обрушивает на Куйбышева и Орджоникидзе серьезную критику: «Тяжелое впечатление производит записка т. Куйбышева и вообще все его поведение. Похоже, что убегает от работы. С другой стороны, все еще плохо ведет себя т. Орджоникидзе. Последний, видимо, не отдает себе отчета в том, что его поведение (с заострением против тт. Молотова, Куйбышева) ведет объективно к подтачиванию нашей руководящей группы, исторически сложившейся в борьбе со всеми видами оппортунизма, — создает опасность ее разрушения. Неужели он не понимает, что на этом пути он не найдет никакой поддержки с нашей стороны? Что за бессмыслица!»[220]

В этих строках выражены кадровые приоритеты Сталина: единство его команды важнее всего. Что касается Куйбышева и Орджоникидзе, то их попытки давить на нового председателя правительства (и на Сталина!) были отведены.

Реорганизовав правительство, сталинская группа значительно уменьшила оказавшийся завышенным пятилетний план. И что не менее важно, отменила прежний порядок финансирования: теперь не ВСНХ заключал договоры, а сначала Внешторг искал деньги, но Политбюро определяло и источники финансирования, и объемы строительства.

Сталин буквально выходил из себя, отбиваясь от попыток наркоматов и главков вырвать валюту и закупить за границей то, что можно было произвести в СССР. Он приказал Кагановичу (21 августа 1931 года) «максимально урезать платежи и заказы наркоматов на Америку, не обращая внимания на вой и истерики. Вы увидите, что наркоматы найдут тогда пути и возможности удовлетворить свои нужды за счет европейских заказов и нашего внутреннего производства»[221].

Он указывал на «рвачество ВСНХ», которым руководил Орджоникидзе.

В апреле 1931 года успешно завершились трудные переговоры с Германией, было получено 300 миллионов марок льготного кредита, причем на более выгодных условиях, чем давали американцы. Поэтому Сталин делал разнос бюрократическому аппарату ВСНХ за то, что тот не хотел переориентироваться на более выгодные германские заказы.

«Старания САСШ направлены на то, чтобы опустошить нашу валютную кассу и подорвать в корне наше валютное положение, а САСШ теперь — главная сила в финансовом мире и главный наш враг... Вместо того чтобы нажимать на свой аппарат и заставить его выплавить больше чугуна, ВСНХ нажимает на государственную кассу (то есть на государство, то есть на рабочий класс), заставляя рабочий класс расплачиваться своими валютными ресурсами за неспособность, косность и бюрократизм ВСНХ... Нельзя идти ни на какие поблажки людям (и учреждениям), пытающимся растранжирить валютные ресурсы рабочего класса ради спокойствия работников своего аппарата».

Но и с Германией Сталин не церемонился, когда узнал от Кагановича, что немецкие фирмы пытаются поставлять некачественное оборудование. В этом случае он распорядился отменить часть заказов, чтобы привести партнеров в чувство. Так же он поступил и с итальянскими промышленниками.

От Сталина не было пощады никому. Можно представить, что думали о нем чиновники. Они его боялись, безусловно. И выстраивали защитные редуты в виде собственных группировок, лукавства в отчетности, самоволия.

Так, в августе 1931 года заместитель наркома иностранных дел Карахан пренебрежительно отмахнулся от предложения польского посланника Патека о заключении пакта о ненападении. Это вызвало отповедь Сталина, считавшего, что договор с Польшей, несмотря «на общемещанское поветрие антиполонизма», обеспечит мир на ближайшие два-три года. Поэтому он потребовал вернуться к этому вопросу и «довести его до конца всеми доступными мерами». (Договор о ненападении был подписан 25 июля 1932 года, договор с Францией, недавно безоговорочно враждебной, еще раньше — 10 августа 1931 года, что косвенно свидетельствовало об усилении Германии.)

К этому времени надо отнести и появление на московской политической сцене энергичного малообразованного партийца Никиты Хрущева. Его привел Каганович, который познакомился с Хрущевым в Донбассе, где тот был секретарем Петрово-Марьинского райкома в Юзовке (ныне Донецк) и в 1923—1924 годах состоял в троцкистской оппозиции. Открестившись от троцкизма и покаявшись, Хрущев познакомился с Кагановичем (тогда генеральным секретарем ЦК КП Украины) и получил его поддержку, стал инструктором, затем заместителем заведующего орготделом ЦК, заведующим орготделом Киевского окружкома партии. В 1929 году был направлен на учебу в Промышленную академию, но после собеседова-

ния, на котором была установлена его безграмотность, не подлежал зачислению. Тогда Хрущев снова обратился к Кагановичу и, благодаря его вмешательству, стал студентом первого общеобразовательного курса, на котором стала учиться и Н. Аллилуева. Он был чрезвычайно активным. 30 мая 1930 года в «Правде» появилось его письмо с разоблачением окопавшихся в академии скрытых врагов. Каганович прочитал его и, поскольку испытывал большую нехватку в известных лично ему кадрах, дал указание избрать Хрущева парторгом академии. Учился Хрущев плохо, но компенсировал это активной борьбой «за чистоту рядов», организовав партийное расследование против 40 слушателей, многие из которых были исключены из партии и академии. С января 1931 года Хрущев — секретарь Бауманского райкома Москвы. В этой должности он продолжал «борьбу», чего, видимо, и ожидал от него Каганович. В первую очередь были распущены партийные организации Института азота и «Моспушнины», разгромлена парторганизация издательства «Молодая гвардия», проморгавшая выпуск идеологически «вредных» книг. В июне 1931 года Хрущев стал секретарем Краснопресненского райкома, а в январе 1932 года — вторым секретарем Московского комитета партии. Он выглядел простодушным, доброжелательным человеком, ходил в поношенном темно-сером костюме, сатиновой косоворотке и сапогах. Но за внешним обликом тридцатипятилетнего «самородка» скрывалась жестокая и расчетливая личность. Люди, знавшие его в ту пору, говорили о нем: «Удивительно недалекий и большой подхалим».

Этот портрет показывает, что даже преданный вождю Каганович и трудноуправляемый Орджоникидзе имели в своем окружении работников с очень большими изъянами. Но пока оставим Хрущева исполнять указания вышестоящего начальства и вернемся к текущим проблемам Сталина.

Не успели кое-как поправить внешнеэкономические дела, как пришла новая беда — засуха и неурожай. Станислав Косиор, генсек КП Украины, сообщал Кагановичу, «...что ухудшение урожая захватило ряд хлебных районов, как Зиновьевский (ныне Кировоградский. — *С. Р.*), Криворожский, Херсонский, Одесский, Николаевский и т. д., что недобор в валовом сборе дойдет до 170 млн. пудов»[222].

Сообщив об этом Сталину, Каганович еще не представлял полного объема бедствия. Некоторые регионы уже просили снизить план хлебосдачи, но он не собирался этого делать, чтобы не произошло «размагничивания».

Через несколько дней Каганович признал: «Ход хлебозаготовок в первой половине августа внушает некоторые опасе-

ния». К этому прибавился кризис с поставками мяса, так как в деревнях произошел повсеместный забой скота, вызванный нежеланием сдавать коров и овец в колхозы. «Исключительно плохо с мясом», — писал Каганович.

Общая тенденция была следующая: поголовье крупного рогатого скота упало с 70,5 миллиона в 1928 году до 38,4 миллиона в 1933 году; свиней с 26 миллионов до 12 миллионов; овец и коз со 146,7 миллиона до 50,2 миллиона. Вскоре были сокращены нормы снабжения населения мясом.

А дальше накатилось как снежный ком: нижняя и средняя Волга, Западная Сибирь — везде засуха, местные руководители молят снизить планы хлебозаготовок. И Каганович признается: «Без некоторого снижения не обойтись».

Сталин согласился частично уменьшить план, но засуха была сильнее его воли: было собрано столько зерна, сколько указывали в своих предложениях местные руководители. Он проиграл.

Зато понимая, что на продовольствие сразу вырастут цены, Сталин предложил снизить цены в коммерческих магазинах, а также «немедля открыть» универсальные магазины для отпуска товаров прикрепленным к ним рабочим и служащим. (К январю 1932 года открылись 83 универмага.)

Вместе с тем при очевидности возникших проблем Сталина раздражил небольшой эпизод, связанный с Бухариным: тот выступал на митинге в Сокольниках и рискнул признать, что «у нас как следует запоздало дело с такими очень важными вещами, как продовольственный вопрос и легкая индустрия». Бухарин был прав, но его правота была всего лишь констатацией фактов, которые Сталин знал.

Его задела бесполезность критики, ведь все равно пути к отступлению давно не было. У него не хватало, как у Иисуса Христа, ни хлеба, ни рыбы, ни чудес для всех голодающих.

Но чудеса проявлялись в другом: уже начали разбирать Иверскую часовню (Воскресенские ворота) на Красной площади в Москве, раскрывая широкий путь для демонстраций и военных парадов; начали сносить торговые ряды Охотного Ряда, расчищая площадку для гостиницы «Москва», а самое важное — велось строительство многоэтажных жилых домов и заработало управление по строительству метро. Первопрестольная должна была вскоре преобразиться.

Сталин не ошибся, выбрав Лазаря Кагановича своим заместителем. Этот человек не знал усталости. В июне 1931 года по докладу Кагановича «О реконструкции Москвы и других городов СССР» шло строительство канала Москва — Волга. (Параллельно продолжалось строительство Беломорско-Балтий-

ского канала, который должен был обеспечить внутренние транспортные маршруты.)

Тогда в Московскую область входили Рязанская, Тульская, Калужская, Тверская области, а Каганович как секретарь ЦК и одновременно руководитель Московского комитета партии обладал огромной властью. В частности, он возглавил комиссию по реконструкции Москвы.

Комиссия отвергла как предложения фактического сноса города (ликвидации исторически сложившейся радикально-кольцевой системы улиц, якобы свойственной феодальному городу), так и сохранения столицы в неприкосновенном, «дворянско-купеческом» виде.

Старая Москва со своими храмами, дворянскими усадьбами и садами, Сухаревой башней, Красными Воротами, монастырями была обречена. Она не могла оставаться прежней под натиском индустриализации, приволокшей в ее пределы сотни тысяч новых горожан, которые внесли в ее облик огромные изменения.

Пятого декабря 1931 года был взорван храм Христа Спасителя, памятник героям Отечественной войны 1812 года. На его месте планировалось построить гигантский Дворец Советов по проекту архитектора Бориса Иофана. Каганович впоследствии говорил, что сомневался в необходимости сноса храма, Сталин — тоже колебался. Но на заседании Политбюро восторжествовала радикальная точка зрения. Существует миф, что Каганович лично повернул ручку взрывного механизма и произнес: «Задерем подол матушке-России», но на самом деле в тот день его не было в Москве.

Москва как евразийский город «сорока сороков» (число церквей), «поленовских двориков», обширных садов и дворянских усадеб навсегда уходила от нас.

Несколько раз и Сталин объезжал улицы, лично проверяя предложения архитекторов. В первый раз это случилось днем, и тогда, по словам его телохранителя А. Т. Рыбина, «собралась толпа, которая совершенно не давала двигаться, а потом бежала за машиной». Пришлось проводить осмотры ночью.

Но внимание населения не было опасным, с ним можно было мириться. По-настоящему опасными были другие кадры.

Летом в одном из больших берлинских универмагов состоялась встреча Льва Седова, сына Троцкого, и И. С. Смирнова, управляющего трестом «Саратовкомбайнстрой». Оба являлись яркими фигурами.

Седов был главным редактором троцкистского печатного органа «Бюллетень оппозиции», входил в состав ЦК комсомо-

ла и Исполкома Коммунистического интернационала молодежи (КИМ). Еще подростком он проникся духом революционной борьбы, сопровождал отца во всех поездках на фронты.

Иван Никитич Смирнов был героическим человеком и сторонником Троцкого. Член РСДРП с 1899 года, участник Московского восстания в 1905 году, член РВС Восточного фронта, именно он внес решающий вклад в победу над Колчаком (а не Тухачевский). Будучи председателем Сибирского ревкома в 1920—1921 годах, безжалостно подавил крестьянские восстания в Западной Сибири и на Алтае. Затем секретарь Петроградского губкома партии и Северо-Западного бюро ЦК. Зампред ВСНХ, начальник управления военной промышленности. Нарком почт и телеграфов в 1923—1927 годах. Член руководства троцкистской оппозиции. Исключен из партии за фракционную деятельность, сослан. Отличался упорством и смелостью. После смерти Ленина публично выступал за отставку Сталина с поста генерального секретаря и в дальнейшем резко критиковал его. Однако в октябре 1930 года «порвал с троцкизмом» и был восстановлен в партии.

Кроме И. Н. Смирнова со Львом Седовым поддерживали контакты и многие другие сторонники Троцкого. Скрытая от посторонних глаз борьба со сталинской группой не прекращалась.

Вскоре ОГПУ внедрило своего агента в окружение Седова, и Сталин стал получать необходимую информацию о действиях внутренней оппозиции.

Тринадцатого ноября Сталин подписал постановление Секретариата ЦК, в котором, в частности, говорилось о реорганизации Секретного отдела ЦК и подчинении его непосредственно Сталину (в его отсутствие — Кагановичу). Таким образом, генеральный секретарь фактически создавал свою спецслужбу.

Но Сталин пока сам контролировал свои кадры и мог надеяться, что за десять лет он успеет подобрать новых соратников.

Подводя итоги 1931 года, Молотов на сессии ЦИК в декабре предупреждал о «растущей опасности военной интервенции против СССР».

Приходилось увеличивать военный бюджет в 2,5 раза по сравнению с 1931 годом, туже затягивать пояса. Те, кому следовало, должны были понять: СССР знает о ваших коварных планах и готов к бою. Как говорилось в новом документе ИНО, в начале 1932 года доставленном в Кремль: «Через 10 лет — когда второй пятилетний план будет близок к завершению, военная мощь Союза, подкрепленная обширностью территории, обилием населения и природными богатствами, превратится в необычайную силу». Эта записка была составлена японским военным атташе подполковником Юкио Касахарой.

Войны, которой Сталин опасался больше всего, в 1932 году не случится, но будут голодные бунты и застрелится его жена.

Происходили и другие важные события. В апреле 1932 года комсомольский журнал «Молодая гвардия» стал печатать повесть 27-летнего Николая Островского «Как закалялась сталь», ставшую евангелием Нового времени. Поколение, о котором говорил японский разведчик, уже обретало голос.

Участник Гражданской войны, парализованный и медленно умирающий человек вдруг встал в строй непобедимым бойцом. «Какое торжество духа!» — сказал о повести Горький.

Одна фраза из повести стала на десятилетия главной в школьной программе по литературе: «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не жег позор за бесцельно прожитое прошлое, чтобы, умирая, я мог сказать: "Все силы были отданы самому светлому — борьбе за освобождение человечества"».

Но одновременно с новым героем в апреле 1932 года на борьбу поднимались и другие фигуры. Из-за неурожая начался продовольственный кризис. 23 марта Политбюро отменило гарантированную выдачу хлеба по карточкам для 20 миллионов рабочих, входивших в так называемый «второй» и «третий» списки, то есть не являющихся ударниками.

Голод ударил и по деревне. Крестьяне стали выходить из колхозов, оказывали сопротивление вывозу зерна в счет хлебозаготовок, грабили зерновые склады и элеваторы. Волнения перекинулись на города. Наиболее сильные бунты произошли в городах Ивановской области. Забастовали рабочие текстильной фабрики им. Ногина в Вичуге, к ним присоединились все фабрики города. 10 апреля многотысячная толпа разгромила здание милиции, захватила здания ГПУ и райкома партии. Один рабочий был убит, один ранен, десятки милиционеров получили ранения разной степени тяжести.

Двенадцатого апреля в Вичугу приехал Каганович. Были проведены аресты, срочно завезено продовольствие. В трех городах было сменено руководство.

Кремль должен был быстро реагировать на явные симптомы начинающегося политического кризиса. Романтика революции мало чем могла помочь.

По данным доклада Ягоды Сталину от 16 октября 1931 года, в 1930 году было выселено 77 795 семей кулаков, а в 1931 году — 162 962 семьи (всего 1 158 986 человек, среди них 454 916 детей). Сельскохозяйственное производство лишилось самых дееспособных работников.

Засуха и волевое изменение агротехники (резкое сокращение паров ради увеличения пахотных площадей) усугубляли кризис.

Надо было круто поворачивать руль. И тогда вспомнили опыт НЭПа, были снижены планы хлебосдачи, разрешено колхозникам торговать излишками. Образы «нового Кронштадта» и «новой антоновщины» заставили Сталина смягчить свое железное сердце.

Часто в публикациях украинских историков голод 1932—1933 годов подается как «искусственный», созданный для подавления национального сопротивления на Кубани, Украине и в немецких районах Поволжья. Это далеко от истины.

Шестого мая 1932 года постановлением ЦК и ЦКК был снижен план хлебозаготовок на 30 процентов, снижались планы заготовок и других видов продукции.

Советское руководство оптимистично оценивало перспективы частного рынка в снабжении городов продовольствием.

Возможно, так бы и произошло, но, как показывают открывшиеся данные, руководство оперировало значительно завышенными цифрами урожая, имея отправной базой так называемый биологический (несобранный) урожай, который отличается от реального на 20—40 процентов в зависимости от погодных условий.

Приведем следующие данные.

«Украинский ученый И. И. Слынько опубликовал хранившиеся в архивах оценки валового урожая зерна на Украине в 1931 году 14 миллионов тонн — намного ниже официальных 18,3 миллиона тонн; погодные условия тем летом, добавляет он, снизили итоговый сбор зерна еще на 30—40 процентов. В статье 1958 года о голоде украинский ученый-эмигрант Всеволод Голубничий писал, что, по официальным данным, около 30 процентов урожая зерновых на Украине в 1931 году и до 40 процентов урожая в 1932 году были потеряны во время уборки»[223].

Другие исследователи приводят свидетельства катастрофически низких урожаев: в некоторых случаях меньше трех центнеров с гектара во многих украинских и кубанских колхозах.

Голод охватил не только территории с украинским и немецким населением. Голодало население Казахстана, Сибири, поволжских областей и даже северные Архангельск и Вологда. Статистические данные об урожае и географически широкое распространение трагедии опровергают предложения об искусственных причинах голода.

Засуха, неурожай, порочные методы учета и лживая статистика — все это сыграло свою роль. Но было еще одно обстоятельство, о котором нельзя было говорить населению.

Советское правительство должно было сделать страшный выбор: либо отказаться от внешнеэкономических договоров о поставках зерна, либо помочь голодающим людям.

Кремль зондировал первую возможность, но натолкнулся на непонимание.

Так, в конце 1931 года торговый советник посольства Великобритании в СССР достаточно ясно высказал точку зрения своего правительства: «Невыполнение своих обязательств непременно вызовет катастрофические последствия. Не только будет отказано в дальнейших кредитах, но и весь будущий экспорт, все заходы советских кораблей в иностранные порты, вся советская собственность, уже находящаяся за границей, — все это может быть подвергнуто конфискации для покрытия задолженностей. Признание финансовой несостоятельности поставит под угрозу исполнение всех надежд, связанных с пятилетним планом, и даже может создать опасность для существования самого правительства». Подобную же позицию заняла и Германия. Канцлер Брюнинг говорил в начале 1932 года английскому дипломату в Берлине: «Если Советы не расплатятся по счетам в той или иной форме, их кредит будет уничтожен навсегда»[224].

В октябре 1932 года Великобритания разорвет торговое соглашение с СССР, а в апреле 1933 года объявит эмбарго на ввоз советских товаров на свою территорию.

Отказаться от индустриализации Сталин не мог. Было запрещено даже упоминать о голоде.

В январе 1932 года Сталин и Молотов направили телеграмму С. Косиору, членам Политбюро ЦК КП(б)У и членам Политбюро ВКП(б): «Положение с хлебозаготовками на Украине считаем тревожным. На основании имеющихся в ЦК ВКП(б) данных, работники Украины стихийно ориентируются на невыполнение плана на 70—80 миллионов пудов. Такую перспективу считаем неприемлемой и нетерпимой.

Считаем позором, что Украина в этом году при более высоком уровне коллективизации и большем количестве совхозов заготовила на 1 января сего года на 20 миллионов пудов меньше, чем в прошлом году. Кто тут виноват: высший уровень коллективизации или низший уровень руководства делом заготовок?

Считаем необходимым Ваш немедленный приезд в Харьков и взятие Вами в собственные руки всего дела хлебозаготовок. План должен быть выполнен полностью и безусловно. Решение пленума ЦК ВКП(б) должно быть выполнено»[225].

Весь 1932 год Сталин занимался продовольственной проблемой. Судя по документам Смоленского архива, партийные организации на первых порах не хотели прибегать к репрессиям

и реквизициям для получения дополнительных объемов зерна для экспорта, но крестьяне, среди которых уже практически почти не осталось кулаков, не спешили откликаться на призывы. Были попытки советских органов даже арестовывать сельских руководителей-коммунистов за неумение решить проблему. Однако в этих действиях ЦК увидел прецедент: гражданские власти становились над партией, судили и осуждали ее членов.

В сентябре 1931 года президиум ЦКК в своей резолюции осудил такую практику. Более того, принимались меры, чтобы колхозников перестали рассматривать как кулаков (или потенциальных кулаков), а также делались попытки путем применения экономических стимулов получить от них столь необходимое продовольствие.

Это свидетельствует о том, что у сталинской группы еще оставалась надежда договориться с крестьянством. Надежда несбыточная, потому что времени было крайне мало.

Надо было чем-то жертвовать.

И хотя в течение лета выделялось из госфондов зерно пострадавшим областям, в целом этого было недостаточно.

Следует подчеркнуть, что Сталин не раз возвращался к этому вопросу, обращая больше всего внимания на Украину. 24 июля 1932 года он направил письмо Кагановичу и Молотову, где говорилось: «...Наша установка на безусловное исполнение плана хлебозаготовок по СССР совершенно правильна. Но имейте в виду, что придется сделать исключение для особо пострадавших районов Украины. Это необходимо не только с точки зрения справедливости, но и ввиду особого положения Украины, общей границы с Польшей и т. п. Я думаю, что можно было бы скостить колхозам особо пострадавших районов половину плана, а индивидуалам треть. На это уйдет тридцать или сорок миллионов пудов зерновых. Сделать это нужно не сейчас, а в половине или в конце августа, чтобы озимый сев мог пойти более оживленно. Возможно, что такое же исключение из правила потребуется и для Закавказья, но в размере не более одного миллиона пудов»[226].

Сталин понимал, что переступает грань возможного, и старался уменьшить риски. Отовсюду просили, требовали снизить планы хлебозаготовок.

Украина и ее руководители настолько беспокоили его, что он думал о замене Косиора. Но на кого?

«Заменить Косиора можно только на Кагановича, — писал он в июле Кагановичу и Молотову. — Других кандидатур не видно. Микоян не подходит не только для Украины, — он не подходит даже для Наркомснаба (безрукий и неорганизован-

ный “агитатор”)». При этом Сталин в других письмах говорит о сути своих претензий к генеральному секретарю ЦК КП Украины: «...ряд первых секретарей (Украина, Урал) не уделил должного внимания сельскому хозяйству, забыв, что без систематического подъема сельского хозяйства не может быть у нас и подъема промышленности. В этом, между прочим, проявилась оторванность секретарей от деревни. Результаты этих ошибок сказываются теперь на посевном деле, особенно на Украине, причем несколько десятков тысяч украинских колхозников все еще разъезжают по всей европейской части СССР и разлагают нам колхозы своими жалобами и нытьем»[227].

«Несколько десятков тысяч украинцев» на самом деле были несчастные колхозники, которые прорвались мимо военных кордонов в города, бежав от голодной смерти.

Были многие случаи людоедства и трупоедства.

Он помнил Украину с 1917 года: сепаратизм, немецкий план расчленения, территориальные претензии националистов к России, войну Советской России с УНР, переход Петлюры на сторону поляков во время польско-советской войны 1920 года.

Одиннадцатого августа 1932 года Сталин направляет Кагановичу письмо, оно принципиально важно для понимания ситуации: «...Самое главное сейчас Украина. Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной линии. Говорят, что в двух областях Украины (кажется, в Киевской и Днепропетровской) около 50-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным. В других райкомах обстоит дело, как утверждают, не лучше. На что это похоже? Это не партия, а парламент, карикатура на парламент. Вместо того чтобы руководить районами, Косиор все время лавировал между директивами ЦК ВКП и требованиями райкомов и вот — долавировался до ручки. Правильно говорил Ленин, что человек, не имеющий мужества пойти в нужный момент против течения, — не может быть настоящим большевистским руководителем.

Плохо по линии советской. Чубарь — не руководитель. Плохо по линии ГПУ. Реденсу не по плечу руководить борьбой с контрреволюцией в такой большой и своеобразной республике, как Украина.

Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думают Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается немало (да, немало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замед-

лят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое — это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей»[228].

Подчеркнем мысль: «фронт изнутри». Он опасается «пятой колонны». Снова предлагает заменить Косиора Кагановичем с оставлением последнего секретарем ЦК ВКП(б), а также (через несколько месяцев, чтобы не будоражить украинцев) перевести председателя СНК Украины В. Я. Чубаря в Москву, заменив его, например, министром финансов СССР Гринько (тоже украинец).

Реденса же понизить в должности, поставив над ним члена коллегии ОГПУ В. А. Балицкого. Балицкого Сталин хорошо знает: тот родом из Луганска, во время польской войны был начальником тыла Юго-Западного фронта и начальником фронтового трибунала.

Для Косиора и Чубаря Сталин предлагает очень высокие посты — секретаря ЦК ВКП(б) и заместителя председателя СНК СССР, понимая, что в Москве эти люди будут полностью зависеть от него.

Вскоре так отчасти и получится. Чубарь переедет в столицу, станет заместителем Молотова. Косиор останется в Харькове, но вторым секретарем к нему будет направлен Постышев, секретарь ЦК ВКП(б), курировавший ОГПУ.

В цитируемом письме еще говорится: «Поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительную образцовую республику. Денег на это не жалеть».

Сталин признается, что без этих шагов можно «потерять Украину».

Из этого письма видно, как он мыслил, стараясь не вызвать подозрений у провалившихся руководителей и не считаясь с самолюбием свояка Реденса.

Сталин разрешил уменьшить планы, но настаивал выполнять их во что бы то ни стало.

Тем не менее планы хлебозаготовок повсеместно срывались. Крестьяне не верили государству. В этой обстановке Сталин потерял терпение. Экономика работала не так, как он хотел. Ставшие рабочими вчерашние крестьяне еще не имели должной квалификации, легко оставляли свои места работы, искали новые. Текучка огромная. Вакантных мест было много. В 1928 году в стране насчитывалось 4,6 миллиона рабочих, а в 1932 году стало 10 миллионов. В городах ощущалась нехватка продовольствия, и общая обстановка была пронизана духом неустроенности, шаткости, отсутствия постоянных нравственных ориентиров. Росла преступность.

На заводах из-за низкой квалификации работников выходило из строя импортное оборудование. В деревнях не прекращались случаи воровства. На транспорте орудовали целые банды, грабившие товарные поезда, причем транспортные отделы ГПУ были бессильны.

Двадцатого июля Сталин направляет Кагановичу и Молотову письмо, свидетельствовавшее, что он находится в ярости.

Вначале он указал, что все бюджетные расходы (даже по обороне) надо максимально сократить из-за нехватки ресурсов, а затем предложил перейти к карательным мерам: «...За последнее время участились, во-первых, хищения грузов на желдортранспорте (расхищают на десятки млн. руб.), во-вторых, хищения кооперативного и колхозного имущества. Хищения организуются главным образом кулаками (раскулаченными) и другими антиобщественными элементами, старающимися расшатать наш новый строй. По закону эти господа рассматриваются как обычные воры, получают два-три года тюрьмы (формально!), а на деле через 6—8 месяцев амнистируются. Подобный режим в отношении этих господ, который нельзя назвать социалистическим, только поощряет их, по сути дела, настоящую контрреволюционную "работу". Терпеть дальше такое положение немыслимо. Предлагаю издать закон (в изъятие или отмену существующих законов), который бы:

а) приравнивал по своему значению железнодорожные грузы, колхозное имущество и кооперативное имущество — к имуществу государственному;

б) карал за расхищение (воровство) имущества указанных категорий минимум десятью годами заключения, а как правило — смертной казнью;

в) отменил применение амнистии к преступникам таких "профессий".

Без этих (и подобных им) драконовских социалистических мер невозможно установить новую общественную дисциплину, а без такой дисциплины — невозможно отстоять и укрепить наш новый строй.

Я думаю, что с изданием такого закона нельзя медлить»[229].

Постановление ЦИК и СНК СССР об охране государственного и колхозного имущества вышло 7 августа.

Из докладной записки Менжинского Сталину от 31 августа 1932 года видно, что ОГПУ тотчас отреагировало: «...арестовано за август 640 чел., из них: за битье стекол и бросание камней в поезда 67 чел., за наложение препятствий на путь — 11 чел., за перекрытие тормозных кранов и остановку поездов в пути 16 чел., за нанесение побоев поездным бригадам 181 чел., за дебош на ст. 340 чел., за прочие проявления — 640 чел.»[230].

В августе за эти преступления было осуждено: 43 человека к расстрелу, 86 — на 10 лет заключения, 17 — на 8 лет, 61 — на 5 лет.

Менжинский отмечал, что по сравнению с предыдущими месяцами в августе хищения на транспорте сократились на 58 процентов.

Восьмого сентября Политбюро утвердило «Закон об охране общественной собственности». Государство объявляло, что вся социалистическая собственность находится под его защитой.

Таким образом, Сталин признал, что относительно мирный период индустриализации закончился, что традиции частнопредпринимательской экономики неискоренимы и их надо выкорчевывать карательными средствами. Одновременно были приняты меры против спекулянтов (торговцев-некрестьян) продовольствием, перекупающих хлеб у крестьян и вздувающих цены на частных рынках.

Инструкция по применению закона была проникнута духом гражданской войны и напоминала жестокие документы ВЧК. Ограниченность ресурсов подталкивала и Сталина к созданию максимально простых и контролируемых механизмов управления. Однако страх наказания не давал нужного результата.

Повсеместно в колхозах председатели, агрономы, местные коммунисты оказывали сопротивление действиям хлебозаготовителей и контролеров, скрывая от учета урожай, чтобы поддержать бедствующих земляков. Сталину пересылались протоколы допросов попавших в шестеренки карательного механизма этих несчастных смельчаков, которые, как следовало из протоколов, знали, что им не избежать наказания, но продолжали исполнять свой христианский долг.

Сталин не захотел (или уже не мог) увидеть в разворачивающейся трагедии страдающих людей. Выпущенная пуля уже не могла вернуться обратно.

С Украины, Кубани, Поволжья и других территорий шли сводки о срыве хлебозаготовок. Надо было принимать дополнительные меры.

Двадцать второго октября 1932 года Политбюро решило в целях усиления хлебозаготовок командировать на две декады полномочные комиссии: под руководством Молотова — на Украину, под руководством Кагановича — в Северо-Кавказский край. Эти районы были ключевыми, там выполнялась почти половина всего плана хлебозаготовок. По составу комиссий видно, что это были комиссары с чрезвычайными полномочиями: «...сломить саботаж хлебозаготовок села и сева, организованный кулацким контрреволюционным элементом, уничтожить сопротивление части сельских коммунистов, ставших

фактическими проводниками саботажа, и ликвидировать несовместимую со званием члена партии пассивность и примиренчество к саботажникам».

В ноябре 1932 года на Кубани было «вычищено» из партии 43 процента коммунистов, 5 тысяч арестовано. Всего на Северном Кавказе лишились свободы 15 тысяч человек.

Двадцать первого ноября Политбюро утвердило присланное Кагановичем и Шеболдаевым постановление Северокавказского крайкома о выселении в двухдневный срок двух тысяч семей, «отказывающихся от обработки земли и срывающих сев».

В декабре 1932 года было выселено на Урал и население всей «злостной» станицы Полтавской, 9187 человек. Показательно, что на место «учителей, врачей, техников, полковников и есаулов» (выражение Кагановича) из засушливых районов Ставрополья переселялись красноармейцы, сельские коммунисты и комсомольцы, то есть подобно временам Ивана III неблагонадежное население замещалось благонадежным.

К 5 декабря 1932 года Шеболдаев в донесении в ЦК информировал, что выполнено 80 процентов годового плана.

Практику замены ненужных и вредных людей никто из начавших эту операцию не мог просецировать на несколько лет вперед, когда она вдруг вылилась в «расстрельные списки» для политической элиты. И хотя попавшие в те списки впоследствии были представлены как невинные жертвы, они были так же виноваты перед жестоким временем, как и казаки станицы Полтавской или умершие от голода люди на Украине, в Поволжье и Казахстане.

На Украине Молотов действовал не менее продуктивно и жестоко.

Именно 1932 год с его «чрезвычайными комиссарами», непреклонной позицией Запада, гибелью от голода миллионов (по разным версиям от 3 до 7 миллионов), бюджетным и кадровым кризисами в центральном партийном и правительственном аппарате стал формировать новую оппозицию Сталину, состоявшую из «своих».

Шестнадцатого января 1931 года Шолохов направил Сталину предельно откровенное письмо:

«...Т. Сталин! Положение в районах бывшего Донецкого округа без преувеличения — катастрофическое...»

Здесь необходимо сделать одно отступление. В июне 1931 года Сталин встречался с 26-летним Шолоховым. Встреча была организована Горьким, чуть ранее написавшим писателю Александру Фадееву: «Шолохов очень даровит, из него может выра-

ботаться отличнейший советский литератор, с этим надо считаться».

На встрече в особняке Горького шла речь о третьей части романа «Тихий Дон», где описывалась Гражданская война на Юге России со всеми ее неприятными для большевиков подробностями (расказачивание, расстрелы заложников).

Биограф Шолохова Валентин Осипов записал рассказ писателя о разговоре со Сталиным.

«Сидели за столом. Горький все больше молчал, курил да жег спички над пепельницей. Кучу целую за разговор нажег.

Сталин задал вопрос: "Почему вы так смягченно описываете генерала Корнилова? Надо его образ ужесточить".

Я ответил: "Поступки Корнилова вывел без смягчения. Но действительно некоторые манеры и рассуждения изобразил в соответствии с пониманием облика этого воспитанного на офицерском кодексе чести и храброго на германской войне человека, который субъективно любил Россию. Он даже из германского плена бежал".

Сталин воскликнул: "Как это — честен?! Он же против народа пошел! Лес виселиц и моря крови!"

Должен сказать, что эта обнаженная правда убедила меня. Я потом отредактировал рукопись...

Сталин новый вопрос задал: "Где взял факты о перегибах Донбюро РКП(б) и Реввоенсовета Южфронта по отношению к казаку-середняку?"

Я ответил, что роман описывает произвол строго документально — по материалам архивов. Но историки, сказал, эти материалы обходят и Гражданскую войну показывают не по правде жизни. Они скрывают произвол троцкистов, тех, кто обрушил репрессии на казаков. Троцкисты разрушили союз советской власти с середняком. Троцкий проявил вероломство. В этом трагедия казачества...

В конце встречи Сталин произнес: "Некоторым кажется, что третий том романа доставит много удовольствия тем нашим врагам, белогвардейщине, которая эмигрировала". И он спросил меня и Горького: "Что вы об этом скажете?"

Горький сказал: "Они даже самое хорошее, положительное могут извращать, чтобы повернуть против советской власти". Я тоже ответил: "Для белогвардейцев хорошего в романе мало. Я ведь показываю полный их разгром на Дону и Кубани..." Сталин тогда проговорил: "Да, согласен. Изображение хода событий в третьей книге 'Тихого Дона' работает на нас, на революцию"»[231].

Встреча со Сталиным, несмотря на выпирающее во многих страницах романа сочувствие антибольшевистской борьбе казаков, окончилась для Шолохова благополучно и спасла ему

жизнь. Должно быть, Сталину было необходимо получить личное впечатление. В итоге он поверил писателю. (Зампредседателя ОГПУ Ягода в том же 1931 году, будто шутя, сообщал писателю: «Миша, а ты все же контрик. Твой “Тихий Дон” ближе белым, чем нам».)

В январе 1932 года «Правда» напечатала отрывок нового шолоховского романа «Путь туда — единственный...». В редакционной сноске указывалось: «Отрывок из нового романа. Действия происходят в одной из станиц Северного Кавказа в начале коллективизации». (Вскоре роман получит название «Поднятая целина».)

Газета не сообщала, что рукопись нового произведения прочитал и одобрил Сталин.

До этого рукопись лежала в редакции журнала «Новый мир» без движения: там не решались печатать из-за сцен раскулачивания.

Сталин, прочитав «Поднятую целину», спросил: «Что там у нас за путаники сидят? Мы не побоялись кулаков раскулачивать — чего же теперь бояться писать об этом! Роман надо печатать».

Важно отметить, что Шолохов назвал произведение не жизнеутверждающе «Поднятая целина», а трагично — «С потом и кровью», но его поправили. Про новое название Шолохов выразился так: «Ажник мутит».

Седьмого июня 1932 года Сталин в письме Кагановичу писал: «В “Новом мире” печатается новый роман Шолохова “Поднятая целина”. Интересная штука! Видно, Шолохов изучил колхозное дело на Дону. У Шолохова, по-моему, большое художественное дарование. Кроме того, он писатель глубоко добросовестный: пишет о вещах, хорошо известных ему. Не то, что “наш” вертлявый Бабель, который то и дело пишет о вещах, ему совершенно неизвестных (например, “Конная армия”)»[232].

Если в гигантском объеме сталинской повседневной загрузки находилось время для литературных вопросов, то это означало, что он придает им первостепенное значение. Надо учесть, что вся пропаганда тогда держалась на радио и на печатном слове. Литература и искусство занимали в шкале пропагандистских приоритетов особое место. Поэтому героический эпос «Тихий Дон», посвященный трагедии «казачьей Вандеи» и ее разгрому, был высоко оценен Сталиным, несмотря на двойственность образа главного героя Григория Мелехова. Впрочем, прототип Мелехова Харлампий Ермаков был расстрелян в 1928 году.

Укрепление колхозов на Дону («Поднятая целина») виделось Сталину как преодоление прошлой трагедийности. Поэ-

тому его читательское восприятие контрастировало с восприятием того же Ягоды, который в драматическом повествовании видел прежде всего политическую угрозу и ничего более.

«А Бабель?» — спросит читатель. Думается, Бабель появился в этом письме потому, что его рассказы о Гражданской войне посвящены донским казакам из 1-й Конной армии, которую Сталин знал и которую воспринимал не так приземленно. Или хотел, чтобы 1-ю Конную воспринимали не так приземленно, не так отстраненно.

Как говорят исследователи взаимоотношений Сталина с деятелями культуры, «сталинской образованности не стоит преуменьшать». Он серьезно интересовался не только художественной литературой и историей, он занимался и современной ему философией и для политика был довольно компетентен в ней»[233].

Обращение Сталина к творчеству советских писателей было постоянным и являлось для него принципиально важным. В этом смысле он похож на Екатерину Великую и Николая I, которые были озабочены всесторонним укреплением как собственной власти, так и культурного ядра империи.

Поэтому Сталин вовремя уловил кризис в культурной среде, который был вызван «неистовыми ревнителями» всемирной революционности из Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). РАППом руководил Леопольд Авербах, свояк зампредседателя ОГПУ Ягоды (они были женаты на племянницах Свердлова).

В 1928 году, накануне своего шестидесятилетнего юбилея, в СССР вернулся Горький. Сталин рассматривал это событие как факт мирового значения: великий пролетарский писатель признал социалистическую Россию и вставал в ряды ее строителей.

Двадцать четвертого апреля 1932 года «Правда» опубликовала постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Вскоре был создан Организационный комитет по проведению съезда Союза писателей РСФСР, куда вошли представители всех литературных группировок. В августе был сформирован Всесоюзный оргкомитет (почетный председатель — Горький, председатель — Иван Гронский). Комсомольский поэт Александр Безыменский с энтузиазмом провозгласил лозунг «Добить рапповское руководство!», который отражал настроение большинства писателей.

Фактически Сталин принял решение завершить период революционной нетерпимости и устранить «литературное ОГПУ», демократизировав писательскую жизнь.

Двадцать шестого октября 1932 года в особняке Горького на

Малой Никитской улице, который до революции принадлежал Рябушинскому, состоялась еще одна встреча Сталина и Шолохова. Это произошло во время общей встречи вождя с писателями, среди которых были Александр Фадеев, Валентин Катаев, Лидия Сейфуллина, Михаил Кольцов, Эдуард Багрицкий, Владимир Луговской, Владимир Зазубрин, Самуил Маршак, Федор Панферов и ряд других.

О встрече нигде не сообщалось. Ее описание оставил литературовед Корнелий Зелинский.

«Показательно, что во время встречи Сталин позволил себе высказать две неординарные вещи, которые позволяют догадываться о его внутренних переживаниях.

"...Ленин, — продолжал Сталин, — понимал, что умирает, и попросил однажды, когда мы были наедине, принести ему цианистого калия. 'Вы самый жестокий человек в партии, — сказал Ленин, — вы можете это сделать'.

Вот некоторые выступают против старого, — еще говорил вождь. — Почему? Почему все старое плохо? Кто это сказал? Вы думаете, что все до сих пор было плохо, все старое надо уничтожать. А новое строить только из нового.

Кто это вам сказал? Ильич всегда говорил, что мы берем старое и строим из него новое. Очищаем старое и берем для нового, используем его для себя. Мы иногда прикрываемся шелухой старого, чтобы нам теплее было. Будьте смелее и не спешите все сразу уничтожать..."»[234]

Почему Сталин признался в «жестокой» оценке Ленина?

Возможно, в этом отразилась трагедия гибнущих от голода крестьян, пушкинская трактовка раскаяния — «мальчики кровавые в глазах». Но скорее всего, он хотел оспорить оценку Ленина, показать, что прекрасно понимает неоднозначность проводимой им политики.

Почему он стал защищать «старое»? Его художественные вкусы были традиционными, как у большинства населения. Говоря об этом писателям, Сталин ориентировал их на культурную преемственность.

Вместе с тем его внешняя доступность была обманчивой. Выслушав замечания Сейфуллиной о составе Оргкомитета будущего съезда писателей, он тем не менее оставил в нем Л. Авербаха и В. Ермилова, которые «пущали страх». Такие люди были нужны.

И по поводу Шолохова не надо было обольщаться. В дневнике писателя В. Вересаева есть запись рассказа Шолохова о встрече со Сталиным в 1932 году. Когда автор «Целины» стал рассказывать о насилиях коллективизации, Сталин молча встал и вышел из кабинета.

Поэтому никакого освещения в печати встреча Сталина с «инженерами человеческих душ» не получила: Сталин был на ней слишком многоликим.

Когда в начале 1933 года Шолохов направил Сталину беспрецедентное по откровенности письмо о многих фактах работы уполномоченных на Дону осенью 1932 года, он получил два ответа. Первый — о том, что на Дон послана специальная комиссия во главе со Шкирятовым, заместителем председателя ЦКК (осенью 1932 года он был членом комиссии Кагановича на Северном Кавказе).

После поправки там дел Сталин направил второе письмо, которое можно назвать беспощадным. Диалог Шолохова и Сталина дышит трагедийностью.

Итак, некоторые факты Шолохова.

«Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: в хуторе Волоховском, Лебяженского колхоза, ночью, на лютом ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?

...После этого по району взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери. Сама мать обморозилась. Женщину эту выселял кандидат партии — работник Базковского колхоза. Его, после того как ребенок замерз, тихонько посадили в тюрьму. Посадили за "перегиб"... Но выселение — это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 тонны хлеба:

1. Массовые избиения колхозников и единоличников.

2. Сажание "в холодную". "Есть яма?" (то есть яма со спрятанным зерном. — *С. Р.*). — "Нет". — "Ступай, садись в амбар!" Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажали целыми бригадами.

3. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили: "Скажешь, где яма? Опять подожгу!" В этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

4. В Напловском колхозе уполномоченный РК кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может си-

деть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом "прохладиться" выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара снова на плиту и снова допрашивают. Он же (Плоткин) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: "Стреляйся, а нет — сам застрелю!" Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряженный), и, когда щелкнул боек, упал в обмороке...»[235]

Ответ Сталина:

«Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже.

Для разбора дела прибудет к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому — очень прошу Вас — оказать помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела.

Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили "итальянку" (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба.

Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы, по сути дела, вели "тихую" войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками.

И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали. Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш И. Сталин»[236].

Все высказано: «война на измор». В тоне Сталина чувствуется разочарование и высокомерие. Его можно понять: один из крупнейших писателей, на которого он хотел сделать ставку, оказался таким же, как и его Григорий Мелехов.

Здесь Сталин не выиграл.

Хотя Шолохов не был наказан, как, например, Андрей Платонов (по поводу его повести «Впрок» Сталин в мае 1931 года написал: «Рассказ агента наших врагов...»), впоследствии он ходил под приглядом ОГПУ как не вполне благонадежный классик советской литературы.

Говоря о переписке Шолохова и Сталина весной 1933 года, необходимо сказать о личной трагедии Сталина, случившейся 8 ноября 1932 года — застрелилась его жена. После смерти жены, как отмечают многие мемуаристы, Сталин стал другим человеком.

Самоубийство по христианским представлениям — страшный грех. Самоубийца как бы уходит от милости Божией и отдает свою душу Сатане, мстит земному миру. Сталин понимал, что Надежда Аллилуева наказала его. Теперь он должен был до конца своих дней терпеть муку этого наказания, бессильный что-либо изменить. Она сбросила его на самое дно бытия. Только что он был полубогом, интеллектуальным, военным и политическим лидером — и вдруг все оказалось тщетой.

Вот как это произошло.

Весь день 7 ноября у Надежды мучительно болела голова. Она несколько раз вскрикивала, жалуясь на головную боль.

Седьмого ноября — главный праздник СССР, годовщина Октябрьской революции и, как обычно, холодный и серый осенний день. С утра Надежда прошла в праздничной колонне Промышленной академии и вместе со всеми приветствовала стоявших на трибуне только что отстроенного мраморного мавзолея руководителей страны и своего Иосифа. После демонстрации она подошла к правой трибуне мавзолея, где стояли дети Василий и Артем (Светлана осталась на даче в Зубалове), и, пообщавшись с ними, разрешила их тоже увезти за город.

На следующий день Сталин с женой были на ужине у Ворошиловых, во время которого между ними вспыхнула ссора.

По поводу этой размолвки существует несколько версий. По одной, Надежда приревновала мужа к жене военачальника (будущего маршала) Егорова (или жене политработника Гусева-Драбкина); по второй, оскорбилась после грубоватого приказа Сталина: «Эй, ты! Пей!»; по третьей, он бросил в нее хлебным катышем (иногда он так играл с детьми, подбрасывая им то конфеты, то корки); еще одна версия — бросил окурок.

Охранник Сталина дополняет картину случившегося.

Собравшиеся обсуждали поведение оппозиции, и был предложен тост за скорую победу над ней. Аллилуева не стала пить:

из-за головных болей она тяжело воепринимала вино. Именно тогда Сталин «резко» епроеил: «Ты что не пьешь?»[237]

Вепылив, Надежда ушла е вечеринки, но ее догнала Полина Жемчужина, жена Молотова, и долго гуляла е ней по Кремлю, пока Надежда не уепокоилаеь.

Утром ее нашли в епальне е огнеетрельной раной в груди. Рядом лежал маленький пиетолет, подаренный ей братом Павлом.

Об этой емерти ходили разные елухи: и что Сталин ее заетрелил, и что она етала его врагом, поддерживала «правых». Слухи возникли не елучайно, ибо была загадочной емерть 31-летней краеивой женщины, матери двоих детей.

Вее еовременники говорили, что она была обаятельна и краеива, что фотографии не передают ее краеоты.

Эту емерть нельзя назвать немотивированной: было елишком много обетоятельетв, накопившихея к оеени 1932 года, ереди которых нервный ерыв из-за ревноети или обиды не мог быть решающим.

Нам не разгадать этой тайны, но мы можем назвать ряд личных проблем Надежды Сергеевны.

Неблагополучная наеледетвенноеть: в ее роду были люди ео елабой пеихикой. Поетоянные физичеекие недомогания: еильные головные и желудочные боли. Трудноети в учебе. Вее увеличивающаяея духовная, еемейная, политичеекая диетанция между ней и мужем. Раекол в партийной верхушке, етрашно ветревоженной голодом в деревне и политикой еталинекой группы.

К этому надо добавить долго хранившуюея в еемье тайну: жена Сталина чаето была неедержанна, еeорилаеь е мужем по пуетякам и во время еeор даже при поеторонних не выбирала выражений. Как евидетельетвует Владимир Аллилуев, неeколько раз говорила, что покончит е еобой.

Вечером 8 ноября Надежда Сергеевна вдруг ощутила разрыв почти ео веем, что делало ее жизнь полной.

Говорят, что в ее комнате нашли предемертное пиеьмо, которое потом было уничтожено Сталиным.

Еще говорят, что это было не пиеьмо, а так называемая «программа Рютина», обвинявшая Сталина в развале етраны.

Что ж, пиеьмо и «программа» вполне могли еуществовать, но мало что изменяют в общей картине.

Аллилуева оказалаеь в пуетыне. Еели бы она была привязана к детям, она бы никогда не оетавила их. Но, как мы помним, к детям она была холодна.

В воепоминаниях Светланы Аллилуевой ярко выпиеан образ Надежды Сергеевны: «Мама была етрога е нами, детьми —

неумолима, недоступна. Это было не по сухости души, нет, а от внутренней требовательности к нам и к себе. Я запомнила маму очень красивой, — она, наверное, не только мне казалась такой. Я не помню точно лица, но общее впечатление чего-то красивого, изящного, легко двигающегося, хорошо пахнущего. Это было неосознанное впечатление детства, просто так чувствовалась ее атмосфера, ее натура. Она редко ласкала меня, а отец меня вечно носил на руках, любил громко и сочно целовать, называть ласковыми словами — "воробушка", "мушка". Однажды я прорезала новую скатерть ножницами. Боже мой, как больно отшлепала меня мама по рукам! Я так ревела, что пришел отец, взял меня на руки, утешал, целовал и кое-как успокоил... Несколько раз он так же спасал меня от банок и горчичников, — он не переносил детского плача и крика. Мама же была неумолима и сердилась на него за "баловство".

Вот одно-единственное сохранившееся мамино письмо ко мне, написанное году в 1930-м или 31-м.

"Здравствуй, Светланочка!

Вася мне написал, что девочка что-то пошаливает усердно. Ужасно скучно получать такие письма про девочку. Я думала, что оставила девочку большую, рассудительную, а она, оказывается, совсем маленькая и, главное, не умеет жить по-взрослому. Я тебя прошу, Светланочка, поговорить с Н. К., как бы так наладить все дела твои, чтобы я больше таких писем не получала. Поговори обязательно и напиши мне, вместе с Васей или Н. К. письмо о том, как вы договорились обо всем. Когда мама уезжала, девочка обещала очень, очень много, а оказывается, делает мало.

Так ты обязательно мне ответь, как ты решила жить дальше, по-серьезному или как-либо иначе.

Подумай как следует, девочка уже большая и умеет думать. Читаешь ли ты что-нибудь на русском языке? Жду от девочки ответ.

Твоя мама".

Вот и все. Ни слова ласки. Проступки "большой девочки", которой было тогда лет пять с половиной или шесть, наверно были невелики; я была спокойным, послушным ребенком. Но спрашивалось с меня строго...

Мама бывала с нами очень редко. Вечно загруженная учебой, службой, партийными поручениями, общественной работой, она где-то находилась вне дома...

...Все дело было в том, что у мамы было свое понимание жизни, которое она упорно отстаивала. Компромисс был не в ее характере. Она принадлежала сама к молодому поколению

революции — к тем энтузиастам-труженикам первых пятилеток, которые были убежденными строителями новой жизни, сами были новыми людьми и свято верили в свои новые идеалы человека, освобожденного революцией от мещанства и от всех прежних пороков. Мама верила во все это со всей силой революционного идеализма, и вокруг нее было тогда очень много людей, подтверждавших своим поведением ее веру.

И среди всех самым высоким идеалом нового человека показался ей некогда отец.

Таким он был в глазах юной гимназистки, — только что вернувшийся из Сибири "несгибаемый революционер", друг ее родителей. Таким он был для нее долго, но не всегда...

Моя няня говорила мне, что последнее время перед смертью мама была необыкновенно грустной, раздражительной. К ней приехала в гости ее гимназическая подруга, они сидели и разговаривали в моей детской комнате (там всегда была "мамина гостиная"), и няня слышала, как мама все повторяла, что "все надоело", "все опостылело", "ничего не радует"; а приятельница ее спрашивала: "Ну, а дети, дети?" "Всё, и дети", — повторяла мама.

И няня моя поняла, что раз так, значит, действительно ей надоела жизнь... Но и няне моей, как и всем другим, в голову не могло прийти предположение, что она сможет через несколько дней наложить на себя руки...»[238]

Дочь подчеркивает «сдерживание себя», «странную внутреннюю самодисциплину и напряжение», «недовольство и раздражение, загоняемые внутрь, сжимавшиеся внутри сильнее и сильнее, как пружина». Это, конечно, что-то объясняет. Но где разгадка?

Разгадка — в сумме обстоятельств, главное из которых высветила эта смерть «революционерки молодого поколения» — революция закончилась.

Она и муж очутились в разных временах. И пуля из «вальтера» пронизала оба времени, поразив и Сталина.

Отец, по воспоминаниям дочери, не понял метафизики этого самоубийства и «спрашивал окружающих: разве он был невнимателен? Разве он не любил и не уважал ее как жену? Как человека? Неужели так важно, что он не мог пойти с ней лишний раз в театр?».

С другой стороны, было бы несправедливым требовать от него отстраненного видения, какое доступно только с большого расстояния. Он же был внутри процесса, как несчастный смертный, взявшийся изменить историю.

Светлана Аллилуева, размышляя о смерти матери, делает одно очень важное замечание: «В те времена люди были вооб-

ще необычайно эмоциональны и искренни — если для них жить так невозможно, они стрелялись»[239].

Это сказано о духе времени. Она еще приводит пример недавно застрелившегося 36-летнего поэта Владимира Маяковского (14 апреля 1930 года), пример очень убедительный. Смерть «трибуна и певца революции» означала конец эпохи.

Кто скажет, что Маяковский застрелился из-за неразделенной любви? Как точно подметил Троцкий, Маяковский был «с историей запанибрата, с революцией — на "ты"». Но революция уже завершилась.

Десятого ноября несколько мужчин вынесли гроб с телом Надежды Сергеевны из сталинской квартиры в Потешном дворце. Было очень холодно. Сталин шел рядом с гробом и голой рукой держался за его край. По его щекам текли слезы. Он был настолько убит горем, что близкие боялись за него.

На панихиде, которая прошла в ГУМе, напротив Кремля, оркестр играл траурные мелодии. Покойная лежала в гробу среди цветов. Ее лицо было спокойно и прекрасно.

Сталина сопровождали все члены Политбюро. Рядом стояли дети и вся родня. Шестилетнюю Светлану поднесли к гробу, но она испугалась и заплакала. Ее унесли.

Сталин тоже заплакал. Василий кинулся к отцу и закричал, чтобы тот не плакал.

Минута была ужасная.

Но еще тяжелее была сцена прощания перед тем, как закрыли крышку гроба. Сталин вдруг поднял голову жены и стал, рыдая, ее целовать.

Правда, Молотов вспоминал несколько по-другому: «Помню хорошо. Сталин подошел к гробу в момент прощания, перед похоронами — слезы на глазах. И сказал очень так грустно: "Не уберег". Я это слышал и это запомнил: "Не уберег"».

Прощальную речь произнес Каганович: «Мы, друзья Сталина, считаем своим долгом облегчить его страдания после смерти его жены».

Хотя Светлана Аллилуева пишет, что Сталина на Новодевичьем кладбище не было, это на самом деле не так. Он там был и простился с Надеждой Сергеевной.

Его охранник в своих безыскусных воспоминаниях дал важное свидетельство: «Сталин еще долго по ночам ездил к могиле. Бывало, заходил в беседку и задумчиво курил трубку за трубкой...»[240]

Можно представить зимнюю ночь, тишину монастырского кладбища, искрящийся снег на могилах и крестах и одинокую фигуру вдовца. Его страдания никому не видны. Молит ли он Бога за нее? Кается ли?

Похоронив жену на кладбище (а не кремировав тело, как тогда было заведено), Сталин не нарушил православной традиции, считавшей сжигание в «адской» печи сатанинским обычаем.

Для сравнения приведем рассказ художника-карикатуриста Бориса Ефимова, брата известного журналиста Михаила Кольцова, который наблюдал за процессом кремации тела Маяковского сквозь специальное окошко: на транспортере в печь вдвинулся открытый гроб и вокруг головы поэта вмиг вспыхнули волосы, и сразу же все захлестнуло огнем. Сталин не захотел отдавать свою Надежду этому огню. (В 1939 году умерла вдова Ленина Надежда Крупская, ее тело было кремировано.)

Смерть жены — это водораздел судьбы Сталина. Отныне он становится другим человеком, и это изменение вскоре почувствовала вся страна. Сначала это были внешние перемены. Он не захотел жить в старой квартире, где витал дух покойной, и поменялся квартирами с Бухариным.

«...Квартира для жилья была очень неудобна. Она помещалась в бельэтаже здания Сената, построенного Казаковым, и была ранее просто длинным официальным коридором, в одну сторону от которого отходили комнаты — скучные, безликие, с толстыми полутораметровыми стенами и сводчатыми потолками.

Это бывшее учреждение переоборудовали под квартиру для отца только потому, что его кабинет — официальный кабинет председателя Совета министров и первого секретаря ЦК — помещался в этом же здании на втором этаже, и оттуда ему было очень удобно спуститься вниз и попасть прямо "домой", обедать. А после обеда, продолжавшегося обычно часов с шести-семи вечера до одиннадцати-двенадцати ночи, он садился в машину и уезжал на Ближнюю дачу. А на следующий день, часам к двум-трем, приезжал опять к себе в кабинет в ЦК. Такой распорядок жизни он поддерживал до самой войны. Нас, детей, он видел на квартире во время обеда; тут он и спрашивал об учебе, проверял мои отметки в дневнике, иногда просил показать тетради. Вплоть до самой войны, как это полагается делать всем родителям, он сам подписывал мой школьный дневник, а также дневник брата (пока тот не ушел в 1939 году в авиационную спецшколу). Всё же мы виделись тогда часто, почти каждый день.

Еще продолжались летние поездки в Сочи, куда брали и нас. Еще приходили повидать отца дедушка, бабушка, дядя Павлуша с женой, Реденсы, Сванидзе. Все вместе ездили к отцу на Ближнюю справлять чьи-то дни рождения или Новый год. Вместе отдыхали все в Сочи.

Но все катастрофически переменилось изнутри. В самом отце что-то сломалось. И изменился дом...»[241]

Пустоту в жизни Сталина постепенно стала заполнять чекистская казенная прислуга, которую подбирали Ягода и начальник оперативного управления Карл Паукер.

Сталин стал редко ездить в Зубалово. Его резиденцией стала семикомнатная скромная дача за дощатым забором в Кунцеве, куда доносились лязганье сцепок и свистки паровозов с Киевской-Товарной и гармошки из соседней деревни Давыдково. Дача получила название «Ближней», в ней Сталин прожил оставшуюся жизнь под присмотром и опекой спецслужб, руководители которых неожиданно приобрели новые возможности влияния.

Вряд ли Сталин осознавал, к чему приведет его отчуждение от родни, перед которой он испытывал вину, но которая составляла раньше предполье его семейной крепости. Наверное, поэтому вскоре приобрел большое влияние Лаврентий Берия, который при жизни нелюбившей его Надежды Сергеевны никогда не смог бы этого достичь.

А изломанные судьбы сталинских детей?

Личные трагедии Василия и Светланы начались 8 ноября 1932 года и с жестокой наглядностью разворачивались перед Сталиным по мере их взросления.

Вот выразительное описание начала нового сталинского быта:

«Одноэтажная дача из семи комнат строилась круглые сутки. Спальня Сталина была где-то двадцати метров. Стены зала обили мореной фанерой под дуб, а комнат в основном под соломку. Швы прикрыли такими же рейками. Откуда-то привезли деревянную полуторную кровать, на которой мы спали поочередно. Потом ее занял Сталин. Никаких бассейнов или массажных на даче не имелось. Никакой роскоши — тоже. Солидно выглядел только красивый паркетный пол в зале»[242].

Он еще будет иногда общаться с родственниками, но все реже и реже.

Еще в 1927 году писатель-эмигрант Марк Алданов писал о вожде: «Для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная, — этим он резко отличается от многих других большевиков».

И вот этот человек, только что потерявший половину своей жизни, должен был вернуться к государственным делам.

На следующий день после похорон Сталин работал в Кремле. Все последующие дни тоже трудился с полной нагрузкой, принимая членов Политбюро, секретарей ЦК и обкомов, чекистов, наркомов. Очень часто у него бывал Киров[243].

Но свою Надежду он никогда не забывал. Ее образ часто являлся ему, и время от времени в кругу близких он винил себя за то, что «не уберег». Перед его внутренним взором могли появляться воспоминания: вот она маленькая девочка, которую он вытащил, когда она упала в море; вот гимназистка, которой он читает рассказы Чехова; вот — юная жена...

Светлана Аллилуева пишет: «Он ни разу не посетил ее могилу на Новодевичьем». На самом же деле Сталин никому ничего не рассказывал. Он долго держал в себе свою боль, почти до самой кончины.

По словам дочери, только в последние годы, незадолго до смерти, Сталин стал часто говорить с ней о смерти матери, «совершенно сводя меня этим с ума».

Он искал виноватых. Любой психолог скажет, что в этом таились одновременно и самообвинение, и покаяние.

Зима 1933 года была продолжением тяжелой осени 1932-го.

Голод на Украине, аресты двух тысяч председателей колхозов и других рядовых управленцев в десятках районов республики, углубление раскола в партийных рядах, арест наркома снабжения РСФСР, члена РСДРП с 1907 года Н. Б. Эйсмонта и начальника Главдортранса при СНК РСФСР, члена партии с 1904 года, бывшего наркома внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачева — обоих за обсуждение вопроса о смещении (устранении) Сталина. Эйсмонт и Толмачев в январе 1933 года были осуждены Особым совещанием и приговорены к трем годам лишения свободы. Причастный к этому делу член ЦК, бывший секретарь ЦК А. П. Смирнов был выведен из состава ЦК.

Это дело накладывалось на дело М. Н. Рютина, члена партии с 1914 года; руководителя иркутских большевиков (губисполкома и губкома), расстрелявших адмирала Колчака; участника подавления Кронштадтского восстания; члена президиума ВСНХ СССР. Именно «рютинскую платформу», по слухам, читала перед смертью Надежда Аллилуева. («Страна обнищавшая, ограбленная, разоренная, нагая и голодная, с подорванной в корне предводительной и платежной способностью, потерявшая веру в дело социализма, терроризированная, озлобленная, представляющая сплошной пороховой погреб, — все дальше и дальше загоняется в тупик...») В октябре 1932 года, в дни торжественного пуска Днепрогэса, Рютин был осужден коллегией ОГПУ и приговорен к десяти годам лишения свободы.

Сталин не сомневался, что все эти идущие из-за границы от Троцкого и изнутри, из самого ЦК, разговоры о его устранении есть не что иное, как обсуждение и планирование государствен-

ного переворота. Его нынешние противники прошли школу подпольной борьбы, революционных переворотов и Гражданской войны. Этих людей можно было сравнить с оружием, которое не знает пощады, — мыслящим оружием.

Но вот что любопытно: 13 октября 1932 года, когда уже шло следствие по делу Эйсмонта и Смирнова, Сталин встретился с Эйсмонтом в своем кремлевском кабинете, и они разговаривали целый час, с 13.30 до 14.30. Должно быть, Сталин хотел лично разобраться в причинах оппозиционности наркома, который был близок Микояну, являлся к тому же его замом в Наркомате внешней и внутренней торговли СССР.

Эйсмонту не удалось убедить Сталина в невиновности. 24 ноября он был арестован.

Семнадцатого декабря Сталин выразил свое отношение в телеграмме Ворошилову: «Дело Эйсмонта — Смирнова аналогично делу Рютина, но менее определенное и насквозь пропитано серией выпивок. Получается оппозиционная группа вокруг водки Эйсмонта — Рыкова, охоты на кабанов Томского, повторяю, Томского, рычание и клокотание Смирнова и всяких московских сплетен, как деерта.

Я все еще чувствую себя плохо, мало сплю, плохо поправляюсь, но в работе не отмечено. Привет. 16. XII. Сталин»[244].

Между строк прорываются боль утраты и железная воля.

Кто мог ему помочь? Таких людей не было. Ну разве что Киров. С Кировым он сдружился еще в 1925 году.

Сталин с головой погрузился в текущие дела. Самым значительным для него был предстоящий объединенный пленум ЦК и ЦКК, где он должен был делать доклад об итогах первой пятилетки.

Дело в том, что «пятилетка в четыре года» была не выполнена, несмотря на огромный в целом рост производства и строительство новых мощностей.

И все же в 1932 году главные экономические показатели удручали — вместо плановых 10 миллионов тонн чугуна было выплавлено 6,2, вместо плановых 10,4 миллиона тонн стали — 5,9, вместо плановых 75 миллионов тонн угля — 64,4.

Понимая, что конкретные цифры будут выглядеть как символ полупровала, Сталин в основу доклада положил сравнение советской экономики с западной, находившейся в глубочайшем кризисе, и подтвердил это эффектным цитированием американской и европейской прессы.

Таким образом, он сказал правду устами своих критиков и тут же опроверг ее другой правдой, прозвучавшей опять же с Запада.

Действительно, тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автозаводы в Москве и Нижнем Новгороде, Днепрогэс, металлургические комбинаты в Магнитогорске и Кузнецке, несколько машиностроительных и химических заводов на Урале — все это было реальностью — всего 250 тысяч новых крупных предприятий. Когда Сталин процитировал английского бизнесмена Гиббсона Джарви: «Сегодняшняя Россия — страна с душой и идеалом», — это тоже было правдой.

И еще цитата: «Россия начинает "мыслить машинами". Россия быстро переходит от века дерева к веку железа, стали, бетона и моторов». Вождь продолжал: раньше у нас не было черной металлургии, автомобильной промышленности, тракторной промышленности, химической промышленности, а теперь есть. По добыче угля, нефти, производству электроэнергии страна выдвинулась на одно из первых мест в мире. Объем промышленной продукции вырос более чем втрое по сравнению с 1913 годом и более чем вдвое по сравнению с 1928 годом.

Здесь Сталин признал, что обшая программа пятилетки недовыполнена на шесть процентов. Но почему это случилось? «Ввиду отказа соседних стран подписать с нами пакты о ненападении и осложнений на Дальнем Востоке, нам пришлось наскоро переключить ряд заводов в целях усиления обороны на производство современных орудий обороны».

Действительно, в сентябре 1932 года Япония отказалась подписать договор с СССР о ненападении и укреплялась в Китае возле советских границ. Советское командование оценивало вероятность войны как высокую.

Первого ноября 1932 года был создан Трест специального машиностроения (танки), в том же году было выпущено 1754 танка новых проектов. (В феврале 1933 года за выдающиеся успехи в перевооружении Красной армии Тухачевского наградили орденом Ленина.) В 1932 году началось строительство Тихоокеанского флота, в 1933 году — Северного. Качественно обновлялась авиация.

Германия после кризиса потеряла почти половину своего промышленного потенциала, и в течение всего 1932 года ее сотрясала политическая борьба, в которой чаши весов колебались. Эта страна играла большую роль в обновлении СССР, и начавшиеся в ней перемены сильно встревожили Кремль. Политическая элита Германии была разделена надвое: на одной стороне были социал-демократы и коммунисты, на другой — национал-социалисты Гитлера. Силы были примерно равны. В ноябре группа банкиров и промышленников обратилась к пре-

зиденту Гинденбургу с петицией о назначении Гитлера рейхсканцлером для успокоения бурлившей забастовками страны. В начале января 1933 года в Кельне в доме банкира Шредера состоялась встреча нескольких влиятельных бизнесменов с правыми политиками, на которой было решено передать власть фашистам. 30 января 1933 года Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером.

Выступая на пленуме, Сталин не называл ни Японии, ни Германии, ни Польши. У него была другая задача: убедить партийный актив в правильности своего курса.

«Осуществляя пятилетку и организуя победу в области промышленного строительства, партия проводила политику наиболее ускоренных темпов развития промышленности. Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед»[245].

Ему пришлось употребить это не слишком пафосное слово: «подхлестывала».

Но Сталин не призвал к внутреннему миру. Наоборот, он сказал, что «остатки» классовых врагов «расползлись по нашим заводам и фабрикам, колхозам и совхозам». Они ненавидят советскую власть, «новые формы хозяйства, быта, культуры... Причем кое-кто из них пролез даже в партию».

Сталин не мог признаться, что считает внутреннее положение тревожным. Его доклад был пронизан победным пафосом.

Но за его осторожной фразой о «пролезших» в партию врагах-одиночках соратники должны были услышать предостережение. Действительно, на протяжении 1928—1932 годов число партийцев выросло с 1,5 до 3,7 миллиона, среди которых, как показали комиссии Кагановича и Молотова, работавшие на Северном Кавказе и Украине, было много «приспособленцев» и «оппортунистов».

В конце доклада Сталин чуть приоткрыл истинную картину: «...Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов... Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв.

Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам»[246].

Он не обещал передышки.

Девятнадцатого февраля Сталин выступал с большой речью на первом съезде колхозников-ударников, в которой проскальзывали отдельные штрихи реальных проблем, но в целом она

была пропагандистской. Он поставил задачу сделать колхозников зажиточными и сказал, что партия исправила «недоразумение»: колхозникам вернули коров.

Съезд должен был содействовать укреплению колхозов и проведению весеннего сева.

Можно, конечно, спросить: зачем надо собирать в столице крестьян, чтобы они лучше провели свою главную работу?

Дело в том, что голод продолжался, и надо было выкарабкиваться из его последствий. Как раз после этого съезда Шолохов написал Сталину письмо, что Вёшенский район «идет к катастрофе».

А чуть раньше, 22 января, была издана директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О предотвращении массового выезда голодающих крестьян». Массовое оставление родных углов голодающими людьми рассматривалось как «контрреволюционная затея врагов советской власти», направленная против колхозов. Директиву подписали Молотов и Сталин. К началу марта органы ОГПУ задержали 219 460 человек.

Почему-то Сталин ничего не сказал о решении ЦК (январь 1933 года) об организации политических отделов при МТС и посылке для работы в них 17 тысяч коммунистов (среди них было много чекистов). Политотделы должны были создать управленческую опору партии в селе. Однако, кроме силового давления, надо было хоть как-то помочь страдающему населению.

И Политбюро вынуждено было пойти на чрезвычайные меры, противоречившие политике «подхлестывания» индустриализации. 25 февраля 1933 года Совнарком распорядился выделить Украине 320 тысяч тонн зерна, Северному Кавказу 240 тысяч тонн. Также была выделена помощь Нижневолжскому краю и другим областям. К апрелю 1933 года реальная помощь Украине превысила 560 тысяч тонн, в том числе 80 тысяч тонн продовольствием.

Если сравнивать объемы проданного за границу зерна и выделенного для внутреннего потребления, то только помощь Украине на 60 процентов превысила объем экспортированного зерна. Всего же в первое полугодие 1933 года голодающие области получили в 2,5 раза больше зерна, чем было в это время поставлено за границу для оплаты кредитов.

Несмотря на серьезные международные последствия из-за уменьшения вывоза зерна за границу, советское правительство пошло на этот шаг.

В условиях мирового экономического кризиса, когда цены на другие товары обвалились, а задолженность СССР стала угрожающе расти, Сталин оказался перед ужасным выбором. Собственно, вся история этого человека — непрерывная чере-

да ужасных выборов. Как видим, он пытался балансировать: придержать вывоз продовольствия. Это помогло только отчасти. Большего этот человек не мог сделать в тех рамках, которые он определил для страны.

К общемировому кризису прибавились низкий урожай 1932 года, ошибки статистического учета, рост внешнеэкономической задолженности, угроза западных кредиторов применить штрафные санкции, новые военные угрозы, возникшие внутри партийного руководства оппозиции курсу на ускоренную модернизацию...

Здесь необходимо уточнить, что главным источником оплаты зарубежных кредитов был вовсе не экспорт зерна, а экспорт нефти, лесоматериалов, пушнины.

Так, в 1932—1933 годах нефти вывезли на сумму около 700 миллионов рублей, леса — столько же, зерна — на 389 миллионов рублей. В 1933 году за вывезенную пушнину было получено больше, чем за зерно.

В 1932 году экспорт зерна резко сократился и составил 1,8 миллиона тонн (в 1930 году — 4,8 миллиона тонн, в 1931 году — 5,2 миллиона тонн).

Причина голода заключалась не в чрезмерном экспорте зерна, а в создании стратегических резервов. Впервые был введен порядок: хранить колхозное зерно на государственных элеваторах. Когда власть осознала размеры бедствия, она не сумела оперативно помочь населению. Как считает С. Г. Кара-Мурза: «Технократическая социальная инженерия дала колоссальный сбой. Для массы людей он стал катастрофой».

Когда говорят, что в 1932—1933 годах проводилась политика геноцида, это либо заблуждение, либо сознательная дискредитация Сталина. Но его деятельность настолько трагична, что подобные фальсификации только опошляют историю и затемняют ее смысл.

На январском пленуме было объявлено об очередной чистке партии. Численность ВКП(б) небывало выросла, почти до четырех миллионов человек, и пестрота ее нового состава стала внушать опасения. 28 апреля ЦК определил, кто попадет под прицел парткомиссий: классово чуждые и враждебные элементы; двурушники, пытающиеся сорвать политику партии; нарушители партийной и государственной дисциплины, подвергающие сомнению решения партии; перерожденцы, шкурники, моральные разложенцы; политически малограмотные, не знающие программы, устава и основных партийных решений.

Чистка должна была завершиться через пять месяцев, но на самом деле шла полтора года. Было исключено 18 процентов, 15 процентов покинули партию по собственной воле. Партия должна была вернуть боевое состояние, отбросив сомневающихся и слабовольных.

В самой партии Сталин столкнулся с той же проблемой, что и в промышленности: не хватало толковых и ответственных кадров. В результате наверх поднимались демагоги, мелкие воры, растратчики. Часто образовывались коррупционные связи.

Сложился довольно устойчивый миф, что «аппаратчик» Сталин к началу 1930-х годов создал в секретариате ЦК всеобъемлющее досье на всех партийных функционеров, которое позволяло управлять практически всеми партийными организациями в стране. На самом деле это фантазия. Единого учета тогда не было даже в ОГПУ, что позволяло многим людям, имевшим основания опасаться властей, укрываться от их опеки, меняя место жительства. Местными кадрами занимались местные партийные комитеты, а Организационно-распределительный отдел ЦК осуществлял лишь поверхностный контроль[247].

Именно это обстоятельство позволяет осветить, что происходило в голове Сталина, когда реальность предъявляла ему свои доводы в ответ на его пафосные доклады.

К 1933 году в стране насчитывалось 30 тысяч освобожденных партийных функционеров. Сколько из них были образованными и принципиальными, можно только догадываться. Партия не слишком быстро модернизовалась.

Так, например, в докладной записке замнаркома тяжелой промышленности начальника Главного управления Главцветметзолото А. П. Серебровского наркому тяжелой промышленности Г. П. Орджоникидзе об обследовании работы Калатинского и Красноуральского медных комбинатов говорится: «Надо на Калате расчистить всю головку, чем мы и занимаемся теперь. Эту атмосферу лжи, обмана, очковтирательства надо уничтожить. Сил нет от их вранья — даже в журналах официальные записки работы неверны. Спекальная фабрика не работает, а по журналу она проводится и т. д.»[248].

Негодование Серебровского вполне понятно. Приводимые им примеры рисуют картину «явного и наглого мошенничества», которое необходимо «уничтожить», «подвернуть гайки покрепче, а то народ на местах распустился до безобразия».

Заметим, что требование «подвернуть гайки» возникло не только у Серебровского, который, надо подчеркнуть, не раз бывал на приеме у Сталина и наверняка рассказывал об обстановке достаточно подробно.

В январе 1933 года Сталину доложили о деятельности троцкистской организации во главе с И. Н. Смирновым. Как следует из архива Троцкого, И. Н. Смирнов действительно был создателем антисталинской группировки.

Троцкий в 1932 году выдвинул в «Бюллетене оппозиции» перекликающуюся с «Платформой Рютина» мысль: «Сталин завел вас в тупик... Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину... Надо — убрать Сталина».

После знакомства с материалами ОГПУ Сталин понял, что против его политики выступают широкие круги партийных работников как старых, так и молодых. Таким образом, «наглое мошенничество» местных производственных и партийных кадров накладывалось на зреющий заговор с целью устранения вождя.

На что вообще надеялся наш герой? Пусть он был смелым и не боялся смерти, но ведь смерть в это время для этой исторической личности означала бы полную катастрофу. Он же постоянно находился на грани этой катастрофы, даже тогда, когда на отдыхе играл в городки с Ворошиловым и Кировым.

Внутренняя обстановка особых надежд не давала, его мысли часто обращались к Германии. Что там происходит? Что делать, если главное звено его европейской линии обороны вдруг превращается в источник главной опасности? Что, если в СССР и партии возникнет «пораженческое» течение, как в 1915 году в рядах РСДРП?

В результате экономического кризиса в Германии поднялись сразу две мощные волны протеста — коммунисты под руководством Эрнста Тельмана и национал-социалисты под руководством Адольфа Гитлера.

В дневнике Йозефа Геббельса есть такая запись: «5 августа 1932. Что-то наконец должно произойти. Террор на терроре. Рейху угрожает развал»[249].

Угроза гражданской войны вынудила Генеральный штаб, президента Гинденбурга, который отрицательно относился к Гитлеру, и крупнейших немецких промышленников поддержать нацистов и их фюрера. Бывший канцлер фон Папен сказал: «Мы просто дали ему работу». Они не подозревали, что национал-социалисты, чьим главным лозунгом было: «Против ноября 1918» (то есть против Версальского мирного договора, расчленившего Германию, на котором покоилось послевоенное устройство Европы), пойдут до конца, чтобы ответить на унижение своего отечества.

Национальное чувство — поразительная сила. Теперь Сталин занимал двойственную позицию: внутри страны он был совет-

ским патриотом, а вовне — вождем Коммунистического интернационала, который можно назвать заграничной армией СССР.

Гитлер победил Коммунистическую партию Германии, один из отрядов этой армии. И как победил! Чего стоили огромные демонстрации в Берлине против показа американского фильма по роману Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»! Полицейские дубинками разгоняли бесконечные колонны протестующих национал-социалистов, которые маршировали по Берлину. В результате рейхстаг запретил фильм за «искажение облика немцев перед миром». Это было в декабре 1930 года.

Теперь, находясь у власти, нацисты действовали с прежней решимостью. 30 января 1933 года Гитлера назначают канцлером, причем в его правительстве большинство постов занимают не его сторонники, а консерваторы. 31 января он распускает рейхстаг, где большинство было из других партий. Выборы назначаются на 5 марта. 27 февраля загорается здание рейхстага. Немедленно запрещена коммунистическая и социал-демократическая пресса, арестованы руководители компартии. 28 февраля правительство приняло постановление против КПГ, предусматривающее смертную казнь. 5 марта Геббельс отмечает: «Мы господа в рейхе и в Пруссии, все остальные разбиты и пали наземь...» Нацисты получили 17 миллионов голосов.

Тем не менее социал-демократы даже усилили свои позиции, получив 7 миллионов голосов, а за разгромленную компартию проголосовало 5 миллионов человек.

Впрочем, нацисты быстро добились парламентского большинства, арестовав депутатов-коммунистов; вскоре были запрещены и другие партии.

Сталин, помня антиреволюционную роль социал-демократов в 1918 году, запретил КПГ образовывать с ними предвыборный блок, что потом ставилось ему в вину.

Однако Германский генштаб и крупный бизнес уже сделали выбор и без Сталина.

Германия сбросила узы Версальской системы, демонстрируя искренний энтузиазм. Немцы верили, что теперь им удастся возродить Германию.

На повестку дня сразу встал вопрос о перевооружении армии и выработке стратегии. Войсковое управление (эта структура выполняла функции Министерства обороны) получило приказ о формировании армии в составе 21 дивизии и создании 300-тысячной армии с тяжелой артиллерией и авиацией. В 1933 году было начато производство танков. Так как Версальский договор еще действовал, первая танкостроительная программа называлась: «План выпуска тракторов для сельского хозяйства».

Немецкие генералы, поддержав Гитлера, оставались сторонниками союза с Москвой. В 1933 году в Москве побывал немецкий генерал Томас, который подтвердил позицию военных.

Казалось бы, все в порядке. Однако по возвращении Томаса на его доводы о необходимости продолжать прежнюю восточную политику Гитлер заявил, что «Россия способна создавать только "потемкинские деревни" и всегда была разрушительной силой»[250].

Рейхсверу пришлось отказаться от «русского направления».

Гитлер считал Россию историческим врагом, а Англию, Италию и Японию идеальными союзниками. Даже не поставив в известность военных, он вступил в переговоры с главой Польши Пилсудским, чтобы заключить договор о сотрудничестве.

Этот договор был подписан в начале 1934 года и должен был обеспечить Германию с Востока, компенсировав разрыв с Россией.

«Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Судьба указует нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства», — писал Адольф Гитлер в книге «Моя борьба».

В библиотеке Сталина был перевод этой основополагающей работы Гитлера, он читал ее. Но что он мог предпринять?

В 1933—1934 годах в штурмовые отряды национал-социалистической партии вошли многие бывшие бойцы КПГ и СДПГ, благодаря чему были созданы «красные полки» СА.

Почему коммунисты и социалисты перешли на сторону противника?

Новая ситуация пока не несла в себе мгновенных угроз: Германия была еще слаба. К тому же СССР и Германия были сильно связаны экономическими интересами, и надо было обладать нечеловеческими способностями, чтобы в далекой перспективе разглядеть неотвратимую войну.

С одной стороны, Гитлер заявлял: «Я ставлю себе срок в 6—8 лет, чтобы совершенно уничтожить марксизм» и что «цель экспансии немецкого народа будет достигнута вооруженной рукой» на Востоке, а с другой — он же убеждал, что «ничто не нарушит дружественных отношений, существующих между обеими странами», если только Москва не будет вести коммунистическую пропаганду в Германии.

Срок, названный Гитлером (шесть—восемь лет), к сожалению, не противоречил прогнозу Сталина.

Шестнадцатого ноября 1933 года международное положение СССР улучшилось благодаря установлению дипломатических отношений с Соединенными Штатами. Америка тоже имела свои резоны крепить связи с СССР.

В ноябре 1932 года новым президентом США был избран Франклин Рузвельт, обещавший перемену прежнего экономического курса президента Герберта Гувера, который своим главным принципом считал предотвращение инфляции. Рузвельт был гораздо более реалистичен. Его ключевой принцип заключался в следующей фразе: «Давайте сосредоточим наши усилия на одном — спасти страну и народ, и если для этого нам придется дважды в день менять свои взгляды, пойдем и на это».

Рузвельт должен был вступить в должность в марте 1933 года, то есть практически одновременно в Америке и Германии к власти пришли новые люди с новыми идеями. Однако 15 февраля 1933 года на Рузвельта было совершено покушение. Стрелял безработный эмигрант из Италии, который заявлял, что ненавидит всех чиновников и богачей. Президент остался цел.

В феврале США потрясло еще одно событие — неслыханная банковская катастрофа. К 1933 году закрылось свыше пяти тысяч банков. Оставшиеся не могли удовлетворить обвальный спрос на наличные деньги и закрывались один за другим. Вклады составляли 41 миллиард долларов, а денежная наличность — всего шесть миллиардов. 14 февраля губернатор штата Мичиган распорядился закрыть все банки штата. Страну охватила паника. В начале марта все банки Америки закрылись, капитализм был на смертном одре, в полушаге от революции.

Четвертого марта Рузвельт принял присягу. Первое, что он сделал, выдал банкам государственные субсидии, не боясь поднять инфляцию. Он отменил свободное хождение золотых долларов. Тем, кто не обменял золото на бумажные ассигнации, грозило 10 лет тюрьмы и 100 тысяч долларов штрафа.

Чрезвычайное банковское законодательство положило конец кризису. В короткий срок были приняты другие законы, которые стабилизировали положение в сельском хозяйстве, дали безработным общественные работы, восстанавливали государственную промышленность, рабочие получили право на коллективный договор и организацию профсоюзов. Несмотря на то что Рузвельта обвиняли в социалистических методах, он продолжал реформирование. Так, он выдвинул комплексный план развития долины реки Теннесси, бассейн которой охватывал семь южных штатов. Проведя через конгресс закон о создании в долине реки государственной корпорации, он отнял у частных энергофирм право спекулировать на электроэнергии, дешево покупая ее у государства и дорого продавая потребите-

лям, и вообще ввел принципы государственного регулирования в огромный экономический район. Созданное Рузвельтом Управление долины реки Теннесси, как говорили оппоненты, «точно строится по образу и подобию советских планов».

Говоря об использовании принципов социалистического планирования, следует подчеркнуть, что Рузвельт через Администрацию общественных работ делал то же, что и Сталин через Госплан и насильственное переселение крестьян на северные стройки, — оба наращивали экономический потенциал в чрезвычайных условиях.

За 10 лет Администрация общественных работ создала десятую часть всех новых дорог в Америке, 35 процентов новых больниц, 65 процентов зданий городского управления, 70 процентов новых школ и многое другое. «Без государственных работ 30-х годов Америка не смогла бы создать атомную бомбу — необходимые объекты были подготовлены заранее» (А. Уткин).

Сталинская колонизация Севера (от Беломорско-Балтийского канала до золотых приисков Колымы) и рузвельтовское госрегулирование, несмотря на внешнее различие, вещи одного порядка. За ними стояла воля государства. Не случайно именно по этому признаку в первой половине 1930-х годов, характеризуя основную тенденцию, к именам Сталина и Рузвельта добавляли имена Муссолини и Гитлера.

Впрочем, в идеологическом плане все они были разными. Протестантская этика американцев опиралась на идею личного успеха и личной ответственности, «красный проект» — на идею справедливости и коллективизма, нацизм — на идею национального реванша и превосходства немецкой нации.

И Рузвельта, и Сталина, и Гитлера порой одинаково называли националистами, а Рузвельта — даже «американским шовинистом», — и что с того? На упреки в шовинизме Рузвельт отвечал, что это помогает ему решить внутренние проблемы. Что же касается внешней политики, он продолжил традиционный для Америки курс на использование противоречий между другими странами. Поэтому в противовес новым угрозам со стороны Японии и Германии он решил установить дипломатические отношения с СССР.

Шестнадцатого ноября 1933 года соответствующие договоры были подписаны. Но было бы большой ошибкой считать, что начиная с этого времени США стали союзником СССР. Посол США в СССР У. Буллит в одном из докладов в Государственный департамент США точно выразил суть американского взгляда на будущую войну: «Если между Японией и СССР вспыхнет война, мы не должны вмешиваться, а использовать свое влияние и силу к концу ее, чтобы она закончилась без по-

беды и равновесие между Японией и СССР не было бы нарушено».

Подчеркнем: так прагматично рассуждали лидеры всех стран, Рузвельт, Сталин, Черчилль.

Об отношении же Сталина к США как возможному союзнику против Гитлера надо сказать, что он не обольщался.

Как раз к тому времени относится его поездка на Белое море, о которой вспоминал адмирал флота СССР И. С. Исаков: «Это было в 1933 году после проводки первого маленького каравана военных судов через Беломорско-Балтийский канал, из Балтийского моря в Белое. В Полярном, в кают-компании миноносца, глядя в иллюминатор и словно разговаривая с самим собой, Сталин вдруг сказал:

"Что такое Черное море? Лоханка. Что такое Балтийское море? Бутылка, а пробка не у нас. Вот здесь море, здесь окно! Здесь должен быть большой флот, здесь. Отсюда мы сможем взять за живое, если понадобится, Англию и Америку. Больше неоткуда!"»[251]

Адмирала Исакова зацепила еще одна фраза Сталина, которую тот произнес в ответ на бравые уверения, что мы-де завоюем Север, разобьем всех врагов и т. д.

Вот что сказал на это Сталин: «Что тут говорили: возьмем, победим, завоюем... Война, война... Это еще неизвестно, когда будет война. Когда будет — тогда будет! Это север, его надо знать, надо изучить, освоить, привыкнуть к нему, овладеть им, а потом говорить все остальное»[252].

И никакого пафоса! Да и спрашивается, зачем разговаривать пафосно с военными?

Он знал, во что обходится колонизация Севера. Прожив почти шесть (!) лет за полярным кругом в забытой Богом Курейке, Сталин отлично понимал, что Россия — это страна зимы и снега, с которыми русские научились за долгие века сосуществовать, почти сдружились. Но разве можно колонизировать Север в короткий срок? Какой для этого надо иметь бюджет? Какие кадры? Даже монастырская колонизация Севера учениками Сергия Радонежского, которая привела к образованию феномена так называемой «Северной Фиваиды» и заложила экономическую и культурную базу Московской Руси, шла медленно, шаг за шагом, пока не достигла Белого моря, Соловецкого монастыря, где сейчас, при советской власти, устроен лагерь особого назначения и заключенные работают на индустриализацию. Именно опыт Соловков, опыт старой колонизации, был использован в 1930-х годах повсеместно, начиная со строительства Беломорско-Балтийского канала. За неимением времени и должных средств использовали труд заклю-

ченных, ссыльных и спецпереселенцев. Еще это напоминало решение Петра Великого, пожаловавшего тульскому оружейнику Никите Демидову крепостных крестьян для переселения их на Урал и строительства там металлургических заводов. И чем, скажите, отличался Сталин от Петра? Оба вовсю использовали мощь государства.

Рузвельт тоже ее использовал, с той только разницей, что его страна была теплее и богаче СССР в несколько раз.

Этим положение Сталина отличалось от положения Рузвельта. Если у американского президента проблема состояла не в скудности ресурсов, а в их перераспределении, то перед Сталиным стояла задача во сто крат сложнее. И появление Гитлера подтверждало его правоту об отпущенном на модернизацию коротком сроке.

Десять лет! Нет, теперь еще меньше.

Глава тридцать седьмая

Экономическая разведка Сталина. Конфликт в Политбюро: Молотов — Орджоникидзе. «Съезд победителей»

Готовясь к XVII съезду, Сталин обратился к директору Института мировой экономики и экономических отношений Е. С. Варге, который часто направлял ему по собственной инициативе записки по различным вопросам международной жизни.

Доверие к Варге, бывшему профессору Будапештского университета и участнику революции в Венгрии в 1919 году, возникло после того, как в октябре 1929 года тот правильно оценил обвал на нью-йоркской бирже, написав, что начинается самый глубокий в истории капитализма кризис. Для Сталина это было принципиально важно и позволило гораздо увереннее чувствовать себя в дискуссиях с адептами мировой революции. Институт Варги фактически стал отделением экономической разведки Сталина: вождь определял тематику исследований, заказывал работы по отдельным интересующим его темам. Некоторые сотрудники института потом переходили на службу в ИНО НКВД, а некоторые чекисты — «под крышу» института. Например, один из операторов «кембриджской пятерки» (группы советских агентов-англичан) Р. И. Столпер (он вел Д. Маклейна) до прихода в разведку закончил аспирантуру в институте. Впрочем, в управленческой системе переплетались элементы разведки, пропаганды, диктата и идейности.

Впоследствии академик Варга в своих записках «Вскрыть через 25 лет» назвал Сталина «восточным деспотом», при кото-

ром погибло огромное число коммунистов, но категорически отвергал утверждения Хрущева о малограмотности Сталина и приписывания им себе чужих работ. Вот свидетельство Варги: «Я знаю наверное — что он хорошо знал “Капитал” Маркса и труды классиков, что он много читал и вообще был весьма образованным человеком. Позднее при режиме Хрущева распространилась ложь, будто Сталин поручал писать свои труды другим; достаточно взглянуть на стиль его докладов и некоторых его писем, чтобы понять, что они написаны одним человеком.

Когда он заимствовал какие-нибудь сведения у других, он открыто говорил об этом. На XVI партсъезде он сказал, что уточнение государственных данных о распределении доходов в некоторых капиталистических странах было произведено мною. Перед XVII партсъездом (1934) я составил для него подробный обзор экономического положения капиталистических стран, при этом я — в противоречии с мнением тогдашнего руководства Коминтерна — отстаивал точку зрения о том, что большой экономический кризис заканчивается и предстоит длительная депрессия. Сталин распорядился, чтобы моя работа была напечатана, ее раздали всем участникам съезда перед его докладом. Неверно, что Сталин не терпел никаких возражений. Он спокойно выслушивал иные мнения — таков мой опыт»[253].

Первый звонок об обострении ситуации на Востоке прозвучал после дешифровки перехваченного послания японского МИДа японскому послу в Маньчжоу-Го. Ранее делегация Маньчжоу-Го на переговорах о продаже КВЖД оспаривала право собственности СССР на эту дорогу и предлагала ее продать за смехотворно низкую цену. Теперь японцы информировали своих клиентов о решении действовать силой и арестовать советских служащих КВЖД.

Сталин всегда действовал в отношении Японии очень осторожно. Теперь же его тон резко изменился. Москва отбросила условности и заявила, что «прямая ответственность падает на японское правительство». Это свидетельствовало о серьезном усилении советских позиций на Дальнем Востоке, прежде всего — военных.

Кроме того, изменялось и настроение Франции. Ранее она была (вместе с Польшей) врагом номер один, теперь же, как заявляла побывавшая в сентябре в Москве делегация во главе с министром авиации Франции Пьером Котом и генералом Барресом, «две страны в мире не хотят войны — это СССР и

Франция». Французы предложили сотрудничество в области авиастроения, что Сталин справедливо расценил как признание советских успехов. И его личных, потому что именно он уделял авиации огромное внимание.

И вообще в целом 1933 год укрепил внутреннее положение СССР. Осенью был собран хороший урожай. Стабилизировались взаимоотношения власти и народа, что выразилось в запрете Политбюро местным «тройкам» ОГПУ выносить приговоры о высшей мере наказания, запрещались массовые выселения крестьян (разрешались только индивидуальные — «активных контрреволюционеров» — в рамках установленных лимитов в 12 тысяч хозяйств по СССР). Было вдвое снижено число заключенных по линии Наркомата юстиции ОГПУ и Главного управления милиции (с 800 тысяч человек до 400 тысяч). Всем осужденным на срок лишения свободы до трех лет заключение заменялось принудительными работами на один год.

Существенное послабление режима объяснялось успехами в экономическом развитии: всего за 1933 год тяжелая промышленность выросла на 12 процентов, бюджетный дефицит сменился профицитом (с минус 135 миллионов рублей в 1932 году на 148 миллионов в 1933 году), в каждом квартале года СССР продавал за рубеж больше товаров, чем ввозил.

Жизнь становилась более сносной.

Арестов тоже не было, если не считать арестованных в августе—сентябре 1932 года и осужденных в апреле 1933 года членов так называемой «школы Бухарина», выпускников Института красной профессуры, сторонников правых. На их встречах, квалифицированных следователями ОГПУ как «нелегальные конференции», обсуждалась тема насильственного устранения Сталина. Бухарину удалось от них откреститься, а арестованные его не назвали.

Впрочем, главным в том году был не этот эпизод борьбы, а конфликт в самом Политбюро, разгоревшийся внутри сталинской группы. Источником сопротивления стал Орджоникидзе, который как нарком тяжелого машиностроения сконцентрировал в своих руках все управление промышленностью и отстаивал отраслевые интересы НКТМ.

В конце июля 1930 года на имя Молотова пришло несколько телеграмм из разных областей, в которых сообщалось, что завод «Коммунар» (Запорожье) отгружает получателям неукомплектованные машины. Молотов, у которого с «отраслевым кланом» НКТМ уже были столкновения, дал делу ход. 28 июля СНК принял опросом постановление «О преступной засылке некомплектных комбайнов в МТС и совхозы». Учитывая недавнее трагическое положение с хлебом и вообще фактическое

мошенничество, надо было полагать, что Молотов потребует строгого наказания. Так и вышло. Прокурору СССР И. А. Акулову поручалось немедленно арестовать и привлечь к судебной ответственности руководителей «Коммунара» и смежных предприятий.

Это решение правительства натолкнулось на сопротивление местной власти. Секретарь Днепропетровского обкома партии М. М. Хатаевич заявил о своем несогласии и объяснил некомплектную поставку тем, что при перевозке по железной дороге с открытыми платформами часть оборудования разворовывается и поэтому некоторые детали перевозятся в ящиках отдельно. Наверное, Хатаевич был по-своему прав: несмотря на строгости охраны, воровства не удавалось избежать. Но с другой стороны, совхозы и МТС все же не получали заявленного оборудования. Кто-то должен был за это ответить.

Не мог же Молотов написать резолюцию о неодолимости безобразий и на этом успокоиться.

Хатаевич разослал свое письмо сразу по всем адресам: украинскому правительству, в ЦК и прокуратуру, в СНК СССР, Политбюро, Прокуратуру СССР и НКТМ.

Однако на Молотова оправдания Хатаевича не произвели никакого впечатления. Он ответил ему: «О достижениях “Коммунара” нам хорошо известно, также известно прокуратуре. Судом это будет учтено. Данный судебный процесс имеет далеко не только заводское значение и отмена его, безусловно, нецелесообразна»[254].

Сталин в это время находился в Сочи на отдыхе. Его замещал Каганович.

Шестнадцатого августа 1933 года в уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР началось слушание дела, обвинялись в уголовном порядке работники ряда хозяйственных органов и руководители «Коммунара». В заключительном слове обвинитель, заместитель прокурора СССР А. Я. Вышинский, заявил, что процесс дает основание «для постановки общих вопросов работы советских хозяйственных организаций», НКТМ, Наркомзема, республиканских организаций.

Как дальше разворачивались события, видно из письма Кагановича Сталину (26 августа 1933 года): «В связи с делом о некомплектной отгрузке комбайнов нам пришлось собираться и обсуждать вопрос не без резкого спора. Дело в том, что Вышинский в своей речи в главе “Дисциплина, учет, контроль” в последнем абзаце допустил довольно толстый “намек” не только на Наркомтяж и Наркомзем, но и на лиц, их возглавляющих. Тов. Серго прислал протест и попросил обсуждения вопроса. В процессе обсуждения выяснилось, что т. Молотов до

напечатания в “Правде” читал это и что Акулов с ним во время процесса несколько раз совещался. Отсюда уж понятен характер обсуждения, хотя оба старались быть сдержанными.

Мы приняли короткое постановление, в котором признали неправильным это место речи т. Вышинского»[255].

Оказывается, возмущенный Орджоникидзе и нарком земледелия Я. А. Яковлев, сильно задетые критикой, добились нового обсуждения этого вопроса на Политбюро и фактического пересмотра решения.

Вот так выглядела ситуация на взгляд Сталина: «Выходку Серго насчет Вышинского считаю хулиганством. Как ты мог ему уступить? Ясно, что Серго хотел своим протестом сорвать кампанию СНК и ЦК за комплектность. В чем дело? Подвел Каганович? Видимо, он подвел. И не только он»[256].

Сталина такой поворот дела никак не устроил. Более того, было очевидно, что отстаивающего общегосударственные интересы Молотова (и Кагановича) заставили уступить нажиму лидера отрасли. Это был принципиальный для Сталина вопрос. Некомплектность означала анархию производителей, неподчинение планам, утвержденным ЦК. В конечном счете это был удар и лично по Сталину.

Двадцать восьмого августа он направил в Москву телеграмму: «ЦК ВКП. Кагановичу. Молотову. Орджоникидзе. Для членов Политбюро.

Из письма Кагановича узнал, что Вы признали неправильным одно место Вышинского, где он намекает на ответственность наркомов в деле приемки некомплектной продукции. Считаю такое решение неправильным и вредным. Подача и приемка некомплектной продукции есть грубейшее нарушение решений ЦК. За такое дело не могут не отвечать также наркомы. Печально, что Каганович и Молотов не смогли устоять против бюрократического наскока Наркомтяжа»[257].

Двадцать девятого августа Сталин возвращается к теме некомплектных комбайнов: «Очень плохо и опасно, что Вы (и Молотов) не сумели обуздать бюрократические порывы Серго насчет некомплектных комбайнов и отдали им в жертву Вышинского. Если Вы так будете воспитывать кадры, у Вас не останется в партии ни один честный партиец. Безобразие...»[258]

Это щелчок по соратникам.

Первого сентября Политбюро отменило предыдущее постановление. Орджоникидзе на этом заседании не было, он ушел в отпуск.

Впрочем, отсутствие наркома объяснялось, скорее всего, не отпуском, а нежеланием испить чашу унижения: ведь только что он победил, а вдруг снова публично выпорот.

Новые громкие успехи советской промышленности должны были скрасить впечатление Сталина об Орджоникидзе. 30 сентября 1933 года первый советский стратостат «СССР» поднялся на рекордную высоту 19 тысяч метров, и в этот же день завершился многодневный автопробег — Кара-Кум — Москва. Весь мир должен был увидеть, как сталинская идея построения социализма в одной стране покоряет высоты и пространства!

Погруженному в эти события Сталину время от времени напоминал о своем существовании Троцкий.

Семнадцатого июля 1933 года во Франции на выборах победил блок социалистов и радикальных партий во главе с Даладье, и французское правительство разрешило Троцкому жить во Франции. «Демон революции» покинул Турцию и резко активизировал свою деятельность. Его главная идея того периода: в СССР завершился термидорианский переворот* и диктатура пролетариата переродилась во всевластие бюрократии. Теперь Троцкий больше не видел возможности мирного реформирования режима.

«Холодный и злобный террор бюрократии, которая остервенело борется за свои посты и пайки, за свою бесконтрольность и самовластие», мог быть, по мысли Троцкого, уничтожен при помощи коммунистов Запада, которые должны были объединиться в новом, IV Интернационале. Объединяя своих сторонников в международном масштабе, Троцкий вырывал у Сталина важнейший ресурс влияния на международную политику и угрожал ползучей идеологической интервенцией в среде советской партийной элиты. Грубая и жестокая реальность индустриализации явно проигрывала романтической идее ренессанса мировой революции с репрессиями не в отношении своих, а в отношении богатых капиталистических кругов Западной Европы.

Гонимый Троцкий, бесстрашно выступающий против социальной несправедливости в Европе, против национал-социалистов в Германии и против сталинского социализма, превращался в апостола «чистой справедливости». Проводимые им конференции собирали все больше участников. Европейская либеральная интеллигенция получала вождя.

Именно в 1933 году, после назначения Гитлера канцлером, Троцкий постепенно стал формировать пока еще не очень

---

* Аналогия с контрреволюционным переворотом 27/28 июля 1794 года (9 термидора 2-го года по республиканскому календарю) во Франции, приведшему к падению якобинской диктатуры.

сильный, но заметный и яркий полюс влияния, который на протяжении ряда лет станет вызывать все большее беспокойство Сталина. Когда наш герой окончательно придет к выводу, что война с Германией неизбежна, а Троцкий воспрепятствует формированию единого левого антигитлеровского союза, Иосиф Виссарионович прикажет устранить Льва Давидовича.

Но до этого еще очень далеко. Пока же Сталина больше интересуют добыча нефти, хлебозаготовки, КВЖД, вооруженность армии, судебный процесс в Германии над болгарским коммунистом Георгием Димитровым, которого обвиняют в поджоге рейхстага. Среди важнейших вопросов, которые он ежедневно рассматривал, находясь в Сочи, нет упоминания о Троцком.

Зато снова появляется имя Берии. Тот подготовил и лично передал Сталину несколько докладных записок, одна из которых, посвященная переживающей кризис нефтяной промышленности, была горячо поддержана. Секретарь Закавказского крайкома предлагал включить в план 1934 года строительство нефтеперегонных заводов, трубопровода Махачкала — Сталинград, расширение нефтепровода Баку — Батум, расширение геолого-разведочных работ в Азербайджане и строительство новых судов для Каспийского пароходства.

Этим Берия вмешивался в компетенцию Орджоникидзе. И Сталин с его предложениями согласился (за исключением керосинопровода в Сталинград) и в письме Кагановичу буквально обрушился на Орджоникидзе (21 октября 1933 года): «Нефтяной главк спит, а Серго отделывается благочестивыми обещаниями».

Кто такой 33-летний Берия? Если отбросить все легенды о нем, то был он одним из немногих чекистско-партийных функционеров, которые ставили во главу угла интересы дела. «Уездные князья» при нем утратили свое влияние. У него не было великих революционных заслуг, как, например, у выдвинувшего его Орджоникидзе, и он не претендовал на статус «равного вождю». Берия был рабочей лошадью Москвы, сильным администратором. Забегая вперед скажем, что уже к 1936 году новые промыслы дали почти половину азербайджанской нефтедобычи. «Ужасный» образ Берии, созданный Хрущевым после смерти Сталина, мало соответствует оригиналу. Лаврентий Павлович был частью режима, но не его демоном. Как вспоминал В. Н. Новиков, бывший в 1941 году директором Ижмаша и затем ставший заместителем председателя Совета министров СССР, Берия «далеко не прост и не так примитивен». В частности, курируемая им в годы войны оборонная промышленность менее всего пострадала от репрессий. Новиков приводит

один эпизод: в конце июля 1941 года Берия проводил в Москве совещание по вопросу увеличения выпуска винтовок. Среди участников находились два заместителя председателя Госплана и недавно назначенный заместителем наркома вооружений Новиков. Берия страшно давил на них, чтобы добиться увеличения выпуска Ижмашем винтовок на пять тысяч в сутки. Он давал на это трехмесячный срок: обстановка на фронте была катастрофической. В результате этого давления госплановцы согласились подписать соответствующее решение, а Новиков отказался, считая, что реальный срок — семь месяцев. Берия был взбешен и, что поразительно, принял вариант Новикова.

Сам Новиков объясняет это тем, что Берия боялся обмануть Сталина, «который многое прощает, но обмана — никогда». Насколько Берия боялся, это не главное. Главное, он не подводил.

Думается, именно поэтому Берия и такие, как он, администраторы стали все заметнее теснить «князей» и местных «кунаков». Сталин был на стороне новых руководителей.

И коллизия Орджоникидзе — Берия воспринималась Сталиным как системная. Не случайно явные успехи Закавказья «по нефти, по хлопку, по абхазским табакам», о которых был направлен в редакцию «Правды» соответствующий рапорт Закавказского крайкома партии, долгое время не находили отражения на ее страницах, пока не вмешался Сталин.

«Пора положить конец этому безобразию, — заявил он в письме (2 ноября 1933 года) Кагановичу и Молотову. — Пора добиться, чтобы в “Правде” не имели руководящих постов друзья левобуржуазных радикалов — Костаняна, Ломинадзе и других».

А Костанян и Ломинадзе входили в клан Орджоникидзе. К тому же Ломинадзе был причастен к группе Сырцова (иногда ее называли «группа Сырцова — Ломинадзе»), разгромленной в 1930 году.

В августе 1933 года Сталин явно пошел на уступку Орджоникидзе: работавший тогда секретарем парткома авиационного завода № 24 Ломинадзе был награжден орденом Ленина и направлен на повышение секретарем горкома партии в индустриальный Магнитогорск, где заканчивалось строительство и начиналось освоение металлургического комбината.

То, что Сталин не простил оппозиционера Ломинадзе и помнил вину его патрона, хорошо видно из цитируемого выше письма о незначительном эпизоде кажущейся нерасторопности редакционных сотрудников. Он связал активность Берии, клановость и упертость Орджоникидзе, оппозиционность Ломинадзе — и сделал точный вывод.

Кавалер высшего ордена и одновременно «левобуржуазный радикал»? Вот тут нашему герою и вспомнился Троцкий. Было бы странно, если бы не вспомнился. Но пока Сталин явно не собирался применять силу. К концу 1933 года ему казалось, что главные потрясения закончены.

На январь был назначен XVII съезд партии, который должен был подвести итоги самого трудного и героического периода. Сталин делал политический доклад. Над справками для его речи и других выступлений советского руководства работали все наркоматы.

Вот что говорилось в отчете полпредства СССР в Германии 31 декабря 1933 года: «...Рост германских вооружений и трудности экспансии на запад и юго-восток Европы будут толкать Гитлера также на дальнейшее обострение отношений с СССР. Советско-германский товарооборот в первые девять месяцев 1933 г., по сравнению с тем же периодом 1932 г., уменьшился на 45,7 процента»[259].

Восемнадцатого декабря 1933 года Германия, выйдя из Лиги Наций, потребовала отмены всех военных статей Версальского договора, введения своих войск в демилитаризованную Рейнскую зону. Со времени Парижской конференции, решение которой превратило Германию в европейское ничтожество, прошло всего четырнадцать лет.

Чем еще ознаменовался уходящий 1933 год? Восстанием левых сил в Испании. Волнением арабов в Палестине против растущей европейской эмиграции. Чисткой евреев из госаппарата в Германии. Рейхстаг предоставил Гитлеру диктаторские полномочия.

Наступил 1934 год. 4 января в «Правде» было опубликовано интервью Сталина корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» Дюранти, в котором он подчеркнул: проблема промышленности решена, проблему сельского хозяйства можно считать решенной. На очереди «развертывание товарооборота между городом и деревней и усиление всех видов транспорта, особенно железнодорожного».

«Развертывание товарооборота» означало постепенный отказ от репрессивных методов в отношении деревни.

Двадцать шестого января начался съезд партии. В этот день десять лет назад он выступал на траурном заседании и давал «клятву» умершему Ленину. Теперь наступило время отчета. Сталину было что показать в своем докладе: на фоне общемирового кризиса объем промышленной продукции СССР вырос по сравнению с 1913 годом почти в четыре раза (на 291 про-

цент), тогда как в Германии упал до 75,4 процента, а в США вырос всего на 10,2 процента. Указав на эти цифры, Сталин перешел к обзору международного положения: СССР укрепил отношения с Францией, Польшей, США; Япония отказалась подписать пакт о ненападении; германские фашисты, заявляя о своем национальном превосходстве, должны помнить судьбу Римской империи, которая развалилась. Сталин предвидел мировую войну. Заканчивая этот раздел, он пообещал агрессорам сокрушительный отпор, «чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород».

В разделе, посвященном итогам досрочно выполненной пятилетки, Сталин сообщил: «...СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличие отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны темной, неграмотной и некультурной он стал — вернее, становится — страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках наций СССР.

Созданы новые отрасли производства: станкостроение, автомобильная промышленность, тракторная промышленность, химическая промышленность, моторостроение, самолетостроение, комбайностроение, производство мощных турбин и генераторов, качественных сталей, ферросплавов, синтетического каучука, азота, искусственного волокна и т. д. и т. п. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Построены и пущены в ход за этот период тысячи новых вполне современных промышленных предприятий. Построены гиганты вроде Днепростроя, Магнитостроя, Кузнецкстроя, Челябстроя, Бобриков, Уралмашстроя, Краммашстроя. Реконструированы на базе новой техники тысячи старых предприятий. Построены новые предприятия и созданы очаги промышленности в национальных республиках и на окраинах СССР: в Белоруссии, на Украине, на Северном Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии, в Казахстане, в Бурят-Монголии, в Татарии, Башкирии, на Урале, в Восточной и Западной Сибири, на Дальнем Востоке и т. д. Создано свыше 200 тысяч колхозов и 5 тысяч совхозов с новыми районными центрами и промышленными пунктами для них»[260].

Это была его личная победа! Какой ценой она далась, теперь можно было не вспоминать. За четыре года СССР поднялся с колен. Говоря о деревне, Сталин не скрывал проблем. Главную

он видел в том, что поголовье скота оставалось значительно ниже, чем до войны. Доклад производил впечатление своей откровенностью и оптимизмом.

Думается, особенно понравилась делегатам мысль: на XV съезде велась борьба с антиленинскими группировками, на XVI — «добивали последних приверженцев антиленинских группировок», а на этом съезде «и доказывать нечего, да, пожалуй, — и бить некого. Все видят, что линия партии победила». Эти слова вызвали «гром аплодисментов».

Да, это был «съезд победителей». Они по праву могли так считать, гордясь достигнутым. Они построили социализм.

Впрочем, то, что делегаты услышали через несколько минут, не сулило передышки.

Вспомнил Сталин и Троцкого, «правых» и «левых». Затем пригрозил «партийным вельможам со старыми заслугами», а также «честным болтунам». Из этого можно было сделать выводы, что проблема кадров оставалась для него в числе главных и что кадровые чистки будут продолжаться.

После Сталина выступили Молотов и Куйбышев с докладами о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства. Планировалось к концу пятилетки увеличить объем промышленной продукции примерно в семь раз по сравнению с довоенным уровнем. Планировалось завершение (в основном) механизации сельского хозяйства. На новый качественный уровень должны были подняться транспорт и связь.

В дискуссии о темпах развития были приняты более умеренные цифры ежегодного прироста — 16 процентов, а не 19, предложенные Политбюро. Большинство, представляющее регионы, поправило Центр.

Чтобы подчеркнуть торжество достигнутых побед, на трибуну съезда были допущены бывшие оппозиционеры — Рыков, Томский, Каменев, Радек, Преображенский, Ломинадзе и другие. Они каялись в прошлых грехах и превозносили сталинский курс.

А потом за покаянием бывших соратников («вельмож») последовали выборы нового состава ЦК, где Сталина ждал сюрприз.

Согласно официальному подсчету бюллетеней он получил всего три голоса против, но на самом деле, как указывают некоторые источники, — 270 (по другим данным — 123—125). Всего делегатов с решающим голосом 1225.

Этот сюжет возник не случайно, ему предшествовали тайные консультации секретарей крупнейших краевых комитетов партии: И. М. Варейкиса (Центрально-Черноземная область), Б. П. Шеболдаева (Северо-Кавказский край), председателя

ЦИК Украины Г. И. Петровского, а также Орджоникидзе, Микояна, Орахелашвили.

О тайных консультациях этих делегатов есть свидетельство Хрущева, который говорил, что инициатором выступил Шеболдаев. Но так ли это было, трудно сказать. Кто бы ни был инициатором, почин должен был исходить от Орджоникидзе и Микояна как союзных руководителей.

Однако достоверных документов о консультациях не сохранилось, и все сторонники этой версии ссылаются на свидетельства людей, что-то «слышавших».

Поэтому мы исходим из логического посыла, что «заговорщики» были серьезными большевистскими руководителями, а не ангелами в белоснежных ризах с незапятнанными кровью биографиями. Они прекрасно знали, как функционирует система власти СССР и что демократическим путем Сталина сместить не удастся.

Если бы они этого не понимали, то потеряли бы свои должности еще раньше. Возможно, в кулуарных беседах старых соратников рассматривались разные варианты предстоящих выборов и назначений. С учетом очень теплого отношения Сталина к Кирову могла обсуждаться перспектива перевода Кирова в Москву на должность, допустим, председателя правительства. Эту должность занимал Молотов, с которым Орджоникидзе постоянно конфликтовал. А с Кировым у Орджоникидзе была давнишняя дружба.

После убийства Кирова и начавшихся вслед за этим репрессий возникла легенда о дерзких заговорщиках против диктатора. Да, они могли проголосовать против Сталина, но организовать сколько-нибудь масштабную акцию были не в состоянии.

Двести семьдесят голосов против (или еще меньше) Сталин получил как признанный лидер партии. Это означало, что подавляющее большинство его поддерживало. Если учесть, что 80 процентов делегатов вступило в партию до 1917 года и во время Гражданской войны, то Сталин получил поддержку «качественной» партэлиты. Но Молотов вспоминал, что Шеболдаев говорил Кирову о предложении некоторых членов ЦК выдвинуть его в генеральные секретари. Киров отказался и даже рассказал об этом Сталину. Значит, на выборах генсека уже членами ЦК Сталин рисковал если не проиграть, то получить неприлично много «черных шаров». И поэтому он отменяет выборы генсека. Теперь он просто один из четырех секретарей ЦК (к тому же и Ленин в «Политическом завещании» не хотел, чтобы Сталин занимал этот пост).

Десятого февраля на пленуме ЦК членами Политбюро были избраны Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров,

С. Косиор, Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, Сталин. Кандидатами в члены Политбюро — Микоян, Петровский, Постышев, Рудзутак, Чубарь. В Секретариат ЦК вошли А. А. Жданов, Каганович, Киров, Сталин. В Оргбюро были избраны Я. Б. Гамарник, Н. И. Ежов, Жданов, Каганович, Киров, А. В. Косарев, Куйбышев, Сталин, А. И. Стецкий, Н. М. Шверник, кандидатами — М. М. Каганович (брат Лазаря Михайловича), А. И. Криницкий.

Во всех трех руководящих органах партии были представлены только Сталин, Каганович, Киров. Особенно усилилось положение Кирова: ему было поручено руководить организационной работой партии и массовых организаций. Сталин явно планировал перевод его в Москву.

В состав нового ЦК не были избраны 29 человек из прежнего состава. Все они были связаны с оппозиционной группой А. П. Смирнова, которая хотела «убрать» Сталина.

Проведя «съезд победителей», Сталин имел все основания надеяться на дальнейшую стабилизацию. Это следовало из восстановления в партии бывших оппозиционеров Каменева, Зиновьева, Преображенского, Угланова. Бухарин был назначен главным редактором второй после «Правды» газеты страны — «Известий». Бухарин, а также Рыков и Томский были избраны кандидатами в члены ЦК.

Стала воплощаться в жизнь утвержденная съездом сбалансированная экономическая политика, согласно которой приоритетно развивались отрасли группы «Б», чтобы насытить рынок товарами. Силовые методы управления экономикой отодвигались в прошлое. Широко пропагандировались идеи хозрасчета, материальных стимулов, роста благополучия и культурного уровня граждан.

Следствием перемен в управлении экономикой было ослабление карательной политики. Например, применение одного из самых суровых законов от 7 августа 1932 года уменьшилось в несколько раз.

Стабилизировалась ситуация и в руководстве РККА. Потенциальный оппонент Ворошилова, Тухачевский, на XVII съезде наряду с Ворошиловым сделал доклад и был избран кандидатом в члены ЦК.

Подтверждалась мысль Кирова, высказанная на съезде: «Основные трудности уже остались позади». Сталин в докладе тоже прямо указывал, что период штурма закончился, началось «освоение» достигнутого.

Окончание «третьей революции» чувствовалось во многом. Весь карательный механизм был подвергнут реорганизации. Грозное ОГПУ отныне входило во вновь созданный Наркомат

внутренних дел, где стало называться Главным управлением государственной безопасности. Вместо умершего 10 мая 1934 года Менжинского главным руководителем всей силовой системы СССР стал Ягода. Первым заместителем — Я. С. Агранов, начальником Оперативного отдела, который ведал охраной высших лиц государства, — К. В. Паукер.

Реорганизация сопровождалась уменьшением карательных прав НКВД (выносить смертные приговоры) и усилением контроля со стороны прокуратуры.

Отметим, что ОГПУ, как и всю политико-административную систему страны, курировал П. П. Постышев, секретарь ЦК ВКП(б) с июля 1930-го по январь 1934 года. В январе 1933 года он был направлен вторым секретарем ЦК КП Украины с задачей «безусловно выполнить план хлебозаготовок».

Назначение Постышева, который отличался жестокостью и напористостью, привело к перемещению Г. М. Маленкова с должности заведующего агитационно-массовым отделом Московского комитета на должность заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК. Маленков, выдвиженец Кагановича, стал курировать и НКВД.

Кагановича перезагрузили: он оставил пост первого секретаря Московского комитета партии Хрущеву и возглавил Комиссию партийного контроля при ЦК и СНК СССР.

С этого момента началась большая карьера Хрущева и Маленкова.

Глава тридцать восьмая

Сталин отвергает Энгельса. Почему застрелился Скрыпник. Создание Союза писателей. Воспитание молодежи в духе патриотизма. Убийство Кирова. Смещение Ягоды

Если взглянуть на мир 1930-х годов — от прихода Гитлера к власти до июня 1941 года, — то движение к новой мировой войне воспринималось, как и в начале века, лишь угрозой, которую можно развеять тонкими дипломатическими методами.

Двадцать шестого января 1934 года Германия и Польша заключили договор, что явно было воспринято в Москве, с учетом неприкрытого антисоветизма Варшавы, как резкое возрастание угрозы нападения с Запада. Франция, которая еще со времен Клемансо вооружала и поддерживала Польшу в первую очередь против Германии, оказалась в затруднительном положении. То, что еще в ноябре 1932 года ею был заключен договор с СССР о ненападении, было слабым утешением, так как

польско-германский пакт фактически блокировал возможную помощь со стороны СССР, не имеющего общей границы с Германией.

В феврале 1934 года СССР установил дипломатические отношения с Венгрией, в июле — с Румынией и Чехословакией, странами, входящими в профранцузскую Малую Антанту. В июле — с Болгарией, в сентябре — с Албанией. В сентябре СССР был принят в Лигу Наций и сразу стал постоянным членом ее Совета, что свидетельствовало о возвращении Советскому государству статуса великой державы.

Советское руководство поддержало предложения министра иностранных дел Франции Луи Барту о многостороннем договоре, предусматривающем взаимное ненападение всех государств Восточной Европы, включая Францию и СССР, а также о заключении договора о взаимоотношении между Францией и СССР. Подписание этих договоров создавало бы основу нового европейского порядка, но вряд ли устроило бы Германию.

Девятого октября 1934 года Луи Барту и югославский король Александр I были убиты в Марселе в результате операции германской разведки под кодовым названием «Тевтонский меч». Чуть раньше, 29 декабря 1933 года, застрелен в Бухаресте премьер-министр Ион Дука, проводивший антигерманскую политику. В июле 1934 года в Австрии австрийские нацисты, сторонники Гитлера, предприняли попытку переворота, проитальянски настроенный канцлер Энгельберт Дольфус был убит.

Это еще не война, а передвижения фигур на шахматной доске. В Европе все явственнее ощущался кисловатый запах пороха.

Сталин ни на минуту не упускал из вида все, что происходит в мире, и постоянно держал в уме «фактор Троцкого». Он понимал, что агрессия против СССР в любой момент может быть поддержана изнутри.

В августе произошли два события: одно — громкое и помпезное — съезд писателей, и второе — малозаметное, но более важное — Сталин запретил публикацию статьи Фридриха Энгельса «О внешней политике царизма» в журнале «Большевик».

Энгельс, соратник Маркса, один из богов марксистской идеологии, вдруг стал если не врагом, то оппонентом нашего героя! Фокус был в том, что основоположник научного коммунизма был европейцем, и его взгляд на царскую Россию в 1890 году отличался неприятием ее внешней политики. Царская дипломатия, по словам Энгельса, неуклонно расширяла территорию империи, «не останавливаясь ни перед веролом-

ством, ни перед предательством, ни перед убийством из-за угла, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через миллионы солдатских трупов...».

Сталин уловил современное звучание статьи и был против ее появления в главном теоретическом журнале партии, видя в публикации «важнейшее практическое значение» (чего, кстати, не увидела или не захотела увидеть редакция журнала, в которой членом редколлегии был не кто иной, как сам Зиновьев).

Сталин выразил свое мнение в письме 19 июня 1934 года членам Политбюро и директору Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) Адоратскому. Он вытащил на свет главное звено энгельсовских рассуждений: в перспективе надвигающейся европейской войны основоположник прямо говорил: «Победа Германии есть, стало быть, победа революции»; «Если Россия начнет войну, — вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!»

Сталин объясняет, что Энгельс, встревоженный намечавшимся в 1890—1891 годах франко-русским союзом против австро-германской коалиции, задался целью дискредитировать внешнюю политику России того времени.

Аналогия с тем, что происходило в Европе в 1934 году, была полнейшая. Сталин сразу понял, что под этим углом зрения и будет читаться статья. Но он не сказал об аналогии ни слова. Наоборот, словно желая затемнить ее, он объяснил причину своего возражения. Оказывается, позиция Энгельса не оставляет места революционному «пораженчеству» Ленина. Другими словами, Энгельс выглядит патриотом, а Ленин и большевики — предателями.

Для руководителя государства, отказавшегося от общемировой революционной догматики и строившего социализм в советском отечестве, можно было бы и не вспоминать о ленинской тактике борьбы. Но Сталин вспомнил.

Почему? Скорее всего, он считал возможным повторить этот прием в гитлеровской Германии, где коммунисты сохраняли некоторые позиции.

В итоге «Большевик» не напечатал статьи. Однако неожиданно напечатал редакционный материал, в котором комментировалось одно письмо Энгельса, и взгляды Энгельса на грядущую войну преподносились так, будто тот стоит «целиком на пораженческой позиции».

Прочитав статью, Сталин был ошеломлен. Он только что объяснял теоретикам, кто такой Энгельс, а они самым идиотским (или зловредным) способом отреагировали на его возражение.

На сей раз Сталин был решителен и назвал позицию редакции «троцкистско-меньшевистской», «гнилой, антимарксистской», отвергающей новаторский опыт Ленина.

Оказалось, автором материала был Зиновьев. Но Сталин не стал педалировать это, а потребовал смены ответственного редактора Кнорина. Кнорина понизили до рядового члена редколлегии, Зиновьева из редколлегии вывели, ответственным секретарем назначили бывшего «бухаринца», заведующего отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А. И. Стецкого.

Казалось бы, конфликт разрешен. Но остался вопрос с Энгельсом. «Большевик» предложил новую редакционную статью, введя в нее взгляды Сталина по поводу работы классика. Сталину это не понравилось, он посчитал «неразумным» сопоставление Энгельс — Сталин. Сначала он попытался править статью, потом бросил. Он попал в идеологическую ловушку: нельзя «охаивать» Энгельса, нельзя «умалять» роль Ленина, нельзя разоружать коминтерновцев в Германии и нельзя унижать Россию (пусть и царскую). Поэтому никакой редакционной статьи не появилось. Пришлось наступить на горло теории во имя государственных интересов.

В этом эпизоде Сталин еще раз убедился, что возглавляемому им государству не совсем подходят идеологические рамки марксизма.

Говоря «еще раз», мы имеем в виду и непрекращающуюся борьбу центра с национальной элитой. Его особенно тревожили поведение руководителей Украины и постоянные попытки украинской интеллигенции защититься, как они говорили, от «русификации». Сталин не имел ничего против «культурной автономии» и отбирал у регионов их права, считая естественным усиление централизации власти.

Республиканские правительства должны были выступать в роли менеджеров Москвы, а не самостоятельных политиков. Именно здесь, в борьбе за власть, пролегала главная линия конфликта. У республик отпали самостоятельные силовые органы (еще в 1930 году были расформированы республиканские комиссариаты внутренних дел, в 1933 году вновь созданной Прокуратуре СССР подчинили республиканские прокуратуры; то же касалось и органов экономического управления). Сталинская практика все заметнее перестраивала «ленинскую национальную политику», завершая давний спор Сталина и Ленина о принципах создания СССР. Тех, кто препятствовал этому процессу, ждала печальная судьба: они попадали под несущийся поезд государственной необходимости.

Так, 8 июля 1933 года в собственном кабинете застрелился председатель Госплана и заместитель председателя Совнаркома Украины, член Политбюро ЦК КП Украины Николай Скрыпник. Он был заслуженным партийным деятелем, делегатом III съезда РСДРП (Лондон, 1905), во время Октябрьской революции являлся членом Военно-революционного комитета.

В июле 1927 года Всеукраинский Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров УССР выпустили постановление: «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры». Целью документа являлось проведение дальнейшей украинизации бывшей Малороссии, вытеснение с ее территории русского языка. Право оставаться русскоязычными в УССР сохраняли только выходцы из Великороссии. Коренное население республики объявлялось самостоятельной украинской нацией и обязывалось перейти на украинский язык, на котором отныне разрешалось вести научную и педагогическую деятельность, судопроизводство, делопроизводство (исключения допускались лишь в заведениях, специально предназначенных для обслуживания национальных меньшинств). Во всех центральных учреждениях организовывались ведомственные комиссии, задачей которых являлась «выработка мер к полной украинизации» соответствующих государственных структур. Сотрудники всех государственных учреждений и организаций, замеченные в «отрицательном отношении к украинизации», согласно постановлению увольнялись в административном порядке, «без выдачи выходного пособия и без предупреждения». В отдельном пункте указывалось, что за несоблюдение положений данного постановления «виновные подлежат уголовной ответственности».

Именно Скрыпник активно проводил политику «украинизации». При нем свыше 80 процентов общеобразовательных школ и 30 процентов вузов стали украиноязычными, что вызвало недовольство в промышленных районах республики и крупных городах, традиционно ориентированных на русский язык и русскую культуру. Разрыв в количестве украиноязычных школ и вузов (80 и 30 процентов) иллюстрирует эту коллизию: вузовская традиция была русской. В 1928 году Скрыпник утвердил проект государственной комиссии о новом украинском правописании. В числе предложений был и перевод украинского языка на латинский алфавит (эта идея, напомним, будоражила умы и в Москве, но была отвергнута Сталиным). Скрыпник отказался от латинизации, зато утвердил новое правописание, которое отдаляло украинский от русского языка (транслитерация осуществлялась способом, более приближенным к западноевропейским языкам). Это был не первый заме-

ченный Сталиным шаг в сторону от государственного единства. Еще раньше Скрыпник резко возражал против укрепления бюджетного централизма.

В итоге присланный в начале 1933 года на Украину Постышев начал против Скрыпника кампанию критики, сместил его с должности наркома просвещения и заставил каяться в «национал-уклонизме».

Говоря на XVII съезде о национальном вопросе, Сталин вспомнил и своего сослуживца по Юго-Западному фронту: «Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине не есть исключение, такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей и в других национальных республиках».

И объяснил, что «украинский национализм сомкнулся с интервенционистами». Это был явный намек на Польшу и, что было менее явным, — на политику кайзеровской Германии по отделению Украины и на восточные планы Гитлера.

Все это — вопросы языкознания и культуры, геополитика, централизация, подготовка населения к войне и еще многое другое — образовывало панораму интеллектуальной деятельности нашего героя. За глаза окружающие звали его Хозяином. Когда это слово произносилось при нем, он раздражался: «Какой я хозяин? Я не среднеазиатский бай!»

Именно в 1930-х годах Сталин стал ощущать себя русским, о чем говорил в такой форме: «Я русский человек грузинской национальности». Такое же двуединое содержание он требовал и от других: сперва русское государство, культура, язык, а потом и ваши личные привязанности и особенности.

Светлана Аллилуева еще в детстве отметила его отношение к России: «Отец полюбил Россию очень сильно и глубоко, на всю жизнь. Я не знаю ни одного грузина, который настолько бы забыл свои национальные черты, и настолько сильно полюбил бы все русское. Еще в Сибири отец полюбил Россию по-настоящему: и людей, и язык, и природу. Он вспоминал всегда о годах ссылки, как будто это были сплошь рыбная ловля, охота, прогулки по тайге. У него навсегда сохранилась эта любовь»[261].

Взгляд Сталина на русский народ отличался и от взгляда Горького, который этот народ, точнее крестьянство, очень не любил. Эта особенность вдруг выскочила наружу в августе 1934 года накануне съезда писателей. Так, Горький писал в одной из статей, что «на фабрики, заводы, в города идет старинка, замордованная, все еще дикая деревня», тогда как Сталин относился вообще к русской деревне и к деревне коллективизации гораздо теплее и оптимистичнее.

Создание Союза писателей явилось революционным событием в культурной жизни. В специальную комиссию Политбюро по подготовке съезда входили Сталин, Каганович, Постышев, Стецкий, Гронский. Сталин не захотел никому поручать ее руководство.

Съезд писателей был организован не для Горького, хотя старика всячески ублажали, а для другой цели. «Именно он оформляет и укрепляет интеллигенцию народов СССР под флагом советов, под флагом социализма. Это очень важно для нас» (Сталин — Кагановичу. 25 августа 1934 года).

Некоторые делегаты пытались затеять склоку в рапповском духе, но недавно избранный секретарем ЦК партии А. А. Жданов (бывший секретарь Нижегородского крайкома, выдвиженец Кирова) быстро угомонил творцов, пригрозив собранной в чрезвычайном порядке группе писателей-коммунистов ответственностью перед ЦК. По прямому указанию Сталина в повестку был включен доклад о связях национальных литератур с русской литературой. О серьезности этой темы свидетельствует следующий эпизод. Еще до отъезда в отпуск Сталин встречался с грузинским писателем М. Торошелидзе для ознакомления с основными положениями его доклада. Узнав, что грузинская литература фактически родилась после Октябрьской революции, не без сарказма заметил: «Передайте грузинским писателям от моего имени, что если они не могут создать нечто подобное тому, что создали наши предшественники в области культуры и литературы, пусть хоть окажутся в состоянии показать это наследие».

Сразу после съезда начался усиленный культурный обмен: широко издавались произведения национальных писателей в переводах на русский, а русских — в переводах на языки народов СССР. Сталин противопоставил идее обособления культур (вспомним Скрыпника) практические шаги по материальной поддержке писателей и переводчиков и по знакомству широкой публики с достижениями литературы.

«Дружба народов» была составной частью как этого воспитания, так и всей государственной политики.

Получив от Кагановича предварительный список правления Союза писателей, куда были включены почти все известные литераторы России и республик, Сталин предложил ввести в руководство Союза Бориса Пильняка (автор «Повести непогашенной луны», о смерти Фрунзе), а также представителей Дагестана и Республики немцев Поволжья. При этом он был против кандидатуры Авербаха, верность которого не вызывала сомнений, но время которого закончилось.

О писателе-немце Сталин вспомнил не случайно. Он не

указал фамилии, так как явно не знал ее. Ему было важно другое: показать интеллигенции Германии, что о немцах заботятся в Советской стране. Как искусный шахматист, он создавал и накапливал преимущества, незаметные большинству.

В президиум правления Союза советских писателей Сталин рекомендовал ввести Каменева, который после покаяния занимал пост директора издательства «Academia» и директора Института литературы им. А. М. Горького.

На съезде завязалось много сюжетных узлов, некоторые из них вскоре были развязаны Сталиным, а некоторые не были им замечены. В докладе Бухарина отчетливо прозвучало требование к литераторам: переходить к реализму, период формалистических поисков и гиперболизма заканчивается. Бухарин выступал как политик, а не как главный редактор «Известий». Это понимали все. Он отвергал, например, Маяковского («горлана революции») и выдвигал на первое место Бориса Пастернака. Горький поддержал Бухарина, в частности, и в отношении Маяковского.

Вскоре Сталин именно Маяковского назовет «главным» поэтом СССР, подняв на щит идею служения Советскому государству. «Вы ошибаетесь, товарищи! — как бы сказал он Бухарину и Горькому. — Ваши литературные оценки — это не тот уровень обсуждения».

Да, революция окончилась, и ее певец обратился в пепел. Но Сталин вдохнул новую жизнь в его образ: ему требовался не классичный Пастернак, а зовущий на штурм Маяковский, певший «как весну человечества» модернизируемое Отечество.

Пастернак достаточно точно назвал Сталина «дохристианским вождем». Это означало, надо полагать, что он признавал за ним все качества лидера, волю, стратегическое мышление, умение достигать цели, — словом, все достоинства, кроме понимания греха и веры в спасение.

Подобные Союзу писателей структуры были созданы и в других сферах искусства (союзы художников, композиторов, кинематографистов). Членам творческих союзов предоставлялись льготы, в частности, их приравняли к научным работникам и разрешили иметь дополнительную жилплощадь до двадцати квадратных метров.

Власти понимали, что полностью контролировать творческий процесс в стране невозможно, и, выделив значительные средства творческим союзам, предоставили им самоуправление, которое выражалось в чередовании поощрений и санкций. Так, в рамках этой политики получил квартиру и Михаил Булгаков, о чем он записал в дневнике: «Замечательный дом, клянусь! Писатели живут и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и сбоку».

Объединив творцов, Сталин словно заключил с некоторыми из них пакт о ненападении. Писатель стал уважаемым и знаменитым человеком, его положение было выше положения чиновника или офицера, ведь «инженер человеческих душ» — это что-то вроде политкомиссара или священника.

Но в замиренном писательском сообществе, конечно, не прекращались конфликты отдельных писателей с властью. Так, в мае 1934 года был арестован поэт Осип Мандельштам, принадлежавший к санкт-петербургскому социокультурному ядру и оценивавший современное положение как страшную трагедию русского народа. В одном его стихотворении 1933 года «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...» есть такие строки:

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины, Кубани...

«Страшными тенями» были не только голодающие крестьяне, но и Молотов и Каганович, возглавлявшие там комиссии по хлебозаготовкам.

В ноябре 1933 года Мандельштам написал стихи, направленные прямо против Сталина:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются глазища
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,

Как подкову, дарит за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.

Во время допроса поэт сказал следователю, что считает стихотворение «документом восприятия и отношения определенной социальной группы, а именно старой интеллигенции, считавшей себя носительницей и передатчицей в наше время ценностей прежних культур».

В первом варианте стихотворения четвертая строка звучала иначе: «только слышно кремлевского горца — душегубца и мужикоборца».

В конце мая поэт получил мягкий приговор: трехлетняя ссылка в город Чердынь Свердловской области. 10 июня дело было пересмотрено: вмешался Сталин. Чердынь была заменена на любой другой город (кроме столиц и еще десяти городов), который Мандельштам должен был выбрать сам. Он выбрал Воронеж.

Сталину о поэте сообщил письмом Бухарин: «Моя оценка О. Мандельштама: он — первоклассный поэт, но абсолютно несовременен; он — безусловно не совсем нормален; он чувствует себя затравленным и т. д.

...Борис Пастернак в полном умопомрачении от ареста Мандельштама...»

На письме Бухарина Сталин написал резолюцию: «Кто дал право арестовывать Мандельштама? Безобразие...»[262]

После этого 13 июня Сталин позвонил Пастернаку и сообщил, что дело Мандельштама пересматривается и все будет хорошо.

В этом разговоре произошел конфликт. Сталин упрекнул Пастернака в том, что тот недостаточно хлопотал об арестованном, и заметил: «Я бы на стену лез, если бы узнал, что мой друг арестован». На следующий вопрос Сталина: «Но ведь он ваш друг?» — Пастернак, который в то время невысоко оценивал творчество коллеги, начал рассуждать о ревнивом отношении («как у женщин») поэтов друг к другу. Очевидно, Сталин почувствовал фальшь положения: разговор идет о судьбе человека, а Пастернак начинает отвлеченно философствовать. «Но ведь он же мастер? Мастер?» — спросил Сталин, возвращая собеседника к сути разговора. И тут Пастернака совсем занесло: «Да не в этом дело. Да что мы все о Мандельштаме да о Мандельштаме. Я давно хотел с вами встретиться и поговорить серьезно». «О чем?» — удивился Сталин, разговаривавший как раз очень серьезно. «О жизни и смерти», — ответил Пастернак. Сталин просто положил трубку.

Этот разговор известен в передаче самого Пастернака, который чувствовал, что не использовал шанса. Впрочем, в октябре 1935 года, когда к нему обратилась за помощью Анна Ахматова, у которой арестовали мужа Николая Пунина и сына Льва Гумилева, без промедления написал письмо Сталину, и через два дня они были освобождены.

Но многие писатели, такие, как «красный граф» Алексей Толстой, правильно поняли партийные указания и активно сотрудничали с властью, которая все больше заботилась об укреплении государства. Так, например, Юрий Тынянов, по свидетельству К. Чуковского, называл Сталина «величайшим из гениев, перестраивавших мир»: «Если бы он, кроме колхозов, ничего не сделал, он и тогда был бы достоин называться гени-

альнейшим человеком эпохи»[263]. Сам же Корней Чуковский отмечал: «Колхоз — это единственное спасение России, единственное разрешение крестьянского вопроса в стране! Через десять лет вся тысячелетняя крестьянская Русь будет совершенно иной, переродится магически...»

А Исаак Бабель с февраля по апрель 1930 года лично принимал участие в коллективизации крестьян в Бориспольском районе Киевской области и, вернувшись, рассказывал своему другу поэту Багрицкому: «Поверите ли, Эдуард Георгиевич, я теперь научился спокойно смотреть на то, как расстреливают людей...» Бабель несколько лет работал над произведением о чекистах, называл их «просто святые люди»[264].

Словом, литературный мир СССР представлял собой пеструю картину, которую невозможно было привести к общему знаменателю. Тем не менее в руках государства были почти все рычаги для постоянного воздействия на него.

Летом 1934 года, кроме съезда писателей и «отвержения» статьи Энгельса, произошли еще два события, имевших большое значение: Сталин встретился с приехавшим в СССР английским писателем Гербертом Уэллсом и обсудил вместе с Кировым и Ждановым вопрос, как преподавать историю в школах и вузах.

Двадцать третьего июля наш герой принял англичанина в Кремле. Особый фон встрече придавало то обстоятельство, что Уэллс в 1920 году был в Москве, встречался с Лениным и написал книгу «Россия во мгле».

Уэллс признался Сталину: «Во всем мире имеются только две личности, к мнению, каждому слову которых прислушиваются миллионы: вы и Рузвельт... Я видел уже счастливые лица здоровых людей, и я знаю, что у вас делается нечто очень значительное. Контраст по сравнению с 1920 годом поразительный».

Накануне встречи писатель побывал в Америке и увидел там «глубокую реорганизацию, создание планового, то есть социалистического хозяйства».

Сталин доказывал гостю, что социализм невозможен при сохранении частной собственности. Возник спор. Уэллс сказал, что, «с точки зрения конструктивно мыслящих людей, коммунистическая пропаганда на Западе представляется помехой». Сталин не согласился и привел в пример события в Германии: «Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия. Что вы будете делать с фашистами? Уговаривать их? Убеждать их? Но ведь это на них никак не подействует. Коммунисты вовсе не идеализируют метод насилия.

Но они, коммунисты, не хотят оказаться застигнутыми врасплох... Коммунисты говорят рабочему классу: готовьтесь ответить силой на силу...»[265]

Эта беседа затрагивала принципиальные вопросы, которые волновали Сталина.

Во-первых, террор. Он привел Уэллсу примеры из истории Англии (Кромвель), Франции (Великая французская революция), России (Октябрь) и подчеркнул: «Добровольно ни один класс не уступал дорогу другому классу».

Во-вторых, интеллигенция. «Разве мало было образованных людей на стороне старого порядка и в XVII веке в Англии, и в конце XVIII века во Франции, и в эпоху Октябрьской революции?»

Было видно, что он озабочен проблемой лояльности интеллигенции («Интеллигенты бывают разные»).

Прочитав запись беседы, Сталин распорядился ее опубликовать: интеллектуальный и теоретический уровень нашего героя был в ней очевиден.

Простившись с англичанином, он продолжал размышлять об интеллигенции, явно испытывая неудовлетворенность от взаимоотношений партии с образованным обществом. В итоге Сталин пришел к выводу о необходимости внести глубокие изменения в процесс образования молодежи.

В начале августа 1934 года, находясь в Сочи, он обсуждал эту проблему вместе с Кировым и Ждановым. Впоследствии результаты обсуждения увидели свет в журнале «Большевик» — «Замечания по поводу конспекта по "Истории СССР"» и «Замечания о конспекте учебника "Новой истории"». Судя по этим текстам, речь идет о сугубо марксистской трактовке истории («царизм — тюрьма народов», борьба классов и т. д.), однако при более внимательном прочтении видно, что главной задачей Сталин считал укрепление СССР как единого многонационального государства.

При разговорах в Сочи присутствовал еще один человек, пятнадцатилетний Юрий Жданов. (Он станет мужем Светланы Сталиной.)

«Много говорилось о Покровском и покровщине», — вспоминает Ю. А. Жданов.

М. П. Покровский был величественной и жутковатой фигурой раннего периода советской власти. Редактор книги Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», председатель Моссовета в ноябре 1917-го — июне 1918 года, с мая 1918-го до смерти в 1932 году — заместитель наркома просвещения, академик АН СССР. В 1920 году выпустил брошюру «Русская история в самом сжатом очерке», представляющую историю империи как цепь преступлений против трудящихся.

Брошюра была высоко оценена Лениным, так как отвечала духу Гражданской войны. Покровский руководил организацией школьных и вузовских курсов истории, был бессменным ректором Коммунистической академии. Фактически Покровский фальсифицировал историю в угоду политике.

Назвав эту тенденцию «покровщиной», Сталин дал ей убийственную оценку. Времена менялись, потребовалась другая история.

Смеясь над периодизацией истории Покровского, Сталин во время обеда под общий хохот произнес: «История делится на три периода: матриархат, патриархат и секретариат».

Юрий Жданов запомнил важные подробности: «...Сталин отмечал культурную роль монастырей: "Они несли людям грамотность, книгу". Переходя к другим временам, вождь заметил, что после периода смут и неурядиц крепкую власть удалось установить Петру: "Крут он был, но народ любит, когда им хорошо управляют"»[266].

По-видимому, Сталин много думал о природе власти в России, учитывая особенности ее сурового климата, многонациональность и безгосударственные тенденции в самом государствообразующем русском народе. Косвенное отражение этих размышлений в ироническом виде услышал и Юрий:

«Обращаясь к революционным годам, Сталин вспомнил о первом съезде горских народов Кавказа. По составу он был невероятно пестрым. Наряду с большевиками, там были меньшевики, эсеры, анархисты, национал-демократы. Немало было и религиозных деятелей.

Страсти бушевали, шли дебаты по проблемам государственного устройства, хозяйственных отношений. Стоял великий шум и гвалт. Но вот взял слово мулла, речь его была краткой: "Сациал-мациал, меньшевук-балшевук... Наш народ цар хочет. Цар будет — порядок будет"»[267].

Затем Сталин от истории обратился к политике и сказал, что в Германии идет усиленная подготовка молодежи к войне. Было понятно, какие выводы должны были последовать.

С сентября 1934 года в Московском и Ленинградском университетах открылись исторические факультеты, началась подготовка преподавателей истории.

Восемнадцатого июня 1935 года Сталин употребил неожиданное для большевиков выражение «Мать-Родина»: «Не сомневаюсь, что бойцы, командиры и политработники дивизии с честью выполнят свой долг, когда этого потребуют интересы защиты нашей Матери-Родины от нападения врагов». (Приветствие Особой кавалерийской Краснознаменной дивизии имени Сталина.)

Девятнадцатого ноября 1934 года Иностранный отдел (ИНО) ГУГБ НКВД направил Сталину своеобразную рецензию на его внутреннюю политику — перехваченное письмо посла У. Буллита в Государственный департамент США: «Экономическое положение Советского Союза фактически не изменилось. Донесения о свирепствующем здесь голоде сильно преувеличены, но вместе с тем нельзя отрицать, что имеются обширные территории, где урожай был плохим и где будет ощущаться недостаток продуктов питания... но хорошо организованная система распределения спасет положение...

Можно сказать, что голод среди населения при нормальных условиях является уже делом прошлого...

Пройдут еще десятилетия, прежде чем Советы добьются продуктивности нашей промышленности... Советский Союз хочет мировой революции лишь в тех случаях, когда это может оказаться выгодным для русских интересов. Он уже давно перестал проводить работу, отвечающую нуждам мирового пролетариата»[268].

В принципе Буллит не сказал Сталину ничего нового. Посол еще указывал, что выпуск промышленной продукции растет медленнее, чем даже минимальные задания пятилетки. И это тоже было правдой.

Из других перехватов Сталину раскрывалась обстановка в Европе. Так, французский посол в Германии сообщал об изощренной тактике Гитлера: тот стремился путем различных обещаний настроить европейские страны друг против друга, «используя это положение для себя лично». Объявив о переговорах с Францией, Германия оказывала давление на Италию, СССР и Малую Антанту (Югославию, Румынию, Чехословакию).

Возможно, здесь надо искать истоки глобального недоверия Сталина к информации о действиях европейских государств.

Советский агент, сообщивший о планах западных держав, делал главный вывод: «Возможность интервенции против СССР никогда не вырисовывалась в столь реальном виде, как в настоящее время». Сталин подчеркнул эти слова карандашом[269].

Интервенция! Вот что постоянно грызло его. Достаточно небольшого кризиса, неважно какого, обширной агрессии, пограничного конфликта или внутренней смуты, как неустойчивое равновесие могло быть разрушено.

Первого декабря 1934 года по безопасности СССР и лично по Сталину был нанесен удар, который наш герой воспринял как начало катастрофы. В 16 часов 37 минут в Ленинграде в Смольном был убит Киров.

Буквально накануне убийства Кирова в обзоре иностранной печати, рассылаемом высшему руководству, цитировалась статья «Красная Россия становится розовой» в американской газете «Балтимор сан» от 18 ноября 1934 года. В ней говорилось о применении экономических стимулов в управлении колхозами и заводами, об отмене уравниловки и партмаксимума, увеличении в розничной торговле различных товаров, даже таких, которые еще недавно считались признаком «буржуазного разложения» (например, прозрачные чулки из искусственного шелка), появлении в ресторанах джаз-оркестров, распространении тенниса (тоже «буржуазного» спорта). Но кроме внешних примет в общей атмосфере появилось ощущение, что самое страшное уже позади.

Не следует думать, что пришел социальный мир, но уже намечалось успокоение на фоне все более рационального управления экономикой и экономического роста. Широкая публика, конечно, не имела представления о том, что ходит по тонкому слою затвердевшей вулканической лавы, под которой еще бушует подземный огонь.

Сталин же знал, что огонь не погашен и готов вырваться на поверхность в самом неожиданном месте. Ему было известно, что белая эмиграция (РОВС) по-прежнему планирует его убийство, что один из вариантов покушения предусматривает предварительное убийство Кирова, а после приезда советских руководителей в Ленинград — и убийство Сталина. Кроме того, и внутри страны оппозиция не сняла с повестки дня вопрос об устранении вождя. Так, Сталину было известно, что начальник строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМ), активный сторонник Троцкого С. В. Мрачковский осенью 1934 года в узком кругу говорил об этом[270]. Мрачковский был серьезный человек. Во время председательства Троцкого в РВС он командовал Приволжским военным округом.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что сообщение об убийстве Кирова, самого близкого человека, Сталин воспринимал как начало осуществления одного из планов покушения на него лично.

Вообще в 1930-х годах жизнь мировых лидеров висела на волоске: состоялось покушение на японского премьера (ноябрь 1930 года) Хамагути, были убиты французский президент и японский премьер (май 1931 года). На президента США было совершено покушение (март 1933 года), убиты президент Перу (апрель 1933 года), глава Афганистана Надир-шах (ноябрь 1933 года), румынский премьер (декабрь 1933 года), министр иностранных дел Польши (июнь 1934 года), канцлер Австрии (июль 1934 года), король Югославии и министр иностранных дел Франции (октябрь 1934 года).

Поэтому выстрел одиночки Леонида Николаева, жена которого Мильда Драуле, рыжеволосая латышка, была любовницей Кирова, потряс Сталина. Безусловно, он знал, что его друг и соратник был неравнодушен к красивым женщинам, особенно к балеринам Мариинского театра. Но Сталин не верил в мотив личной мести, потому что реальность, в которой он жил, практически не позволяла какому-то одиночке добраться до руководителя Ленинградской партийной организации и члена Политбюро, это можно было сделать только в результате заговора.

Все последующие действия Сталина убеждают, что он сразу принял версию заговора оппозиции. Он должен был рассуждать примерно так: «Только что на партийном съезде я их простил, дал им хорошие должности, восстановил в партии. А они подло меня обманули!»

Не случайно Бухарин, как только узнал об убийстве в Смольном, понял, что ждет всех бывших оппозиционеров. По свидетельству писателя Ильи Эренбурга, Николай Иванович изменился в лице и произнес: «Вы понимаете, что это значит? Теперь он с нами может сделать все, что захочет. — И через минуту добавил: — И будет прав».

Бухарин тоже не допускал мысли, что в Кирова стрелял одиночка. Какой может быть одиночка, когда легко найти несколько сотен отчаянных людей, ненавидевших Сталина и входивших в партийные верхи?

Это заговор. Только заговор! И кто стоит в его центре? Троцкий!

Характерно, что Троцкий, вскоре узнавший, что его называют организатором убийства, тотчас выдвинул контрверсию: это сам Сталин устранил своего соперника. (Неубедительность этого утверждения была очевидной для современников, только что наблюдавших братское отношение вождя к Кирову и продвижение его в Политбюро, Секретариат и Оргбюро. Тем не менее, когда после смерти Сталина его преемнику Хрущеву понадобилось откреститься от жестоких репрессий, чтобы выпрыгнуть из того времени, он использовал версию Троцкого.)

И еще одно воспоминание, об убийстве председателя Совета министров Российской империи Петра Столыпина, должно было прийти в голову Сталина. В заявлении фракции РСДРП в Государственной думе в октябре 1911 года по этому поводу говорилось, что Столыпин «погиб от рук охранника, при содействии высших чинов охраны». Несмотря на то что убийца Столыпина Богров был одиночка, водивший за нос полицию и охранное отделение, общественное мнение сделало козлом отпущения сам режим и его защитников.

Связать оба убийства было просто: противников у Кирова внутри политической элиты тоже было достаточно, охрана тоже удивительно легко пропустила Николаева. Отсюда вытекала мысль не только о заговоре, но и об участии в нем НКВД.

Вернемся к главным действующим лицам драмы 1 декабря. В этот день Киров не планировал быть в Смольном. Он в своей пятикомнатной квартире, где находилась обширная библиотека в 20 тысяч книг, готовился к докладу о результатах пленума ЦК партии, на котором было принято решение об отмене карточек на хлеб и крупы. Доклад он должен был делать в Таврическом дворце в 18 часов. Примерно в 15 часов 30 минут Киров звонил в Смольный второму секретарю обкома М. С. Чудову, у которого в то время проходило совещание по поводу предстоящей отмены продовольственных карточек, и сказал, что в Смольный не приедет.

Поэтому непонятно, что его заставило вдруг появиться в здании обкома?

Он не воспользовался специальным подъездом и, как обычно, входил через главный, как все. Его должен был сопровождать охранник, 53-летний оперативный комиссар ОГПУ Борисов, но Киров часто просил охранника идти поодаль, а то и вообще его не сопровождать.

Уже сильно стемнело, в пустых коридорах горел свет. Киров направлялся в свой кабинет на третьем этаже. За ним примерно в двенадцати метрах шел Борисов. На лестничной площадке третьего этажа, где находился пост охраны, Борисов остался. Что могло угрожать Кирову? Ничего.

Тем временем Николаев вышел из туалета на том же третьем этаже и увидел Кирова. Он повернулся к нему спиной, подождал, пока тот пройдет, а затем двинулся за ним. Так они дошли до конца коридора, ведущего к кабинету Кирова.

Николаев вытащил из кармана пальто револьвер и выстрелил в затылок Кирова почти в упор. Киров рухнул на пол вперед лицом. Он умер сразу. Тотчас из ближайших дверей вылетел мужчина в военной форме. Увидев его, Николаев выстрелил в себя, но то ли поторопился, то ли в последний миг испугался, но пуля прошла мимо. Он упал в обморок рядом с убитым.

Дальше, понятно, началась суматоха, прибежал Борисов, появились врачи. Выяснилось, что Николаев жив. Его увезли на Литейный проспект, в здание НКВД.

А через восемь минут следователь НКВД Лазарь Каган начал допрос Мильды Драуле, инспектора управления по кадрам Управления уполномоченного Наркомата тяжелой промышленности.

Откуда она вдруг выскочила, эта Мильда Драуле, если от Управления уполномоченного, где она должна была находиться в ту минуту, до Смольного было немалое расстояние? Очевидно, она находилась где-то рядом в Смольном и именно к ней на свидание приехал Киров, изменив свои планы. Возникает вопрос: почему, еще не допросив обморочного Николаева, начинают допрос его жены? Где ее откопали? Ответ только один: все знали об отношениях Драуле и Кирова.

Кто же она? Жена безработного Николаева, мать двоих детей, член партии с 1919 года, работала в райкоме партии в Луге, переехала вместе с мужем в Ленинград, работала чернорабочей на заводе «Прогресс». В 1930 году неожиданно стала техническим сотрудником Ленинградского обкома, где и познакомилась с Кировым, в результате чего начались пересуды об амурной истории. В 1933 году перешла в Управление уполномоченного НКТМ, где ее социальный статус резко повысился (зарплата 275 рублей — как у инженера, квартира, санаторное лечение).

Допрос длился 2 часа 45 минут, но протокол состоит из полутора страниц машинописного текста. Какие ее показания не были включены в протокол? Можно сказать, что из протоколов убрали все сведения, касавшиеся личных отношений Кирова с Драуле. Более того, тех ленинградцев, которые говорили о ревности Николаева как о мотиве убийства, арестовывали и судили как контрреволюционеров. Поэтому Мильда Драуле после первого же допроса была обречена. Она, ее сестра Ольга и муж Ольги были расстреляны 10 марта 1935 года.

Однако вернемся к Сталину. После первых минут растерянности секретарь обкома Чудов позвонил в Москву Кагановичу и сообщил о случившемся.

Через несколько минут Чудову перезвонил Сталин. Потом Сталин звонил исполняющему обязанности начальника Ленинградского управления НКВД Ф. Т. Фомину и задал несколько вопросов: в частности, об одежде Николаева, не было ли при нем каких-либо вещей иностранного происхождения. Услышав отрицательный ответ, он помолчал и положил трубку. Очевидно, первой мыслью Сталина был белогвардейский след. Но первая информация о Николаеве ничего подобного не подтвердила.

Николаев был членом партии. Он родился в 1904 году. Отец умер от холеры, когда ребенку было четыре года. После революции мать Николаева, у которой было еще две дочери, работала уборщицей трамвайных вагонов. Маленький Леонид долго болел рахитом, что было следствием нищенской жизни. До 11 лет он не ходил, вырос кривоногим, маленьким (150 санти-

метров роста). Его образование — шесть классов. Начал работать в 16 лет секретарем сельсовета в Самарской области, потом — ученик слесаря, работник Лужского уездного комитета комсомола, с 1933 года — инструктор Ленинградского обкома партии, затем инструктор Ленинградского института истории партии. (Ну и выдающиеся же кадры трудились тогда в партийном аппарате!) Его появление в обкоме совпадает с уходом оттуда Мильды Драуле, словно это сделано специально для опровержения возникших слухов о любовной истории с Кировым.

В марте 1934 года партком института исключает Николаева из партии, он уволен с работы за отказ явиться в комиссию для мобилизации коммунистов для работы на транспорте. Райком партии заменил наказание строгим выговором с занесением в личное дело. Ему предлагали работу на заводе, но он отказывался и просил предоставить работу в органах власти, стал писать жалобы, пытался встретиться с Кировым. Несколько раз ему удавалось уловить момент, когда Киров выходил из машины, и вручить ему жалобу. В одной из них он писал: «Я на все буду готов, если никто не отзовется, ибо у меня нет больше сил». За девять дней до покушения он пишет: «Мои дни сочтены, никто не идет мне навстречу. К смерти своей я еще напишу Вам много — завещание».

У него был револьвер и просроченное разрешение на него. 15 октября Николаев был задержан охраной Кирова, при нем были найдены оружие и схема маршрута Кирова. После короткого допроса его отпустили. Почему отпустили? Видимо, ответ кроется в деликатности любовного треугольника, о котором охрана знала. В письме, найденном у Николаева, говорилось: «Киров поселил вражду между мной и моей женой, которую я очень люблю».

Итак, вместо предполагаемой версии о белогвардейских боевиках, связанных с западными разведками, Сталин получил бытовое преступление. Это никак не могло уложиться в его картину мира. По его мнению, люди, подобные Кирову, жили в надбытовой сфере как высшие существа, управляющие населением.

Выстрел Николаева не давал никакой возможности разрядить сгущавшуюся атмосферу: Киров был мертв, подлинные враги недосягаемы, а несчастный ревнивец фактически прикрыл их злобные планы. И что сказать народу? Что бабника Кирова застрелил оскорбленный маленький человек?

Седьмого декабря во всех газетах напечатали информацию ЦК ВКП(б), в которой говорилось, что Киров погиб «от предательской руки врага рабочего класса». В правительственном сообщении содержались сведения, не совпадающие с вышеиз-

ложенной информацией: указывалось, что личность убийцы еще только выясняется.

Первого декабря Сталин собственноручно написал постановление Президиума ЦИК (опубликовано 4 декабря) об установлении особого порядка рассмотрения дел о терроре. Следствие по этим делам должно было вестись ускоренно и укладываться в десятидневный срок; обвинительное заключение обвиняемые получали за сутки до начала судебного разбирательства; дела слушались без участия обвинения и защиты; кассационное обжалование приговора и подача прошения о помиловании не допускались; приговор о вынесении высшей меры наказания должен приводиться в исполнение немедленно.

Это ускоренное судопроизводство очень напоминало военно-полевой суд.

Восьмого декабря прокурор СССР Акулов и председатель Верховного суда СССР Винокуров выпустили директиву, которая предписывала придать обратную силу закону и рассматривать дела о терроре, незаконченные до 1 декабря, в порядке, установленном новым актом Президиума ЦИКа. Одновременно был определен список лиц, покушение на которых расценивалось как акт террора.

Второго декабря специальный поезд доставил в Ленинград Сталина, Молотова, Ворошилова, Жданова, Ежова, Ягоду, Агранова и группу чекистов. Весь железнодорожный путь от Москвы до Ленинграда охраняла дивизия имени Дзержинского.

Выйдя из поезда, Сталин ударил по лицу подошедшего с докладом начальника Ленинградского УНКВД Филиппа Медведя.

Медведь был соратником Дзержинского, который еще в 1907 году рекомендовал его в социал-демократическую партию Королевства Польши и Литвы; с мая 1918 года член коллегии ВЧК, с мая 1919 года — председатель Петроградской ЧК, один из организаторов «красного террора» в Петрограде, участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, руководил Особым отделом Западного фронта в 1919—1921 годах и Московским губернским отделом ОГПУ с 1921 года; с января 1930 года — начальник Ленинградского управления НКВД, руководил репрессиями против троцкистско-зиновьевской оппозиции, высылкой из города представителей «эксплуататорских классов». Близкий друг Кирова. Тот, будучи бездетным, души не чаял в маленьком сынишке Медведя. Именно Киров настоял, чтобы Медведя оставили в Ленинграде, хотя Ягода хотел его заменить.

Второго декабря Сталин затребовал информацию о подпольной деятельности бывших членов зиновьевской оппозиции.

(Именно Зиновьев до Кирова руководил Ленинградской партийной организацией, а зиновьевцы долгое время оппонировали Кирову.) Сталину было доложено агентурное дело под кодовым названием «Свояки». (Каменев и Троцкий были женаты на сестрах.) Сталин увидел в деле несколько ордеров на арест «зиновьевцев», выданных еще в октябре, но не подписанных Кировым. Его подозрения еще больше укрепились. Сразу были арестованы трое зиновьевцев, и дело начало раскручиваться.

Сталин решает лично допросить Николаева, но тот по-прежнему находится в состоянии нервного припадка и только выкрикивает: «Я отомстил, простите!»

Сталин распорядился хорошо содержать арестованного, откормить его, чтобы привести в чувство.

В тот же день, 2 декабря, он приказал привезти в Смольный оперативного комиссара Борисова, по дороге случилась авария, и Борисов погиб. Это была странная смерть, которая вызвала подозрения Сталина в отношении ленинградских чекистов. Борисова везли в кузове грузовика, абсолютно трезвый водитель почему-то вдруг наехал на тротуар, задев стену дома, а Борисов ударился головой о крюк водосточной трубы. (В 1960-х годах комиссия ЦК по указанию Хрущева исследовала дело Кирова и, в частности, квалифицировала гибель Борисова как несчастный случай: у грузовика сломалась рессора, и его отбросило вправо.)

Тем не менее 2 декабря Сталин не мог оценить смерть Борисова как несчастный случай. В сочетании с бытовым мотивом убийства Кирова гибель его охранника, который мог многое рассказать, казалась хитроумным прикрытием операции. (В 1937 году все причастные к смерти Кирова сотрудники НКВД, кроме водителя, были расстреляны.)

Четвертого декабря Сталин распорядился о замене ленинградских следователей новой следственной группой под руководством заместителя наркома Я. С. Агранова. Ежову было поручено контролировать следствие. Таким образом, Сталин вводил, можно сказать, двойное управление — и в Ленинграде, и на Лубянке в Москве. Это имело далеко идущие последствия, приведшие к краху Ягоды, генетически принадлежавшего к старым большевикам, и к чистке НКВД.

Комиссия (хрущевская), рассматривая дело Николаева, не подтвердила его причастность к троцкистам или зиновьевцам, но в 1934 году группа Агранова достаточно быстро добилась от Николаева нужных признаний. 13 декабря Николаев показал, что «должен был изобразить убийство Кирова как единоличный акт, чтобы скрыть участие в нем зиновьевской группы».

Через неделю он признался, что выстрел в Кирова должен был послужить сигналом к «взрыву» внутри страны.

Семнадцатого декабря газеты сообщили, что Киров убит «рукой злодея-убийцы, подосланного агентами классовых врагов, подлыми подонками бывшей зиновьевской антипартийной группы».

Действительно, у арестованных зиновьевцев находили антисталинские листовки прошлых времен, тексты «Платформы Рютина», оружие.

Параллельно газеты сообщали о террористической деятельности осевших на Западе белогвардейских организаций. В Москве, Ленинграде, Киеве, Минске были расстреляны 99 «белогвардейцев», обвиненных в подготовке террористических актов. Их поспешные расстрелы свидетельствуют, что власти еще не знали, в каком направлении вести следствие, и действовали в обоих направлениях.

Расстрел «белогвардейцев» тоже вызвал недовольство Сталина, он не считал, что нужно торопиться с расстрелами. Он хотел сохранить свидетелей, хотел допросить Борисова.

Очевидцы отмечали, как сильно он переживал потерю Кирова.

«Он осунулся, побледнел, в глазах его скрытое страданье. Он улыбается, смеется, шутит, но все равно у меня ныло сердце смотреть на него. Он очень страдает. Павлуша Аллил[уев] был у него за городом в первые дни после смерти Кирова — и они сидели вдвоем с Иос[ифом] в столовой. Иосиф подпер голову рукой (никогда я его не видела в такой позе) и сказал: "Осиротел я совсем". Павлуша говорит, что это было так трогательно, что он кинулся его целовать»[271].

Шестнадцатого декабря Агранов на закрытом объединенном пленуме обкома и горкома сказал, что убийство было организовано зиновьевцами, бывшими руководителями Ленинградского обкома комсомола И. И. Котолыновым, В. В. Румянцевым, К. Н. Шатским и другими; их идейными вдохновителями были Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев и др. ленинградские сторонники Зиновьева.

В тот же день в Москве были арестованы Каменев, Зиновьев и еще тридцать человек.

Действительно, между всеми арестованными была связь: так, признанный руководителем «ленинградского центра» Котолынов был исключен XV съездом из партии, восстановлен в 1928 году, причем его заявление о восстановлении в партии редактировал лично Каменев.

Теперь он занимал скромную должность секретаря факультетского партбюро в Ленинградском индустриальном институте.

Он не скрывал от следствия, что имеет связи со старыми товарищами-зиновьевцами и что несет «политическую и моральную ответственность». Это признание он сделал после того, как следователи убедили его в том, что Николаев «впитал террористические озлобленные настроения против партруководства».

Котолынов не кривил душой, «настроения» действительно были. При этом никто из зиновьевцев не подталкивал Николаева устранить Кирова, они не были причастны к преступлению.

Судя по всему, Сталин вскоре понял, что имеет дело с неуловимым, как призрак, врагом. Когда надо, этот призрак материализуется, а потом снова растворяется в воздухе. Рано или поздно после нескольких неудачных попыток, как это было с Александром II, погибшим только в результате седьмого покушения, призрак доберется и до Сталина. Надо было срезать весь слой оппозиционной почвы, пропитанной старыми партийными внутридемократическими (и даже интригантскими) традициями, и заодно — «белогвардейский» слой.

С этого момента начался новый поединок между Сталиным и Троцким, без анализа которого невозможно понять логику последующих «дел» и процессов.

Сталину потребовалась более глубокая зачистка, касающаяся и нового поколения партийцев, добивавшихся своего участия в управлении страной. Пример Николаева, который не был ни троцкистом, ни зиновьевцем, ни боевиком РОВСа, показывал, что недовольство режимом исходит и от другой группы.

Подтверждением того, что Сталин именно так оценивал обстановку, служит сообщение НКВД от 22 декабря, в котором указано, что 15 декабря в Москве арестованы 15 членов «бывшей антисоветской группы Зиновьева» и что семеро из них (Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Залуцкий, Федоров, Сафаров, Вардин) не причастны к убийству Кирова (не обнаружено «достаточных данных») и поэтому Особое совещание НКВД решило ограничиться только административной высылкой.

Правда, некоторые из этой группы вскоре попали фигурантами «дела ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». Состав этой группы следующий: 77 человек, из которых 65 коммунистов (23 вступили в партию до октября 1917 года, 40 — в 1917—1920 годах), большинство участвовали в так называемой «ленинградской оппозиции».

В январе — феврале 1935 года в Ленинграде были арестованы 843 человека, входившие в бывшую «новую», или «ленинградскую», оппозицию.

Сталин лично анализировал персональный состав «Московского» и «Ленинградского» центров. Сохранились его собственноручные списки. Некоторые фамилии он переносил из одного списка в другой и обратно, что свидетельствует о том, как серьезно он относился к проблеме.

Двадцать восьмого — двадцать девятого декабря 1934 года состоялся судебный процесс, на котором Котолынов подтвердил: «Я морально отвечаю за тот выстрел, который был сделан Николаевым, но в организации этого убийства я участия не принимал».

Ход разбирательства вызвал сомнения у председателя суда В. Ульриха, и он позвонил Сталину с предложением о дополнительном следствии, на что Сталин приказал не откладывать вынесение приговора.

Ульрих объявил приговор: высшая мера наказания.

Услышав это, Николаев закричал: «Обманули!» Очевидно, во время длительных допросов с ним было заключено какое-то соглашение, и, находясь в шаге от смерти, он попытался привлечь к этому внимание.

Во время экзекуции, когда в живых остался один Котолынов, Агранов и Вышинский не удержались и, словно сомневаясь в справедливости приговора, спросили: «Вас сейчас расстреляют, скажите все-таки правду, кто и как организовал убийство Кирова». То есть ни руководитель следствия, ни прокурор не знали самого главного!

То, что ответил Котолынов, должно было потрясти их: «Весь этот процесс — чепуха. Людей расстреляли. Сейчас расстреляют и меня. Но все мы, за исключением Николаева, ни в чем не повинны...»[272]

Наверняка эти предсмертные слова стали известны Сталину, но открыли ли ему что-то новое?

Он судил не по юридическим законам и не мог разжать кулак, в котором был зажат ускользающий призрак. Согласно его логике задача искоренения террора должна была рассматриваться как вопрос веры. Вероотступники (а оппозиционеры ранее уже раскаивались и клялись в верности) подлежали уничтожению.

Ранее осужденные на административную ссылку Зиновьев и Каменев в результате показаний сломленного следствием Сафарова, который указал на них как на неразоружившихся оппозиционеров, были осуждены по делу «Московского центра». Зиновьев получил 10 лет тюремного заключения, Каме-

нев — пять. В приговоре указывалось, что члены «Московского центра» хотя и не знали о террористических планах ленинградских единомышленников, но несут «политическую ответственность за совершившееся убийство».

Следствие доказало главное: оппозиционные группы реально существовали, их участники поддерживали друг с другом постоянную связь и вели антисталинскую пропаганду. В любой момент они могли создать «теневое правительство» и совершить переворот.

О тяжелом состоянии Сталина свидетельствует адмирал Исаков: «По-моему, это было вскоре после убийства Кирова. Я в то время состоял в одной из комиссий, связанных с крупным военным строительством. Заседания этой комиссии происходили регулярно каждую неделю — иногда в кабинете у Сталина, иногда в других местах. После таких заседаний бывали иногда ужины в довольно узком кругу или смотрели кино, тоже в довольно узком кругу. Смотрели и одновременно выпивали и закусывали.

В тот раз, о котором я хочу рассказать, ужин происходил в одной из нижних комнат: довольно узкий зал, сравнительно небольшой, заставленный со всех сторон книжными шкафами. А к этому залу от кабинета, где мы заседали, вели довольно длинные переходы с несколькими поворотами. На всех этих переходах, на каждом повороте стояли часовые — не часовые, а дежурные офицеры НКВД. Помню, после заседания пришли мы в этот зал, и, еще не садясь за стол, Сталин вдруг сказал: "Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь..." Я, как и все, слушал это в молчании. Тогда этот случай меня потряс. Сейчас, спустя много лет, он мне кое-что, пожалуй, объясняет в жизни и поведении Сталина, не все, конечно, но кое-что»[273].

У Сталина уже имелись основания не доверять руководству НКВД. Во время следствия вскрылось, что руководство НКВД в лице Ягоды и начальника Секретно-политического отдела Г. А. Молчанова (выдвиженец Постышева) обнаружило стремление ускорить расследование в отношении Зиновьева, Каменева и других старых оппозиционеров, — часть их направить в самые дальние лагеря, а тех, чью причастность к терроризму удастся доказать, судить и расстрелять. Весь этот процесс предполагалось провести без широкого оповещения и максимально быстро через Особое совещание НКВД.

У Сталина был другой подход: провести громкие судебные процессы, раскрыть связь правой и левой оппозиции, предъ-

явить доказательства о совместном переходе зиновьевцев и троцкистов к террору, шпионажу и вредительству.

У чекистов были все основания ждать неприятностей, так как совсем недавно (в 1934 году) Молчанов направил в ЦК записку о том, что подпольных организаций, возглавляемых Зиновьевым и Каменевым, не имеется. Теперь оказалось, что НКВД допустил непростительную ошибку, в результате которой погиб «любимец партии» Киров.

В этом пункте позиции Сталина и Ягоды были диаметрально противоположны.

Двадцать третьего февраля 1935 года Сталин получил от заместителя наркома внутренних дел Г. Е. Прокофьева донесение о том, что у одного арестованного обнаружен архив Троцкого за 1927 год. На донесении Сталин написал: «Чрезвычайно важное дело, предлагаю троцкистский архив передать Ежову, во-вторых, назначить Ежова наблюдать за следствием, чтобы следствие вела ЧК совместно с ЦК».

С этого момента началось падение Ягоды. Сперва он не понял, что ему грозит, и препятствовал получению Ежовым информации просто из ведомственной конкуренции, не желая, чтобы между ним и Сталиным появился контролер, отодвигающий руководителя НКВД на ступеньку вниз.

Ягода не учел, что низкорослый, мускулистый Ежов подобен бульдогу и не отпустит его. Ежов был человеком Сталина, занимал должности секретаря ЦК ВКП(б) и председателя Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). В аппаратном весе он превосходил Ягоду. У него за плечами был опыт работы на Путиловском заводе, опыт революционных боев Гражданской войны, работа секретарем Марийского и Семипалатинского обкомов, Казахстанского крайкома, борьба с басмачами, работа в ЦК, в Наркомате земледелия, участие в коллективизации, руководство распредотделом, отделом кадров, промышленным отделом ЦК партии; в 1933 году он стал председателем Центральной комиссии по чистке партии. Зачастую Ежова изображают как случайного и никчемного человечка, но в действительности он относился к сильным партийным кадрам.

Вскоре Ежов «порадовал» своих новых подопечных заявлением, что «по его мнению и мнению ЦК партии в стране существует невскрытый центр троцкистов», с чего началось невидимое противостояние аппаратов ЦК и НКВД.

Ягода запретил всем сотрудникам предоставлять Ежову какую-либо информацию, а Молчанов распорядился: «При Ежове ничего не говорить, допросы прекращать»[274].

Поняв, что его не допускают к оперативным материалам, Ежов перестал церемониться, являлся на допросы арестован-

ных без предупреждения, требовал документы, вникал во все детали, сам вызывал на допросы и допрашивал, встречался с рядовыми сотрудниками наркомата и оперативниками.

Ежов докопался до фактов, которые свидетельствовали, что Ягода покрывает троцкистов и тормозит расследование по их делам. На протоколах арестованных троцкистов Дрейцера, Фрица-Давида, Лурье («О существовании московского троцкистско-зиновьевского центра, о директиве Троцкого об убийстве руководителей ВКП(б) и правительства») нарком написал резолюцию: «...чепуха, ерунда... не может быть».

Ежов показал копии этих протоколов своему начальнику. Сталин снова должен был решать, что делать. Но время Ягоды еще не закончилось, весь аппарат НКВД был нашпигован его людьми. От строек Норильска и Дальнего Востока до учебных заведений и партийных организаций бдительное око чекистов следило за безопасностью страны.

Заменить Ягоду Сталин не решился еще и потому, что с января 1935 года шло расследование «Кремлевского дела» по обвинению группы сотрудников аппарата ЦИКа, «готовивших покушение на членов правительства и т. Сталина».

Говоря о взаимоотношениях Ежова и Ягоды и дальнейшем уменьшении политического веса последнего, следует упомянуть смерть В. В. Куйбышева, первого заместителя председателя СНК и СТО СССР, члена Политбюро. Он умер 25 января 1935 года в возрасте 47 лет. После его кончины Ежов был избран на пленуме ЦК секретарем ЦК партии, членами Политбюро — Микоян и Чубарь, кандидатами в члены Политбюро — Жданов и Эйхе.

Занимавший пост заместителя председателя СНК Чубарь, представитель украинской политической верхушки, теперь фактически становился первым заместителем Молотова. Жданов, преемник Кирова в Ленинграде, очень понравившийся Сталину своей образованностью и находившийся с 1924 года на должности секретаря Нижегородского губкома партии, был введен в высшее руководство как принципиальный сторонник курса индустриализации.

Микоян, ранее бывший наркомом внешней и внутренней торговли, с июля 1934 года возглавлял Наркомат пищевой промышленности. (В своей речи на XVII съезде партии установил своеобразный рекорд — упомянул имя Сталина 41 раз.) Сталин хотя и критиковал его, но все же доверял.

Но почему был возвышен Эйхе, который вел на XVII съезде закулисные переговоры, направленные против Сталина? Одно из двух: либо Сталин о тех переговорах не знал, либо он не сомневался в жестокосердном латыше.

Эти перестановки напрямую не коснулись Ягоды, но возвышение Ежова и Микояна, которого уже однажды прочили на место главного чекиста, вряд ли укрепляло позиции наркома внутренних дел. Более того, личные качества Ягоды (высокомерие, тщеславие, грубость, развязность) не могли нравиться аскетичному Сталину. Будучи человеком рациональным, он пока терпел это.

Двадцать первого июня 1935 года Политбюро утвердило постановление СНК и ЦК партии «О порядке производства арестов». Отныне все без исключения аресты можно было проводить только с согласия прокуратуры, а аресты руководящего состава и специалистов — с согласия их руководителей. Таким образом, у Ягоды, кроме Сталина и Ежова, появлялся еще один контролер — Вышинский, который был его принципиальным конкурентом (если не сказать — противником).

Глава тридцать девятая

Мир с крестьянами. «Московское дело». Крах Енукидзе. Почему застрелился Ломинадзе. Крах «старых революционеров»

Расследование убийства Кирова и связанные с этим события, конечно, прервали процесс политического успокоения, но не остановили экономической либерализации. Самое важное решение Сталина, которое фактически означало окончание войны с крестьянством, было принято в феврале 1935 года на II съезде колхозников. Были внесены поправки и дополнения в проект Примерного устава сельскохозяйственной артели. 17 февраля устав был утвержден постановлением СНК и ЦК.

За колхозниками было юридически закреплено право на личное подсобное хозяйство. В зависимости от региона разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 гектара приусадебной земли (в отдельных районах до одного гектара), неограниченное количество птицы, кроликов и т. д., до двух-трех коров. В МТС были упразднены политотделы.

За годы второй пятилетки в результате «экономического мира» рыночная торговля выросла с 7,5 миллиарда рублей до 17,8 миллиарда рублей. В частной торговле значительно подешевели продукты питания. Они либо равнялись ценам государственно-кооперативной торговли, либо были ниже.

После трагедии коллективизации частично возвращались традиционные обычаи крестьянствования (независимость, пусть и сильно урезанная, а также элементы рынка). Впервые в истории советской деревни в 1934 году в результате перехода

к практике хлебозакупок все республики выполнили план хлебозаготовок. На крестьянском фронте был заключен длительный мир.

Если бы не убили Кирова... Тогда столкновения с «зиновьевско-троцкистским блоком», напоминавшего операцию устрашения, наверняка бы не произошло. Тогда Каменев занимался бы литературой, Зиновьев служил бы в Центросоюзе или каком-либо другом ведомстве, а оппозиционная молодежь постепенно бы перевоспитывалась. Такая картина вполне была возможна, но ее реальность не более 10—15 процентов. Поколения, прошедшие три революции и Гражданскую войну, уже вкусили насилия, крови и славы. Опыт всех революций убеждает в том, что победители начинают ожесточенную борьбу друг с другом.

В январе 1935 года стало расследоваться «Кремлевское дело». Его суть состояла в том, что соратник Сталина еще по Баку, крестный отец Надежды Аллилуевой, секретарь ЦИКа Авель Енукидзе оказался перерожденцем. Он набирал на работу в аппарат ЦИКа и различные кремлевские службы случайных людей, сожительствовал с молодыми женщинами, которых пристраивал на различные должности, растрачивал казенные средства. Допросы показали, что некоторые служащие ЦИКа высказывались о необходимости убить Сталина, распространяли слухи о том, что Сталин якобы отравил свою жену, что Киров убит из ревности. Если учесть, что именно Енукидзе подчинялась охрана Кремля, а комендант Кремля Р. А. Петерсон во время Гражданской войны был начальником личной охраны наркомвоенмора, председателя РВС Троцкого и командиром его бронепоезда, то станет понятна реакция Сталина.

Особое его внимание вызвало то, что автором доноса был его шурин по первому браку, А. С. Сванидзе, который входил, как и Енукидзе, в близкий, «кавказский», круг вождя. Не исключено, что сибарит Енукидзе, контролировавший огромный сектор обеспечения повседневной жизни элиты, в своих связях и разговорах зашел слишком далеко.

В своем дневнике М. А. Сванидзе отметила: «Контрреволюция, которая развилась в его ведомстве, явилась прямым следствием всех его проступков: стоило ему поставить интересную девочку или женщину, и все можно было около его носа разделывать...»

В план заговорщиков, согласно доносу А. С. Сванидзе, входил арест Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе. На роль диктатора планировались либо Тухачевский, либо комкор В. К. Путна. Аресты предполагалось

проводить в квартирах или в кинозале на втором этаже Кавалерского корпуса.

Наличие данного плана не подтвердилось, но осуществиться он мог стопроцентно. К тому же кремлевской библиотекой, где работали несколько людей, близких Енукидзе, заведовала невестка Каменева — Н. А. Розенфельд (как было отмечено в протоколах допросов, «из рода князей Бебутовых»).

Вот что показали в отношении Розенфельд другие подельники: она говорила, что самоубийство Аллилуевой было «вызвано ее несогласием с политическим курсом, проводимым в стране, в результате которого якобы деревня доведена коллективизацией до обнищания; в городе населению не хватает продуктов питания и т. д. Старые и ближайшие ученики Ленина — Зиновьев и Каменев — отстранены от политической жизни... В стране отсутствуют элементы демократии».

Другие арестованные не отрицали своих антисоветских разговоров и предположений, что если Красная армия поднимет восстание, то крестьяне ее поддержат.

Были также арестованы брат Каменева, художник Н. Б. Розенфельд, и его сын — инженер Мосэнерго Б. Н. Розенфельд. Оба признали, что вели разговоры об устранении Сталина, в которых участвовал и сам Каменев.

В целом картина была впечатляющая.

По «Кремлевскому делу» проходили сам Каменев, его жена (сестра Троцкого), Розенфельды, их племянник, сын Троцкого Сергей Седов и еще многие сотрудники Кремля, их родственники и знакомые. Военная коллегия Верховного суда СССР признала существование четырех террористических групп, в том числе одной «троцкистской». Каменев, уже осужденный на пять лет по делу «Московского центра», получил еще 10 лет тюрьмы.

Характерно, что на донесении Ягоды, в котором предлагались различные меры наказания, Сталин сначала написал против фамилии Розенфельда Н. Б. — «расстрелять», но потом зачеркнул написанное и оставил предлагаемый Ягодой срок десятилетнего тюремного заключения.

Он не был уверен в существовании заговора, но ведь и против Кирова тоже не было заговора! Поэтому, взвешивая судьбу Николая Розенфельда, Сталин должен был испытывать нечто подобное тому, как если бы стоял на краю обрыва.

Параллельно «Кремлевскому делу» в Ленинграде шла очистка города от «бывших людей» — дворян, чиновников различных министерств, офицеров, преподавателей, священников, врачей, инженеров и т. д. В итоге на конец марта 1935 года были выселены 1434 семьи. Они получили право жить в

нестоличных городах и работать по специальности. У них было изъято 9 винтовок и карабинов, 204 револьвера и пистолета, 129 винтовок малокалиберных и охотничьих, 3 гранаты.

Мы уже никогда не узнаем, что ощущал Сталин, когда входил в кинозал Кавалерского корпуса, и медленно гас свет, а на белом экране появлялись фигуры людей. Он теперь знал, что в зал могут войти решительные люди, и вместо героических и озорных грез «Чапаева» или «Веселых ребят»* он увидит внутреннюю тюрьму Лубянки или распластается на полу с пулей в затылке, как друг Сергей.

Сталин уволил Енукидзе с должности секретаря ЦИКа, перевел его председателем ЦИКа Закавказья, вывел из состава ЦК партии. Это была личная потеря Сталина. Человек, с которым он был знаком с 1900 года, то есть всю жизнь, перестал быть другом и оказался на грани предательства.

Конечно, с отменой ограничений партмаксимума и вообще с повышением уровня жизни руководителей у элиты появилось много соблазнов. Революция закончилась, можно было вознаградить себя за прошлый аскетизм. И Сталин допускал это в разумных пределах. Так, он не был против строительства на набережной Москвы-реки возле Большого Каменного моста жилого комплекса на пятьсот квартир с максимальными для того времени удобствами: газом, телефоном, горячей водой**.

Да, Сталин ослабил узду, но он не ожидал, что бытовые соблазны так быстро создадут враждебную среду в самом центре государства, буквально в шаге от него.

Существует неопровергнутая версия, что покушение (устранение) действительно готовилось Енукидзе, Петерсоном и руководителями Московского военного округа, но неожиданный выстрел в Смольном 1 декабря 1934 года спутал все карты заговорщиков. Эта версия базируется на показаниях Енукидзе и Петерсона в 1937 году, когда они, находясь в разных городах, одновременно признались, что планировали арестовать Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе и при необходимости — расстрелять.

В мае 1937 года уже арестованный Ягода сообщил на допросе, что Енукидзе говорил ему о готовящемся перевороте, в руководство которого входили Петерсон и командующий МВО Корк. Кроме того, Ягода передал слова Енукидзе, что заговорщики ориентировались на Тухачевского.

---

* Оба фильма были поставлены в 1934 году, и Сталин смотрел их вместе с ближайшими соратниками.

** Этот дом потом будет назван Домом на набережной, здесь жили почти все наркомы, министры, генералы СССР.

Можно считать, что вряд ли могли Енукидзе (в Харькове) и Петерсон (в Киеве) даже под нажимом следователей признаться в том, что обеспечивало им смертный приговор, и, главное, привести в доказательство своих признаний четыре варианта ареста руководства в деталях, «вплоть до указания расположения комнат и кабинетов, существующей там охраны, наилучшего и самого надежного варианта ареста членов узкого руководства...»[275].

Если этот заговор существовал в действительности, а вовсе не любовницы Енукидзе интересовали Сталина, то возникает вопрос: почему «Кремлевское дело» с разоблачением любвеобильного секретаря ЦИКа получило огласку, а дело «Клубок» о подготовке переворота осталось неизвестным?

Видимо, есть две причины. Первая — неразделимость границ между идейной борьбой с оппозицией и инкриминируемыми ей действиями. Где-то надо было ставить точку, иначе врагами могли оказаться почти все.

Вторая причина состояла в том, что нельзя было в международных делах, выстраивая союз с Францией и так называемым Восточным блоком, демонстрировать, что СССР находится на грани краха. Поэтому Сталин остановил разматывание «Клубка».

Таким образом, дело «Клубок», хотя и не доведенное до конца, получило оперативное разрешение: сталинская группа изменила всю кремлевскую организацию безопасности, устранив из нее самое надежное, как казалось еще недавно, «кавказское» звено. Военные остались под подозрением. Ягода укрепил позиции, и в силу этого его положение (под наблюдением Ежова и Вышинского) стало более рискованным.

Второго мая 1935 года Ягода объявил, что следствие по «Кремлевскому делу» завершено.

Четвертого мая Сталин выступил на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий и глухо намекнул о ситуации: «Они угрожали кое-кому из нас пулями». Кто эти «они», он не расшифровал. Можно было подумать, что речь идет о Зиновьеве и Каменеве. Однако не было причин скрывать их имена. Неназванные «они», скорее всего, имели отношение к «Клубку».

На этом приеме Сталин сказал и еще одну важную вещь, возразив против существующей практики приписывать «руководителям, вождям», почти «все наши достижения». И объяснил, что успехи страны сегодня зависят «от кадров»: надо «ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему делу». Он обращался к людям новой социальной группы и отворачивался от старых кадров, разочарованных реальным социализмом.

Неправленая стенограмма речи Сталина на приеме выпускников военных академий 4 мая 1935 года отчетливо дает понять его социокультурную позицию. Из тысячи с небольшим выпускников академий в том году более половины были инженерами, из них 80 процентов направлялись не в армию, а в промышленные наркоматы.

Обращаясь к ним, Сталин охарактеризовал дореволюционную Россию так: «Громадная страна, которая по своему составу, с некоторыми очагами промышленности, точками, где мерцают, теплятся огоньки культуры, а по преимуществу — средневековье»[276].

По-видимому, здесь ключевое определение «средневековье». В выправленной стенограмме и в публикации «Правды» это слово отсутствует.

Второе важнейшее определение в речи Сталина — о том, что современные кадры рекрутируются из среды малограмотных крестьян. Эти люди, добавим мы, стремились не только к социальному успеху, но и несли в себе мощную традицию средневековой общинной психологии, которую нельзя было изжить за одно поколение*. То есть он черпал из колодца прошлого. Насколько глубоко могла новая элита освоить управленческое наследие империи — большой вопрос.

Вскоре активизировалась работа по созданию новой Конституции СССР.

Двадцать шестого июня 1935 года Политбюро утвердило решение «О снятии судимостей с колхозников», что возвращало избирательные права тем, кто был лишен их по суду. Судимость снималась с колхозников, осужденных на срок не свыше пяти лет. В результате к 1 марта 1936 года, то есть за семь месяцев, обрели права почти 800 тысяч человек, в основном осужденных по написанному лично Сталиным «Указу от 7 августа 1932 г.» («Закон о трех колосках»).

Была реорганизована аппаратная структура ЦК. Вместо огромного отдела культуры и пропаганды создавались пять новых: партийной пропаганды и агитации (заведующий А. И. Стецкий), печати и издательств (Б. М. Таль), культпросветработы (А. С. Щербаков), школ (Б. М. Волин), науки (К. Я. Бауман). Политико-административный отдел возглавил один из самых авторитетных руководителей Коминтерна И. А. Пятницкий, ранее руководивший его нелегальной дея-

* Возникает аналогия с экспансией «варягов», уничтожающих прежнюю элиту и силой насаждающих «прогресс».

тельностью, заведовавший отделом международных связей (ОМС). (Назначение свидетельствовало о значительном сокращении, если даже не о полном прекращении, этой работы за рубежом, что обусловливалось инициативами СССР и Франции по созданию системы международной безопасности.)

Отход от старой коминтерновской практики подтверждался и острой борьбой на 7-м конгрессе Коминтерна в июле 1935 года, где горячие споры вызвал доклад Георгия Димитрова, в котором выдвигалась идея создания в западных странах антифашистских единых народных фронтов в союзе коммунистов с социал-демократами, а также использование всех легальных форм участия в парламентской борьбе. Закаленные в подпольной борьбе коммунисты, исповедовавшие героизм классовых битв и баррикадных боев, сразу почувствовали идущие из Кремля веяния.

К последним переменам относится и написанное Вышинским постановление «О порядке производства арестов», утвержденное Политбюро 17 июня.

Кроме того, по решению Политбюро от 9 марта 1935 года произошло перераспределение обязанностей между секретарями ЦК. Оно было вызвано изменениями в руководящей группе: смертью Кирова и Куйбышева, перемещением в Ленинград Жданова и возвышением Ежова. Курируемые Ждановым отделы (политико-административный, руководящих партийных органов, планово-финансово-торговый, сельскохозяйственный) Сталин взял под свой контроль. Фактически он без посредников возглавил аппарат.

Но когда ответственный за кадры Ежов для проверки анкет партийных функционеров попытался привлечь архивы и оперативные данные ГУГБ НКВД, Сталин резко возразил. Бесспорно, наш дальновидный герой увидел в этом угрозу хрупкому балансу сил в руководстве.

Таким образом, с убийства Кирова начался новый период, сочетающий экономическую и политическую либерализацию для широких слоев населения, и репрессии внутри правящей верхушки.

После Ленинграда Хрущев и Реденс провели в меньших размерах «очистку» Москвы.

Механизм политических процессов, чисток и высылок был спущен. Те, кто начинали «красный террор», проводили децимации и организовывали продотряды, не подозревали, что ход исторического процесса сбросит их под колеса ими же созданного локомотива. И те, чьими руками уничтожались первые, тоже не могли знать, что их сроки уже отмерены.

Сквозь призму внутренней борьбы наверху отчетливее видна смена политической элиты в 1930-х годах. Особенно ярко это высветилось в связи с началом так называемого «стахановского движения», когда в 1935 году донецкий шахтер Алексей Стаханов в ночь на 31 августа за одну смену нарубил пневматическим отбойным молотком 102 тонны угля при норме 7,3 тонны. Этот мировой рекорд имел громадные последствия как в экономике, так и в политике.

Начавшееся осенью 1935 года массовое движение по превышению рабочих нормативов должно было увеличить добычу угля, выплавку металла, пропускную способность железных дорог и т. д. Но, кроме того, оно должно было распахнуть двери социальных лифтов для нового поколения.

Сталин стал обращаться к рабочей молодежи через головы всех наркомов и директоров. Это было его изобретение, сразу сделавшее его отцом и покровителем народа. Он выступал перед металлургами, комбайнерами, колхозниками-ударниками, метростроевцами. Их награждали орденами, прославляли, давали различные льготы, выдвигали на руководящие посты. В короткое время страна поняла, что главный, кто поддержит и оценит, — это Сталин.

На встрече с тремя тысячами стахановцев, собравшихся в ноябре 1935 года в Москве, он выступил с большой речью, в которой высказал несколько важных и понятных мыслей.

Во-первых, стремиться к «зажиточной и культурной жизни», для чего надо по-стахановски трудиться.

Во-вторых, стахановцам обеспечена защита от «чинов администрации», не поддерживающих новаторов. Этим чинам надо «слегка дать в зубы».

В-третьих, надо поднимать нормы выработки и по-настоящему овладеть новой техникой.

В этой речи Сталин произнес несколько слов, которые впоследствии преподносились как вышучивание репрессированных: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». На самом деле он говорил о другом.

«Основой стахановского движения послужило, прежде всего, коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом, прежде всего, корень стахановского движения. Если бы у нас был кризис, если бы у нас была безработица — бич рабочего класса, если бы у нас жилось плохо, неприглядно, не весело, то никакого стахановского движения не было бы у нас»[277].

Он развил свою мысль: на одной политической свободе,

полученной в результате революции, трудно жить, а наша революция «дала народу не только свободу, но и материальные блага... Вот почему жить стало у нас весело и вот на какой почве выросло стахановское движение».

Никакого отношения к репрессиям эта речь не имела. Но к идущей смене элиты — имела самое непосредственное. То, что Сталин постоянно размышлял о «кадрах», подтверждает его выступление перед выпускниками военных академий в Кремле 4 мая 1935 года. Именно тогда он сказал, что «кадры решают все», что руководители «проявляли заботливое отношение к нашим работникам, выдвигали их вперед», что «самым ценным, самым решающим капиталом являются люди, кадры». С ними «наша страна будет непобедима».

Разве можно сказать, что это слова революционера, руководителя революционной партии? Ничего подобного!

Стахановское движение стало выдавливать старых специалистов, ясно показывая рабочему классу, что партийная верхушка во главе со Сталиным распахнула перед ним двери в светлое будущее.

Троцкий называл сталинскую политику «термидором» и был прав. Это настоящий термидор — конец революции, государственное строительство, нереволюционность.

Кроме осужденных по «Кировскому» и «Московскому» делам, в это время без огласки была осуждена группа «рабочей оппозиции». Эта партийная группа, лидеры которой Шляпников и Медведев полемизировали еще с Лениным, была распущена в начале 1920-х годов. Шляпников и Медведев в 1933 году были исключены из партии, в декабре 1934 года арестованы, в апреле 1935 года осуждены на пять лет заключения или ссылки (всего тогда осудили 15 человек). На следствии многие держались мужественно.

В марте 1935 года арестовали членов самой непримиримой группы, «демократических центристов» (или «децистов»). Ее лидеры Т. В. Сапронов и В. М. Смирнов во время всех чисток и партийных разборок не отреклись от своих взглядов и считали, что сталинская группа на XV съезде совершила «госпереворот против пролетариата». Они осуждали проведение силовой коллективизации, называли построенный социализм «уродливым госкапитализмом». И их поведение во время следствия и суда не дало судьям ни малейшего шанса использовать процесс в пропагандистских целях. Все они были принципиальными противниками Сталина и открыто заявляли об этом. Сапронов получил пять лет, Смирнов — три года.

Их отказ пойти на сделку со следствием и, признав ошибки, попробовать выскользнуть показывает, что так называемые громкие процессы 30-х годов, в которых подсудимые признавались в совершенных и несовершенных преступлениях, имели, можно сказать, внутрипартийный характер и шли по другим правилам.

О том, как велось следствие, дают представление воспоминания А. Н. Сафроновой, жены троцкиста И. Н. Смирнова, написанные в 1958 году, то есть уже после осуждения «культа личности» Сталина: «Физическое воздействие места не имело. Моральное воздействие сводилось к одному — нам говорили: начали разоружаться, разоружайтесь до конца. Те показания, которые мы от вас требуем, нужны партии...

...В процессе следствия были со стороны Лулова попытки оказать воздействие другими методами, а именно:

Однажды он меня спросил: "Вы перенесли пытки во время колчаковщины, а что бы вы сказали, если бы мы тоже попытались применить физическое воздействие?" Я ему ответила на это, что в этом случае я бы перестала давать показания. После этого на эту тему не было даже и разговора»[278].

Это свидетельство указывает на одно важное обстоятельство: противники Сталина были сильными натурами, не боялись ни пыток, ни смерти, а позднейшие интерпретации, изображающие их слабыми и оговорившими себя, упрощают картину.

Сафронова подтверждает, что в ее окружении не раз говорилось об устранении Сталина, о соответствующей директиве Троцкого, что существовали «предпосылки для возникновения террористических настроений» в отношении Сталина.

Правда, она оговаривается, что, несмотря на все недостатки Сталина, она и ее окружение считали, что «он проводит политическую линию правильно, как ни возмущайся перегибами в деревне».

Поэтому, когда идет речь о сталинских репрессиях, о невинных жертвах, надо помнить, что это были люди одной революционной школы, что в случае победы антисталинисты продолжали бы индустриализацию со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сталин все дальше уходил от революционных принципов. В середине 1935 года две организации старых борцов с Российской империей — Общество старых большевиков и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, состоявшие в большинстве своем из бывших эсеров и меньшевиков, — были закрыты.

После убийства Кирова государство перестало поддерживать бывших террористов, было запрещено положительно упоминать о терроре «Народной воли» и т. д. Кроме того, примерно 50 ветеранов арестовали за близость к «зиновьевско-каменевскому блоку».

Продолжались и другие разительные перемены, которые революционная часть партии воспринимала не иначе как контрреволюционные, а остальная публика — одобрительно.

В 1935 году была создана Всероссийская Пушкинская комиссия для популяризации творчества поэта и празднования в 1937 году его столетнего юбилея. Ее возглавил Горький. «Правда» напечатала в связи с этим передовую статью «Великий русский поэт».

Александр Пушкин, еще недавно причисленный к царской (белогвардейской) культуре, вернулся на родину.

В армии были возвращены офицерские звания, высшим военным чинам были присвоены маршальские звания и звезды (Тухачевскому, Блюхеру, Егорову, Ворошилову, Буденному). Штаб РККА стал называться Генеральным штабом, как и до 1917 года; были восстановлены кавалерийские казачьи части, а также, «учитывая преданность казачества советской власти», сняты все ограничения для казаков «в отношении их службы» в РККА.

Постепенно в повседневную жизнь пробились многие реалии традиционной культуры, легко занимая привычные места в общественном сознании. В репертуаре музыкальных и хоровых коллективов появились русские народные песни и танцы, стали печататься статьи о выдающихся представителях русской культуры и науки. В общеобразовательные школы вернулись прежняя, как в гимназиях, практика, школьные формы и даже пятибалльная система оценок. Возвращалось и преподавание в школах истории и географии, предметов, расширяющих кругозор и определяющих мировидение.

Символическим знаком было опубликованное 30 декабря 1935 года постановление ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы»: отменялись все ограничения по приему, связанные с социальным происхождением абитуриентов. Десятки тысяч молодых людей освобождались от своих «родовых пятен контрреволюции» и получали все гражданские права.

Но особенно заметно было отношение Сталина к православной религии и Церкви. Была закрыта газета «Безбожник», сильно ослабела антирелигиозная пропаганда. Накануне Пас-

хи 1935 года разрешили торговать (сперва на рынках, а затем и в государственных магазинах) продовольственными красителями, формочками и т. п. для выпечки куличей. И наконец, накануне 1936 года вернули рождественские елки (отныне «новогодние»), что вызвало целую волну горячего восторга у детей и изумление взрослой публики. Все помнили запрет 1927 года на продажу елок, тогда против них объявили комсомольский «поход». Опубликованная 28 декабря в «Правде» статья Постышева «Давайте организуем к Новому году хорошую елку!» казалась маленьким чудом: «Я уверен, что комсомольцы примут в этом деле самое активное участие и искоренят нелепое мнение, что детская елка является буржуазным предрассудком».

Можно сказать, Сталин провел культурную контрреволюцию. Она продолжилась в 1936 году. В апреле на X съезде ВЛКСМ было сообщено, что при обсуждении проекта нового устава Сталин убрал положение о решительной и беспощадной борьбе с религией и заменил его указанием терпеливо разъяснять «вред религиозных предрассудков».

Что ж, действительно, для большинства жизнь все-таки становилась лучше, а для меньшинства — тревожнее.

Шло последовательное восстановление государственно-исторической основы, но в этом потоке, разделяясь на рукава, развивались другие процессы, порой враждебные друг другу.

Опираясь на данные об изменении численности партии и сравнивая число прибывших с числом убывших в годы репрессий, современный историк В. В. Кожинов сделал вывод, что «уместно говорить о тогдашней “трагедии партии”, а не “трагедии народа” (в 1934—1939 гг.). Одна часть партии уничтожала другую. Именно так: государственники — мировых революционеров. Под разбор попадали и непричастные: просто потому, что оказывались знакомыми или сослуживцами “врагов”. Это и было завершением кровавой и безжалостной Гражданской войны. В 1934—1939 годах погибло примерно в 30 (!) раз меньше людей, чем в 1918—1922 годах»[279].

Говоря о репрессиях 1937—1938 годов, необходимо поставить вопрос: почему в то время, когда почти все оппозиционеры были уничтожены, в советском обществе разгорелась новая внутренняя война? И почему, несмотря на это, Сталин довел до конца работу над новой конституцией, гораздо более демократичной, чем действующая?

Ответы лежат на поверхности, если допустить, что у него был долговременный план государственного строительства. В общих чертах план известен: социализм в одной стране, ин-

дустриализация, коллективизация и культурная революция. Добившись этих целей экстремальными средствами, сталинская группа пришла к выводу, что если она не расширит свою базу, то неизбежно будет отстранена от власти.

Сталин должен был вспомнить свою работу с депутатской фракцией Государственной думы, где были представлены все политические силы. Иного парламентского опыта у него не имелось. Думается, его обращение к парламентской практике позволило ему осознать и реальную пользу от участия европейских компартий в борьбе за легальную парламентскую трибуну в союзе с ранее презираемыми социалистами.

Расширение демократии в СССР должно было укрепить советскую власть, так как реальных врагов строя и базы для их существования уже не существовало.

К середине 1935 года продекларированная, но фактически не ведущаяся работа над новой конституцией была резко активизирована. Это объяснялось тем, что «термидор» («сталинизм») потребовал не методов пролетарской диктатуры, а диалога с большинством общества, члены которого мало интересовались проблемами мировой революции и хотели мирной сытой жизни.

Восьмого июля 1935 года была опубликована информация о первом заседании Конституционной комиссии и образовании 12 подкомиссий, которые возглавили Сталин (по общим вопросам и редакционную), Молотов (экономическую), Чубарь (финансовую), Бухарин (правовую), Радек (по избирательной системе), Вышинский (судебных органов), Акулов (центральных и местных органов власти), Жданов (народного образования), Каганович (труда), Ворошилов (обороны), Литвинов (иностранных дел).

Выступая перед членами комиссии, Сталин предложил изменить существующую систему власти, разделив ее на две самостоятельные — законодательную и исполнительную, подобно классическим западноевропейским демократиям.

Новая конституция разрушала сложившуюся с 1918 года практику. Так, нарком юстиции РСФСР Н. В. Крыленко (верховный главнокомандующий в 1917 году) был против разделения властей и выборности судей. Выборность судей предложил Вышинский. Бухарин же не соглашался предоставлять избирательные права всем без исключения гражданам.

В итоге Сталин понял, что надо выработать проект Конституции силами своих кадров, и несколько дней, с 17 по 19 и 22 апреля, он, Яковлев, Стецкий и Таль готовили текст. Была введе-

на статья, определяющая, что политическую основу СССР «составляют Советы рабочих и крестьянских депутатов», а экономическую — «общественное хозяйство», «общественная социалистическая собственность». Политическое содержание СССР характеризовалось как «социалистическое государство рабочих и крестьян». Был изменен баланс полномочий союзного центра и союзных республик — в сторону центра.

Но самое главное состояло в том, что исчезла самая революционная часть действующей конституции, «Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик», где декларировалось стремление к мировой революции, выражалась вера в ее неизбежное торжество с объединением «трудящихся всех стран в Мировую Советскую Социалистическую Республику».

Это было явное отступление от идей Октября, с точки зрения Троцкого — капитулянство.

Сталинский проект реформировал и избирательную систему.

По Конституции 1924 года высшую власть (съезд Советов СССР) составляли представители городских и сельских Советов из расчета один депутат на 25 тысяч городских избирателей и один депутат на 125 тысяч сельских. Делегаты на съезд Советов избирались не на прямых выборах, а выборщиками, состав которых регулировался руководителями крайкомов и обкомов.

Что предложил Сталин? Выборы должны были проводиться «на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании».

Вместо производственного принципа выдвижения кандидатов (от заводских и фабричных коллективов) предполагалось выдвижение от территориальных округов. Право выдвижения кандидатов предоставлялось общественным организациям и обществам трудящихся: коммунистическим парторганизациям, профсоюзам, кооперативам, молодежным организациям, культурным обществам.

В проекте конституции не было и намека на диктатуру пролетариата. Говоря другими словами, партийные руководители, привыкшие автоматически избираться в Советы, должны были теперь постоянно доказывать свое право на лидерство. Вдобавок к этому декларировалась независимость судов.

Очевидно, что после принятия новой конституции партийная элита оказалась бы в подвешенном состоянии: все полномочия переходили к Совнаркому и Президиуму Верховного Совета.

Это критический пункт во взаимоотношениях Сталина с правящей бюрократией: он предлагал реформу, ослабляющую

их власть, а они, видя «кировские» процессы и «Кремлевское дело», скрипя зубами, вынуждены были согласиться.

Тем не менее Сталин не был уверен в победе. Партийный и управленческий аппарат был огромен.

Кстати, сам Троцкий в очередной раз подтвердил аргументы Сталина своей критикой: «Весь тот слой, который не занимается непосредственно производительным трудом, а управляет, приказывает, командует, милует и карает — учителей и ученых мы оставляем в стороне, — должен быть исчислен в 5—6 миллионов душ. Эта суммарная цифра, как и вошедшие в ее состав слагаемые, ни в каком случае не претендует на точность; но она все же годится как первое приближение. Она позволяет убедиться, что "генеральная линия" руководства — не бесплотный дух»[280].

К этим управленцам он прибавил коммунистов и комсомольцев («образуют массив в 1,5—2 миллиона»), беспартийный актив, рабочую и колхозную аристократию, родственников и свойственников. «С семьями оба взаимопроникающие друг в друга слоя составят до 20—25 миллионов».

Процесс уничтожения старой санкт-петербургской элиты и замены ее новой, не имевшей государственнической традиции элитой советской, которая опиралась на интернациональную идеологию, потребовал срочной подпитки национальной культурой — это тоже элемент «сталинского термидора».

Но при этом никто в Кремле не задумывался о пороках советского государственного устройства (союз наций, а не союз территорий, как во всем мире), а также об ущемлении имперского народа, об отсутствии механизма воспроизводства новой имперской элиты. Никто не мог сказать, куда делись почти 14 миллионов самого активного населения (зажиточных крестьян, ремесленников, торговцев, владельцев мелких предприятий), которых в конце НЭПа было 9,3 процента от всего населения страны. Они стали одними из активных элементов государственного строительства, но очень сомнительно, что приняли коммунистическую идеологию.

В российской истории уже были подобные примеры разделения правящего слоя. Так, Иван IV Грозный, уехав в результате конфликта с боярами в Александров, через месяц прислал в Первопрестольную две грамоты, одну — с обвинениями бояр и духовенства в нерадении о государе и государстве, притеснениях христиан и расхищении казны, а другую — к народу, говорящую, что «опалы и гнева» на народ у него нет.

Вскоре простой люд обрушил свой гнев на управлявшую верхушку.

Чего добивался царь? По мнению историка Василия Клю-

чевского, «обе стороны не могли ни ужиться одна с другой, ни обойтись друг без друга». Это противоречие разрешилось разделением страны на земщину и опричнину, избиением боярских кадров и привело к Смутному времени, то есть к развалу страны.

Уместна ли такая аналогия? Вполне уместна, ибо Сталин, как и Грозный, решил заменить правящую верхушку своими людьми. Все шло по закону смены политической элиты контрэлитой, то есть людьми второго эшелона, к которым по духу принадлежал и Сталин. (Вспомним и его обращение к Ленину — еще дореволюционной поры — о перемещении центра партийной работы из-за границы в Россию.)

Теперь разгоралась борьба внутри правящего политического класса. В нее были втянуты десятки тысяч людей, чья вина определялась не на весах справедливости, а по принципу «свой — чужой».

Глава сороковая

Сталин как властитель. «Генеральный продюсер» всей культуры. Гражданская война в Испании. Положение оппозиции в СССР. В стране не должно быть «теневых вождей»

Подтверждением правомочности аналогии с Иваном Грозным служит описание необыкновенного приключения, которое случилось со Сталиным в то время. Вечером 22 апреля в Кремль в квартиру Сталина пожаловали гости, родичи по первой жене. Был день рождения Александры Андреевны Бычковой, няни Светланы Сталиной, к которой девочка была очень привязана. О ней дочь Сталина оставила очень сердечные воспоминания, суть которых заключается в следующем: после смерти Надежды Аллилуевой няня «осталась незыблемым, постоянным оплотом семьи».

Поэтому неудивительно, что на ее день рождения собралось много людей: пришли сам Сталин, Каганович и Орджоникидзе.

Двадцать второго апреля — это еще и день окончания работы сталинской группы над проектом конституции — важное обстоятельство в эмоциональной картине вечера.

Вот как свидетельствует Мария Сванидзе: «Обедали. Мы присоединились. Очень оживленно говорили. И. был в хорошем настроении, кормил Светлану. Сейчас же открыли “Абрау” и начались тосты. Заговорили о метро. Светлана выразила желание прокатиться и мы тут же условились — я, Женя,

она и няня проехаться. Л. М. заказал нам 10 билетов и для большего спокойствия поручил своему чиновнику нас сопровождать. Прошло $^1/_2$ ч., мы пошли одеваться и вдруг поднялась суматоха — И. решил внезапно тоже прокатиться. Вызвали т. Молотова — он подошел, когда мы уже садились в машины. Все страшно волновались, шептались об опасности такой поездки без подготовки. Лазарь Моисеевич волновался больше всех, побледнел и шептал нам, что уже не рад, что организовал это для нас, если б он знал и пр.»[281].

Опасность поездки? Вот в чем фокус. С одной стороны, «Кремлевское дело» и «Клубок» вкупе с «троцкистско-зиновьевским» подпольем, о серьезности чего говорит и бледность Кагановича, а с другой — вызов Сталина этим страхам и желание участвовать в празднике любимой дочери. У него была возможность на месте продемонстрировать, что он прав, утверждая о переменах в народе.

Каганович старался оттянуть поездку до полуночи, когда метро закроется для публики, но Сталин настоял на немедленном отъезде. Доехали от Кремля до Крымской площади (станция «Парк культуры»), спустились на эскалаторе вниз и стали ждать на платформе. Ждали минут двадцать, так как поезда ходили еще с большими интервалами, это были пробные рейсы. Появление Сталина вызвало у руководства метрополитена настоящий шок, подъехали охранники, стали делаться попытки освободить на соседней станции состав. Публика же узнала вождя и стала громко выкрикивать приветствия.

М. Сванидзе пишет: «И. стал выражать нетерпение». Он понял, что его затея незаметно прокатиться провалилась. Тем временем прибыл переполненный состав и, пока охрана освобождала первый вагон, народ кричал «ура» и размахивал руками. Наконец поехали. На следующей станции, «Охотный Ряд», вышли, осмотрели роскошество мраморного вокзала, подобного древнегреческому храму, и эскалатор. Толпа кричала еще задорнее. «Нас всех разъединили, — пишет М. Сванидзе, — и меня чуть не удушили у одной из колонн. Восторг и овации переходили всякие человеческие меры. Хорошо, что к тому времени уже собралась милиция и охрана». Из ее описания вырисовывается действительно опасная ситуация: «Я ничего не видела, а только мечтала, чтоб добраться до дому. Вася волновался больше всех». Четырнадцатилетний подросток острее взрослых почувствовал свое бессилие перед человеческим потоком.

И что же Сталин? «И. был весел, обо всем расспрашивал откуда-то появившегося начальника стройки метро. Пошучивал относительно задержки пуска эксплуатации метро и неполно-

го освоения техники движения». Более того, он вышел и на следующей станции, потом — поехал до Сокольников и обратно, хотя в Сокольниках всех ждали машины. На Смоленской площади поднялись на поверхность. Машины еще не успели сюда доехать, моросил дождь. Всей гурьбой пошли пешком по Арбату. Здесь к ним подъехала первая машина из особого гаража (вернее, ее остановили посреди пустынной улицы). Сталин отдал ее женщинам и детям.

Все кончилось благополучно, если не считать рыданий вернувшегося домой Василия. А женщины выпили для успокоения валериановых капель и долго не могли уснуть, обсуждая увиденное.

М. Сванидзе завершает запись с восторгом: «Метро — вернее вокзалы, изумительны по отделке и красоте, невольно преклоняешься перед энергией и энтузиазмом молодежи, сделавшей все это, и тем руководством, которое может вызвать в массе такой подъем. Ведь все было выстроено с молниеносной быстротой и такая блестящая отделка, такое оформление»[282].

Дневник сталинской свояченицы оставил истории единственное в своем роде — очень интимное — свидетельство, которое может служить фоном для его конституционного переворота.

Глядя на реакцию случайной московской публики, он укрепился в мысли, которая потом не оставляла его: народу нужен царь. Но одно дело «нужен царь», а другое — ощущал ли Сталин себя царем?

На этот вопрос он в какой-то мере ответил сам после своего выступления перед выпускниками военных академий, где говорил о новых кадрах. Выступление состоялось 4 мая, вскоре после экскурсии в метро, и стоит в одном смысловом ряду с работой над новой конституцией, доверием толпы и торжеством Метростроя.

Потом, в домашней обстановке, Сталин признался, что забыл прибавить, «что наши вожди пришли к власти бобылями и таковыми остаются до конца, что ими двигает исключительно идея, но не стяжание». Процитировав эти слова Сталина, М. Сванидзе добавляет: «Конечно, это обаяние чистой идейности и делает наших вождей любимыми и чтимыми для широких масс, да и отсутствие классовой отчужденности, как это было раньше, делает их своими “кровь от крови, плоть от плоти” для народа».

Вождя Великой французской революции Максимильена Робеспьера называли Неподкупным. Ему принадлежат слова, имеющие отношение к нашему герою: «Они называют меня тираном. Если бы я был им, то они ползали бы у моих ног, я

осыпал бы их золотом, я бы обеспечил им право совершать всяческие преступления, и они были бы благодарны мне!»[283]

Думается, Сталин мог бы подписаться под этими словами. Но почему тогда Робеспьер сегодня остается трагическим героем, а Сталин — тираном? Это уже вопрос не истории, а идеологии.

Наверное, Сталин слишком тотален, велик и страшен для современной российской и мировой политики, чтобы его опыт мирно хранился в анналах, никого не тревожа. Именно Сталин, а за ним Рузвельт и Мао Цзэдун определили лицо XX века. Без практики Сталина не было бы и свершений Рузвельта, и побед Мао. Но это отдельная тема, мы к ней еще вернемся.

А пока в июле того же 1935 года в Москве на Красной площади прошел парад физкультурников: мир увидел молодое, одухотворенное лицо Советской страны. Это звучит, конечно, пафосно, как и вообще все, что звучало тогда в массовой пропаганде. Однако начиная с апреля 1934 года, когда был вывезен самолетами экипаж затертого во льдах возле берегов Чукотки парохода «Челюскин», в общественной атмосфере появилось ощущение, что СССР как государство может добиться всего. Это можно назвать «духом времени», который для большинства заключался прежде всего в самом Сталине.

Вообще, лето 1935 года принесло много успехов: созданы продовольственные резервы (поэтому через год, когда случился неурожай, удалось избежать голода — этого бича российской деревни); развивалась легкая промышленность; расширялись инвестиции в экономику, начали работать новые предприятия.

Выходило, что сталинский курс побеждал не только в борьбе кремлевской группы с оппонентами, но и в хорошо видимой всеми повседневности. Эти победы и опора на огромную массу населения сделали Сталина настоящим советским «царем».

Осознание себя властелином происходило постепенно — сначала в виде общего представления о мироощущении народа, а затем, под влиянием обстановки, постепенным принятием полноты этого бремени. (Здесь уместно заметить, что в конце концов оно раздавило и его самого, и его детей.) Во всяком случае, свой 55-летний юбилей Сталин широко отмечать отказался, о чем специально заявил в Политбюро. Он также снял свое имя из списка обязательных для пропаганды героев Октября в конкурсе пьес и сценариев о революции.

Микоян в своих воспоминаниях, написанных уже после смерти нашего героя и окрашенных стремлением оправдаться, говорит, что среди членов Политбюро тогда никто не превозносил Сталина, кроме Кагановича. Сталин однажды отчитал

Кагановича: «Что это такое, почему меня восхваляете одного, как будто один человек все решает? Это эсеровщина, эсеры выпячивают роль вождей».

Микоян считал, что тогда Сталин лукавил. Но объяснил, почему сам включился в процесс возвеличивания: если не хвалить Сталина, это воспримут так, будто ты против него и даже против партии.

На самом же деле сталинская группа осознанно укрепляла авторитет своего лидера, это было в интересах каждого ее члена. Конечно, психологические оттенки имели место, как и борьба за усиление своего влияния. Это объяснялось и тем, что у сталинского окружения были основания опасаться неожиданных решений вождя, ведь наметившееся изменение его политики могло коснуться каждого.

В интервью, данном американскому журналисту Рою Говарду 1 марта 1936 года, Сталин сказал: «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

О чем тогда подумали Микоян и его коллеги, трудно сказать, но вполне можно представить.

Правда, Сталин был не так прост, чтобы принимать любые почести. Например, после Великой Отечественной войны он категорически отказался принять Звезду Героя Советского Союза, сказав, что звание героя присваивают за личное мужество, «а он такого мужества не проявлял». Сталин также сожалел, что поддался на уговоры и согласился принять звание генералиссимуса.

И объяснение Молотова показывает, что тут дело не в скромности: «Вождь всей партии, всего народа и международного движения коммунистического, и только генералиссимус. Это же принижает, а не поднимает! Он был гораздо выше этого! Генералиссимус — специалист в военной области. А он — и в военной, и в партийной, и в международной. Два раза пытались ему присвоить. Первую попытку он отбил, а потом согласился и жалел об этом»[284].

Другими словами, постепенно Сталин принял правила игры, вытекавшие из его положения. Соратники были бы рады увешать его всеми орденами, чтобы приблизить к себе, но подлинные ценности для него находились в другом измерении. Награды давал он, а его мог наградить разве что Господь.

Одиннадцатого июня 1936 года ЦИК одобрил проект новой конституции. День спустя он был опубликован во всех газетах, и началось широкое обсуждение.

Публиковались отклики рядовых граждан и почти не было предложений партийных руководителей. Первый напечатанный материал — секретаря Сталинградского обкома И. М. Варейкиса — выдавал тревоги партийной элиты: «Нет сомнения, что попытки использовать новую конституцию в своих контрреволюционных целях будут делать и все заядлые враги советской власти, в первую очередь из числа разгромленных групп троцкистов-зиновьевцев»[285].

Только неприятием новой конституции можно объяснить дружное молчание почти всех коллег Варейкиса. В лучшем случае, они не знали, что сказать, в худшем — бойкотировали обсуждение.

На этом фоне сталинская группа принимает решение продолжить репрессии против троцкистов.

Девятнадцатого июня Ягода и Вышинский представили в Политбюро список из 82 имен, которые могли быть обвинены в подготовке террористических актов, и предложили провести новый судебный процесс по делу Зиновьева и Каменева.

Санкт-петербургская политическая традиция, представляемая старым партийным руководством, должна была быть символически устранена из советской ментальности. Этот конфликт, как мы уже указывали, можно сравнить с расколом в Церкви во время царя Алексея Михайловича, укрепившим государство, но нанесшим тяжелый удар по психологии народа. Очевидно, что в стране не могли сосуществовать два руководства, легальное и нелегальное.

Сталинская группа считала, что двоецентрие реально существует. Оно, безусловно, существовало даже в самой тысячелетней российской истории, еще совсем недавно не ведавшей ни о каком Сталине и коммунистическом руководстве. А Сталин сам был двойствен: хотел опереться на государственническую традицию империи и при этом поднимал людей культуры допетровской Руси.

Можно без преувеличения сказать, что культурная атмосфера этой поры, отражавшая настроения верхов, была враждебна Сталину. Это чрезвычайно рельефно проявилось в его конфликте с композитором Дмитрием Шостаковичем по поводу оперы «Леди Макбет Мценского уезда».

Сюжет оперы по одноименной повести Николая Лескова таков. Купеческая жена Екатерина Измайлова в отсутствие нелюбимого мужа влюбляется в работника Сергея. Влюбленных выследил свекор, но она отравила его крысиным ядом. Вернувшегося мужа любовники убивают и прячут труп в погребе.

Однако тело случайно обнаруживают, и Екатерина с Сергеем вместо свадебного пира попадают на сибирскую каторгу. Сергей остывает к Екатерине и увлекается новой пассией, веселой каторжанкой Сонеткой. Страстная Екатерина, увлекая соперницу, бросается с обрыва в озеро, и обе гибнут.

Как говорит биограф Шостаковича, в музыке оперы была разлита «обжигающая эротика». «Она была особенно приметной на фоне с давних пор присущей русской культуре сдержанности при отображении сексуальной стороны любовных чувств»[286].

Сталин не терпел даже намека на изображение открытого секса в искусстве. К тому же, по словам Сергея Эйзенштейна, «в музыке "биологическая" любовная линия проведена с предельной яркостью», а Сергей Прокофьев даже услышал в ней «волны похоти».

Однако поставленная в январе 1934 года сразу в Малом оперном театре в Ленинграде и в Музыкальном театре имени Вл. И. Немировича-Данченко в Москве опера имела большой успех. В течение года в Ленинграде прошло свыше пятидесяти ее представлений. Опера была поставлена в Англии, США, Швейцарии, Швеции. И вот 26 января 1936 года послушать «Леди Макбет» в филиале Большого театра пришли Сталин, Молотов, Микоян и Жданов.

Сталин любил театр и литературу и, что более важно, считал главнейшим вопрос повышения культурного уровня рекрутированного из деревень народа. Размышляя над проблемой языка культуры, он выдвинул формулу «простота и народность», что в какой-то мере повторяет идею министра просвещения графа С. Уварова (в царствование Николая I): «Православие, Самодержавие и Народность».

Шостакович был, бесспорно, авангардистом, близким к левому искусству, что в послереволюционной стране было естественным, так как левые продолжали революционные традиции в искусстве. Но что могло дать такое искусство миллионам людей?

Одно важное обстоятельство надо упомянуть, говоря о посещении Сталиным оперы Шостаковича: это курс на укрепление семьи. В 1920-х годах семья считалась «буржуазным институтом», символом патриархальности и закабаления женщины, почти контрреволюционности. В ту пору можно было не регистрировать браки, семьей считалось постоянное совместное проживание мужчины и женщины, а дети, родившиеся от таких связей, обладали всеми юридическими правами законных детей. Разводы производились на основании простого уведомления партнера, аборты были разрешены.

Но это в прошлом. Сталин понял, что «свободная любовь» нарушает социальную стабильность в стране: страдают дети,

становящиеся сиротами, падает уровень рождаемости, остается низкой ответственность людей. Приняв новое законодательство о браке и отменив аборты, власть сделала ставку на традиционную семью.

В литературе и искусстве поощрялись и быстро сделались главными темы и образы преданных Родине героев, дружной семьи, самоотверженной любви и долга.

Сталин как вождь этих простых людей и руководитель бурно модернизирующегося государства не мог не управлять и воспитательным процессом, понимая, какой в нем таится ресурс развития.

Искрометная, но «буржуазная» опера сильно разочаровала «генерального продюсера» СССР. Это был не провал композитора Шостаковича, а неприятная и даже вредная страница в редактируемом Сталиным большом учебнике советской культуры.

Кремлевские зрители покинули театр без аплодисментов, а 28 января 1936 года в «Правде» была напечатана редакционная статья (без подписи) «Сумбур вместо музыки». Кто ее писал, доподлинно неизвестно. Скорее всего, два автора — Сталин и Жданов.

Вот ее основные выводы.

«Слушателя с первой же минуты ошарашивает в опере нарочито нестройный сумбурный поток звуков. Обрывки мелодии, зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете и визге. Следить за этой “музыкой” трудно, запомнить ее невозможно... Музыка крякает, ухает, пыхтит, задыхается, чтобы как можно натуральнее изобразить любовные сцены. И “любовь” размазана во всей опере в самой вульгарной форме... Хищница-купчиха, дорвавшаяся путем убийств к богатству и власти, представлена в виде какой-то “жертвы” буржуазного общества. Бытовой повести Лескова навязан смысл, какого в ней нет... Это — музыка, умышленно сделанная “шиворот-навыворот” — так, чтобы ничего не напоминало классическую музыку, ничего не было общего с симфоническими звучаниями, с простой, общедоступной музыкальной речью... Это левацкий сумбур вместо естественной человеческой музыки»[287].

Вскоре в газетах прошло множество публикаций против формализма. Было понятно, кто стоит за ними.

Но при чем тут политические процессы? Сталин выступал за «народную культуру», и в этом здесь отражалась его политическая линия, противостоящая «троцкистско-зиновьевской».

Однако если разгром и уничтожение главных оппонентов в борьбе за власть проходили системно, то оппонентов в куль-

турном пространстве, несмотря на создание вслед за Союзом писателей и других творческих организаций, было гораздо труднее повергнуть ниц.

Правда, в оппонировании своим противникам в культурной сфере Сталин действовал более изощренными методами, понимая, что иначе можно вообще остаться без деятелей культуры. Отсюда — широкий диапазон наград и наказаний, отчего у многих творцов создавался образ всемогущего и открытого к диалогу вождя. Не случайно в диалоге со Сталиным находились многие писатели — Булгаков, Пастернак, Шолохов, Фадеев, Симонов, Эренбург и ряд других.

Власти подсказывали творцам нужное направление. Создавалось государственное управление культурой и искусством, великий «советский Голливуд», который действительно стал эффективным воспитателем населения.

Показательна запись в дневнике (22 апреля 1936 года) Корнея Чуковского со съезда ВЛКСМ. Она многое объясняет: «Вчера на съезде сидел в 6-м или 7 ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Я пошел к нему, взял его в передние ряды (рядом со мной было свободное место). Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали, — счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой — все мы так и зашептали: “Часы, часы, он показал часы” — и потом расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах.

Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: “Ах, эта Демченко, заслоняет его!” (на минуту).

Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей Радостью...»[288]

Но те, кто не захотели или не смогли работать в этом «прекрасном лесу» (именно так и переводится с английского «Голливуд»), должны были пенять сами на себя.

Впоследствии, когда партийный контроль ослабел, а потом и вовсе исчез — это произошло уже после смерти вождя, — именно эти не вписавшиеся в соцреализм творцы вместе с пе-

ребежчиками составили ударную группу разрушителей сталинской системы. Возможно, глядя на них из потусторонних далей, наш герой сожалел о том, что не смог перевоспитать их, но, объективно говоря, даже он никогда не располагал средствами для полного контроля над творцами.

Можно сказать, Сталину все-таки удалось «перевоспитать» Шостаковича. Лучшее тому подтверждение — популярная песня «Нас утро встречает прохладой» из кинофильма «Встречный», оратория «Песнь о лесах», оперы «Карл Маркс», «Молодая гвардия» и музыка к фильму «Падение Берлина», за которую композитор получил Сталинскую премию. Он также написал музыку к гимну СССР. Она понравилась вождю, но он выбрал музыку другого композитора, Александрова, бывшего регента хора храма Христа Спасителя. При этом Шостакович в душе ненавидел Сталина, о чем свидетельствуют его воспоминания.

Иногда Сталин ощущал потребность вторгнуться в таинственный процесс творчества и указывал, как надо переделывать киносценарии и пьесы. Возможно, тогда он вспоминал, что в молодости писал стихи.

Сочетание таких разных дел, как работа над проектом конституции, проведение новой культурной политики, принятие нового закона о семье, заключение договора о взаимопомощи с Францией, создает впечатляющую панораму государственного строительства. На этом фоне начавшееся следствие по делу новой антисоветской организации «троцкистско-зиновьевского блока» выглядит отдельным сюжетом.

Двадцать девятого июня 1936 года сталинская группа от имени ЦК партии утвердила Закрытое письмо к парторганизациям, в котором объявлялось о разоблачении террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Горьком, Баку и других городах. Террористический блок возглавляли Зиновьев, Каменев, И. П. Смирнов, Мрачковский и др. Главная цель блока определялась так: «Одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде, на Украине расстроит ряды ВКП(б), вызовет панику в стране и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву прорваться к власти».

Все руководители блока давно уже были арестованы, поэтому руководство террором, как говорилось в письме, взял на себя Троцкий. ЦК призывал всех коммунистов бороться со «злейшими врагами» партии и повышать бдительность.

Таким образом, сталинская группа получала средство устрашения всех региональных партийных руководителей, кото-

рые в случае их отклонения от курса могли быть отнесены к троцкистам и пособникам таковых.

Но этот вывод может быть уточнен обращением к предыдущим этапам борьбы Сталина с Троцким, когда Сталин побеждал противников. Вряд ли новый процесс имел главной целью воздействовать на колеблющиеся областные и национальные кадры. Скорее всего, устрашение произошло после расстрелов 1936 года, сам же процесс против блока нужен был прежде всего для демонстрации всему миру, что в СССР нет и не может быть оппозиции, «теневых правительств», «теневых вождей».

Сталин доводил до конца практику, начатую после «Кремлевского дела» и убийства Кирова. Именно поэтому было принято решение о максимальной открытости судебного процесса и приглашении иностранных журналистов. Европа должна была стать главным зрителем и сделать вывод о никчемности сталинских врагов.

И только из второго ряда должны были наблюдать «свои». Наблюдать и делать выводы.

Восемнадцатого июня 1936 года умер Горький, как тогда писали, «великий пролетарский писатель». Он действительно был очень большим писателем и многое сделал для партии большевиков. Но в душе он оставался на социал-демократических позициях. Вздыбившаяся простонародная Русь его пугала, пролетарскую революцию он не принял. В своей газете «Новая жизнь» 22 марта 1918 года он написал: «Большевизм — национальное несчастье, ибо он грозит уничтожить слабые зародыши русской культуры в хаосе возбужденных им грубых конфликтов». С 1921 по 1933 год жил за границей, но часто приезжал в Советский Союз в надежде сохранить роль мудрого советника Сталина, о котором писал: «Отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, интуиция подлинного революционера, который умеет тонко разобраться в сложных качествах людей, воспитывая лучшие из этих качеств, беспощадно бороться против тех, которые мешают первым развиваться до предельной высоты...» Но Сталин нуждался в Горьком как в символе, а не как в гуру. И великий пролетарский писатель был вынужден смириться. Не получив того, на что надеялся, он удовлетворился влиянием на культурное строительство, тем более что модернизация страны отвечала его представлениям о необходимости полной переделки традиционной России, которую он не любил.

Со смертью Горького Сталин терял последнюю духовную связь с дореволюционным временем, когда он был одним из партийных функционеров второго ряда. Отныне наш герой оставался один.

Можно сказать, Алексей Максимович ушел не только по причине болезни, но и от того, что убедился: русская стихия наконец усмирена железной волей и твердой рукой вождя.

Великого пролетарского писателя похоронили с государственными почестями. Он превратился в мертвое божество пропаганды, а его трагедия осталась за пределами повседневного знания.

Глава сорок первая

Первое сражение Второй мировой войны. Проблема Орджоникидзе. Начало падения Тухачевского. Самоубийство Орджоникидзе. Сталин и Пушкин. Арест Бухарина. Альтернативные выборы?!

Пятнадцатого января 1936 года Япония покинула конференцию по морским вооружениям с участием США, Англии и Франции, не получив удовлетворения в своих претензиях.

Шестнадцатого февраля в Испании, где активно действовал Коминтерн, на парламентских выборах победил Народный фронт, в который входили левые партии, включая коммунистическую и протроцкистско-марксистско-ленинскую рабочую (ПОУМ).

Седьмого марта германские войска без предупреждения вошли в Рейнскую область, демилитаризованную согласно Версальскому договору и находившуюся под военным контролем союзников. Франция, чьи интересы затрагивались в первую очередь, не решилась на военные действия, так как о ее поддержке заявили лишь Чехословакия и Румыния, Англия же промолчала. Известно, что немецкое военное руководство до последнего момента старалось убедить Гитлера не делать этот крайне рискованный шаг, но тот заставил их ввести в эту промышленную область 35-тысячную группировку и занять там все основные города. Авторитет Гитлера в Германии мгновенно вырос до небывалых размеров. (Год назад, 21 мая 1935 года, германский рейхсвер был переименован в вермахт, стал подчиняться непосредственно фюреру; военная присяга теперь давалась не государству, а Гитлеру. Военная промышленность стала открыто производить боевую технику.)

Второго мая император Абиссинии Хайле Селассие бежал из страны, итальянские войска оккупировали Аддис-Абебу.

Третьего июня во Франции на парламентских выборах победил Народный фронт.

Двенадцатого июля в Испании был убит лидер правых (монархист) Кальво Сотело. 17 июля началось восстание против республиканского правительства. 19 июля войска под командованием генерала Франко были переброшены из Северной Африки (Испанское Марокко) в Кадис.

К середине 1936 года мало кто в Европе сомневался, что Версальская система не удержит мир от грядущего передела. На часах западных политиков начался обратный отсчет времени: как только Германия выстроит оборонительный рубеж на границе с Францией и обеспечит, по выражению Уинстона Черчилля, защиту своей «парадной двери», она двинется через другие свои «двери» на Юг и Восток.

Началась самая трудная шахматная партия Сталина, в которой его противниками оказались почти все сильные страны мира. Но для того, чтобы объединиться против СССР, этим странам требовалось согласовать друг с другом свои интересы и составить оборонительные союзы. Вот здесь он и надеялся стравить их, ослабить, а затем продиктовать свои условия. Это выглядело примерно так, как планировали к своей выгоде и американцы, наблюдая за европейскими и тихоокеанскими конфликтами. Поэтому те, кто спешит обвинить Сталина в цинизме и коварстве, должны оглянуться и на других лидеров.

Еще в начале абиссинского конфликта Сталин в письме Кагановичу и Молотову (2 сентября 1935 года) подчеркнул значение «драки» между европейскими странами: чем она сильнее, «тем лучше для СССР». И уточнил: «Мы можем продавать хлеб и тем, и другим, чтобы они могли драться. Нам вовсе невыгодно, чтобы одна из них теперь же разбила другую. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой»[289].

Вспомните письмо Буллита Рузвельту: суть та же.

Характерно, что в апреле 1935 года, стремясь к заключению с Францией договора о взаимопомощи, Сталин предупреждал советских переговорщиков от уступок французам: «Мы не так слабы, как предполагают некоторые»[290].

Секретные материалы из «Особой папки» свидетельствуют о крайней взвешенности шагов Сталина по продвижению в Европу. Теперь не было ничего подобного 1923 году, когда Троцкий настаивал на военном вторжении в Германию.

Мятеж генерала Франко и начавшаяся в Испании гражданская война вдруг перевернули характер шахматной партии: медленные позиционные действия сменились рискованной игрой.

Именно гражданская война в Испании, где, как и в России в 1917 году, 80 процентов населения составляли крестьяне, а у армии был опыт нескольких конституционных переворотов, вскоре повлияла и на отношение Сталина к советским маршалам. Эта страна с великим прошлым и в другом напоминала Россию: неравномерностью экономического развития регионов, оппозиционностью местных финансово-промышленных кругов к транснациональным компаниям, противоречиями национального характера между более развитыми приморскими провинциями Бискаей и Каталонией и внутренней — Кастилией.

В 1931 году на муниципальных выборах выиграли оппозиционные республиканские и социалистические партии, начались стихийные демонстрации и беспорядки, король Альфонс XIII покинул страну. Была провозглашена республика. На внеочередных выборах в кортесы (парламент) подавляющее число мест получили социалисты и республиканцы. В принятой конституции нашли заметное отражение идеи Веймарской, а также советской конституции 1918 года. Земельная реформа, всеобщее избирательное право, отделение Церкви от государства, права на труд, образование, социальную помощь, достойную жизнь, забастовку, свободный развод — все это было в ней. Но при всей своей прогрессивности Основной закон Испании резко отрицательно оценивал национальное прошлое, традиционную мораль, Церковь. То, что последовало дальше, уже было в России: оскорбление армии и офицерства, разрушение помещичьих усадеб и спешка в земельной реформе, разгром храмов, превращение монахинь в «невест революции» (изнасилование).

В результате страна прошла через несколько кровавых потрясений с участием военных, пока весной 1936 года не был создан Народный фронт, который и победил на парламентских выборах. (Через три месяца Народный фронт победит и во Франции.)

Испания с 1923 года входила в зону внимания Коминтерна. В ней были сильны анархисты, почитавшие Бакунина и Кропоткина, а также профсоюзные организации, республиканцы и социалисты. Коммунистов было мало, но они были организованны. Весной 1936 года в Испанию прибыли из Москвы представители Коминтерна, аргентинец Витторио Кодовилья, итальянец Пальмиро Тольятти и венгр Дьердь Гере. Благодаря их работе компартия стала активизироваться и быстро пополнять свои ряды.

Но Сталин не хотел социалистической революции в Испании, так как это повернуло бы против СССР весь Запад. Наш

герой вообще отнесся к испанским делам как к неожиданной помехе, обострившей всю ситуацию в Европе.

С другой стороны, мог ли Сталин оставить без помощи республиканскую Испанию? Если бы это случилось, он не оправдался бы перед советскими коммунистами, а сталинская группа оказалась бы в идеологической блокаде и в меньшинстве.

Однако напрямую вмешаться в войну на Пиренейском полуострове все же не представлялось возможным хотя бы из-за отсутствия общей границы. Поэтому по решению Исполкома Коминтерна, принятому 18 сентября 1936 года, стали создаваться интернациональные бригады добровольцев.

Соотношение сил воюющих сторон было таким: на стороне мятежников почти вся армия (80 процентов сухопутных войск), гражданская гвардия, авиация и флот — всего свыше 200 тысяч человек; на стороне республиканцев — 25 тысяч. Кроме того, воюющие стороны опирались на своих партийных приверженцев.

Уже первые бои отличались крайней жестокостью, пленных не брали, раненых добивали штыками и прикладами, что увидел весь Мадрид уже 19 июля, когда республиканцы взяли штурмом мятежную казарму Ла Монтанья.

Возможно, Сталин ограничился бы только посылкой интербригад, но воюющие стороны обратились за помощью, республиканцы — к новому правительству Франции Леона Блюма (Народный фронт), а франкисты — к Гитлеру и Муссолини. С 28 июля по 1 августа на марокканском аэродроме в Тетуане приземлились 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52» для переброски мятежников в метрополию. 30 июля 12 итальянских бомбардировщиков «Савойя-81» вылетели из Сардинии в Испанское Марокко, но один самолет из-за неполадок в моторе был вынужден сесть в Алжире. Мир узнал о вмешательстве в испанские события.

Франция отреагировала мгновенно: 2 августа ее правительство обратилось к заинтересованным государствам Европы и США с целью заключить соглашение о невмешательстве. СССР принял это предложение. Тогда отношение Сталина вполне достаточно выражалось в директиве секретариата ИККИ в адрес ЦК Компартии Испании: «Не забегать вперед, не сходить с позиций демократического режима и не выходить за рамки борьбы за подлинно демократическую республику»[291].

Восемнадцатого августа Сталин телеграфировал Кагановичу и Чубарю указание о немедленной продаже республиканскому правительству «на самых льготных условиях» нефти и продовольствия. К этому времени ему уже стало известно, что Троцкий предсказывает революционные события во Фран-

ции, поражение рабочего класса и переход к троцкистам руководства французской компартии. Если бы прогноз Троцкого осуществился, то всей европейской политике Сталина пришел бы бесславный конец. Тогда вся Европа была бы вынуждена пойти на соглашение с Германией против СССР, и Сталин столкнулся бы с объединенным фронтом Запада.

Фигура Троцкого приобретала угрожающее значение, так как на него возлагались надежды многих европейских и советских коммунистов по продолжению (во Франции и Испании) мировой революции.

Что оставалось Сталину?

Оставалось, как когда-то в Китае, вести изощренную работу «под крышей» тактических союзников, социалистов и анархистов. Кроме того, все увеличивающееся военное вмешательство Германии и Италии неожиданно давало ему шанс втянуть эти страны в длительный военный конфликт, в котором СССР воевал бы руками испанцев.

При этом положение оппозиции в СССР становилось безнадежным. Открытый судебный процесс показывал «агентами гестапо» троцкистов и зиновьевцев, сторонников террора против советских руководителей, боровшихся с фашизмом.

Сталин постоянно получал информацию об идущем в Москве судебном процессе. Его внимание было так велико, что некоторые историки даже полагают, что он вообще сидел за ширмой в Доме союзов и наблюдал за допросами подсудимых. Конечно, он наблюдал, — находясь в Сочи.

Девятнадцатого августа Каганович и Ежов сообщили, что все подсудимые признали себя виновными в терроризме и получении директив от Троцкого. На иностранных журналистов признание произвело «ошеломляющее впечатление».

Двадцатого августа Сталину было направлено новое письмо, в котором сообщалось, что подсудимые назвали своими единомышленниками Рыкова, Томского, Бухарина, а Радека, Сокольникова, Пятакова, Серебрякова — организаторами своего «Запасного центра».

Двадцать первого августа центральные газеты напечатали статьи бывших оппозиционеров Раковского, Радека и Пятакова, резко осуждавших Троцкого, Зиновьева и Каменева и требовавших их расстрела.

В тот же день застрелился Томский. Накануне, на собрании в Объединенном государственном издательстве, он признал, что несколько раз встречался с Зиновьевым и Каменевым, высказывал «свое недовольство».

Двадцать второго августа Сталин получил проект приговора и внес в него поправки. Особо он подчеркнул, что надо обязательно упомянуть, что Троцкий и Седов (сын Троцкого) подлежат привлечению к суду. Также указал, что не надо писать: «приговор окончательный и обжалованию не подлежит». И объяснил: «Эти слова лишние и производят плохое впечатление. Допускать обжалование не следует, но писать об этом в приговоре неумно».

Почему же неумно? Здесь что-то недоговорено. Существует версия, что он не хотел, чтобы осужденных расстреливали, так как они еще могли выступить свидетелями по другим делам, а Ягода, в чьих интересах было уничтожить своих бывших соратников (вспомним скандальную встречу Бухарина с Каменевым), сразу привел приговор в исполнение.

Однако, судя по переписке, решение о ночном расстреле было принято Политбюро. А раз так, то Ягода был ни при чем.

Кое-что проясняет телеграмма Сталина Кагановичу и Молотову (6 сентября 1936 года), в которой он, оценивая статьи в «Правде» о процессе, писал: «Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма в городах и деревнях СССР. Ибо Сталин и другие руководители не есть изолированные лица, — а олицетворение всех побед социализма в СССР, олицетворение коллективизации, индустриализации, подъема культуры в СССР, стало быть, олицетворение усилий рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции за разгром капитализма и торжество социализма.

Надо было сказать, что кто борется против руководителей партии и правительства в СССР, тот стоит за разгром социализма и восстановление капитализма»[292].

Ближайшие события показали, что он не ошибся в своих комбинациях. Практически вся либеральная интеллигенция Запада воспринимала завязывающуюся в Испании борьбу как общую войну против фашизма, а в СССР и его руководителе видела, несмотря ни на что, единственную организованную антифашистскую силу. Такие известные люди, как физик Альберт Эйнштейн, художник Анри Матисс, писатели Эрнест Хемингуэй и Антуан де Сент-Экзюпери и многие другие, выступили в защиту республиканской Испании.

Шестого сентября Сталин телеграфировал Кагановичу об отправке в Испанию (через Мексику) 50 скоростных бомбардировщиков и стрелкового вооружения.

Четырнадцатого сентября на Лубянке было проведено совещание, на котором приняли решение «координировать» действия ОГПУ с деятельностью испанской компартии, то есть главным игроком в поставках оружия и тайных операциях стали советские спецслужбы. В течение короткого времени в Европе была организована закупка и отправка в Испанию военной техники и вооружения. Это происходило на фоне поставок оружия мятежникам через Португалию.

Первое советское судно «Комсомолец» прибыло в Картахену 12 октября, имея на борту 50 танков «БТ-6», снаряды, патроны, станковые и ручные пулеметы, медикаменты. К декабрю 1936 года в Испанию доставили 136 самолетов, 106 танков «Т-26», 30 броневиков, 174 орудия, боеприпасы, запчасти и т. д. Всего за три года войны в Испании Советский Союз поставил 648 самолетов, 347 танков, 1186 орудий. Причем более 70 процентов вооружений составляли новейшие образцы. Испания стала полигоном для испытания оружия. Советские техники регулярно присылали в Москву дипломатической почтой свои замечания о боевой практике.

В это же время Сталин проявил холодную расчетливость и озаботился компенсацией расходов. Иногда историки упрекают и даже обвиняют его в этом, что представляется малообоснованным. Во-первых, у него не было лишних денег, а во-вторых, периферийная Испания (в отличие, например, от Китая) была всего лишь небольшим эпизодом в его стратегии.

По решению правительства Испанской республики для закупки военной техники была использована часть «металлических резервов» Национального банка. Депозитарием испанцы выбрали СССР. 5 ноября золото (510 080 килограммов) доставили в Москву. СССР предоставил Испании кредит, погашаемый за счет продажи депонированного золота, которая проводилась по распоряжениям министерства финансов Испании. (Всего до марта 1938 года испанцы передали таких распоряжений о продаже 450 тонн. Но и после этого СССР продолжал поставки вплоть до 1939 года.)

Как только республиканцы увидели советские самолеты и танки, авторитет СССР взлетел, а испанские коммунисты приобрели в сравнении с представителями других партий положение реальных лидеров.

Правда, изменившийся внутренний баланс сил вскоре привел ко «второй гражданской войне» уже в среде самих республиканцев, где социалисты и троцкисты стали бороться против коммунистов, а анархисты — против коммунистов и социалистов, в какой-то мере повторяя недавнюю ситуацию в ВКП(б).

После процесса «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» перед Сталиным встала проблема укрепления НКВД. Ягода, который не смог бы организовать должного ведения следствия, если бы не бульдожья хватка Ежова, больше не должен был оставаться во главе наркомата.

В смещении наркома большую роль сыграл его заместитель Агранов. Ежов передал ему указание Сталина, что в деле троцкистского центра делаются ошибки и что надо раскрыть «явно невскрытую террористическую банду и личную роль Троцкого в этом деле».

Принципиальным открытием Агранова было создание сценариев дел, подчинение воли подследственных, стравливание их друг с другом и демонстрация публике целостного «заговора». Этот метод был вскоре растиражирован в сотнях других дел.

Агранов руководил делом «Ордена русских фашистов» и создал впечатляющую картину подпольной фашистской русской организации. Именно с этого дела, по которому проходил и Сергей Есенин, началась линия борьбы ОГПУ с национальной интеллигенцией. Поэты Осип Мандельштам, Николай Клюев, Павел Васильев, Леонид Мартынов — все они его «крестники». Агранов сильно влиял и на культурную обстановку в стране, дружил с многими писателями и артистами (Бабель, Кольцов, Мейерхольд, Маяковский).

После самоубийства Маяковского он содействовал появлению письма Лили Брик Сталину, на котором вождь начертал резолюцию, сделавшую поэта великим. («Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи».)

Этот чекист (его сравнивают с инквизитором) проделал главную работу, которая и показала Сталину, что Ягоду надо менять. Пока что Сталин доверял Агранову: сеть аграновских осведомителей и добровольных помощников захватывала и верхний уровень партийной элиты, поэтому никто не мог быть уверен, что не находится под наблюдением.

Так, Агранов представил Сталину донесение о высказываниях Пятакова, заместителя Орджоникидзе: «Я не могу отрицать, что Сталин является посредственностью и что он не тот человек, который должен был стоять во главе партии; но обстановка такова, что, если мы будем продолжать упорствовать в оппозиции Сталину, нам в конце концов придется оказаться в еще худшем положении: наступит момент, когда мы будем вынуждены повиноваться какому-нибудь Кагановичу. А я лично никогда не соглашусь подчиняться Кагановичу!»[293]

Одиннадцатого сентября 1936 года Пятакова вывели из состава ЦК партии и арестовали. Вскоре благодаря этому на-

чалось дело Пятакова — Сокольникова — Радека («Параллельный антисоветский троцкистский центр»).

Двадцать пятого сентября Сталин и Жданов направили Кагановичу и Молотову письмо: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Замом Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова»[294].

Ягоду предполагалось назначить наркомом связи, освободив от этой должности Рыкова. Вероятнее всего, тогда Сталин не предвидел, что Ягода будет репрессирован. Из его записки Ягода видел, что вождь не настроен в какой-либо степени враждебно: «Наркомсвязь дело очень важное. Это Наркомат оборонный. Я не сомневаюсь, что Вы сумеете этот Наркомат поставить на ноги. Очень прошу Вас согласиться на работу Наркомсвязи. Без хорошего Наркомата связи мы чувствуем себя как без рук. Нельзя оставлять Наркомсвязь в нынешнем ее положении. Ее надо срочно поставить на ноги»[295].

Ежов же сохранял посты секретаря ЦК и председателя КПК, что свидетельствовало об усилении власти партийного аппарата.

Конечно, никто не мог предположить, что вслед за этим в НКВД начнется чистка, жертвой которой станут тысячи чекистов, еще вчера контролировавших страну, и что за сменой чекистских кадров стали меняться и методы следствия. В дальнейшем дело дошло до пыток. Если в течение многих лет оппозиционеров, членов партии не пытали и не расстреливали, признавая их своими, то после убийства Кирова и особенно после августовского процесса 1936 года произошел перелом.

Почему стала разрастаться эта жестокая непримиримость, трудно понять без учета «фактора Гитлера», то есть приближающейся войны. В глубокой старости соратник Сталина называл главным именно это обстоятельство. «Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было “пятой колонны”. Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но, если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся»[296].

Вернемся в Европу. 24 октября 1936 года Гитлер и Муссолини, уже объединенные операцией в Испании, объявили о создании «оси» Берлин — Рим. 15 ноября в Берлине министры иностранных дел Германии и Японии, Нейрат и Муякодзи,

подписали Антикоминтерновский пакт. В течение одного месяца сложился военный союз, мощь которого трудно было недооценить. Гитлер заявил, что теперь Германия и Италия могут победить не только Россию, но и Великобританию.

Теперь были предрешены дальнейшие действия Германии: захват Австрии для создания общего фронта с Италией и выхода в Средиземное море, затем — разгром полуокруженной Франции, прорыв в Восточную Пруссию, поворот к Англии... А что потом?

ВВС Германии уже превосходили английские и постоянно наращивали превосходство. Осенью 1936 года Берлин принял четырехлетний план реоганизации экономики страны, чтобы достичь самообеспеченности на случай военных действий.

Перед лицом очевидной угрозы Париж и Лондон никак не могли определить стратегические приоритеты — назревание революции в Испании страшно пугало их политические элиты. Сталин казался им еще более опасной фигурой, чем Гитлер.

Восемнадцатого ноября правительства Германии и Италии признали режим Франко, что было нарушением подписанного ими соглашения о невмешательстве в гражданскую войну на Пиренеях. Они объяснили это оказанием советской помощи республиканцам и формированием интербригад.

Вскоре из Гамбурга в Кадис прибыл авиационный отряд добровольцев «Кондор» (около 300 самолетов), а также танковый корпус. Из Италии — пятидесятитысячный экспедиционный корпус. (Общая военная помощь Германии и Италии значительно превысила советскую.)

Положение Сталина еще более осложнилось. Как ни старался он продемонстрировать Западу ограниченность своих планов, но обстановка быстро накалялась и не поддавалась контролю. Кадровые перемены в Мадриде тоже свидетельствовали об укреплении революционных сил. В республиканское правительство вошли сразу четыре представителя Национальной конфедерации труда, самой многочисленной и боевой организации анархо-синдикалистского направления. Вся Испания была заражена верой в неизбежную победу революции, доминировало боевое настроение ПОУМ, Федерации анархистов Иберии и Конфедерации труда.

В результате Париж и Лондон не восприняли аргументов сталинской группы, доказывающих, что Москва не стремится к мировой революции и коммунистическому заговору. Это было поражением Сталина. Враждебность Европы оказалась непреодолимой.

Что он мог сделать? Он был вынужден поддержать Испанию. Бросать ее было еще опаснее. Надо было воевать.

А внутри страны необходимо было успеть довести до конца кадровую перестройку, дочистить злосчастных сторонников Троцкого, которые даже в Испании так отравляли его планы. Но дочистить — это полдела. Еще надо было встроить в советскую практику совершенно новый механизм — механизм саморазвития, который стимулировал бы общество подобно буржуазной жажде прибыли и был бы сильнее угроз из Кремля или с Лубянки. Однако в этом Сталин не преуспеет никогда.

Двадцать девятого сентября 1936 года Политбюро приняло решение, которое напрямую можно связать с арестом Пятакова. В нем говорилось о том, что «необходима расправа» абсолютно со всеми оппозиционерами. Другими словами, левых должны были «дочистить» окончательно. Следует учесть и огромное давление, которое оказывало на сталинцев большинство партии, состоявшее из представителей иного социокультурного слоя. Сегодня это давление уже нельзя представить в полном объеме, как нельзя мысленно охватить взглядом извержение вулкана или шторм.

Советское общество было критически нестабильным. Под тонкой коркой еще клокотала магма. Миллионы людей, чью жизнь перевернули социальные катаклизмы, вырвав из привычных и прочных устоев бытия, при малейшем ослаблении государственного порядка были готовы к резким и разрушительным действиям. В «испанском зеркале» отражалось недавнее российское прошлое, «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Недовольство существовало и в рядах рядовых коммунистов, быт которых мало отличался от быта остального населения. Они отличались другим, тем, что сегодня не поддается анализу, — сильным духовным напряжением, похожим на религиозную страстность. В таком состоянии люди видят в инакомыслящих своих врагов и готовы на крайние меры борьбы с ними.

То есть рабоче-крестьянская (простонародная) партия отторгала чужеродный слой, который видел будущее не так, как она. Этот слой не хотел стабилизации, тогда как большинство — жаждало.

Государство тоже больше не могло мириться с существованием дестабилизирующей его силы. Ему не нужна была даже партия в ее природном, самостоятельном виде. Властным структурам для решения своих задач требовался только партийный управленческий механизм. Поэтому новая конституция и должна была дать государству, то есть представляющей его группе, необходимый инструментарий.

А что при этом должны были ощущать несколько тысяч партийных руководителей? Они были встревожены, а некоторые — возмущены. Их привычной жизни со сложившимися связями (которые способствовали формированию кланов) грозил конец. Это была мощная группа, она имела большинство в ЦК, в местных организациях, наркоматах, в том числе оборонном.

Двадцать пятого ноября 1936 года в Свердловском зале Большого Кремлевского дворца открылся VIII Чрезвычайный съезд Советов СССР для обсуждения и принятия новой конституции.

Обычно перед мероприятиями такого рода собирали пленум ЦК, который выдвигал соответствующие рекомендации. Однако на сей раз Политбюро решило созвать пленум только после доклада Сталина, на следующий день, 26 ноября, вослед главному событию.

В своем докладе Сталин, по сути, повторил известные мысли об изменениях, происходящих в стране: об отсутствии эксплуатации, о всенародной собственности на средства производства, недра и землю, о необходимости создать более гибкую и мощную, чем диктатура пролетариата, систему управления обществом.

Сказанное далее задело многих: он решительно отверг предложения запретить отправление населением религиозных обрядов, а также выступил против сохранения института «лишенцев». Объясняя свое отношение к лишенцам, он подчеркнул, что нетрудовые и эксплуататорские элементы лишены избирательных прав временно, и что пора пересмотреть их положение. Он также не согласился с опасениями, что «кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов» полезет в верхние органы власти. Во-первых, сказал Сталин, не все они враждебны советской власти, а во-вторых, если изберут враждебных, то это будет означать, что «наша агитационная работа поставлена плохо, а мы вполне заслужили такой позор». Показательно, что Сталин не вспомнил осужденных или арестованных оппозиционеров, явно не желая направлять обсуждение в сторону борьбы с этой группой.

На следующий день должен был пройти пленум ЦК, на котором предполагалось обсуждение доклада Сталина, но этого не случилось.

В первый день работы съезда сразу стала выделяться своеобразная драматургия выступлений, которую можно определить как неприкрытое столкновение разных позиций.

Секретари областных, краевых и республиканских организаций словно не поняли Сталина и стали взывать к духу мщения,

адресуя его троцкистам, зиновьевцам, националистам, меньшевикам и белогвардейцам. Можно сказать, они громили всех, кто мог представлять мало-мальски ощутимую угрозу на будущих альтернативных выборах.

Однако сталинская группа не сбилась с направления и продолжала обсуждать именно конституцию. Особенно весомо прозвучало выступление Молотова. Наверное, после его слов некоторые ощутили холод приставленного к виску револьвера.

Молотов высказал два принципиальных положения: первое — кандидатов в Советы будут выдвигать не только парторганизации, но и другие, беспартийные образования; второе — новая система должна ударить по бюрократам, оторвавшимся от масс, и облегчить выдвижение «новых сил из передовых рабочих, из крестьян и интеллигентов, которые должны прийти на смену отсталым и обюрократившимся».

Публика в Свердловском зале была искушенная и поняла, что наступают не лучшие времена, что надо срочно придумывать, как защититься.

Скрытая полемика продолжалась, и не было ясно, к чему она приведет. Сталинская группа решила свернуть обсуждение и провела открытым голосованием решение передать обсуждение проекта конституции редакционной комиссии. Список же комиссии был предложен и утвержден без голосования. В нем представителей местных парторганизаций, членов и кандидатов в члены ЦК, естественно, оказалось меньшинство в сравнении с представителями аппарата.

Кроме того, Сталин вообще избежал обсуждения конституции на пленуме, где соотношение сил было бы не в его пользу.

Накануне заседания редакционной комиссии, 2 декабря 1936 года, Сталин встретился в своем рабочем кабинете с большой группой ее членов и разговаривал с ними четыре (!) часа. Кроме того, на совещании присутствовали все члены Политбюро и трое кандидатов, а также Вышинский, Литвинов, Стецкий, Таль, Яковлев, Акулов. Стенограмма не велась, но можно представить все напряжение столь длительного разговора.

Четвертого декабря состоялся пленум ЦК. Проект конституции на нем не зачитывался и фактически не обсуждался. Были высказаны всего три формальных замечания. Всего три! В зале же сидели 123 человека.

После такого бессмысленного времяпрепровождения председательствовавший Молотов предложил проголосовать за проект. Проголосовали единогласно поднятием рук.

Пятого декабря на пленарном заседании делегаты принимали новый Основной закон. Председательствовал секретарь

ЦК А. А. Андреев, входивший в сталинскую группу. Он читал весь текст, и по каждой статье шло открытое голосование. 146 раз делегаты дружно поднимали свои красные мандаты под строгим присмотром президиума.

Сталин добился своего. Отныне выборы были всеобщие, прямые, тайные, а избирательным правом обладали все. Теперь следовало провести не менее сложную операцию — обновить состав ЦК партии и партийное руководство на местах.

Только учитывая эту стоявшую перед кремлевским ядром задачу, можно понять, почему на пленуме 4 декабря в повестку был неожиданно включен доклад Ежова «О троцкистских и правых антисоветских организациях». Казалось, эта тема отвечала настроениям местных руководителей, требовавших усиления репрессий. Однако это только на первый взгляд. Ударным моментом ежовского выступления был обнародованный им метод раскрытия враждебных группировок. Бывших участников оппозиции, работавших в разных отраслях и регионах, он связал с их коллегами из непосредственного производственного окружения, а также с вышестоящими руководителями и подчиненными. Так создавались «шпионские и вредительские» организации. Метод Ежова был примитивен и универсален, применять его можно было повсеместно. Далее нарком внутренних дел поведал о следствии в отношении Пятакова, Сокольникова, Радека, Сосновского и других и обвинил по результатам очной ставки с Сокольниковым присутствующих на пленуме Бухарина и Рыкова.

Говоря о летнем решении Политбюро, призывавшем расправляться с «мерзавцами», он произнес грозную фразу: «Мне кажется, что эта директива имеет прямое отношение ко всем партийным организациям, ко всем членам партии».

И его поняли моментально. Почти все, кто выступал после, призывали безжалостно расправляться с троцкистами. Даже Бухарин захотел до конца «истреблять сволочь».

Эйхе говорил о «зверином лице» троцкистов и взывал: «Их нужно расстреливать! Товарищ Сталин, мы поступаем слишком мягко!»

Но Каганович, Молотов, Сталин говорили не столь радикально. (Напомним, что назавтра должны были утвердить новую конституцию.) К тому же Сталин, как видно, еще не знал, как сложится борьба, и предложил отложить решение о Бухарине и Рыкове до следующего пленума, а материалы текущего обсуждения вообще не публиковать.

Не исключено, что Бухарин, уже фактически отстраненный

от работы в «Известиях», редакцию которых контролировал кремлевский идеолог Таль, еще не стал недругом лично для Сталина. Он был одним из авторов новой конституции, поэтому отдавать его на растерзание членам ЦК Сталин не хотел. А то, что они жаждали крови, у него не вызывало сомнений.

Так сошлись в одной точке три мощных вектора: необходимость вмонтировать через новую конституцию конкурентный принцип саморазвития общества; необходимость обновления кадров на местах; стремление региональных руководителей усилить репрессии против конкурентов.

К этому надо добавить «проблему Орджоникидзе». Фактический экономический диктатор СССР не понимал политики Сталина. В его представлении почти не существовало ни троцкистско-зиновьевских изменников, ни вредителей, ни шпионов. Он жил в мире строек и заводов, которыми управляли его люди, пусть и не безгрешные, но преданные и ему, и партии, и стране.

Метод Ежова, связывавший многих подчиненных Орджоникидзе в сети заговорщиков, задевал прежде всего самого Серго. Арестованный Пятаков был его первым заместителем, правой рукой. Не мог он сдать без сопротивления и других работников наркомата, защищал их как мог. Авторитет Орджоникидзе был огромен. Все помнили, что именно он, сменив не справившегося Куйбышева на посту председателя ВСНХ, вытащил план первой пятилетки. Но все помнили и то, как он сопротивлялся разделению ВСНХ на три наркомата (тяжелой, легкой и лесной промышленности), как выступал против Молотова и как его одергивал Сталин.

Осенью 1936 года произошло событие, сильно ударившее по Орджоникидзе: арестовали его брата Папулию (Павла), руководителя грузинской железной дороги. Тот был известен как кутила, охотник, любитель разгульной жизни. Он был крайне несдержан на язык и даже младшего брата называл «дерьмом». Доставалось и Сталину, которого Папулия прилюдно величал «усатой свиньей»[297].

Несмотря на то что Орджоникидзе знал цену родственнику и даже не останавливался у него во время приездов в Тбилиси, арест он воспринял как личное оскорбление. Даже больше, чем оскорбление, — еще одно посягательство на свой клан. Он знал, что Папулия бестолковый и никчемный партиец, но зачем его арестовывать? Разве он враг?

Серго еще не догадывался, что и его жизнь уже висит на волоске и что дело не в бедном гуляке.

Наступал 1937 год. Он вошел в советскую историю как символ расправы Сталина с невинными жертвами.

Возможно, Серго думал, что происходит нечто похожее на дело о поставке некомплектных комбайнов, когда он действительно перегнул палку, защищая своих производственников от товарищей из Политбюро.

Параллельно следствию по «Кремлевскому делу» и как его своеобразное продолжение произошло разделение Украинского военного округа на Киевский и Харьковский. Это случилось в мае 1935 года и должно было ослабить единство украинских военных.

Армия и сейчас была в зоне особого внимания Сталина, так как начавшаяся в Европе перегруппировка обострила старые угрозы СССР. Но если до заключенного в 1934 году германо-польского договора о ненападении советский стратегический план войны на западном направлении основной задачей ставил разгром Польши, то сейчас, по мнению Тухачевского, выдвигается новая задача — «необходимость борьбы с польской и германской армиями».

В декабре 1935 года маршал предложил провести в Генеральном штабе большую стратегическую игру для проработки мер и способов активного отражения нападения Германии.

Эта игра состоялась с 19 по 25 апреля 1936 года. Перед ней Тухачевский побывал в Лондоне на похоронах короля Георга V, в Париже и Берлине, где пытался встретиться с Гитлером, но тот категорически отказался от контактов (обратим внимание, что Тухачевский в Париже и Берлине имел несанкционированные в Москве длительные беседы с белогвардейцами из РОВСа, пытаясь через них довести до французских и немецких верхов взгляды Кремля). Поездка показала, что руководство всех трех стран не хочет союзнических отношений. Никто не собирался связывать себе руки, надеясь перехитрить соседей.

Поэтому предложенная штабная игра не могла не состояться. Согласно заданию, утвержденному начальником Генштаба маршалом Егоровым, «воюющими» сторонами командовали: Западным фронтом СССР — Уборевич, польскими войсками — Якир, германскими — Тухачевский.

В начале игры Тухачевский раскритиковал стратегическую установку Генштаба. Он заявил, что немцы будут наступать главными силами через Украину, так как планируют захват этой территории, но Генштаб этого не учитывает, планируя войну только с Польшей. К тому же Тухачевский считал, что немцы выставят вдвое больше дивизий, чем в начале Первой мировой войны (тогда их было 92). Только имея такое превосходство, они начнут войну, которая так или иначе будет для них

войной на два фронта. И начнут ее внезапно. Предложенный Тухачевским вариант был очень трудным для советских войск: неожиданность нападения позволила немцам продвинуться на начальном этапе на 100—250 километров; первые 8—12 месяцев РККА ведет упорные оборонительные бои и, только восполнив потери и полностью отмобилизовавшись, переходит в решительное наступление.

Эта позиция противоречила установке Егорова. Начальник Генерального штаба считал, что советские войска раньше немцев завершат сосредоточение: никакого превосходства противника он не допускал.

Победила точка зрения Егорова, причем Сталин прямо выразил Тухачевскому неодобрение: «Вы что, советскую власть запугать хотите?»

В этих словах явно звучала политическая угроза. Но Тухачевский не понимал Сталина. У них не получалось диалога: один рассуждал как военный, другой — как геополитик с гораздо большей, чем у оппонента, степенью неопределенности.

К примеру, маршал предложил «повторить Бельгию», то есть занять территории Эстонии, Латвии и Литвы для фланговой угрозы наступающим на Белоруссию немецким войскам. С военной точки зрения это было абсолютно правильно. Именно так поступило и русское командование в 1914 году, когда проводило наступление в Восточной Пруссии. Тогда, пожертвовав 2-й армией генерала А. В. Самсонова, достигли стратегической победы — немцы отступили от, казалось бы, обреченного Парижа («чудо на Марне»).

Сталин же, видя на Западе полную неразбериху в отношениях с ключевыми странами, не мог и помыслить о кавалерийских атаках на независимые государства. В целом же штабная игра закончилась как бы вничью. Поскольку был исключен фактор внезапности нападения, развернулись фронтальные пограничные сражения, подобные начальному периоду Первой мировой. Штабная игра подтвердила правоту «красного Бонапарта»: Уборевич увлекся наступлением на Литву и получил удар Тухачевского («немцы и поляки») с минского направления.

Но Сталин отвергал далеко не все предложения Тухачевского.

Так, тот предлагал увеличить численность армии и довести число дивизий до 250 (вместо существующих 150), а также срочно развивать бронетанковые силы и авиацию, резко повысить боеспособность войск. Повторился на новой стадии конфликт Тухачевского с наркомом обороны 1928 года. Однако на сей раз Сталин не пошел навстречу Ворошилову.

Седьмого апреля Тухачевский решением Политбюро был назначен первым заместителем наркома обороны и начальником Управления боевой подготовки РККА, которое было выведено из организационной структуры Генштаба.

В результате маршал занял в военной иерархии второе место, обойдя Егорова и Гамарника. Косвенно признавалась правота Тухачевского в его споре с Егоровым по поводу недостаточной боевой подготовленности соединений.

Трудно сказать, насколько Сталин был волен в своем решении, если иметь в виду недостатки в боеподготовке, вскрывшиеся на маневрах осенью 1935 года в Киевском и Белорусском округах. Французская военная делегация, приглашенная туда, была несколько разочарована увиденным, хотя и отметила оснащенность РККА военной техникой.

Правда, Ворошилов не полюбил сильнее повышенного в должности Тухачевского. С чего было ему любить этого выходца из другого культурного мира, который был сильнее как профессионал и сбивал с многих коллег оптимистическую спесь? Возвышение Тухачевского означало поражение соперничающей группы Якира — Гамарника — Уборевича, которую поддерживал начальник Генштаба Егоров. Одновременно с возвышением положение «победителя» становилось критическим, так как против него сосредоточивались слишком крупные силы.

Уже после августовско-сентябрьских маневров 1936 года, на которых снова был выявлен низкий уровень подготовки войск, на заседании Военного совета при наркоме обороны 19 октября Ворошилов раскритиковал Тухачевского как главного виновника, хотя у того было очень мало времени для радикальных перемен к лучшему. Это свидетельствовало об ухудшении его позиций.

Говоря о резком изменении отношения к Тухачевскому, надо иметь в виду и донесения советской разведки о его несанкционированных встречах с белогвардейскими генералами в Париже и Берлине. Скорее всего, именно эта информация легла в основу подозрений Сталина в отношении военачальника и заставила вспомнить о показаниях Какурина и Троицкого, которые, как мы помним, уже обвиняли Тухачевского в подготовке заговора.

К тому же после того, как на Пиренейском полуострове началась гражданская война, в которой приняла участие вся Европа, у Тухачевского появилась небывалая возможность вернуть утраченные позиции: он рвался в Испанию. На войне, имевшей общемировое революционное значение, его талант был бы востребован. В своих устремлениях он невольно совпа-

дал с Троцким, который как «мировой революционер», не отягощенный никакими экономическими проблемами, был готов всячески содействовать социалистической революции в Испании. Конечно, Сталин не мог направить маршала Тухачевского на Пиренеи. Туда поехали малоизвестные молодые офицеры, специалисты без политических амбиций.

Таким образом, 1936 год поманил Тухачевского и ничего не дал. И возможно, в том году уже была отлита его расстрельная пуля.

Но не у одного «красного Бонапарта» земля качнулась под ногами. У командующих БВО и КВО, Уборевича и Якира, — тоже. Они, как и многис их соратники, почти отыграли роли военно-политических деятелей. Уже слышались отдаленные гулы «большой чистки».

Не случайно после штабной игры Уборевичу было предложено оставить БВО и занять пост заместителя наркома по авиации и начальника авиации РККА. Он отказался, обратившись за поддержкой к Орджоникидзе.

Вскоре и Якиру были предложены эти громкие, но малозначащие посты.

Из этого вытекало, что сталинская группа больше не желала терпеть в армии враждебность виднейших командиров в отношении Ворошилова.

Орджоникидзе тоже некстати влез не в свое дело. Неужели он считал, что в кадровых тонкостях Наркомата обороны он разбирается лучше Сталина?

Шестого июля 1936 года в Киеве был арестован соратник Якира комдив Д. Шмидт по обвинению в подготовке покушения на Ворошилова. За этим последовали аресты заместителя командующего Ленинградским военным округом комкора В. Примакова (14 августа), комбрига М. Зюка (15 августа), военного атташе в Англии комкора В. Путны (20 августа), заместителя командующего Харьковским военным округом комдива С. Туровского (2 сентября), начальника Летичевского укрепрайона в КВО комдива Ю. Саблина и других.

Все они были близкими Якиру людьми, без них он терял политическую устойчивость.

О тревожном положении Тухачевского свидетельствуют появившиеся в сентябре 1936 года в парижской эмигрантской газете «Возрождение» (использовавшейся НКВД для «слива» информации) статьи о скором арссте маршала. С этого времени над головой Тухачевского начинают сгущаться тучи.

Двадцать шестого декабря 1936 года на стол Сталина легла папка с информацией НКВД, полученная из Германии. В ней сообщалось, что Тухачевский был завербован немецкой раз-

ведкой, когда был в плену; во время Гражданской войны связь с ним прекратилась, но была восстановлена в 1925 году во время его пребывания на маневрах в Германии.

Сегодня известно, что эти сведения были ложными и были инициированы НКВД, для чего переданы тайному агенту советской разведки (жене высокопоставленного работника германского МИДа), а от нее попали в Москву как достоверная информация из надежного источника.

Но почему был такой заказ?

В исторической литературе, посвященной Тухачевскому, есть свидетельства о попытке привлечь маршала к заговору против Сталина. Так, начальник Управления по начальствующему составу РККА, комкор Б. Фельдман, близкий приятель Тухачевского, говорил ему: «Разве ты не видишь, куда идет дело? Он всех нас передушит, как цыплят. Необходимо действовать»[298].

Маршал тем не менее отказался участвовать в военном перевороте.

Во время следствия по делу Ягоды и «красных генералов» выяснилось, что зондирующие разговоры с Тухачевским действительно велись, но не более того. В глазах многих он был потенциальным главой потенциального заговора, как и в 1923—1924, 1928 и 1930 годах. Поэтому в глазах Сталина он представлял явную опасность, степень которой зависела от политической ситуации.

Пятаков, конечно, являлся троцкистом. Названный Лениным в «Завещании» одним из лидеров партии, он был крупной личностью. Член партии с 1910 года, он командовал армиями в Гражданскую войну, был первым председателем Временного революционного правительства Украины, руководил восстановлением Донбасса, был заместителем председателя Госплана РСФСР, председателем Главного концессионного комитета, заместителем председателя ВСНХ, председателем правления Госбанка СССР. Его политические взгляды несколько раз вступали в противоречие с линией партии: он выступал против «Апрельских тезисов» Ленина, Брестского мира, введения НЭПа. После смерти Ленина стал сторонником Троцкого. В 1927 году на XV съезде он был исключен из партии, но после заявления о своем разрыве с Троцким получил партбилет обратно.

Во время следствия по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» был назван среди руководителей «Параллельного антисоветского троцкистского центра». 28 июля 1936 года арестовали его жену. Она дала показания о своих связях с троцкистами.

Находившийся в Сочи Пятаков срочно прибыл в Москву. Ежов предъявил ему показания, свидетельствующие против него, а также показания жены. Кроме того, Ежов сообщил, что Пятаков снят с должности заместителя наркома и назначен начальником Чирчикстроя в Среднюю Азию.

Растерявшийся Пятаков стал заверять Ежова, что не виноват, но за то, что не заметил контрреволюционной деятельности жены, достоин большего наказания и готов лично расстрелять ее и всех участников троцкистско-зиновьевского заговора.

На этом его мучения не кончились. 22 августа, завершая судебный процесс, прокурор СССР Вышинский сообщил, что решено начать новое расследование в отношении ряда лиц, в том числе и Пятакова. Далее последовал арест.

Пятаков был идейным коммунистом. Он держался в течение 33 дней, отвергая все обвинения. Потом признал свою вину. А. Орлов объясняет это тем, что Орджоникидзе уговорил Пятакова «уступить требованию Сталина и принять участие в жульническом судебном процессе, — разумеется, в качестве подсудимого». Нарком гарантировал, что смертного приговора не будет[299]. Как и многое в книге Орлова, это утверждение является апокрифом.

На самом деле Пятакова сломали во время многочасовых непрерывных допросов, применяя так называемую «конвейерную систему» и «стойки», во время которых подследственному не дают спать двое-трое суток подряд и не позволяют изменить положение тела.

Орджоникидзе в это время находился в Кисловодске, и ему туда присылали протоколы допросов Пятакова.

Тот признавался во вредительстве. Но то, что он называл вредительством (ошибки в планировании, ввод в эксплуатацию незавершенных объектов, отставание в строительстве жилья, «долгострой» и т. д.), было повсеместным явлением.

Орджоникидзе не верил в его виновность до момента очной ставки с ним в январе 1937 года. Жена Бухарина, который тоже присутствовал там, так передала его рассказ: «Внешний вид Пятакова ошеломил Н. И. еще в большей степени, чем его вздорные наветы. Это были живые мощи, как выразился Н. И., “не Пятаков, а его тень, скелет с выбитыми зубами”... Пятаков говорил опустив голову, стараясь ладонью прикрыть глаза. В его тоне чувствовалось озлобление, как считал Н. И., против тех, кто его слушал, не прерывая абсурдный спектакль, не останавливая неслыханный произвол.

— Юрий Леонидович, объясните, — спросил Бухарин, — что вас заставляет оговаривать самого себя?

Наступила пауза. В это время Серго Орджоникидзе, сосредоточенно и изумленно смотревший на Пятакова, потрясенный измученным видом и показаниями своего деятельного помощника, приложив ладонь к уху... спросил:

— Неужто ваши показания добровольны?

— Мои показания добровольны, — ответил Пятаков.

— Абсолютно добровольны? — еще с большим удивлением спросил Орджоникидзе, но на повторный вопрос ответа не последовало»[300].

После этого свидания судьба Пятакова была решена, Орджоникидзе уже не мог защищать его. Однако нарком не оставил попыток оградить свое ведомство от чрезмерного внимания НКВД. Он не мог не понимать, что его личные права «неприкасаемого» члена Политбюро уменьшаются и что никаких особых отношений со Сталиным уже нет.

Скорее всего, под влиянием Орджоникидзе 13 февраля 1937 года на места была послана директива секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, начальникам управлений НКВД по краю, области. В ней выражалось прямое указание не арестовывать «директоров, инженеров и техников, конструкторов промышленности и транспорта и других отраслей» даже по согласию секретарей местных партийных комитетов, которые часто дают его ради собственной страховки. Аресты могут производиться только с согласия «соответствующего наркома». Если нарком противился, за разрешением спора надо было обращаться в ЦК ВКП(б).

Тут все понятно. Политбюро сдерживало усердие региональных властей, оставляя контроль за собой.

Вместе с тем Орджоникидзе не являлся оппозиционером, его сталинизм был более мягким, более человечным по отношению к соратникам, чем сталинизм Кагановича или Молотова.

Не случайно Серго накануне февральско-мартовского пленума ЦК (1937), на котором он должен был выступать с докладом о вредительстве в промышленности, отправил на заводы несколько комиссий для проверки обвинений НКВД.

Можно сказать, что Орджоникидзе остался на позициях ленинской внутрипартийной демократии, принципы которой не позволяли рассматривать идейных противников как врагов. Во всяком случае, политическая практика конца 1920-х годов, когда оппозиционеров не заключали в тюрьмы, а ограничивались их ссылкой, была ему ближе, хотя именно ему принадлежала идея использовать труд заключенных на северных стройках. (В сентябре 1936 года стали переводить репрессированных оппозиционеров в тюрьмы и лагеря.)

Сталин же к 1936 году уже был полновластным диктатором, проводившим заключительные операции по устранению оппонентов. Его директива «об уничтожении мерзавцев», согласно духу которой НКВД можно было не утруждаться сбором доказательств, фактически легла в основу всех публичных судебных процессов, на которых подсудимые покорно соглашались с приписываемыми им преступлениями.

Иногда их признания красноречиво свидетельствовали об обратном — о фальсификации. Так, Пятаков говорил, что, будучи в Берлине в декабре 1935 года, летал к Троцкому в Осло и что самолет совершил посадку на аэродроме «Хеллер», однако норвежцы опубликовали в своей прессе справку, что «никакие гражданские самолеты там не приземлялись».

К тому же Троцкий развернул пропагандистскую работу, обличая Сталина. Он выразил готовность участвовать в открытом процессе. Москва на это ничего не ответила, так как любой европейский суд, рассматривая ордер на выдачу Троцкого, потребовал бы убедительных доказательств. А что мог предъявить Сталин?

По сути, он был загнан в угол надвигающейся войной, к которой СССР не был готов. Ему требовалось устранить потенциальных врагов, но законных, юридически выверенных средств не было. Следственный аппарат НКВД располагал только заданием Сталина.

Поэтому репрессии 1936—1938 годов — это не имеющая аналогов по изощренности и средневековая по характеру операция одного, низшего, ядра населения против другого, высшего. Столкнулись две культуры.

И чем цивилизованнее Сталин хотел показать проводимые судебные процессы, тем ужаснее они казались в Европе. Там не могли даже и помыслить, что у него нет иных средств и расценивали его действия как расправы без суда и следствия.

Однако и такие расправы тоже были. Хотя эта практика (и философия) противоречила линии Сталина на конституционный порядок и альтернативные выборы.

Когда многие биографы Сталина и исследователи его времени, опираясь на апокриф чекиста-невозвращенца А. Орлова, пишут о том, что Сталин давал личные гарантии своим врагам в обмен на их публичные признания, они не задаются вопросом: а зачем Сталину были нужны признания?

На первый взгляд — чтобы показать западной публике «черные» дела троцкистов.

Но есть еще более глубокий пласт. Это столкновение ментально-религиозного плана, подобное тем, которые были во времена протопопа Аввакума, когда царь Алексей Михайлович безжало-

стно расправлялся со сторонниками старой веры, не желавшими подчиниться светской власти и принять церковную реформу.

Второе обстоятельство не хотят замечать, останавливая взгляд только на кровавых фальсификациях.

Сталин должен был объясниться с простонародными «красными сотнями», главной своей опорой, почему он ведет внутреннюю войну. Это объяснение было продолжением конституционной реформы. Он поднимал их против чужих (троцкистов, двурушников, вредителей). Начиналось уничтожение узкого слоя «революционного поколения», фрагмента разбитого «петербургского ядра», что вызвало, несмотря на относительно малые размеры репрессий, ощущение глобального ужаса, запечатленного во всей истории СССР. Это можно объяснить тем, что Сталин вел войну с культурным слоем, создавшим идеологию отрицания ценности национального государства и опиравшимся на леворадикальное ви́дение мира.

Не случайно сталинская группа выводила на улицы сотни тысяч человек для поддержания судебных решений. Так, Хрущев организовал на Красной площади в Москве при 27-градусном морозе грандиозный митинг с участием двухсот тысяч человек, которые единодушно приветствовали смертный приговор участникам «Параллельного центра». В газетах января — февраля 1937 года — письма, телеграммы, резолюции митингов со всей страны. 26 января в «Известиях» помещено мнение знаменитых рабочих Алексея Стаханова и Макара Мазая: «Стереть с лица земли Пятакова, Радека, Сокольникова и всю их подлую банду! Пощады не будет никому!» Писатели А. Толстой, А. Корнейчук, Вс. Иванов, академики Н. Вавилов, В. Комаров, А. Бах, И. Губкин, Г. Кржижановский, художники, композиторы, артисты — все единодушны в осуждении.

Несколько забегая вперед обратимся к одному поразительному высказыванию нашего героя. 7 ноября 1937 года в кремлевской квартире Ворошилова отметить двадцатилетие Октябрьской революции собралось советское руководство. Там присутствовал и генеральный секретарь ИККИ Георгий Димитров, записавший в своем дневнике сталинский тост:

«Хочу сказать несколько слов, может быть, непраздничных... Русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство... Впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое госу-

дарство не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех великих народов, составляющих это государство. Мы объединили это государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу... Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единое социалистическое государство, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью, каждого, кто своими действиями и мыслями покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать... За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»[301]

Он поднял тост за самую главную свою ценность. Но средневековая жестокость его угрозы — немыслима в российской политической культуре. И кому он адресует ее? Своим соратникам. А те отвечают одобрительными возгласами.

Было еще одно обстоятельство, которое можно назвать «испанским зеркалом». В нем они увидели страшные угрозы, еще более страшные, чем обещал вождь.

Гражданская война на Пиренеях породила новую политическую реальность — «пятую колонну». Впервые эти слова произнес по радио 1 октября 1936 года франкистский генерал Эмилио Мола, вскоре погибший в авиакатастрофе. Он сказал, что наступление на Мадрид будет вестись четырьмя колоннами, а правительственный центр будет атакован «пятой», которая уже находится в столице. («Пятая», впрочем, напоминала действия японского полковника Акаси вкупе с революционными партиями в 1905 году и Циммервальд Ленина в 1915 году.)

Но, кроме «пятой колонны», в Испании на стороне республиканцев действовала сильная боевая партия ПОУМ (Рабочая партия марксистского единства), которую возглавлял хорошо известный в Москве Андреу Нин. Он в 1921 году приехал в Москву, был соратником Троцкого, председателем Красного интернационала профсоюзов, избирался депутатом Моссовета и входил в руководство Коминтерна. В 1930 году, когда Троцкого выслали из СССР, Нин вернулся в Испанию. После победы на выборах в 1936 году он стал министром юстиции в правительстве Каталонии. Именно Нин и ПОУМ выступили за диктатуру пролетариата и социалистическую революцию, передачу предприятий рабочим, создание рабоче-крестьянского правительства, не принимая в расчет доводов, что эта программа неизбежно сплотит большинство населения против республиканцев и приведет их к краху.

В декабре 1936 года советские агенты, внедренные в ПОУМ, сообщали, что поумовцы и анархисты готовят вооруженный мятеж в Барселоне. (Мятеж произошел в мае 1937 года.)

Поумовская газета «Баталья» выступала с резкой критикой Сталина и СССР. «Каждый день "Баталья" сообщала, что в Москве вспыхнуло восстание, что Коминтерн ликвидирован и Димитров арестован и сослан в Сибирь, что советская печать выступает против Народного фронта, что в Ленинграде голод...»[302]

В начале 1937 года берлинская резидентура ИНО НКВД передала, что германские агенты проникли в ряды троцкистов в Барселоне и готовят в ближайшее время путч. Также из Испании в Москву шла информация о готовящихся поумовцами террористических актах против республиканцев-коммунистов.

Суммируя все донесения, можно было сделать вывод о союзе троцкистов с немецкими спецслужбами, о новой «пятой колонне» и угрозе переворота. При этом Сталин не придавал значения тому, что в механизм чекистских расследований был заложен системный брак: следствие было отделено от оперативной работы и вместо сбора реальных доказательств опиралось на признание арестованными своей вины. Более того, он верил этим признаниям, как средневековый монах, для которого признание имело сакральное значение.

Его память еще подсказывала, как во время Первой мировой войны на оборонных заводах России происходили странные пожары и взрывы, причину которых можно было объяснить только диверсиями противника.

Оперативные сводки НКВД свидетельствовали о диверсионных планах иностранных спецслужб. На заводах и на железных дорогах постоянно происходили аварии, крушения с человеческими жертвами. (Так, за десять месяцев 1936 года произошло 300 аварий на железнодорожном транспорте, погибли 50 человек.)

Можно представить, что чувствовал Сталин, когда ежедневно получал сводки о крушениях, взрывах на шахтах, пожарах на заводах и фабриках, отравлениях людей некачественными консервами.

Вождь пришел к выводу, о котором сказал 2 июня 1937 года на расширенном заседании Военного совета: «Хотели из СССР сделать вторую Испанию...»[303]

Он нашел нужную формулу, убедившую его в оправданности репрессий. Это означало: вы нам «вторую Испанию», а мы в ответ уничтожим вашу «пятую колонну».

Спустя девять лет, размышляя в кругу членов Политбюро над итогами закончившейся Великой Отечественной войны, Сталин неожиданно признался: «Война показала, что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали

и как мы считали. Многие пострадали напрасно. Народ должен был бы нас за это прогнать. Коленом под зад. Надо покаяться»[304].

Это признание переворачивает традиционное представление о 1937 годе как символе расчетливой и жестокой политики. Сталин понял, что ошибся. Возможно, к нему во сне приходили тени расстрелянных и мучили его неизвестными нам беседами.

Но ведь «испанское зеркало» реально существовало!

Как вспоминал в беседе с автором этих строк Ф. Д. Бобков, в 1930-е годы в СССР действовала сеть сторонников Троцкого, члены которой постоянно обменивались информацией, передавали своему лидеру сообщения, закладывая их в почтовые посылки (это были детские тряпичные куклы) и даже вели агентурное наблюдение за работниками НКВД. Руководила этой подпольной работой жена И. Н. Смирнова, Александра Сапронова. В 1950-е годы, уже после смерти Сталина, Ф. Д. Бобков встречался с ней, и она все подтвердила.

Даже вполне независимый свидетель, посол США Д. Дэвис, присутствовавший на судебном заседании по делу «параллельного центра», сказал зарубежным корреспондентам: «Они виновны. Я был окружным прокурором, и у меня наметанный глаз». В письме Рузвельту он сообщил, что «процесс выявил существование определенного политического заговора, направленного на свержение нынешнего правительства»[305]. Впрочем, английский посол Чилстон и немецкий — Шуленбург не поверили в существование заговора.

Говоря другими словами, советская политическая реальность была далеко не такой ясной, как это сейчас нам кажется.

Прибавим к характеристике ситуации агентурное донесение ИНО НКВД Сталину из Вашингтона: «21 января 1937 г. помощник госсекретаря США Мур сообщил, что на основании всех данных сохранение мира в 1937 году исключено»[306].

В перехваченном в то же время разговоре посла Англии в США Линдсея с Муром британец назвал международное положение очень похожим «на июнь — июль 1914 года». (Как известно, Первая мировая началась 1 августа 1914 года.)

Мир стоял накануне новой войны, и сталинская группа, похоже, была застигнута врасплох надвигающейся бурей.

Орджоникидзе застрелился вечером 18 февраля 1937 года в своей квартире.

На 20 февраля был назначен пленум ЦК, где он должен был выступить с докладом.

Повестка, утвержденная Политбюро 5 февраля, включала:
доклад Ежова «Дело Бухарина и Рыкова»;

доклад Орджоникидзе (по НКТМ), Кагановича (по НКПС), Ежова (по НКВД) — «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов»;

доклад Сталина «О политическом воспитании партийных кадров и мерах борьбы с троцкистами и иными двурушниками в парторганизациях».

Если прибегнуть к стилистике того времени, можно сказать: партия объявила боевую готовность.

О серьезности положения свидетельствовало и то, что 7 февраля постановлением Политбюро был переведен на особый режим охраны ряд крупных электростанций.

Прошедший в январе судебный процесс о «параллельном центре» был построен на фактах производственных аварий и катастроф, то есть своим острием нацелен на Наркомат тяжелого машиностроения и Орджоникидзе. Прокуратура СССР в ноябре — декабре 1936 года проанализировала и обобщила все уголовные дела о крупных пожарах, авариях, поставках бракованной продукции. Объективно говоря, картина получилась удручающая. В 1935—1936 годах из 823 человек, входивших в номенклатуру наркомата, были уволены 56, из которых арестованы 34.

Орджоникидзе, вероятно, до конца не понимал, что происходит, и поэтому пытался объяснить Сталину ошибочность карательной политики и придания делу политического звучания.

По-своему он был прав, но не подозревал, что напоминает недавно уволенного наркома Ягоду, который тоже за узким составом троцкистско-зиновьевского заговора не смог разглядеть общей тенденции.

Анализ личного состава НКТМ позволяет сделать вывод о социально-культурных корнях репрессий. Среди работников наркомата были: 71 бывший офицер белой армии, 287 офицеров царской армии, 94 имели судимость за контрреволюционную деятельность, 41 — за должностные преступления; выходцами из семей торговцев и промышленников были 131 человек, из дворян — 131, из семей священнослужителей — 73[307].

Орджоникидзе чувствовал, что существует какая-то грань, которую Сталин не должен переступать, и это давало ему силы для полемики. Так, в публичных выступлениях он говорил, что за последние десять лет советские вузы выпустили около ста тысяч инженеров и техников, они «являются плоть от плоти нашими, это наша кровь, наши сыновья, наши друзья, наши товарищи».

И Сталин считал точно так же. Его кадры уже начинали штурмовать экономические высоты.

Поэтому Орджоникидзе был прав, называя их «нашей плотью и кровью», но он оставался с уходящим поколением, с уставшими от постоянной гонки героями, для которых непрекращающееся давление Сталина было все более неприемлемо.

Другими словами, экономическая власть находилась в руках больших и малых кланов, сложившихся в отраслях промышленности и в регионах, где партийное руководство и директора заводов образовывали свои союзы и скрытно сопротивлялись Москве. Партийно-хозяйственные «мафии» распоряжались значительными ресурсами, они стремились в полном объеме не доводить до центра местные конфликты и проблемы, чтобы не подвергаться угрозе попасть в «чистку» или угодить под следствие по обвинению в саботаже, вредительстве или шпионаже. Сталинизм в его основном облике Всеобъемлющего Государства был им чужд. Они хотели более мягкого режима, который закрывал бы глаза на их умеренную буржуазность и стремление чуть-чуть «пожить для себя».

Можно сказать, что поколение, совершившее Октябрьскую революцию, начало медленно стагнировать. Кроме того, оно стало ощущать изменение кадровой ситуации: к середине 1930-х годов «голод» на специалистов был преодолен. За вторую пятилетку вузы окончили 369,9 тысячи человек (за первую — 170 тысяч). К концу второй пятилетки Советский Союз стал первой страной в мире по числу студентов и учащихся, по темпам и объему подготовки специалистов.

Когда в 1935 году Постышев назвал стахановцев «самой сокрушительной силой для всей контрреволюции» и поставил их как фактор власти в один ряд с армией и чекистами, он был прав. Давление «низов» стало системным фактором.

Философ определил состояние тогдашнего общества так: «Сталинизм способствовал созданию новой сети власти, вырастал на ее основе, но вместе с тем он противостоял ей, боролся против нее, стремился сдержать ее рост и рост ее силы. Миллионы шакалов устремились в эту сеть власти. И не будь сталинской сверхвласти, они сожрали бы все общество с потрохами, разворовали бы все, развалили бы все...»[308]

Но относится ли это определение («шакалы») к старым партийцам? Судя по действиям вождя, относится. Круговая порука «удельных князей», групповщина, кумовство создавали новые формы социального неравенства и закупоривали директивные каналы управления.

Когда Орджоникидзе отстаивал перед Сталиным право

быть «вождем промышленности», а не рядовым наркомом, он оказывался по ту сторону баррикад.

К этому надо добавить убийственную оценку Троцкого, которую он дал сталинской политике в книге, вышедшей в конце 1936 года: «Изнутри советского режима вырастают две противоположные тенденции. Поскольку он, в противоположность загнивающему капитализму, развивает производительные силы, он подготовляет экономический фундамент социализма. Поскольку, в угоду высшим слоям, он доводит до все более крайнего выражения буржуазные нормы распределения, он подготовляет капиталистическую реставрацию. Противоречие между формами собственности и нормами распределения не может нарастать без конца. Либо буржуазные нормы должны будут, в том или ином виде, распространиться и на средства производства, либо, наоборот, нормы распределения должны будут прийти в соответствие с социалистической собственностью»[309].

«Демон революции» был прав. Через 38 лет после смерти Сталина по этой линии разлома пройдет крушение великой державы.

В 1937 году наш герой тоже понимал эту опасность, отчего в его социальной инженерии и появилась неприемлемая Орджоникидзе нетерпимость.

Во время подготовки к пленуму ЦК конфликт между ними стал быстро созревать.

Орджоникидзе подготовил проект резолюции пленума, подчеркивая, что враги уже в основном разоблачены и что главное внимание надо обратить на решение инженерных и экономических вопросов. В том числе предлагалось поручить НКТМ доложить ЦК в десятидневный срок о положении на Кемеровском химкомбинате, Уралвагонстрое и Средуралмедстрое, наметить мероприятия по устранению там последствий вредительства и аварий «с тем, чтобы обеспечить пуск этих предприятий в установленные сроки». Это положение было крайне важным для наркома: он хотел получить право на самоличную проверку материалов НКВД, который «вскрыл» «вредительские организации» на этих стройках.

Пятого февраля 1937 года Сталин вернул своему соратнику проект резолюции с серьезными критическими замечаниями. Он потребовал дополнить текст следующими данными:

«1) какие отрасли затронуты вредительством и как именно (факты),

2) причины зевка (аполитичный, деляческий подбор кадров)»[310].

В этот же день, 5 февраля, Орджоникидзе стал выполнять указания, однако повернул дело совсем в ином направлении.

Он послал в Кемерово, Донбасс и на Урал три комиссии, дав им задание «отличить сознательное вредительство от непроизвольной ошибки». Вскоре комиссии доложили о природе недостатков, не найдя самого главного — вредительства. Орджоникидзе рассказал об этих выводах Сталину. 17 февраля состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждались проекты решений пленума. После заседания Политбюро Орджоникидзе и Каганович вместе с Поскребышевым два с половиной часа дорабатывали проект резолюции, внеся в него замечания членов Политбюро. Затем нарком поехал в свой офис, где встретился с рядом сотрудников, из которых надо выделить руководителей проверочных комиссий в Кемерове и Донбассе, профессора Гальперина и заместителя наркома О. П. Осипова-Шмидта. После полуночи, уже 18 февраля, Орджоникидзе вернулся домой, в кремлевскую квартиру. Здесь у него состоялся тяжелый телефонный разговор со Сталиным. Оказывается, незадолго до возвращения Орджоникидзе в его квартире был произведен обыск. На возмущенные тирады Сталин спокойно ответил, что не надо так волноваться, ведь НКВД может произвести обыск даже у него, у Сталина. Конечно, это была скрытая насмешка. Сталин пригласил Орджоникидзе тотчас прийти к нему для разговора. Они говорили около полутора часов без свидетелей. Орджоникидзе вернулся крайне взволнованный.

Наутро он не вышел к завтраку, остался в спальне, что-то писал. Когда стало темнеть, его жена, Зинаида Гавриловна, услышала выстрел. Нарком выстрелил себе в сердце, как Надежда Аллилуева.

Девятнадцатого февраля 1937 года в газетах появилось сообщение о скоропостижной кончине наркома от паралича сердца. Молотов даже в конце своей жизни, когда табу на признание факта самоубийства уже не существовало, раздраженно отзывался о смерти Орджоникидзе: «Есть разные мнения об Орджоникидзе. Хотя я думаю, что интеллигентствующие чересчур его расхваливали. Он последним своим шагом показал, что он все-таки неустойчив. Это было против Сталина, конечно. И против линии, да, против линии. Это был шаг очень плохой. Иначе его нельзя толковать»[311].

В этих словах, безусловно, выражена и оценка Сталина. Не случайно вскоре были репрессированы братья Орджоникидзе: 9 сентября 1937 года расстрелян Павел (Папулия), а затем арестованы братья Иван (Вано) и Константин (Котэ).

Пышные государственные церемонии, увековечивание памяти наркома в названиях городов и заводов не отражали подлинных чувств нашего героя. Самоубийство в православной

культуре считается страшным грехом. Косвенно этот грех падал и на всю сталинскую группу.

Однако уже в постсоветское время появилась информация о том, что нарком был неизлечимо болен и, чтобы избежать мучений, предпочел добровольно уйти из жизни, выбрав для этого очень трудный для себя день.

Со смертью Орджоникидзе завершился важный период. С именем этого человека связаны огромные успехи в модернизации и укреплении обороноспособности страны. Куда ни глянь — везде были видны результаты его работы, от производства тракторов для сельского хозяйства (их уже делали сотни тысяч в год) до создания первого реактивного двигателя. По абсолютным объемам производства СССР в конце 1930-х годов первенствовал в Европе и уступал в мире только США, хотя в 1913 году Россия занимала только пятое место. СССР стал одной из трех-четырех стран, где могли создать любой вид промышленного изделия, доступного по тогдашнему мировому уровню науки и техники. Действительно, не было таких крепостей, которые в Москве не могли бы взять.

И вот этого человека не стало. Прощаясь с ним, Сталин должен был вспомнить многое, что их связывало: ссылку в Вологду, приезд туда Серго, побег, совместное выступление против сепаратистов в Грузии... И еще он мог вспомнить, как Орджоникидзе буквально вытащил план первой пятилетки. Именно Орджоникидзе предложил использовать заключенных на строительстве в Заполярье Норильского никелевого комбината, когда понял, что вольнонаемные рабочие не выдерживают.

Со смертью Серго уходила в прошлое былая товарищеская дружба, которая связывает людей крепче, чем родных братьев. Орджоникидзе понял, что Сталину не нужны равные ему соратники.

А Сталин мог повторить мысль Пушкина: «Ты — царь. Живи один». Он уже погружался в свое нечеловеческое одиночество.

Пушкин не случайно появился в этом месте рядом со смертью наркома. 11 февраля в Большом театре Сталин был на торжественном вечере, посвященном памяти поэта (столетие со дня смерти).

Пушкин, гений имперской России, европеец по духу и интегратор ее культуры, был востребован Сталиным. Именно вождь стал инициатором масштабной пропагандистской кам-

пании, в которой незримо присутствовал политический подтекст: величие державы и всемирность ее культуры.

Тогда только ограниченный круг людей знал, что в те дни за Пушкина боролись две силы: наследники имперской России в лице белой эмиграции и руководители советской культурной политики. Борьба достигла апогея 11 февраля, в этот день и в Москве, и в Париже прошли торжественные вечера.

В Центральный (Парижский) Пушкинский комитет входили выдающиеся люди: Иван Бунин, Федор Шаляпин, Иван Шмелев, Сергей Рахманинов, Сергей Лифарь, Марина Цветаева, Константин Бальмонт, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, другие деятели культуры. Кроме того, в нем работали крупные политики: П. Н. Милюков, В. А. Маклаков, Н. Д. Авксентьев... Особое место среди них занимала жена нефтепромышленника Генри Детердинга — спонсора антисоветского террора, Лидия Павловна Детердинг.

Зарубежная Россия провела удивительную манифестацию русской культуры в 42 странах и 231 городе на всех континентах.

Всемирное и советское чествование Пушкина, кроме всего прочего, являлось продолжающейся полемикой: Россия (под «псевдонимом СССР») вела спор с Российской республикой, созданной в результате либеральной Февральской революции. При этом в Париже пытались представить поэта законченным либералом (для оправдания своего исторического поражения), а в Москве — державником и патриотом.

Поразительно, и примиряюще, и воинственно прозвучало выступление Д. С. Мережковского: «Непреложное свидетельство единой России — Пушкин. Он — примиритель, соединитель, тот, кто делает из двух одно и разрушает стоящую посреди преграду... И это там, в плену, уже знают, уже начинают чувствовать. Там услышат, что мы говорим здесь. Мы и они любим ту же Россию, ту же Свободу»[312].

Сталин дотянулся до главной фигуры русской культуры и словно призвал Александра Сергеевича послужить социалистическому Отечеству.

Двадцать третьего февраля 1937 года начался пленум ЦК. Он продлился 11 дней и стал Голгофой Бухарина и Рыкова.

Кто такой Бухарин? «Любимец партии», никогда вполне не понимавший диалектики, как говорил о нем Ленин; лидер «правого уклона», видевший в постепенном накоплении капитала основу для постепенной же индустриализации; руководитель Коминтерна, ярый интернационалист; называл поэзию

Сергея Есенина «идеологическим знаменем кулацкой контрреволюции»; обладатель коллекции бабочек, которую собирал всю жизнь; академик Академии наук СССР; оказал большую поддержку Сталину в борьбе с Троцким, а затем с Зиновьевым и Каменевым в 1920-е годы, в 1928 году в пылу полемики назвал Сталина «мелким восточным деспотом»; на XVII съезде партии заявил: «Обязанностью каждого члена партии является сплочение вокруг товарища Сталина как персонального воплощения ума и воли партии»; женат третьим браком. Что еще можно сказать о Бухарине? «Бухарин, невысокий, рыжебородый человек с глазами фанатика, о котором говорили, что он более левый, чем сам Ленин»[313]. Он выступал против Брестского договора. После смерти Ленина, возглавляя «Правду», обладал «монополией» на пропаганду в партии и Коминтерне. В 1928 году он в борьбе против Сталина обратился за поддержкой к Зиновьеву и Каменеву. В 1935 году, после убийства Кирова, Бухарин писал о них как о «фашистских перерожденцах». Он был соавтором новой конституции. Во время судебного процесса в августе 1936 года подсудимые сообщили о «преступных связях» с Бухариным, Рыковым, Томским и другими бывшими «правыми». В ноябре во время очных ставок с Бухариным арестованные утверждали, что существует контрреволюционный и террористический центр, который тот возглавляет. Один из его бывших учеников, Ефим Цейтлин, показал, что Бухарин передал ему свой револьвер для покушения на Сталина. 7 декабря 1936 года во время работы пленума ЦК, на котором Ежов требовал ареста Бухарина, была организована еще одна очная ставка. На ней присутствовали Ю. Пятаков, К. Радек и другие арестованные, а также Бухарин, Сталин, Ворошилов, Андреев, Каганович, Орджоникидзе, Жданов.

Бухарин опроверг все обвинения. Сталин прислушался к нему и предложил отложить дело до следующего пленума ЦК.

Если Сталин оттягивал роковое решение, это означало, что он колеблется.

Двадцатого февраля 1937 года Бухарин совершил большую ошибку. Он отказался явиться на пленум, объявил голодовку и направил в Секретариат ЦК заявление почти на 100 страницах с просьбой распространить его среди участников пленума. Сталин воспринял это как ультиматум. Заявление Бухарина было распространено и вызвало отрицательную реакцию. Политбюро осудило голодовку и отказ прийти на пленум. Сталин сам позвонил Бухарину. «А что мне делать, если вы собираетесь исключать меня из партии?» — ответил Бухарин. «Никто не собирается исключать тебя из партии», — сказал Сталин.

Первый доклад на открывшемся в Кремле пленуме делал Ежов, обвинивший Бухарина и Рыкова в подготовке ряда террористических групп для убийства Сталина. Докладчик потребовал исключить их из ЦК и партии. Затем с обвинениями выступил Микоян. Третьим на трибуну поднялся Бухарин. Сейчас это трудно понять, но он говорил о каких-то мелких случаях, опровергая Микояна и мало касаясь основного обвинения.

Двадцать четвертого февраля на вечернем заседании снова выступал Бухарин, он извинился перед ЦК «за необдуманный и политически вредный акт» объявления им голодовки. Показательно, что, услышав это, Сталин воскликнул: «Мало, мало!»

Чего же хотел Сталин?

Должно быть, это ключевой момент в их противостоянии. Имея все основания отдать Бухарина под суд или в руки НКВД, Сталин тем не менее предпочел разбирательство в партийной аудитории. Зиновьев и Каменев этого права были лишены, Пятаков и Радек — тоже. Сталин явно надеялся что-то услышать. Но что? Это осталось неизвестным.

Затем пришла очередь Рыкова. Он открещивался от Бухарина, цеплялся за отдельные высказывания выступавших и тоже оставлял впечатление, что не понимает значения происходящего.

Двадцать пятого февраля обсуждение продолжилось. Все выступавшие дружно громили Бухарина и Рыкова. Бухарин часто не выдерживал и кричал: «Ложь!», «Клевета!», «Абсолютная чушь!»

Возможно, он пожалел о том, что не остался во Франции, куда в начале 1936 года выезжал в командировку на переговоры о покупке архива Маркса и Энгельса. Тогда же к нему выехала и беременная жена. Взял бы да и стал невозвращенцем! Но нет, не решился.

Б. Николаевский, эмигрант-меньшевик, участвовавший в переговорах по архиву, имел с Бухариным длительные беседы, на основании которых написал статью «Как подготовлялся Московский процесс (Из письма старого большевика)». Она была опубликована в декабре 1936 года. Конечно, в ней не говорилось об источниках информации.

Учитывая активную работу советской разведки, похитившей у Николаевского хранящийся у него архив Троцкого, можно считать, что о настроении Бухарина было сообщено в Москву. В частности, Бухарин просил достать последние номера «Вестника оппозиции» и высказывался о «нарастании антигуманистической стихии» в СССР.

Возможно, Сталин хотел услышать от Бухарина покаяние

за сомнительные разговоры в Париже и за высказываемое желание посетить Троцкого?

Пленум создал комиссию для подготовки решения по делу Бухарина и Рыкова. В нее вошли все члены Политбюро, а также члены ЦК, в числе которых были вдова Ленина Крупская, сестра Ленина Мария Ульянова, нарком иностранных дел Литвинов, маршал Буденный, секретарь Московского обкома Хрущев, всего 36 человек. Председателем комиссии был Молотов.

Рассматривали три предложения: Ежова — исключить Бухарина и Рыкова из ЦК и партии, передать Военному трибуналу и расстрелять; Постышева — исключить из ЦК и партии, передать суду, но «без применения расстрела»; Сталина — исключить из ЦК и партии и направить дело в НКВД. Правда, сначала он думал о ссылке. После выступления Ежова за расстрел высказались Мануильский, Косарев, Шверник и Якир, остальные поддержали Сталина. В итоге решение передать дело в НКВД было принято единогласно.

На заседании пленума 27 февраля Сталин сообщил о решении комиссии и уточнил, что «нельзя валить в одну кучу Бухарина и Рыкова с троцкистами и зиновьевцами, так как между ними есть разница, причем разница эта говорит в пользу Бухарина и Рыкова».

Исключенные Бухарин и Рыков покинули зал. В вестибюле их арестовали.

Во внутренней тюрьме НКВД Бухарин пробыл до марта 1938 года. Ему были предоставлены достаточно комфортные условия, привезли книги из его домашней библиотеки, пишущую машинку. Там он написал большую работу «Философские арабески» (310 страниц), книгу стихов, первые семь глав автобиографического романа. Несколько стихотворений были посвящены Сталину.

Как видим, положение Бухарина сильно отличалось от положения коллег, угодивших в жернова Наркомата внутренних дел. Да и целый год, который прошел от ареста до суда, свидетельствует о долгом размышлении Сталина, его колебаниях.

В это время следователи НКВД, можно сказать, отжимали рассеянный в московском воздухе дух заговора и преподносили на тысячах страницах показаний виновных (полувиновных, немного виноватых, чуть-чуть виноватых и могущих быть виноватыми). Это была правда, смешанная с ложью и помноженная на будущую войну.

Третьего февраля 1937 года был арестован нарком внутренних дел Белоруссии Г. А. Молчанов. До конца ноября 1936 года он был начальником Секретно-политического отдела (СПО)

НКВД, куда был выдвинут Постышевым. Именно Молчанов тормозил следствие в отношении троцкистов и зиновьевцев («пружинил», по выражению Ежова). Теперь он должен был дать показания о наличии заговора в НКВД. Вскоре эти показания он дал, с чего и начались аресты (Ягода, Паукер, Прокофьев, Шанин, Островский и другие).

Между тем партийный пленум решал и другие важные вопросы, в частности, о порядке проведения выборов в Верховный Совет. Альтернативные выборы — это было пострашнее происков Бухарина и Рыкова, это напрямую касалось всей партийной элиты и должно было определить ее судьбу.

Жданов буквально оглушил участников пленума первыми же словами. По его мысли (все понимали, что это и мысли Сталина), будут отброшены всякие ограничения для политических «лишенцев», ликвидированы «бюрократические органы», устранены извращения в работе советских организаций и, самое важное, — партийные органы «должны быть готовы к избирательной борьбе» против враждебных кандидатов и враждебных агитаций.

Можно представить самочувствие услышавших это руководителей. Могло показаться, что вернулись дни «керенщины» или возрождается разогнанное Учредительное собрание. Но это говорил член Политбюро, особо приближенный к Сталину человек! Но как же сопоставить с тайными альтернативными выборами действия чекистов, подавление инакомыслящих и только что прошедший суд над кандидатами в члены ЦК Бухариным и Рыковым?

Более того, Жданов напомнил, что «коммунистов в нашей стране два миллиона», а беспартийных «несколько больше», то есть он не оставил сомнения в том, кто от кого будет зависеть на выборах.

Далее докладчик вторгся уже в зону ответственности партийного руководства и раскритиковал повсеместно существующую практику подмены выборов кооптацией удобных для руководства людей. Жданов предложил утвердить принципы партийной демократии, ликвидировать кооптацию и голосование «списком», перейти от открытого голосования к тайному, обеспечить «неограниченное право» отводить кандидатуры и подвергать их критике.

Строго говоря, в этом не было ничего революционного, все эти нормы присутствовали в уставе партии. Но в сочетании с избирательными новшествами конституции вырисовывалось четкое направление на общую демократизацию.

Жданов предложил провести перевыборы во всех парторганизациях до 1 апреля, но пленум проголосовал за предложение

Косиора и Хатаевича — отнести восстановление уставных норм до 20 мая.

При этом Жданов (а потом и Калинин) не мог внятно ответить на вопросы о содержании проекта Закона о выборах и обещал сделать это позже на сессии ЦИК, когда будут обсуждать проект.

После прений по ждановскому докладу стало ясно, что все 16 выступавших своей главной задачей увидели усиление борьбы с «вражескими элементами», но не внедрение демократических принципов. То есть сталинская группа осталась в меньшинстве, ощутив неожиданную сплоченность партийного руководства.

Вы хотите демократии? А мы требуем гарантий своей власти!

Собственно, сталинская группа не намеревалась покидать Кремль, она стремилась укрепить свое положение иными методами. Но пока что не очень получалось с альтернативными выборами.

Создается впечатление, что Сталин, как и в вопросе с Бухариным, занял половинчатую, неопределенную позицию. Должно быть, он разделял точку зрения Орджоникидзе о «ста тысячах» советских инженеров, воспитанных в последние годы. Именно этим можно объяснить неожиданно примирительный пафос доклада Молотова, призывавшего прекратить огульную кампанию «поиска врагов». Он напоминал, что растет число инженеров и техников, что почти треть из них — коммунисты, что две трети рабочих учатся на различных курсах технической учебы.

Молотов призывал затормозить раскручиваемый маховик репрессий против бывших троцкистов, «охоты на ведьм», которая приобрела разрушительный характер. В качестве примеров он привел случаи в Перми и Днепропетровске, где местные партруководители вынудили органы НКВД арестовать директоров крупных заводов. Эти примеры заставили аудиторию снова вернуться к положениям ждановского доклада и задуматься о своем соответствии новым веяниям.

Молотов же, говоря о методах работы, повернул дело к проблеме организации производства, технологической дисциплине, выполнению технических правил. Это была область, где партийным функционерам нечего было делать, где главная роль принадлежала специалистам.

Тем не менее в прениях по его докладу повторилась «ждановская» ситуация: выступавшие дружно обсуждали борьбу с вредителями. Они не поняли или не захотели понять, что председатель правительства призвал их не мешать хозяйственной работе.

Таким образом, встал вопрос о месте и роли партии, о радикальной перестройке ее деятельности. Из «подхлестывающих» организаций обкомы и наркоматы должны были превратиться только в политические органы, контролирующие своих депутатов и воспитывающие кадры.

В соответствующей резолюции пленума основной упор делался на работу наркоматов (а не на НКВД) по устранению «причин, делающих возможной подрывную работу фашистской агентуры», то есть на производственную дисциплину, соблюдение технологии, своевременную профилактику и ремонт оборудования, охрану труда, учебу кадров. Получалось, что доклады и резолюции не совпадали с настроением участников пленума. Что это означало?

Вслед за Молотовым свой второй доклад сделал Ежов, осветивший борьбу с «вредительством» внутри НКВД. Главным виновником он сделал Молчанова, что почти автоматически поставило Ягоду в трудное положение. По словам Ежова, в НКВД на данный момент были арестованы 238 человек.

В прениях выступили нарком водного транспорта Ягода, начальник управления НКВД по Ленинградской области Л. М. Заковский, первый заместитель наркома Агранов, нарком внутренних дел Балицкий, начальник управления по Московской области Реденс, начальник контрразведывательного отдела Л. Г. Миронов. Они согласились с Ежовым, что при Ягоде резко ослабела борьба с «вражеским подпольем», и обвинили в этом бывшего наркома. (Сам Ягода, естественно, обвинял не себя, а Молчанова.)

Лишь два человека, Литвинов и Вышинский, низко оценили деятельность НКВД, причем прокурор СССР подчеркнул непрофессионализм следователей, вопиющую неграмотность, преступные подтасовки.

И вот на трибуну поднялся Сталин. Его доклад явно свидетельствовал о внутренних противоречиях нашего героя и далеко не во всем поддерживал высказанные Ждановым и Молотовым установки.

Он, в частности, сказал о политической близорукости руководства, о недооценке «сил наших врагов», об «одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства». Если бы «мы сумели наши партийные кадры, снизу доверху, подготовить идеологически и закалить их политически, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке... стали способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых наших задач».

Как видим, ни об альтернативных выборах, ни о производ-

ственной дисциплине Сталин почти ничего не сказал. Вместе с тем его доклад в отношении переустройства партийной бюрократии совпадает со ждановским и молотовским. Это был сигнал региональным вождям, но какой-то неотчетливый, слишком теоретический.

В прениях по этому докладу выступили 24 человека, 15 из них говорили о борьбе с «врагами, троцкистами», словно не понимали, чего хочет от них руководство партии.

Для вразумления понадобилось выступление первого заместителя председателя КПК Я. А. Яковлева и заведующего отделом руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК Г. М. Маленкова. Оба говорили о том, что распространенное в партии наказание — исключение из ее рядов — чрезмерно и неуместно, так как число исключенных значительно больше числа «врагов». Маленков даже привел данные, какую долю от общего числа исключенных составляют «троцкисты» — одну десятую часть. Например, первый секретарь Московского комитета Хрущев просто «нагонял нужный процент» исключенных из партии «врагов».

В заключительном слове Сталин высказал несколько рекомендаций, направленных на уменьшение власти партийной бюрократии: освободить партийные организации от хозяйственной работы; прекратить массовые «чистки»; повысить политический уровень секретарей первичных парторганизаций; сократить численность секретарей райкомов и горкомов за счет совместительства их должностей с должностями секретарей обкомов и крайкомов; провести обязательное обучение и переподготовку всех секретарей, включая руководство обкомов и национальных компартий; выдвинуть кадровый резерв для их замены.

Он потребовал от партократии перестроиться и даже быть готовыми к замене более образованными кадрами. Другими словами, он, подобно Ивану Грозному, намеревался вытеснить старых «бояр» молодыми «дворянами».

В резолюции по его докладу эта мысль выражалась предельно ясно: «наши партийные руководители» перестали замечать «наши недостатки»; отходят от «прямой ответственности» перед рядовыми коммунистами; отбросили принцип выборности руководства; «страдают отсутствием должного внимания к людям»; «искусственно создается недовольство и озлобление».

Услышав это, любой член ЦК мог подумать: «Эдак в любую минуту нас можно объявить “вредителями”!»

На основании этой резолюции альтернативными выборами можно было полностью перекроить политическую обстановку

в стране. И любой член ЦК наверняка ощутил тревогу за свое будущее, которое отныне представлялось вовсе не светлым.

А чем можно было возразить Сталину?

За десять лет, с 1927 по 1937 год, под его руководством Советский Союз победно прошел путь индустриализации, для чего другим странам понадобилось 100 лет. Он разгромил оппозицию. Он ведет борьбу с империалистами в Китае и Испании. Он — символический центр мирового противостояния фашизму.

Так чем же ему возразить?

Сказать, что надо передохнуть, попробовать пожить в свое удовольствие? Этого не скажешь. Но кроме этого, и сказать-то в общем нечего.

Большинству членов ЦК оставалось одно — пассивно сопротивляться новшествам и пытаться использовать свое численное превосходство.

Обратим внимание, что на пленуме не было кандидата в члены ЦК маршала Тухачевского. Все остальные военачальники — присутствовали.

Глава сорок вторая

Разгром военных «вождей». «Военно-политический заговор». Провинциальный партаппарат совершает контрреволюцию. Террор на местах. «Вредительская» перепись населения

После февральско-мартовского пленума сталинская группа имела все возможности довести начатую перестройку до конца. Она опиралась на конституцию, решения пленума и к тому же располагала тактическим оружием (необходимостью борьбы с троцкистами и «вредителями»).

Однако история не дала Сталину этого шанса. Попросту говоря, у него не хватило ни кадровых, ни экономических ресурсов для создания демократической системы управления. Для того чтобы отказаться от «диктатуры пролетариата» и перейти к двухпартийной избирательной системе, нужно было располагать хотя бы международным миром и лояльностью образованной части общества. А этого как раз и не наблюдалось.

Историк Ю. Н. Жуков, первым обративший внимание на колоссальный разрыв между замыслами Сталина и их реальным воплощением, завершившимся террором, доказывает, что расправа с «врагами народа» инициировалась снизу как раз партократией, стремившейся очистить подконтрольные территории от политических конкурентов.

Региональные партийные руководители были кадровым каркасом, который держал страну, и на угрозу из Кремля они ответили «конвульсией». К этой реакции добавился провал советской идеи Восточного блока, направленного против германо-итальянского союза.

Шестнадцатого октября 1936 года Сталин обнародовал в телеграмме генеральному секретарю коммунистической партии Испании Хосе Диасу свою точку зрения: «Трудящиеся Советского Союза лишь выполняют свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества»[314].

Запад, прежде всего Англия, колебался в выборе стратегического решения между двумя угрозами: со стороны СССР в бассейне Средиземного моря и подобным же усилением в этом регионе Германии и Италии. Выбранная им политика «невмешательства» была рассчитана на возвращение статус-кво, что было невозможно. В конце концов, на Даунинг-стрит посчитали более приемлемым искать договоренностей с Берлином и, соответственно, не заключать никакого блока с Москвой. Это означало, что СССР снова входил в зону одиночества.

Обратим внимание на позицию Гитлера в отношении войны в Испании. Он считал, что полная победа генерала Франко не отвечает интересам Германии; война должна продолжаться и отвлекать Англию, Францию и даже Италию от Центральной Европы.

Сталин же не хотел вязнуть в Испании, она в его понимании весила гораздо меньше, чем Восточный пакт.

Но было уже поздно что-либо менять. Европейская система взаимной безопасности не складывалась.

В этой нестабильной обстановке достаточно было одного камешка, чтобы нарушить равновесие. Здесь мы подходим к «военному заговору», который торпедировал всю начинающуюся демократизацию.

До сих пор в историографии главенствует мнение, что в действительности никакого заговора не было, а имели место встречи высокопоставленных военных руководителей, выражавших недовольство политикой сталинской группы, а также конфликт Тухачевского, Уборевича, Якира с одним из членов этой группы — Ворошиловым.

Другие историки базируются на материалах следствия и косвенных уликах и считают, что заговор все же существовал.

В любом случае очевидны тревожное ожидание правящей элиты и соответствующая направленность спецслужб, что вполне можно сопоставить с операциями ФБР во время Второй мировой войны против американцев японского происхождения, деятельностью комиссии сенатора Маккарти во время «холодной войны», жуткими условиями содержания инакомыслящих в Англии в 1945—1948 годах. Тогда подозрения легко превращались в доказательства, а критическое слово в адрес правительства приравнивалось к предательству.

Выступая на пленуме ЦК, Сталин произнес фразу, из которой следовало, что армию ждут потрясения: «В рядах Красной Армии есть шпионы и враги государства». Он имел основание так говорить. 11 февраля 1937 года в Харькове арестовали Енукидзе, крестного отца Светланы Сталиной, и в тот же день кум вождя признался в заговоре против него и назвал соучастниками Тухачевского, Корка, Путну.

Одиннадцатого марта были арестованы командующий Уральским военным округом И. И. Гарькавый (свояк Якира) и его заместитель М. И. Василенко.

Двадцать девятого марта арестовали Ягоду, а также бывшего управляющего делами ОГПУ и НКВД П. П. Буланова и начальника Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД Н. К. Кручинкина.

Пятнадцатого апреля — арест М. М. Ольшанского, заместителя начальника Автобронетанкового управления РККА.

Семнадцатого апреля — арест начальника Отдела охраны правительства К. В. Паукера.

Девятнадцатого апреля — арест Г. Н. Кутателадзе, командира 9-го стрелкового корпуса Московского военного округа.

Двадцать второго — двадцать пятого апреля арестованы: бывший начальник Особого отдела НКВД М. И. Гай и бывший заместитель наркома внутренних дел Г. Е. Прокофьев. Они дали показания на Тухачевского, Уборевича, Корка, Шапошникова, Эйдемана и других военачальников, а также указали на их связь с Ягодой.

Двадцать седьмого апреля — арест помощника Якира по материально-техническому снабжению, бывшего коменданта Кремля Р. А. Петерсона. Причем сразу же во время обыска он написал письмо Ежову, добровольно признав участие в заговоре, и назвал соучастниками Енукидзе, Тухачевского, Корка, Путну.

Двадцать восьмого апреля бывший заместитель Паукера З. И. Волович признался в существовании заговора Ягоды — Тухачевского.

В этом списке ключевая фигура — Ягода. Если вспомнить

бесспорное свидетельство, о котором нельзя сказать, что оно получено под пыткой, — запись беседы Бухарина с Каменевым в 1928 году, где было сказано, что Ягода «с нами», то становится понятным, почему тормозилось дело «Клубок» о подготовке покушения на Сталина. Теперь, когда в картину заговора были включены маршалы и командармы, можно представить серьезность положения кремлевских вождей. На допросах Ягода показал: «В среде организаций правых зрела мысль о дворцовом перевороте».

В одном из докладов Сталину того времени было сообщено, что Бухарин признался в частном разговоре о готовности к перевороту и указывал на неожиданную робость Ягоды. Тем не менее враждебная позиция Ягоды не вызывала сомнений.

Дальше события покатили как штормовые валы. По мере расследования становилось ясно, что против сталинской группы готовы выступить военные, чекисты и партократия. Они не были объединены единым руководством, но это лишь вопрос времени. Сталину требовалось быстро переместить командующих военными округами и крупных командиров, вырвать их из сформировавшихся связей, а затем — обезвредить. Видимо, после показаний арестованных уже не оставалось сомнений в реальности военного заговора.

Ему было известно, что в середине марта 1937 года в Сочи в санатории Наркомата обороны «Волна» отдыхавшего Тухачевского посетили Уборевич и Фельдман. Кроме того, Фельдман приезжал в Киев к Якиру. Затем в начале апреля Тухачевский встречался в Москве с Крестинским и Розенгольцем. 9 апреля Тухачевский принимал на своей квартире Якира и Корка. (Надо заметить, что если с Якиром у Тухачевского сложились дружеские отношения, то с Корком — натянутые. Корк был дружен с Паукером, контролировавшим личную охрану Сталина.)

Эта активность военачальников была подозрительна. Руководствуясь логикой Сталина, можно сказать, что оставались считаные дни, чтобы предотвратить катастрофу. Как говорил Молотов, власти знали сроки начала переворота и поэтому смогли опередить заговорщиков.

Утверждения Молотова не вполне справедливы. Будучи в преклонных годах, он, наверное, уже позабыл, что на протяжении всего модернизационного десятилетия сталинская группа действовала в условиях двух постоянных угроз — внешней агрессии и захвата власти оппозицией. Что изменилось в историческом отрезке от слов Бухарина, сказанных Каменеву — «Ягода с нами», до показаний Енукидзе и Петерсона об участии Тухачевского и других военачальников в заговоре? Мало что изменилось, как ни странно. Действительно, любой часо-

вой-чекист в Кремле мог одним выстрелом оборвать многотрудную жизнь нашего героя. И он знал об этом.

К 1937 году экономическое развитие страны уже позволяло правящей элите задуматься о смене лидера. Сжатая за десятилетие пружина могла сорваться.

Поэтому, начав после убийства Кирова вычищать партийное руководство, Сталин рано или поздно должен был столкнуться с военно-политическим кланом.

Вслед за кланом «полусвятых революционеров» (Троцкий, Зиновьев, Каменев и др.) он уже нейтрализовал кланы Орджоникидзе и Ягоды. По этой логике Тухачевский, Якир, Уборевич и другие командармы, комкоры и комдивы, которые считали себя несокрушимой силой, неизбежно должны были либо перестать быть такой силой, либо доказать Кремлю свое превосходство. К несчастью военных, их претензии выливались в оппозицию наркому обороны, которого они хотели сместить, и выражались в обсуждениях текущей политической ситуации. Генералы касались и вопроса выступления против Сталина, но все, как один, робко останавливались. Только Фельдман, старый друг Тухачевского, начальник штаба Ленинградского военного округа в то время, когда маршал был там командующим, и ныне — начальник Управления командного состава НКО, пытался раскрыть глаза своим старшим по должности товарищам на приближение рокового часа.

С 27 декабря 1936 года до начала апреля 1937 года, то есть свыше трех месяцев, Тухачевский по решению Политбюро находился в отпуске, что можно считать полуотставкой. Сталин не скрывал от него своих подозрений, сказав 31 декабря 1936 года на заседании Политбюро о наличии компрометирующих маршала материалов.

Тридцатого января 1937 года арестовываются адъютант Тухачевского Яков Смутный и еще 200 командиров («троцкистов»).

Затем последовали аресты ряда военачальников, Енукидзе, Ягоды и других чекистов.

Двадцатого апреля отменяется ранее санкционированный Сталиным визит Тухачевского в Лондон на коронацию Георга VI, то есть маршал становится невыездным.

С 22 апреля начинаются жесткие допросы руководителей НКВД по «делу Тухачевского».

Второго мая арестован только что назначенный командующим Уральским округом, бывший заместитель командующего МВО Б. С. Горбачев, на которого дали показания Ягода и другие чекисты.

Арестованный 5 мая 1937 года бывший комбриг Е. Медведев, один из основных подозреваемых по «Кремлевскому делу», уволенный из армии еще в 1934 году (последняя должность — начальник ПВО РККА), по приказу Ежова подвергался избиениям и дал показания о существовании военного заговора, организатором которого был Фельдман.

Восьмого мая был арестован А. Корк.

Десятого мая от Медведева получены показания, что руководителем заговора является не Корк, а Тухачевский и в руководство входят Якир, Корк, Примаков, Путна и другие.

В итоге дерзких и рискованных действий, которые в случае неудачи стоили бы головы, Ежов сумел развернуть «Кремлевское дело» в «Военный заговор», превратившийся в страшную реальность.

Пятнадцатого мая арестован Б. Фельдман. От него получены основные показания против Тухачевского.

Психологический фон расследования реконструировал современный историк: «Точно известно, что 8 мая он (то есть Якир) был на приеме у И. Сталина и принимал участие в обсуждении вопроса об отставке М. Тухачевского с должности первого замнаркома... Он не продемонстрировал решительную поддержку И. Сталину, но и не отстаивал интересы М. Тухачевского. И. Сталин понял, что в случае какой-либо формы сопротивления со стороны М. Тухачевского (что не исключалось) И. Якир не окажет ему поддержку. Однако И. Сталин понял и другое — И. Якир не является безусловно преданным ему человеком. Он ненадежен, и если бы М. Тухачевскому "улыбнулось" счастье, И. Якир оказался бы на стороне маршала, "предав" его, И. Сталина. Поэтому 8 мая 1937 года было решено добиваться от Е. Медведева "показаний" не только против М. Тухачевского, а также и против И. Якира, что не входило в первоначальный план И. Сталина и Н. Ежова»[315].

Во многих исследованиях говорится, что Сталин не знал о мучениях арестованных. Так ли это?

До декабря 1934 года ЦК пресекал применение «незаконных методов следствия», но после убийства Кирова и особенно с началом следствия по «заговору военных» Сталин уже по-другому относился к своим врагам.

Самый убедительный документ, доказывающий радикальные перемены, стал известен недавно.

«Шифртелеграмма. Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартии, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД.

ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов — крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, — следовательно, продолжают борьбу с советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартии, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением. Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин»[316].

Телеграмма датирована 10 января 1939 года. «Физическое воздействие» без стеснений стало применяться с апреля 1937 года. В архивах сохранились собственноручные записки Сталина, например от 13 сентября 1937 года: «Избить Уншлихта за то, что не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т. п.)»[317].

Безусловно, после разоблачения «заговора» Сталин был потрясен и стал терять контроль над собой. В нем, надо полагать, всколыхнулась память о кавказских междоусобных войнах, полных жестокости и коварства.

Но был ли заговор?

Сталин считал: был. И это означает, что в той политической реальности заговор для него действительно имел место. Психология репрессий, судя по их охвату и силе удара по армейскому руководству, свидетельствовала о повторении шока 1 декабря 1934 года (то есть после убийства Кирова).

После ареста Тухачевского Ежов становился ведущей фигурой в сталинской группе, грозным фаворитом, который в любой момент мог предъявить счет любому из окружения Сталина, а при определенных раскладах — и самому вождю.

Запущенный Ежовым механизм захвата в следственные тиски всего окружения подозреваемого человека и выбивания нужных показаний был подобен лесному пожару, расширяющемуся во все стороны.

В записках чекиста Михаила Швейцера[318], чудом выскользнувшего из зубцов этого механизма, приводится пример парадоксального использования тотальности «ежовщины» ради собственного спасения. Попав в лапы Ивановского областного НКВД, Швейцер вырвался оттуда, лишь оговорив себя до преступлений союзного уровня (которые должны рассматриваться в Москве), был переведен в столицу и там сумел раскрыть агрессивность и карьеризм региональных следователей, нацеленных фальсификациями сделать себе карьеру и занять руководящие должности в столице. Швейцеру повезло: он дотянул до конца 1938 года, когда Ежов уже стал не нужен, и Сталин назначил заместителем наркома внутренних дел Берию, наделив того особыми полномочиями от Политбюро.

Десятого мая 1937 года постановлением ЦК и Совнаркома в армию были возвращены комиссары, то есть отменялось единоначалие: РВС округов преобразовывались в военные советы, которые подчинялись лично Ворошилову. Это означало сразу три вещи: над командирами поставили политических контролеров (как во время Гражданской войны над военспецами), армия в целом была выведена из-под наблюдения ЦК и НКВД. Отныне ею командовали только двое: Сталин и Ворошилов.

Это произошло сразу после признаний Медведева о «заговоре», которым будто бы руководит Тухачевский. Сталинская группа стала быстро защищаться.

Здесь возникает вопрос о том, правы ли историки, обвиняющие Сталина в конструировании этого заговора? Восстановление института комиссаров дает исчерпывающий ответ: для Сталина заговор существовал.

В тот же день, 10 мая, были проведены перестановки в Наркомате обороны и Генеральном штабе: Тухачевский освобож-

ден от должности первого заместителя наркома и назначен командующим Приволжским военным округом; первым заместителем наркома назначен маршал Егоров (и освобожден от должности начальника Генштаба); начальником Генштаба стал командарм Шапошников; Якир переведен командующим Ленинградским военным округом.

Одиннадцатого мая в Наркомате обороны было проведено совещание, где объявили о перемещениях. Мехлис обвинил Тухачевского, Якира, Уборевича, Гамарника, Корка, Фельдмана в попытке сговориться друг с другом и выступить против ЦК. Обвиняемые (кроме арестованного Фельдмана) заявили, что обратятся к пленуму ЦК с жалобами на Ежова, который клевещет на них.

В ночь на 12 мая Тухачевскому неожиданно позвонил Сталин и сообщил ему, что тот переводится в Приволжский округ ненадолго, что не следует видеть в этом опалу, что к обвинениям Мехлиса надо относиться спокойно.

Тухачевский попросил о встрече. 13 мая Сталин принял его в Кремле. Это означало, что вождь еще не принял окончательного решения. Сталин объяснил причину перевода: в ближайшем окружении маршала есть люди, обвиняемые в шпионаже (включая его бывшую жену Нину Кузьмину).

Тринадцатого мая в 73-летнем возрасте скончалась мать Сталина, Екатерина Георгиевна. На похороны он не смог поехать — настолько тревожной была обстановка.

В ночь на 14 мая арестован Корк.

Четырнадцатого мая Примаков на допросе заявил, что «троцкистская организация» считает Якира достойным должности наркома обороны вместо Ворошилова.

В ночь на 15 мая Путна, переведенный из Бутырской больницы в отличавшуюся жесткими условиями Лефортовскую тюрьму, во время ночного допроса дал показания, что Тухачевский — участник заговора.

Шестнадцатого мая Корк показал, что в штаб военного переворота входили Тухачевский, Путна, Корк.

Девятнадцатого мая (а потом и 21 и 23 мая) Фельдман назвал участниками заговора 40 видных военачальников.

Двадцатого мая Сталин получил от Ежова протокол допроса Фельдмана. Ежов просил разрешения провести аресты. Сталин разрешил.

Двадцать второго мая Тухачевский был арестован в Куйбышеве и доставлен в Москву.

Двадцать четвертого мая Троцкий неожиданно заявляет в Мексике журналистам, что «политические дни» Сталина сочтены.

Двадцать четвертого же мая Политбюро поставило на голосование вопрос об исключении из партии заместителя председателя СНК Рудзутака и Тухачевского и передало их дела в НКВД.

Двадцать шестого мая во время очных ставок с Примаковым, Путной и Фельдманом Тухачевский отрицает свое участие в заговоре. В тот же день он в заявлении на имя Ежова признает наличие заговора и свое участие в нем.

Двадцать восьмого мая арестован Якир, 29 мая — Уборевич.

Тридцатого мая после избиений Уборевич, который ранее категорически отрицал свою вину, признался в подготовке заговора и назвал соучастников.

В тот же день решением Политбюро, подписанным Сталиным, проводится сбор подписей «вкруговую» об исключении из партии Якира и Уборевича.

Наркомат обороны был взят под контроль чекистов. Ежов разместился в кабинете Ворошилова.

Все материалы следствия были доступны только четверым членам Политбюро: Сталину, Молотову, Кагановичу, Ворошилову. Это свидетельствовало о том, что остальным уже не вполне доверяли. Из протоколов следовало, что РККА охвачена смутой.

Нетрудно представить, что испытывали Сталин и его товарищи и как они реагировали на показания подследственных. Тем более что им было с чем сравнивать: ведь не все арестованные подписывали признание. Почему не подписали комбриг А. В. Горбачев и комдив К. К. Рокоссовский, арестованные в то же время? И тогда почему герои Гражданской войны не находили в себе ни моральной, ни физической силы выдержать жестокие допросы?

С 1 по 4 июня в Кремле проходило расширенное заседание Военного совета при наркоме обороны (в президиуме — Сталин, Ворошилов, Молотов, Каганович, Калинин, Ежов, Буденный, Блюхер) с участием 116 командиров, приглашенных из округов и управлений НКО.

Первого июня Ворошилов выступил с докладом о раскрытом заговоре.

Второго июня выступил Сталин. Вот с чего он начал: «Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-по-

литический заговор против советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами»[319].

Доклад производит странное впечатление своей недосказанностью. Говоря о заговоре, Сталин сразу указывает на шпионаж и не слезает с этого конька до конца. Правда, он отвлекается на критику малозначащих в данном политическом контексте фактов и персоналий, что кажется непродуктивным. Похоже, он уводил разговор от антигосударственного заговора в сторону шпионажа, то есть предательства. Таким образом, посылал сигнал командирам, чтобы они сохраняли спокойствие. Он особо подчеркнул успехи молодых командиров, отличившихся в Испании, что на фоне предательства «маршалов» должно было сильно поднять молодежь.

Однако выступление Сталина повергло присутствующих в ужас. Вероятно, каждый в те минуты задавался вопросом, нет ли в его биографии сомнительных эпизодов и не попадет ли он в число подозреваемых.

Во время заседаний Военного совета Сталин держался уверенно, не обнаруживая признаков растерянности. На первый взгляд это было естественно: только что он одержал победу в противостоянии с врагами. Но Молотов, Каганович, Жданов, Калинин мрачно смотрели на военных, выражая не торжество победителей, а тяжелую озабоченность. Они должны были предчувствовать, что с разоблачением заговора ситуация еще больше усугубится и намеченные демократические выборы никогда не состоятся. А это означало затягивание на долгие годы внутренней войны в правящей верхушке и продолжение подобных «заговоров».

Четвертого июня назначены восемь судей из числа известных военачальников: заместитель наркома обороны СССР, начальник Воздушных сил РККА, командарм 2-го ранга Я. И. Алкснис; командующий Московским военным округом, маршал С. М. Буденный; командующий ОКДВА, маршал В. К. Блюхер; начальник Генерального штаба, командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников; командующий Белорусским военным округом, командарм 1-го ранга И. П. Белов; командующий Ленинградским военным округом, командарм 2-го ранга П. Е. Дыбенко; командующий Северо-Кавказским военным округом, командарм 2-го ранга Н. Д. Каширин; командир 6-го кавалерийского казачьего корпуса В. И. Горячев.

Решив провести открытый судебный процесс, кремлевская группа стремилась показать обществу, что руководство РККА сохраняет верность государству.

Десятого июня пленум Верховного суда СССР постановил создать Специальное судебное присутствие Верховного суда

для рассмотрения дела о военном заговоре. 11 июня началось судебное заседание. На вопрос, признают ли подсудимые себя виновными, они ответили утвердительно. До перерыва в 15.00 шли прения. Потом неожиданно Ежов и председательствующий В. В. Ульрих поехали в Кремль докладывать, хотя прошла только половина судебного дня. Очевидно, случилось что-то непредвиденное.

Между Ежовым и членами трибунала произошло столкновение: Белов обвинил Ежова в подтасовках. В итоге Блюхер, Дыбенко и, как пишет историк, «еще трое» поддержали Белова. Эти трое — Алкснис, Горячев, Каширин.

«Заколебались даже Буденный и Шапошников. Но их удалось отколоть от остальных, так как хитроумный Ежов предвидел подобную ситуацию. На каждого из них он заранее заготовил штук по 20 показаний со стороны уже арестованных, обличавших их самих в тайной оппозиции. И вручил эти бумаги Ульриху, чтобы тот ими распорядился как сочтет нужным. Председатель суда все сделал самым наилучшим образом. В результате Буденный и Шапошников отступили в страшном замешательстве. Это и спасло им жизнь»[320].

В это время в Киеве выступили два пехотных полка, в Харькове — один кавалерийский, приняв резолюции освободить Якира и Уборевича, а фальсификаторов привлечь к ответственности. Мятежников разоружили, 18 младших офицеров покончили с собой.

Нетрудно предположить, что длительные судебные слушания могли стать детонатором гораздо больших возмущений. Поэтому Ежов и Ульрих в Кремле получили указание: процесс заканчивать. Это решение Сталина поддержали присутствующие в его кабинете Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Микоян, Хрущев.

И в тот же день (фактически была уже глубокая ночь) был вынесен приговор: расстрел. Услышав это, Якир истерично потребовал бумагу и написал письма Сталину и Ворошилову. Он еще надеялся убедить их в своей невиновности.

Комендант Судебного присутствия Иван Серов (будущий председатель КГБ при Хрущеве) громко скомандовал: «Из зала — на улицу!»

Осужденных в крытом грузовике в сопровождении усиленной охраны перевезли в Лефортовскую тюрьму, а там — провели в подвал.

Командовать расстрелом по предложению Сталина должен был Блюхер, но он решительно отказался.

Поставленный к стене Якир крикнул: «Да здравствует товарищ Сталин!» Ворошилов выстрелил ему в затылок.

Следующим поставили Тухачевского, он успел крикнуть: «Вы стреляете не в нас, а в Красную армию!» — и выстрел Буденного оборвал его жизнь.

Уборевича застрелил Ежов. Остальных — сотрудники НКВД Фриновский, Леплевский, Карпейский, Николаев-Журид, Ушаков.

Тела вывезли на Ходынское поле, сбросили в заранее вырытую яму, засыпали негашеной известью, быстро закопали, плотно утрамбовав землю.

Те, кто сотрясал мир угрозой мировой революции и храбро сражался с белыми офицерами, моряками Кронштадта и тамбовскими крестьянами, упокоились в безвестной могиле.

Двенадцатого июня 1937 года «Правда» сообщила, что «острый меч социалистического правосудия обрушился на головы подлой военно-шпионской банды». В стране развернулась мощная кампания борьбы с «врагами народа».

Но пора вспомнить о демократических выборах в Верховный Совет. Более неподходящей для этого обстановки трудно вообразить. К тому же взаимоотношения сталинской группы с руководителями региональных кланов оставляли желать лучшего.

Двадцать седьмого июня 1937 года Сталин получил от Ежова заявление арестованного партийного функционера Малинова, обвиняемого в троцкизме. Малинов сообщал, что секретарь Дальневосточного крайкома И. М. Варейкис «наряду с оценкой блестящих качеств И. В. Сталина отозвался о нем как о тяжелом человеке, с которым трудно работать» и что «даже некоторые члены Политбюро» чувствуют себя несвободными и «как бы в чем-то виноватыми». Еще Малинов сообщал, что Варейкис постоянно возит с собой приближенных людей, в партийном отношении «негодных».

Сталина, по-видимому, это задело. Он расписал донесение для прочтения всем членам Политбюро и даже — самому Варейкису с припиской: «Т. Варейкис! Не желаете ли ознакомиться с показаниями небезызвестного Малинова? Привет. И. Сталин».

Варейкис был очень известным партийным работником, в июле 1918 года тесно сотрудничал с Тухачевским во время подавления мятежа командующего Восточным фронтом Муравьева, будучи с 1928 года первым секретарем Центрально-Черноземного обкома, активно проводил коллективизацию.

Характерен ответ Варейкиса Сталину. В нем сквозит если не враждебность, то явная дерзость: «Насчет того, как я всегда боролся и веду теперь борьбу с вредителями всех мастей или

писать о своей политической линии, большевистской совести мне нет надобности. Это яснее ясного дня. Привет»[321].

Варейкис как бы говорил: «Не вижу смысла оправдываться, даже удивлен, что вы занимаетесь такой чепухой». Слышится голос жестокого воина и организатора, каковым он и был.

Для Сталина, перестраивавшего систему власти, такие руководители с психологией командиров Гражданской войны уже не были нужны.

Но был ли им нужен Сталин?

Если исходить из результатов Второй мировой войны, которую Сталин предвидел и подготовку к которой считал главной задачей, то такой руководитель, как он, был востребован. И это обстоятельство — решающий аргумент во внутриэлитной борьбе. «Военная экономика СССР превзошла в годы войны экономику “единого европейского военного хозяйства”»[322]. Хотя экономика Советского Союза перед войной и в еще большей степени во время войны явно уступала немецкой экономике, СССР за счет объединения всех ресурсов для нужд обороны достиг невиданной в других воюющих государствах концентрации.

Отсюда следует вывод: региональным лидерам Сталин был нужен, хотя они периодически пытались ослабить контроль Кремля. Это противостояние являлось неотъемлемой частью советской политической системы: Кремль опирался на партийный аппарат на местах и держал его в узде благодаря жесткому контролю органов НКВД, а местные «князья», с одной стороны, нуждались в поддержке центра и НКВД, но с другой — постоянно стремились выскользнуть из-под присмотра.

Как подметил английский историк: «Неотесанные, неопытные и часто очень молодые представители новой элиты получили необъятную власть, но им все же недоставало традиций и легитимности»[323].

Легитимность, да и то далеко не всеобъемлющая, была только у Сталина, «продолжателя дела Ленина» и вождя модернизации.

Даже Троцкий, будучи врагом Сталина, совпадал с ним в главном: и при сталинском правлении надо защищать государство трудящихся против любого врага и сражаться за Советский Союз до последнего. Что же тогда говорить о партийной номенклатуре?

Здесь мы возвращаемся к главным для Сталина вопросам: о базе политического режима и о взаимоотношениях Кремля с провинцией.

В конце мая начались партийные конференции на местах, и сразу проявилось, что местное руководство не допустит к уп-

равлению новые силы. Несмотря на свободное обсуждение и тайное голосование, практически все первые секретари горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик получили подавляющее число голосов. Ю. Н. Жуков считает, что дальнейшие репрессии в отношении региональных руководителей объясняются борьбой сталинской группы за проведение альтернативных выборов.

Двадцать третьего июня 1937 года открылся пленум ЦК. По предложению Политбюро на нем были выведены из ЦК сразу 26 человек, включая председателя Комиссии советского контроля при СНК СССР Н. К. Антипова, заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК В. Г. Кнорина, наркома внутренних дел УССР В. А. Балицкого, наркома местной промышленности РСФСР И. П. Жукова, первого секретаря Крымского обкома Л. Н. Лаврентьева (Картвелишвили), наркома местной промышленности РСФСР С. С. Лобова, первого секретаря Восточно-Сибирского крайкома И. П. Румянцева, первого секретаря Курского обкома Б. П. Шеболдаева, первого секретаря Одесского обкома Е. И. Вегера, председателя СНК Белоруссии Н. М. Голодеда, наркома коммунального хозяйства РСФСР Н. П. Комарова.

Прибавив к их числу 13 человек, выведенных из ЦК путем письменного опроса (Тухачевский и др.), получим 36 человек. Всего в составе ЦК на 1 мая 1937 года было 120 человек.

Противники альтернативных выборов получили предметный урок. Практически все они не числились ни в «правой», ни в «левой» оппозиции и сделали карьеру в борьбе как раз со сторонниками Троцкого, Зиновьева, Бухарина. Почти все они отличались низким образованием и незнанием профессиональной среды, в которой работали.

По тому, как проходил пленум, можно сделать вывод, что главным вопросом была смена кадров. В своем докладе о порядке проведения предстоящих выборов в Верховный Совет Яковлев предостерег, что «практика подмены законов усмотрением той или иной группы бюрократов является делом антисоветским». Он также предложил отменить пункт устава партии об организации партгруппы в составе Советов и исполнительных комитетов, чтобы избежать давления коммунистов на принимаемые решения. Тема «новых кадров» прошла красной нитью у Яковлева, была подхвачена А. И. Стецким, а затем и Молотовым.

Председатель правительства противопоставил старых партийцев с дореволюционным стажем и опытом борьбы с троцкистами и новых работников, которые «в соответствии с основными требованиями теперешнего момента твердо,

последовательно, разумно, со знанием дела будут проводить политику партии на новом месте».

Ю. Н. Жуков считает это «открытым вызовом партократии», на который она ответила репрессиями на местах против активной части населения, то есть конкурентов. Получается, что сталинская группа вместо смены «хламья» (по определению Молотова) оказалась в зависимости от воли этого самого «хламья».

Но вряд ли все было так просто. В своей деятельности НКВД руководствовался оценкой возможных угроз, анализом биографий и связей фигурантов, выискивая опасные пересечения и выстраивая на этой базе различные конструкции заговоров.

Поэтому после расстрела Тухачевского и июньского пленума волна чекистской активности совпала с поиском региональными вождями защиты от кремлевских новаций.

Второго июля вышло постановление «об антисоветских элементах», разосланное во все обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий. В нем говорилось, что большая часть бывших кулаков и уголовников, вернувшихся из ссылки, является «главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных выступлений», и предлагалось взять всех возвратившихся на учет, арестовать наиболее враждебных и расстрелять их «в порядке административного проведения их дел через “тройки”». Также предлагалось в пятидневный срок представить в ЦК состав «троек» и «количество подлежащих расстрелу» и высылке.

Начиная с 5 июля ЦК стал утверждать составы «троек», председателями назначались начальники управлений НКВД. Если бы председателями ставили секретарей обкомов, можно было бы говорить об их решающей роли, но на деле они оказались подконтрольны чекистам. Это и понятно, так как осуществление ежовского метода должно было находиться в руках Наркомата внутренних дел.

Таким образом, партийные руководители и работники НКВД оказались по разные стороны процесса и смотрели друг на друга как на конкурентов. Бесспорно, это обстоятельство увеличило число жертв с обеих сторон.

К тому же, отдав «тройкам» право судить, кремлевская группа оказалась без опоры. Ежов становился все сильнее, а региональные секретари — загадочнее.

Вскоре некий коммунист Кулякин прислал в ЦК письмо о враждебной деятельности первого секретаря Днепропетровского обкома М. М. Хатаевича, который после назначения «привез» ряд старых своих сослуживцев, а те «оказались врагами народа». Письмо попало к Сталину. Он распорядился «строжайше проверить всех лиц, указанных в записке», а против некоторых фамилий пометил: «арестовать».

Неужели он определял врагов на расстоянии? Вряд ли. Это свидетельствовало о его неуверенности. Главным аргументом в отношениях с элитой был либо террор, либо альтернативные выборы.

Впрочем, судя по всему, такие выборы надо было отложить в долгий ящик.

Показательно, как отреагировал Сталин на сообщение 27 августа 1937 года о пожаре на мелькомбинате в Канске. В сообщении НКВД указывалось, что «установлена исключительная засоренность комбината врагами». Сталин написал на шифротелеграмме: «Красноярск. Крайком. Соболеву. Поджог мелькомбината, должно быть, организован врагами. Примите все меры к раскрытию поджигателей. Виновных судить ускоренно. Приговор — расстрел, о расстреле опубликовать в местной печати. Секретарь ЦК Сталин»[324].

Для кремлевской верхушки и правящего класса наступили черные дни. На стол Сталина, кроме потоков доносов, донесений об увеличении лимитов на расстрелы и ссылки, ложились и внешнеполитические сообщения.

В мировой обстановке тоже не было просвета. Еще 29 мая 1936 года Геббельс записал в дневнике внешнеполитический план Гитлера: «Соединенные государства Европы под немецким руководством». На очереди были захват Австрии и Чехословакии, а затем Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии.

Летом 1937 года в Испании продолжалась прелюдия к мировой войне, Англия и Франция искали выход из надвигающейся катастрофы, а Япония готовилась к нападению на Китай.

К тому же Англия в силу того, что не смогла оправиться после Первой мировой войны, пыталась найти чудесное средство, чтобы переиграть всех соперников.

Двадцать девятого марта 1935 года Сталин принимал в Кремле английского министра иностранных дел Идена. Согласно мемуарам советского посла в Великобритании Ивана Майского, «Иден сильно волновался», Сталин же был «спокоен и бесстрастен». Наш герой, опираясь на данные разведки, сказал, что сейчас опасность войны больше, чем в 1914 году; тогда имелся один очаг опасности — Германия, а теперь два — Германия и Япония. Иден согласился. Правда, это не означало, что Лондон будет союзником СССР.

Дело в том, что за годы Первой мировой войны государственный долг Англии вырос с 650 миллионов фунтов стер-

лингов в 1914 году до 782 миллионов в 1919 году. К 1938 году он был снижен незначительно.

Нестабильное экономическое положение Великобритании сказалось и на прочности всей империи: рос дефицит во внешней торговле, все больше ее доминионов смотрели в сторону Америки, откуда шли инвестиции. Конкуренция между странами-«кузенами» привела к настоящей торговой войне между ними, которая поглощала ограниченные финансы Лондона. Но американский капитал все же проникал в страны Содружества, и экономика Великобритании, отраженная во внешнем долге, все более зависела от США.

Именно это обстоятельство вынудило английское руководство в целях выигрыша времени и камуфлирования своей слабости начать активно выступать за разоружение. Отсюда было всего полшага до уступок Германии.

Нью-Йорк вытеснил Лондон из Латинской Америки и теперь стремился дожать Англию в Тихоокеанской зоне, где, кстати, сталкивался с интересами Японии. Америка вкладывала деньги по всему миру, включая даже Германию и Италию.

В этих условиях сталинской группе, стремившейся защититься от Германии системой коллективной безопасности, явно не повезло. Лондон, выступавший старшим партнером в отношении Парижа, не желал конфронтации с Берлином. Английский премьер Невилл Чемберлен хотел, как саркастически заметил Черчилль, «ехать на тигре».

Пожалуй, во всем мире только у руководителей СССР, Германии и Японии было четкое представление о грядущих испытаниях.

Двадцать девятого июля Чемберлен сказал советскому послу Майскому, что хочет «сесть за один стол с Гитлером и карандашом пройтись по всем его жалобам и претензиям». То есть попробовать договориться.

Вряд ли это была ошибочная мысль: тогда все, включая Сталина, надеялись договориться. Но при этом Сталин не сомневался, что войны не избежать.

Впрочем, кроме Чемберлена, боявшегося потратить лишний пенни на вооружение, в английском истеблишменте были и другие люди.

Черчилль описывает свою встречу с немецким послом в Англии Риббентропом в боевом тоне. Она состоялась в 1937 году. Риббентроп говорил, что Германии нужно жизненное пространство для возрастающего населения, что она вынуждена «проглотить Польшу», что Белоруссия и Украина «абсолютно ей необходимы». Он просил англичан не вмешиваться. На это Черчилль решительно возразил: «“Если бы даже Франция

была в полной безопасности, Великобритания никогда не утратила бы интереса к судьбам континента настолько, чтобы позволить Германии установить свое господство над Центральной и Восточной Европой". Мы стояли перед картой, когда я сказал это. Риббентроп резко отвернулся от карты и потом сказал: "В таком случае война неизбежна. Фюрер на это решился. Ничто его не остановит, и ничто не остановит нас"»[325].

В ноябре 1937 года британский министр иностранных дел Галифакс на встрече с Гитлером в Берлине предложил альянс на базе «пакта четырех» и «предоставления ему свободы рук в Центральной и Восточной Европе»[326]. Галифакс даже конкретизировал, что «не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения» в Европе. Он указал и направление: Данциг, Австрия и Чехословакия.

Скорее всего, англичане чувствовали себя ловкими дипломатами, с минимальными потерями ускользающими от колоссальных расходов. Хотя тогда они могли просчитать следующий вариант: генерал Франко в результате их политики «невмешательства» побеждает, и дружественный Германии режим начинает контролировать вход в Средиземное море; Германия, заняв Австрию, становится в полушаге от Балкан и английских нефтепромыслов, главной британской энергетической базы; устранив «Данцигский коридор», Германия объединяется с Восточной Пруссией и начинает доминировать на Балтике; чехословацкий военно-промышленный потенциал значительно усилит Германию.

Так на что же уповал Чемберлен?

Конечно, англичане легко просчитывали эти варианты, но делали ложный посыл: дальше Гитлер непременно схватится со Сталиным. Иначе трудно понять их логику.

Но обвинять британцев в двуличии, как это делали у нас (правда, в ответ на обвинение нас в «пакте Молотова — Риббентропа»), просто бессмысленно, так как подобная оценка только затемняет характер предвоенных отношений. Англии было выгодно, чтобы Гитлер как можно глубже увяз на Востоке, Советскому Союзу, наоборот, чтобы он обескровил себя на Западе.

Правда, СССР делал намного больше усилий, чтобы заключить Восточный пакт против Гитлера. В этом вопросе Сталина нельзя упрекнуть.

Но если взять общую панораму, то это была беспощадная игра, где каждый надеялся обмануть партнера.

Надо полагать, принятие Лондоном нового курса (в направлении на Мюнхен) должно было вскоре отрезвить Сталина в отношении разворачивающегося внутреннего террора, получившего название «ежовщина». (Иногда употребляют синони-

мом слово «сталинщина», что исторически неверно, так как не учитывается природа явления: смыкания карательной машины с местным бюрократическим аппаратом.)

Имея расползающийся Восточный пакт, Сталин должен был выбирать: либо продолжать необъявленную войну с партократией, в которой та набирала силу, либо оставить надежды на появление в СССР некоммунистической демократической элиты. Пожалуй, даже такого выбора у него не было.

С осени 1937 года до весны 1938 года в нем вызревало решение укоротить «ежовщину». Возможно, данные о резком замедлении экономического подъема послужили поводом для его сомнений: в 1936 году рост в промышленности составлял 28,8 процента, а в 1937 году упал до 11,1 процента.

Но в поступающих из НКВД документах Сталин видел пугающую картину массовых вражеских действий. По его резолюциям можно судить о его душевном состоянии. Он указывает: проверить, арестовать, передать показательному суду и расстрелять, выселить из приграничных районов. Не зная его предложений о демократических выборах, можно воспринять этого человека как средоточие террора. Или как шизофреника.

Однако у Черчилля вдруг натыкаемся на подобное психологическое состояние: «Было известно, что в то время в Англии имелось двадцать тысяч организованных германских нацистов. Яростная волна вредительства и убийств как прелюдия к войне лишь соответствовала бы их прежнему поведению в других дружественных странах. В то время у меня не было официальной охраны, и мне не хотелось ее просить. Однако я считал себя достаточно видной фигурой, чтобы принять меры предосторожности. Я располагал достаточными сведениями, чтобы убедиться, что Гитлер считает меня врагом. Мой бывший детектив из Скотленд-Ярда инспектор Томпсон был в то время в отставке. Я предложил ему приехать ко мне и взять с собой пистолет. Я достал свое оружие, которое было надежным. Пока один из нас спал, другой бодрствовал. Таким образом, никто не мог бы застать нас врасплох. В те часы я знал, что, если вспыхнет война, — а кто мог сомневаться в этом? — на меня падет тяжелое бремя»[327].

Это описание относится к 1 сентября 1939 года, то есть к началу войны в Европе. Занервничал храбрый британец! И заметьте, даже слово «вредительство» появилось в его лексиконе.

Что же говорить о кремлевском руководителе, который знал, что большинство населения в той или иной степени имеет претензии к власти?

В Москве к тому же война ощущалась гораздо ближе, чем в Лондоне.

Седьмого июля 1937 года фактически началась Вторая мировая война: Япония напала на Китай.

Но вот что поразительно: 19 июля советские пограничники заняли два острова на Амуре восточнее Благовещенска, продемонстрировав силу перед подконтрольным Японии государством Маньчжоу-Го. Это был легкий блеф.

Седьмого августа японцы заняли Пекин.

Семнадцатого октября чешские немцы спровоцировали беспорядки в Судетской области Чехословакии.

Шестого ноября Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту.

«Война стучалась в наши двери...»

Однако советский разведчик Рихард Зорге, работавший в Токио под «крышей» корреспондента «Франкфуртер цайтунг», сообщал утешительные вести. Из-за сильной активности Германии в Китае (наличие германских инструкторов в армии Чан Кайши и больших поставок военных материалов) японцы стали сдерживать свои агрессивные планы в отношении СССР. Вести две войны сразу им было не под силу.

Советский же Союз постоянно страдал от угрозы нападения и с Запада, и с Востока, и его руководство вряд ли забыло, как во время Гражданской войны японцы планировали занять всю Восточную Сибирь, и только конкуренция американцев, для которых такая перспектива была неприемлемой, остановила Токио. Москве тоже приходилось уповать не только на штыки Отдельной Краснознаменной под командованием маршала Блюхера, но и на Англию и США, ведущих друг с другом упорную борьбу за доминирование в Юго-Восточной Азии.

Исходя из традиционной стратегии Альбиона, можно понять, почему англичане проводили в Испании политику «невмешательства», не желая укреплять республиканцев и, соответственно, Францию, которая в случае их победы получила бы главный приз: влияние на Пиренеях и в Средиземноморье, а с учетом Восточного блока — и первенство в Европе.

Гитлер тоже был за союз с Англией. «Но такой союз был невозможным главным образом потому, что проводимая Гитлером после прихода к власти политика бартерных соглашений и субсидирования экспорта нанесла смертельный удар британской и американской торговле»[328].

То есть Германия вытесняла западные демократии со своих рынков.

Словом, накануне решающих событий политическое руководство Англии оказалось в ужасном положении. Единственным выходом было попытаться избежать войны с Гитлером и направить его прямо на Россию. Но было ли это реально? Ведь

основным военно-стратегическим выводом Первой мировой войны являлось осознание невозможности для Германии войны на два фронта. Поэтому, не обеспечив себя с Запада, Гитлер не мог надеяться на успех операций на Востоке. Англия в любом случае оставалась на прицеле возродившегося германского исполина, а заодно — и Польша, и Франция. За этими странами (по сути это новая Антанта) стояли Соединенные Штаты.

Германии требовалось любой ценой успеть разгромить своих противников на европейском театре, прежде чем заокеанская «страшная сила» выступит против нее. Отсюда стратегия блицкрига, молниеносной войны, или, пользуясь определением ученика Клаузевица Г. Дельбрюка, — «стратегия сокрушения».

В СССР сторонником этой стратегии был Тухачевский, хотя вся российская военная практика опиралась на стратегию истощения: затяжные военные действия, использование огромных просторов, которые гасили наступательный порыв вражеских армий. Война 1812 года против наполеоновской Франции и Первая мировая показали, что географию невозможно перепрыгнуть.

Можно сказать, сценарий Второй мировой войны уже был записан в исторической матрице, и главным политическим игрокам следовало внимательно прочесть его.

Сталин, Рузвельт, Черчилль, Даладье, Гитлер и еще Муссолини были разными людьми, но, пользуясь мыслью Гегеля, можно сказать, что их действия определялись вовсе не их достоинствами и пороками, а историческими обстоятельствами, в которых они находились.

Обстоятельства Сталина оказались немыслимо трудными, а, например, обстоятельства Рузвельта на момент вступления США в войну — беспроигрышными. Мао имел в виду примерно то же, когда говорил, что Сталина надо оценивать с учетом масштаба сделанного им.

Япония и Германия постоянно разрушали мировой баланс сил, а СССР становился важным, а может быть, и решающим фактором в планировании противостоящими лагерями неизбежной войны. От того, на чью сторону станет Сталин, зависело будущее мира.

Сталин же не мог верить никому. Но и другие тоже не верили никому. Тем не менее, даже не веря никому, нужно было во что бы то ни стало составить оборонительный союз. Но с кем? На этот вопрос ответа не было.

Восьмого ноября 1937 года в двадцатую годовщину Октября, на неофициальной встрече в Кремле с советскими и коминтерновскими руководителями Сталин провозгласил в сво-

ей речи тост за строителей нового Советского государства. Кроме того, он высказал несколько важных мыслей.

Первое. СССР — это колоссальное государство, внутренне тесно связанное (в отличие от империи) экономически и политически и способное держать врагов в страхе.

Второе. СССР — государство для народа, среди его равноправных наций «самая советская и самая революционная» — это русская.

Третье. Всякий, кто попробует ослабить мощь СССР или попытается «даже в мыслях» оторвать от страны хоть кусочек и «этот кусочек подарить какому-нибудь протекторату», будет уничтожен «со всем его родом».

В этих словах читается воспоминание о «Циммервальде» и о запальчивом предложении Троцкого в 1927 году, что если случится война, то сначала надо сбросить сталинский режим, а потом защищаться.

Чтобы понять психологическое состояние нашего героя и его отношение к угрозам государству, вспомним, что это он сказал своему сыну Василию: «Сталин — это не я, Сталин — это СССР». Конечно, это метафора, но смысл она передает точно.

Среди грома победных труб и действительных успехов индустриального строительства раздавался один раздражающий, тревожащий сигнал. Этот сигнал опровергал идею о «расширенном воспроизводстве населения в условиях социализма». Идея эта опиралась на официальный прогноз Госплана СССР: в 1937 году численность населения страны составит 180 миллионов человек, в 1939-м — 183 миллиона. Опираясь на эти данные, Сталин на XVII съезде ВКП(б) назвал численность населения СССР на конец 1933 года — 168 миллионов человек[329].

На самом же деле из-за повышения уровня смертности и даже превышения его над уровнем рождаемости (в 1932—1933 годах) численность населения оказалась значительно ниже. Увидев это, в плановых органах поняли, что их прогноз нереален и что надо что-то предпринимать, чтобы скрыть потери населения. Поэтому в 1936 году были запрещены аборты, что сперва привело к некоторому увеличению рождаемости, а потом — к росту смертей женщин от последствий абортов.

Перепись в 1937 году насчитывала в СССР всего 162 миллиона человек. (Она была объявлена «вредительской».)

История с запретом абортов напоминает историю с ударной коллективизацией и провалом оптимистических планов поставки тракторов в деревню. Рассчитывали на один результат, получился другой.

Глава сорок третья

Сталинская политическая реформа убита. Вторая мировая война начинается в Азии. Москва и Лондон хотят использовать Гитлера. Японская разведка об обороноспособности СССР. Гибель Бухарина

Как ни поразительно, СССР фактически двигался по старым историческим дорогам, где на каждый год мира в судьбе России приходилось два года войны, а государство было прежде всего оборонительной структурой. Сумма внешних угроз диктовала Сталину решение, перечеркивающее его замысел демократизировать выборы и включить в процесс управления саморегулирующиеся механизмы. Подчиниться — значило признать победу региональных лидеров, не подчиниться — потерпеть еще большее поражение, если не катастрофу.

Заговор Тухачевского, троцкистский мятеж в Барселоне, развал Восточного блока, ослабление кремлевской группы областными кланами, набирающая обороты репрессивная кампания, падение производства — вот грубые и зримые черты 1937 года.

Конечно, достижения тоже были весомые. Некоторые из них становились сенсациями — это экспедиция на Северный полюс и перелет Валерия Чкалова в Америку через Северный полюс на советском самолете «АНТ-25».

Еще в 1934 году, 19 июня, Москва встречала спасенный экипаж парохода «Челюскин» (вывезли с льдины самолетами), и Сталин, выступая на приеме в Кремле в честь челюскинцев и летчиков, сказал: «Герои Советского Союза проявили то безумство храбрых, которому поют славу. Но одной храбрости мало. К храбрости нужно прибавить организованность, ту организованность, которую проявили челюскинцы на льдине. Соединение храбрости и организованности делает нас непобедимыми»[330].

Спустя три года Сталин мог бы повторить эту формулу: «храбрость и организованность». Храбрости хватало. Ее поощряли и стимулировали, что вытекало из логики ускоренной мобилизации. Уже поднялось молодое поколение советских специалистов, однако «организованность» была в страшном дефиците. Авиаконструктор А. С. Яковлев в своих записках рисует удивительную картину «ручного управления» Сталиным всей авиапромышленностью (подобное было и в других областях).

Один из фактов можно назвать показательным: Сталин принял решение начать серийное производство большого двухмоторного бомбардировщика «ДБ-3» конструктора Илью-

шина, более скоростного, чем уже выпускавшийся аналогичный ДБ-2 конструктора Туполева. Однако авиастроители всячески тормозили производство нового самолета, «чтобы не мешать уже запущенному в серийное производство бомбардировщику ДБ-2». В итоге на завод приехали два члена Политбюро — Ворошилов и Орджоникидзе и начальник ВВС Алкснис (дело происходило в 1936 году), устроили разнос, директора уволили с работы.

Яковлев не сообщает, был ли директор объявлен «врагом народа» или отделался потерей кресла. Но в этом эпизоде видно, что даже в отрасли, которая находились под неусыпным контролем вождя, действовали более близкие рядовым людям интересы, конкурируя с требованием «организованности».

Во второй половине 1937 года происходило невидимое для сторонних наблюдателей ожесточенное столкновение внутри советского партийного руководства, между кремлевской группой и провинциальным большинством, которое из-за опасений провалиться на тайных выборах в Верховный Совет инициировало репрессии в отношении конкурентов*.

Юрий Жуков считает, что «широкомасштабные репрессии, да еще направленные против десятков и сотен тысяч крестьян, были выгодны прежде всего первым секретарям обкомов и крайкомов».

Второго июля 1937 года было принято решение Политбюро, по которому НКВД брал на учет «кулаков и уголовников» и разделял их на две группы: расстрельную и ссыльную.

Четвертая сессия ЦИКа СССР, открывшаяся 7 июля, единогласно утвердила «Положение о выборах в Верховный Совет СССР», включающее условие альтернативности.

Очевидно, оба документа противоречили друг другу и выражали совершенно разные тенденции. Поскольку в руках первых секретарей и начальников управлений НКВД оказывался карательный механизм «троек» и «списков», было ясно, чем завершится история со свободными выборами. Они превращались в фикцию.

Некоторые секретари запросили сверхжестокие лимиты на расстрелы: «А. Икрамов, Узбекская ССР, — 5441 человек;

---

* Как эмоциональную характеристику времени можем привести такую деталь. В конце 1936 года Сталин предложил ввести в армии обращение «Товарищи офицеры!» вместо существующего «Товарищи командиры!». На заседании Политбюро предложение было отвергнуто. Как вспоминает приемный сын вождя, «Сталин очень страдал» (из интервью А. Ф. Сергеева автору).

К. М. Сергеев, Орджоникидзевский (бывший Ставропольский) край, — 6133; П. П. Постышев, Куйбышевская область, — 6140; Ю. М. Каганович, Горьковская область, — 6580; И. М. Варейкис, Дальневосточный край, — 6698; Л. И. Мирзоян, Казахская ССР, — 6749; К. В. Рындин, Челябинская область, — 7953. Уже только трое сочли, что число жертв "троек" должно превысить 10 тысяч человек: А. Я. Столяр, Свердловская область, — 12 тысяч; В. Ф. Шарангович, Белорусская ССР, — 12 тысяч и Е. Г. Евдокимов, Азово-Черноморский край, — 13 606 человек. Самыми же кровожадными оказались двое: Р. И. Эйхе, заявивший о желании только расстрелять 10 800 жителей Западно-Сибирского края, не говоря о еще не определенном числе тех, кого он намеревался отправить в ссылку; и Н. С. Хрущев, который сумел подозрительно быстро разыскать и "учесть" в Московской области, а затем и настаивать на приговоре к расстрелу либо высылке 41 305 "бывших кулаков" и "уголовников"»[331].

Тридцатого июля 1937 года Ежов подписал приказ по НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Намечалось расстрелять 250 тысяч человек. Понятно, что в их число попадали наиболее политически активные. Карательная кампания должна была завершиться практически одновременно с избирательной кампанией к 5—15 декабря 1937 года. Что это означало? Это означало, что «недреманное око» и «карающий меч» легко прореживали ряды возможных кандидатов. Этим же приказом Ежову переходило от Политбюро право утверждать персональный состав «троек». Кроме того, Ежов превращался в цербера режима.

Фактически начались две встречные операции: сталинская группа репрессировала местную бюрократию, а местная бюрократия зачищала региональное политическое пространство.

Так, в июле и августе были арестованы 16 первых секретарей. Также были сняты с должностей второй секретарь Дальневосточного крайкома В. В. Птуха (кандидат в члены ЦК) и председатель Центросоюза И. А. Зеленский (член ЦК).

В свою очередь оставшиеся на своих постах региональные руководители развязали оголтелую кампанию против нижестоящих местных начальников.

Девятого октября 1937 года состоялось заседание Политбюро, на котором присутствовали Сталин, Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Косиор, Микоян, Молотов, Чубарь, Жданов, Ежов. Были утверждены тезисы выступления Молотова на предстоящем пленуме ЦК.

Тезисы свидетельствовали, что Сталин проиграл. В них го-

ворилось, что выдвижение «параллельных», то есть альтернативных, кандидатов не обязательно!

Жуков считает, что против альтернативных выборов выступили Ворошилов, Каганович, Косиор, Микоян, Чубарь и Ежов.

Одиннадцатого октября прошел пленум ЦК. Все было кончено. Руководство региональных парторганизаций получило поручение «проверить» составы избирательных комиссий. Предложение Сталина о свободном выдвижении кандидатов от общественных организаций было снято. Появилось понятие «блок коммунистов и беспартийных», беспартийным выделялась квота в 20 процентов. Кандидаты должны были предварительно «провериться» парторганизациями (на практике — НКВД).

На пленуме в ходе дискуссии обнаружилось почти полное единодушие выступающих в вопросе ограничения возможностей избирателей. Особенное внимание обращалось на деятельность «церковников», которые «пытаются восстановить, воскресить лозунг "Советы без коммунистов"» (Д. А. Конторин, первый секретарь Архангельского обкома). Брат Кагановича, Ю. М. Каганович, первый секретарь Горьковского обкома, заявил, что «враги, и в особенности церковники, ведут активную избирательную борьбу, доходящую до наглости». (Не случайно именно в этот период были арестованы тысячи священников.)

В итоге Сталин увидел перед собой сплоченную силу, одолеть которую в прямом противостоянии было невозможно.

В какой-то мере это напоминает старый эпизод русской истории XVIII века, когда племянница Петра I, Анна Иоанновна, возведенная на российский престол группой аристократов и подписавшая с ними «кондиции», при поддержке дворян «надорвала» эти «кондиции» и увела страну от наметившейся более демократичной формы правления. Это событие многие историки считают потерянным шансом. Но кажущийся на первый взгляд случайностью поступок Анны Иоанновны был мотивирован реальной обстановкой. В середине XVIII века Россия по причине экономической и кадровой слабости не могла без потерь управляемости перейти к зачаткам конституционной монархии.

Точно так же замысел Сталина реформировать политическую систему, то есть создать многопартийность, провалился из-за огромных внешних и внутренних угроз.

Пленум произвел кадровые перестановки. Ежов был избран кандидатом в члены Политбюро. Косвенным результатом поражения сталинской группы явился арест главного разработчика новой избирательной системы Я. А. Яковлева и пос-

ледующая его гибель. Также потеряли свои головы Б. М. Таль и А. И. Стецкий.

Из «сталинской конституции» изъяли ее сердце — альтернативные выборы.

Эти события имели колоссальные разрушительные последствия, так как вскоре началась война, и Сталин вернулся к мысли об изменении советской политической системы только в конце отпущенного ему жизненного срока, когда ни времени, ни сил у него не оставалось.

Мы уже не говорим о таком факторе, как отставание советской индустриализации от мирового технологического процесса. Построенный в Советском Союзе военно-промышленный комплекс стал основным потребителем для устаревающей модели промышленного индустриального производства, не дав развиваться технологиям массового потребления, к которым уже переходил демократический Запад.

Убив сталинскую политическую реформу, партократия заморозила и экономические перспективы развития, так как не был задействован политический механизм согласования интересов различных корпоративных групп. Разрушение Советского Союза (1991) началось в трагическом 1937 году. Как мы увидим, советская тоталитарность, с одной стороны, была наиболее эффективной формой сохранения государства, а с другой — требовала и была способна к саморазвитию.

Следующий, 1938 год принес некоторое успокоение, хотя и не сразу.

Репрессии были продолжены. Состоялся судебный процесс над Бухариным, Рыковым и еще девятнадцатью представителями «старой гвардии». Были арестованы, сосланы или расстреляны многие офицеры. Общество охватил психоз доносительства, доносы стали способом показать лояльность или даже устранить конкурента. В однопартийной политической системе, где нет места легальной оппозиции, всегда найдутся недовольные, особенно — среди элиты.

Часто главным событием года называют бухаринско-рыковский процесс, завершивший череду разбирательств с представителями уходящего политического времени. На самом же деле проходивший со 2 по 13 марта в Октябрьском зале Дома союзов показательный процесс уже не играл той роли, что предыдущие. Давно осталась в прошлом пропагандистская война Бухарина со Сталиным по поводу темпов индустриализации и «столыпинского» пути развития сельского хозяйства. Уже можно было забыть сближение Бухарина с руководителями москов-

ской парторганизации Углановым и Рютиным, тайное свидание с Каменевым, когда Бухарин сказал, что «Ягода с нами». Выступления Бухарина против «национал-большевизма» тоже перестали быть актуальными. «Школа Бухарина» была разгромлена, от учеников он отрекся. В 1936 году Бухарин в письме Ворошилову называл только что расстрелянного Каменева «циником-убийцей», «омерзительнейшим из людей»; «что расстреляли собак — страшно рад».

Но вот судьба подвела его к последнему рубежу. Пришлось ответить за признанное им самим на XVII съезде, что он, Бухарин, объективно способствовал ослаблению позиции пролетариата и реставрации капитализма.

Конечно, Бухарин, Рыков и другие не представляли прежней угрозы, но ее несли внешний мир и назревающая война, а также все тот же «демон революции» и региональные кланы. При определенных условиях Бухарин мог быть выдвинут в вожди партии, Рыков — в председатели правительства.

Поэтому они были обречены. Отечественная и мировая история знает не один случай устранения политических соперников.

Как ни удивительно, но и сам Бухарин понимал логику событий. В письме Сталину он писал: «Чтобы не было никаких недоразумений, я с самого начала говорю тебе, что для мира (общества) я 1) ничего не собираюсь брать назад из того, что я понаписал; 2) я ничего в этом смысле (и по связи с этим) не намерен у тебя ни просить, ни о чем не хочу умолять, чтобы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей личной информации я пишу. Я не могу уйти из жизни, не написав тебе этих последних строк, ибо меня обуревают мучения, о которых ты должен знать... Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально-подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других — по-другому, третьих — по-третьему. Страховочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге и навсегда поселяют друг к другу недоверие (сужу по себе: как я озлился на Радека, который на меня натрепал! а потом и сам пошел по этому пути...)

Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных... Горько думать обо всем этом...

...А сейчас, хоть с головной болью и со слезами на глазах, все же пишу. Моя внутренняя совесть чиста перед тобой те-

перь, Коба. Прошу у тебя последнего прощенья (душевного, а не другого). Мысленно поэтому тебя обнимаю. Прощай навеки и не поминай лихом своего несчастного. Н. Бухарин»[332].

Обвинение назвало Бухарина и Рыкова руководителями замысла расчленить Советский Союз: они готовили поражение СССР в войне, подталкивали сообщников к вредительству и диверсиям, несли ответственность за провалившиеся попытки убийства Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Ежова.

Тринадцатого марта прозвучал приговор — расстрел.

Со смертью Бухарина и Рыкова оставался последний соперник. Он находился под постоянным наблюдением советской разведки, и жить ему оставалось недолго.

Летом 1938 года в Париже с американской троцкисткой Сильвией Агелоф, одинокой некрасивой женщиной, которая была делегатом учредительного съезда IV Интернационала, познакомился сын бельгийского дипломата Жак Морнар. Он был молод и красив, она стала его любовницей.

На самом деле это был Рамон Меркадер, сын испанской аристократки Каридад Меркадер, коммунистки, участницы гражданской войны в Испании. Она была любовницей и агентом советского разведчика Леонида (Наума) Эйтингона.

«Во время пребывания в Барселоне я впервые встретился с Рамоном Меркадером дель Рио, молоденьким лейтенантом, только что возвратившимся после выполнения партизанского задания в тылу франкистов. Обаятельный молодой человек — в ту пору ему исполнилось всего двадцать лет. Его старший брат, как мне рассказали, геройски погиб в бою: обвязав себя гранатами, он бросился под немецкий танк, прорвавшийся к позициям республиканцев. Их мать Каридад также пользовалась большим уважением в партизанском подполье республиканцев, показывая чудеса храбрости в боевых операциях. Тогда я и не подозревал, какое будущее уготовано Меркадеру: ведь ему было суждено ликвидировать Троцкого, причем операцией этой должен был руководить именно я»[333].

Павел Судоплатов подчеркивает, что в Испании шла не одна война, а «две войны», обе не на жизнь, а на смерть. «Вторая, совершенно отдельная война шла внутри республиканского лагеря. С одной стороны, Сталин в Советском Союзе, а с другой — Троцкий».

Внедренный в окружение Троцкого Рамон Меркадер был задействован после окончания боевых действий в Испании, в 1940 году, когда Сталин понял, что в условиях приближающей-

ся войны существование параллельного коммунистического лидера чрезвычайно опасно.

Обратим внимание на то, что почти одновременно с внедрением Меркадера в окружение Троцкого была проведена операция по уничтожению Евгения Коновальца, руководителя Организации украинских националистов (ОУН). Коновалец провозгласил целью ОУН борьбу за независимость Украины. Методом борьбы был террор. Националисты убили около шестидесяти человек, в том числе сотрудника советского консульства во Львове и министра внутренних дел Польши. Коновалец стал особенно опасен после того, как начал сотрудничать с германской военной разведкой.

Напутствуя Судоплатова на операцию, Сталин сказал, что «наша цель — обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть».

Двадцать третьего мая 1939 года в Роттердаме Коновалец погиб от взрывного устройства, вмонтированного в коробку шоколадных конфет.

В августе 1938 года вернувшегося в Советский Союз Павла Судоплатова принял вновь назначенный первый заместитель наркома Л. П. Берия. Судоплатов вспоминал, что тот оставил впечатление «высококомпетентного» в вопросах разведки и диверсий человека.

Приняв назначение, Берия сразу переключил на себя контакты с наиболее ценными агентами и стал для Сталина главным носителем специальной информации.

Что касается Ежова, то его звезда быстро закатывалась. Появление в его ведомстве Берии, выдвиженца Маленкова, свидетельствовало об этом.

На сцену выходило новое политическое поколение. Ежов был обречен.

Впрочем, он будет арестован только в декабре 1938 года, что явится фактическим завершением того, что вошло в историю под незабываемым названием — «1937 год».

Всесилие Ежова в конце концов ограничивалось всесилием нашего героя. Поэтому иногда могли возникать совершенно сказочные истории с волшебным избавлением их главных персонажей от неизбежной гибели.

В культурной жизни той поры большую роль играли «литературные салоны», подобные салонам имперского времени, но в одном существенно отличавшиеся: они были связаны незримыми нитями с НКВД. Наиболее известны салоны Зинаиды

Райх, бывшей сначала женой Сергея Есенина, а затем — Всеволода Мейерхольда, Лили Брик, любовницы Маяковского и подопечной чекиста Агранова, и Евгении Фейгенберг-Хаютиной, жены наркома внутренних дел Ежова. Эти женщины были яркими и привлекали мужчин своей сексуальной энергией. Так, «рубенсовской красавицей» Евгенией Ежовой были очарованы писатели Исаак Бабель, Михаил Кольцов, Михаил Шолохов.

Одна из любовных встреч наркомовской жены с Шолоховым в номере гостиницы «Националь» в мае 1938 года была зафиксирована с помощью специальной аппаратуры. Доложили Ежову. Он пришел в бешенство, избил жену и приказал «разоблачить и ликвидировать Шолохова как врага народа». Писатель был бы арестован, как и другой соперник Ежова, Бабель, но случилась осечка.

Получивший задание от ростовских чекистов И. С. Погорелов признался Шолохову, что должен был «войти в доверие» к писателю, а затем заявить, что тот готовит восстание казаков. Далее должен был последовать арест и расстрел «при попытке к бегству». Узнав об этом, Шолохов тайно уехал в Москву и добился приема у Сталина в конце октября 1938 года.

Сталин поручил провести настоящее следствие и, убедившись, что поведанная писателем история правдива, сказал Ежову: «Выдающемуся русскому писателю Шолохову должны быть созданы хорошие условия для работы».

Так переплелись литература, политика и любовные страсти.

Но эта «салонная история» является всего лишь маленькой новеллой большой драмы под названием «Власть и культура». Подчеркнем, Сталин, высоко оценивая творчество Шолохова и помогая ему, никогда не верил в его стопроцентную лояльность, что в принципе отражает взаимоотношения нашего героя с культурой, которая в основном опиралась на традиционные духовные ценности. Это было похоже на взаимоотношения Сталина с Церковью, академиками, специалистами, бывшими царскими офицерами.

Позицию Сталина (культурологическую) можно проиллюстрировать стихами Эдуарда Багрицкого:

Он вздыбился из гущины кровей,
Матерый желудочный быт земли.
Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбился над головой твоей —
Прими на рогатину и повали.

Традиционная Россия уступила этому напору, но Сталин не верил, что она может быстро смириться.

Глава сорок четвертая

Гитлер сформулировал свои цели. Немецкие генералы планируют переворот. Мюнхенское соглашение. СССР предвидит войну против Германии и Японии. Разбор военного конфликта с Японией на озере Хасан. Частная жизнь Сталина: дети

Пятого ноября 1937 года Гитлер решил раскрыть свои планы перед высшим генералитетом. Он неожиданно вызвал командующих тремя родами войск, главнокомандующего вермахтом Вернера фон Бломберга, начальника Генерального штаба сухопутных войск Людвига Бека, министра иностранных дел Константина фон Нейрата и, сказав, что проблемы страны можно решить только силой, предложил на рассмотрение три варианта стратегии. Первый: закончить перевооружение до 1943 года и занять наступательную позицию. Второй: с учетом внутреннего кризиса во Франции, делающего невозможным ее выступление, начать действовать против Чехословакии. Третий: если Франция будет занята войной с Италией, то не сможет воевать с Германией. Затем Гитлер заявил, что в первую очередь надо одновременно «опрокинуть» Австрию и Чехословакию, устранив тем самым фланговые угрозы для операций на Западе. На Востоке Япония будет противовесом Советскому Союзу.

Речь Гитлера произвела на присутствующих шоковое впечатление. Бломберг и командующий сухопутными войсками Вернер фон Фриче (сторонник мира с СССР) единодушно выступили против опрометчивых боевых действий, которые приведут к войне с Англией и Францией.

Гитлер хорошо помнил, что именно Бломберг выступал против введения войск в Рейнскую область, а также против вмешательства в войну в Испании. Но 5 ноября Гитлер смолчал.

Девятого ноября Нейрат, Бек и Фриче провели тайную встречу, чтобы выработать план действий. Решили, что Фриче и Нейрат должны пойти к Гитлеру и объяснить, что вермахт не готов к войне и что в случае войны немцев ждет катастрофа.

Гитлер отказался их принять.

Вскоре Бломберг и Фриче были дискредитированы.

Вдовец Бломберг в начале января 1938 года женился на стенографистке Еве Грун, на которую в криминальной полиции нашли компрометирующие сведения о ее прошлом (фотомодель для порнооткрыток и зарегистрированная проститутка). Несмотря на то что Гитлер был свидетелем на их бракосочетании, генерал был отправлен в отставку.

Фриче было предъявлено сфальсифицированное обвине-

ние в гомосексуализме, и он был отправлен в бессрочный отпуск.

Министром иностранных дел вместо Нейрата стал посол в Англии И. Риббентроп.

Уволив Фриче, Гитлер сам стал главнокомандующим и начал реорганизацию управления армией.

Двадцатого февраля Гитлер выступил в рейхстаге и заявил, что Германия больше не связана никакими международными обязательствами и приступает к объединению в одном государстве всех немцев, где бы они ни были, — семь миллионов австрийцев и три миллиона в Судетской области.

Одиннадцатого марта Гитлер приказал занять Австрию. Несколько ранее, 12 февраля, он в беседе с австрийским канцлером Шушнигом заявил: «Англия? Англичане не пошевелят ни одним пальцем ради Австрии... Франция? Два года назад, когда мы вошли в Рейнскую область с горсткой батальонов, — в то время я рисковал многим. Если бы Франция выступила тогда, нам пришлось бы отступить... Но сейчас для Франции слишком поздно»[334].

И Гитлер оказался прав. Присоединив Австрию, Германия отрезала Чехословакию от Западной Европы и получила контроль над всеми связями с юго-восточной частью континента.

Первым отреагировал Сталин. 18 марта советские послы в Париже и Лондоне передали предложение Москвы обсудить ситуацию сквозь призму договоров с Францией и Чехословакией, что подразумевало организацию коллективного отпора.

Предложение Сталина не нашло поддержки. Президент Рузвельт тоже предпочел принять аншлюс.

Однако Франция проявила большую трезвость, и 28 апреля под ее нажимом в Лондоне состоялась экстренная встреча руководителей обеих стран.

Премьер-министр Франции Даладье и министр иностранных дел Боннэ пытались добиться от англичан твердых обязательств выступить на стороне Франции в случае, если она откроет военные действия против Германии.

Как пишет советский посол Майский, Чемберлен «повел себя столь двусмысленно и неопределенно», что французы поняли, что их оставляют один на один с Гитлером. Через пять месяцев это вынудит Францию отказаться от защиты Чехословакии.

Девятнадцатого мая после громкой пропагандистской кампании о положении немцев в Судетской области Чехословакии к границе этой обреченной страны были выдвинуты несколько дивизий. Гитлер решил снова рискнуть. Теперь очередь хода была за СССР и Францией, имевших с Чехословакией договоры о взаимопомощи. Напомним, что в случае негативного

развития событий Берлин получал войну на два фронта, чего крайне не желал Германский генеральный штаб.

В конце апреля на заседании Политбюро было выработано решение передать в Прагу, что СССР готов вместе с Францией принять все меры по защите Чехословакии, если будет соответствующее обращение.

Седьмого мая французский и английский послы в Праге потребовали от правительства Бенеша максимальной уступчивости в отношении Германии. Однако, как вспоминает Майский, «все-таки дней 10—12 спустя Чемберлен и Даладье увидели себя вынужденными заявить Гитлеру резкий протест против его захватнических намерений». Чехословакия объявила частичную мобилизацию своей сорокадивизионной армии и выдвинула военные части к границе.

Немцы временно отступили. 23 мая Риббентроп заверил чехословацкого посланника в Берлине, что у Германии нет агрессивных планов в отношении Чехословакии. Гитлер был готов и дальше, сочетая угрозы, блеф и дипломатическую игру, отбросить «разложившиеся» западные демократии.

Германские вооруженные силы тогда были гораздо слабее вооруженных сил Великобритании, Франции и Польши. Но происходило нечто парадоксальное: сильные боялись. Они стремились к урегулированию, войне с неясным финалом предпочитая уступки. Эту линию они проводили в Испании, потом в Австрии и теперь — в Чехословакии.

Английская традиционная стратегия сохранения баланса сил на европейском континенте продолжала действовать, несмотря на то, что новая военная техника уже подготовила иные возможности, не похожие на позиционные битвы Первой мировой. Кроме того, надо подчеркнуть одно обстоятельство, которое редко приводят историки. В действиях Германии была значительная доля исторического возмездия Франции и Англии. Дело в том, что Версальский договор 1919 года нарушил условия перемирия 11 ноября 1918 года и был гораздо более унизительным и суровым, чем ожидали немцы. Страна оказалась расчлененной, ее финансы разрушены, государственная система рухнула.

Конечно, Германия, примерно так же поступившая с Россией, в Версале была абсолютно беспомошна. Но в 1938 году немцы были готовы отомстить растерянному и не понимающему что происходит Западу.

К тому же Соединенные Штаты не испытывали желания вмешиваться в европейский конфликт. Страна была настроена изоляционистски, действовал закон о нейтралитете, а президент Рузвельт поддерживал политику Чемберлена. (Хотя, как

мы вскоре увидим, через некоторое время он изменит точку зрения и будет стремиться вовлечь США в войну, которая сулила огромный выигрыш.)

В известном смысле повторялся сценарий, приведший к Первой мировой. При этом нужно вспомнить, что тогда у России не было прямой заинтересованности вступать в войну, она была втянута в нее, следуя прежде всего стратегии Лондона сохранять баланс сил путем организации соответствующих коалиций. Не забудем и финансовую зависимость Санкт-Петербурга от Парижа.

Можно попробовать воспроизвести ход размышлений Сталина. Предлагаем такую версию: «Война в Испании помешала нам создать договор коллективной безопасности. Англичане и французы нас испугались и хотели бы, чтобы мы ушли с Пиренеев. И наверное, нам придется уйти. Но Германия от этого усилится, а Чемберлен, Даладье и я окажемся разъединенными. Сейчас Гитлер хочет захватить пол-Чехословакии, а то и всю целиком. Может быть, это всех нас объединит. А если не объединит? Тогда мы так и останемся без союзников».

Двадцать пятого мая 1938 года наркоминдел Литвинов предложил созвать совещание начальников генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии и обсудить вопросы военной помощи Праге.

В тот же день Гитлер, следуя совету англичан, заявил об отсутствии у Германии агрессивных планов в отношении Чехословакии.

(Кратко упомянем о локальном вооруженном конфликте СССР с Японией у озера Хасан 29 июля — 11 августа того же 1938 года, который завершился победой советской стороны.)

Несмотря на все усилия Сталина и его группы, положение все более обострялось. Это было зафиксировано в заявлении Майского лорду Галифаксу 17 августа, в котором подчеркивалось, что СССР разочаровывается в политике Англии и Франции, которая является слабой и близорукой и поощряет агрессора к дальнейшим «прыжкам». Сталин возлагал на Запад ответственность за «приближение и развязывание новой войны».

Впрочем, он не знал, что уже все решилось. Еще 6 августа посол Великобритании в Германии сообщил германскому МИДу, что Англия не станет рисковать из-за Чехословакии жизнью ни одного моряка или летчика и что обо всем «можно договориться» без применения силы.

Поэтому, пока Литвинов заявлял о поддержке Чехословакии, а Сталин еще надеялся на благоразумие Запада, судьба Чехословакии стала плачевной.

Черчилль пишет, что военное положение Германии не было превосходным. Для разгрома полуторамиллионной чехословацкой армии и для прорыва или обхода линии богемских крепостей понадобилось бы 35 дивизий. Укрепления Западного вала («линия Зигфрида») на границе с Францией еще не были достроены, а Франция могла бы выставить против Германии 100 дивизий. Поэтому в случае выступления Франции и СССР в защиту Чехословакии немецкая армия могла бы выставить против Франции только пять кадровых и восемь резервных дивизий.

«Разумным людям представлялось невероятным, чтобы великие нации-победительницы, обладавшие явным военным превосходством, еще раз свернули с пути, диктовавшегося им не только долгом и честью, но и здравым смыслом и осторожностью. Кроме всего этого, существовала Россия, связанная с Чехословакией узами славянства и занимавшая в то время весьма угрожающую позицию в отношении Германии»[335].

Однако руководство Франции испытывало сильную тревогу и попыталось повлиять на позицию Англии. В некоторой степени это ему удалось. 10 сентября министр иностранных дел Франции Боннэ прямо спросил английского посла, как поддержит его правительство Францию, если та после нападения Гитлера на Чехословакию объявит мобилизацию.

Ответ был получен: в первые шесть месяцев Англия отправит на помощь союзнице две немоторизованные дивизии и 150 самолетов. Черчилль саркастически замечает: «Нужно признать, что, если Боннэ искал предлогов для того, чтобы покинуть чехов на произвол судьбы, его поиски оказались небезуспешными»[336].

Двенадцатого сентября накануне встречи с Гитлером в Берхстесгадене Н. Чемберлен так определил перспективу: «Я сумею убедить его, что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма, и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России»[337].

Еще в середине августа Политбюро приняло решение сконцентрировать на границе с Польшей и Румынией до тридцати пехотных и десяти кавалерийских дивизий, чтобы продемонстрировать готовность защитить Чехословакию. Предполагалось, что Польша не пропустит войска, но Румыния при соответствующей позиции Лиги Наций — пропустит.

Сталин делал все возможное, чтобы удержать ситуацию. Однако после встречи британского премьера с фюрером 15 сентября в Берхстесгадене на совещании английских и французских министров в Лондоне был выработан план «разрешения чехословацкого вопроса».

Вот его основные пункты: Судетская область передается Германии, новые границы Чехословакии определяет международная комиссия, договоры Чехословакии с Францией и СССР аннулируются, но взамен Чехословакия получает международную гарантию с участием Англии и Франции.

Девятнадцатого сентября план был передан Бенешу. Чехи возмутились.

Двадцатого сентября чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер запросил, готова ли Москва оказать «незамедлительную и действенную помощь, если Франция останется верной пакту». Ответ был утвердительным. Сталин еще питал надежду.

И Прага отвергла предложенный план.

В ночь на 21 сентября Чемберлен связался с Даладье и направил Бенешу ультиматум: либо Чехословакия принимает план, либо остается без защиты в случае германского нападения.

Двадцать первого сентября чехословацкое правительство дрогнуло.

В дальнейшем еще произошли встреча Чемберлена с Гитлером, споры и согласования, но, по существу, дело было закончено. Как писал Майский, Запад купил себе мир «за счет третьей стороны».

Для подтверждения того, как влияла национальная стратегия на ситуацию 1938 года, обратимся к свидетельству советского посла в Великобритании. Майский телеграфировал в МИД: предыдущий премьер Болдуин посетил Чемберлена и сказал ему: «Вы должны избежать войны ценой любого унижения»[338].

Что касается унижения, то Чемберлен признал «закономерность колониальных требований Германии».

Тем временем германские генералы все же решили воспрепятствовать разжиганию Гитлером войны, которая, как они считали, окончится трагически. В заговор вошли начальник Генерального штаба Л. Бек, заместитель начальника Генерального штаба и первый обер-квартирмейстер Франц Гальдер (который и разработал план военного переворота), главнокомандующий сухопутными войсками Вальтер фон Браухич, генералы Отто фон Штюльпнагель, Гаммерштейн-Экворд, Эрвин фон Вицлебен, Эрих фон Брокдорф-Алефельд, командир 1-й дивизии

генерал-майор Хопнер, а также президент рейхсбанка Ялмар Шахт, офицеры разведки и полиции.

Общественное настроение в Германии достигло тревожного уровня. Немцы поддерживали Гитлера, пока шел интенсивный рост экономики, но терпеть военные невзгоды не желали. Они не понимали, почему надо проливать кровь за Северную Богемию.

Переворот намечалось провести одновременно с началом операции «Грюн» против Чехословакии.

Двадцать второго сентября была приведена в боевую готовность артиллерия в Берлине и на чехословацкой границе.

Двадцать четвертого сентября была закрыта граница с Францией.

Двадцать седьмого сентября Гальдер получил телефонограмму о приведении в готовность войск на чешской границе.

В тот же день войска командующего 3-м военным округом генерала Вицлебена (участник заговора) по приказу Гитлера прошли в полной боевой выкладке по улицам Берлина. Публика вместо восторгов мрачно молчала.

Двадцать восьмого сентября Гальдер отдал приказ о перевороте. Но тут выяснилось, что Чемберлен и Даладье выезжают в Мюнхен для подписания соглашения. Война откладывалась. Предполагаемый арест Гитлера как военного преступника не мог состояться. Теперь он был не преступник, а триумфатор.

Двадцать девятого сентября в Мюнхене было подписано соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией «относительно уступки Судето-Немецкой области». Его подписали Гитлер, Даладье, Муссолини, Чемберлен.

Тридцатого сентября Англия и Германия заключили соглашение о ненападении и консультации. Тогда же было признано право Польши и Венгрии на «территориальное урегулирование» с Чехословакией. Все подписавшиеся не думали, что открывают ящик Пандоры и отныне государственные границы, в том числе и их собственные, могут быть перекроены. Лживый Версаль породил порочный Мюнхен.

Шестого декабря была подписана декларация о ненападении между Францией и Германией.

Румыния же, единственный европейский поставщик нефти, подписала с Берлином новое, благоприятное для него соглашение, поднявшее долю поставок нефти в Германию до огромной величины в 45 процентов. Надо сказать, что Румыния, видя дипломатические маневры Лондона и Парижа, балансировала между великими государствами и к СССР была настроена враждебно, так как захват ею Бессарабии в 1918 году не признавался Москвой.

В англо-германской декларации говорилось, что принятое соглашение символизирует желание двух народов «никогда более не воевать друг с другом» и что «метод консультаций» станет основой для устранения «возможных источников разногласий». В реальности это предвещало новые «Мюнхены».

Принципиальный противник соглашения приводит убедительное свидетельство:

«Мы располагаем сейчас также ответом фельдмаршала Кейтеля на конкретный вопрос, заданный ему представителем Чехословакии на Нюрнбергском процессе:

Представитель Чехословакии полковник Эгер спросил фельдмаршала Кейтеля: “Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?”

Фельдмаршал Кейтель ответил: “Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена (то есть достижения соглашения в Мюнхене) было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии”»[339].

А что же Советский Союз и Сталин? Их как будто и не было вовсе.

Получалось, что все жаждали мира, а Сталин хотел воевать со всей Европой.

Более того, на следующий день после подписания Мюнхенского соглашения Польша предъявила Чехословакии ультиматум, требуя передачи себе Тешинской и Фриштатской областей в районе Силезии. Как писал советский полпред в Чехословакии С. С. Александровский, «выступление Польши является гитлеровской провокацией».

Черчилль же оценил действия поляков еще системнее: «Народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в период триумфа»[340].

Но на кого могли опираться поляки? Они поставили на победителя Гитлера, отвернувшись от своего французского патрона, проигравшего, пусть и бескровно, свою главную битву XX века.

После Мюнхенского соглашения Генеральный штаб РККА провел подъем войск по боевой тревоге в Киевском и Белорусском особых военных округах.

Состояние Вооруженных сил убеждало Сталина в том, что, несмотря на очевидный проигрыш, создавшееся положение

можно рассматривать как осложнившееся, но далеко не катастрофическое.

В ноябре 1937 года Комитетом обороны был утвержден мобилизационный план на 1938—1939 годы. Срок его полной отработки был назначен на май 1938 года.

К тому времени намечалось развернуть: «В сухопутных войсках: стрелковых дивизий — 170, кавалерийских дивизий — 29, легких танковых бригад — 27, тяжелых танковых бригад — 4, бронебригад — 3, мотострелковых бригад — 4, артиллерийских полков корпусных — 57, артиллерийских полков РГК — 43, отдельных артдивизионов большой мощности — 8, химических бригад — 3.

В авиации: авиационных бригад всех видов (включая морские) — 155 с наличием в них 11 000 боевых самолетов»[341].

Вероятными противниками были названы: на Западе — Германия, Италия и их сателлиты; на Востоке — Япония. К непосредственным противникам относились Германия и Польша. Их силы оценивались соответственно: 96 пехотных, 5 кавалерийских и 5 моторизованных дивизий, 30 танковых батальонов, 3 тысячи самолетов; 65 пехотных дивизий, 16 кавалерийских бригад, 1450 танков и танкеток, 1650 самолетов.

Япония, занятая войной в Китае, имела 43 пехотные дивизии, 4 охранные, 4 механизированные, 6 кавалерийских бригад, 1553 танка, 1420 самолетов.

Доклад начальника Генштаба Шапошникова предполагал готовность СССР к войне на два фронта.

Предложения Генерального штаба были одобрены Главным военным советом, в состав которого входили высшие военачальники и Сталин.

Показательно, как на заседании Главного военного совета 31 августа 1938 года прошел разбор конфликта у озера Хасан. Сталин был возмущен действиями командующего Краснознаменным Дальневосточным фронтом маршала Блюхера: тот проявил самоуправство и практически оспорил приказы Сталина.

По официальной версии конфликта, японцы попытались захватить сопки Заозерная и Безымянная, по которым проходила государственная граница. В середине июня советские пограничники заняли вершины сопок и стали сооружать там брустверы из камней. Японцы же считали, что граница проходит по берегу озера и, соответственно, обе сопки — это их территория.

Пятнадцатого июля 1938 года посол в Москве Сигэмицу предъявил ноту с требованием очистить высоты у озера Хасан. Перед Сталиным встал вопрос: уступить или принять вызов?

Он решил не уступать. Японцам ответили, что данная территория принадлежит СССР.

Тогда в ночь на 29 июля рота японских солдат захватила Безымянную. Начались ожесточенные боевые действия, в которых приняли участие и армейские части с обеих сторон. Японцы ввели до двух полков 19-й пехотной дивизии, советское командование — 40-ю стрелковую дивизию, а затем (после неудачной атаки) еще 32-ю стрелковую дивизию и 2-ю механизированную бригаду, входившие в 39-й стрелковый корпус. К исходу 9 августа советская территория была очищена. 11 августа обе стороны договорились о прекращении боевых действий.

Потери советской стороны — 408 убитых и 2807 раненых, японской — в три раза больше.

Эта маленькая война показала кремлевскому руководству, что армия плохо подготовлена.

Как говорится в протоколе заседания ГВС РККА, начальствующий состав фронта оказался на недопустимо низком уровне. Действия Блюхера приравнивались к «сознательному пораженчеству».

И вот что удивительно: Блюхер «подверг сомнению законность действий наших пограничников», послал свою комиссию, которая обнаружила нарушения маньчжурской границы на три метра и установила нашу «виновность в возникновении конфликта». Блюхер телеграммой Ворошилову потребовал немедленного ареста начальника погранучастка за провоцирование конфликта с японцами. Маршал явно не понимал, чего хочет от него Москва.

В протоколе есть поразительный фрагмент разговора Сталина с ним по прямому проводу: «Скажите, т. Блюхер, честно, — есть ли у Вас желание по-настоящему воевать с японцами. Если нет у Вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание — я бы считал, что Вам следовало бы выехать на место немедля»[342].

Сталин почувствовал, что контроль уходит у него из рук. Пьянствующий или невесть чем занятый командующий, которого разыскивали для разговора трое суток, становился опасным. Поэтому он был отстранен от должности, а Дальневосточный фронт переформирован в две отдельные армии, подчиненные непосредственно наркому обороны. Видно, тревога Сталина была так велика, что он пошел на ликвидацию фронтового управления на важнейшем и совершенно самостоятельном театре войны. (Спустя год он вернулся к прежней организации.)

Но несмотря на негативный опыт, Сталин считал, что достиг поставленной цели: японцы получили острастку, а Запад увидел решимость Кремля.

Вообще 1938 год был отмечен не только Мюнхеном и Хасаном. Все заметнее становились новые командиры, бесстрашные, дерзкие, спортивные, с кругозором узких специалистов, готовые на подвиг. Порой они приводили Сталина к грустным размышлениям. У него перед глазами был его сын, семнадцатилетний сорванец, о котором он в письме учителю В. В. Мартышину высказался так: «Василий — избалованный юноша средних способностей, дикаренок (типа скифа!), не всегда правдив, любит шантажировать слабеньких "руководителей", нередко нахал, со слабой — или вернее — неорганизованной волей».

Бывший охранник Сталина А. Рыбин называет Василия «ухарем», тот никого не боялся, кроме отца.

Когда Василию было 12 лет, он сказал отцу, что, когда закончит военное училище, пойдет воевать и устанавливать советскую власть в других странах. В ответ Сталин улыбнулся: «А захотят ли этого народы тех стран? Сначала надо сделать так, чтобы они завидовали нашей хорошей жизни» (А. Ф. Сергеев в интервью автору).

В 1938 году Василий стал курсантом Качинской школы под Севастополем*. Приемный сын Сталина, Артем, — курсантом артиллерийской школы, старший, Яков, — Артиллерийской академии.

Он готовил их для войны и, значит, — к жертве. А вместе с его детьми десятки тысяч юношей и девушек стали проходить военную подготовку в артиллерийских и санинструкторских классах средних школ.

На заседании Главного военного совета 16 мая 1939 года перед Сталиным эта проблема «скифов с неорганизованной волей» встала в обобщенном виде. В повестке дня был вопрос о мерах борьбы с летными происшествиями и катастрофами.

Обмен репликами во время доклада начальника ВВС А. Д. Локтионова дает яркое представление о качестве авиационных кадров.

«*Ворошилов*. Бьются, товарищ Сталин, не на сложных заданиях, а на дурацких вещах...

Локтионов. Был случай, когда командир три раза заставлял техника исправлять дефекты в машине, а последний после каждого раза докладывал — машина исправна, а на самом деле машина не была исправна.

Сталин. Что это за человек, где он, это, может быть, сволочь, он же подведет. Такие техники могут подвести, а им лет-

---

* Это знаменитая «Кача», где еще до Первой мировой войны началось обучение военных летчиков.

чики доверяют машину. Когда летчик садится в машину, он сам проверяет ее или полагается на совесть техника?

<...>

Мехлис. Там, где свыше 100 человек, нужно дать одного освобожденного политработника.

Сталин. Он поможет комиссару?

Мехлис. Он поможет в партийной работе.

Сталин. При чем здесь партийная работа? Летчик не хочет признавать законов физики и метеорологии... Только за конец 1938 и первые месяцы 1939 г. мы потеряли 5 выдающихся летчиков, Героев Советского Союза, пять лучших людей нашей страны: т. Бряндинского, Чкалова, Губенко, Серова и Полину Осипенко»[343].

Безусловно, Сталин понимал, что́ за этим стоит. Он сам провозгласил, что нет таких крепостей, которых не могут взять большевики. Он проводил ускоренную индустриализацию, которая и вызвала к жизни героев, считавших себя сильнее смерти. Но что-то не то было в замечательном молодом поколении, ведь мало одной отваги, нужна и культура.

Думая о молодежи, он форсировал работу над «Кратким курсом истории ВКП(б)», над которым трудился лично 14 дней в августе 1938 года.

Наверное, летчики, большинство которых он не знал, были похожи на его сына Василия. Этот юноша его поражал. Например, он был непосредствен, как дикарь, ругался матом в присутствии сестры и вообще при женщинах. Приехав в Качу, Василий, как докладывал Берия, хитроумно заявил комиссару школы, что «папа должен приехать отдыхать» в Крым и, вероятно, «заедет на Качу».

Но в школе и без обещания приезда грозного ревизора знали, кто такой Василий. Тем не менее из его характеристики от 17 февраля 1939 года видно, что командование школы относилось к нему объективно: «Политически грамотен. Предан делу партии Ленина — Сталина и нашей родине. Живо интересуется и хорошо разбирается в вопросах международного и внутреннего положений. Хороший общественник, активно участвует в общественно-комсомольской организации звена. Самокритичный, несколько резковат в быту с курсантами. Вообще с курсантами уживчив и пользуется хорошим авторитетом.

Теоретическая успеваемость хорошая. Может учиться отлично, мало оценивает теоретическую учебу, особенно систематическое изучение предмета. Любит учить "залпом" — сразу, не усидчивый. Летным делом интересуется. Летать любит. Усвоение отличное, закрепление хорошее, недооценивает "мелочей" в технике пилотирования, вследствие чего допускает

отклонения в полете, которые после серьезного, решительного замечания изживает и не допускает в последующих полетах.

Воинская дисциплина хорошая, имел ряд нарушений в начале обучения: опаздывание в Учебно-летное отделение, выход на полеты небритым, пререкание со старшиной группы, стремился оправдать их объективными причинами. В последнее время резко улучшилась дисциплина, откровенно признает и охотно изживает недостатки.

Общая оценка техники пилотирования ОТЛИЧНАЯ... Пилотаж любит и чувствует себя на нем хорошо. Осмотрительность в полете отличная. Пилотирует энергично, свободно. В полете инициативный, решительный. На контрольных полетах несколько волнуется.

На неудачи в полете реагирует болезненно, внутренняя досада на себя, особенно в элементах полета, которые уже делал хорошо.

Считаю, что курсант т. Сталин к самостоятельному вылету готов»[344].

Артем Сергеев («Томик») вспоминает о сыне Сталина и говорит о принципиальных для поколения вещах: «Материально Василий был абсолютно бескорыстным. Всегда старался товарищам подарить что-то, хотя ему и самому эта вещь нужна. “За други своя” он готов был “живот положить”. Будучи школьником, много дрался со старшими после какого-нибудь спора или обиды, нанесенной слабому, но никогда с теми, кто был слабее его или меньше. Ему доставалось, его колотили крепко, но он никогда не жаловался и, уверен, считал позором пожаловаться. У Василия была по отношению к товарищам ласковость. Он был шалуном: придумывал, разыгрывал... Василий с детства любил животных. Из Германии лошадь раненую привез и выходил, собак даже приблудных держал. Хомяк был у него, кролик. Как-то я к нему пришел на дачу, он сидит рядом с грязным псом, гладит его, целует в носик, из своей тарелки дает есть. Заметив мой недоуменный взгляд, ответил на мое недоумение: “Не обманет, не изменит”.

Он всегда был щедр и бескорыстен. Больно читать статьи о его богатстве, о манто каких-то. Да не было у него ничего! Получка в армии 15-го числа, все к нему шли — стол накрыт для друзей. Дней через 10—15 к нему приходили со своим — у него уже шаром покати.

Был большой новатор. Создал замечательный узел связи, когда был командующим ВВС Московского округа. Штаб авиации тогда находился там же, где штаб округа, — на улице Осипенко. Василий перевел его на аэродром: центральный аэродром перестал действовать как центральный, и он туда перевел

штаб. “А то там половина штаба не слышали мотора самолетного. Эти штабные, которые всю войну просидели на улице Осипенко, географию не знают, им надо ее поучить по дальним гарнизонам”. Отправил их служить по стране, а к себе брал летчиков — инвалидов летной работы. Ему говорили: мол, что это за штаб?! Он отвечал: “Пока они не все знают, но как воевать — знают, работают с полной отдачей и желанием”»[345].

После отъезда Василия в авиашколу Сталин иногда испытывал горькие минуты одиночества. Его привязанность к детям была велика, особенно — к дочери. (Светлана Аллилуева: «Но его ласку, его любовь и нежность ко мне в детстве я никогда не забуду. Он мало с кем был так нежен, как со мной, — должно быть, когда-то он очень любил маму».)

Девочка взрослела, ей уже не хотелось писать ему шуточные приказы, на которые он охотно откликался, подписывая их так: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин». Он называл ее «моя воробушка».

Один случай из взаимоотношений «хозяйки» и «бедняка» передает горечь его одиночества: «Иногда летом он забирал меня к себе в Кунцево дня на три, после окончания занятий в школе. Ему хотелось, чтобы я побыла рядом. Но из этого ничего не получалось, так как приноровиться к его быту было невозможно: он завтракал часа в два дня, обедал часов в восемь вечера и поздно засиживался за столом ночью, — это было для меня непосильно, непривычно. Хорошо было только гулять вместе по лесу, по саду; он спрашивал у меня названия лесных цветов и трав, — я знала все эти премудрости от няни, — спрашивал, какая птица поет... Потом он усаживался где-нибудь в тени читать свои бумаги и газеты, и я ему уже была не нужна; я томилась, скучала и мечтала поскорее уехать к нам в Зубалово, где была масса привычных развлечений, куда можно было пригласить подруг. Отец чувствовал, что я скучаю возле него и обижался, а однажды рассорился со мной надолго, когда я спросила: “А можно мне теперь уехать?” — “Езжай!” — ответил он резко, а потом не разговаривал со мной долго и не звонил. И только когда по мудрому наущению няни я “попросила прощения” — помирился со мной. “Уехала! Оставила меня, старика! Скучно ей!” — ворчал он обиженно, но уже целовал и простил, так как без меня ему было еще скучнее»[346].

Вскоре и дочка должна была улететь.

Вообще родственное окружение мало радовало его. 2 ноября 1938 года комиссар Автобронетанкового управления Наркомата обороны Павел Аллилуев, шурин Сталина, скоропостижно

скончался на другой день после возвращения из отпуска. Причина смерти осталась неизвестной, родня подозревала, что он был отравлен собственной женой Евгенией. Павел был связующей фигурой между Сталиным и всей аллилуевской родней.

Одна из версий о кончине Павла Аллилуева: его устранили по приказу Берии. Версия имеет два объяснения. Первое, новый замнаркома расчищал пространство вокруг вождя. Второе, П. Аллилуев на заседании Главного военного совета летом 1938 года совместно с начальником Автобронетанкового управления РККА Ф. Г. Павловым поддержал в присутствии Сталина и Ворошилова выступление военкома Артиллерийского управления РККА Г. К. Савченко, объяснявшего низкую дисциплину и снижение порядка в армии непрекращающимися арестами всех категорий командного состава. Обе версии сомнительны.

Двадцатого ноября, через 18 дней после смерти Павла Аллилуева, был арестован Станислав Реденс, муж Анны, сестры Надежды Аллилуевой. Реденс занимал должность наркома внутренних дел Казахстана. Владимир Аллилуев, сын Реденса, рассказывает, что свояченица Сталина, Анна Сергеевна, встретилась с вождем, и он предложил разобраться во всем, пригласив Молотова, Сергея Яковлевича Аллилуева (тестя), саму Анну Сергеевну и Реденса. Сталин уважал тестя.

Но в последнюю минуту Сергей Яковлевич почему-то категорически отказался ехать к зятю.

Сын Реденса предполагал, что Сергея Яковлевича могла остановить «прямая и недвусмысленная угроза» Берии расправиться со всей его семьей.

Действительно, отношения Берии и Реденса давно были испорчены*.

Здесь необходимо пояснение. 8 октября 1938 года вышло закрытое постановление Политбюро «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Создавалась комиссия в составе: Ежов (председатель), Берия, Вышинский, Рычков (нарком юстиции СССР), Маленков. Ей ставилась задача в десятидневный срок разработать проект постановления ЦК, СНК и НКВД «о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Речь шла об усилении контроля за НКВД. Чистки и репрессии, начатые в 1937 году, планировалось закончить в четыре месяца.

---

* Отсутствие деда раздосадовало и сильно задело Сталина, он «крупно поссорился с моей матерью и бабушкой, никакого разбирательства так и не было, и судьба отца была предрешена» (Владимир Аллилуев).

Четырнадцатого ноября на места ушла директива ЦК «Об учете и проверке в партийных органах ответственных сотрудников НКВД СССР». Это означало чистку в рядах чекистов.

Пятнадцатого ноября «строжайше приказывалось» приостановить рассмотрение всех дел в «тройках», военных трибуналах Военной коллегии Верховного суда СССР, направленных туда в упрощенном порядке.

Семнадцатого ноября было закончено назначение новых руководителей аппарата НКВД.

В этот день вышло постановление ЦК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем говорилось о продолжении беспощадной борьбы «со всеми врагами СССР» и «об извращении советских законов, массовых и необоснованных арестах», проводимых «врагами народа» и шпионами, засевшими в органах НКВД: отныне запрещались массовые аресты и выселение («лимиты»), ликвидировались «тройки», усиливался контроль прокуратуры.

Двадцать третьего ноября Ежова вызвали в Кремль, где Сталин, Молотов и Ворошилов в течение четырех часов вели с ним тяжелый разговор. Ежов написал заявление об увольнении с должности наркома внутренних дел.

В ноябре 1938 года закончилась «ежовщина». Поэтому арест Реденса, пришедшийся на это время, объясняется не кознями Берии, а общим ходом дел. Свояк Сталина принадлежал к уходящему политическому поколению.

Характерна запись в дневнике Марии Сванидзе от 5 марта 1937 года, касающаяся родственников: «Жаль И. Подумать, полоумная О. Е. (теща Сталина. — *С. Р.*), идиот Федор (брат Надежды Аллилуевой. — *С. Р.*), слабоумный Павел и Нюра, недалекий Стах (Реденс. — *С. Р.*), ленивый Вася, слабохарактерный Яша»[347].

Почему же «жаль» Сталина? Повод для этой сентенции — женитьба Якова Джугашвили на Юлии Мельцер. («Она хорошенькая, старше Яши — он у нее — 5-й муж, не считая иных прочих, разведенная особа, не умная, малокультурная, поймала Яшу, конечно, умышленно, все подстроив».) Кстати, бывший муж Юлии, О. П. Бесараб, был чекистом и помощником Реденса. Конечно, дочь одесского еврея-торговца, окрутившая старшего сталинского сына, была чужой в сванидзе-аллилуевском клане, но Сталин распорядился выделить молодым двухкомнатную квартиру. В 1938 году у Юлии родилась дочь Галина, внучка Сталина. Да и сама Юлия понравилась свекру.

Что же касается попыток семейного клана влиять на Сталина, то из этого мало что получалось. Даже в случае с Реденсом.

Письмо Василия Сталина Н. С. Хрущеву от 19 января 1959 года дает представление о том, как велась борьба за контроль каналов информации вождя и как аппарат одержал победу над семьей:

«Вообще, если проследить за ходом карьеры Маленкова и Берия, то легко заметить, как они друг друга тянули и выручали. Вот довольно характерный факт их взаимного сотрудничества на заре их обоюдной карьеры еще до войны. Речь идет о С. Ф. Реденсе, одном из старейших чекистов-дзержинцев. Я его хорошо знал, ибо он являлся мужем сестры моей матери А. С. Аллилуевой. Когда Берия назначили в НКВД, Реденс был для него помехой на должности Нач. упр. НКВД Москвы, ибо Реденс знал Берия по работе в Закавказье с отрицательной стороны и был вхож к т. Сталину в любое время. Берия решил убрать Реденса с дороги. Когда Берия заговорил с т. Сталиным о необходимости ареста Реденса (я случайно был при этом разговоре), т. Сталин резко возразил Берия, и казалось, что вопрос этот больше не поднимется. Но, как было ни странно для меня, — Берия был поддержан Маленковым, Маленков сказал, что знает Реденса по работе в Москве и поддерживает мнение Берия о аресте. Сейчас я не помню, кем работал в то время Маленков, но, кажется, он имел отношение к кадрам партии, ибо хорошо помню слова т. Сталина: “Разберитесь тщательно в кадрах с товарищами в ЦК, — я не верю, что Реденс — враг”. Как провел в ЦК этот разбор Маленков — я не знаю, но факт, что Реденса арестовали. После ареста Реденса по наушничеству Берия вход в наш дом Анне Сергеевне был закрыт, но по ее просьбе я просил т. Сталина принять ее. Мне за это посредничество попало и было сказано: “Я не поверил Берия, что Реденс враг, но работники ЦК тоже самое говорят. Принимать Анну Сергеевну я не буду, ибо ошибался в Реденсе. Больше не проси”»[348].

Постепенно Сталин все глубже погружался в свое одиночество. Но оно было очень своеобразным: он как бы растворялся в государственных задачах, его личность огосударствлялась. Вспомним, как он сказал сыну Василию: «Я не Сталин. Сталин — это СССР». Это фантастически трагическое признание человека, которого хочется назвать несчастным. Но вот вопрос: ощущал ли он себя таковым?

Думается, иногда ощущал, и очень остро. Отсюда — постоянное заполнение его пространства коллективными ужинами, коллективными просмотрами фильмов и посещением театров.

В его жизни появилась русоволосая, румяная Валентина Истомина, выпускница медучилища, которую Светлана Алли-

луева описывает так: «Молоденькая курносая Валечка, рот которой целый день не закрывался от веселого звонкого смеха». Она была подавальщицей на даче в Зубалове, с 1938 года — в Кунцеве, где стала сестрой-хозяйкой, то есть экономкой.

Эта женщина оставалась со Сталиным до самой его смерти и никогда не пыталась повлиять на его решения. Она незаметно для посторонних глаз была с ним и на международных конференциях в Ялте и Потсдаме.

Позднейшие разговоры о любовницах Сталина — певицах Вере Давыдовой и Наталии Шпиллер, балерине Ольге Лепешинской — это пустая молва. Он действительно с ними любезничал после спектаклей и концертов, словно испытывая на них свое природное мужское обаяние, но — не более того. Пуританину не были нужны любовные победы.

В мае 1938 года кунцевскую дачу перестроили, что внесло некоторое обновление в сталинскую повседневную жизнь. Построенная пять лет назад, одноэтажная деревянная дача («распластанная среди сада, леса, цветов» — С. Аллилуева) превратилась в кирпичную. Ранее здесь уже были построены электростанция, баня с бильярдом, служебный домик, складское помещение с погребом, оранжерея с котельной, пруд.

«Отец жил всегда внизу, и по существу, в одной комнате. Она служила ему всем. На диване он спал (ему стелили там постель), на столике возле стояли телефоны, необходимые для работы; большой обеденный стол был завален бумагами, газетами, книгами. Здесь же, на краешке, ему накрывали поесть, если никого не было больше. Тут же стоял буфет с посудой и с медикаментами в одном из отделений. Лекарства отец выбирал себе сам, а единственным авторитетом в медицине был для него академик В. Н. Виноградов, который раз-два в год смотрел его. В комнате лежал большой мягкий ковер и был камин — единственные атрибуты роскоши и комфорта, которые отец признавал и любил. Все прочие комнаты, некогда спланированные Мержановым в качестве кабинета, спальни, столовой, были преобразованы по такому же плану, как и эта. Иногда отец перемещался в какую-либо из этих комнат и переносил туда свой привычный быт»[349].

Единственное его увлечение — сад и парк. За все время его жизни в Волынском было высажено 60—70 тысяч деревьев: яблони, вишни, виноград, тук, липы, березы, клены, сосны, ели, жасмин, калина, крыжовник, шиповник. Он любил ландыши, фиалки, левкои, вербену, петунии, гелиотропы, кудрявые гвоздики Шабо, канны, сирень. Он всегда любил цветы. Еще когда не умел ходить, его мать, показывая цветы и маня ими, поощрила малыша сделать первые шаги.

Вот так было заполнено пространство этого 59-летнего человека. Его власть была огромной, но лично ему требовалось немного. Наверное, обрезая секатором засохшие ветки деревьев, он ощущал беспредельность своего внешнего мира и адекватность ему своего внутреннего. Здесь обе ипостаси, диктатора и человека, находились в гармонии.

Глава сорок пятая

Сталин создает свою главную книгу. Приказ уничтожить Троцкого. Мадрид пал. Прага захвачена. Малая война с Японией на Халхин-Голе

1939 год был решающим в мировой борьбе за союзников в предстоящей войне. Но прежде всего надо было навести порядок у себя в стране после «ежовщины», которая поглотила многих, в том числе и региональных вождей.

Теперь уже было поздно возвращаться к демократизации, она откладывалась до лучших времен. Зато кое-какой порядок был наведен.

В армию были возвращены уволенные в 1937 году 4661 человек, в 1938-м — 6333 человека.

Всего за 1939 год из лагерей были освобождены 223 600 человек, из колоний — 103 800. По подсчетам Е. А. Прудниковой, до начала Великой Отечественной войны была выпущена почти половина осужденных «за политику». Если в 1937—1938 годах были приговорены к смерти 681 692 человека, то в 1939—1940-м — 4201. «Якобинский» террор закончился.

Таким образом, косвенно было признано, что в «заговоре военных» были допущены огромные ошибки. Виновными официально объявили чекистов. Настоящие причины никто не собирался обнародовать. Одна из них сформулирована германским историком С. Хафнером: «Можно сказать с уверенностью: в Берлине, так же как и в Москве, за девять месяцев, с июня 1937 года по февраль 1938 года, исчезли из рядов командования почти все традиционные носители германо-русской военной дружбы периода Рапалло, а в Москве — и из рядов живущих. Если и была возможность совместного военного переворота против Гитлера и Сталина, то в эти девять месяцев она прекратила свое существование»[350].

Черчилль тоже отметил: «Беспощадная, но, возможно, небесполезная чистка военного и политического аппарата в Советской России»[351].

И вот эта волна схлынула.

Однако напомним, что 10 января 1939 года на места была направлена за подписью Сталина шифрограмма с разъяснением, что «при проверке работников НКВД» не ставить им в вину «применение физического воздействия "в виде исключения"». Таким образом, кремлевское руководство показало, что не намерено ослаблять борьбу с противниками режима, а наводит порядок в этой области.

Павел Судоплатов, чудом ускользнувший от обвинения, замечает: «Сталин, отчасти следуя указаниям Ленина, наносил удары не только своим реальным, но и потенциальным противникам. Конечно, любой серьезный политик стремится упреждать события. Сам характер деятельности спецслужб в любом государстве несет в себе некоторые элементы нарушения законности, ибо работа секретных ведомств скрыта от общества и его парламентских институтов. Но Сталин всегда мыслил категориями военного времени»[352].

В другом месте сделаны такие выводы: «Я по-прежнему считаю Ежова ответственным за многие тяжкие преступления — больше того, он был еще и профессионально некомпетентным руководителем. Уверен: преступления Сталина приобрели столь безумный размах из-за того, в частности, что Ежов оказался совершенно непригодным к разведывательной и контрразведывательной работе.

Чтобы понять природу ежовщины, необходимо учитывать политические традиции, характерные для нашей страны. Все политические кампании в условиях диктатуры неизменно приобретают безумные масштабы, и Сталин виноват не только в преступлениях, совершавшихся по его указанию, но и в том, что позволил своим подчиненным от его имени уничтожать тех, кто оказывался неугоден местному партийному начальству на районном и областном уровнях. Руководители партии и НКВД получили возможность решать даже самые обычные споры, возникавшие чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов»[353].

Сталин считал, что ни один руководитель в армии или в системе государственной безопасности не должен приобретать политического потенциала. В августе 1938 года Маленков в поданной Сталину записке «О перегибах» сообщал, что «Ежов и его ведомство виноваты в уничтожении тысяч преданных партии коммунистов». Сталин отреагировал мгновенно и попросил найти замену Ежову. Из семи кандидатов, предложенных Маленковым, Сталин выбрал Берию.

В первые ряды аппарата вышла связка Маленков — Берия, ставшая опорой сталинской команды. Благодаря им был сильно изменен оперативный состав наркомата. Руководство было

обновлено на 62 процента. Подавляющая часть вновь принятых сотрудников пришла по партийному и комсомольскому набору. Это означало, что ВЧК — ОГПУ — НКВД как система, созданная еще при Ленине и опиравшаяся на традиции старых революционеров, приказала долго жить. В аппарате не осталось латышей и поляков, а число евреев уменьшилось с сорока до пяти процентов. Фактически Сталин провел переворот в самой грозной спецслужбе.

Еще одно обстоятельство надо было учитывать Сталину. Наступил перелом в Испанской войне. Он был связан с Мюнхенским соглашением, которое оказало на республиканцев тяжелое психологическое воздействие. Они надеялись, что Англия и Франция окажут военное сопротивление Германии, что сразу приведет к крушению франкистов. После 30 сентября 1938 года испанские республиканцы все чаще испытывали отчаяние. В октябре республиканский премьер-министр Хуан Негрин договорился с СССР и лондонским Комитетом невмешательства о роспуске интернациональных бригад Коминтерна. К этому времени Сталин подозрительно смотрел на них, видя в них массовое влияние троцкизма.

Это отношение к интербригадовцам трагически сказалось на судьбе Михаила Кольцова. Генеральный комиссар интербригад в Испании Андре Марти* обратился к Сталину с письмом: «Мне приходилось уже и раньше, товарищ Сталин, обращать Ваше внимание на те сферы деятельности Кольцова, которые вовсе не являются прерогативой корреспондента, но самочинно узурпированы им... Но в данный момент я бы хотел обратить Ваше внимание на более серьезные обстоятельства, которые, надеюсь, и Вы, товарищ Сталин, расцените как граничащие с преступлением. 1. Кольцов вместе со своим неизменным спутником Мальро вошел в контакт с местной троцкистской организацией ПОУМ. Если учесть давние симпатии Кольцова к Троцкому, эти контакты не носят случайный характер. 2. Так называемая "гражданская жена" Кольцова Мария Остен... является, у меня лично в этом никаких сомнений, засекреченным агентом германской разведки»[354].

В феврале — марте 1939 года республиканская Испания агонизировала. Она исчезла с исторической арены после мартовского мятежа полковника Касадо в Мадриде. Под его знаменами объединились не тайные франкисты, как можно было

---

* Марти работал на советскую разведку и был яростным противником Троцкого. Его правой рукой был коминтерновец, будущий руководитель Германской Демократической Республики Вальтер Ульбрихт, который возглавлял подразделение контрразведки.

предположить, а союзники коммунистов, республиканцы — правые социалисты, анархисты и беспартийные офицеры. Испанцы устали от войны. И только коммунисты не собирались капитулировать. В принципе это было убедительное отражение психологического состояния всей Европы.

Еще в 1935 году в Париже вышла книга «Коричневая сеть. Как работают гитлеровские агенты за границей, готовя войну». В ней описывалась работа сорока восьми тысяч агентов и говорилось, что заграничная организация национал-социалистической партии Германии имеет 400 отделений.

Нацисты серьезно готовили «пятые колонны», но все же настроение масс определялось совсем другим: они не хотели жертв, не хотели воевать.

В начале января 1939 года Сталин получил донесение советской разведки, что 5 января Гитлер, принимая польского министра иностранных дел Ю. Бека, заявил о «единстве интересов Польши и Германии в отношении Советского Союза». 26 января на встрече с Риббентропом Бек пообещал «обдумать возможность присоединения Варшавы к Антикоминтерновскому пакту», в случае если немцы поддержат польские претензии на Украину и выход к Черному морю.

Из этого вытекали роковые для СССР последствия.

Десятого марта Сталин выступил на открывшемся XVIII съезде партии с отчетным докладом «О работе ЦК ВКП(б)». Начав с международного положения, он прямо сказал: «Уже второй год идет новая империалистическая война, разыгравшаяся на огромной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более пятисот миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система построенного так называемого мирного режима»[355]. Затем последовал анализ экономического положения развитых стран в сравнении с СССР и неоднократный выпад против Англии и Франции: «Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше».

Сталин явно посылал сигналы обеим сторонам, причем главный — западным «демократиям»: «...большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом».

Он говорил об усилении РККА, о мировой внешней политике, о том, что нельзя поддаваться на провокации. Пафос всего доклада: мы сильны, но воевать не собираемся.

Дойдя до политических процессов «шпионов, убийц и вредителей», Сталин ни одним намеком не сообщил о «переги-

бах», наоборот: «В случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их однородности и внутреннего единства будут крепче, чем в любой другой стране».

Выступавшие после Сталина делегаты, особенно военные, заверяли, что армия сильна и что агрессоры получат отпор.

На пленуме ЦК 22 марта 1939 года членами Политбюро были избраны Андреев и Жданов. Съезд закрепил радикальные перемены в правящей элите. Никакими оппозиционерами здесь и не пахло. Весьма заметны были среди новых членов ЦК фигуры молодых производственников-выдвиженцев И. А. Бенедиктова, Б. Л. Ванникова, Н. А. Вознесенского, А. Н. Косыгина, А. А. Кузнецова, В. А. Малышева, П. К. Пономаренко, И. Ф. Тевосяна, А. И. Шахурина, С. В. Кафтанова, Н. С. Патоличева, М. Г. Первухина.

Выделялась и группа из нового руководства НКВД: В. Н. Меркулов, С. А. Гоглидзе, М. М. Гвишиани, В. Г. Деканозов, Б. З. Кобулов, С. Н. Круглов, И. И. Масленников, И. Ф. Никишов.

Новые армейские руководители были представлены «испанцами», Героем Советского Союза танкистом Д. Г. Павловым и дважды героем летчиком Я. В. Смушкевичем.

Из прежнего состава ЦК (XVII съезд) в новом осталась едва ли пятая часть.

Насколько укрепилось «единство фронта и тыла», предстояло вскоре проверить.

К отчетному докладу логично было бы прибавить «Историю Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», над которой работал Сталин в августе, он сам написал несколько глав, внес огромное количество вставок и поправок. По сути, этот учебник, вышедший в октябре 1938 года первым тиражом в шесть миллионов экземпляров, представлял его точку зрения на всю историю Советского Союза и, понятно, историю партии. Сталин торопил всех с изданием книги. «Мы и так опоздали с этим делом на целый год», — пенял он коллегам в Политбюро.

Почему «год»? Потому что началось новое время и на авансцену вышли новые люди, которым и адресовался «Краткий курс».

Двадцать второго сентября на совещании в ЦК работников партийной пропаганды Москвы и Ленинграда, когда начались восхваления публикации «Курса» (в «Правде»), Сталин неожиданно раздражился и резко сказал, что нужны не похвалы, а помощь и замечания практических работников. Далее он выс-

казал принципиально новую мысль: «Кадры надо воспитать на идеях, на теории... Если эти знания есть, тогда есть и кадры, а если этих знаний нет — это не кадры, а пустое место». Он адресовал учебник прежде всего учащейся молодежи, а также аппарату управления, армейским командирам, школьным учителям, руководителям промышленности и колхозов. Он назвал «контрольную цифру» — восемь миллионов будущих читателей книги. «Среди этих людей мы должны снова начать разворот большевизации».

Первого октября, в конце этого совещания, он снова выступал и высказался по теоретическим вопросам, полемизируя с некоторыми мыслями Ф. Энгельса (об отмирании государства после победы революции). Подобное писали Маркс и Ленин, но Сталин их не назвал. Сталин сказал, что социализм нуждается в сильном и мощном государстве. Как замечает автор послесловия к современному изданию Рой Медведев: «Только новый классик марксизма-ленинизма мог чем-то поправить трех ранее работавших классиков и основоположников».

Однако новый классик сохранил в тексте данную сверхскромную оценку собственного участия в Гражданской войне, оставив свое имя в списке людей, «которые занимались политическим просвещением Красной Армии». Он уже не «организатор Первой Конной армии», эта роль была бы ему узка.

Сегодня трудно сказать, насколько полно была выполнена задача, которую хотел решить Сталин выпуском учебника. Но данная в нем картина целостна, оптимистична и победительна. То, что она упрощена, — это не недостаток, а необходимое условие. Практическая же задача была в основном решена. Был создан коммунистический катехизис, по которому учились миллионы людей, получая необходимое представление о своем государстве и его истории.

Сталин любил свой труд, гордился им, так как никто до него не ставил и не решал задачи объяснить народу философию эпохи. Хотя он говорил о несовершенстве «Курса», но большего в тех условиях он сделать не мог. Сейчас, когда его критики указывают на упрощенный подход к сложным вопросам истории и политики в этой книге, они не хотят понимать, кому она адресовалась — детям малограмотных простых людей, «скифам», а не интеллектуалам.

Не случайно в конце совещания Сталин потребовал изменить отношение партийного аппарата к интеллигенции: «Надо покончить с хулиганским отношением к собственной интеллигенции!»

Интеллигенция была уже не старорежимная, а своя, советская, молодая.

В завершение «Краткого курса» Сталин высказал прогноз долговечности ВКП(б), который, как ни удивительно, сбылся. В учебнике было написано, что «партия непобедима», если она умеет слиться с самыми широкими трудящимися массами, и наоборот, «партия гибнет, если она покрывается бюрократическим налетом». Он явно имел в виду ненавистные ему кланы, которые он разрушал, но они возникали снова как протоплазма параллельной власти.

Вызывает удивление объем загруженности этого человека, замыкавшего на себе решение всех вопросов жизни государства. Военные отмечали, что он читал много специальной литературы. Авиаконструкторы, оружейники, экономисты — то же самое. Сталин действительно стремился познать многое, чтобы все решать самому. В этом была его сила, но в этом крылась и огромная угроза всей стране. Он стал незаменимым. Уровень его компетенции все же был ограничен. Рано или поздно волны истории должны были захлестнуть этот несокрушимый утес.

Сталинский тоталитаризм практически добился поставленной задачи «пройти путь за 10 лет», и теперь надо было обыграть в мировые шахматы тех, кто играл гораздо сильнее.

Сталин не ошибался, когда на страницах «Краткого курса» говорил об угрозах Германии и Японии экономическим интересам Англии и США. Россия в этом конфликте фигурировала отдельно, на значительной дистанции.

Сталин не мечтал о мировом лидерстве. Его задача была гораздо труднее. Она формулировалась так: в условиях враждебного окружения и, увы, внутренней экономической недостаточности не ввязаться в войну с Германией раньше, чем с ней начнут воевать Англия и Франция. И не дай бог случиться столкновению СССР с Германией один на один! Тогда Советскому Союзу никто не поможет.

И тут Сталину никто не мог подсказать верного решения, даже академики и разведчики.

В марте 1939 года Сталин встретился с наркомом Берией и сотрудником ИНО Павлом Судоплатовым. Он помнил Судоплатова по встрече, на которой была поставлена задача уничтожить руководителя украинских националистов Коновальца.

Берия предложил Сталину назначить Судоплатова заместителем начальника ИНО НКВД, «чтобы помочь молодым партийным кадрам, мобилизованным на работу в органы, справиться с выполнением заданий правительства». Сталин ничего не ответил на это предложение и попросил наркома

рассказать о главных направлениях разведывательных операций за рубежом.

Берия высказался за изменение приоритетов: не бороться с белой эмиграцией, а готовить резидентуры к войне в Европе и на Дальнем Востоке. Он акцентировал внимание на роли агентов влияния из деловых и правительственных кругов Запада и Японии, «которые имеют выход на руководство этих стран и могут быть использованы для достижения наших целей во внешней политике». И тут Берия обратил внимание на роль Троцкого и троцкистов, которые пытаются подчинить себе левое движение на Западе, «лишить СССР позиций лидера мирового коммунистического движения». Троцкого надо уничтожить во что бы то ни стало. Собственно, для проведения операций против троцкистов и выдвигается Судоплатов.

Вот слова Сталина в передаче Судоплатова: «В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена(...) Троцкий, или как вы его именуете в ваших делах, “Старик”, должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну... Партия никогда не забудет тех, кто в ней участвовал, и позаботится не только о них самих, но и обо всех членах их семей»[356].

Сталин опирался на постоянно поступающую информацию о действиях Троцкого, целью которого было добиться отстранения от власти умеренного крыла партии во главе со Сталиным. Троцкий видел в приближающейся войне возможность «очистить социализм», и, соответственно, его цели совпадали с целями тех кругов Запада, которые хотели вовлечь СССР в войну с Германией.

Для непосредственного проведения «акции» Судоплатов выдвинул кандидатуру Наума Эйтингона, только что вернувшегося из Франции. Тот предложил назвать операцию «Утка» (жаргонное обозначение дезинформации). Берия санкционировал использование личных связей Эйтингона и его испанских агентов. Так в операции появился Рамон Меркадер.

В октябре 1939 года Эйтингон прибыл в Нью-Йорк и организовал при помощи еврейской общины и своего брата, гражданина США, торговавшего пушниной и имевшего в СССР таможенные льготы, импортно-экспортную фирму. Это был

центр связи и, в частности, «крыша» для Рамона Меркадера, красавца, похожего, по словам Судоплатова, на французского актера Алена Делона. Эйтингон создал три группы нелегалов для проведения операции.

Пятнадцатого марта 1939 года Германия ввела свои войска в Прагу, что было «постскриптумом к Мюнхену». (Словакия провозгласила независимость. Венгрия, поддержанная Польшей, заняла восточную область Чехословакии, Закарпатскую Украину.) Английский премьер выступил в парламенте с осуждением Гитлера, но не предложил никаких практических действий. В английской печати прошел вал возмущенных статей. 17 марта Чемберлен заявил, что правительство будет сопротивляться всяким попытка Германии установить мировое господство. Как пишет Майский, в Европе появились слухи, что следующим захватом Германии будет Румыния и ее нефтяные промыслы в Плоешти, чем англичане очень обеспокоились.

Восемнадцатого марта английский посол в СССР У. Сиидс спросил у Литвинова, каковы будут действия Москвы в случае нападения Германии на Румынию. В тот же вечер, проконсультировавшись в Кремле, Литвинов ответил, что лучшим ответом на угрозу будет немедленный созыв конференции представителей Англии, СССР, Турции, Польши, Румынии. Так Сталин начал втягивать Запад в новые переговоры.

Девятнадцатого марта англичане от этого предложения отказались.

Двадцать первого марта германское правительство потребовало у Польши Гданьск (Данциг).

Двадцать второго марта немцы оккупировали Мемель (Клайпеду).

Двадцать третьего марта Германия вынудила Румынию подписать соглашение, которое гарантировало ей получение нефти. Думается, после этого в Лондоне вспомнили ужас Первой мировой и драматическую борьбу англичан с немцами за нефть Плоешти.

В тот же день Генеральный штаб РККА направил директиву военным советам всех военных округов о порядке усиления и развертывания войск в зависимости от напряженности международной обстановки.

Двадцать девятого марта франкисты овладели всей Испанией.

Седьмого апреля Италия захватила Албанию, создав плацдарм против Югославии и Греции.

В этой обстановке уже надломленного мира Сталин все еще не имел ни одного союзника на Западе.

Неожиданно в действиях английского правительства произошел крутой перелом. Как говорил Черчилль, «рассеялись последние иллюзии»; Польше, Греции и Румынии была дана гарантия их защиты в случае нападения Германии. В Великобритании была введена воинская повинность.

Во время первомайского парада Сталин послал Западу своеобразный ответ: среди карикатур на западных руководителей не было портрета Чемберлена, а в небе над Красной площадью прошел 81 цельнометаллический двухмоторный бомбардировщик. На прошлом авиационном параде 7 ноября 1936 года их было впятеро меньше.

До начала Второй мировой войны в Европе оставалось четыре месяца.

Начались дипломатические консультации Англии и Франции с Советским Союзом. Они ни шатко ни валко тянулись до конца августа.

Параллельно европейским событиям ухудшилась военная обстановка и на восточной границе СССР. Япония, оккупировав большую часть Китая, получила ресурсы для экономического развития. Токио, как и Берлин, стремился получить «жизненное пространство», которое планировалось освоить как «великую сферу взаимного процветания Восточной Азии». Япония поставила перед собой цель стать центром экономической империи от Маньчжурии до Австралии, от островов Фиджи до Бенгальского залива. Все крупные игроки в этом регионе (США, Англия, Франция, Нидерланды, СССР) становились конкурентами и противниками Японии. Для Москвы вопрос стоял так: максимально затруднить положение японцев в Китае, чтобы они глубоко там завязли и не имели сил для дальнейшей агрессии на север.

Положение на восточных границах отличалось запутанностью и требовало от Кремля не просто укрепления боеготовности, но и превентивной тайной акции против Японии. Конечно, ни о каких открытых военных действиях никто не думал. Наоборот, делалось все, чтобы не дать Японии повода для агрессии, но после ввода в Маньчжурию японских войск малочисленные советские части оказались перед лицом реальной угрозы. Начались стычки на границе. В течение 1937—1939 годов японцы делали попытки захватить несколько советских островов на Амуре. Японская пропаганда требовала вернуть Маньчжурии «спорные территории» на границе с российским Приморьем. В середине июля 1938 года японский посол в Москве Сигэмицу потребовал передать таковые земли Японии.

Однако у СССР был сильный союзник — Китай, явно и неявно поддерживая которого, Москва создала противовес. 21 августа 1937 года был заключен советско-китайский договор о ненападении, с октября 1937 года начались поставки в Китай по кредиту оружия. Всего с октября 1937-го по сентябрь 1939 года было поставлено 985 самолетов, 82 танка, более 1500 артиллерийских орудий, свыше 14 тысяч пулеметов и еще — боеприпасы, оборудование и снаряжение[357]. Особенно эффективна была советская помощь кадрами военных летчиков-«добровольцев» и истребителями И-15, И-16. Вскоре были доставлены и бомбардировщики СБ и ТБ-3. Эта поддержка позволила остановить японское наступление на уханьском направлении. Советские летчики бомбили японские аэродромы даже на Тайване.

Таким образом, Сталин, поддерживая гоминьдановское правительство, достигал сразу двух целей: отвлекал Японию от советских границ и укреплял позиции китайских коммунистов, находившихся в то время в новом союзе с Чан Кайши.

Эта изощренность Сталина и его умение использовать чужие конфликты были для Мао Цзэдуна хорошей школой. Через несколько лет, в ноябре 1941 года, когда немецкие войска подошли к Москве и существовала реальная угроза нападения Японии на СССР, Сталин через Коминтерн направил директиву китайским коммунистам максимально активизировать боевые действия против Японии — и получил отказ. Объясняя свою позицию, Мао Цзэдун говорил: «Лучше мы сбережем силы, разгромим Гоминьдан, возглавим власть в Китае и тогда, получая помощь от СССР, Англии и Америки, освободим страну от японских захватчиков... Десять процентов усилий на борьбу с Японией, двадцать процентов — на борьбу с Гоминьданом, семьдесят процентов — на рост своих рядов»[358].

Мао Цзэдун всегда подтверждал, что национальные интересы ему ближе, чем указания российского вождя. И не случайно Сталин относился к нему с некоторой опаской.

Заметим, что США и Англия тоже вели свою игру: Токио был большим рынком их товаров, поэтому они продолжали снабжать империю нефтью, металлообрабатывающими станками и другими стратегическими материалами. Так, в 1938 году США на 90 процентов удовлетворили японские импортные потребности.

Фактически только СССР был безоговорочным союзником Китая. Помогая и гоминьдановскому руководству, Москва фактически воевала его руками. Она была заинтересована в затягивании этой войны, посылая новую помощь для того, чтобы не дать Чан Кайши заключить перемирие. Благодаря изощренной политике СССР японский план блицкрига рухнул.

Подчеркнем, что Сталин располагал полной информацией о планах Японии, так как лучший советский агент в Токио Рихард Зорге («Рамзай») располагал первоклассными источниками в японском правительстве и германском посольстве.

Геополитическая интрига в Юго-Восточной Азии заключалась в том, что все игроки, учитывая невозможность для Японии воевать на два фронта, стремились повернуть ее от себя в сторону конкурентов.

Тринадцатого июня 1938 года перебежал в Японию начальник УНКВД Дальневосточного края, комиссар госбезопасности 3-го ранга Генрих Люшков и стал сотрудничать с японской военной разведкой. Он сообщил информацию, которая имела значение при выработке решения, направленного на пограничный конфликт на озере Хасан. Зорге передал в Разведуправление РККА, что, по информации Люшкова, из-за широкого недовольства в Красной армии и наличия сильной оппозиции в Сибири советская военная сила на Дальнем Востоке мгновенно рухнет в случае японского нападения. Кроме того, Люшков выдал шифры, места дислокации военных частей, их организацию, вооружение.

Информация Люшкова учитывалась японцами и при планировании операции в районе Халхин-Гола (Номонхона). Зорге тоже предупредил об этом.

Одиннадцатого мая 1939 года начался вооруженный конфликт возле реки Халхин-Гол на территории Монгольской Народной Республики. Части японской Квантунской армии вторглись на монгольскую территорию и отбросили монгольские пограничные заставы к Халхин-Голу. Японцы планировали занять Монголию, отрезав Китай от СССР, и овладеть стратегическим плацдармом для дальнейшей экспансии в Сибирь и на Дальний Восток, затем построить здесь укрепленный район и железную дорогу к Забайкалью. Кстати, английский посол в Токио Крейг сообщил японскому министру иностранных дел Ариту в середине июля, что «Англия не будет противодействовать Японии на Дальнем Востоке»[359].

Двадцать шестого мая японцы в составе 2500 человек при поддержке авиации, танков и артиллерии перешли в наступление, но после двухдневных боев монгольские части и советские войска отбросили их.

Второго июля было предпринято второе наступление, захвачена территория на правом берегу Халхин-Гола севернее горы Баин-Цаган. Силы японцев включали 38 тысяч человек, 310 орудий, 135 танков, 225 самолетов. Обстановка усугублялась тем, что до ближайшей железнодорожной станции Борзя было более 700 километров, а у японцев, можно сказать, под

боком, в 100 километрах находился Хайларский железнодорожный узел, а в 30 — последний полустанок строившейся Холун-Аршанской железной дороги.

Перед решающими боями Сталин, обсуждая ситуацию с Ворошиловым, Тимошенко и первым секретарем ЦК КП Белоруссии П. К. Пономаренко, сказал, что туда надо направить инициативного человека, «чтобы мог не только поправить положение, но и при случае надавать японцам». Выбор пал на Георгия Жукова, заместителя командующего Белорусским округом. С этой минуты на военном небосводе зажглась его звезда. Прибыв в Москву к Ворошилову, он сразу был откомандирован в Монголию, в штаб 57-го Особого корпуса, который базировался в 120 километрах от основных событий. Здесь раскрылась натура Жукова, который в течение первого этапа своего командования был вынужден вступить в конфликт с двумя вышестоящими начальниками — заместителем наркома обороны Г. И. Куликом и командующим Забайкальским фронтом Г. Л. Штерном. Оба навязывали ему свои рекомендации, хотя знали, что Жуков действует самостоятельно и подчинен непосредственно Москве. Кулик предлагал вывести артиллерию с плацдарма на восточном берегу Халхин-Гола в то время, когда японцы были близки к его захвату, и таким образом обречь пехоту на гибель. Штерн рекомендовал отложить наступление и заняться наращиванием сил. Жуков в обоих случаях действовал одинаково: потребовал письменный приказ и сказал, что все равно обжалует его в Москве. Упоминание Москвы, то есть Сталина, отрезвило Штерна.

Ответ Жукова Штерну, прославленному в Испании Герою Советского Союза, надо привести дословно: «Я отвергаю ваше предложение. Войска доверили мне, и командую ими здесь я. А вам поручено поддерживать меня и обеспечить мой тыл. И прошу вас не выходить из рамок того, что вам поручено»[360].

Вмешательство Кулика привело к тяжелым последствиям. Жуков должен был выполнить приказ, хотя сразу доложил Ворошилову, что приказ не соответствует обстановке. В результате отход советских войск вскоре превратился в бегство через переправу на реке Халхин-Гол. Жуков бросил туда всех офицеров штаба корпуса. Им удалось прекратить панику, однако все же были потеряны высоты Песчаная и Ремизова, отбивать которые потом пришлось ценой больших потерь.

Ворошилов отменил приказ Кулика и объявил ему выговор за самоуправство.

Но кроме Кулика и Штерна перед Жуковым встали другие трудные проблемы. Так, из донесения начальнику Политуправления РККА Мехлису от 16 июля 1939 года видно, какой

низкий моральный уровень был в некоторых частях: «В прибывшей 82 сд (стрелковой дивизии) отмечены случаи крайней недисциплинированности и преступности. Нет касок, шанцевого инструмента, без гранат, винтовочные патроны выданы без обойм, револьверы выданы без кобуры... Личный состав исключительно засорен и никем не изучен, особенно засоренным оказался авангардный полк, где был майор Степанов, военком полка Мусин. Оба сейчас убиты. Этот полк в первый день поддался провокационным действиям и позорно бросил огневые позиции, перед этим предательством пытались перестрелять комполитсостав полка бывшие бойцы этого полка Ошурков и Воронков. 12. 07 демонстративно арестовали командира пулеметной роты Потапова и на глазах бойцов расстреляли, командир батальонного этого полка Герман лично спровоцировал свой батальон на отступление, все они преданы расстрелу. Для прекращения паники были брошены все работники политуправления РККА, находящиеся в это время на КП... В этом полку зафиксированы сотни случаев самострелов руки...»[361]

Из текста видно, что армия была плохо подготовлена, и если учесть действия Кулика и Штерна, то положение вообще было крайне тяжелым. Поэтому роль Жукова с его чудовищной волей и физической мощью оказалась решающей. Он оказался находкой для Сталина и стал лидером всей генерации советских военачальников, вскоре сменивших выходцев из 1-й Конной армии (Ворошилова, Буденного, Кулика и др.).

Дальше Жуков действовал на свой страх и риск, вводя в бой прямо с хода танковые части, которые, потеряв до трети личного состава и техники, не дали японцам закрепиться.

Пограничный конфликт на Халхин-Голе быстро разгорелся в локальную войну. С японской стороны в нем участвовали 75 тысяч человек, с монголо-советской — 57 тысяч. Японские потери — 25 тысяч, с советской — 9 тысяч человек.

Двадцать третьего августа 1939 года Жукову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Девятого сентября японский посол в Москве Того Сигэнори посетил НКВД и передал предложение своего правительства подписать мирный договор.

Кстати, лето 1939 года показало, что руководство США оценивает положение в мире совсем не так, как правительство Англии. Американцы не собирались терпеливо ждать, когда Япония полностью вытеснит их из Юго-Восточной Азии.

Надо отметить это принципиальное расхождение: Англия не видела военного решения проблемы, а Соединенные Штаты стремились к переделу в Азии.

Глава сорок шестая

Чемберлен, Гитлер и Сталин хотят переиграть друг друга. Время хитроумных комбинаций закончилось. «Сидячая война»

Параллельно японско-советскому военному конфликту, который, по мнению советского полпреда в США Уманского, был развязан для оказания давления на ведущиеся англо-франко-советские переговоры, МИД и лично Сталин провели несколько демаршей. Они были направлены на то, чтобы ускорить заключение равноправного договора.

С весны 1939 года в Европе велась тайная дипломатия, в которой англичане, гроссмейстеры коалиций, пытались перехитрить Германию, а для дополнительного давления на нее использовали угрозу заручиться поддержкой СССР. Поэтому совершенно естественным ходом была информация, переданная в конце июля в Берлин из Лондона, что переговоры с другими странами «являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией».

В свою очередь советское руководство догадывалось, что останется ни с чем, улыбки британских дипломатов повиснут в воздухе, как у Чеширского кота из сказки Л. Кэрролла, и СССР окажется без малейшей надежды на помощь объединенной в антисоветском противостоянии Европы.

Тем временем Париж тоже забил тревогу из-за затяжки переговоров.

Двадцать четвертого июля в Токио было сделано совместное заявление правительств Англии и Японии («соглашение Арита — Крейги»). Лондон признал, «что вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности» и могут «подавлять или устранять причины, мешающие им или выгодные их противникам». Большего пораженчества, чем было высказано здесь, Англия, пожалуй, не демонстрировала. Не считая, конечно, Мюнхена.

Двадцать шестого июля на встрече в Берлине временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой отдела экономической политики МИДа Германии К. Ю. Шнурре было напрямую высказано предложение немцев начать сближение в духе «рапалльской политики». Астахову ответил Молотов (он стал 4 мая наркомом иностранных дел вместо Литвинова): «Дело здесь целиком зависит от немцев». То есть ожидались конкретные предложения.

Тем временем под давлением Франции и общественного

мнения Англия согласилась послать в Москву военную делегацию на трехсторонние переговоры.

Советский посол И. Майский довел до британского правительства, что Москва надеется увидеть во главе английской делегации генерала Горта, тогдашнего начальника Британского генерального штаба. Однако вместо него был назначен Реджинальд Дракс, близкий к окружению Чемберлена. На завтраке в советском посольстве на вопрос Майского, полетит ли делегация самолетом, адмирал ответил, что она отправится пароходом. Майский отмечает, что «феноменальная медлительность была проявлением "духа саботажа переговоров"».

У Англии, проводившей в течение нескольких лет политику умиротворения агрессора, не было средств гарантировать защиту Польши, кроме как объявлением войны Германии. Но такой шаг явился бы личным крахом Чемберлена. Поэтому у Москвы не было шансов на заключение военного союза с Лондоном.

К тому же Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия не желали иметь никаких гарантий от СССР. Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении.

Чтобы в таких условиях заключить англо-франко-советский военный союз, надо было преодолеть сопротивление и этих стран, без которых военное (коммуникационное) содержание договора равнялось бы нулю.

Советская разведка информировала Москву, что французское правительство по-прежнему не теряет надежды заключить с Гитлером договор о ненападении.

Павел Судоплатов напоминал, что англо-франко-советские переговоры начались по инициативе Рузвельта, который направил в Лондон своего представителя с предостережением о крайней опасности для интересов США и Британии германского доминирования в Западной Европе. Тем не менее советские источники указывали на явное нежелание англичан следовать настоянию Рузвельта.

Однако в Германии тоже колебались в выборе: немецкие генералы выступали против войны на два фронта. На протяжении всего августа 1939 года немцы зондировали Москву и Лондон. 21 августа они предложили англичанам принять 23 августа для переговоров Геринга, а Москве — Риббентропа. И Советский Союз, и Англия согласились. И вот здесь Гитлер сделал выбор: 23 августа отменил визит Геринга, ему было важнее воспрепятствовать созданию англо-франко-советской коалиции и защититься с востока от возможной экономической блокады союзников.

Германия настороженно следила за всем переговорным процессом, но узнав о персональном составе английской деле-

гации, успокоилась. Добавим, что, прибыв в Москву, адмирал Дракс не имел при себе никаких письменных полномочий правительства. Узнав об этом, и в Москве всё поняли.

Седьмого августа 1939 года Разведупр получил от своего агента запись беседы с военно-воздушным атташе Германии в Польше А. Герстенбергом, в которой сообщались две важные новости. Первая — Гитлер убежден, что в случае конфликта (нападения немцев на Польшу) Англия останется нейтральной. Вторая — после 25 августа начнется война с Польшей[362].

Тем не менее Германию продолжали сильно беспокоить советско-англо-французские переговоры. 12 августа временный поверенный Астахов сообщил Молотову, что немцы «не щадят аргументов и посулов самого широкого порядка», чтобы соглашение не состоялось. «Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши (не говоря уже об Украине) — это в данный момент минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей»[363].

Двенадцатого августа в Москве начались переговоры военных делегаций. Советскую возглавлял маршал Ворошилов, английскую — адмирал Дракс, французскую — генерал Думенк. Переговоры шли до 22 августа и носили трагический оттенок. Француз Думенк знал, что англичане не хотят, чтобы советские войска получали свободу действий на Западе, и просил свое правительство срочно оказать давление на Варшаву, чтобы получить ее согласие на пропуск частей РККА. Поляки ответили на сильное давление Парижа отказом. На Висле считали, что данной Лондоном гарантии достаточно.

Не забудем, что еще 5 января 1939 года глава польского МИДа Ю. Бек заявил после переговоров в Берлине о «полном единстве интересов в отношении Советского Союза». 26 января, встретившись с Риббентропом, Бек обещал обдумать возможность присоединения Польши к Антикоминтерновскому пакту, если Германия поддержит польские планы овладеть Украиной и выйти к Черному морю[364].

Тем временем Германия активизировала подготовку торгово-экономического договора с Советским Союзом и начала зондаж по поводу заключения пакта о ненападении.

С этого момента Сталин рассматривает возможность заключения договора с Германией.

Семнадцатого августа Молотов и Шуленбург обмениваются памятными записками. Молотов сообщает, что вопрос о пакте согласован со Сталиным.

Французское правительство не знает, как повлиять на Лондон и Варшаву.

Девятнадцатого августа был подписан советско-германский торговый договор.

Двадцать первого августа Ворошилов в очередной раз спрашивает о возможности переброски войск в Польшу и, не получив от поляков внятного ответа, заявляет, что «есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР».

Если учесть, что у западных стран не было общих границ с Польшей и снабжение ее армии они могли осуществлять только через Румынию, то роль СССР в обороне Польши и вообще сохранении мира в Европе была решающей.

Тогда же Шуленбург передал Молотову письмо Гитлера Сталину. В письме, в частности, говорилось: «Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому германское правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены»[365].

В этих словах содержалось прямое указание на связи России и Германии в XIX веке.

В этот же день французское руководство делает отчаянные попытки удержать советскую делегацию от прекращения переговоров, но ничего реального генерал Думенк предложить не может.

Двадцать второго августа на последнем, как оказалось, совещании военных миссий Ворошилов попросил генерала Думенка ознакомить его с официальными документами о разрешении польского правительства на проход советских войск. (Париж утверждал, что такой документ есть.)

Думенк ответил: «Я не имею этого документа, но я получил сообщение правительства, что ответ на основной, кардинальный вопрос положительный».

Ворошилов продолжил наседать: «Я не сомневаюсь, что генерал получил положительный ответ от своего правительства. Но позиция Польши, Румынии, Англии неизвестна».

Думенк признался, что не знает позиций этих стран. Он добавил, что прошло уже много времени, результатов переговоров нет, а тем временем «кто-то должен приехать» (намек на приезд высокопоставленного гостя из Германии).

Ворошилов согласился: «Это верно, но виноваты в этом французская и английская стороны». И напомнил, что вопрос о военном сотрудничестве стоит уже несколько лет, но без вся-

кого движения. Было видно, что обычно спокойный нарком разозлился: «В прошлом году, когда Чехословакия гибла, мы ожидали сигнала от Франции, наши войска были наготове, но так и не дождались».

Поговорив еще немного все о той же Польше, Ворошилов воскликнул: «Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом!»

На этом переговоры и закончились.

В тот же день посол Майский передал из Лондона, что сообщение о предстоящем визите Риббентропа в Москву для переговоров о ненападении «вызвало здесь величайшее волнение», близкое к панике.

Англичане поняли, что Германия вместо ожидаемого развертывания на Восток разворачивается в их сторону. Время хитроумных комбинаций закончилось.

Договор СССР с Германией был подписан. Обе стороны знали, что он заключен буквально «под дулом пистолета», так как, по выражению Черчилля, «антагонизм между двумя империями и системами был смертельным».

Особым секретным протоколом определялись зоны интересов обоих государств. К советской были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, Восточная Польша и Бессарабия.

Когда говорят об аморальности пакта и неприемлемости секретных протоколов — это самооправдание или пропаганда. Раздел Чехословакии не был моральнее. Черчилль, которого вряд ли можно назвать советским агентом, высказался по этому поводу наиболее точно: «Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет»[366].

Имея на востоке угрозу японского нападения, Сталин минимизировал и ее, так как нейтрализовал главного союзника Токио.

Поэтому в западных оценках договора Молотова — Риббентропа всегда будет звучать изумление от дерзости Сталина, перешагнувшего через идеологическое табу ради безопасности государства. Черчилль назвал его тогдашнюю политику «холодно расчетливой и в высокой степени реалистичной».

После подписания пакта Риббентроп спросил Сталина: «Как совместить наш пакт с русско-французским договором 1936 года»? Тот ответил: «Русские интересы важнее всех других»[367].

Теперь посмотрим на Германию. С конца мая Генеральный штаб начал разрабатывать план («Вайс») нападения на Польшу. Планировался молниеносный удар с применением моторизованных и танковых дивизий. Однако генерал Браухич предупредил Гитлера, что считает возможным победу над поляками и

даже над Францией и Англией, но если СССР вступит в войну, все рухнет. К лету 1939 года у Германии на западной границе было всего шесть дивизий, ее армия не была готова к длительным военным действиям.

Соотношение сил было таким: СССР, Англия, Франция — 311 дивизий, 11 700 самолетов, 15 400 танков и 9600 тяжелых орудий. У Германии и Италии — 168 дивизий, 7700 самолетов, 8400 танков и 4350 тяжелых орудий.

И все же нападение было назначено на 26 июля в 4 часа 30 минут. Здравомыслящие немецкие генералы, едва не совершившие в прошлом году переворот, были настроены скептически. Их тревожила перспектива мировой войны.

Двадцать пятого августа неожиданно для Гитлера Англия подтвердила свои гарантии Польше, было подписано соответствующее соглашение. Гитлер приказал прекратить развертывание войск, которое уже завершилось. Он попытался путем ультимативных требований заставить Польшу принять германские условия.

Новое нападение было назначено на 30 августа, но потом отменено. Польша объявила мобилизацию.

Тридцать первого августа Гитлер подписал «Директиву № 1 о ведении войны». Дата наступления — 1 сентября 1939 года, 4 часа 45 минут.

Генералы вермахта, питавшие надежду на мирное разрешение, были поражены. В свою очередь Гитлер, не доверявший многим из них, принял беспрецедентные меры безопасности: он прикомандировал к командующим войсками партийных комиссаров, обеспечив контроль и защитив себя от переворота. Кроме того, войска СС имели свое командование. Таким образом, армейское руководство оказалось под надзором. Гитлер утверждал диспозиции всех подразделений, вплоть до полков.

Характер начавшихся военных действий обнаружил огромное преимущество немцев: они опередили поляков в уровне вооружений и стратегии на целую эпоху.

Германский план состоял из двух этапов: первый — окружить и уничтожить польские войска в излучине Вислы, второй — встречными ударами из Восточной Пруссии на юг и из Словакии на север охватить огромную территорию вплоть до «линии Керзона» на востоке. Положение поляков осложнилось до крайности еще и тем, что вся их территория была открыта для вторжения, а главные промышленные районы располагались относительно близко к границе.

Война началась в 4 часа 40 минут массированным авиационным ударом, поляки были не готовы к такому началу, они ожидали неторопливых операций в духе 1914 года. Бомбардиров-

щики уничтожили их самолеты на аэродромах, истребители на бреющем полете расстреливали автомобили и солдат. В тылу польских войск выбрасывались диверсионные группы для подрывной работы. Вся система управления польской армии оказалась расстроенной, мобилизация сорвалась, главные силы так и не дошли до районов сосредоточения. Полученное в первые сутки господство немцев в воздухе было поддержано прорывами танковых дивизий, которые применяли тактику быстрого проникновения в глубину, не обращая внимания на риск оказаться отрезанными. В отличие от французов с их стратегией расширения прорывов по фронту немцы стремились ошеломить противника скоростью операций. Узлы сопротивления немцы обходили, оставляя их наступающей пехоте. За восемь дней танки Гудериана преодолели 240 километров и вышли к Варшаве.

Поляки оказывали героическое сопротивление, но слаженные, дисциплинированные, проникнутые духом превосходства немецкие войска не встретили настоящего отпора. Как отметил один из участников кампании, вахмистр кавалерийского армейского полка Готлиб Рихтер, спустя 65 лет после начала войны: «Мы были к этому подготовлены — школой, отрядами гитлерюгенда, трудовыми отрядами, армией. Это была желанная для всех и осмысленная война, и Польша стала первым рубежом».

Желанная для всех и осмысленная! Эти слова ветерана, бывшего в 1939 году юношей, свидетельствуют, что к началу Второй мировой Германия располагала поколением, готовым воевать лучше всех в мире. Невозможно представить, что эти парни позволили бы себе поддаться панике и перестрелять офицеров, как это было в советском полку на Халхин-Голе.

Но ради справедливости добавим, что среди солдат, не прошедших такую идеологическую подготовку, было немало тех, кто не хотел рисковать.

В десятых числах сентября, когда судьба Варшавы уже была предопределена, случился инцидент между Гитлером и генералами Браухичем и Гальдером. Гитлер приказал обстреливать и бомбить город, генералы же настаивали на отправке тяжелой артиллерии на Западный фронт, так как падение польской столицы было делом времени. Но они не знали о секретных протоколах, согласно которым раздел интересов Германии и СССР прошел по линии рек Нарева, Висла и Сан. Гитлер опасался, что Варшаву займут советские войска, поэтому вермахт должен был действовать быстрее.

Добавим, что Англия и Франция, объявившие войну Германии, военных действий практически не вели, бросив Польшу на съедение. Немцы назвали это *Sitzkrieg* («сидячая война»).

Четвертого сентября в СССР было принято решение о мобилизации четырех возрастов призывников. 6 сентября директивой наркома обороны военным советам Ленинградского, Белорусского, Киевского, Московского, Калининского, Орловского и Харьковского округов приказывалось поднять на большие учебные сборы все войсковые части. Одновременно поднимались и запасные части. Были образованы два фронта, Белорусский и Украинский. 17 сентября оба фронта начали так называемый «освободительный поход», перейдя через польскую границу. В отдельных случаях произошли столкновения с польскими частями во Львове, Стрые, Бресте, Белостоке. За 12 дней войска продвинулись на 250—350 километров. 28 сентября в Москве Молотов и Риббентроп подписали дополнение к секретному протоколу от 23 августа 1939 года, что в случае территориально-политического переустройства Польши границы сфер интересов Германии и СССР «будут приблизительно проходить по линии рек Тисса, Нарева, Висла и Сан». Литва теперь тоже входила в советскую зону.

«Освободительный поход» Сталин не согласовал ни с кем, и поэтому выдвижение советских войск было для немцев неприятной неожиданностью, теперь войска обеих сторон пришли в соприкосновение.

Тогда же Гитлер отдал приказ, кардинально изменивший характер всей войны: три дивизии СС должны были уничтожить политическую элиту и интеллигенцию Польши, что еще более углубило раскол между руководством вермахта и нацистами. Были случаи, когда армейские трибуналы приговаривали к расстрелу членов СС за убийства, поджоги и грабежи.

Война с гражданским населением свидетельствовала о внесении в борьбу совершенно новых, зверских принципов.

Глава сорок седьмая

Сталин считает, что может все. Отмена антицерковного указания Ленина. Перевод промышленности на военные рельсы. Советская Фиваида. Война с Финляндией. Англия и Франция готовы разбомбить Баку. Разбор военных действий: Сталин против «толстяков»

После того как Советский Союз занял территории, которые утратил в результате советско-польской войны 1920 года, Сталин испытывал огромное удовлетворение. Потеряв менее одной тысячи человек, он укрепил положение страны.

Более того, вождь принял беспрецедентное решение: отменил указание Ленина от 1 мая 1919 года, гласившее: «В соответ-

ствии с решением ВЦИК и Совета Народных Комиссаров необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать и расстреливать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви надлежит закрыть. Помещение храмов опечатать и превращать в склады»[368].

Одиннадцатого ноября 1939 года секретным решением Политбюро «Вопросы религии» было определено: «По отношению к религии, служителям русской православной церкви и верующим ЦК постановляет: признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей церкви, преследования верующих». Следующими пунктами отменялось вышеприведенное указание Ленина, данное в годы Гражданской войны, и освобождались из заключения священнослужители.

Почему это решение было принято сразу же после Польской кампании? Для того чтобы поддержать в западных районах православных белорусов и украинцев в противовес полякам-католикам, которые в Польше считались людьми первого сорта.

Гражданская война и воинствующий атеизм сторонников мировой революции уже стали историей. Революции в Европе не случилось. Наоборот, там стали править национальные интересы, поэтому Сталин, понимающий силу польского католицизма, перечеркнул ленинский завет.

Только не следует думать, что он, вспомнив мечту матери видеть его священником, приоткрыл сердце Богу. Его взаимоотношения с Богом нам неизвестны.

Единственное, что можно сказать по этому поводу: иногда после заседаний Политбюро Сталин заходил в пустующий Успенский собор и стоял там в полном одиночестве минут сорок.

Но на фоне этого идеологического послабления ужесточилась экономическая политика. (И даже в западноукраинских и западнобелорусских областях началась спешная коллективизация, что натолкнулось на сопротивление крестьян.)

В целом же значительно выросли военные расходы. В 1938 году они составляли 23,2 миллиарда рублей при общем бюджете в 124 миллиарда, а в 1940 году — 56,8 миллиарда при общем бюджете 174,4 миллиарда. В 1941 году госбюджет составил 216,1 миллиарда рублей, расходы на оборону — 70,9 миллиарда, то есть почти треть бюджетных расходов.

В Германии в 1937—1938 годах военные расходы равнялись 67 процентам, в Англии — 32,2, США — 17,7, во Франции — 37,7 процента[369].

В СССР с ростом экономики увеличивались и налоги с населения; в 1936 году был введен налог на лошадей в единоличных хозяйствах: в 1939 году — сельскохозяйственный налог, лишивший крестьян многих послаблений и льгот; в 1940 году были повышены налоги на кустарей, подоходный налог и налог на нужды жилищного и культурно-бытового строительства. К этому надо добавить и государственные займы, подписка на которые, например, в 1940 году дала бюджету девять миллиардов рублей.

Кроме того, изменился и порядок обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции. Если до марта 1940 года поставки зерна, риса, подсолнечника исчислялись колхозам по посевным площадям, а поставки мяса, молока, шерсти — по наличному поголовью скота, то отныне поставки рассчитывались пропорционально закрепленной земле, подлежащей освоению. Погектарный принцип поставок распределялся на все виды продукции.

В 1940 году сельское хозяйство получило в три раза меньше техники. В магазинах стало гораздо меньше фотоаппаратов, часов, швейных машинок, велосипедов. Автомобильные заводы стали выпускать авиационные двигатели, танки, истребители, бомбардировщики, эсминцы — вот что теперь становилось главным в производственных планах.

Но кроме переустройства экономики у Сталина был еще один ресурс, который после изучения опыта германско-польской войны, где авиация и танки сразу парализовали промышленные районы, имел стратегическое значение.

Если бы СССР вступил в войну с тем же базированием промышленных производств, которое было в Российской империи, он бы вряд ли устоял. Петроградский, Московский, Донецко-Запорожский, Уральский — эти четыре старых района были укреплены и дополнены новыми производствами в районе «Второго Баку» между Волгой и Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке. Там была создана вторая промышленная база. Современные экономисты подчеркивают, что «частным фирмам было бы не под силу построить такие дорогостоящие объекты за счет собственных средств»[370].

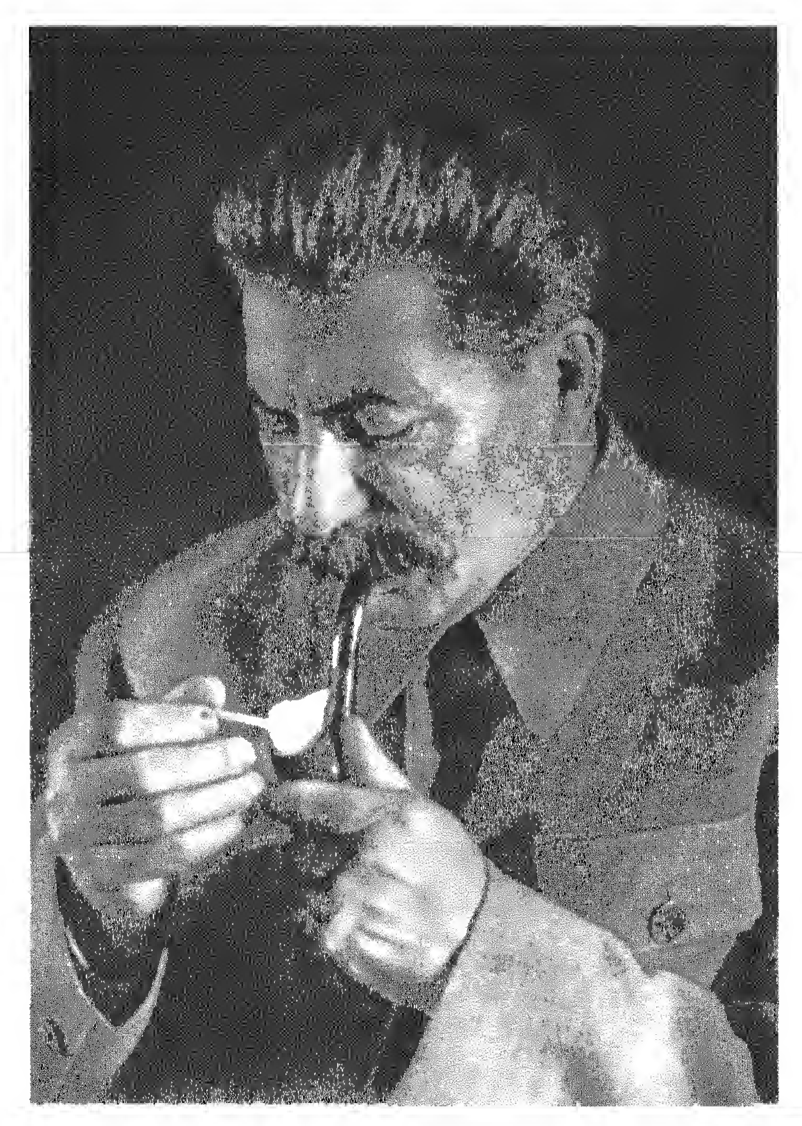
В 1937—1940 годах строительство новых и перепрофилирование старых заводов велось с учетом задачи создания предприятий-дублеров в машиностроении, нефтепереработке, химии. С 1939 года прекратилось новое строительство в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Горьком, Свердловске.

Предвидение проблем военного времени заставило форсированно развивать в каждом регионе производство продуктов

питания и промышленных товаров народного потребления (мяса, молока, муки, картофеля, овощей, кондитерских изделий, бакалеи, одежды, обуви, мебели, кирпича, извести и т. д.). Естественно, что при этом понижалась рентабельность производства и страдало качество продукции, но Сталин, как он это сформулирует позже, видел задачу экономики не в повышении прибыльности, а в удовлетворении насущных потребностей. Экономика полностью подчинилась задачам укрепления обороны. Основные экономические районы и отдельные регионы должны были максимально удовлетворять свои потребности. Происходило то, что на языке военных называется «распределение сил и техники в условиях ожидаемого нанесения удара авиацией противника». В октябре 1940 года городские жители были наделены землей для огородов. Во время войны жизнь миллионов горожан была спасена благодаря наличию вокруг крупных городов картофельно-овощных и животноводческих баз, а решение об их создании также относится к довоенному периоду.

Но была еще одна экономика, которую принято называть «экономикой ГУЛАГа». ГУЛАГ — это Главное управление лагерей НКВД. На 1 января 1939 года в тюрьмах содержались 350 тысяч заключенных, в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) — 1,3 миллиона человек и исправительно-трудовых колониях (ИТК) — 365 тысяч человек, в трудовых колониях — 990 тысяч человек[371]. Большинство заключенных работало в промышленности, на стройках, на транспорте, в горнорудной промышленности. Если не брать во внимание моральную сторону вопроса, то построенные заключенными каналы, железные дороги, гидроэлектростанции, порты, заводы, рудники, шахты, нефтепромыслы можно сравнить с очередным этапом культурной колонизации российского Севера, перекликающейся с «Северной Фиваидой» Сергия Радонежского, когда монастырская колонизация создала культурно-политическое и хозяйственное пространство Северной Руси путем крайнего напряжения сил, так как не имела для достижения поставленной задачи необходимых ресурсов. Русская многовековая «борьба с географией» отразилась в системе ГУЛАГа. При этом надо учесть, что опыт освоения Севера путем свободного найма рабочих и инженеров оказался неуспешным: люди не выдерживали суровых условий и уезжали.

В 1940 году доля НКВД в освоении централизованных капиталовложений достигла 14 процентов. В особый «монастырь» сталинской экономики входили многочисленные особые технические бюро (ОТБ), известные как «шарашки», которые стали организовываться после замены Ежова Берией.

Одна из самых известных фотографий И. В. Сталина

50-летний юбилей И. В. Сталина. Слева направо: С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, М. И. Калинин, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, Георгий Димитров. На заднем плане: съемочная группа кинохроники

К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин и Г. Г. Ягода на Беломорско-Балтийском канале

Чан Кайши

Мао Цзэдун.
1930-е гг.

И. В. Сталин
и Л. М. Каганович.
1 мая 1934 г.

Н. С. Хрущев
и Л. П. Берия
в метро

Строительство
метро.
Видны здания
нынешней
Государственной
думы,
Дома союзов.
1933 г.

И. В. Сталин выступает перед строителями московского метро

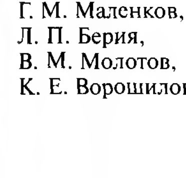
А. Гитлер в тюремной камере (первый слева). Второй справа — его секретарь Рудольф Гесс. *1923 г.*

Подписание договора о дружбе с СССР.
За Сталиным стоит глава польского правительства в изгнании генерал Владислав Сикорский. *1941 г.*

Министр иностранных дел Японии Мацуока (справа) и В. М. Молотов во время подписания пакта о нейтралитете между СССР и Японией. *Апрель 1941 г.*

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, генерал Д. Эйзенхауэр, И. В. Сталин, генерал армии А. И. Антонов, посол США в СССР А. Гарриман на трибуне мавзолея. *12 августа 1946 г.*

Государственный Комитет
Обороны:
И. В. Сталин,
Г. М. Маленков,
Л. П. Берия,
В. М. Молотов,
К. Е. Ворошилов

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года

Торжественное собрание, посвященное Октябрьской революции.
Станция метро «Маяковская», 6 ноября 1941 г.

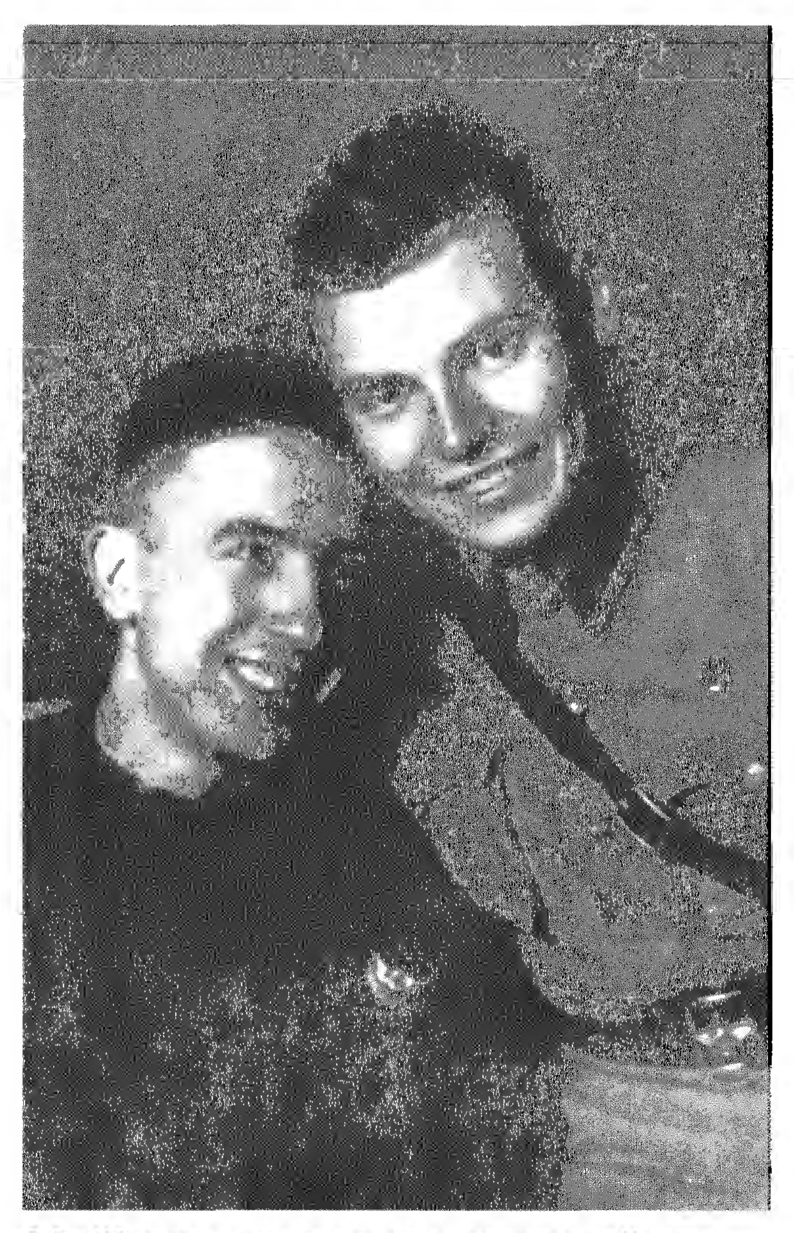
Г. К. Жуков и нарком обороны С. К. Тимошенко. *1941 г.*

Обращение митрополита Сергия 22 июня 1941 года

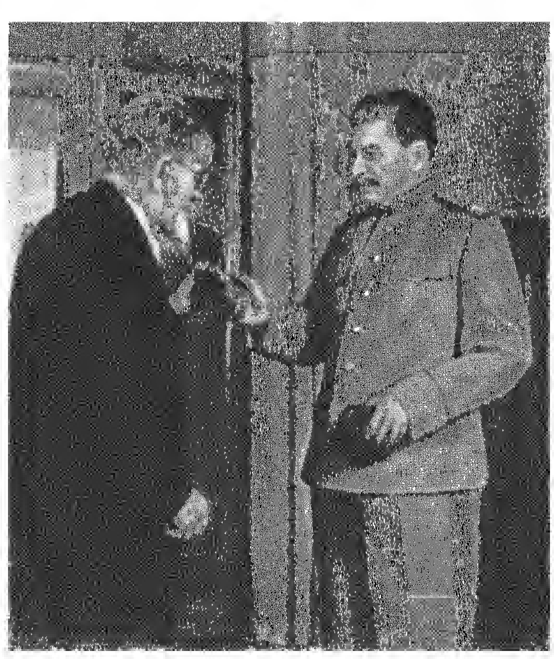
ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

ПАСТЫРЯМ И ПАСОМЫМ ХРИСТОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Рубен Ибаррури, сын генерального секретаря компартии Испании Долорес Ибаррури, и Артем Сергеев, воспитанник Сталина. *1941 г.*

Председатель Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручает И. В. Сталину орден Победы. *5 ноября 1944 г.*

Ялтинская конференция. Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт, Иосиф Сталин. *Февраль 1945 г.*

Маршалы Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский на Параде Победы. *24 июня 1945 г.*

И. В. Сталин, Г. Трумэн и У. Черчилль в дни работы Потсдамской конференции. *1945 г.*

И. В. Сталин на трибуне XIX съезда партии

И. В. Сталин и Мао Цзэдун. *Москва, Кремль, 14 февраля 1950 г.*

Кунцевская дача

И. В. Сталин в гробу

Руководители СССР выносят гроб с телом И. В. Сталина.
9 марта 1953 г.

В ОТБ были собраны ученые и инженеры для разработки военной техники, и, благодаря их интенсивной работе, было ускорено перевооружение армии. Например, подавляющее число авиационных двигателей всех советских бомбардировщиков Великой Отечественной войны было разработано в ОТБ.

К 1937 году в 237 тысячах колхозов насчитывалось 100 миллионов человек, 97 процентов всех крестьянских хозяйств. Они поставляли государству свою продукцию по «твердым ценам», которые были в 10—12 раз ниже рыночных.

В целом экономику и управление того времени можно представить в виде пирамиды: внизу — заключенные ГУЛАГа, колхозники, выше — работники промышленных предприятий, еще выше — армейские офицеры, инженеры, врачи и т. д., над ними — управленческий персонал наркоматов и ведомств, еще выше — наркомы, члены правительства, затем — члены Политбюро, а над ними — Сталин.

О том, что он осознавал огромные возможности СССР, говорит такой пример. Один из руководителей ГУЛАГа С. Г. Фирин-Пупко рассказывал, что Сталин лично в 1937 году «поставил задачу создания канала Москва — Владивосток»[372].

Как известно, все реки текут в меридиональном направлении. Для того чтобы прорыть судоходный канал поперек их течения, потребовались бы гигантские ресурсы, которыми обладает только Тот, кто создал Землю. (Перед Первой мировой войной в России, впрочем, обсуждалась идея такого канала, но только теоретически.) Конечно, этот канал никогда так и не был даже запланирован. Однако то, что он возник в воображении вождя, говорит об уровне его притязаний. И эти притязания воспринимались значительной частью населения как адекватные. Среди писем, адресованных Сталину, было и предложение одного майора прорыть канал из Ледовитого океана в Индийский, чтобы повернуть теплое течение и таким образом заморозить Европу и Америку.

Перед войной также произошли заметные изменения в стимулировании труда и управлении общественным настроением. В 1937 году был установлен максимальный размер оплаты труда, и за три предвоенных года зарплата в различных секторах промышленности значительно выросла (так, в черной металлургии у рабочих на 11,4 процента, у ИТР — на 27,6 процента). Рабочим и служащим предоставлялись регулярные отпуска, расширялась сеть медицинских и оздоровительных учреждений. В 1938 году действовало 1838 санаториев и 1270 домов отдыха, 12 тысяч пионерских лагерей, кроме того, быстро увеличилось число стадионов, спортплощадок, клубов, библиотек. С 1936 года проводился регулярный чемпионат страны по футболу.

Правительство объявило, что поставило своей задачей обеспечить каждую семью отдельной квартирой.

Для награждения особо отличившихся в 1938 году было учреждено звание «Герой Социалистического Труда». (В 1939 году, к шестидесятилетнему юбилею, Сталин будет удостоен этого звания и примет его как заслуженную награду.)

Летом 1940 года были приняты несколько указов Верховного Совета, укрепляющих дисциплину на производстве и наказывающих вплоть до заключения в ИТЛ прогульщиков, «летунов», хулиганов. В ряде публикаций этот указ трактовался как «драконовский», хотя большинство пострадавших от него (это были опоздавшие) наказывались исправительными работами по месту основной работы с удержанием 20 процентов заработка в пользу государства. В ГУЛАГ они не ссылались, но в статистику осужденных попадали.

Девятого октября 1939 года Гитлер в меморандуме высказался относительно советско-германского пакта: «Никаким договором или пактом не может быть обеспечен с полной определенностью нейтралитет Советской России». Главной гарантией от «русского нападения» он назвал быструю демонстрацию германской мощи.

Десятого октября 1939 года Гитлер огласил перед генералами директиву № 6 о ведении войны. Предусматривалось быстрое наступление через Люксембург, Бельгию и Голландию, а также захват «максимально большей территории в Голландии, Бельгии и Северной Франции как базы для ведения воздушной и морской войны против Англии».

Его взгляд на современную войну был адекватным военному и геополитическому положению Германии. Он понимал, что в длительной позиционной войне она обречена, ее шанс — в «импровизации до предела», то есть танковые прорывы и доминирование в воздухе.

В планах Гитлера значились разгром Англии, главного соперника рейха в Европе, и закрепление территории от Скандинавии до Северной Африки, от атлантического побережья Франции до Урала. Англия была целью номер 1, Франция, «английская шпага на континенте», входила сюда. Разгром СССР был обязательным условием окончательной победы над Англией, но в сложившихся благодаря пакту обстоятельствах Москва получила возможность решить свои практические задачи на западной границе и в Прибалтике.

К тому же английская морская блокада Германии была практически нейтрализована поставками сырья из СССР и

через СССР. В рейх в обмен на высокотехнологическое оборудование и вооружение поступали лес, зерно, нефть, фосфаты и т. д. Если учесть объемы поставок нефти только из Румынии (74,5 процента), то зависимость Германии от импорта была очень высокой. Когда война с Германией стала вестись по-настоящему, Англия и Франция подготовили бомбардировку бакинских нефтепромыслов в СССР, и только вторжение немцев в Данию и Норвегию вынудило их отказаться от этого шага.

Но если Советский Союз был вынужден торговать на геополитическом рынке «острыми блюдами», то и Германия платила ему соответствующими услугами. Так, Москва вынудила Эстонию, Латвию и Литву подписать с ней пакты о ненападении и получила на территориях этих стран военные базы. Германия поддержала СССР, что и вытекало из секретного протокола, хотя теперь попадали под возможные удары советской авиации поставки руды из Швеции, крайне важные для германской промышленности.

Однако еще до «Мюнхена» и «секретных протоколов» Сталин санкционировал переговоры с финским руководством, которые были поручены второму секретарю советского посольства в Хельсинки Б. А. Рыбкину. Рыбкин был резидентом внешней разведки НКВД. 7 апреля 1938 года Сталин, Молотов и Ворошилов встретились с разведчиком. Через неделю тот предложил министру иностранных дел Финляндии Рудольфу Холсти военный альянс для защиты от возможной оккупации Финляндии Германией. Финны отказались. В октябре 1939 года Москва стала действовать более решительно.

СССР предложил Финляндии территориальный обмен. Финляндско-советская граница проходила всего в 32 километрах от Ленинграда, было предложено перенести ее севернее, чтобы исключить возможность обстрела города тяжелыми орудиями. Взамен предлагалась в два раза большая территория в Карелии. Одновременно советская сторона требовала уступить СССР в аренду остров Ханко.

Десятого октября 1939 года германский посол в Финляндии Блюхер сообщил в МИД Германии: «Всё свидетельствует о том, что, если Россия не ограничит свои притязания островами в Финском заливе, Финляндия окажет вооруженное сопротивление. Для нашей военной экономики последствия этого будут крайне серьезными. Из Финляндии в Германию прекратился не только экспорт леса и продовольствия, но и незаменимый экспорт меди и молибдена. По этим причинам я предлагаю попросить русское правительство о том, чтобы его приглашения не пошли “дальше островов”»[373].

Посол был прав. Вот уже три месяца, как у Сталина проводились частые встречи с военными.

Однако Финляндия тоже значилась в «секретном протоколе» как зона интересов СССР, и Германии пришлось перетерпеть.

Двадцать первого октября 1939 года финская армия закончила мобилизацию, было призвано 18 возрастов от 22 до 40 лет, а шюцкоры — до 50 лет. Общее число призванных — 260 тысяч человек. Промышленность была переведена на военное положение, в городах строились убежища, приграничное население эвакуировалось вглубь страны.

Напряженность на советско-финляндской границе стала быстро расти. Начались стычки пограничников. По советской версии, 26 ноября в районе деревни Майнила с финляндской стороны были выпущены семь снарядов на советскую территорию. Это стало поводом для объявления войны. 29 ноября был отдан приказ с утра 30 ноября «пресечь провокационные действия финских войск и обеспечить безопасность нашей границы».

Военные действия проводились частями Ленинградского военного округа как локальная операция: должно быть, в Кремле и Наркомате обороны держали в уме ударный опыт Халхин-Гола и поэтому оказались не готовы к совсем другой войне: взламыванию инженерной линии обороны в тяжелых зимних условиях. Здесь, пожалуй, можно сравнить тактику советского командования с немецким блицкригом, но не слишком подготовленным.

Советское наступление вначале не имело успеха. Часто в описаниях этой «незнаменитой» войны, как сказал поэт Александр Твардовский, встречается обвинение Генштаба РККА в том, что не делалось попыток обойти «линию Маннергейма». На самом же деле для обходного маневра в видлицком направлении было выделено семъ стрелковых дивизий, три корпусных и один артиллерийский (РГК) полки, танковый и химический батальоны, истребительный и бомбардировочный полки. Задача группировки — овладеть укрепленной полосой между озерами Янис-Ярви и Ладожским, а затем повернуть в юго-западном направлении и ударить в тыл финской группировки на Карельском перешейке[374].

Однако, как подчеркивает современный исследователь А. Исаев, именно обходной маневр стоил больших потерь. Слабо развитая дорожная сеть между Ладожским и Онежским озерами способствовала растягиванию войск, они попадали в окружение и подвергались уничтожению подвижными группами противника. В дальнейшем пришлось вводить 10-й танковый корпус в направлении на озеро Вуокси и городок Киви-

ниеми, но ему не удалось переправиться, и он был переброшен на левый фланг.

После вмешательства Сталина был создан Северо-Западный фронт, которым стал руководить командующий Киевским округом С. К. Тимошенко. Членом Военного совета был назначен А. А. Жданов. Изменился вектор нанесения главного удара: теперь это было выборгское направление.

О низком уровне подготовки к финской войне говорит следующий факт. Аппарата тыла для организации материально-технического снабжения наступающих армий, эвакуации и лечения больных и раненых не существовало. Он был создан только сейчас. Наставлений по прорыву укрепленных районов тоже не оказалось, так как они ранее были отнесены к «вредительским документам» и сожжены. Уцелевший экземпляр наставления пришлось изыскивать в спецхране Государственной библиотеки им. Ленина.

Военная операция против Финляндии вызвала на Западе негативную реакцию. 4 декабря Британия решилась направить в Хельсинки 20 истребителей «Глостер гладиатор», а Франция — 30 новейших «Моран Сольнье». Союзники считали, что максимальное затягивание конфликта соответствует их интересам, так как препятствует дальнейшему продвижению СССР и Германии в Скандинавские страны. Французы выступили за военное участие на стороне финнов, англичане медлили. Дополнительным обстоятельством, вызывающим их стратегический интерес, были шведские рудники, поставлявшие в Германию руду. Командующий французским флотом адмирал Дарлан предложил провести совместно десантную операцию: высадить в северную область Петсамо, уже занятую Красной армией, англо-французский отряд (12—17 тысяч человек) и ударить по советской дивизии. Затем должны были последовать усиление десанта несколькими дивизиями, перерезка Мурманской железной дороги и окружение советской группировки на севере Финляндии.

В январе — феврале французы стали планировать посылку военной эскадры в Черное море, бомбардировку Батуми и Баку. Французский генштаб дал заключение, что операция на Черном море «может решающим образом ослабить военную и экономическую мощь Советского Союза и даже привести к крушению всей советской системы»[375].

С учетом вступления Англии и Франции в войну следовало как можно быстрее заканчивать операцию.

Вновь созданный штаб фронта почти месяц готовил наступление на выборгском направлении. Командование сосредоточило огромные силы: 700 тысяч солдат и офицеров, 57 ты-

сяч орудий и минометов, 1800 самолетов, более 2300 танков. В тылу были построены учебные полигоны, на которых днем и ночью шла подготовка войск. 11 февраля в пять часов утра наступление началось.

Подчеркнем, что были применены экстраординарные средства: военный трибунал приговорил к расстрелу командира 44-й стрелковой дивизии А. И. Виноградова, начальника штаба О. И. Волкова, начальника политотдела И. Пахоменко и других офицеров. Они были расстреляны перед строем. Решительно и безжалостно вел себя Мехлис, назначенный членом Военного совета 9-й армии.

Тринадцатого февраля была взята первая линия обороны, 13—15 февраля — вторая. 1—12 марта была преодолена третья линия и взят Выборг.

Впервые в военной истории, как говорилось в докладе Тимошенко Ставке Главного военного совета, за исключительно короткий срок (один месяц) была разгромлена долговременная оборонительная система. 13 марта боевые действия закончились.

По мирному договору была установлена новая советско-финляндская граница, в основном повторявшая ту, которая была до присоединения Финляндии к Российской империи в 1809 году после Русско-шведской войны. СССР получил в аренду на 30 лет остров Ханко, где разместил военно-морскую базу. Эта база закрывала Финский залив и во время Великой Отечественной в течение 155 дней держала оборону.

Потери Красной армии — 131 476 убитых, пропавших без вести и скончавшихся от ран[376].

Результаты этой войны заставили Сталина по-новому взглянуть на состояние армии. Ожесточенная и кровопролитная операция на Карельском перешейке не шла ни в какое сравнение с «прогулочной» Польской кампанией и боями на Хасане и Халхин-Голе. Этот опыт требовалось осмыслить и сделать выводы накануне более трудных испытаний.

Сталин особо не затягивал. В Главном военном совете 14—17 апреля 1940 года прошло совещание начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии. 16 и 17 апреля в нем участвовал Сталин. Как всегда, он систематизировал интересовавшие его вопросы.

Первое. Правильно ли сделали, что объявили войну Финляндии? Правильно. В Ленинграде сосредоточено 30—35 процентов оборонной промышленности, «от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны».

Второе. Нельзя ли было отложить начало войны и лучше подготовиться? Нет, нельзя, так как надо было использовать

международную обстановку, когда «на Западе три самые большие державы вцепились друг другу в горло», «когда у них руки заняты». «Было бы большой глупостью, близорукостью» не воспользоваться этим. Тем более война на Западе «какая-то слабая», может быстро закончиться миром.

Для обеспечения целей войны Сталин вспомнил все войны России за Финляндию, которые вели Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина II, Александр I. Он выглядел наследником славной традиции.

Однако самое существенное заключалось в непосредственных оценках политического и военного управления конфликта. В первоначальном плане, разработанном под руководством начальника Генштаба Шапошникова, предусматривался мощный удар по финским укреплениям, чтобы англичане и французы не успели оказать помощь финнам. Однако Ворошилов убедил Сталина не принимать этого плана, и они поручили провести операцию только силами ЛВО (командующий К. А. Мерецков). После неудач декабрьского наступления, когда несколько дивизий и полков попали в окружение и стало ясно, что план надо срочно менять, были произведены те самые перемены и перестановки, которые и привели к успеху. Сталин взял руководство войной на себя, была сформирована Ставка Главного командования.

Кроме того, Сталин в процессе подготовки войны принял предложение Коминтерна и санкционировал создание правительства Финляндской демократической республики во главе с секретарем исполкома Коминтерна О. В. Куусиненом. На занятой финской территории учреждались комитеты Народного фронта. Однако особого результата это не дало. На сплочение финнов подействовали и бомбардировки Хельсинки, за которые СССР был исключен из Лиги Наций.

Поэтому, подводя итоги войны, Сталин должен был ответить на вопросы, которые витали в воздухе. Также ему надо было реагировать на прямое осуждение всей его прежней политики, которое прозвучало в выступлении Д. Г. Павлова, Героя Советского Союза, «испанца», командовавшего в Финской кампании отдельной танковой группой: «У нас врагов народа оказалось столько, что я сомневаюсь в том, вряд ли они были все врагами. И тут надо сказать, что операция 1937—1938 годов, до прихода Берия, так нас подсидела, и, по-моему, мы очень легко отделались с таким противником, как финны»[377].

В кулуарах совещания резко критиковали Мехлиса, который был «человеком Сталина», за жестокость и постоянное дергание командиров. Один из выступающих заявил, что вой-

скам мешают военные советы, введенные приказом Ворошилова в 1937 году (как реакция на «заговор Тухачевского»).

Так или иначе, но Сталин должен был что-то предпринять, признать очевидное и не дать пошатнуться своему авторитету.

И он нашел выход из этого сложного положения. Он сказал, что до сих пор «настоящей, серьезной войны наша армия еще не вела». «Мелкие эпизоды» в Маньчжурии, на Хасане и Халхин-Голе — «это чепуха, а не война», так как ни Япония, ни СССР не хотели развязывать настоящую войну. Красная армия до сих пор руководствуется традициями Гражданской войны, которые мешают «нашему командному составу сразу перестроиться на новый лад, на рельсы современной войны».

Он признал, что «культурного, квалифицированного и образованного командного состава» практически нет «или есть единицы». Он высказал неудовлетворение малоинициативностью бойцов, недостатками в культурном, военном и политическом образовании политработников. Сталин также критически отозвался о состоянии снабжения, о низком качестве материалов разведки. Словом, хотел он того или нет, но в его выступлении главной проблемой называлась малокультурность офицеров и вообще руководства.

Но и успех был налицо. После драматических провалов (которые вызвали на Западе неверные оценки советской мощи) в течение всего лишь одного месяца была решена неразрешимая задача. Финны планировали продержаться полгода и получить почетный мир. Они ошиблись еще больше, чем вначале ошибался их победитель.

Поэтому победитель Сталин закончил свою речь перед командирами РККА на высокой ноте. Он назвал закончившуюся войну «первым крещением» и отметил, что армия «с Божьей помощью» получила необходимый опыт «не у германской авиации, а в Финляндии». Понятно, что имелась в виду новая тактика немцев, примененная в Польше.

Вот итоговая мысль: «Мы разбили не только финнов — это задача не такая большая. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых стран Европы, представители которой являлись учителями финнов. В этом основная наша победа»[378].

Тут раздались бурные аплодисменты, все встали с мест, закричали «ура!».

Сталин преувеличил участие Запада в войне. Оно было незначительное. Из Швеции, Англии, Франции и белогвардейского РОВСа были направлены до двенадцати тысяч добровольцев; поставлялось оружие. Из числа пленных красноармейцев, перешедших впоследствии на сторону финнов, был сформи-

рован отряд из двухсот человек. Пожалуй, и все. Фактически Финляндия должна была в одиночестве противостоять советской мощи и затянуть сопротивление на полгода, но, поняв, что затягивание приведет к перегруппировке на Западе, Сталин разрубил «линию Маннергейма».

Финны, а вместе с ними военное руководство Англии и Франции поставленной задачи не решили. Более того, финны руководствовались ошибочными выводами, что три четверти населения СССР настроено враждебно в отношении советской власти. Эти выводы были перенесены на боеспособность РККА.

Неудача РККА в маневренных действиях и возвращение к тактике позиционной войны в духе кампаний 1914—1917 годов привело Гитлера к выводу, что Советская армия безнадежно отстала от современных требований. В его голове наверняка отпечаталось: «Русские против нас не устоят!»

Выводы Сталина были оптимистичны. Вскоре на заседании Политбюро он предложил сместить Ворошилова с поста наркома обороны и назначить наркомом Тимошенко, которому присвоили звание Героя Советского Союза. «Время нас поджимает», — предупредил Сталин.

Уход Ворошилова (он был назначен заместителем председателя СНК и председателем Комитета обороны при СНК, курирующим оборонные нужды) знаменовал завершение продолжавшейся многие годы подспудной борьбы за армию между военными и политическими руководителями. Наступило время военных профессионалов.

Семену Константиновичу Тимошенко было 45 лет. Это был высокий, могучий богатырь. Воевал с 1915 года, окончил пулеметную школу, был пулеметчиком в кавалерии. В Красной армии — с 1917 года. Участвовал во всех основных кампаниях тех лет. С октября 1919-го — командир 6-й кавалерийской дивизии в 1-й Конной армии. Командовал Северо-Кавказским, Харьковским, Киевским военными округами. В 1939 году командовал Украинским фронтом во время Польской кампании. Сталин знал Тимошенко еще по Царицыну.

Впоследствии Жуков оценил выбор нового наркома как удачный и назвал Тимошенко опытным, волевым, «образованным и в тактическом, и в оперативном отношении». По его словам, «наркомом он был куда лучше, чем Ворошилов» и успел до нападения Германии сделать многое (перевооружение, смена кадров, формирование танковых корпусов).

Тимошенко не мог сравниться по политическому весу с

членом Политбюро Ворошиловым, но Сталину и потребовался именно такой боец, который бы ни на один день не отрывался от армейских проблем. За Тимошенко в затылок стояли комбриги, комдивы и комкоры типа Жукова.

Финская кампания не принесла славы Сталину, навредила ему в общественном мнении Запада, но вместе с тем дала ему реальный военный опыт.

Вскоре в состав РККА были возвращены около четырех тысяч репрессированных командиров. Также стал разрабатываться новый дисциплинарный устав, согласно которому у командиров появилось полное право наказывать своих солдат, а у тех — отнято право обжаловать действия командиров, четко разграничивались полномочия и мера ответственности. Возвращались дореволюционные военные звания «генерал», «адмирал». Тимошенко, Шапошников, Кулик стали маршалами, Жуков и Мерецков — генералами армии.

Был введен принцип единоначалия, теперь командиры могли принимать решения без участия комиссаров. В военной доктрине произошли глубокие изменения, явившиеся следствием возвращения к российскому классическому военному наследию: вместо маневренной войны, концепция которой вытекала из опыта гражданской, главной идеей стала война позиционная.

Одна кадровая перестановка того времени внешне казалась несправедливой и неоправданной — замена Шапошникова Мерецковым. Всегда лояльный Сталину Шапошников не был причастен к неудачам первого периода войны, но Сталин посчитал, что тот все же несет моральную ответственность. В личной встрече вождь объяснил командарму свою точку зрения, разрыва или охлаждения отношений не произошло. Шапошников был назначен заместителем наркома обороны по сооружению укрепленных районов на западной границе.

Еще одна перестановка коснулась управления экономикой. 28 марта 1940 года председателем Экономического совета СССР был назначен Молотов, Микоян из председателей становился заместителем; образованы хозяйственные советы: по машиностроению (председатель В. А. Малышев, нарком тяжелой промышленности), по оборонной промышленности (Н. А. Вознесенский, председатель Госплана СССР), по топливу и энергохозяйству (М. Г. Первухин, нарком электростанций и электропромышленности), по товарам широкого потребления (А. Н. Косыгин, нарком текстильной промышленности). Все наркомы были советскими специалистами и отличились во время Великой Отечественной войны и после нее.

Показательно, что Сталин вывел из экономсовета «чистых

политиков» — Жданова, Андреева, Маленкова, Мехлиса, а также военных — Буденного и Щаденко.

В преддверии большой войны Сталин искал оптимальный кадровый состав. Он должен был соответствовать общей кадровой ситуации: в 1937 году 80—93 процента руководящих постов в партии занимали люди, вступившие в РКП(б) после 1924 года, то есть «московский человек» и вообще «российский» давно вытеснил «санкт-петербургского».

С 1939 года по указанию вождя стали создавать стратегические резервы на случай войны. Он постоянно контролировал, как они пополняются.

Восемнадцатого сентября 1940 года Тимошенко представил Сталину доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.». В войне на два фронта против СССР могло быть выставлено 280—290 дивизий, 11 750 танков, 30 тысяч полевых орудий, 18 тысяч самолетов. Главный удар Германии предполагался из Восточной Пруссии через Литву на Ригу, Ковно, Двинск, Полоцк или на Ковно, Вильно и далее на Минск.

Одновременно предполагался германский удар из Польши в тыл советской львовской группировке и овладение Западной Украиной.

Гитлер вначале так и планировал нападение на СССР.

Сталина сильно озаботило обнаружившееся после испанской войны превосходство германской военной авиации (истребителя «Мессершмитт-109Е» над И-16, бомбардировщика «Юнкерс-87» над СБ). Он много раз встречался с конструкторами военной техники, поощрял их, демонстрировал внимание и ласку, добиваясь от них быстрого решения проблемы. В воспоминаниях конструкторов и летчиков Сталин предстает всемогущим и знающим. Он действительно вникал во многие тонкости, поражая осведомленностью в специальных вопросах. Его знания, конечно, уступали знаниям профессионалов, но их вполне хватало, чтобы грамотно ставить задачи и проверять исполнение.

Подобного проникновения в суть вещей он ожидал и требовал от своего окружения, что за редким исключением было невозможно. Конечно, уменьшенные копии Сталина могли существовать в его автократической системе власти, но «маленькие Сталины» редко вникали в суть вещей.

Порой из-за несоответствия ближайших сотрудников уровню стоящих перед страной задач Сталин испытывал сильную горечь. Не раз она вырывалась наружу — так, например, 7 нояб-

ря 1940 года на праздничном приеме он вдруг заговорил о необходимости использовать опыт недавних боевых действий.

Он сказал: «Мы победили японцев на Халхин-Голе. Но наши самолеты оказались ниже японских по скоростности и высотности. Мы не готовы для такой войны, которая идет между Германией и Англией. Оказалось, что наши самолеты могут задерживаться только до 35 минут в воздухе, а немецкие и английские по нескольку часов!

Если наши воздушные силы, транспорт и т. д. не будут на равной высоте наших врагов (а такие у нас все капиталистические государства и те, которые прикрашиваются под наших друзей!), они нас съедят»[379].

Калинин попытался оправдаться: мол, «как-то времени не хватает», но Сталин вспылил: «Между тем никто из военного ведомства не сигнализировал насчет самолетов. Никто из вас не думал об этом.

Я вызывал наших конструкторов и спрашивал их: можно ли сделать так, чтобы и наши самолеты задерживались в воздухе дольше? Ответили: можно, но никто нам такого задания не давал! И теперь этот недостаток исправляется.

У нас теперь пехота перестраивается, кавалерия была всегда хорошая, надо заняться серьезно авиацией и противовоздушной обороной.

С этим я сейчас каждый день занимаюсь, принимаю конструкторов и других специалистов.

Но я один занимаюсь со всеми этими вопросами. Никто из вас об этом и не думает. Я стою один.

Ведь я могу учиться, читать, следить каждый день; почему вы это не можете делать? Не любите учиться, самодовольно живете себе. Растрачиваете наследство Ленина»[380].

В этой короткой сцене он сам поведал о взаимоотношениях в правящей группе.

И не только в правящей. Заключительные слова Сталина приоткрывают направление его мыслей.

Он резко отреагировал на реплику Калинина: «Нет, не в этом дело! Люди беспечные, не хотят учиться и переучиваться. Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения. (Вы знаете, как я это могу.) Так ударю по толстякам, что все затрещит»[381].

Вскоре эта мысль будет высказана уже в директивном порядке на XVIII партийной конференции, которая была созвана 15 февраля 1941 года. В докладе Маленкова было прямо указано, что следует выдвигать работников, «умеющих организовывать живое дело». Причем уточнялось: «Речь идет о выдвижении не только партийных, но и беспартийных большевиков».

Глава сорок восьмая

Стратегические взгляды воюющих сторон. Экономика подчиняется задаче укрепления обороны. ГУЛАГ. СССР продвигается на Запад. Сталин получает подтверждение прогноза о неизбежности союза с Англией и Америкой

Война на Западе казалась странной только на фоне быстрых операций германских войск в Польше и таранных ударов Красной армии в Финляндии. На самом же деле англичане, высадив во Франции 150-тысячный экспедиционный корпус, вместе с французами усиленно укрепляли «линию Мажино» и сооружали новые укрепления. При этом английский флот вел активные боевые действия, обеспечивая блокаду противника. Главное стратегическое сырье Германии, железная руда и нефть, находилось под постоянным прицелом англичан. Казалось, повторяется история 26-летней давности: на всех морях от Баренцева до Средиземного Германию ограничивал английский охват. И только поставки из СССР, Румынии и Швеции обеспечивали немцев.

Поэтому в Лондоне и Париже рассматривали Москву как невоюющего противника и поддерживали Финляндию. Но в стратегическом ви́дении союзников она была крошечным эпизодом. Они были удовлетворены, что СССР ограничился только минимальными территориальными приращениями, обеспечивающими безопасность Ленинграда и Мурманской железной дороги, и не стал оккупировать всю страну, обеспечивая с тыла поддержку благожелательно нейтральных Берлину Стокгольма и Осло.

С учетом арендованного острова Ханко, запирающего вход в Финский залив, было видно, что Сталин думал прежде всего о безопасности Советского Союза.

Теперь английский прицел был направлен на Норвегию. 7 апреля 1940 года англичане минировали норвежские территориальные воды, чтобы пресечь движение германских судов вдоль норвежского западного побережья.

Девятого апреля Германия захватила Данию, выдвинувшись к Скандинавии.

В ночь с 9 на 10 апреля 1940 года германские военные корабли подошли к Осло. После короткого боя, в результате которого был потоплен немецкий тяжелый крейсер «Блюхер», порт Осло был взят с суши немецким авиадесантом. «Внезапность, безжалостность и точность» — так охарактеризовал Черчилль Норвежскую кампанию немцев.

Захват немцами Дании и Норвегии, а также очевидное превосходство Германии, обнаружившееся в этих акциях, приве-

ли к отставке правительства Чемберлена. Премьер-министром Великобритании стал Черчилль, который считал союз с Москвой неизменным условием победы над Гитлером.

Теперь Германии предстояло получить контроль за Ла-Маншем и атлантическим побережьем Франции и самой блокировать Англию, чтобы продиктовать ей условия мира. Еще одно усилие — и Европа падет.

Десятого мая 1940 года немецкие войска начали наступление. 110 германским дивизиям противостояли 135 французских. Французы считали, что военные действия будут позиционными, настроение у них было невоинственное. Уже 21 мая немецкие танки вышли к Ла-Маншу и остановились перед Дюнкерком, оттуда эвакуировался английский экспедиционный корпус.

Десятого июня Италия объявила войну Англии и Франции.

Четырнадцатого июня немцы маршировали по улицам Парижа. 22 июня было подписано перемирие — в Компьенском лесу, в том же вагоне, в котором в 1918 году маршал Фош принял капитуляцию Германии. Отмщение за Версальский договор свершилось.

Крушение французской армии, считавшейся сильнейшей в Европе, вывело Германию к Средиземному морю, и теперь весь континент находился под ее контролем.

Гитлер должен был всерьез задуматься о завершении стратегии и захвате Северной Африки и Ближнего Востока, где находились нефтяные промыслы англичан. Однако он предпочел, так и не дождавшись согласия Англии на мир, начать операцию «Морской лев», чтобы добить Британию. Военный историк называет пренебрежение Северной Африкой «самой гибельной стратегической ошибкой из всех совершенных им во время войны»[382].

Кроме того, захват африканского побережья и Ближнего Востока поставил бы СССР в крайне трудное положение из-за угрозы его главному нефтяному району на Кавказе.

Отметим, что положение с нефтью и бензином в самой Германии еще не было критическим. Немалую роль в этом сыграло производство синтетического бензина из угля. К 1940 году производство синтетического топлива резко увеличилось и достигло 72 тысяч баррелей в день (46 процентов поставок нефти в Германию), причем около 95 процентов всего немецкого авиационного бензина было получено из угля[383].

Известно, что в экономической стратегии Гитлер «был одержим нефтью», и, как показал в мае 1945 года на допросе германский министр военной промышленности и вооружений Альберт Шпеер, «потребность в нефти была одним из основных мотивов при принятии решения о вторжении в Россию».

Шестнадцатого июля 1940 года Гитлер приказал начальнику

Генерального штаба Кейтелю и начальнику своего собственного штаба генералу Йодлю готовить десантную операцию, чтобы «ликвидировать английскую метрополию как базу ведения войны против Германии».

У англичан было в два раза меньше истребителей, но благодаря использованию технической новинки — радиолокаторов они могли сосредоточивать против атакующих немцев превосходящие силы. Вдобавок британский истребитель «спитфайр» набирал высоту быстрее германского «Мессершмитта-109Е», что было важным преимуществом в индивидуальном бою. С 10 июля по 31 октября 1940 года англичане уничтожили 1733 германских самолета.

Стойкость британцев в небе привела Гитлера к мысли, что у них тайное соглашение с Россией, и он стал думать о том, что сначала надо уничтожить Советский Союз и одновременно взять его нефтяные месторождения.

К этому времени СССР осуществил две молниеносные кампании: 17 июня занял Литву, а 27 июня — Бессарабию. 21 июля Латвия и Эстония тоже стали советскими республиками.

И хотя эти территории входили в советскую зону интересов, были закреплены договорами, Гитлер был сильно обеспокоен: особенно приближением советских войск к румынским нефтепромыслам в Плоешти, поставки из которых составляли 58 процентов в нефтяном импорте Германии. Россия явно продвигалась к Балканам, где традиционно имела сильные позиции.

Двадцать седьмого сентября 1940 года Германия, Италия и Япония заключили Тройственный пакт. 20 ноября к нему присоединилась Венгрия, а 23 ноября — Румыния, куда вошли немецкие войска.

От Северного до Черного морей две сильнейшие континентальные державы вошли в соприкосновение. По сравнению с августом 1939 года ситуация резко изменилась.

Двенадцатого ноября 1940 года в США начался иной отсчет времени: военно-морской министр адмирал Старк подал президенту Рузвельту меморандум, в котором предупреждал, что в случае весьма возможного поражения Англии США придется воевать со всем миром, который будет подчинен Германии. Старк считал, что США должны защитить Британию, пусть даже ценой участия американских войск в сражениях в Европе. Идеи меморандума стали доктриной Рузвельта, он осознал, что надо действовать вопреки изоляционистским настроениям населения*.

---

* В феврале 1941 года опросы общественного мнения показали, что 88 процентов американцев были против участия США в европейской войне.

К предвоенному периоду относится и одно важнейшее умозаключение Сталина относительно состава будущей антигитлеровской коалиции.

Летом 1940 года академик Варга направил Сталину письмо, в котором писал о прекращении англо-американских противоречий в связи с падением Франции и перспективном выступлении США и Великобритании против держав «оси». По сути, Варга говорил то же, что и Старк Рузвельту.

Вот что Сталин ответил академику:

«Тов. Варга!

Ваше толкование совершенно правильно. Мысль о том, что англо-американские противоречия являются основными в области международных отношений, относится к тому периоду, когда Германия, поверженная в прах и обескровленная после поражения в первой империалистической войне, не могла быть принята в расчет как конкретная сила против Англии или Америки. В этот период на арене остались две главные силы — США и Англия, противоречия между которыми являлись ввиду этого основным фактором международного положения.

Дело, однако, изменилось в корне после того, как Германия разбила Францию и получила в свои руки почти все ресурсы европейского континента, а Англия лишилась Франции. Теперь блок Германии, Италии и Японии угрожает не только Англии, но и США. Ввиду этого блок между Англией и США представляет естественный результат такого оборота международных дел.

С ком. приветом

И. Сталин. 12. IX. 40 г.»[384].

Из этого следовало, что метафизически война уже охватила весь мир. Конечно, еще могли быть случайности, но локомотив истории уже прошел решающий поворот.

Глава сорок девятая

Англия хочет оторвать СССР от Германии. Германия хочет использовать СССР против Англии. Сталин хочет, чтобы Англия и Германия ослабили друг друга. Рузвельт решает помогать Англии. Тройственный пакт — Германия, Италия, Япония. Провал переговоров Молотова и Гитлера в Берлине

Никто не знал, как скоро начнутся военные действия. Не знал и Сталин. Однако он должен был учитывать опыт Первой мировой войны и огромные трудности в снабжении государственной экономики из-за тяжелой полублокады: в то время

Восточная Европа и Прибалтика находились под контролем кайзеровской Германии, а снабжение с Запада шло по двум железнодорожным линиям из портов Романова (Мурманска) и Владивостока.

Поэтому Балканы, Турция, Босфорский и Дарданелльский проливы оставались особым местом российской, а затем и советской картины мира.

Заняв Прибалтику и Восточную Польшу, отодвинув границу с финнами и взяв под контроль Финский залив, Сталин был обязан повернуться к югу, к Балканам.

На Балканах пересекались интересы четырех крупных игроков: Англии, Германии, Италии, СССР.

Италия вовсе не была безголосым сателлитом Германии. Муссолини видел в советско-германском пакте угрозу своим интересам, так как опасался продвижения СССР в регион. Рим стремился показать Берлину, что в Средиземноморье он является главным.

Однако крах Франции и сокращение британского потенциала в регионе поставили на повестку дня вопрос о дележе «наследства». Одна сила уходила, другие силы двинулись на ее место.

Здесь Гитлер должен был учитывать увеличивающееся советско-итальянское взаимопонимание, ибо Москва и Рим не хотели усиления Германии в Средиземноморье. Можно сказать, что Сталин и Муссолини ждали, что Англия будет повержена, и тогда они примут участие в установлении новых правил в Европе.

Именно в это время советские войска заняли Бессарабию, подвинувшись к Балканам, а советские и итальянские дипломаты продлили Пакт о ненападении от 1933 года. 24 июня 1940 года были установлены дипломатические отношения между СССР и Югославией.

Москва теперь хотела, чтобы Рим признал то, что Черное море контролируется исключительно ею, а также пересмотра существующего порядка управления проливами. Отчетливо проявлялись контуры традиционной политики Российской империи, с той оговоркой, что Сталину все территориальные приращения были необходимы в первую очередь для обеспечения безопасности. В частности, заняв Бессарабию, Сталин обеспечил южный фланг и создал линию обороны по Карпатам и устью Дуная.

Но, войдя в Бессарабию, Красная армия оказалась в шаге от Плоешти и могла в удобный момент нанести по нефтепромыслам авиационный удар. Поскольку подобная цель была и у англичан, Гитлер связал обе угрозы как результат тайного сговора

Сталина и Черчилля. Не случайно Гитлер так сказал Муссолини о ситуации с румынской нефтью: «Само существование нашего блока зависит от этих месторождений». Он посчитал, что отныне только нападение на СССР может гарантировать безопасность Плоешти.

Черчилль, выступая по радио после подписания пакта Молотова — Риббентропа, сказал, что ключ к действиям России — это ее «национальные интересы». Он словно окинул мысленным взглядом карту и уточнил: «И не в интересах безопасности России будет, если Германия утвердится на берегах Черного моря или захватит балканские государства и покорит славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы жизненным историческим интересам России»[385].

Новый британский премьер не сказал еще одной важной вещи: Средиземноморье и проливы всегда были британской зоной интересов, и борьба за них вызвала по меньшей мере три мировые войны — Крымскую (это фактически была если не мировая, то европейская война), Русско-турецкую 1877—1878 годов и Первую мировую. Не имеет значения, что первые две назывались по-другому; их суть — противостояние Англии и России в этой зоне.

Таким образом, положение в Юго-Восточной Европе (с проекцией на кавказские и ближневосточные нефтяные промыслы) можно было уподобить минному полю. Каждая из стран была заинтересована в ослаблении соперников любыми средствами.

В этих условиях Сталин вполне логично рассчитывал, что действующий договор с Германией поможет устранить нарастающие противоречия.

Положение Лондона не назовешь легким, однако Черчилль отверг предложения Гитлера о мире, надеясь на США, СССР и стойкость британцев. Решимость Черчилля к борьбе была им проявлена в критический момент, когда Германия потребовала у правительства побежденной Франции ее флот. Если бы эти корабли были присоединены к германским (прибавим к ним флот Италии), то Англии грозила еще одна страшная опасность. Англичане предложили правительству Петена передать флот им. Французы отказались, не веря в способность англичан успешно защищаться. Тогда Черчилль приказал захватить корабли силой или потопить их. Это и было сделано. В результате проведенной операции большая часть судов была захвачена, один линкор был взорван, один выбросился на берег, один поврежден, один ушел. «Стало ясно, что английский военный кабинет ничего не страшится и ни перед чем не остановится»[386].

Впрочем, без Америки англичанам пора было бы заказывать себе гробы. Рузвельт, слава богу, понял, что́ поставлено на карту, и принял рсшение передать Англии 50 эсминцев в обмен на ее военно-морские базы в Ньюфаундленде и Карибском море.

С этого момента Америка фактически вступила в европейскую войну и стала овладевать уходящей от Англии политической силой. Как мы увидим, в итоге Рузвельт сделал свою страну владычицей мира.

Заключенный 27 сентября договор об экономическом и военно-политическом союзе Германии, Италии и Японии (Тройственный пакт), несмотря на переданное Молотову сообщение германского правительства, что пакт направлен против «демократических поджигателей войны» и не затрагивает существа имеющихся договоров с СССР, вызвал тревогу в Кремле.

Тридцатого сентября «Правда» опубликовала передовую статью «Берлинский пакт: о Тройственной союзе». В ней говорилось об оформлении двух воюющих группировок: Германия, Италия, Япония — Англия, США, и дальнейшем расширении войны. Подтверждались нейтралитет СССР и верность советско-германскому и советско-итальянскому пактам. Автором статьи был Молотов.

Десятого октября 1940 года произошло событие, определившее дальнейшие перемены: Берлин сообщал в Москву о посылке в Румынию «германской военной миссии с учебными частями». На самом же деле Румыния попала под военный контроль немцев. Несколько ранее, 23 сентября, немцы в обмен на поставки оружия получили право ввести войска в Финляндию.

Оставалось защелкнуть замок на юге, и британцы были бы заперты.

Поскольку выяснилось, что воздушная война против Англии не привела к победе, а десантная операция не гарантирует успеха, Гитлер перенес нападение на остров на весну 1941 года и все внимание направил на Средиземноморье, где требовалось создать антианглийский блок. В этот блок должны были войти Испания, Франция, Балканские страны и Советский Союз. Таким образом, Гитлер пока не мог обойтись без Сталина.

Однако фюрер не желал и слышать об укреплении советских позиций на Балканах. Попытка Москвы принять участие в работе Дунайской конференции привела к обострению отношений. Сталин не хотел соглашаться с доминированием Германии в Румынии, советская делегация настаивала на фактическом контроле за Сулинским гирлом, свободном проходе советских военных кораблей, якорной стоянкой в Галаце и

Браиле. Тем самым реальное владение выходом в Черное море перешло бы в руки Москвы. Но Гитлер не пустил Сталина к Дунаю. Конференция провалилась.

Таким образом, введя войска в Румынию, немцы сделали европейскую транспортную артерию «немецкой рекой» и теперь были близки к тому, чтобы взять под контроль проливы и угрожать советскому присутствию в Черном море и советской нефти на Кавказе.

В этой ситуации переговоры с Гитлером приобретали решающее значение. За два дня до отъезда Молотова в Берлин военная разведка сообщила Сталину, что немцы завершили развертывание 15—17 дивизий на придунайской территории и готовятся захватить Салоники. Вывод разведчиков: не исключено нападение (совместно с Италией) на Грецию, захват Балканского полуострова и использование его как базы против Турции и английских колоний. Кроме того, от агента в Берлине поступила информация, что в районе Кракова и Лодзи размещаются десять пехотных и две танковые дивизии, идет вербовка украинских резервистов.

Накануне отъезда Сталин продиктовал Молотову директиву: требовать установления советского контроля над устьем Дуная, участия СССР в решении «судьбы Турции», консультаций по будущему Венгрии, Румынии и Югославии. Кроме того, к сфере интересов СССР относились Финляндия, устье Дуная. Главный пункт директив: Болгария должна войти в сферу интересов СССР с правом введения туда советских войск. Английской темы в директиве не было, то есть Сталин рассуждал так: вы взяли Румынию, а мы уравновесим это Болгарией.

Уже в вагоне поезда по пути в Берлин Молотов получил телеграмму Сталина: положение Британской империи не обсуждать. Это означало: вождь понял, что Гитлер не достиг победы над англичанами.

Девятого ноября советская делегация отбыла с Белорусского вокзала Москвы, а 12-го числа прибыла на празднично украшенный цветами и флагами Ангальтский вокзал Берлина. Молотова встречали Риббентроп и фельдмаршал Кейтель. Показательно, что в тот день английская авиация разбомбила на рейде пролива Отранто три итальянских линкора и два крейсера, что для немцев было дурным знаком.

На двух встречах с Гитлером советский премьер твердо стоял на оговоренной со Сталиным позиции, что мирного разрешения ситуации не будет «без нашей гарантии Болгарии и пропуска наших войск в Болгарию как средства давления на Турцию».

В ответ канцлер стал предлагать Индию и Иран как новую сферу интересов СССР, что должно было столкнуть лбами Москву и Лондон.

Немцы хотели использовать исторический опыт канцлера О. Бисмарка, который, планируя войну с Францией и желая при этом отвести угрозу нападения Англии, посулил французскому императору Наполеону III содействие в завоевании Бельгии. Получив от французов соответствующее письмо, Бисмарк сообщил об их коварных планах в Лондон и достиг поставленной цели: англичане пальцем не шевельнули, когда пруссаки разгромили французов в 1870 году.

Молотов вспоминал: «Невысокое понимание советской политики, недалекий человек, он хотел втащить нас в авантюру, а уж когда мы завязнем там, на юге, ему легче станет, там мы от него будем зависеть, когда Англия будет воевать с нами. Надо было быть слишком наивным, чтобы не понимать этого»[387].

В конце концов выяснилось, что по вопросам, которые были в плане безопасности для СССР критичными, взгляды сторон не совпадали.

Переговоры окончились ничем. Официально была продемонстрирована дружба, а до Сталина было доведено, что Гитлер доволен и считает достижение соглашения с Москвой вполне реальным.

Семнадцатого ноября СССР по дипломатическим каналам сообщил в Лондон, что не станет взаимодействовать с Германией на Ближнем и Среднем Востоке.

Двадцать пятого ноября после обсуждения у Сталина итогов переговоров Берлин был уведомлен, что СССР готов принять проект пакта об экономическом и политическом сотрудничестве четырех государств на условиях, которые должны быть закреплены в секретных протоколах. И повторялись уже известные предложения о Финляндии, Румынии, Болгарии, Босфоре; зона к югу от линии Баку — Батум в сторону Персидского залива должна быть признана центром «территориальных устремлений Советского Союза».

Сталин решил добиться максимально возможного, пользуясь погруженностью Германии в войну с Англией. Если бы у него получилось, СССР обеспечил бы от Баренцева до Черного моря и Кавказа гарантированную линию обороны.

Часто говорят об агрессивности Сталина. Конечно, он, как и все тогдашние участники мировых событий, заботился о национальных интересах и вовсе не собирался ими жертвовать. Но обратим внимание на одно обстоятельство в предложениях

Сталина: он стремился получить контроль над проливом Босфор, а не над Дарданеллами, то есть ему было важно обеспечить Черное море для безопасности, а не выход в Средиземное для агрессии.

В итоге, отказавшись «загребать жар» для Гитлера и отстаивая свою позицию, Сталин убедил его, что без СССР Германия не может получить полный контроль над Средиземным морем и Ближним и Средним Востоком, что ключ лежит в кармане Сталина и что без разгрома СССР Германия не решит глобальной задачи мирового господства.

Восемнадцатого декабря канцлер утвердил Директиву № 21 (план «Барбаросса»): нападение на Советский Союз назначалось на 16 мая 1941 года. Молниеносным ударом СССР должен быть повержен.

Начиная с этого времени Сталин стал получать десятки сообщений о войне с Германией и различные указания на ее сроки.

Он понимал, что под ними реальная основа, но еще он знал, что Англии жизненно необходимо, чтобы Советский Союз как можно быстрее начал военные действия против Германии и поэтому Лондон будет стремиться убедить его, Сталина, что война уже прямо у ворот кунцевской дачи и что надо бросать все и идти сражаться, несмотря на неподготовленность.

Но Сталин хотел действовать как Рузвельт — готовиться и ждать. Ему не было жалко Англии, как и Англии не было жаль СССР, жестокость борьбы за мировые ресурсы была предельна обнажена.

Пока Гитлер безуспешно, как потом оказалось, вел военные действия в Северной Африке и на Балканах, его партнер по Пакту о ненападении занимался внутренними делами.

Глава пятидесятая

Сталинский метод управления: достигни поставленной цели или умри. Н. А. Вознесенский и А. С. Щербаков. Сталин и разработка военной техники. Перестройка культуры на военный лад. Убийство Троцкого

На XVIII партийной конференции, начавшейся 15 февраля 1941 года, в докладе Маленкова было сказано о трудном положении в экономике: не выполнили план минувшего года многие наркоматы (в том числе тяжелого и среднего машиностроения, черной и цветной металлургии, боеприпасов).

Впрочем, в резолюции конференции указано, что «в результате успехов освоения новой техники и роста оборонной промышленности значительно повысилась техническая осна-

щенность Красной Армии и Военно-Морского флота новейшими видами и типами современного вооружения».

Маленков потребовал большей самостоятельности директорскому корпусу, изгнания невежд с партбилетами и вообще выдвижения профессионалов.

Именно тогда произошли важные изменения в сталинском окружении. Они были связаны с продолжающимся закреплением в правящем классе нового кадрового призыва. Чтобы понять его значение, достаточно назвать несколько человек из этого отряда, сыгравших решающую роль в военное время: Н. А. Вознесенский, А. С. Щербаков, А. Н. Косыгин, А. А. Кузнецов, Д. Ф. Устинов. Все они были выдвиженцами Жданова. Второе, конкурирующее с первым, подразделение этого отряда составляли выдвиженцы Маленкова и Берии.

Как раз Вознесенский внес решающий вклад в гармонизацию экономики СССР, сбалансированного развития отраслей и территорий. На базе системы, подготовленной при выдающемся его участии, Госплан стал разрабатывать баланс народного хозяйства как самостоятельный раздел пятилетних, годовых, квартальных и месячных планов. Можно сказать, Госплан начал строить будущее страны из сотен и тысяч разрозненных производств. На XVIII съезде партии Вознесенский обнародовал беспрецедентный в мировой истории пятнадцатилетний макроплан развития экономики.

На пленуме ЦК 21 февраля кандидатами в члены Политбюро по предложению Сталина были избраны Вознесенский, Маленков и Щербаков.

Выдвигая молодых управленцев, Сталин по-прежнему стремился контролировать ключевые процессы. Накануне войны он принял несколько важнейших решений о создании военной техники. Некоторые из них были правильными, а некоторые ошибочными и привели к потерям и жертвам.

Первый эпизод связан с танковой броней. В 1935 году тридцатилетний инженер Александр Завьялов, заведующий центральной лабораторией на Ижорском заводе, провел испытания брони танков Т-18 и Т-26, бывших тогда на вооружении. Снаряд 37-миллиметровой пушки, самой малокалиберной, разносил их броню в осколки. Ничего удивительного в таком результате не было, так как броня предназначалась для защиты от пуль. Но Завьялов, назвав танки «ходячими гробами», замахнулся на изменение концепции. Руководство Автобронетанкового управления РККА и директор танкостроительного завода восприняли критику инженера болезненно. Действи-

тельно, танки были «гробами», что вскоре подтвердилось в ходе испанской войны, но такие танки были тогда у всех европейских армий. Завьялов предугадал, как будет в ближайшее время развиваться танкостроение и как это отразится на военной стратегии. Он предложил новую технологию производства брони. И не был понят ни заказчиками, ни начальством. В условиях тогдашней системы власти это означало встать у трагической развилки своей собственной судьбы: либо стать изгоем, либо обратиться за помощью наверх. Завьялова уволили. Он направил письмо в Ленинградский обком партии Жданову. Вскоре записка инженера оказалась у Сталина. В мае 1936 года чекисты доставили Завьялова в кабинет вождя на заседание СТО. Разговор длился несколько часов. Инженер оказался подготовлен лучше оппонентов: опираясь на свой профессиональный опыт металлурга и знания ситуации на германских заводах Круппа, где он побывал в командировке, он доказал, что советская металлургия на сегодня не готова обеспечить броней танки, подводные и надводные корабли. (Напомним, что в 1936 году Тухачевский определял техническую политику в Наркомате обороны, а Павел Аллилуев был комиссаром АБТУ РККА.)

По решению Сталина было создано новое управление «Спецсталь», куда вошли Ижорский и Мариупольский металлургические заводы, а на базе центральных лабораторий этих заводов создали Центральные броневые лаборатории (в 1939 году преобразованные в Броневой институт). В итоге благодаря завьяловской дерзости армия быстро получила основу для создания целого шлейфа военной техники, которая оказала в годы войны решающее воздействие — средний и тяжелые танки Т-34, КВ, ИС, штурмовик Ил-2, линкоры, эсминцы и подлодки. Броня завьяловского Броневого института, где освоили и производство цельнолитых танковых башен, была в известном смысле и детищем Сталина.

И как после такой истории он должен был относиться к своим ведомствам?

Впрочем, вопрос поставлен неправильно. Ни Сталин, ни его окружение не были профессионалами, поэтому в принятии окончательных решений он часто был одинок. И не всегда это заканчивалось так удачно, как в случае с Андреем Сергеевичем Завьяловым, бывшим беспризорником, выпускником Ленинградского горного института.

В мемуарах наркома вооружений СССР Б. Л. Ванникова рассказано о нескольких случаях, когда Сталина подводили к неправильным решениям: так было с 76-миллиметровой пушкой конструктора В. Г. Грабина, которую немцы считали образ-

цовой для этого калибра. Вооруженный ею танк Т-34 пробивал броню немецких танков на расстоянии 1,5—2 километра, тогда как танки противника поражали советские машины с расстояния не более 500 метров (причем только в борта или корму).

Эта пушка могла вообще не быть принятой на вооружение. Вот как развивался конфликт.

«Инициатива принадлежала начальнику Главного артиллерийского управления Красной Армии маршалу Г. И. Кулику. Сообщив Наркомату вооружений, что, по данным разведки, немецкая армия в ускоренном темпе перевооружается якобы танками с пушками калибром более 100 миллиметров и броней увеличенной толщины и повышенного качества, он заявил, что неэффективной против них окажется вся наша артиллерия калибров 45—76 миллиметров. В связи с этим маршал Кулик предложил прекратить производство таких пушек, а вместо них начать выпуск 107-миллиметровых, в первую очередь в танковом варианте.

Предложение не встретило поддержки в Наркомате вооружения. Мы знали, что еще совсем недавно, в 1940 году, большая часть немецких танков была вооружена пушками калибров 37 и 50, остальные — 75-миллиметровыми. А так как калибры танковых и противотанковых пушек, как правило, корреспондируют броневой защите танков, то было ясно, что наша танковая противотанковая артиллерия калибров 45 и 75 миллиметров в случае войны будет иметь превосходство. Мы считали маловероятным, чтобы гитлеровцы могли за один год обеспечить такой большой скачок в усилении танковой техники, о котором говорил Г. И. Кулик»[388].

Сталин поддержал Кулика, опираясь на свои представления об артиллерии времен Гражданской войны. За вождя горой стояли Жданов и Вознесенский. В возражениях Ванникова Сталин увидел нежелание перестраиваться на выпуск новой продукции.

К тому же было дано указание прекратить выпуск 45-миллиметровой пушки, чтобы передать высвобождающиеся цехи и оборудование под производство 107-миллиметровой.

Указание Сталина было выполнено. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Как только началась война, наш герой понял, что по его вине остановлен выпуск «самых нужных для войны» орудий. Кулик и Жданов ошиблись: у немцев не было танков с мощной броней, а «изгнанные» пушки были способны эффективно действовать против их техники.

Только ценой огромных усилий было возвращено из небытия производство необходимых пушек.

Когда же Ванников (уже успевший посидеть в следственном изоляторе и освобожденный по приказу Сталина) попросил

снять с него выговор, полученный за «саботаж» в аналогичной ситуации (за остановку производства винтовок), Сталин отказал. Его мотивировка была простой: Ванников действительно не спешил исполнять указание и поэтому был наказан справедливо за нарушение принятого порядка управления.

Впрочем, Ванников был обласкан, стал Героем Социалистического Труда и наркомом боеприпасов. Его спасла война.

В других случаях Сталин принимал правильные решения и поправлял своих соратников. Но его оценки конфликтов оставались неизменными. Он не извинялся, а объяснял собственные ошибки нерадивостью подчиненных (или вредительством). Он мог обвинить даже того, кто доказывал ошибочность принимаемого вождем решения: мол, плохо убеждал.

Однажды Сталин предложил наркому авиационной промышленности А. И. Шахурину и его заместителям подписать обязательство о повышенном выпуске самолетов до пятидесяти в сутки. Это случилось в июне 1941 года перед самым началом войны. Это была огромная цифра. В 1939—1940 годах выпускалось менее двадцати самолетов в сутки.

Зачем ему понадобилось их обязательство? Разве у него было мало власти? Наверное, он думал, что в случае нарушения обязательства у него будут дополнительные аргументы? Или данная лично ему расписка послужит дополнительным стимулом?

Должно быть, он осознанно переводил государственные отношения в личные. Это был его метод.

Не случайно он потребовал, чтобы ежедневно ему предоставляли сводку о произведенных за сутки самолетах. Если он замечал, что какой-то завод выпускал меньше машин, начальник его секретариата А. Н. Поскребышев звонил и выяснял причину. Если выяснялось, что нужна материальная или организационная помощь, — помогали чем могли. В случае же нерадивости проводилось расследование, результаты которого могли быть самыми суровыми.

Но в целом выработался баланс диктаторских и профессиональных методов управления, когда исполнителям предоставлялись огромные полномочия при огромной ответственности. Этот баланс позволил достигать фантастических высот, что было продемонстрировано и в создании советской атомной бомбы.

Если Сталин видел, что пользующийся его доверием специалист обманывает или лукавит, судьба такого человека становилась печальной. Так погиб конструктор Таубин, который разработал 23-миллиметровую авиационную пушку. Его детище отличалось многими хорошими техническими находками и действительно могло бы обеспечить советским самолетам ог-

невое преимущество. Однако Таубин захотел преимущества для себя и объявил у своей пушки несуществующие достоинства: заниженные габариты, вес, силу отдачи. Авиапроизводители выбрали пушку Таубина. Вскоре испытания выявили ее недостатки. Таубин задергался, попытался устранить проблемы на скорую руку, обвинил испытателей в необъективности. Он попытался оказать давление на авиаконструкторов, чтобы они приняли его пушку и в таком виде, но те уперлись. На одном из совещаний в Кремле Таубин снова заверил Сталина, что ликвидирует недостатки пушки. Сталин принял его обещания и даже предлагал «немного авансом» наградить конструктора.

В дальнейшем Таубин за спиной наркомата договорился с моторостроителями об утолщении стенки мотора, к которому крепится пушка. Хотя изменение толщины стенки на качественные характеристики мотора не повлияло, вопиющее нарушение дисциплины бросалось в глаза. Когда Сталин узнал об этом, он возмутился. Ему объяснили причину, но это его не удовлетворило. Нарком Шахурин получил выговор с предупреждением. Таубин вскоре был арестован и погиб.

Его пушка, доведенная конструктором Нудельманом, все же была принята на вооружение и считается лучшей авиационной пушкой военного времени. Сталин знал, что «пушка Нудельмана» — таубинское детище, но на судьбе самого Таубина это не сказалось.

Еще более катастрофические последствия могло иметь решение Наркомата обороны в начале 1941 года о прекращении выпуска винтовок образца 1831—1930 годов (драгунских) и замене их самозарядными (СВ). При стрельбе из СВ не надо было каждый раз передергивать затвор, достаточно было просто нажимать на спуск. Но она была более сложной в обслуживании и тяжелой. А главное — оружейные заводы не были готовы выпускать СВ в миллионных объемах.

Комиссия же под председательством Молотова приняла решение больше не производить «устаревшие винтовки». Куратор оборонной промышленности Вознесенский оказался не в курсе вопроса и поддержал Наркомат обороны.

В итоге могло бы случиться так: после начала войны, когда склады вооружений РККА в приграничных районах оказались потерянными и утрачено большое количество винтовок во время отступления, военная промышленность была бы не в состоянии обеспечить армию стрелковым оружием.

Руководители Наркомата вооружений Б. Л. Ванников, В. М. Рябиков, И. А. Барсуков обратились к Вознесенскому. Тот в грубой форме (он любил резкие выражения) потребовал

прекратить «саботаж и волокиту» и немедленно выполнять решения комиссии.

Тогда Ванников, преодолевая страх, позвонил Сталину. Он знал, что, если не позвонит, — будет вскоре обвинен в узковедомственном эгоизме и нежелании перестраивать производство.

Сталин был согласен с решением комиссии, но выслушал доводы наркома и сказал:

«— Ваши доводы серьезны. Мы их обсудим в ЦК и через четыре часа дадим ответ.

Мы не отходили от телефона, ждали звонка. Ровно через 4 часа позвонил Сталин. Он сказал:

— Доводы Наркомата вооружения правильны, решение комиссии товарища Молотова отменяется»[389].

Так завершилась эта история. В ней отразился весь дух того времени, полного самоотверженности и жестокости.

Узнав от Ванникова о решении Сталина, Вознесенский удивился: почему тот не договорился с ним, а обратился прямо к вождю?

Вознесенский погиб после войны, потому что сам нарушил сталинский негласный уговор: никогда не скрывать правду. Но об этом — в свое время.

К 1941 году оборонная промышленность СССР выпускала все виды вооружений, которыми была достигнута победа в войне. Новой техники во время войны СССР создавать не мог, но задела 1930-х годов хватило.

В мемуарах Черчилля есть страница о начале предвоенных исследований ядерного оружия. О том, что тогда было в СССР, британский премьер не знал.

В марте 1938 года ряд ученых направили Молотову письмо, в котором были следующие строки: «Развитие работ по ядерной физике в Союзе получило уже большую поддержку со стороны Правительства. Был организован ряд ядерных лабораторий в крупнейших институтах страны: ядерные лаборатории в Украинском физико-техническом и в Физическом институте Академии наук СССР, усилены лаборатории Радиевого института»[390].

Авторы, среди которых были академики и профессора А. Иоффе, И. Курчатов, А. Алиханов, И. Скобельцын, Л. Арцимович, просили ускорить работы по атомной тематике.

В ноябре 1938 года было принято постановление президиума АН СССР «Об организации в Академии наук работ по исследованию атомного ядра».

Осенью 1940 года сотрудники Физико-технического НИИ Академии наук Украины В. Маслов и В. Шпинель направили

записку в Бюро изобретений НКО СССР на создание атомной бомбы. Они опередили время, но предложенное ими техническое решение было верным.

В дальнейшем атомная проблема находилась в зоне повышенного внимания кремлевского руководства и разведки. Поэтому когда вопрос об атомной бомбе потребовал принципиальных решений, Сталин оказался к ним готов.

К началу 1941 года было изготовлено 11 ракетных установок, получивших наименование БМ-13 (боевая машина, снаряженная 132-миллиметровыми реактивными снарядами). Ее народное имя — «катюша», перекликающееся с удивительной песней на слова поэта Михаила Исаковского о девушке Катюше, обращающейся к своему возлюбленному:

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет.
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Пятнадцатого июня 1941 года состоялся смотр новой техники Красной армии. В присутствии членов правительства и военачальников четыре БМ-13 дали ракетные залпы. Сталин санкционировал немедленное серийное производство «катюш». 21 июня, за день до начала войны, было принято решение о всемерном развертывании полевой реактивной артиллерии. 14 июля 1941 года первая в мире батарея полевой реактивной артиллерии капитана И. А. Флерова нанесла мощный удар по немецким войскам на железнодорожной станции Орша в Белоруссии[391].

Но не надо обольщаться. Обеспечение РККА новой техникой накануне войны было не то что неудовлетворительным, а катастрофическим.

Так, по плану 1941 года намечалось выпустить танков «КВ» и «КВ-2» — 1200, а «Т-34» — 2500, а в Красной армии с 1 марта формировалось 29 механизированных корпусов. При таком плане выпуска танков формируемые мехкорпуса могли быть укомплектованы танками «КВ» и «Т-34» не ранее 1945 года[392].

Маршал Захаров считал, что Генеральный штаб совершил большую ошибку: надо было формировать мехкорпуса исходя из реальных возможностей промышленности.

Советские ВВС, несмотря на увеличение выпуска новых самолетов в 1941 году, тоже только начали получать новые типы крылатых машин (Пе-2, Су-2, Ил-2, МиГ-3, ЛАГГ-3, Як-1). Из 348 авиаполков 106 находились в стадии формирования.

В первой половине 1941 года РККА находилась в стадии глубоких перемен и ее состояние, подчеркнем это, диктовало Сталину крайне осторожную политику.

Это же касалось и оборонительной линии («линии Сталина») вдоль старой границы 1939 года. Она состояла из двадцати одного укрепленного района (УР), ее называли несокрушимой и сравнивали с «линией Мажино».

Долгое время бытовала версия, что после переноса границы УРы были разрушены, а новые не успели построить, и якобы поэтому немецкие войска легко преодолели приграничную территорию.

На самом деле «линию Сталина» никто не разрушал. К 1939 году после инспекции Наркомата обороны и НКВД было установлено, что практически все доты, досы, орудийные капониры небоеспособны. Так, Берия сообщал Ворошилову 5 января, 17 января и 13 февраля 1939 года о вопиющих недостатках в строительстве оборонительных сооружений.

Тем не менее УРы были сохранены и некоторые в 1941 году оказывали серьезное сопротивление. (Карельский УР был ядром обороны Ленинграда с севера до 1944 года.)

В целом подготовка СССР к войне была еще очень низкой. Немцы знали об этом, но сделали из этого неправильные выводы.

Немцы многого недооценили. В битве титанов, какой еще не видел мир, они тоже были, признаем это, героями. Их героизм заключался в безумно дерзкой задаче, поставленной Гитлером, — завоевать мир. То, что он использовал для этого идейное оружие — идею национального превосходства, привело немцев к переоценке собственных возможностей. В координатах героического нацизма невозможно было победить мир.

Геббельс в дневниковой записи 10 августа 1940 года после просмотра советского фильма о Финской войне заметил: «Жалкое зрелище. Чистый дилетантизм. Сообщество недочеловеков». Однако 16 августа после просмотра фильма о красной спортивной олимпиаде в Москве он вдруг признает: «Он показывает живую и жизнерадостную Россию. Другое лицо большевизма. Большие организаторские способности. Большевизм всегда будет для нас загадкой»[393].

«Сообщество недочеловеков» разбило сверхчеловеков — такова оказалась разгадка.

Вот как оценивала германская разведка подготовленность к войне советских ВВС. По итогам гражданской войны в Испании советские летчики характеризовались следующим образом: исключительная отвага и агрессивность над своей территорией и робость и неуверенность над вражеской; хороши в индивидуальных поединках, подготовка к боям в составе группы — недостаточна. В организации наземных служб и служб снабжения русские продемонстрировали замечательную сме-

калку, гибкость и умение маскировать военные объекты. «Жестокие и уверенные в себе по природе, они справлялись со многими трудностями».

Другими словами, немцы встретили не тех малоорганизованных храбрых «скифов», чей облик рисовал абвер.

Начавшийся передел мира отразился в культуре и пропаганде. Сталин располагал возможностью директивно управлять и этой сферой, понимал ее огромное значение, и поэтому накануне великих испытаний образы войны и патриотов появлялись на киноэкранах, сценах, в песнях.

В 1938 году на сцене Большого театра была поставлена опера Михаила Глинки «Жизнь за царя». Теперь она называлась «Иван Сусанин». Пафос защиты Отечества и самопожертвования пронизывал ее. В подготовке оперы, как вспоминает сотрудник сталинской охраны А. Т. Рыбин, участвовали главный дирижер С. Самосуд, режиссер Б. Мордвинов, поэт С. Городецкий, писатель М. Булгаков, художник Н. Вильямс, балетмейстер Р. Захаров. В процессе подготовки возник принципиальный конфликт между театром и Комитетом по делам искусств: руководство комитета было против финальной сцены, в которой хор и все герои поют «Славься!» царю.

«Разгоревшийся спор достиг Кремля. Послушав репетицию, Сталин удивился:

— Как же так, без "Славься"? Ведь на Руси тогда были князья, бояре, купцы, духовенство, миряне. Они все объединились в борьбе с поляками. Зачем же нарушать историческую правду? Не надо.

В первом варианте финала у Спасских ворот стоял макет памятника Минину и Пожарскому. Народ перед ними славил победу. Во втором варианте Минин и Пожарский выходили с народом из Спасских ворот. Посмотрев это, Сталин предложил, чтобы победители, в полном соответствии с историей, выезжали из ворот на конях. Дополнительно следовало поставить на колени побежденных шляхтичей, бросив их знамена к ногам победителей. Еще предложил сократить сцену, в которой дочь Сусанина Антонида и его приемный сын Ваня оплакивали на площади смерть отца. Сталин признал, что это — тяжелое горе, но оно — личное. В целом же весь русский народ одержал победу. Следовательно, пусть ликует, как победитель!»[394]

Эти брошенные под ноги победителям знамена потом, на реальном параде 24 июня 1945 года, войдут в Историю.

В предвидении будущего Сталин явно превосходил свое окружение. Неудивительно, что он часто вмешивался в творческий

процесс и поправлял, иногда жестоко, даже преданных режиму творцов. Особенно досталось Демьяну Бедному, история отношения с которым отражает перемены в культурной политике.

Двадцать девятого октября 1936 года на сцене Камерного театра появилась опера-фарс Д. Бедного «Богатыри». В ней он высмеивал русских богатырей, героев героического эпоса, и крещение Руси князем Владимиром.

Четырнадцатого ноября 1936 года вышло постановление Политбюро: «Пьесу “Богатыри” с репертуара снять как чуждую советскому искусству». Кроме того, постановлением отмечалось, что пьеса «огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа».

Крещение Руси было названо положительным этапом в истории русского народа, «так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры».

Среди откликов, собранных чекистами, выделялись те, в которых говорилось: «Постановление вообще правильное, но что особенно ценно, это мотивировка. После этого будут прекращены выходки разных пошляков, осмелившихся высмеивать русский народ и его историю. До сих пор считалось хорошим тоном стыдиться нашей истории. (Поэт Владимир Луговской.)»[395]. Кинорежиссер И. Трауберг, наоборот, посчитал, что «советское государство становится все более и более национальным и даже националистическим».

Следующим шагом Сталина на пути пропаганды традиционного русского патриотизма было санкционирование исторического фильма «Александр Невский» о борьбе новгородского князя с Тевтонским орденом. «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», — говорит Александр в финальной сцене. Это было послание Сталина.

После подписания пакта Молотова — Риббентропа из кинопроката стали снимать антифашистские фильмы, но «Александр Невский» остался.

Пятнадцатого марта 1941 года впервые присуждалась Сталинская премия в области литературы и искусства. Романы, удостоенные премии первой степени, можно сказать, дышат патриотизмом. Это «Тихий Дон» М. Шолохова, «Петр I» А. Толстого, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского. Композитор Д. Шостакович тоже стал лауреатом Сталинской премии первой степени.

Но даже заслуженные идеологические бойцы не могли жить в постоянной уверенности в собственной непогрешимости. Теперь пришел черед Ильи Эренбурга, писателя и жур-

налиста, долгое время проживавшего в Париже, где он осуществлял контакты с либеральной французской интеллигенцией, символизируя широту советской культурной политики.

После поражения Франции он вернулся в Москву, написал антифашистский роман «Падение Парижа» и скоро почувствовал на себе тиски советской цензуры. Даже лозунг в тексте романа «Долой фашистов» ему предложили заменить на безадресный «Долой реакционеров».

Но 24 апреля 1941 года Эренбургу позвонили из секретариата Сталина и попросили связаться с вождем. Сталин сказал, что прочел опубликованные части романа, спросил, не собирается ли писатель изображать немецких фашистов. Эренбург ответил утвердительно, но сказал, что сомневается, разрешат ли публикацию.

Эренбург вспоминал: «Сталин пошутил: “А вы пишите, мы с вами постараемся протолкнуть и третью часть...”»[396].

Писатель понял: скоро война. Он догадался, что таким образом Сталин, зная, что о звонке «будут говорить многие», хотел предупредить общество.

Вряд ли на самом деле Сталин слишком полагался на эффективность такого информационного канала. Видимо, в его картине мира происходила мучительная переоценка, связанная с событиями, исход которых его сильно озадачил. Эти события — правительственный переворот в Югославии, переход власти к антифашистскому правительству и последовавший мгновенный захват Югославии германскими войсками. Для Сталина, который санкционировал поддержку переворота и считал, что немцы завязнут на Балканах, такой финал свидетельствовал о больших ошибках в его расчетах.

Сталин поддержал роман Эренбурга для продолжения публикации в журнале «Знамя». Журнал, рецензии в газетах, отклики по радио, кино — весь пропагандистский арсенал должен был потом раскрутить антифашистскую тему романа.

Советская культура уже готовила общество к войне.

Говоря о сталинском руководстве культурой, нельзя не вспомнить творчество еще одного литератора, который ненавидел нашего героя и даже написал его политическую биографию. Это Лев Троцкий.

Хотя он не состоял в Союзе писателей, но влиял, и очень сильно влиял, на литературный процесс и на репутацию вождя.

В конце сентября 1939 года к Троцкому в Койокан, где он жил, приезжал редактор американского журнала «Life» и заказал Льву Давидовичу очерк о Сталине и статью о смерти Ленина. В результате была написана статья, в которой утверждалось, что это Сталин отравил Ленина.

Руководство журнала сочло доводы Троцкого неубедительными и отказало в публикации. Статья все же вышла в скромном журнале «Liberty».

Биограф Троцкого И. Дойчер свидетельствует, что тот «хватался за любой слух и любую сплетню», если они обнаруживали какую-либо злодейскую черту в характере Сталина.

Но судьба Троцкого уже была предрешена.

Одной из выразительных сталинских записей в истории советской словесности был заключительный абзац в статье «Бесславная смерть Троцкого» в «Правде» от 24 августа 1940 года.

Двадцать второго августа в Мехико скончался Троцкий. Рамон Меркадер 20 августа выполнил задание Судоплатова и Эйтингона: нанес ему смертельное ранение, ударив альпенштоком по голове. Вождя мировой революции и главы IV Интернационала не стало.

Сталин тщательно отредактировал статью и дописал: «Троцкий стал жертвой своих же собственных интриг, предательства и измен. Так бесславно кончил свою жизнь этот презренный человек, сойдя в могилу с печатью международного шпиона на челе»[397].

После сталинской правки статья называлась «Смерть международного шпиона».

В плане опоры и сотрудничества с американскими левыми кругами, связанными в свою очередь с крупными финансовыми компаниями, Троцкого можно назвать их агентом, а на языке Сталина — «шпионом». Действительно, опубликовав в 1917 году секретные договоры России и союзников, Троцкий оказал США большую услугу. К тому времени экономика Штатов стала намного мощнее экономики Англии, которая за годы войны превратилась в глубокого должника Америки. Используя «протоколы Троцкого», Вашингтон при заключении Версальского мира захватил мировое политическое лидерство, отодвинув британского союзника.

Но в 1940 году для Штатов Троцкий уже был человеком из далекого прошлого.

Для Сталина же 1917 год и распад государства были фактами личного опыта, не перестававшими влиять на настоящее.

И хотя статью, отредактированную Сталиным, нельзя отнести к культурному процессу, но выраженный в ней дух безжалостной борьбы распространился на все сферы жизни СССР.

Нам сегодня трудно представить это огромное пространство, где не было Бога, но были подъем духа, оптимизм и вера в прекрасное будущее социалистического Отечества.

Как говорил о предвоенной поре маршал Жуков, она отличалась «какой-то одухотворенностью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой».

Думается, с этим выводом маршала согласилось бы не все население СССР. Скромность повседневной жизни на грани нищеты была реальностью для многих семей. Для них единственный шанс подняться на более высокий уровень был возможен при условии получения образования, политической лояльности и готовности к перенапряжению сил. Именно таких людей Сталин называл «большевиками» независимо от их партийности. И таких было много.

Характерно его пристальное внимание к повседневным условиям жизни правящего слоя, который постоянно стремился к буржуазным стандартам.

Так, 1 февраля 1938 года по настоянию Сталина Политбюро приняло постановление «О дачах ответственных работников». В оригинале, написанном предположительно Молотовым, говорилось, что «бывшие вельможи» (Рудзутак, Розенгольц, Агранов, Межлаук, Карахан, Ягода и др.) понастроили себе грандиозные дачи, дворцы в 15—20 и более комнат, где они роскошествовали и транжирили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложение и перерождение, и ввиду того, что желание иметь такие дачи-дворцы все еще живет и даже развивается в некоторых кругах руководящих работников, СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют: установить максимальный размер дач для руководящих советских работников в 7—8 комнат среднего размера (для семейных) и 4—5 для несемейных[398].

Здесь прямо сказано: элита стремится к роскоши.

После зачисток 1937—1938 годов, когда в политическую и управляющую верхушку пришли новые молодые кадры, тяга к «дворцам» уменьшилась. Должно быть, именно это настроение общества имел в виду Жуков.

Что ж, «ордену меченосцев» требовались воины, а не сибариты.

Глава пятьдесят первая

Стратегическая драматургия. Разведка предупреждает о готовящемся нападении Германии. Переворот в Югославии. Немцы захватывают Югославию и Грецию. Заключение договора о ненападении с Японией. Вопрос вины Сталина в неготовности СССР к войне

О принятии Гитлером плана «Барбаросса» советское руководство узнало очень быстро. Спустя десять дней, 29 декабря 1940 года, советский разведчик полковник Н. Скорняков

(«Метеор») сообщил начальнику Разведуправления Генштаба РККА, что «Гитлер отдал приказ о подготовке войны с СССР», война будет объявлена в марте 1941 года. Документ был разослан Сталину, Молотову, Тимошенко, Мерецкову.

Четвертого января 1941 года «Метеор» в подробном донесении уточнил: визит Молотова в Берлин «можно сравнить с посещением Бека»*.

Кроме того, в донесении говорилось, что «Гитлер считает состояние Красной Армии сейчас настолько низким, что весной он будет иметь несомненный успех».

Советская разведка и ранее получала информацию о сосредоточении немецких войск на границах СССР, но теперь она обрела конкретику.

Как сегодня стало известно, в первой половине июня 1941 года Разведуправление РККА и Управление внешней разведки НКГБ составили две секретные записки о подготовке нападения Германии на Советский Союз:

«Перечень донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР январь — июнь 1941 года» и «Календарь сообщений агентов берлинской резидентуры НКГБ СССР “Корсиканца” и “Старшины” о подготовке Германии к войне с СССР за период с сентября 1940 по 16 июня 1941 года». (На «Календаре...» стоит дата 20 июня 1941 года, то есть до начала военных действий — 48 часов.)

Историк военной разведки Владимир Лота считает, что оба документа готовились по заданию единственного руководителя, которому подчинялись обе разведки, — Сталина. Это подтверждает и Судоплатов. Если учесть, что на рабочем столе вождя были две равновеликие стопки донесений, в одной — о неизбежном нападении немцев, в другой — отвергающие возможность нападения в 1941 году, то Сталин оказался перед задачей небывалой трудности.

В среднем в первой половине 1941 года военная разведка направляла в Кремль ежемесячно шесть донесений о нарастании военной угрозы со стороны Германии.

Обратим внимание на утверждение агента «Дожа», что военные не поддерживают планов Гитлера, «так как это приведет к кровопролитной войне, которая неизвестно чем закончится».

Заканчивается «Перечень...» двадцатью сообщениями, полученными от сотрудника германского посольства в Москве Клегеля, в которых прослеживается приближение трагического часа. В последнем от 21 июня 1941 года (19.00) указан срок

---

* Польский министр иностранных дел посетил Германию за несколько месяцев до нападения немцев на Польшу.

нападения — «немедленно». Его содержание: «Посольство утром получило указания уничтожить все секретные бумаги. Приказано всем сотрудникам посольства до утра 22 июня захватить свои вещи и сдать их в посольство. Живущим вне посольства — переехать в посольство. Считают, что наступающей ночью будет решение. Это решение — война».

В предыдущих донесениях были стратегические и военные сведения, а в этом — просто бытовые. Судьба свершилась.

Война в течение последнего предвоенного полугодия надвигалась на СССР со стороны Балкан. 23 января Болгария дала согласие на присоединение к Тройственному союзу. Страна, которую Сталин открыто назвал зоной советских интересов и которая была мостом к проливам, ушла из-под его влияния.

Немцы предприняли меры защиты Констанцы «от бомбардировок независимого противника с моря», то есть от советских ВВС. 26 февраля Кремль узнал о вводе немецких войск в Софию. Но Сталин, кроме дипломатических заявлений, ничего не мог сделать. К тому же продолжающаяся война Англии на Балканах настраивала его на изоляционистский и подозрительный подход и к ней, так как он хорошо знал об антироссийской политике Великобритании в отношении российских интересов в районе проливов.

Положение СССР быстро ухудшалось. В ночь с 26 на 27 марта 1941 года в Белграде произошел военный переворот. Прогерманское правительство Д. Цветковича, подписавшего 25 марта договор о присоединении к Тройственному пакту, было заменено проанглийским правительством генерала Д. Симовича. Советская разведка и Коминтерн тоже принимали участие в перевороте. 5 апреля СССР заключил с Югославией договор о взаимопомощи. В Берлине это послужило сигналом к интервенции, так как подчинение Югославии Москве перечеркивало военные планы Гитлера.

Шестого апреля германские войска вошли в Грецию и Югославию. 12-я германская армия под командованием фельдмаршала Листа к тому времени располагалась на болгаро-турецкой границе и готовилась к нападению на Советский Союз после захвата Балкан. Теперь немцы были вынуждены переориентироваться.

Именно операция в Югославии задержала их нападение на СССР более чем на месяц и, как выяснилось в октябре—ноябре, стала одной из причин провала блицкрига. После короткого наступления немецких танковых дивизий и венгерской армии на Дунайском фронте югославские войска были сдавлены с обоих флангов. С севера со стороны Загреба и Любляны наступление поддерживали итальянцы. Еще один удар был нане-

сен с болгарской территории. В результате 28 югославских дивизий в беспорядке откатились в Сараево, где 17 апреля сдались.

Одновременно с этими событиями немцы начали оккупацию Греции, где в середине февраля высадились английские войска. Армия Листа под прикрытием бомбардировочной авиации повела наступление четырьмя танковыми колоннами. Преодолевая горы, немцы стремительно двигались вперед.

Восьмого апреля они взяли Салоники. 21 апреля греческая армия капитулировала.

Английские войска сумели провести сложнейшую эвакуацию, из 57 660 солдат были вывезены на кораблях около 43 тысяч.

Двадцать седьмого апреля немцы были в Афинах.

После югославской катастрофы, как мы помним, Сталин позвонил писателю Эренбургу и опроверг установки своих собственных пропагандистов. Фактически московский договор Молотова — Риббентропа перестал существовать в главном политическом смысле, ибо никаких консультаций перед введением войск в Югославию Гитлер проводить не пожелал.

Но Эренбург не мог компенсировать крушение надежд Сталина и Молотова на то, что югославы навяжут немцам длительную войну.

Восемнадцатого апреля 1941 года заместитель начальника советской разведки Павел Судоплатов подписал специальную директиву: всем резидентурам в Европе: всемерно активизировать работу агентурной сети и линий связи, приводя их к требованиям военного времени.

Глядя на карту Европы, где все государства, кроме Центральной Швейцарии и сражающейся Англии, были подчинены Германии или сотрудничали с ней, Сталин должен был ощущать размеры угрозы. Но одно дело ощущать и другое — знать. Он не знал, во что выльется угроза. У него были основания считать, что он сумеет отвести ее каким-либо гроссмейстерским ходом.

В апреле 1941 года был заключен договор с Японией о нейтралитете, что могло показаться огромным успехом, так как гарантировало от войны на два фронта. Так, кстати, и считалось в советской историографии: мол, победы на Хасане и Халхин-Голе убедили японскую военщину, что воевать с Красной армией бесперспективно.

На самом деле за советско-японским договором стояла Германия, политическое руководство которой посчитало, что необходимо нацелить японскую армию на Сингапур, центр английских владений в Юго-Восточной Азии. Этим Япония

отвлекла бы от Европы и Соединенные Штаты. В такой стратегии было много рационального: уводя Англию и Америку, Гитлер планировал обеспечить беспрепятственное проведение плана «Барбаросса».

У США были огромные интересы в Тихоокеанском регионе, и, как мы помним, именно здесь американский капитал стал выдавливать английский. Японцы, захлопнув двери в Китай перед носом Вашингтона и Лондона, вынудили англосаксов сплотиться. В июле стало действовать американское эмбарго на поставки авиационного бензина за пределы Западного полушария. В октябре 1940 года американцы ввели эмбарго на поставки Японии железного и стального лома, начали выводить свои капиталы из Японии.

В феврале 1941 года Китаю были предоставлены большие займы: от США — 500 миллионов долларов, от Англии — 50 миллионов фунтов стерлингов. Западные демократии не собирались уходить из региона. Тем более что у них здесь не было крупных сухопутных частей, а гоминьдановский Китай имел трехмиллионную армию.

Одновременно в Вашингтоне понимали многовариантность начавшейся борьбы. Одна из самых страшных угроз заключалась в образовании союза Японии — СССР — Германии, направленного против Англии и США. Поэтому американцы вели себя в отношении Токио очень осторожно, опасаясь, что полная экономическая блокада подтолкнет его к Москве.

Например, после бензинового эмбарго Япония потребовала от Индонезии увеличения поставок нефти в шесть раз, и Государственный департамент США порекомендовал голландским властям удовлетворить японские требования на 60 процентов. Пока еще Штаты не были готовы к войне.

Они были заинтересованы в нападении японцев на СССР, чтобы навсегда ликвидировать угрозу образования евразийского блока. Но на европейском театре и США, и Англия видели в Советском Союзе единственного партнера по борьбе с Германией. Отсюда следовал печальный для Кремля вывод: Запад заинтересован в скорейшем вхождении СССР в войну.

И что же должен был сделать Сталин? Ему оставалось только маневрировать.

Однако здесь японское правительство в предвидении растущей угрозы западной блокады решило выяснить планы Берлина. В Германию выехал министр иностранных дел Е. Мацуока.

Двадцать третьего февраля 1941 года на встрече Риббентропа с японским послом было сказано: Германия уже выиграла войну в «экономическом и политическом отношении». Теперь в интересах Японии надо нанести решающий удар по Сингапу-

ру, «чтобы уничтожить ключевую позицию Англии в Восточной Азии». Риббентроп подытожил: «Все это быстро решит исход войны в нашу пользу и удержит Америку от вступления в войну».

Для Японии южное направлсние являлось экономически болсс выгодным, чем северное, и предложение германского министра было принято.

Во время разговора Риббентроп почти открыто признал, что Германия «в случае нежелательного конфликта с Россией» быстро одержит победу.

Показательно, что Гитлер был настолько уверен в мгновенном разгроме СССР, что не захотел сообщить японским союзникам о нападении, не желая делиться с ними добычей.

Двадцать третьего марта 1941 года министр иностранных дел Японии проездом в Германию прибыл в Москву. На вокзале его встречал Сталин. На следующий день Сталин и Молотов провели с японцем предварительные переговоры, и тот уехал. 25 марта Разведуправление получило донесение военного атташе в Японии Ю. Глущенко, в котором раскрывалась основная цель приглашения Мацуоки немцами: убедить японское правительство отвлечь Америку.

Согласно протоколу беседы Риббентропа и Мацуоки, Германия гарантировала выступление на стороне Японии в случае нападения на Японию Советского Союза. При этом немцы не хотели, чтобы Япония заключала договор о ненападении с Советами.

Таким образом, складывалась ситуация, при которой Япония и СССР были заинтересованы (хотя и по разным причинам) в заключении договора, а немцы своими действиями подталкивали их к этому.

К тому же Гитлер пообещал Мацуоке, что в случае конфликта с американцами Германия будет на стороне Японии.

Шестого апреля Мацуока вернулся в Москву, начались трудные переговоры с Молотовым. Вплоть до 12 апреля, когда у японского министра состоялась встреча со Сталиным, договор не был подписан. При этом учтем, что немцы уже оккупировали Югославию. За время пребывания в СССР японец посетил Ленинград, совершил экскурсии по Москве, осмотрел технологический и автомобильный институты, встретился с начальником Генштаба Жуковым и побывал на спектакле «Три сестры» по пьесе А. П. Чехова во МХАТе.

Подчеркнем, что советский руководитель, зная о необходимости для японцев исключить возможность второго фронта, держался твердо. Он хотел ликвидировать наследие тяжелого Портсмутского мира (1905) и добиться отказа японцев от кон-

цессий на Северном Сахалине и прав на рыбный промысел. Шуленбург сообщал в Берлин, что несколько раз встречался с Мацуокой, но тот не раскрывал ему содержание переговоров.

Все должно было решиться на встрече японца с нашим героем.

В беседе со Сталиным разгорелся спор. О Северном Сахалине, который Япония хотела получить.

Сталин прямо указал на то, что сегодня Япония контролирует все выходы Советского Приморья в Тихий океан; если она получит Северный Сахалин, Советский Союз будет «вовсе закупорен».

В ответ Мацуока сказал, что Япония не будет возражать, чтобы СССР вышел к океану через Индию, то есть повторил идею Гитлера о войне СССР с Англией в Индостане.

На это Сталин ответил, что СССР не нужна война в Индии.

Мацуока предложил помощь Японии в поставках каучука и других товаров из Индонезии.

Ответ Сталина был категоричным: «Взять Северный Сахалин — значит мешать Советскому Союзу жить».

Судя по опубликованной записи переговоров, Мацуока уступил в спорных вопросах.

Тринадцатого апреля (это было воскресенье) договор о нейтралитете был подписан.

Особенность документа: японцы пошли дальше, чем хотели того в Германии. Видимо, они хорошо запомнили шок от германо-советского пакта, заключенного Риббентропом в Москве во время боев на Халхин-Голе, и постарались обеспечить свою безопасность.

Сталин приехал проводить Мацуоку на Ярославский вокзал. Как вспоминает Молотов, «мы со Сталиным крепко напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон»[399].

Они даже пели «Шумел камыш». Все были довольны. В донесении Шуленбурга от 13 апреля 1941 года описывается дружеская обстановка проводов[400].

Сталин акцентировал свое дружелюбие к присутствовавшим на перроне немецким дипломатам, хотя только что добился важнейшего результата на пути к созданию прочной обороны от немцев.

Что получилось в итоге? Весь мир воспринял известие о договоре как свидетельство успеха сталинской политики. Советский Союз снова ускользал от угроз, а в Англии и США поняли, что Москва не будет вмешиваться в их разборки с Японией. Гоминьдановское руководство Китая тоже было недовольно.

Да, Сталин выстраивал крепость и надеялся в ней отсидеться хотя бы год, пока не закончится перевооружение армии.

Договор с Японией укрепил его надежду, что еще можно будет продолжить торг с Гитлером и пожинать плоды неприсоединения к враждующим сторонам. Он знал, что всем выгодно сделать его союзником, используя при этом любые средства, вплоть до провокаций, дезинформации и блефа.

Югославия не оказала должного сопротивления и не задержала немцев? Что ж, зато на Востоке обеспечен пусть и временный, но покой. А немцам тоже еще найдется что предложить. Главное, не делать резких движений.

Примерно так рассуждал Сталин, читая десятки донесений разведки.

Дату 22 июня 1941 года, день нападения Германии на СССР, принято считать символом сталинского провала: готовясь к отражению агрессии и держа в страшном напряжении экономику и население страны, вождь был застигнут врасплох. Жертвы и лишения периода индустриализации в годы войны выросли до исполинских размеров. Даже победив в войне, СССР в 1945 году по состоянию экономики и размерам человеческих потерь представлял собой проигравшее государство. Можно ли руководителя такого государства не обвинять в непростительных ошибках?

Но как ни странно это покажется, мы его не обвиняем.

В историческом сознании русских дата 22 июня стала вовсе не символом сталинского провала, а знаком великой народной трагедии, равной монгольскому нашествию. Равно как древнерусские князья, не сумевшие защитить страну от более сильного врага, так и Сталин в 1941 году не воспринимается как единственный виновник случившегося.

Вообще, те, кто хотят видеть в одном Сталине источник преступлений, не вполне понимают ход истории.

За внезапными авиаударами по советским военным аэродромам и танковыми прорывами надо попытаться разглядеть образ несправедливого Версальского мира, заключенного тогда, когда Сталин еще не влиял на мировые события. Именно Версаль породил национал-социализм в Германии и вызвал из дохристианских глубин родоплеменную жажду мщения. Так получилось, что Сталин должен был стать главным воином, противостоящим страшной силе. Плох он был или даже ужасен, но другого воина тогда в Европе не было. Разве что еще Черчилль на своих островах, поддерживаемый Рузвельтом и борющийся с частью британской политической элиты, сторонниками чемберленовского курса на умиротворение Германии.

Сталин тоже до самого крайнего рубежа старался договориться с Гитлером подобно тому, как московские князья договаривались с ханами Золотой Орды. Но — не случилось.

Впрочем, он предвидел нападение и делал все, что мог, чтобы выиграть не только время, но и перегруппировать ресурсы.

Кроме созданных по его инициативе стратегических резервов, была отведена в глубокий тыл тяжелая артиллерия, которая таким образом и была сохранена и в 1942 году была введена в дело.

Как вспоминает Микоян, перед войной немцы предложили выплатить компенсацию за оборудование, которое они не имели возможности (или не хотели) поставить по условиям экономического договора 1940 года. Микоян не соглашался на компенсацию, но Сталин, к удивлению, согласился. Объяснение было простое: надо взять золото, иначе начнется война и ничего не получим.

Действия Сталина накануне нападения Германии показывают, в каком трудном положении он находился.

Четвертого мая 1941 года Сталин был назначен председателем правительства с сохранением всех прежних должностей. (Молотов стал заместителем председателя, Жданов — вторым секретарем ЦК.)

Не веря, что Гитлер осмелится вопреки всякой логике открыть еще один фронт на востоке, Сталин готовился к худшему.

Пятого мая в спецсообщении Разведуправления РККА говорилось, что «за два месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107). С учетом румынской и венгерской армий это количество возрастает до 130. Идет усиленная подготовка театра военных действий: строятся вторые линии железнодорожных путей, склады боеприпасов, аэродромы, бомбоубежища и т. д.».

Какие еще нужны подтверждения?

В тот же день, 5 мая, в 18 часов Сталин выступил в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца перед молодыми офицерами, выпускниками шестнадцати военных академий. Они отбывали в войска во все округа. Он должен был сказать им правду, другой возможности сделать это у него могло не оказаться.

То, что он им сказал, и есть очищенное от дипломатических условностей его предвидение будущего.

Что такое правительственный прием? Это особо торжественное мероприятие со своим ритуалом, где, кажется, нет места для откровений.

Вот на сцене зала появились члены Политбюро, нарком обороны Тимошенко, генералы и адмиралы. Главным, понятно, было выступление Сталина. Что же услышали лейтенанты?

Он признал, что «пока у Германии лучшая в мире армия», однако тут же напомнил о судьбе «великой армии» Наполеона, вторгшейся в Россию. Он рассказал о новейшей военной технике, уже поставляемой в войска, которая превосходит германскую.

В его оптимизме звучало и предостережение. Он признал, что Финская кампания показала неготовность Красной армии к ведению современной войны, и рассказал об «экстренных мерах», которые принимаются для устранения недостатков в военной технике и в боевой подготовке войск. Впрочем, всей правды офицеры все-таки не услышали. Не знал ее и Сталин. (Добавим, что «экстренные меры» не включали предоставление командирам соединений необходимой самостоятельности, как это было в вермахте.)

После выступления Сталина всех пригласили в Георгиевский зал на банкет. Там наш герой произнес несколько тостов: «за пехоту», «за артиллерию» и — «за войну». Последний тост был неожидан. На первый взгляд его спровоцировал начальник Артиллерийской академии генерал-лейтенант Сивков, который предложил «выпить за мир, за сталинскую политику мира, за творца этой политики, за нашего великого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина».

Услышав это, Сталин замахал руками и попросил слова.

Очевидец так описал эту сцену:

«Он был очень разгневан, немножко заикался, в его речи появился сильный грузинский акцент.

— Этот генерал ничего не понял. Он ничего не понял. Мы, коммунисты, — не пацифисты, мы всегда были против несправедливых войн, империалистических войн за передел мира, за порабощение и эксплуатацию трудящихся. Мы всегда были за справедливые войны за свободу и независимость народов от колониального ига, за освобождение трудящихся от капиталистической эксплуатации, за самую справедливую войну в защиту социалистического отечества. Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство, завоеванное трудящимися под руководством Коммунистической партии Ленина. Германия хочет уничтожить нашу великую Родину, Родину Ленина, завоевания Октября, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов. Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне.

Сталин осушил свой фужер, все в зале сделали то же самое. Воцарилась тишина»[401].

Конечно, Сталин ответил непонятливому генералу, но по сути в этом ответе выразилась его главная мысль, почему-то не

нашедшая места в сорокаминутном выступлении со сцены. Это раскрывает колебания нашего героя.

Тревога переполняет его, донесения разведки уже вопиют, а тут генерал Сивков со своей «миролюбивой политикой» сглаживает эффект от его не до конца откровенной речи, — и Сталин взрывается.

Да, теперь он их предупредил.

Однако через несколько дней последовало ужасное известие: 10 мая заместитель Гитлера по партии Р. Гесс перелетел в Англию и ведет там переговоры. О чем? О заключении мира? Если так, то у Гитлера развязываются руки. В тот же день, словно дополняя тяжесть информации, прекращаются бомбардировки Англии. (Заметим, что против англичан на всех фронтах было сосредоточено 122—126 немецких дивизий.)

В недавно рассекреченных документах Комитета госбезопасности СССР есть свидетельства, объясняющие состояние кремлевского руководства. Разведка сообщала, что США и Великобритания окажут помощь СССР только в случае неспровоцированной агрессии Германии. Но если же Советский Союз нанесет превентивный удар, что тогда? Тогда он останется в одиночестве.

Сталин знает, что СССР к войне не готов, но войны избежать не удастся. Вопрос в сроках. Когда?

Восьмого мая ТАСС опровергает слухи о сосредоточении советских войск на западной границе. На самом деле войска сосредоточивались.

Девятого мая СССР разрывает дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами оккупированных немцами Бельгии, Норвегии, Югославии.

Двенадцатого мая признается прогерманское правительство в Ираке, пришедшее к власти в результате антибританского восстания под руководством германской агентуры.

Какая тут «наступательная война», за которую он предложил тост?

Словно в ответ на этот вопрос Генеральный штаб представил 15 мая «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза». Документ был написан от руки начальником оперативного управления А. М. Василевским и не подписан ни Тимошенко, ни Жуковым. Предлагалось нанести превентивный удар по германским войскам в направлении Польши.

Эти «Соображения...» были прочитаны Сталиным и остались без последствий.

Когда Тимошенко напомнил его недавнее выступление перед выпускниками военных академий, Сталин объяснил: это

делалось для поднятия духа офицеров. Он запретил объявлять всеобщую мобилизацию и приводить пограничные округа в боевую готовность. Запретил «дразнить» немцев, не то «головы полетят».

Однако в приграничные округа Генштаб направил директивы, которые впоследствии оказали важнейшее влияние на весь ход военной кампании 1941 года. Предусматривалась вероятность отступления вглубь страны, а также на случай вынужденного отхода — подготовка к эвакуации промышленных предприятий, государственных учреждений, складов и т. д. Определялись три рубежа обороны: фронтовой — по границе, стратегический — по линии Западная Двина, Днепр (Нарва, Сольцы, Великие Луки, Конотоп), государственный (Осташков, Сычевка, Ельня, Почеп, Рославль, Трубчевск). На основании директив Генштаба округа должны были в кратчайший срок с 20 по 30 мая представить на утверждение оперативные планы обороны. Фактически это было началом скрытой мобилизации. В мае—июне из тыловых округов, Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского, на стратегический рубеж обороны перебазировали несколько армий и корпусов. Всего на западном направлении было 170 дивизий, 57 из них прикрывали границу. Заглядывая вперед, в первые месяцы войны, надо сказать, что 28 дивизий не вышли из окружений, 70 дивизий понесли тяжелые потери, но более 70 кадровых дивизий вместе с вновь собранными (всего более 200 дивизий) сорвали решающий этап плана «Барбаросса» — «воспрепятствовать своевременному отходу боеспособных сил противника и уничтожить их западнее линии Днепр — Двина».

Четырнадцатого мая в «Известиях» появилось сообщение ТАСС, целью которого было выяснение намерений немцев и стремление втянуть их в длительные, до осени, переговоры, а там уже распутица не позволит начинать военные действия.

В нем говорилось: Германия «неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта», слухи о ее предстоящем нападении беспочвенны; СССР не готовится к войне с Германией, летние сборы и маневры РККА — это рутинное обучение войск.

Но напрасно Кремль ожидал ответа на свой зондаж. Берлин будто ничего не заметил. Тогда посол Деканозов 18 июня встретился со статс-секретарем германского МИДа Вайцзеккером, чтобы узнать реакцию. И — никакой реакции!

Похоже, неопределенность рассеивалась. Могучая, боеспособная, но не вполне подготовленная Красная армия должна была принять страшный удар.

Но как быть с личным письмом Гитлера, которое он напра-

вил Сталину 14 мая? Оно беспрецедентно: «Я пишу это письмо в момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно достичь долговременного мира в Европе — не только для нас, но и для будущих поколений без окончательного крушения Англии и разрушения ее как государства. Как вы хорошо знаете, я уже давно принял решение осуществить ряд военных мер с целью достичь этой цели. Чем ближе час решающей битвы, тем значительнее число стоящих передо мной проблем. Для массы германского народа ни одна война не является популярной, а особенно война против Англии, потому что германский народ считает англичан братским народом, а войну между нами — трагическим событием. Не скрою от Вас, что я думал подобным же образом и несколько раз предлагал Англии условия мира. Однако оскорбительные ответы на мои предложения и расширяющаяся экспансия англичан в области военных операций — с явным желанием втянуть весь мир в войну, убедили меня в том, что нет пути выхода из этой ситуации, кроме вторжения на Британские острова.

Английская разведка самым хитрым образом начала использовать концепцию “братоубийственной войны” для своих целей, используя ее в своей пропаганде — и не без успеха. Оппозиция моему решению стала расти во многих элементах германского общества, включая представителей высокопоставленных кругов. Вы наверняка знаете, что один из моих заместителей, герр Гесс, в припадке безумия вылетел в Лондон, чтобы пробудить в англичанах чувство единства. По моей информации, подобные настроения разделяют несколько генералов моей армии, особенно те, у которых в Англии имеются родственники.

Эти обстоятельства требуют особых мер. Чтобы организовать войска вдали от английских глаз и в связи с недавними операциями на Балканах, значительное число моих войск, около 80 дивизий, расположены у границ Советского Союза. Возможно, это порождает слухи о возможности военного конфликта между нами.

Хочу заверить Вас — и даю слово чести, что это неправда...

В этой ситуации невозможно исключить случайные эпизоды военных столкновений. Ввиду значительной концентрации войск, эти эпизоды могут достичь значительных размеров, делая трудным определение, кто начал первым.

Я хочу быть с Вами абсолютно честным. Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от ее грядущей судьбы и разрушить мои планы. Речь идет о времени более месяца. Начиная, примерно, с 15—20 июня я планирую начать массовый перевод войск от

Ваших границ на Запад. В соответствии с этим я убедительно прошу Вас, насколько возможно, не поддаваться провокациям, которые могут стать делом рук тех из моих генералов, которые забыли о своем долге. И, само собой, не придавать им особого значения. Стало почти невозможно избежать провокации моих генералов. Я прошу о сдержанности, не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам. Только таким образом мы можем достичь общих целей, которые, как я полагаю, согласованы...

Ожидаю встречи в июле. Искренне Ваш,

Адольф Гитлер»[402].

Можно только догадываться о том, что испытывал Сталин, прочитав письмо. Он знал, что согласно всем установкам германских военных и политическим заветам Бисмарка немцы не могут рисковать воевать на два фронта. Пока Англия не будет повержена, Гитлер не повернет войска на Восток. Это подтверждают и донесения разведки. Но если Берлин и Лондон сговорятся? Полет Гесса может быть началом такого сговора. А Советский Союз все еще не готов к войне! Поэтому Сталин при всей его недоверчивости должен был лелеять надежду на честность фюрера. Да, это германские генералы могут затеять провокацию на границе, но надо не поддаться, вытерпеть. К тому же Россия — это не Франция, русские будут мужественно сопротивляться, а к длительным военным действиям Германия не готова. У нее нет стратегических запасов не только бензина, но армия даже не ведет закупок шерсти, крайне необходимой для зимнего обмундирования. А без теплого обмундирования невозможно вести никаких военных действий на Русской равнине.

И склонившись в сторону своей надежды, Сталин тем не менее предпринял несколько серьезных шагов, которые, как стало ясно потом, сорвали германскую стратегию молниеносной войны.

Впоследствии Жуков признался, что в случае развертывания на границе второго эшелона обороны наши войска были бы разбиты, «а Ленинград и Москва пали в 1941 году».

За три дня до начала войны Политбюро приняло решение о создании второго стратегического эшелона («второй линии») вдоль Днепра, что свидетельствовало об изменении прежней установки на войну «малой кровью, на вражеской территории».

Сталин делал все, что считал возможным, для укрепления позиций в неизбежном столкновении с сильнейшей армией мира. Были преобразованы Прибалтийский, Белорусский и Юго-Западный округа во фронты Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и, кроме того, был создан Южный фронт.

С одной стороны, он убеждал всех, что никакой войны не будет, а с другой — изо всех сил строил оборону. Конечно, обе линии конкурировали друг с другом и лишали военное руководство уверенности в себе. Но повторимся, у Сталина не было других решений, он не мог верить ни англичанам, ни немцам, играющим свои геополитические партии, ни своим генералам, которые вопреки логике заявляли, что «в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового». (Это слова наркома обороны С. Тимошенко на совещании высшего командования РККА 21—30 декабря 1940 года.)

Говоря о невиновности Сталина, надо иметь в виду его ответственность как полновластного диктатора, создавшего именно эту систему управления государством. Как сочетать эти вещи?

Необоснованные репрессии, кадровая неразбериха, нежелание признать реальность в сроке нападения, опоздание в перестроении первого эшелона обороны — никуда этого не денешь.

Его невиновность-виновность и его триумфальная победительность органично связаны с его жесткой и нередко ошибочной практикой. Это и есть формула Сталина. Его ответственность была тотальной, поглощала ошибочные решения и установки всех военных, разведчиков, дипломатов, соратников.

Хотя маршал Жуков, маршал Василевский, адмирал Н. Г. Кузнецов потом свидетельствовали, что были «крупные ошибки со стороны военных», это ничего не меняет в трагедии 22 июня.

Двадцать первого июня вечером на заседании у Сталина, где присутствовали Молотов, Вознесенский, Маленков, Берия, Ворошилов, Тимошенко и заместитель начальника Главного управления политпропаганды РККА Ф. Ф. Кузнецов, в обстановке постоянно появляющейся информации об угрожающем положении на границе было принято последнее «мирное» решение: поручено Молотову встретиться с Шуленбургом и добиться от него внятного ответа. Конечно, утопающий хватался за соломинку. Шуленбург ничего не ответил, сославшись на отсутствие информации из Берлина.

После возвращения Молотова было поручено Тимошенко и Жукову отдать приказ о приведении в полную боевую готовность всех частей и соединений приграничных округов (фронтов).

Если суммировать все меры, принятые СССР к 22 июня 1941 года, то мысль о невиновности-виновности Сталина получит убедительное подтверждение.

«Версии просчета Сталина в сроках вероятного нападения Германии на СССР как главной причины наших неудач сопутствует утверждение, что наши войска в 1941 году, до войны, не уступали вермахту в умении воевать, в профессионализме и,

если бы их вовремя привели в боевую готовность, они успешно отразили бы нападение агрессоров.

Под боеготовностью при этом понимают только способность войск занять по тревоге рубежи развертывания, упуская главную составляющую боеготовности — умение успешно выполнить боевую задачу по отражению внезапного нападения, которое при таком умении армии и не будет внезапным.

Главным "доказательством" неприведения наших войск в боевую готовность перед агрессией многие считают сам факт их поражений, хотя прямой связи тут нет. Вместо нечетких голословных утверждений, что войска не приводились в боеготовность, пора бы определить конкретный перечень главных мер, которые надо было осуществить для достижения требуемой готовности перед войной. И выявить, какие из них были проведены в жизнь до войны, вовремя; что не было сделано и как это повлияло на исход первых сражений.

В 1935—1941 годах руководством СССР был проведен ряд крупных мер по повышению боеготовности советских Вооруженных Сил:

1) перевод Красной армии в 1935—1939 годах на кадровую основу;

2) введение всеобщей воинской обязанности в 1939 году;

3) создание и развертывание серийного производства нового поколения танков и самолетов в 1939—1941 годах, до войны;

4) стратегическое мобилизационное развертывание Вооруженных Сил в 1939—1941 годах из армии мирного времени в армию военного времени (до войны!), с 98 дивизий до 303 дивизий;

5) создание и сосредоточение на западных границах в 1939—1941 годах армий прикрытия невиданной в истории человечества для мирного времени численности в 186 дивизий, с учетом 16 дивизий второго стратегического эшелона, прибывших в армии прикрытия до войны;

6) подготовка Западного ТВД к войне — аэродромы, укрепрайоны, дороги.

В апреле—июне 1941 года, с нарастанием угрозы войны, были приняты дополнительные срочные меры по повышению боеготовности, включавшие:

призыв в апреле—мае 793 тысяч резервистов для пополнения войск западных военных округов почти до штатов военного времени;

директива начальника Генштаба от 14 апреля о срочном приведении в боеготовность всех долговременных огневых сооружений, укрепленных районов с установкой в них оружия полевых войск при отсутствии табельного;

скрытая переброска с 13 мая из внутренних округов войск второго стратегического эшелона в западные округа с приведением их при этом в боеготовность — 7 армий 66 дивизий (16, 19, 20, 22, 24 и 28-я армии, 41-й стрелковый, 21-й и 23-й механизированные корпуса);

приведение в боеготовность 63 дивизий резервов западных округов и выдвижение их ночными маршами, скрытно, с 12 июня в состав армий прикрытия этих округов (Директива НКО от 12.06.41);

приведение в боеготовность и скрытый вывод под видом учений в месте сосредоточения 52 дивизий второго эшелона армий прикрытия из мест постоянной дислокации (Приказ НКО от 16.06.41);

вывод дивизий первого эшелона армий прикрытия в укрепрайоны по телеграмме начальника Генштаба от 10.06.41 и указанию наркома обороны от 11.06.41 — с начала июня;

приведение всех войск ПрибОВО и ОдВО в готовность 18—21.06.41;

создание с апреля 1941 года командных пунктов и занятие их 18—21 июня срочно сформированными фронтовыми управлениями;

создание группы армий С. М. Буденного на линии Днепра 21.06.41;

досрочный выпуск по Приказу НКО от 14 мая изо всех училищ и направление выпускников в западные приграничные округа;

Приказ НКО № 0367 от 27. 12.40 и его повторение 19.06.41 о рассредоточении и маскировке самолетов и т. п.;

направление зам. наркома обороны генерала К. А. Мерецкова И. В. Сталиным в ЗапОВО и ПрибОВО для проверки боеготовности ВВС округов 14.06.41;

издание Директивы НКО и Ставки (№ 1) приведения в боеготовность войск западных военных округов (подписана 21.06.41 в 22. 00, так как С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков уже в 22.20 вышли от Сталина, получив одобрение им этой директивы, отправив ее с Н. Ф. Ватутиным на узел связи Генштаба).

Всего в боевую готовность до нападения немцев были приведены, таким образом, 225 из 237 дивизий Красной армии, предназначенных для войны против Германии и ее союзников по планам обороны.

Не были проведены в жизнь до войны только две важные меры — всеобщая мобилизация в стране и ввод войск в предполье укрепрайонов.

Стратегическое мобилизационное развертывание Красной армии до войны в армию военного времени (5,4 миллиона че-

ловек), создание огромных армий прикрытия, скрытая мобилизация дополнительно 793 тысяч запасных и другое позволили осуществить практически большую часть мер, предусмотренных всеобщей мобилизацией, в силу чего надобность в проведении ее до войны отпала. Уже в мирное время были сформированы все 303 дивизии, запланированные для войны. Было сделано все главное, что страна должна была и могла сделать для успешного отражения надвигавшейся агрессии, если не затрагивать вопроса о качестве наших войск в сравнении с гитлеровскими. Фактически с марта 1941 года происходило встречное стратегическое сосредоточение и развертывание вооруженных сил Германии для агрессии и частей Красной армии — для ее отражения.

Фактически сейчас просчетом в вероятных сроках нападения немцев называют совсем другое — решение Сталина, несмотря на очевидную неизбежность агрессии Германии в июне 1941 года, не объявлять всеобщую мобилизацию и не вводить войска в предполье укрепрайонов до нападения немцев, считая проведенные весной 1941 года мероприятия вполне достаточными, а армии прикрытия в 186 дивизий — способными отразить любое внезапное нападение Германии и ее союзников!

Это не просчет в сроках, а сознательное, учитывающее все плюсы и минусы решение. Ошибся при этом Сталин в одном: переоценил боеспособность наших войск, выглядевших по числу дивизий и боевой техники значительно сильнее вермахта, это был главный и единственный просчет Сталина (и НКО также).

Просчета в предвидении вероятного направления, главного удара вермахта также не было, а было решение Сталина и — допуская возможность главного удара немцев в Белоруссии, сосредоточить наши главные силы на Украине, считая, что в Белоруссии 44 советских дивизий хватит для успешной обороны против 50 дивизий немцев. А ответный удар нам выгоднее наносить с Украины — на Краков... Тут опять просчет в боеспособности наших войск, и только.

Версия о поражении наших войск именно в первый день войны более чем легенда. Фактически первым ударом войск агрессора 22 июня подверглись лишь 30 дивизий первого эшелона армий прикрытия от Балтики до Карпат из 237 дивизий западных приграничных округов и второго стратегического эшелона. Трагедия поражения главных сил трех Особых военных округов (118 дивизий) произошла не 22 июня, а позже, во время встречных сражений 24—30 июня 1941 года между новой и старой границами...

Мнение, что репрессированные высшие командиры были лучшими, а в армии остались худшие — бездоказательно. Лучшие из репрессированных (М. Н. Тухачевский и др.) нередко в печати сравниваются с худшими из оставшихся, не исследован вопрос — какой опыт современной войны (кроме Гражданской) мог получить наш высший комсостав 1930-х годов (в том числе репрессированные), служа с окончания Гражданской войны до 1937 года в нашей малочисленной, отсталой тогда территориально-кадровой армии, в которой кадровых дивизий было два десятка (26 процентов) на двадцать военных округов (во внутренних округах их не было вообще), армейских управлений не существовало с 1920 по 1939 год, крупные маневры начали проводиться только в 1935—1937 годы и т. п. Недаром 120 наших военачальников ездили в Германию учиться военному делу в 1920—1930-х годах.

А идеи, связанные с именем Тухачевского, не были отвергнуты, как пишут, они не всегда оправданно внедрялись в армию перед войной, отражались в уставах. В частности:

идея “ответного удара” стала стержнем плана войны вместо более подходящей для нашей армии идеи стратегической обороны;

теории глубокого боя и операции заслонили для нашей армии вопросы обороны, маневренной войны, встречных операций и др.;

идея создания армий прикрытия была с большим размахом воплощена в жизнь, что спасло нас в 1941 году.

Последствия репрессий 1937—1938 годов против комсостава были частично преодолены к лету 1941 года, поэтому их нельзя отнести к главным причинам неудач нашей армии в начале войны.

Беда в том, что Красная армия так и не успела стать кадровой ни в 1936, ни к 1939, ни к июню 1941 года. С 1935 года она развивалась экстенсивно, увеличивалась в пять раз — но все в ущерб качеству, прежде всего офицерского и сержантского состава.

Советское военное руководство, готовясь к войне с Германией, усиленно добивалось к 1941 году количественного превосходства над вермахтом, особенно в танках и самолетах, но для него оставалось тайной многократное отставание Красной армии от немецкой в качестве войск, штабов, комсостава всех степеней, особенно младшего.

Войска были плохо обучены методам современной войны, слабо сколочены, недостаточно организованы. На низком уровне находились радиосвязь, управление, взаимодействие, разведка, тактика...

...Переход армии на кадровую основу, увеличение ее численности в пять раз в 1939 году и реорганизации 1940—1941 годов обострили дефицит комсостава и ухудшили его качество.

Действительной главной причиной поражения наших войск летом 1941 года была неготовность Красной армии вести современную маневренную войну с противником, имевшим богатейший опыт в ней и отличную подготовку именно к такой быстротечной войне. Наши Вооруженные силы не умели реализовать огромный технический и людской потенциал, превосходящий к началу войны потенциал агрессоров. Причиной такого отставания нашей армии является полный провал в 1930—1937 годах заблаговременной подготовки командных кадров технического звена для многократного увеличения (развертывания) Вооруженных Сил перед войной. Спешные, авральные меры 1939—1941 годов, и особенно весной 1941 года, не могли выправить это положение»[403].

Итак, Сталин не успел полностью решить поставленную им в 1931 году задачу — за десять лет догнать западные страны, «пробежав» путь, на который у них «ушло сто лет». Казалось, он сделал все, что мог.

Оставалось только малое: качество населения, его культурный уровень. Как можно было за столь короткое время перестроить его культурный код и воспитать в тех, кто разрушал имперскую петровскую цивилизацию, и в их детях новое ви́дение мира и новую идентичность?

Глава пятьдесят вторая

Германия напала на СССР. Приграничные сражения. Немецкие генералы уверены в быстрой победе. Наступление тормозится. Экономика Германии перечеркивает блицкриг

В 4 часа утра в воскресенье 22 июня 1941 года германские войска начали вторжение.

В это время Шуленбург срочно запросил встречи с Молотовым и на встрече зачитал заявление германского правительства о начале войны.

В 5 часов 45 минут у Сталина началось новое совещание. На нем присутствовали Молотов, Берия, Тимошенко, Исаков, Мехлис. Достоверной информации еще не было. Они приняли директиву № 2:

«Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили со-

ветскую границу. Впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить».

У Сталина еще теплилась надежда, что нападение началось без ведома Гитлера и может быть остановлено после жесткого отпора. Иначе чем объяснить запрет на переход границы?

Через полтора часа прибыли Молотов, Микоян, Каганович, Ворошилов, Вышинский. Стали обсуждать, кому выступать с обращением по радио. Сталин категорически отказался.

Жребий пал на Молотова. В 12 часов 30 минут его взволнованный голос прозвучал по всем радиостанциям страны. Молотов высказал несколько моментов, из которых видно, чтó сильнее всего поразило советское руководство: «без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну»; «несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора».

В этих словах звучала явная оправдательная нота.

Но кроме того, были сказаны слова, ставшие камертоном всей борьбы: Отечественная война! (Напомним, что так же 22 июня 1812 года Наполеон напал на Россию.)

Финал речи звучал как набатный колокол: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Судя по всему (Молотов это не отрицал), эти слова принадлежали Сталину.

В первый день войны в Кремле были приняты указы Президиума Верховного Совета о мобилизации военнообязанных, о военных трибуналах, о введении военного положения.

В 14 часов была принята директива № 3 о контрнаступлении, разрешающая войскам переход государственной границы.

В этот же день была создана Ставка Главного командования в составе Тимошенко (председатель), Жукова, Сталина, Молотова, Ворошилова, Буденного, Н. Кузнецова. Постоянными советниками Ставки стали Шапошников, Кулик, Мерецков, Жигарев, Воронов, Ватутин, Микоян, Берия, Вознесенский, Жданов, Маленков, Мехлис.

Таким образом, Ставка интегрировала все советское руководство: партийное, военное, правительственное.

Двадцать четвертого июня был создан Совет по эвакуации под руководством Кагановича (председатель), Косыгина и Шверника (заместители).

После глубокого потрясения, пережитого утром, Сталин взял себя в руки и стал выстраивать новую систему управления. Но главные события сейчас проходили на фронтах, откуда поступало мало информации. Поэтому днем Сталин принял решение направить Жукова на Юго-Западный фронт. Через

два дня Ворошилов, Шапошников и Кулик были направлены на Западный фронт.

Очевидно, Сталин нуждался в информации от руководителей своего круга и вспомнил свой опыт Гражданской войны: тогда его направляли на критические участки.

Вечером 22 июня Сталин получил неожиданную поддержку из Лондона, где человек, которому он никогда не доверял, премьер-министр Черчилль, выступил по радио с речью. В ней Черчилль сказал: «Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с Божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...»[404]

Не называя Рузвельта, Черчилль тем не менее давал понять, что говорит и от имени Соединенных Штатов. Через два дня последовало заявление американского президента о поддержке СССР. Так стала складываться антигитлеровская коалиция.

Из дневника генерал-полковника Франца Гальдера, начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии (ОКХ), видно, как развертывались события с точки зрения немцев:

22 июня 1941 года, 1-й день войны.

«Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления.

Наши наступающие дивизии всюду, где противник пытался оказать сопротивление, отбросили его и продвинулись с боем в среднем на 10—12 км! Таким образом, путь подвижным соединениям открыт».

23 июня 1941 года, 2-й день войны.

«В пользу вывода о том, что значительная часть сил противника находится гораздо глубже в тылу, чем мы считали, и теперь частично отводится еще дальше, говорят следующие факты: наши войска за первый день наступления продвинулись с боями на глубину до 20 км, далее — отсутствие большого количества пленных, крайне незначительное количество артиллерии, действовавшей на стороне противника, и обнаруженное движение моторизованных корпусов противника от фронта в тыл в направлении Минска. Перед фронтом группы армий "Юг" противник также отводит свои войска от венгерской границы в восточном направлении, чтобы вывести их из мешка».

«Впрочем, я сомневаюсь в том, что командование противника действительно сохраняет в своих руках единое и планомерное руководство действиями войск. Гораздо вероятнее, что местные переброски наземных войск и авиации являются вынужденными и предприняты под влиянием продвижения наших войск, а не представляют собой организованного отхода с определенными целями. О таком организованном отходе до сих пор как будто говорить не приходится».

24 июня 1941 года, 3-й день войны.

«Середина дня. Наши войска заняли Вильнюс, Каунас и Кейданы»*.

«Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен».

«В общем, теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам. При этом верховное командование противника, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями войск. Причины таких действий противника неясны. Полное отсутствие крупных оперативных резервов совершенно лишает командование противника возможности эффективно влиять на ход боевых действий. Однако наличие многочисленных запасов в пограничной полосе указывает на то, что русские с самого начала планировали ведение упорной обороны пограничной зоны и для этого создали здесь базы снабжения».

---

* Историческая справка: Наполеон занял Вильнюс и Каунас тоже 24 июня.

25 июня 1941 года, 4-й день войны.

«Оценка обстановки на утро в общем подтверждает вывод о том, что русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их вынуждает к этому сильный натиск наших наступающих войск».

29 июня 1941 года (воскресенье), 8-й день войны.

«Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народностей (перед фронтом 6-й и 9-й армий). Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т. п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывают с себя форменное обмундирование и пытаются выйти из окружения под видом крестьян. Моральное состояние наших войск всюду оценивается как очень хорошее, даже там, где им пришлось вести тяжелые бои. Лошади крайне изнурены»[405].

Это фрагменты огромной панорамы, из которой уже кое-что проясняется. Сопротивление русских не ослабевает, что полностью отличается от войны в Европе.

Здесь надо сказать о планах германского командования, чтобы понять закономерности первого периода кампании. План состоял из трех частей:

1. Наступление на Ленинград и Москву, разгром Советской армии в прямом наступлении.

2. Наступление на Киев, захват Украины с промышленным районом Донбасса, затем захват нефтяных месторождений Кавказа.

3. Дополнительно к первым двум операциям:

наступление финской армии в направлении Ленинграда, а также наступление румынской из района Верхнего Прута.

Советское военное командование считало, что основной удар немцы нанесут в западном направлении, но Сталин решил, что это будет наступление на Украину, и потребовал укрепления Киевского военного округа. Он оказался наполовину прав: здесь был нанесен один из двух главных германских ударов.

Всего у немцев на Восточном фронте было сосредоточено три группы армий: «Север» (командующий — фельдмаршал В. Лееб), «Центр» (фельдмаршал Ф. Бок), «Юг» (фельдмаршал Г. Рундштедт).

Советские войска были организованы следующим образом: Северный фронт (командующий — генерал-лейтенант М. Попов), Северо-Западный (генерал-полковник Ф. Кузнецов), Западный (генерал армии Д. Павлов), Юго-Западный (генерал-полковник М. Кирпонос), Южный (генерал армии И. Тюленев).

Преимущество немецких войск базировалось, по утверждению Жукова, на пяти-шестикратном превосходстве на направлениях главных ударов. «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, — признался маршал, — причем всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, т. е. характер самого удара во всем объеме нами не предполагался.

Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»[406].

Именно здесь, а также в незавершенной реорганизации перевооружения РККА кроется причина поражений начального периода войны. По мнению большинства военных специалистов Запада, Советский Союз должен был пасть к зиме, то есть блицкриг должен был закончиться быстрой победой Германии, как и планировал Гитлер. Почему же вместо этого война длилась четыре года и закончилась крахом агрессора?

Месяц спустя после вторжения стратегическая панорама боев выглядела так:

«С середины июля фон Бок, добившись огромного успеха в центре фронта, решил, что наступил момент для танкового удара по Москве, пока враг не успел перевести дыхание. Но фон Лееб все еще пытался прорваться к Ленинграду и отбивал контратаки советских войск, а Рундштедт застрял на юге. Вероятно, учитывая сложившееся положение, 19 июля Гитлер отдал директиву № 33 группе армий "Центр" — продолжить наступление на Москву только пехотой. Часть армий повернуть в направлении северо-запада, а другую часть в южном направлении. Москва все еще не была основной целью Гитлера. 28 июля Гальдер констатировал, что приказы фюрера приводят к рассредоточению сил и движение на Москву приостановлено.

Недавний опыт ведения войны во Франции в новых условиях оказался бесполезен. Немцам приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы не утратить инициативу. Враг сдавал

территорию, но, отступив, тут же шел в атаку. Советские танки прорывали немецкое окружение, и дело осложнялось тем фактом, что немцы испытывали недостаток в танковых дивизиях второй линии, а нехватка транспортных средств приводила к тому, что пехота не могла двигаться с необходимой скоростью. Русские постоянно ускользали из расставленных ловушек»[407].

Из этого следовало, что советские армии в случае принятия немцами новой стратегии — удара на Москву — могли нанести мощные фланговые удары с севера и юга. Гитлер руководствовался вполне рациональными соображениями и, кроме того, держал в уме главную экономическую цель войны — нефтеносный Кавказ.

В директиве Гитлера от 21 августа говорилось: «Наиболее важным перед наступлением зимы является не взять Москву, а захватить Крым и промышленный угледобывающий район на реке Донец, а также не допустить поставок нефти для российской армии из Кавказского региона».

На возражения Бока Гитлер ответил: «Мои генералы ничего не знают о экономических аспектах войны». И он был прав, так как захват Крыма обеспечивал безопасность румынских нефтепромыслов от налета авиации базировавшегося в Крыму Черноморского флота, позволял по морю снабжать топливом войска группы «Юг», совершать авиаудары по советским войскам на кавказском побережье. Кроме того, немцы уже начали испытывать топливный голод, просчитавшись в объемах потребляемого бензина: на российских проселочных дорогах и пересеченной местности грузовики, тракторы и танки потребляли значительно больше горючего, чем было запланировано.

Война в России потребовала пересмотра экономики, а военная экономика поставила перед Гитлером проблему, перечеркнувшую молниеносность войны.

С точки зрения советского командования упорная жертвенная оборона отступающих армий с переходом в контрнаступление позволила собрать и перебросить резервы, а также эвакуировать на Урал и в Сибирь оборудование многих заводов. В итоге Советский Союз с каждым днем, каждой неделей, каждым месяцем жесточайших боев приходил в себя и восстанавливал силы для длительной позиционной войны, к которой Германия не была готова.

Есть еще одна причина, почему в тотальной войне Советский Союз оказался сильнее: он был антибуржуазен по своим идеологическим основам, готов к огромным напряжениям и жертвам. Советские заводы работали в три смены, германские

в одну. В Германии до 1939 года было 1,6 миллиона человек домашней прислуги, во время войны это число сократилось до 300 тысяч. По эффективности советская экономика оказалась в несколько раз мощнее. Она, несмотря на оккупацию и потерю трех из четырех главных экономических центров, превзошла в годы войны экономику оккупированной Германией Европы, чего Советскому Союзу до войны не удалось достичь на всей своей территории.

Теперь, когда понятна в общих чертах суть начального периода войны, снова вернемся к победоносной тактике немецких войск. Танковые корпуса разрывали оборону противника, отсекая его коммуникации, а продвигающиеся следом пехотные дивизии уничтожали окруженные части. Вначале этому нечего было противопоставить. Чем упорнее было сопротивление советских войск, тем прочнее смыкалось у них за спиной кольцо окружения. Отступать для сохранения живой силы и техники они не имели права.

Летом 1941 года, по мнению Гальдера, после четырнадцати дней наступления задачи плана «Барбаросса» уже были решены; русские армии разгромлены, осталось занять промышленные регионы.

Если бы у нас была возможность увидеть сверху всю панораму сражений, перед нашими глазами предстали бы большие и малые «котлы», колонны танков, грузовиков и конских упряжек, болотистые и песчаные пространства, гасившие скорость машин до ползучей, пыль, забивающая фильтры моторов, дожди, грязь, неразбериха команд, ошибки в картах. Генерал Гот указывает: «По выданным картам редко можно было установить, какие дороги и мосты пригодны для движения по ним автомашин и танков. Нередко приходилось указывать войскам дороги, не зная, окажутся ли они проходимыми»[408].

С самого начала немцы столкнулись с отсутствием у них достоверной информации о стране, о ее возможностях и устойчивости государственного строя. То, что, по Гоголю, в России «не дороги, а направления», они знали. Но это не назовешь качественной разведывательной информацией.

Кроме того, в нашей панораме мы бы увидели, как в центре гигантского фронта германские войска сильно продвинулись вперед, а на севере и на юге значительно отстали, что создало угрозу флангам наступающих.

Тринадцатого июля личный адъютант Гитлера Р. Шмундт посетил штаб 3-й танковой группы, входившей в группу армий «Центр», располагавшуюся северо-восточнее Витебска. Ему сообщили, что физически и морально состояние войск значительно хуже, чем в кампанию на Западном фронте.

Глава пятьдесят третья

Организация советского сопротивления. Гитлер стоит перед неразрешимой проблемой — наступать на Москву или на Киев? Организация военного центра управления — ГКО. Речь Сталина повторяет обращение митрополита Сергия. Железнодорожные перевозки как решающий фактор. Гитлер решает уничтожить Москву. Стратегическая ошибка Сталина: оборонять Киев. Сталин и Гопкинс под авианалетом. Кризис в Ленинграде

Чем глубже внутрь страны входили германские войска, тем решительнее становилось сопротивление РККА.

Разведывательная сводка от 27 июля отмечала формирование новых советских армий. В ней также указывалось: «Воля русского народа еще не сломлена. Факты сопротивления режиму неизвестны»[409].

Четвертого августа Гитлер во время посещения командования группы «Центр» заявил, что Москва отходит «на третий план после Ленинграда и Харькова». По-видимому, он считал, что успеет до наступления зимы и обеспечить фланги, и взять Москву.

Когда причиной поражения Германии называют ряд важных обстоятельств, не имеющих прямого отношения к действиям сталинского руководства (отвлечение десяти дивизий вермахта на операцию в Югославии, приостановка наступления на Москву, летние затяжные дожди, бездорожье, ранние сильные морозы), и при этом не говорят о действиях Сталина, картина получается далеко не полной.

С самого начала кремлевский вождь обратился, пусть и не слишком удачно, к опыту комиссаров РВС, посылаемых на фронты. Но кроме Генштаба и правительства он располагал аппаратом госбезопасности для создания подконтрольной системы обороны.

Однако эта система не могла быть выстроена мгновенно и создавалась на протяжении примерно месяца.

Первым о ее создании озаботился Молотов, который в силу своего премьерского опыта увидел, что Ставка Главного командования не охватывает важные секторы экономической и государственной жизни. 30 июня он пригласил к себе в кабинет Берию и Маленкова. Они сразу поняли его замысел — создать Государственный Комитет Обороны, контролирующий все советские, хозяйственные и военные органы.

Это была опасная самодеятельность, так как всё происходило без ведома Сталина. Однако они не устраивали заговора и единодушно согласились, что вождь и должен возглавить ГКО. Также они одобрили и кандидатуру Ворошилова — очевидно, для моральной поддержки Сталина.

Затем инициаторы поехали к Сталину на Ближнюю дачу, чем удивили и, возможно, даже напугали его. Он их не ждал и мог воспринять их появление как предвестие его смещения или ареста. Действительно, тогда все качалось.

Все помнили тяжелую сцену 29 июня, после взятия немцами Минска. Тогда Сталин и бывшие с ним в Кремле Молотов, Маленков, Берия и Микоян не могли получить по телефону от Тимошенко никакой информации и поехали в Наркомат обороны. Когда руководитель страны лично едет за информацией — это уже катастрофа.

В наркомате их встретили Тимошенко, Жуков и Ватутин. Связи с Западным фронтом не было. Жуков доложил, что послали связистов, но неизвестно, когда они управятся.

Сначала Сталин сдерживался, но потом взорвался: «Что за Генеральный штаб?! Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет, никем не командует?!»

Микоян свидетельствует, что Жуков «буквально разрыдался и выбежал в другую комнату».

И это Жуков! Значит, нервы были на пределе.

Минут через пять—десять Молотов возвратил успокоившегося Жукова, у которого «глаза были мокрые». Решили направить на Западный фронт Кулика.

Выходя из наркомата, Сталин сказал поразившие всех слова: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это просрали...»[410]

Это походило на признание краха.

Именно на следующий день Молотов и предложил создать ГКО.

Перед тем как ехать к Сталину, Молотов предупредил, что тот «в последние два дня находится в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет инициативы».

Эти слова вызвали возмущение Вознесенского, и он заявил: «Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдем».

То есть судьба Сталина повисла на волоске. Если бы сейчас предложение Вознесенского было поддержано, у государства бы появился новый начальник.

Но на самом деле никто не собирался свергать Сталина. Свергать вождя в этот критический час было бы самоубийством. И повиснув на мгновение, судьба Сталина вернулась на прежнее место.

Что же увидели незваные гости?

Сталин сидел в малой столовой и, вжавшись в кресло при виде вошедших, вопросительно посмотрел на них, потом спросил: «Зачем приехали?»

«Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: он решил, что мы приехали его арестовывать»[411].

Беспокойство Сталина быстро прошло, когда он услышал предложение Молотова о создании ГКО и что во главе его должен стать Сталин.

Но здесь возник небольшой спор, суть которого раскрывает соотношение сил. Сталин предложил к названному Берией составу ГКО (Сталин, Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия) добавить Микояна и Вознесенского. Берия возразил, объяснив, что Микояну и Вознесенскому надо работать в Совнаркоме и Госплане. Это был формальный довод, так как ГКО — надправительственный орган.

Вознесенский поддержал предложение Сталина. Берия не уступал. Но в этот момент Микоян согласился с Берией и попросил назначить себя «особо уполномоченным ГКО со всеми правами члена ГКО в области снабжения фронта продовольствием, военным довольствием и горючим».

Сталин уступил. В итоге в составе ГКО большинство сохранили его инициаторы, добившись самого главного: создания второго, резервного, контура управления страной. (В журнале посещений Сталина с 29 июня по 1 июля — пробел.)

Микоян далеко не случайно в своих воспоминаниях говорит, что после образования ГКО Сталин обрел «полную форму, вновь пользовался нашей поддержкой». Здесь ключевое слово «вновь». Это означает, что был период, когда Сталин не пользовался такой поддержкой.

Третьего июля Сталин полностью восстановил самоконтроль, о чем узнал весь мир: он обратился по радио к советскому народу.

Но еще раньше, 1 июля, Молотов провел через Совнарком постановление «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени». Оно давало возможность наркомам распределять ресурсы между предприятиями и стройками, маневрировать фондом заработной платы, допускать частичные отступления от утвержденных проектов и смет, «разрешать пуск в эксплуатацию строящихся предприятий и их отдельных частей».

Таким образом, местным руководителям давалась правовая основа для самоорганизации. Вскоре за Волгой, на Урале и в Сибири стало буквально с колес монтироваться эвакуированное из оккупированных областей заводское оборудование, и под открытым небом началось производство вооружения, что и было «пуском в эксплуатацию строящихся предприятий».

В шесть часов утра 3 июля 1941 года Сталин вошел в специально оборудованную комнату в здании Совнаркома в Кремле и сел за столик с микрофоном. Диктор Юрий Левитан объявил о выступлении председателя ГКО. Сталин, заметно волнуясь, начал говорить: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

В этом коротком вступлении он вдруг затронул глубинное чувство тысячелетней народной общности. «Братья и сестры» — так обращались к православным русским людям. Этими тремя словами Сталин отбрасывал партийный догматизм и как бы говорил: «Русские люди! Речь идет о том, быть нам или не быть».

Он признал трагическую реальность: враг захватил Литву, часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины (на самом деле положение было еще хуже).

В его речи сочетались явная пропаганда (лучшие дивизии немцев уже разбиты, немцы хотят восстановить власть царя и помещиков) и предельно ясная установка на тотальную освободительную отечественную войну (отрешиться от благодушия и беспечности, мобилизовываться на военный лад, отстаивать каждую пядь земли, всемерно помогать Красной армии, при отступлении применять тактику выжженной земли, в оккупированных районах создавать партизанские отряды).

Сталин также назвал союзников в войне — Англию и США, показав, что Советский Союз не одинок.

Впечатление от его речи было колоссальным. Было слышно, как он волнуется и как тяжело пьет воду — все вдруг ощутили, что у микрофона в тот момент находится человек, который думает и чувствует так же, как и все население. Страна испытала облегчение. Что ж, самое страшное уже случилось. Значит, будем стоять насмерть. Именно в этом заключались и главная мысль, и главное чувство сталинской речи.

Хотя он не прямо просил прощения за ошибки власти, большинство населения, руководствуясь интуицией, поняло, что никакого другого руководителя, кроме Сталина, у него в этой войне нет и надо идти за ним. Война приобретала народный характер.

В этот же день Политбюро решило отпустить Исполкому Коминтерна «один миллион долларов для оказания помощи ЦК Компартии Китая»[412]. Все три события находятся в прямой связи: создание ГКО, выступление Сталина на радио, решение Политбюро, которое должно было содействовать отвлечению Японии от советских границ. Теперь наш герой полностью оправился от шока.

Здесь мы отметим, что до речи Сталина руководитель Русской Православной Церкви митрополит (впоследствии патриарх) Сергий (Страгородский) уже 22 июня в праздник Всех

Святых, в земле Российской просиявших, выступил с обращением ко всем православным: «Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им по плоти и вере... Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, что каждый имеет»[413]. Митрополит Сергий взывал к памяти Александра Невского, Дмитрия Донского, историческому сознанию народа.

Сталин выразил то, что уже осознавалось, придав этому более жесткую форму.

На следующий день, 4 июля, был арестован командующий Западным фронтом Павлов и другие генералы. Как свидетельствует Судоплатов, арест Павлова поддержал Жуков. Герой Советского Союза (за Испанию), участник «зимней» войны Павлов фактически был демонстративно принесен в жертву для острастки других.

Пятого июля было принято решение о создании в НКВД диверсионной группы под командованием Судоплатова, что явится первым шагом в организации массового партизанского движения. Именно в этой группе прошла подготовку внучка погибшего во время Тамбовского восстания священника Петра Космодемьянского — Зоя Космодемьянская. Вскоре она будет повешена немцами в деревне Петрищево.

Десятого июля противник начал наступление на Смоленск и Ленинград. А за Смоленском была Москва.

В этот день постановлением ГКО Ставка Главного командования была преобразована в Ставку Верховного главнокомандования, были назначены главнокомандующие по направлениям: Ворошилову подчинялись Северный и Северо-Западный фронты, Тимошенко — Западный, Буденному — Юго-Западный и Южный. Членами Ставки остались те же, за одним исключением: адмирала Кузнецова заменил маршал Шапошников. Сталин стал главнокомандующим. 13 июля командующим Московским военным округом был назначен генерал-лейтенант П. А. Артемьев, командир Особой дивизии НКВД им. Дзержинского. Таким образом, этот огромный внутренний округ был поставлен под контроль чекистов.

Шестнадцатого июля были возвращены в армию военные комиссары.

Семнадцатого июля Третье управление НКГБ (контрразведка) было преобразовано в Управление особых отделов по борьбе со шпионажем (СМЕРШ), его возглавил В. С. Абакумов.

Четырнадцатого июля под Оршей были впервые применены реактивные минометы «катюша», выпущено 320 ракет за 25 секунд. Вскоре немецкие солдаты окрестили этот миномет «сталинским органом».

Из всех кадровых решений видно, как Сталин создавал дополнение к чрезвычайным органам власти.

Еще одним удачным кадровым решением вождя явилось назначение 38-летнего И. В. Ковалева начальником управления военных сообщений Генштаба. Назначение состоялось, как вспоминал Ковалев, 8 или 9 июля. Ранее Иван Владимирович был заместителем начальника Южно-Уральской, начальником Западной железной дороги, начальником военного отдела Наркомата путей сообщения, в мае 1941 года был назначен заместителем наркома государственного контроля по железнодорожному транспорту. Маршал Жуков называл Ковалева одним из самых выдающихся руководителей военной экономики СССР. Именно Ковалев ввел в работу железных дорог железный контроль, отодвинув от управления фронтовыми поставками таких крупных деятелей, как нарком путей сообщения Каганович и маршал Кулик. Службы Ковалева вели 11 тысяч маршрутов поездов, и лучше него никто не знал, что делается на железных дорогах, где сталкивались два потока: на запад — войска, на восток — эвакуируемые предприятия.

Сталин сразу понял, что Ковалев — уникальный работник. Тот отличался от многих руководителей тем, что выезжал на самые опасные участки и благодаря этому имел собственное представление о делах. Однажды, выехав в Смоленск после бомбежки, он понял причину столь результативных для немцев авиаударов: они знали, что в 18 часов заканчиваются учетные сутки для железнодорожников и к этому времени на узловых станциях скапливается много грузовых составов. Он добился, что к 18 часам грузы рассредоточивали на промежуточных станциях. Противник продолжал бомбежки по графику, но грузов не уничтожал.

Именно Ковалев добился, что в Смоленск наконец были доставлены 16-я армия под командованием генерала Лукина и 19-я армия генерала Конева, застрявшие в пути.

В ноябре 1941 года, когда по крохам собирались резервы для наступления под Москвой и Сталину предложили передать в пехоту железнодорожные войска, Ковалев назвал это решение «пораженческим». Он аргументировал удивленному Сталину, что без железнодорожных войск нечего будет и думать о наступлении на запад, ибо некому будет восстанавливать железные дороги. И Сталин внял его доводам[414].

В общем, ко времени немецкого наступления под Ленинградом и Смоленском в советской управленческой системе произошли большие перемены.

Девятого июля немцы заняли Псков. Сталин назначил Ворошилова в Ленинград командующим фронтом, надеясь, что старый соратник сможет удержать положение.

В это время под Смоленском разгорелось решающее сражение. Сильно продвинутые вперед 2-я и 3-я танковые группы противника имели на флангах крупные части Красной армии, которые не позволяли развивать наступление. Кроме того, немцы подверглись сильным, в том числе и танковым, фронтальным атакам.

Большой неожиданностью для немецких генералов оказалось число советских дивизий резерва (на 23 июля немецкой разведкой было установлено 93), тогда как на 8 июля германское командование считало, что у русских остается всего 40—60 боеспособных дивизий.

Ожесточенность боев привела Гитлера к решению, которое он высказал 4 июля на военном совещании в белорусском городе Борисове: о полном уничтожении Москвы вместе с ее жителями. Город следовало затопить. Этот план в сочетании с приказом об уничтожении военнопленных коммунистов, политработников, евреев переводил военные операции вермахта в сатанинские деяния.

Сопротивление под Смоленском, жертвенные, без артиллерийского и авиационного обеспечения, контратаки советских дивизий, контрудар 21-й армии генерала Ф. И. Кузнецова и упорная оборона других армий задержали наступление немцев. Вечный ресурс русских, решение нерешаемых задач за счет колоссального перенапряжения и жертвенности, проявился здесь во всей полноте.

Двенадцатого августа Гитлер предупредил генералов Кейтеля и Йодля, что дальнейший ход всех операций зависит от ликвидации сил русских, которые находятся на флангах немецких частей, «особенно на южном фланге группы армий “Центр”». Вскоре танковые части группы армий «Центр» были развернуты в направлении северного и южного флангов, что вызвало протесты их командующих Гудериана и Гота, которые считали это стратегической ошибкой.

Впрочем, среди германского военного руководства было и иное мнение. Так что решение «дилетанта» Гитлера, «который отнял победу», базировалось на авторитетах других генералов. К тому же еще во время штабной игры по плану «Барбаросса» в декабре 1940 года рассматривался вариант, когда группа армий «Центр» опережала группу «Юг», и тогда командующий

«Юга» просил командующего «Центра» повернуть войска на юг. В июле 1941 года эта ситуация воплотилась на практике. Для того чтобы обеспечить захват Москвы, Гитлеру надо было взять Киев.

Маршал Василевский называет Смоленское сражение, которое «включало в себя целую серию ожесточенных операций, проходивших с переменным успехом», «отличнейшей» школой «для советского бойца и командира, до Верховного главнокомандования включительно». «Задержка наступления врага на главном — московском направлении явилась для нас крупным стратегическим успехом»[415].

Ценой потери Смоленска 16 июля, частичного окружения частей 20-й и 16-й армий было выиграно время. А поскольку, несмотря на быстрые скорости германских танковых групп, советская система успевала сделать за каждые сутки больше, чем германская, СССР становился сильнее, а Германия слабее. К тому же к середине июля 1941 года вермахт потерял свыше 441 тысячи человек, половину танков и около 1300 самолетов[416].

Конечно, советские потери были значительнее: к началу июля в полосе Западного фронта из 44 дивизий 24 полностью погибли, остальные потеряли от 30 до 90 процентов личного состава. Общие потери были такими: 418 тысяч человек, 4799 танков, 1777 самолетов, 9427 орудий и минометов. Кроме того, немцы захватили 1766 вагонов боеприпасов, 17,5 тысячи тонн горючего и т. д.[417]

Но после Смоленского сражения немцы все же не добились стратегического успеха. Другими словами, советские войска вцепились с южного фланга в группу армий «Центр», и их потребовалось разбить, отложив наступление на Москву.

На ленинградском направлении инициативу перехватили советские войска. Ожесточенные бои 41-го танкового корпуса немцев на Луге с тремя ленинградскими пролетарскими дивизиями (то есть ополчением) задержали наступление противника почти на четыре недели. 41-й германский корпус отступил, будучи едва не разгромлен. Вслед за ним отступил и 56-й корпус.

Теперь посмотрим, что делалось на Украине. Армии Юго-Западного фронта отступали, но сохраняли боеспособность. В какой-то степени это напоминало 1915 год, когда генерал Людендорф пытался окружить и сокрушить русские армии, однако те, отступая, гасили ударную силу немцев, сохраняли боеспособность и в результате удержали стратегическое равновесие.

Советское Верховное командование рассчитывало успеть защититься от удара группы армий «Центр» по северному флангу Юго-Западного фронта вновь образованным Брянским фронтом.

Ранее, 2 августа, противнику удалось окружить в районе Умани 6-ю и 12-ю армии. 4 августа Сталин в разговоре по телефону с командующим Юго-Западным фронтом М. П. Кирпоносом и первым секретарем ЦК КП Украины Хрущевым предупредил, что нельзя допустить переход немецких войск на левый берег Днепра. Он потребовал обороняться по линии Херсон — Каховка — Кривой Рог — Кременчуг и далее на север по Днепру, включая Киев на правом берегу Днепра.

Тем временем произошли неприятности на Южном фронте. 4 августа немцы заняли Кировоград. Сталин разрешил отвод войск, но не ближе чем на 100—150 километров западнее названной им оборонительной линии.

Восьмого августа 2-я армия и 2-я танковая группа противника перешли в наступление против советских войск на брянском, гомельском и черниговском направлениях.

Четырнадцатого августа был образован Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта А. И. Еременко. На встрече с генералом в присутствии Шапошникова и Василевского Сталин предупредил, что скорее всего немцы в дальнейшем свои удары нацелят на Москву; поворот группы на юг тоже возможен, но менее вероятен. Поэтому, чтобы надежно прикрыть брянское направление, необходимо во что бы то ни стало разбить главные силы Гудериана*.

В ответ Еременко уверенно заявил, что «в ближайшие дни, безусловно, разгромит подлеца Гудериана». Сталин остался доволен. Еременко умел производить впечатление. Вообще, генерал был самоуверен, груб с подчиненными, грешил рукоприкладством. Известен случай, когда он избил члена военного совета армии, бывшего секретаря ЦК КП Белоруссии Гапенко, причем при этом хвалился, что он с ведома Сталина избил нескольких командиров, а одному разбил голову[418].

Впрочем, Каганович тоже мог в запале заехать подчиненному в ухо — и ничего, считалось, что руководитель старается.

Но Еременко его удаль не помогла. «Подлец Гудериан» оказался сильнее.

Шестнадцатого августа Брянский фронт втянулся в тяжелые

---

* Сталин располагал донесением советского разведчика в Швейцарии Шандора Радо, что наступление на Москву планируется через Брянск, тогда как в действительности Гитлер и Гудериан изменили свои планы, повернув на юг, на Украину.

оборонительные бои. Стало ясно, что нарастает угроза правому флангу Юго-Западного фронта. Шапошников (он с 29 июля был вновь назначен начальником Генштаба) предложил отступить правому крылу фронта за Днепр. Сталин не согласился.

Девятнадцатого августа на Сталина начал давить Жуков, представив ему доклад, в котором указывал, что противник временно отказался от удара на Москву и планирует разгром Юго-Западного фронта.

Ставка ответила Жукову, что Брянский фронт должен воспрепятствовать замыслам противника. Сталин продиктовал Шапошникову и Василевскому директиву в адрес командующих Юго-Западного и Южного фронтов удерживать Киев, но отвести 5-ю армию, которой грозило окружение, за Днепр.

Противостояние Генштаба и Сталина было очевидным. Войска Еременко героически защищались и контратаковали. Так продолжалось до 7 сентября. Резервы Юго-Западного фронта иссякли. Немцы развивали успех с двух сторон, вклиниваясь с флангов в вытянутую на запад дугу, в центре которой находился Киев.

Вечером 7 сентября Шапошников и Василевский были у Сталина и постарались убедить его, что наступил критический момент: надо немедленно отводить все войска за Днепр, иначе неминуема катастрофа. По сути, они повторяли недавние предложения Жукова.

Василевский вспоминал: «При одном упоминании о необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание»[419].

В советских кинофильмах о войне Сталин всегда изображен спокойным, уверенным в себе вождем, но в действительности он бывал очень разным. Когда его охватывала ярость, он делался страшен. Его гнева боялись все.

Иван Ковалев говорил, что после неудачного испытания танкового мотора Сталин позвонил наркому танкостроения Малышеву и крикнул в трубку: «Будь ты трижды проклят, предатель Родины!» После этого Малышев очутился в больнице с инфарктом.

Василевский как будто сквозь зубы признался, что натерпелся от Сталина, «как никто другой». «Бывал он и со мной, и с другими груб непозволительно, нестерпимо груб и несправедлив»[420].

«Сталин был в гневе страшен, вернее, опасен», — свидетельствовал адмирал флота И. С. Исаков. Впрочем, он уточняет, что чаще всего Сталин сдерживался, откладывал решение о наказании виновных на следующий день, чтобы принять его, уже успокоившись.

Василевский, «натерпевшийся» от вождя, тем не менее признал: «Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в сущность дела и подсказывать военное решение»[421].

Это имело прямое отношение к киевской катастрофе. В стратегическом плане Сталин ошибся, чего в свое время не сделали генералы Николая II. Шапошников, Василевский и Жуков предвидели беду, он же, получается, уперся и «просрал». В этом не видно проблеска гениальности, наоборот — тяжелая ошибка.

Но почему мы должны объяснять его поступки только военными обстоятельствами? Кто сказал, что война — это только военные действия? К тому же наш герой — человек не военный, а надвоенный. Он обязан был учитывать и другие условия.

Например, отношения с союзниками (вчерашними врагами-империалистами). Он надеялся получить от них помощь и обещал Гарри Гопкинсу, что удержит немцев на линии юго-западнее Ленинграда, чуть восточнее Смоленска и западнее Киева. А сдав Киев, он показывал, что не контролирует положение, не знает, о чем говорит. Как можно верить и помогать такому?

А затем он должен был учитывать и то, что все отступления Красной армии заканчивались большими потерями, если не катастрофами.

Поэтому он и тянул.

Что такое потерять Киев? Это в ментальном плане означало более тяжелую потерю, чем сдача просто крупного города. Не станет Киева — и Москва уже не Москва. В это время в Ленинграде тоже опускали занавес.

Восьмого июля Сталин принял английского посла Криппса и предложил внести в англо-советскую декларацию только два пункта: взаимопомощь и обязательство обеих сторон не заключать сепаратного мира.

Десятого июля Черчилль направил Сталину письмо с согласием на такую декларацию.

В тот же день Черчилль написал военно-морскому министру и начальнику военно-морского штаба: «Если бы русские смогли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества... Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди показали, что они заслуживают того, чтобы им оказали поддержку, и мы должны идти на жертвы и на риск, даже если это причиняет нам неудобства, — что я вполне сознаю, — ради того, чтобы поддержать их дух...»[422]

Как видим, Черчилль сомневался в возможности СССР долго сопротивляться. Но тут для Кремля наступила светлая минутка: стало ясно, что Япония нацелилась не на СССР, а на

голландские колонии. В конце июля японские войска захватили Индокитай, создав угрозу удара по англичанам в Малайе, по американцам на Филиппинах, по голландцам в Голландской Индии. Правительства этих трех стран заморозили все японские авуары. Шансы, что Япония не нападет на СССР, стали быстро расти.

Кроме того, в Москве побывал посланник Рузвельта Г. Гопкинс, изучал обстановку, обещал помощь. Сталин держался с ним очень уверенно, просил цветные металлы, высокооктановый бензин для самолетов. Это произвело на американца сильное впечатление: немцы под Москвой, а он говорит о перспективах.

Вечером Сталин в своей машине повез Гопкинса из здания ЦК на Старой площади к станции метро «Кировская», где было оборудовано резервное помещение Генштаба. В это время уже начался налет немецкой авиации.

Иван Ковалев, сопровождавший Сталина, вспоминал, что во дворе дома их встречал обеспокоенный Берия, который взял Сталина за руку и предложил быстрее спускаться в метро, где был также оборудован и кабинет Верховного главнокомандующего. Сталин одернул его, сказав: «Уходи прочь, трус!»

Хотя в поведении Берии не было ничего предосудительного, ведь авианалет был очень сильный, Сталин легко оскорбил члена своей команды на глазах иностранного представителя. Для чего он это делал?

Последовавшая сцена многое объясняет.

«Сталин стоял посреди ночного двора и смотрел в черное небо, на немецкий самолет в кресте прожекторов. И Гопкинс стоял рядом и смотрел. И случилось то, что не так часто случалось в ночных налетах. Немецкий “юнкерс” стал падать беспорядочно — значит, сбили. И тут же вскоре зенитная артиллерия сбила второй самолет. Сталин сказал, а переводчик пересказал Гопкинсу: “Так будет с каждым, кто придет к нам с мечом. А кто с добром, того мы принимаем как дорогого гостя”. Взял американца под руку и повел вниз. Готовились контрудары, контрнаступление, и нам предстояло доставить на фронт свыше 300 тысяч солдат и офицеров»[423].

Сталин хотел задержать американца, чтобы тот проникся общим с ним впечатлением боя, а Берия чуть было не помешал. Но получилось просто здорово. Вскоре Гопкинс докладывал президенту Рузвельту, что Советский Союз устоит и надо срочно направлять в Россию военные материалы и вооружение.

С 9 по 12 августа Рузвельт и Черчилль встречались в бухте Аржентия (остров Ньюфаундленд), где обсудили принципы ведения войны и, в частности, вопрос о помощи СССР. Там

Рузвельт, можно сказать, выиграл главное сражение Второй мировой войны — вынудил Черчилля подписать Атлантическую хартию, в которую был включен пункт о равном для всех стран доступе «к торговле и к мировым сырьевым источникам». Этим Англия признала, что больше не в состоянии сопротивляться глобальным устремлениям американцев.

В узком кругу Рузвельт иронизировал над английским коллегой, говоря, что тот мыслит старыми колониальными категориями и считает, что война должна закончиться расширением Британской империи. Сам же президент был озабочен только разгромом Германии и обеспечением доминирования США в мире, в том числе и над Англией.

Но для обоих лидеров Сталин являлся незаменимым партнером, который располагал на европейском театре мощными сухопутными силами.

Двадцать девятого июля, то есть за день до прилета Гопкинса в Москву, произошла очередная стычка Жукова и Сталина. Начальник Генштаба доложил, что, судя по обстановке, немцы на центральном участке понесли большие потери и не располагают крупными стратегическими резервами для обеспечения флангов. Он сказал, что противник может повернуть часть сил группы армий «Центр» и ударить в самый слабый участок нашей обороны, во фланг и тыл Юго-Западного фронта. Жуков предложил неприемлемое для Сталина решение: отвести войска за Днепр, оставить Киев. Но одновременно ударить в западном направлении и ликвидировать Ельнинский выступ.

Сталин и слушать не захотел о сдаче Киева, а предложение о контрударе назвал «чепухой». В ответ Жуков попросил в таком тоне с ним не разговаривать и заявил, что если «начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть», то ему здесь делать нечего, он просит отправить его на фронт.

Так разговаривать со Сталиным было немыслимо. Конечно, Жуков — не Павлов, но он не мог не помнить, что Сталин вину за катастрофическое начало войны возложил на генералов (с июля 1941 года по март 1942 года были расстреляны 30 генералов).

Если суммировать все самостоятельные и даже самовольные действия Жукова — отказ подчиниться приказам Штерна и Кулика на Халхин-Голе, введение на занятую румынами территорию двух танковых бригад во время Бессарабской операции, настойчивое предложение приступить к мобилизации и развертыванию войск до 22 июня 1941 года, упорство, с которым он позволял себе отстаивать собственную позицию, — все

это уже достаточно полно раскрыло Сталину характер этого человека. Их взаимоотношения на протяжении всей войны были трудными. Но как ни странно, Сталин заставлял себя сдерживаться. Можно сказать, он начал медленное и мучительное переучивание.

На заявление Жукова об отставке с поста начальника Генштаба он сначала попросил того не горячиться, но потом поддался скрытому гневу.

Жуков, сохранив все же посты заместителя наркома обороны и члена Ставки, был назначен командующим Резервным фронтом. Это нельзя считать опалой.

Надо подчеркнуть, что Сталин сначала отнесся резко отрицательно к идее Жукова атаковать Ельнинский выступ, но потом дал согласие на операцию. 8 сентября Ельня была взята.

Но это был малый успех, вряд ли уменьшающий тяжкие муки на украинском направлении. Там дело дошло до того, что 10 сентября Ставка передала с Южного на Брянский фронт последний свой резерв, 2-й кавалерийский корпус под командованием генерала Белова. Услышав это, главком Южного направления Буденный пытался убедить начальника Генштаба Шапошникова, что этим сильно ослабляется Южный фронт, тогда как немцы вырываются здесь на оперативный простор. Однако Буденный был вынужден подчиниться.

Кирпонос и Хрущев убеждали Сталина, что Киев не сдадут. Шансы на это у них были невелики.

В это время кризис назрел и на северо-западе. Там противник захватил Шлиссельбург, отрезав Ленинград от метрополии.

В Ленинград Сталин сначала послал Молотова и Маленкова, а с ними — адмирала Кузнецова и начальника ГАУ Н. Н. Воронова, Косыгина, Жигарева (командующий ВВС). Обстановка уже тогда была трудная. Молотов потом вспоминал, как добирались: сперва самолетом до Череповца Вологодской области, затем поездом до станции Мга, а дальше — на дрезине до Ленинграда. Почему на дрезине? Железнодорожная линия уже была перерезана. Молотов не объясняет, почему поезда не ходили. А дрезина прошла. Очевидно, дрезина проскользнула по какой-то узкоколейке по лесам и болотам[424].

О тогдашнем положении в Ленинграде видно из записок Андрея Маленкова, сына Г. М. Маленкова. «Из Ленинграда пришло паническое послание от К. Е. Ворошилова (он тогда бездарно командовал фронтом): город защитить невозможно, его придется сдать... По словам отца, он застал А. А. Жданова, возглавлявшего тогда Ленинградскую парторганизацию, в роскошном бункере — опустившегося, небритого, пьяного. Дал Жданову три часа, чтобы тот привел себя в божеский вид, и по-

вел его на митинг, который по предложению отца был созван на Кировском заводе. В те несколько дней, что он пробыл в Ленинграде, ему удалось сделать многое, чтобы укрепить оборону города, которая по вине Ворошилова была полностью расстроена»[425].

Молотов подтверждал, что Жданов «тогда был очень растерян».

Маленков попросил Сталина направить в Ленинград Жукова и снять Ворошилова.

Сталин отозвал Жукова из победной Ельни в осажденный город с собственноручной запиской Ворошилову: сдать фронт. Но приказа еще не было, ибо Сталин опасался, что немцы могут сбить самолет Жукова. И удостоверившись, что тот благополучно добрался, он подписал соответствующий приказ.

Ворошилов, по словам Молотова, «не справился», «в окопах ходил все время», то есть руководил, как в Гражданскую войну. К тому же бывший нарком обороны совершил несколько серьезных ошибок, которые вызвали резкую отповедь Сталина. В частности, Ворошилов и Жданов санкционировали выборы командиров в рабочих батальонах. В разговоре по прямому проводу с Ворошиловым и Ждановым Сталин заявил: «Немедленно отменить выборное начало в батальонах, ибо оно может погубить всю армию. Выборный командир безвластен, ибо в случае нажима на избирателей его мигом переизберут. Нам нужны, как известно, полновластные командиры. Стоит ввести выборность в рабочих батальонах — это сразу же распространится на всю армию, как зараза»[426].

Вне всякого сомнения, Сталин вспомнил анархию в российской армии в 1917 году, и ему показалось, что неудачи на фронте могут привести к выборной анархии. Но он преувеличил опасность. Может быть, даже придрался к этой «выборности», так как его ближайшие соратники явно провалились, и он выплеснул свое раздражение.

Двенадцатого сентября Ставка выпустила директиву о создании заградительных отрядов (в каждой дивизии не более батальона и нескольких танков) для «ликвидации инициаторов паники и бегства». Что мог добавить этот приказ к уже существующему № 270 (от 16 августа 1941 года) о том, что всех сдавшихся в плен считать «злостными дезертирами», а семьи их подвергать аресту, то есть делать заложниками?

Двадцать первого сентября Сталиным была продиктована телеграмма Г. К. Жукову, А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, В. Н. Меркулову. Она предельно обнажает и жестокость момента, и решимость Сталина идти до самого конца. Этот документ приводим полностью:

«Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди своих войск стариков, старух, женщин и детей, делегатов от занятых ими районов с просьбой большевикам сдать ЛЕНИНГРАД и установить мир. Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожить в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов. Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания. Если кто-то в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда. Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно — являются ли они вольными или невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были. Просьба довести до сведения командиров и комиссаров дивизий и полков, а также до Военного совета Балтийского Флота и командиров и комиссаров кораблей. И. Сталин»[427].

Ни полслова о сострадании. Документ принадлежит великому политику. Великие политики, мыслящие особыми категориями, часто лишь притворяются обычными людьми.

Глава пятьдесят четвертая

Молотов грозит Жукову расстрелом. Сталинская группа выпуждена поделиться властью. Механизм организации: мобилизация и патриотизм. Дети вождей — на фронте

На Украине дело быстро катилось к развязке, и, как ни упорствовал Сталин, к 16 сентября немецкие танковые части, идущие навстречу друг другу с юга и севера, сомкнули окружение в Лохвице. Только вечером 17 сентября Сталин разрешил Кирпоносу отступить.

Жертвы были огромны: две армии были окружены в районе Умани и еще пять — восточнее Киева. Спастись удалось немногим. Командующий Южным фронтом И. В. Тюленев был ранен, командующий Юго-Западным Кирпонос погиб от тяжелого ранения. Красная армия действительно плохо умела отступать: не было даже плана действий на этот случай, не говоря уже о резервах. 19 сентября немцы вошли в Киев.

В плен (по немецким данным, включающим и гражданское население) попали 665 тысяч человек, и их судьба была ужас-

ной. (Из 3,4 миллиона советских солдат, попавших в плен в 1941 году, к концу января 1942 года в живых остались 1,4 миллиона[428].)

После разгрома на Украине следовало ожидать, что немцы продолжат наступление на Москву.

В этой кризисной ситуации все же продолжалось строительство советской оборонительной системы. 25 августа советские и английские войска вошли в Иран, обеспечив таким образом нефтяные промыслы от захвата немцами и транспортный коридор для поставки военных грузов по Каспийскому морю до Астрахани.

Черчилль обещал Сталину поставить 200 истребителей «Томагавк», однако они еще не поступили. Посол Майский заметил по этому поводу министру иностранных дел Англии Идену, что Англия является не столько «союзником и товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем».

Тридцатого августа Сталин написал Майскому письмо. Он долго обдумывал главную мысль, вычеркивая разные варианты, пока наконец не написал правду: «Говоря между нами, я должен сказать Вам откровенно, что если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом»[429].

То есть он к началу октября предвидел кризис.

Первого октября танковая армия Гудериана перешла, как пишет Гальдер, в наступление на северо-восток. 2 октября перешла в наступление вся группа армий «Центр». 3 октября был захвачен Орел. Когда немецкие танки вошли в город, там еще ходили трамваи. Так началась операция «Тайфун», целью которой была Москва. Три танковые и три пехотные армии группы «Центр», включавшие 14 танковых и 8 моторизованных дивизий (64 процента всех танковых и моторизованных войск немцев на Восточном фронте), должны были прорвать оборону советских войск и окружить Москву с севера и юга.

Им противостояли Западный, Резервный и Брянский фронты, уступающие в силах в полтора раза.

В начале октября в районе Брянска были окружены две советские армии, в районе Вязьмы — пять армий Резервного и Западного фронтов. Это составило 64 дивизии и 11 танковых бригад. Были окружены свыше 600 тысяч советских воинов.

Не успела Ставка прийти в себя после Киева, как снова нокаут!

Василевский объясняет поражение тем, что Ставка и Генштаб неправильно определили направление главного удара про-

тивника. Фактически немцев отделял от Москвы только один шаг. Никаких резервов больше не осталось. Как вспоминал Жуков, к исходу 7 октября «все пути на Москву, по существу, были открыты».

Гудериан отмечает одно важное обстоятельство: «В ночь с 6 на 7 октября выпал первый снег. Он быстро растаял, но дороги превратились в сплошное месиво, и наши танки двигались по ним с черепашьей скоростью, причем очень быстро изнашивалась материальная часть. Мы повторно обратились с просьбой о доставке зимнего обмундирования, но нам ответили, что оно будет получено своевременно и нечего об этом излишне напоминать. После этого я неоднократно напоминал о необходимости прислать зимнее обмундирование, но в этом году оно так и не было доставлено»[430]. Он добавляет, что личный состав 48-го танкового корпуса «в пешем строю продвигался по топкой дороге на Дмитриев-Льговский».

На это Жуков в своих мемуарах замечает, что еще Наполеон, «загубивший свою армию», ссылался на русский климат. «Могу еще добавить для тех, кто склонен непогодой маскировать истинные причины поражения под Москвой, что в октябре 1941 года распутица была сравнительно кратковременной. В первых числах ноября наступило похолодание, выпал снег, местность и дороги стали всюду проходимыми. В ноябрьские дни "генерального наступления" гитлеровских войск температура установилась от 7 до 10 градусов мороза, а при такой погоде, как известно, грязи не бывает»[431].

Конечно, Гудериан и Жуков говорят о разных периодах, один — об октябрьской погоде, другой — о ноябрьской. Но о том, какой климат в России, немцы знали заранее.

Кроме бездорожья, немецкое наступление приостановила и необходимость воевать с окруженными советскими частями. Их жертвенный героизм стал одним из решающих факторов срыва блицкрига. Так, из больших и малых поражений советских войск, как ни парадоксально на первый взгляд, медленно вызревало гибельное для немцев будущее.

Наступал час откровения. ГКО принял решение о защите Москвы, главный рубеж обороны должен был проходить по Можайской линии. Ставка приказала фронтам перейти к жесткой обороне, не растрачивать силы на бесплодные малые наступательные операции. Однако вскоре Сталин, который все еще продолжал быть апологетом наступательных действий, приказал провести в полосах армий локальные наступления с целью улучшения оперативного положения. В итоге к началу октября советские войска оказались не готовы ни к наступлению, ни к обороне.

К тому же все командующие фронтами (Конев, Буденный, Еременко), по точному замечанию генерала армии М. А. Гареева, «повторяли ошибку начального периода войны, когда, стремясь любой ценой остановить противника, все резервные соединения бросали навстречу наступающим группировкам для усиления войск первого эшелона или нанесения контрударов, не заботясь о создании новых оборонительных рубежей в глубине. Весьма нерешительно осуществлялся также маневр войсками, особенно с неатакованных участков»[432].

Пятого октября Сталин вызвал Жукова в Москву. Тот смог прибыть только вечером следующего дня. Их разговор обнаруживает перемену в самооценке Сталина: он уже не такой всеведущий вождь, каким был недавно. Маршал вспоминал: «Сталин был простужен, плохо выглядел и встретил меня сухо».

Думается, дело не в простуде. Сталин умел быть обаятельным, когда хотел. Сейчас они встретились после киевского разгрома, об угрозе которого Жуков предупреждал, и Сталин явно испытывал чувство вины. Великие не любят быть кому-либо обязанными или признавать свои ошибки. А ошибок было уже много.

Тем не менее Верховный ничего не сказал про Киев и поведал о сложившейся обстановке: «Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений»[433].

Уже после смерти Сталина Жуков так вспоминал разговор с Верховным: «Сталин был в нервном настроении и страшном гневе, говоря со мной, он в самых сильных выражениях яростно ругал командовавших Западным и Брянским фронтами Конева и Еременко и ни словом не упомянул при этом Буденного, командовавшего Резервным фронтом. Видимо считал, что с этого человека уже нечего спросить»[434].

Сталин направил Жукова «тщательно разобраться» и приказал звонить ему в любое время.

Вот ведь какая интересная картина! Он вызывает командующего удаленного от Москвы фронта и просит поехать и разузнать, что делается у него под носом вблизи столицы. Это похлеще молотовской дрезины. Выходит, Сталин потерял управление войсками, признался в этом и, похоже, в Жукове видел последнюю надежду. К тому же как раз к вечеру 6 октября замкнулось окружение частей Западного и Резервного фронтов западнее Вязьмы.

На прощание Сталин спросил у Жукова, куда будут направ-

лены немецкие танковые и моторизованные дивизии, которые уходят со стабилизировавшегося Ленинградского фронта.

Вообще-то ответ на свой вопрос Сталин знал.

Жуков сказал, что на московское направление.

И Сталин согласился: да, они там уже действуют.

Но вопрос Сталина имел другую подоплеку. Во-первых, Верховный словно говорил: «Вот видите, как я ценю ваши советы. Забудьте о прошлых несогласиях. Я очень нуждаюсь в вашей профессиональной оценке».

Во-вторых, он дал понять: «Да, вы правы. Обстановка именно такая».

Другими словами, открылась новая страница во взаимоотношениях главных героев войны. Причем Сталин не считал, что слишком уступил.

Скорее всего, разговаривая с Жуковым, Сталин держал в уме свою недавнюю беседу с командующим Западным фронтом Коневым. Вождь не разрешил вытянутым в линию частям фронта маневрировать и своевременно отойти на Можайский рубеж. Чуть позже, как вспоминал Конев, «обстановка стала крайне тяжелой, почти катастрофической», Сталин позвонил Коневу и сказал: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, чтобы исправить сложившееся положение»[435].

Хотя Конев говорил, что тогда уловил у вождя потерю «волевого начала», здесь дело, может быть, еще глубже: Сталин был вынужден переоценивать и себя, и свое окружение. Он не должен был оправдываться перед Коневым. В том положении, в котором он находился, судьей мог быть только он сам или Господь. И значит, он просто выдал свои вопросы себе: «Не изменник ли ты, товарищ Сталин?»

Не случайно минутная рефлексия Сталина едва не стоила жизни Коневу*.

В ночь с 7 на 8 октября, в 2 часа 30 минут, побывав в штабе Западного фронта, Жуков доложил Сталину, что все пути на Москву открыты, и предложил как можно быстрее стягивать войска на Можайскую линию обороны.

Десятого октября Жуков был назначен командующим Западным фронтом. Реально, чем он тогда располагал, — это

---

* Думается, также не случайно 11 сентября в Орловской тюрьме были расстреляны по решению ГКО 170 политических заключенных, в числе которых были Христиан Раковский и Мария Спиридонова, — за то, что они вели пораженческую агитацию и готовили побег, чтобы продолжить политическую борьбу. Были убраны последние оппоненты, которые могли сказать, что государство вели не в ту сторону.

штаб Конева и два запасных полка, штаб Буденного и 90 тысяч человек.

Здесь у него случилось еще одно столкновение со Сталиным — из-за Конева. В штаб Западного фронта направлялась комиссия ГКО (Молотов, Василевский и Маленков), которые были заранее настроены обвинить Конева в случившемся и отозвать его в Москву «на правеж». Очевидно, что вопрос был согласован со Сталиным.

Но Жуков не отдал бывшего командующего Западным фронтом. Он сказал Сталину, что Коневу надо поручить руководство на удаленном калининском направлении.

Сталин спросил: «Почему защищаете Конева?» Жуков ответил: «Мы с ним никогда не были друзьями. Знаю его по службе в Белорусском округе и считаю, что он справится с этими обязанностями. Кроме того, у меня сейчас других кандидатур нет».

И вот что поразительно. Когда Сталин сказал, что Конева ждет военный трибунал, Жуков напомнил ему, что такие меры ничего не дают («Вот расстреляли Павлова, и что это дало?»). Жуков имел мужество развить эту тему: «Было заранее хорошо известно, что из себя представляет Павлов, что у него потолок командира дивизии. Тем не менее он командовал фронтом и не справился с тем, с чем не мог справиться»[436].

В его словах был прямой намек на несправедливость массовых репрессий среди высших офицеров, в результате чего и выдвинулся Павлов. И Сталин проглотил это. (К этому времени он был вынужден исправлять то, что можно было исправить: были освобождены арестованные ранее генералы Мерецков, Рокоссовский, Горбатов.)

Конев стал заместителем Жукова, а не ушел вслед за Павловым.

Стали стягивать войска, удалось набрать не слишком много: к середине октября в четырех армиях, прикрывавших основные направления на столицу (16, 5, 43, 49-я армии), насчитывалось 90 тысяч человек. Подходили три стрелковые и две танковые дивизии с Дальнего Востока и Сибири.

Но уже через два дня после назначения Жукову позвонил Молотов, потребовал отчета о сделанном и пригрозил расстрелом в случае сдачи Москвы. Видно, других аргументов у Молотова уже не было.

Командующий ответил, что за два дня не успел полностью разобраться с делами и что если Молотов способен быстрее и лучше изучить обстановку, то пусть приезжает и командует. Это был не просто ответ командующего Западным фронтом заместителю председателя СНК и члену Политбюро. Это был

ответ военных партийному руководству страны, в том числе и Сталину. В этом-то и дело.

Молотов должен был рассказать о таком беспрецедентном случае Верховному. И что же? Никакой реакции Сталина не зафиксировано.

Армейское руководство в лице Жукова, прошедшее все чистки, должно было получить оперативную самостоятельность или погибнуть вместе со всем режимом.

По этой же логике и другие отраслевые руководители получали самостоятельность, что, с одной стороны, сделало государство более устойчивым, а с другой — ослабило монополию сталинской группы*.

Конфликты Сталина и Жукова не имели политической основы, были рождены противоречиями внутри системы и силой характеров. А если брать шире, то сталкивались разные поколения, разные времена, что и составляет главный конфликт Истории.

Подчеркнем, что в противостоянии «Гитлер — военные и генералы» последние решились на покушение, тогда как в СССР конфликт разрешился Сталиным, который, поняв профессиональное преимущество Жукова, Василевского и некоторых других выдающихся полководцев, разделил с ними руководство войной. (Но, впрочем, надо учитывать и трагический опыт чисток среди военных в 1930-е годы.)

Война заставила Сталина пойти на перестановку сил и внутри своей группы. Это началось, напомним, с создания ГКО и продолжилось в частных противостояниях: Берия — Вознесенский, Маленков — Берия — Молотов.

Летом 1941 года Вознесенский продемонстрировал, что не может обеспечить выполнение им же составленных планов производства вооружений. Берия убедил Сталина в том, что Вознесенский «не тянет», показал Верховному два графика: один — план, второй — реальное производство.

Сталин был встревожен и приказал Берии взять на себя руководство военной промышленностью. Берия стал отказываться, ссылаясь на отсутствие опыта.

Вот что ответил Сталин: «Здесь не опыт нужен, нужна решительная организаторская рука. Рабочую силу можно отобрать из арестованных, особенно из специалистов. Привлечь можно МВД, дисциплину навести на заводах. Но вы дайте план

* После войны Сталин так и не сможет вернуть эти группы и кланы в прежнее состояние, а соперничество между военно-промышленным комплексом и руководством сырьевых отраслей приведет СССР к губительному кризису.

реальный, вызовите директоров заводов, наркомов, дайте этот реальный план им и проверяйте исполнение»[437].

Разговор происходил в январе 1942 года в узком кругу: Сталин, Маленков, Микоян, Берия. Поскольку Берия к нему подготовил наглядную агитацию и там присутствовал Маленков, то можно считать, что этот дуумвират серьезно подготовился (точно так же Берия и Маленков «сняли с танков» Молотова — за отсутствие оперативной связи с заводами. Курировать танковое производство возложили снова на Берию).

Он и вправду улучшил дело, опираясь на огромные ресурсы спецслужб и партийный аппарат, который контролировал Маленков.

Сталин остался доволен. В итоге фактически руководить страной стала эта теневая группа. К этому надо добавить, что у Маленкова были хорошие отношения с Жуковым, они установились после совместного полета в Ленинград в начале августа, когда с поста командующего фронтом был смещен Клим Ворошилов.

Между тем, кроме военных действий, надо было эти действия обеспечить экономически, организовать работу всех тыловых учреждений и с максимальной выгодой построить отношения с союзниками. Фронт, тыл, союзники — вот главные темы повседневных забот Сталина.

Начиная с постановления ГКО № 10 от 4 июля 1941 года о создании добровольческих дивизий народного ополчения Москвы и Московской области и мобилизации трудовых ресурсов на производство, обозначилась линия управления населением страны.

В июле и октябре 1941 года было сформировано 16 дивизий народного ополчения (около 160 тысяч человек).

Для ликвидации экономической и социальной напряженности в тылу, связанной с мобилизацией рабочей силы в армию, были применены три способа замещения ушедших: привлечение ранее не работавших (домохозяек, инвалидов, престарелых, подростков); использование труда заключенных в лагерях и колониях; военный призыв на альтернативную службу тех, кто не годен к строевой, но может трудиться. На производстве были отменены выходные дни и отпуска, введены сверхурочные работы. Устанавливалась уголовная ответственность за прогулы и опоздания на работу. С осени 1941 года начали призывать военнообязанных старших возрастов в «рабочие колонны» для работы в строительстве и на оборонных предприятиях.

В экономике страны была проведена своеобразная национализация: у предприятий были изъяты в бюджет страны все накопленные фонды, что помогло удержать рубль от инфляции.

В начале сентября 1941 года ГКО принял решение о переселении немцев Поволжья в Казахстан. Автономная республика немцев Поволжья была ликвидирована. Также переселялись советские немцы и из других регионов. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 сентября 1941 года, переселенцев расселяли в колхозах, совхозах и районных центрах (не в лагерях). В феврале 1942 года все немцы-мужчины были мобилизованы в «рабочие колонны», находившиеся в ведении НКВД.

Таким образом, в СССР не стало ни малейшей возможности для организации в тылу прогитлеровских немецких образований, подобных тем, что возникли в Западной Европе.

Такая проблема в Америке тоже была. Там ограничились более гуманным решением: военнослужащие-немцы воевали только против Японии, но не в Европе. Правда, в отношении явных лоббистов германских интересов поступали еще проще, чем в СССР: они исчезали неизвестно куда, а официальные власти сообщали, что мистер имярек «отбыл в Канаду». Добавим, что десятки тысяч американских японцев были интернированы в специальные лагеря.

В результате быстрых действий ГКО (причем не обязательно их инициировал Сталин) Советский Союз стремительно выстраивал чрезвычайную структуру государственного управления, основанную на принуждении и пропаганде патриотизма.

Воля к сопротивлению ярко видна в приказах Жукова времен битвы за Москву. В них все предельно ясно: «Стоять насмерть! Кровь за кровь! Без письменного приказа позиций не сдавать! Провокаторов и шпионов расстреливать на месте! Для борьбы с дезертирством создать отряд заграждения. Всех бросающих поле боя расстреливать на месте». Жуков повторял свой ленинградский опыт, когда приказал пулеметами расстреливать бегущих с поля боя.

Жестоко? Тогда так не считалось. Кстати, после того, как старший сын Сталина, Яков Джугашвили, попал в июле в плен, его жена Юлия (как жена сдавшегося в плен) согласно приказу № 270 была арестована. Все, от рядовых членов Политбюро до рядового бойца Красной армии, должны были знать, что сыновья Сталина воюют и что ни один гражданин не может уклониться от своего долга.

Воевали, кроме Якова и Василия, воспитанник Сталина Артем Сергеев (четырежды ранен), воспитанник Ворошилова

Тимур Фрунзе (погиб), сыновья Микояна Владимир (погиб) и Степан, сын Хрущева Леонид (погиб) и многие другие сыновья представителей высшей элиты. Сын Берии записался добровольцем (он был радистом) для заброски в составе диверсионной группы в тыл противника, но Сталин приказал направить его в радиоразведку.

Высшее руководство не щадит своих детей — этот импульс доходил до всех уровней.

Двадцатого декабря 1941 года в годовщину образования ЧК Берия по согласованию со Сталиным объявил о дополнительных поручениях ГКО, адресованных НКВД. На чекистов возлагались агентурное освещение и контроль за ходом и сроками строительства всех главных оборонных предприятий, эвакуированных на восток; отслеживание соблюдения графиков железнодорожных перевозок и разнарядок на распределение продовольственных ресурсов на фронте и в тылу; наблюдение за состоянием санитарно-эпидемиологического надзора, чтобы иметь упреждающую информацию для предотвращения массовых вспышек заболеваний тифом в тылу Красной армии.

Об этом дополнительном контуре власти обычно не вспоминают, говоря о более заметных органах управления (ГКО и Ставка). Но благодаря именно расширению функций НКВД Сталин довел до максимального уровня контроль над всеми управленческими структурами государства. Теперь никто не мог уклониться от исполнения долга перед Родиной, перед ее вождем.

Дух времени определялся тем, что воевала вся страна.

Понимая, что населению необходима психологическая поддержка, Сталин много раз, как вспоминает его охранник Рыбин, «появлялся на улицах» после налетов немецкой авиации.

Вот как это выглядело: «Как-то в четыре часа утра Сталин вышел на Калужской. Под ногами хрустело битое стекло. Вокруг полыхали деревянные дома. Машины “скорой помощи” подбирали убитых и раненых. Нас мигом окружили потрясенные люди. Некоторые женщины были с перепуганными плачущими детьми»[438].

Конечно, Сталин прекрасно понимал, какой эффект производит его появление на ночных горящих улицах. И его слова к москвичам: «Будет и на нашей улице праздник!» — должны были восприниматься как обещание высших сил.

По свидетельству Рыбина, Сталин пять раз выезжал на фронт и при этом не проявлял никаких признаков малодушия. (Хотя в некоторых его жизнеописаниях говорится, что он боялся посещать районы военных действий.)

К первой половине октября Советский Союз был обрублен фактически наполовину. Был потерян Донбасс, немцы вышли к Азовскому морю и Крыму. Берлин заявил, что «в военном смысле Советская Россия уничтожена».

Двадцать девятого сентября 1941 года Сталин встретился с лордом У. Бивербруком и А. Гарриманом, главами делегаций Великобритании и США на Московской конференции представителей трех держав. О состоянии Сталина можно судить по такому эпизоду. Бивербрук попросил его выступить на конференции, но услышал: «Не вижу в этом необходимости, я очень занят, не имею времени даже спать».

Тем не менее при обсуждении поставок оружия и материалов Сталин демонстрирует глубокое знание техники и боевых условий ее применения. Из протоколов видно, что он владеет предметом явно лучше собеседников. Его тон корректен, мысли абсолютно конкретны, тональность — уверенная и спокойная. Можно подумать, что немцы находятся далеко от Москвы.

В середине сентября Гитлер распорядился повысить на 30 миллионов марок заказы на поставку гранита из Швеции, Норвегии и Финляндии, для исполнения приказа были заложены специальные верфи на 1000 транспортных судов. Близкая победа требовала величественных монументов. А при этом с осени 1941 года вермахт испытывал острую нехватку горючего, потребность обеспечивалась только на одну треть[439].

Двенадцатого октября пала Калуга, 14 октября — Калинин. 16 октября Сталин собрал в Кремле членов ГКО и Политбюро и сообщил, что немцы могут до подхода наших подразделений прорвать фронт, и предложил срочно, «сегодня же», эвакуировать правительство и подготовить город на случай вторжения. Следовало заминировать заводы, метро, мосты. Командующему Московским военным округом Артемьеву было поручено подготовить город к обороне, имея в виду удержать хотя бы часть Москвы до подхода резервных войск.

Сталин предложил всем членам Политбюро и правительства эвакуироваться. Сам же предполагал это сделать на следующий день, 17 октября, в зависимости от обстановки.

Подчеркнем, что обороной Москвы и созданием подпольной сети занимались Маленков и Берия, которые, как говорит Судоплатов, «без отдыха, спокойно, по-деловому работали в НКВД и Лубянке».

Шестнадцатого октября в Москве вспыхнула паника, она была быстро прекращена. Судоплатов свидетельствует о «спокойном ежедневном руководстве сверху в те дни». Сталин Москву не покинул, о чем объявили по радио 17 октября. Оборона города поручалась Жукову и Артемьеву.

Двадцать четвертого октября был установлен последний рубеж обороны — по Садовому кольцу. На брусчатке Красной площади был размещен камуфляж — «озелененный поселок».

Немцы продолжали наступать. 18 октября был захвачен Малоярославец, 22-го — Наро-Фоминск, 27-го — Волоколамск.

По плану операция «Тайфун» должна была завершиться к середине октября. И стало очевидно — немцы сбились с темпа.

Судоплатов свидетельствует, что, согласно данным разведки, положение противника осложнилось в связи с нехваткой бензина, нефти и боеприпасов.

По донесению Шандора Радо от 25 сентября 1941 года, в германских военных кругах «все больше укрепляется точка зрения, что ввиду провала молниеносной войны победа невозможна...».

Однако могучая военная машина рейха, хоть и замедлив ход, продолжала переть к Москве.

Глава пятьдесят пятая

Последний парад. Взаимоотношения Сталина и Жукова. Сталин переоценивает возможности Красной армии. Рузвельт хочет войны. Пёрл-Харбор. Союзная конференция в Москве

Все чаще в рабочем дневнике командующего группой «Центр» фон Бока звучат сдержанные ноты тревоги. 30 октября он отметил: «Наши потери растут. В зоне ответственности группы армий более двадцати батальонов находятся под командой лейтенантов»[440]. Из записи 3 ноября: «Личный состав соединений утомлен до крайности».

Шестого и седьмого ноября Сталин провел два мощных пропагандистских удара: торжественное заседание Моссовета и военный парад на Красной площади в связи с 24-й годовщиной Октябрьской революции.

Заседание Моссовета проходило вечером на платформе станции метро «Маяковская». В мирное время такие мероприятия проводились в Большом театре. Трибуна была установлена в конце вестибюля, с одной стороны стоял поезд с открытыми вагонами, где были столы с бутербродами и чаем, с другой — подошел состав, откуда вышел Сталин, сопровождаемый Маленковым и Берией. Там был и Жуков. Собрание открыл председатель Моссовета В. П. Пронин, за ним выступил Сталин.

Все помнили его речь 3 июля. Теперь враг стоял у ворот столицы.

Сталин признал, что опасность стала еще больше, но его тон был оптимистичен: успехи противника — временные. Он сказал о провале блицкрига и определил главные задачи: превратить СССР в единый военный лагерь и «истребить всех немецких оккупантов до единого». Он сравнил потери сторон: по его словам, потери немцев были выше примерно в два с половиной раза, что было чистой фантастикой. На самом деле советские войска потеряли в несколько раз больше, чем немецкие. Он подчеркнул, что советский строй является наиболее прочным строем и что другие государства при таких потерях территории, вполне вероятно, «не выдержали бы испытания».

И еще. Он определил характер военных действий: «Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат». Реакция зала была единой: «Бурные, продолжительные аплодисменты».

Речь Сталина, по свидетельству очевидцев, дышала твердостью и уверенностью. Она была короткой и эмоциональной. Он сказал о скором военном крахе Германии, о моральной деградации, слабости тыла, непрочности ее союзников.

Заседание транслировалось по радио. Потом состоялся большой праздничный концерт — как в мирное время. Страна, в слезах слушавшая радиопередачу из Москвы, поняла, что столица держится.

Финал речи должен был подключить к силам сопротивления тайные резервы русской истории: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

По сути, Сталин повторил мысли из обращения к народу митрополита Сергия от 22 июня 1941 года. Вождь вспомнил и Ленина, но отдельно: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина».

Когда Сталин, Маленков и Берия стали покидать президиум, им устроили овацию. Сталин остановился, подождал, потом показал на часы и покачал головой. Овация гремела. «По залу минут десять бушевали волны восторженного вдохновения» (П. Судоплатов).

На следующий день в восемь часов утра на Красной площади состоялся военный парад. Шел густой снег. Налета не ожидалось, тем не менее здесь дежурили радисты, готовые быстро предупредить об опасности. Военные части, проходившие по площади, получили приказ: что бы ни случилось, сохранять порядок и дисциплину. Это означало только одно: быть готовым и под обстрелом не сбиться с парадного шага.

Это был последний парад, суть которого отражена в знаменитой песне «Гибель “Варяга”», любимой Сталиным: «Наверх вы, товарищи! Все по местам! Последний парад наступает...»

В итоге Сталин одержал великую пропагандистскую победу. Войска с Красной площади ушли на фронт, снег запорошил их следы, а сталинский голос на радиоволнах врезался в память воюющего народа.

Возможно, этот очевидный успех вызвал у вождя эйфорию, что вскоре привело к новому столкновению с Жуковым и гибели тысяч воинов.

Сталин позвонил Жукову, состоялся тяжелый разговор, закончившийся приказом нанести упреждающий удар по изготовившемуся к наступлению противнику.

Жуков возражал: «Считаю, что этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы. Нам нечем будет тогда подкрепить оборону войск армий, когда противник пойдет в наступление своими ударными группировками».

Сталин не стал слушать. Он перезвонил члену Военного совета фронта Н. А. Булганину и сказал: «Вы там с Жуковым зазнались. Но мы и на вас управу найдем»[441].

В воспоминаниях командира кавалерийского корпуса П. А. Белова говорится, что 10 ноября они с Жуковым были в Кремле у Сталина и что Жуков «говорил резко, в очень властной манере». Видно, взаимоотношения Верховного и командующего фронтом были сильно натянуты. Поэтому в угрозе Сталина («управу найдем») слышится скорее не угроза как таковая, а попытка еще раз повлиять на Жукова.

Четырнадцатого ноября перед началом немецкого наступления (15 ноября) Жуковым была проведена контрнаступательная операция севернее Серпухова и в районе Волоколамска. Упорные бои длились шесть дней, территориальных результатов не дали. В итоге было сорвано участие в наступлении войск правого фланга 4-й немецкой армии, но наши потери были значительны. Описание жертвенной атаки советских кавалеристов под обстрелом немецкой артиллерии леденит кровь.

В итоге Сталин и Жуков остались при своих мнениях.

Пятнадцатого ноября началось решающее наступление противника. «С утра 16 ноября вражеские войска начали стремительно развивать наступление из района Волоколамска на Клин. Резервов в этом районе у нас не осталось, так как они, по приказу Ставки, были брошены в район Волоколамска для нанесения контрудара, где и были скованы противником»[442]. Жуков имеет в виду свой недавний спор со Сталиным.

В эти дни Сталин позвонил Жукову и задал вопрос, кото-

рый проливает дополнительный свет на их взаимоотношения: «Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю у вас об этом с болью в душе. Говорите честно, как коммунист».

Таким образом, Сталин подтверждал военный приоритет Жукова!

Генерал ответил, что «Москву удержим» и попросил две армии и 200 танков.

Двадцать первого ноября Жуков телеграфирует командующему 16-й армией К. К. Рокоссовскому: «Клин и Солнечногорск — жизненно важные центры», их надо удержать.

Двадцать третьего ноября противником захвачен Клин, 27-го — Солнечногорск.

Двадцать восьмого ноября немцы прорвались к каналу Москва — Волга и форсировали его южнее Яхромы.

Двадцать девятого ноября оперативная группа Московской зоны обороны была преобразована в 20-ю армию и включена в состав Западного фронта. Это означало, что Москва как территория вошла в управление Жукова.

Тридцатого ноября включенная в состав Западного фронта 1-я ударная армия резерва Ставки отбросила немцев с восточного берега канала Москва — Волга.

Первого — пятого декабря немцы продолжали наступление с юга (наро-фоминское направление). Они были остановлены контрударом на рубеже Лобня — Крюково — Дедовск — Звенигород — озеро Нарские Пруды.

В эти же дни велась героическая оборона Тулы, которую противник так и не смог взять. Гигантский фронт, от Калинина на севере и до Тулы на юге, в центре которого было сердце кампании — Москва, остановился.

Здесь и решился окончательно спор между Сталиным и Жуковым.

Двадцать девятого ноября Жуков позвонил Сталину и высказал свое мнение о необходимости начинать контрнаступление. Внешне это выглядело странным: две недели назад он доказывал, что нечего тратить силы в контрударах, а теперь говорил обратное.

Подчеркнем одно обстоятельство, о котором Жуков не мог знать. 29 ноября фон Бок ставит вопрос перед командованием сухопутных войск о приостановке наступления и переходе к обороне, то есть Жуков проявил стратегическое предвидение.

У него был выбор.

Во-первых, можно было сосредоточить резервы и, подготовившись, начинать контрнаступление. На это ушло бы полтора-два месяца, что позволило бы противнику перегруппировать силы и выровнять положение.

Во-вторых, можно было, опираясь на свежие армии, сразу контратаковать, не позволяя немцам укрепить ослабленные группировки, и, сбив их с шатких позиций, развить наступление. Этот вариант не гарантировал стопроцентного успеха, но «негативная сторона перекрывалась внезапностью действий, нанесением удара по ослабленным группировкам противника, не успевшего перейти к обороне» (М. А. Гареев).

Жуков уловил этот решающий миг. И Сталин понял. Он посоветовался с Шапошниковым и поздно ночью 29 ноября сообщил Жукову, что Ставка приняла решение о контрнаступлении.

Четвертого декабря случилось еще одно столкновение главных действующих лиц войны. В штаб Западного фронта, где Жуков проводил совещание с командующими армиями, позвонил Верховный. Вот как описан этот эпизод в воспоминаниях Рыбина: «Слушая его, Жуков нахмурил брови, побелел. Наконец отрезал:

— Передо мной две армии противника, свой фронт. Мне лучше знать и решать, как поступить. Вы можете там расставлять оловянных солдатиков, устраивать сражения, если у вас есть время.

Сталин, видно, тоже вспылил. В ответ Жуков со всего маху послал его подальше!»[443]

«Послать подальше» — означает, что Жуков покрыл Верховного матом.

И только через день Сталин первым позвонил Жукову и «осторожно спросил»: «Товарищ Жуков, как Москва?»

Командующий фронтом заверил вождя, что «Москву не отдадим».

Таким образом, очередной инцидент был забыт, он отразился только при награждении: Сталин вычеркнул имя Жукова из списка награжденных за победу под Москвой.

Но ведь если посмотреть на это с точки зрения Истории, то можно сказать, что у Сталина просто не оказалось награды, достойной Жукова, хотя, конечно, Верховный просто помелочился. Жуков тогда одержал две победы: над командующим группой армий «Центр» фон Боком и над самим Сталиным.

Шестого декабря в три часа утра началось наступление. Его результаты были поразительны: слабейшая сторона победила сильнейшую. К началу 1942 года противник был отброшен на 100—250 километров от Москвы. Одновременно на Ленинградском фронте был освобожден Тихвин и пресечена возможность соединения немцев с финнами; на Южном фронте освобожден Ростов-на-Дону, а в Крыму был высажен десант и занят Керченский полуостров.

Удары на севере и юге наносились как вспомогательные, чтобы не позволить немцам перебросить оттуда войска под Москву, и тоже дали хороший результат.

В целом Сталин по итогам Московского сражения в какой-то момент посчитал, что гитлеровские армии, как и наполеоновская в 1812 году, уже обречены и надо форсировать события.

И он перегнул палку, отдав приказ наступать по широкому фронту, на что у армии уже не осталось сил. В реальности возникла ситуация, в которой таилось несколько возможностей, в том числе и ремейк наполеоновского бегства. Но история — это только «черновик будущего», и на этот раз «беловик» оказался иным.

Гитлер приказал армии «обороняться до последнего патрона, до последней гранаты», ибо понял, что при отступлении она развалится. И не будем забывать, что военный потенциал Германии на тот момент был выше советского. И сам Гитлер был вовсе не таким, каким он представлен в мемуарах его генералов. Жуков знал, что говорил, когда дал ему такую характеристику: «Но это был коварный, хитрый, сильный военачальник»[444].

В канун нового, 1942 года Риббентроп заговорил с Гитлером о мире с Москвой. Гитлер ответил, что это невозможно, речь может идти только о победе.

Пятого января Сталин навязал Ставке план общего наступления: «Чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны».

Жуков стал возражать, предлагал вести наступление только на западном направлении, где немцы еще не успели восстановить боеспособность, но под Ленинградом и на юге этого не делать из-за недостатка сил.

Василевский поддержал Жукова, сказав, что сейчас невозможно укрепить все фронты.

На Сталина это не произвело впечатления.

Жуков считал, что «с общей точки зрения» сталинские идеи были правильны, только оторваны от реальности. Так, фронт крайне плохо снабжался боеприпасами (это в период наступления!), норма расхода на одно орудие была один-два снаряда в сутки.

Широкое наступление началось. Девять резервных армий Ставка рассредоточила по всем фронтам, и в итоге только один Западный фронт под командованием Жукова смог продви-

нуться на 70—100 километров. Если бы резервы были сконцентрированы здесь, то успех мог бы стать решающим.

Приведем оценки Сталина Жуковым: «В стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны. Стратегия была близка к его привычной сфере — политике, и чем в более прямое воздействие с политическими вопросами вступали вопросы стратегии, тем увереннее он чувствовал себя в них.

В вопросах оперативного искусства в начале войны он разбирался плохо. Ощущение, что он владеет оперативными вопросами, у меня лично начало складываться в последний период Сталинградской битвы, а ко времени Курской дуги уже можно было без преувеличения сказать, что он в этих вопросах чувствует себя вполне уверенным.

Что касается вопросов тактики, строго говоря, он не разбирался в них до самого конца. Да, собственно говоря, ему как Верховному Главнокомандующему и не было прямой необходимости разбираться в вопросах тактики. Куда важнее, что его ум и талант позволили ему в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, он проявлял себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой и лучше своих подчиненных. При этом в ряде случаев он находил и подсказывал интересные оперативные решения.

К этому надо добавить, что у него был свой метод овладения конкретным материалом предстоящей операции, метод, который я, вообще говоря, считаю правильным. Перед началом подготовки той или иной операции, перед вызовом командующих фронтами он заранее встречался с офицерами Генерального штаба — майорами, подполковниками, наблюдавшими за соответствующими оперативными направлениями. Он вызывал их одного за другим на доклад, работал с ними по полтора, по два часа, уточнял с каждым обстановку, разбирался в ней и ко времени своей встречи с командующими фронтами, ко времени постановки им новых задач оказывался настолько хорошо подготовленным, что порой удивлял их своей осведомленностью...

Профессиональные военные знания у Сталина были недостаточными не только в начале войны, но и до самого ее конца. Однако в большинстве случаев ему нельзя было отказать ни в уме, ни в здравом смысле, ни в понимании обстановки. Анализируя историю войны, надо в каждом конкретном случае по справедливости разбираться в том, как это было. На его совести есть такие приказания и настояния, упорные, невзирая ни на какие возражения, которые плохо и вредно сказывались на

деле. Но большинство его приказаний и распоряжений были правильными и справедливыми...

А вообще, во второй период войны Сталин не был склонен к поспешности в решении вопросов, обычно выслушивал доклады, в том числе неприятные, не проявляя нервозности, не прерывал и, покуривая, ходил, присаживался, слушал.

В конце войны в нем как отрицательная черта заметна стала некоторая ревность, стало чаще и яснее чувствоваться, что ему хочется, чтобы все победы и успехи были связаны с ним, и что он ревнует к высоким оценкам тех или иных действий тех или иных командующих. Я, например, остро почувствовал это на Параде Победы, когда меня там приветствовали и кричали мне "ура" — ему это не понравилось; я видел, как он стоит и у него ходят желваки»[445].

Седьмого декабря 1941 года Япония напала на военно-морскую базу американского флота в Пёрл-Харборе, на острове Оаху. Соединенные Штаты вошли в мировую войну, в которой уже давно принимали участие, поддерживая Англию и Советский Союз и оказывая давление на Японию.

Рузвельт хотел спровоцировать японское правительство на это нападение, оно развязывало ему руки. Но и Япония стремилась, используя войну в Европе, быстро решить свои стратегические задачи, разгромить американские силы на Тихом океане и затем создать непреодолимую оборону по границам своей «Всеобщей зоны процветания». Целью нападения было не только решить военные задачи, но и подорвать волю американцев к сопротивлению.

К концу июля 1941 года Япония полностью захватила Индокитай. С начала августа США перестали поставлять в Японию нефть, в которой та крайне нуждалась. Теперь Японии ничего не оставалось, как воевать. Начав войну в Китае и Индокитае, она была вынуждена ввязаться еще в одну, чтобы добыть ресурсы для победы. Ко времени нападения на Пёрл-Харбор японский военный флот уже израсходовал четырехмесячный запас нефти из общего стратегического ресурса, который был рассчитан на полтора года. В известном смысле Япония повторяла путь Германии, для которой нефть Ближнего Востока и Кавказа была решающим призом.

Попытки японского правительства договориться с американцами ни к чему не привели, эмбарго не сняли.

Война уже заглядывала в окна Белого дома. Впрочем, Рузвельт ее не боялся, а только желал встретить в максимально выгодной обстановке. Одно из желаемых обстоятельств выразил

лично Рузвельт, настаивавший на отправке крейсеров в японские воды: «Я только хочу, чтобы они продолжали крейсировать там и здесь и держать японцев в недоумении. Я не возражаю против потери одного или двух крейсеров»[446].

В предвоенный период американцы имели информационное преимущество, так как при помощи устройства, названного «Магией», с конца 1940 года расшифровывали японские дипломатические коды.

Но Рузвельт не знал, что американцам придется заплатить слишком дорогую цену за его политическую игру.

В известном смысле он повторил ошибку Сталина, как и тот 22 июня, пришел в ужас, получив донесения об огромных потерях американского флота. Теперь США имели на Тихом океане всего два боеспособных линкора против десяти японских. Американцам еще повезло: их авианосцы во время атаки находились на учениях и потому уцелели.

Вслед за этим 8 декабря японцы двумя воздушными налетами потопили английские линкоры «Принц Уэльский» и «Рипалс». С этого момента, как горько сетовал Черчилль, «Япония господствовала над всеми этими водными просторами».

Восьмого декабря войну Японии объявили США, Голландия и Голландская Восточная Индия, Канада, Англия, Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Панама, Южно-Африканский Союз, Новая Зеландия, Австралия, правительство свободной Франции. 9 декабря — Китай, Мексика, Куба.

Одиннадцатого декабря Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам.

СССР же не стал объявлять войну Японии. Сталин в послании Рузвельту объяснил, что это «ослабило бы силу сопротивления СССР гитлеровским войскам и пошло бы на пользу гитлеровской Германии». Рузвельт согласился с его позицией.

Как выразился американский президент в телефонном разговоре с Черчиллем по поводу Пёрл-Харбора, «теперь мы все повязаны одной веревочкой».

Действительно, 7 декабря и 22 июня тоже были связаны между собой сходством общей картины, внезапностью и эффективностью нападения, недостаточной подготовленностью офицерского корпуса пострадавших сторон, ожиданием войны и неготовности к ней высшего руководства.

И доныне в США в этом порой обвиняют Рузвельта, что не умаляет его вклада в победу. Сталина обвиняют неизмеримо больше.

Однако успех японцев носил все же тактический характер. Им не удалось сломить моральный дух американцев, а повреж-

дения линкоров были быстро устранены. Более того, вооруженные силы США после японского хирургического вмешательства оздоровились в короткие сроки.

Отныне союзники обладали военно-дипломатическим механизмом, в котором бесспорными лидерами были Рузвельт и Сталин.

Сначала Рузвельт смотрел на Сталина глазами Гопкинса и составил о нем очень хорошее мнение. По словам Гопкинса, Сталин был «прекрасным руководителем, уверенным в себе, решительным, трезво мыслящим человеком». Любопытен данный им портрет Сталина: «сильный человек, невысокого роста, с большими крепкими руками и таким мускулистым телосложением, какое хотел бы видеть у полузащитников тренер по футболу»[447].

В сентябре в Москву прибыли посланники Рузвельта и Черчилля Аверелл Гарриман и лорд Бивербрук. Они провели переговоры со Сталиным о предоставлении помощи без всяких условий. Сталин на переговорах держался очень твердо, но дружелюбно. Он произвел на западных переговорщиков хорошее впечатление. Бивербрук назвал его «славным человеком».

Если не брать во внимание отдельные детали, то политика Рузвельта в отношении СССР и Англии опиралась на то, что Сталин будет его союзником в послевоенном переустройстве мира и создании коллективной системы безопасности, а Черчилль таковым не будет, так как Сталин «тяготеет к демократии», а Черчилль остается «империалистом». Этим и еще критическим положением всего западного мира объясняется бескорыстная позиция Рузвельта, не ставившего Сталину никаких условий в тот труднейший период, когда СССР был в шаге от поражения. США предоставили СССР беспроцентный кредит на один миллиард долларов.

У Рузвельта и Сталина сложилось прочное взаимопонимание, которое Сталин однажды описал со свойственным ему юмором: «Черчилль такой тип, что если не следить за ним, вытащит у тебя из кармана копейку... А Рузвельт не такой. Он руку засунет, но возьмет только крупные монеты»[448].

Очевидно, споры о конкретных долгах и границах Рузвельт относил на будущее, что должно было устроить Сталина.

Тем не менее вождь не собирался пускать дело на самотек, доверяя благородству заокеанского партнера. Сталин не был бы Сталиным, если бы не проявил здесь настойчивости.

Шестнадцатого декабря 1941 года он принял министра иностранных дел Великобритании А. Идена. В присутствии Молотова Сталин рассказал, как он видит послевоенное устройство Европы. По сути, он предложил разделить Германию:

отдельно — Австрия, Рейнская область, Бавария; Восточную Пруссию отдать Польше, Судеты — Чехословакии; восстановить целостность Югославии и передать ей некоторые итальянские территории; Турция могла бы получить некоторые районы в Болгарии и Северной Сирии, Греция — острова в Эгейском море. Сталин хотел, чтобы границы СССР сохранились по состоянию на 22 июня 1941 года, граница с Польшей — по «линии Керзона», а на территории Румынии и Финляндии располагались бы советские военные базы.

Семнадцатого и 18 декабря были еще две встречи с Иденом. На них Сталин особое внимание уделил признанию Англией советских границ, включая Прибалтику и новую советско-финляндскую границу, поставив это непременным условием заключения англо-советского договора.

Иден отказывался, ссылаясь на Атлантическую хартию. Но для Сталина эта хартия не имела большого значения, хотя он и присоединился к ней. Его не интересовали, как Рузвельта, ближневосточные и заморские зоны влияния Великобритании. Он ставил вопрос прямо: давайте определим наши общие цели в Европе!

После встреч гостю показали освобожденный Волоколамск, разбитые немецкие танки, что произвело на него сильное впечатление.

Черчилль ответил (через Идена) так: «Первейшей нашей целью будет предотвратить возможность развязки Германией новой войны. Одним из важнейших вопросов, которые придется решить, будет отделение Пруссии от Южной Германии и фактически определение Пруссии как таковой». Он откладывал эти вопросы на будущее, так как считал, что подняв их сейчас, «мы лишь сплотили бы всех немцев вокруг Гитлера»[449].

Отражение этих споров находим и в высказываниях Молотова: «...Черчилль наиболее умный из них как империалист. Он чувствовал, что если мы разгромим немцев, то и от Англии понемногу полетят перья. Он чувствовал. А Рузвельт все-таки думал: они к нам придут поклониться. Бедная страна, промышленности нет, хлеба нет, — придут и будут кланяться. Некуда им деться.

А мы совсем иначе смотрели на это. Потому что в этом отношении весь народ был подготовлен и к жертвам, и к борьбе, и к беспощадным разоблачениям всяких внешних антуражей»[450].

После окончания переговоров гостям был дан прием в Кремле, а в Большом театре показан балет «Лебединое озеро». Спектакль шел ночью, зал был пуст, только в правительственной ложе — Сталин, Гарриман, Бивербрук и сопровождение. Немцы под Москвой. Звучит музыка Петра Чайковского, тан-

цует гениальная Галина Уланова, и волшебная сказка о борьбе светлых и темных сил обретает черты пророчества.

Сталин, если смотреть на вещи с точки зрения стратегии, действовал логично, так как на тот период он был незаменимым и полноправным членом «большой тройки». Ему требовалось застолбить интересы СССР, пока это было возможно. Пользуясь его выражением, можно сказать, что он тоже нацеливался на крупные монеты в карманах партнеров.

Все они действительно были нужны друг другу, были достойны стоявшей перед ними задачи, но знали, что с каждым успехом приближается пограничный рубеж, после которого узы сотрудничества распадутся.

Это были любовь-ненависть, дружелюбие и холодный расчет. Убедительный пример этого можно найти в мемуарах Павла Судоплатова: английская разведка, создав еще в 1938 году аналог немецкой шифровальной машины «Энигма», поставляла через советского резидента-нелегала Шандора Радо дозированную информацию о планах немцев. Сравнив ее с данными из других источников, на Лубянке догадывались, что англичане регулярно расшифровывают немецкие радиограммы. Однако полученная от «кембриджской пятерки» советских агентов информация была более полной, это являлось доказательством, что британская разведка свои сведения дозирует и редактирует. «Сталин не доверял англичанам, и для этого были основания»[451].

Весной 1943 года, накануне сражения на Курской дуге, явившегося стратегическим контрапунктом всей войны, советская разведка получила полную информацию о целях, сроках, составе сил планировавшейся немецкой операции «Цитадель». Ценность полученных сведений была огромной, так как указывалось, что наступление нацелено на Курск, а не на Великие Луки, то есть не к западу, а к юго-западу от Москвы, — «там мы не ожидали немецкого наступления».

В сравнении с этим донесением информация, полученная из Женевы, была менее полна и точна. На Лубянке и в Кремле сделали вывод: англичане хотят, чтобы немецкое наступление было сорвано, но «они заинтересованы не столько в нашей победе, сколько в том, чтобы затянуть боевые действия, которые привели бы к истощению сторон»[452].

Вспоминая этот эпизод, необходимо, справедливости ради, подчеркнуть, что Черчилль настолько дорожил секретом «Энигмы», что, получив информацию о предстоящей бомбардировке города Ковентри, предпочел, чтобы она состоялась, но даже намеком не обнаружил своей тайны. Исходя из этого, Лондон должен был вводить и в другие сообщения, в основе

которых лежала работа «Энигмы», необходимую редактуру. Свои интересы были дороже!

Здесь уместно осветить еще одну страницу взаимоотношений нашего героя с руководством других государств. Мы имеем в виду игру с политической верхушкой Германии.

Перед приездом в Москву Гопкинса Сталин через Берию и Судоплатова, а те — через болгарского посла Стаменова, предпринял попытку дезинформировать Гитлера о якобы готовности Кремля к мирным переговорам по типу брестских. Предполагалось, что Стаменов доведет информацию до царя Бориса, а тот — до Берлина. Любая приостановка немецкого наступления имела большое значение, но Стаменов, уверенный в победе русских, ничего в Софию не передал, и зондаж остался нереализованным*.

Но дело даже не в хитрости Сталина. Зондажем занимались все. Дело в его готовности использовать самый ничтожный шанс, идти на риск.

Глава пятьдесят шестая

Сталин снова не слушает Жукова. Харьковская трагедия. «Убей немца!» Приказ № 227 «Ни шагу назад!». Жуков в Сталинграде

Двадцать пятого декабря эвакуированное в Куйбышев правительство вернулось в Москву, кризис миновал. Сталин провел кадровый маневр, показавший, что особая роль Маленкова и Берии уже сыграна и что только он, Сталин, единственный вождь в стране. Сталин инициировал возрождение бездействовавшего Бюро СНК СССР по текущим делам в составе: Вознесенский (председатель), Молотов, Микоян, Андреев, Первухин, Косыгин, Шверник. Он вернул Бюро контроль над наркоматами.

Не случайно в составе Бюро не было Маленкова и Берии. Вскоре состав ГКО был «разбавлен» Микояном и Вознесенским. Теперь стало ясно, что созданный Молотовым, Маленковым и Берией ГКО, сильно озадачивший Сталина, становится одной из прочих управленческих структур. Сталин словно поставил точку в том споре, когда у него, застигнутого товарищами на даче в полной растерянности, не хватило духу ввести в ГКО Вознесенского и Микояна. В дальнейшем, вплоть до

* После смерти Сталина эта операция была трансформирована Хрущевым как реальное желание Сталина заключить мир на условиях Гитлера, что совершенно не соответствует реальности.

1953 года, он перетасовывал свое окружение, добиваясь одному ему известного баланса сил.

В наступившем 1942 году ему пришлось пойти на новые уступки военным, ибо все его предложения оказались непродуктивными. Так, идея общего наступления привела только к расходу по крохам собранных резервов; Керченская операция, которой руководили его выдвиженцы Кулик и Мехлис, закончилась провалом и сдачей Севастополя; наступление на харьковском направлении привело к окружению и гибели около 240 тысяч человек.

Вот как шел спор вокруг Харьковской операции.

Здесь, как и в Московском сражении, снова столкнулись Сталин и Жуков. Жуков предлагал ограничиться активной стратегической обороной, чтобы «измотать и обескровить врага в начале лета», а затем перейти в наступление, сейчас же наступать только в полосе Западного фронта. Шапошников был того же мнения.

На совещании в Ставке в конце марта 1942 года Жуков упорно отстаивал свою точку зрения. Но Сталин решил поддержать предложение командующего Юго-Западным направлением Тимошенко о Харьковской наступательной операции. Он дал указание считать операцию внутренним делом Юго-Западного направления и Генштабу в ее ход не вмешиваться.

Отключив Генштаб, он вольно или невольно повторил свой метод действия в начале Финской кампании, когда так же отстранил Шапошникова и поручил ее проведение командованию Ленинградского военного округа.

Жуков вспоминает, что за его упорством на мартовском совещании в Ставке сразу же последовало наказание. Не успел Жуков доехать до штаба своего фронта, как туда поступила директива Ставки, что Калининский фронт выводится из подчинения командованию Западного направления (то есть Жукова), а Западное направление ликвидируется. Таким образом, статус Жукова был понижен.

Чтобы поощрить руководство Юго-Западного направления (Тимошенко, Баграмяна, Хрущева), Сталин устроил своеобразный прием. Баграмян вспоминал, что там были, кроме него, Шапошников, Василевский, Тимошенко, Хрущев и группа генералов из управления Южного фронта. Жукова не пригласили. Накануне Сталин распорядился быстро сшить Баграмяну новый мундир взамен обтрепанного, и в этом жесте тоже было дружеское расположение.

Вел застолье сам Сталин. У него нашлись добрые слова и пожелания для всех, он расположил людей к откровенности и выспросил у них интересующую его информацию. В заключе-

ние он с улыбкой объявил, что ссйчас огласит «один весьма актуальный документ». Он извлек из кармана кителя мелко исписанный листок. Это было знаменитое письмо запорожских казаков турецкому султану.

Как известно, казаки постоянно воевали с Турцией и стали героями целого эпоса и, в частности, картины Ильи Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

Об использовании Сталиным этой картины в советско-английских переговорах (после войны) вспоминал Молотов: «Узнали мы, что Бевин, английский министр иностранных дел, неравнодушен к картине Репина “Запорожцы пишут письмо турецкому султану”. Ну и мы перед одним из заседаний министров иностранных дел великих держав сделали ему сюрприз: привезли из Третьяковки эту картину и повесили перед входом в комнату заседаний. Бевин остановился и долго смотрел на картину. Потом сказал: “Удивительно! Ни одного порядочного человека!”»[453].

Могучие, полухмельные, веселые, лукавые и насмешливые репинские герои очень нравились Сталину. Показав их англичанину, он словно привел слова из «Письма»: «А какой ты, к бесу, рыцарь, если не можешь прибить голой задницей ежа!»

Накануне Харьковской операции он был настроен очень оптимистично.

Харьковское наступление началось успешно, но вскоре с его южного фланга, со стороны Краматорска последовал удар танковой группы Клейста. Василевский немедленно доложил Сталину об угрозе. Сталин связался с Тимошенко, тот убедил его в успешности начатой операции, и тогда Верховный, не любивший менять своих решений, приказал продолжать наступление. Впрочем, к вечеру следующего дня (18 мая) Сталин уже начал кое-что понимать. Он позвонил Тимошенко и предложил повернуть приблизившиеся к Харькову армии в сторону Краматорска.

К лету 1942 года было понятно, что Германия сохранила военную мощь и что предстоящая летняя кампания может стать решающей. В этой обстановке Москве надо было добиться от союзников ясности с открытием в Европе второго фронта. Вечером 19 мая с подмосковного аэродрома «Раменское» на бомбардировщике ТБ-7 вылетел в направлении на Англию Молотов. Предстояли встречи с Черчиллем, а потом полет в США на переговоры с Рузвельтом. Маршрут был долгий, 20 тысяч километров, с пересечением линии фронта. После десятичасового перелета самолет благополучно приземлился в Англии. На-

чались трудные переговоры, которыми издали руководил Сталин, с ним Молотов сносился по всем важным вопросам. Эти вопросы таковы: подписание договора о совместной борьбе с Германией (обязательное условие — признание Лондоном довоенных границ СССР), Второй фронт и военные поставки.

Англичанс нс захотели закреплять в договоре западные советские границы, предложив свой вариант — без этих условий. Молотов счел такой документ «пустой декларацией, в которой СССР не нуждается» — так он сообщил Сталину.

Однако тот неожиданно рассудил иначе: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»[454].

Телеграмма Сталина отправлена 24 мая. К этому времени положение на фронте становилось критическим. Тем не менее слова «будем решать силой» говорят о многом.

Из Англии Молотов направился в США. Но о тех переговорах — чуть позже. Заметим только, что на одной из встреч президент Рузвельт поднял тост за Сталина, «великого человека нашего времени».

Особенность этой ситуации состоит в том, что и Тимошенко, и член Военного совета Юго-Западного фронта Хрущев убеждали Сталина, что опасность со стороны Клейста сильно преувеличена и нет оснований останавливать наступление. Маршал Жуков, включивший в свои воспоминания этот эпизод, подчеркивает: «Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступивших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую, потому что лично присутствовал при переговорах Верховного»[455].

Эти слова, как видим, опровергают позднейшую попытку Хрущева самооправдаться и всю вину за разгром возложить на Сталина. Хрущев утверждал, что он звонил Сталину, но тот к телефону не подошел, а через Маленкова приказал продолжать наступление.

В итоге поражения под Харьковом обстановка на юге быстро становилась критической. Немцы наступали, у Ставки фронтовых резервов не было. Германские войска прорвали оборону на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов и к середине июня стремительно шли к Волге и Кавказу.

Так неожиданно прочное положенис Советского Союза оказалось катастрофическим. Немцы заняли весь Донбасс, Ростовскую область, выходили к Кавказу. 7 июля они подошли к Воронежу, 17-го — к Сталинграду.

Стало ясно, что это произошло по вине Ставки. Во-первых, Сталин, вопреки донесениям разведки, считал, что немцы летом 1942 года будут снова наступать на московском направлении путем глубокого обхода с юга. Во-вторых, харьковское поражение.

На самом же деле Гитлер (вопреки мнению Гальдера, который по-прежнему настаивал на продолжении наступления на Москву) принял директиву № 4 от 5 апреля 1942 года, в которой основной целью наступления ставилось овладение Донбассом, Кавказом и отсечение СССР от путей доставки нефти.

Жуков же считал, что наиболее вероятен немецкий удар в южном направлении.

Это говорит о многом. Снова Сталин столкнулся с тем, что есть человек в его окружении, который понимает больше, чем он. По крайней мере, в военном деле. И без этого человека ему, Сталину, не обойтись. Во всяком случае, пока.

Тем временем положение становилось все хуже. В этой обстановке нс вышла на первый план судьба 2-й ударной армии генерала А. А. Власова. Армия должна была вести наступление на Волховском фронте и к концу июня почти полностью погибла. Сам же генерал Власов попал в плен. Это была болезненная, но тактическая потеря. А то, что происходило на юге послс Харьковской трагедии, страшно повторяло июнь — июль 1941 года, то есть немецкая стратегия блицкрига ожила, а советская — войны на истощение — теряла перспективы.

Дж. Фуллер считает, что летом 1942 года Гитлер, имея возможность победить, совершил самоубийственную ошибку: когда германские войска натолкнулись на сильное сопротивление у Воронежа, им было приказано выставить здесь заслон и повернуть к Сталинграду. Таким образом, вместо четырехугольника (Ростов — Сталинград — Саратов — Воронеж) немцы захватили территорию в треугольнике Воронеж — Сталинград — Ростов, северная сторона которого (линия Воронеж — Сталинград) была открыта для наступления русских. (Но Фуллер не говорит о том, что в связи с упорным сопротивлением весь замысел окружения русских армий на Верхнем Дону рухнул; поэтому немцы и повернули к югу, нарушив свой первоначальный план.) Кроме того, Фуллер высказал мнение, что в любом

случае без захвата Москвы, главного коммуникационного узла страны, немцы не могли победить в принципе.

Поэтому Сталин был прав в стратегическом отношении, в первую очередь заботясь о защите столицы СССР.

После вступления в войну Америки, что по заявлениям Гитлера было невозможно, выбор Германии был невелик: победить или умереть. Но в Сталинграде решался вопрос, как заметил генерал Макартур, смогут ли немцы вести войну с союзниками еще десять лет.

Действительно, если бы удалось захватить Кавказ и нефтепромыслы Грозного и Баку и перекрыть Волгу, по которой, кроме нефти, шли грузы из Персии, немцы могли бы перейти к стратегии на истощение. Они получили бы новые экономические ресурсы, смогли бы выстроить оборону на севере и перейти к освоению захваченных территорий.

Весной 1942 года линия фронта проходила в 500 километрах от Сталинграда и более чем в 600 километрах от Кавказа. К августу немцы преодолели эти расстояния. 4 августа был захвачен Ворошиловск (Ставрополь). 8 августа разрушены и оставлены нефтепромыслы Майкопа. 20 августа сдан Краснодар.

В эти дни в Кремль был вызван нарком промышленности и уполномоченный ГКО по обеспечению фронта горючим Николай Байбаков. Сталин сказал ему, что ни одна капля нефти не должна достаться немцам, и дал поручение отправляться на Северный Кавказ и в случае угрозы захвата уничтожить нефтяные скважины.

При этом Сталин предупредил: «Имейте в виду, товарищ Байбаков, если вы хоть одну тонну нефти оставите немцам, мы вас расстреляем. Но если вы уничтожите промыслы, а противник не сумеет захватить эту территорию и мы останемся без нефти, мы вас тоже расстреляем»[456].

Ошарашенный Байбаков, которому тогда был 31 год, спросил: а какая же ему остается альтернатива, ведь фактически у него нет выбора, при любом исходе его ждет расстрел?

И вот что ответил Сталин. Он показал двумя пальцами на свой висок и сказал: «Здесь выбор». То есть сам думай и за свой выбор отвечай.

Это напутствие возымело сильное действие. Рискуя жизнью, Байбаков организовал уничтожение около трех тысяч скважин, и жаждущий противник не получил топлива. В результате организованное в Германии акционерное общество «Немецкая нефть на Кавказе» смогло добывать в Майкопе всего-навсего 70 баррелей в день.

Третьего июля Гитлер провел в Полтаве совещание, на ко-

тором обозначил предельные рубежи сопротивления русских: «Нефтеносные районы, Ленинград, Москва; экономическая катастрофа»[457].

Заметим, опираясь на записи Гальдера, что согласно информации генерал-квартирмейстера Вагнера, «горючего для операции "Блау" хватит только до середины сентября». («Блау» — название военной операции вермахта на кавказском направлении.)

Таким образом, альтернатива для немцев располагалась в смертельно коротком времени, и сопротивление русских, будь оно организовано с должной решительностью, должно было обрушить все их надежды. В спокойных деловых записях Гальдера 23 июля вдруг появляется истерическая нота — после доклада у Гитлера: «Всегда наблюдавшаяся недооценка возможностей противника принимает постепенно гротескные формы и становится опасной. Все это выше человеческих сил. О серьезной работе не может быть и речи»[458].

Значит, они предчувствовали.

Но почему Сталинград? Он ведь не был главной целью кампании, а всего лишь — второстепенной, и тем не менее его оборона стала поворотным, решающим событием в войне.

Отчасти в этом сыграла роль мистика имени: Гитлер поставил задачу разрушить город, носящий имя советского вождя.

И еще одно важное обстоятельство давило на германское командование. Летом 1942 года советское руководство действовало уже не так, как прошлым летом, когда советские войска не имели права маневрировать и отступать, удерживали позиции до последнего. Теперь же Красная армия избегала окружений. Широкое отступление русских было воспринято Гитлером как признак их слабости и близости конца.

Двадцать третьего июля он издал директиву № 45, в которой ставил задачу захватить Майкоп, Грозный и Баку и нанести удар в направлении Сталинграда, уничтожить советские войска в этом районе, оккупировать город и блокировать сухопутные коммуникации между Волгой и Доном. Сталинград был необходим немцам, чтобы защитить их северный фланг во время наступления на Кавказ.

Двенадцатого июля был создан Сталинградский фронт.

Девятнадцатого июля город был объявлен на осадном положении.

Двадцать четвертого июля пал Ростов-на-Дону.

Двадцать восьмого июля Сталин подписал лично написанный им приказ народного комиссара обороны СССР № 227 «Ни шагу назад!», в чем-то очень сходный с его выступлением по радио 3 июля 1941 года.

Приказу предшествовала публикация в газете «Красная звезда» от 19 июля беспримерного по ненависти стихотворения Константина Симонова «Убей его». В нем отражен фантастически ужасный дух тех «последних дней»:

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был...
Если мать тебе дорога —
Тебя вскормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно к шее прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтоб фашист, к ней постоем встав,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку намотав;
Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,
Мыли гаду его белье
И стелили ему постель...
Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел — так ее любил, —
Чтоб фашисты ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем
Обнаженную, на полу;
Чтоб досталось трем этим псам
В стонах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...
Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем, —
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
И пока его не убил,
Помолчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.
Пусть фашиста убил твой брат,
Пусть фашиста убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет...
Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоем дому чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.

Пусть исплачется не твоя,
А его родившая мать.
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будут ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Двадцать четвертого июля в «Красной звезде» Илья Эренбург публикует короткую статью «Убей»: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово "немец" для нас самое страшное проклятие... Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобой немцев. Убей немца! — Это просит старуха-мать. Убей немца! — Это молит тебя дитя. Убей немца! — Это кричит родная земля. Не промахнись! Не пропусти. Убей!»

Симонов говорит о фашистах, не называя их национальности, а Эренбург прямо указывает: немцы! Ненависть дошла до испепеляющего уровня. Этой ненавистью было объединено все население.

Поэты и вождь, конечно, не могли сговариваться. Но Сталин всегда читал «Красную звезду», ставшую в годы войны главной газетой страны, и настроение общества, выраженное в ней, наложилось на его трагическое мироощущение.

Василевский в своих мемуарах пишет, что приказ № 227 — «один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности».

Приказ начинался с общего обзора: «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит, убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге, и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают

Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам...

У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину...

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок Советской земли и отстаивать его до последней возможности»[459].

Вот главные положения приказа:

Навести порядок и дисциплину в частях.

Нельзя терпеть командиров и политработников, части и соединения которых оставляют боевые позиции.

Паникеры и трусы должны быть истреблены на месте.

Командиры, отступающие без приказа свыше, — предатели Родины.

Следует сформировать на фронтах штрафные батальоны (до 800 человек), куда направлять средних и старших командиров, «провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости», ставить их на трудные участки фронта и «дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины».

В армиях сформировать три—пять заградительных отрядов, поставить их в тылу неустойчивых дивизий и обязать в случае паники и беспорядочного отхода «расстреливать на месте паникеров и трусов».

В армиях сформировать от пяти до десяти штрафных рот (150—200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров. (По аналогии со штрафными батальонами.)

Приказ не публиковался. С ним были ознакомлены все офицеры действующей армии, и, как свидетельствуют фронтовики, он возымел сильное действие.

Но надо признать, что этим приказом, в той его части, что «трусы и паникеры расстреливаются на месте», воспользова-

лись во время Сталинградского сражения многие генералы. Тогда были расстреляны сотни «паникеров и трусов». Мы ставим эти слова в кавычки, потому что были случаи, когда казнили ни в чем не повинных людей только для того, чтобы произвести должный эффект на бойцов.

Что касается заградительных отрядов и жестокого обращения с нарушителями дисциплины, то ни для Жукова, ни для других генералов это было не ново.

Одновременно с усугублением обстановки на юге Ставка с 30 июля по 23 августа 1942 года провела наступательную операцию на западном направлении (Ржевско-Сычевская) с целью разгромить 9-ю германскую армию и ликвидировать Ржевский выступ. Операция проводилась левым флангом Калининского и правым Западного фронтов. Причем для ее успешного развития логично было бы подчинить оба фронта одному командующему. Поскольку основная роль отводилась Западному фронту, то главным должен был стать Жуков. Однако, как мы помним, накануне неудачной Харьковской операции Сталин вывел из подчинения Жукова Калининский фронт, и операция началась при отсутствии единого руководства, и только 5 августа части Калининского фронта, действующие в районе Ржева, были подчинены Жукову.

Впрочем, идея отвлекающего удара, как пишет Жуков, принадлежала самому Сталину и была продуктивной. В итоге немецкая оборона была прорвана, советские войска подошли к Ржеву и ликвидировали немецкий плацдарм на левом берегу Волги. Три танковые и несколько пехотных дивизий противника, готовившиеся к переброске на юг, не были туда направлены*.

Таким образом, предложенный Сталиным и осуществленный Жуковым контрудар оказался очень полезным. Даже без непереброшенных под Сталинград немецких частей положение там оставалось тяжелым и шансы удержать город — весьма незначительными.

Германская атака на Сталинград началась 23 августа массированным авианалетом. В течение двух дней немцы бомбили промышленные и гражданские объекты, превратив почти все

---

* Заметим, что немецкая танковая дивизия по своей организационной структуре и штатной численности основных видов вооружений сравнима с советским танковым корпусом. Танковый и механизированный корпуса немцев — с Советской армией. Немецкая армия — с советским фронтовым направлением.

их в руины. Погибли около 40 тысяч человек. Тем не менее город остался живым. Жители его не покинули, так как Сталин запретил эвакуацию. Он считал, что войска должны защищать не камни, а оставшихся там людей, чтобы воины понимали, что отступать больше нельзя. В воздухе витала простая мысль, поднимавшая дух защитников, — «За Волгой для нас земли нет!» То есть: мы или погибнем здесь, или выстоим.

После бомбардировок большая часть населения была все же эвакуирована, но город продолжал жить, вырабатывалось электричество, на тракторном заводе им. Дзержинского выпускали танки и оружие.

Попытка немецкой 6-й армии под командованием Фридриха Паулюса захватить город лобовым ударом, предпринятая 23 августа, не дала нужного результата. Немцы прорвались к северным окраинам города и были остановлены. Только к 10 сентября 4-я танковая армия Гота вышла к Волге южнее Сталинграда.

Теперь город, занимающий узкую, вытянутую вдоль реки территорию шириной 6—8 и длиной около 60 километров, был сдавлен полукольцом германских войск. Связь с тылом могла осуществляться только через Волгу. В самом городе остались две армии — 62-я в центре и на севере, 64-я — на юге. Они были отрезаны друг от друга. Казалось, эту узкую полосу немцы без труда пробьют.

Сталин направил в Сталинград Василевского, Маленкова и Малышева. Первый к тому времени уже был назначен начальником Генерального штаба взамен заболевшего Шапошникова, Малышев был наркомом танкостроения, Маленков — правой рукой Сталина в партийных делах.

Очевидно, эта тройка сообщила Верховному, что в Сталинграде приближается катастрофа. У Сталина же был только один специалист по катастрофам, и он вызвал его с Западного фронта.

Двадцать восьмого августа Жуков прибыл в Кремль. Сталин прямо сказал ему, что немцы могут взять Сталинград и захватить Кавказ. Он объявил решение ГКО: Жуков назначен заместителем Верховного главнокомандующего (взамен героя Гражданской войны Буденного, что символично) и направляется в «район Сталинграда». Туда перебрасывались три армии (1-я гвардейская, 66-я и 24-я), которые должны были нанести контрудар с севера и деблокировать 62-ю армию.

Двадцать девятого августа Жуков прилетел в город Камышин и выехал на автомобиле в штаб Сталинградского фронта. Из донесений штабистов он понял, что никакой уверенности в удержании города нет.

Здесь разыгрался еще один конфликт Жукова и Сталина. Верховный торопил быстро начать наступление, но Жуков отказывался, мотивируя это необходимостью как следует подготовиться. Раньше утра 6 августа Жуков начинать не хотел. «Начать не позже пятого», — приказал Сталин и положил трубку телефона.

Правота Жукова быстро выявилась: наступление 1-й гвардейской армии под командованием К. С. Москаленко, начавшееся 3 августа, ни к чему не привело.

Третьего августа Сталин прислал Жукову телеграмму, суть которой выражена во фразе: «Промедление теперь равносильно преступлению». В ней таилась угроза.

Жуков позвонил в Ставку и сказал, что может приказать завтра же с утра начинать, но все три армии пойдут в бой без боеприпасов, которые будут доставлены не раньше вечера 4 августа. Кроме этого, сообщил Жуков, только к вечеру 4 августа будет налажено взаимодействие между артиллерией, танками, авиацией.

То есть Жуков ответил: «Нет».

Сталину не оставалось ничего другого, как согласиться.

В три часа утра 5 августа он позвонил Маленкову и спросил, как идет подготовка к наступлению. Ответ Маленкова его удовлетворил, и он не стал вызывать Жукова.

Думается, он позвонил именно Маленкову не потому, что он ему больше доверял, а потому, что разговаривать с упертым и профессионально более подготовленным Жуковым ему было психологически тяжелее. Не случайно он вскоре отчитает Маленкова за отсутствие от него сообщений о положении на Сталинградском фронте. (Маленков просто визировал телеграммы Жукова, соглашаясь с их содержанием.) Обязав Маленкова присылать особую информацию, Верховный словно сказал: «Вы и Жуков не одно целое. Вы должны его контролировать».

Пятого и 6 августа Жуков вел наступление. Для его отражения немцы были вынуждены подтягивать новые части из-под Сталинграда. Тяжелые бои продолжались до 10 августа, пока наконец Жуков не убедился, что наличными силами прорваться в город не удастся и что дальнейшие попытки приведут к большим потерям.

Он сообщил Сталину, что нужны дополнительные войска, а «армейские удары не в силах опрокинуть противника». Сталин вызвал его для доклада.

Обстановка в самом Сталинграде на тот момент вполне определилась. Прижатые к реке войска 62-й армии, занимавшие фронт длиной в 40 километров, уступали немцам по численности (54 тысячи против 100 тысяч), по танкам (110 против 500), по орудиям (900 против 2000), однако бои в руинах при-

няли новый характср, делающий невозможным взаимодействие пехоты, танков и авиации наступавших войск. Шла борьба за каждый дом, этаж, коридор. В таких условиях скорость танкового рейда или массированность авианалета ничего не значили. Чтобы воспрепятствовать немецким бомбардировщикам, русские персносили свои передовые позиции вплотную к немсцким, на расстояние броска гранаты. Тсперь их нельзя было ни бомбить, ни обстреливать из пушск и минометов без риска разнссти собственные позиции. Противники схватили друг друга за горло.

После того как в начале ссптября жуковскос контрнаступление оказалось нсрезультативным, нсмцы провсли нссколько сильных атак, чтобы прорваться к Волге. Они захватили южныс и цснтральныс районы и установили свой флаг на разрушенном здании горкома партии. Теперь фашисты могли обстреливать центральную пристань. Но ещс не был взят Мамаев курган, с которого можно было контролировать цснтр города. Бои развернулись за эту высоту (взята 14 сентября) и персместились в северные районы. И здссь успсхи немцев были велики, но не окончатсльны. Они нс смогли захватить заводские территории и узкую прибрежную полосу, на которую доставлялись боеприпасы и подкреплсние с другого берега. Затсм последовали еще две волны приступа. К концу октября были захвачены тракторный завод им. Дзсржинского, заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь». До Волги оставалось чуть больше километра.

«За каждый дом, цех, водонапорную башню, жслезнодорожную насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу развалин велась ожесточенная борьба, которая не имела себс равных даже в период Первой мировой войны с ее гигантским расходом боеприпасов. Расстояние между нашими войсками и противником было предельно малым. Несмотря на массированные действия авиации и артиллсрии, выйти из рамок ближнего боя было нсвозможно. Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях и боях за отдельныс дома; они заняли прочную оборону.

Последовавшая затем катастрофа заставила поблекнуть эти недели “осады”. Ее история являла бы собой перечень героических подвигов небольших подразделсний, штурмовых групп и многих неизвестных солдат. Эти подвиги совершались как солдатами наступавшей германской армии, так и оборонявшимися солдатами русских»[460].

Одиннадцатого ноября немцы сделали последний рывок и все-таки прорвались к Волге на одном из участков. 62-я армия теперь была рассечена на три части.

В этот момент переправленная через Волгу ночью 14 сентября 13-я гвардейская дивизия А. И. Родимцева неожиданно контратаковала немцев в центре города на Мамаевом кургане и переломила ход сражения. В первый день десятитысячная дивизия потеряла три тысячи человек, в первую неделю — восемь тысяч. К концу Сталинградской битвы в ее рядах было 320 человек.

Не установив полный контроль над западным берегом Волги, немцы не добились главной цели. Повторялся декабрь 1941 года. Наступательный порыв иссяк.

В это время на Кавказе случилось примерно то же: германская армия остановилась, не дойдя до Баку.

Глава пятьдесят седьмая

Сталин принимает академиков Вернадского и Иоффе: атомная проблема. Победа под Сталинградом. Ржев. Сталин — соавтор и редактор пьесы о генералах

Трудно представить, но в сентябре 1942 года перед началом Сталинградской битвы Сталин принял на Ближней даче в Кунцеве академиков В. И. Вернадского и А. И. Иоффе; присутствовал нарком боеприпасов Ванников. Речь шла о создании ядерного оружия. Распоряжением ГКО от 28 сентября 1942 года были возобновлены работы по урановой проблеме в Ленинградском физико-техническом институте, который тогда находился в эвакуации в Казани. Во исполнение распоряжения была создана первая специальная лаборатория под руководством И. В. Курчатова. Подчеркнем, что в то время Сталин не располагал материалами внешней разведки, они были доведены до него только 6 октября 1942 года, то есть после его распоряжения. Соответственно, и Берия подключился к проблеме только в 1943 году[461].

Тем временем в Ставке была подготовлена убийственная для противника операция «Уран», идею которой предложил Жуков, поддержали Василевский и Сталин. План операции выкристаллизовался в середине сентября. Он сводился к мощным ударам из района Серафимовича, то есть с северо-западного направления, и из дефиле озер Цаца и Берманцак, южнее Сталинграда, по флангам противника в общем направлении на запад, к городу Калач, с целью окружения и уничтожения основных сил немцев. Руководителями подготовки этой операции Сталин назначил Жукова и Василевского.

Подготовка проводилась в обстановке строжайшей секретности. Телефонные переговоры и письменные сообщения по этой теме запрещались. Вся информация доводилась устно, резервные армии перебрасывались к Сталинграду только ночью.

Подготовка «Урана» проходила параллельно с большой отвлекающей операцией «Марс» на Западном фронте в районе Ржева. В дневнике Гальдера от 24 сентября 1942 года о ней сказано: «Усиленные железнодорожные перевозки на территории всего района перед фронтом группы армий “Центр” указывают на то, что противник занят перегруппировкой крупного масштаба...»[462]

Двадцать пятого сентября Гитлер снял Гальдера с должности начальника Генерального штаба за то, что тот предлагал прекратить операцию под Сталинградом. Новый начальник Генштаба генерал-полковник Курт Цейтцлер сделал Гитлеру доклад, в котором назвал самым опасным участком Восточного фронта северный фланг группы армий «Б», занимаемый румынскими, итальянскими и венгерскими частями. (Именно сюда и ударят вскоре советские армии.) Гитлер обозвал Цейтцлера «пессимистом».

Советское наступление началось 19 ноября с мощной артиллерийской подготовки. 20 ноября в двадцатиградусный мороз двинулись пехота и танки. Фронт был быстро прорван. Подчеркнем, что к началу этого наступления советская авиация обрела превосходство в небе над Волгой. 23 ноября кольцо окружения сомкнулось в районе Калача.

Двадцать пятого ноября началась операция «Марс», которой руководил Жуков. Если бы она удалась, то был бы открыт прямой путь на Берлин. В ней участвовали с советской стороны 1,9 миллиона человек, почти 3500 танков, свыше тысячи самолетов, около 25 тысяч артиллерийских орудий.

У этой операции был и второй план, делавший ее жертвенной, она отвлекала немцев от Сталинграда. Для этого советская разведка посредством радиоигры сообщила противнику, что Красная армия ударит 15 ноября не под Сталинградом, а в центре. Поэтому в октябре—ноябре 1942 года немецкое командование усилило западное направление — полностью перебросило 11-ю армию Э. Манштейна, которая предназначалась для штурма Ленинграда, а с началом наступления Калининского и Западного фронтов — еще пять дивизий и две бригады из Западной Европы, потом еще десять дивизий. Замахнувшись под Ржевом, Сталин провел страшный удар на Волге.

Это было поразительно: после немыслимых поражений лета 1942 года Советский Союз смог провести две такие стратегические операции!

Несмотря на то что операция «Марс» не увенчалась успехом, она повлекла за собой тяжелые последствия для германской армии, что отразилось на решающих сражениях 1943 года. В результате понесенных потерь 9-я германская армия надолго потеряла должную боеспособность. Поэтому операцию «Цитадель» (на Курской дуге) немцы перенесли с мая на июль. Однако и в июле немецкое наступление на севере Курской дуги быстро утратило силу.

На фоне Сталинградской победы операция подо Ржевом осталась незамеченной и практически не освещенной в советской историографии, словно в ней было что-то такое, к чему не надо было привлекать внимание. Молва объясняла приказ Сталина, направившего Жукова подо Ржев и оставившего Василевского под Сталинградом, желанием Верховного лишить Жукова лавров победителя в битве на Волге. Но эта версия лишена смысла. К тому же прибавим, что по итогам Сталинградской операции именно Жуков наряду с Василевским и другими командующими фронтами был награжден полководческим орденом Суворова. На ордене Жукова стоял номер один. (Старые же маршалы, Ворошилов, Буденный, Тимошенко, тогда не получили никакой награды.)

Трудно представить, что в тяжелейшей обстановке лета 1942 года Сталин мог заниматься чем-либо иным, кроме военных дел. Но наш герой в это время посчитал важнейшим для себя делом дважды встретиться с драматургом Александром Корнейчуком и отредактировать его пьесу «Фронт». Конечно, Корнейчук не был рядовым литератором, перед войной он занимал пост председателя Союза писателей Украины, а с 1941 года служил в политуправлении Юго-Западного фронта. И все же, с одной стороны, сталинградская драма, а с другой — какая-то вымышленная история...

Однако вымышленная история под руководством Сталина быстро превратилась в живую повседневность. Сюжет пьесы заключался в том, что командующий фронтом генерал-лейтенант Горлов, храбрый участник Гражданской войны, а на сегодня отставший от жизни невежественный военачальник, сталкивается с молодым, хорошо образованным генерал-майором Огневым. Огнев начал войну полковником, командовал дивизией, потом армией. В штабе Горлова — льстецы, подхалимы, самодовольные хамы, пьянство, можно сказать, почти атаманщина.

Огнев открыто противостоит не только Горлову, а всей тенденции. По первому варианту пьесы, он самостоятельно разра-

батывает свой план операции и, никого не ставя в известность, осуществляет его с успехом. То есть совершает должностное преступление во имя борьбы с недостатками Горлова.

В отредактированном Сталиным варианте Огнев передает свой план члену Военного совета фронта Гайдару, а тот — в Москву. План блестяще воплощается, Горлов снят с должности, Огнев назначен на его место.

Вроде бы ничего особенного, не Шекспир. Но Сталин лично редактирует, дописывает отдельные монологи, заостряет главную мысль. Теперь член Военного совета Гайдар произносит вписанный вождем текст: «Сталин говорит, что нужно смелее выдвигать на руководящие посты молодых, талантливых полководцев наряду со старыми полководцами, и выдвигать надо таких, которые способны вести войну по-современному, а не по старинке, способны учиться на опыте современной войны, способны расти и двигаться вперед... Надо бить их, этих самовлюбленных невежд... заменить их другими, новыми, молодыми, талантливыми, иначе можно загубить все великое дело»[463].

Когда Сталин редактировал действия литературного героя Огнева, он явно видел перед собой реальных генералов, которым он отдал много власти. Он хотел объясниться с ними, чтобы они поняли логику момента и не совершали непоправимых ошибок.

После публикации пьесы в «Правде» (24 и 27 августа 1942 года) неожиданная реакция появилась не с той стороны. 28 августа Тимошенко прислал телеграмму:

«Тов. Сталину.

Опубликованная в печати пьеса тов. Корнейчука “Фронт” заслуживает особого внимания. Эта пьеса вредит нам целыми веками, ее нужно изъять, автора привлечь к ответственности. Виновных в связи с этим следует разобрать. Тимошенко».

Старый кавалерист, конечно, не знал, кто соавтор пьесы.

Тогда Сталин потребовал на одном из совещаний мнения генералов о пьесе. Жуков сообразил уклониться от прямого ответа, сказав, что не успел прочитать. Но Конев откровенно признался: «Очень плохое. Если плохой командующий, в нашей власти его снять. Но когда командующего фронтом шельмуют, выставляют, высмеивают в произведении, напечатанном в “Правде”, это имеет не частное значение, речь идет не о ком-то одном, а бросает тень на всех».

Это говорил тот самый Конев, которому Верховный «каялся» еще совсем недавно: «Сталин — честный человек...» Вождь заявил генералу: «Ничего вы не понимаете. Это политический вопрос, политическая необходимость. В этой пьесе идет борьба с отжившим, устарелым, с теми, кто тянет нас назад. Это хорошая пьеса, в ней правильно поставлен вопрос».

Коневу следовало бы согласиться, но он ввязался в спор, указывая на ошибки Корнейчука. Чтобы прояснить свою позицию, он уточнил: «Я скорее из тех людей, которые подразумеваются под Огневым, но в пьесе мне все это не нравится».

И тут Сталина понесло: «Ну да, вы Огнев! Вы не Огнев, вы зазнались. Вы уже тоже зазнались... Вы, военные, все понимаете, вы все знаете, а мы, гражданские, не понимаем, мы лучше вас это понимаем, что надо и что не надо»[464].

После публикации «Фронта», многих рецензий-подсказок и выволочки Коневу на всех уровнях правящей группы должны были понять, кто выдвигает и поддерживает реальных Огневых и почему начальный период войны был так трагичен. Плохо, хорошо ли, но Сталин объяснился с обществом.

А что было делать, когда в роли Горлова выступал сам вождь? К кому тогда посылать гонцов?

Вскоре после издания «Фронта» именно такая история и случилась с самим Сталиным и начальником Генштаба Василевским, который как представитель Ставки координировал операцию «Уран». Суть была в том, как правильно распорядиться 2-й гвардейской армией, которой командовал Р. Я. Малиновский, — направить ее на отражение попытки немцев (Манштейн) разорвать с внешней стороны кольцо окружения 6-й армии Паулюса или оставить ее нацеленной, как и предполагалось по первоначальному плану, против находившейся на Кавказе германской группы армий «А». Риск был огромный.

Вот как об этом вспоминал А. М. Василевский: «В период наступления Манштейна на Сталинградский фронт я был в частях отступавшего кавалерийского корпуса Шапкина и в других отступавших частях. Положение складывалось грозное. До соединения наступавших частей Манштейна и армии Паулюса оставались считаные дни. Я считал, что пройдут еще сутки, максимум двое, и уже поздно будет этому помешать. Они соединятся, Паулюс уйдет из Сталинграда, и это приведет не только к тому, что рухнет кольцо окружения, рухнет надежда на уничтожение группировки Паулюса в кольце, созданном с таким трудом, но и вообще это будет иметь неисчислимые последствия для всего хода военных действий.

Мы сначала просчитались, недооценили количества окруженных войск. На самом деле в окружении было 300 000 человек, и все они могли прорваться и после соединения с Манштейном уйти, и последствия, повторяю, были бы неисчислимыми.

Считаю, что Сталинградский фронт наличными силами уже не в состоянии был сдержать наступление Манштейна. Наблюдая это своими глазами, я, поехав на командный пункт Юго-Западного фронта, позвонил оттуда Сталину и настойчи-

во попросил, чтобы для контрудара по Манштейну Сталинградскому фронту была придана 2-я гвардейская армия, которая по первоначальному плану действительно была предназначена для наращивания удара на Ростов с тем, чтобы в результате этого удара отрезать не только войска, окруженные под Сталинградом, но и кавказскую группировку немцев. Я это знал, разумеется, но тем не менее в сложившемся критическом положении настаивал на переадресовании армии.

Сталин эту армию отдавать категорически не хотел, не хотел менять для нее первоначально поставленную задачу. После моих решительных настояний он сказал, что обдумает этот вопрос и даст ответ. В ожидании этого ответа я на свой страх и риск приказал Малиновскому начать движение частей армии в новый район, из которого она должна была действовать против Манштейна, приказал ему также садиться на командный пункт к Толбухину, забрать у него линии связи для того, чтобы сразу наладить управление вновь прибывающими войсками. Это приказание было дано поздно вечером, а ответа от Сталина еще не было.

Как я впоследствии узнал, Сталин в эту ночь обсуждал в Ставке мое требование, и там были высказаны различные мнения. В частности, Жуков считал, что армию переадресовывать не надо, что пусть в крайнем случае Паулюс прорывается из Сталинграда навстречу Манштейну и движется дальше на запад. Все равно ничего изменять не надо, и надо в соответствии с прежним планом наносить удар 2-й гвардейской армией и другими частями на Ростов. Об этом шли в ту ночь споры в Ставке.

А я ходил из угла в угол и ожидал, что мне ответят, потому что фактически я уже двинул армию. Наконец, в 5 часов утра Сталин позвонил мне и сказал злобно, раздраженно всего четыре слова:

— Черт с вами, берите!

И бросил трубку»[465].

Василевский признается, что совершил самоуправство (как генерал Огнев в первом варианте пьесы «Фронт»). Трудно представить, что могло быть, если бы Сталин вопреки обстановке решил все-таки не перенацеливать армию Малиновского.

Подобная история была и у Маленкова, который тоже без разрешения Сталина санкционировал приостановку авиационного завода, выпускавшего истребители Як, для того, чтобы наладить замену алюминиевой обшивки прессованной фанерой. Это давало заметное увеличение производства.

Сталин лично следил за количеством ежедневного выпуска самолетов, и, как считал Маленков, предложение приостановить производство привело бы вождя в ярость. После того как

он увидел в отчете, что производительность сначала упала, а потом рсзко возросла, он попросил объяснить причину. Маленков признался, рассчитывая, что победителей не судят. Как он потом вспоминал (со слов его сына Андрея), «Сталин только покачал головой».

Что увидел Верховный в поступке ближайшего помощника? То, что ему нс доверяют? Что болсс молодые управляются без него, а он ужс создает помехи делу?

Конечно, на словах (и в литературных текстах) лсгче помогать молодым и талантливым гснералам. А если этот молодой и талантливый вдруг показывает тсбс, что и ты отстаешь от быстротекущей жизни?

Напомним, что в дскабрс 1942 года Сталину исполнилось 63 года.

Величие завершившейся битвы нашло неожиданное отражение в Берлине. «В те тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлсром. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какос значение может иметь *один* человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941—1942 годах, вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, несгибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии — грандиознос дсло, а сам Сталин, без сомнения, — историческая личность совершенно огромного масштаба»[466].

Глава пятьдесят восьмая

Шестнадцатилетняя Светлана влюбляется в 42-летнего Алексея Каплера. Василий бросает беременную жену. Сталин обрушивается на Каплера

В конце 1942 года произошло одно небольшое событие в семейной жизни Сталина, которое сделало ее еще горше: Светлана, юная десятиклассница, влюбилась в 42-летнего киносце-

нариста Алексея Каплера (автора сценариев о Лснине). Она называет Каплера «человском, из-за которого навсегда испортились мои отношения с отцом».

Ей было шестнадцать — возраст нежный и страшный. Сталину было не до нсе, они встречались крайне редко, а во время встреч (она присзжала к нему даже из Куйбышева) он ни минуты нс мог поговорить с ней без посторонних, поговорить по-отцовски, по душам.

После окончательного возвращения из эвакуации Светлана (и еще Василий с женой Галей и младенцсм, маленькая дочь Якова — Гуля, вдова Редснса Анна Сергссвна с сыновьями Владимиром и Лсонидом) жила в Зубалове. Старый дом был взорван во врсмя приближения немцев, которые, впрочем, так туда и нс дошли. Построили новый, «с наполовину усеченной башней, с урсзанными террасами».

Василий был уже майором, начальником Инспекции ВВС. Ему шел двадцать второй год.

«В ту зиму на меня обрушилось страшное открытие», — вспоминала потом Светлана. В одном из американских журналов она прочла статью об отце, где было сказано, что его жена, Надежда Аллилуева, застрелилась в ночь на 9 ноября 1932 года. Пораженная этим девушка по-настоящсму пережила смерть матери, которую она помнила лишь смутно. «Что-то рухнуло во мне самой и в моем беспрекословном подчинении волс, слову, мнснию отца... Я начинала думать о том, о чем никогда раньше не думала: а так ли уж всегда бывает прав мой отец?»

Вот ее тогдашнее состояние. Она была одинока, когда ей остро потребовались участие и доброе слово отца.

Светлану познакомил с Каплером Василий, вокруг которого образовалась полубогемная компания из спортсменов, летчиков, актрис, писателей, кинорежиссеров (Константин Симонов и Валентина Серова, Алексей Каплер, Роман Кармен с жсной Ниной, одноклассницей Василия, Л. Целиковская, А. Мессерер с племянницей Суламифью, М. Слуцкий). Каплер предложил Василию стать консультантом какого-то фильма о лстчиках. В Зубалове появились новые лица, начались гулянья. Тут-то и растаяло сердечко десятиклассницы.

Василий тоже совсем с ума сошел: выгнал беременную вторым ребенком жену Галину, а заодно деда и бабку Аллилуевых, которые совестили его, и зажил с Ниной Кармсн.

«Василий по натуре был человеком шальной смслости, — вспоминала о бывшем мужс Галина Бурдонская. — Ухаживая за мной, он не раз пролетал над станцией метро "Кировская" на небольшом самолете. За такис вольности сго наказывали.

Но наказывали робко и Сталину Иосифу Виссарионовичу не докладывали»[467].

Но Роман Кармен сумел донести о проделке Василия самому вождю (через начальника охраны Верховного Н. С. Власика). Сталин распорядился: «Верните эту дуру Кармену. Полковника Сталина арестовать на пятнадцать суток». К тому времени (декабрь 1942 года) майор был произведен сразу в полковники.

В результате своего гусарства Василий оказался на фронте, куда и рвался изо всех сил. Еще с 13 июля 1942 года он как представитель Инспекции ВВС руководил действиями 32-го гвардейского истребительного авиаполка, который был в августе перебазирован под Сталинград. В декабре погиб командир полка майор Иван Клещев, и на его место был назначен Василий*.

Последний, по-видимому, легко забыл «известную московскую красавицу», бывшую одноклассницу Нину. У его же сестры дело оказалось серьезнее.

После одного шумного застолья 8 ноября Каплер (близкие звали его Люсей) пригласил Светлану на фокстрот. Она робела, но он заверил, что она «танцует очень легко». И одинокое сердце сразу растаяло. «Мне стало так тепло и спокойно с ним рядом! — объясняла потом Светлана. — Я чувствовала какое-то необычайное доверие к этому толстому дружелюбному человеку, мне захотелось вдруг положить голову к нему на грудь и закрыть глаза...»[468]

Она распахнула свою душу, поведав, как ей скучно дома, как неинтересно с братом и родственниками и что именно «сегодня десять лет со дня смерти мамы, и никто не помнит об этом и говорить об этом не с кем».

Судя по воспоминаниям С. Аллилуевой, Каплер влюбил ее в себя. Вырвавшись из маленького семейного мирка, она с жадностью внимала рассказам этого много видевшего и много знающего человека. («Нас тянуло друг к другу неудержимо».) Он встречал ее у школы, водил в Третьяковскую галерею, театры. О «Фронте» Корнейчука Каплер говорил, что «искусство там и не ночевало». По тому культурному угощению, которым осчастливил Каплер Светлану, можно сказать, что он приоткрыл ей мир современной западной культуры, и, соответственно, этот мир сильно отличался от советского. Она действительно была поражена.

Они смотрели в пустом зале Комитета по кинематографии веселый фильм Уолта Диснея «Белоснежка и семь гномов», ху-

---

* Надо сказать, Клещев погиб не на фронте, а разбился при посадке — он летел в Москву на свидание к жене.

дожественную картину «Молодой Линкольн». Светлана прочитала принесенные Каплером книги Э. Хемингуэя «Иметь и не иметь», «По ком звонит колокол», Р. Олдингтона «Все люди — враги», стихи Ахматовой, Гумилева, Ходасевича.

Он заполнил ее жаждущую сочувствия душу отраженным светом незнакомого ей мира.

«Люся был для меня самым умным, самым добрым и прекрасным человеком. От него шел свет и очарование знаний... А он все не переставал удивляться мне, ему казалось необыкновенным, что я понимаю, слушаю, впитываю его слова и что они находят отзвук...»[469]

Возможно, Каплер тоже влюбился, но слова Аллилуевой «он все не переставал удивляться» могут быть истолкованы как признак вполне определенной игры взрослого мужчины с неопытной девушкой.

Еще один признак такой игры — корреспонденция Каплера в «Правде» 14 декабря 1942 года «Письма лейтенанта Л. из Сталинграда».

Побывав в Сталинграде в командировке от главной газеты, Каплер решил напомнить Светлане о себе: «Сейчас в Москве, наверное, идет снег. Из твоего окна видна зубчатая стена Кремля... Думается о близком человеке. Как-то ты живешь сейчас. Помнишь Замоскворечье? Наши свидания в Третьяковской галерее...»

Прочитав «Правду», Сталин, вполне вероятно, был сильно задет. Буквально в тот же день появилась докладная замначальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Александрова, адресованная Андрееву, Маленкову, Щербакову, «О рассказе А. Каплера». Рассказ назывался «антихудожественным». («Письмо обращено к любимой девушке, но у автора рассказа не нашлось ни одного слова или образа для передачи чувства лейтенанта Л. к близкому другу».)

Предполагалось указать руководству газеты на допущенную ошибку. Соответствующее постановление Секретариата ЦК вышло 15 декабря.

Эта скорострельная реакция на вполне заурядный текст заставляет считать очевидным участие самого Сталина. Прямо-таки водевильная история! Какой-то сладкоголосый толстый еврей, успешно подвизавшийся на ниве коммунистической пропаганды, дерзнул увлечь единственную дочь великого вождя. И в ответ — идеологическая отповедь Секретариата ЦК!

Похоже, Сталин был растерян и не знал что делать. Конечно, он мог уничтожить этого Люсю одним движением брови. Или мог объяснить дочери, почему ей не надо встречаться с

Каплером. Или даже запретить встречаться. Но он этого не делает. Очевидно, он опасается рокового с ее стороны шага и, не исключено, вспоминает самоубийство жены.

В итоге любовная история Светланы и Каплера на короткое время замирает, влюбленные с тревогой ждут кары, но напрасно. Тогда встречи возобновляются.

Затем Каплеру позвонил заместитель начальника охраны Сталина полковник Румянцев и дипломатично предложил уехать куда-нибудь в командировку «подальше». Тот послал его к черту. Это было уже слишком.

Двадцать восьмого февраля 1943 года Светлане исполнилось 17 лет. Она привела Каплера в пустую квартиру Василия возле Курского вокзала и молча целовалась с ним. Дверь в соседнюю комнату была открыта, там сидел ее охранник Климов и читал газету.

Через день, 2 марта, когда Каплер собрался уезжать в командировку в Ташкент, его арестовали. Причина: связи с иностранцами. Он действительно был знаком со многими иностранными журналистами.

Третьего марта Сталин встретился с дочерью. Разыгравшаяся между ними сцена показывает его полное бессилие.

«Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу комнаты... Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить: “Где, где это все? — выговорил он, — где все эти письма твоего писателя?”

Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово “писатель”... “Мне все известно! Все твои телефонные разговоры — вот они, здесь! — он похлопал себя рукой по карману. — Ну! Давай сюда! Твой Каплер — английский шпион, он арестован!”

Я достала из своего стола все Люсины записи и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные книжки, и наброски рассказов, и один новый сценарий о Шостаковиче. Тут было и длинное печальное прощальное письмо Люси, которое он дал мне в день рождения — на память о нем.

“А я люблю его!” — сказала, наконец, я, обретя дар речи. “Любишь!” — выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову — и я получила две пощечины, — впервые в своей жизни. “Подумайте, няня, до чего она дошла! — Он не мог больше сдерживаться. — Идет такая война, а она занята!..” — И он произнес грубые мужицкие слова, — других слов он не находил...

“Нет, нет, нет, — повторяла моя няня, стоя в углу и отмахиваясь от чего-то страшного пухлой своей рукой. — Нет, нет, нет!”

“Как так — нет?! — не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. — Как так нет, я все знаю! — И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: — Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!” И ушел к себе в столовую, забрав все, чтобы прочитать своими глазами.

У меня все было сломано в душе. Последние его слова попали в точку. Можно было бы безрезультатно пытаться очернить в моих глазах Люсю — это не имело бы успеха. Но, когда мне сказали — “Посмотри на себя!” — тут я поняла, что действительно кому могла быть я нужна? Разве мог Люся всерьез полюбить меня? Зачем я была нужна ему? Фразу о том, что “твой Каплер — английский шпион”, я даже как-то не осознала сразу. И только лишь, машинально продолжая собираться в школу, поняла, наконец, что произошло с Люсей... Но все это было как во сне.

Как во сне я вернулась из школы. “Зайди в столовую к папе”, — сказали мне. Я пошла молча. Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. “Писатель! — бормотал он. — Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!” То, что Каплер — еврей, раздражало его, кажется, больше всего...»[470]

Уничтожение писем, пощечины, оскорбления — разве это не признаки бессилия? Против него был ребенок, его дочь Сетанка, которую он любил больше всех. Записи ее телефонных разговоров с Каплером показали ему, что он беззащитен с этой стороны, в своем семейном тылу. Оказалось достаточно легкого флирта, незначительных усилий в обрамлении американских культурных затей, чтобы в его семью ворвался чужак.

Сталин не был антисемитом. Среди его соратников и наркомов было немало евреев, жены многих членов Политбюро были еврейками. Поэтому замечание С. Аллилуевой о том, что отца больше всего задела национальность Каплера, нуждается в дополнении. Надо учитывать не только национальность, но и отрицательное отношение Каплера к советской пропаганде («Фронт»), внешнюю лояльность (работа над Лениниaной) и приверженность к западной культуре, что в сумме рисовало Сталину портрет расчетливого дельца от советской культуры.

Каплера сослали на пять лет в Воркуту, где он работал в местном театре. В 1948 году ему разрешили вернуться в Киев, откуда он был родом, однако он своевольно приехал в Москву (не к Светлане), после чего получил еще пять лет лагеря.

Трудно объяснить, почему он дразнил Сталина. Хотел стать его зятем? Увлекся? Ответа нет.

Но вот маленькая подробность, о которой спустя много лет Каплер рассказал своей жене Юлии Друниной, а та — своим ближайшим родственникам. После окончательного возвращения Каплера в Москву в 1953 году Светлана хотела вернуться к прежним отношениям, но он отказался. Да простится эта деталь, ему даже не нравился ее запах. А как известно специалистам, запах женщины в любовном флирте или просто ухаживании для мужчины играет немалую роль. Если запах неприятен или отталкивающ, о чем можно говорить?

И еще одно свидетельство из ближайшего окружения Светланы, указывающее на сомнительную игру Каплера с шестнадцатилетней девушкой. Оказывается, в то же время у него был еще один роман[471].

Нет, она не была дурнушкой. Черчилль, видевший Светлану осенью 1942 года, говорит о «рыжеволосой красавице». Наверное, она была простушкой, дикаркой Бэллой (из лермонтовского «Героя нашего времени»). Опытный Люся поиграл, пощекотал себе нервы и нанес Сталину непоправимый ущерб. Вероятно, Каплер осознавал, что рискует, но выигрыш казался ему важнее призрачной кары.

Через год Светлана вышла замуж за Григория Морозова (Мороза), сотрудника московской милиции (ГАИ). Он тоже был евреем. Сталин согласился на замужество дочери, но поставил условие, чтобы Морозов не появлялся у него в доме. «Слишком он расчетлив, твой молодой человек, — говорил он мне. — Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, а он, видишь, в тылу окопался...»[472]

Но Сталин, по ее словам, никогда не требовал, чтобы они развелись. Хотя это и случилось в 1947 году, но по желанию самой Светланы.

Молодоженов поселили в Доме правительства (Дом на набережной), у них родился сын, названный в честь вождя Иосифом. Сталин относился к малышу очень сердечно.

Распад же этой семьи, по словам двоюродного брата Светланы Владимира Аллилуева, выглядел так: «Опасения Сталина о “расчетливости” стали подтверждаться. Светланину квартиру заполнили родственники мужа, они докучали ей своими просьбами и требованиями об устройстве того или иного чада в “тепленькое местечко” и наивными ожиданиями всяческих благ, которые должны, как манна небесная, посыпаться на них. Но, как говорится, в нашей семье “этот номер не плясал”. Обращаться к Сталину или его окружению с подобными вопросами было и бесполезно, и небезопасно. В итоге отношения

между супругами стали охлаждаться, а среди наших новых родственников воцарилось уныние...»

Так что дело не в Каплере, не в Морозове, не в евреях вообще, а в том, что Сталин во время победного перелома в войне потерял душевную связь с детьми.

В 1943 году была выпущена из тюрьмы Юлия, жена Якова. Убедившись в том, что Яков ведет себя в плену достойно и что вины Юлии в его пленении нет, Сталин распорядился освободить невестку. Ей дали квартиру в центре столицы в Большом Комсомольском переулке, неподалеку от Старой площади, где размещался ЦК партии.

Говоря о детях Сталина, надо сказать в целом и о молодом поколении той поры. Оно заметно отличалось от сурового поколения отцов. Дети позволяли себе немыслимые забавы, сравнимые только с развлечениями «буржуазных сынков». Так, Леонид Хрущев застрелил офицера во время вечеринки (у того на голове стояла пустая бутылка, а Хрущев демонстрировал свою меткость); Василий Сталин организовал рыбалку с глушением рыбы при помощи авиационных бомб (погиб летчик-инженер); сын наркома Шахурина по причине юношеской влюбленности застрелил дочь дипломата Уманского и застрелился сам, пистолет молодой человек взял у сына Микояна.

«Ах вы, каста проклятая!» — мог бы повторить наш герой. Напомним, что так он выразил свое отношение к устройству в Куйбышеве специальной школы для эвакуированных детей московского начальства.

Глава пятьдесят девятая

Поединок с Черчиллем. Операция «Торч». Сталин выигрывает у союзников. Курская дуга. Рузвельт и Черчилль по-разному смотрят на мир

Черчилль не случайно стал премьер-министром в опасное для Великобритании время: никто лучше не мог защитить ее интересы. Смелый, умный, обаятельный аристократ с бульдожьей хваткой, он должен был в борьбе мировых держав отстоять интересы Британской империи.

Черчилль был на пять лет старше Сталина, происходил из аристократической семьи Мальборо, его отец являлся видным деятелем консервативной партии и одно время даже был министром финансов Великобритании. Черчилль имел военное образование, участвовал в нескольких войнах, а во время Первой мировой войны командовал полком шотландских стрел-

ков. Он успел прославиться еще в ту пору, когда Сталин был фигурой второго ряда. Он занимал министерские посты, его перу к тому времени принадлежало много книг, в том числе четырехтомная история Первой мировой войны («Мировой кризис»). Он был европейским колоссом, наследником великих традиций империи.

Черчилль понимал, что в военном отношении Сталин является наиглавнейшим партнером, так как, если бы рухнул Советский Союз, следующей была бы Англия. И понимая это и желая Москве выстоять, он, скажем прямо, не хотел ее победы и послевоенного усиления. В этом смысле помощь Сталину в перспективе оборачивалась против Англии. Подобная ситуация складывалась и во взаимоотношениях Лондона с Вашингтоном. Британская империя не хотела сдавать позиции своей энергичной «дочке».

Поэтому ключевой вопрос открытия второго фронта вылился в ряд тягучих и неразрешимых конфликтов, когда стремление поддержать союзника равнялось желанию послать его подальше. Здесь все трое проявили себя выдающимися игроками.

Двадцать седьмого мая 1942 года Молотов прилетел в США для переговоров, главной темой которых было открытие второго фронта. Рузвельт имел с ним четыре продолжительные встречи и прямо высказал свою позицию: высадка крупного десанта из Англии на побережье Франции может состояться в 1943 году, но он, президент, призывает своих генералов начать операцию в 1942 году силами 6—10 дивизий, не боясь потерять 100—120 тысяч человек.

Гопкинс и американские военные считали, что десант состоится в 1942 году. Однако у Черчилля было иное мнение, он хотел, чтобы СССР принял помощь на вполне определенных условиях. Эта позиция оказала на Рузвельта решающее влияние.

«Ставка на то, что в случае высадки в 1942 году англичане выделят основную массу наземных сил, обрекала Вашингтон на приспособление к Лондону. Американцы же были готовы к вторжению во Францию с Британских островов без англичан. При неудаче президент подставил бы бока атакам всех противников и почти неизбежно навлек поражение на свою партию на промежуточных выборах в конгресс в 1942 году»[473].

Англичане предлагали высадку в Северной Африке, что подразумевало окружение Германии и взятие ее измором. В этой стратегии измору подвергался бы и истекающий кровью Советский Союз, что в сумме полностью отвечало вековой политике Англии и сделало бы Великобританию главной силой в Европе.

В этой ситуации решающее слово принадлежало Америке. Ее военные были склонны обойтись без англичан и начать активные военные действия против Японии, оставляя таким образом Лондон под постоянной угрозой германского вторжения. Американское военное министерство и штаб армии считали главной задачей военную победу, а не сохранение Британской империи в прежнем виде.

Но Рузвельт нехотя согласился с планом Черчилля. Операция высадки на берегах Ла-Манша откладывалась на год.

В принципе президент и премьер накануне Сталинградской битвы не слишком верили в успех Красной армии, а если исходить из этого, то операция в Северной Африке (она получила название «Торч», то есть «факел») значительно ограничивала возможности немцев в Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

В мае 1942 года армия Роммеля, куда входили германские и итальянские войска, возобновила наступление вдоль североафриканского побережья с целью захвата военно-морской базы Александрии и Суэцкого канала. В июне она достигла населенного пункта Эль-Аламейн в 70 километрах от Александрии. Над главной транспортной и энергетической артерией Англии нависла смертельная угроза, сравнимая с угрозой взятия Сталинграда.

Гигантские германские клещи одновременно охватывали позиции союзников. К этой картине надо добавить огромный успех немцев в морской войне: в 1942 году германские субмарины уничтожили 1020 торговых судов союзников, в три раза больше, чем в 1941 году.

На Тихом же океане США вполне оправились от шока Пёрл-Харбора. В мае и июне 1942 года произошли два морских сражения между американским и японским флотами в Коралловом море у северо-восточного побережья Австралии и у острова Мидуэй к северу от Гавайских островов на полпути между Японией и Америкой. Впрочем, это были скорее не морские, а авиационные сражения, воевала палубная авиация. Здесь наступление Японии было остановлено.

В августе 1942 года развернулось еще одно морское сражение, сопутствовавшее локальной наступательной операции американцев на острове Гуадалканал (Соломоновы острова, к востоку от Новой Гвинеи). Сражение длилось несколько месяцев, США перехватили стратегическую инициативу.

Мировые весы колебались, решающего преимущества не было ни у кого. В этой ситуации Черчилль решил провести прямые переговоры со Сталиным и долгим кружным путем

через Гибралтар, Каир и Тегеран прибыл в Москву. С ним был представитель Рузвельта Гарриман. Это трудное и рискованное путешествие премьера должно было продемонстрировать Сталину уважение англичан и носило двойственный характер — морально поддержать советского руководителя, не поддерживая в реальности, и убедиться, насколько СССР прочен.

Двенадцатого августа начались переговоры в Москве.

Безусловно, у Сталина была записка НКИД к предстоящим переговорам, да он и сам хорошо знал, кто такой его гость.

В июле 1919 года на сделанный в английском парламенте запрос военный министр Черчилль дал следующее разъяснение: «Меня спрашивают, почему мы поддерживаем адмирала Колчака и генерала Деникина... Я отвечу парламенту с полной откровенностью. Когда был заключен Брест-Литовский договор, в России были провинции, которые не принимали участие в этом постыдном договоре, и они восстали против правительства, его подписавшего.

... Они образовали армию по нашему наущению и, без сомнения, в значительной степени на наши деньги. Такая наша помощь являлась для нас целесообразной военной политикой, так как если бы мы не организовали этих русских армий, германцы захватили бы ресурсы России и тем ослабили нашу блокаду.

... Таким образом, восточный фронт нами был восстановлен не на Висле, а там, где германцы искали продовольствие. Что же случилось затем? Большевизм хотел силой оружия принудить восставшие против него окраины, сопротивлявшиеся ему по нашему наущению»[474].

И вот теперь этот человек, представлявший страну с интересами, во многом противоположными советским, хотел убедить «мудрого государственного деятеля» в том, что СССР должен согласиться с еще одной жертвой. При этом ни Сталин, ни кто-либо другой не знали, как сложатся дела на фронте в ближайший месяц.

Сталин и Молотов мрачно слушали Черчилля. С надеждами на второй фронт приходилось проститься.

Сталин понимал, что никак не сможет повлиять на согласованное с Рузвельтом решение англичан. Обещания Черчилля на 1943 год тоже оставались только обещаниями.

Шла невеселая дискуссия, но финал ее был ясен. На довод премьера о риске больших потерь, которые не будут оправданы, Сталин сказал, что «он придерживается другого мнения о войне. Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну»[475].

В конце концов надо было подводить итоги этой части пере-

говоров. «Наступило гнетущее молчание», — вспоминал Черчилль. Сталин сказал, что не вправе требовать, но заявляет, что не согласен с доводами премьера. Таким образом, он предупреждал, что в психологическом плане не собирается отступать.

Но хитроумный Черчилль так выстроил сюжет переговоров, чтобы в главной их части показать себя не уступающим Сталину стратегом и при этом вырвать психологическое преимущество, которое было у «революционного вождя» как у руководителя основной силы, сражающейся с Германией. Черчилль пишет: «Настал момент пустить в ход “Торч”».

Это похоже на боевое планирование, когда вводится в дело неожиданный для противника резерв.

«Торч» был планом высадки в Северной Африке, что обеспечивало важнейшие позиции Англии в Средиземноморье и Египте.

Здесь настроение Сталина изменилось: «В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции “Торч”. Он перечислил четыре основных довода в ее пользу. Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно»[476].

На самом деле, из этого описания видно, что премьер недооценивал вождя, так как то, что сказал Сталин, не было откровением и лежало на поверхности.

Получив хоть что-то от англичанина, Сталин был доволен. Переговоры длились без малого четыре часа. Расстались «в атмосфере благожелательства». Но Черчилль предчувствовал, что от Сталина можно ждать сюрпризов.

На следующий день, встретившись с Молотовым, он предупредил: «Сталин допустил бы большую ошибку, если бы обошелся с нами сурово после того, как мы проделали такой большой путь». Оживившись, Молотов ответил: «Сталин очень мудрый человек. Вы можете быть уверены, что какие бы ни были его доводы, он понимает все. Я передам ему то, что вы сказали».

В 11 вечера переговоры продолжились. Сталин передал англичанину меморандум по поводу отказа открывать второй

фронт в Европе. Тот, видно, полагал, что неприятная тема была исчерпана уже вчера, а оказалось, что «очень мудрый человек» решил закрепить свое отрицательное мнение документально. «Я уже не говорю, — писал Сталин, — что затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 году, несомненно должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников»[477].

Он адресовал меморандум не только Черчиллю, но и Рузвельту, на которого надеялся не случайно. Вероятно, наш герой хотел до конца дожать гостя, зная, что в таких переговорах у обеих сторон имеются запасные позиции. Однако у Черчилля была одна позиция, впоследствии неоднократно подтвержденная: получить контроль над Средиземноморьем и оттуда вести наступление через Балканы, рассекая клином немецкий фронт и одновременно препятствуя Советскому Союзу укрепиться в Юго-Восточной и Восточной Европе. И если бы не Рузвельт, Черчилль добился бы своего.

Поэтому борьба Сталина в августе 1942 года не была безнадежной и лишенной практического смысла.

Премьер пишет, что после вручения меморандума они спорили еще два часа, до часу ночи. Затем Сталин сказал, что нечего больше спорить, он вынужден принять их решение. Потом «отрывисто пригласил» гостей на обед на завтра в восемь вечера.

Разговор продолжился дальше и закончился вполне спокойно.

По возвращении в свою резиденцию премьер сообщил в Лондон о переговорах. В частности, он анализировал причины появления меморандума, выдвинув предположение, что Сталин «фиксировал свою позицию для будущих целей». Касаясь перспектив, Черчилль писал: «Никогда за все время не было сделано ни малейшего намека на то, что они не будут продолжать сражаться, и я лично думаю, что Сталин вполне уверен в том, что победит»[478].

Думается, за выводом о том, что русские продолжат трудную борьбу, стояло опасение, что они вдруг пойдут на новый Брестский мир. Оттенок этой тревожной мысли присутствует в тексте Черчилля.

Уже глубокой ночью состоялся прием в честь английских и американских гостей. На нем, по словам Черчилля, присутствовало около сорока человек — члены Политбюро, военные, дипломаты, наркомы. Его «изрядно угощали».

Один эпизод всколыхнул тени прошлого, и снова два непримиримых противника словно взглянули друг на друга сквозь винтовочные прицелы.

Сталин все-таки вспомнил интервенцию. Черчилль не стал оправдываться и сказал: «Я принимал весьма активное участие в интервенции, и я не хочу, чтобы вы думали иначе». Сталин улыбнулся, и тогда он спросил: «Вы простили меня?» Ответ Сталина был прост и дружелюбен. «Премьер Сталин говорит, — перевел Павлов, — что все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу»[479].

Прошлое принадлежало не только Богу, но и им самим, и оба это понимали. Впрочем, между ними уже сложилась особая атмосфера, которая имела много слоев: в основе — непреходящее противоречие между их государствами, чуть выше — необходимость союзных связей против Гитлера, а на поверхности — родившаяся симпатия двух сильных лидеров, которые были обязаны забыть о прошлой вражде.

Пятнадцатого августа они снова встретились. После часового разговора, во время которого Сталин сказал, что удержит Кавказ, а если нападет Турция, расправится и с ней, наступила минута прощания. Все было сказано.

И вдруг Сталин после секундного замешательства произнес «особенно сердечным тоном», каким еще не говорил с англичанином: «Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?»

Черчилль был приятно удивлен. Они прошли по кремлевским коридорам и по внутренней кремлевской площади в квартиру Сталина. («Он показал мне свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре — столовая, кабинет, спальня и большая ванна».)

Можно представить, как Сталин раскрывал двери в комнаты и вводил гостя в свое скромное жилище. Если о выделенной ему резиденции Черчилль говорит, что там все было обставлено с «тоталитарной расточительностью», то в описании квартиры вождя он пользуется другими определениями.

Застолье проходило в очень узком кругу: хозяин, гость, Молотов и два переводчика. Сталин сам откупоривал бутылки. Вначале на короткое время появилась Светлана. В своих записках она отметила этот эпизод: «Отец был чрезвычайно радушен. Он был в том самом гостеприимном и любезном расположении духа, которое очаровывало всех... Черчилль был ему симпатичен, это было заметно»[480].

В дружеской атмосфере этого ночного застолья тем не менее тлел скрытый огонь. Черчилль потом вспоминал, что Сталин «сделал грубое замечание о почти полном уничтожении полярного конвоя в июне». Но о другом остром эпизоде англичанин предпочел не распространяться. Британский премьер

имел неосторожность похвалить своего предка герцога Мальборо, который одержал несколько ярких побед в войне за испанское наследство. Неожиданно Сталин с озорной улыбкой, как свидетельствовал переводчик В. Н. Павлов, заметил, что у Англии был более талантливый полководец в лице Веллингтона, разгромивший Наполеона, а тот представлял величайшую угрозу «за всю историю». При этом Сталин выложил подробности нескольких сражений Веллингтона, показывая не только знание истории, но и связывая прошлое с настоящим, так как действия английского военачальника в Испании фактически были «вторым фронтом» того времени.

Зато Черчилль привел другую важную деталь, касающуюся советской коллективизации. Он сам затронул эту болезненную, по его представлениям, тему, спросив, переносит ли Сталин тяготы войны так же тяжело, как и коллективизацию.

«Это было что-то страшное, — спокойно ответил Сталин. — Это длилось четыре года. Но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны механизировать наше сельское хозяйство...»[481]

Переход к этой теме не смутил его, он был абсолютно уверен в своей правоте.

Примерно в два часа ночи Сталин вышел из-за стола, чтобы в кабинете принять доклады о положении на фронтах. Вернулся через 20 минут. Стали прощаться.

Обе стороны были довольны. Черчилль — тем, что выполнил тяжелую миссию объяснения по поводу высадки во Франции, а Сталин — тем, что пусть не во Франции, но Второй фронт все же открывался, и еще тем, что северные конвои, доставлявшие военные грузы из Англии в Мурманск, удалось отстоять.

Они разошлись как два больших зверя, поняв мощь друг друга.

Их соперничество продолжалось. Вскоре стало ясно, что интересы операции «Торч» отодвигают приоритет северных конвоев на последнее место.

Вообще, и Рузвельту стало понятно, куда клонит английский премьер. После Сталинградской победы надо было задуматься над тем, кто быстрее дойдет до Берлина, Красная армия с востока или союзники через Италию и Балканы.

Двадцать третьего октября 1942 года начались великие военные гонки союзников. В этот день оборонявшаяся от войск Роммеля 8-я английская армия под командованием генерала Б. Монтгомери перешла в наступление под Эль-Аламейном.

Англичане превосходили немцев и итальянцев по численности войск — в 3 раза, по танкам — в 2,6, по авиации — в 4 раза. Их атака стремительно развивалась.

Восьмого ноября началась операция «Торч»: в Марокко и Алжире высадились англо-американские войска под командованием генерала Д. Эйзенхауэра.

Девятнадцатого ноября началось наступление советских войск под Сталинградом.

Еще невозможно было представить, сколько времени продлится война, и только несколько человек в России, США и Великобритании начинали осознавать возрастающее соперничество будущих победителей.

Так, 19 октября 1942 года Сталин в телеграмме Майскому пишет: «У нас всех создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны»[482].

Поводом к этой телеграмме явилось сокращение поставок вооружений (в связи с подготовкой «Торча») и невыполнение обещания бомбардировок Берлина (из-за опасения получить удар по Лондону).

Подозрительность Сталина не была беспочвенной, так как разница в английской и советской стратегии была ему ясна.

Конечно, британцы были большими мастерами по части выгодных комбинаций. И во время проведения «Торча» они это продемонстрировали всему миру, когда союзники использовали перешедшего на их сторону адмирала Дарлана, члена французского прогерманского правительства в Виши и заместителя Петена. Благодаря Дарлану союзники избежали сопротивления французских войск в Алжире и Тунисе, и коллаборационист, вчерашний союзник гитлеровцев Дарлан был поставлен во главе французской администрации в Северной Африке.

На это Сталин с полным пониманием написал Черчиллю: «Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и черта с его бабушкой»[483].

Но у Черчилля в запасе было гораздо больше «чертовых бабушек», чем у нашего героя. Мы имеем в виду не разных второразрядных деятелей, подобных несчастному Дарлану (он вскоре был застрелен в собственном кабинете), а сильные стратегические комбинации. Чем мог ответить Сталин, например, на план Черчилля послевоенного переустройства Европы, предполагавшего создание нескольких федераций (балканской, дунайской, скандинавской и др.), которые бы подчинялись некоему международному совету из великих держав и «которому было бы поручено держать Пруссию разоружен-

ной»?[484] Британский лидер хотел обеспечить Англии ведущую роль в Европе, понимая, что США заинтересованы, как он писал А. Идену 21 октября 1942 года, «ликвидировать Британскую заморскую империю». Соответственно, он играл одновременно и против Сталина, и против Рузвельта.

На утонченное по форме предложение Черчилля Рузвельту отодвинуть в долгий ящик высадку десанта на севере Франции президент прямо ответил, что американцы не намерены отказываться от этого плана.

Сталину оставалось уповать на себя, Красную армию и имперские интересы США.

Впрочем, был еще один постоянный ресурс, превышающий все мыслимые возможности земных лидеров. Его имя всем известно. Ровно 130 лет до описываемых событий его силу узнал Наполеон, а затем Александр Пушкин отразил это в стихах:

> Гроза двенадцатого года
> Настала — кто тут нам помог?
> Остервенение народа,
> Барклай, зима иль русский Бог?

В 1942 году Барклая не вспоминали, зато все остальное было налицо: и долготерпение народа, и зима, и Бог. И Сталин, конечно.

После Сталинграда были освобождены Кавказ, большая часть Украины и центральные районы России, разорвана блокада Ленинграда. Планировалось до начала весенней распутицы выйти к Днепру. Однако в середине марта немцы успели перегруппироваться и мощно контратаковать, в результате чего они снова захватили оставленные ими месяц назад Харьков и Белгород. Фронт остановился, противники могли осмотреться.

И что они увидели? Немцы занимали то же положение, что и год назад, словно не было их окружения под Сталинградом и бегства с Кавказа, словно и не было потерь сотен тысяч немецких, венгерских и румынских солдат.

Потери Красной армии тоже были велики, но в стратегическом плане она сейчас настраивалась на выигрыш войны.

На конференции в Касабланке в январе 1943 года, куда не поехал Сталин, Рузвельт и Черчилль опубликовали заявление, что целью войны является безоговорочная капитуляция Германии и ее союзников. Дж. Фуллер считает, что это было ошибкой и дало Гитлеру дополнительные моральные стимулы для тотального сопротивления. Население Германии, помнившее о тяготах и унижениях 1918 года, обрекалось поддерживать режим, Геббельс объявил о тотальной войне. (Показательно, что

Сталин не одобрил требование безоговорочной капитуляции, так как считал, что «из-за этого требования война продлится дольше и позиция союзников теряет гибкость»[485].

Поэтому весной 1943 года Берлин был готов сражаться до последнего. Было намечено нанести сильный удар в районе Курско-Белгородского выступа, для чего здесь была сосредоточена сильная группировка, которая, по словам Гитлера, могла оказать «решающее влияние на исход войны в целом». Было выделено 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. Германское командование сосредоточило здесь такие силы, которые в случае успеха позволили бы опрокинуть время в 1941 год. Было собрано 63 процента всех самолетов (2000) и 70 процентов всех танков (2700) германского фронта в России. Кроме того, новые немецкие танки «Тигр» и «Пантера» были сильнее аналогичных советских машин.

Одна танковая дивизия приходилась на четыре километра фронта. «Еще нигде вермахт не сосредоточивал на ограниченном пространстве столько наступательной мощи» (В. Адам).

Однако Ставка благодаря донесениям разведки была предупреждена о таком повороте событий.

При подготовке к отражению немецкого наступления (операция «Цитадель») между Сталиным и Жуковым снова возник спор, правда, в иной тональности, чем обычно. Первоначально Ставка и Генштаб были намерены принять предложения командующих фронтами Рокоссовского и Ватутина о наступлении. Жуков на первом этапе тоже склонялся к этому плану, однако после того, как стало известно о «Цитадели», он изменил свое мнение. Наступать на изготовившегося к удару противника означало обрекать себя на поражение (примерно подобное случилось в мае—июне 1942 года под Харьковом).

Жуков предложил действовать от обороны, выбить немецкие танки и, введя свежие резервы, разгромить наступавших. Василевский принял доводы Жукова, Сталин же долго, больше месяца, колебался, пока не утвердил действия от обороны. Впрочем, на Ставку еще продолжалось давление командующих фронтов, и Жукову стоило больших усилий отстоять свой план.

В составе Центрального и Воронежского фронтов к началу июня 1943 года насчитывалось 1,3 миллиона человек, 3130 самолетов, до 3600 танков и САУ.

Перед самым началом наступления немцев утром 5 июня советские войска нанесли по их передовым позициям мощный артиллерийский удар. Это оказалось возможным благодаря тому, что разведка («кембриджская пятерка») установила точную дату и время начала операции «Цитадель». Этот удар оказал

сильное воздействие на немцев. О нем написано во многих мемуарах, но не указывается, кто принял решение.

Как вспоминает сын Маленкова, сам Маленков был направлен Сталиным на Курскую дугу. «В Ставке страшно нервничали, не "дезу" ли подбросили нашей разведке, не просчитаемся ли с нанесением огневого удара. Сталин не находил себе места и своими звонками взвинчивал и без того уже взвинченную обстановку на КП и в штабе фронта. И тогда, стараясь освободить командование от этих переговоров с вождем, насыщенных, как обычно, страшными угрозами, Маленков практически целиком взял на себя всю ответственность за срок нанесения мощного артудара. И вот когда он был осуществлен, затикали едва ли не самые жуткие за всю войну минуты в жизни отца. Даже рисковая обстановка авиационного завода показалась ему тогда заурядным событием: пойдут немцы в атаку или нет?.. Ослабленные, но пошли!»[486]

Жуков в своих мемуарах тоже указывает, что Сталин нервничал и несколько раз звонил на КП Центрального фронта.

Победа на Курской дуге продемонстрировала всем, что Советский Союз начал перемалывать вермахт и что рано или поздно он добьет его. Потери немцев в танках были так огромны, что «оказалась подорванной вся гитлеровская оборонительная стратегия, ибо она была построена на использовании мощных подвижных сил» (Дж. Фуллер).

Сталин, до последней минуты сомневавшийся в возможности устоять против концентрированного удара, мог торжествовать. Да, он опасался или даже боялся наступления немцев, так как предыдущие два летних наступления были для Красной армии катастрофичны, но теперь все переменилось и навсегда.

Что ж, Георгий Жуков снова оказался прав, а Маленков проявил отчаянную решительность.

Но при всем величии Курской битвы она не являлась главной вершиной Сталина в 1943 году. Главной была поразительная уступка Рузвельта, касающаяся послевоенных западных границ СССР и, если брать шире, послевоенного мироустройства. Рузвельт взял сторону Сталина против Черчилля.

Причины известны: противостояние Вашингтона и Лондона по вопросу будущего «заморской империи», уверенность президента в скорой трансформации СССР в сторону демократии, а также опасение, что в случае разногласий с союзниками Сталин заключит с Гитлером сепаратный мир и будет выжидать, чем закончится война Англии и США с Германией и Японией.

В середине декабря 1941 года А. Иден отклонил претензии Сталина в том, что союзники должны вознаградить СССР за потери. Имелось в виду признание Западом государственных границ СССР 1941 года, включая Прибалтику, часть финских, польских и румынских территорий*.

Черчилль также отверг идею московского союзника, сославшись на необходимость придерживаться Атлантической хартии.

Однако на переговорах Молотова с Рузвельтом в мае 1942 года в США были достигнуты поразительные результаты.

Во-первых, президент подтвердил обязательства по открытию второго фронта уже в 1942 году. Во-вторых, предложил послевоенное разоружение всех стран, кроме США, СССР, Англии и Китая. Эта четверка должна была играть роль «всемирных полисменов». Косвенно, как заметил Рузвельт, эта идея направлена против Британской империи.

Молотов спросил, будет ли разоружение затрагивать Францию, Польшу и Турцию и носит ли предложение президента характер «окончательного и продуманного суждения».

На оба вопроса Рузвельт ответил утвердительно, объяснил, что принудительное разоружение должно прийти на смену принципу политического баланса сил и стать основой международных отношений.

Это было бы фактическим переформатированием мира, и Рузвельт приглашал Сталина к партнерству (напрямую, без Черчилля). Молотов был приятно удивлен.

В-третьих, президент сказал, что все европейские империи, включая Британскую, должны быть демонтированы; он назвал империализм главной причиной войны. (А ведь и Сталин тоже считал империализм источником неразрешимых противоречий между странами Запада.)

В-четвертых, Рузвельт обещал гарантировать безопасность СССР после войны и предложил провести на Аляске личную встречу со Сталиным, на которой были бы закреплены новые отношения между двумя странами.

Подчеркнем: несмотря на то, что второй фронт не был открыт ни в 1942 году, ни в 1943 году, благодаря позиции Рузвельта влияние Черчилля на формирование послевоенного мира сильно уменьшалось.

Была ли в США альтернатива позиции президента? Была, и весьма четко сформулированная.

---

* Надо учесть, что после нападения Германии на СССР Москва аннулировала германо-советский договор 1939 года со всеми вытекающими последствиями, в том числе «секретными протоколами».

Двадцать девятого января бывший американский посол в Москве Буллит вручил Рузвельту свой доклад о политике Сталина. Для того чтобы помешать советскому проникновению в Европу и Азию, он предлагал: пересмотреть военную стратегию и в основном сосредоточить удары по Японии; действовать против Сталина совместно с Англией и ориентировать вторжение войск на Балканы и Черное море; занять Центральную и Восточную Европу раньше Красной армии; добиться немедленного выступления СССР против Японии; запланировать создание демократических правительств после войны; сократить военную помощь СССР и, обещая помочь в послевоенном восстановлении, вынудить Сталина сотрудничать.

Рузвельт своей позиции не изменил. Конечно, он не был безграничным сторонником Сталина, но между СССР и США не было соперничества, и это важно.

В марте 1943 года Рузвельт сообщил Идену о принципиальном изменении своей позиции. Теперь он считал, что «линия Керзона» приемлема и что Прибалтийские государства должны войти в СССР, но «после плебисцита».

Кроме того, Рузвельт подтвердил советскому посланнику А. А. Громыко необходимость встречи со Сталиным, в ходе которой будут обсуждаться и территориальные проблемы.

Его стремлению не помешало даже обнаружение в середине апреля массовых захоронений в Катыни под Смоленском, где были найдены несколько тысяч расстрелянных польских офицеров и полицейских. Обнаружили захоронения отступавшие немцы. Они объявили, что расстрелы производились еще до оккупации этих мест германской армией и возложили вину на СССР. Москва обвинила в содеянном немецкую администрацию. Этот инцидент имел громкие последствия: польское эмиграционное правительство в Лондоне потребовало проведения независимого расследования международным Красным Крестом. В условиях продолжающейся оккупации этой территории данное расследование было невозможно. Дело закончилось тем, что Москва разорвала отношения с польским правительством, действия которого как нелояльные по отношению к союзной стране были осуждены Рузвельтом и Черчиллем.

В мае 1943 года Рузвельт направил в Москву своего доверенного человека, бывшего посла в СССР Дж. Дэвиса. Тот перед вылетом расставил все акценты в Катынском деле и обвинил немцев в убийстве.

Глава шестидесятая

Сталин предлагает союзникам новую карту мира. Конференция в Тегеране. Сталин шантажирует Черчилля выходом СССР из войны. Победа в Тегеране

Двадцатого мая Сталин принял Дэвиса, который подтвердил предложение о личной встрече с президентом. Говоря о Черчилле, гость сказал, что «Рузвельт и Черчилль имеют разные представления о колониализме и империализме».

Однако Сталин выразил сомнение в успехе такой встречи, так как, по его словам, «одного взаимопонимания мало, должны присутствовать взаимность и уважение».

То есть он стал давить на Дэвиса, как когда-то давил на Идена, говоря, что СССР должен быть вознагражден.

Чего же он добивался?

Оставляя в стороне будущее Германии, вопросы о репарациях и военных базах союзников, добивался он следующего:

независимых правительств Финляндии, Польши и Болгарии и приращения территории этих стран;

«чтобы все европейские народы имели такое правительство, какое сами выберут без давления извне»;

доступа Советского Союза к южным морям, а на его западных границах — дружественных государств.

Другими словами, он хотел контроля над Финляндией, Польшей, Болгарией, проливами, то есть обеспечения безопасности по всей западной границе.

Еще Сталин уверил Дэвиса, что «наша решимость считается неколебимой», и попросил увеличения поставок вооружений.

В конце беседы Дэвис высказал два политических предложения, которые могли показаться совершенно неприемлемыми: образ СССР на Западе мог быть значительно улучшен, если бы был распущен Коминтерн и представлены доказательства религиозной терпимости.

Гость задевал важнейшие принципы коммунистической идеологии, словно спрашивая о готовности Сталина заплатить за получение в будущем выгод.

И как ни удивительно, вскоре Коминтерн был распущен, а через три с небольшим месяца, после встречи Сталина с митрополитами Русской Православной Церкви, был собран Синод и избран патриарх, церковная организация получила невиданную поддержку государства.

Что же происходило со Сталиным?

На самом деле он только закреплял то, что вызрело в госу-

дарственной жизни Советского Союза: главная ценность — это страна, ее безопасность, лучшие условия для развития.

Что мог дать Коминтерн, если он сам снял лозунг «мировой революции» и заменил его антигитлеровской солидарностью? А что могло дать упорствование в государственном атеизме, когда Церковь работала на победу в самом широком диапазоне, от партизанских отрядов и зафронтовой разведки до постройки на свои средства самолетов и танков и попечения о раненых?

Сталин знал, что существует легенда, будто он во время битвы под Москвой приказал организовать облет вокруг столицы самолета с иконой Владимирской Божьей Матери на борту. Конечно, это только легенда, отразившая изменение отношения к Церкви: еще в сентябре 1941 года был распущен «Союз воинствующих безбожников», в 1942 году митрополиты Алексий и Николай были приглашены в комиссию по расследованию преступлений германских войск, а 9 ноября 1942 года «Правда» опубликовала поздравительную телеграмму митрополита Сергия Сталину: «Я приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя... который ведет нас к победе, к процветанию в мире и светлому будущему народов»[487].

Показательно, впрочем, что НКВД, отслеживавший настроение населения, еще в начале 1942 года направил Сталину записку о желательности восстановления патриаршества. Эта рекомендация была связана с двумя обстоятельствами: попыткой германских властей избрать патриарха на оккупированных территориях и патриотической позицией самой Церкви; учитывался и рост религиозного настроения населения*. Вернувшись в Вашингтон, Дэвис доложил, что Советскому Союзу надо доверять, что Сталин отказался от идеи мировой революции, восстановил в советской экономике стимулы к получению прибыли и теперь стал не коммунистом, а социалистом.

Новости для американского руководства были приятные. Информация о готовности Сталина встретиться с президентом — тоже.

Дело в том, что только завершилась встреча Рузвельта и Черчилля, на которой они вместе с военными планировали следующий этап войны. Черчилль настаивал на средиземноморском направлении, чтобы разгромить Италию, а Рузвельт — на французском, через Ла-Манш. Сошлись на компромиссном варианте: высаживаться на Сицилии, выбить Италию, но затем, примерно в мае 1944 года, — через Ла-Манш. Если бы

---

* Заметим, что согласно переписи 1937 года 56,7 процента, 55 миллионов человек, ответивших на вопрос о религии, заявили о своей вере в Бога.

англичане продолжали упорствовать, то американцы были готовы пойти на такой решительный шаг, как прекращение всех своих боевых действий в Европе и сосредоточение сил против Японии. «Мы просто соберем свои игрушки, — заметил Гопкинс, — оставим британцев одних и будем воевать на юго-востоке Тихоокеанского региона»[488].

На этой встрече Рузвельт принял решение делиться всей информацией о ядерном оружии с англичанами, засекретив ее от всех остальных, в том числе русских. Известие о переносе десантной операции во Франции на 1944 год вызвало гнев Сталина. В письме Черчиллю от 24 июня 1943 года он заявил, что речь идет «не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям». Попросту говоря, Сталин обвинял Черчилля в лживости и коварстве.

Черчилль был не на шутку задет. В одном из писем членам кабинета он говорит о резкости Сталина, его скверном характере и дурных манерах. Рузвельт же реагировал гораздо спокойнее, понимая, что Сталин видит игру англичанина.

Обратим внимание на то, что президент все-таки решил оповестить премьера о предстоящей встрече со Сталиным. Это сделал Гарриман в Лондоне 24 июня, причем «перевел стрелки» на Сталина, сообщив, что инициатива исходила от того. Черчилль был шокирован: он мог потерять свою роль самостоятельного игрока. Но что он мог противопоставить? Если он встречался с «мудрым вождем», то почему Рузвельт не может этого сделать?

Однако встреча Рузвельта и Сталина не состоялась. Началась Курская операция, приковавшая Верховного к себе на два месяца, а после нее — новая военная реальность: СССР явно побеждал Германию.

Сталин отказался от встречи на Аляске, где он не мог контролировать свою безопасность, и предложил Тегеран. На сей раз Черчилль предполагался третьим участником.

Чтобы создать соответствующий информационный фон для американского посольства, Сталин 1 августа 1943 года неожиданно выехал на фронт. В неприметном железнодорожном составе с прицепленной для маскировки платформой с дровами он прибыл в Гжатск. Там он встретился с командующим Западным фронтом В. Д. Соколовским и после ночевки двинулся к Ржеву, который входил в зону Калининского фронта, им командовал Еременко. Сталин остановился в крестьянском доме на окраине деревни Хорошево. Здесь Верховный распорядился подготовить приказ о первом орудийном салюте в Москве в честь взятия Орла и Белгорода. Встретившись с ко-

мандованием фронта, Сталин на следующий день в автомобиле вернулся в столицу.

Трудно сказать, насколько необходимо ему было покидать Москву. Думается, это было сделано для маскировки желания выполнить обещание, данное в мае Дэвису, о возможности встречи с Рузвельтом на Аляске. 8 августа 1943 года Сталин написал президенту, что «при нынешней острой обстановке на советско-германском фронте» ему «приходится чаще лично бывать на различных участках фронта и подчинить интересам фронта все остальное»[489].

Как часто бывает, несостоявшееся событие не отменяет причин, его вызвавших, и поэтому Рузвельт пошел на шаг, который западные историки считают крайне непродуманным. Для демонстрации своей искренности он сообщил Сталину, что согласен признать западные границы СССР 1941 года, включая Прибалтийские страны. Таким образом, основная проблема во взаимоотношениях СССР и союзников, которая должна была быть предметом ожесточенного торга, разрешалась на дружественной основе.

Отношения в союзнической тройке подошли к новому повороту. На конференции в Квебеке Черчилль заметил Гарриману: «Сталин — противоестественный человек. Будут серьезные неприятности»[490].

Это адресовалось Рузвельту. И что он ответил?

Его мысли, похоже, выразила его жена. После встречи с Черчиллем она записала в своем дневнике, что тот очарователен, эмоционален и очень естествен по-человечески. Впрочем, суть заключалась в другом: «...Но мне не хочется, чтобы он формулировал условия мира или претворял их в жизнь»[491].

Финал трудной борьбы Черчилля со Сталиным и Рузвельтом состоялся на конференции в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 года. Ей предшествовала каирская встреча двух западных лидеров и Чан Кайши, от которой Сталин открестился, не послав туда Молотова, чтобы не дразнить Японию.

В Каире английский премьер пытался договориться с американским президентом о согласованных действиях на переговорах с «дядюшкой Джо», как они между собой именовали Сталина, но Рузвельт уклонился, чтобы не вызвать подозрений своего московского партнера. Конечно, Черчилль понимал, что президент задумал что-то свое и не хочет раскрывать карты.

В Тегеране Сталин приготовил Рузвельту уникальный прием, в чем отчасти ему посодействовала германская разведка, готовившая здесь операцию по уничтожению или захвату всей

«тройки». Операцией руководил известный германский диверсант Отто Скорцени, именно он освободил смещенного и арестованного Муссолини и вывез его в Германию. Однако в Иране Скорцени повезло меньше, его группа была разгромлена советской разведкой, а ему удалось уйти. Для выполнения задачи немцы использовали, кроме того, и свою мощную агентурную сеть, причем их агенты даже попытались завербовать священника единственной в Тегеране русской православной церкви отца Михаила, предложив ему огромную по тем временам сумму — 50 тысяч английских фунтов. Он жил в Иране с дореволюционного времени и относился к Советскому Союзу без всякой симпатии, тем не менее сообщил сотрудникам советского посольства о замыслах немцев.

Захваченных немецких агентов Сталин предъявил Рузвельту и Черчиллю и предложил президенту расположиться не в американском посольстве, которое было в километре от советского и английского, а в огромном советском, охранявшемся тремя кольцами пехоты и танков и граничившем с английским. Черчилль поддержал Сталина, и Рузвельт согласился. Таким образом, Аляска была перенесена в Тегеран.

Между английским и советским посольствами соорудили крытый брезентом коридор, скрывший от посторонних глаз все перемещения лидеров «тройки».

Американцам выделили много больших помещений, заранее оснащенных звукозаписывающей аппаратурой. Соответствующей работой руководил Берия, он прилетел вместе со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Штеменко, но в официальный состав делегации не входил, и о его присутствии никто не знал.

Не стоит преувеличивать значение микрофонов и магнитофонов, так как основные достижения советской дипломатии в Тегеране, сравнимые с результатами Сталинградского и Курского сражений, были получены Сталиным благодаря Рузвельту. Президент и вождь считали, что десанту через Ла-Манш (операция «Оверлорд») нет альтернативы в виде действий на средиземноморском театре.

Сын Берии, Серго Берия-Гегечкори, бывший в ту пору девятнадцатилетним лейтенантом, принимавший участие в обеспечении технической операции, свидетельствует, что Сталин ежедневно час-полтора изучал материалы прослушивания и даже спрашивал у лейтенанта, знавшего английский язык, что тот слышит в интонациях Рузвельта или Черчилля, готовы ли они к уступкам по обсуждаемым вопросам.

О накале обстановки дают представление мемуары Черчилля. Сталин прямо заявил, что «Италия не является подходящим

плацдармом для вторжения в Германию. Мешают Альпы». Единственное место для вторжения — Северная Франция. Это был первый принципиальный вопрос.

Черчилль, не отвергая идеи Ла-Манша, стал рассматривать средиземноморскую перспективу и предложил создать технический подкомитет, «который занялся бы изучением путей и средств, фактов и цифр и представил бы доклад конференции».

Тогда Сталин предложил провести вспомогательную операцию через Южную Францию. Предложение англичанина он использовал в своих интересах.

Рузвельт же заявил, что любая операция в восточной части Средиземного моря нежелательна, так как оттянет начало «Оверлорда». То есть Черчилль остался в одиночестве.

После обеда Рузвельт предложил обсудить «польский вопрос», сказав, в частности, что «сильная Польша» необходима для европейского оркестра. Черчилль предложил традиционную английскую политику выстраивания балансов на континенте. Поскольку Германия подлежала расчленению, Франция тоже выпадала из центров силы, оставалась только Польша (подобно тому, как в 1920 году Франция создавала Великую Польшу против Германии и Советской России).

Состоялся оживленный и местами очень едкий обмен мнениями. Англичане предложили западную границу Польши провести по реке Одер, то есть с захватом немецкой территории. Сталин не возражал, так как понимал, что таким образом будет компенсирована отходящая к СССР другая территория по «линии Керзона».

Вскоре польская тема была продолжена. Сталин заявил, что не желает иметь дела с польским эмигрантским правительством, которое сотрудничает с немецким и придерживается границ 1939 года, потому что «они справедливы с этнической точки зрения»!

Здесь Иден спросил: «Означает ли это линию Молотов — Риббентроп?»

Сталин, поняв, что ему хотят навесить обвинение, спокойно ответил: «Называйте это как хотите!»

Молотов назвал эту линию «линией Керзона», но Иден снова возразил, что «имеются существенные различия».

Черчилль взял карту и показал по ней «линию Керзона» и фактическую границу 1939 года.

Иден прокомментировал: южная часть «линии Керзона» никогда не была точно определена. То есть у СССР отнимали Львов!

Американцы тоже достали свою карту, все встали и начали ее рассматривать.

Иден уточнил: «линия Керзона» должна пройти восточнее Львова.

Сталин, который «полюбил» польскую тему с того времени, как был членом РВС Юго-Западного фронта, спокойно заметил, что «линия Керзона» на английской карте проведена неверно: Львов должен остаться на русской стороне, а линия уходит к западу на Перемышль.

Тогда и прозвучал знаменитый обмен репликами.

«Львов никогда не был русским городом», — сказал Черчилль, адресуясь уже к истории Российской империи, когда действительно этот город входил в состав Австро-Венгрии.

«А Варшава — была», — ответил Сталин, и все поняли, на что он намекает.

Молотов принес свою карту и копию радиограммы Керзона 1920 года с предложением установить границу между Россией и Польшей по этническому принципу, в ней перечислялись названия населенных пунктов.

Черчилль сказал, что не намерен «поднимать шум из-за Львова» и, получив новое подтверждение Сталина о польской границе по Одеру, успокоился.

Вопрос о финляндской границе обсуждался менее горячо. Черчилль опасался, что русские присоединят всю Финляндию, однако Сталин уверил его, что не собирается этого делать, «если только финны не вынудят его сделать это». Англичане предложили Сталину отказаться от политики «аннексий и контрибуций», на что он ответил, что становится консерватором, революционные лозунги его не трогают.

Зато советский лидер не собирался отказываться от требования компенсаций за военный ущерб. Черчилль же всячески отговаривал его от этого.

Коснулись территориального вопроса. И здесь наш герой ничего не собирался уступать, но согласился взять северную область Петсамо (Печенга) взамен балтийского острова Ханко.

«Справедливый обмен», — заметил Рузвельт, который был явно на стороне Сталина, так как, верный своей стратегии, хотел прежде всего не позволить Черчиллю захватить европейское лидерство.

В конце концов Сталину надоело явное стремление Черчилля помешать его планам, и он пригрозил, что если финны не смогут выплатить оговоренную контрибуцию, он займет один из районов страны до тех пор, пока они ее не выплатят.

Тогда Черчилль заметил, что есть «более важные вещи, о которых следует подумать». Он имел в виду майскую операцию «Оверлорд». Неужели англичанин мог ее торпедировать?

Скорее всего, Черчилль хотел отыграться за трудное положение, в которое его поставил Сталин во время их недавней личной встречи в советском посольстве в Тегеране (без Рузвельта). По-видимому, готовясь к ней, Сталин решил использовать опасения союзников, что он может заключить с Гитлером сепаратный договор, некое зеркальное отражение договора Молотова — Риббентропа. Нет никаких данных, что Сталин и Гитлер могли пойти на такое соглашение, но Лондону и Вашингтону эту возможность приходилось учитывать, так как в их собственной политике присутствовала вероятность антигитлеровского переворота в Берлине и мирные переговоры с новым немецким руководством.

Надо полагать, в записях разговоров Черчилля (или Рузвельта) в помещениях советского посольства было зафиксировано, что премьер опасается неожиданного решения Сталина прекратить войну, обеспечив себе границы 1941 года. В войне 1812 года подобная возможность обсуждалась в штабе Кутузова, так что прецедент был.

И Сталин, когда увидел, что Черчилль снова начинает повторять доводы о трудностях десантной операции в Ла-Манше, предложил ему обдумать возможную реакцию Красной армии. В этом случае «русским очень трудно будет продолжить войну», так как армия устала, у нее может возникнуть «чувство одиночества».

Это был удар страшной силы.

Черчилль поспешил заверить собеседника, что операция «Оверлорд» состоится.

Но если допустить, что Сталин знал об опасениях союзников по поводу сепаратного мира, то он должен был знать и другое: о твердом решении Рузвельта начать «Оверлорд» в мае 1944 года. То есть, слегка пугая Черчилля, он просто оказывал дополнительное давление на своего постоянно ускользающего партнера.

Во время заседаний в поле зрения Рузвельта, Черчилля и всех других постоянно находилась картина художника Аркадия Пластова «Фашист пролетел». Сталин не случайно распорядился доставить ее в Тегеран и разместить на видном месте. Сюжет картины очень простой, но простота — ошеломляющая: желтеющая осенняя роща, лужок, зеленое озимое поле, на лужке — щенок, овцы, корова, теленок и белоголовый мальчик-пастушок. Мальчик лежит на траве, поджав ноги. Его голова в крови. Он мертв. Корова тоже убита. Щенок, задрав морду, воет. И все.

Если бы Сталин хотел поведать союзникам о страданиях русского народа, вряд ли он бы сказал больше, чем полотно Пластова, сына деревенского иконописца и внука священника.

Итоги Тегеранской конференции были для Советского Союза превосходны:

«Оверлорд» был назначен не позднее мая 1944 года;

подтверждались западные границы с Польшей, Румынией и вхождение Прибалтийских государств в состав СССР;

признавалась советско-финляндская граница 1940 года;

обещано, что Восточная Пруссия (с Кёнигсбергом) войдет в состав СССР.

Советский Союз взял обязательство через три месяца после окончания войны с Германией начать военные действия против Японии.

Сталин с энтузиазмом принял это предложение Рузвельта, потребовав взамен как минимум отмены Портсмутского договора 1905 года. Это означало возвращение СССР южной части Сахалина, Курильских островов и преимущественных прав в Китае — всего того, что потеряла Россия в Русско-японской войне 1904—1905 годов.

(Таким образом, на Востоке Рузвельт гарантировал себе, как ему тогда казалось, полное доминирование Соединенных Штатов на просторах бывших колониальных владений Англии, Франции, Голландии. Если учесть проамериканизм Чан Кайши, то после войны весь мир должен был управляться Америкой и ее младшими партнерами, СССР и Великобританией.)

Конечно, Сталин не знал, что Рузвельт, солидарный с ним в отношении «английского бульдога», планирует, что Берлин будет взят американскими войсками и тогда Америка продиктует всем условия мира.

Завершался 1943 год. Его можно назвать великим в судьбе нашего героя. Он стал вторым человеком мира. СССР вступил в многообещающий союз с Америкой.

Американский журнал «Тайм» назвал его «Человеком года».

На обратном пути из Тегерана Сталин побывал в Сталинграде, осмотрел руины, разбитую немецкую технику, заглянул в бывший штаб Паулюса. Его внимание привлекли горы немецких касок на улицах. Глядя на них, он заметил: «Эх, горе-завоеватели... В касках-то головы были!.. А город мы выстроим красивее прежнего. С нашим народом все сделаем!»[492]

В Тегеране союзники предлагали сохранить этот разрушенный город как памятник великому сражению. Сталин же предпочитал памятник более оптимистического вида.

В конце декабря 1943 года поздней ночью он позвонил наркому финансов А. Г. Звереву и в течение сорока минут вел разговор о послевоенной денежной реформе. Нашего героя уже интересовали перспективы перехода экономики на мирные рельсы.

Глава шестьдесят первая

Сталин возвращает патриаршество. Внутренняя борьба в Кремле. Возвышение Маленкова. Ограничение власти партийных органов. Рост национализма в республиках. Создание Еврейского антифашистского комитета

Четвертого сентября 1943 года Сталин и Молотов встретились в Кремле с митрополитами Сергием (Москва), Алексием (Ленинград) и Николаем (Украина) и объявили о желании правительства восстановить патриаршество. Через три дня был созван Архиерейский собор, патриархом был избран митрополит Московский и Коломенский Сергий (Иван Николаевич Старгородский, 1867 года рождения). Сталин согласился на все предложения духовенства. 5 сентября сообщение о встрече Сталина и о предстоящем созыве Собора для избрания патриарха было напечатано в газете «Известия».

На первый взгляд это событие касалось только внутренней жизни СССР. (Кстати, в октябре 1943 года было создано Центральное управление мусульман в Ташкенте.)

Действительно, общество во время войны сплачивалось на основе патриотизма и борьбы за свободу Отечества. Политический и идеологический контроль ослабел, в партию широко привлекались «все, отличившиеся на поле боя»*. Именно на базе патриотизма произошло забвение раскола Гражданской войны и, как следствие, — легитимизация Сталина как признанного народом руководителя. Он стал символом возрождения России.

Однако, возрождая патриаршество, бывший семинарист Тифлисской духовной семинарии смотрел дальше пределов своего государства. Красная армия приближалась к Европе, и православные народы должны были получить сигнал из Москвы, что вековые традиции Третьего Рима не ушли в прошлое.

Начались и большие перемены в государственном управлении.

Четырнадцатого апреля 1943 года из НКВД был выделен отдельный наркомат — Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ), теперь у него не было важной функции — контролировать армию и флот, проводить расследования в отношении военнослужащих.

---

* За годы войны в партию вступили четыре миллиона человек, в основном фронтовики.

Отныне Управление особых отделов выводилось из НКВД и преобразовывалось в подразделение Наркомата обороны — Главное управление военной контрразведки (СМЕРШ). Начальник СМЕРШа В. С. Абакумов назначался заместителем наркома обороны и подчинялся только наркому обороны И. В. Сталину.

За этим решением скрывалось не только желание нашего героя вывести армию из-под влияния политического сыска, но и увеличение авторитета военного руководства. Сталин вывел Жукова, Василевского, Рокоссовского из-под надзора Берии.

Даже роспуск Коминтерна был мотивирован тем, что идея мировой революции себя исчерпала и, соответственно, возникла потребность в новых методах отстаивания Кремлем своих интересов за рубежом. То, что мировая международная борьба переместилась внутрь СССР, на острие советско-германских фронтов, освобождало Сталина от необходимости держаться за детище Октября, каковым по сути и являлся Коминтерн. Теперь можно было влиять на зарубежные компартии и вообще на международные отношения напрямую. Поэтому Сталин легко простился с этим всемирным коммунистическим правительством, где он сам был всего лишь первым среди равных.

Эта же тенденция еще раньше потребовала изменений и во внутренних делах.

Девятого октября 1942 года (в самый разгар Сталинградского сражения!) Сталин провел через Политбюро решение об упразднении института военных комиссаров в армии, а 24 марта 1943 года через ГКО — об упразднении института заместителей командиров по политической части рот, батарей, эскадрилий. Создавался новый институт начальников политотделов бригад, дивизий, корпусов, учебных заведений. Огромная армия политработников — 120 тысяч — переквалифицировалась в командиров. Три тысячи были направлены в органы СМЕРШ.

Эту линию на упорядочение и сокращение вмешательства партийных кадров (часто малокомпетентных) в профессиональные вопросы управления Маленков затем очень быстро реализовал на уровне наркоматов.

Следующим шагом Маленкова было решение Политбюро от 6 августа 1943 года (после Курской дуги) об организационном упорядочении работы региональных партийных органов. Суть постановления — сократить число секретарей; отраслевых секретарей, курировавших промышленность, сельское хозяйство, транспорт, понизить до уровня заместителей секретарей и заведующих отделами, которые отныне должны были

курировать не работу предприятий, а только их партийные организации, заниматься пропагандой, партийно-организационной работой. Таким образом, крайне сужалась возможность некомпетентного вмешательства в экономику.

Шестого августа решением Политбюро Маленков был официально назван «вторым человеком» в партии: на него возлагалась обязанность «повседневно заниматься вопросами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, проверять их работу» и т. д. вплоть до принятия «практических мер по исправлению обнаруженных недостатков и улучшению работы местных партийных организаций». Отныне Маленков должен был вести заседания Секретариата и Оргбюро. Он же оставался «на хозяйстве» во время отъезда Сталина, Молотова, Ворошилова и Берии на Тегеранскую конференцию. В сентябре 1943 года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Его возвышение означало еще одно понижение статуса Вознесенского.

В биографии Маленкова есть один выразительный случай, который свидетельствует о направленности ума и характере этого политика. Уже в 1957 году, находясь в опале, он был сослан Хрущевым в Усть-Каменогорск директором ГЭС. Зимой 1958 года на Усть-Каменогорской ТЭЦ закончилось топливо, но был ресурс — на верхнем бьефе ГЭС оставался невыработанным пятнадцатиметровый запас воды, которого должно было с избытком хватить для выхода из кризисной ситуации. Но был большой риск: если весной половодье запоздает или будет малым, электростанция остановится. Выбор решения — за Маленковым. Перед тем как сделать ответственный шаг, он попросил найти записи ежегодных метеорологических наблюдений, которые вел в дореволюционное время отбывающий в этих местах ссылку другой политический изгой, поляк по национальности. Маленков изучил дневник этого неведомого коллеги по ссылке и нашел закономерности в чередовании бурных и слабых весенних половодий. Судя по ним, ближайшей весной следовало ждать большой воды. И Маленков спокойно отдал команду открыть заслонки. Кризис миновал. Весной же, как и ожидалось, воды прибыло в избытке.

Подобный смелый и продуманный подход Маленков проявил и в известном нам случае с приостановкой авиазавода. Его инженерный ум всегда подсказывал ему верные решения.

Маленков был по отцу дворянином, с отличием окончил гимназию, участвовал в Гражданской войне в Туркестане, где познакомился с будущей женой Валерией Голубцовой, чья тетка была женой соратника Ленина и руководителя ГОЭЛРО

Г. М. Кржижановского. Потом учился в Высшем техническом училище им. Баумана, был избран секретарем партийной организации. Не закончив училища, Маленков был взят на работу в ЦК. Благодаря своей системности он быстро выдвинулся и стал брать на работу людей с инженерным образованием. Он создал на месте отдела руководящих парторганов Управление кадров: оно должно было управлять не только руководящими, но и всеми кадрами партии. Он создал кадровую империю ЦК, стал расставлять на местах образованных людей, которые заменяли некомпетентных из старшего поколения партийного начальства. В докладе на XVIII Всесоюзной партконференции 15 февраля 1941 года Маленков призвал к беспощадной борьбе против «невежд», которые кичатся пролетарским происхождением, и заменять их «новыми людьми, знатоками своего дела».

В начале 1944 года Маленков, заручившись поддержкой Молотова и Хрущева, направил Сталину проект постановления ЦК партии «Об улучшении государственных органов на местах». Постановление должно было укрепить наметившуюся департизацию государственного управления.

«Направляющая и организующая», как называли партию пропагандисты, должна была превратиться в политотдел Совнаркома. Однако в 1944 году против проекта Маленкова, который поддержали Сталин, Молотов, Хрушев, Андреев, выступили Каганович, Калинин, Микоян, Шверник, Вознесенский и, возможно, Берия. По мнению историка Юрия Жукова, именно Кагановичу, Калинину, Микояну, Швернику, Вознесенскому реформа грозила выводом из властных структур, «ибо вне партийных, лишь в государственных, как они хорошо уже понимали, долго оставаться им бы не позволили».

Проект этого постановления исчез из повестки дня пленума. Правда, 29 января 1944 года Политбюро отразило одну из идей Маленкова, предложив на посты председателей Совнаркомов Украины и Белоруссии соответственно первых секретарей компартий этих республик — Хрущева и Пономаренко.

Противостояние же двух властных структур страны продолжилось вплоть до последних дней существования СССР и КПСС, то обостряясь, то притихая. Если сюда добавить рост национализма в республиках, то станет понятной общая картина.

Вопреки мнению советской пропаганды о единстве всех наций, окрепшему в годы войны, положение здесь отличалось сложностью и не могло быть быстро улучшено. В диверсиях против СССР немцы использовали и национальный фактор, как и в Первую мировую войну.

В некоторых районах СССР по мере приближения немецких войск начиналась вооруженная борьба против советской

власти. (В Чечено-Ингушетии она вспыхнула уже летом 1941 года.) Начиная с 1942 года германское руководство стало формировать воинские части из граждан СССР. Так были созданы дивизии СС — 14-я украинская («Галичина»), 15-я литовская, 19-я латышская, 20-я эстонская, 29-я русская (Русская освободительная армия генерала Власова), а также 162-я пехотная дивизия из тюркского населения Кавказа, Поволжья и Средней Азии («мусульманский легион»), 1-я и 2-я казачьи кавалерийские дивизии.

В связи с этим Сталину наверняка вспомнился его спор с Лениным по поводу национального устройства СССР. Поэтому решение было радикальным. Первый секретарь Ставропольского крайкома М. А. Суслов 5 мая 1943 года обратился к командующему войсками Северо-Кавказского фронта И. И. Масленникову с предложением «выдворить в административном порядке» членов семей ушедших с немцами предателей. С сентября 1943 года началась депортация карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, а с освобождением Крыма — крымских татар. Выселение проводилось войсками НКВД, которые действовали быстро и жестко. Выселенных вывозили в Казахстан, где их размещали в сельской местности и давали возможность обустроиться и вести хозяйство. Указом Президиума Верховного Совета СССР были упразднены Чечено-Ингушская, Калмыцкая, Крымская автономные республики. Кабардино-Балкарская АССР была преобразована в Кабардинскую, Карачаево-Черкесская автономная область — в Черкесскую.

Эти решения были продиктованы обстоятельствами военного времени и рано или поздно должны были дать горькие плоды. Но тогда никто об этом не думал. В текущем общем переустройстве мира любое сотрудничество с гитлеровцами как с силами разрушения и зла вызывало жестокое сопротивление. (Напомним, что в США интернировали в концлагеря десятки тысяч граждан японского происхождения.)

Но вместе с тем перед Сталиным снова встал неразрешимый вопрос федеративного устройства его унитарного по сути государства. Он должен был задуматься о возвращении к собственной старой идее: единое государство с обширной культурной автономией для народов. Может быть, он бы и вернулся, если бы не создание к тому времени Организации Объединенных Наций, в которой СССР как соучредитель изначально оказывался в одиночестве против западных стран и их союзников.

Идея придать советским республикам статус участников международных отношений и через это получить дополни-

тельные голоса в ООН принадлежала Молотову. Она казалась очень удачной, и никто не заметил в ней скрытой угрозы. Не увидел ее и Сталин. Во всяком случае, идея «автономизации» промелькнула только в ликвидации и преобразовании нескольких республик и ушла на дно. С этого момента кремлевское руководство загнало себя в ловушку: оно больше не могло бороться всеми средствами с национализмом и было вынуждено демонстрировать перед Западом доказательства суверенности союзных республик. Как можно было справиться с тенденцией, которая с февраля 1944 года была юридически закреплена в республиках возможностью создавать собственные армии, быть субъектом международного права?

В новом Гимне СССР, исполнявшемся с 1 января 1944 года вместо «Интернационала», была дана предельно понятная установка: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь».

Однако начавшееся по инициативе из Москвы ускоренное строительство в национальных республиках академий наук, киностудий, театров оперы и балета и т. д. несло скрытые угрозы, так как искусственно и преждевременно формировало национальную интеллигенцию, не проникнутую духом единого государства.

Следует согласиться с выводами известного историка: «Та же нация, в свою очередь, недостаточно образованная, не имеющая должного профессионального опыта, не располагавшая хоть какими-либо реальными достижениями, могла подтверждать свое существование только при строгом соблюдении одного непременного условия — создания и применения для себя особых, откровенно заниженных по сравнению с общими критериев оценки своего творчества. Ну а последние были возможны лишь при условии признания в каждой союзной республике фактического приоритета национального языка в ущерб общегосударственному, русскому, что и исключало возможность беспристрастного, объективного сравнения. Такое положение неизбежно, естественно становилось той питательной средой, в которой вызревали ростки национализма, усиливались центробежные силы, скрытно приводило к ослаблению единства и прочности СССР»[493].

Таким образом, «Великая Русь» загоняла себя в тупик национализма, плодя противников созданного ею государства. И подчеркнем, пробуждала русский национализм.

Еще один национальный вопрос, на сей раз — еврейский, был использован Сталиным в то время в качестве «секретного оружия». Известно, что в советской элите было много евреев. Значительная их часть утратила свое влияние после падения

Троцкого и политических процессов 1937 года, но очень многие верой и правдой служили режиму. В действующей армии они занимали далеко не последнее место, 270 генералов были евреями, а по числу награжденных орденами и медалями евреи на 15 января 1943 года находились на четвертом месте после русских, украинцев и белорусов.

В начале войны кремлевское руководство положительно восприняло идущую из кругов еврейской интеллигенции мысль использовать для помощи СССР влиятельные еврейские круги на Западе, особенно в США. Тогда выделение из всех народов СССР только одного и делегирование его представителям особых функций не казалось националистическим по своим корням. В августе 1941 года состоялся радиомитинг «представителей еврейского народа», он передавался на США и другие союзные страны. В нем участвовали С. Михоэлс, П. Маркиш, И. Эренбург, С. Маршак, С. Эйзенштейн и др. Успех был большим: на Западе стали образовываться еврейские организации по сбору средств для Красной армии. Тогда и усилилась в Кремле мысль о необходимости создания в СССР постоянного Еврейского комитета.

Идея не новая. Так, в 1930-е годы была создана Еврейская автономная область «для усиления пограничного режима на Дальнем Востоке путем создания там своего рода заслона, а совсем не как шаг к созданию еврейского государства»[494].

Идея принадлежала Сталину и заключалась в создании преграды на пути китайских и белогвардейских террористов «в виде поселений, жители которых настроены враждебно к белоэмигрантам и особенно к казачеству».

Агрессия гитлеровской Германии, в которой антисемитизм был одной из составляющих государственной идеологии, подтолкнула вернуться к замыслам создания еще одного «Биробиджана».

В сентябре—октябре 1939 года в Восточной Польше были арестованы два лидера еврейского социалистического Бунда, Генрих Эрлих и Виктор Альтер. Их арест проходил на фоне борьбы НКВД на вновь присоединенных территориях против националистического, в том числе и бундовского подполья. Обоих обвинили в связях с польской контрразведкой, в принадлежности к буржуазно-националистическому подполью и критике внешней политики СССР, в том числе договора Молотова — Риббентропа. Однако в связи с нападением Германии на СССР ситуация изменилась и приговоренные к десяти годам заключения бундовцы были освобождены в сентябре 1941 года. С ними встретился Берия и предложил создать и возглавить антигитлеровский комитет: Г. Эрлих — председа-

тель, актер С. Михоэлс — заместитель, В. Альтер — ответственный секретарь. По совету Берии они написали в письме Сталину свои предложения по этому вопросу.

Однако Эрлих и Альтер стали слишком торопить события, что закончилось для них трагически.

В октябре 1941 года их эвакуировали вместе с дипломатами и советскими чиновниками в Куйбышев. Там они стали обсуждать с представителями западных дипломатических кругов планы реализации своего нового дела, в частности — создание в США еврейского легиона и отправку его в Россию на германский фронт. Тесные контакты у них сложились с послом Великобритании Криппсом и послом Польши С. Котом. Поляк дал им поручение разыскивать интернированных в СССР польских военнослужащих. Эта подозрительная активность переросла в намерение выехать за рубеж и возглавить там представительства Бунда (Эрлих — в США, Альтер — в Англии) при польском эмигрантском правительстве. К тому же они во всеуслышание объявляли, что смогут либерализировать советский режим, «пробив первую брешь» (их выражение).

Такие «соратники» вызвали у Берии и Сталина отторжение. 3 декабря 1941 года бундовцы были арестованы и больше не увидели воли: Эрлих повесился в камере, Альтера расстреляли.

Пятнадцатого декабря 1941 года по рекомендациям Щербакова председателем создаваемого Еврейского антифашистского комитета был назначен главный режиссер Еврейского государственного театра Соломон Михоэлс, заместителем и ответственным секретарем бывший бундовец, секретный сотрудник Коминтерна, литератор Шахно Эпштейн. Вскоре в президиум ЕАК вошли видные деятели науки и культуры, стала выходить газета на идиш «Эйникайт» («Единение»), которая имела обширную корреспондентскую сеть на территории СССР. Корреспонденты газеты поставляли много разнообразной информации о трагедиях и героизме советских евреев, значительная часть материалов печаталась в западных изданиях.

Обратим внимание, что уже в первом периоде деятельности ЕАК Сталин предвидел, что он станет инициировать еврейский национализм в стране, и поэтому ориентировал его работу только на Запад, чтобы использовать его для получения дополнительной экономической помощи и пропаганды.

По линии внешней разведки на Михоэлса и одного из его заместителей, поэта Фефера, было возложено задание по установлению контактов с американским сионистским движением, что и было сделано. Им было поручено прозондировать реакцию американцев на идею создания еврейской республики в Крыму, куда могли бы приехать евреи со всего мира.

В начале марта 1943 года заместитель Молотова Лозовский, курировавший ЕАК, получил из Нью-Йорка из Еврейского совета Фонда военной помощи России телеграмму с настойчивым предложением командировать Михоэлса и Фефера в Америку, где для Красной армии будут собраны огромные деньги. Через коминтерновские связи были получены официальные приглашения. В середине июня Михоэлс и Фефер прибыли в США. Перед отъездом с Михоэлсом встречался Берия. Режиссер получил инструкции, как завязать широкие связи и получить кредиты для восстановления металлургической и угольной промышленности. (Сталин предполагал получить 10 миллиардов долларов.)

Поездка увенчалась громким успехом. Посланцев СССР приветствовали американские знаменитости: Альберт Эйнштейн, Чарли Чаплин, Иегуди Менухин, Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Теодор Драйзер, Поль Робсон, Эптон Синклер. На митингах в поддержку СССР собирались десятки тысяч человек. Михоэлс и Фефер встречались с лидерами мирового сионистского движения и руководителями американской иудейской общины. Одна из встреч Михоэлса произошла глубокой ночью: за ним заехали в гостиницу, и он уехал до утра, оставив присматривавшего за ним Фефера в неведении. Впоследствии об этом было доложено Берии и Сталину.

Что касается идеи создания еврейской республики в Крыму, Судоплатов рассматривал ее как приманку, чтобы понять, насколько велика будет экономическая помощь*.

По версии Судоплатова, американцы идеей создания еврейской республики в Крыму заинтересовались, в июне 1944 года на переговорах со Сталиным президент Американской торговой палаты Эрик Джонстон и посол Аверелл Гарриман обсуждали проблему восстановления в Белоруссии областей, где компактно проживали евреи, а также перспективу их переселения в Крым. Джонстон обещал после войны долгосрочные кредиты.

Кроме того, по Судоплатову, Сталин, говоря о еврейской республике в Крыму, оказывал давление на Лондон: до 1948 года Англия управляла подмандатной территорией Палестины по мандату еще Лиги Наций и опасалась, что после создания там еврейского государства арабы выдавят ее оттуда. Крым был

---

* Впрочем, по другим данным, вопрос о еврейской республике в Крыму родился не в Кремле и не в ЕАК, а только после возвращения Михоэлса из Америки, где он имел встречу с главой сионистского движения Хаимом Вейцманом, и, вернувшись в Москву, написал об этом в письме Сталину. Письмо было передано через Жемчужину и Молотова.

альтернативой Палестине, и ключи от этой проблемы лежали в кабинете Сталина.

Однако, создавая «еврейский Коминтерн», Сталин должен был понимать, что его крымской приманки будет явно недостаточно для того, чтобы долго влиять на финансовые круги Америки, и что в любой момент они могут потребовать большего. В принципе так и получилось. К тому же руководство ЕАК, воспринимаемое советскими евреями как всесоюзный комитет по их делам, стало претендовать на участие во внутренней политике и выступать ходатаем по улучшению условий жизни одних лишь евреев. Сталин увидел в этом «буржуазный национализм», выпячивание прав одной нации за счет других. И как только после победы 1945 года в отношениях с Америкой наступило охлаждение, ЕАК был распущен.

Однако в мае 1948 года СССР практически мгновенно признал новое государство Израиль, снабжал его через Чехословакию оружием и всячески поддерживал против арабов и стоявших за их спиной англичан.

Сталин считал, что на его стороне военная мощь и поддержка США, и поэтому он может переиграть кого угодно.

Глава шестьдесят вторая

Сталин и генералы. Триумфатор — только он. Операция «Багратион» в Белоруссии. Второй фронт открыт — наперегонки с союзниками в Берлин и Вену. Варшавское восстание

Дела на фронте развивались успешно. 24 января — 17 февраля 1944 года были окружены и разбиты германские войска в районе Корсунь-Шевченковского, 24 января началось освобождение Правобережной Украины и Крыма, 8 апреля войска вышли к довоенной государственной границе СССР (на советско-румынском направлении).

Тогда и случился еще один конфликт Сталина с Жуковым, и на этот раз полководец был абсолютно не прав.

Еще в 1942 году Сталин дал указание разработать новый Боевой устав пехоты. Для этого в Генеральном штабе был сделан черновой набросок, затем на фронт выехали несколько групп генштабистов и при содействии специально выделенных наиболее опытных командиров рот, батальонов и полков проект устава был доведен до завершения. Затем проект обсудила специальная комиссия, внеся свои поправки. После этого проект в течение двух дней рассматривался в Ставке, куда были вызваны фронтовые командиры, от ротных до дивизион-

ных. И только 9 ноября 1942 года Сталин как нарком обороны подписал устав.

На фоне этого подхода следующие два устава, Боевой устав зенитной артиллерии и Боевой устав артиллерии Красной армии, которые были утверждены заместителем наркома обороны Жуковым, принимались формально, что вызвало резкое возражение Верховного.

Оказалось, что без его ведома главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов разработал оба устава, а Жуков быстро их утвердил.

Этот вопрос Сталин вынес на заседание Политбюро, посчитав принципиально важным. Там он продиктовал постановление, в котором отмечалось: «Маршалом Жуковым без достаточной проверки, без вызова и опроса людей с фронта и без доклада Ставке указанные Уставы были утверждены и введены в действие». Отметив, что оба документа «не учитывают ряда новых систем орудий», он напомнил свою практику работы с Боевым уставом пехоты, отменил оба устава, поставил Воронову на вид «несерьезное отношение к вопросу об уставах», а Жукова обязал «не допускать торопливости при решении серьезных вопросов»[495].

Мог ли Сталин не устраивать прилюдной выволочки своему заместителю? Видимо, мог, но решил, что с учетом их непростых отношений будет весьма педагогично повоспитывать маршала, чтобы тот не забывал, кто в доме хозяин.

Взаимоотношения нашего героя с военными уже перешли на иной уровень: и он, и они стали сильнее, выработали паритет, который позволял маршалам и генералам отстаивать свои решения даже тогда, когда Сталин был против.

Первый такой спор случился во время Сталинградского сражения в сентябре 1942 года. Сталин вызвал Жукова и Конева и предложил им передать резервы Западного и Калининского фронтов на Волгу. По словам Конева, на Западном и Калининском фронтах немцы ни на одну дивизию не уменьшили свою группировку и в любой момент могли ударить на Москву. Поэтому Жуков и Конев не согласились с Верховным. Тот стал доказывать, спорить, «перешел на резкости». Генералы продолжали стоять на своем. Тогда Сталин выставил их из кабинета.

Они вышли в приемную и стали ждать решения. Минут через десять—пятнадцать к ним вышел кто-то из членов ГКО, — возможно, это был Маленков, и спросил, не передумали ли они. Нет, не передумали.

Член ГКО ушел. Наступила пауза, потом из сталинского кабинета вышел другой член ГКО (Берия?) и спросил, какие у них предложения, что доложить Сталину.

Новых предложений не было.

Третьим появился Молотов и спросил то же самое.

Прошел час. Наконец их позвали к Верховному. Сталин стал сердито выговаривать им за упрямство, но все-таки не решился принять самостоятельное решение. Он отпустил генералов со словами: «Ну что же, пусть будет по-вашему. Поезжайте к себе на фронты»[496].

Спустя два года при планировании операции «Багратион» по освобождению Белоруссии ситуация повторилась. На сей раз командующий 1-м Белорусским фронтом Рокоссовский отстаивал свою идею нанесения вместо одного двух главных ударов, что шло вразрез с установившимися взглядами. Условия обширных полесских болот, не позволявших развернуть крупные силы в одном месте, диктовали новое решение.

Рокоссовский вспоминал, что «Верховный Главнокомандующий и его заместители» (Жуков и Василевский) настаивали на одном главном ударе с плацдарма на Днепре. «Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого "продумывания" приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили»[497].

Советское наступление прошло блестяще: были освобождены Белоруссия, частично — Литва и Латвия, началось освобождение Польши. Финляндия вышла из гитлеровского блока и 15 сентября 1944 года объявила войну Германии. К осени 1944 года почти вся территория СССР была очищена от оккупантов, Красная армия сражалась уже в Румынии, Польше, Чехословакии, Югославии, Венгрии, Норвегии.

Уже можно было планировать сражения на германской земле. Горькое вино победы вызрело. Но чем ближе был желанный миг, тем отчетливее становилась сталинская мысль о непозволительно большом объеме полномочий и славы, который отошел к военным и лично к Жукову.

Первый, еще отдаленный гул будущей грозы прозвучал осенью 1944 года. Жуков хорошо запомнил его. Верховный решил перевести его командующим 1-м Белорусским фронтом.

Полководец на всю жизнь запомнил это несправедливое, как он считал, решение Сталина, отнявшее у него лавры единственного триумфатора, разгромившего великого врага. Убрав Жукова с поста координатора всех фронтов и оставив эту роль только себе, Верховный лишил маршала политической составляющей триумфа. Единственным всеобщим (если хотите, тотальным) руководителем и вдохновителем победы должен быть Сталин. И так было.

Добавим, что в лице Жукова Сталин видел лидера нового центра влияния, на сей раз состоящего не из генералов Гражданской войны, — уцелевшие из них Ворошилов, Буденный, Кулик ушли в глубокую тень, — а действующих незаменимых военачальников.

Шестого июня 1944 года, в сильную непогоду, что обеспечило внезапность, союзники начали высадку десанта в Северной Франции. Операция называлась «Оверлорд», что означало «Властелин», и этот перевод вызвал усмешку Сталина. Вспомогательная — «Энвил» («Наковальня») должна была начаться позже (началась 15 августа) высадкой в Южной Франции, на чем настояли Рузвельт и генерал Эйзенхауэр, руководивший всеми силами вторжения. Черчилль же настаивал на продвижении в Италии, ближе к Балканам, чтобы успеть закрепить контроль над нефтяными месторождениями Ближнего Востока, а также опередить Красную армию на подходе ее к Балканским государствам. Таким образом, британский премьер хотел обойти и американцев, и русских. Но у Рузвельта были свои счеты с англичанами.

Шестого июня 6 тысяч кораблей союзников под прикрытием 11 тысяч самолетов стали высаживать на побережье Нормандии три армии, в состав которых входило 10 танковых дивизий.

Германское командование было застигнуто врасплох. В непосредственной близости от побережья дислоцировалось всего 12 дивизий и 160 боеспособных самолетов.

Захватив крупный плацдарм, 25 июня союзники начали наступление.

После высадки десанта на юге Франции восточнее Марселя наступление начало смыкать клещи в направлении Парижа. 25 августа Париж был освобожден.

Итак, долгожданный второй фронт стал воевать. Он оттянул треть германских войск и, безусловно, еще больше затруднил положение немцев на Востоке.

Вместе с тем второй фронт обнажил ранее скрытые противоречия между Сталиным и союзниками, потому что, чем ближе был день Победы, тем острее вставал вопрос, кто будет «оверлордом» в послевоенной Европе.

В десантной операции на Ла-Манше, кроме англичан и американцев, участвовали воинские части Французского комитета национального освобождения, канадские и польские, подчинявшиеся лондонскому эмигрантскому правительству.

Черчилль, несмотря на провал его идеи быстро захватить

Восточную Европу, не оставлял надежд сделать это, опередив Сталина в Германии. Английский фельдмаршал Монтгомери настаивал на наступлении на Германию в северном направлении всеми силами, собрав их в кулак и, соответственно, «сбавив обороты» в других секторах. Американский генерал Брэдли предлагал передать все ресурсы его 12-й группе армий и вести наступление на Франкфурт в восточном направлении.

Английский военный историк говорит о плане Монтгомери: «Этот вариант был самым здравым не только стратегически, но и политически, потому что если бы западные союзники заняли Берлин раньше русских, то по окончании военных действий их политические позиции были бы значительно сильнее»[498].

Однако Эйзенхауэр решил наступать широким фронтом, выстроив армии «в линию вдоль Рейна», и создать сплошной фронт от Швейцарии до Северного моря. Так было надежнее.

В это время на советско-германском фронте произошло событие, которое до сих пор трактуется на Западе как свидетельство коварства Сталина. Имеется в виду Варшавское восстание, начавшееся 1 августа 1944 года.

Польша снова стала, как это было сотни лет назад, ареной борьбы между Западом и Россией.

Двадцать четвертого июля советские войска освободили Люблин, и там же был создан Польский комитет национального освобождения (ПКНО) — противовес эмигрантскому правительству в Лондоне, с которым СССР после «катынского инцидента» разорвал дипломатические отношения.

За ПКНО стояла военная сила — Войско Польское, которое было образовано из 1-й польской армии в СССР и Армии Людовой в самой Польше.

У польского эмигрантского правительства тоже были воинские части, входившие в состав высадившихся в Нормандии союзных войск, а также отряды Армии Крайовой на польской территории.

Двадцать третьего июля Сталин написал Черчиллю, что не хочет вмешиваться во внутренние дела Польши, «это должны сделать сами поляки». И тут же сообщал, что поэтому счел нужным установить связи с ПКНО, который «в дальнейшем послужит ядром» будущего Временного правительства «из демократических сил».

Черчилль его понял: возможны переговоры; будущее польское правительство не будет коммунистическим.

Двадцать девятого июля в Москву прибыли руководители «лондонцев» премьер-министр С. Миколайчик, председатель Национального совета С. Грабский и министр иностранных

дел Т. Ромер. Они предполагали договориться на предоставлении «люблинцам» минимального числа министерских постов.

В это время войска 1-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского приближались к Варшаве, но были сильно контратакованы из Восточной Пруссии и Латвии и вынуждены оставить Тукумс и Митаву. Чтобы удержать положение, Рокоссовский снял с центра и направил туда подкрепления. Так, быстро пройдя Белоруссию, войска 1-го Белорусского в сентябре остановились.

Одновременно с этим польский генерал Тадеуш Бур-Коморовский призвал варшавян к восстанию.

Третьего августа Сталин и Молотов приняли «лондонцев», которые были настроены сверхоптимистично. Поляки считали, что они вот-вот возьмут под контроль свою столицу и станут хозяевами положения.

Сталин же не стал с ними разговаривать о будущем Временном правительстве, адресовав их к ПКНО. Зато он сказал, что готов приказать оказывать помощь восставшим оружием и боеприпасами.

«Лондонцы» встретились с «люблинцами» и предложили им всего пятую часть портфелей. «Люблинцы» сосредоточили свои усилия на будущей конституции страны: они хотели вернуться к более демократическому документу 1921 года вместо автократического («полуфашистского») образца 1935 года. «Лондонцы» предпочли тянуть время, ожидая победных вестей из Варшавы.

Девятого августа «лондонцы» снова были у Сталина и Молотова. Им предложили признать новые, оговоренные в Тегеране, границы Польши: ей отходили западные земли, включая промышленные города Вроцлав и Штеттин, а восточная граница проходила по «линии Керзона». И снова поляки не сказали ни да, ни нет.

Однако с 8 августа в Варшаве уже находился группенфюрер СС Бах-Зелевски, специалист по борьбе с партизанами. Сюда были переброшены две бригады СС (Черчилль пишет о пяти дивизиях СС) с тяжелым вооружением и танками. Немцы не собирались отдавать город.

Думается, мотивация «лондонцев» понятна. Но их надежда на то, что, захватив Варшаву, они могли бы что-то продиктовать Сталину, была наивной. В любом случае в Варшаву вошли бы советские войска вместе с 1-й польской армией. Поэтому аргумент, что Сталин умышленно притормозил победоносное наступление для того, чтобы немцы подавили восстание, выглядит убедительным только для непосвяшенных.

Если посмотреть на советскую военную историю, то станет

ясно, что наступление остановилось по объективным причинам: «Красная Армия натолкнулась тогда на сильное сопротивление германских войск, причем линии снабжения советских частей были сильно растянуты, а фланги наступающей группировки уязвимы для контратак противника». О том, что пассивное поведение Красной Армии в период Варшавского восстания имело в первую очередь военные причины, свидетельствует, в частности, и то, что советские части сумели взять Варшаву только в январе 1945 года, то есть спустя более чем три месяца после окончательного поражения польских националистов в сентябре 1944 года[499].

Из мемуаров Жукова известно, что Сталин, наоборот, настаивал на лобовом штурме Варшавы, но Жуков и Рокоссовский с трудом убедили его, что необходим охват города с юго-запада. К тому же перед операцией была проведена штабная игра, что убедительно доказывает серьезность положения на фронте.

Итак, восстание было обречено, Сталин не случайно назвал его организаторов «авантюристами». 2 октября 1944 года Бур-Коморовский сдался немцам и подписал капитуляцию.

Впрочем, польская интрига на этом далеко не закончилась. 12 октября в Москву снова прибыл С. Миколайчик и подтвердил претензии на западные области Украины, Белоруссии и город Вильнюс. 13 октября он беседовал со Сталиным и Черчиллем, который тогда был в Москве. На следующий день польский премьер встречался с Черчиллем и Иденом.

В ответ на претензии Миколайчика Черчилль раздраженно сказал: «Я умываю руки... Что касается меня, то я отказываюсь от этого дела. Мы не будем нарушать мир в Европе только потому, что поляки ссорятся между собой. Вы с вашим упрямством не видите, как обстоит дело. Мы расстанемся, не придя к соглашению. Мы расскажем миру, насколько вы неблагоразумны. Вы хотели развязать новую войну, в которой погибнет 25 миллионов человек. Но вам ни до чего нет дела... Украинцы не принадлежат к вашему народу. Спасайте ваш народ и предоставьте нам возможность для эффективных действий»[500].

Черчилль понимал, что «лондонцы» помешали ему выторговать для них ведущие посты в будущем правительстве. Действительно, он сделал для них все возможное, пытаясь давить на Сталина и требуя штурмовать Варшаву, невзирая на потери.

В начале января 1945 года «люблинцы», а не «лондонцы», стали формировать Временное правительство. Черчилль назвал их «просто пешками России». Но так или иначе он в октябре 1944 года прибыл в Москву не ради своих «лондонцев», а чтобы договориться со Сталиным о послевоенном разделе Европы.

Глава шестьдесят третья

Черчилль за спиной Рузвельта делит со Сталиным Европу. СССР будет доминировать в Европе после войны. Сталин не предполагает делать страны Восточной Европы социалистическими. Конференция союзников в Ялте — триумф Сталина

Все-таки Черчилль был великим империалистом, здесь Рузвельт не ошибался. Поняв, что у русских в Восточной Европе развязаны руки, британец предложил Сталину сделку, наплевав на «высокоморальные» идеи Атлантической хартии.

Исходя из содержания письма Черчилля Рузвельту от 22 октября 1944 года, Сталин хотел, чтобы «Польша, Чехословакия и Венгрия образовали сферу... прорусских государств». Кроме того, идя навстречу Черчиллю, Сталин «в противоположность своей прежней точке зрения» согласился на образование федерации южнонемецких государств Австрии, Баварии, Вюртемберга и Бадена. Черчилль хотел, чтобы сюда вошла и Венгрия, против чего Сталин категорически возражал.

Взгляды вождя на остальную Германию тогда были такими: передать Рур и Саар под международный контроль, создать самостоятельное государство в Рейнской области, а Кильский канал тоже отдать в международное управление. Он также хотел бы изменить условия прохождения советских военных судов через проливы.

Услышав о Босфоре и Дарданеллах, Черчилль, должно быть, поежился. Еще со времен Крымской войны одной из целей восточной политики Великобритании являлось препятствование русскому продвижению на Ближний Восток и Балканы. Он ничего не ответил Сталину, но про себя, видимо, подумал: «Ну, это мы еще посмотрим!»

Как представитель великой империи, Черчилль предложил вождю русских туземцев договориться. «Создалась деловая атмосфера, и я заявил: “Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам — в Югославии?” Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

“*Румыния*

Россия — 90 процентов

Другие—10 процентов

Греция
Великобритания (в согласии с США) — 90 процентов
Россия—10 процентов
Венгрия
50:50 процентов
Болгария
Россия — 75 процентов
Другие — 25 процентов".

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать... Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец, я сказал: "Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку". "Нет, оставьте ее себе", — сказал Сталин»[501].

Фактически Черчилль безоговорочно согласился уступить влияние только в Румынии и Болгарии. В Югославии и Венгрии сохранялась неопределенность, с Грецией было все ясно.

Заметим, что именно тогда Черчилль выторговал Грецию за Польшу и что в его личных беседах со Сталиным «главным вопросом было признание Советским Союзом британского господства в Греции и Средиземноморье»[502].

И действительно, Красная армия не заняла Грецию, а «лондонцы» не получили мест во Временном правительстве Польши.

Черчилль не известил о своей сделке американского посла Гарримана, что было понятным. Для Штатов европейские дела находились на втором месте, гораздо важнее для них было выполнение Сталиным обещания об участии в войне с Японией.

В конце 1944-го — начале 1945 года наступало новое историческое время. «Процентная записка» Черчилля, ожесточенная переписка Сталина с союзниками о составе Временного правительства в Польше, возмущение советского лидера фактом тайных переговоров американских разведчиков с генералом СС К. Вольфом в Берне — все это свидетельствовало, что прежние времена уступают место новым.

Перед вводом Красной армии в Болгарию, которая была готова капитулировать, СССР объявил ей войну. Таким образом, Сталин опередил союзников: те собирались заключить с ней перемирие, и тогда бы советские позиции в этой стране оказались бы не столь бесспорны. Но коль война была объявлена (она оказалась бескровной), можно было решительно и быстро продвигаться дальше на Балканы.

Двадцатого октября 1944 года Красная армия вошла в Белград. В том же месяце было заключено перемирие с Болгарией. 29 ноября завершено освобождение Албании. 22 декабря на освобожденной территории Венгрии образовано Временное правительство. 28 декабря оно объявило войну Германии. 31 декабря ПКНО объявил себя Временным правительством Польши.

Красная армия стояла буквально в шаге от Вены.

Семнадцатого января была взята Варшава.

И все-то для Кремля было хорошо: президент Рузвельт не собирался активно вмешиваться в восточноевропейские дела, у двенадцатимиллионной Красной армии не было в Европе равных соперников, население в подавляющем числе освобожденных от немецкой оккупации стран сочувственно относилось к Советскому Союзу.

Но что-то чувствовалось нехорошее. В раскладе политических сил в США созрели перемены. За годы войны экономика сильно выросла во всех секторах. Великий кризис, давший Рузвельту социальную базу для реформ, давно ушел в прошлое. На первое место выдвинулся консерватизм, за которым стоял успешный крупный бизнес.

В ноябре 1944 года на очередных президентских выборах вновь победил Рузвельт, вице-президентом стал Гарри Трумэн. Однако тогда прозвучал тревожный звонок: возглавляемая Рузвельтом демократическая партия потеряла часть мест в конгрессе, среди проигравших конгрессменов большинство были либералами, симпатизировавшими СССР.

Если учесть, что США уже вплотную подошли к созданию атомной бомбы, то можно сказать, что в глубинных пластах Истории, где и вызревает будущее, уже была записана матрица второй половины XX века.

Во время октябрьского (1944) визита Черчилля в Москву Сталин согласился на встречу трех лидеров «на Черноморском побережье». Рузвельт предлагал Средиземноморье, но Сталин воспротивился. Наконец выбрали Ялту.

«Накануне Ялтинской конференции под председательством вначале Голикова, а затем Берии состоялось самое длительное за всю войну совещание руководителей разведки Наркомата обороны, Военно-морского Флота и НКВД и НКГБ. Главный вопрос — оценка потенциальных возможностей германских вооруженных сил к дальнейшему сопротивлению союзникам — был рассмотрен в течение двух дней. Наши прогнозы о том, что война в Европе продлится не более трех месяцев ввиду нехватки у немцев топлива и боеприпасов, оказались

правильными. Последний, третий день работы совещания был посвящен сопоставлению имевшихся материалов о политических целях и намерениях американцев и англичан на Ялтинской конференции. Все мы согласились с тем, что и Рузвельт, и Черчилль не смогут противодействовать линии нашей делегации на укрепление позиций СССР в Восточной Европе.

Мы исходили из достоверной информации о том, что американцы и англичане займут гибкую позицию и пойдут на уступки ввиду заинтересованности быстрейшего вступления Советского Союза в войну с Японией. Прогноз НКВД и военной разведки о низкой способности японцев противостоять мощным ударам наших подвижных соединений в обход укрепленных районов, построенных японцами вдоль советской границы, подтвердился в августе 1945 года. Однако мы не предвидели, несмотря на подробные данные о завершении работ по атомной бомбе, что американцы применят ядерное оружие против Японии»[503].

По свидетельству Судоплатова, руководство разведки не видело перспектив социалистического развития Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Такая перспектива была только у Югославии, где И. Тито и компартия опирались на «реальную военную силу». В первых же странах аналитики Лубянки надеялись увидеть только дружественные Советскому Союзу правительства и не более того.

Накануне Ялтинской конференции Сталин имел полное представление о целях союзников в отношении Восточной Европы. Согласованной и четкой позиции у них не было. Они просто хотели возвращения в Польшу и Чехословакию эмигрантских правительств, находившихся в Лондоне. Для Сталина, который считал главным критерием внешней политики обеспечение безопасности СССР, возвращение «лондонцев» было неприемлемо. Тем не менее он был готов предоставить им несколько важных постов в коалиционном правительстве. «Данные военной разведки и наши собственные указывали на то, что американцы открыты для компромисса, так что гибкость нашей позиции могла обеспечить приемлемое для советской стороны разделение сфер влияния в Восточной Европе и на Дальнем Востоке... Мы вполне могли проявить гибкость и согласиться на проведение демократических выборов, поскольку правительства в изгнании ничего не могли противопоставить нашему влиянию»[504].

Подчеркнем: изменения в позиции Кремля и ликвидация коалиционных правительств в Восточной Европе были вызваны последующими событиями, а в начале 1945 года Сталин их не предвидел.

В январе 1945 года пробился на поверхность еще один росток конфликта: союзники воспрепятствовали попытке СССР добиться от шахского правительства права на разведку и разработку нефтяных месторождений в северных провинциях Ирана. Из этого отказа еще нельзя было сделать вывод, что вскоре союзники могут использовать экономические рычаги воздействия на Москву. Но звонок прозвенел.

Четвертого — одиннадцатого февраля в крымском курортном городе Ялта в дворцовом комплексе императора Николая II прошла встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля. Надо было договориться о послевоенной жизни.

Союзники, конечно, не могли знать, что через два месяца Рузвельт умрет и что вообще их эпоха заканчивается. Они были детьми XIX века, который породил стремительное развитие производства, социалистическую мечту о справедливости мироустройства, а также две мировые войны.

Победа была близка, но они понимали, что ее счастье будет кратковременным. То, что случится дальше, скрывалось за поворотом.

Рузвельт надеялся, что создаваемая по его воле Организация Объединенных Наций станет центром справедливого управления конфликтным миром под эгидой США. Он считал, что его дружеские личные отношения со Сталиным позволят влиять на политику СССР и смягчать ее.

В январе во время неожиданного немецкого наступления в Арденнах, сильно потрепавшего союзников, Сталин, откликнувшись на просьбу Рузвельта, ускорил движение Красной армии и поэтому в Ялте ожидал благодарности. На первом заседании он прямо сказал, что советское наступление было исполнением морального долга перед союзниками.

И все же Ялта — это прощание союзников.

Они обсудили все, что считали нужным. Так, было заявлено, что их цель — «уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира». Было решено разоружить и распустить все германские вооруженные силы, уничтожить Германский генеральный штаб, ликвидировать или взять под контроль военную промышленность. Военные преступники должны были предстать перед судом. Германию ждала длительная оккупация, Берлин разделялся на оккупационные зоны.

Правда, что касается разделения Германии, то у Сталина были иные соображения: он не хотел этого. Вскоре вождь решил, что советским интересам больше отвечает существование немецкого государства, подобного Веймарской республике. «В марте 1945 года Ф. Гусев получил указания де-факто снять воп-

рос о расчленении Германии с повестки дня, Сталин пришел к решению, что советским интересам, не без учета известных Москве планов США на послевоенный период, больше отвечало бы существование единого, демократического немецкого государства с социально-экономическим строем типа Веймарской республики. В архиве МИДа СССР хранились материалы о встрече Сталина с членами комиссии Литвинова, где это было соответственно отражено»[505].

Сталин предложил общую сумму репараций в 20 миллиардов долларов, половину ее должен был получить Советский Союз. Он назвал ущерб от немецкого нашествия, причиненный СССР, в 679 миллиардов рублей, или 128 миллиардов долларов. Американцы согласились с суммой репараций, но англичане возразили.

У Сталина в Ялте было значительное преимущество: примирительная позиция Рузвельта и отсутствие у американского руководства ясного плана действий в Восточной Европе.

Дискуссия о будущем Польши показала это. В конце концов, союзники после консультаций с польскими политическими деятелями согласились на «линию Керзона», приращение польских территорий за счет германских, а также на то, чтобы действующее в Польше Временное правительство («люблинцы») было «реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы».

Здесь уместно сказать, что вскоре разногласия из-за Польши обострились. На освобожденной польской территории происходили столкновения, стало действовать подполье Армии Крайовой (АК), начался террор. Допустить разворачивание в Польше гражданской войны Сталин не мог. Это перечеркнуло бы его планы и позволило англичанам активно вмешаться в организацию новой польской власти. Поэтому в конце марта в Москву на переговоры были приглашены руководители АК во главе с бригадным генералом Леопольдом Окулицким и там арестованы.

Конечно, спецоперацию советской разведки с обещанными Окулицкому гарантиями безопасности и последующим арестом не назовешь джентльменской. Но и убийства из-за угла советских солдат и офицеров в Польше тоже не отнесешь к честным методам ведения войны. В общем, как говорили американские политики, Окулицкий «убыл в Канаду».

И только во второй половине июня 1945 года, уже после смерти Рузвельта и накануне Потсдамской конференции, был согласован состав коалиционного правительства Польши. От «лондонцев» в него вошли трое во главе с С. Миколайчиком,

который получил пост первого вице-премьера, от «внутренней оппозиции» — двое. После этого правительство Польши признали в Вашингтоне и Лондоне.

Но вернемся в Ялту, где три пожилых человека, младшему из которых, Рузвельту, было 63 года, пытались выстроить фундамент послевоенного мироустройства.

Сталину не удалось изменить договор Монтре об условиях прохода судов через проливы, но в целом он мог быть доволен. Советский Союз сохранял довоенные границы, становился мощным европейским игроком, добился вхождения в ООН двух своих республик, Украины и Белоруссии, а еще — права вето в Совете Безопасности ООН, что позволяло блокировать любое неугодное решение.

И еще одно согласование с Рузвельтом обеспечивало Сталину возвращение СССР тех позиций на Дальнем Востоке, какие имела Россия в 1904 году. Это — передача в аренду военно-морской базы в Порт-Артуре, восстановление прав на КВЖД и ЮМЖД, возвращение Южного Сахалина и Курильских островов.

Сталин подтвердил обязательство через два-три месяца после победы над Германией начать войну с Японией.

Атмосфера конференции оставалась дружественной. В заключенных секретных протоколах спецслужбам союзников поручалось оказывать содействие зарубежным партнерам в поиске и выдаче нацистских преступников. СССР согласовал выдачу всего командного состава армии Власова.

Кроме того, Черчилль и Сталин дали друг другу очень высокие оценки, хотя не прекращали борьбу на политическом поле.

Но вот закончилась конференция, и пожилые джентльмены разъехались для продолжения нелегкой службы своим государствам.

Их ждали триумф, бессмертная слава и неразрешимые противоречия мирного времени. В Ялте остались только дух XIX века и память о его выразителе, писателе Антоне Чехове, который когда-то здесь жил.

Глава шестьдесят четвертая

Победа как начало нового предвоенного периода. Покушение на Гитлера. «С американцами у нас не клеится». Почему англичане устранили генерала Сикорского. Новая идея Сталина: союз славянских государств

После Ялты историческое время убыстряется. События нахлестываются одно на другое. Немецкие войска отступают, Красная армия несется неудержимо. Она овладела Померани-

ей и Будапештом. В Румынии, Югославии, Чехословакии теперь новые правительства. 5 апреля СССР денонсировал советско-японский договор о нейтралитете.

В это время Г. Гиммлер инициировал ряд контактов с представителями США и возможными посредниками. О некоторых контактах Москве стало известно, о других — нет. Но это мало что меняет.

Сепаратные переговоры достигли своего пика 25 апреля, через две недели после кончины Рузвельта (12 апреля).

Двадцать третьего апреля Гиммлер заявил руководителю шведского Красного Креста графу Бернадоту: «Мы, немцы, должны объявить, что считаем себя побежденными западными державами, и я прошу Вас сообщить это при посредстве шведского правительства генералу Эйзенхауэру, чтобы прекратить дальнейшее кровопролитие. Капитулировать, однако, перед русскими для нас, немцев, невозможно, в особенности для меня. Против них мы будем бороться дальше, пока фронт западных держав не заменит немецкий фронт»[506].

На следующий день шведы довели содержание этой беседы до союзников. Черчилль мгновенно связался с Эйзенхауэром, убеждал принять предложения Гиммлера.

Эйзенхауэр, понимая, что подобное приведет к разрыву с Москвой, возразил, что у германского правительства «есть только один путь — безоговорочная капитуляция перед всеми союзниками».

Двадцать пятого апреля Черчилль связался с новым президентом США Трумэном и настаивал принять немецкое предложение. Президент отказался нарушить договоренности Ялты. И только после этого Черчилль проинформировал Москву о предложениях Гиммлера и отрицательной реакции на них.

Потом последует еще ряд подобных инициатив Шпеера, Бормана, гросс-адмирала Дёница. Но будет уже поздно.

Конечно, это тоже мало что меняло. Исторический поворот вот-вот должен был быть пройден. Формула будущего уже создана. План действий Запада выглядел так:

«Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему предвидению и стремлению к окончательному господству.

Решающие практические вопросы стратегии и политики, о которых будет идти речь в этом повествовании, сводились к тому, что:

во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;

во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;

в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток;

в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин;

в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;

в-шестых, Вена, и по существу вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере, на равной основе с русскими Советами;

в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии;

наконец — и это главное — урегулирование между Западом и Востоком по всем основным вопросам, касающимся Европы, должно быть достигнуто до того, как армии демократии уйдут или западные союзники уступят какую-либо часть германской территории, которую они завоевали, или, как об этом вскоре можно будет писать, освободили от тоталитарной тирании»[507].

Что это, если не диспозиция будущих военных действий?

В это время по Европе рыскали американские и советские группы в поисках заводов и лабораторий по производству компонентов атомного оружия.

По постановлению ГКО в марте 1945 года был начат вывоз в СССР промышленного оборудования, сырья, продовольствия и скота из Германии. Был создан особый комитет ГКО, а вывозимые товары решили считать авансом в счет предстоящих репараций*.

Еще Германия не капитулировала, а союзники уже примерялись к новому положению.

Англия, в отличие от США, понесла значительные потери и выходила из войны ослабленной. Уже не могло быть и речи о соперничестве с Америкой. Поэтому Черчилль жаждал найти в Европе хоть какую-нибудь зацепку для выравнивания баланса сил на континенте. Его взгляд устремлялся то на Францию, то на Польшу, то на Германию. И ничего отрадного!

Но Черчилль не знал важной вещи. Не умри Рузвельт 12 апреля, проживи хоть сколько угодно лет, все равно фантастически выросшая за годы войны Америка с атомным оружием в руках не стала бы особо церемониться с Москвой.

---

* Всего за 1945 год было демонтировано более четырех тысяч предприятий и взяты под контроль центр ракетостроения в Тюрингии и урановые рудники в Саксонии.

В конце 1944 года военный министр Стимсон после встречи с Рузвельтом записал в дневнике: «Необходимо органически ввести Россию в лоно христианской цивилизации... Возможно использование “С-1” в этих целях»[508]. «С-1» — это кодовое название атомной бомбы.

Двадцать восьмого марта 1945 года в Екатерининском зале Кремля был дан обед в честь президента Чехословакии Э. Бенеша. Бенеш не признал раздела и оккупации своей страны по результатам Мюнхенского соглашения, во время войны возглавлял эмигрантское правительство в Англии и вот сейчас должен был снова возглавить освобожденную Чехословакию. С Москвой у него были хорошие связи, а в 1938 году советский резидент в Праге Зубов даже выдал ему 10 тысяч долларов для организации побега*.

На приеме Сталин выступал дважды. Оба выступления известны по двум записям, дополняющим друг друга. Одна принадлежала наркому танкостроения Малышеву, вторая — секретарю Молотова Б. Д. Подцеробу.

В первом выступлении, сделанном после ряда тостов за Красную армию, Сталин неожиданно охладил энтузиазм гостей, сказав: «Все хвалят нашу Красную Армию. Да, она это заслужила. Но я хотел бы, чтобы наши гости, будучи очарованы Красной Армией, не разочаровались бы потом.

Дело в том, что сейчас в Красной Армии находится около 12 миллионов человек. Эти люди далеко не ангелы. Эти люди огрубели во время войны. Многие из них прошли в боях 2000 километров: от Сталинграда до середины Чехословакии. Они видели на своем пути много горя и зверств. Поэтому не удивляйтесь, если некоторые наши люди в вашей стране будут держать себя не так, как нужно. Мы знаем, что некоторые, малосознательные солдаты пристают и оскорбляют девушек и женщин, безобразничают. Пусть наши друзья-чехословаки знают это сейчас, для того, чтобы очарование нашей Красной Армией не сменилось бы разочарованием»[509].

Но другая версия более психологична. Согласно ей, Сталин еще сказал, что «он хочет, чтобы чехословаки поняли психологию, поняли душу рядового бойца Красной Армии, чтобы они поняли его переживания, что он, рискуя все время жизнью, прошел большой и тяжелый путь». Сталин поднял тост, «чтобы чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии».

---

* Расписка Бенеша в получении этой суммы хранилась в его досье на Лубянке.

Это было что-то новое. Сталин редко извинялся, а тут на международном приеме это было вдвойне неожиданно. Но он не следовал спонтанным движениям чувств, и за его словами стояла какая-то прагматическая мысль.

Вскоре загадка раскрылась. Сталин высказал формулу нового политического союза: он предложил образовать союз славянских государств.

После III Интернационала, Коминтерна, антигитлеровской коалиции — неославянофильство. Почему? Сталин начал свое второе выступление с ответа на этот вопрос, затем углубил тему: «Теперь много говорят о славянофильстве и славянофилах. Нас зачастую сравнивают со старыми славянофилами царских времен. Это неправильно.

Старые славянофилы, например, Аксаков и другие, требовали объединения всех славян под русским царем. Они не понимали того, что это вредная идея и невыполнимая. Славянские народы имеют различные общественно-бытовые и этнографические уклады, имеют разный культурный уровень и различное общественно-политическое устройство. Географическое положение славянских народов также мешает объединению.

Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага — немцев.

Вся история жизни славян учит, что этот союз нам необходим для защиты славянства.

Вот возьмите хотя бы две последние мировые войны. Из-за чего они начались? Из-за славян. Немцы хотели поработить славян. Кто больше всех пострадал от этих войн? Как в Первую, так и во Вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы: Россия, Украина, белорусы, сербы, чехи, словаки, поляки.

Разве в этой войне не то же самое? Разве Франция больше пострадала? Нет. Французы открыли фронт немцам. Немцы слегка оккупировали северную часть Франции, а южную даже не тронули. А Бельгия и Голландия сразу подняли лапки кверху и легли перед немцами. Англия отделалась небольшими разрушениями. А возьмите, как серьезно пострадали Украина, Белоруссия, Россия, Югославия, Чехословакия. Одна Болгария, которая хотела увильнуть, сманеврировать, и та попалась. Значит, больше всех страдали от немцев славяне. Сейчас мы сильно бьем немцев, и многим кажется, что немцы никогда не сумеют нам угрожать. Нет, это не так.

Я ненавижу немцев. Но ненависть не должна мешать нам объективно оценивать немцев. Немцы — великий народ. Очень хорошие техники и организаторы. Хорошие, прирожденные храбрые солдаты. Уничтожить немцев нельзя, они останутся»[510].

Теперь возникал вопрос: ради чего объединяться?

Он предвидел новую войну против Германии и конфронтацию с Западом.

«Мы бьем немцев, и дело идет к концу. Но надо иметь в виду, что союзники постараются спасти немцев и сговориться с ними. Мы будем беспощадны к немцам, а союзники постараются обойтись с ними помягче. Поэтому мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян. Поэтому мы, новые славянофилы-ленинцы, так настойчиво призываем к союзу славянских народов.

Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, так как знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия.

Мы могли бы в Болгарии установить советский строй, там этого хотели. Но мы не пошли на это. В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства».

«После поражения, которое они потерпят в этой войне, они попытаются возродиться в течение ближайших 15 лет.

Тов. Калинин воскликнул: “Реванш!”

Тов. Сталин сказал, что да, немцы попытаются взять реванш. Тов. Сталин сказал, что просчитаются те, которые думают, что немцы этого не смогут сделать. Некоторые англичане опять говорят о равновесии сил. Если англичане будут полудрузьями Германии, то они просчитаются и проиграют на этом. Мы сейчас бьем немцев, побьем их и тогда, если и когда они вздумают поднять и развязать новую войну. Но чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов»[511].

В заключение Сталин поднял тост «за союз и дружбу независимых славянских народов, больших и малых».

Из всего этого можно сделать вывод, что Сталин только нащупывал путь в будущее и искал, как использовать присутствие Красной армии в Восточной Европе.

Впрочем, созданный в годы войны Славянский комитет был малоавторитетной организацией, в которую входили в основном эмигранты-коммунисты из славянских стран. «Идеи всеславянской солидарности были им совершенно чужды» (М. Джилас).

Показательно, что в июне 1944 года Сталин, принимая югославскую делегацию, глядя на карту мира, где СССР выделялся красным цветом, заметил: «Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным — никогда, никогда!»[512]

В начале апреля 1945 года славянская тема получила дальнейшее развитие, в Москву прибыла югославская делегация во главе с Иосипом Броз Тито.

Сталин повторил свой тезис и даже усилил его: «"Революция нужна теперь не повсюду. Тут недавно у меня была делегация британских лейбористов и мы говорили как раз об этом. Да, есть много нового. Да, даже и при английском короле возможен социализм..."

В какой-то момент он встал, подтянул брюки, как бы готовясь к борьбе или к кулачному бою, и почти в упоении воскликнул:

— Война скоро кончится, через пятнадцать—двадцать лет мы оправимся, а затем — снова!

Что-то жуткое было в его словах: ужасная война все еще шла. Но импонировала его уверенность в выборе направления, по которому надо идти, сознание неизбежного будущего, которое предстоит миру, где он живет, и движению, которое он возглавляет»[513].

Но одновременно с этим Сталин вполне реалистично смотрел на процессы, происходившие в Югославии, где все ключевые посты занимали коммунисты. Член югославской делегации Джилас заметил, что у них, по сути, советская власть, но Сталин возразил: у вас не советская власть, а «нечто среднее между Францией де Голля и Советским Союзом».

Казалось, ему следовало развить идею укрепления советских принципов в Югославии, а вместо этого он подчеркнул различия. К тому же вождь заявил, что «сегодня социализм возможен и при английской монархии», что продемонстрировало новый взгляд на коммунистическую теорию. Это означало, что переход от капитализма к социализму мог состояться и без коммунистической диктатуры!

Что же произошло с нашим героем?

Он уточнил: «Если славяне будут объединены и солидарны — никто в будущем пальцем не шевельнет. Пальцем не шевельнет! — повторял он, резко рассекая воздух указательным пальцем»[514].

Да, мир менялся. После «полусоциализма» Рузвельта в Америке, корпоративного социализма Муссолини и национал-социализма Гитлера должно было появиться что-то новое, основанное на чувстве национального освобождения, демократии, социальной справедливости. Ленинский лозунг «Коммунизм —

это советская власть плюс электрификация всей страны» не был универсальным. «Советскую власть», то есть государственное регулирование экономики и социальную поддержку населения, можно было получить и через демократические выборы.

Если развить эту сталинскую мысль, то легко можно дойти до выводов о возможности геополитического противостояния советского социализма, например, «социализму английского короля» и о необходимости нового объединяющего фактора, панславистского.

Но тут возникал неожиданный барьер в виде все тех же англичан: именно они (наряду с Москвой) поддерживали югославских партизан в борьбе против оккупантов; поэтому Тито, опиравшийся на собственные вооруженные силы, был весьма самостоятелен и мог балансировать между Востоком и Западом.

Казалось бы, новый тупик. Но изощренный ум вождя уже вынашивал небывалую комбинацию о реформировании Советского Союза, «о слиянии его с “народными демократиями”: Украины с Венгрией и Румынией, а Белоруссии с Польшей и Чехословакией, в то время как Балканские страны объединились бы с Россией!»[515].

Может быть, поэтому он ввел Украину и Белоруссию в ООН.

Даже с первого взгляда видно, что в каждом «слиянии» заложены противоречия. Однако столь же очевидно, что управлялись бы эти противоречия из Москвы, что дало бы Сталину роль незаменимого менеджера и гармонизатора. При этом Россия получила бы наконец бесспорный выход в Средиземное море и на Ближний Восток — и мир стал бы совсем иным!

Этот замысел даже в его общей дерзкой идее можно назвать грандиозным. Еще никому, даже Черчиллю, который обладал великим и оригинальным умом, не приходила в голову подобная комбинация. Сталинская масштабность поражает воображение.

Глава шестьдесят пятая

Кто возьмет Берлин — Красная армия или союзники? Берлин взят русскими. Капитуляция Германии. Парад Победы в Москве. Тост Сталина за русский народ

Но прежде всего надо было взять Берлин, опередить союзников, которые, как было известно Сталину, тоже стремились к этому.

Первого апреля в Ставку были вызваны командующие фронтами Жуков (1-й Белорусский) и Конев (1-й Украинский).

На заседании присутствовали члены ГКО, новый начальник Генерального штаба А. И. Антонов и начальник главного оперативного управления Генерального штаба С. М. Штеменко.

Штеменко по указанию Сталина зачитал разведывательную телеграмму, в которой сообщалось, что союзники готовят операцию по захвату Берлина, чтобы взять его раньше Красной армии!

Сталин спросил у Жукова и Конева: «Так кто же будет брать Берлин — мы или союзники?»

В самой тональности вопроса слышится вызов: они не пройдут в наш Берлин!

Почему Берлин уже стал нашим? Потому что в Ялте договорились о зонах оккупации Германии. Если союзники хотели нарушить договоренности, то из этого следовало только одно: они уже начали вытеснять СССР из Европы. Сталину это не надо было долго объяснять.

Командующие фронтами сразу поняли, что у них могут отнять великую военную славу и главный трофей. И Жуков, и Конев заявили, что Берлин будут брать они.

После этого маршалы в Генштабе несколько дней готовили планы операции. Сталин утвердил. И вот что интересно: он провел карандашом по карте разграничительную линию между фронтами и оборвал ее, не доведя до Берлина примерно на 80 километров. В своих воспоминаниях Конев говорит, что в этом был «негласный призыв к соревнованию фронтов».

Немцы защищались героически. Особенно отчаянно дрались подростки и пожилые резервисты из фольксштурма, которые не пережили внутреннего краха, какой испытали кадровые войска в России. Берлинская группировка немцев насчитывала 1,5 миллиона человек. И в душе почти каждого томился страх расплаты за преступления на Востоке.

Советская пропаганда не давала утихнуть жажде справедливой мести: почти каждый воин Красной армии имел свой личный счет к немцам в лице погибших родителей, детей, жен, сестер и братьев. Как писал Илья Эренбург в статье «Расплата»: «Кто нас остановит? Генерал Модель? Одер? Фольксштурм? Нет, поздно. Кружитесь, кричите, войте смертным воем — настала расплата»[516].

Военные типографии печатали плакаты: «Солдат Красной Армии, ты находишься теперь на германской земле; час расплаты пробил». В приказе Жукова войскам говорилось: «Горе земле убийц. Мы будем страшно мстить за все».

Вряд ли в апреле 1945 года в полушаге от Победы кто-то из наступавших солдат думал иначе. Потери мирного населения СССР составляют не менее 13,7 миллиона человек, включая

7,4 миллиона преднамеренно уничтоженных оккупантами и 2,1 миллиона погибших на принудительных работах в Германии[517]. Состязание маршалов достигло пика. 25 апреля Берлин был окружен. В тот же день американские части, не встречая сопротивления, вышли к реке Эльбе и в районе города Торгау соединились с частями 1-го Украинского фронта. Встреча союзников, по замыслу гитлеровского командования, должна была привести к конфликту, но на самом деле вылилась в демонстрацию дружеских чувств. И что еще важно: германский фронт оказался раздроблен и лишен коммуникационного единства; можно сказать, у него вырвали сердце.

Двадцать восьмого апреля был расстрелян плененный итальянскими партизанами Муссолини.

Тридцатого апреля покончил самоубийством Гитлер.

В тот же день над рейхстагом было водружено Знамя Победы.

Ранним утром 1 мая Жукову сообщили, что доставленный на командный пункт 8-й гвардейской армии генерал Кребс заявил, что Гитлер покончил с собой, и предложил от имени нового рейхсканцлера Геббельса мирные переговоры.

Кребс был начальником Генерального штаба сухопутных сил, до войны был военным атташе в Москве. Сейчас генералы битой в 1941 году Красной армии стояли в Берлине — профессиональный крах немецкого командования был очевиден.

Жуков сразу позвонил Сталину. Тот недавно лег спать, но маршал потребовал, чтобы его разбудили.

Верховный быстро взял трубку и, выслушав Жукова, сказал: «Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым».

Вспоминал ли он декабрь 1941 года, когда тот же Жуков грубо послал его?..

Ранним утром 1 мая 1945 года заканчивался их небывалый союз, союз вождя и маршала. Через несколько часов в Москве состоится праздничный первомайский парад, Сталин будет стоять на трибуне мавзолея и слушать радостные приветствия. Сейчас Москва еще спала.

Сталин попросил Жукова не будить его до утра, так как хотел выспаться перед парадом.

Но неизвестно, смог ли вождь быстро заснуть.

Ночь кончилась. Она длилась целую вечность.

Теперь предстояли капитуляция Германии, встреча победителей для определения условий будущего мира и... всё. Эта страница истории должна была перевернуться.

Капитуляция началась с того, что генерал Эйзенхауэр несколько раз в апреле сообщал советской стороне о предложениях немцев — это предложение о перемирии в Голландии для доставки продовольствия гражданскому населению и предложение Гиммлера через шведское посольство о сдаче в плен всех германских войск на Западном фронте. Американцы эти инициативы отвергли. Президент Трумэн через американское посольство в Стокгольме передал ответ: единственно, что приемлемо, — безоговорочная капитуляция Германии всем союзникам и на всех фронтах.

Пятого мая в штаб Эйзенхауэра прибыл представитель нового президента Германии адмирала Дёница — для переговоров о капитуляции всех вооруженных сил немцев.

Эйзенхауэр запросил Москву: является ли предложение Дёница приемлемым? Речь шла о чисто военной капитуляции. Политические и экономические условия должны были быть приняты не здесь.

Начальник Генерального штаба Антонов быстро ответил, что принимает план Эйзенхауэра. Советский представитель при американском командовании генерал И. А. Суслопаров передал ответ.

Однако вечером 5 мая представитель Дёница адмирал Фридебург предложил только капитуляцию на Западном фронте. Эйзенхауэр отверг это предложение. Тогда Фридебург попросил перерыв для консультации с Дёницем.

Шестого мая Эйзенхауэр направил Антонову проекты двух документов, которые он собирался подписать в случае согласия Сталина. В том, что окончательное решение принимает Верховный, ни у кого не вызывало сомнений. Первый документ был соглашением о готовности немцев своевременно прибыть в назначенный пункт для подписания безоговорочной капитуляции на Западном и Восточном фронтах.

Утром 7 мая Антонов сообщил письмом военному представителю США генералу Дину несколько замечаний непринципиального характера, которые были учтены, и предложение провести капитуляцию в Берлине с участием маршала Жукова.

В 1 час 41 минуту по среднеевропейскому времени в Реймсе Эйзенхауэр и генерал А. Йодль, начальник оперативного отдела Верховного командования вермахта, подписали акт о безоговорочной капитуляции всех германских вооруженных сил перед союзными вооруженными силами. Генерал Суслопаров подписал этот акт за советскую сторону, сделав, по согласованию с Эйзенхауэром, дополнение, что впоследствии не исключается подписание более совершенного документа.

Сталин был очень недоволен, хотя претензий к Суслопарову не имел: тот оставил запасный выход.

Седьмого мая Сталин позвонил Жукову и сказал: «Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт о безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны вынес на своих плечах советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск»[518].

Восьмого мая в Карлсхорсте, восточной части Берлина, состоялась церемония нового подписания. Эйзенхауэр планировал присутствовать, но потом его планы изменились. Акт капитуляции подписывали британский командующий ВВС главный маршал авиации Артур Теддер, командующий стратегической авиацией США генерал Карл Спаатс и главнокомандующий французской армией Ж. Латр де Тассиньи. От Советского Союза — маршал Георгий Константинович Жуков. От Германии — генерал-фельдмаршал Кейтель, начальник штаба Верховного командования вермахта.

Церемония носила подчеркнуто торжественный характер. После нее был банкет. «Англо-американо-советская дружба достигла своего апогея» — так оценил это событие генерал Дин.

Пили, пели и плясали до шести часов утра. Жуков сплясал «русскую», сложный и быстрый танец, требующий большой выносливости.

Утро пришло с громом могучей праздничной канонады — был дан спонтанный салют.

Девятого мая в два часа ночи в СССР было объявлено, что Германия капитулировала. Союзники сообщили это тринадцатью часами ранее, так что информационную гонку Москва проиграла. Зато в остальном все произошло по ее воле.

Фактически, конечно, война закончилась не 8-го, а именно 9 мая, тогда войска 1-го Украинского фронта освободили восставшую Прагу. Миллионная группировка германского генерала Шернера продолжала военные действия. Восстание, начавшееся 5 мая, было бы раздавлено немцами, но на сторону чехов неожиданно перешла 1-я дивизия Русской освободительной армии под командованием генерала Буняченко (власовцы), которая и удержала город до прихода войск Конева, совершивших быстрый марш от Дрездена.

Ну вот и все.

Девятого мая Сталин через прессу обратился к народу: «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская

Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию».

Он вспомнил «великие жертвы», лишения, страдания, «напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества», и подчеркнул свою новую, «славянскую» идею: «Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией».

В его речи было обозначено еще одно: «Советский Союз... не собирается ни уничтожать, ни расчленять Германию».

Американцы и англичане желали расчленить, а Сталин, который совсем недавно говорил Бенешу, что через 15 лет неизбежна новая война с Германией, теперь хотел сохранить это государство. Почему? Похоже, он уже считал, что послевоенная Германия будет его союзником в противовес Лондону и Вашингтону.

Поразительно, но еще 14 апреля, накануне Берлинской операции, по указанию Сталина в «Правде» была напечатана статья начальника Управления пропаганды и агитации ЦК партии Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», в которой отвергался антинемецкий пафос публициста. Призыв «Убей немца!» сдавался в архив. Теперь немцы должны были стать союзниками.

Сталин из донесений разведки знал, что его друг Черчилль готов тут же начать третью мировую войну. Трудно поверить? «Основа связи — общая опасность, объединившая великих союзников, — исчезла мгновенно. В моих глазах советская угроза уже заменила нацистского врага»[519].

Девятого мая Черчилль написал Эйзенхауэру, что не следует уничтожать немецкие самолеты, они еще могут пригодиться. Еще раньше он телеграфировал английскому фельдмаршалу Монтгомери, что надо собирать и складировать немецкое оружие.

Двенадцатого мая британский премьер написал в письме Трумэну: «1. Я глубоко обеспокоен положением в Европе. Мне стало известно, что половина американских военно-воздушных сил в Европе уже начала переброску на Тихоокеанский театр военных действий. Газеты полны сообщений о крупных перебросках американских армий из Европы... Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мо-

щи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии... Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него. Можно почти не сомневаться в том, что весь район восточнее линии Любек, Триест, Корфу будет в скором времени полностью в их руках... И таким образом, широкая полоса оккупированной русскими территории протяжением во много сот миль отрежет нас от Польши. ...и весьма в скором времени перед русскими откроется дорога для продвижения, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана»[520].

Черчилль был против отвода далеко продвинувшихся в Германии американских войск, так как это означало бы распространение русского господства еще на 120 миль на фронте протяжением 300—400 миль.

Двенадцатого мая 1945 года был утвержден окончательный вариант плана «Немыслимое», в котором рассматривалась перспектива ведения военных действий против СССР в Европе (10 германских и 47 американских и английских дивизий). Вывод, однако, был отрицательный: перевес Красной армии над английской был бы подавляющим. Кроме того, указывалось, что начнется «тотальная война с Россией» с непредсказуемым результатом.

Американцы тоже проанализировали результаты возможного столкновения с СССР, и Комитет по стратегическим вопросам при Объединенном комитете начальников штабов Великобритании и США пришел к выводу, что ни США, ни СССР не смогут нанести друг другу поражения.

К тому же надо учесть особую атмосферу, царившую тогда в странах-победительницах.

Значит, военное давление отпадало. Надо было договариваться.

Тем не менее Черчилль дает указание британским вооруженным силам об отмене демобилизации ВВС и приостановке демобилизации в сухопутных войсках.

На 24 июня по предложению Сталина был назначен победный парад на Красной площади. Как вспоминал Жуков, «каждый из нас считал, что Парад Победы будет принимать Верховный Главнокомандующий». Так вначале полагал и сам Сталин, но ему вскоре пришлось от этого отказаться.

Восемнадцатого или 19 июля он вызвал к себе на дачу Жу-

кова и, уточнив, не разучился ли тот ездить верхом, сказал, что Жуков будет принимать, а Рокоссовский командовать парадом. При этом Сталин не счел нужным рассказывать, что он попробовал проехать верхом на коне, но был сброшен на опилки манежа и сильно ушиб руку. А для старого кавалериста Жукова задание было легким и приятным.

Двадцать четвертого июня шел моросящий дождь. Радостные и ликующие люди проходили по Красной площади. В десять часов Сталин и другие руководители вышли на трибуну мавзолея. Жуков и Рокоссовский выехали верхом, оркестр грянул торжествующий гимн «Славься!» из оперы Михаила Глинки «Иван Сусанин», навевающий воспоминания о победе над польскими интервентами в 1612 году. Рокоссовский отдал рапорт. Жуков скомандовал начать парад.

Высший миг торжества! Двинулись сводные полки всех фронтов и флотов. Шли все, живые и мертвые герои, бывшие в эту минуту единым целым. От смертно-торжественного парада 7 ноября 1941 года до Парада Победы с его всеобнимающей жизненностью прошла целая эпоха. И не «Интернационал», не гимн СССР, а это русское «Славься!» ликовало тогда над Кремлем.

Вечером Сталин поразил многих, подняв на приеме в Кремле неожиданный тост: «Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и прежде всего русского народа. *(Бурные, продолжительные аплодисменты, крики “ура!”.)*

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне всеобщее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на

это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа! *(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)*»[521].

Это было поразительно! Его откровенность подкупила многих. Один из юных ветеранов, девятнадцатилетний Филипп Бобков вспоминал, что тогда казалось, что Сталин вот-вот должен признать ошибочность репрессий 1930-х, но ни тогда, ни позже этого не произошло. Говоря об ошибках, Сталин ограничился только военными годами. И это было осознанно.

Юрий Жданов, сын члена Политбюро, тоже свидетельствует о новых настроениях нашего героя. «Анализируя итоги прошедшей войны, в узком кругу членов Политбюро Сталин неожиданно сказал: "Война показала, что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали и как мы считали. Многие пострадали напрасно. Народ должен был бы нас за это прогнать. Коленом под зад. Надо покаяться".

Наступившую тишину нарушил мой отец:

— Мы, вопреки уставу, давно не собирали съезда партии. Надо это сделать и обсудить проблемы нашего развития, нашей истории.

Отца поддержал Н. А. Вознесенский. Остальные промолчали. Сталин махнул рукой:

— Партия... Что партия... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков... Необходим предварительный глубокий анализ»[522].

Двадцать седьмого июня Сталину по представлению всех маршалов было присвоено звание генералиссимуса. Сам вождь относился к этому званию очень сдержанно и отказался носить особый мундир с золотыми эполетами, скопированный с парадных мундиров времен Отечественной войны 1812 года.

Да, Сталин понимал, что с окончанием войны начинается иное время. По-видимому, он держал в уме возможность какого-то неконфронтационного выхода из войны, о чем есть косвенные свидетельства. Так, СССР подписал документы Бреттон-Вудской финансовой конференции (в том числе уставы Международного валютного фонда и Всемирного банка), детища Рузвельта, который хотел создать новую мировую финансовую систему. Американская инициатива привлечь СССР к созданию послевоенного финансово-экономического по-

рядка имела все шансы завершиться геополитическим примирением с СССР. В этом плане оба лидера могли договориться. Во всяком случае, Рузвельт считал вполне реальным движение Советского Союза по пути «демократического социализма». И Сталин, планируя будущее восточноевропейских стран, видел их правительства не коммунистическими, а коалиционными, многопартийными. Поэтому, говоря о знаменитом тосте Сталина после Парада Победы, надо иметь в виду возможность иного будущего для мира и России.

И еще одно обстоятельство надо иметь в виду, говоря о первых неделях и месяцах после Победы. Все население Советского Союза ожидало, что сразу после 9 мая наступит облегчение и что жизнь вернется к довоенному уровню. Но вдруг оказалось, что никакого облегчения не наступает, а становится тяжелее, хотя рабочий день снова стал 8-часовым, а не 11-часовым: отменили обязательные сверхурочные, это привело к резкому уменьшению заработной платы. Конверсия военного производства приводила к частым простоям из-за нехватки материалов, и это тоже сказывалось на и без того скудных заработках. В деревнях, истощенных войной, не было никакого просвета. Продолжал действовать указ 1942 года о повышении обязательной выработки трудодней и уголовном наказании для тех, кто нормы не выполняет. Их принуждали к исправительным работам в своем колхозе на срок до шести месяцев и вычету из заработка 25 процентов в пользу государства. Не предполагалось ослабить и сельхозналог, которым облагалась каждая крестьянская семья. Фактически после Победы, кроме гигантского морального подъема, мирная жизнь еще не наступила.

Война нанесла стране такие раны, от которых невозможно оправиться и за 100 лет, и вообще — никогда. Демографические потери Красной армии (фактическое число всех погибших, умерших, не вернувшихся из плена) составили 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. С учетом потерь мирного населения утраты суммарно составили 26,6 миллиона человек, включая погибших в результате германской оккупации мирных граждан — 13,7 миллиона человек.

Из общего числа советских пленных 4,56 миллиона человек вернулись на родину 1 миллион 836 тысяч 552 человека, из которых около одного миллиона были направлены для дальнейшего прохождения службы в частях Красной армии, 600 тысяч — на работу в промышленности в составе рабочих батальонов, а 233,4 тысячи как скомпрометировавших себя в плену — в лагеря НКВД.

Потери вооруженных сил Германии во Второй мировой войне составили 11 миллионов 844 тысячи человек[523].

В ту минуту, когда объявили Победу, над замершей страной пролетел скорбный ангел, запечатленный в стихотворении Александра Твардовского. Наступало прощание.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег...

Глава шестьдесят шестая

Потсдамская конференция союзников. Сталин узнает, что США имеют атомное оружие. Неудачная попытка закрепиться в Иране

Сталин прибыл в Берлин поездом. Путь по воздуху был неприемлем с учетом опасности подвергнуться нападению истребителей без опознавательных знаков.

Семнадцатого июля 1945 года конференция глав правительств открылась в пригороде Берлина Потсдаме. Эта дата как будто бы нейтральна, но на самом деле она находится в новой исторической эпохе, день назад прошло успешное испытание атомной бомбы.

Черчилль знал о взрыве, «который дал возможность закончить Вторую мировую войну и, пожалуй, многое другое». Он дал согласие использовать новое оружие против Японии еще 4 июля. Теперь же он понимал, что отныне Запад больше не зависит от Сталина на завершающей фазе войны с Японией. Если до испытания А-бомбы расчеты показывали, что для победы надо отдать миллион американских солдат и полмиллиона английских или позвать на помощь Красную армию, то теперь атомная бомбардировка решала все проблемы.

Сталин лишался главного козыря, благодаря которому имел преимущество в Тегеране и Ялте. Конечно, у американцев было всего две А-бомбы, а японские войска занимали огромный регион, который невозможно было поразить этими страшилами, но все понимали, там где есть две, там скоро будут и три, и четыре, и пять...

Тем не менее русские, англичане и американцы по-прежнему были союзниками, и им предстояло решить простые, сложные и даже нерешаемые задачи. Впрочем, каждый считал, что неразрешимых вопросов не будет.

Первой проблемой была судьба Германии. Напомним, что согласно ялтинским соглашениям она должна быть расчленена. Но теперь против этого выступал Сталин. Расчленения пока не произошло, однако Германия была разделена на зоны оккупации, Франция тоже получила свою долю за счет английской и американской — и в самом Берлине.

Сталин знал, что времена изменились и не надо питать иллюзий. Еше в конце апреля, за неделю до самоубийства Гитлера, Молотов, который был в Сан-Франциско на учредительной сессии ООН, имел очень неприятную встречу с президентом Трумэном. Президент США прямо заявил, что «Сталин должен держать слово» и что Америка больше не будет «ездить по улице с односторонним движением». Он потребовал соблюдения ялтинских соглашений, в том числе по Польше, и сказал, что Польша — символ будущего американо-советского сотрудничества. Резкий тон Трумэна покоробил Молотова. Позднее Гарриман назвал это «началом "холодной войны"». Кстати, тогда же Гарриман заявил в Сан-Франциско, что СССР строит свою империю в Восточной Европе, а Соединенные Штаты должны воспрепятствовать «эффекту домино».

Но, зная это, Сталин понимал, что не может быть одномоментных превращений в историческом процессе, полном борьбы различных тенденций и интересов. У него в кармане было полно собственных козырей. И главный — двенадцатимиллионная армия победителей.

Конечно, это был торг, все хотели мирно договориться. Можно было поспорить, поторговаться, а в случае нестыковки — передать вопрос на обсуждение министров иностранных дел.

Сталин внес в повестку дня конференции вопросы о репарациях, разделе германского флота, о восстановлении дипломатических отношений со странами — союзницами Германии, но порвавшими с ней после освобождения (Болгария, Венгрия, Финляндия, Румыния), о ликвидации польского эмигрантского правительства в связи с созданием Польского правительства национального единства; о режиме Франко в Испании, о судьбе подмандатных территорий и бывших колоний, о передаче СССР Кёнигсберга, о проливах.

Сталин шутил, был уверен и находчив. Как писал Черчилль, «его легкая дружелюбная манера держаться была в высшей степени приятной». Однако в полемике с Трумэном, Черчиллем и (после победы лейбористов на выборах) новым премьер-министром Англии К. Эттли Сталин был неподражаем. Как только он видел, что союзники подставляются, ловил их на противоречиях, дополняя это иронией. Так, ему удалось добиться признания правительств Болгарии, Румынии, Венгрии, Фин-

ляндии, против чего возражали союзники, «прицепив» этот вопрос к их предложению признать правительство Италии и принять ее в ООН. На возражения, что в этих четырех странах еще не проведены демократические выборы, что с ними не заключены мирные договоры, он ответил: а разве с Италией по-другому? Не признаете «наших», не признаем и «ваших».

Порой он выставлял Черчилля смешным. Например, на заседании 22 июля, когда зашел разговор о колониальных владениях Италии в Триполитании, между Сталиным, Черчиллем и Трумэном случилась забавная пикировка:

«*Сталин.* Из печати, например, известно, что г-н Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел? *(Смех.)* Это очень интересный вопрос.

Черчилль. Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии.

Трумэн. Все?

Сталин. А Берлин взяла Красная Армия. *(Смех.)*»[524].

После поражения Италии союзники договорились разделить поровну ее флот, а также лишить ее колоний. США не возражали, чтобы Триполитания (нынешняя Ливия) стала подмандатной территорией, управляемой СССР, — это было зафиксировано в переписке советского посла Громыко со Стеттиниусом в июне 1945 года, то есть накануне конференции.

Кроме того, Советский Союз обозначил свои интересы в Турции (проливы, возвращение городов Карса и Ардагана) и создание военных баз в Норвегии (на островах Шпицберген и Медвежий) и Дании (на острове Борнхольм, где в тот момент стояли советские войска).

При этом Сталин понимал, что все не уступят, но тогда можно было бы и поторговаться.

О вопросах же репараций, обеспечения западной границы Польши, получения третьей части германского флота, неизбежности наказания главных нацистских преступников он говорил откровенно и твердо.

Но не стоит думать, что он чувствовал себя всесильным. Это далеко не так. Например, ему пришлось уступить в требовании 30 процентов германского золотого запаса, который был захвачен союзниками. Правда, он за свой отказ выторговал увеличение репараций, но обмен был явно неравноценным. Не смог он добиться и пересмотра конвенции Монтре, определявшей режим судоходства в черноморских проливах, и устройства советской военной базы рядом с ними. Хотя Черчилль обещал Сталину поддержку в этом вопросе, союзники факти-

чески провели его, записав в протокол как обязательное условие — согласование с турецким правительством.

Насколько не просто было Сталину, свидетельствует тот факт, что он из-за недомогания даже пропустил один день переговоров (29 июля), тогда его заменил Молотов.

В общем, наш герой сделал все, что мог. Безусловно, он был потрясен, хотя и не подал виду, когда Трумэн сообщил ему, что Америка располагает новой бомбой «исключительной силы». Значит, снова предстояла изматывающая гонка. Опять надо было забыть о всяком покое и напрягать силы. «Иначе нас сомнут».

Еще одно важное решение было отвергнуто Сталиным в Потсдаме. Оно касалось создания новой мировой финансовой системы, в которой СССР должен был принимать полноправное участие.

В Потсдаме Трумэн переиначил идею своего предшественника (создать международную валютную систему как аналог коллективного Совета Безопасности ООН, где у СССР были бы реальные права) на сугубо американское управление международными финансами. Германское золото, которое бесцеремонно увели от советских претензий, объявив, что оно принадлежало оккупированным странам, а не Германии, должно было пойти на укрепление МВФ, ВБ и «международного доллара».

Созданные для реализации этого плана МВФ и ВБ должны были получить все «бесхозное» золото мира: «нацистское», «еврейское», свергнутых монархов Италии и Югославии, а также «царское золото» (свыше трех тысяч тонн), отправленное Николаем II для закупки оружия в США, Англию и Францию. К осени 1917 года Россия получила из заказанного объема всего на четверть стоимости отгруженного золота.

Наступивший мир был совсем не таким, каким его ожидали увидеть советские победители. Запад смотрел на Москву все более враждебно. Сталину пришлось маневрировать в попытке сохранить лицо и отступать. Его главная идея — иметь на западных границах страны с дружественными правительствами, а также свободный выход к южным морям — постоянно оспаривалась.

Еще в январе 1945 года (до Ялтинской конференции) СССР попытался заключить с правительством Ирана договор на право разведки и разработки нефтяных месторождений в северных провинциях, Иранском Азербайджане. Узнав об этом, Черчилль категорически возражал: намерение Москвы воскресило борьбу начала XX века России и Британской империи в этом регионе, закончившуюся тогда разделением интересов двух госу-

дарств в Персии. Сейчас же Англия не собиралась допускать русских к «своей» нефти. Госдепартамент США тоже выступил против проникновения СССР в этот регион. Однако Рузвельт не стал принимать никаких мер, и дело отложили до более подходящего случая.

Здесь Сталин боролся только против англичан, американцев не интересовал Иран: еще в феврале 1944 года Рузвельт указал английскому послу в Вашингтоне Галифаксу схему раздела на Ближнем Востоке: «Персидская нефть ваша. Нефть Ирака и Кувейта мы поделим. Что касается Саудовской Аравии, она наша»[525].

Этот случай пришелся на послепобедный год. 9 ноября 1946 года советские и английские войска должны были быть выведены из Ирана. Но Москва не торопилась. На угрозу американцев вынести вопрос вывода войск на обсуждение в ООН Сталин, по словам Д. Кеннана, заметил: «Мы со стыда не умрем».

В сентябре 1945 года недавно образованная Демократическая партия Азербайджана потребовала предоставить южному Азербайджану национально-культурную автономию, затем продекларировала о ее создании. Тогда же и в Иранском Курдистане возникло национальное правительство.

Поставив на шахматном поле Ирана эти две новые фигуры, Сталин, как казалось в Кремле, заметно улучшил свою позицию. И он добился своего, правда, только внешне. В мае 1946 года советско-иранская нефтяная компания была создана, шах подписал учредительные документы с одним условием: их должен одобрить меджлис. Войска были выведены, а депутаты меджлиса проголосовали против.

Это была обычная практика Сталина: напор, стойкость и только в крайнем случае — уступки.

Параллельно атомным бомбардировкам 6 и 9 августа японских городов Хиросимы и Нагасаки, предпринятым США для устрашения противника, СССР 8 августа объявил войну Японии. 10 августа Токио сделал заявление о готовности капитулировать, 14 августа — о безоговорочной капитуляции. 15 августа Япония подписала перемирие с США, Англией, Китаем. В это время части Красной армии продолжали военные действия, чтобы обеспечить занятие Ляодунского полуострова, где находились Порт-Артур и порт Дальний.

На этом фоне выделяется один эпизод сотрудничества СССР и США. 11 августа в два часа ночи английского посла Керра и американского — Гарримана пригласили к Молотову. Советский министр сообщил, что согласен с предложением

США относительно демократизации Японии после окончания войны, и высказал мнение, чтобы у союзников было два верховных главнокомандующих — генерал Макартур и маршал Василевский. На это Гарриман твердо ответил, что США воюют с Японией четыре года, а СССР — два дня и что верховным будет только американец.

Американцы не собирались допускать союзника в Японию. Ранее согласованный с американцами советский десант на Хоккайдо был в последний момент ими отменен, хотя в Москве уже планировали включить этот остров в свою зону оккупации. Возражение Гарримана против совместного управления (по примеру Германии) побежденной Японией показало Сталину, что Трумэн стремится максимально ограничить Советский Союз в победных завоеваниях.

Одиннадцатого августа, в день встречи Молотова с Гарриманом, Трумэн распорядился сразу же после капитуляции Японии занять порт Дальний. Впрочем, когда американские морские пехотинцы добрались до Дальнего, они увидели там советских солдат.

Вскоре Трумэн в категоричной форме потребовал от Сталина предоставить право базирования американских ВВС на Курильских островах. Наш герой ответил, что так разговаривают с побежденной страной, но Советский Союз не побежден.

Подчеркнем, несмотря на то, что мир продвигался к новому противостоянию, общее союзническое прошлое было еще сильно укоренено в сознании руководства и реально существовало как политический фактор. К тому же Сталин знал, что военное руководство США и Англии отдает себе отчет в мощи сухопутных войск СССР.

Вскоре Сталин получил предложение из Вашингтона об условиях финансовой помощи. Экономические потери СССР были огромны, помощь — желанна.

По-видимому, Сталин еще не до конца освободился от представлений военного времени и воспринимал перспективы сотрудничества с союзниками как продолжение своеобразного ленд-лиза. На самом же деле никакого ленд-лиза больше быть не могло.

Но о ленд-лизе надо сказать особо как об обмене возможностями: Советский Союз выставил против общего врага самую сильную армию, а союзники поддержали его оружием и материалами, оплатив военными поставками жизни советских солдат и сохранив жизни своих парней. Было поставлено из США, Англии и Канады различного вооружения, боеприпасов, автомобилей, заводского оборудования, сырья, металлов, авиационного бензина, обуви, тканей, продовольствия на 11 мил-

лиардов 260 миллионов 344 тысячи долларов. Это около четырех процентов валового промышленного производства в СССР. При этом надо учесть, что отдельные виды техники (десантные суда, неконтактные минные тралы, отдельные типы радиолокационной и гидроакустической аппаратуры) в СССР тогда не производились[526].

Глава шестьдесят седьмая

Начало «тайной войны». Болезнь Сталина. Молотов согласен на либерализацию режима, его называют «преемником». Ярость Сталина. Усиление контроля за соратниками

Двадцатого августа, спустя две недели после применения ядерного оружия, ГКО создал Специальный комитет для подготовки и производства атомной бомбы (Берия — председатель, Маленков, Вознесенский, Первухин, Ванников, Завенягин, Курчатов, Капица). Интенсивная работа по созданию нового оружия продолжилась с новой силой.

После этого с изысканным простодушием в журнале «Новое время», часто используемом для неофициальных зондажей, появилась статья об американской атомной бомбе. Ее главный вывод адресовался Вашингтону, и в нем утверждалось, что агрессивные высказывания в США по поводу использования ядерного оружия для руководства миром являются выражением мнения малой группки реакционеров, а не президента Трумэна. Таким образом, хозяин Белого дома мог высказаться по этой теме.

Вскоре Трумэн откликнулся. Ответ не оставлял надежд Москве, из него следовало, что Америка не будет делиться новыми секретами ни с кем, что она не признает просоветские правительства в Восточной Европе, что СССР не получит контроля над проливами и что обладание атомной бомбой будет влиять на политику США.

Надо сказать, что между статьей в «Новом времени» и выступлением Трумэна в Лондоне состоялась первая сессия Совета министров иностранных дел (СМИД), где обсуждались проблемы мирных договоров для Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Финляндии. Там Молотову было прямо отказано в праве опеки над Триполитанией и в праве участия в работе контрольной комиссии по Японии. США не были намерены заключать мирные договоры с Болгарией и Румынией. Словом, Америка не хотела признавать сферу интересов Советского Союза. К тому же, Молотов сделал серьезную ошибку: сог-

ласился на участие в сессии французского и китайского министров, хотя в Потсдаме было решено не приглашать их к обсуждению европейских дел. Они и выступили против СССР. Получив выговор от Сталина, Молотов потребовал изменить процедуру, намекнув, что это мнение Сталина. Раскрыв позицию вождя, он совершил вторую ошибку.

В целом конференция закончилась ничем. Чего стоит высказывание английского министра Э. Бевина: «Советско-британские отношения дрейфуют в том же направлении, что и прежние наши отношения с Гитлером»[527].

Восьмого октября Сталин на поезде отбыл в Сочи (и Гагра) в отпуск. Он тяжело заболел. Светлана Аллилуева говорит об этом в общих чертах: «Отец заболел и болел долго и трудно»[528]. Владимир Аллилуев прямо указывает на инсульт. Из справки об отпусках Сталина известно, что в 1945 году он отсутствовал в Москве с 9 октября по 17 декабря[529].

Инсульт — это кровоизлияние в мозг, чаще всего он заканчивается либо смертью, либо параличом, полной или частичной потерей работоспособности. Сталин же выкарабкался за два с половиной месяца, что позволяет считать, что у него был гипертонический криз.

Двадцать четвертого октября Сталин на даче в Гагре принял Гарримана, который привез личное послание Трумэна от 14 октября о созыве мирной конференции. Американский посол явно хотел убедиться в дееспособности нашего героя, ему с некоторой задержкой это позволили сделать. Сталин встретил посла на пороге дома и после приветствия сказал, что все сообщения американцев поступают к нему немедленно. Так он намекнул, что не было никакой нужды Гарриману рваться сюда. Прошли в кабинет, где начался сдержанный разговор. Сталин повел речь о положении в Японии, где, как он считал, необходимо создать союзную контрольную комиссию для управления страной, в которой сейчас безраздельно хозяйничали американцы под командованием генерала Макартура. Сталин выразил несогласие с таким порядком. Его тон был решительным: «Советский Союз, как суверенное государство, имеет самоуважение. Но ни одно решение, принятое Макартуром, не было передано этому правительству. Фактически Советский Союз стал сателлитом Соединенных Штатов на Тихом океане. Эту роль СССР принять не может. С Советским Союзом не обращались как с союзником. Но Советский Союз не будет сателлитом Соединенных Штатов ни на Дальнем Востоке, ни в каком другом месте»[530].

По воспоминаниям Гарримана, Сталин произнес: «Долгие годы американцы жили, руководствуясь политикой изоляции.

Может быть, и России лучше уйти в изоляцию?»[531] Посол уловил подтекст и ответил, что политика изоляции будет означать «поддержку советского доминирования во всей Восточной Европе».

Сталин был сильно задет. На протяжении двух десятков лет Япония была постоянным источником угроз для России, и теперь он хотел положить этому предел. Кроме того, надо учесть и такой малоизвестный факт, что он всегда помнил неудачную для России Русско-японскую войну 1905 года, и к числу его любимых песен относились «Варяг» и «На сопках Маньчжурии», пронизанные трагическим чувством. (Добавим, что территориальные потери Россия понесла тогда из-за поддержки Токио Вашингтоном и Лондоном.)

Через месяц Гарриман написал в Госдепартамент США, что для Сталина «вопрос Японии» связан с «вопросом Румынии и Болгарии» и он там не уступит, если не будет учтена позиция СССР в Японии.

Они по-разному воспринимали идею сотрудничества. Сталин ни в чем не собирался ослабить безопасность Советского Союза и его суверенитет; использование ядерной угрозы в дипломатическом диалоге он считал неприемлемым. Его логика была проста и созвучна настроению народа: «Они хотят украсть нашу Победу!» Без Победы как главного завоевания эпохи индустриализации само существование Советского Союза лишалось сакрального смысла, как лишалось смысла и само правление Сталина.

В борьбе стран за мировые ресурсы, коммуникации и влияние есть несколько страниц, в которых особенно ярко отражена ее непримиримость. Возможно, «непримиримость» — слишком нейтральное слово.

Как правило, о «специальных операциях» общество узнает спустя многие годы после их завершения, а чаще всего — не узнает никогда. То, что скрыто от взглядов современников за переговорами дипломатов и конфликтами глав государств, можно назвать постоянно ведущимися военными действиями различной интенсивности.

После окончания Второй мировой войны взаимоотношения СССР и США могли развиваться в союзническом направлении, если бы Сталин согласился принять американский заем на очень трудных условиях. Но было ли это реально?

Четырнадцатого сентября 1945 года, спустя две недели после капитуляции Японии, делегация членов конгресса США под руководством М. Колмера прибыла в Москву и встрети-

лась со Сталиным. В обмен на экономическую помощь американцы выдвинули ряд требований: вывести советские войска из Восточной Европы; не оказывать политической поддержки правительствам этих стран; раскрывать содержание торговых договоров с этими странами; сообщить, какая часть советского производства идет на вооружение; раскрыть важнейшие данные об экономике и дать возможность контроля за правдивостью этой информации; гарантировать защиту американской собственности; предоставить свободное распространение в СССР американских кинофильмов, газет и журналов.

Если ранее руководство СССР желало получить помощь США, то после предъявления условий это желание исчезло. Сталин понял, что с ним разговаривают как со слабым, если не обреченным.

Наличие атомной бомбы делало позицию США сверхсильной. Перед переговорами 4 сентября командованию ВВС США была поставлена задача: «Отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории». В список городов для бомбардировки были включены Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль.

Анализ ситуации показал, что даже после ядерного удара СССР будет в состоянии захватить Западную Европу и не будет выключен из военных действий. Планирование ядерной атаки продолжилось и продолжалось в полной уверенности в собственной неуязвимости до 25 сентября 1949 года, когда Советский Союза заявил, что у него тоже есть атомная бомба.

Впрочем, невидимая война состояла не только из подготовки ядерного нападения. У нее были гораздо более изощренные средства. И применял их один из самых опытных в стратегическом планировании американских разведчиков Аллен Даллес. Если использовать терминологию мистических образов, то его можно назвать самим дьяволом.

Впервые Даллес, глава миссии Управления стратегических служб (УСС) США в Швейцарии, столкнулся со Сталиным в феврале 1945 года, когда вел переговоры с генералом Карлом Вольфом, руководителем подразделений СС в Италии, об условиях капитуляции немецкой армии под командованием Кессельринга в Италии, об этих переговорах стало известно советской разведке, и Сталин сделал вполне логичный вывод, что в случае капитуляции германская «итальянская» армия вскоре окажется на Восточном фронте.

В итоге Рузвельт приказал свернуть переговоры, Даллес вынужден был остановить свою выигрышную комбинацию.

Однако вскоре (президентом уже был Трумэн) Даллес представил доклад о национальной безопасности, который полностью менял направление деятельности спецслужб. Главная идея доклада: если США будут пассивны, они проиграют Советскому Союзу, поэтому следует проводить постоянные тайные подрывные операции против СССР и его союзников. Концепция Даллеса: 10 процентов обычной разведки и 90 процентов тайной войны.

Это означало вмешательство во внутренние дела советского блока, подталкивание его руководителей к ошибочным действиям, создание ситуаций, порождающих подобные действия. В этом стремлении Даллес должен был понимать, что столкнется с лучшей в мире разведкой, уже обыгравшей его однажды и имеющей огромный опыт таких действий.

Однако замысел Даллеса не ограничивался одной или несколькими операциями. Это будет непрерывный поток действий, который должен разрушать государство противника. Это будет наказание Советскому Союзу, дерзнувшему возглавить противостояние Западу.

Сталин понял, что пойти на соглашение с Трумэном означает скорое введение в СССР экономического и политического контроля США, многопартийности, независимости прессы и других демократических свобод, в результате чего Советский Союз как великая держава исчезнет, а он, Сталин, в лучшем случае потеряет власть, а в худшем — и жизнь.

Седьмого ноября 1945 года на торжественном заседании в честь 28-й годовщины Октябрьской революции с докладом выступил Молотов. Он сказал, что будет ошибкой использовать атомную бомбу как средство давления в международных отношениях, и пообещал, что СССР будет иметь «атомную энергию и много других вещей». Он имел в виду ракетное оружие, разработки которого велись под руководством Сергея Королева, руководителя будущей космической программы, и Маленкова.

Фактически начиналась военная мобилизация. Во что она должна была обойтись, трудно было сказать. Но уже то обстоятельство, что надо было соответствовать расходам США с их колоссальной экономической мощью, говорило о грандиозности задачи. Ответом на вызов были призыв к патриотизму, создание «шарашек», закрытых научных центров и лабораторий в системе ГУЛАГа, усиление идеологической борьбы, борьбы с космополитизмом, усиление экономического давления на население.

Пятнадцатого ноября на встрече Трумэна, К. Эттли и премьер-министра Канады М. Кинга было заявлено, что способ производства атомного оружия должен быть сохранен в секрете от всех, и предлагалось создать в ООН комиссию «с целью полностью устранить» возможность применения атомной энергии в военных целях. Таким образом, декларировалась цель: не допустить СССР к обладанию атомным оружием.

Никто не может сказать, что произошло бы в СССР, если бы в это время Сталин умер. Пошли бы его наследники на уступки Западу? Эта мысль должна была тревожить Сталина: что он оставит после себя? За годы войны в стране выросло много нового, сложились своеобразные группировки в армии, промышленности, торговле и распределении товаров. В партийном руководстве это тоже стало заметным. Группа Маленкова — Берии и ее кадры заняли доминирующие позиции в партии, экономике, органах безопасности. В армии на роль лидера претендовал Жуков. В регионах укрепились клиентелы первых партийных секретарей. В самых же низах ширилось настроение едва ли не анархической воли у демобилизовавшихся из армии солдат. В деревнях, испытывавших страшные тяготы, распространялось ожидание роспуска колхозов и разрешения вольной торговли.

В ноябре и декабре 1945 года в высших кругах советского руководства разыгралась настоящая буря. Началась она после публикации в «Правде» выдержек из речи Черчилля, в которой он дал высокую оценку роли Сталина на посту Верховного главнокомандующего в годы войны. Сталин был в отпуске, его замещал Молотов, санкционировавший публикацию. 10 ноября грянул гром: Сталин прислал «четверке» телеграмму: «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалениями России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР... Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас теперь имеется немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают в нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу... Советские люди не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня»[532].

Молотов в ответе Сталину признал публикацию речи Черчилля своей ошибкой. Но этим дело не кончилось.

Третьего декабря английское информационное агентство «Рейтер» сообщило, что в Москве ослаблена цензура в отношении иностранных корреспондентов. Цензура НКИД действительно стала либеральнее. Еще 7 ноября на приеме в честь годовщины Октября Молотов заявил американскому корреспонденту: «Я знаю, что вы, корреспонденты, хотите устранить русскую цензуру. Что бы вы сказали, если бы я согласился с этим на условиях взаимности?»[533]

Первого декабря «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью московского корреспондента о разногласиях в Политбюро по поводу оценок Лондонской конференции министров иностранных дел и недовольстве Сталина неуступчивой позицией США и Англии.

Понятно, что в сумме все эти события вызвали гнев Сталина. Выходило, что за время болезни готовятся его отстранение от власти, либерализация режима, допущение иностранной прессы (первый признак западного контроля) к обсуждению тайн советской политики.

Второго декабря Сталин, получив информацию о сообщении в «Дейли геральд», позвонил Молотову и обругал его. После этого он прочитал о публикации «Нью-Йорк таймс» и направил шифровку в адрес ЦК Молотову, Берии, Микояну, Маленкову. Вывод: «Надо привлечь Молотова к ответу».

Реакция последовала тут же. Вся четверка сообщала, что «дали указания о строгой цензуре», обязали отдел печати НКИД докладывать Молотову и Вышинскому о телеграммах иностранных корреспондентов, уволили заместителя начальника отдела печати Горохова. В общем, это была отписка.

Шестого декабря Сталин отправил новую телеграмму: «Москва, ЦК ВКП(б) т. т. Маленкову, Берия, Микояну.

Вашу шифровку получил. Я считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом наивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, то есть Молотова, с другой стороны. Что бы Вы там ни писали, Вы не можете отрицать, что Молотов читал в телеграммах ТАССа и корреспонденцию "Дейли Геральд", и сообщения "Нью-Йорк Таймс", и сообщения Рейтера. Молотов читал их раньше меня и не мог не знать, что пасквили на Советское правительство, содержащиеся в этих сообщениях, вредно отражаются на престиже и интересах нашего государства. Однако он не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не вмешался в это дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей фигурирование таких

пасквилей особенно после того, как он дал обещание иностранным корреспондентам насчет либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нащей политики. А Молотов присвоил себе это право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквили входят в план его работы?

Присылая мне шифровку, Вы рассчитывали, должно быть, замазать вопрос, дать по щекам стрелочнику Горохову и на этом кончить дело. Но Вы ошиблись так же, как в истории всегда ошибались люди, старавшиеся замазать вопрос и добивавшиеся обычно обратных результатов. До Вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем.

Эту шифровку я посылаю только Вам трем. Я ее не послал Молотову, так как я не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я Вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, но копии ему не передавать»[534].

Обвинения были серьезнейшие: «не дорожит интересами нашего государства».

Но что означали слова: «Не верю в добросовестность некоторых близких ему людей»? Сталин имел в виду Полину Жемчужину, жену Молотова? Теперь в Москве поняли, что дело приняло опасный оборот.

«Вашу шифровку получили. Вызвали Молотова к себе, прочли ему телеграмму полностью. Молотов, после некоторого раздумья, сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился.

Мы со своей стороны сказали Молотову о его ошибках:

1. Мы напомнили Молотову о его крупной ошибке в Лондоне, когда он на Совете Министров сдал позиции, отвоеванные Советским Союзом в Потсдаме, и уступил нажиму англоамериканцев, согласившись на обсуждение всех мирных договоров в составе 5 министров. Когда же ЦК ВКП(б) обязал Молотова исправить эту ошибку, то он, сославшись без всякой нужды на указания Правительства, повел себя так, что в глазах иностранцев получилось, что Молотов за уступчивую политику, а Советское правительство и Сталин неуступчивы...

5. Наконец, мы сказали Молотову, что все сделанные им ошибки за последний период, в том числе и ошибки в вопросах цензуры, идут в одном плане политики уступок англо-амери-

канцам, и что в глазах иностранцсв складывается мнение, что у Молотова своя политика, отличная от политики правительства и Сталина, и что с ним, с Молотовым, можно сработаться»[535].

В заключение Маленков, Берия, Микоян заверяли, что «не может быть и речи о замазывании вопроса с нашей стороны».

Молотов прислал отдельное покаяние: «Вижу, что это моя грубая, оппортунистическая ошибка, нанесшая вред государству... Постараюсь дслом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мнс дороже жизни»[536].

Но Сталин не успокоился. 8 декабря он пишет «тройке»: «Шифровка производит неприятное впечатление ввиду наличия в ней ряда явно фальшивых положений. Кроме того, я не согласен с Вашей трактовкой вопроса по существу».

Девятого декабря Сталин снова отсылает телеграмму, но теперь он успокоился и объясняет свою позицию: «Анализируя события внсшнсй политики за период от Лондонской конференции пяти министров до предстоящей конференции трех министров в Москве, можно прийти к следующим выводам:

...Одно время Вы поддались нажиму и запугиванию со стороны США, стали колебаться, приняли либеральный курс в отношении иностранных корреспондентов и выдали свое собственное правительство на поругание этим корреспондентам, рассчитывая умилостивить этим США и Англию. Ваш расчет был, конечно, наивным. Я боялся, что этим либерализмом Вы сорвете нашу политику стойкости и тем подведете нашс государство. Именно в это время вся заграничная печать кричала, что русские не выдержали, они уступили и пойдут на дальнейшие уступки. Но случай помог Вам, и Вы вовремя повернули к политике стойкости. Очевидно, что, имея дело с такими партнерами, как США и Англия, мы не можем добиться чего-либо серьезного, если начнем поддаваться запугиваниям, если проявим колебания. Чтобы добиться чего-либо от таких партнеров, нужно вооружиться политикой стойкости и выдержки»[537].

Глава шестьдесят восьмая

Рузвельт никогда не вернется. Провал советской разведки в Канаде. Советский «неодекабризм». Передвижки в кремлевском руководстве. «Дело авиаторов». Американцы отказали в кредите

В этом коротком эпизоде борьбы внутри сталинской группировки вдруг отразилось будущее противостояние между вождем и «наследниками». Отныне у него появились сомнения.

Назначенную на декабрь конференцию СМИДа Сталин уже проводит под своим контролем. Фактически это была последняя попытка Запада и Востока договориться. Участие в ней Сталина внушало надежды.

И действительно, воспоминание о Ялте ощущалось переговорщиками, словно вернулся Рузвельт. Это случилось потому, что Бирнс олицетворял прежнюю, уходящую в прошлое политическую линию и считал, что неконфронтационное обсуждение проблем более продуктивно и перспективно. Сталин умел идти на компромиссы. После лобового столкновения в Лондоне Московская конференция имела иной психологический фон.

Действительно, провал Лондонской конференции СМИДа и явная готовность Сталина «послать» союзников, если они вздумают продолжить бескомпромиссное давление, поставили перед Вашингтоном и Лондоном вопрос об их готовности отказаться от механизмов послевоенного мирного урегулирования. Поэтому в Москве жесткая позиция Сталина принесла свои плоды. В итоге не забвение американцами британских интересов (до которых им и впрямь было мало дела), а более универсальные причины привели к тому, что союзники согласились уступить в Румынии и Болгарии при условии введения в существующие там правительства по два представителя от оппозиции.

Зато удалось достичь общего компромисса: стороны согласились создать Дальневосточную комиссию и Союзный совет с участием СССР, что позволяло Москве как-то влиять на оккупационную политику в Японии; были согласованы состав будущей мирной конференции и создание Комиссии ООН по атомной энергии.

Это был успех Сталина. Вернувшись из отпуска, он продемонстрировал соратникам силу и результативность. Ему казалось, что можно вернуться к прежним «рузвельтовским» отношениям в мировой политике. Он даже возобновил с Бевиным разговор о Триполитании, говоря, что у «Великобритании есть Индия», «у США есть Япония и Китай, а у Советского Союза ничего нет».

Англичанин, разумеется, не поддался. Он сказал, что влияние СССР и так протянулось «от Любека до Порт-Артура», мол, и так хорошо.

Огорченный итогами конференции, Бевин жаловался в кулуарах американцам, что СССР «трется о Британскую империю» в стратегически важных районах — Греции, Турции, Иране. Этот образ «трущегося» о британские крепости гиганта дает представление о настроениях Лондона.

Сталин же, воодушевленный успехом Московской конференции, возобновил с Гарриманом разговор о кредитах. Подтекст обращения легко прочитывался: почему бы нам и в этом

не вернуться к наследию Рузвельта? Подразумевалось, что предложение Колмера о кредитах и жестком контроле за их использованием — это чепуха.

Но ситуация развивалась не так, как предполагали в Кремле. Еще 5 сентября 1945 года из советского посольства в Канаде сбежал шифровальщик разведывательной резидентуры Игорь Гузенко и выдал американцам советских агентов, работавших по атомной проблематике в США, Англии и Канаде. Отныне западным партнерам Сталина становилось понятно, что они недооценивали «дядюшку Джо». Пожалуй, они впервые задумались над тем, что может быть, если ядерная монополия выскользнет из их рук.

Советское общество вышло из войны совершенно новым. Чувство победы делало людей великанами, объединяло ожиданием светлого будущего. Но в отличие от США, где война принесла почти удвоение национального богатства, Союз выглядел как побежденная страна. Это противоречие между ожидаемым и реальным было потенциально опасным: бывшие фронтовики несли в себе мощный заряд духовной свободы и могли соорганизоваться в политическую силу. Победа как окончание войны и Победа как начало новой войны превращали повседневную и политическую жизнь в источник непонятного населению напряжения. Можно сказать, у народа заканчивался запас прочности.

Так, на оборонных заводах в Казани, Омске, Новосибирске в июле — сентябре 1945 года прошли волнения, рабочие требовали улучшения условий труда, а многие — возвращения в родные места, откуда они были эвакуированы или мобилизованы.

Психологический настрой был таков, что население воспринимало действительность в более темных красках, чем она выглядела на самом деле. Например, в реальности наблюдалось значительное снижение преступности по сравнению с предвоенными годами, а казалось, что она растет и на улицах стало гораздо опаснее. В 1940 году в Москве было зарегистрировано 65 997 уголовных преступлений, в 1945-м — 16 418, в 1946 году — 20 785, а в последующие годы уровень преступности снижался. Только вооруженных ограблений стало намного больше: в 1940 году — 26, в 1946 году — 103, в 1947 и 1948 годах — по 175[538].

Седьмого июля 1945 года была объявлена амнистия, освобождались от наказания осужденные на небольшие, до трех лет, сроки заключения. Уголовников-рецидивистов амнистия не касалась.

Однако общее впечатление от «вольных» фронтовиков, которые могли запросто открыть стрельбу из трофейного оружия ради куража или подраться с милиционером, было таково, будто все демобилизованные восемь миллионов человек готовы к антиобщественным поступкам.

Конечно, восемь миллионов солдат и офицеров, знающих цену жизни и смерти, — это небывалая сила. Не случайно в отношении их употреблялось определение «неодекабристы», хотя организационно этот «декабризм» не был никак оформлен.

Были отдельные эксцессы, недовольные разговоры в компаниях, критика в адрес Сталина как высшего правителя, но не более того. Для руководства страны это явление пока не представляло опасности, но с усилением внешнего давления из этой среды могла вырасти оппозиция.

Двадцать девятого декабря 1945 года состоялось заседание Политбюро. ГКО к тому времени уже четыре месяца как был упразднен, поэтому заседание высшего партийного органа символизировало переход к новому управлению. Сталин предложил несколько решений.

Первое. Образовать новые наркоматы — сельскохозяйственного машиностроения и по производству строительных и дорожных машин, что означало углубление конверсии военного производства. Также были разделены несколько наркоматов.

Второе. Снят с поста наркома авиапромышленности и назначен заместителем председателя Совета министров РСФСР А. И. Шахурин. Он был виноват в высокой аварийности производимых авиапромышленностью самолетов, о чем, в частности, сообщил вождю в Потсдаме его сын Василий Сталин.

Третье. Были объединены наркоматы обороны и Военно-морского флота; Сталин остался наркомом, а его заместителем по общим вопросам стал Булганин; таким образом, руководство военного ведомства было укреплено политическим назначенцем.

Четвертое. Было решено сформировать из молодых руководителей группу для работы в посольствах СССР за границей. Этим стремились ликвидировать дефицит дипломатических кадров в увеличившихся в два раза дипломатических представительствах, а также были «разбавлены» старые кадры. В ЦК создавался Отдел внешней политики.

Кроме того, была создана комиссия по внешним делам в составе: Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов.

Существенным решением была и замена Берии в НКВД С. Н. Кругловым, наркомом внутренних дел Украины. Это не было опалой Берии, а всего лишь отражало его сильную заня-

тость атомными делами. Круглов же был выдвиженцем Маленкова. Тем не менее эта подвижка лишала Берию возможности напрямую руководить органами безопасности. Из универсального и всеобъемлющего руководителя он стал «отраслевиком».

В итоге заседания Политбюро позиции Молотова, Берии и военных ослабли, а Сталина, Жданова и Маленкова усилились.

В «деле авиаторов» (нарком Шахурин, маршал авиации А. А. Новиков и др.) были не только производственно-технологические основания. Во время войны действительно допускались большие отклонения от технологии в производстве военной техники, за что на фронте порой расплачивались кровью, но после Победы надо было перестраиваться. А кто мог легко перестроиться? Пока действовали устоявшиеся производственные процессы, технологические операции, согласие армии принимать такую продукцию и полученная в годы войны самостоятельность директоров, до тех пор было трудно говорить об изменениях в настрое элиты.

В «деле авиаторов» было несколько обстоятельств, главное из них — это стремление Сталина укротить получивших большую свободу военных производственников. Он вышел из себя, когда узнал, что маршал авиации Новиков и министр авиапромышленности Шахурин единоличным решением постановили убрать у одной модели самолета «лишний» лонжерон[539].

Война кончилась, а ее порядки продолжали действовать.

Проведя новую настройку своего окружения, Сталин надеялся, что международная обстановка позволит ему более или менее спокойно заниматься восстановлением экономики. Американская разведка считала, что в течение 15—20 лет СССР будет занят восстановлением разрушенного хозяйства и транспортной инфраструктуры. Такой же срок отводился Москве и для получения атомной бомбы. На самом деле первая советская бомба была взорвана уже в августе 1949 года, что стало новой победой Сталина.

В конце 1945 года он предполагал, что у СССР будет передышка. Дело перебежчика Гузенко в принципе не открывало ничего особенного: разведкой занимались все. Несколько месяцев в Канаде молчали, что можно было расценить как нежелание поднимать шум.

Главные события в это время происходили не в Москве и не в Оттаве, а в Вашингтоне. Президент Трумэн 5 января 1946 года вызвал в Белый дом Бирнса и объяснил ему, что компромиссы с Москвой не нужны. Это был ответ на заявления госсекретаря 30 декабря после прибытия из России с конференции СМИДа: что он уверен в возможности мира, который основывается на

справедливости и мудрости. Трумэн видел иное будущее — «пакс Американа»: «У меня нет сомнений в том, что Россия намеревается вторгнуться в Турцию и захватить Черноморские проливы, ведущие в Средиземное море... Если России не противопоставить железный кулак и язык сильных выражений, мы будем на пороге еще одной войны...»[540]

Таким образом, возможность сохранить неконфликтные отношения быстро таяла. 30 января 1946 года Трумэн запросил конгресс о предоставлении Лондону займа почти на четыре миллиарда долларов. В ответ англичане должны были открыть свои рынки для американских услуг и товаров. Великая Британская империя фактически еще раз (после Атлантической хартии) подписывала капитуляцию перед заокеанским «родственником».

Но ведь и Сталин еще не потерял надежд на американскую помощь, что говорит не о его наивности, а о вполне миролюбивых представлениях.

Практически в то же время, когда оформился заем англичанам, 23 января наш герой встретился с американским послом Гарриманом и завел речь о кредите, но услышал в ответ: возникшие трения затрудняют решение этого вопроса. На дипломатическом языке это означало категорический отказ.

Глава шестьдесят девятая

Сталин остается на довоенной теоретической базе. Речь перед избирателями: «СССР прочен, как никогда». «Длинная телеграмма» Д. Кеннана. Речь Черчилля в Фултоне: «железный занавес»

Девятого февраля 1946 года Сталин выступил в Большом театре с речью, посвященной его выдвижению в депутаты Верховного Совета СССР. Это было сугубо внутреннее послание, в нем подводился итог важнейшему периоду истории и ставились задачи будущего развития. Но в Вашингтоне почувствовали в ней угрозу, так как были настроены эту угрозу услышать.

Сталин начал с того, что объяснил причину возникновения войн в капиталистическом мире: «Развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения вперед, а через кризисы и военные катастрофы», «идет борьба за сырье и рынки сбыта, которая циклично обостряется».

Фактически вождь повторил свою мысль, относившуюся к 1930-м годам, когда к такому же выводу пришел и академик Варга.

К Варге он сохранил доверие, приглашал его на Ялтинскую и Потсдамскую конференции и в своих идейно-политических установках постоянно выдвигал на первое место «неизбежность послевоенного экономического кризиса в США». На этот кризис он возлагал большие надежды. Однако так и не дождался его.

Последующий конфликт Сталина с Варгой, который в 1945 году пришел к другим выводам, показывает, что вождь не осознал перемен, произошедших на Западе. Главная идея «послевоенного» Варги: в ходе войны в экономике западных демократий выросла регулирующая роль государства, включены элементы планирования, что сглаживает кризисы.

Впрочем, 9 февраля Сталин не говорил о будущем капитализма, его интересовали другие вопросы. Он сказал, что «война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю», что «победил наш советский общественный строй... и доказал свою полную жизнеспособность».

Говоря о государственной системе (а также о многонациональном Советском Союзе), которая, по мнению иностранной печати, является «искусственным и нежизнеспособным сооружением», Сталин показал, что эти вопросы глубоко волнуют его. Вывод: СССР прочен, как никогда.

Затем были приведены данные экономического роста страны. Он не говорил, что это плоды его руководства, и без того было ясно.

Он сказал, что без коллективизации это сделать было бы невозможно: вспомнил троцкистов и правых уклонистов, которые стремились «сорвать политику партии и затормозить дело индустриализации и коллективизации».

Он объявил, что «в ближайшее время будет отменена карточная система», расширено производство товаров народного потребления, снижены цены.

Ставя задачи на будущее, Сталин сказал, что в ближайшие три пятилетки надо поднять уровень экономики втрое по сравнению с 1940 годом. «Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей».

И тут он произнес такие слова: «Говорят, победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности»[541].

Это высказывание слушатели сопровождали, согласно стенограмме, смехом и аплодисментами. Но с чего бы им смеяться? Вождь снова предложил им тяжелый труд, суровый спрос, подкручивание гаек. А люди радовались и смеялись, доверяя ему. Что ж, тяжелого труда они не боялись.

В США его речь была воспринята двойственно: большинство посчитало, что «это объявление третьей мировой войны», хотя информированные специалисты знали, что это вовсе не так. Но дело было не в информированности, а в том, что Советский Союз не собирался идти по пути Англии.

В начале февраля 1946 года в американской печати началось раскручивание «дела Гузенко». Журналист Дрю Пирсон предъявил обвинение в двуличии, подрывной и шпионской деятельности «небольшой милитаристской группировки на самом верху России, которая, очевидно, намерена подмять не только Иран, Турцию и Балканы, но, возможно, добиваться доминирующего положения в других частях мира»[542].

Шпионское дело приобрело скандальную публичность.

В это же время, 22 февраля, временный поверенный в делах США в Москве Джордж Кеннан направил в Госдепартамент аналитическую записку, которая вошла в историю как «Длинная телеграмма». Документ не содержал откровений, в нем с предельной четкостью была определена перспектива неизбежного противостояния США и СССР. Страница военного союзничества должна быть решительно перевернута, все попытки СССР укрепить свои позиции в мире должны быть отвергнуты политикой сдерживания, иллюзии сотрудничества и компромисса должны быть отброшены. Причем, подчеркивает Кеннан, СССР можно сдерживать, «не прибегая к крупному военному конфликту».

Критика внутренней политики СССР, высказанная американским дипломатом, заслуживает внимания. «Во-первых, Советский Союз в отличие от гитлеровской Германии не привержен к схематичности и авантюризму, действуя не по раз и навсегда разработанным планам. Он не идет на необоснованные риски. Невосприимчивый к логике вещей, он признает логику силы. Исходя из этого, он может отойти назад — что обычно и делал, когда в каком-то пункте сталкивался с ожесточенным сопротивлением. Поэтому, когда ему становилось известно, что противник обладает достаточными силами и готов применить их на деле, он редко бросался в безрассудную атаку. В связи с этим, если та или иная ситуация поддается решению, нет никакой необходимости затрагивать вопросы престижа.

Во-вторых, Советы — не слабаки, когда выступают против всего западного мира. Поэтому их успех или неуспех будет зависеть от степени сплоченности, решительности и энергии, с которыми выступит западный мир. А на этот фактор мы сами сможем повлиять.

В-третьих, советская система как форма внутригосударственной власти еще до конца не изучена. Сейчас необходимо

убедиться, что она хорошо выжила в результате успешной передачи власти от одного лица (или группы лиц) другому. Смерть Ленина стала первым этапом в этой цепи и привела к разорению государства в течение целых 15 лет. Смерть Сталина — второй этап. Но это еще не окончательное испытание для страны. Советская внутренняя система будет теперь во многом зависеть от результатов недавней территориальной экспансии и целой серии дополнительных накладок, с которыми в свое время приходилось иметь дело царизму. У нас есть доказательства, что основная масса российского народа со времен Гражданской войны еще не была эмоционально так далека от доктрины коммунистической партии, как ныне. В России партия стала крупнейшим, а в настоящий момент и высшим аппаратом диктаторского администрирования, превратившись в то же время в источник эмоционального вдохновения. Поэтому внутренняя крепость и постоянство движения не могут рассматриваться как гарантированные.

В-четвертых, вся советская пропаганда вне сферы советской безопасности носит в основном негативный и разрушительный характер. Поэтому борьба с ней не составит большого труда при наличии конструктивной и осмысленной программы»[543].

Заметим, что в этой записке важное место занимает проблема передачи власти после ухода Сталина, то есть возможная борьба за пост лидера, которая, вероятно, будет сопровождаться потрясениями в государстве.

Почему «Длинная телеграмма» была востребована в Белом доме, нетрудно понять. Сталин в речи 9 февраля поставил задачу новой индустриализации и самообороны, а Кеннан ответил: не уступать нигде.

Но Кеннан был второстепенным чиновником, поэтому пафос его записки должен был быть доведен до мирового сообщества иной фигурой — не официальной, но авторитетной.

Пятого марта Черчилль выступил с речью «Мускулы мира» в Вестминстерском колледже американского города Фултона (штат Миссури) в присутствии президента Трумэна. Это был как раз нужный формат послания «городу и миру». Он сказал о «железном занавесе», протянувшемся «через весь континент от Штеттина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом море».

Черчилль заявил, что ни в коем случае не надо раскрывать России секрет атомного оружия, и даже взывал к довоенному опыту умиротворения Гитлера, чтобы не допустить «повторения подобной катастрофы».

Главная мысль бывшего союзника заключалась в следующем: «Общаясь в годы войны с нашими русскими друзьями и

союзниками, я пришел к выводу, что больше всего они восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную. Поэтому мы должны отказаться от изжившей себя доктрины равновесия сил, или, как ее еще называют, доктрины политического равновесия между государствами. Мы не можем и не должны строить свою политику, исходя из минимального преимущества и тем самым провоцируя кого бы то ни было помериться с нами силами»[544].

Американский кредит экс-премьер отработал полностью.

Тринадцатого марта в «Правде» было опубликовано интервью Сталина. «Установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР» — так он определил суть речи англичанина. Вождь посчитал необходимым снова указать на политику СССР в странах Восточной Европы, отвергая обвинение в экспансии: «Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу». Это означало, что он еще на что-то надеялся.

Но надеяться уже было не на что. Америка наступала, как танковая дивизия на кавалеристов.

Глава семидесятая

Новые наследники. Аресты авиаторов. Опала Маленкова. «Дело Жукова». Настроения генералов

Вот тут-то он снова задумался о преемниках.

Восемнадцатого марта 1946 года накануне сессии Верховного Совета СССР состоялся пленум ЦК ВКП(б). На нем обсудили и кадровые перестановки. В Политбюро вошли Берия и Маленков, кандидатами стали Булганин и Косыгин. Теперь оно выглядело так: Сталин, Молотов, Калинин, Андреев, Жданов, Ворошилов, Микоян, Каганович, Хрущев, Берия, Маленков, кандидаты — Вознесенский, Шверник, Булганин, Косыгин.

Стал секретарем ЦК А. А. Кузнецов, всего год проработавший первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии (в годы войны он был секретарем Ленинградского горкома), и Г. М. Попов, также сохранивший пост руководителя московской партийной организации. Секретариат выглядел так: Сталин, Маленков, Жданов, Кузнецов, Попов.

Появление в Секретариате ленинградца Кузнецова, который возглавил и Управление кадров ЦК, свидетельствовало об укреплении позиций Жданова. Кузнецов фактически стал руководить работой Секретариата и обкомов российских областей.

В Оргбюро появились и другие новые фигуры — переведенный из Челябинска первый секретарь тамошнего обкома Н. С. Патоличев возглавил Оргинструкторский отдел, переведенный из Вильнюса председатель бюро ЦК ВКП(б) по Литве М. А. Суслов — отдел внешней политики, первый секретарь Горьковского обкома М. И. Родионов стал председателем Совета министров РСФСР.

Появление в аппарате ЦК людей из провинции показывает, что Сталин начал новую комбинацию, затрагивавшую интересы старого руководства.

Четырнадцатого марта сессия Верховного Совета приняла решение переименовать Совет народных комиссаров в Совет министров СССР. Казалось бы, зачем менять привычное название? Но всюду в мире были одни министры, никаких комиссаров не было. Старая шинель давно износилась.

Теперь Сталин становился премьер-министром, что в смысловых нюансах указывало на прочность государства и его вождя.

Девятнадцатого марта на сессии Верховного Совета СССР был образован Совет министров СССР. Сталин стал его председателем и министром обороны. В остальном существенных изменений не было.

Но вдруг в сложившемся окружении вождя появляются новые веяния. И уже не Маленков его наследник, а ленинградец Кузнецов!

Тринадцатого апреля Сталин кардинально меняет соотношение сил в аппарате ЦК. Ему была представлена записка Маленкова, Жданова, Кузнецова, Попова с предложениями о распределении обязанностей между секретарями ЦК. Маленков должен был курировать работу ЦК союзных республик, подготовку вопросов к заседаниям Секретариата и Оргбюро и председательствовать там. На Кузнецова возлагались контроль за распределением руководящих кадров в советских и партийных органах, контроль за работой обкомов партии в РСФСР, курирование управления кадров ЦК. На Жданова — контроль за работой пропагандистских органов.

Сталин фактически понизил Маленкова и возвысил Кузнецова. 13 апреля вышло постановление Политбюро, которым распределялись обязанности секретарей ЦК. Кузнецов стал руководить Секретариатом, Маленков — только Оргбюро. К тому же за Кузнецовым оставалось курирование обкомов в РСФСР. Такое усиление позиций новичка свидетельствовало, что он получил статус наследника. Для группировки Маленков — Берия это было знаком смертельной опасности.

В чем они провинились, сразу не скажешь. Теперь Маленков

не был ни заместителем председателя правительства, ни главным в ЦК.

Что ж, настала очередь Берии подвергнуться опале?

Однако ничего подобного не случилось. 28 марта при распределении обязанностей в Совете министров он получил такой объем полномочий, что сразу выделился среди других замов Сталина. В ведении Берии оказались министерства путей сообщения, черной металлургии, угольной промышленности западных районов, угольной промышленности восточных районов, нефтяной промышленности западных и южных районов, транспортного машиностроения, строительства предприятий топливной промышленности, внутренних дел, государственной безопасности, государственного контроля, Главгазтоппром.

Потеряв часть полномочий в партийном аппарате, связка Маленков — Берия укрепилась в экономическом и силовом блоке. Значит, это была не опала, а что-то другое.

Что же именно? Ответ на этот вопрос был дан Сталиным довольно быстро.

В конце апреля были арестованы Шахурин, маршал авиации Новиков, несколько генералов ВВС и два заведующих отделами Управления кадров ЦК, курировавших авиа- и моторостроительную промышленность. Это произошло в результате расследования военной контрразведкой, как свидетельствует Судоплатов, писем «летчиков, жаловавшихся на низкое качество самолетов».

«Сталин пришел в ярость, когда его сын Василий, генерал ВВС, и Абакумов сообщили, что высшие чины авиационной промышленности преднамеренно скрывали дефекты оборудования, чтобы получать премии и награды. Маленков по своему положению в Политбюро отвечал за промышленность и получил Золотую медаль и звание Героя Социалистического Труда за выдающуюся работу в организации производства военной продукции.

Следствие показало, что данные об авиакатастрофах с трагическими последствиями искажались. В основном все эти случаи приписывались ошибкам летчиков, а не недостаткам оборудования. Перед войной за неудачи наказывали строжайшим образом. Когда Валерий Чкалов — летчик, совершивший беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку, — погиб в авиакатастрофе в 1938 году, сотрудник, отвечавший за его безопасность, был арестован и расстрелян за халатность, которая привела к гибели народного героя.

Когда Сталин на совещании высших чинов МГБ в июле 1946 года спросил Абакумова: “Вина Новикова и Шахурина до-

казана. Какую меру наказания вы предлагаете?" — тот без промедления ответил: "Расстрел".

— Расстрелять просто; сложнее заставить работать. Мы должны заставить их работать, — неожиданно сказал Сталин.

Новикова и Шахурина арестовали, и Сталин потребовал получить от них признания для разоблачения военного руководства. Их признания были подшиты к делам маршала Жукова и других генералов и представляли серьезную угрозу для Маленкова»[545].

Напомним, что вождь не выносил обмана, а здесь обман был налицо.

Четвертого мая 1946 года на заседании Политбюро по предложению Сталина было принято постановление:

«1. Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б).

2. Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б).

3. Утвердить секретарем ЦК ВКП(б) т. Патоличева Н. С.

Настоящее постановление внести на утверждение пленума ЦК ВКП(б) (опросом)»[546].

Маленков был передвинут на еще одну ступеньку вниз. Правда, сохранил членство в Политбюро и Оргбюро. Но и Молотов продолжал числиться в Политбюро, а его реальное влияние было низким.

Четвертого мая Политбюро назначило начальника военной контрразведки Абакумова министром государственной безопасности, сместив ставленника Берии Меркулова. Новый министр к таковым не относился. Соответственно, важнейший сектор государственной власти был изъят из-под контроля Берии.

Судоплатов пишет, что между А. А. Кузнецовым и Абакумовым «установились самые тесные дружеские отношения». В окружении Сталина складывался новый центр власти, что должно было привести к открытому противостоянию с группой Маленкова — Берии.

А пока на очереди было «дело Жукова». Великий маршал явно зазнался. До марта 1946 года он являлся главнокомандующим Группой войск в Германии и находился в Берлине. Он часто встречался с Эйзенхауэром, пригласил его в августе 1945 года в Москву, где того принимал Сталин. Жуков давал много ин-

тервью и пресс-конференций иностранным журналистам. Касаясь своей роли, заявлял о своем выдающемся вкладе в победу над Германией. Уж какой славы не хватало ему? Но, видно, чего-то недоставало.

Сталину представили подборку интервью и фотографий Жукова из американской прессы, и он увидел в этом признак не то что самовосхваления, — это можно было бы извинить, — а излишнего расположения к вчерашним союзникам, то есть «молотовский синдром».

Жуковское «фонтанирование» пришлось на крайне сложный для Сталина период взаимоотношений с Западом: ни одного из послевоенных призов СССР не получил. Ни Триполитании, ни базы в проливах, ни Карса и Ардагана, ни концессий в Северном Иране, ни острова Хоккайдо. В мае 1946 года под жестким напором США, грозивших даже войной, пришлось вывести войска из Ирана. Также были выведены войска из Маньчжурии, хотя там успели прочно закрепиться войска китайских коммунистов. При этом американцы своих войск из Китая не вывели. Дажс в районе Синьцзяна, стратегически очень важном, где Москвой была создана Восточно-Туркестанская Республика, пришлось прекратить помощь и оставить территорию.

И на этом мрачном фоне — объявляется кандидат в Наполеоны, герой войны, признанный лидер всей военной верхушки.

«Дело Жукова» вели военные контрразведчики. Из показаний арестованного маршала Новикова выяснилось, что Жуков в узком кругу высказывался о свосй решающей роли в достижении Победы и вообщс вел «антисталинские разговоры».

Первого июня 1946 года состоялось заседанис Высшего военного совета, на котором обсуждалось «дело Жукова». В нем участвовали Сталин, маршалы Жуков, Конев, Рокоссовский, генерал армии Соколовский, маршал бронетанковых войск Рыбалко, генерал армии Хрулев, генерал-полковник Ф. И. Голиков, генерал-полковник Штеменко, все члены Политбюро и Высшего военного совета.

Начало обсуждения не предвещало Жукову ничего хорошего. Сталин попросил секретаря Высшего военного совета Штемснко зачитать материалы допроса Новикова. Из них следовало, что Жуков, обсуждая положение в Ставке, «нелестно отзывался о Сталине».

Маршал Конев о ходе обсуждения рассказывал так: «Суть показаний А. А. Новикова сводилась к тому, что маршал Жуков — человек политически неблагонадежный, недоброжелательно относится к Центральному Комитету КПСС, к правительству, ставилась под сомнение его партийность.

После того как Штеменко закончил чтение, выступил Сталин. Он заявил, что Жуков присваивает все победы Красной Армии себе. Выступая на пресс-конференциях в Берлине, в печати, Жуков неоднократно заявлял, что все главнейшие операции в Великой Отечественной войне успешно проводились благодаря тому, что основные идеи были заложены им, маршалом Жуковым, что он в большинстве случаев является автором замыслов Ставки, что именно он, участвуя активно в работе Ставки, обеспечил основные успехи Советских Вооруженных Сил.

Сталин добавил, что окружение Жукова тоже старалось и не в меру хвалило Жукова за его заслуги в разгроме немецко-фашистской Германии. Оно подчеркивало роль Жукова как основного деятеля и наиболее активного участника в планировании и проведении всех стратегических операций. Жуков против этого не возражал и, судя по всему, сам разделял подобного рода суждения.

— Что же выходит, — продолжал Сталин, — Ставка Верховного Главнокомандования, Государственный Комитет Обороны, — и он указал на присутствующих на заседании членов Ставки и членов ГКО, — все мы были дураки? Только один товарищ Жуков был умным, гениальным в планировании и проведении всех стратегических операций во время Великой Отечественной войны? Поведение Жукова, — сказал Сталин, — является нетерпимым, и следует вопрос о нем очень обстоятельно разобрать на данном Совете и решить, как с ним поступить»[547].

Казалось, это конец Жукова, после заседания его арестуют. Но на самом деле события развернулись по-другому, что явилось для Сталина полной неожиданностью. Выступили Конев, Рыбалко, Рокоссовский, Хрулев — и все в защиту Жукова. Они говорили, что характер у него тяжелый, неуступчивый, но маршал — политически честный человек.

Затем говорил начальник Управления кадров Министерства вооруженных сил Голиков и «вылил на Жукова ушат грязи». «После военных выступили члены Политбюро Маленков, Молотов, Берия и другие; все они в один голос твердили, что Жуков зазнался, приписывает себе все победы Советских Вооруженных Сил, что он человек политически незрелый, непартийный и что суть характера Жукова не только в том, что он тяжелый и неуживчивый, но, скорее, опасный, ибо у него есть бонапартистские замашки.

Обвинения были тяжелые. Жуков сидел, повесив голову, и очень тяжело переживал — то бледнел, то заливался краской. Наконец ему предоставили слово. Жуков сказал, что совершенно отвергает заявление А. А. Новикова; что характер у него не ангельский, это правильно, но он категорически не согласен с

обвинениями в нечестности и непартийности, — он коммунист, который ответственно выполнял всё порученное ему партией; что он действительно признает себя виновным только в том, что преувеличил свою роль в организации победы над врагом»[548].

Итак, стало ясно, что военные не хотят «отдавать» Жукова. Несмотря на дружную поддержку Политбюро, Сталин должен был уступить. Жуков был смещен с поста командующего сухопутными войсками и отправлен в полуотставку — командовать второстепенным Одесским военным округом*. Но вторым Тухачевским он не стал.

Настроения военных действительно вызывали тревогу в Кремле. Они испытали унижение после опалы Жукова, и кульминацией этого события явилась история двух фронтовиков: генерал-полковника В. Н. Гордова, командовавшего в Сталинграде армией, а потом и фронтом, и генерал-майора Ф. Т. Рыбальченко. Оба в начале 1946 года служили в Приволжском военном округе, Гордов — командующим, Рыбальченко — начальником штаба. Однако в процессе борьбы с «жуковским влиянием» были отчислены в распоряжение министра вооруженных сил, что означало либо новое назначение, либо отставку. Генералы встретились в Москве на улице Горького в одном из лучших домов столицы, где у Гордова была квартира. На их беду, квартира была оборудована подслушивающими устройствами, и их разговор был записан.

В итоге на стол Сталина лег следующий документ:

«Совершенно секретно

СПРАВКА

28 декабря 1946 года оперативной техникой зафиксирован следующий разговор Гордова с Рыбальченко, который, прибыв в Москву проездом из Сочи, остановился на квартире Гордова.

Р. — Вот жизнь настала, — ложись и умирай! не дай бог еще неурожай будет.

Г. — А откуда урожай — нужно же посеять для этого.

Р. — Озимый хлеб пропал, конечно. Вот Сталин ехал проездом, неужели он в окно не смотрел. Как все жизнью недовольны, прямо все в открытую говорят, в поездах, везде прямо говорят.

Г. — Эх! Сейчас все построено на взятках, подхалимстве. А меня обставили в два счета, потому что я подхалимажем не занимался.

---

* Позднее Жукова еще дважды трепали: по поводу незаконного награждения им артистов орденами и по поводу трофейных ценностей на его даче.

Р. — Да, все построено на взятках. А посмотрите, что делается кругом, голод неимоверный, все недовольны. "Что газеты — это сплошной обман", — вот так все говорят. Министров столько насажали, аппараты раздули. Как раньше было — поп, урядник, староста, на каждом мужике 77 человек сидело, — так и сейчас! Теперь о выборах одна трепотня началась.

Г. — Ты где будешь выбирать?

Р. — А я ни х... выбирать не буду. Никуда не пойду... Нет самого необходимого. Буквально нищими стали. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут?

Г. — Он все видит, все знает. Или он так запутался, что не знает, как выпутаться?! ...А вот Жуков смирился, несет службу...

Г. — Почему, интересно, русские катятся по такой плоскости?

Р. — Потому что мы развернули такую политику, что никто не хочет работать. Надо прямо сказать, что все колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца.

Г. — Где же правда?

Р. — Думают, Сталин кончится, и колхозы кончатся... Народ очень недоволен.

Г. — Но народ молчит, боится...

В тот же день Рыбальченко выехал из Москвы к месту своего жительства в Куйбышев.

Абакумов»[549].

Тридцать первого декабря 1946 года также был записан разговор Гордова с женой Татьяной Владимировной. Генерал сказал о Сталине: «Что сделал этот человек — разорил Россию, ведь России больше нет!»

В начале января Гордов и Рыбальченко были арестованы и расстреляны 24 августа 1950 года в Лефортовской тюрьме. Всего с 8 по 30 августа 1950 года Военной коллегией Верховного суда было приговорено к расстрелу 20 генералов и маршал авиации С. А. Худяков[550].

Глава семьдесят первая

Голод 1946 года. Не уступить Западу в идейной борьбе! Сталин ставит новые задачи писателям

1946 год был страшным годом. Трумэн, атомная бомба, отступление по всем внешним фронтам — это еще далеко не все. И «дело авиаторов», и «дело Жукова» — тоже не все. К этому добавилась ужасная засуха, а за ней неурожай и голод. Скудные государственные ресурсы шли в первую очередь на оборо-

ну, ядерные исследования, восстановление экономики. В условиях начавшейся «холодной войны» новая беда легла на самых незащищенных людей и прежде всего — на крестьян, инвалидов, одиноких матерей. Ни о какой отмене карточной системы, обещанной на 1946 год Сталиным, теперь речи не шло.

Если 26 февраля 1946 года правительство могло снизить цены на продовольственные товары в коммерческой торговле, что привело к общему падению цен, то уже в сентябре цены выросли в 2—3 раза на продовольствие, распределяемое по карточкам (хлеб, мука, крупы, мясо, масло, рыба, соль, сахар), было объявлено о снижении цен на промышленные товары.

Сталин понимал, что надо хоть как-то подсластить горькую пилюлю. К тому же самым бедным (у кого зарплата была ниже 900 рублей), неработающим пенсионерам, семьям военнослужащих, получающим пособие, студентам полагалась денежная надбавка.

Однако обстановка была настолько тяжелой, что было принято постановление Совета министров и ЦК, запрещающее повышение зарплаты и норм продовольственного и промтоварного снабжения на всех предприятиях, в учреждениях, организациях.

Повышение произошло 16 сентября 1946 года, после чего цена мяса поднялась с 12 до 30 рублей за килограмм, сливочного масла — с 23 до 60 рублей, сахара — с 5 рублей 50 копеек до 15 рублей, белого хлеба — с 1 рубля 70 копеек до 5 рублей, ржаного хлеба — с 1 рубля 10 копеек до 3 рублей 40 копеек[551].

Однако очень скоро стало ясно, что этих мер недостаточно. Сталин еще на что-то надеялся, но обстановка в сельском хозяйстве приняла катастрофический оборот.

Двадцать третьего сентября министр заготовок Б. А. Двинский направил ему записку. Он предложил максимально сократить потребление хлеба. Украина, Крым, Молдавия, Сталинградская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Тульская, Брянская области, Забайкалье и Дальний Восток, Северный Дон и Ставрополь были охвачены засухой. «Мы быстро проедаем наши хлебные запасы... А до нового урожая нам надо жить еще три с половиной квартала. Весной понадобятся семена. Хлеба при нынешнем расходе не хватит»[552].

Счет шел на дни. Уже 27 сентября Политбюро утвердило постановление правительства и ЦК «Об экономии и расходовании хлеба», которым предусматривалось сократить отпуск зерна из государственных фондов на октябрь с 1626,7 тысячи тонн до 485,9 тысячи тонн. Отпуск хлеба по карточкам сокращался на 30 процентов. Количество снабжаемого хлебом по

карточкам населения снижалось с 87 до 60 миллионов человек, в том числе на 23 миллиона человек в сельской местности, за счет иждивенцев, рабочих и служащих совхозов и т. д. С 1 октября норма выдачи хлеба иждивенцам, которые сохранили право на паек, сокращалась с 300 до 250 граммов в сутки, а детям с 400 до 300 граммов[553].

Угроза голода вынудила принять и репрессивные меры: Политбюро приняло решение «максимально форсировать хлебозаготовки на местах», то есть прибегло к испытанному методу силового давления на деревню. В колхозы направлялись уполномоченные райкомов, прокуроры, милиционеры. Под угрозой исключения из партии и уголовного суда они заставляли председателей колхозов выполнять планы госпоставок. Те председатели, кто осмеливался помогать бедствующему населению за счет собираемого зерна, сильно рисковали. В 1946 году были осуждены 9511 председателей (в 1945 году — 5757).

Сельский мир СССР вынес в те годы небывалые для невоенного времени тяготы, сопоставимые с периодом коллективизации и индустриализации. По различным оценкам, тогда умерли от голодной дистрофии от одного до двух миллионов человек. Можно считать их жертвами тоталитарного сталинского режима, а можно — жертвами «холодной войны», которую начал не Сталин.

Жестокость времени отразилась не только на советском населении. Западный мир тоже осознавал, что живет на военном положении. Так, военное министерство Великобритании имело в Германии несколько центров, в которых пыткам голодом, бессонницей, холодом и избиением подвергались люди, подозреваемые не в нацизме, а в принадлежности к коммунистам и арестованные в 1946 году за поддержку СССР. Подобный центр находился и в Лондоне[554].

Безжалостность времени распространялась на всех, однако в истерзанном Советском Союзе она ощущалась намного острее.

И несмотря на все тяготы, советская военно-техническая мощь продолжала усиливаться. 20 июня 1941 года министр авиационной промышленности А. В. Хруничев направил Сталину записку, в которой сообщил о возможности за два года создать пилотируемую космическую ракету. Сталин не утвердил представленный проект постановления Совета министров, но по его указанию стала создаваться новая отрасль промышленности, благодаря чему через 11 лет был запущен первый искусственный спутник Земли, а через 15 лет состоялся первый пилотируемый полет человека (Юрия Гагарина) в космос.

Был создан Спецкомитет по реактивной технике (председатель — Маленков, его заместитель — Д. Ф. Устинов). А за 20 дней до смерти Сталин подписал постановление о начале работ над ракетой Р-7, которая вывела на орбиту и первый спутник Земли, и корабль Гагарина.

Начав свой взлет с построения крепости «социализма в отдельно взятой стране», Сталин после мая 1945 года понял, что не достиг для страны желаемой безопасности. Советская экспансия, вызванная требованиями внутреннего развития, и прежде всего — обеспечения безопасности, была остановлена. Баланса сил с Западом не получилось, СССР был явно слабее.

Но, кроме военной и экономической мощи, Советский Союз уступал в идеологическом противостоянии. Война, которая сплачивала нацию, теперь повернулась оборотной стороной — стремлением людей к благополучию, покою, радостям жизни. Как бороться с этими искушениями, никто не знал, ибо запретить человеку желать себе лучшей доли невозможно.

За идеологическую сферу отвечал Жданов, который в силу обстоятельств выдвигался на передовые позиции. Добавим сюда особое, сердечное отношение к нему Сталина, его принадлежность к «ленинградской группе» — и мы увидим, что этот член Политбюро должен был сыграть в текущих событиях выдающуюся роль.

Но все же главную роль сыграл наш герой. Он увидел, что в образовавшийся после Победы идейный вакуум хлынул поток «буржуазного искусства», начиная с голливудских фильмов, театральных постановок пьес западных авторов, джазовой музыки и т. д. В аналитических записках МГБ говорилось, что в среде творческой интеллигенции расширяется ожидание политических уступок СССР бывшим союзникам. Именно здесь следует искать корни всех последующих идеологических кампаний, направленных против космополитизма, упадничества, преклонения перед Западом.

Выступая на заседании Политбюро 13 апреля 1946 года, Сталин раскритиковал работу в области идеологии и поручил Управлению пропаганды и агитации ЦК через три месяца подготовить необходимые материалы.

В соответствии с указанием был утвержден план предстоящей работы. Один из пунктов — подготовка проектов постановлений ЦК об улучшении содержания литературных журналов, репертуара драматических театров, о производстве художественных кинофильмов в 1946—1947 годах.

Подчеркнем: созданные проекты не были так убийственны, каковыми оказались действия по их выполнению. Ждановские пропагандисты были критичны, но не стремились к публичным жертвоприношениям. Для «отеческой порки» были выбраны два журнала — «Звезда» и «Ленинград», причем политической подоплеки она не имела.

На обсуждении проектов постановлений 9 августа 1946 года в Оргбюро в присутствии Сталина вдруг выяснилось, что ведомственная принадлежность журналов изменилась: ранее они были органами Союза писателей, а теперь принадлежали Ленинградскому отделению Союза писателей. То есть у союзного центра была уведена собственность. Выяснилось (с подачи Маленкова), что о самоуправстве знали и в Ленинградском горкоме партии, где утвердили буквально на днях (26 июня) и новую редколлегию «Звезды», куда был включен не раз подвергавшийся критике сатирик Михаил Зощенко.

Стали разбираться. Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома П. С. Попков сказал, что Кузнецов был проинформирован. Таким образом, был зафиксирован «сговор» земляков-ленинградцев.

Тогда Маленков копнул дальше: «А зачем Зощенко утвердили?» И Попков ответил, что этим занимался второй секретарь горкома Я. Ф. Капустин.

Действительно, получался какой-то междусобойчик. Попков был человеком Кузнецова, работал при нем председателем Ленинградского горисполкома. Для Кузнецова такой поворот событий был неприятен, но до «ленинградского дела» еще было далеко.

Вторым вопросом на заседании Оргбюро обсуждали вторую серию фильма Леонида Лукова «Большая жизнь» о восстановлении шахт в Донбассе. Сталин выступил с пространной речью, но начал с критики фильмов Пудовкина «Адмирал Нахимов» и второй серии «Ивана Грозного» Эйзенштейна. Он обвинил первого в необразованности, незнании истории: «Русские взяли в плен целую кучу турецких генералов, а в фильме это не передано». Эйзенштейн был обвинен в формализме и непонимании роли Ивана Грозного и его войска, опричников, в собирании России «в одно централизованное государство против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его».

Говоря о «Большой жизни», где значительная часть времени уделялась теме частной жизни людей, решенной достаточно схематично, Сталин высказал мысль, которую можно считать ключевой для понимания его ви́дения идеологии: «Просто больно, когда смотришь, неужели наши постановщики, живу-

щие среди золотых людей, среди героев, не могут изобразить их как следует, а обязательно должны испачкать? У нас есть хорошие рабочие, черт побери! Они показали себя на войне, вернулись с войны и тем более должны показать себя при восстановлении»[555].

Подчеркнем: герои войны должны быть героями восстановления. И никакого нытья, идейной капитуляции, безысходности, безволия.

Дальнейшее обсуждение воспитания советского общества в духе готовности к борьбе происходило при встрече нашего героя со Ждановым и Кузнецовым 12 августа. Ее итогом было указание Жданову подготовить доклад, суть которого была зафиксирована им в записной книжке: «Раздраконить. Смену произвести активн. сотрудн. Еголина поставить. Хулиганскую речь»[556].

Но доклад докладом, а главным итогом должно было стать постановление ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». 12 августа Сталину был показан его проект, он внес в него небольшую, но существенную правку: «Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности». И еще им было добавлено определение творчества Зощенко как «пошлого пасквиля на советский быт» и творчества Ахматовой как выражающего «вкусы старой салонной поэзии».

Главная задача постановления — искоренить безыдейность, аполитичность, «искусство для искусства», низкопоклонство перед современной буржуазной культурой Запада. «Задача советского искусства состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитывать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия»[557].

Но еще одно обстоятельство скрывалось за нападками на бедную Ахматову: она была явным представителем санкт-петербургского социокультурного ядра, и в начавшемся противостоянии с Западом ни у кого не должно было быть сомнений в том, что в борьбе за духовный мир населения Кремль не позволит вернуться к дореволюционным буржуазным идеалам.

Четырнадцатого августа постановление было не полностью опубликовано в «Правде». Если оставить в стороне его идейное содержание и проанализировать организационные выводы, то видно, что ленинградские партийные кадры понесли немалый урон. Капустину был объявлен выговор, заведующий отделом пропаганды и агитации горкома Широков уволен.

Жданов направлялся в Ленинград для разъяснения постановления ЦК. Там он и сделал свой знаменитый «хулиганский» доклад, который стал символом жесткого руководства

культурной политикой. Некоторые аспекты доклада были оскорбительны для писателей. Прежде всего это касалось Анны Ахматовой. («Ахматова является представителем чуждой нашему народу безыдейной поэзии...»)

Совсем не бралась в расчет ее поэзия военных лет.

Чем руководствовался Сталин, вполне понятно. У него был весьма ограниченный выбор средств и тем более таких, которыми можно было быстро повлиять на психологический настрой общества. Можно подумать, что его расчетливость была вообще лишена всякой человеческой теплоты. Но на самом деле это не так.

Весьма существен для понимания ситуации факт прямой поддержки Сталиным Ахматовой в тяжелейшем 1942 году. Он неожиданно поинтересовался: «А как там Ахматова?» После этого Жданов позвонил второму секретарю ЦК компартии Узбекистана Н. А. Ломакину и распорядился помочь поэтессе в бытовых условиях. Весной 1943 года в Ташкенте была издана ее книга «Избранное» тиражом 10 тысяч экземпляров.

Перенесемся из августа 1946 года в день 13 мая 1947 года, в кабинет Сталина, где он принимал недавно назначенное новое руководство Союза советских писателей: Фадеева, Симонова, Бориса Горбатова. Еще присутствовали Молотов и Жданов. Сначала разговор касался материального положения писателей — гонораров, квартир, аппарата ССП. Сталин обещал во всем помочь. Характерно, что Жданов дважды возражал ему, не желая увеличивать число штатных работников. И дважды Сталин говорил, что объем работы возрос — надо увеличить штат.

В этом маленьком споре отражается очень прочное положение Жданова, он держится с вождем практически на равных, он даже более строг. Но Сталину сейчас не нужна строгость: он отец, мудрый руководитель, глава могучей державы. Именно этот аспект не учитывался Ждановым, который здесь выглядит не политиком, а бюрократом.

И вот тема разговора исчерпана, надо уходить. Константин Симонов, оставивший воспоминания о встрече, замечает, что ему «вдруг стало страшно жаль». Но Сталин заговорил о том, что считал более важным, чем гонорары и квартиры. Он спросил собственно о творчестве, о том, над чем работают писатели.

Фадеев ответил: в основном пишут о войне, а о современной жизни — мало.

Он и сам только что закончил роман «Молодая гвардия» о юных героях-подпольщиках из шахтерского города Краснодона и, наверное, чувствовал себя как человек, исполнивший долг.

Именно эта тема и присутствовала в разговоре Сталина с писателями. Он хотел услышать не только о сюжетах будущих романов и пьес, а и о наиболее важных для его политики тенденциях.

Но Фадеев не смог сказать ничего определенного: крупные писатели не спешили.

И эта тема была исчерпана. Получалось, что руководство Союза писателей пока еще «не обеспечивает».

«Опять наступило молчание.

— А вот есть такая тема, которая очень важна, — сказал Сталин, — которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, — сказал Сталин, строя фразы с той особенной, присущей ему интонацией, которую я так отчетливо запомнил, что, по-моему, мог бы буквально ее воспроизвести, — у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Это традиция отсталая, она идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Посмотрите, как было трудно дышать, как было трудно работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: засранцами, — усмехнулся и снова стал серьезным.

— Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше. Теперь нет, теперь они и хвосты задрали.

Сталин остановился, усмехнулся и каким-то неуловимым жестом показал, как задрали хвосты военные. Потом спросил:

— Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдалбливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает. — И он снова заговорил о профессоре, о котором уже упоминал: — Вот взять такого человека, не последний человек, — еще раз подчеркнуто повторил Сталин, — а перед каким-то подлецом-иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничижения у многих наших интеллигентов»[558].

Дневниковую запись об этой встрече Симонов сделал на следующий день, и в ее точности сомневаться не приходится. Тогда же Сталин разрешил напечатать в журнале «Новый мир» рассказы опального Зощенко, что свидетельствовало о его сомнении в опасности писателя. Соответственно, можно сделать вывод, что убийственная критика сатирика в постановлении ЦК была необходима всего лишь как удачно подходящий к случаю пример.

И здесь Симонов рассказывает о своих впечатлениях от встречи с вождем: «Во время беседы он часто улыбался, но когда говорил о главной, занимавшей его теме — о патриотизме и о самоуничижении, лицо его было суровым, и говорил он об этом с горечью в голосе, а два или три раза в его вообще-то спокойном голосе в каких-то интонациях прорывалось волнение»[559].

Волнение! Вот что остро почувствовал Симонов, человек тоже сталинского времени, прошедший войну и, безусловно, понимающий безличность, огосударствленность сталинских действий.

Глава семьдесят вторая

Маленков прощен. Экономический кризис Запада и новые надежды Сталина. «План Маршалла». Противостояние американского и советского патриотизма

Все последующие идеологические кампании вплоть до «мингрельского дела» и «дела вредителей-врачей» носили характер борьбы за лидерство самого Сталина и его «наследников».

Третьего октября 1946 года по предложению Сталина получила новое оформление правящая группировка. Согласно решению Политбюро, Комиссия по внешнеполитическим вопросам Политбюро стала заниматься и внутренними вопросами, пополнившись седьмым членом — Вознесенским. Теперь она выглядела так: Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов, Вознесенский. Кузнецов же находился в шаге от того, чтобы стать восьмым. 2 августа 1946 года Маленков был прощен и восстановил свои полномочия, став заместителем председателя Совета министров (с курированием министерств электропромышленности; промышленных средств связи; связи).

Баланс сил в ЦК обеспечивали второй секретарь ЦК Жданов, который соперничал с земляком-ленинградцем Кузнецовым, а с ними, в свою очередь, — Маленков. Кузнецов был тесно связан с министром госбезопасности Абакумовым, а Маленков — с Берией. Молотов и Микоян были наособицу, а

амбициозный Вознесенский — выдвиженец Жданова — теперь замыкался прямо на Сталина.

Наиболее близкие отношение у Сталина сложились со Ждановым. К группе Жданова относился и первый секретарь МК и МГК партии, секретарь ЦК Г. М. Попов. Назвать всех дружным коллективом было бы большой натяжкой. Соратники понимали, что вождь стареет и рано или поздно кто-то из них займет его место.

Микоян очень тепло отзывался о Кузнецове, на дочери которого был женат его сын, и подчеркивал, что Жданов и Кузнецов хорошо относились друг к другу, «любили друг друга, как настоящие друзья».

«Кузнецов для Кремля был наивным человеком: он не понимал значения интриг в Политбюро и Секретариате ЦК — ведь кадры были раньше в руках у Маленкова. А МГБ традиционно контролировал Берия в качестве зампреда Совмина и члена Политбюро. Видно, Сталин тогда сделал выбор в пользу Жданова, как второго лица в партии, и Маленков упал в его глазах. А к Берия начинал проявлять то же отношение, что и к Ягоде и Ежову: слишком "много знал", слишком крепко держал "безопасность" в своих руках. Все же Кузнецову следовало отказаться от таких больших полномочий, как-то схитрить, уклониться. Но Жданов для него был главный советчик. Жданов же, наоборот, скорее всего, рекомендовал Сталину такое назначение, чтобы изолировать вообще Маленкова и Берия от важнейших вопросов»[560].

Сталин хорошо помнил старый прогноз академика Варги о неизбежном кризисе Запада, и, думается, ожидание этого кризиса для него было подобно ожиданию отступающего перед армией Наполеона Кутузова, который выжидал, что растянутые коммуникации французов и морозы рано или поздно изменят соотношение сил.

Зимой 1946/47 года в Европе происходили потрясающие события, значение которых для будущего еще трудно было оценить. Зима была жестокая, в Англии, обогреваемой Гольфстримом, где в домах не существовало центрального отопления, река Темза замерзла до самого Виндзора. Казалось, природа извиняется перед Москвой за потери от засухи прошлого лета и теперь ослабляет соперников. Острая нехватка угля привела к энергетическому кризису.

«По всей Британии угля было настолько мало, что пришлось закрыть электростанции, а подача электроэнергии промышленности сильно сократилась либо прекратилась вообще. Безработица выросла в шесть раз, а британское промышлен-

ное производство на три недели практически остановилось — этого не могли добиться даже немецкие бомбежки.

Неожиданный дефицит энергии привел к осознанию предела нищеты, до которого опустилась Британия в результате войны. Ее имперская роль оказалась неподъемным грузом»[561].

Во всей Европе не хватало продуктов питания, сырья, валютных запасов, чтобы импортировать необходимые товары. Европа застыла, и это могло привести к мировому экономическому кризису.

Великобритания, чтобы выжить, пошла на беспрецедентные шаги: она стала сбрасывать со своего государственного корабля неподъемные «имперские грузы». Студеным февралем 1947 года лейбористское правительство Эттли объявило, что предоставит независимость Индии, а проблему Палестины, где евреи и арабы вошли в неразрешимый конфликт, передаст на рассмотрение ООН. Также было сообщено в Вашингтон, что больше нет возможности поддерживать экономику Греции и, следовательно, на США ложится ответственность и за Средиземноморье, Ближний и Средний Восток. Сжатие Британской империи приводило Америку в зоны бывшего английского влияния и делало еще обширнее соприкосновение двух мировых гигантов.

Это проявилось и в Иране, нефтепромыслы которого были главным украшением Англо-Иранской нефтяной компании. После ухода отсюда советских войск прокоммунистическая партия ТУДЕ организовала массовые политические акции для давления на тегеранское правительство; во время всеобщей забастовки и демонстрации на английском нефтеперерабатывающем комплексе в Абадане были убиты несколько человек. Англия никак не хотела уйти отсюда, но и удержаться вряд ли могла.

Однако Великобритания предпочла и здесь поделиться и извернулась, пригласив в Иран американские компании «Джерси» и «Сокони». Пробоина, которая могла потопить корабль, была закрыта.

Правда, это еще не ликвидировало европейскую экономическую катастрофу.

Двадцать шестого февраля 1947 года Сталин попросился в отставку с поста министра вооруженных сил. «Очень перегружен я. Товарищи, прошу не возражать. К тому же и возраст сказывается»[562].

Министром стал Булганин, никакой не военный (хотя вскоре ему было присвоено звание маршала), а политический назначенец.

Совпадение по времени европейского коллапса и сталин-

ской отставки симптоматично. Внимание вождя было приковано к Европе.

Еще одно совпадение: публичная критика новой книги академика Варги «Изменение в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны». Академик утверждал, что Запад избежит мировых кризисов, так как научился планировать свое развитие. Но это явно противоречило устоявшимся взглядам Сталина: он по-прежнему был уверен в неизбежном крахе империализма.

Вознесенский в своей монографии (1947) высказался так: «Жалкие попытки "планировать" экономику в США терпят крах, как только они выходят за рамки содействия монополистам в получении прибыли»[563].

Отказ Варги от идеи непрерывных кризисов капитализма разоружал советское руководство. Академику не поверили.

Однако «хищники с Уолл-стрит» придумали гениальный способ остановить кризис и тем самым перечеркнули все надежды Сталина. Суть метода в июне 1947 года изложил государственный секретарь США Джордж Маршалл на церемонии присуждения ученых степеней в Гарвардском университете. Он предложил кредитовать Западную Европу и тем самым решить сразу несколько проблем: остановить распад, обеспечить сбыт американских товаров и услуг, ослабить коммунистическое влияние. США приобретали Западную Европу точно так же, как только что приобрели Англию.

Эта идея получила название «план Маршалла». В процессе реализации она привела еще и к падению роли прокоммунистических шахтерских профсоюзов, так как дефицит угля был восполнен дешевой нефтью. Хорошо организованные шахтеры, способные угрожать правительствам, были отодвинуты на обочину политики. Постепенно основанная на угле европейская экономика переходила на нефть. И с этого момента, после синхронизации европейской потребности в нефти и подъема добычи нефти на Ближнем и Среднем Востоке, на Западе начался новый отсчет времени.

Для Сталина и Советского Союза это создавало неисчислимые угрозы.

Обратимся к хронике важнейших событий начального периода противостояния СССР и США.

В январе 1947 года американская и английская оккупационные зоны в Германии были объединены в единую экономическую территорию «Бизония». Советское правительство протестовало.

Семнадцатого февраля 1947 года на русском языке на тер-

риторию СССР начала вещание американская радиостанция «Голос Америки»*.

Восемнадцатого марта 1947 года была обнародована «доктрина Трумэна». Выступая в конгрессе США, президент сказал, что над Грецией и Турцией нависла коммунистическая опасность**. Трумэн призвал конгресс выделить на военную помощь этим странам 250 и 150 миллионов долларов соответственно. Теперь главной целью внешней политики Вашингтона становилась защита свободы и демократии. Трумэн, кроме того, сказал, что страны Восточной Европы «захвачены» СССР.

Москва действительно в этих странах стала резко выруливать в свою сторону, сметая с пути демократическую оппозицию, которую еще вчера воспринимала спокойно. В Польше, Болгарии, Румынии, Венгрии оппозиция вытеснялась из правящих коалиций при помощи политического давления, шантажа, арестов. Линию на форсированную советизацию Восточной Европы, неожиданно взятую Москвой, надо связывать с благоприятным прогнозом Кремля в связи с экономическим кризисом.

Двадцать седьмого июня в Париже началось совещание министров иностранных дел Франции, Великобритании и СССР для обсуждения «плана Маршалла». Сначала Москва приняла идею американской помощи позитивно, но вскоре разобралась, что придется платить политическими уступками и отказом от Восточной Европы. (Советский разведчик Г. Бёрджесс сообщил в Москву, что приглашение СССР в «план Марщалла» носило чисто пропагандистский характер и не подразумевало выделения кредитов. К тому же план отменял репарации, важный источник советского восстановления.)

Девятого и 10 июля отказались от участия в Парижском экономическом совещании восемь стран, где советское влияние было доминирующим: Албания, Болгария, Румыния, Венгрия, Польша, Финляндия, Чехословакия, Югославия.

В сентябре был создан Коминформ (Информационное бюро коммунистических партий) для координации действий европейских компартий. Сталину ежедневно докладывали о ходе совещания, в работе которого участвовали Жданов, Маленков и Суслов. «План Маршалла» был назван «кабальным». Как говорилось в докладе Жданова, «компартии не должны бояться заявлять полным голосом, что они поддерживают миролюбивую и демократическую политику Москвы, не

* С апреля 1946 года на СССР вещала Русская служба Би-би-си.

** В Греции шла гражданская война: на одной стороне поддерживаемые Англией монархисты, на другой — республиканцы и коммунисты. В Турции войны не было, но СССР требовал пересмотра конвенции Монтрё о характере навигации в проливах.

должны бояться заявлять, что политика Советского Союза соответствует интересам других миролюбивых народов»[564].

Двадцать второго октября иранский меджлис отказался ратифицировать договор с СССР о разведке и добыче нефти. (В начале года в Иране были разгромлены организованные при советском содействии азербайджанская и курдская автономии, их руководители казнены.)

Двадцать девятого ноября решением Генеральной Ассамблеи ООН принята резолюция о прекращении британского мандата и создании на территории Палестины независимых арабского и еврейского государств. Все три делегации — СССР, УССР и БССР — проголосовали в ее поддержку*. Москва надеялась, что новое государство, против возникновения которого выступал Лондон, даст ей опору на Ближнем Востоке.

Итак, мир явно разделился на два лагеря. Неудивительно, что внутренняя жизнь СССР сделалась еще суровее. На двенадцатимиллиардную американскую помощь Европе (на четыре года) Советский Союз мог ответить только усилением идеологической и политической борьбы.

Кстати, и за океаном уже 20 марта 1947 года заработала Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, своего рода Особое совещание по «охоте на ведьм».

Сразу, как только начала работу эта комиссия, вышло постановление Политбюро (от 28 марта). Стали организовываться «суды чести» в центральных министерствах и ведомствах. Проект постановления по поручению Сталина подготовил Жданов. «Суды чести» были задуманы как инструмент общественного воздействия, для «рассмотрения антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти поступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке»[565]. В своей основе замысел «судов чести» опирался на желание Сталина и Жданова подключить к борьбе рядовых граждан против элиты. Эти суды имели право вынести общественный выговор либо передать дело в прокуратуру для проведения следствия.

В «Плане мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма», подготовленном Управлением пропаганды и агитации ЦК (18 апреля 1947 года), в частности,

* Вскоре из Чехословакии начнется поставка оружия еврейским боевым организациям, что помогло создать армию Израиля.

говорилось, что «пламенная любовь к социалистической родине не может быть совместима с преклонением перед эксплуататорской буржуазной культурой». Преклонение означало признание «духовной зависимости от капитализма».

Девятого июня 1947 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих государственную тайну».

Создав примерно равноценные структуры по искоренению антипатриотизма в своих странах, Вашингтон и Москва начали тотальную войну.

Было опубликовано «Закрытое письмо ЦК ВКП(б)». Озабоченность «серьезным неблагополучием в морально-политическом состоянии некоторых слоев нашей интеллигенции, особенно работающей в области культуры», сквозила в каждом его абзаце. Сталин просто заболел темой патриотизма. Он словно отдавал новый приказ № 227 «Стоять насмерть!».

Поэтому всякие проявления либерализма, соглашательства, национализма, кастовости вызывали у него желание расправиться с их носителями. Как вскоре мы увидим, под удар попадут Еврейский антифашистский комитет, группа «эстетствующих» театральных критиков, руководство Управления пропаганды и агитации ЦК, академик Варга и его сотрудники, сын Жданова, украинские и грузинские «националисты», а также ближайшие соратники. Это была подлинная диктатура государственности, универсальная в отношении как народов, так и структур, в отдельных проявлениях носившая признаки антиамериканизма, антисемитизма, антирусизма, антигрузинизма, антиукраинизма, антиюгославизма и т. п. Но главным же для Сталина являлось укрепление государства, его духа, экономической и оборонной мощи.

История ЕАК многогранна, так как в ней отражается и мировая революция, и борьба с фашизмом, и геополитика, и трагедии отдельных людей, сначала вознесенных к вершинам мировой истории и вдруг опрокинутых во мрак.

Предыстория ЕАК — в процессе развития социалистического движения в Европе, Америке и России, в которой активную роль сыграли евреи. После Октября и Гражданской войны советская разведка по директиве Дзержинского стала разрабатывать и внедряться в сионистские организации США, Западной Европы и Палестины. Как указывает Судоплатов, именно советская разведка, где работало немало первоклассных специалистов-евреев, предложила Кремлю использовать связи

советской еврейской интеллигенции для получения «через сионистские круги» финансовой помощи. То есть с самого начала ЕАК служил прикрытием для специальных операций, в нем работали агенты НКВД, ему предоставлялись особые полномочия. Природа ЕАК была двойственна: с одной стороны, это было государственное учреждение, с другой — национальная организация, отстаивающая и пропагандирующая интересы только евреев. Если учесть значительную прослойку евреев в советской элите и даже в Политбюро, то неожиданно ЕАК превратился в очень влиятельную организацию, «наркомат евреев». Вряд ли Сталин и Берия предполагали подобное влияние, но в годы войны на него можно было не обращать внимания.

Проблема оказалась не столь простой, как казалось вначале. Вызванное войной обострение национальных чувств коснулось не только евреев. К этому надо добавить бытовой антисемитизм части населения. Не случайно, с одной стороны, заявление Ильи Эренбурга о главной задаче ЕАК — борьбе с антисемитизмом в СССР, а с другой — внимание, проявляемое ЦК и НКВД к национальному составу советских учреждений, организаций культуры, средств массовой информации и т. п.[566]

Отношение Сталина к евреям не базировалось на антисемитизме, как бы ни старались его критики упростить анализ и представить нашего многогрешного героя законченным ненавистником всех евреев. Человек с подобными взглядами просто не смог бы хоть как-то возвыситься в ленинском ЦК, где интернационализм был одной из главных идей. Но вместе с тем надо признать, что в постленинский период после идейного размежевания по водоразделу «мировая революция — построение социализма в одной стране» интернационалисты, среди которых было немало евреев, фактически пошли на раскол. Национального содержания это явление не имело: на стороне Сталина тоже осталось очень много евреев.

Сталин никогда не мыслил одноходовыми комбинациями. Его вряд ли интересовали евреи как таковые. Он постоянно помнил, что СССР — многонациональная страна и, сделав комплимент «великому русскому народу», не собирался давать РСФСР равных с другими республиками прав. Зато когда на Украине стал острее проявляться национализм, а в западных областях не утихало вооруженное сопротивление, в Киев первым секретарем ЦК КПУ был направлен испытанный борец с украинским национализмом Лазарь Каганович. При Кагановиче велась борьба и с еврейским национализмом, перекрывались каналы эмиграции в Палестину.

С окончанием союзнических отношений с Америкой надежды на кредиты по «еврейской линии» угасли. Советская развед-

ка продолжала борьбу в Палестине, но внутри страны в «наркомате по делам евреев» уже не было никакой нужды. В январе 1946 года начальник УПиА Александров и начальник Отдела внешней политики Суслов предложили распустить ЕАК, а его пропагандистские функции возложить на Совинформбюро, а также распустить Антифашистский комитет советских ученых.

В записке говорилось, что ЕАК «сыграл известную положительную роль, содействуя мобилизации зарубежного еврейского населения на борьбу с немецким фашизмом. С окончанием войны деятельность Комитета приобретала все более националистический, сионистский характер, она объективно способствует усилению еврейского реакционного, буржуазного националистического движения за границей и подогреванию националистических, сионистских настроений среди части еврейского населения»[567].

Далее указывалось, что ЕАК «явочным порядком организует работу среди еврейского населения СССР», принимает множество писем и жалоб, выступает ходатаем, просит материальную помощь и т. д., «выступает в роли посредника» между еврейским населением и властью.

Ранее, в сентябре 1946 года, Суслов уже направлял «семерке» предложение о ликвидации ЕАК по той же причине и отмечал, что его деятельность не только перестала быть положительной, «но и становится политически вредной».

Однако в Кремле не стали принимать санкций. 16 апреля 1947 года С. М. Михоэлс и И. С. Фефер обратились с письмом к Молотову с просьбой принять их. Передала письмо жена Молотова, Полина Жемчужина, с которой Михоэлс поддерживал дружеские отношения. И хотя встреча члена Политбюро с руководителями ЕАК не состоялась, их оставили в покое. Вскоре в УПиА были намечены границы допустимого в деятельности ЕАК: не работать с еврейским населением СССР и решительно бороться «против попыток международной реакции и ее сионистских агентов использовать еврейское движение за рубежом в антисоветских и антидемократических целях».

Глава семьдесят третья

Почему был убит С. Михоэлс. Сталин поддерживает создание Израиля. Тито удивляет. Повышенный интерес к Русской Православной Церкви

В наметившемся конфликте, возможно, какой-то компромисс и был бы найден, но появились новые обстоятельства, которые привели дело к трагическому концу. Первое обстоя-

тельство: завышенные представления Михоэлса о своей роли в связи с мощной поддержкой Советского Союза в США. Второе обстоятельство, от него не зависевшее: обострение отношений СССР и США и предощущение войны.

Здесь надо вспомнить, что зять Сталина Григорий Морозов был евреем и входил в круг близких Михоэлсу людей. Впрочем, степень этой близости не надо преувеличивать: он общался со знакомым Михоэлса И. И. Гольдштейном, старшим научным сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики (директор Е. С. Варга). За Гольдштейном был грешок: некогда он состоял в Бунде, исключался из ВКП(б).

Узнав о том, что Гольдштейн вхож в семью родственников вождя, Евгении Аллилуевой (бывшей жены Павла Аллилуева, внезапно скончавшегося до войны), Михоэлс попросил его сблизиться с дочерью Сталина и его зятем.

С семьей Павла Аллилуева Сталина связывали неприятные воспоминания: именно Павел подарил Надежде пистолет, из которого она застрелилась. Кроме того, согласно одной из версий, Павла отравила его жена Евгения, имевшая любовника. Этот любовник, Н. В. Молочников, был сейчас ее мужем и, кроме того, секретным сотрудником МГБ.

Гольдштейн знал П. Аллилуева и его жену еще с 1929 года по работе в советском торгпредстве в Берлине.

Также Гольдштейн вместе с Варгой участвовал в 1922 году в подготовке для Сталина доклада о перспективах советско-германского экономического сотрудничества. Словом, доктор экономических наук Гольдштейн был фигурой солидной, его вхождение в круг дочери вождя произошло естественно.

Однако разговоры, которые велись во время его встреч со Светланой и Григорием, касались и самого Сталина. Когда в мае 1947 года Светлана развелась с мужем, Е. А. Аллилуева, не задумываясь, воскликнула, намекая на недавний инсульт Сталина: «Что, твой папочка совсем выжил из ума?!» По тональности вопроса видно критическое отношение Евгении Александровны к своему державному свойственнику. Думается, и разговоры в присутствии Гольдштейна были достаточно откровенными.

На допросе в МГБ Гольдштейн рассказал, что в июле 1947 года он встретился с Михоэлсом в Еврейском театре и сообщил ему о разводе дочери Сталина. На это Михоэлс якобы ответил: «Да, печальная история для нас, Морозову так и не удалось закрепиться в семье Сталина... Но надо восстановить этот брак»[568].

Трудно сказать, насколько правдивы показания Гольдштейна, возможно, он дал их под пыткой. Однако бесспорно вни-

мание к личной жизни Сталина со стороны Михоэлса и обостренное внимание МГБ к этой проблеме[569].

Небезынтересно, что отец Г. Морозова, сват Сталина Г. В. Мороз, в это время выдавал себя за старого большевика и профессора, рассказывая окружающим о своих встречах (выдуманных) со Сталиным. На самом деле он был мелким коммерсантом, во время НЭПа владел аптекой, отсидел год в заключении за дачу взятки должностному лицу, потом работал бухгалтером. После женитьбы сына на дочери вождя он познакомился с П. Жемчужиной и устроился на работу заместителем директора по административно-хозяйственной части Института физиологии, после чего стал «ученым».

Что чувствовал Сталин, читая донесения МГБ о таких «родственниках»?

Ответ на этот вопрос дал он сам, однажды сказав дочери: «Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька»[570].

Если его враги, связанные с Америкой, тянут руки к его семье, то это означает, что наступил предел терпению. Таков эмоциональный фон трагедии, в которой отразилось еще одно поражение Сталина. Он перестал верить даже дочери, которая, как он ей сказал, допускает «антисоветские высказывания». В узком кругу соратников он тоже увидел предателей: жена Молотова была связана с Михоэлсом.

Он был оскорблен. ЕАК как вырвавшаяся из-под контроля организация, получившая огромную поддержку мирового еврейства, теперь представлял небывалую опасность, превратился в центр американского влияния. Михоэлс стал для Сталина в чем-то подобен Троцкому.

Поэтому все, кто был причастен к вторжению ЕАК в его семью, должны были быть наказаны, а Михоэлс в силу масштабности его фигуры — тайно уничтожен.

Все так и произошло. Е. А. Аллилуева, ее муж Молочников, вдова Реденса — Анна, их окружение, сват Мороз — все они лишились свободы. Но Григория Морозова, своего зятя, Сталин не тронул.

Десятого января 1948 года Абакумов представил Сталину показания Гольдштейна «о работе Михоэлса на американскую разведку» и сборе информации о Сталине через родственников.

Вечером 12 января сотрудниками МГБ Михоэлс и сопровождавший его Голубов-Потапов были вывезены на загородную дачу министра государственной безопасности Белоруссии Л. Ф. Цанавы и задавлены грузовиком. Затем их тела были сброшены на окраине города и обстановке был придан вид дорожно-транспортного происшествия.

Михоэлса похоронили с почестями, в «Правде» был напечатан большой некролог, состоялся вечер памяти. Внешне все было благопристойно, и мало кто заподозрил что-либо неладное. Однако, как потом говорил преемник покойного на посту директора Еврейского театра В. Л. Зускин, П. Жемчужина на похоронах чуть слышно произнесла: «Это было убийство»[571].

Но если попытаться проследить логику выбора нашим героем способов действий против Михоэлса, то нетрудно понять: вина последнего у Сталина не вызывала сомнений, а значит, он должен был понести кару. Можно ли было организовать открытый судебный процесс, обвинить руководителя ЕАК в шпионаже, сотрудничестве с американской разведкой? Наверняка этот вариант мог обсуждаться. И наверняка был отвергнут, потому что на открытом процессе всплыли бы вся комбинация с приманкой в виде Крыма для создания еврейской республики и игра с американскими еврейскими организациями. Пойти на это Сталин не мог ни при каких обстоятельствах. А если бы на процессе выяснилось, что его родня связана с окружением Михоэлса, то выплыл бы и мотив личной мести. Словом, руководитель государства оказался бессилен. Выбрав убийство, он совершил не просто преступление, но и расколол советскую правящую элиту. Отныне правила поведения внутри нее становились иррациональными.

Сталин вряд ли это понял. Отомстив противнику, он занялся решением других задач, которые целиком занимали его внимание.

Одна из таких комбинаций — создание государства Израиль. Несмотря на то что М. Литвинов, бывший посол в США, предостерегал от попыток влиять на сионистское движение и вмешиваться в палестинские дела, Сталин принял противоположное решение. Литвинов считал, что советское влияние не возымеет нужного воздействия, но Сталину нужно было не просоветское еврейское государство, а внедрение в Ближневосточный регион.

Проект «Республика Крым», кроме надежды на получение кредитов, заключал в себе еще одну приманку: привлечь внимание лидеров мирового сионистского движения к Советскому Союзу, способному решать их проблему и вне Палестины. Таким образом, Сталин получил возможность стать новым участником англо-американо-еврейской дискуссии. Он не хотел, чтобы палестинский вопрос решался без участия Москвы.

Англичане противились созданию еврейского государства, так как были связаны в нефтяных делах с арабскими монархами и боялись, что появление нового игрока перевернет все с ног на голову. Американцы отчасти поддерживали евреев, что объяснялось двумя причинами: наличием в стране мощного еврейского лобби и интересами собственных нефтяных компаний.

Государственный же департамент США идею создания Израиля не поддерживал, так как в этом вопросе шел в фарватере англичан, считавших, что нельзя подрывать порядок в нефтеносных регионах.

Советская дипломатия, используя противоречия в западном лагере, стала посылать сигналы о необходимости создать на подмандатной английской территории Палестины независимое демократическое еврейское государство. Параллельно с лета 1946 года велась заброска через Румынию советских разведчиков, чтобы создать в Палестине нелегальную структуру, «которую можно было бы использовать в боевых и диверсионных операциях против англичан» (П. Судоплатов). В Палестину переправлялись деньги и оружие.

Поэтому СССР поддерживал процесс создания Израиля, начиная от политического признания и до поставок оружия из Чехословакии (включая 25 трофейных немецких самолетов МЕ-109).

У некоторых израильских генералов и офицеров в палатках были портреты Сталина.

Не забудем, что нефтеносный Ближний Восток являлся геополитической составляющей «плана Маршалла», и Сталин, поддерживая сионистов, взрывал регион, чтобы воспрепятствовать поставке в Европу дешевой арабской нефти.

Литвинов так высказался о дипломатических способностях нашего героя: «Запада не знает... Были бы нашими противниками несколько шахов или шейхов, он бы их перехитрил»[572].

Конечно, не может быть и речи о том, что Сталин не понимал, как сложатся дела после ухода англичан. Он предвидел, что против Москвы выступит Вашингтон, на стороне которого в конце концов окажется и руководство Израиля. Но тогда «арабские страны повернутся в сторону Советского Союза, разочаровавшись в англичанах и американцах из-за их поддержки Израиля»[573].

По существу, данная комбинация Сталина позволила Советскому Союзу стать активным участником ближневосточных процессов. Поэтому уместно привести наблюдение разведчика: «Он являлся антисемитом не больше, чем антимусульманином»[574].

Этот принцип ведения игры сразу в нескольких направлениях был универсальным оружием Сталина и позволял ему удерживать безнадежные позиции, а в некоторых случаях и побеждать.

В начале февраля 1948 года в Москву прибыла югославская делегация, которую возглавлял член Политбюро Коммунистической партии Югославии Кардель. Тито не захотел приехать, у него уже намечались разногласия со Сталиным. Он чувствовал себя уверенно и, проявляя пиетет к СССР, не собирался подчиняться «великому вождю».

Тогда в Москве находился болгарский руководитель Димитров. 12 января 1948 года Болгария и Румыния заключили таможенный союз, что вызвало резкое неприятие Сталина.

В чем же дело? Еще недавно он высказался о славянском союзе, а вдруг изменил взгляды.

Югославы уже начали вводить войска в Албанию, договорившись об объединении государств. Но и здесь он выступил против.

Более того, он дал указание «свернуть» гражданскую войну в Греции, где республиканцев поддерживали югославы и куда СССР, надеясь отвлечь американцев и англичан от Восточной Европы, поставлял трофейное немецкое оружие. Кардель возражал. Сталин, не обращая на это внимания, объяснил: «Нет у них никаких шансов на успех. Что вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты — Соединенные Штаты, самая мощная держава в мире, — допустят разрыв своих транспортных артерий в Средиземном море! Ерунда. А у нас флота нет. Восстание в Греции надо свернуть как можно скорее»[575].

Но разве он только что открыл для себя важнейшую роль Греции в Средиземноморье? Или разве еще вчера Молотов не выражал югославам своего одобрения в том, что те сбили два американских самолета?

Однако, если поддерживать войну в Греции, то пришлось бы позволить Югославии еще большую самодеятельность при минимальных шансах на успех. Переключение внимания на Палестину, где ресурсы сопротивления у арабов были гораздо серьезнее, позволяло Сталину сэкономить силы.

Джилас впоследствии додумался до мотивов сталинской политики: вождь тормозил революции в других странах, когда «инстинктивно ощущал, что создание революционных центров вне Москвы может поставить под угрозу ее монопольное положение в мировом коммунизме». Этот «гениальный дозировщик» (определение Бухарина) мгновенно реагировал на изменение баланса сил.

Уже в начале 1948 года югославы боялись его. Рассказав им еще в 1944 году о том, как англичане ликвидировали мешавшего им польского премьер-министра в эмигрантском правительстве генерала Сикорского («посадили в самолет и прекрасно свалили — ни доказательств, ни свидетелей»), Сталин вызвал у них опасение, что может повторить английский опыт.

Конфликты в «коммунистическом блоке» выплеснулись наружу после того, как Сталин запретил образовывать Югославии и Болгарии Балканскую федерацию. Он решил, что Тито подавит престарелого Димитрова и станет самостоятельным лидером. Так что умозаключение Джиласа отчасти имеет под собой основания.

Чтобы представить глобальность замысла Сталина, обратим внимание на новое качество взаимоотношений Кремля с Церковью. Еще в марте 1944 года незадолго до своей смерти патриарх Сергий опубликовал статью «Есть ли у Христа наместник в Церкви?». Он отверг претензии римского папства и высказал мысль, что «не будет ничего нарушающего... ход развития церковной жизни и неприемлемого в том, если бы и всю вселенскую земную Церковь когда-нибудь возглавил... единый руководитель или предстоятель в качестве, например, председателя Вселенского собора, но, конечно, не наместника Христова, а только в качестве главы церковной иерархии». Таким руководителем патриарх видел, например, «епископа какой-нибудь всемирной столицы»[576].

В 1948 году Сталин планировал созыв в Москве на торжества в честь 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви Вселенского собора, не собиравшегося несколько столетий. Ставилась задача объявить Московскую патриархию Вселенской, что сделало бы ее главной среди всех православных автокефальных церквей. Международная политика Церкви была определена на встрече Сталина с патриархом Алексием I 10 апреля 1945 года (патриарх Сергий умер в 1944 году). Патриархия активизировала свои внешние связи, только в 1945—1946 годах направила свои делегации в 17 стран Европы и Ближнего Востока и приняла 13 зарубежных делегаций. В 1945 году под юрисдикцию Русской Православной Церкви перешли три митрополита, 17 архиепископов и епископов, находившихся в лоне других церквей[577].

Сталин считал, что в результате сможет дополнительно повлиять на Балканские и ближневосточные страны. Однако Вселенский собор не состоялся: не многие главы церквей согласились принять в нем участие. Однако сама попытка Сталина возродить Третий Рим показывает безграничность его рациональности.

Внимание к Церкви (можно даже назвать это новой политикой) имело неожиданные шокирующие последствия: население в массовых количествах вернулось к отправлению церковных обрядов (крещение, венчание, отпевание), что вызвало тревогу в местных партийных организациях, которые сразу разглядели конкурентов на идеологическом поле.

Все это привело к небольшому конфликту в верхах. 10 августа 1948 года Ворошилов подписал распоряжение Совета министров СССР, разрешавшее открытие 28 новых церквей. 28 октября 1948 года оно было отменено постановлением Политбюро. (Голосовали Сталин, Молотов, Маленков, Вознесенский, Каганович, Косыгин.) Вновь открытые церкви были закрыты. И до смерти Сталина не была открыта ни одна новая православная церковь[578]. При Хрущеве отношение к Церкви стало просто агрессивным.

Глава семьдесят четвертая

Сталин не боится атомной бомбы американцев. Почему Восточная Европа стала социалистической. Блокада Западного Берлина

В начале 1948 года югославским коммунистам в Кремле по секрету сказали, что советские ученые уже создали атомную бомбу, более мощную, чем американская. Работа в этом направлении шла ударными темпами. Уже 25 декабря 1946 года в лаборатории № 2 на окраине Москвы был пущен уранографитовый ядерный реактор, на котором была получена ядерная реакция.

Сталин знал: в 1949 году бомба будет. Но что такое бомба, если у Трумэна она давно есть и не одна, вкупе с бомбардировщиками, способными доставить ее в СССР. А при этом американский президент до сих пор не решился нанести удар по СССР.

Сталин был уверен, что одной А-бомбы для победы недостаточно. В 1948 году он не побоялся обострить конфликт до предела и начать блокаду западных зон Берлина, хотя на первый взгляд никакой логики в его действиях не было: только что он прекратил помощь греческим республиканцам.

На самом же деле его расчеты опирались на вполне адекватную оценку ситуации. Во-первых, в ноябре состоятся президентские выборы в США, внимание Белого дома будет отвлечено. Во-вторых, он располагал донесениями разведки, из которых следовало, что вплоть до середины 1950-х годов США не будут располагать в нужном количестве ядерными зарядами, способными нанести решающий урон военно-промыш-

ленному потенциалу СССР и, что крайне важно, — достаточными для ведения боевых действий одновременно в Европе и на Дальнем Востоке. Российское пространство здесь, как и всегда, оказывалось мощным оружием Москвы.

Знание объема ядерных запасов позволило Сталину начать острую игру на обоих флангах, западном и восточном, где в Китае шла гражданская война между гоминьданом и коммунистами.

Одной из ялтинских договоренностей было решение рассматривать режим Чан Кайши как буфер между северо-востоком Азии, где у СССР были сильные позиции, и зоной влияния США в Тихоокеанском бассейне. Сталин обещал не поддерживать китайских коммунистов в их борьбе против гоминьдановцев. Внешне это выглядело как уступка американцам, но на самом деле он не намеревался прекращать помощь Мао Цзэдуну. Напомним, что в феврале 1945 года, когда ялтинский воздух был пронизан весной и близкой Победой, Сталин и Рузвельт надеялись на длительное сотрудничество и поэтому гасили возможные противоречия. При более глубоком анализе становилось ясно, что Сталин фактически повторял свой китайский опыт 1927 года, когда рекомендовал слабой тогда КПК пойти на союз с Чан Кайши. 14 августа 1945 года, сразу после объявления войны Японии, был заключен договор о дружбе и союзе СССР и Китая. Из него следовало, что Москва не вмешивается во внутренние дела соседа. При этом СССР получил право на военно-морскую базу в Порт-Артуре, на порт в Даляне, на совместное управление Китайской Чанчуньской железной дорогой (КВЖД) и ведение бизнеса в Китае.

Сталин всячески избегал повода для конфликта с США, удовлетворяясь на тот момент контролем над Северной Маньчжурией. Но Рузвельт умер, а Победа уже была в прошлом.

Под давлением американцев в марте — мае 1946 года из Китая были выведены части Красной армии, а американцы свои войска там оставили, в том числе и в Пекине. За 1945—1946 годы объем американской помощи Чан Кайши составил шесть миллиардов долларов[579]. В конце июня 1946 года войска гоминьдана начали широкое наступление на «северные территории», и коммунисты утратили значительную часть занимаемых позиций. Однако помощь из Москвы помогла отбить наступление и сохранить маньчжурскую революционную базу, которая стала основой для разгрома Чан Кайши. Война вступила в решающую фазу.

Подчеркнем, что еще в 1946 году на Чукотском полуострове была размещена 14-я десантная армия под командованием генерала Олешева. «Армия имела стратегическую задачу: если американцы совершат на нас атомное нападение, она высажи-

вается на Аляску, идет по побережью и развивает наступление на США»[580].

Но с чего было Америке нападать на Советский Союз? Дело в том, что каждая сторона быстро двигалась к войне.

В 1947—1948 годах в Западной Европе прошло несколько крупных забастовок, организованных компартиями.

Будет ошибкой считать, что Сталин с самого начала думал, что Восточная Европа должна стать коммунистической, и прикрывал свои замыслы игрой в демократию. На самом деле главной его идеей было создание коалиционных правительств с «целью проведения необходимых реформ в интересах не только рабочего класса, но и других слоев населения». Об этом он говорил 24 мая 1946 года на встрече с польской правительственной делегацией во главе с президентом Польши Б. Берутом и премьер-министром Э. Осубка-Моравским. Его мысли имели теоретическое звучание и сохраняют актуальность и сегодня.

«Каков характер строя, установившегося в Польше после ее освобождения?..

Демократия, которая установилась у вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, — это демократия, которая приближает вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя»[581].

После войны у Сталина была идея мирного, парламентского пути к социализму, в чем-то созвучная и парламентским идеям проекта советской Конституции 1936 года. Но точно так же, как и в 1936 году, обстоятельства вынудили от нее отказаться. Неудача, постигшая его в создании нейтральной Германии, дала старт расколу Европы.

Зимой 1947/48 года начался кризис в Чехословакии, где из-за неурожая 1947 года было получено всего две трети среднегодового сбора зерновых и менее половины — картофеля. Прага обратилась к США, но американский посол прямо предложил изменить внешнеполитический курс страны. Тогда К. Готвальд попросил о помощи Москву и получил продовольствие. Как говорил чехословацкий министр внешней торговли Рипка об американцах: «Эти идиоты в Вашингтоне привели нас прямо в сталинский лагерь»[582].

Спасая Чехословакию от голода, Сталин шел на укрепление советских позиций в этой стране с либеральным буржуазным правительством. До последнего времени такое государство его устраивало, но теперь, когда Запад стал быстро восстанавливать экономику трех своих оккупационных зон Германии и все дальше отходить от идеи устройства демократической нейтральной Германии, Советскому Союзу приходилось менять стратегию.

Сталин принял решение: президент Бенеш должен уйти, а президентом стать Готвальд. Для того чтобы Бенеш не вздумал сопротивляться, разведке было дано право использовать для давления на него угрозу обнародовать все факты сотрудничества чехословаков с Москвой, в том числе его расписку на получение в 1938 году десяти тысяч долларов от резидента советской разведки Зубова, благодаря чему Бенеш покинул страну после Мюнхенского соглашения.

И Бенеш ушел. Вряд ли он опасался оглашения истории с долларами. Гораздо значительнее было предупреждение Москвы, что от его решения зависит, быть или не быть кровопролитию.

Двадцать пятого февраля было сформировано коммунистическое правительство. Передача власти произошла почти безболезненно, если не считать самоубийства министра иностранных дел Яна Масарика. 10 марта он выбросился из окна.

В ответ американское военное командование 12 марта приказало проверить планы мобилизации. 13 марта в США было решено ввести воинскую повинность и усилить охрану атомных арсеналов. Военный министр Ройол предупредил Трумэна, что в случае войны американские войска в Европе и на Японских островах будут уничтожены.

Двадцать третьего февраля (то есть за два дня до формирования правительства Готвальда) началась Лондонская конференция (США, Англия, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург). Решалось будущее Германии без участия СССР.

В начале марта советская военная администрация стала выборочно ограничивать проезд союзников в берлинские западные зоны оккупации. Началась полублокада. Выяснилось, что никаких юридических прав на передвижение по советской зоне (кроме как в воздушных коридорах) у бывших союзников не имеется.

Как раз под «зонтиком» берлинской блокады, отвлекающей внимание противников, Мао Цзэдун и Сталин осуществили в Китае решающий удар по проамериканскому режиму. Перекрыв в Берлине железные и автомобильные дороги, а также отключив электричество, советская администрация перевела тлеющий конфликт в опасную стадию.

Была еще одна неафишируемая причина конфликта — столкновение вокруг германских финансов. До сих пор имели хождение так называемые «оккупационные марки», станком для печатания которых располагала советская администрация. Эти марки свободно обменивались на доллары, поэтому лишиться такого источника валюты означало большую потерю. П. Судоплатов считает это обстоятельство одним из заслужи-

вающих внимания, хотя, безусловно, не главным. Ради марок Сталин никогда не затевал бы такой рискованной игры.

Американцы стали снабжать Западный Берлин всеми имеющимися транспортными самолетами, а 29 июня англичане разрешили им перебазировать на Британские острова 60 бомбардировщиков Б-29, способных нести атомные бомбы. Еще один отряд бомбардировщиков прибыл на Окинаву. На обоих флангах СССР обозначилась атомная угроза.

Дело явно зашло далеко. В мае — июле 1948 года Объединенный комитет начальников штабов провел штабную игру «Пэдрон», были проанализированы возможные действия между СССР и США в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке в течение двух первых недель конфликта. Выводы американских штабистов оказались неутешительными. Советские войска быстро захватывают Берлин и Вену, выходят к Рейну, успешно действуют в Иране и Корее, а советские союзники — в Греции, советские десанты занимают район Нома на Аляске. Только в одном пункте на Аляске, в районе Фэрбэнкса и Анкориджа американцы отбивают десанты. Выяснялось, что у советских войск будет подавляющее превосходство в воздухе. На совещании в министерстве обороны США начальник штаба ВВС Х. Вандерберг признал, что у него нет полной уверенности в эффективности атомной бомбардировки советской территории.

Сталин располагал информацией разведки, что «американский ядерный арсенал был слишком мал для начала большой войны против СССР»[583].

Вдобавок к этому ему поступали сведения, что в Берлине французская администрация не верила в возможность американцев долгое время снабжать Западный Берлин по воздуху, англичане тоже сомневались в этом.

Советская администрация в Берлине уверяла Москву, что операция американских ВВС обречена на провал и что Запад пойдет на уступки. При этом Сталин не захотел прислушиваться к сообщениям о неэффективности блокады, которые исходили от «кембриджской пятерки» из Вашингтона и Лондона (Д. Маклейн, Г. Бёрджесс, К. Филби, Э. Блант, Дж. Кернкросс) и других источников. Как ни странно, Сталину даже не доложили об очень важном сигнале из Лондона: министр иностранных дел Э. Бевин заявил, что, «если мы сейчас не займем твердой позиции, наше положение в Европе станет безнадежным». Это донесение было направлено только Молотову и его заместителю по Комитету информации В. А. Зорину. «Подобным же образом советское политическое руководство было лишено достоверной информации и об успешном решении проблемы снабжения Берлина по воздуху»[584].

Но будет ошибкой считать, что Сталин был настроен на военную конфронтацию в Европе. Здесь, в ее центре, он хотел только возвращения статус-кво, то есть совместного управления Германией посредством старого «четырехстороннего соглашения». Встретившись в конце июля 1948 года с американским послом У. Смитом, он пояснил, в чем главный смысл происходящего: бывшие союзники хотят восстановить Германию, и теперь в мире будут две Германии. В его словах сквозила тревога о возрождении государства, которое дважды наносило России огромный ущерб.

Однако Запад иного пути восстановления баланса сил уже не видел.

Советская блокада продолжалась до мая 1949 года, хотя уже гораздо раньше стало ясно, что американцы выстояли и отныне их участие в европейских делах становится нормой. Вашингтон принял решение оставить в Европе войска на постоянное базирование. Франция, колеблющаяся и опасающаяся возрождения Германии, теперь тоже была привязана к нарождающемуся западному военному блоку.

В Берлине Сталин проиграл. С единой нейтральной Германией, как он задумывал, ничего не вышло. На президентских выборах в США Трумэн одержал безоговорочную победу: после Чехословакии и Берлина прорузвельтовского курса больше не могло быть.

Но проигрыш на Западе перекрывался победой на Востоке. То, что начиналось Сталиным в 1920-е годы со споров с Зиновьевым, который доказывал, что нечего идти в Китай, теперь завершалось. Чан Кайши терпел поражение. Америка терпела поражение.

Что же в итоге? Израненная, экономически разгромленная страна сопротивлялась могучему сопернику и по-прежнему верила, что способна победить.

Глава семьдесят пятая

Разрыв с Тито. Концепция А. Даллеса по расколу советского блока: «Патриоты должны стать врагами Сталина». Операции в Польше и Чехословакии. Раскол элиты советского лагеря

И тут, как всегда в судьбе Сталина, за успехом последовал провал. И где? В самом сильном пункте коммунистического мира, в Югославии. Дело было не в происках империалистов, а в логике создаваемого Сталиным мира. Ну кто такой Тито по сравнению со Сталиным? До войны — это один из многих ко-

минтерновцев, война сделала его военным лидером, победителем немцев, что, правда, произошло при помощи Москвы и Лондона. Не случайно в 1944 году Черчилль в своей записочке о процентном соотношении предложил Сталину разделить влияние Югославии в соотношении 50:50. Югославия — важнейший после России центр славянства. Польша — не в счет, это католическая, западная страна, всегда враждебно относившаяся к православной России.

Но ведь Тито не серб, а хорват. Это имело, по мысли Сталина, большое значение. Вот его слова: «Бедой Югославии стало то, что ее руководство фактически формировалось из хорватов. А Хорватия традиционно страна католическая. В ней сильно влияние Рима, сильны традиции Австро-Венгрии. Другое дело Сербия с ее православным населением и исторической ориентацией на Россию. Такие вещи тоже играют роль в политике»[585].

Впрочем, непонятно, что следовало из национальности Тито, разве что его несогласие с «московским царем». В Югославии все делалось по советскому примеру — однопартийная система, огосударствление промышленности, банков, транспорта, оптовой торговли, коллективизация и т. д. Весной 1947 года Тито объявил о переходе к строительству социализма, был принят пятилетний план, в котором главным направлением являлось преобладающее развитие тяжелой промышленности. На международной арене Тито был верным соратником Сталина, полностью поддерживая СССР.

Вначале ничто не предвещало разрыва. Наоборот, в середине 1945 года для предотвращения возможных покушений в охрану Тито по его просьбе были направлены советские чекисты. В сентябре 1947 года Сталин принял решение оказать помощь в индустриализации Югославии, туда были направлены специалисты, техническая документация, материалы и оборудование. Однако геополитические расчеты Сталина были гораздо шире титовских, и он в вопросе принадлежности Триеста пошел на компромисс с Западом, что вызвало упрек югославского руководителя. Сталин был опытнее, выдержаннее. Тито по-партизански торопился, желая быстрого объединения своей страны с Албанией, а также форсированного заключения договора с Болгарией, международное положение которой («побежденная вражеская держава») еще не было изменено путем ратифицирования мирного договора. Сталин не хотел создавать на ровном месте проблем с Западом, их и без того было достаточно. Но Димитров и Тито не послушались его и парафировали свой договор, объявив об этом в печати. Правда, после сердитого письма Сталина они признали ошибочность своих действий и покаялись.

На этом самостоятельные инициативы Тито не закончились. Они были продолжены в отношении Албании, где югославы хотели получить преимущественное положение. Сталин не возражал, но рекомендовал не торопиться с формальным объединением. Тито же, не информируя Сталина, поставил перед Тираной вопрос о предоставлении на юге Албании базы для размещения югославской дивизии: для защиты от возможного вторжения греков.

На это последовала строгая реакция Москвы, заявившей о «серьезных разногласиях», и Тито отступил, признав, что был не прав.

Но еще резче стала позиция Сталина, когда он узнал, что 17 января 1948 года Димитров заявил журналистам о будущей федерации восточноевропейских стран. Москве только этого не хватало, когда она изо всех сил препятствовала объединению западных зон Германии. И кроме того, забегание славянских братьев вперед грозило нарушить весь порядок управления в Восточном блоке, и без того еще не вполне сложившийся.

Десятого февраля 1948 года болгарская и югославская делегации во главе с Димитровым и Карделем предстали пред ясны очи кремлевского вождя. На даче у Сталина были Молотов, Жданов, Маленков, Суслов, Зорин. Гости снова признали свои ошибки. 11 февраля были подписаны протоколы об обязательных консультациях по международным вопросам между СССР и Югославией, СССР и Болгарией.

Сталин решительно отверг димитровскую идею федерации всех восточноевропейских стран и предложил три новых объединения: польско-чехословацкое, румыно-венгерское и югославо-болгаро-албанское. Причем предложил начинать с союза Югославии и Болгарии, что должно было уравновесить претензии Тито на региональное лидерство. То, что Сталин именно так толковал поведение югославского руководителя, подтверждается и его замечанием, что «югославы боятся русских в Албании и из-за этого торопятся ввести туда войска».

В Белграде замысел Сталина поняли. 19 февраля на заседании Политбюро ЦК КПЮ было решено не идти на создание федерации с Болгарией: из-за большого советского влияния в этой стране федерация может обернуться контролем Москвы над Югославией. Тогда же Тито высказался о необходимости отстаивать позиции в Албании.

Конечно, это еще не разрыв с Москвой, но вполне осознанное расхождение. Особенный поворот в действиях Тито произошел 21 февраля, когда на встрече с генеральным секретарем Компартии Греции Н. Закаридисом и секретарем ЦК КПГ

И. Иоаннидисом грекам была обещана помощь (вопреки указанию Сталина свернуть партизанскую войну).

Тито переступал границы дозволенного. 1 марта 1948 года на расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ было заявлено, что СССР, не считавшийся с интересами Югославии и других стран «народной демократии», стремится оказать на них давление и навязать свою политику. Обсуждалась также задержка СССР поставок оружия. После этого Тито передал, что хочет приехать в Москву и объясниться по спорным вопросам. Однако расхождения еще больше увеличились, когда 9 марта советский посол Лаврентьев телеграфировал в столицу, что вопреки сложившейся практике югославы отказываются предоставлять советскому торговому представителю информацию об экономике страны.

Восемнадцатого марта Тито было направлено письмо, подписанное Сталиным и Молотовым, в котором югославское руководство обвинялось в оппортунизме, антисоветизме, ревизии основных положений марксизма-ленинизма.

В свою очередь Тито и Кардель обвинили советскую сторону в действиях против Югославии.

Москва ответила прекращением действия протокола от 11 марта 1948 года о консультациях, а также задержкой намеченного к отправке в Югославию технического оборудования, которое предназначалось в качестве взноса в уставный капитал совместного авиационного и пароходного общества, и отменой командировок советских специалистов.

Югославы арестовали члена Политбюро ЦК КПЮ С. Жуйовича и члена ЦК КПЮ А. Хебранга, которые открыто поддерживали Москву. Впоследствии были арестованы десятки тысяч югославских коммунистов, тысячи из них погибли в концлагерях.

Это уже была война.

Девятнадцатого — двадцать третьего июня 1948 года в Бухаресте на втором совещании Коминформа Тито и югославское руководство были подвергнуты остракизму. Выступая с докладом, Жданов сказал, что в югославской «компартии не может быть такой позорный, чисто турецкий, террористический режим».

Но был ли он прав в отношении самого последовательного и радикального союзника в Восточной Европе?

У Сталина не нашлось времени, чтобы ждать, когда Тито впишется в его стратегию. Поэтому и была начата еще одна война в надежде сокрушить противника. 8 сентября 1948 года в «Правде» появилась статья «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии». Под ней стояла подпись «ЦК», автором

был Сталин. В ней заявлялось: «Фракция Тито находится в состоянии войны со своей партией». На самом деле это было большое преувеличение.

Сталин мог найти иные средства повлиять на югославского лидера, но предпочел самые боевые. Почему? Надо было пресечь возникновение конкурирующего центра мирового коммунистического движения.

Как свидетельствует тогдашний член югославского руководства, сталинская практика опиралась на философское умозаключение: «Если наши идейные предпосылки правильны, то все остальное должно произойти само по себе»[586]. То есть Сталин ощущал себя творцом истории. И как творец он был свободен в выборе средств.

Правда, известны и другие идейные предпосылки, и другие творцы. Поскольку сокрушить СССР военными средствами оказывалось невозможным, Даллес перенес борьбу в иные временные пределы, не ограничиваясь конкретными сроками. Он выходил за границы человеческой жизни. Сталин, Черчилль, Трумэн — все они уйдут, как ушел Рузвельт. Они только кажутся незаменимыми и всемогущими.

Замысел Даллеса опирался на невидимое постороннему взгляду противоречие между Сталиным и коммунистическим руководством стран Восточной Европы. Сталин видел в новых союзниках прежде всего отряды мирового коммунизма, а в этих странах — форпосты советской военной системы. И было бы ошибочно надеяться, что после десятилетий объявленных и необъявленных войн, когда страны Восточной Европы использовались как плацдармы против СССР, он мог думать иначе. Эти страны должны были стать провинциями коммунистического Рима, его крепостями.

Однако в Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Югославии, Албании коммунистические лидеры имели свои национальные представления о будущем. Каждый из них опирался на собственные исторические традиции и опыт предшествующих политических элит.

Советская резидентура в Белграде всегда нервозно оценивала самостоятельность Тито, на что руководство внешней разведки в Москве отвечало указаниями проявлять сдержанность. Одно из предупреждений Центра еще в августе 1945 года оказалось провидческим: «Еще раз просим вас при получении подобных данных помнить, что англо-американские разведорганы кровно заинтересованы в создании атмосферы недоверия и подозрительности к руководителям нынешнего правительства

Югославии. Надо думать, что впереди еще будет немало попыток нашими руками убрать наиболее верных и преданных югославских коммунистов»[587].

Вот ключевая мысль: «нашими руками убрать наиболее верных и преданных».

План Даллеса опирался именно на эту мысль, которая и была положена в основу операции «Расщепляющий фактор». Операцию наполнили конкретикой живые люди, настроенные патриотически участники антигитлеровского Сопротивления, коммунисты, которые вписались в даллесовскую концепцию расколоть советский блок. Из этих людей он создал сеть антикоммунистического «заговора», страшного для Москвы своей разветвленностью, проникновением в руководящие органы восточноевропейских стран.

В действительности никакого заговора не было. Он был придуман и поддерживался подбрасыванием соответствующей информации с Запада и беспощадной готовностью советских спецслужб защититься от агрессии. В этой беспощадности отразились и геополитическое противостояние, и ядерная угроза, и память о внутренних процессах 1937 года как против явных, так и возможных врагов.

В 1948 году заместитель начальника 10-го управления (политическая разведка) службы безопасности Польской Народной Республики, участник войны с Германией, подполковник Йозеф Святло установил контакт с представителем Интеллидженс сервис Салливаном. Святло было 33 года. Как у всех поляков, его патриотизм базировался не только на любви к Польше, но и на чувстве исторического противостояния германской и российской экспансии. Провоевав всю войну в польских частях на стороне СССР, Святло дослужился до своего поста и был одним из активных участников борьбы с антикоммунистическим подпольем.

Десятое управление занималось внутренней безопасностью, то есть политическим сыском. Его сотрудники вели наблюдение за всеми членами польской компартии и руководителями всех уровней. В лице Святло английская, а вскоре и американская разведка приобрели очень ценного агента.

В июне 1948 года произошло еще одно событие, укладывавшееся в концепцию Даллеса: Югославия была исключена из Коминформа. Из югославского сюжета при помощи Святло и посредством созданной вокруг него сети должны были прорасти зерна противостояния Сталину в Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии.

Для успеха Даллесу, который прекрасно знал ситуацию в Европе, где просоциалистические настроения были характер-

ны для интеллигенции, нужно было создать правдоподобную для Москвы легенду: в восточноевропейских странах действует агентурная сеть ЦРУ, куда входят видные деятели антифашистской борьбы, связанные друг с другом либо участием в войне в Испании против Франко, либо сотрудничеством с окружением Троцкого, либо контактами с европейскими структурами США, такими как УСС или Комитет по делам беженцев.

Политическая элита послевоенной Европы была пронизана чувством антигитлеровской общности и еще не воспринимала новую реальность «железного занавеса».

Сыграть роль третьего звена в реализации замысла Даллеса случай определил американца Ноэля Филда. Ему было 44 года. Он родился в Швейцарии, закончил Гарвардский университет. По взглядам — левый, сторонник коммунистов. В возрасте двадцати двух лет поступил на дипломатическую службу, в 1929 году работал вместе с Алленом Даллесом над материалами для Лондонской конференции по военно-морскому разоружению.

После прихода к власти Гитлера Филд еще больше проникся левыми идеями и на этой почве сблизился с беженцами из Германии, которые были агентами советской разведки. На идейной основе Филд начал сотрудничать с ними, передавал некоторые малозначительные документы, считая, что надвигающаяся война обязывает всех антифашистски настроенных людей объединяться. Можно сказать, что Филд был романтиком. Но настоящим агентом НКВД он не стал.

На связи с ним находился Игнатий Порецкий (он же Людвиг, он же Райс), который вскоре сбежал и был уничтожен агентами НКВД. Следующим связником был Вальтер Кривицкий, и тот тоже перебежал. Впоследствии контакт с перебежчиками будет вписан как крайне подозрительное обстоятельство в досье Филда.

В 1939 году он стал работать в Женеве в Лиге Наций по наблюдению за репатриацией иностранцев — участников гражданской войны в Испании на стороне республиканцев. В 1941 году Филд возглавил представительство Комиссии унитарных служб при правительстве Петена. После оккупации юга Франции Филд назначается европейским директором Унитарной миссии в Женеве. Здесь пути Филда и Даллеса вновь пересекаются. Помогая беженцам и особенно беженцам-коммунистам, Филд оказался связан с людьми, которые вскоре стали видными фигурами в своих партиях. Так, пользуясь информацией Филда, Даллес убедил военных усилить помощь партизанам Тито. Через Филда Даллес получал первоклассную информацию и по другим странам. Он доверял Филду и воспользовался его рекомендациями при составлении групп гражданского

самоуправления на освобождаемых после отступления немецких частей территориях. Неудивительно, что эти группы состояли из коммунистов-антифашистов.

Но то, что было естественным во время войны, после ее окончания оказалось неприемлемым.

Даллесу указали на его ошибку. Филд теперь выглядел в его глазах коммунистическим агентом.

В 1949 году Филда лишили должности руководителя миссии помощи Европе. Холодным январским днем он прилетел в Варшаву в надежде найти себе пристанище.

Однако он ошибся. Здесь Йозеф Святло, чтобы скомпрометировать свое руководство, задумал в провокационных целях использовать Филда как посланца ЦРУ. Святло послал сигнал своему связнику: кто такой Филд? Можно ли его задействовать в игре? Имеются ли возражения?

Программа для Святло выглядела беспримерной: «Он должен повсюду находить "шпионов", разоблачать высших партийных лидеров как американских агентов, и сами американцы будут снабжать его необходимыми доказательствами. Он раскроет крупный троцкистский заговор, финансируемый США, охватывающий все страны в Русской империи сателлитов. Он докажет, что титоизм свил гнездо не только в Польше, но и в Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Румынии и Восточной Германии. Он доложит самому Берия, что в центре этого заговора связующим звеном между предателями и Вашингтоном является человек по имени Ноэль Филд, о котором Берия следует сказать, что он является самым важным американским разведчиком в Восточной и Западной Европе. Он покажет, как Филд провел наиболее успешную американскую шпионскую операцию в период Второй мировой войны, используя унитариев в качестве прикрытия. Он доложит, как Филд использовал свое положение для привлечения к себе коммунистов и их последующей вербовки в качестве агентов. Он раскроет, что уже после окончания Гарвардского университета Филд стал работать на американскую разведку, выдавая себя за сочувствующего или члена коммунистической партии. Он выявит, что после войны Филд внедрил своих агентов на высокие партийные и правительственные посты в восточноевропейских странах. Причем все это было сделано настолько быстро, что важные должности были захвачены до того, как лояльные Москве деятели смогли показать свои силы. Он доложит и покажет, как даже в настоящее время проводятся мероприятия с целью усилить прикрытие Филда. Например, проводимое сенатом расследование является мистификацией, цель которой — помочь Филду обосноваться в Восточной Европе. В целом он

должен доказать, что Ноэль Филд развернул деятельность, направленную на разрушение всего советского блока, и что, более того, он опасно близок к достижению цели»[588].

Святло выполнил задание. Его доклад об антисоветском заговоре лег на стол кремлевского руководства. Для подкрепления дезинформации радио «Свободная Европа» каждую ночь передавало в эфир зашифрованные послания, якобы предназначенные для бесчисленных американских агентов. Но, несмотря на это, Сталин распорядился еще раз все проверить.

Кроме того, в высшем советском руководстве тоже проходил раскол по условной линии «интернационализм — национализм», который выражали секретарь ЦК А. А. Кузнецов и член Политбюро, председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский.

По сравнению со старшим поколением они были другими. Этот процесс шел и в восточноевропейских компартиях.

Запрос Кремля в советскую резидентуру в США проверить Филда был передан агенту-двойнику, работавшему под контролем ЦРУ, который отослал сообщение: Ноэль Филд связан с Алленом Даллесом, его досье исчезло из ЦРУ, он известен как коммунистический активист.

Именно такой осторожный, но ничего не опровергающий ответ показался Москве убедительным. Именно так, по логике спецслужб, и должно выглядеть лицо тайного агента.

Тем временем ЦРУ всячески распространяло слухи о намеченной против СССР тайной операции, в их распространении участвовал даже государственный секретарь США. Филд был арестован как «агент американской шпионской организации, внедрявший шпионов в высшие круги коммунистических партий с целью свержения социалистической системы по указанию Тито и империалистов». От него были протянуты нити заговора в Венгрию, Болгарию, Польшу.

В Венгрии были арестованы министр иностранных дел, командир республиканского батальона в Испании Ласло Райк; заместитель министра обороны и начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Георгий Палфи; секретарь ЦК партии по кадрам Тибор Сони; его заместитель Андраш Салаи и несколько других высокопоставленных государственных руководителей и офицеров. 14 сентября 1949 года Райк, Сони и Салаи были повешены во дворе будапештской тюрьмы в центре города.

В Болгарии был повешен Трайчо Костов, заместитель премьер-министра. В Польше был арестован и приговорен к многолетнему тюремному заключению Владислав Гомулка, занимавший в 1948 году пост генерального секретаря польской

коммунистической партии. Все они для Даллеса были опасными противниками, способными укрепить коммунизм в своих странах.

Трагична и история генерального секретаря Компартии Чехословакии Рудольфа Сланского. Это был сильный, смелый человек, убежденный сталинист. Этнический еврей, он был лишен каких-либо националистических пристрастий. Он утверждал, что оппозицию надо уничтожить, «пусть лучше пострадают десять невинных, чем один враг останется на свободе». Выбросившийся на парашюте в Словакии, он участвовал в партизанском движении, был решительным и безжалостным руководителем. Тем не менее Сланский был заподозрен в связях с людьми Филда, но еще больше — в «еврейском буржуазном национализме».

Еще недавно СССР поддерживал создание в Палестине государства Израиль, именно чехословаки поставляли израильтянам оружие для борьбы с британскими войсками, и Москва рассматривала борьбу идеологии «как удар по британскому империализму на Ближнем Востоке», который был нанесен силами прогрессивных евреев из России и Польши[589].

Однако расчет Сталина закрепиться на Средиземном море при помощи Израиля не оправдался. Приходилось задействовать более долговременный план сотрудничества с арабами.

Изменение в настроениях советских евреев, энтузиазм, с которым они встречали посла Израиля Голду Меир в Москве на еврейский Новый год 4 октября 1948 года, а самое главное — подспудная угроза получить в лице еврейской элиты «агента влияния» США повернули мнение Сталина о сионизме на 180 градусов. Теперь сионизм стал частью «широкомасштабного американского заговора с целью подрыва единства социалистического лагеря руками живущих в нем евреев»[590].

И здесь операция Даллеса наложилась на антисионистские умозаключения Кремля. Следственная машина заработала, выявляя все новых участников дела Сланского.

Тем не менее Сталин вдруг заподозрил, что не следует торопиться, ведь обвинения могли быть сфальсифицированные. Тем не менее чехословацкая служба безопасности продолжала утверждать, что Сланский — глава заговора с целью государственного переворота. По указанию Сталина Сланского понизили в должности, он стал вице-премьером, хотя сохранил свое влияние в партии.

Видя, что операция затормозилась, Аллен Даллес начал новую акцию: ЦРУ через чешских эмигрантов в Германии стало распускать слух, что Сланский, оскорбленный понижением, собирается перейти в Германию. Также ЦРУ сумело передать

советской разведке сообщение о якобы готовящейся американцами переброске Сланского на Запад.

В Прагу прибыл личный представитель Сталина Анастас Микоян. Он передал, что Сталин потребовал ареста Сланского.

Однако президент Чехословакии Клемент Готвальд сомневался и попросил доказательство подготовки побега Сланского. Казалось, снова судьба отводит угрозу от невиновного. И тут Даллес делает следующий ход для устранения самого твердого сторонника Сталина в Чехословакии.

Девятого ноября 1951 года в Праге перехватывают письма и сообщения радио «Свободная Европа», развивающие тему предательства Сланского.

В Мюнхене циркулируют слухи о каком-то важном чехе, который перебежит из-за «железного занавеса». Чтобы придать этим слухам большую силу, на американском аэродроме был разыгран любопытный спектакль: каждую ночь туда доставлялись известные чешские эмигранты, ожидавшие прибытия «важного лица». Ночь за ночью они стояли вместе с группой высших американских офицеров в конце взлетной полосы, причем им не говорили, кто именно это «важное лицо». Но они, конечно, догадывались: Рудольф Сланский. С этого момента в Москве и Праге не было больше сомнений относительно того, что следует предпринять. Всё. Точка была поставлена.

Двадцать третьего ноября Сланский арестован, обвинен в шпионаже, подвергнут пыткам. В Чехословакии были арестованы сотни людей, знавших его.

Он признал себя виновным по всем четырем пунктам обвинения: в шпионаже, государственной измене, саботаже и военном предательстве.

В обвинительном заключении, разумеется, фигурировали имена Филда и Даллеса.

Всего в круговорот операции попали около ста тысяч человек в Венгрии, Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии, Восточной Германии, Албании. Около тысячи из них были казнены. Коммунистическим кадрам был нанесен небывалый удар.

Сланский и с ним еще 11 человек были повешены 3 декабря 1952 года, их трупы сожжены, а мешок с прахом выброшен где-то на окраине Праги.

Обращает на себя внимание формулировка обвинителя в суде: «Общим у всех этих предателей является их буржуазное еврейское воспитание. Даже после вступления в чехословацкую коммунистическую партию и выдвижения на высокие ступени в партийном руководстве они продолжали оставаться буржуазными националистами и стремились к собственной

выгоде. Их целью было свергнуть наше партийное большевистское руководство и уничтожить народный демократический режим. Для достижения этого они вступали в контакт с сионистскими организациями и с представителями израильского правительства, которые на самом деле являются агентами американского империализма»[591].

Никогда прежде в политических процессах не указывалась национальная принадлежность обвиняемых, хотя Троцкий, Каменев, Зиновьев, Радек, Якир, Ягода и многие другие были евреями. Теперь ящик Пандоры был раскрыт.

Английский резидент Салливан, которому предложил свои услуги польский особист Святло, кроме разведывательной деятельности, занимался и провокациями на национальной почве, организовывал антисемитские выступления в Познани. Но то был мелкий масштаб. Сейчас же весь социалистический лагерь ужаснулся размаху злодеяний, приписываемых газетами людям с еврейскими фамилиями. Элита коммунистического лагеря вдруг стала крошиться.

Глава семьдесят шестая

Судьбы детей Сталина. Настроения и ожидания молодежи. Новый брак Светланы

«Маленькие детки — маленькие бедки», — говорит пословица. А его дети уже выросли. С Яковом он окончательно простился: разведка подтвердила факт гибели и даже прислала протокол допроса какого-то француза, маявшегося вместе с Яковом в лагере. Тот сообщал, что сталинский сын не уронил чести и говорил в глаза врагам, что Советский Союз победит.

Василия и Артема Сергеева Бог миловал. Василий, кроме ранения от реактивного снаряда во время злополучной рыбалки, больше повреждений не получил. Артема война сильно побила. Еще зимой 1941-го под Москвой ему разрывной пулей почти оторвало правую кисть, но великий хирург Александр Николаевич Бакулев ее пришил. После штыкового удара в живот его спас хирург Вишневский.

Потом Артем снова воевал, на несколько дней попал в плен, бежал из-под расстрела, партизанил в белорусских лесах, затем снова воевал в действующей армии. Получил еще три ранения. В 1945-м в 24 года стал подполковником, командиром артиллерийской бригады.

Василий — полковник, командир авиадивизии, в 1946-м — генерал.

Отправив детей на фронт, Сталин не знал, уцелеют ли они. Но вот двое уцелели. И что?

Василий так и остался «дикаренком типа скифа», хоть и с погонами генерал-майора. Он рано женился. В 1941 году у него родился мальчик Саша, в 1943 году — девочка Надя. В его служебной характеристике указано, что он хороший летчик, храбрый человек, но несдержанный, может позволить себе даже драку с работниками НКВД. В начале 1946 года Василий снова женился, на дочери маршала Тимошенко, красавице Екатерине, жгучей брюнетке с голубыми белками глаз. Ее мать — испанка.

Сын Василия от первого брака Александр Бурдонский вспоминал: «Екатерина Тимошенко с нами странно обращалась. Сестру била жесточайшим образом, у нее почки до сих пор отбиты. На роскошной даче мы умирали от голода. Вылезли как-то... маленькие дети, прокрались туда, где овощи лежат, набрали себе в штаны и зубами чистили свеклу, немытую грызли в темноте»[592].

Артем — гораздо серьезнее. Он учился в Артиллерийской академии, где, несмотря на все старания, профессора часто были не удовлетворены его знаниями. Юный фронтовик очень переживал, пока не выяснилось, что он страдает из-за Сталина: тот велел быть с воспитанником «построже». Генерал-майором он стал только в 1957 году.

Василий же получил это звание гораздо раньше, при активной поддержке ближайшего начальства. Счастья это ему не прибавило, но сделало жизнь ярче и веселее. Любитель шумных компаний, красивых женщин, лошадей, футбола, он был добрым малым, недалеким гусаром, каким, собственно, и должен был быть человек, не видевший ничего, кроме войны. Он был развращен прислугой и подхалимами. Впитавший с детства от Власика матерный образный язык, он жил в стихии инстинктов, никого не боясь, кроме отца. В отличие от Артема, который хотел учиться, Василий, казалось, потерял ощущение времени.

Он просто был одним из символов сталинской эпохи. Кончится эпоха — будут выброшены символы. Непокорный, щедрый, сумасбродный, любвеобильный молодой человек, даже став командующим авиацией Московского военного округа, не угомонился. Оставалось только гадать, когда он повзрослеет. Пока же наш герой терпел художества сына, тем более что по службе к Василию не было претензий, наоборот, авиация МВО стала лучшей в армии.

Если определить одной формулой противоречивую натуру Василия Иосифовича, то она ярко выразилась в его самостоя-

тельности. Это было, возможно, общее качество молодых фронтовиков. В силу своего уникального положения он мог ремонтировать школы, строить дома для офицеров или спортивные сооружения, увозить из Большого театра к себе домой балерин (однажды с репетиции прямо в балетной пачке и в генеральской папахе Василия увезли молодую балерину, впоследствии ставшую знаменитой), совершать практически любые поступки.

В какой-то мере в нем реализовывалось ожидание лучшей жизни, характерное для послевоенного общества.

В отношениях Сталина с сыном это обстоятельство надо учитывать, иначе как объяснить то, что в 1949 году Василий стал депутатом Верховного Совета СССР, возглавил Федерацию конного спорта СССР. Вождь ожидал, что сын оправдает его ожидания.

Можно ли сказать, что Василий, выбиваясь из общей канвы, бунтовал?

Именно так. Отклонение от общепринятых норм — это и есть бунт. Генерал-майор Сталин был вне системы, противопоставлял себя обществу не на уровне идей, а на уровне быта, любовных отношений, спорта.

Время от времени вождь как будто оглядывался и замечал где-то на окраине империи своих детей, посылал им какой-то знак, и они снова терялись за его глобальными проблемами и войнами.

Только однажды в 1952 году, когда СССР впервые участвовал в Олимпийских играх, которые проходили в Хельсинки, он возложил на сына серьезную политическую задачу. Но Василий не справился с ней. Советская команда не обогнала американскую, как предполагалось, а только разделила с ней первое и второе места, а футбольная сборная, составленная в основном из футболистов клуба ВВС, проиграла сборной Югославии. Сталин воспринял это как личное оскорбление. «Армия, потерявшая знамя, должна быть расформирована», — сказал он, и команда Василия была расформирована.

Вообще в молодежной среде происходили неприятные вещи. У юношей и девушек, выросших в строгой и возвышенной обстановке военных лет, были особые надежды и виды на будущее. Реальная повседневность с ее экономическими трудностями и жестким идеологическим контролем, задевающим их духовную свободу, казалась если не враждебной, то случайной или ошибочной. Нет, они не были антисоветски настроены, они хотели улучшения. Поэтому не один десяток молодых людей оказался в поле зрения как партийных органов, так и госбезопасности. Власть боролась, вплоть до уголовного пре-

следования, с любыми попытками отклониться от «магистрального пути».

Сталин и его соратники видели в новых молодежных настроениях отражение угрозы внешнего мира. Этот мир соблазнял подобно тому, как в гоголевской повести «Тарас Бульба» прелестная панночка соблазняла запорожского казака Андрия, из-за нее тот и был убит своим же отцом Тарасом. В отношениях с детьми Сталин был в чем-то похож на несчастного полковника Бульбу.

Светлана в отличие от Василия еще не потеряла душевной привязанности к отцу, но все время балансировала в опасной близости разрыва.

Реальность проникала в жизнь Светланы и всегда больно ранила. Однажды, в 1946 году, к Сталину в Гагру приехал Хрущев и привез много разных подарков: «арбузов и дынь не в обхват, овощей и фруктов и золотых снопов пшеницы». Его шофер, пока руководство занималось своими делами, поведал на кухне, что обстановка на Украине ужасна: засуха, голод. Впечатлительная Валентина Истомина сразу уловила идеологическую основу этого сюжета. «Как им не стыдно, — кричит Валечка и плачет, — как им не стыдно было его обманывать! Теперь все, все на него же и валят!»[593]

В представлении Светланы отец, справедливый и бескорыстный, не имел отношения к этим ужасам.

Летом 1947 года Сталин снова пригласил дочь на юг, и она потом вспоминала: «Это было приятно и печально, — и бесконечно трудно». Она терялась, не зная, о чем с ним можно разговаривать. Они жили в разных мирах и, находясь рядом друг с другом, ощущали огромную дистанцию.

«Было такое ощущение, что стоишь у подножья высокой горы, а он — наверху ее; ты кричишь что-то туда, наверх, надрываясь, — туда долетают лишь отдельные слова... И оттуда до тебя долетают лишь отдельные слова; всего не скажешь таким образом, много не наговоришься. Мы гуляли иногда, — это было легче. Я читала ему вслух газеты, журналы — это ему нравилось. Он постарел. Ему хотелось покоя. Он не знал порою сам, чего ему хотелось... Вечером крутили кино — старые, довоенные фильмы, "Волгу-Волгу", которую он очень любил, фильмы Чаплина»[594].

Бесспорно, отец и дочь любили друг друга. Сталин с нежностью относился к ее сыну Иосифу. Отгороженный от всех охраной, заборами, очищенными от людей перронами, он видел перед собой только этих двух живых существ из обычного мира — дочь и внука. Конечно, он хотел, чтобы они были рядом.

Разведясь с Григорием Морозовым, Светлана переехала в

Кремль. Она была по-прежнему одинока, в чем-то повторяя отцовское одиночество. Но эта юная женщина хотела любви. Ей очень нравился сын Берии, Серго. Сталин же видел ее мужем сына Жданова, Юрия.

Ждановы происходили из иной культурной среды. Прадед члена Политбюро был ректором Духовной академии, отец — магистром Духовной академии; в ждановском роду было несколько университетских профессоров. Сам же Андрей Александрович был широкообразованным человеком, верившим в идеалы коммунизма. Сталин к нему относился очень сердечно.

Но можно ли Светлане выйти замуж за Серго Берию?

Впоследствии на этот вопрос ответил сам Серго: он не был влюблен в Светлану, его сердце принадлежало Марфе Пешковой, внучке Горького.

Весной 1949 года Светлана вышла замуж за тридцатилетнего Юрия Жданова, заведующего сектором науки ЦК, и переехала в его семью вопреки желанию Сталина, чтобы дети жили вместе с ним на Ближней даче.

Отказ Светланы обидел его. Он доказывал непослушной дочери, что обстановка ждановской семьи, где всем правят вдова Жданова (Андрей Александрович умер 31 августа 1948 года) и ее сестры, будет непереносимой для самостоятельной Светланы. Он оказался прав. Юрий с утра до ночи был на работе, а она грустила в чуждой обстановке. Почувствовав ее состояние, муж засадил ее выписывать на отдельные карточки цитаты философов — ему это потребовалось для научной работы. Светлана добросовестно выполнила задание, но на душе стало еще тяжелее. Она была беременна, предродовый период проходил тяжело, ребенок (девочка Катя) родился недоношенным. Лежа в больнице по соседству с дочерью Молотова и наблюдая, как к соседке приходят родственники и сам Вячеслав Михайлович, Светлана чувствовала себя никому не нужной. Она написала отцу горькое письмо. Он ответил запиской: «Здравствуй, Светочка! Твое письмо получил. Я очень рад, что ты так легко отделалась. Почки — дело серьезное. К тому же роды... Откуда ты взяла, что я совсем забросил тебя?! Приснится же такое человеку... Советую не верить снам. Береги себя. Береги дочку: государству нужны люди, в том числе и преждевременно родившиеся. Потерпи еще, — скоро увидимся. Целую мою Светочку. Твой "папочка"»[595].

Сталин к ней так и не приехал.

После развода с Юрием в кремлевских кругах стали поговаривать, что Серго Берия собирается жениться на Светлане. На первый взгляд, если бы это произошло, Берия приобрел бы положение наследного принца. Однако Лаврентий Павлович вдруг

сильно обеспокоился, почувствовав огромную опасность перспективы породниться со Сталиным. Перед его глазами стоял пример бывшего сталинского свата, «ученого» Мороза, и почти всех Сванидзе, попытавшихся переступить невидимую черту.

Впрочем, Берия смотрел еще дальше. Как считал Судоплатов, он «знал, что его противники из Политбюро используют этот брак в борьбе за власть и что силы Сталина уже не те: если Берия свяжет себя со Сталиным семейными узами, то в случае смерти Сталина он будет обречен. Ситуация породила их взаимную неприязнь...»[596].

Прямо-таки Монтекки и Капулетти, война феодальных сеньоров... И в расчетах каждого мысль: кому достанется наследство?

Есть свидетельства, что в начале 1952 года Василий и Светлана получили из Грузии и передали Сталину письма о коррупции и о других преступлениях в этой республике. Незадолго до смерти Сталин сказал дочери, что теперь он понял, что Берия — его враг[597].

В борьбе двух группировок — ждановской и маленковско-бериевской — однажды под удар попал и побочный сын Сталина, Константин Сергеевич Кузаков. Он родился от связи Сталина во время вологодской ссылки с молодой вдовой Матреной Кузаковой и был записан на имя умершего за два года до рождения младенца мужа. После революции Сталин помогал им. По воле судьбы их пути пересеклись. Константин Кузаков стал заместителем начальника Управления пропаганды и агитации Александрова, «человека Маленкова».

В конце сентября 1947 года на заседании Политбюро было решено создать в аппарате ЦК «суд чести». 29 сентября на собрании работников аппарата на Старой площади в присутствии Сталина выступил с докладом секретарь ЦК Кузнецов. Говоря о борьбе с антипатриотизмом, он вспомнил закрытые письма ЦК от 1935 года — «Уроки событий, связанных с злодейским убийством товарища Кирова» и «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского революционного блока», а также другие документы, посвященные «революционной бдительности». Кузнецов подчеркнул, что «главной задачей в подрывной деятельности против нашей страны иностранная разведка ставит прежде всего обработку отдельных наших неустойчивых работников». Он привел много соответствующих примеров, и основной удар был нанесен по Александрову и другим руководителям УПиА. Ключевой фигурой в докладе стал бывший заместитель заведующего отделом УПиА, дирек-

тор Государственного издательства иностранной литературы Б. Л. Сучков, которого обвинили в передаче американцам атомных секретов, а также сведений о голоде в Молдавии. Кроме того, попытавшись помочь бывшему однокурснику Льву Копелеву, осужденному на десять лет заключения за «контрреволюционную деятельность», Сучков написал в его защиту письмо в прокуратуру. Из прокуратуры письмо переслали в ЦК Маленкову, где в аппарате дело было замято. Испуганный Сучков советовался с Кузаковым, не следует ли ему написать покаянное объяснение. Тот советовал подождать, не раскрываться, то есть стал соучастником.

Сталин молча выслушал доклад Кузнецова и не вмешивался в дальнейшие события.

Двадцать третьего — двадцать четвертого октября 1947 года «суд чести» рассмотрел дело об антипартийных поступках бывшего заведующего отделом кадров ЦК М. И. Щербакова и бывшего замначальника УПиА Кузакова, обвиненных в потере политической бдительности и чувства ответственности за порученную работу в связи с разоблачением Б. Л. Сучкова, которого они рекомендовали на работу в аппарат ЦК. Им объявили общественный выговор. Решением Секретариата ЦК они были исключены из партии. Сучкова приговорили к заключению и освободили только в 1955 году.

(В итоге всех разбирательств УПиА было расформировано, Александрова отправили директором в Институт философии, к руководству партийной пропагандой пришли люди Жданова. Начальником стал М. А. Суслов, сохранив за собой пост руководителя внешнеполитического отдела. Проводя чистку, Жданов руководствовался мыслью «убрать с идеологического фронта эту мелкую буржуазию».)

Возможно, Кузакова тоже арестовали бы, но Сталин не позволил. В дальнейшем сын вождя работал на киностудии «Мосфильм» и на Центральном телевидении СССР главным редактором Главной редакции литературно-драматических программ.

Но отец и сын так никогда и не поговорили друг с другом.

Если о Константине Кузакове Сталин знал и признал его своим сыном, то второго внебрачного сына (родился в 1914 году от Лидии Перепрыгиной в Курейке Туруханского края) он никогда не вспоминал. Только в 1956 году председатель КГБ СССР Иван Серов сообщил Хрущеву, что внебрачный сын Сталина Александр Давыдов (фамилия отчима) служит в армии в звании майора.

Таким образом, у нашего героя было пятеро детей от четырех женщин — четверо сыновей и дочь.

Глава семьдесят седьмая

Война наследников. Гибель ждановской группировки. «Ленинградское дело»

Обе группировки устраивали Сталина. С достаточно высокой степенью точности можно сказать, что ждановская представляла идеологов, а маленковско-бериевская — военно-промышленный комплекс*.

После того как Сталин перенес центр власти из ЦК в правительство, влияние Маленкова упало. На волне идеологических кампаний усилилась роль Жданова, хотя это вовсе не означало, что установился окончательный баланс. Ни о каком балансе не могло быть и речи, и вскоре в ждановской команде произошла катастрофа — по вине Юрия Жданова.

Восемнадцатого октября 1947 года, будучи в отпуске в Гагре, Сталин разговаривал с Юрием Ждановым о состоянии дел в биологии и, в частности, сказал, что поддерживает президента ВАСХНИЛ Т. Д. Лысенко, так как тот экспериментальным путем добивается результатов вопреки модным на Западе течениям.

Однако младший Жданов, будучи к тому же кандидатом наук — биохимиком, дерзнул опровергнуть Сталина. В апреле 1948 года, выступая с докладом на семинаре лекторов обкомов и горкомов партии, он сказал, что неверно считать, «будто у нас идет борьба между двумя биологическими школами, из которых одна представляет точку зрения советского, а другая — буржуазного дарвинизма». То есть Ю. Жданов заявил Сталину, что вождь не прав. Продолжая лекцию, он подчеркнул, что тот, кто разделяет «всех советских биологов» на два лагеря, «преследует скорее узкогрупповые, нежели научные интересы, и грешит против истины».

Сам того не подозревая, сын члена Политбюро вступил на поле, где безраздельно властвовал запрет на мирное сосуществование с западным мировоззрением. А то, что признание правоты всех научных течений означало уступку Западу, для Сталина было очевидным.

Но не будем считать его идиотом, таковым он никогда не был. Наоборот, его вера в экспериментаторство Лысенко была продолжением его творческой натуры, готовой на многие жертвы ради успеха. В беседе со Ждановым-младшим 18 октября

---

* Маленков был руководителем Спецкомитета по ракетной технике, а Берия — Спецкомитета по атомной проблеме. То есть они оказали решающее влияние на создание ядерно-ракетной мощи СССР.

1947 года он объяснял, почему так считает: если при экспериментальном посеве 95 процентов растений погибает, а пять выживает, то Лысенко берется добиться результата именно с этими пятью, когда его противники отрицают возможность такого развития.

Казалось, Сталин бросал вызов всему мирозданию, доказывая свою правоту.

Попутно отметим, что его статья «Марксизм и вопросы языкознания» тоже имела практическую и политическую основу. Он критиковал теорию академика Н. Я. Марра, который предлагал форсировать создание особого мирового языка и к тому же не относил абхазский язык к иберийской группе языков, тем самым содействуя сепаратизму абхазцев, так как они получали теоретическое обоснование своей обособленности от Грузии.

Лекцию Юрия Жданова можно было бы считать сумасбродным шагом, если бы не его принадлежность к «поколению наследников». Он поставил Сталина в сложное положение: сын ближайшего соратника, образованного марксиста, безупречного идейного бойца оказался по ту сторону баррикад? Зная Юрия с детства и рекомендовав его на работу в ЦК, Сталин ни на минуту не мог подумать о его предательстве. Но и оставлять случившееся без оценки не мог.

Вскоре стенограмму лекции затребовал лично Маленков. 31 мая 1948 года на заседании Политбюро обсуждался вопрос о присуждении ежегодных Сталинских премий. Докладчиком был Шепилов, присутствовал и Ю. Жданов.

Шепилов закончил свое сообщение. Сталин встал и тихим глухим голосом произнес: «Здесь один товарищ выступил с лекцией против Лысенко. От него не оставил камня на камне. ЦК не может согласиться с такой позицией. Это ошибочное выступление носит правый, примиренческий характер в пользу формальных генетиков»[598].

Сталин спросил, кто разрешил доклад молодого Жданова.

Видимо, решив, что надо копнуть поглубже, Сталин сказал: «Нет, этого так оставить нельзя. Надо поручить специальной комиссии ЦК разобраться с делом. Надо примерно наказать виновных. Не Юрия Жданова, он еще молодой и неопытный. Наказать надо “отцов”: Жданова и Шепилова...»[599]

К удивлению многих, никаких наказаний не последовало. Юрий Жданов 10 июля направил письмо Сталину, признав, что совершил много серьезных ошибок, но, однако, не согласился, что генетики («морганисты-менделисты») — «люди купленные». То есть этот мальчишка по-прежнему спорил.

На заседании Политбюро Сталин зачитал это письмо, ос-

тавлявшее, по замечанию Молотова, впечатление «недостаточного разоружения».

Именно тогда Берия сказал Жданову: «Это, конечно, неприятно, но нужно быть выше отцовских чувств». Что следовало из его слов? Согласиться, что Юрия надо осудить? Но ведь Сталин уже предупредил, что «молодого и неопытного» не надо трогать. Скорее всего, это был лицемерный совет руководителя побеждающей группировки задыхающемуся от сердечной недостаточности, только что, в декабре 1947 года, перенесшему инфаркт Жданову свалить все на сына.

Конечно, тогда никто не знал, что Жданову остается всего три месяца жизни, но по его внешнему виду было заметно: не жилец.

Вскоре Сталин ответил Юрию Жданову личным письмом, «в котором безоговорочно осуждался “менделизм-морганизм”». Это означало, что «молодой и неопытный» прощен.

Пятого июля начальник Лечсанууправления Кремля академик П. И. Егоров подписал на имя Сталина медицинское заключение о состоянии здоровья А. А. Жданова: «За последнее время в состоянии здоровья тов. Жданова А. А. наступило значительное ухудшение...» Рекомендовались отпуск на месяц и строгий постельный режим. 6 июля решением Политбюро Жданов получил отпуск на два месяца.

Седьмого августа 1948 года в «Правде» была напечатана статья Юрия Жданова, подготовленная на основе его покаянного письма.

На судьбе Ю. Жданова это не отразилось. В конце 1948 года после реорганизации УПиА он стал заведующим сектором науки Отдела пропаганды ЦК. Весной 1949 года женился на Светлане Сталиной. В 1950 году — заведующий Отделом науки и высших учебных заведений ЦК. На XIX съезде партии, уже после развода со Светланой, избран членом ЦК. После смерти Сталина был направлен в Ростов-на-Дону, где был секретарем обкома партии и ректором Ростовского госуниверситета.

Тридцать первого августа в санатории на Валдае скоропостижно умер А. А. Жданов. Ему было 52 года.

Его смерть только символизировала окончание власти «идеологов», на самом же деле переход власти от ждановской (ленинградской) группировки к маленковско-бериевской начался еще при жизни Жданова.

Первого июля 1948 года решением Политбюро были введены в состав Секретариата ЦК Маленков и Пономаренко, Жда-

нов сдал дела по Секретариату Маленкову и уехал в отпуск на два месяца.

По воспоминаниям Пономаренко, его назначение произошло следующим образом. Его пригласил Маленков и во время встречи сказал, что Жданов «освобожден от работы для лечения» и, по предложению Сталина, в Секретариат надо привлечь «некоторых молодых руководителей». Показательны слова Сталина: «Пусть перенимают опыт у нас, пока мы живы, и приучаются к центральной руководящей работе»[600].

Как вскоре станет понятно, наш герой предвидел скорый уход Жданова и хотел создать новый противовес маленковско-бериевской группировке.

Десятого августа, еще при жизни Жданова, Политбюро (по предложению Жданова) приняло решение «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)». Управления заменялись отделами, причем главный с точки зрения влиятельности отдел партийных, комсомольских и профсоюзных органов курировал Маленков (плюс сельхозотдел). Ответственность других секретарей определялась так: Жданов — отдел пропаганды и агитации, Суслов — отдел внешних сношений, Кузнецов — отдел машиностроения и административный отдел, Пономаренко — транспортный и планово-финансово-торговый.

Ликвидация Управления кадров выбила из рук ждановской группировки важнейший ресурс, но Сталин частично восстановил баланс сил, переведя 3 сентября 1948 года Косыгина в члены Политбюро. Правда, Косыгин, жена которого была двоюродной сестрой жены Кузнецова, не стремился к политической карьере и не претендовал на политические позиции.

Вскоре в Кремле и на Старой площади почувствовали, что после ухода Жданова потрясения в правящей верхушке неизбежны.

Здесь надо вернуться к определению позиций противоборствующих сторон. Жданов и Вознесенский выступали за развитие внутреннего рынка, производство товаров народного потребления, рост уровня жизни. В разработках новой Программы ВКП(б), где ведущая роль принадлежала Жданову и Вознесенскому, выделялась ее социальная направленность: предлагалось в больших объемах вести жилищное строительство, начать массовое производство легковых автомобилей и т. д. Из политических идей надо отметить следующие: перерастание государства диктатуры пролетариата в общенародную демократию, референдумы по важнейшим вопросам, предоставление общественным организациям права законодательной инициативы.

Для Сталина, который в 1948 году спешил встретить новую войну во всеоружии, подобные идеи были в лучшем случае далекой перспективой.

Маленков и Берия, связанные с армией и военно-промышленным комплексом, были принципиальными соперниками ждановцев. Успех одних означал неудачу других. В условиях же конкуренции, которую поощрял Сталин в своем окружении, неудача была чревата не только потерей бюджетных ассигнований и статусных преимуществ, но и политическим крахом.

В ленинградскую группу, кроме Жданова, Вознесенского и Кузнецова, входили: председатель Совета министров РСФСР Родионов, заместитель председателя Совета министров СССР Косыгин, первый секретарь Московского горкома и обкома партии секретарь ЦК Попов. Каждый из них обладал своими связями и ресурсами, но в целом они не были, как может показаться, единой командой. Надо сказать, что задачи военного производства и армейского развития сплачивали их оппонентов гораздо сильнее.

Сын Маленкова, Андрей, писал, что именно его отец в свое время выдвинул на должность начальника Генерального штаба А. М. Василевского, главнокомандующего авиацией А. А. Новикова, президента АН СССР С. И. Вавилова, наркомов В. А. Малышева, Д. Ф. Устинова, А. И. Шахурина. Маленкова связывали дружеские отношения с Жуковым, Рокоссовским, адмиралом Кузнецовым. Напомним, что именно Маленков был представителем ГКО и Ставки в переломные моменты на Сталинградском фронте и на Курской дуге.

При этом не надо считать, что Маленков и Берия были лучшими друзьями. Их объединяли общие интересы, прагматизм, но и их отношения характеризовались соперничеством.

Неизвестно, как развивались бы события, но в конце 1948 года случилось происшествие, вскоре описанное в анонимном доносе, настроившее Сталина резко отрицательно в отношении ленинградцев. На объединенной областной и городской партийной конференции в Ленинграде четыре руководителя обкома и горкома получили при голосовании по нескольку голосов «против», но в счетной комиссии этого не учли и представили в протоколе ангельски стопроцентную поддержку руководства партийным активом.

С точки зрения партийной морали это было преступлением. Конечно, те, кому была оказана медвежья услуга, не знали о ней, но на них легла тень подлога. Кроме того, МГБ зафиксировало разговоры на квартире Кузнецова с Родионовым и Попковым о бедственном положении Российской Федерации.

Похоже, повторялся трагический сюжет генералов Гордова и Рыбальченко.

На основании этого и началось «ленинградское дело». Вскоре к нему были прибавлены новые прегрешения, и 15 февраля 1949 года вышло постановление Политбюро «об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». Их вина заключалась в следующем: они незаконно организовали в январе 1949 года в Ленинграде Всесоюзную оптовую ярмарку без согласования с ЦК и Советом министров СССР; у данных товарищей «имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)».

Это было не все. Кроме «ущерба государству» и «разбазаривания государственных товарных фондов» Попков был обвинен в том, что он «встает на путь обхода ЦК партии, на путь сомнительных закулисных, а иногда и рваческих комбинаций, проводимых через различных самозваных “шефов” Ленинграда вроде тт. Кузнецова, Родионова и других».

Зацепили и Вознесенского: к нему обращался Попков с предложением «шефствовать» над Ленинградом.

Заключительная часть постановления звучала более чем угрожающе: «ЦК ВКП(б) напоминает, что Зиновьев, когда он пытался превратить ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к таким же антипартийным методам заигрывания с ленинградской организацией, охаивания Центрального Комитета ВКП(б), якобы не заботящегося о нуждах Ленинграда, отрыва ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и противопоставления ленинградской организации партии ее Центральному Комитету»[601].

Обращение к фигуре Зиновьева ничего хорошего ленинградцам не сулило. Это была черная метка.

Кузнецов, Родионов, Попков были сняты с должностей. Надо было ждать новых репрессий. Они вскоре и последовали.

Если учесть, что в Ленинграде была проведена не Всесоюзная, а Всероссийская оптовая ярмарка для распродажи товарных излишков, то все обвинения формально слабо мотивированы: обвиненные действовали в рамках своей компетенции.

Наступила очередь Вознесенского. Отторгать Ленинград от ЦК он явно не собирался, но был далеко не безгрешен. Его

главный грех, пожалуй, заключался в безграничной самоуверенности.

Вознесенский был виноват в том, что Госплан занизил планы промышленного производства на первый квартал 1949 года по сравнению с четвертым кварталом 1948 года. Суть дела в том, что в зимний период в так называемых «сезонных отраслях» наблюдается спад производства и что в первом квартале меньше рабочих дней. Однако грехов у Вознесенского было много: «самоуправство», «хитрость» в отношении Совета министров, «преступные факты» подгона цифр и «культивирование в Госплане непартийных нравов», «факты обмана Правительства» — все это явилось основанием для его увольнения из Госплана.

Постановление Совмина СССР «О Госплане СССР» вышло 5 марта 1949 года. Председателем Госплана назначили М. З. Сабурова, человека из соперничающей группировки. Он в 1941—1942 годах был председателем Госплана, затем — заместителем председателя СНК СССР. Сабуров, как и М. Г. Первухин (нарком электростанций и электропромышленности; зампредседателя СНК СССР), был опорной фигурой в кадровой системе Маленкова.

Седьмого марта 1949 года Вознесенскому был дан месячный отпуск «для лечения в Барвихе».

Между тем были освобождены от постов второй секретарь Ленинградского горкома Л. Ф. Капустин, второй секретарь обкома Г. Ф. Бадаев, председатель горисполкома П. Г. Лазутин, секретарь одного из городских райкомов М. А. Вознесенская (сестра Н. А. Вознесенского), министр просвещения РСФСР А. А. Вознесенский (его брат). Направленный из ЦК в Госплан уполномоченный Е. Е. Андреев посылает Маленкову и Пономаренко записку о том, что обнаружена пропажа многих секретных документов (за пять лет исчезло 236 секретных и совершенно секретных документов). Их перечень мог привести Сталина в шок. (Они касались производства военной техники, угля, черных и цветных металлов, нефти и т. д.)

Постановлением Политбюро 11 сентября 1949 года Вознесенский был исключен из состава ЦК, дело было передано в прокуратуру. 27 октября 1949 года он был арестован и решением суда приговорен к смертной казни.

Всего по «ленинградскому делу» были осуждены 214 человек, в том числе 145 близких и дальних родственников основных обвиняемых. Кузнецов, Вознесенские, Попков, Капустин, Бадаев, Родионов, Лазутин расстреляны 1 октября 1950 года.

Расстрел санкционировал Сталин. Но дав согласие на казнь, он еще целый час ходил по кабинету и о чем-то думал,

потом распорядился связаться с Берией и сказал: «Я все-таки не верю, что Вознесенский мог предать, сохраните ему жизнь».

Берия ответил: «Они уже все расстреляны».

Так оно и было.

Помолчав, Сталин приказал: «Детей не трогать».

Племянник Вознесенского, приводя этот факт, свидетельствовал, что действительно двух дочерей бывшего председателя Госплана не арестовали, они остались в Москве и продолжали учиться[602].

«Ленинградское дело» стало символом борьбы за власть при стареющем вожде, но это далеко не полная характеристика явления. Обратим внимание на региональные и производственные кланы, которые, несмотря на постоянную с ними борьбу, сохраняли, даже расширяли свое влияние, что через несколько десятилетий привело к расколу сталинского «ордена меченосцев» и реформированию СССР.

В 1946 году утвердили списки номенклатурных должностей ЦК ВКП(б) на примерно 42 тысячи человек, в 1953 году — на свыше 45 тысяч. Это было советское служилое дворянство, оно должно было следовать установленным законам и не иметь никаких личных политических интересов. На самом деле так не получалось. Кремль периодически перемещал региональных руководителей, отстранял, репрессировал. Еще на знаменитом февральско-мартовском пленуме 1937 года Сталин обвинил региональных вождей в практике подбора кадров по принципу личной преданности и обратил внимание на опасность создания независимых от ЦК группировок. В этом — ключ его отношения к «ленинградскому делу». К тому же он испугался того, что пестовал как непобедимую силу, — русский национализм.

«В “Ленинградском деле” был какой-то намек на национализм», — признавал впоследствии Молотов[603].

В известном смысле «ленинградское дело» — зеркальное отражение «дела ЕАК». Думается, не случайно оно шло параллельно аресту Полины Жемчужиной за «связи с сионистами», унижению Молотова и расстрелу руководства Еврейского антифашистского комитета.

Но, устранив ждановскую группировку, Сталин оказался в зависимости от победителей. Поэтому в противовес Маленкову и Берии был сохранен Косыгин и стал возвышаться Булганин, вскоре назначенный первым заместителем Сталина в Совете министров и куратором всей военной промышленности.

Несмотря на все свое всесилие, наш герой к семидесяти годам стоял на вершине олимпа одиноким, старым и опасным для ближайших соратников.

Глава семьдесят восьмая

Завершение восстановительного периода. Новая «колонизация» деревни. Иностранные фильмы вышли на экран. Перевод Хрущева в Москву. Семидесятилетний юбилей Сталина

Тысяча девятьсот сорок девятый год был отмечен событиями, показавшими миру силу СССР, — успешные испытания атомной бомбы, провозглашение Китайской Народной Республики. Но при этом происходила дальнейшая консолидация Запада — образованы Федеративная Республика Германии и НАТО, на что Москва ответила созданием Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Германской Демократической Республики. Надеждам на то, что Германия будет нейтральной, похоже, пришел конец. Надо было переходить к традиционной для России политике — оборона на Западе, активность на Востоке. Это означало, что СССР должен принять на себя новые большие расходы.

Двадцать восьмого июня 1948 года Сталин принимал китайскую делегацию во главе с секретарем ЦК КПК Лю Шаоци. Он сообщил, что Китаю предоставляется кредит в 300 миллионов долларов под один процент годовых сроком на десять лет. СССР должен был поставить оборудованис и материалы для электростанций, машиностроительных и металлургических заводов, угольных шахт, железнодорожного и автомобильного транспорта — всего 50 базовых промышленных предприятий. Льготные условия кредита были беспрецедентны; даже странам Восточного блока предоставлялись кредиты под два процента годовых. Несмотря на их тяжесть, Сталин считал, что всемерная поддержка Китая — единственный для СССР путь в мировой политике. Поэтому он категорически отверг предложенный Мао Цзэдуном порядок взаимоотношений КПК с ВКП(б) как младшего со старшим. Конечно, сталинские возражения носили отчасти дипломатический характер, но все же было очевидно, что Китай занимает особое место в его карте мира.

К этому же периоду надо отнести и явления особого «советского Ренессанса», запечатленного в архитектуре Москвы. Это был язык вечности, который должен был выразить сталинскую идеологию — триумф государства создал триумфаторский стиль. При проектировании здания Московского университета на Воробьевых (Ленинских) горах нашему герою пришлось отбиваться от настойчивых предложений дать университету его имя и украсить главное здание фигурой вождя. Сталин сказал, что университет должен носить имя М. В. Ломоносова, а насчет

памятника выразился с юмором. По словам ректора МГУ, академика В. А. Садовничего, когда Сталин, посетив почти выстроенное здание, увидел пустой постамент перед главным входом и услышал, для чего он предназначен, его реакция была удивительной: «Поставьте здесь памятник дворнику»[604].

Сталин иногда возражал против подобного рода памятников. Например, при посещении мастерской скульптора Евгения Вучетича, осмотрев свое изображение, предлагаемое для установки в Берлине, он утвердил не его, а фигуру солдата с девочкой в одной руке и с автоматом в другой. Правда, предложил заменить автомат мечом. О собственном изображении он так сказал Вучетичу: «Вам не надоел этот усатый?»

Конечно, Сталин принимал пропаганду своей личности как неизбежную форму укрепления режима, но лично ему она не доставляла никакого удовольствия.

К 1949 году восстановление народного хозяйства уже завершилось.

Оно проходило в обстановке очень высокого риска. Например, возрождать Донбасс начали сразу после освобождения осенью 1943 года. Сюда были направлены из действующей армии горные инженеры, на плечи которых легло восстановление взорванных и затопленных шахт. Задавались немыслимо короткие сроки, после истечения которых незавершенные шахты объявлялись вступившими в строй, а руководителей, не сумевших обеспечить добычу в столь сложных обстоятельствах, иногда для острастки другим судили за обман и приписки: ведь они сами подписывали протоколы о сдаче объектов.

Так было повсеместно: сжималось время, трещали ребра.

Но именно в этих фантастических условиях проявляли себя талантливые люди, чью деятельность можно уподобить свету во тьме: конструктор ракетной техники С. П. Королев, физик-ядерщик И. В. Курчатов и многие оставшиеся в том времени герои.

В одном случае этот свет в прямом смысле создал Юрий Михайлович Рыбас, чем спас жизни многих людей. Он открыл новую физическую возможность, позволявшую сделать люминесцентные лампы («дневного света») абсолютно безопасными для применения во взрывоопасной атмосфере шахт (и других производств). Свет, появившийся в подземной темноте, где раньше электрическое освещение было чревато взрывами метана, позволил поднять производительность труда и стал символом восстановления, за что автор изобретения получил Сталинскую премию. Это сочетание творчества, государственного давления и поощрения было одним из особенностей того периода.

По итогам 1948 года валовая продукция промышленности уже составила 118 процентов от уровня 1940 года. Это было достигнуто за счет беспрецедентного налогового давления на крестьян и возвращения к довоенным, мобилизационным методам. Даже соратники вождя (Молотов, Микоян и Вознесенский) пытались доказать, что необходимо оставлять деревне больше средств, но всегда натыкались на жесткие возражсния.

Однако если даже в военном НИИ-88, где главный конструктор С. П. Королев разрабатывал баллистическис ракеты дальнего действия, в столовой через день давали на обед щи из крапивы (май 1946 года), то можно представить уровень общего благосостояния народа.

У Кремля не оставалось никакого выбора, кроме как возвращение к политике «колонизации деревни», что осуществлял, проводя индустриализацию, сще С. Ю. Виттс и что в иных формах повторилось в 1930-е годы. Но с 1947 по 1949 год был проведен ряд мер, которые сделали положение крестьян совсем плачевным. Так, были изъяты 5,9 миллиона гектаров угодий, «незаконно присвоенных колхозниками», запрещено торговать на рынке без специального разрешения (свидетельства, что колхоз выполнил обязательства перед государством), повышены сборы и налоги от продаж на свободном рынке, ежегодно возрастали объемы обязательных поставок, причем закупочные цены на зерно составляли только одну седьмую часть от его себестоимости. Денежная реформа 1947 года ударила прежде всего по крестьянам, хранившим деньги нс в сберкассе, а в «кубышке».

Зато в промышленности царил подъем, у заводских проходных выстраивались очереди вчерашних колхозников, растущая экономика требовала новых рабочих рук.

Исходя из реальных обстоятельств, можно сказать, что послевоенная экономика СССР (включая стройки, где работали заключенные — около 2,5 миллиона человек) мало чем отличалась от военной. Это была героическая экономика. Но долго ли человек может жить на пределе своих сил?

Несмотря на все усилия пропаганды, выдвинувшей идею «сталинских великих строек коммунизма», повседневная жизнь большинства советских людей во многом была далека от декларируемых государством задач. Конечно, возведение гигантских гидроэлектростанций на Волге и Днепре, строительство Волжско-Донского и Туркменского каналов, лесозащитных полос в засушливых степях — все это увлекало людей, но только отчасти.

И вот что показательно: когда экономика и пропаганда работали в военном режиме, в целях пополнения бюджета По-

литбюро постановило (31 августа 1948 года) выпустить на экраны 24 немецких трофейных и 26 американских, французских и итальянских художественных фильмов, дав таким образом населению иные образы для подражания и сравнения. Почему же Сталин, который в литературных делах проявлял, по словам Симонова, «поразительную осведомленность» и, добавим мы, был первым пропагандистом и идеологом страны, допустил такую ошибку?

Полного ответа на этот вопрос нет. Есть ответ общего порядка, который, на наш взгляд, объясняет ситуацию: Сталин не был всезнающим провидцем. Он не мог разглядеть в развлекательных западных фильмах долговременной угрозы. Он, скорее всего, считал так: ну посмеются, отвлекутся от повседневности, а бюджет пополнится. Разве это плохо?

В середине декабря 1949 года был снят с поста первый секретарь Московского горкома и обкома, секретарь ЦК Г. М. Попов, выдвиженец Жданова. Это событие имело далекоидущие последствия, определившие судьбу СССР. Собственно, в период «позднего Сталина» любое кадровое перемещение могло неожиданно повлиять на послесталинский расклад сил, но так получалось, что увольнение Попова и перевод из Киева на его место Хрущева сыграли особую роль. Это только на первый взгляд может показаться, что малокультурный напористый Хрущев долгие годы случайно пребывал в Политбюро, что его время закончилось в годы индустриализации. Нет, он оказался очень нужным игроком, внешне не претендующим на первые роли. Тем более у Сталина его фигура навсегда была связана с памятью о Надежде Аллилуевой. Маленков, вытащивший Хрущева из Киева, мог быть доволен этим кадровым решением, завершившим разгром конкурентов. К тому же за новым назначенцем была самая крупная республиканская партийная организация с огромным промышленным и оборонным потенциалом. Такие области, как Донецкая (Сталинская), Харьковская, Днепропетровская, Запорожская, располагали колоссальными ресурсами руководителей. Эти люди получили инженерное образование в начале 1930-х годов, сделали первые шаги политической карьеры перед войной, воевали, а затем вытащили на своих плечах восстановление разрушенной экономики.

Среди тех, кто оставался на Украине, выделим несколько человек — это Леонид Брежнев, а также Андрей Кириленко, Николай Щелоков, Константин Грушевой, Владимир Щербицкий. Именно они составят «ближний круг» команды Бреж-

нева, когда он станет генеральным секретарем ЦК КПСС. Брежнев обратил на себя внимание Сталина, когда сумел форсированными темпами восстановить «Запорожсталь» и Днепрогэс. (Осенью 1947 года сдана первая очередь металлургического комбината и восстановлены другие стратегически важные объекты.) Сталин лично звонил Брежневу, контролируя ход дел.

Хрущев был бесспорный тяжеловес, глава мощнейшего регионального клана. Маленков недооценил его таланты, не разглядел в нем будущего противника. Впрочем, что там Маленков! Даже Сталин не разглядел.

Но это было неудивительно: после разгрома ленинградцев самой сильной группировкой стали украинцы, поэтому их лидер и оказался в Москве.

Свой семидесятилетний юбилей Сталин встретил как-то равнодушно. 21 декабря 1949 года во всех газетах были напечатаны поздравление ЦК и Совета министров, а также Указ Верховного Совета СССР о награждении юбиляра орденом Ленина. В Большом театре, где когда-то Сталин клялся перед памятью Ленина, состоялся торжественный вечер. Сталин в мундире генералиссимуса сидел в президиуме рядом с Мао Цзэдуном и лидерами многих коммунистических партий.

То, что произошло дальше, озадачило многих.

«Когда отзвучали восторженные речи, президиум заседания и весь зал стоя долго рукоплещут Сталину. Все ожидали, что вот сейчас он взойдет на трибуну и произнесет свою, как всегда, ювелирно отделанную речь. Или скажет хотя бы несколько благодарственных фраз. Или простое спасибо за теплоту и сердечность, с которыми обратились к нему все выступавшие гости со всего мира. Но Сталин не идет к трибуне. Глядя безучастным взглядом в зал, он медленно хлопает в ладоши. Овации нарастают. Сталин не меняет ни выражения, ни позы. Зал неистовствует, требуя выступления. Сталин сохраняет невозмутимость.

Так проходит 3, 5, 7 — не знаю, сколько минут.

Наконец заседание объявляется закрытым»[605].

Наш герой вел себя так, словно он был из другого мира. Не любя торжеств и славословий в свой адрес, он молча исполнил роль, в которой не было никакой драматургии. Единственный внятный посыл адресовался, по-видимому, китайскому руководителю, которому он недавно предложил отношения равных партнеров. На самом деле властелин полумира почтил присутствием командующих своими армиями.

Глава семьдесят девятая

«Дозированная» война Сталина в Корее. Советские истребители против американских. РЛС Вадима Мацкевича изменяет ситуацию в авиационной войне

После Русско-японской войны 1904—1905 годов, оказавшей на Сталина сильное эмоциональное воздействие, Корея являлась плацдармом Токио для экспансии в направлении России и Китая. С тех пор многое изменилось. Разгром Японии в 1945 году, размещение на ее территории американских войск (и неразмещение советских), победа коммунистов в Китае, национально-освободительная борьба в Индокитае — все это рано или поздно должно было привести к установлению нового баланса противоборствующих сторон. Можно сказать, восточная сторона наступала, западная — оборонялась. После Второй мировой войны Корея была разделена по 38-й параллели, условной границе, разделившей зоны ответственности американцев (юг) и советских войск, освободивших страну от японцев. К 1950 году в обеих частях Кореи уже сложились различные политические режимы и страна фактически разделилась, как и Германия. В Северной Корее, которая теперь называлась Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР), руководил Ким Ир Сен, в Южной (Республика Корея) — Ли Сынман.

Особенность момента заключалась в том, что и Сеулу, и Пхеньяну нужна была война. Сеулу — потому что американцы решили выводить с полуострова свои войска и Ли хотел во что бы то ни стало их задержать. Пхеньяну — чтобы укрепить положение правящей группы и получить помощь Москвы.

Сталин и Трумэн военного конфликта не желали, несмотря на то, что между советскими и американскими летчиками происходили стычки, заканчивающиеся смертельным исходом.

Еще в мае 1949 года в Пекин прибыл личный представитель Кима и в числе других тем обсуждал вопрос оказания КНДР помощи офицерскими кадрами и оружием. Мао обещал широкую помощь, но только после согласования с Москвой.

Об этих переговорах Мао сообщил руководителю группы советских специалистов в Северо-Восточном Китае И. В. Ковалеву (бывшему министру путей сообщения СССР), а тот отправил Сталину соответствующую телеграмму. Суть рассуждений китайского лидера: если взамен американских войск в Южную Корею будут введены японские, Киму следует нападать; если нет — выжидать. В любом случае Мао рекомендовал дождаться победы революции в Китае.

Летом 1949 года американцы вывели войска из Южной Кореи, японцы туда не вошли.

Пятнадцатого сентября советский посол в КНДР Т. Ф. Штыков (во время войны был членом военных советов ряда фронтов, в том числе Приморской группы войск и 1-го Дальневосточного фронта) в докладной записке Сталину сообщал, что Ким намерен начать военные действия, но предупреждал, что это может привести к вмешательству в конфликт Соединенных Штатов и использовано против СССР.

Записка Штыкова была обсуждена на заседании Политбюро. 24 сентября послу была направлена директива, в которой указывалось: северокорейская армия не подготовлена к наступлению, поэтому оно недопустимо; с политической точки зрения акция тоже не подготовлена; следует развернуть широкую партизанскую борьбу в Южной Корее.

Словом, позиция Сталина по этому вопросу не изменилась с марта 1949 года, когда он принимал официальную делегацию только что созданной КНДР. Тогда он сказал Киму, что «если у противника существуют агрессивные намерения, то рано или поздно он начнет агрессию. В ответ на нападение у вас будет хорошая возможность перейти в контрнаступление. Тогда ваш шаг будет понят и поддержан всеми»[606].

Сталин действительно считал, что южане после ухода американцев нападут на северян и это развяжет Москве руки. Он приказал для демонстрации мирных намерений ликвидировать советскую военно-морскую базу в Чонджине и закрыть миссии связи ВВС в Пхеньяне и Канге.

После победы коммунистов в Китае и заключения с ними союзнического договора стратегическая ситуация на Дальнем Востоке изменилась, и Сталин сразу отреагировал на это. К тому же в декабре 1949 года Совет национальной безопасности США утвердил директиву СНБ-48 о решении очертить «периметр безопасности» в Тихоокеанском регионе, включая Японию и Филиппины и исключая Корею и Тайвань.

В апреле 1950 года в Москве снова побывал Ким. Сталин назвал ему условия освободительной операции: поддержка китайского руководства, тщательная подготовка, дополнительные поставки вооружения и автотранспорта из СССР. При этом Сталин прямо сказал, что СССР не примет прямого участия в военных действиях, «поскольку у СССР есть другие серьезные задачи, особенно на Западе».

Четырнадцатого мая Сталин (подписавшись псевдонимом) направил в Пекин телеграмму: «Тов. Мао Цзэдун!

В беседе с корейскими товарищами Филиппов и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной

обстановки они согласны с предложением корейцев приступить к объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения. Подробности беседы могут рассказать Вам корейские товарищи.

Филиппов»[607].

Он перекладывал значительную часть ответственности на Мао, еще не зная, что с этого момента начинаются их новые отношения и проявляются различия во взглядах. Конечно, Китай и Мао были многим обязаны Сталину, который считал поддержку Китая и дружбу с ним одним из главных условий успешной советской международной политики. Подписав союзнический договор, Сталин санкционировал громкий демарш в ООН, где 13 января 1950 года советский представитель Я. Малик заявил, что СССР отказывается участвовать в работе Совета Безопасности ООН и других ее органах и признавать их решения до тех пор, пока КНР не будет принята в ООН, а Тайвань исключен из нее.

Было ли это решение ошибкой нашего героя? Он не мог предвидеть, что вскоре после нападения северокорейцев на южан именно Совет Безопасности примет решение о посылке военного контингента ООН под командованием США для отражения агрессии в Корее.

Но Мао подобные действия Сталина не поставили в положение вечного и благодарного должника.

Двадцать пятого июня 1950 года северяне начали успешные военные действия. За неделю боев была занята значительная территория Южной Кореи, в том числе Сеул. Правда, окружить сеульскую группировку южан не удалось. К тому же авиация США стала наносить удары по производственным и военным объектам северян, что вызвало уныние атакующих. Американцы начали высаживать пехотные части. Локальный конфликт перерастал в международный. (Две трети контингента ООН составляли военнослужащие США; в ВВС их было 93,4 процента, ВМС — 85,9, в пехоте — 50,3 процента.)

Сталин отреагировал на это спокойно. Он отказался направить советских военных советников в северокорейские части, действовавшие южнее 38-й параллели. Китайцы же не прислали Киму для связи своих представителей.

Сталину стали ясны две вещи: Ким плохо подготовил операцию; китайцы задумали что-то непонятное.

Не изменяя своему стилю, с неподражаемой иронией, Сталин 8 июля направил в Пекин телеграмму: «Сообщите Мао Цзэдуну, что корейцы жалуются на то, что в Корее нет пред-

ставителя Китая. Следовало бы поскорее послать представителя, чтобы можно было иметь связь и быстрее решать вопросы, если, конечно, Мао Цзэдун считает необходимым иметь связь с Кореей. Филиппов»[608].

Пекин несколько дней молчал. Тогда наш герой послал новую телеграмму, уже без иронических изысков. («Нам неизвестно, решили ли Вы расположить девять китайских дивизий на границе с Кореей».)

После этого китайцы отозвались. Чжоу Эньлай признался, что они не ожидали вмешательства американцев и обдумывают положение. Это признание внушало опасения за дальнейшее выполнение китайскими товарищами своих обязательств.

Похоже, что и Сталин не ожидал такой активности США, но теперь уже легко отступить у него не было возможности. Здесь снова между Сталиным и Мао возник скрытый конфликт. 3 октября Сталин телеграфировал в Пекин напоминание направить в Корею китайских добровольцев. Мао ответил, что такая акция может вызвать столкновение США и Китая, «вследствие чего Советский Союз также может быть втянут в войну, и таким образом вопрос стал бы крайне большим».

Вообще письмо Мао поразительно: «Многие товарищи в ЦК КПК считают, что здесь необходимо проявить осторожность.

Конечно, не послать наши войска для оказания помощи — очень плохо для корейских товарищей, находящихся в настоящее время в таком затруднительном положении, и мы сами весьма это переживаем; если же мы выдвинем несколько дивизий, а противник заставит нас отступить; к тому же это вызовет открытое столкновение между США и Китаем, то весь наш план мирного строительства полностью сорвется, в стране очень многие будут недовольны (раны, нанесенные народу войной, не залечены, нужен мир).

Поэтому лучше сейчас перетерпеть, войска не выдвигать, активно готовить силы, что будет благоприятнее во время войны с противником.

Корея же, временно понеся поражение, изменит форму борьбы на партизанскую войну»[609].

То есть китайцы просто сдавали КНДР. Им тоже не хотелось рисковать: Мао был не меньше Сталина «гениальным дозировщиком». Думается, не случайно он однажды в сердцах назвал нашего героя: «Лицемерный заморский черт»[610].

Сталин отверг аргументы Мао. В его доводах раскрыта философия конфликта:

США не готовы к большой войне; Япония еще не в состоянии помочь США; союз Китая с СССР вынудит США согласиться на выгодные для Северной Кореи условия мира, кото-

рые не позволят превратить Корею в американский плацдарм против Китая;

союз Китая и СССР вынудит США отказаться от поддержки Тайваня, от идеи сепаратного мирного договора с «японскими реакционерами» и превращения Японских островов в плацдарм на Дальнем Востоке.

Сталин особенно подчеркнул: «Без серьезной борьбы и без новой внушительной демонстрации своих сил» Китай ничего этого не добьется и Тайвань не вернет.

Сталин допускал «большую войну» и, задаваясь вопросом, надо ли этого бояться, отвечал: «По-моему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-то помощи, — не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США и когда у США и Японии будет готовый плацдарм на континенте в виде лисынмановской Кореи»[611].

Но Мао продолжал раздумывать. Тогда 12 октября Сталин, потеряв надежду, сообщил в Пхеньян, что «дальнейшее сопротивление бесполезно. Китайские товарищи отказываются от военного вмешательства. В этих условиях вам следует готовиться к полной эвакуации в Китай или СССР».

На следующий день Сталин получил телеграмму от Мао: решено все же «оказать военную помощь корейским товарищам, несмотря на недостаточное вооружение китайских войск».

До китайцев дошло, что падение режима Кима выведет американцев к сухопутной границе с Китаем по реке Ялу протяженностью 700 километров и угрозе промышленно развитым районам КНР. После паузы наступила активизация советско-китайских контактов.

К середине сентября 1950 года Пхеньян находился на грани катастрофы. 15 сентября в Инчхоне, в глубоком тылу северян, командующий силами ООН в Корее генерал Макартур провел крупную десантную операцию — в составе пятидесятитысячного отряда на 300 кораблях с танками, артиллерией, под прикрытием 800 самолетов. Параллельно 16 сентября последовал еще один сильный удар американцев и южан на Пусано-Тэкусском направлении. В октябре они вышли в отдельных местах на границу с Китаем. Премьер Чжоу Эньлай озвучил предупреждение американцам: если те перейдут 38-ю параллель, Китай будет вынужден отреагировать. Генерал Макартур посчитал все предупреждения блефом и не собирался останавливаться. В принципе он не исключал и применение ядерного оружия. 20 октября Пхеньян пал.

Однако 19 октября началось выдвижение на территорию КНДР двух армейских групп китайских народных добровольцев (КНД), тридцати пехотных и четырех артиллерийских дивизий. Китайские войска, невзирая на огромные потери, остановили наступление противника. Перевес в технике и особенно в авиации был на стороне американцев и южан, но по морально-боевому духу КНД намного превосходили их. В условиях гористой местности соотношение сил сложилось не в пользу американцев.

Макартур (без согласования с Вашингтоном) приказал бомбить мосты и переправы, а затем — и населенные пункты в Маньчжурии. Это еще сильнее подстегнуло Пекин.

Пятого декабря китайцы и северяне отбили Пхеньян. Критический период войны закончился, дальнейшие события определялись уже сложившимися стратегическими факторами: Трумэн и Сталин не стремились к превращению локального конфликта в мировую войну, но не собирались прекращать боевые действия. В этом стратегическом контуре знаковым событием явилось увольнение Трумэном генерала Макартура, стремление которого к расширению конфликта было для Белого дома неприемлемым.

Но, оставшись в рамках Корейского полуострова, война в одной своей ипостаси все же стала советско-американской войной.

Американские ВВС в начале боевых действий имели 44 эскадрильи общей численностью 657 боевых самолетов. У северных корейцев было 150 самолетов, а после нескольких авиаударов по базовым северокорейским аэродромам авиация КНДР перестала существовать.

Оба воюющих советских союзника буквально взывали к Сталину, прося предоставить воздушную защиту. Тот ее предоставил, но совершенно не так, как просили. Сначала он направил в Маньчжурию (июль—август 1950 года) четыре истребительные авиадивизии сокращенного состава и две дивизии штурмовиков, а также 16 учебных и 10 танковых полков, части зенитной артиллерии, прожектористов, радиолокационное оборудование и т. д. Боевая техника передавалась китайской стороне в счет советского кредита, имела отличительные знаки НОАК, и советские военнослужащие носили форму НОАК (у офицеров были красные хромовые сапоги) и имели соответствующие китайские документы. Таким образом, строго выполнялось указание Сталина о неучастии СССР в войне.

Впрочем, если с формальной точки зрения СССР трудно было обвинить в участии в военных действиях, то логика войны быстро втянула советских летчиков в бои с американцами.

В небе Кореи произошли сотни воздушных боев, самый масштабный случился 12 апреля 1951 года при отражении массового налета американской авиации на железнодорожный мост через реку Ялу (Ялуцзян) у деревни Сингисю, единственной железнодорожной линии, по которой шло снабжение войск в Корее. В нем участвовали около сорока бомбардировщиков Б-29, истребители Ф-80, Ф-84 («Сейбр», то есть «сабля») — всего свыше ста машин. Для отражения этого налета с аэродрома «Андунь» поднялись 44 реактивных истребителя МиГ-15. Согласно подтвержденным результатам боя, было сбито тринадцать Б-29 (три из них предположительно), четыре Ф-84 и один Ф-86 (предположительно). Это был очень чувствительный удар.

Вскоре авиационная война должна была определить результаты конфликта. В декабре 1950 года у американцев на вооружении появился новейший реактивный истребитель Ф-86, у советских ВВС — МиГ-15 бис. Боевые характеристики этих машин были примерно равны, и, как писал командир 196-го истребительного авиаполка, Герой Советского Союза Е. Г. Пепеляев, «успех в воздушном бою МиГ-15 бис с Ф-86 зависел только от мастерства и отваги летчика, выбора маневра и взаимодействия в групповом бою».

Полк Пепеляева входил в состав 324-й авиадивизии, которой командовал трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб и которую провожал в Корею Василий Сталин. Кожедубу было запрещено участвовать в воздушных боях, но он, нарушив запрет, даже сбил первый американский реактивный самолет.

Почти все советские асы были фронтовиками, имели большой опыт, но спустя пять лет после окончания «большой войны» этот опыт уже мало чего стоил, надо было получать новый: реактивная техника потребовала у летчиков новых качеств.

И вот здесь доблестные сталинские соколы стали терпеть поражения. Причина была проста: «Самолет МиГ-15 бис не имел в то время ни радиолокационного прицела, ни радиолокационного прибора защиты хвоста»[612]. Именно из-за этого обстоятельства американские пилоты могли засекать советские самолеты на расстоянии 2500 метров и, соответственно, получать в бою решающее преимущество.

Если бы военные инженеры в Москве срочно не изобрели защиту, война в Корее закончилась бы поражением СССР. Тогда могла бы случиться катастрофа: Сталин принял бы решение идти дальше, а Трумэн — начать ядерную войну. Ситуация осложнилась после того, как американцы освоили дозаправку самолетов в воздухе (март 1949 года) и получили возможность совершать беспосадочные полеты в том числе над всей терри-

торией СССР. После этого можно было наносить авиаудары по внутренним советским регионам.

По воспоминаниям сына Л. П. Берии, главного конструктора систем ПВО Серго Берии, в начале Корейской кампании на заседании у Сталина Л. П. Берия сообщил, что, по данным разведки, «если мы ввяжемся в большую войну, американцы планируют нанести ядерные удары по всем нашим основным промышленным центрам. Будут бомбить и Москву»[613].

Эта информация заставила Сталина быть максимально осторожным, но не помешала ему санкционировать дозированные военные действия.

Поражение советских летчиков открыло бы американскому командованию решающую слабость — ПВО СССР. Но тут произошло подлинное чудо. Его совершил инженер-лейтенант Вадим Викторович Мацкевич (1920 г. р.). В 1951 году Мацкевич служил в научно-исследовательском институте ВВС, где занимался радиоэлектронными приборами. Узнав о гибнущих МиГах, он в инициативном порядке создал компактный локатор, способный предупреждать летчика о нападении вражеского самолета на дальности до десяти тысяч метров. Эта РЛС была размерами с коробку от папирос, тогда как военный профильный НИИ-17 создал РЛС немыслимым весом в 120 килограммов и дальностью обнаружения всего в 600—800 метров.

Разница была огромная, и как раз в силу этого обстоятельства все попытки Мацкевича «пробить» свое изобретение наталкивались на сопротивление конкурентов, которые добились отстранения лейтенанта от работы и обвинили его в «преклонении перед американцами», космополитизме и сумасшествии. Единственными, кто помог Мацкевичу, были летчики-испытатели НИИ ВВС Георгий Береговой (будущий космонавт) и Степан Микоян, сын члена Политбюро. В итоге лейтенант оказался в кабинете конструктора МиГ-15 Артема Микояна, брата А. И. Микояна. Артем Иванович все понял и пообещал, что противники Мацкевича не посмеют ничего сделать и тот будет направлен в Корею для испытания своей РЛС в боевых условиях.

Так и вышло. Мацкевича откомандировали в Китай, где базировался 64-й авиакорпус, и там он установил на десяти самолетах свою миниатюрную станцию. Результат был ошеломляющий. Сразу доложили военному министру Булганину, а тот — Берии и Сталину. Сталин взял дело на контроль. Промышленности было заказано за три месяца изготовить 500 станций, чтобы «остановить трагедию нашей авиации в Корее». И что же? Директора заводов попросили увеличить срок до полутора лет!

Это было очень показательно: научные работники топтали удачливого конкурента, промышленники фактически отказывались выполнять задание Политбюро. И все происходило в условиях чрезвычайных.

Это являлось еще одним подтверждением, что после 1945 года в стране группировки стали приобретать опасную самостоятельность.

Конечно, производство РЛС Мацкевича было налажено в нужный срок, и советские истребители все-таки получили защиту от внезапных нападений, но это было сделано как бы поверх системы. НИИ-108, которым руководил академик А. И. Берг, выполнил сталинский заказ[614].

По сути, вся история РЛС Мацкевича вершилась каким-то чудесным путем. Но сколько раз может случаться чудо? Пора было бы задуматься о переходе от чрезвычайных и чудесных методов управления к более стабильным и надежным.

Вскоре военные действия в Корее стали менее интенсивными. Китайцы, поняв, что Сталин не пойдет дальше установленного им предела, стали говорить о мире, но наш герой был заинтересован в сохранении связывающего США конфликта. Поэтому воевали вплоть до смерти вождя.

Всего в этой войне было сбито более 2700 американских самолетов, их союзники потеряли 150 машин, погибли 1144 летчика, 40 пропали без вести, 214 попали в плен[615].

Потери советского 64-го истребительного авиакорпуса — 120 летчиков, 335 самолетов МиГ-15[616].

Вопрос о победителе так и не решен. Так, президент Б. Клинтон, открывая мемориал погибшим американским военным в корейской войне, сказал: «Раз существует 38-я параллель, значит, мы не победили в той войне»[617].

Итогом конфликта стало отсутствие «большой войны», так как и Москва, и Вашингтон, испытав друг друга в очень дозированном конфликте, предпочли отложить горячее выяснение отношений. Если бы СССР не вмешался и не подключил Китай, то КНДР была бы уничтожена и война перешла бы на территорию КНР. Но если бы США не вмешались, то СССР счел бы это проявлением слабости и начал бы испытывать противника на прочность в других регионах. Поколотив друг друга в Корее, бывшие союзники в целом сохранили мир.

Зато усилился Китай, он создал современную армию, что вскоре позволило ему выйти из-под контроля Москвы и стать ее конкурентом.

И еще одно обстоятельство после корейской войны вышло на первый план — быстрое военное строительство НАТО. Запад понял, что надо защищаться. Результатом этого стало быстрое экономическое и военное восстановление Западной Германии.

Если уже с учетом всего этого посмотреть на Корейскую кампанию Сталина, то невозможно однозначно сказать, чего больше получил СССР — вреда или пользы. Явно было одно: головной боли у нашего героя меньше не стало. Но мы-то знаем, что он не боялся проблем.

Глава восьмидесятая

Арест В. Абакумова. Подоплека «дела врачей». «Мингрельское дело». Новый центр власти. «Надо лечить ГПУ». Увольнение ближайших соратников Сталина

Еще одним результатом явилось создание вокруг Москвы кольца ракетной противовоздушной обороны (система С-25 «Беркут»), разработкой которой руководил Серго Берия (1924 г. р.). За создание «Беркута» сын Лаврентия Берии должен был получить звание Героя Социалистического Труда, но не получил. К этому времени, как вспоминает Судоплатов, ревность Сталина к отцу и сыну Берия (из-за Светланы) уже стала реальным фактом. К тому же Берия-отец после успешных испытаний атомной бомбы достиг небывалой высоты, и возвышение его талантливого сына (а это было действительно так), наверное, вынуждало Сталина сравнивать с ним своего Василия. Сын Берии был более успешен и полезен для страны, чем сын вождя! Этот факт не имел бы никакого значения, если бы не мысль о преемнике, которая не могла не мучить Сталина.

Вообще, дети элиты порой вели себя ужасно. Так, в 1950 году Сталину доложили о преступлении подполковника Евгения Соколовского, сына первого заместителя министра обороны, Героя Советского Союза маршала В. Д. Соколовского. Сын участвовал в групповом изнасиловании. Трое офицеров познакомились в ресторане с каким-то морским офицером и его девушкой, пригласили их «покататься», но по дороге вытолкали моряка из машины и затем надругались над бедной девушкой. При этом один из троицы потерял свою форменную фуражку, на которой значилась его фамилия. Доложили Сталину. Подполковник был осужден на 17 лет. Правда, после смерти нашего героя он вышел на свободу и дослужился до генеральского звания.

На кого же оставить свое грандиозное дело?

После уничтожения ленинградской группировки ему не могла не броситься в глаза активность Берии в Грузии, где все основные посты в руководстве занимали выдвиженцы и одноплеменники Берии — мингрелы (мегрелы).

В 1951 году Сталин санкционировал расследование о взятках в Грузии, приказал установить записывающие устройства в квартире матери Берии, Марты, предполагая, что будет зафиксировано ее сочувствие опальным мингрельским руководителям. Повторялся алгоритм «ленинградского дела», когда установленные в квартире Кузнецова устройства записали «националистические» высказывания хозяина и его товарищей. Теперь это должно было сработать против другой группировки. «Дело мегрелов, в сущности, основывалось на сфабрикованных обвинениях и заговоре с целью отделения от Советского Союза»[618]. Мингрельский национализм был не лучше русского или еврейского.

Теперь, когда не было Кузнецова и Вознесенского, а Молотов дискредитирован, незадетыми оставались только Булганин, Берия и Хрущев (Маленков будто бы прощен в «авиационном деле»). Впрочем, у Булганина не было властных амбиций, Хрущева еще не воспринимали как серьезного игрока, а значит, оставался один Берия. Кроме того, с исчезновением ленинградских конкурентов союз Маленкова и Берии распадался.

Дальнейшие события, с одной стороны, определялись стремлением Сталина создать новую структуру власти и ввести в нее новых людей, а с другой — борьбой Маленкова, Берии, Хрущева за сохранение своих позиций.

Второго июля 1951 года на имя Сталина поступило письмо старшего следователя МГБ СССР подполковника М. Д. Рюмина. Он сообщал, что министр госбезопасности Абакумов мешал ему расследовать дело кардиолога профессора Этингера, который признался в убийстве секретаря ЦК А. С. Щербакова; что Абакумов также препятствует расследованию дела перебежчика, бывшего директора акционерного общества «Висмут» Салиманова (добыча урановой руды в Восточной Германии) и что вообще Абакумов «является опасным человеком для государства», окружил себя своими людьми и т. д.

Письмо Рюмин написал из карьеристских соображений, желая дискредитировать министра, который относился к нему крайне критически. Он позвонил в приемную Маленкова, доложил помощнику Д. Суханову о важном сообщении и вскоре встретился с самим Маленковым.

Маленков относился к Абакумову отрицательно. Для этого у него были все основания: именно Абакумов инициировал «дело авиаторов», будучи начальником СМЕРШа.

Четвертого июля Абакумов был освобожден от должности, а 12 июля — арестован.

Тринадцатого июля появилось закрытое письмо ЦК «О неблагополучном положении в Министерстве государственной безопасности СССР». В нем сообщалось о том, что для провер-

ки письма Рюмина создана комиссия Политбюро в составе Маленкова, Берии, Шкирятова, Игнатьева, которая установила «неоспоримые факты». Абакумов обвинялся в «обмане партии и правительства», покрывательстве «террористической деятельности» Этингера, сокрытии от ЦК результатов следствия по делу Салиманова, сокрытии признания «участников еврейской антисоветской молодежной организации», в террористических замыслах «в отношении руководителей партии и правительства», нарушении порядка следственной работы, затягивании следствия.

В письме содержалось одно положение, которое вскоре обернулось «делом врачей»: «Среди врачей несомненно существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнева и врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В. В. Куйбышева и Максима Горького. Эти злодеи признались в своих преступлениях на открытом судебном процессе, и Левин был расстрелян, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения»[619].

Новым министром был назначен С. Д. Игнатьев, человек из аппарата Маленкова, занимавший должность заведующего отделом партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов ЦК. Рюмин стал исполняющим обязанности начальника следственной части МГБ и почти сразу стал замминистра ГБ. Более того, его принял Сталин.

Вождь, в частности, высказался о молодежи, что «возраст — это вовсе не препятствующее терроризму обстоятельство». Он вспомнил народовольцев, «бросавших бомбы в царские кареты», Софью Перовскую и Желябова. Этим Сталин заочно ответил арестованному Абакумову, который говорил, что «если мы набьем тюрьмы школьниками, то, кроме презрения, ничего не заслужим».

Началось следствие по «делу врачей». Старший следователь МГБ Иван Иванович Елисеев догадался провести эксперимент: с хранившегося в Лечсануправлении Кремля сердца Жданова, которое было им представлено как сердце неизвестного человека, пятеро опытных патологоанатомов сделали срезы. Все единогласно заключили, что обладатель данного сердца скончался от инфаркта. Это признал даже патологоанатом А. Н. Федоров, проводивший вскрытие тела сразу после смерти Жданова и тогда определивший, что никакого инфаркта не было. Получалось, врачи скрывали истинную причину кончины члена Политбюро.

Вот здесь и началась интрига.

На вопрос следователя Елисеева, почему Федоров, зная, что у Жданова был инфаркт, дал противоположное заключение, патологоанатом ответил, что к нему обратился начальник Лечсануправления Кремля Егоров: «Я бы хотел попросить вас при перечислении болезней, обнаруженных у пациента, инфаркт миокарда не упоминать. Иначе нам пришьют все ошибки в диагностике, лечении и так далее. А дело все равно не поправишь. Смерть — явление необратимое»[620].

Если рассматривать дело со стороны обвинения, то выстраивалась следующая цепочка фактов: 7 августа 1948 года Софья Карпаи сделала Жданову кардиограмму, уехала в отпуск и до 28 августа ему кардиограмму больше не делали. В течение этих двадцати двух дней Жданову был предписан активный режим; уход за ним был небрежным; персональный врач Майоров уезжал на рыбалку; у Жданова были повторяющиеся приступы цианоза и удушье, что не отражалось в медицинских записях; медсестры ночью не оказывали больному помощи и спали. К этому надо добавить, что заявление кардиолога Лидии Тимашук, сделавшей Жданову кардиограмму 28 августа и определившей, что у больного инфаркт и ему срочно необходим постельный режим, вызвало пренебрежительную реакцию Егорова. Он обвинил свою подчиненную в невежестве. На консилиуме 31 августа в Москве он не стал освещать решающий фактор во всей истории лечения и смерти Жданова: какое же лечение было предписано больному? «Он не ответил, почему при более серьезном диагнозе врачи не придерживались существующей медицинской практики и не установили строгий постельный режим на длительный период, да еще позволяли Жданову прогуливаться в парке, ходить в кино и делать ему массаж ног»[621].

Двадцать девятого августа Тимашук сняла у Жданова кардиограмму и, увидев инфаркт, написала письмо на имя начальника охраны Сталина Власика, которое передала начальнику охраны Жданова Александру Белову. Белов сообщил содержание письма находившейся на Валдае жене Жданова, Зинаиде Александровне, остроту языка которой знал даже Сталин. Она сразу обратилась к врачам, произошел тяжелый разговор.

Тридцать первого августа Жданов умер. На фоне массы негативных фактов в истории лечения смерть члена Политбюро должна была закончиться расследованием.

Но на свое письмо Тимашук не получила ответа. Тогда она пишет второе письмо и 15 сентября 1948 года отправляет его А. А. Кузнецову. Кузнецов еще в силе. Он приезжал на Валдай, когда умер Жданов. (Еще приезжали Вознесенский и Попков, первый секретарь Ленинградского обкома, — все фигуранты

будущего «ленинградского дела».) Но от Кузнецова кардиолог ответа не дождалась. Она не знала, что ее первое письмо Власик передал Абакумову, а тот — Сталину.

Сталин не был склонен начинать расследование, так как он знал, что Жданов был тяжело болен. Врачебная ошибка? Спор профессионалов? Это ничего не меняет, Жданова не воскресишь. Письмо Тимашук ушло в архив, где пролежало до 1951 года, когда Рюмин, допрашивая Этингера, добился у него признания, что он недолюбливал своего пациента, секретаря ЦК и члена Политбюро Щербакова, и тот скоропостижно скончался. Следователь связал оба факта.

Абакумов знал, что добытые Рюминым доказательства «террористической деятельности» Этингера ничего не стоят, и обвинил Рюмина в непрофессионализме. Но вместо того, чтобы уволить, простил валявшегося у него в ногах подполковника. Это была роковая ошибка генерал-полковника.

Этингер был не просто врач, он был хороший специалист, его приглашали и в семью Берии. Правда, Этингер был антисоветски настроен, его телефон прослушивался, и однажды была зафиксирована такая фраза: «Тот, кто смог бы освободить страну от такого чудовища, как Сталин, стал бы героем»[622].

На Этингера как на еврейского националиста-антисоветчика указал на допросе секретарь ЕАК Фефер. Таким образом, от «дела ЕАК» протянулась ниточка к «делу врачей», а вскоре от «дела врачей» — к «делу МГБ», где засевшие «еврейские националисты» (вместе с попавшим под их влияние Абакумовым) препятствовали раскрытию «террористических замыслов» против советского руководства. Добавим к этому корейскую войну, ожидание атомного нападения США, чистки в Восточной Европе, борьбу группировок в Кремле.

Под колесо ждановской смерти попал и начальник Главного управления охраны Н. С. Власик, «вечная тень» Сталина со времен Царицынской обороны. На стенограмме врачебного консилиума, состоявшегося 6 сентября 1948 года, на котором был определен диагноз — гипертоническая болезнь (а не инфаркт, что было на самом деле!), Власик написал: «Министру доложено, что т. Поскребышев прочитал и считает, что диагноз правильный, а т. Тимашук не права»[623].

В устранении Абакумова были заинтересованы сразу три самых влиятельных члена Политбюро: Маленков, Берия, Хрущев. Для Хрущева Абакумов был опасным свидетелем, хорошо знавшим его роль в репрессиях на Украине. Поэтому Абакумов был обречен. Он под пытками не подписал ни одного протокола и был расстрелян уже после смерти Сталина и прихода к власти Хрущева.

Но даже из Лефортовской тюрьмы искалеченный и обреченный Абакумов отомстил Рюмину. Он написал в октябре 1952 года Берии и Маленкову, что Рюмин интересовался «внутренними отношениями в Политбюро, пользуясь информацией из совершенно секретных докладных, направлявшихся МГБ Сталину» (П. Судоплатов). Кроме того, кардиолог Софья Карпаи, несмотря на избиения, не подписала признания в умысле на убийство Жданова, и Сталин увидел, что рюминская схема заговора врачей посыпалась. Рюмин был уволен в ноябре 1952 года и расстрелян после смерти Сталина.

Так, благодаря рюминской активности, приведшей к запуску «дела врачей» и выдвижению Игнатьева в МГБ, образовался новый центр власти — Маленков, Берия, Хрущев. Между ними были тайные противоречия, которые ярко проявятся позже, а пока все они были заинтересованы в глубокой чистке органов ГБ и шире — всего партийного руководства.

Игнатьев не устраивал Берию, так как был «кадром Маленкова», но у Игнатьева первым заместителем был С. А. Гоглидзе — бериевский выдвиженец. Затем Гоглидзе отправили служить в Узбекистан, но в Москву перевели министра ГБ Белоруссии Л. Ф. Цанаву на должность начальника Второго главного управления МГБ (контрразведка).

Игнатьев выдвинулся в годы индустриализации, а после войны был вторым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Он не проявлял жестокости, был порядочным человеком, насколько это было тогда вообще возможно. В 1952 году перенес инфаркт. (Игнатьева к «делу врачей» не очень допускали. — Ф. Бобков.) После смерти Сталина Берия, получив контроль над органами госбезопасности, стремился уничтожить Игнатьева, но не удалось.

Между тем, несмотря на увольнение Рюмина, «дело врачей» уже двигалось самостоятельно или, точнее говоря, — усилиями Маленкова, Берии и Хрущева. Были арестованы П. И. Егоров, его предшественник в Лечсануправлении А. А. Бусалов, личный врач Сталина В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, М. С. Вовси (двоюродный брат Михоэлса), Б. Б. Коган. 15 декабря 1952 года был арестован Власик. Он признался: «Я и Абакумов не приняли мер по проверке заявления Тимашук, и теперь я понимаю, что этим мы, по существу, отдали ее на расправу Егорову»[624].

Подчеркнем, что увольнение Власика было выгодно Берии, который в 1946 году был отстранен от руководства МГБ именно по «наводке» Власика (на место Берии тогда был назначен Абакумов). Кроме того, именно через Власика к Сталину поступила информация о коррупции в Грузии, в результате чего вышло разгромное постановление Политбюро (от 9 ноября 1951 года).

Это постановление наносило по Берии страшный удар, сбрасывавший его на дорожку, протоперенную страдальцами «ленинградского дела».

По словам Сталина, за делами в Грузии надо было искать «большого мингрела», то есть Берию. Таким образом, тот оказался в шаге от пропасти.

При этом явно укреплялось положение Маленкова. На заседании Президиума ЦК КПСС 1 декабря 1952 года, где обсуждался вопрос «о вредительстве в лечебном деле и положении в МГБ СССР», Сталин сказал (по дневниковой записи Малышева):

«Т. Сталин 1. XII. (1952)

Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут нам стараться вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, появилось благодушие, ротозейство, зазнайство.

Любой еврей — националист, это агент америк[анской] разведки. Евреи-наци[онали]сты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам.

Среди врачей много евреев-националистов.

Неблагополучно в ГПУ. Притупилась бдительность.

Они сами признались, что сидят в навозе, в провале.

Надо лечить ГПУ..

Надо создать некие формы контроля и проверки. Оживить первичн[ые] партийные организации (ячейки).

Ячейки поют дифирамбы руководству МГБ. Всякая инициатива у ячеек отнята. Прав у них нет, сидят во главе ячеек подхалимы. С этим надо покончить. Надо дать им право критиковать начальство, чтобы любой имел право критиковать (пределы критики).

Отчет областного руководства перед обкомами.

Контроль со стороны ЦК за работой МГБ.

Лень, разложение глубоко коснулись МГБ.

От коммун[истической] точки зрения к либерально-буржуазной точке зрения»[625].

Эта запись объясняет, как усиливался Маленков. Отныне партия должна была встать над органами безопасности. После указаний «надо лечить ГПУ», «контроль со стороны ЦК за работой МГБ» — над Лубянкой стала возвышаться Старая площадь. Вышло постановление «О положении в МГБ», где значилось прежде немыслимое: первым секретарям «должны быть известны списки всех агентов». Этим нарушался основополагающий принцип агентурной работы — максимальной анонимности агентов. Вслед за этим Маленков добился еще одного важнейшего преимущества: создания в ЦК собственной защищенной линии связи, неподконтрольной МГБ.

Нетрудно было предсказать, что должно было последовать дальше: чистка ГБ, подобная той, которую провел Берия, сменив Ежова.

Теперь понятно, почему после смерти Сталина Маленков, ставший председателем правительства, проиграл борьбу за власть Хрущеву, возглавившему партию: тогда Хрущев контролировал государственную безопасность.

О чем думал Сталин, убирая своих верных помощников — Власика и Поскребышева (уволен в ноябре 1952 года)?

«Дело касалось якобы имевшей место утечки сведений о работе Политбюро и решениях пленумов в 1938—1941 годах. Расследование этого факта было начато в 1946 году, но до начала 1950-х годов оно не дало никаких результатов. Доложенные лично Сталину новым министром госбезопасности С. Д. Игнатьевым обвинения стали основанием для ареста ближайшего помощника Сталина А. Н. Поскребышева и начальника личной охраны Сталина Н. С. Власика»[626].

После своего увольнения Власик сказал: «Если меня заберут, то вскоре не будет и хозяина». Так и вышло.

После Власика начальником ГУО по совместительству стал министр ГБ Игнатьев, поэтому нельзя считать, что контроль над охраной получил Берия.

Но если такой осторожный и умный человек, как наш герой, решился уволить двух столпов своего ближайшего окружения, значит, он считал, что их пребывание возле него несет больше угроз, нежели удаление. Из этого следует, что смерть Жданова прошлась и по нему.

Глава восемьдесят первая

Завещание Сталина. XIX съезд партии: доклад делает наследник. Молотов и Микоян — отодвинуты. Попытка сменить правящую элиту. Леонид Брежнев — секретарь ЦК

Задумывался ли он о собственной смерти? Безусловно. Вопрос о преемнике уже был решен: Маленков. 7 сентября 1952 года вышло постановление Политбюро о созыве 20 ноября 1952 года XIX съезда ВКП(б), на котором с очередным докладом должен был выступить именно он. Ранее с отчетными докладами всегда выступал Сталин.

Девятого июля 1952 года Маленков возглавил Комиссию Политбюро по подготовке изменений в Уставе партии, 15 июля

он был включен в состав Комиссии по подготовке очередного пятилетнего плана. С учетом решающего влияния в МГБ Маленков фактически становился кронпринцем.

Но здесь, как всегда у Сталина, случилось одно сюжетное отклонение: он задумался над теоретическими основами существования СССР. Как вспоминает Юрий Жданов, вождем был подвергнут пересмотру даже тезис Гегеля о единстве и борьбе противоположностей. По Сталину, это признание равенства двух начал разоружает, тогда как в реальной жизни доминирует борьба: «Быть может, от единства вообще надо отказаться, поскольку это ведет к ошибочным практическим выводам в политике»[627].

В руководстве работой группы ученых (Л. Леонтьев, К. Островитянов, П. Юдин, Д. Шепилов) над учебником политэкономии в 1951—1952 годах Сталин проявил не только глубокое знание марксистской теории, но и нечто большее. «Общение со Сталиным на эти темы оставляло ощущение, что имеешь дело с человеком, который владеет темой лучше тебя»[628].

Наш герой постоянно держал в сфере своего внимания работу над учебником, отредактировал три главы и введение, показав, что сохранил остроту ума. Занимаясь учебником, Сталин первоначально не предполагал предавать широкой огласке свои заметки, о чем прямо написал ученым-экономистам, разрешив, впрочем, без ссылки на его авторство использовать их «в лекциях, на кафедрах, в политкружках». Потом он передумал, и перед открытием XIX съезда партии в «Правде» была напечатана его работа «Экономические проблемы социализма в СССР». Почему он так сделал, объяснений не было. По-видимому, причину надо искать в том, что он предвидел экономическую либерализацию (что прочитывалось из проекта доклада Маленкова съезду) и хотел задать ее теоретический вектор.

В сталинском труде содержится несколько важных мыслей:

в СССР существует товарное производство и действует закон стоимости;

действия закона стоимости, принцип рентабельности производства регулируются «законом планомерного развития народного хозяйства», который выравнивает дисбаланс между важными для страны, но малоприбыльными отраслями (тяжелая промышленность) и прибыльными;

главный экономический закон капитализма: это «обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, на-

конец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для получения наивысших прибылей»;

основной экономический закон социализма: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»[629].

Сталин предвосхищал экономическое реформирование по пути, который сегодня называется «китайским». Из этого следовало, что он должен был осудить период репрессий, чтобы развязать обществу руки. И скорее всего, виноватыми были бы названы люди из его ближайшего окружения. Кто это? Берия? Хрущев? Молотов?

Кроме того, огосударствленная экономика СССР и отсутствие рынка не создавали стимулов, что делало невыгодным для предприятий инновационное развитие. Пример силового «внедрения» изобретенной В. Мацкевичем РЛС был одним из подтверждений этого печального факта. К тому же объем свободных денег у бедного населения являлся ничтожным и не мог создать для промышленности платежеспособного спроса. Нищий человек не был способен купить дорогую высокотехнологическую вещь, а предприятие не могло предложить торговле подобных товаров, так как для них не находилось покупателей.

Думается, Сталин подошел вплотную к важнейшей проблеме экономического развития государства и остановился. Каким мог быть его следующий шаг?

Трудно ответить на этот вопрос. Однако опыт Мао Цзэдуна, не верившего в развал капитализма, может кое-что подсказать.

Да, Сталин «закрыл» мировую революцию, создал великое государство, но его историческое время завершилось. Это время включало в себя грандиозное пространство. В нем было все:

великая православная империя во главе с царем, духовным руководителем страны;

переход от абсолютной монархии к конституционной;

заговор политической верхушки против имперской власти;

поразительная слабость этой верхушки и катастрофа государства;

большевистский переворот;

жестокий выбор между мировой революцией и возрождением страны;

модернизация экономики;

урбанизация страны;

война внутри новой элиты;
войны с Германией и Японией;
создание мирового лагеря социалистических государств;
восстановление разрушенной экономики;
война с Западом в Корее;
создание атомного и ракетного вооружения;
гармонизация взаимоотношений внутри западного мира под влиянием успехов его, сталинской, деятельности;
перемена всего мира.

Но он настолько изменил мир, что и сам уже устаревал в этой новизне. Время пожирало и этого титана, как когда-то он пожирал иные времена, иных людей.

Пятого октября 1952 года открылся съезд партии, которому предстояло оценить прошедшие с последнего съезда 13 лет и перспективы развития страны. Новый пятилетний план отличался от прежних примерно равными темпами прироста тяжелой и легкой промышленности, соответственно: «группа А» — 13 процентов, «группа Б» — 11.

Доклад Маленкова продолжал идеи Сталина. В международном положении это «мирное соревнование с капитализмом», во внутреннем — рост промышленного производства от 1950 к 1955 году на 70 процентов (рост производства средств производства — на 80, рост производства предметов потребления — на 65 процентов).

Но благодушия в докладе не было. Наоборот, явственно прозвучала тревога: «Дело в том, что в связи с победоносным окончанием войны и крупными хозяйственными успехами в послевоенный период в рядах партии развилось некритическое отношение к недостаткам и ошибкам в работе партийных, хозяйственных и других организаций. Факты показывают, что успехи породили в рядах партии настроения самодовольства, парадного благополучия и обывательской успокоенности, желание почить на лаврах и жить заслугами прошлого. Появилось немало работников, которые считают, что "мы все можем", "нам все нипочем", что "дела идут хорошо" и незачем утруждать себя таким малоприятным занятием, как вскрытие недостатков и ошибок в работе, как борьба с отрицательными и болезненными явлениями в наших организациях. Эти вредные по своим последствиям настроения захлестнули часть плохо воспитанных и неустойчивых в партийном отношении кадров. Руководители партийных, советских и хозяйственных организаций нередко превращают собрания, активы, пленумы и конференции в парад, в место для самовосхваления, в силу чего

ошибки и недостатки в работе, болезни и слабости не вскрываются и не подвергаются критике, что усиливает настроения самодовольства и благодушия. В партийные организации проникли настроения беспечности. Среди партийных, хозяйственных, советских и других работников имеет место притупление бдительности, ротозейство, факты разглашения партийной и государственной тайны. Некоторые работники, будучи увлечены хозяйственными делами и успехами, начинают забывать о том, что все еще существует капиталистическое окружение и что враги Советского государства настойчиво стремятся заслать к нам свою агентуру, использовать в своих грязных целях неустойчивые элементы советского общества»[630].

(Буквально эти же слова о беспечности, потере бдительности, ротозействе говорил Сталин на заседании Политбюро 1 декабря 1952 года, то есть уже после съезда, из чего можно сделать вывод: Маленков озвучивал мысли вождя.)

Также была выражена сильная озабоченность «опасными и злостными проявлениями» приписок, местничества, сокрытием от общегосударственного учета ведомственных ресурсов, клановости.

Предупредил Маленков, сославшись на Сталина, и об опасности «легкомысленного забегания вперед и перехода к высшим экономическим формам без необходимого создания необходимых предпосылок для такого перехода». Он повторил тезис Сталина о невозможности отрицать законы экономики.

Говоря о культуре, Маленков неожиданно стал критиковать «крупные недостатки в развитии нашей литературы и искусства»: много серых, скучных, просто халтурных произведений, «искажающих советскую действительность». «Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед»[631].

Налицо ранее озвученная мысль Сталина о необходимости «советских Гоголей и Щедриных». Он высказал ее на заседании Политбюро при обсуждении претендентов на Сталинскую премию 26 февраля 1952 года (К. Симонов). Что касается заостренной критики, то напомним отношение нашего героя к гегелевскому положению о единстве и борьбе противоположностей.

Что же суммарно предлагалось Сталиным в докладе Маленкова? Мир с Западом, экономическое развитие, повышение благосостояния населения, идеологическая борьба. Но все заметили, что съезд обошел вниманием вопрос антирелигиозной пропаганды.

На съезде выступил и Сталин, причем в самый последний день, уже после выборов ЦК. Очевидец описывал это так: «Зал

поднимается и рукоплещет. Сталин встает из-за стола президиума, обходит этот стол и бодрой, чуть-чуть переваливающейся походкой не сходит, а почти сбегает к кафедре. Кладет перед собой листки, которые, как мне кажется, он держал в руке, когда шел к трибуне, и начинает говорить — спокойно и неторопливо. Так же спокойно и неторопливо он пережидает аплодисменты, которыми зал встречаст каждый абзац его речи. В одном месте зал прерывает его речь так, что если продолжить ее с того слова, на котором она была прервана аплодисментами, то форма одного из строго построенных абзацев речи будет нарушена. Сталин останавливается, дожидается конца аплодисментов и начинает снова не с того места, с какого его прервали аплодисменты, а выше, с первого слова той фразы, которая кончается словами о знамени: "Больше некому его поднять".

В самом конце своей речи Сталин впервые чуть-чуть повышает голос, говоря: "Да здравствуют наши братские партии! Пусть живут и здравствуют руководители братских партий! Да здравствует мир между народами!" После этого он делает долгую паузу и произносит последнюю фразу: "Долой поджигателей войны!" Он произносит ее не так, как произнесли бы, наверное, другие ораторы — повысив голос на этой последней фразе. Наоборот, на этой фразе он понижает голос и произносит ее тихо и презрительно, сделав при этом левой рукой такой жест спокойного презрения, как будто отгребает, смахивает куда-то в сторону этих поджигателей войны, о которых он вспомнил, потом поворачивается и, медленно поднявшись по ступенькам, возвращается на свое место»[632].

Сталин высказал принципиальные вещи — о доверии, сочувствии и поддержке Советского Союза братскими народами за рубежом. В зале сидели руководители коммунистических партий всего мира: Лю Шаоци, Луиджи Лонго, Морис Торез... Он сказал, что теперь им легче бороться: перед их глазами «примеры борьбы и успехов» СССР и народных демократий.

Он ни слова не сказал о внутренних делах, планах, преемниках. Как будто смотрел поверх этих проблем.

На следующий день состоялся пленум ЦК, на нем Сталин преподнес сюрприз, который потряс многих. Вместо того чтобы заранее обсудить в узком кругу состав руководящих органов, он пришел к самому началу пленума и не стал ничего обсуждать. Выйдя со старыми членами Политбюро в зал, он был встречен овацией и хмуро показал жестом, что надо обойтись без выражения восторга.

Его выступление было в очснь жесткой тональности. Вскоре все поняли, что происходит нечто неожиданное. Сталин говорил о необходимости твердости и бесстрашия, вспомнил мужество, проявленное Лениным в 1918 году, когда страна была в кольце врагов.

«И тон его речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, — все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению, частицу этого оцепенения я испытал на себе. Главное в его речи сводилось к тому (если не текстуально, то по ходу мысли), что он стар, приближается время, когда другим придется продолжать делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать. Это и было самым главным, что он хотел не просто сказать, а внедрить в присутствующих, что, в свою очередь, было связано с темой собственной старости и возможного ухода из жизни.

Говорилось все это жестко, а местами более чем жестко, почти свирепо. Может быть, в каких-то моментах его речи и были как составные части элементы игры и расчета, но за всем этим чувствовалась тревога истинная и не лишснная трагической подоплеки. Именно в связи с опасностью уступок, испуга, капитуляции Сталин и апеллировал к Ленину в тех фразах, которые я уже приводил в тогдашней своей записи. Сейчас, в сущности, речь шла о нем самом, о Сталине, который может уйти, и о тех, кто может после него остаться. Но о себе он не говорил, вместо себя говорил о Ленине, о его бесстрашии перед лицом любых обстоятельств»[633].

Предложив избрать Президиум ЦК, куда вошла вся старая гвардия, Сталин вдруг предложил образовать Бюро Президиума ЦК и «стал называть фамилии, написанные на маленьком листочке». Молотова и Микояна не назвал.

Главный редактор «Литературной газеты», кандидат в члены ЦК Константин Симонов, вспоминая этот пленум (как оказалось, последний в жизни Сталина), повествует, что Сталин открыто обвинил своих старых соратников, Молотова и Микояна, в трусости и капитулянстве.

По словам Сталина, Молотов вел неправильную политику в отношении Америки и Англии, «нарушал линию Политбюро», шел на уступки; Микоян же поддерживал предложение Молотова повысить заготовительные цены на зерно*.

---

* Микоян вспоминал, что его предложение о закупочных ценах высказывалось в 1946 или 1947 году, то есть во время продовольственного кризиса. Почему Сталин вернулся к этому через шесть лет, он не знал.

Молотов и Микоян оправдывались. Микоян назвал себя верным учеником Сталина, но тот отверг это определение: «У меня нет учеников. Все мы ученики Ленина». Кроме того, Микоян пытался перевести все обвинения на Молотова.

Далее наступил просто ужас: Сталин сказал, что он очень стар и не может исполнять все свои обязанности; он может работать председателем Совета министров и вести заседания Политбюро, но уже не в состоянии быть генеральным секретарем и вести заседания Секретариата ЦК.

Симонов в этот миг увидел на лице Маленкова настоящий страх, ибо тот осознал, что Сталин прощупывает своих соратников. Маленков сделал протестующий жест. Свердловский зал Кремля загудел: «Не отпустим! Просим остаться!»

Принято считать, что Сталин играл и был неискренен. Но почему так? И без должности генерального секретаря его полномочия были колоссальны. В случае его «полуотставки» Маленков стал бы официальным руководителем партии, каковым он фактически и являлся. Кто бы проиграл? Только Берия. Но, зная Берию, Маленков испугался, что его вскоре постигнет судьба Вознесенского и Кузнецова.

Формально Сталин генеральным секретарем остался, но реализовал резервный вариант — было принято решение в случае его отсутствия председательствовать на заседаниях Секретариата надлежит поочередно Маленкову, Пегову, Суслову; на заседаниях Бюро Президиума вдобавок к ним — и Булганину; на заседаниях Бюро Президиума Совета министров СССР и Президиума Совета министров — Берии, Первухину, Сабурову.

В этой «византийской» расстановке за нашим героем везде оставалось верховенство, вторым номером шел Маленков.

Но в этом, казалось бы, уже окончательном раскладе неожиданно появилась новая фигура, претендующая на большие перспективы. Это был уже известный нам П. К. Пономаренко, бывший первый секретарь Компартии Белоруссии и бывший начальник Центрального штаба партизанского движения.

Одиннадцатого декабря 1952 года он был утвержден заместителем председателя Совета министров СССР по заготовкам сельскохозяйственных продуктов и сельскохозяйственного сырья, членом Бюро и Президиума Совета министров СССР. На пленуме ЦК он был избран членом Президиума и секретарем ЦК КПСС.

В Секретариат, кроме него, вошли А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Г. М. Маленков, Н. А. Михайлов, Н. М. Пегов, И. В. Сталин, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев.

В сформированное по предложению Сталина Бюро Президиума ЦК КПСС вошли известные фигуры: Берия, Булганин,

Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров, Сталин, Хрущев.

«Руководящая пятерка» выглядела так: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Булганин. Все эти люди и определили историю страны на долгие годы.

Двадцать первого декабря 1952 года на Ближнюю дачу без приглашения съезжались гости, чтобы поздравить хозяина с днем рождения. Приехали и Молотов с Микояном. Сталин принял всех, но потом через Хрущева передал Молотову и Микояну, что он им больше не товарищ и не хочет, чтобы они к нему приходили. Он послал им черную метку.

Микоян объяснял опалу своим неприятием сталинской работы «Экономические проблемы...». Но это объяснение мало что раскрывает, ведь наш герой не был легкоранимым графоманом. Микоян признавался на XX съезде КПСС, что стал хвалить эту работу на XIX съезде КПСС «из дипломатических соображений», что говорит о его хитрости и больше ни о чем.

Думается, соратники не поняли, что Сталин снова утверждал свою главную идею верховенства государства над их клановыми и местническими интересами, над их готовностью примириться с врагами, лоббированием для курируемых ими министерств более низких плановых заданий, более комфортных условий работы. Сталин перестал верить Микояну по той же причине, что и Молотову: из-за их возможного «капитулянтства».

Вообще психологический переход от дружеского доверия к подозрительности и враждебности, от любви к ненависти проходит много ступеней. Занимаясь внешнеполитическими делами, Микоян был «советским купцом № 1» и рассматривал мобилизационную экономику СССР как нуждающуюся хотя бы в минимальной либерализации, для чего, по мнению Сталина, еще не было реальных условий. Поэтому Микоян стал чужим.

Вождь был уже старым, терял представление о времени. После расставания в три-четыре часа ночи с приближенными членами Бюро Президиума вскоре пытался снова вызвать их и спрашивал охрану: «Какое сегодня число? Утро или вечер?»

Можно представить, как он, мучимый бессонницей, ходит по комнатам Ближней дачи и перед его мысленным взором предстают образы ушедших людей: матери, отца, священников, полицейских, Кати Сванидзе, Ленина, Троцкого, Дзержинского, Нади Аллилуевой... Где они? Почему он один? Где Василий и Светлана? Но у них своя жизнь... И неизвестно, успеет ли он завершить дело всей жизни и передать его надежным наследникам.

А где они, надежные наследники? Вот царь Николай отрекся от власти в марте семнадцатого года, считал, что передает ее

достойным людям, а они бросили ее в грязь. А ведь тогда всё образованное общество, Дума, генералы, промышленники, интеллигенты жаждали отнять у него власть. Он и отдал, чтобы не было гражданской войны. А наследники оказались ничтожествами... Река ада? Значит, он, Сталин, и есть река ада.

Дальше события развивались так. 10 января 1953 года Сталин внес правку в статью «Правды» «Шпионы и убийцы под маской врачей»*.

В статье приводились страшные факты, объединенные ложными выводами. Инфаркт миокарда у Жданова установлен экспертизой — это бесспорно. В лечении Щербакова допускались серьезные ошибки — тоже бесспорно. В остальном — домыслы: связь врачей с американскими сионистами и иностранными разведками, попытки создать в СССР «пятую колонну».

Но, судя по сталинской редактуре, «дело врачей» не было для него главным. Главным были его умозаключения: «В СССР эксплуататорские классы давно разбиты и ликвидированы, но еще сохранились пережитки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали, — сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — живые люди, скрытые враги нашего народа. Именно эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, будут вредить и впредь»[634].

Это основная мысль Сталина. Казалось бы, все понятно: враги не сдаются, их надо уничтожить. Однако он еще дописал заключительный абзац: «Все это верно, конечно. Но верно и то, что, кроме этих врагов, есть еще у нас один враг — ротозейство наших людей. Можно не сомневаться, что пока есть у нас ротозейство, — будет и вредительство. Следовательно, чтобы ликвидировать вредительство, нужно покончить с ротозейством в наших рядах»[635].

Это меняло акценты, ведь ротозей — не шпион, не сионист, не убийца в белом халате, а простой советский обыватель.

Сначала этой мысли не поняли, и в «Правде» появились чисто антисемитские установки, но почти сразу это исчезло, стали бичевать «ротозеев» с русскими фамилиями.

Поэтому нет ничего удивительного, что в конце 1952 года Сталин на обсуждении Сталинской премии заявил: «У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразие!»[636]

Думается, из-за этого и возникла идея опубликовать в газетах коллективное обращение выдающихся советских граждан-евреев, в котором они выразили бы верность Советской

---

* В сталинской редакции — «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей».

Родине и обличили происки Америки и Израиля. Подписной лист к обращению подписали поэт С. Я. Маршак, писатель В. С. Гроссман, певец М. О. Рейзен, кинорежиссер М. И. Ромм, физик Л. Д. Ландау, композитор И. О. Дунаевский и многие другие, в том числе и Илья Эренбург. При этом Эренбург написал Сталину, что поддерживает борьбу против «американской и сионистской пропаганды, пытающейся изолировать людей еврейской национальности», но предупреждал, что публикация обращения в «Правде» может вызвать еще более негативную реакцию в мире.

Сталин забраковал два варианта обращения, и идея отпала, поскольку базировалась на принципе объединения группы людей на национальной почве, что всегда было для него неприемлемо. С 20 февраля 1953 года пресса резко сбавила тон. Похоже, в Кремле уже задумывались, как выпутаться из крайне трудной ситуации. Надо было ставить точку*.

Внутренние события следует спроецировать на планы США в отношении СССР. 1 апреля 1950 года в докладе начальника оперативного управления ВВС США генерал-майора С. Андерсона министру авиации С. Саймингтону указывалось, что ВВС США в случае войны не в состоянии выполнить план атомных бомбардировок СССР («Тройан») и обеспечить противовоздушную оборону территории США, включая Аляску.

Поэтому вопрос о войне был отодвинут и ему на смену была выдвинута идея подготовки коалиционной войны с участием всех стран НАТО. Дата начала войны — 1 января 1957 года[637].

Кроме того, в Вашингтоне было взято на вооружение положение, выдвинутое К. Клаузевицем еще в начале XIX века: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, то есть оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров»[638].

В директиве Совета национальной безопасности (СНБ-58), утвержденной Трумэном 14 сентября 1949 года, подчеркивалось значение поддержки в СССР «дружественных групп на вражеской территории», ставилась задача «интеграции психологической, экономической и подпольной войны и военных операций», а также «создание группы антимосковских коммунистических государств».

---

* Все существующие предположения, что Сталин готовил депортацию евреев на Дальний Восток и даже публичные казни на Красной площади, не имеют документальных доказательств. Равно существуют слухи, что готовилась депортация всех украинцев, 40 миллионов человек, в реальности такое было просто неосуществимо.

Сталин знал об этих планах, следовательно, он должен был вспомнить Михоэлса, интересовавшегося его личной жизнью, контакты Аллилуевых с людьми из ЕАК, активность Жемчужиной в отношении Крыма и т. д. А дальше — врачи-убийцы, их прикрывающие сотрудники МГБ, Власик, Поскребышев, Молотов, Микоян, русские, украинские, прибалтийские, грузинские националисты, миллионы «ротозеев».

Понятно, что в этих обстоятельствах Сталин был озабочен обновлением правящей верхушки. Появление в руководстве таких людей, как Пономаренко, Брежнев, Шепилов, Юрий Жданов (он стал членом ЦК), показывает, чего хотел наш герой.

На самом деле это поколение пришло к власти только в 1964 году, уже после отстранения Хрущева, осуществив намерения Сталина с десятилетней задержкой, что в итоге привело к критическому застою в процессе смены элиты, завершившемуся неожиданным выдвижением провинциалов Горбачева и Ельцина.

Глава восемьдесят вторая

Смертельная болезнь Сталина. Сговор Хрущева и Булганина в пользу Маленкова. Смерть вождя. Новый триумвират. Ревизия сталинского наследия

В ночь на 1 марта 1953 года Сталин был сражен кровоизлиянием в мозг. Не успев до конца распорядиться своей властью, он оставлял Кремль, Ближнюю дачу, выросших детей, измученных соратников и все население Советского Союза. Его земная жизнь завершалась, он медленно превращался в прошлое.

Есть несколько версий того, когда был обнаружен лежавший на полу без сознания наш герой: вечером 1 марта или утром 2 марта. Это расхождение вряд ли что-либо объясняет, кроме и без того известного факта: врачебная помощь была ему оказана со значительным опозданием и прежде всего по вине Маленкова, Берии, Хрущева, Игнатьева.

По официальной версии, болезнь ударила Сталина вечером 1 марта. На самом деле это произошло ранним утром в воскресенье 1 марта. Накануне были гости: Маленков, Берия, Булганин, Хрущев. Они уехали в четыре часа утра. Так как Сталин вставал поздно, охрана долго ждала его пробуждения. В ожидании прошел целый день. Только в 22.30 заместитель начальника охраны полковник П. В. Лозгачев вошел в сталинские покои, нарушив правило: без вызова не входить. Он увидел в малой столовой лежащего на полу без сознания хозяина. Тот

был в пижамных брюках и нижней рубахе. Брюки были мокры от мочи. Охрана перенесла Сталина на диван, и Лозгачев позвонил Игнатьеву.

По версии Роя Медведева, сопоставившего воспоминания всех участников события, Игнатьев оказался перед трудным выбором. Он должен был сообщить информацию либо Маленкову, либо Берии, что сразу поставило бы его в зависимость (вплоть до возможного ареста) от враждовавшего с ним Берии. Поэтому Игнатьев позвонил курировавшему органы госбезопасности Хрущеву. Именно Хрущев и Булганин, военный министр, первыми из руководства прибыли на дачу в Волынском. Они договорились поддержать Маленкова как преемника вождя на посту председателя Совета министров, хотя, согласно порядку замещения Сталина в случае его отсутствия, Берия должен был возглавить правительство, а Маленков — Бюро Президиума ЦК. На самом же деле оба поста вскоре занял Маленков, при этом фактически руководителем партии стал Хрущев[639].

Что же касается предположения об убийстве Сталина, то оно не имеет под собой доказательств.

Первый осмотр больного был произведен в семь часов утра 2 марта. Он лежал на диване, правые рука и нога парализованы, носогубные складки на правой стороне лица сглажены. Врачи определили инсульт, общий атеросклероз «с первичным поражением кровеносных сосудов мозга, кардиосклероз и склероз почек», артериальное давление 190 на 110 мм ртутного столба.

Лечение было предписано консервативное: пиявки для снижения давления, холодный компресс, микроклизма с сульфатом магнезии. Вынули изо рта вставные челюсти.

В 14.10 у Сталина появилось прерывистое дыхание «по типу Чейн — Стокса», с длительными жуткими задержками, давление поднялось. Постепенно жизненные силы организма угасали, сердце билось глухо, давление скакало.

Ранним вечером 3 марта вдруг наступило улучшение, он пришел в сознание и открыл глаза. Об этих минутах есть свидетельство Маленкова: «Я, Молотов, Берия, Микоян, Ворошилов, Каганович прибыли на ближайшую дачу Сталина. Он был парализован, не говорил, мог двигать только кистью одной руки. Слабые зовущие движения кисти руки. К Сталину подходит Молотов. Сталин делает знак — "отойди". Подходит Берия. Опять знак — "отойди". Подходит Микоян — "отойди". Потом подхожу я. Сталин удерживает мою руку, не отпуская. Через несколько минут он умирает, не сказав ни слова, только беззвучно шевеля губами...»[640]

Но на самом деле Сталин был жив 4 и 5 марта. Он находился без сознания, после полудня 4 марта появилась синюшность, пробил сильный пот, началась икота. Он задыхался. Утром 5 марта признаки агонии усилились, началась кровавая рвота. К 19.15 сердце бешено колотилось, пульс подскакивал до 118—120 ударов в минуту. К 20.10 — 140—150 ударов в минуту. Врачи сделали инъекцию пятипроцентного раствора глюкозы для поддержания сердца. К 21.30 Сталин был весь мокрый от пота, пульс не прощупывался. Лицо было темным. В 21.40 ему сделали укол камфары и адреналина. Не помогло. В 21.50 он умер[641].

Его дочь находилась рядом. Она описала эту сцену сильными и скорбными словами: «Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось — очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то наверх, не то пригрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно, к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела.

Я думала, что сама задохнусь, я впилась руками в стоявшую возле молодую знакомую докторшу, — она застонала от боли, мы держались с ней друг за друга.

Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побледнело и приняло свой знакомый облик; через несколько мгновений оно стало невозмутимым, спокойным и красивым. Все стояли вокруг, окаменев, в молчании, несколько минут, — не знаю сколько, — кажется, что долго.

Потом члены правительства устремились к выходу, — надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей. Они поехали сообщить весть, которую тайно все ожидали. Не будем грешить против друг друга — их раздирали те же противоречивые чувства, что и меня, — скорбь и облегчение...

Все они (я не говорю о Берия, который был единственным в своем роде выродком) суетились тут все эти дни, старались помочь и вместе с тем страшились — чем все окончится? Но искренние слезы были в те дни у многих — я видела там в слезах и К. Е. Ворошилова, и Л. М. Кагановича, и Г. М. Мален-

кова, и Н. А. Булганина, и Н. С. Хрущева. Что говорить, помимо общего дела, объединявшего их с отцом, слишком велико было очарование его одаренной натуры, оно захватывало людей, увлекало, ему невозможно было сопротивляться. Это испытали и знали многие, — и те, кто теперь делает вид, что никогда этого не испытывал, и те, кто не делает подобного вида.

...Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина, — Валечка, как ее все звали, — экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей.

Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту, — наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только "начальников" — генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, — наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо и никогда не получали отказа.

...Поздно ночью, — или, вернее, под утро уже, — приехали, чтобы увезти тело на вскрытие. Тут меня начала колотить какая-то нервная дрожь, — ну, хоть бы слезы, хоть бы заплакать. Нет, колотит только. Принесли носилки, положили на них тело. Впервые увидела я отца нагим, — красивое тело, совсем не дряхлое, не стариковское. И меня охватила, кольнула ножом в сердце странная боль — и я ощутила и поняла, что значит быть "плоть от плоти". И поняла я, что перестало жить и дышать тело, от которого дарована мне жизнь, и вот я буду жить еще и жить на этой земле.

Всего этого нельзя понять, пока не увидишь своими глазами смерть родителя. И чтобы понять вообще, что такое смерть, надо хоть раз увидеть ее, увидеть, как "душа отлетает" и остается бренное тело. Все это я не то чтобы поняла тогда, но ощутила, что это прошло через мое сердце, оставив там след.

И тело увезли. Подъехал белый автомобиль к самым дверям дачи, — все вышли. Сняли шапки и те, кто стоял на улице, у крыльца. Я стояла в дверях, кто-то накинул на меня пальто, меня всю колотило. Кто-то обнял за плечи, — это оказался Н. А. Булганин. Машина захлопнула дверцы и поехала. Я уткнулась лицом в грудь Николаю Александровичу и наконец разревелась. Он тоже плакал и гладил меня по голове. Все постояли еще в дверях, потом стали расходиться.

...Было часов 5 утра. Я пошла в кухню. В коридоре послышались громкие рыдания, — это сестра, проявлявшая здесь же, в ванной комнате, кардиограмму, громко плакала, — она

так плакала, как будто погибла сразу вся ее семья... "Вот, заперлась и плачет — уже давно", — сказали мне.

Все как-то неосознанно ждали, сидя в столовой, одного: скоро, в шесть часов утра, по радио объявят весть о том, что мы уже знали. Но всем нужно было это услышать, как будто бы без этого мы не могли поверить. И вот, наконец, шесть часов. И медленный, медленный голос Левитана или кого-то другого, похожего на Левитана, — голос, который всегда сообщал нечто важное. И тут все поняли: да, это правда, это случилось. И все снова заплакали — мужчины, женщины, все... И я ревела, и мне было хорошо, что я не одна и что все эти люди понимают, что случилось, и плачут со мной вместе.

Здесь все было неподдельно и искренне, и никто ни перед кем не демонстрировал ни своей скорби, ни своей верности. Все знали друг друга много лет. Все знали и меня, и то, что я была плохой дочерью, и то, что отец мой был плохим отцом, и то, что отец все-таки любил меня, а я любила его.

Никто здесь не считал его ни богом, ни сверхчеловеком, ни гением, ни злодеем, — его любили и уважали за самые обыкновенные человеческие качества, о которых прислуга судит всегда безошибочно»[642].

Рыдала вся страна. Людям было не то что жалко Сталина, они чувствовали — кончилась эпоха, кончилось очень трудное, даже мучительно трудное, трагическое великое время. Он ушел, а они остались. И им надо жить без него, осмыслить свою жизнь, которая уже тоже становилась историей.

Шестого марта утром в Колонный зал Дома союзов, где стоял гроб с телом Сталина, пришли руководители страны. Сталин лежал в своем старом кителе генералиссимуса, который по случаю почистили и подшили обтрепанные рукава. Зал был пуст, лишь несколько человек да распорядители скорбной церемонии растворялись в его пространстве. Распорядители устанавливали возле гроба венки. Неподалеку от гроба стояла группа членов Политбюро — Маленков, Берия, Хрущев, Молотов, Каганович, Микоян. Громко рыдал Хрущев, остальные грустно молчали[643].

К тому времени уже был проведен пленум ЦК, председателем Совета министров стал Маленков, заместителями — Берия, Молотов, Булганин, Каганович. Хрущев остался секретарем ЦК и членом Президиума ЦК. Берия получил в кураторство МВД СССР, объединившее МГБ и МВД.

Однако Маленков, оставаясь секретарем ЦК, председательствовал и на заседаниях Президиума ЦК, то есть был глав-

ным. «Молодых» выдвиженцев, Брежнева, Пегова, Пономаренко, вывели из Секретариата ЦК*.

Брежнев получил маленький пост — заместителя начальника Главного политического управления Военного министерства (курировал Военно-морской флот). Это было падение с высот. Как вспоминала Виктория Петровна Брежнева, жена Леонида Ильича, после пленума Брежнев, Аристов, Пономаренко собрались у них в квартире, из которой рабочие хозяйственного управления ЦК уже выносили мебель, и, сидя на полу на газетах, пили водку, не зная, что будет с ними завтра, арестуют или нет.

Триумвират наследников, Маленков, Берия, Хрущев, так же, как когда-то другой триумвират, Каменев, Зиновьев, Сталин, начал управлять страной.

Девятого марта саркофаг с телом Сталина установили в мавзолее рядом с саркофагом Ленина.

Глава восемьдесят третья

После Сталина. Победа и катастрофа. Опыт, который еще не осмыслен

История распада триумвирата выходит за рамки этой книги. Напомним, что Берия был арестован 26 июня 1953 года и расстрелян в декабре того же года. Маленков был уволен с поста премьера в феврале 1953 года, а руководителем СССР стал первый секретарь ЦК КПСС Хрущев.

Двадцать пятого февраля 1956 года Хрущев выступил на XX съезде КПСС с докладом «О культе личности и его последствиях», в котором Сталин изображался диктатором, инициатором репрессий, виновным в поражениях Красной армии в начальный период войны, назван трусом, организатором послевоенных «дел».

Тридцать первого октября 1961 года саркофаг с телом Сталина был ночью удален из мавзолея и захоронен возле Кремлевской стены; памятник на могиле установили лишь в 1970 году.

В общественном сознании сегодня прочно укоренилось, что борьбу с «культом личности» начал Хрущев, и это считает-

---

* Есть сведения, что незадолго до смерти Сталин распорядился провести опросом голосование членов Президиума ЦК по поводу назначения Пономаренко председателем Совета министров СССР. Если бы назначение Пономаренко состоялось, то «старые» соратники утратили бы большую часть полномочий.

ся его главным достижением на пути к демократизации Советского Союза. На самом же деле все не так.

Первыми изменять сталинскую политику стали Маленков и Берия. Уже 10 марта 1953 года на заседании Президиума ЦК Маленков, касаясь советской печати, заявил: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности». Только вчера он выступал на траурном митинге на трибуне мавзолея перед гробом вождя, а на следующий день у него поворачивается язык говорить такие кощунственные речи! Но сказал — и ничего не случилось.

Новые руководители хотели скорее выйти из сталинской тени. Еще 20 февраля, при обсуждении вопроса о плачевном состоянии животноводства, Сталин предложил увеличить налоги на деревню на 40 миллиардов рублей. Он явно считал деревню безграничным ресурсом, тогда как положение на селе было близко к катастрофическому. Маленков знал об этом лучше всех: он курировал сельское хозяйство. Уровень экономического давления на деревню (сельхозналог) с 1940 по 1951 год вырос в пять раз[644]. Вместе с тем к 1952 году советские люди питались лучше, чем в 1940 году. Хотя за продуктами стояли очереди, а магазинов было мало, люди не голодали. Однако государственные финансы не выдерживали огромных расходов. Надо было пересматривать всю бюджетную политику и более того — сокращать расходы в Восточной Европе, на армию, ядерные исследования, ВПК в целом и тяжелую промышленность.

Требование Маленкова «прекратить политику культа личности» хотя внешне и относилось к области пропаганды, но в основе своей было нацелено на пересмотр всей политики. Это означало, что финансовая система находилась на грани краха. При этом магазины и колхозные рынки были завалены продуктами, а 1 апреля 1953 года произошло шестое после войны снижение розничных цен, что дало населению 53 миллиарда рублей экономии только за один год. Дело в том, что наряду с ростом промышленности шла деградация сельского хозяйства.

Инициативу взял на себя Берия. Возглавив объединенное МВД (слились в одно министерство МГБ и МВД), где было много чужих для него сотрудников, он приказал начать пересмотр всех послевоенных дел. 2 апреля Берия направил в Президиум ЦК письмо об обстоятельствах убийства Михоэлса. В нем говорилось, что связь с Михоэлсом была причиной обвинения в террористической и шпионской деятельности врачей М. С. Вовси, Б. Б. Когана, А. М. Гринштейна, жены Молотова Полины Жемчужиной. Берия утверждал, что обвинения против Михоэлса бездоказательны. Инициатором убийства назы-

вался Сталин, организаторами-исполнителями — Абакумов, Огольцов, Цанава.

Третьего апреля Президиум ЦК принял решение о полной реабилитации арестованных врачей и членов их семей, о привлечении к уголовной ответственности работников бывшего МГБ, виновных «в фабрикации этого провокационного дела». Бывший министр ГБ Игнатьев был освобожден от должности секретаря ЦК и выведен из членов ЦК.

Ранее Берия предложил провести амнистию заключенных по неопасным для общества преступлениям. Он сообщил в ЦК, что в стране содержится 2 миллиона 526 тысяч 402 заключенных, из них особо опасных — 221 тысяча 435. По его предложению 27 марта 1953 года Президиум Верховного Совета амнистировал более одной трети заключенных.

Четвертого апреля 1953 года Берия издал приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». Он предложил ликвидировать экономическую структуру ГУЛАГа, передав в ведение соответствующих министерств строительные, гидротехнические, рудные, лесные и прочие подразделения МВД.

На этом заканчивалась героическая и трагическая история «великих строек», продолжение «гулаговской» колонизации Севера и Дальнего Востока.

Реформируя МГБ, Берия взял под личный контроль 1-е Главное управление (разведка) и 2-е Главное управление (контрразведка), 9-е (охрана правительства), 10-е (комендатура Кремля), управление кадров, шифровальное, следственную часть, контрольную инспекцию и некоторые другие.

Кроме того, Берия стал активно заниматься внешней политикой. Он предложил (реанимируя сталинские идеи 1945 года) отказаться от затратного процесса строительства социализма в ГДР, объединить Германию в единое нейтральное демократическое государство, нормализовать отношения с Югославией, перевести связи со странами народной демократии в прагматическое русло.

Берия первым пытался ослабить давление на экономику СССР (и приобрести при этом лидерство).

Его инициативы в национальном вопросе (повышение роли местных кадров в республиканских органах власти) при общем укреплении положения Российской Федерации в СССР свидетельствовали о глубине понимания проблем государственного устройства.

В отношении партии Берия стремился сократить полномочия партаппарата. Фактически он становился самым сильным руководителем, не считался с Хрущевым, подчеркивал незави-

симость органов МВД от местного партийного руководства и даже стал собирать компромат на Маленкова. Энергия, воля и бесцеремонность Берии поставили его партнеров перед выбором: уступить или начать с ним опасную борьбу. Сплотились все члены Президиума, только Микоян говорил, что Берия «еще непотерянный человек».

В итоге заговора Берия был арестован в Кремле, что было для него совершенно неожиданно. В подготовке операции решающую роль сыграла позиция военных. Маршал Жуков лично возглавил арест своего недруга. В аресте Берии участвовал и Брежнев.

У Маленкова был более спокойный и основательный план преобразований, вытекавший из его (и Сталина!) идей, высказанных на XIX съезде. Как видим, для реализации стратегического замысла нашего героя потребовался его уход из жизни, то есть снятие главного ограничителя.

Восьмого августа 1953 года Маленков, выступая на сессии Верховного Совета СССР с докладом «О неотложных задачах в области промышленности и сельского хозяйства и дальнейшем улучшении благосостояния народа» объявил о значительном уменьшении налогов на село, поддержке личных подсобных хозяйств (в селах, поселках, небольших городах) и, самое главное, — изменении в экономической политике, увеличении объемов финансирования легкой промышленности. Были повышены закупочные цены: на скот и птицу более чем в 5,5 раза, молоко и масло в 2 раза и т. д.

Идея Маленкова заключалась в постепенном экономическом укреплении большинства населения, развитии мелкотоварного производства. Его экономические и политические взгляды того времени: резкое увеличение приусадебных участков, обеспечение крестьян кредитами на покупку техники, семян, стройматериалов, удобрений и т. д.; развитие малого и среднего бизнеса в городах, снятие всех запретов и ограничений на хозяйственную и кооперативную деятельность, кредитование государственным банком частного бизнеса, сокращение затрат на тяжелую промышленность и ВПК, — в целом это был постепенный переход к рыночной экономике под контролем государства.

Не все замыслы были озвучены Маленковым в 1953 году, но их направление он подтвердил много лет спустя, в 1987 году, когда Советским Союзом руководил М. С. Горбачев. Маленков высказался о нем достаточно определенно: «Поначалу я ему симпатизировал, а сейчас вижу: он ушел в политическую

игру, вместо того, чтобы заняться экономикой. Прежде всего экономикой. Может наломать дров»[645].

Еще одно принципиально важное решение Маленкова больно задело партийную номенклатуру, тот слой, которого Сталин всегда опасался. Маленков отменил «конверты», неафишируемую ежемесячную доплату к официальной зарплате, и повысил зарплату государственным служащим. Этим решением явно понижалась руководящая роль партаппарата, к чему Маленков давно стремился. Однако уже через три месяца Хрущев восстановил «конверты» и даже выплатил из средств ЦК КПСС недополученное вознаграждение, за что члены ЦК были ему безмерно признательны, а Маленкову — не простили.

Можно считать, что именно Маленков попытался реализовать идеи Конституционной комиссии 1936 года о расширении политической базы правящего класса, но был в итоге разгромлен партаппаратом, который довел сталинскую модель управления (в известном смысле — антисталинскую) до окостеневшего и бесконтрольного господства партийных чиновников.

За время руководства страной Маленковым число заключенных (на 1 января 1954 года) уменьшилось вполовину (на 53,6 процента) по сравнению с 1 января 1953 года. Можно сказать, СССР сбрасывал тяжести предыдущего периода.

Итак, Берия и Маленков выражали две тенденции, одна из которых должна была стать доминирующей: быстрые политические реформы или медленные экономические преобразования. Причем обе таили в себе угрозы партийному аппарату и военным.

Но в жизни победила третья тенденция, причудливая смесь первой и второй, и руководителем страны стал Хрущев, заставивший вспомнить, что в молодости он был сторонником идей Троцкого о быстрых социальных преобразованиях и неизбежности мировой революции.

После 1953 года Сталина много раз, образно говоря, вырывали из могилы и выбрасывали из истории как нечто страшное, позорное и ненужное. В итоге вышло так, что человеческий образ нашего героя заслонил его опыт, который остался вне общественного анализа.

Его называют тираном, диктатором, что совершенно точно отражает природу его тотальной власти, но ничего не говорит о масштабе личности, размерах сделанного, о том, почему такой руководитель появился в России. Ведь Сталин не выскочил из ниоткуда. Он — производное от европейской либеральной

традиции и российских исторических обстоятельств. Когда российские конституционные демократы в борьбе с властями призывали на помощь «реку ада», они не подозревали, что из этого получится. Этот волевой, аскетичный, интеллектуальный, жестокий лидер появился как революционное возмездие за ошибки и преступления имперской элиты, разрушившей Российское государство. Сталин — оборотная сторона незавершенных преобразований Витте и Столыпина. Он воссоздал государство и сделал его сверхдержавой, опираясь на исторические традиции России.

Оценки, данные Сталину Мао Цзэдуном («70 процентов правильных действий, 30 процентов — ошибочные») и Черчиллем («он принял Россию с деревянной сохой, а оставил с атомной бомбой»), — это оценки со стороны. Оценки же Хрущева на XX съезде — это фактор политической борьбы, а не анализа.

Вот оценка «Британской энциклопедии» (Т. 21. С. 301—303): «проявил необычайную силу воли, стойкость и хладнокровие», «был создателем плановой экономики», «в основе странного культа были несомненные достижения Сталина», «он был “отцом победы”», «его достижения были искажены деспотизмом и жестокостью его натуры», «одна из самых сложных, могущественных и противоречивых фигур мировой истории».

Правда, Черчилль сказал глубже: «Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени, в котором протекала его жизнь» (Речь в английском парламенте, 23 декабря 1959 года).

О небывалых достижениях Советского Союза под руководством Сталина и о страшных грехах нашего героя известно, кажется, всё. А на самом деле это не так.

Обратим внимание на выводы академика Е. Варги: «Может показаться циничным, но если смотреть на дело с точки зрения исторической перспективы, страдания миллионов несправедливо посаженных в лагеря людей, преждевременная смерть, вероятно, доброго миллиона прекрасных коммунистов — исторически преходящий эпизод»[646].

Это умозаключение сталинского оппонента близко к истине. Как ни печально, страдания никогда не были главным обстоятельством в оценках исторического процесса. Величие целей и духа — вот что всегда стояло на первом месте, начиная с античных времен. Поэтому, размышляя над уроками сталинской жизни, нам не обойти огромную вершину коммунистической утопии, основанной на стремлении к справедливости.

Ошибки Сталина назвал Мао Цзэдун: чрезмерное развитие тяжелой промышленности в ущерб легкой, чрезмерное эконо-

мическое давление на крестьянство, чрезмерная концентрация власти в центре в ущерб регионам. Но и эти ошибки для истории — пустяк.

Главная ошибка, а может быть, и больше, чем ошибка, — это перерождение СССР в бюрократическое государство, управляемое бюрократическими кланами. Сбылся прогноз посла Бахметьева о трансформации сталинизма: «Кулак, нэпман и спец, которые придут к власти, когда сталинская группа будет свергнута»[647]. Хотя сталинская группа не была свергнута, она эволюционировала в указанном направлении.

Советские кланы в конце концов разрушили Советский Союз при Горбачеве. Это были третьи похороны Сталина.

Что же осталось? Почему его образ до сих пор будоражит Россию и мир? Эта память связана с историей государства, от князя Владимира Святого до Петра Великого, которые в жизни были далеко не ангелы и пролили много крови. До сих пор трудно понять, как смог анархичный, не имеющий внятного государственного идеала народ создать такое великое государство? Кажется, это были два народа: один создавал державу, а другой уходил от нее и боролся с ее железным давлением. На какой-то миг Сталин объединил их, создав, как и Петр, новую элиту. Она опиралась на сильного союзника, рабочий класс, дав ему возможность на первых порах участвовать в управлении, массово делегировать своих представителей в органы власти и поддерживала его социальное творчество.

Новая элита во многом состояла из представителей низших и средних слоев старой, готова была вобрать всех, от поповских детей до генералов. Но как только началась модернизация, элита стала закрываться: свободные, дискутирующие и претендующие на иные истины люди, обладавшие опытом разрушения государства, стали ненужными.

Они очень разные — элиты российская и советская. Весьма удивительно история продемонстрировала этот разрыв элит на примере родословной белогвардейского генерала Петра Николаевича Врангеля, который находился в родстве с великим поэтом Пушкиным. Бабушка генерала по отцовской линии, Дарья Александровна, урожденная Трауберг, была внучкой дочери Абрама Петровича Ганнибала Софьи, в замужестве Роткирх, приходилась Пушкину троюродной сестрой. А. П. Ганнибал был воспитанником Петра Великого и дедом поэта.

Поэтому и символична и трагична эта усмешка российской истории, демонстрирующая, что Санкт-Петербургская великая империя, покончив жизнь самоубийством в 1916—1917 годах, была возрождена сыном сапожника.

Итак, Сталин — строитель державы, равный Петру.

И он же — разрушитель, так как построенное им образованное общество не согласилось жить в условиях, которые ему диктовала закрытая политическая верхушка 1930-х годов, опирающаяся на патриархально-цезаристскую традицию. Механизм разрушения был заложен им в фундамент государства. («Грех Сталина, который никогда нельзя искупить, состоит в превращении "рабочего государства с бюрократическими извращениями" в государство бюрократии, — это произошло ... вследствие отмены "партмаксимума", распадения советского общества на классы и слои с огромными различиями в доходах. Идеи равенства, самоограничения, самоотверженности подвергались осмеянию, произошло обуржуазивание образа жизни слоев с более высокими доходами, прежде всего бюрократии...»[648])

Это обвинение только отчасти справедливо. Потому что Сталин должен был быстро создавать советскую элиту, выделять ее в привилегированный слой и тем самым создавать «"буржуазную" угрозу государству рабочих и крестьян».

Время от времени он регулировал ситуацию репрессиями. На короткое время это оказалось эффективным, но в итоге так и не был создан механизм, регулирующий баланс интересов в обществе. После неудачной попытки демократизации в 1936 году Сталин больше не вернулся к идее альтернативных выборов: война, потом фронда генералов, атомная угроза, раздел Германии, корейская война... Не успел, жизни не хватило.

По сути, Сталин почти прошел политический путь Николая II от абсолютной монархии к конституционной. Его венценосный предшественник потерпел поражение от демократической Думы, а наш герой этого избежал. Зато политические правнуки Сталина, рванувшись к демократии, не удержали власти и разрушили СССР. Таким образом, дважды в XX веке Россия разбивалась на крутом спуске от абсолютизма (тоталитаризма) к реальной выборной демократии.

Сталин мог бы обеспечить безопасность этого перехода, но его историческое время закончилось.

Настоящего анализа до сих пор нет, и это очень опасно. Не потому, что нет понимания роли этой личности, в конце концов она уже принадлежит истории, а не нам, а потому, что неосмысление его деятельности, привязанной к условиям того времени, не дает России возможности осознать свое положение и перспективы в постоянной борьбе стран и народов за мировые ресурсы, за собственное выживание и право жить согласно своим культурным традициям.

Дело не в Сталине, а дело в России как мировом явлении, которая пережила за тысячу лет несколько катастроф и смогла

подняться. Отвергая Сталина с его безжалостной рациональностью, Россия не захотела знать обстоятельств его появления и поплатилась за это.

Сталинское восприятие страны как единой экономической системы и как геополитического явления выразилось во множестве решений, которые работают и в постсоветское время. Перечислим некоторые: Северный морской путь, «второй» экономический центр России (Урал — Сибирь), выход советского Дальнего Востока в Тихий океан через глубоководный пролив (Курильские острова), создание Северного флота, создание высокотехнологичной промышленности, развитие образования и науки, освоение природного потенциала. И еще, конечно, модернизация всей экономики и создание огромного слоя образованных людей, который и являлся стержнем советского общества.

Говоря о Сталине, обычно на первое место ставят насилие и жестокость его правления. По-человечески это можно понять, но если смотреть на Сталина как на историческое явление, подобное Петру Великому, Наполеону, Кромвелю, Бисмарку или Мао Цзэдуну (а так только и надо смотреть), то надо исходить из формулы Маркса «насилие — повивальная бабка истории».

Поэтому, говоря о главных выводах, мы выдвинем на первое место два обстоятельства — его заслуги в государственном строительстве и его катастрофу (неспособность перейти от тоталитаризма к демократии). По сути, Сталин отразил судьбу Петра Великого, создавшего для управления империей интеллигенцию, которая в 1917 году, не получив должных прав на участие в управлении страной, обрушила имперский строй. Сталинская интеллигенция (ее дети и внуки) проделала это в 1991 году и осудила великую коммунистическую реформацию, не осмыслив ее. А осудив без осмысления, Россия осудила и себя. («Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, оно не унесло своих последствий». — В. Ключевский.)

Судьба этого человека печальна: несчастливая личная жизнь, самоубийство жены, несложившаяся жизнь детей. Созданного им государства больше нет. Песок истории равнодушно засыпает его дела. И только одно его дело — коммунистический Китай — процветает.

Поэтому вспомним давнюю историю. В 1901 году после подавления народного восстания в Китай вошли войска России, Англии и Германии. На переговорах в Пекине во дворце импе-

ратрицы Цы Си английский дипломат иронично заметил китайскому министру иностранных дел, глубокому старику, что, мол, зачем вы с нами спорите, ведь вы фактически побежденная страна. На это китаец ответил: «Давайте вернемся к этому разговору через сто лет».

Возможно, этот китаец был собратом нашего героя.

Известно, что любимым писателем Сталина был Антон Павлович Чехов, который, как и наш герой, поднялся из самых низких слоев населения исключительно благодаря своему таланту и воле. Именно чеховские рассказы наизусть читал Сталин юной гимназистке Наде Аллилуевой, чем (вкупе с героическим обликом революционера) и очаровал ее сердце.

Также известно, что Сталин спокойно относился к другим гениям русской литературы, а Достоевского считал вредным, так как тот обличал революционеров.

Поэтому, заканчивая это жизнеописание, воспользуемся нравственной мерой Чехова для оценки духовной сущности данной исторической личности. Юридических доказательств такого подхода у нас, конечно, нет, но мы исходим из того, что гении выразили свое время наиболее полно и дали нам метод его познания. А Чехов и Сталин — дети XIX века, породившего все нравственные катаклизмы века последующего.

Вспомним повесть «Дуэль», где главные герои, фон Корен и Лаевский, представляют две ипостаси человеческой натуры — рационалистичному деятельному фон Корену противостоит слабовольный и неспособный к положительной деятельности Лаевский. В известном смысле это калька прекраснодушного Обломова и прагматичного Штольца из романа «Обломов» И. Гончарова, где милый Илья Ильич Обломов оказывается непригодным для деятельной жизни.

Но у Чехова все тоньше и поднимается к вопросу о христианских ценностях бытия, а это именно то, что нам и нужно. Так, фон Корен считает Лаевского вредным для общества, а его устранение — благом, так как устраняется отжившее и ненужное. Он намерен убить Лаевского на дуэли, и только по случайности этого не происходит.

Зато случается другое: Чехов осуждает умного, твердого, прогрессивного фон Корена, который дерзнул взять на себя миссию Господа. И здесь Чехов будто поворачивает к нашему герою волшебное зеркало.

Молодой дьякон, один из немногих симпатичных персонажей повести, пытается раскрыть фон Корену глаза на его главную ошибку: «Вот вы все учите, постигаете пучину моря, раз-

бираете слабых да сильных, книжки пишете и на дуэли вызываете — и все остается на своем месте, а глядите, какой-нибудь слабенький старец Святым Духом пролепечет одно только слово или из Аравии прискачет на коне новый Магомет с шашкой, и полетит все у вас вверх тормашкой, и в Европе камня на камне не останется... Вера без дела мертва есть, а дела без веры — еще хуже, одна только трата времени и больше ничего».

И что бывший семинарист Сталин видит в этом зеркале? То, что он страшный грешник? Так все исторические деятели страшные грешники.

Вопрос в другом. Было ли что-то, что может искупить вину? Была ли вера? Был ли промысел Божий?

Перед этим вопросом кажутся мелкими его оценки Черчиллем и Мао Цзэдуном. Хотя неизвестно, есть ли вообще на него ответ.

Он, безусловно, верил, что революционным насилием и идеалом земной справедливости можно осчастливить людей. В этом смысле Сталин — человек идеи, даже, скажем, ее апостол. Потом, когда началось государственное строительство вокруг этой идеи, а он стал прорабом и игуменом, он понял, что страна, доставшаяся ему, не поддается линейному трансформированию. Остальное — понятно: социальная инженерия, вмешательство государства во все сферы жизни, геополитическая борьба с более сильными соперниками. И при этом — отсутствие для полноценной борьбы необходимых ресурсов, живущее преимущественно в архаичной культуре большинство населения, подавление частных свобод во имя блага государства, что вылилось в неуважение к человеческой жизни. И что раздавило даже его детей.

Все это так. Но он почти реализовал Великую мечту, дал поколениям людей 1930—1940-х годов всего мира новое измерение человеческого существования.

Повторим его мысль: Сталин — это СССР.

Поразительные взлеты, жестокая цена, распад государства и вечное существование в мировой истории — это он, Сталин Иосиф Виссарионович. Аминь.

Июнь 2004 — март 2009

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Пайпс Р.* Россия при старом режимс. М., 2004. С. 36.
[2] Вехи. М., 1991. С. 201.
[3] *Миронов Б.* Социальная история России периода империи. СПб., 1999. Т. 2. С. 324.
[4] *Перегудова З.* Политический сыск России. М., 2000. С. 238.
[5] *Сталин И.* Сочинения. М., 1949. Т. 1. С. 33, 34.
[6] Цит по: *Прайсман Л.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 85.
[7] *Шишов А.* Неизвестные страницы Русско-японской войны. М., 2004. С. 61—67.
[8] *Ольденбург С.* Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981. С. 268.
[9] *Троцкий Л.* Сталин. Вермонт, 1985. Т. 1. С. 86.
[10] *Сталин И.* Указ. соч. Т. 1. С. 132.
[11] *Столыпин П.* Переписка. М., 2004. С. 586.
[12] *Гурко В.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 516.
[13] *Яковлев Н. Н.* Сталин: путь наверх. М., 2000. С. 51, 52.
[14] *Ольденбург С.* Указ. соч. С. 337.
[15] *Сталин И.* Указ. соч. Т. 1. С. 251, 252.
[16] *Тыркова-Вильямс А.* То, чего больше не будет. М., 1998. С. 396.
[17] *Троцкий Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 141.
[18] *Гурко В.* Указ. соч. С. 560.
[19] *Рыбас С.* Столыпин. М., 2003. С. 76.
[20] *Сталин И.* Указ. соч. Т. 1. С. 285.
[21] Там же. С. 293.
[22] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М., 1975—1976. Т. 17. С. 32.
[23] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 158, 163.
[24] *Николаевский Б.* Тайные страницы истории. М., 1995. С. 16.
[25] Там же. С. 70.
[26] *Островский А.* Кто стоял за спиной Сталина. М., 2002. С. 313.
[27] *Сталин И.* Указ. соч. Т. 2. С. 156.
[28] Там же. С. 211, 212.
[29] Цит. по: *Ольденбург С.* Указ. соч. С. 413.
[30] *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 201.
[31] Там же. С. 202.
[32] Там же. С. 203.
[33] *Сталин И.* Сочинения. Тверь, 2004. Т. 17. С. 23.
[34] Там же. Т. 2. С. 291.
[35] Цит. по: *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 73.
[36] Цит. по: *Илизаров Б.* Тайная жизнь Сталина. М., 2003. С. 300—303.
[37] Цит по: *Ольденбург С.* Указ. соч. С. 517.
[38] *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 1999. С. 15.
[39] *Гаман-Голутвина О.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 220.
[40] *Уткин А.* Первая мировая война. М., 2001. С. 250.
[41] *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата. М., 2001. С. 202.
[42] Там же. С. 210.
[43] *Шишкин О.* Убить Распутина. М., 2000. С. 149.
[44] *Бьюкенен Д.* Указ. соч. С. 222.

[45] *Троцкий Л.* Сталин. Т. 1. С. 263.
[46] *Вебер М.* О России. М., 2007. С. 116.
[47] Цит. по: *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 281, 282.
[48] Цит. по: *Милюков П.* Воспоминания. М., 2001. С. 606.
[49] Цит. по: *Шиссер Г., Траупман Й.* Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С. 108.
[50] *Струве П.* Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 418.
[51] *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. М., 1998. С. 71.
[52] Цит. по: *Капченко Н.* Политическая биография Сталина. М., 2004. С. 384.
[53] *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. С. 119.
[54] *Серков А.* История русского масонства. 1845—1945. СПб., 1997. С. 122.
[55] *Гараевская И.* Петр Пальчинский. Биография инженера на фоне войн и революций. М., 1996. С. 66.
[56] *Деникин А.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 года. М., 1991. С. 424.
[57] *Вейдле В.* Умирание искусства. М., 2001. С. 141—143, 255.
[58] *Соловьев В.* Анатомия русского бунта: Степан Разин — мифы и реальность // *Нещадин А., Горин Н.* Судьба России в современной цивилизации. М., 2003. С. 165.
[59] *Троцкий Л.* Сталин. Т. 1. С. 284.
[60] *Сталин И.* Сочинения. Т. 3. С. 322.
[61] *Милюков П.* История второй русской революции. М., 2002. С. 586.
[62] Цит. по: *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. С. 262.
[63] Цит. по: *Милюков П.* История второй русской революции. С. 645, 646.
[64] *Троцкий Л.* Сталин. Т. 1. С. 323.
[65] *Сталин И.* Сочинения. Т. 6. С. 62, 63.
[66] *Троцкий Л.* К истории русской революции. М., 1990. С. 215.
[67] Цит. по: *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. С. 37, 38.
[68] Цит. по: *Иоффе Г.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 210.
[69] Цит. по: *Шамбаров В.* Государство и революция. М., 2001. С. 94.
[70] *Савченко В.* Симон Петлюра. Харьков, 2004. С. 165, 166.
[71] *Сталин И.* Сочинения. Т. 4. С. 116, 117.
[72] Там же. С. 118, 119.
[73] Там же. С. 120, 121.
[74] Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 390.
[75] *Брюс Локкарт Р. Г.* История изнутри. М., 1991. С. 235.
[76] *Ворошилов К.* Сталин и Красная Армия. М., 1937. С. 35.
[77] Цит. по: *Пятницкий В.* Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск, 2004. С. 77.
[78] Цит. по: *Уткин А.* Уничтожение России. М., 2004. С. 367.
[79] *Ворошилов К.* Указ. соч. С. 41—44.
[80] Цит. по: Реввоенсовет Республики. М., 1991. С. 393.
[81] *Деникин А.* Очерки русской смуты. Январь 1919 — март 1920. Минск, 2002. С. 55.
[82] Цит. по: *Емельянов Ю.* Сталин. Путь к власти. М., 2002. С. 313.
[83] *Сталин И.* Сочинения. Т. 4. С. 276, 277.
[84] Там же. С. 277.

[85] *Деникин А.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. С. 307.
[86] *Сталин И.* Сочинения. Т. 4. С. 314.
[87] *Мельтюхов М.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. М., 2001. С. 25.
[88] Цит. по: *Мельтюхов М.* Указ. соч. С. 29, 30.
[89] *Пятницкий В.* Указ. соч. С. 72.
[90] Там же. С. 83.
[91] *Сталин И.* Сочинения. Т. 4. С. 332, 333.
[92] *Мельтюхов М.* Указ. соч. С. 94.
[93] *Герлиц В.* Германский Генеральный штаб. М., 2005. С. 225.
[94] *Сталин И.* Сочинения. Тверь, 2004. Т. 17. С. 135, 136.
[95] *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. С. 129, 130.
[96] *Соломон Г. (Исецкий).* Среди красных вождей. М., 1995. С. 121.
[97] *Дойчер И.* Изгнанный пророк. 1929—1940. М., 2006. С. 440.
[98] *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация от начала до великой Победы. М., 2004. С. 370.
[99] *Сталин И.* Сочинения. Т. 5. С. 50.
[100] Цит. по: *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация... С. 271.
[101] Политбюро и Церковь. 1922—1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 140—144.
[102] Там же. С. 197.
[103] *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 423.
[104] *Троцкий Л.* Моя жизнь. М., 2001. С. 464.
[105] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.
[106] Цит. по: *Капченко Н.* Политическая биография Сталина. 1879—1924. Т. 1. С. 620, 621.
[107] *Сахаров В.* Политическое завещание Ленина. М., 2003. С. 647.
[108] Там же. С. 230, 231.
[109] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 211—213.
[110] Там же. С. 558, 559.
[111] Цит. по: *Яковлев Н. Н.* Сталин: путь наверх. С. 157, 158.
[112] Там же. С. 158.
[113] Цит. по: *Капченко Н.* Политическая биография Сталина (1879—1924). Т. 1. С. 649—650.
[114] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 344, 345.
[115] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 180, 182.
[116] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 345.
[117] Там же. С. 346.
[118] *Чуев Ф.* Указ. соч. С. 183.
[119] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 54.
[120] *Чуев Ф.* Так говорил Каганович. М., 1992. С. 190, 191.
[121] Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 201, 202.
[122] *Минаков С.* Сталин и его маршал. М., 2004. С. 284.
[123] Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1.
[124] *Минаков С.* Указ. соч. С. 251.
[125] *Сталин И.* Сочинения. Т. 17. С. 176, 177.
[126] *Пятницкий В.* Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. С. 14.
[127] *Беседовский Г.* На путях к Термидору. М., 1997. С. 90.
[128] *Герлиц В.* Германский Генеральный штаб. С. 234.
[129] *Булгаковы М. и Е.* Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 30, 31.

[130] Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 189.
[131] Там же. С. 179.
[132] Там же. № 12. С. 171.
[133] Там же. С. 179.
[134] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 76, 77.
[135] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 207, 208.
[136] *Сталин И.* Сочинения. Т. 6. С. 22.
[137] *Андреевский Г.* Повседневная жизнь в сталинскую эпоху. 1920—1930-е годы. М., 2003. С. 39.
[138] *Булгаковы М. и Е.* Дневник Мастера и Маргариты. С. 46.
[139] *Сталин И.* Сочинения. М., 1953. Т. 7. С. 132.
[140] *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. С. 258.
[141] *Микоян А.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 284, 285.
[142] *Чуев Ф.* Так говорил Каганович. С. 154.
[143] *Минаков С.* Указ. соч. С. 352.
[144] *Сталин И.* Сочинения. Т. 7. С. 336, 337.
[145] Там же. С. 383.
[146] *Куняев Ст., Куняев С.* Сергей Есенин. М., 1997. С. 549.
[147] Цит. по: *Куняев Ст., Куняев С.* Указ. соч. С. 502.
[148] *Окороков А.* Фашизм и русская эмиграция. М., 2002. С. 21.
[149] *Устрялов Н.* Итальянский фашизм. М., 1999. С. 77.
[150] *Сталин И.* Сочинения. Т. 7. С. 273.
[151] *Беседовский Г.* На путях к Термидору. С. 251.
[152] *Сталин И.* Сочинения. Т. 8. С. 121.
[153] Там же. Т. 17. С. 232, 233.
[154] Там же. Т. 8. С. 193.
[155] *Микоян А.* Так было... С. 289.
[156] *Троцкий Л.* Моя жизнь. С. 515.
[157] *Сталин И.* Сочинения. Т. 17. С. 249.
[158] Там же. С. 259.
[159] Там же. С. 263.
[160] *Аллилуев В.* Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталины. М., 2002. С. 115.
[161] *Сталин И.* Сочинения. Т. 17. С. 255.
[162] Там же. С. 249.
[163] *Булгаковы М. и Е.* Дневник Мастера и Маргариты. С. 65.
[164] *Сталин И.* Сочинения. Т. 11. С. 328.
[165] Там же. С. 327.
[166] *Шульгин В.* Дни. 1920. М., 1989. С. 527, 528.
[167] *Алексеев Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 98.
[168] *Шульгин В.* Три столицы. М., 1991. С. 145.
[169] *Васильева Л.* Дети Кремля. М., 2001. С. 329.
[170] *Сталин И.* Сочинения. Т. 8. С. 151—153.
[171] *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 207.
[172] Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. М., 1996—2004. Т. 2. С. 127.
[173] *Струве П.* Дневник политика (1925—1935). Париж; М., 2004. С. 301.
[174] *Сталин И.* Сочинения. Т. 9. С. 311, 312.
[175] Там же. С. 322.
[176] Там же. Т. 10. С. 59.
[177] Там же. С. 87.

[178] *Мозохин О.* ВЧК — ОГПУ. На защите экономической безопасности и в борьбе с терроризмом. М., 2004. С. 274, 275.
[179] *Верт Н.* История советского государства. М., 1995. С. 198.
[180] Цит. по: Хрестоматия по отечественной истории. 1914—1945 гг. М., 1996. С. 362, 363.
[181] См.: Смоленщина на страницах американской исторической литературы / Под ред. Е. В. Кодина, М. Хики. Смоленск, 2000. С. 208.
[182] *Аллилуев В.* Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. С. 30.
[183] Там же. С. 33.
[184] *Сергеев А.* // Московский комсомолец. 2004. 3 августа.
[185] *Васильева Л.* Кремлевские жены. М., 2001. С. 156.
[186] *Аллилуев В.* Указ. соч. С. 117.
[187] Там же. С. 25.
[188] Там же. С. 85.
[189] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 25.
[190] *Аллилуев В.* Указ. соч. С. 179.
[191] Там же. С. 50.
[192] Иосиф Сталин в объятиях семьи. М., 1993. С. 22.
[193] *Сталин И.* Сочинения. Т. 17. С. 283.
[194] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945. С. 291.
[195] *Сталин И.* Сочинения. Т. 11. С. 58.
[196] *Броуэр Д.* Смоленский скандал и конец НЭПа // Смоленщина на страницах американской исторической литературы. Смоленск, 2000. С. 226, 227.
[197] Хрестоматия по отечественной истории. 1914—1945 гг. С. 364—369.
[198] Совершенно лично и доверительно. Б. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка. М., 2002. Т. 3. С. 384, 385.
[199] *Сталин И.* Сочинения. Т. 12. С. 17, 18.
[200] Там же. С. 129, 130.
[201] Там же. Т. 17. С. 327.
[202] Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 215.
[203] *Осипов В.* Тайная жизнь Михаила Шолохова. М., 1995. С. 12.
[204] *Сталин И.* Сочинения. Т. 12. С. 154.
[205] *Верхотуров Д.* Сталин. Экономическая революция. М., 2006.
[206] Цит. по: *Ивницкий Н.* Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 275.
[207] *Сталин И.* Сочинения. Т. 12. С. 203.
[208] Там же. Т. 17. С. 333.
[209] Цит. по: *Минаков С.* Военная элита 20—30-х годов XX века. М., 2004. С. 382, 383.
[210] *Сталин И.* Сочинения. Т. 12. С. 305, 309, 310.
[211] Совершенно лично и доверительно. Б. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка. Т. 3. С. 434.
[212] *Верт Н.* История советского государства. М., 1995. С. 217.
[213] Власть и художественная интеллигенция. Документы. ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. М., 2002. С. 136.
[214] Цит. по: *Минаков С.* Военная элита 20—30-х годов XX века. С. 396, 397.
[215] Там же. С. 399.
[216] *Сталин И.* Сочинения. Т. 17. С. 369.
[217] Там же. С. 341, 342.

[218] Цит. по: *Минаков С.* Военная элита 20—30-х годов XX века. С. 404, 405.
[219] *Сталин И.* Сочинения. Т. 13. С. 38, 39.
[220] Там же. Т. 17. С. 389.
[221] Там же. С. 394.
[222] Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 41.
[223] *Таугер М.* Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. С. 304.
[224] Цит. по: *Таугер М.* Указ. соч. С. 331.
[225] Цит. по: *Ивницкий Н.* Голод 1932—1933 гг.: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. С. 335, 336.
[226] Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. С. 241, 242.
[227] Там же. С. 179.
[228] *Сталин И.* Сочинения. Т. 17. С. 571, 572.
[229] Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. С. 235.
[230] Лубянка. Сталин и ВЧК—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 / Сост. В. Хаустов, В. Наумов, Н. Плотникова. М., 2003. С. 317.
[231] *Осипов В.* Указ. соч. С. 39, 40.
[232] Сталин и Каганович. Переписка. С. 149.
[233] *Грамав Е.* Сталин: искусство и власть. М., 2003. С. 39.
[234] *Осипов В.* Тайная жизнь Михаила Шолохова. С. 57.
[235] Цит. по: Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. 1931—1950 годы / Сост. Ю. Мурин. М., 1997. С. 48—52.
[236] Там же. С. 68, 69.
[237] *Рыбин А. Т.* Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. М., 1992. С. 7.
[238] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 79—81, 86, 87.
[239] Там же. С. 93.
[240] Там же. С. 79—81, 86, 87.
[241] Там же. С. 98, 99.
[242] Там же. С. 4.
[243] Исторический архив. М., 1995. № 2. Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. С. 128.
[244] *Сталин И.* Сочинения. Т. 17. С. 596.
[245] Там же. Т. 13. С. 183.
[246] Там же. С. 211, 212.
[247] *Гетти А.* Партия и чистка в Смоленске // Смоленщина на страницах американской исторической литературы. С. 295.
[248] Цит. по: Хрестоматия по отечественной истории. 1914—1945 гг. С. 408.
[249] *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 2004. С. 134.
[250] *Герлиц В.* Германский Генеральный штаб. С. 268.
[251] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 3. С. 77, 78.
[252] Там же. С. 78.
[253] *Черкасов П.* Институт мировой экономики и международных отношений. Портрет на фоне эпохи. М., 2004. С. 27.
[254] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. М., 1995. С. 248.
[255] Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. С. 315.
[256] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг. С. 247.
[257] Сталин и Каганович. Переписка 1931—1936 гг. С. 318.
[258] Там же. С. 319.

[259] *Дьяков Ю., Бушуева Т.* Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992. С. 340, 341.
[260] *Сталин И.* Сочинения. Т. 13. С. 306, 307.
[261] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 96.
[262] Цит. по: *Лекманов О.* Мандельштам. М., 2004.
[263] *Чуковский К.* Дневник 1930—1969. М., 1994. С. 9.
[264] Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 327.
[265] *Сталин И. В.* Избранные сочинения: В 3 т. Киров, 2004. Т. 2. С. 318.
[266] *Жданов Ю. А.* Взгляд в прошлое. Воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004. С. 147.
[267] Там же. С. 148—149.
[268] Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. С. 574—575.
[269] Там же. С. 541.
[270] Из интервью, данного автору Ф. Д. Бобковым.
[271] Из дневника Марии Сванидзе // Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 168.
[272] *Кирилина А.* Неизвестный Киров. СПб.; М., 2001. С. 302—303.
[273] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 5. С. 69.
[274] *Тушис М.* ВЧК. Война кланов. М., 2004. С. 126.
[275] *Жуков Ю.* Иной Сталин. М., 2003. С. 181.
[276] *Невежин В.* Сталин о войне. Застольные речи. 1933—1945 гг. М., 2007. С. 50.
[277] *Сталин И. В.* Избранные сочинения: В 3 т. Т. 2. С. 357.
[278] Цит. по: Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 2002. С. 267.
[279] *Кожинов В.* Правда сталинских репрессий. М., 2005. С. 239.
[280] *Троцкий Л.* Преданная революция. М., 1991. С. 117.
[281] Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 173, 174.
[282] Там же. С. 175.
[283] *Манфред А.* Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978. С. 402.
[284] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 253.
[285] Цит. по: *Жуков Ю.* Иной Сталин. С. 237.
[286] *Волков С.* Шостакович и Сталин: художник и царь. М., 2004. С. 237.
[287] Там же. С. 254—256.
[288] *Чуковский К.* Дневник. 1930—1969. М., 1994. С. 141.
[289] Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. С. 545.
[290] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923—1939. М., 2001. С. 325.
[291] Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы / Сост. С. П. Пожарская, А. И. Саплин. М., 2001. С. 113.
[292] Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. С. 664—665.
[293] *Макаревич Э.* Политический сыск. Истории, судьбы, версии. М., 2001. С. 145, 146.
[294] Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. С. 682—683.
[295] Там же. С. 683.
[296] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 390.
[297] *Прудникова Е. А.* Берия. Преступления, которых не было. СПб., 2005. С. 130.
[298] *Рапопорт В., Геллер Ю.* Измена Родине. М., 1995. С. 295.
[299] *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 180.

[300] *Ларина-Бухарина А.* Незабываемое. М., 2003. С. 381.
[301] Цит. по: *Вдовин А. И.* Российская нация. М., 1996. С. 202, 203.
[302] *Кольцов М.* Испанский дневник. М., 2005. С. 305.
[303] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. С. 206.
[304] *Жданов Ю. А.* Взгляд в прошлое... С. 227.
[305] *Такер Р.* Сталин у власти. М., 1997. С. 371.
[306] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. С. 81.
[307] *Хлевнюк О. В.* Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993. С. 89.
[308] *Зиновьев А. А.* Сталин — нашей юности полет. М., 2002. С. 256.
[309] *Троцкий Л.* Преданная революция. С. 202, 203.
[310] *Хлевнюк О. В.* Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. С. 97.
[311] *Чуев Ф.* Сто бесед с Молотовым. С. 191, 192.
[312] Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935—1937) / Сост. М. Д. Филин: В 2 т. М., 2000. С. 462.
[313] *Рид Дж.* Восставшая Мексика; Десять дней, которые потрясли мир; Америка. М., 1968. С. 480.
[314] *Наумов А.* Фашистский интернационал. Покорение Европы. М., 2005. С. 136.
[315] *Минаков С.* Сталин и его маршал. С. 620, 621.
[316] Лубянка. Сталин и НКВД—КГБ—ГУКР СМЕРШ. 1939—1946. М., 2006. С. 14—15.
[317] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. С. 352.
[318] *Швейцер М.* НКВД изнутри. М., 1995.
[319] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. С. 202.
[320] *Лесков В.* Сталин и заговор Тухачевского. М., 2003. С. 411.
[321] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. С. 231.
[322] *Хохлов Е. В.* Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005. С. 131.
[323] *Хоскинг Дж.* История Советского Союза. Смоленск, 2000. С. 214.
[324] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. С. 329.
[325] *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Т. 1. С. 102.
[326] *Майский И.* Воспоминания советского дипломата. М., 1987. С. 337.
[327] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 183.
[328] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война. 1939—1945. Стратегический и тактический обзор. М., 2006. С. 26.
[329] *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 36.
[330] Цит. по: *Яковлев А. С.* Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1987. С. 88.
[331] *Жуков Ю.* Иной Сталин. С. 446, 447.
[332] Цит. по: *Черушев Н.* Невиновных не бывает... М., 2004. С. 238, 239.
[333] *Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950-е годы. М., 2001. С. 55.
[334] Цит. по: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 121.
[335] Там же. С. 131.

[336] Там же. С. 136.
[337] Год кризиса: Документы и материалы. 1938—1939. М., 1990. Т. 1. С. 6.
[338] Там же. С. 41.
[339] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 145.
[340] Там же. С. 147.
[341] *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 265.
[342] Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 22 июня 1940 г. Документы и материалы. М., 2004. С. 139.
[343] Там же. С. 237.
[344] Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 60, 61.
[345] Завтра. М., 2006. № 12.
[346] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 115.
[347] Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 192.
[348] Там же. С. 130, 131.
[349] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 20.
[350] Цит. по: *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР. С. 363, 364.
[351] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 132.
[352] *Судоплатов П.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 175.
[353] *Судоплатов П.* Спецоперации... С. 100, 101.
[354] Цит. по: *Громов Е.* Указ. соч. С. 319.
[355] *Сталин И. В.* Избранные сочинения. Т. 3. С. 6.
[356] *Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль... С. 105.
[357] *Широкорад А.* Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М., 2004. С. 310.
[358] *Баландин Р., Миронов С.* Дипломатические поединки Сталина. От Пилсудского до Мао Цзэдуна. М., 2004. С. 363.
[359] Цит. по: *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 133.
[360] *Симонов К.* Истории тяжелая вода. М., 2005. С. 85.
[361] Цит по: Маршал Советского Союза Г. К. Жуков (Исследование жизнедеятельности): В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 64.
[362] Год кризиса... Т. 2. С. 178.
[363] Там же. С. 185.
[364] Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 3. С. 289, 290.
[365] Год кризиса... Т. 2. С. 302.
[366] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 180.
[367] *Риббентроп А., фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи / Пер. с нем. М., 1996. С. 143.
[368] *Алексеев В. А.* Тернистый путь к живому диалогу. Из истории государственно-церковных отношений в СССР в 30—50-е гг. XX столетия. М., 1999. С. 10.
[369] *Плотников К. Н.* Очерки истории бюджета Советского государства. М., 1954. С. 260, 261.
[370] *Хохлов Е. В.* Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005.
[371] *Земсков В. Н.* Заключенные в 30-е годы. Социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1995. № 4. С. 55, 56.
[372] Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 163, 164.

[373] СССР — Германия. 1939—1941 / Сост. Ю. Фельштинский. Нью-Йорк, 1989. С. 17.

[374] *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 496.

[375] *Yakobson M.* The Diplomacy of the Winter War. Cambridge (Mass.). 1961. P. 202—203; Родина. 1995. № 12.

[376] Родина. 1995. № 12. С. 98.

[377] Там же. С. 115.

[378] Тайны и уроки зимней войны. 1939—1940. СПб., 2000. С. 516.

[379] *Сталин И. В.* Сочинения. Тверь, 2006. Т. 18. С. 207, 208.

[380] Там же. С. 208.

[381] Там же.

[382] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война... С. 106.

[383] *Ергин Д.* Добыча... С. 352.

[384] *Черкасов П.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М., 2004. С. 33.

[385] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. С. 205.

[386] Там же. С. 205.

[387] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 23.

[388] *Ванников Б. Л.* Записки наркома // Знамя. 1988. № 1. С. 139.

[389] Там же. С. 159.

[390] *Губарев В.* Белый архипелаг Сталина. М., 2004. С. 12.

[391] *Тюрин Н. В.* Как создавались гвардейские минометы «катюша» // Исторический архив. 2005. № 2. С. 106.

[392] *Захаров М. В.* Указ. соч. С. 391.

[393] *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. С. 233.

[394] *Рыбин А. Т.* Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. С. 16, 17.

[395] Власть и художественная интеллигенция. С. 337.

[396] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. М., 2005. С. 277.

[397] Большая цензура. Писатели и журналисты Страны Советов. 1917—1956. М., 2005. С. 523.

[398] Там же. С. 371.

[399] *Чуев Ф.* Сто бесед с Молотовым. С. 30.

[400] Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы. М., 2004. С. 157.

[401] *Муратов Э.* Шесть часов с И. В. Сталиным на приеме в Кремле // Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи.

[402] Цит. по: Российская газета. 2008. 20 июня.

[403] Цит. по: Хрестоматия по отечественной истории. 1914—1945 гг. М., 1996. С. 498—504.

[404] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. С. 171.

[405] *Гальдер Ф.* Военный дневник. 1941—1942. М., 2000.

[406] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 2002. С. 281.

[407] *Герлиц В.* Германский Генеральный штаб. С. 328, 383.

[408] *Гот Г.* Танковые операции. М., 2006. С. 52.

[409] Там же. С. 149.

[410] *Микоян А.* Так было... С. 390.

[411] Там же. С. 391.

[412] *Панцов А.* Мао Цзэдун. М., 2007. С. 482.

[413] Цит. по: Церковный вестник. М., 2006. № 11.

[414] *Куманев Г.* Говорят сталинские наркомы. М., 2005. С. 323.

[415] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2002. С. 122.

[416] Там же.

[417] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки: В 4 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 136.

[418] *Горьков Ю.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 105.
[419] *Василевский А.* Дело всей жизни. С. 133.
[420] Цит. по: *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 85.
[421] Там же. С. 83.
[422] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. С. 176.
[423] *Куманев Г.* Говорят сталинские наркомы. С. 328.
[424] Там же.
[425] *Маленков А.* О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992. С. 44.
[426] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18. С. 243.
[427] Там же. С. 263.
[428] *Смирнов В. П.* Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 141.
[429] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18. С. 248.
[430] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 2003. С. 316.
[431] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 32.
[432] *Гареев М. А.* Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства. М., 1996. С. 71.
[433] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 8.
[434] *Симонов К.* Истории тяжелая вода. С. 122.
[435] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 2003. С. 599.
[436] *Симонов К.* Истории тяжелая вода. С. 123.
[437] *Микоян А.* Так было... С. 424.
[438] *Рыбин А. Т.* Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. С. 21.
[439] *Шпеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 258, 260, 261.
[440] *Бок Ф., фон.* Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники. 1941—1945. М., 2006. С. 219.
[441] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 27.
[442] Там же. С. 28, 29.
[443] *Рыбин А. Т.* Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. С. 27.
[444] *Симонов К.* Истории тяжелая вода. С. 81.
[445] Там же. С. 129, 130, 133, 134.
[446] *Маслов М. С., Зубков С. П.* Пёрл-Харбор. Ошибка или провокация? М., 2006. С. 325.
[447] *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 200, 201.
[448] Там же. С. 207.
[449] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. С. 288.
[450] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 67.
[451] *Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль... С. 223.
[452] Там же. С. 224.
[453] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 74.
[454] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы. Комментарии. 1941—1945. М., 2004. С. 157.
[455] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 65.
[456] *Куманев Г.* Говорят сталинские наркомы. С. 596.
[457] *Гальдер Ф.* Военный дневник. С. 797.
[458] Там же. С. 824.
[459] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 51, 52.
[460] *Дерр Г.* Поход на Сталинград // Роковые решения. М., 2003. С. 492.
[461] Цит. по: *Сиротинин Е. И.* Московский университет и советский атомный проект. М., 2005. С. 11.

[462] *Гальдер Ф.* Военный дневник. С. 884.
[463] Цит. по: *Печенкин А.* Искусство PR в исполнении Сталина // Независимое военное обозрение. 2002. № 34.
[464] Там же.
[465] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. С. 87.
[466] *Риббентроп А., фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. С. 198.
[467] *Соколов Б. В.* Василий Сталин. Сын «вождя народов». М., 2003. С. 79.
[468] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 135.
[469] Там же. С. 136.
[470] Там же. С. 138, 139.
[471] *Аллилуева К.* Племянница Сталина. М., 2006. С. 256.
[472] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 143.
[473] *Фалин В.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 342, 343.
[474] Times. 1919. 30 июля.
[475] *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 2. С. 512.
[476] Там же. С. 515.
[477] Переписка председателя Совета министров СССР, президента США и премьер-министра Великобритании во время Великой Отечественной войны: В 2 т. М., 1976. Т. 1. С. 74.
[478] *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 2. С. 519.
[479] Там же. С. 521, 522.
[480] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 132, 133.
[481] *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 2. С. 526.
[482] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18. С. 304.
[483] Переписка председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 97.
[484] *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 2. С. 547.
[485] *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным... С. 261.
[486] *Маленков А.* О моем отце Георгии Маленкове. С. 43, 44.
[487] *Верт Н.* История советского государства. С. 320.
[488] *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным... С. 286.
[489] Переписка председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 78.
[490] *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным... С. 310.
[491] Там же.
[492] *Рыбин А. Т.* Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. С. 37.
[493] *Жуков Ю.* Сталин: тайны власти. М., 2005. С. 219, 220.
[494] *Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль... С. 462.
[495] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 21.
[496] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. С. 585.
[497] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1988. С. 251.
[498] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война... С. 453.
[499] *Робертс Дж.* Победа под Сталинградом. М., 2003. С. 114.
[500] Цит. по: *Жуков Ю.* Сталин: тайны власти. С. 258, 259.
[501] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. С. 448, 449.
[502] *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным... С. 353.
[503] *Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль... С. 268.
[504] Там же. С. 367.
[505] *Фалин В.* Второй фронт... С. 539.
[506] Там же. С. 557.
[507] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. С. 574, 575.
[508] *Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт: человек и политик. М., 1981. С. 383.

[509] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18. С. 361.
[510] Там же. С 361, 362.
[511] Там же. С. 360, 362.
[512] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 59.
[513] Там же. С. 84, 85.
[514] Там же. С. 84.
[515] Там же. С. 127.
[516] *Эренбург И.* Война. М., 2004. С. 712.
[517] Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 330.
[518] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 330.
[519] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. С. 631.
[520] Там же. С. 632, 633.
[521] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 151.
[522] *Жданов Ю. А.* Взгляд в прошлое... С. 227.
[523] Россия в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 229, 236, 483, 509.
[524] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1984. С. 141.
[525] *Ергин Д.* Добыча... С. 423.
[526] Северные конвои. 1941—1945. В документах Архивного фонда Российской Федерации. М., 1993. С. 4—6.
[527] Цит. по: *Уткин А.* Мировая «холодная война». М., 2005. С. 342, 343.
[528] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 144.
[529] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945—1953. М., 2002. С. 398.
[530] Цит. по: *Уткин А.* Мировая «холодная война». С. 361.
[531] Там же. С. 362.
[532] Цит по: *Данилов А.* Высшие органы власти СССР в 1945—1952 годах // Россия в XX веке. Люди, идеи, власть. М., 2002. С. 22.
[533] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945—1953 гг. С. 197.
[534] Там же. С. 197, 198.
[535] Там же. С. 198, 199.
[536] Там же. С. 200.
[537] Там же. С. 201, 202.
[538] *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М., 1999. С. 91.
[539] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 457.
[540] Цит. по: *Уткин А.* Мировая «холодная война». С. 377.
[541] *Сталин И. В.* Избранные сочинения. Т. 3. С. 273.
[542] «Холодная война». 1945—1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 385.
[543] *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана / Пер. с англ. М., 2002. С. 468, 469.
[544] *Черчилль У.* Мускулы мира. М., 2004. С. 488.
[545] *Судоплатов П.* Спецоперации... С. 498, 499.
[546] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945—1953. С. 206.
[547] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. С. 588.
[548] Там же. С. 590.

[549] *Экштут С.* 1000 дней после Победы. М., 2006. С. 47—52.
[550] *Муранов А. И., Звягинцев В. Е.* Досье на маршала. М., 1996. С. 196.
[551] *Экштут С.* 1000 дней после Победы. С. 322.
[552] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945—1953. С. 221, 222.
[553] Там же. С. 223.
[554] *Ian Cobain* // The Gardian. 2006. 4. 04.
[555] Сталин и космополитизм. 1945—1953. М., 2005. С. 58.
[556] *Жуков Ю.* Сталин: тайны власти. С. 362.
[557] Сталин и космополитизм. 1945—1953. С. 68.
[558] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 3. С. 59, 60.
[559] Там же. С. 66.
[560] *Микоян А.* Так было... С. 564.
[561] *Ергин Д.* Добыча... С. 445.
[562] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров. 1945—1953. С. 45.
[563] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947. С. 31.
[564] Совешания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 300.
[565] Сталин и космополитизм. 1945—1953. С. 109.
[566] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 264.
[567] Сталин и космополитизм. С. 99.
[568] *Костырченко Г.* Тайная политика Сталина... С. 379.
[569] Там же. С. 384.
[570] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 149.
[571] *Костырченко Г.* Тайная политика Сталина... С. 393.
[572] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. М., 2005. Кн. 6—7. С. 256.
[573] *Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль... С. 476.
[574] Там же. С. 457.
[575] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. С. 130.
[576] *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Геополитические и хронологические работы. М., 2007. С. 274.
[577] *Пыжиков А., Данилов А.* Рождение сверхдержавы. 1945—1953 годы. М., 2002. С. 202.
[578] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1946—1953. С. 273.
[579] *Рахманин О. Б.* Страницы пережитого. М., 2005. С. 69.
[580] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 100.
[581] Цит. по: *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945—1985. М., 2006. С. 131—133.
[582] *Уткин А.* Мировая «холодная война». С. 483.
[583] «Холодная война». 1945—1963 гг. ... С. 345.
[584] Там же. С. 342.
[585] *Жданов Ю. А.* Взгляд в прошлое... С. 221, 222.
[586] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. С. 138.
[587] Очерки истории российской внешней разведки. М., 2003. Т. 5. С. 308, 309.
[588] *Стивен С.* Операция «Раскол». М., 2003. С. 165, 166.
[589] *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций. М., 1992. С. 419.
[590] Там же. С. 420.

[591] Там же. С. 423.
[592] *Соколов Б. В.* Василий Сталин. М., 2003. С. 166.
[593] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 144.
[594] Там же. С. 145.
[595] Там же. С. 151.
[596] *Судоплатов П.* Спецоперации... С. 510.
[597] *Аллилуев В.* Хроника одной семьи... С. 252, 253.
[598] *Жданов Ю. А.* Взгляд в прошлое... С. 256, 257.
[599] *Шепилов Д. Т.* Непримкнувший. М., 2000. С. 131.
[600] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров. 1945—1953. С. 59.
[601] Там же. С. 67.
[602] *Вознесенский Л. А.* Истины ради. М., 2004. С. 241.
[603] *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С. 434.
[604] Рассказ В. А. Садовничего автору (2006 г.).
[605] *Шепилов Д.* Непримкнувший. С. 152.
[606] «Холодная война». 1945—1963 гг. ... С. 260.
[607] *Попов И. М., Лавренов С. А., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. М., 2005. С. 73.
[608] Там же. С. 88.
[609] Цит. по: *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18. С. 551.
[610] *Панцов А.* Мао Цзэдун. С. 499.
[611] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18. С. 554.
[612] *Пепеляев Е. Г.* «МиГи» против «Сейбров». М., 2000. С. 110.
[613] *Берия С.* Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 403.
[614] *Мацкевич В.* Солдат империи, или История о том, почему США не напали на СССР. М., 2006.
[615] *Крамаренко С. М.* В небе двух войн. М., 2004. С. 198.
[616] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Указ. соч. С. 275.
[617] *Крамаренко С. М.* В небе двух войн. С. 201.
[618] *Судоплатов П.* Лубянка и Кремль... С. 509.
[619] Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991. М., 2003. С. 661.
[620] *Кеворков В.* Исповедь перед казнью: Из воспоминаний следователя по особо важным делам МГБ СССР. М., 2006. С. 96.
[621] *Брент Д., Наумов В.* Последнее дело Сталина. М., 2004. С. 41.
[622] Там же. С. 91.
[623] *Жуков Ю.* Сталин: тайны власти. С. 589.
[624] Там же. С. 591.
[625] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945—1953. С. 394, 395.
[626] *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть... С. 276.
[627] *Жданов Ю.* Взгляд в прошлое... С. 373.
[628] *Шепилов Д.* Непримкнувший. С. 184.
[629] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 3. С. 406, 407.
[630] *Маленков Г.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). М., 1952. С. 138, 139.
[631] Там же. С. 115.
[632] *Симонов К.* Истории тяжелая вода. С. 462, 463.
[633] Там же. С. 466.
[634] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945—1953. С. 393.
[635] Там же. С. 394.
[636] *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 679.

[637] *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М., 2002. С. 64.
[638] *Клаузевиц К.* О войне. М., 1941. Т. 2. С. 365.
[639] *Медведев Ж., Медведев Р.* Неизвестный Сталин. М., 2001.
[640] *Маленков А.* О моем отце Георгии Маленкове. С. 62.
[641] *Брент Д., Наумов В.* Последнее дело Сталина. С. 280, 281.
[642] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. С. 11—14.
[643] *Бобков Ф. Д.* Последние двадцать лет. Записки начальника политической контрразведки. М., 2006. С. 181.
[644] *Попов В. П.* Большая ничья. СССР от победы до распада. М., 2005. С. 88.
[645] *Маленков А.* О моем отце Георгии Маленкове. С. 99.
[646] *Варга Е. С.* «Вскрыть через 25 лет» (Предсмертные записки Е. С. Варги) // Политические исследования. 1991. № 3. С. 164.
[647] Совершенно лично и доверительно. Бахметьев Б. А. — В. А. Маклаков... Т. 3. С. 434.
[648] *Варга Е. С.* Указ. соч.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. В. СТАЛИНА

1879, 21 (9 ст. ст.) декабря — официальная дата рождения И. В. Сталина. Он родился в городе Гори Тифлисской губернии в семье православных крестьян Виссариона Ивановича и Екатерины Георгиевны Джугашвили. Согласно записям в метрической книге горийской соборной Успенской церкви дата рождения — 6 декабря (ст. ст.) 1878 года.

1888, сентябрь — 1894, июнь — учеба в четырехклассном Горийском духовном училище.

1894, 4 сентября — 1899, 29 мая — учеба в Тифлисской духовной семинарии (не окончил); участие в работе марксистского кружка в Главных тифлисских железнодорожных мастерских.

1899, 29 декабря — 1901, 28 марта — работа в Тифлисской физической обсерватории.

1901, 22 апреля — руководит первомайской демонстрацией в Тбилиси.
Сентябрь — избирается членом Тифлисского комитета РСДРП.

1902, 5 апреля — 1903, 19 апреля — арест и заключение в Батумской тюрьме.

1903, 27 ноября — 1904, 5 января — ссылка в село Новая Уда Балаганинского уезда Иркутской губернии; побег из ссылки.

1904 — участие в работе Кавказского союзного комитета РСДРП; руководство всеобщей стачкой в Баку.

1905 — партийная работа на Кавказе. Руководство конференцией Кавказского союза РСДРП. Участие в I Всероссийской конференции большевиков в Таммерфорсе в качестве делегата от Кавказского союза РСДРП.

1906 — участие в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме. Публикация серии статей «Анархизм или социализм?».

1907 — участие в работе V съезда РСДРП. Редактирует газету «Бакинский пролетарий». Руководит кампанией по выборам в Третью Государственную думу. Избирается членом Бакинского комитета РСДРП. Арест, заключение в Баиловской тюрьме в Баку. Высылка на два года в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции.

1909 — ссылка в Сольвычегодск; побег. Возвращение в Баку.

1910 — назначение уполномоченным ЦК РСДРП по Кавказу. Арест, высылка в Сольвычегодск.

1911 — окончание ссылки. Арест в Петербурге, высылка в Вологду под гласный надзор полиции.

1912 — на VI (Пражской) общепартийной конференции заочно избирается членом ЦК. Возглавляет Русское бюро ЦК. Побег из ссылки. Редактирует газету «Звезда» в Петербурге, соредактор номер один газеты «Правда». Арест, высылка под гласный надзор полиции в Нарымский край. Побег. Руководит кампанией по выборам в Четвертую Государственную думу. Участвует в совещании в Кракове членов социал-демократической думской фракции (под руководством В. И. Ленина).

1913 — пишет работу «Национальный вопрос и демократия». Совместно с Я. М. Свердловым редактирует «Правду». Арест, высылка в Туруханский край под гласный надзор полиции.

1914—1916 — пребывание в станке (поселке) Курейка за полярным кругом.

1917 — возвращение в Петроград. Вводится в редакцию «Правды», избирается членом Исполкома Петроградского Совета, членом ЦК пар-

тии, членом Политбюро, членом Центрального исполнительного комитета. Руководит совместно с Я. М. Свердловым II конференцией Петроградской организации большевиков, на которой выступает с отчетным докладом ЦК. Руководит совместно со Свердловым VI съездом партии, выступает с отчетным докладом. На II съезде Советов избирается членом ВЦИКа и назначается народным комиссаром по делам национальностей. Входит в состав Бюро ЦК (Ленин, Сталин, Свердлов).

1918 — назначен полномочным представителем РСФСР на переговоры с Украинской Центральной радой о заключении мирного договора. Назначен руководителем продовольственного дела на юге России. Председатель военного совета Северо-Кавказского военного округа. Член Совета рабоче-крестьянской обороны, заместитель председателя.

1919 — член партийно-следственной комиссии ЦК и Совета обороны (совместно с Ф. Э. Дзержинским) по выяснению причин сдачи Перми и восстановлению положения на Восточном фронте. Член Политбюро и Оргбюро ЦК. Нарком государственного контроля. Назначен на Петроградский фронт; назначен членом РВС Южного фронта. Награжден орденом Красного Знамени. Женитьба на Надежде Аллилуевой.

1920 — председатель Украинского совета трудовой армии. Председатель комиссии СТО по вопросам снабжения армии патронами, винтовками и пулеметами, а также работы патронных и оружейных заводов. Член РВС Юго-Западного фронта.

1921 — публикует тезисы «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Рождение сына Василия. Усыновление сына погибшего Федора Сергеева (Артема) — Артема. Поездка на Кавказ. Утвержден наркомом по делам национальностей и наркомом Рабоче-крестьянской инспекции.

1922, 3 апреля — по предложению В. И. Ленина на пленуме ЦК партии избран генеральным секретарем. Руководит комиссией пленума ЦК по разработке «Основных пунктов Конституции Союза Советских Социалистических Республик».

1923 — избирается на пленуме ЦК членом Политбюро и Оргбюро, представителем в ЦКК и по предложению В. И. Ленина утверждается генеральным секретарем ЦК.

1924 — на траурном заседании II съезда Советов СССР выступил с речью «По поводу смерти Ленина». Избран членом Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК и утвержден генеральным секретарем ЦК. Избран членом Исполкома и Президиума Исполкома Коминтерна.

1925 — на III съезде Советов СССР избран членом Президиума ЦИК СССР.

1926 — избран членом Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК и утвержден генеральным секретарем ЦК. Рождение дочери Светланы. Избран действительным членом Коммунистической академии.

1927 — на XIII Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИКа. На пленуме ЦК с участием членов Президиума ЦКК избран членом Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК и утвержден генеральным секретарем ЦК.

1928 — поездка в Сибирь в связи с неудовлетворительным ходом хлебозаготовок.

1929 — выступление на пленуме ЦК и ЦКК «О правом уклоне в ВКП(б)». Статья в «Правде» «Год великого перелома». Пятидесятилетний юбилей.

1930 — награжден вторым орденом Красного Знамени. Статья в «Правде» «Головокружение от успехов». На пленуме ЦК избран членом Политбюро, Оргбюро, Секретариата и утвержден генеральным секретарем ЦК. Утвержден членом СТО.

1931 — пишет ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства об отношении в СССР к антисемитизму. Контролирует и руководит экономическим строительством.

1932 — участие в работе IX Всесоюзного съезда профсоюзов. Создание Союза советских писателей. Написание закона «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Встреча на квартире у М. Горького с группой писателей. Самоубийство Надежды Аллилуевой.

1933 — доклад «Итоги первой пятилетки» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК. Поездка совместно с С. М. Кировым на Беломорско-Балтийский канал. Редактирование тезисов «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)» к XVII съезду ВКП(б).

1934 — Отчетный доклад на XVII съезде ВКП(б) о работе ЦК. Руководство съездом советских писателей. Спор с Горьким. Разговор с Борисом Пастернаком. Встреча с Гербертом Уэллсом. Обсуждение совместно с Кировым и Ждановым конспекта учебника «История СССР». Приезд в Ленинград в связи с убийством Кирова.

1935 — Политбюро утвердило постановление «О производстве арестов». Внесение поправок в проект Примерного устава сельскохозяйственной артели. Расследование дел «Московского центра» и «Кремлевского клубка». Выступление на съезде стахановцев. Решение отмечать столетнюю годовщину смерти А. С. Пушкина. Работа в Конституционной комиссии.

1936 — статья в «Правде» «Сумбур вместо музыки». Закрытое письмо ЦК парторганизациям о разоблачении террористических групп. Утверждение на пленуме ЦК текста первой Конституции СССР.

1937 — правка статьи М. Тухачевского «Военные планы нынешней Германии». Спор с Г. К. Орджоникидзе. Участие в пушкинских торжествах. Пленум ЦК, осуждение Н. Бухарина. Санкционирование арестов среди военных. Прием в Кремле участников спасения экипажа корабля «Челюскин».

1938 — решение поддержать Чехословакию в случае агрессии Германии. Заседание Главного военного совета РККА. Санкционирование боев на озере Хасан. Смерть Павла Аллилуева. Арест Станислава Реденса.

1939 — решение уволить из НКВД Н. Ежова. Назначение Л. Берии. Отчетный доклад XVIII съезду партии. Создание учебника «История ВКП(б). Краткий курс». Задание убить Л. Троцкого. Решение направить Г. Жукова руководить войсками на Халхин-Голе. Подписание договора с Германией.

1940 — отмена антицерковной директивы Ленина от 1919 года. Война с Финляндией; решение вести военные действия силами Ленинградского военного округа. Смещение К. Ворошилова с поста наркома обороны. Письмо академику Е. Варге. Выдвижение в Политбюро Н. Вознесенского, Г. Маленкова, А. Щербакова. Указание создавать стратегические резервы на случай войны.

1941 — присуждение Сталинской премии первой степени М. Шолохову («Тихий Дон»), Алексею Толстому («Петр I»), Сергееву-Ценскому

(«Севастопольская страда»). Убийство Л. Троцкого. Выступление перед выпускниками военных академий с призывом быть готовыми к войне. Назначение наркомом обороны и председателем СНК. Назначение председателем ГКО. Переговоры с представителем президента США Ф. Рузвельта Г. Гопкинсом, министром иностранных дел Англии А. Иденом. Приказ о назначении Г. Жукова командующим Западным фронтом.

1942 — приказ о наступлении на всех фронтах. Приказ о наступлении на Юго-Западном и Южном фронтах. Приказ № 227 «Ни шагу назад!». Встреча с академиками В. И. Вернадским и А. Ф. Иоффе и обсуждение проблемы ядерного оружия. Принятие плана Сталинградской операции. Переговоры с У. Черчиллем.

1943 — встреча с профессором И. В. Курчатовым. Утверждение плана Курской операции. Разговор по телефону с министром финансов А. Г. Зверевым о необходимости подготовки денежной реформы (состоялась в 1947 году). Тегеранская конференция. Посещение Сталинграда. Конфликт с дочерью Светланой.

1944 — переговоры с Черчиллем. Встреча с патриархом Алексием. Замужество Светланы.

1945 — Крымская конференция. Парад Победы. Потсдамская конференция. Указание форсировать работы над ядерным оружием. Проведение Поместного собора РПЦ. На приеме президента Чехословакии Э. Бенеша высказана идея создать союз славянских государств.

1946 — смещение Г. Жукова с поста командующего сухопутными войсками.

1947 — встреча с конструктором ракетной техники С. П. Королевым. Решение поддержать создание государства Израиль. Создание Коминформа.

1948 — попытка провести Вселенский собор в Москве. Блокада Западного Берлина. Разрыв с Югославией. Поддержка Мао Цзэдуна.

1949 — санкционирование «ленинградского дела». Второе замужество Светланы. Семидесятилетний юбилей. Прием китайской делегации во главе с Мао Цзэдуном. Утверждение проекта строительства высотных зданий в Москве.

1950 — участие СССР в корейской войне. «Дело ЕАК». Десятилетний план электрификации, «великих строек». Подписание советско-китайского договора о дружбе.

1951 — арест министра ГБ В. А. Абакумова. «Дело врачей». «Дело МГБ». «Мингрельское дело».

1952 — руководство работой над учебником «Экономические проблемы социализма в СССР». Выступление на XIX съезде партии. Формирование нового состава руководства страны.

1953, 5 марта, 21.50 — смерть И. В. Сталина.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Аллилуев В. Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталины. М., 2002.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.

Баграмян И. Так шли мы к победе. М., 1977.

Байбаков Н. Сорок лет в правительстве. М., 1993.

Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1980.

Бобков Ф. Д. Последние двадцать лет: Записки начальника политической контрразведки. М., 2006.

Беседовский Г. На путях к Термидору. М., 1997.

Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов в 1917—1956. М., 2005.

Брюс Локкарт Р. Г. История изнутри / Пер. с англ. М., 1991.

Булгаковы М. и Е. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001.

Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 2001.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 2002.

Витте С. Мои воспоминания: В 3 т. М., 1960.

Власть и художественная интеллигенция. М., 2002.

Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 2003.

Вознесенский Л. А. Истины ради. М., 2004.

Гуковский А. Ликвидация Пермской катастрофы. М., 1939.

Вторая мировая война. Взгляд из Германии / Пер. с нем. М., 2005.

Вторая мировая война. День за днем / Пер. с англ. М., 2005.

Гальдер Ф. Военный дневник. 1941—1942 / Пер. с нем. М., 2000.

Главный военный совет РККА. 13 марта 1930 г. — 22 июня 1940 г.: Документы и материалы. М., 2004.

Ворошилов К. Сталин и Красная Армия. М., 1938.

Год кризиса: Документы и материалы. 1938—1939: В 2 т. М., 1990.

Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М., 1990.

Гражданская война в СССР: В 2 т. М., 1986.

ГУЛАГ. 1918—1960. М., 2002.

ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2005.

Гурко В. Черты и силуэты прошлого. М., 2000.

Дело генерала Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г.: В 2 т. М., 2003.

Деникин А. Очерки русской смуты: В 6 т. Минск, 2002.

Дневники и документы личного архива Николая II. М., 2003.

Дуглас Г. Шеф гестапо Генрих Мюллер: Вербовочные беседы. М., 2000.

Дьяков Ю., Бушуева Т. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992.

Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое. Ростов н/Д., 2004.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М., 2002.

Залесский К. Империя Сталина. М., 2000.

Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005.

Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М., 1947.
Иосиф Сталин в объятиях семьи. М., 1993.
История Всесоюзной коммунистической партии большевиков: Краткий курс. М., 1945.
Каганович Л. Памятные записки. М., 2003.
Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана / Пер. с англ. М., 2002.
Керенский А. Россия на историческом повороте. М., 1992.
Керенский А. Дело Корнилова. Вермонт, 1987.
Коковцов В. Из моего прошлого: В 2 кн. М., 1992.
Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы / Сост. С. Пожарская, А. Саплин. М., 2001.
Конев И. С. Записки командующего фронтом. М., 2003.
Кондратьев Н. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
Крамаренко С. М. В небе двух войн. М., 2004.
Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991.
Куманев Г. Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001.
Культура и власть от Сталина до Горбачева. Кремлевский кинотеатр. 1928—1953. М., 2005.
Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.
Ларина-Бухарина А. Незабываемое. М., 2003.
Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1975—1976.
Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991. М., 2003.
Лубянка. Сталин и ВЧК—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 / Сост. В. Хаустов, В. Наумов, Н. Плотникова. М., 2003.
Лубянка и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938 / Сост. В. Хаустов, В. Наумов, Н. Плотникова. М., 2004.
Лубянка: Сталин и НКВД—КГБ—ГУКР СМЕРШ. 1938—1946. М., 2006.
Маленков А. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992.
Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1952.
Манштейн Э. Солдат XX века / Пер. с нем. М., 2006.
Майский И. Воспоминания советского дипломата. М., 1987.
Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: Исследование жизни и деятельности: В 2 т. М., 2005.
Мацкевич В. Солдат империи, или История о том, почему США не напали на СССР. М., 2006.
Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.
Милюков П. Воспоминания. М., 2000.
Милюков П. История второй русской революции. М., 2002.
Невежин В. Сталин о войне: застольные речи 1932—1945 гг. М., 2007.
Новикова С. Портрет отца в интерьере времени: Главный маршал авиации А. А. Новиков. М., 2000.
Никитин Б. Роковые годы. М., 2000.
Окороков А. Фашизм и русская эмиграция. М., 2002.
Очерки истории внешней разведки: В 6 т. М., 1996—2004.
Пепеляев Е. Г. «МиГи» против «Сейбров». М., 2000.
Переписка председателя Совета министров СССР и президента США и премьер-министра Великобритании во время Великой Отечественной войны: В 2 т. М., 1976.

Писатель и вождь: Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. 1931—1950 годы / Сост. Ю. Мурин. М., 1997.
Письма И. В. Сталина к В. М. Молотову. 1925—1936 гг. М., 1995.
Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923—1939. М., 2000.
Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945—1953. М., 2002.
Пятницкий В. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск, 2004.
Реввоенсовет республики. М., 1991.
Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы. Комментарии. 1941—1945. М., 2004.
Роковые решения: Сборник / Пер. с нем. Смоленск, 2003.
Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968.
Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.
Рыбин А. Т. Рядом со Сталиным: Записки телохранителя. М., 1992.
Сергеев А., Глущик Е. Беседы о Сталине. М., 2006.
Смоленщина на страницах американской исторической литературы / Под ред. Е. Кодина, М. Хики. Смоленск, 2000.
Совершенно лично и доверительно! Б. А. Бахметьев — В. А. Маклаков: Переписка. 1919—1951: В 3 т. М.; Стэнфорд, 2002.
Советская повседневность и массовое сознание. 1939—1945. М., 2003.
Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. М., 1998.
Спроге В. Записки инженера. М., 1999.
Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941. Сборник документов / Сост. Ю. Фельштинский. Нью-Йорк, 1989.
Сталин И. В. Сочинения: В 13 т. М., 1947—1951.
Сталин И. В. Сочинения. Т. 14—18. М.; Тверь, 1997—2006.
Сталин И. В. Избранные сочинения: В 3 т. Киров, 2004.
Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2005.
Сталин И. В. Речь на XIX съезде партии. М., 1952.
Сталин в воспоминаниях современников в документах эпохи / Сост. М. Лобанов. М., 2002.
Сталин и Каганович: Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001.
Сталин и космополитизм. 1945—1953. М., 2005.
Струве П. Дневник политика. 1925—1935. Париж; М., 2004.
Столыпин П. Переписка. М., 2004.
Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001.
Судоплатов П. Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930—1950-е годы. М., 2001.
Судьбы российского крестьянства: Сборник. М., 1996.
Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. Итоги Второй мировой войны / Пер. с нем. Смоленск, 2001.
Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2001.
Троцкий Л. Сталин: В 2 т. Вермонт, 1985.
Троцкий Л. К истории русской революции. М., 1990.
Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990.
Троцкий Л. Дневники и письма. М., 1994.
Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991.
Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. М., 1998.

Устрялов Н. Итальянский фашизм. М., 1999.
Устрялов Н. Национал-большевизм. М., 2005.
Фейхтвангер Л. Москва. 1937 г.: Отчет о поездке для моих друзей. Таллин, 1991.
Хрестоматия по отечественной истории: 1914—1945. М., 1996.
Хрестоматия по отечественной истории: 1946—1965. М., 1996.
Центральный Пушкинский комитет в Париже. 1935—1937 / Сост. М. Филин. В 2 т. М., 2000.
ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953. М., 2004.
Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1991.
Черчилль У. Мускулы мира / Пер. с англ. М., 2004.
Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.
Чуев Ф. Так говорил Каганович. М., 1992.
Чуковский К. Дневник. 1930—1969. М., 1994.
Шелленберг В. Лабиринт / Пер. с нем. М., 1991.
Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2000.
Шнейдер М. НКВД изнутри. М., 1995.
Шпеер А. Воспоминания / Пер. с нем. Смоленск; М., 1997.
Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: В 2 т. М., 2005.
Шульгин В. Дни. 1920. М., 1989.
Шульгин В. Три столицы. М., 1991.
Эренбург И. Война. М., 2004.
Яковлев А. С. Цель жизни: Записки авиаконструктора. М., 1987.

Исследования

Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.
Алексеев Н. Русский народ и государство. М., 1998.
Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. С. Снесарева. М., 2002.
Ахиезер А. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002.
Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. М., 2003.
Баландин Р., Миронов С. Дипломатические поединки Сталина. М., 2004.
Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002.
Безыменский Л. Гитлер и германские генералы. М., 2004.
Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Бок Ф. Я стоял у ворот Москвы: Военный дневник. 1941—1945 / Пер. с нем. М., 2006.
Брент Д., Наумов В. Последнее дело Сталина. М., 2004.
Бузгалин А., Колганов А. Сталин и распад СССР. М., 2003.
Быков Д. Пастернак. М., 2006.
Васецкий Н. Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев: Фрагменты политических судеб. М., 1989.
Васильева Л. Дети Кремля. М., 2001.
Вдовин А. И. Русская нация. М.. 1996.
Вебер М. О России. М., 2007.
Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001.
Верт Н. История советского государства. М., 1995.

Верхотуров Д. Сталин: Экономическая революция. М., 2006.
Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.
Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
Волков С. Шостакович и Сталин: художник и царь. М., 2004.
Волкогонов Д. Сталин: Политический портрет: В 4 кн. М., 1996.
Гайдар Е. Долгое время. М., 2005.
Гараевская И. Петр Пальчинский. М., 1996.
Гареев М. Маршал Жуков: Величие и уникальность полководческого искусства. М., 1996.
Гареев М. А. Неоднозначные страницы войны. М., 1993.
Герлиц В. Германский Генеральный штаб / Пер. с англ. М., 2005.
Гимпельсон Е. НЭП. Новая экономическая политика Ленина—Сталина: Проблемы и уроки. 20-е годы XX века. М., 2004.
Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.
Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006.
Грегори П. Политическая экономия сталинизма / Пер. с англ. М., 2006.
Громов Е. Сталин: искусство и власть. М., 2003.
Горьков Ю. Кремль. Ставка. Генштаб. М.; Тверь, 1995.
Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004.
Гот Г. Танковые операции / Пер. с нем. М., 2006.
Городецкий Г. Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Пер. с англ. М., 2000.
Губарев В. Белый архипелаг Сталина. М., 2004.
Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 2003.
Дамаскин И. Сталин и разведка. М., 2004.
Данилов С. Гражданская война в Испании. М., 2004.
Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве / Пер. с англ. М., 2004.
Джилас М. Лицо тоталитаризма / Пер. с серб. М., 1992.
Дойчер И. Троцкий: В 3 т. М., 2006.
Дунаев М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII—XX вв. М., 2002.
Емельянов Ю. Сталин: Путь к власти. М., 2002.
Емельянов Ю. Заметки о Бухарине. М., 1989.
Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Пер. с англ. М., 1999.
Жидков В., Соколов К. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть. СПб., 2001.
Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
Жуков Ю. Иной Сталин. М., 2003.
Жуков Ю. Сталин: операция «Эрмитаж». М., 2005.
Жуков Ю. Сталин: тайны власти. М., 2005.
Звягинцев А. Взлеты и падения вершителей судеб: Трагические страницы в биографии российских юристов. М., 2006.
Зиновьев А. Сталин — нашей юности полет. М., 2002.
Зубкова Е. Послевоенное советское общество и повседневность. 1945—1953. М., 1999.
Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1991.

Ивановский О. Ракеты и космос в СССР. М., 2005.
Илизаров Б. Тайная жизнь Сталина. М., 2003.
Ильинский М. М. Нарком Ягода. М., 2002.
Ирвинг Д. Атомная бомба Адольфа Гитлера / Пер. с англ. М., 2004.
Иоффе Г. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.
История России: XX век. М., 1999.
Кара-Мурза С. Гражданская война 1918—1921 — урок для XXI века. М., 2003.
Кара-Мурза С. Советская цивилизация от начала до великой Победы. М., 2004.
Карр Э. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917—1929. М., 1990.
Капченко Н. Политическая биография Сталина. Тверь, 2005—2006. Т. 1, 2.
Катков Г. Дело Корнилова. Париж, 1987.
Кеворков В. Исповедь перед казнью: Из воспоминаний следователя по особо важным делам МГБ СССР. М., 2006.
Клаузевиц К. О войне: В 3 т. М., 1941.
Кожинов В. Правда сталинских репрессий. М., 2005.
Кольцов М. Испанский дневник. М., 2005.
Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888—1938 гг. / Пер. с англ. М., 1988.
Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000.
Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина и антисемитизм. М., 2003.
Краснов В., Дайнес В. Неизвестный Троцкий. М., 2000.
Куняев Ст., Куняев С. Сергей Есенин. М., 1997.
Латур А. Рождение метрополии. Москва. 1930—1950. М., 2002.
Лекманов О. Мандельштам. М., 2004.
Леонтьева Т. Вера и прогресс: православное сельское духовенство во второй половине XIX — начале XX в. М., 2002.
Лесков В. Сталин и заговор Тухачевского. М., 2003.
Линдер И., Чуркин С. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна. 1919—1943. М., 2005.
Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. М., 2004.
Лота В. ГРУ и атомная бомба. М., 2002.
Макаревич Э. Политический сыск. История, судьбы, версии. М., 2001.
Маслов М. С., Зубков С. П. Пёрл-Харбор: Ошибка или провокация? М., 2006.
Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М., 2002.
Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. М., 2002.
Мельтюхов М. Освободительный поход Сталина. М., 2006.
Мельтюхов М. Советско-польские войны. М., 2001.
Манфред А. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978.
Минаков С. Сталин и его маршал. М., 2004.
Минаков С. Военная элита 20—30-х годов XX века. М., 2004.
Миронов Б. Социальная история России периода империи: В 2 т. СПб., 1999.
Мозохин О. ВЧК—ОГПУ: Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004.
Нарочницкая Н. За что и с кем мы воевали. М., 2005.
Наумов А. Фашистский интернационал: Покорение Европы. М., 2005.
Николаевский Б. Тайные страницы истории. М., 1995.

Ольденбург С. Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981.
Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991.
Осбринг С. Империя Нобелей / Пер. с англ. М., 2003.
Осипов В. Тайная жизнь Михаила Шолохова. М., 1995.
Островский А. Кто стоял за спиной Сталина. М., 2002.
Пайпс Р. Россия при большевиках / Пер. с англ. М., 1997.
Пайпс Р. П. Струве: левый либерал: В 2 т. М., 2001.
Панцов А. Мао Цзэдун. М., 2007.
Перегудова З. Политический сыск России. М., 2000.
Петров А. Московская буржуазия в начале века. М., 2002.
Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005.
Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945—1985: В 2 т. М., 2006.
Плотников К. Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954.
Полянский А. Ежов: История «железного» сталинского наркома. М., 2001.
Попов В. П. Большая ничья: СССР от Победы до распада. М., 2005.
Попов И. М., Лавренов С. А., Богданов В. Н. Корея в огне войны. М., 2005.
Прайсман Л. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.
Прудникова Е. А. Берия. Преступления, которых не было. СПб., 2005.
Пыжиков А., Данилов А. Рождение сверхдержавы. 1945—1953 годы. М., 2002.
Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде / Пер. с англ. М., 2003.
Рапопорт В., Геллер Ю. Измена Родине. М., 1995.
Рахманин О. Б. Страницы пережитого. М., 2005.
Ржевская Е. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 2004.
Робертс Дж. Победа под Сталинградом / Пер. с англ. М., 2003.
Роговин В. Сталинский неонэп. М., 1994.
Рыбас Е. Российские вожди в борьбе, любви и смерти. М., 2002.
Рыбас С. Столыпин. М., 2003.
Рыбас С. Генерал Кутепов. М., 2000.
Рыбас С., Рыбас Е. Сталин. Судьба и стратегия: В 2 т. М., 2007.
Савченко В. Симон Петлюра. Харьков, 2004.
Сахаров В. Политическое завещание Ленина. М., 2003.
Сахаров Вс. Михаил Булгаков: писатель и власть. М., 2003.
Серков А. История русского масонства. 1845—1945. СПб., 1997.
Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 3, 4.
Симонов К. Истории тяжелая вода. М., 2005.
Сиротинин Е. И. МГУ и советский атомный проект. М., 2003.
Слассер Р. Сталин в 1917 году. М., 1998.
Смирнов В. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005.
Соболев В. Русская этнокультурная система: внутренние войны за политическую власть и духовную культуру. М., 2007.
Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ: В 3 т. М., 1989.
Соловьев С. История России с древнейших времен: В 28 т. М., 1988. Т. 3.
Стивен С. Операция «Раскол» / Пер. с англ. М., 2003.
Соколов Б. В. Василий Сталин. М., 2003.
Суханов Н. Записки о революции. М., 1991.
Тайны и уроки зимней войны. 1939—1940. СПб., 2000.
Такер Р. Сталин у власти / Пер. с англ. М., 1997.

Тери Э. Экономический обзор России в 1914 году / Пер. с фр. Париж, 1976.

Теплицын В. Пиренеи в огне. Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М., 2003.

Тушис М. ВЧК: Война кланов. М., 2004.

Улам А. Большевики: Причины и последствия переворота 1917 года / Пер. с англ. М., 2004.

Усов В. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002.

Уткин А. Первая мировая война. М., 2001.

Уткин А. Вторая мировая война. М., 2003.

Уткин А. Унижение России. Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004.

Уткин А. Русско-японская война. М., 2005.

Уткин А. Мировая «холодная война». М., 2005.

Фалин В. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000.

Фуллер Дж. Вторая мировая война. 1939—1945 гг.: Стратегический и тактический обзор / Пер. с англ. М., 2006.

Хайрюзов В. Воздушный меч России. М., 2006.

Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993.

«Холодная война». Историческая ретроспектива: Сборник. М., 2003.

Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005.

Хостинг Дж. История Советского Союза / Пер. с англ. Смоленск, 2000.

Черепанов В. Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М., 2006.

Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронологические работы. М., 2007.

Черкасов П. Институт мировой экономики и международных отношений: Портрет на фоне эпохи. М., 2004.

Черушев Н. Невиновных не бывает. М., 2004.

Черушев Н. Удар по своим. Красная армия. 1938—1941. М., 2003.

Чертопруд С. Научно-техническая разведка. М., 2002.

Швабедиссен В. Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации / Пер. с нем. Минск, 2002.

Широкорад А. Россия и Китай: Конфликты и сотрудничество. М., 2004.

Шишкин О. Убить Распутина. М., 2000.

Шиссер Г., Трауман Й. Русская рулетка: Немецкие деньги для русских большевиков / Пер. с нем. М., 2004.

Шишов А. Неизвестные страницы Русско-японской войны. М., 2004.

Шубин А. Вожди и заговорщики. М., 2004.

Эндрю К., Гордиевский О. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева / Пер. с англ. М., 1990.

Экштут С. 1000 дней после Победы. М., 2006.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 2005.

Яковлев Н. Н. Сталин: путь наверх. М., 2000.

Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 2002.

Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт: человек и политик. М., 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

Рыбас С. Ю.
Р 93 Сталин / Святослав Рыбас. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 902[10] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1190).
ISBN 978-5-235-03281-1

Сталина называют диктатором, что совершенно точно отражает природу его тотальной власти, но не объясняет масштаба личности и закономерностей его появления в российской истории. В данной биографии создателя СССР писатель-историк Святослав Рыбас освещает эти проблемы, исходя из утверждаемого им принципа органической взаимосвязи разных периодов отечественного исторического процесса. Показаны повседневная практика государственного управления, борьба за лидерство в советской верхушке, природа побед и поражений СССР, влияние международного соперничества на внутреннюю политику, личная жизнь Сталина.

На фоне борьбы великих держав за мировые ресурсы и лидерство также даны историко-политические портреты Николая II, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Ф. Рузвельта, У. Черчилля, Мао Цзэдуна, И. Броз Тито, А. Гитлера, а также участников соперничавших групп из окружения Сталина.

УДК 94(47+57)(092)"19"
ББК 63.3(2)6-8Сталин

Рыбас Святослав Юрьевич
СТАЛИН

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **И. В. Черников**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технические редакторы **М. П. Качурина, В. В. Пилкова**
Корректоры **Л. М. Логунова, Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 04.06.2009. Подписано в печать 06.08.2009. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 47,88+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 93148

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://mg.gvardiya.ru. E-mail:dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03281-1

Святослав Рыбас

Святослав Юрьевич Рыбас — писатель и общественный деятель. Автор политических биографий: «Столыпин», «Сталин. Судьба и стратегия», «Генерал Кутепов», «Генерал Самсонов», а также исторических романов о Гражданской войне и Добровольческой армии. Являлся членом рабочей группы по восстановлению памятника российским воинам в Галлиполи (Турция). Возглавлял Фонд восстановления храма Христа Спасителя. Член Попечительского совета храма Христа Спасителя.

Сталина называют диктатором, что совершенно точно отражает природу его тотальной власти, но не объясняет масштаба личности и закономерностей его появления в российской истории. В данной биографии создателя СССР писатель-историк Святослав Рыбас освещает эти проблемы, исходя из утверждаемого им принципа органической взаимосвязи разных периодов отечественного исторического процесса. Показаны повседневная практика государственного управления, борьба за лидерство в советской верхушке, природа побед и поражений СССР, влияние международного соперничества на внутреннюю политику, личная жизнь Сталина.

ISBN 978-5-235-03281-1
9 785235 032811 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ